

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

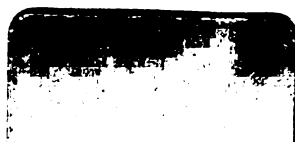
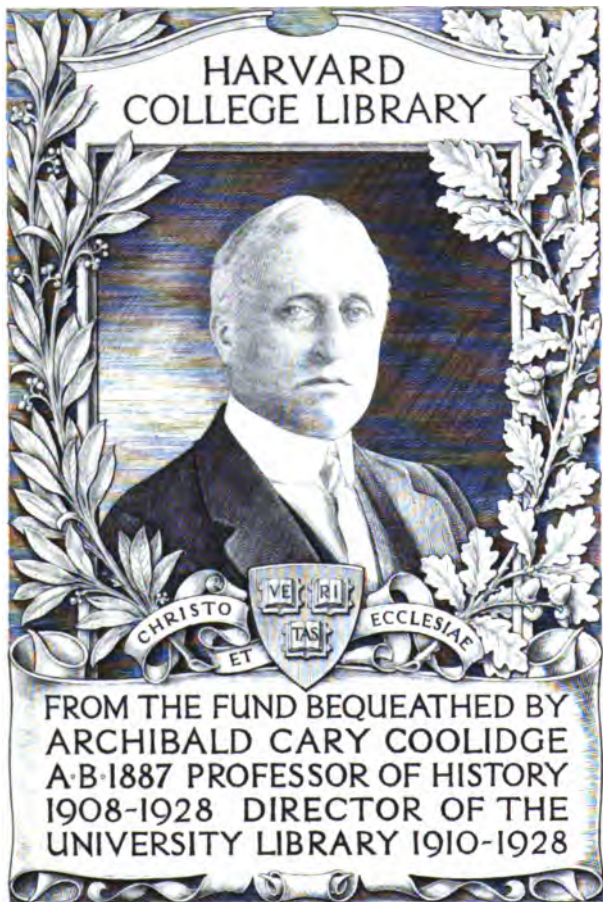
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 022 601 637

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ТОМЪ XV

№ 0/140-

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ XV

1884

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1883

Digitized by Google

~~Slaw 25.15~~

P Slaw 381.10

ARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COLLINGS
JULY 1 1922

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1884 ГОДУ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ПЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1884 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1880—1883).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Редакція, вполне обеспеченная разнообразнымъ литературнымъ матеріаломъ, обратитъ особенное вниманіе на рисунки и обязательно будетъ давать въ каждой книжкѣ журнала нѣсколько иллюстрацій (въ 1883 году въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ помѣщено болѣе 130 гравюръ).

Для приложенія въ 1884 году къ „Историческому Вѣстнику“ редакція приобрѣла отъ лейпцигскаго издателя Шпамера право изданія иллюстрированнаго (40-ка гравюрами на деревѣ) культурно-историческаго очерка Адольфа Глазера „Саванарола“.

Для первыхъ книжекъ „Историческаго Вѣстника“ 1884 года въ распоряженіи редакціи уже находятся статьи слѣдующихъ писателей:

Д. В. Аверкіева, А. В. Арсеньева, Н. В. Берга, Ф. И. Булгакова, В. П. Вуренина, А. Я. Вутковской, И. Д. Вѣлова, Н. А. Вѣловской, Е. М. Гаршина, В. И. Герье, И. А. Добротворскаго, И. И. Дубасова,

Г. В. Есипова, И. Н. Захарьина, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, Е. П. Карновича, А. И. Кирпичникова, Н. М. Коншина, М. С. Корелина, Н. И. Костомарова, Д. А. Корсакова, А. Н. Корсакова, В. Д. Кренке, Н. С. Кутейникова, Д. П. Лебедева, Н. С. Лёскова, В. Н. Майнова, С. В. Максимова, П. К. Мартыанова, А. Н. Маслова, Л. С. Мацёвнича, А. П. Милюкова, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, А. И. Незеленова, В. И. Нежировича-Данченко, Н. И. Петрова, А. С. Пругавина, Д. Н. Садовникова, графа Е. А. Сальяса, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевскаго, В. Я. Стоюнина, М. И. Сухомлинова, С. Н. Терпигорева, П. С. Усова, Ф. Н. Устрялова, М. К. Цебриковой и др.

Гравюры для иллюстраціи статей заказаны преимущественно граверамъ: Паннемакеру въ Парижѣ и Зубчанинову въ Петербургѣ.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, д. № 38, и въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы, при московскомъ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Кузнечкій мостъ, д. Третьякова.

Въ главной конторѣ можно получать оставшіяся, въ весьма ограниченномъ числѣ, экземпляры „Историческаго Вѣстника“ за прошлые годы (1883 года остается 21 экз.). Цѣна каждому году, со всѣми приложеніями, десять рублей съ пересылкой и доставкой.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ И МАРТЬ 1884 ГОДА).

	СТР.
Ксенія Борисовна Годунова. Н. И. Костомарова	7
<i>Иллюстрація:</i> Ксенія Годунова у Самованца. Картина Неврева (на отдѣльномъ листѣ). — Убіѣство Маріи и Фёдора Годуновыхъ. Картина Маковского (на отдѣльномъ листѣ).	
Соціалистъ прошлаго вѣка. Историческая повѣсть. Д. Л. Мордовцева	24, 261
Императоръ Николай Павловичъ — цензоръ и критикъ сочиненій Пушкина. (По неизданнымъ документамъ). М. И. Сухомятинова	55
Отрывокъ изъ воспоминаній. Ө. Ө. Кокоскинъ. А. П. Миллюкова .	88
Факсимиле одной изъ рукописей И. О. Тургенева	97
<i>Иллюстрація.</i> Факсимиле первой страницы разсказа «Бирюкъ».	
Учено-литературная дѣятельность Д. И. Иловайскаго . (По поводу его юбилея). Д. Д. Языкова	100
<i>Иллюстрація:</i> портретъ Д. И. Иловайскаго.	
Повстанскія походженія Сигизмунда Сулимы. Н. В. Верга .	107
Разсказы о быломъ. А. Н. Корсакова	133
Изъ частной жизни Гладстона. К. Н. В.	144
<i>Иллюстрація:</i> Гладстонъ въ своей библіотекѣ. — Древній замокъ Гаурденъ. — Новый замокъ Гаурденъ. — Гербертъ и В. Г. Гладстона. — Миссисъ Гладстонъ. — Гладстонъ и его сестра (1814 г.).	
Документальная исторія чорта. В. Р. Зотова	158
Дочь королевы Викторіи. Ө. И. Вулгакова	173
Сторонники воцаренія Екатерины II. Д. А. Корсакова . . .	231
<i>Иллюстрація:</i> Императрица Екатерина II (на отдѣльномъ листѣ). — Графъ Г. Г. Орловъ. — Графъ Н. И. Панинъ. — Бнягиня Е. Р. Дашкова. — Медаль, выбитая въ честь канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина.	
Въ немпоной странѣ. Изъ воспоминаній. С. В. Максимова .	300, 506
<i>Иллюстрація:</i> Слѣпой остякъ. — Видъ Амура по выходѣ изъ Хинганскаго хребта. — Сибирскіе казаки (два рисунка). — Сибирскія казачки. — Старовѣры сибирскіе.	
Семейство Тургеневыхъ. Изъ воспоминаній. О. В. Аргамаковой .	324
Пушкинская гречанка. Сообщ. Х. С. Кярова	337

Памяти архієпископа Одесскаго Дмитрія. К. В.	341
<i>Иллюстрація:</i> Портретъ архієпископа Дмитрія.	
Учено-литературная дѣятельность П. И. Мельникова. (По поводу годовщины со дня его смерти). Д. Д. Языкова	346
Испорченная жизнь. Е. М. Гаршина	351
Воспоминаніе о Р. А. Фадѣевѣ. П. С. Усова	371
Понятія о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 года. В. И. Герье	380
Отецъ современной биологіи. Н. Н.	391
<i>Иллюстрація:</i> Портретъ Дарвина (на отдѣльномъ листѣ). — Рабочій кабинетъ Дарвина. — Домъ Дарвина (видъ изъ сада). — Видъ того же дома съ прилегающей дороги. — Оранжерея, въ которой Дарвинъ производилъ свои опыты и наблюденія. — Мѣсто обычной прогулки Дарвина.	
Французское общество во время Крымской войны. В. Р. Зотова	403
Полемическія статьи Пушкина. (По неизданнымъ документамъ). М. И. Сухомлинова	463
<i>Иллюстрація:</i> Булгаринъ въ молодыхъ годахъ. — Булгаринъ въ пожилыхъ годахъ.	
Таинственный свертокъ. Историческій разсказъ. К. К. Случевского	528
Воспоминанія о службѣ въ Бѣлоруссіи въ 1864—1870 годахъ. Гл. I—III. И. Н. Захарьина	538
Лермонтовъ и цензура. Ө. И. Вулгакова	566
<i>Иллюстрація:</i> Лермонтовъ на смертномъ одрѣ. — Домъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, и церковь, въ которой онъ похороненъ, въ селѣ Тарханахъ.	
Изъ моихъ воспоминаній. Гл. XLIX—LX. П. С. Усова	575
Убійство М. А. Стаховича. М. И. Городецкаго	594
Идеи о народномъ образованіи въ екатерининское время. И. В.	600
Русскія почты въ XVII и началѣ XVIII столѣтія. Е. П. Карновича	615
Герцогъ Рейхштатскій. Статья Фр. Гогенгаузена	626
<i>Иллюстрація:</i> Король Римскій въ дѣтствѣ. — Герцогъ Рейхштатскій на смертномъ одрѣ.	
Послѣдніе годы второй имперіи. В. Р. Зотова	635
ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ. В. Г. К.	175
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:	

Сочиненія Д. И. Иловайскаго. М. 1884. **И. М. В.** — Мининъ и Пожарскій. Прямые и Кривые въ Смутное время. **И. Забѣлина**. М. 1883. **Мих. И.—евича**. — Родъ князей Зацѣпныхъ. Историческій романъ Шардина. Два тома. Спб. 1883. **А. М.** — Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки **Ө. М. Достоевскаго**. Съ портретомъ и приложеніями. Спб. 1883. **Е. Г.** — Сборникъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпуски 3-й и 4-й. М. 1883. **П. У.** — Духовное образованіе и духовная литература

тура въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованіе А. Архангельскаго. Казань, 1883. М. Н. В. — Живописная Россія. Томъ одиннадцатый. Западная Сибирь. Изданіе товарищества М. О. Вольфа. Спб. 1884. с. ш. — Сочиненія П. И. Якушкина. Изданіе В. Михневича. Спб. 1884. В. 3. — Архивъ князя Воронцова. Книга 29-я. М. 1883. П. У. — Возраженіе на рѣчь Эрнеста Ренана «Исламъ и наука» петербургскаго магометанскаго ахуна Атаула Баязитова. Спб. 1884. Мм. — Петербургскій некрополь. Составилъ В. Саитовъ. М. 1883. Е. М. — Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей. Изъ записной книжки П. Мартыанова. Спб. 1884. З. Т. В. — Преображенское или Преображенскъ. Ивана Забѣлина. М. 1883. Мм. — Литературная дѣятельность Тургенева; критическій взглядъ. В. Вуренина. Спб. 1884. В. 3. — Указатель къ изданіямъ общества исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ за 68 лѣтъ, съ 1815 по 1883 г. М. 1883. М. Н. В. — Воспоминанія крестьянина А. Артынова. М. 1883. П. У. — Путеводитель по Вильнѣ и ея окрестностямъ. Вильна. 1883. М. П. — Путеводитель по городу Ростову. А. А. Титова. М. 1883. П. У. — Литовскіе евреи. С. Вершацкаго. Спб. 1884. В. 3. — Греко-болгарскій вопросъ. В. Теплова. Спб. 1884. М. Н. — Очеркъ исторіи Почаевской лавры. А. Хайнацкаго. Спб. 1883. П. С. — П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій), его жизнь и литературное значеніе. Н. Невзорова. Казань. 1883. Б. Р. — Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. М. И. Семенова. Спб. 1884. М. Н. В. — Николай Любавичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Варшава, 1883. М. С. И. — Очерки изъ исторіи Украинской литературы XIX столѣтія. Н. И. Петрова. Кіевъ. 1884. З. Т. В. — Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. И. И. Дубасова. Вып. I. Москва, 1883. М. Б. — «Домострой» по списку императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ. Москва, 1883. Е. М. — Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 3. Тифлисъ, 1884. — Кубанская справочная книжка; сост. Фелицынъ. — Кубанскій сборникъ; подъ редакціей Фелицына. Т. I. Екатеринбургъ, 1884. В. 3. — Географическій словарь западно-славянскихъ и югославянскихъ земель и прилежащихъ странъ. Сост. Я. Головацкій. Вильна, 1884. Е. Г. — Хроника русскаго театра Носова; съ предисловіемъ Е. В. Барсова. Москва, 1883. В. 3. — Ежегодникъ Владимирскаго статистическаго комитета. Т. IV. Владимиръ, 1880. Н. Д.—слага. — Исторія XIX вѣка. Мышле. Т. II. Переводъ подъ редакціей М. Цебриковой. Спб. 1884. В. 3. — Общій обзоръ дѣятельности петербургскаго филармоническаго общества. Составилъ Е. Альбрехтъ. Спб. 1884. М. Н. — Чтенія по исторіи западной Россіи. М. Кояловича. Новое изданіе. Спб. 1884. М. С. И. 185, 419, 651

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . 205, 438, 674

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

Рассказъ объ императорѣ Александрѣ I. Сообщ. П. С. Бѣльскимъ. — Происхожденіе одного казеннаго заведенія. Сообщ. Н. Л. Редіенскимъ. — Къ біографіи князя П. И. Вагратіона. Сообщ. Н. А. Добровольскимъ. — Русская фехтовальная пѣснь. Сообщ. П. Я. Дашковскимъ. — Къ эпохѣ графа Берга въ Варшавѣ. Сообщ. Ю. Ф. Ш. . . 212, 447, 684

СМѢСЬ:

Памятникъ императору Александру II. — Трехсотлѣтній юбилей русскаго Гуттенберга. — Юбилей Д. И. Иловайскаго. — Юбилей графа Д. А. Милютина. — Шестой археологическій съѣздъ въ Одессѣ. — Новое изданіе сочиненій Ватюшкова. — Два духовныхъ юбилея. — Памятникъ Пушкину въ Клишиневѣ. — Новооткрытая драма XVIII вѣка. — Памятникъ великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ. — Столѣтіе Мраморнаго дворца. — Четырехсотлѣтняя годовщина Цвингли. — Полувѣковой юбилей архіепископа Автонія. — Юбилей Ѳ. Ѳ. Веселаго. — Юбилей А. И. Савельева. — Столѣтняя годовщина рожденія Гнѣдича. — Двадцатипятилѣтній юбилей картографическаго искусства. — Историко-этнографическій музей въ Ростовѣ. — Рефератъ профессора Ключевскаго о хлѣбной мѣрѣ въ древней Россіи. — Церковь въ селѣ Останкинѣ. — Некрологи: А. И. Кошелева; Н. А. Корфа; В. В. Маркова; Генри Мартена; Франсуа Ленормана; Ростислава Андреевича Фадѣева; Дмитрія Николаевича Садовникова; Иннокентія Васильевича Федорова; Михаила Осиповича Косинскаго; Иларіона Егоровича Кабанова; Эдуарда Ласкери; М. Е. Ковалевскаго; П. П. Чубинскаго; С. Д. Полтарядскаго; С. И. Турбина; Эжена Руэра. 215, 450, 689

Лермонтовскій музей. Ѳ. И. Вулгазова	225
По поводу картины Рѣпина: «Царевна Софья приводитъ къ присягѣ стрѣльцовъ»	698

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

Для памяти редакціи «Русскаго Архива». П. П. Наратыгина. — Къ некрологу В. В. Маркова. — По поводу статьи «Происхожденіе одного учебнаго заведенія». Д. П. Родіонова. — Дополненіе къ статьѣ «Учено-литературная дѣятельность Д. И. Иловайскаго». 459, 699

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Саванарола. Культурно-историческій очеркъ изъ временъ возрожденія во Флоренціи и Римѣ. Адольфа Глазера. Главы I—VI.

Иллюстраціи: Саванарола во Флоренціи во время карнавала 1497 года (на отдѣльномъ листѣ). — Нынѣшній городъ Флоренція. — Босьма Медичи. — Дворецъ Пацци во Флоренціи. — Заговоръ Пацци. — Данте. — Дворецъ Медичи во Флоренціи. — Свадебный поѣздъ Катаррины Корнаро. — Лоренцо Медичи. — Видъ города Фамагоста на Кипрѣ. — Венеціанская галера. — Папская крѣпка (склепъ) въ катакомбахъ Каликта. — Катарина Корнаро. — Ватиканъ въ Римѣ. — Гэтто въ Римѣ.

2) Картина Рѣпина: „Царевна Софья приводитъ къ присягѣ стрѣльцовъ“. Цинкографическій снимокъ Э. Гальера въ Берлинѣ.

КСЕНИЯ БОРИСОВНА ГОДУНОВА.

(По поводу картины художника Неврева.)

В РУССКОЙ исторіи едва ли найдется такой грустный женскій образъ, какъ образъ царевны Ксеніи Борисовны. Судьба какъ будто измышленно и утонченно сопоставила для нея все, чтобъ сдѣлать ее несчастною и притомъ такъ, чтобъ она какъ возможно сильнѣе ощущала свое горе. По извѣстному поэтическому выраженію Данта, всякое злополучіе тѣмъ тяжелѣе и невыносимѣе, чѣмъ болѣе предшествовало ему благополучіе. Въ жизни Ксеніи это выразилось самымъ явительнымъ способомъ. Она родилась въ эпоху блестящихъ надеждъ для ея родителя, когда все, казалось, пророчило всему роду Годуновыхъ величайшія земныя блага; ея дѣтство и отрочество протекали въ добрѣ и холѣ, среди всякаго избытка окружавшаго знатную русскую семью; она возрастала подъ непрерывными ласками родителей и родныхъ, а достигши лѣтъ взрослой дѣвицы, очутилась первою по знатности дѣвицею на Руси, единственною дочерью царя. Природа надѣлила ее красотою и, судя по оставшемуся въ Кубасовскомъ хронографѣ описанію ея наружности, она представляла собою типъ великорусской красной дѣвицы, какъ создаетъ ее народная пѣсенная поэзія ¹⁾. Какого еще

¹⁾ Отрочество чуднаго домышления зѣлою красотою лѣпа, бѣла и лицемъ румяна, очи имѣя черны велики, свѣтлостію блистаяся, когда же въ жалости слезы от очю испущаше, тогда наипаче свѣтлостію зѣлою блисташе, бровми союзна, тѣломъ изобильна, млечно бѣлостію облянна, возрастомъ ни высока, ни ниска, власы имѣя черны велики, аки трубы по плечемъ лежаху (Рус. Достоп. 1, 174).

благополучія для дѣвицы! Если бы она родилась царевною, то и вполнину не испытала бы того наслажденія, какое должна была ощущать когда стала царевною, не бывши ею съ колыбели. Такого благополучія было мало. Судьба, казалось, доставляла ей то, въ чемъ отказывала вообще другимъ русскимъ царевнамъ, осуждаемымъ за свой почетъ на всегдѣшнее одиночество, ради того только, что отдавать ихъ въ замужество за иновѣрцевъ считалось грѣхомъ, а православнаго мужчины, который по своему происхожденію достоинъ бы былъ руки царской дочери, не находилось. Съ Ксеніей было не такъ. Ея отецъ хотѣлъ во что бы то ни стало дать въ женихи своей дочери какого нибудь иноземнаго принца высокаго рода, не жалѣя надѣлать его удѣломъ изъ своихъ обширныхъ владѣній. Попытки въ этомъ родѣ слѣдовали одна за другою: неудачи не останавливали чадолюбиваго родителя, какъ вдругъ неожиданнѣйшій ударъ судьбы разбилъ въ прахъ всѣ его замыслы и надежды. Царевна стала свидѣтельницею внезапнаго паденія своего рода, на ея глазахъ совершается трагическая смерть матери и брата; она остается горемычною сиротою, безъ родныхъ, безъ друзей, отдается на посрамленіе врагу, захватившему престолъ отца ея; нѣсколько времени противъ воли служитъ предметомъ его гнусной забавы и, наконецъ, въ угоду ожидаемой въ жены царю иноземкѣ, отсылается въ монастырское заточеніе. И тутъ еще не окончены ея страданія! Ей суждено еще разъ, уже подъ иноческою одеждою, достаться на поруганіе дикой военной толпѣ... нѣтъ бѣднѣжкѣ покоя и въ святыхъ стѣнахъ отшельницъ, нѣтъ ей успокоенія отъ ударовъ судьбы, пока не успокоится вся Россія, ввбаламученная грѣхами отца ея.

Этотъ образъ злополучнѣйшей изъ русскихъ женщинъ не созданъ вымысломъ поэта: онъ существовалъ нѣкогда въ дѣйствительности. Неудивительно, что этотъ образъ былъ излюбленъ нашими художниками, посвящавшими свой талантъ изображенію событій отечественной исторіи. Назадъ тому лѣтъ двадцать, на выставкѣ въ Академіи Художествъ мы любовались картиною г. К. Маковского, изображающею страшное событіе смерти Борисовой жены и сына; царевна Ксенія изображена здѣсь плачущею надъ трупомъ только что предъ тѣмъ удавленной матери, а за нею убійцы расправляются съ ея братомъ Федоромъ Борисовичемъ. Съ этой картины къ настоящей книгѣ «Историческаго Вѣстника» прилагается копія въ гравюрѣ исполненной г. Зубчаниновымъ. По нашему мнѣнію, это лучшее произведеніе талантливаго художника¹⁾; но оно мало было оцѣнено въ свое время. Тогда у знатоковъ господствовалъ вкусъ къ рутинной живописи съ античными позами; картину г. Маковского находили слишкомъ реальною и грубою, ставили ей въ недостатокъ даже вѣрность исторіи, однимъ словомъ — инициали за то, что составляло въ ней достоинства. Въ болѣе не-

давнее время явилась другая картина изъ жизни Ксеніи Борисовны, не менѣе талантливаго художника г. Неврева, снимокъ съ которой также прилагается къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ прекрасно сдѣланной гравюрѣ извѣстнаго гравера Паннемакера. Художникъ избралъ тотъ моментъ, когда Рубецъ-Мосальскій, въ девѣ погибели Борисова семейства взявшій Ксенію къ себѣ въ домъ съ цѣлію доставить ее въ жертву сластолюбію новаго царя, приводитъ ее къ названому Димитрію. По поводу этого художественнаго произведенія мы позволимъ себѣ нѣсколькими словами помянуть изображенную въ картинѣ г. Неврева историческую личность.

Борисъ Годуновъ еще за долго до своего воцаренія былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ сановниковъ, которые начинали сознавать необходимость просвѣщенія и убѣждались, что это просвѣщеніе можетъ водвориться въ Россіи не иначе, какъ чрезъ сближеніе съ Западною Европою.

Еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ онъ постоянно благопріятствовалъ англичанамъ, которые вели торговыя сношенія съ Россіею. То же самое было еще въ большей степени при царѣ Федорѣ Ивановичѣ, при которомъ, вслѣдствіе слабоумія государя, всѣмъ государствомъ управлялъ онъ, Борисъ Годуновъ. Когда, по кончинѣ царя Федора Ивановича, Борисъ былъ избранъ на престолъ, тогда его просвѣтительныя намѣренія стали высказываться вполне. Онъ не только дозволилъ нѣмцамъ, жившимъ близъ столицы въ Нѣмецкой слободѣ, построить себѣ церковь для отправленія богослуженія по своимъ обрядамъ (что очень не нравилось приверженцамъ старины), не только привлекалъ во множествѣ иноземцевъ въ военную службу, съ цѣлію устроить войско по западноевропейскому образцу, не только приглашалъ въ Россію опытныхъ «рудознатцевъ» для отысканія золотыхъ и серебрянныхъ рудъ, часовщиковъ и другаго рода мастеровъ, въ особенности же врачей:—онъ возымѣлъ намѣреніе завести въ Московскомъ государствѣ школы для народнаго обученія и выписать изъ Западной Европы учителей и наставниковъ. Въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохраняется письмо одного нѣмецкаго учонаго изъ Гамбурга, отъ 24-го января 1601 года, къ царю Борису. Онъ восхваляетъ Бориса за намѣреніе (о которомъ онъ узналъ отъ одного посланнаго царемъ московскаго нѣмца) основать въ своемъ государствѣ университетъ и училища, и съ этою цѣлію пригласить иностранныхъ ученыхъ людей. «Ваше величество, выражался въ своемъ письмѣ этотъ нѣмецъ — приобретете себѣ безсмертную славу во всемъ мірѣ, если даруете своему народу величайшее благодѣяніе, ибо нѣтъ драгоценнѣе сокровищъ, какъ знанія и изящныя искусства: этому доводомъ служить можетъ судьба всѣхъ образованныхъ народовъ» (Карамз. т. XI, прим. 125). Но когда царь

по этому вопросу сталъ совѣтоваться съ свѣтскими и духовными сановниками, духовные рѣзко воспротивились и говорили: «наша страна велика и обширна, но въ ней одна вѣра, одинакіе нравы и одна рѣчь, а какъ внѣдрятся къ намъ люди иного языка, тогда уже не будетъ прежняго единства, начнутся раздѣленія и споры, и не будетъ мира внутри страны нашей, какъ было прежде».

Духовенство въ тѣ времена имѣло громадную нравственную силу, а царь Борисъ не чувствовалъ еще большой силы за собою и за своимъ, только что воцарившимся, родомъ: онъ долженъ былъ уступить и ограничился только посылкою въ чужіе края для обученія наукамъ и для знакомства съ иностранными языками восемнадцати молодыхъ дворянъ, изъ которыхъ впоследствии только одинъ воротился въ отечество, прочіе же отrekliсь отъ него. (Bussov. Chron. изд. Археогр. Ком. Regum rossicorum scriptores externi, I, стр. 9).

Цѣня такъ высоко просвѣщеніе для народа, естественно царь Борисъ прилагалъ стараніе о собственныхъ дѣтяхъ. О сынѣ его Ѳеодорѣ Борисовичѣ, наслѣдовавшемъ престолъ, но преждевременно погибшемъ, лѣтописецъ современникъ отзывается такъ: «аще бо и юнъ сый лѣтними числы бысть, но да смысломъ и разумомъ многихъ превзыде сѣдинами совершенныхъ, бѣ бо зѣло изученъ премудрости и всякаго философскаго естественнословія и о благочестіи же присно упражняшеса, злобы жъ и мерзости и всякаго нечестія отнюдь всяко ненавистенъ бысть» (Врем. И. М. О. И. и Др. XVI, 92).

Другой старинный лѣтописатель говоритъ о немъ: «царевичъ Ѳеодоръ, царя Бориса отроча зѣло чудно... наученъ же бѣ отъ отца своего книжному почитанію, въ отвѣтѣхъ дивенъ и сладкорѣчивъ вельми, пустошное же и гнилое слово никогдаже изъ устъ его исхождаше, о вѣрѣ и о поученіи книжномъ со усердіемъ прилѣжаше» (Руск. Достоп. I, стр. 174). Памятникомъ образованія, какое получалъ сынъ царя Бориса, осталась начертанная имъ карта Россіи, напечатанная въ Германіи въ 1614 году (Карамз. XI, прим. 132). О дочери Бориса, Ксеніи, тотъ же лѣтописатель, изобразившій ея брата Ѳеодора, отзывается такъ: «во истинну во всѣхъ женахъ благочиннѣиша и писанію книжному многимъ цвѣтуще благорѣчимъ, во истинну во всѣхъ дѣлехъ чредима, гласы воспѣваемыя любляше і пѣсни духовныя любезнѣ слышати любляше» (Рус. Достоп. I, 175). Какія это писанія книжныя, которыми занималась царевна, а также къ какому «поученію книжному со усердіемъ прилежаше» ея братъ царевичъ Ѳеодоръ, мы можемъ опредѣлить только приблизительно, по соображенію — какія книги могли быть тогда читаемы. Кромѣ довольно ограниченнаго еще числа печатныхъ книгъ того времени, тогдашняя литература не бѣдна была по количеству рукописныхъ

книгъ, преимущественно религіознаго содержанія, но отчасти и свѣтскаго: хронографы, гдѣ излагалась древняя исторія, начинавшаяся отъ Ноя, переходившая къ дѣяніямъ византійскихъ царей, потомъ къ русской исторіи, сборники, заключавшіе «альфавиты, азбуковники, цвѣтники, космографіи» и т. д. Изъ нихъ можно было почерпать разныя энциклопедическія свѣдѣнія; космографіи сообщали о странахъ свѣта, о государствахъ и народахъ въ нихъ обитающихъ; альфавиты и азбуковники заключали разныя житейскія ходячія свѣдѣнія, напр. какъ измѣряется время по годамъ, мѣсяцамъ и недѣлямъ, что значать семь свободныхъ мудростей: грамматика, диалектика, риторика, музыка (подъ которою разумѣлось собственно пѣніе), ариметика или числительница, геометрія (въ которую включались свѣдѣнія, касавшіяся математической и физической географіи) и астрономія или звѣздованіе (счисленіе обращенія луны и теченія планетъ и звѣздъ). Самый процессъ тогдашняго наученія письма представлялъ нелегкое и кропотливое занятіе, при необходимости изучить правильное употребленіе разныхъ надстрочныхъ и междустрочныхъ знаковъ ¹⁾. Еще болѣе трудностей въ мелочахъ представляло изученіе церковнаго пѣнія, котораго любительницею изображается царевна Ксенія. Въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» (1846 г., № 3) помѣщена очень любопытная ученая статья покойнаго Ундольскаго о церковномъ пѣніи, представляющая поразительно странную кучу названій, терминовъ, которые должны были заучить, понять и удержать въ памяти занимавшіеся пѣніемъ люди стараго времени ²⁾. Кромѣ чтенія и церковнаго пѣнія, въ кругъ стариннаго воспитанія входило иконописаніе, а женскому полу вышиваніе золотомъ, серебромъ и шелками. Конечно и царевна Ксенія училась тому, чему обязательно учились тогдашнія барышни. Подъ 1589 годомъ есть письмо Бориса Годунова іерусалимскому патриарху Софронію. Борисъ писалъ: «и дочь моя Аксинья тебѣ великому господину и государю челомъ бьетъ икону Спасовъ образъ и ширинку» (Др. Русск. Вивл. XII, 414). Такъ какъ Ксенія тогда еще была малолѣтнею, то нельзя считать какой нибудь изъ даровъ произведеніемъ ея рукъ, но принесенные патриарху отъ ея имени подарки имѣютъ смыслъ, какъ

¹⁾ Варія, врахія, оксія, исо, камора, звательцо, вопросительная, удивительная, иѣстительная, пераспомени, маіора, раздвижка, атрикаль, слогія, стяга, чашка, дсія, статія, сквады (Чт. М. О. И. и Др. 1861. Т. 4. стр. 52).

²⁾ Тутъ есть разныя енты: грамогласная, громовѣльная, громосвѣтлая, двоестрадная, душеполезная, дѣвическая, двоечельная, влатокрылая, положительная, постоятельная, предложительная, скорбная, смиренная, степенная, тихая, страшная, тронцкая уопенская, трапливая, и другія, кулиамы, полукулиамы, эмѣицы, дербицы, голубчики перелетки, перескови, переступы, перевертки, перегибки, перекваты, пересемы, перекладки, переклички, переваякы, и проч., и проч.

будто посылается ея собственная работа. Это въ особенности можно замѣтить о шпиринкѣ, такъ какъ этотъ предметъ входилъ въ кругъ женскихъ занятій исключительно. Наконецъ, мы позволяемъ себѣ думать, что воспитывая дѣтей своихъ съ особеннымъ вниманіемъ, Борисъ не оставлялъ ихъ безъ знакомства съ иностранными языками. Хотя объ этомъ не сохранилось нигдѣ ни малѣйшаго намека, но мы считаемъ возможнымъ это на томъ основаніи, что Борисъ былъ большой поклонникъ знанія иностранныхъ языковъ и когда думалъ заводить школы, духовенство вооружилось противъ такого намѣренія именно въ опасеніи распространенія иностранной рѣчи въ Россіи. Не можетъ быть, чтобы, признавая большую пользу въ изученіи иностранныхъ языковъ для своихъ подданныхъ, Борисъ не сознавалъ въ томъ же большой пользы для собственныхъ дѣтей. Считаемъ вѣроятнымъ, что Борисъ, готовя своего сына Феодора быть царемъ, училъ его языкамъ, по крайней мѣрѣ латинскому, какъ языку интеллигенціи во всей Европѣ, а можетъ быть еще нѣмецкому или англійскому, тѣмъ болѣе, что тогда уже нѣкоторые изъ бояръ начинали учиться, не смотря на неодобреніе благочестивыхъ духовныхъ. О Ксеніи можно предположить что нибудь подобное, такъ какъ отецъ готовилъ ее быть женою иностраннаго принца.

Чадолюбивый отецъ старался, чтобы москвичи заранѣе полюбили его дѣтей. Послѣ его избранія на престолъ, московскіе чины поднесли царевичу Феодору и царевнѣ Ксеніи хлѣбъ-соль и подарки состоящіе въ золотыхъ и серебрянныхъ издѣліяхъ. Борисъ приказалъ дѣтямъ принять хлѣбъ-соль, а золото и серебро отвергнуть; затѣмъ всѣхъ приносившихъ дары пригласить къ царскому столу (Карам. XI, 8).

Для сына отецъ назначалъ престолъ, а дочери хотѣлъ доставить жениха изъ иноземныхъ принцевъ, который бы согласился принять православіе и жить въ Россіи. Борисъ такому принцу предполагалъ дать удѣльное владѣніе въ предѣлахъ своего государства. Нѣсколькихъ принцевъ, одного за другимъ, пытался Борисъ поставить въ такое положеніе и все ему не удавалось.

Первымъ изъ кандидатовъ въ зятя московскому царю явился Густавъ, сынъ низложеннаго шведскаго короля Эрика XIV. Онъ скитался изгнанникомъ по Европѣ и поселился въ польскихъ владѣніяхъ въ г. Гданскѣ, потомъ въ Торунѣ. Его наследственное право захватили родичи и оспаривали его другъ у друга. По низложеніи Эрика, шведскимъ королемъ сталъ братъ послѣдняго Іоаннъ, а по смерти его—сынъ Іоанна, Сигизмундъ, польскій король, который, самъ проживая въ Польшѣ, назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Швеціи дядю, брата отца своего, Карла герцога Зюдерманландскаго. Тогда въ Швеціи образовалась партія, недовольная Сигизмундомъ, главное за его привязанность къ католичеству, и предложив-

шая шведскую корону Карлу. Отъ этого между двумя лицами, носившими титулъ шведскаго короля, возникла вражда, перешедшая на шведскую и польскую націи и ставшая причиною многихъ войнъ между ними. Борисъ завелъ сношенія съ Густавомъ еще при царѣ Фодорѣ, а вступивши на престолъ приглашалъ его пріѣхать въ Россію и увѣрялъ, что тамъ онъ найдетъ въ царѣ покровителя и второго отца. Московская политика нашла возможнымъ сдѣлать этого изгнаннаго принца орудіемъ своихъ политическихъ замысловъ. Борисъ предполагалъ сдѣлать изъ своего будущаго зятя то, что сдѣлалъ царь Иванъ Васильевичъ изъ датскаго принца Магнуса, котораго, женивъ на своей племянницѣ, назначилъ королемъ ливонскимъ въ вассальной зависимости отъ московскаго царя. Борису казалось, что этотъ принцъ-скиталецъ, неимѣвшій постояннаго пріюта, и, какъ говорили, терпѣвшій скудость, на все согласится. Въ августѣ 1599 года, принцъ Густавъ пріѣхалъ въ Россію, былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ 19-го августа въ Москвѣ и тотчасъ щедро одаренъ со всею своею свитою (Исаакъ Масса. 70. *Bussov. Chronic.* 9). Царь отправилъ служившихъ у него нѣмцевъ склонять ливонцевъ, находившихся подъ властію короля Сигизмунда, къ отпаденію отъ Рѣчи Посполитой; одинъ изъ нихъ Кляузенъ ѣздилъ въ Ригу убѣждать рижанъ отдаться подъ покровительство московскаго царя, и признать надъ собою власть его подручника Густава; царь писалъ къ рижанамъ, что соболѣзнуетъ о ихъ судьбѣ, слыша, что іезуиты посягаютъ на ихъ лютеранское вѣроисповѣданіе; самъ же Густавъ, по наученію царя, написалъ къ считавшемуся шведскимъ королемъ Карлу Зюдерманландскому, чтобъ онъ добровольно уступилъ ему Эстонію и обѣщалъ за то союзъ и дружбу со Швеціею отъ себя и отъ царя; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣрялъ, будто Сигизмундъ желаетъ уступить ему Ливонію и по ходатайству его уже приказалъ прекратить начатыя непріязненные дѣйствія противъ Швеціи (Карамзинъ, XI, прим. 42). Если Сигизмундъ не сдѣлаетъ ему добровольно уступки, то царь будетъ оружіемъ добывать для него владѣніе. Но всѣ эти затѣи не имѣли послѣдствій. Самъ Густавъ оказался неподходящимъ челоуѣкомъ царю. Когда царь стороною сообщилъ ему, что онъ можетъ искать руки царской дочери, но долженъ принять православную вѣру, и за это царь обѣщалъ ему не только добыть владѣніе въ Ливоніи, но даже и шведскую корону, которой онъ прямой и законный наслѣдникъ, Густавъ заявилъ на отрѣзъ, что онъ ни за что не перемѣнитъ вѣры и не хочетъ искать шведской короны, если это соединено будетъ съ кровопролитіемъ и нанесеніемъ вреда его отечеству (*Bussov. Chron.* 10). Послѣ такого заявленія, обращеніе съ нимъ царя и вообще царскаго двора измѣнилось; не стало прежняго вниманія и предупредительности. Къ тому же онъ возбуждалъ соблазнъ своимъ поведеніемъ: живучи въ Гданскѣ, онъ вошелъ въ любовную связь съ женою своего хозяина

Христіана Катера и привезъ ее съ собою въ Москву. Она ѣздила въ каретѣ, запряженной четвернею бѣлыхъ лошадей, какъ въ Москвѣ ѣздили только царицы. Люди указывали на нее пальцами. Притомъ были недовольные и изъ собственной свиты принца: говорили, что она имѣла на него вліяніе и подъ этимъ вліяніемъ онъ сталъ дурно обращаться съ своими людьми (Is. Massa; перев. стр. 72). Царь приказалъ ему передать, что поступки его неприличны званію королевскаго сына. Густавъ раздражился и собирался уѣхать изъ Россіи. Передъ пріѣздомъ въ Москву онъ получилъ отъ царя Бориса опасную грамоту, по силѣ которой предоставлялось ему свободно выѣхать изъ Московскаго государства, но эту грамоту онъ оставилъ въ Ригѣ, а царь Борисъ чрезъ посредство какого-то Іоанна Шульта досталъ ее въ свои руки. Утративши этотъ важный документъ, Густавъ все-таки требовалъ отпуска, ссылаясь на царское обѣщаніе и замѣчая, что царское слово должно быть неизмѣнно. Не смотря на всѣ домогательства, царь не торопился исполнить его желаніе и тогда Густавъ, въ порывѣ досады и притомъ разгоряченный выпитымъ передъ тѣмъ виномъ, произнесъ такую похвалку: «я уйду, да еще и городъ зажгу!» Это было тотчасъ сообщено боярину Семену Годунову, а послѣдній донесъ объ этомъ царю. Тогда Борисъ, сильно разгнѣвавшись, приказалъ отобрать у принца серебряный приборъ, подаренный ему прежде, и другія драгоценности, отнялъ у него подаренный ему удѣлъ въ Калугѣ, приказалъ поставить у его жилища караулъ и не велѣлъ посылать ему каждодневнаго обѣда изъ царской кухни. Этотъ гнѣвъ продолжался не долго. Борисъ рѣшилъ, что такой принцъ не можетъ сдѣлаться его зятемъ, но не хотѣлъ отпускать его за рубежъ: царь назначилъ ему городъ Угличъ, съ уѣздомъ, съ котораго принцъ могъ получать ежегоднаго дохода до 4.000 рублей, но управлять этимъ удѣломъ должны были назначенные отъ царя дворяне, а принцу на его содержаніе доставлять доходы (Petr. Chron. Reg. rossicar. scriptores externi. Изд. Арх. Комм. 1, стр. 156.— Маржереть.—Сказ. соврем. о Дим. самозв. III, 69). Густавъ уѣхалъ туда и тамъ занимался химіей, живя въ Угличѣ безвыѣздно до конца Борисова царствованія и жалуясь на непостоянство женщины, которой въ жертву онъ принесъ счастье своей жизни (Bussow. Chronic. 10).

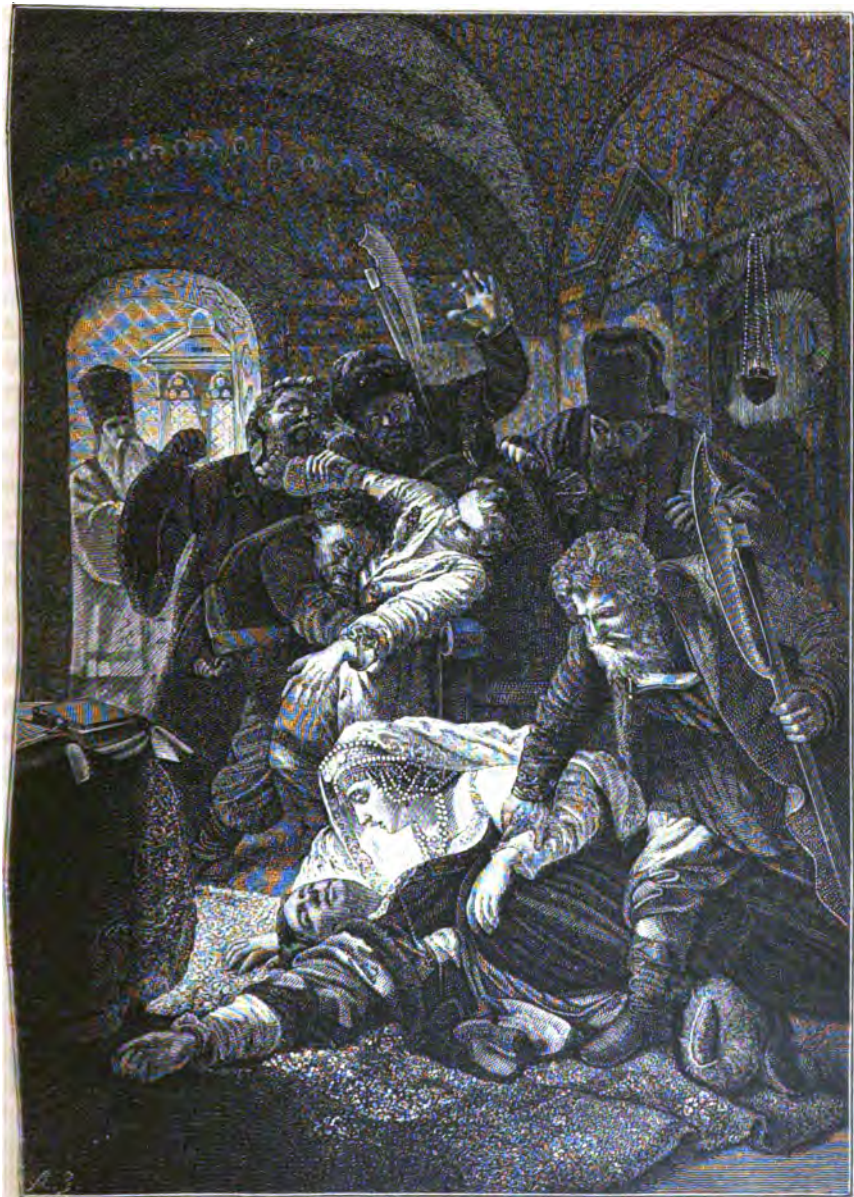
Вскорѣ послѣ первой неудавшейся попытки достать для дочери жениха послѣдовала другая. Царь Борисъ узналъ, что у датскаго короля Христіана есть братъ Іоаннъ и отправилъ посольство какъ бы для улаженія нѣкоторыхъ пограничныхъ недоразумѣній, но въ то же время поручилъ сообщить королю о своемъ желаніи отдать свою дочь за его брата. Мы не знаемъ условій, на которыхъ датскій король согласился отпустить своего брата въ Московское государство, но достоверно то, что датскій королевичъ герцогъ Іоаннъ

долженъ былъ навсегда поселиться въ Россіи въ удѣлѣ, который назначить ему тесть. Іоаннъ не былъ тогда въ отечествѣ: онъ воевалъ въ Нидерландахъ. По возвращеніи въ Данію, онъ сѣлъ на корабль и отправился въ Россію чрезъ Балтійское море. 6-го августа 1608 года, онъ вступилъ на берегъ въ Иваньгородѣ съ многочисленною свитою, доходившею числомъ до четырехсотъ человекъ (Is. Massa; перев. 86). Отсюда до Москвы путешествіе его было праздничнымъ шествіемъ: на каждомъ станѣ предупредительно угощали его и всю его дружину, при въѣздѣ въ города встрѣчали его пушечными выстрѣлами и выстроенные въ рядъ ратные люди отдавали почестъ высокому гостю. Онъ ѣхалъ черезъ Новгородъ, Торжокъ, Старицу, ѣхалъ медленно, дѣлая не болѣе тридцати верстъ въ день, останавливался, забавлялся охотою. Провожали его бояринъ Михаилъ Салтыковъ и дьякъ Аванасій Власевъ, люди болѣе прочихъ знакомые съ иноземными обычаями и потому представленныя къ чужестранному гостю. Герцогъ Іоаннъ бесѣдовалъ съ ними, узнавалъ отъ нихъ о житьѣ-бытьѣ русскаго народа, о гражданскомъ и церковномъ строеніи въ Московскомъ государствѣ. Царь посылалъ ему подарки: деревянный возокъ съ парадною окраскою и дорогою обивкою внутри, породистыхъ упряжныхъ лошадей и различныя одежды, украшенныя дорогами камнями (Карамз. XI, примѣч. 60—62). 19-го сентября Іоаннъ въѣхалъ въ Москву, встрѣчаемый множествомъ народа, при оглушительномъ звонѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ. Бояре и дворяне встрѣчали его верхомъ, въ нарядныхъ одеждахъ. Его помѣстили въ Китай-городѣ въ лучшемъ домѣ, нарочно заранѣе къ его приѣзду убранномъ, и въ первый же день доставили ему и всей его дружинѣ изъ царской кухни обѣдъ на тридцати золотыхъ блюдахъ и множество сосудовъ съ виномъ и медомъ. 28-го сентября онъ представлялся царю. Царь Борисъ и царевичъ Ѳедоръ, одѣтые въ бархатныя порфиры, унизанныя жемчугами, въ коронахъ на головѣ и съ бармами на груди, на которыхъ блистали крупные рубины, изумруды и яхонты, обняли его какъ роднаго и посадили рядомъ съ собою. Въ тотъ же день происходилъ обѣдъ въ грановитой палатѣ. Царь сидѣлъ на золотомъ тронѣ, посреди царевича и принца Іоанна, какъ своего будущаго зятя: кромѣ членовъ царской семьи, никто не могъ сидѣть рядомъ съ государемъ. По окончаніи пиршества, царь и царевичъ сняли съ себя толстыя золотыя цѣпи и возложили на герцога. Въ тотъ же день постановили отложить бракосочетаніе до наступленія зимы. Царевны Ксенія здѣсь не было; во извѣстному московскому обычаю, она, какъ невѣста, не могла до свадьбы видѣть своего суженаго лицомъ къ лицу. Она видѣла его изъ скрытаго мѣста, стоя въ верхнемъ корридорѣ (Карамз. XI, прим. 63. — Busching's Magazine; t. VIII. Moskowitzsche Reise. стр. 257—277).

По общему отзыву современниковъ, герцогъ Іоаннъ былъ очень красивъ и статенъ и произвелъ пріятное впечатлѣніе на царевну.

Не суждено было и этому предназначенному Борисомъ жениху его дочери сдѣлаться ея мужемъ. Вскорѣ послѣ представленія его царю, государь со всѣмъ семействомъ поѣхалъ въ Троицко-Сергіевскую обитель. Такъ нужно было предъ совершеніемъ важнаго семейнаго дѣла по благочестивымъ обычаямъ. Королевичъ не поѣхалъ и остался въ Москвѣ. Каждый день продолжали угощать его и всю его дружину обѣдами изъ царской кухни, а невѣста, бывшая лично съ родителями на богомольѣ, прислала ему въ даръ, какъ жениху, по обычаю, богато убранную постель и бѣлье, расшитое серебромъ и золотомъ. Королевичъ употребилъ время отсутствія царя съ семействомъ на занятіе русскимъ языкомъ. Онъ за него принялся ревностно и говорилъ даже, что имѣетъ желаніе принять православную вѣру. Последнее извѣстіе находится только въ Степенной книгѣ Латухина (Рукоп. Археогр. Коммисіи) и не подтверждается никакими иноземными свидѣтельствами, но оно вполне достоверно. При тогдашнихъ воззрѣніяхъ было бы не въ порядкѣ вещей отдавать царскую дочь въ замужество за иновѣрнаго человека; хотя Борисъ, отличавшійся уже издавна любовью къ иноземцамъ, могъ самъ иначе смотрѣть на это, но онъ бы никогда не рѣшился на такой шагъ изъ страха вооружить противъ себя духовенство и потерять любовь народную. Вѣроятно, если объ этомъ не было объявлено датскому королевичу еще до его пріѣзда въ Россію, то ему объявили бы позже, и онъ, зная это и предупреждая русскихъ, самъ заявлялъ желаніе сдѣлать то, чего бы, какъ онъ уже предвидѣлъ, отъ него непремѣнно потребовали.

Оставаясь въ Москвѣ и пользуясь знаками чрезвычайнаго къ себѣ вниманія, герцогъ, по извѣстію одного современника (Маржер. русс. пер. Сказ. о Дим. самозв. III, 77), неосторожно нарушилъ предѣлы воздержанія и умѣренности, вѣроятно, по поводу громаднаго количества яствъ, доставляемыхъ изъ дворца ежедневно. Царь узналъ о его болѣзни 16-го октября, находясь въ Братошинѣ на возвратномъ пути отъ Троицы. Болѣзнь сначала казалась неопасною: королевичъ былъ въ состояніи написать о себѣ нареченному тестю. Царь умолялъ врачей и своихъ и прибывшихъ въ герцогской дружинѣ спасти дорогаго будущаго зятя и сулилъ за его выздоровленіе великія милости. По примѣру благочестивыхъ предковъ, которые въ виду грозившей опасности давали разные обѣты, царь обѣщалъ, если королевичъ останется живъ, отпустить на свободу 4,000 узниковъ (Карамз. XI, 52). Врачи увѣряли государя, что болѣзнь королевича неопасна и излечима. Но на перекоръ ихъ увѣреніямъ, болѣзнь со дня на день принимала все болѣе и болѣе злобствующій характеръ. 27-го октября, царь съ патриархомъ и съ боярами посѣтилъ больного. Герцогъ лежалъ уже без-

УБИЕНИЕ МАРИИ И ФЕОДОРА ГОДУНОВЫХЪ.

Картина художника К. Маковского; гравюра на деревѣ А. И. Зубчаннинова.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 22 ДЕКАБРЯ 1883 Г.

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪГЛЕЦЕВЪ ПЕР., Д. 11—2. Digitized by Google

Faint, illegible text covering the majority of the page, likely bleed-through from the reverse side of the document.

гласенъ. Съ нимъ сдѣлалась сильнѣйшая горячка. По одной разрядной книгѣ онъ умеръ 27-го октября, во второмъ часу ночи, по другой—29-го октября, въ третьемъ часу ночи (Карамзинъ, XI, примѣч. 68).

Говорили, что Ксенія, услышавши о смерти жениха, чрезвычайно убивалась по немъ, а Борисъ, соболъзнуя дочери, сказалъ, «погибло, дочь, твое счастье и мое утѣшеніе» (Moskovit. Reise. Büsch. VIII, 272). Но есть иного рода извѣстіе, занесенное въ тогдашнія русскія лѣтописи: Борисъ съ семейю уѣхалъ къ Троицѣ, оставивши королевича подъ наблюденіемъ своихъ бояръ; но когда до него стали доходить слухи, что молодой королевичъ пріобрѣтаетъ большую любовь, Борисъ, до того сердечно расположенный къ Иоанну, сталъ ему завидовать: ему приходило въ голову, что такимъ образомъ москвичи послѣ его смерти могутъ избрать на престолъ его зятя, а не сына. Онъ сообщилъ свое опасеніе Семену Годунову. Тутъ заболѣлъ королевичъ. Доктора говорили Семену Годунову, завѣдывавшему аптекарскимъ приказомъ, что болѣзнь королевича излѣчима. Семенъ Годуновъ посмотрѣлъ на нихъ свирѣпо: изъ этого доктора уразумѣли, что царю вовсе не желательно, чтобъ королевичъ выздоровѣлъ (Лѣтоп. о мятеж. Никон. VIII, 50. Нов. лѣт. Времен. И. М. О. И. и Д. XVII, стр. 56). Это извѣстіе достопримѣчательно только въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ много было нелюбившихъ Бориса и какъ легко возникали всякаго рода клеветы на него и принимались съ довѣріемъ.

И такъ, два раза не удалось Борису выдать дочь свою за нарочно привлеченнаго иноземнаго принца. Еще до несчастнаго пріѣзда королевича датскаго, Борисъ, какъ кажется, намѣревался съискать для своей Ксеніи жениха между членами императорскаго дома Габсбурговъ. Сохранилось латинское письмо императора Рудольфа къ Борису, въ которомъ императоръ сообщаетъ московскому царю, что не можетъ отвѣчать па секретное сообщеніе царскаго посла Аванасія Власьева, не поговоривши съ своими братьями, но, поговоривши съ ними и узнавши ихъ расположеніе, будетъ отвѣчать или письменно или словесно чрезъ посла (Карамз. XI, прим. 82). Карамзинъ предполагаетъ, что тутъ дѣло шло о сватовствѣ, что Борисъ думалъ отдать Ксенію за одного изъ герцоговъ. Но это не имѣло никакихъ послѣдствій. И понятно. Никто изъ Габсбурговъ не рѣшился бы перемѣнять религіи. По смерти герцога Іоанна, Борисъ нашелъ болѣе умѣстнымъ найти для Ксеніи такого жениха, которому не нужно было бы перемѣнять вѣры. Въ Закавказьи было нѣсколько владѣтельныхъ особъ грузинскаго происхожденія, православнаго исповѣданія. У Карталинскаго князя Юрія была дочь Елена и молодой родственникъ, воспитанникъ матери Юрія, по имени Хозрой или Фозра. Елена годилась быть

супругою Федора Борисовича, а Хозрой могъ быть женихомъ Ксеніи. Собственно Борисъ посылалъ просить руки одной Елены, женихомъ же Ксеніи предполагался другой грузинскій князекъ—Теймуразъ, иверскій царевичъ, но онъ оказался въ отсутствіи и князь Карталинскій самъ предложилъ послу Борисову, Михаилу Игнатьевичу Татищеву, замѣстить Теймураза Хозроемъ. Московскій посоль въ своемъ донесеніи царю такъ описываетъ и молодца и дѣвицу: «Хозрою отъ роду 23 года; онъ высокъ ростомъ и строенъ; лицо у него красивое и чистое, но смуглое, глаза свѣтлые, каріе, носъ съ горбиною, волосы темнорусые, усъ тонокъ, бороду уже брѣть, въ разговорахъ уменъ и рѣчистъ, знаетъ языкъ турецкій и грамоту турецкую, однимъ словомъ хорошъ, но не отличенъ; вѣроятно, что полюбится, но не вѣрно. Елена бѣла и еще нѣсколько бѣлится, глаза у нея черные, носъ небольшой, волосы крашеные, станомъ прима, но слишкомъ тонка отъ молодости, ибо ей только 10 лѣтъ, а въ лицѣ не довольно полна. Отецъ вымѣрялъ ея ростъ деревцомъ и подаль мнѣ сію мѣрку, чтобы сличить съ данною отъ государя» (Карамз. XI, стр. 70). Изъ этого донесенія видно, что Борисъ, отправляя посла просить руки невѣсты для царевича, указывалъ заранѣе какого роста должна быть эта невѣста, словно дѣло шло о покупкѣ животнаго или дерева.

Сватовство это не имѣло послѣдствій; князь Карталинскій согласился на бракъ дѣтей своихъ, но Елену оставилъ у себя за ея малолѣтствомъ, а Хозроя отпустилъ съ Татищевымъ къ московскому царю. По причинѣ происшедшихъ тогда въ Закавказьѣ переворотовъ, Татищевъ оставилъ его въ Сонской землѣ, а самъ воротился въ Москву, уже въ царствованіе названнаго Димитрія. Въ то время, когда Татищевъ по царскому наказу отыскивалъ въ Закавказьѣ жениха и невѣсту для царскихъ дѣтей, Борисъ пробовалъ еще отыскать для Ксеніи жениха въ той же Даніи, откуда пріѣзжалъ ея умершій женихъ. Въ 1603 и 1604 годахъ были царскіе послы Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ и дьякъ Аванасій Власевъ у герцога Шлезвигскаго Іоанна и предлагали ему послать въ супруги для царевны Ксеніи одного изъ сыновей своихъ, которому царь Борисъ назначить особый удѣлъ въ своихъ владѣніяхъ. Герцогъ указалъ на третьяго изъ сыновей своихъ Филиппа. Состоялось согласіе. Послы уѣхали и съ тѣхъ поръ уже не было никакого отъѣзда изъ Московской державы объ этомъ дѣлѣ. Настали такія обстоятельства, при которыхъ царю Борису было уже не до исканія жениховъ (Карамз. XI, прим. 77).

Наступила великая смута, Борисъ умеръ, и совершилось страшное событіе 10-го іюня 1605 года, такъ мастерски изображенное кистью художника Константина Маковского. Царица Марья, вдова Бориса и сынъ ея Федоръ были удушены, а народу объявлено было, что они сами себя отравили ядомъ: этому никто не повѣрилъ, такъ

какъ болѣе сотни лицъ и въ ихъ числѣ историкъ этой эпохи Петрей (Сказ. иностр. о Россіи, т. I, 175) видѣли явные слѣды удавленія веревками. А царевна «едва оживе» — замѣтилъ кратко, но тѣмъ не менѣе очень много сказавши этимъ, современный лѣтописецъ (Никон. VIII, 70).

По другому лѣтописному извѣстію, названный Димитрій самъ далъ тайное приказаніе умертвить царя Ѳедора Борисовича и мать его; «а дщерь повелѣлъ въ живыхъ оставить, дабы ему лѣноты ея насладиться еже и бысь» (Времен. И. М. О. И. и Др. XVI, 29), хотя самъ показывалъ, будто это совершилось мимо его воли. Осиротѣвшая царевна взята была однимъ изъ губителей Борисова семейства, княземъ Рубецъ-Мосальскимъ, и содержалась у него въ домѣ, ожидая страшнаго дня, когда ее поведутъ на посрамленіе. Этотъ день пришелъ. Названный Димитрій установился въ Москвѣ; всѣ москвичи признали его царемъ; попытка Шуйскаго низвергнуть его въ первые же дни его воцаренія — не удалась, возвратилась изъ ссылки мать настоящаго царевича Димитрія и всенародно признала царя своимъ сыномъ, совершонъ былъ надъ нимъ обрядъ царскаго вѣнчанія, укрѣплявшій его право въ глазахъ обрядолобивыхъ людей Московскаго Государства, и тутъ-то, по его приказанію, князь Рубецъ-Мосальскій привелъ къ нему во дворецъ бѣдную Ксенію. Вотъ это-то мгновеніе изобразилъ талантливый художникъ г. Невревъ въ своей картинѣ. Какой же день былъ ужаснѣе въ жизни злополучной царевны: тотъ ли, когда передъ ея глазами удавили ея мать и брата, или этотъ, когда ее привели къ названому Димитрію? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно знать всю душу Ксеніи. Во всякомъ случаѣ трудно себѣ вообразить что нибудь униженнѣе и оскорбительнѣе положенія женщины, отдаваемой на забаву тирану-сластолюбцу, котораго она считала убійцею своихъ дорогихъ родныхъ. И при томъ какой женщины? Той, для которой такъ недавно царствующій родитель отправлялъ доверенныхъ пословъ въ разныя страны искать жениха высокой крови!

Но это мгновеніе важно для исторіи еще и потому, что оно болѣе всего помогаетъ намъ разгадать, что за существо былъ этотъ названный Димитрій, этотъ по истинѣ сфинксъ русской исторіи.

Бываютъ личности, умѣющія такъ искусно личиною добродѣтели прикрывать свои внутреннія порочныя наклонности и побужденія, что невольно привлекаютъ къ себѣ и располагаютъ составить о нихъ такое мнѣніе, какое не составилось бы тогда, когда мы знали бы ихъ поглубже. Одною изъ такихъ личностей въ исторіи представляется названный Димитрій. Въ немъ замѣчается столько благородныхъ и свѣтлыхъ чертъ прямоты, искренности, великодушія, что при изученіи его судьбы не одного изъ насъ волновала мысль: не могъ онъ быть сознательный обманщикъ! Подъ влія-

нѣмъ такого воззрѣнія иные готовы были признавать его за дѣйствительнаго царевича Дмитрія, которымъ онъ себя называлъ; другіе же, соображая, что онъ никакъ не могъ быть тѣмъ, кого уже давно не было на свѣтѣ, останавливались на томъ предположеніи, что если онъ на самомъ дѣлѣ не былъ тѣмъ, за кого себя выдавалъ, то по крайней мѣрѣ былъ самъ въ томъ увѣренъ, потому что еще въ дѣтствѣ его настроили другіе въ этомъ убѣжденіи. Къ такому взгляду склонялся и покойный С. М. Соловьевъ, историкъ въ высшей степени трезвый въ своихъ сужденіяхъ и осторожный въ заключеніяхъ. Но обратимъ вниманіе на поступокъ его съ Ксенію: это такой поступокъ, въ которомъ онъ видѣнъ весь насквозь—и тутъ невольно склоняемся мы къ тому, что всѣ качества такъ подкупающія насъ въ его пользу, не болѣе какъ блестящая мишура. И мы когда-то, подкупленные этими качествами, долго хотѣли, чтобы этотъ поступокъ не имѣлъ исторической достовѣрности и могъ быть отнесенъ къ разряду тѣхъ пятенъ, которыя въ такомъ изобиліи наложили на него, названаго Дмитрія, монахи, и несостоятельность которыхъ легко изобличается исторической критикой. Къ сожалѣнію, здѣсь облить эту личность невозможно. Не только русскіе, но также иноземные современники, не имѣвшіе повода чернить названаго Дмитрія, говорятъ положительно, что онъ приказалъ доставить къ себѣ Ксенію Годунову и, противъ ея воли, продержавши у себя наложницею, сослалъ въ монастырь. Всего важнѣе въ этомъ вопросѣ письмо будущаго тестя его Юрія Мнишка: «Есть, писалъ онъ, у вашей царской милости непріатели, которые распространяютъ о поведеніи нашемъ молву; хотя у болѣе разсудительныхъ эти слухи не имѣютъ мѣста, но я, отдавши вашему величеству сердце и любя васъ какъ сына, дарованнаго мнѣ отъ Бога, прошу ваше величество остерегаться всякихъ поводовъ, и такъ какъ дѣвица, дочь Бориса Годунова, живетъ вблизи васъ, то по моему и благо-разумныхъ людей совѣту, постарайтесь ее удалить и отослать подальше» (Собр. госуд. грам. и догов. II, 243). Жившій въ то время въ Москвѣ голландецъ Исаакъ Масса на счетъ Ксеніи (Русс. перев. стр. 171), сообщаетъ, кромѣ того, о сношеніяхъ названаго Дмитрія съ другими особами женскаго пола въ чрезвычайно циническомъ видѣ (ibid. 172).

Ксенія жила во дворцѣ названаго Дмитрія нѣсколько мѣсяцевъ. Намъ неизвѣстенъ способъ обращенія съ нею въ то время. Послѣ письма Мнишка, писаннаго 25-го декабря 1605 года, въ началѣ слѣдующаго 1606 года бѣдную сироту отвезли для постриженія въ монастырь, но въ какой именно, о томъ просходить разнорѣчіе: по однимъ во Владимирскій, по другимъ въ Кирилловскій, (Никон. лѣт. VIII, 70.—Масса, русс. перев. 171) или точнѣе въ Горицкій женскій близъ мужскаго Кириловскаго. Думаютъ согласить это разнорѣчіе такъ, что Дмитрій отправилъ ее въ Горицкій, а

Василій Шуйскій, по своемъ воцареніи, перевелъ ее во Владимірскій Княгининъ монастырь.

Царь Василій Шуйскій устроилъ торжественное перенесеніе праха Годуновыхъ изъ убогаго Варсонофьева монастыря въ Троицкій Сергіевъ. Когда двадцать монаховъ несли гробъ царя Бориса, а двадцать бояръ и думныхъ людей гробы Маріи и Ѳедора Борисовича къ Троицкимъ воротамъ, за погребальнымъ шествіемъ ѣхала въ закрытыхъ саняхъ Ксенія, постриженная съ именемъ Ольги, и горько вопила, такъ что народъ слышалъ ея причитанія: «Горько мнѣ бѣдной сиротѣ. Злодѣй воръ, что назвался ложно Димитріемъ, погубилъ моего батюшку, мою сердечную матушку, моего милаго братца, весь родъ нашъ заѣлъ! И самъ пропалъ, и при животѣ своемъ надѣлалъ бѣдъ Русской землѣ и по смерти продолжаетъ. Господи! осуди его, накажи его!» (Russ. Chronic. 69). Тогда же носились слухи о явленіи новыхъ обманщиковъ, взявшихъ на себя продолжать дѣло перваго названаго Димитрія, тогда уже убитаго, и этимъ объясняются слова Ксеніи, что онъ и по смерти продолжаетъ дѣлать зло Русской землѣ.

Въ 1609 году, мы видимъ старицу Ольгу, бывшую въ мирѣ Ксенію Годунову, въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ. Думаютъ объяснить ея появленіе тѣмъ, что она прибыла туда для поминовенія родителей и была застигнута осадю отъ полчищъ Сапѣги и Лисовскаго. Въ Актахъ Историческихъ (т. XI, стр. 212—213) напечатано письмо ея къ теткѣ княгинѣ Домнѣ Богдановнѣ Ноготковой. Эта тетка была дочь Богдана Юрьевича Сабурова, сестра Евдокіи Богдановны, одной изъ женъ царевича Ивана, старшаго сына царя Ивана Васильевича Грознаго. Пишущая, называя себя «дочь Бориса Ѳедоровича», но неозначая своего имени, извѣщаетъ, что она: «я у Живоначалныя Троицы въ осадѣ марта по 29-й день въ своихъ бѣдахъ чуть жива, конечно болна со всѣми старицами; и впредь, государыня, никакъ не чаемъ себѣ живота, съ часу на часъ ожидаемъ смерти, потому что у насъ въ осадѣ шатость и измѣна великая. Да у насъ же за грѣхъ за нашъ моровоя повѣтрея, всякихъ людей изняли скорби великія смертныя, на всякой день хоронятъ мертвыхъ челоувѣкъ по двадцати и по тридцати и болши, а которые люди пося мѣсто ходятъ, и тѣ собою не владѣютъ, всѣ обезножѣли. Да пожалуй отпиши ко мнѣ про московское житье, про все подлинно, а язъ тебѣ, государынь своей, много челоувѣкъ бую» (А. И., II, стр. 212).

Рядомъ съ этимъ письмомъ инокини Ольги, въ Актахъ Историческихъ помѣщено письмо ея служительницы Соломоніи Ржевской къ своей матери Ѳеопаніи Ржевской на Новомонастырскомъ дворѣ. Она пишетъ: «я, государыня матушка, жива послѣ Петрова дни недѣлю, а нѣту мнѣ, государыня матушка, здѣсь некоторыя нужи, Ольги Борисовны милостью». Далѣе она

разсказываетъ о приступѣ непріятелей, бывшемъ наканунѣ Петрова дня, но не причинившемъ большого вреда монастырю, — жалуется, что мать не писала къ ней отъ Великаго мясоѣдадо Петровыхъ заговѣнъ, спрашиваетъ: есть ли у матери «жоначька или дѣвья», проситъ передать Макарію Карякину, что Ѳедоръ Карьцовъ живъ, а Кашпировъ сынъ Димитрій умеръ, и Ольга Борисовна пожаловала рубль на похороны, а то было скоронить нечѣмъ. Въ заключеніе, Соломонія извѣщаетъ мать, что у нихъ въ монастырѣ свирѣпствовавшій моръ унялся, «а не осталось людей ни трети».

Вмѣстѣ съ дочерью бывшаго царя Бориса, у Троицы въ осаждѣ находилась тогда другая особа стараго царственнаго рода, Марья Владимировна, племянница царя Ивана Васильевича Грознаго, вдова Магнуса, короля ливонскаго, продолжавшая и въ иноческомъ званіи носить прозвище королевы ливонской. Старцы монастырскіе обвиняли ее въ измѣнѣ, она же посылала извѣтъ на своихъ недоброжелателей (А. И., II, 286). Это совпадало съ возникшею ссорой между собою двухъ царскихъ воеводъ, защищавшихъ Троицко-Сергіевскій монастырь, княземъ Долгоруковымъ-Рощею и Алексѣемъ Голохвастовымъ. Не видно, чтобы дочь Бориса вмѣшивалась въ эти дразги, хотя въ письмѣ къ теткѣ, приведенномъ выше, дѣлается намекъ на шатость и измѣну въ осажденномъ монастырѣ.

По освобожденіи Троицко-Сергіевскаго монастыря отъ осады, находившіяся тамъ инокини изъ Владимира не поѣхали въ свой монастырь, быть можетъ оттого, что въ то смутное время трудно и не безопасно было туда поѣхать. Онѣ послѣ того очутились въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Этотъ монастырь находился во власти боярѣ, сидѣвшихъ въ Кремлѣ вмѣстѣ съ поляками и присягнувшихъ королевичу Владиславу. Для охраненія монастыря помѣщено было въ немъ четыреста польскихъ казаковъ и двѣсти нѣмцевъ. Въ началѣ августа 1611 года, казаки Заруцкаго, стоявшіе подъ разоренною Москвою и воевавшіе противъ поляковъ, взяли приступомъ Новодѣвичій монастырь. Бояре, сидѣвшіе въ Кремлѣ и составлявшіе верховное правительство отъ имени царя Владислава, въ январѣ 1612 года, разослали окружную грамоту, и въ ней говорилось такъ: «какъ въ Новомъ девичьемъ монастыре сидѣли ратные люди отъ насъ с Москвы, и они церковь Божию соблюдали что свое око, а какъ Ивашко Заруцкой с товарищи Дѣвичь монастырь взяли, и они церковь Божию разорили и образы обдирали и кололи поганскимъ обычаемъ, и черницъ королеву князь Владимирову дочь Андрѣевича и царя Борисову дочь Ольгу, на которыхъ прежь сего и зрѣти не смѣли, ограбили до-нага, и иныхъ бѣдныхъ черницъ и дѣвицъ грабили и на блудъ имали, а какъ пошли изъ монастыря, и они и досталь погубили,

и церковь и монастырь выжгли» (Собр. госуд. грам. и догов., II, 585).

Всѣхъ монахинь, находившихся въ Новодѣвичьемъ монастырѣ временно изъ Владимирскаго княгинина монастыря отправили обратно въ ихъ монастырь. Тогда и злополучная дочь Бориса Годунова, пертерпѣвшая это новое, но уже послѣднее надъ собою поруганіе, была возвращена во Владимиръ, и съ тѣхъ поръ объ ней нигдѣ нѣтъ помина до 1622 года. Въ этомъ году, 30-го августа, прекратились всѣ ея страданія на 41 году ея возраста. Передъ смертью она изъявила желаніе, чтобъ тѣло ея было погребено вмѣстѣ съ прахомъ ея родителей. Сохранился отрывокъ безъ конца грамоты царя Михаила Ѳедоровича суздальскому и торусскому архіепископу Арсенію, въ которой говорится: «Вѣдомо намъ учинилося, что царя Бориса Ѳедоровича дочери царевны старицы Ольги не стало, а по обѣщанію де своему, отходя отъ свѣта, приказала намъ бить челомъ, чтобъ намъ пожаловати тѣло ея велѣти погresti у Новоначальной Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ съ отцомъ ея и съ матерью вмѣстѣ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ, богомолецъ нашъ, да съ тобою ахримандрить Спаской Еуфиміева монастыря, по нашему указу и по грамотѣ отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Московскаго... (А. А. Э. III, 176).

Здѣсь царская грамота прерывается, но смыслъ того, что заключалось въ утраченномъ концѣ ея, очевиденъ самъ собою: царь указывалъ поступить согласно желанію почившей.

Прахъ злосчастной царевны былъ привезенъ по назначенію и преданъ землѣ рядомъ съ прахомъ ея родныхъ въ трапезной паперти Успенскаго собора Троицко-Сергіевскаго монастыря. Эта паперть была сломана въ 1781 году, а надъ могилою семейства Годуновыхъ воздвигли каменную палату, существующую и въ наше время близъ входа въ Успенскую церковь.

Тамъ покоится прахъ страдальцы, пережившей своихъ родныхъ, свидѣтельница ужаснѣйшихъ дней въ жизни русскаго народа и разомъ съ нимъ испившей горькую долю сиротства и всякаго рода посрамленій и поруганій. Много трогательнаго и привлекательнаго въ этой давно уже отшедшей въ вѣчность личности, невинной жертвѣ преступленій своихъ предковъ. Русскій народъ вспоминаетъ о ней въ своихъ пѣсняхъ; почтили память ея несчастій русскіе художники; коснулся ея, хотя вскользь, но достойно своего поэтическаго гения, и великій русскій поэтъ въ своемъ «Борисѣ Годуновѣ».

Н. Костомаровъ.

СОЦИАЛИСТЪ ПРОШЛАГО ВѢКА.

Историческая повѣсть ¹⁾.

I.

На крейсерь.

«Въ шестьдесятъ лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ. Сколь скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребитса само собою. Тутъ насиліе ненадобно».

Екатерина II (Дневникъ Храповицкаго).

ПО ТЕМНО-БИРЮЗОВОЙ глади Чернаго моря, отъ кавказскаго берега къ крымскому, медленно двигался парусный военный фрегатъ.

Это было еще тогда, когда о возможности двигаться по водѣ иначе какъ при помощи парусовъ или весель умъ человѣческій еще не загадывалъ:—это было въ 77-мъ году прошлаго столѣтія.

Тихій весенній вѣтерокъ, ласково повѣвавшій со стороны кавказскихъ горъ, чуть-чуть надувалъ бѣлые паруса фрегата, которому, казалось, никогда не суждено переплыть эту безконечную темно-бирюзовую равнину. Кругомъ—подавляющее однообразіе. На

¹⁾ Матерьялами для этой повѣсти послужили документы, извлеченные изъ государственнаго архива проф. В. И. Ламанскимъ и напечатанные имъ въ первомъ томѣ «Памятниковъ новой русской исторіи».

голубомъ небѣ ни облачка. На морѣ—хоть бы парусъ забѣлѣлся гдѣ, хоть бы темная точка показалась на горизонтѣ. Только дельфины, которымъ, казалось, тоже наскучило это однообразіе, то тамъ, то здѣсь, выставляли изъ воды свои темныя изогнутыя спины и, словно по командѣ, кувыркались опять въ море.

На фрегатѣ почти незамѣтно было движенія. Матросы, за неимѣніемъ работы, почти всѣ расположились въ передней части судна, и только болѣе копотливые, да вахтенные, неторопливо возились у своихъ мѣстъ—кто у снастей, кто у руля. Около офицерскихъ каютъ, въ тѣни, подъ тентою, на складныхъ табуретахъ сидѣло нѣсколько молодыхъ офицеровъ—кто курилъ и молчалъ, кто изрѣдка перекидывался словами то съ тѣмъ, то съ другимъ товарищемъ.

— А и скучна, господа, эта крейсерская служба, говорилъ бѣлокурый съ голубыми глазами офицерикъ, задумчиво поглядывая на море.

— Что говорить!—тоска порядочная, лѣнливо, какъ бы нехотя, отвѣчалъ другой темнолицый и сѣроглазый; ни на кого не глядя.

— Тосчища—мало тоска!—Точно бѣлка въ колесѣ:—отъ Кафы къ Суджукъ-Кале, отъ Суджукъ-Кале опять къ Кафѣ... Ужъ и дельфины надобли...

— А тебѣ бы въ баталію сейчасъ... Чесменскимъ героємъ сразу бы стать...

— Не героємъ... А вотъ хоть бы какъ Евдокимъ Михайловичъ—счастливецъ! чего онъ не видѣлъ!

— Услѣнешъ еще... Да что вы все молчите, Евдокимъ Михайловичъ! Хоть бы рассказали, какъ вы мыкались по всѣмъ морямъ, что народу перевидали... А?

Тотъ, къ кому относились эти слова, сидѣлъ немножко поодаль и задумчиво глядѣлъ въ даль, медленно пуская дымокъ изъ коротенькаго чубука. Это былъ мужчина лѣтъ за тридцать, худощавый, сильно загорѣлый брюнетъ съ добрыми задумчивыми глазами. Въ этихъ глазахъ, какъ и въ кроткой улыбкѣ, было, казалось, что-то свое, особенное, что никому не высказывалось и о чемъ, казалось, постоянно думалось.

Когда его окликнули товарищи, онъ улыбнулся своею доброю, загадочною улыбкою, но ничего не отвѣчалъ.

— А?—много видали?

— А загаръ-то у васъ на лицѣ почище нашего.

— Да, отвѣчалъ тотъ, къ кому обращались:—я всякаго солнца извѣдалъ—и южнаго и сѣвернаго.

— Да также восточнаго и западнаго, засмѣялся голубоглазый, сверкнувъ своими бѣлыми зубами:—счастливецъ вы!

Тотъ, къ кому относились эти слова, молча и съ улыбкой пожалъ плечами.

— А въ сколькохъ кампаніяхъ вы, Евдокимъ Михайловичъ, участвовали? спросилъ другой офицеръ.

— Въ тринадцать.

— Какъ разъ чортова дюжина! засмѣялся первый.

— А въ архипелажской экспедиціи находились? спросилъ второй.

— Находился... Что за рай земной этотъ Архипелагъ, эти Циклады и Спорады!.. А все дома, на Огъ, лучше.

Ему вспомнилось, что въ карманѣ у него, на груди, письмо... Онъ невольно оцупалъ грудь... Да, тутъ... И ему мучительно захотѣлось домой—туда, далеко, на берегъ родной Оки...

«Я жду тебя—жду... Я Богу молюсь, морю молюсь: отдай мнѣ его, сине море»...

Онъ глянулъ на море — оно было больше чѣмъ синее. Только недалеко, на небольшомъ пространствѣ, оно казалось совсѣмъ чернымъ, точно кто окрасилъ его въ этомъ мѣстѣ самую густую тушью:—это по небу плыло маленькое, одинокое облачко и тѣнь отъ него ложилась такимъ чернымъ пятномъ на бирюзовое море...

«Отдай мнѣ его, сине море»... Нѣтъ, пока еще не отдаетъ — крѣпко держать... А такъ ли тамъ, надъ Окою, какъ тогда, шепчется съ весеннимъ вѣтеркомъ кудрявая береза?.. Не то она шепталась, не то мы... Нѣтъ—мы... Это не береза нашептывала мнѣ, не ея то былъ голосъ: «возьми меня, милый, за синее море, возьми съ собой»...

— О чемъ это вы опять задумались, Евдокимъ Михайловичъ?

— А!—Что такое?

— О чемъ задумались? приставакъ блондинъ.

— Да такъ... ни о чемъ собственно...

— О далекихъ моряхъ?—о своихъ экспедиціяхъ?

— Да, пожалуй...

— А расскажите намъ пожалуйста, гдѣ вы бывали?—Вотъ ужъ сколько мы съ вами въ морѣ, а вы намъ до сей поры не рассказали о своихъ морскихъ странствіяхъ... Вспомните старину—расскажите... Можетъ и на насъ повѣсть вѣтеркомъ съ далекихъ морей да океановъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ—расскажите, Евдокимъ Михайловичъ, просилъ и другой офицеръ.

— Право—разгоните тоску и свою и нашу... Вы видимо о чемъ-то тоскуете.

Туманъ, туманъ по долинямъ,
Широкой лѣтъ на ялинѣ,
А ще ширшій на дубочку,
Нояля голубъ голубочку,
Да не свою, а чужую...

Это тануль тихо, заунывно, какой-то матросикъ, забывшись про-
между снастей.

— Что воешь?—али подыхать собрался?
 — Это онъ объ своей Марусѣ...
 — Ишь панихиду тянетъ—со святыми упокой, шутили другіе матросы:—и языкъ-то у хохла суконный, и пѣсня-то суконна.
 — Что жъ, Евдокимъ Михайловичъ,—разскажете?
 — Что жъ вамъ разсказать? спросилъ онъ.
 — Да всю вашу морскую жизнь... Вспомните все...
 — Хорошо—такъ и быть... Вспоминать—значить переживать...
 Попробую пережить опять мое прошлое, побывать съ вами въ далекихъ моряхъ...

— И разчудесно!—давно бы пора.
 — Отлично!—мы слушаемъ.
 — Да вся суть-то, господа, не долга — исторійка невеличка — мыканье какъ мыканье, да въ душѣ-то за все мыканье много перебивало: и камушки-то самоцвѣтные въ душѣ свѣтились, а порой и жорновомъ осельнымъ сердце-то приваливало, какъ тамъ, помните, что привалиша камень съ кустодіею. Всего въ душѣ перебивало... Спервоначалу-то, еще мальцомъ когда былъ, гардемариномъ, такъ все больше нудили лѣтомъ по чухонскому океану—то около Кронштадта, то у Ревеля толчемся. Испыталъ я и эту морскую болѣсть, а потомъ обтерпѣлся. А молодая-то душа все вдаль рвалась: крылья-то ужъ Господь Богъ далъ ей могучія—непосѣда душа человѣческая, все едино что вотъ у васъ...

Онъ кивнулъ голубоглазому блондину, который жадно слушалъ.

— Крылья — и летѣ-летѣ на крылу вѣтрению, улыбнулся смуглый.

— Да, точно,—жаденъ духъ человѣческой—все ищеть, все рыщеть по свѣту, пока въ могилку не заглянетъ... Ну-съ, государи мои, плескались мы сначала у родныхъ береговъ, а какъ доплескался я до мичмановъ, такъ и выпустили изъ клѣтки—лети, душа!.. Сначала вышли мы въ свое пока море—до Копенгагена... И то такъ и Ёль глазами все невиданное: — и солнце-то, кажись, не такъ ходитъ, и люди-то не такъ созданы... Да это что! простора еще не было... А тамъ—дальше да больше, больше да шире—и до Портсмута добрался, и весь этотъ «туманный Альбіонъ» очами поѣдалъ, и съ Цезаремъ, кажись, да съ его легионами блуждалъ по этимъ сѣрымъ берегамъ... А тутъ ужъ, понимаете, государи мои, самъ сѣдой старецъ, его величество океанъ, на васъ дышетъ величіемъ божиимъ... Я, дуракъ, упалъ на колѣни передъ нимъ — заплакалъ отъ счастья — слезы только капъ-капъ-капъ... Слышу, божеская грудь на меня, на ничтожнаго мичманишку, дышетъ, великая грудь... А Алексѣй Григорьичъ Орловъ увидалъ меня въ такомъ блаженномъ оцѣпененіи да и улыбается: «что, говорить, Кравковъ, пробрало?...» И точно я будто бы самъ выросъ на сѣ-

дыхъ гривахъ этого великана — точно я выше сталь, въ груди силы прибыло—самъ чуять, какъ крылья въ душѣ вырастаютъ...

— Ну, и что жъ дальше?—Въ океанѣ...

— Въ океанѣ, сударь мой, я точно выросъ — въ лейтенанты меня произвели... Ну, и полетѣли мы дальше по сѣдому океану: Франція, Испанія, Португалія — все это я топталъ вотъ этими ногами, вспоминая подчасъ мою далекую Оку, мою скромную деревеньку и усадьбу...

Онъ разомъ замолчалъ и задумался... Ему, казалось, слышался голосъ: «я морю молюсь: отдай мнѣ его, сине море!»..

— Франція, Испанія, Португалія, повторялъ его слова безпкойный блондинъ:—а тамъ—дальше?

— Не выдержалъ! какъ-то глухо произнесъ разскащикъ.

— Чего не выдержали, Евдокимъ Михайловичъ?

— Душа не выдержала, тѣло не выдержало души—перелилась чаша черезъ край—я занемогъ...

— Чѣмъ?

— Объялся, обожрался.. Не я, не тѣло объялось, а духъ мой: ужъ больно жадно духъ мой пожиралъ новыя впечатлѣнія... Въ Италиі уже, въ Ливорно, я слегъ...

— Чтожъ съ вами было?

— Не знаю, голубчикъ,—горячка что ли, только когда я началъ оправляться, такъ Орловъ велѣлъ меня отправить въ Питеръ уже по сухопутью.—Это было въ маѣ 1771 года. А въ слѣдующемъ году я ужъ опять мыкался по морямъ, да не по южнымъ, не подъ жаркимъ солнцемъ Италиі, а подъ солнцемъ Ледовитаго океана. Что за угрюмое море, государи мои! — и какъ величественно непривѣтливо!.. Изъ Архангельска я обогнулъ Нордкапъ. Среди этого Ледовитаго чорта можно съ ума сойти! — представьте только въ своемъ воображеніи: плывете вы день, плывете другой, третій, четвертый,—а солнце все не заходитъ — все вертится какъ опалѣное кругомъ, съ утра до вечера, съ вечера до утра, все плаваетъ этотъ страшный огненный шаръ надъ горизонтомъ и не тонетъ въ морѣ... Страшно становится подъ конецъ! хочется уйти, спрятаться отъ этого обезумѣвшаго небеснаго свѣтила—думается, что оно сбилось съ своего пути, потеряло ночь и не можетъ найти ее—просишь у Бога ночи—нѣтъ, нейдетъ ночь... Изобразите себѣ въ мысляхъ эту картину: солнце потеряло свой закатъ, солнце свѣтитъ не оттуда, откуда оно свѣтило вамъ всю жизнь — съ востока, съ юга, съ запада — нѣтъ! оно свѣтитъ съ сѣвера и тѣнь вашу посылаетъ на югъ... Отъ этого вида точно и мозги-то ваши опрокидываются. Обезумѣло, какъ есть обезумѣло солнце!—Я самъ чуть не обезумѣлъ—я не могъ спать—я началъ было пить съ тоски—я просилъ ночи, тьмы, а тьма пропала...

— А матросы что? весь красный отъ волненія спросилъ голу-боглазый.

— Что матросы!—Говорять: вотъ благодать! кабы-де да у насъ въ деревнѣ такъ весь годъ свѣтло было, такъ и лучины бы не надо было запасать.

— Молодцы матросики!—Вотъ философы! засмѣялись оба офицера.

— Да, только они и отраду давали: послушаешь это, какъ они на-счетъ солнца-то острять да выгадываютъ, ну—и полегчаетъ на душѣ... Солнушко, говорятъ, съ пьяну съ дороги сбилось—дверей не найдетъ—и шатается по небу... Кита, говорятъ, спужалось—боится въ воду окунуться...

— Ну, а какъ вы оттуда выбрались?

— Кругомъ—мимо Гиммерфеста, да сторонкой отъ гольфстрема и обогнули всю Норвегію и Швецію, да опять въ чухонское море—въ Ревель.

— А какъ же вы попали въ Архипелагъ?

— Это послѣ. Это я потомъ назначенъ былъ въ эскадру контръ-адмирала Самойлы Карлыча Грейга. Такъ ужъ съ нимъ мы ходили до Копенгагена сначала, а оттуда въ Портсмуть, а далѣе — опять въ Средиземное море, къ Ливорнѣ, а ужъ оттуда въ Архипелагъ.

— Что-жъ вы тамъ дѣлали?

— Да все крейсировали, какъ и здѣсь,—турецкіе корабли ловили.

— А много изловили?

— Не мало... Больше все топить приходилось... Тамъ меня и въ капитанъ-лейтенанты произвели...

Течетъ рѣчка дозоньками,

Плачетъ дѣвка слезоньками, —

тянулъ за душу все тотъ же унылый, однообразный голосъ.

— Это Маруська-то что-ль плакалась?

— Маруська, знамо, все по ёмъ...

— Ваше благородіе! ваше благородіе! точно изъ земли выросъ матросикъ.

— Что ты? тревожно спросили офицеры.

— Кажись турка крадѣтца...

— Гдѣ? гдѣ видишь?

— Вонъ тамotka... во-во, должно къ Анапу улепетываетъ...

На фрегатѣ все зашевелилось. Раадалась команда. Заскрипѣли блоки, снасти. Матросы словно кошки расъялись по реямъ. Заходили паруса точно живые, надулись Богъ-вѣсть откуда взявшимся вѣтромъ... Точно само море проснулось...

— Ну вотъ, скучали безъ работы — вотъ и работа будетъ, на ходу бросилъ словами Кравковъ своимъ собесѣдникамъ, быстро, отрывисто отдавая приказанія.

— Живо — готовь фитили! осмотрѣть запалы!

— Вотъ тѣ и Маруська...

— Лѣвѣй, лѣвѣй, чортъ!

Фрегатъ накренился, сдѣлалъ полуоборотъ и на всѣхъ парусахъ полетѣлъ къ Анапѣ.

II.

На родинѣ.

Въ ясный, лѣтній вечеръ, когда солнце опускалось уже на темныя игольчатыя вершины сосенъ и елей, обывательская тройка, мѣрно позвякивая колокольчикомъ, тихою рысцою катила по извилистому проселку, постукивая о сухую землю нешипованными колесами простой извозничьей телѣги. Проселокъ извивался вдоль Оки по направлению къ Гороховцу.

На облучкѣ сидѣлъ ящикъ въ синей посконной рубахѣ и въ шляпѣ гречушникомъ, и какъ бы для очищенья совѣсти постоянно махалъ надъ лошадиными крупами обдерганнымъ кнутикомъ, сопровождая эти помахиванья эпическими, лѣнивыми и ему и лошадямъ прискучившими возгласами: «но-но, богovy! съ горки на горку—дасть баринъ на водку... но-но, пошаливай!»—хотя флегматическія лошади и не думали шалить.

— Трогай-трогай! понукаль, въ свою очередь, сидѣвшій въ телѣгѣ «баринъ»:—ужь не далеко осталось.

— Но-но, погромыхивай, богovy! не далече — помахивай!

Сидѣвшій въ телѣгѣ «баринъ» былъ Кравковъ, Евдокимъ Михайловичъ, тотъ самый загорѣлый капитанъ-лейтенантъ, котораго мы видѣли на Черномъ морѣ и который рассказывалъ о своихъ далекихъ скитаніяхъ двумъ молодымъ морячкамъ мичманамъ.

Кравкову, не богатому, но даровитому отъ природы юношѣ, съ самой школьной скамьи молодая жизнь улыбалась. Умный отецъ его, мелкопомѣстный дворянинъ Владимірскаго намѣстничества, служившій въ гвардіи и вышедшій въ отставку съ небольшимъ чиномъ, замѣтивъ способности «востроглазаго Евдоши», порѣшилъ, что онъ умомъ и знаніемъ долженъ завоевать свое счастье, и отдалъ его въ морской кадетскій корпусъ. «Не даромъ Великій Петръ любилъ море—въ морѣ сила, моремъ свѣтъ держится: — пусть же мой Евдоша хлебнетъ изъ этого ковша, какъ Илья Муромецъ, и наберется силы», часто говаривалъ онъ про своего бойкаго сынишку. И Евдоша не обманулъ ожиданій отца:—изъ Евдоши вышелъ способный морякъ, хотя, когда онъ уже мичманомъ явился на родину, некому было на него порадоваться. Онъ нашелъ въ

своей деревенькѣ только двѣ могилки — отца и матери, да зеленѣющую надъ ними кудрявую березку.

Поплакавъ подъ этой березкой, онъ опять воротился къ своему морю, которое, какъ поэтъ въ душѣ и мечтатель, любилъ больше всего на свѣтѣ. И вотъ, какъ мы видѣли въ предъидущей главѣ, начались его мыканья по синимъ, по зеленымъ и по фіолетовымъ волнамъ океана. Всѣ товарищи любили Кравкова, какъ задушевнаго, честнаго до мозга костей и въ высшей степени симпатичнаго человѣка, пылкаго фантазера и хорошаго собесѣдника. Начальство отличало его передъ всѣми какъ способнаго моряка, хотя и косилось на него за одну его, съ ихъ точки зрѣнія, слабость—за гордость, холодность отношеній къ высшимъ, за самостоятельность убѣжденій. Онъ никогда не заискивалъ въ начальствѣ, не забѣгалъ впередъ, не умѣлъ мило льстить, изловчаться. Когда даже всесильный Орловъ трепалъ его любезно по плечу, онъ какъ будто хмурился. «Я не теленокъ, чтобъ меня гладили», говорилъ онъ при этомъ товарищамъ. Онъ много читалъ. Мыкаясь по свѣту, онъ доставалъ въ Европѣ такія книги, какихъ въ Россіи достать было не легко. Руссо съ его философіею природы былъ его любимымъ писателемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ глубоко любилъ высокую, чарующую своей простотой, поэзію Евангелія, и оно вмѣстѣ съ Руссо составляло его настольную книгу.

Въ поэзіи моря, какъ и въ поэзіи Евангелія, онъ видѣлъ идеалы своей жизни, и другихъ идеаловъ онъ не искалъ бы, кажется, со-всѣмъ, если бы въ его отзывчивое сердце не заронилъ луча живой, реальный идеалъ съ плотью и кровью и съ прелестными сѣрыми глазами.

Когда видъ могучаго океана въ первый разъ произвелъ на его душу потрясающее впечатлѣніе и когда подъ тяжестью своихъ собственныхъ страстныхъ порывовъ его нервы не выдержали и онъ слегъ въ Ливорно, откуда Орловъ и отправилъ его для поправленія здоровья на родину,—онъ въ своей гороховецкой вотчинѣ встрѣтился съ тѣмъ реальнымъ идеаломъ съ сѣрыми глазами, который и занялъ въ его душѣ мѣсто рядомъ съ поэзіею палестинскихъ рыбаей. Это была дочь его сосѣда, богатаго барина, масона и «волтеріанца»—шаловливая Катя, выросшая на полной свободѣ какъ лѣсная бѣлка и какъ бѣлка подвижная и стремительная. Катя полюбила загорѣлаго моряка, котораго она слушала съ замираніемъ сердца, когда онъ рассказывалъ ея отцу о своихъ скитаніяхъ по голубымъ и фіолетовымъ морямъ. Влюбленные по-глялись принадлежать другъ другу во что-бы то ни стало. Но такъ-какъ Катя хорошо знала характеръ своего упрямаго отца, который не разъ высказывалъ, что скорѣе застрѣлитъ свою любимицу дочь какъ бѣлку чѣмъ позволить ей унижить свой родъ—выйти за какую-нибудь «мелкую сошку»,—то молодые люди и

порѣшили выждать совершеннолѣтія Кати, чтобъ потомъ, не нарушая ни гражданскихъ законовъ, ни законовъ приличія, соединиться уже на вѣки.

Только не такъ вышло, какъ имъ мечталось.

Во время послѣдней крейсировки на Черномъ морѣ, Кравковъ получилъ извѣстіе, что его невѣсту самодуръ отецъ хочетъ насильно отдать замужъ за богатое и титулованное ничтожество. Возвратившійся изъ Владиміра въ азовскую флотилію, бывшій въ отпуску, лейтенантъ, пріятель Кравкова, привезъ ему письмо, въ которомъ невѣста умоляла его немедленно пріѣхать: «и мое и твое счастье на волоскѣ» писала она между прочимъ:—«а если ты не пріѣдешь, то мнѣ остается только въ Оку броситься».

Кравковъ тотчасъ же подалъ въ отставку и при прошеніи представилъ свидѣтельство врачей о болѣзни, а самъ поскакалъ въ Петербургъ—лично хлопотать и объ отставкѣ, и о пенсіи.

Въ адмиралтействъ-коллегіи все сдѣлано быстро и на докладъ коллегіи послѣдовала высочайшая резолюція о выдачѣ Кравкову пенсіона.

Но тутъ-то и начались тѣ мытарства; та всероссійская правда, которая губить мелкія и честныя единицы ради интересовъ крупныхъ государственныхъ паразитовъ. Не смотря на высочайшую резолюцію, графъ Чернышовъ Иванъ Григорьевичъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи, рѣшительно отказалъ выдать Кравкову пенсію.

— Нѣтъ у насъ, государь мой, пенсіонной для васъ суммы! рѣзко сказалъ онъ Кравкову при всѣхъ просителяхъ:—мы обязаны оберегать интересы ея императорскаго величества.

Кравковъ очень хорошо зналъ, какъ этотъ господинъ оберегалъ интересы государства. Моряки его не иначе называли какъ «воръ-президентъ» адмиралтействъ-коллегіи, а не вице-президентъ. Сама императрица была объ немъ самаго низкаго мнѣнія. Она сама говорила Храповицкому о всѣхъ его продѣлкахъ—и о томъ, какъ онъ у князя Ордова «зажилить каминь»—подлинныя слова Екатерины—«и не возвратилъ взятыхъ на то денегъ, когда ѣздилъ въ Англію», и о томъ, какъ онъ оттягалъ картины у вдовы герцога Кингстона и пр.

Этотъ-то господинъ ни за что, ни про что при всѣхъ оборвалъ Кравкова, который еще никому не кланялся.

Несчастный очутился безъ копѣйки денегъ.

— И не ищите правды, говорили Кравкову его петербургскіе товарищи по корпусу, когда онъ хотѣлъ жаловаться на Чернышова:—всѣ они таковы—воръ на ворѣ и воръ у вора изъ рукъ дубины рвутъ... У насъ правда только на бумагѣ.

Собравъ послѣдніе гроши, оставшіеся отъ жалованья, и продавъ мундиръ, онъ поскакалъ въ свою деревеньку, на Оку, увозя изъ

Петербурга очень не хорошее чувство къ «властителямъ и судіямъ» вообще.

«А что-то тамъ—дома?—не опоздалъ-ли? не все ли ужъ потеряно?» острымъ ножемъ рѣзали сердце вопросы, когда изъ-за зелени лѣса блеснула синеватая полоса родной рѣки.

— Да что ты такъ тащишься, любезный!—точно тебя за смертью послали! волновался онъ.

— Но-но, богovy! помахивай!

— Кой чортъ помахивай! еле ноги переставляютъ! болванъ!

— А! ѣжь те муха! шевелись—пошевеливай!

Но вотъ показалась знакомая роща, гдѣ когда-то Евдоша, еще рѣзвымъ мальчикомъ, за бѣлками гонялся, а тамъ—все еще чертѣются знакомыя грачовыя гнѣзда. Грачи ужъ вывелись—вонъ какъ орутъ надъ рощею. И скворешня знакомая торчитъ надъ скотнымъ дворомъ. Какъ почернѣла!—а тогда была еще новенькая. А гдѣ теперь тотъ «Петька» скворецъ, котораго юный Кравковъ передъ отправленіемъ своимъ въ морской корпусъ самъ воспиталъ и который такъ хорошо величалъ самого себя—«скворгушка, скворгушка»?..

Вонъ и березка кудрявая, подъ тѣнью которой пріютились двѣ знакомыя могилки съ покосившимися крестами.

Знакомая родная деревенька съ черными избушками и клѣвушками и осиротѣлая родная усадьба—какое все это маленькое, жалкое, но дорогое сердцу!

Но не такъ его сердце рвется къ этой родной усадьбѣ, какъ вонъ къ тому большому барскому дому, что стоитъ за Окой какъ разъ противъ его скромной усадьбы. Домъ съ колоннами, съ цвѣтникомъ, съ садомъ, съ теплицами.

Но отчего всѣ окна въ немъ закрыты ставнями? Отчего не видно кругомъ движенія, жизни?—ни на террасѣ, ни на берегу—ни души. Точно все вымерло. Ея любимая лодочка—«Дельфинъ»—привязана у плота. Надъ ея мезониномъ не развѣвается знакомый маленькій флагъ съ изображеніемъ на немъ якоря.

Что все это значитъ?.. Уѣхали?—но куда?..

Только бѣлые голуби кружатся у ея балкона..

«Неужели опоздалъ»!.. У Кравкова сердце точно упало и замерло...

Ямщикъ, употребивъ послѣднія энергическія усилія, заставилъ законецъ свою тройку лихо подкатить къ невысокому крыльцу усадьбы.

Изъ воротъ съ лаемъ выбѣжали собаки. На крыльцѣ показались бѣлокурая дѣвочка—скорѣе дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и остановилась въ изумленіи.

— Барбось! а—старый, не узналъ!

Собака, не узнавъ лица своего господина, котораго давно не

видала, узнала его голосъ и завизжала отъ неожиданнаго счастья, показывая такую безумную радость и столько искренности, сколько самый любящій человекъ не сумѣетъ высказать словомъ и ласками.

— Батюшки! баринъ пріѣхалъ! закричала и дѣвочка захлебывающимся голосомъ, стремительно убѣгая въ дверь, изъ которой снова опять выскочила красная какъ кумачъ.

— Здравствуй, Поля, ласково сказалъ Кравковъ, выгѣзая изъ тѣлѣги и съ трудомъ отбиваясь отъ Барбоса, примѣру котораго послѣдовали и другія, младшія собаки: «значить, такъ слѣдуетъ—это баринъ», быстро сообразила четвероногая дворня.

Дѣвушка робко подошла къ Кравкову и схватила было его руку, чтобъ поцѣловать ее; но тотъ отнялъ руку и поцѣловалъ дѣвушку въ голову. Она еще болѣе вспыхнула.

— А Лукьяновна—няня—здорова?

— Здорова-съ, баринъ. Да вонъ и сама баушка.

На крыльцѣ, на которое уже успѣлъ взойти и Кравковъ, въ дверяхъ, показалась старуха. Она безмолвно всплеснула руками и закрыла ими лицо...

— Охъ, баринушка! охъ, милый! о-охъ!

— Здравствуй, няня...

У Кравкова голосъ сорвался. Онъ предчувствовалъ что-то недоброе. Онъ увидѣлъ, что заплакала и дѣвушка, и старуха вся дрожала, всхлипывая.

— Что съ тобой, няня!—что случилось?

Онъ самъ испугался своего вопроса... Зачѣмъ онъ спросилъ?... Онъ боялся отвѣта на свой, прорѣзавшій его собственное сердце вопросъ.

— Охъ батюшка! родной мой! баринушка!

— Да что же?—что съ вами?—Онъ уже боялся спросить: «что случилось?».

— Охъ родной! охъ батюшка! свѣтликъ ты мой!

— Да скажи ты, Поля,—что съ няней?

Но и дѣвушка только нуще расплакалась.

Тогда старуха, отнявъ руки отъ лица, стала порывисто крестить своего барина.

— Пстой—пстой, родимый... Дай сердцу-то на мѣстѣ стать — все расскажу.

— А лошадожъ-то, баринъ, распрягать велишь? вмѣшался ямщикъ.

— Извѣстно—распрягай.

— Ишь упарили!—и дорожка же!

— Что жъ мы тутъ стоимъ? заговорила вдругъ старушка:—пожалуй въ горницу, батюшка, а ты, Полюша, бѣги — ставеньки открой.

Кравковъ машинально, самъ того не сознавая, отворилъ дверь въ сѣни, а потомъ, направо, въ знакомую съ дѣтства «горницу». Въ ней было темно какъ въ могилѣ. Разнородныя ощущенія клещами сдавили сердце... Такого смутнаго страху онъ и среди бурнаго океана не испытывалъ...

Ставня открылась—и свѣтъ словно бы испуганно ворвался въ комнату, въ одну ея половину, боясь проникнуть дальше. Скрипнула и отворилась другая ставня...

Знакомыя стѣны, столъ, стулья и на стѣнѣ потемнѣвшая картина, изображающая Петра Великаго въ бурю на Ладожскомъ озерѣ... Какія ничтожныя волны въ сравненіи съ тѣми, которыя онъ видѣлъ!

На кругломъ столѣ, у кожанаго дивана, лежала женская соломенная шляпка съ голубыми лентами, и тутъ же маленькая палева перчатка.

У Кравкова не то радостью, не то новымъ страхомъ сжалось сердце... Нѣтъ, это не радость...

Вопшла нянюшка и, взглянувъ на шляпку и на своего барина, вновь заплакала...

— Ну, говори же, няня, разомъ:—умерла? глухимъ голосомъ, съ трудомъ, выговорилъ онъ послѣднее слово.

— Охъ, нѣтъ, родимый...

— Нѣтъ, говоришь?—няня!—гдѣ жъ она!

— Охъ, постой—постой, болѣзненный,—все, горемычная, расскажу...

Пришла это она, голубушка, ни жива, ни мертва, положила это на столъ свою шляпочку и вонъ эту перчаточку, да и говорить: нянюшка—гитъ, меня батюшка силкомъ замужъ хочеть отдать, за Никиту Кирялыча, а я-гитъ—не хочу за него, я-гитъ—и передъ Богомъ и передъ людьми невѣста твоего барина, Евдокима Михайлыча... Охъ!

Старуха остановилась и опять заплакала. Кравковъ съ трудомъ передохнулъ.

— Ну, говори, няня,—не плачь.

— Не буду, не буду, родной, всхлипывала старуха:—вотъ она, горлянка божья, и говоритъ: я-гитъ-нянюшка, ушла отъ родителя,—я-гитъ-хочу ѣхать къ Евдокимъ Михайлычу, поѣду-гитъ—во Владиміръ, а отголѣ-де напишу ему, чтобъ пріѣзжалъ за мной.—Что жъ—говорю—и съ богомъ, дитятеко, коли ужъ васъ Господь раньше благословилъ къ супружеству, — повѣжай, говорю, ластушка.—Въ ночь, гитъ, и выѣду,—только бы мнѣ лошадокъ достать да ямщика.—Что жъ—я говорю—барышня, за лошадами дѣло не станеть:—мой-де Ермилъ съ Полюшей и проводятъ тебя до Владиміра.—Только я это, родной мой, выговорила, какъ слышу у крыльца конскій топотъ. Барышня глянула въ окошко, да такъ и помертвѣла: отецъ—говорить—а съ нимъ вмѣстѣ тотъ

злодѣй... Что я буду дѣлать! Пропала я, бѣдная!—А сама ручки ломаешь...

Старуха опять остановилась. Кравковъ сидѣлъ блѣдный, съ широко раскрытыми, точно отъ ужаса, глазами.

— Ну... кончай же... Они увезли ее?

— Охъ, нѣту, родной... Дай передохнуть... Вбѣжали это въ комнату... А—говорить старый-то баринъ—ты здѣсь!—ахъ ты—гитъ—упрямая дѣвчонка!—вся въ меня—только я—гитъ—сильнѣе тебя... Да взялъ ее, голубушку, эдакъ въ охапку какъ дитю малую, и понесъ на крыльцо... А она, сердешная, только молить слезно: пустите—пустите меня... А родитель-то ейный, отецъ-отъ, вынесъ ее эдакъ, голубушку, на крыльцо да и передаетъ съ рукъ на руки нелюбу-то злудѣю.—Берите—гитъ—дочь мою изъ родительскихъ рукъ:—она-де теперь ваша и передъ Богомъ и передъ людьми. Теперь она—гитъ—глупа, молодешенька, свою талану-счастья не разумѣетъ, а послѣ меня-же-де благодарить будетъ.—Да такъ ее въ руки-то злудѣю и вложилъ, какъ ребеночка.. А она, сердешная, какъ вскрикнетъ не своимъ голосомъ, какъ вскрикнетъ!... О, Господи! Господи!

— Такъ и увезли?

— Нѣту! охъ—нѣту! коли бъ увезли...

— А что?—говори же, не мори меня!

— Баринушка мой! не могу—языкъ не выговорить...

— Что же?—Господи!

— Слушай же... Все доскажу—дорѣжу тебя... Какъ злудѣй-то взялъ ее въ руки, а она, ластушка, какъ вскрикнетъ, да и вырвись изъ рукъ погубителя-то свою... Охъ!... А отецъ-отъ опитъ за нее... А она какъ кинется на берегъ, да съ кручи-то прямо въ Оку... Только и видѣли ее...

Кравковъ не имѣлъ силы даже вскрикнуть...

— А какъ барышня бѣжали къ Окѣ, такъ они сказали: «я къ тебѣ иду—возьми меня» — да съ этимъ словомъ и нырнули съ кручи, добавила Поля, которая стояла у дверей и рукавомъ рубахи утирала глаза.

Кравковъ продолжалъ сидѣть попрежнему. Онъ даже не плакалъ.

Старуха нѣсколько успокоенная тѣмъ, что онъ, казалось, не такъ сильно былъ пораженъ ея рассказомъ, какъ она того ожидала, стала припоминать подробности.

— И платьице-то на ей, на голубушкѣ, было свѣтленькое да веселенькое такое...

— По бѣлому полю твѣтки махоньки, поясняла Поля.

— Стали искать это ее въ рѣкѣ баграми да неводами, продолжала старушка.

— А самъ баринъ въ лодкѣ въ барышнинной, опять поясняла внучка.

— Не мѣшай, глупая.. Искали-искали ее... Не далече вить и отнесло ее... Вонъ тамъ и нашли...

— Супротивъ, почитай, березки, не вытерпѣла Поля.

— Вынули это ее, сердешную, а у нее и головка падаетъ, и косынька-то растрепалась... Я мигомъ простыни притащила, чтобы на простынку-то ее положить да качать... На твоихъ простынкахъ, родной, и качали ее... Спать бы ей, горемышной, съ тобой на этихъ простынкахъ да радоваться—такъ нѣтъ—не привелъ Богъ...

— А я ей платье, барышнѣ-то, разстегнула — баринъ велѣлъ, добавила Поля:—самъ онъ хотѣлъ разстегнуть, да руки трясутся...

— Убивница онъ—вотъ что, а не отецъ! съ сердцемъ сказала старушка.

— Что жъ—не откачали? чуть слышно спросилъ Кравковъ.

— Гдѣ откачать, батюшка!.. Такъ и отвезли ее на ту сторону съ нашими простынками.. Послѣ ужъ я ихъ взяла.. А на третій день и похоронили сердешную... Еще городской попъ-отъ не хотѣлъ ее хоронить—утопница, говоритъ,—безъ попа-де да безъ ладону померла,—такъ ѣный баринъ кнутомъ попу пригрозилъ—ну и схоронили голубушку, тамъ же, въ садикѣ у нихъ.

— А самъ баринъ уѣхалъ, вставила свое слово Поля.

— Куда уѣхалъ?

— Въ чужія земли, сказываютъ, уѣхалъ, а домъ велѣлъ запереть наглухо, отвѣчала старуха.

Кравковъ взялъ въ руки маленькую перчатку, поглядѣлъ на нее и снова положилъ на столъ... Въ этотъ моментъ онъ почувствовалъ себя такимъ одинокимъ сиротой во всемъ мірѣ, такимъ чужимъ для всѣхъ... Ничего у него не осталось—ни моря, ни жизни...

Онъ упалъ головой на столъ и зарыдалъ... Старуха и дѣвушка стояли около него и тоже плакали.

III.

Въ тихомъ смутѣ.

Для Кравкова началась не жизнь, а вѣчная агонія.

Въ то время когда онъ былъ въ морѣ, когда у него было дѣло, которое онъ страстно любилъ, которое составляло цѣль и всю окраску его жизни, въ которое онъ, наконецъ, воплотилъ идеалъ своего духа,—для него міръ не казался пустыней:—въ этомъ мірѣ была у него цѣль, къ которой онъ шелъ, и жизнь казалась ему вѣчнымъ движеніемъ впередъ, постепеннымъ достиженіемъ чего-то искомага, что и было его идеаломъ, хотя быть можетъ не ясно сознаннымъ, смутно представляемымъ.

Потомъ, когда онъ нашель—въ этомъ исканіи своего идеала—и нашель совершенно случайно, точно съ завязанными глазами, какъ древніе изображали «слѣпое счастье»—нашель другой идеаль—идеаль личнаго счастья,—міръ казался ему раемъ, въ которомъ все было уготовано для его личнаго блаженства.

И вдругъ—все это было разрушено... Онъ бросилъ море, своихъ товарищей, свои привычныя и любимыя занятія, все, что наполняло его жизнь, бросилъ для новой жизни, которая представлялась ему такою лучезарною—и что же нашель!

Онъ разомъ потерялъ все. Жизнь потеряла для него всякій интересъ и весь міръ сталъ для него пустыней...

Куда идти? Чего искать?—Да для чего, зачѣмъ?—Идти развѣ туда же, въ Оку...

Но это бы еще ничего, что міръ сталъ для него пустыней. Можно было бы и въ пустынь забыться. Но забыться нельзя... Взаимнѣ всего, что у него было, ему оставили что-то незабываемое, отъ котораго и въ пустынь нельзя спрятаться... Ему оставили страданія, острия, жгучія... Куда отъ нихъ бѣжать? Какъ тутъ забыться!... Онъ былъ глубоко одинокъ; но онъ былъ не одинъ: и днемъ и ночью за нимъ ходило это незабываемое—эти острия, жгучія муки...

Онъ потерялъ сонъ... Цѣлыя ночи онъ или сидѣлъ на берегу Оки, тамъ, у березокъ, или отправлялся на ту сторону рѣки, гдѣ подъ землею лежало что-то для него не умершее... Онъ сидѣлъ и думалъ—мучительно думалъ...

Если-бъ еще онъ могъ вновь отдаться дѣлу, которое онъ любилъ; но онъ самъ порвалъ съ этимъ дѣломъ такъ рѣзко, въ такихъ окончательныхъ формахъ, что возвратиться къ нему не было никакой возможности... Да и зачѣмъ теперь ему дѣло!

Какія безконечныя ночи!—и дни безконечныя... Хоть бы сномъ забыться... И на Окѣ тихо, и въ лѣсу тихо—ничто не шелухнетъ... Онъ сидитъ на берегу Оки, сжавъ голову руками...

Что это—какъ будто кто плачетъ?... Кому же плакать, какъ не его собственной душѣ?

Нѣтъ—плачетъ кто-то...

— Кто тутъ?

Нѣтъ отвѣта. Это ему представляется — чудится въ ночной тиши...

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ кто-то плачетъ, и близко — явственно всхлипываетъ. Онъ поднимаетъ голову... Да, точно—плачетъ...

— Кто тутъ?—кто плачетъ?

Онъ всталъ и направился къ тому мѣсту, откуда слышался плачь. Подъ кустомъ что-то бѣлѣлось.словно чѣмъ-то ожгло его по сердцу...

— Кто это?

— Это я, баринъ, отвѣчалъ всхлипывающей голосъ.

— А—это ты, Поля... Зачѣмъ ты адѣсь?—объ чемъ плачешь? Дѣвушка еще сильнѣе заплакала.

— Что съ тобой, Поля?—зачѣмъ ты не дома—не спишь?

— Ахъ, баринъ... А вы сами... котору ночь не спите...

Онъ схватилъ себя за голову.

— Я не могу спать, Поля... А ты ступай—не мѣшай мнѣ...

Вѣроятно, онъ скоро покончилъ бы съ собой, если-бъ жестокая горячка не уложила его въ постель. Двѣ недѣли онъ былъ между жизнью и смертью. Старушка няня и въ особенности ея внучка не отходили отъ больного. Въ бреду онъ говорилъ такія вещи, которыхъ ни старуха, ни дѣвушка не понимали: то чудились ему какія-то далекія моря, по которымъ онъ, казалось, плавалъ и проносилъ непонятныя слова; то жаловался на какихъ-то злыхъ и бессердечныхъ людей; то вспоминалъ какое-то письмо и звалъ кого-то. Всего страшнѣе казалось для его юной сидѣлки — для Поли, когда онъ говорилъ съ какимъ-то моремъ, какъ-будто съ живымъ человѣкомъ: «отдай мнѣ его, синѣ море, отдай—отдай!..»

Поля совсѣмъ извелась за это время, но не оставляла больного, какъ ни уговаривала ее старая бабушка. Когда старухи было въ комнатѣ, дѣвушка часто становилась на колѣни и по цѣлымъ часамъ молилась. Когда больной сталъ приходить въ себя и къ нему иногда возвращался сонъ, дѣвушка украдкой цѣловала у соннаго руку и тихо плакала.

Нѣкоторые ближайшіе сосѣди, узнавъ о возвращеніи Кравкова и о постигшемъ его несчастіи, пріѣзжали къ нему; но старуха, видя, что пользы отъ этихъ посѣщеній не выдалось никакой, старалась не пускать ихъ къ больному.

Но и горячка прошла, какъ все проходить на свѣтѣ, только нравственное состояніе Кравкова не улучшалось. Прежнихъ стремленій уже не было въ душѣ; острия боли также въ ней нѣсколько поулеглись, но тупая тоска не покидала его, какъ не покидали и воспоминанія о его «потерянномъ раѣ». Онъ потерялъ и вѣру въ людей. А между тѣмъ жить надо было. Ни постигшее его великое горе, ни тяжкая болѣзнь не разрушили его организма, а только надломили энергію его духа, оборвали въ душѣ какія-то струны...

«Живи, Кравковъ, живи—говорилъ онъ самъ съ собою, медленно поправляясь, и бродя одиноко по берегу Оки:—не умерь—значить, долженъ жить... А для чего? — А какое тебѣ дѣло до этого?—Велѣно жить—и живи... Это твоя барщина... Вонъ твои мужики работаютъ на тебя—это ихъ барщина...»

Но кромѣ личнаго горя, въ его душѣ вставали общіе вопросы жизни.

«Гдѣ же правда?... Тамъ, въ роскошныхъ палатахъ, ея нѣтъ—она и не завиталась тамъ... У Чернышова правда? — У всѣхъ

этихъ напудренныхъ вельможь, у которыхъ на словахъ общественное благо, а на глазахъ крокодиловы слезы?... Знаю я эту правду— и ей служить я не буду...»

— Ты что, Поля?

— Меня за вами баушка послала, баринъ.

— А что?

— Баушка говорить—обѣдъ простынетъ... Кушать пожалуйста...

— А—хорошо... Ты что, Поля, такая блѣдная?

— Я ничево, баринъ... такъ...

— Ты за мною замаялась, бѣдненькая, когда я былъ боленъ?

— Нѣтъ... это что же-съ?... это такъ...

— Хорошо, Поля,—я сейчасъ приѣду.

«Равнѣ воть у этихъ, бѣдныхъ людей, правда? Вонъ они какъ за мной ходили... Вотъ хоть бы и Поля... Да это, можетъ быть, отъ холопской ихъ преданности? Это ихъ барщина—ходить за мной...»

«Говорили—у масоновъ правда... Знаю я эту правду!—Въ Херсонѣ вонъ офицеры втянули меня въ эту бездну, и я насилу выкарабкался... Тамъ все барство—всѣ бары лѣзуть въ масоны—явля и вельможи... Вотъ, говорятъ, и Чернышовъ масонъ... Не таковы были люди христовой правды: они ходили босикомъ, въ милотяхъ и шкурахъ козыихъ, рыбу ловили, отъ рукъ своихъ кормились... А эти!—это Навуходносоры—велятъ, чтобъ имъ кланялись, какъ тому идолу на полѣ Деирѣ... Нѣтъ, не тутъ правда... Была для меня правда въ морѣ, только въ морѣ она и потонула... Кому я тамъ служилъ?—Имъ же—Навуходносорамъ, и они же меня бросили въ печь огненную...»

— Что вы, баринушко, мало кушаете у насъ?

— Нѣтъ, няня,—я хорошо ѣмъ.

— Ужъ и хорошо,—словно цыпленокъ клюетъ... А яишенка-то какая!

— Яичница чудесная, няня.

— Чудесная, а не кушаете... А все оттого, что вокругъ своей печали ходите.

— Какъ такъ, няня?

— Да все думаете въ мысляхъ... А коли у человѣка мысли—нѣту тово хуже.

Кравковъ улыбнулся.

— Какъ же, няня, безъ мыслей-то жить?

— А какъ други-то люди живутъ!

— Гдѣ жъ они?

— Да хоша бы Петръ Ильичъ либо Андрей Исаичъ... Понавѣдались бы когда къ нимъ, а то они къ вамъ: воть бы мыслей то и не было... А они же всѣ навѣщали хвораво-то.

— Твоя правда, няня, бываю у нихъ.

— Они люди простые, хоша и господа тоже.

«Можетъ я тутъ, въ этой глуши, среди простыхъ людей найду правду и душевный покой... Они же живутъ—не рвутся къ небу... Да у нихъ впрочемъ и горя такого не было...»

— А это Полюша вамъ рыжичковъ набрала.

— Спасибо ей: она добрая дѣвочка.

— Въ сметанкѣ-та да съ сольцой—и-и-скусно.

Кравковъ послушался старухи и сталъ иногда видѣться съ сосѣдями—то онъ ихъ навѣститъ, то они къ нему прїѣдутъ. Хотя общество ихъ и не было ему по душѣ, да и интересы этихъ захолустныхъ, небогатыхъ помѣщиковъ были самые узенькіе, обыденные—вертелись то около поля съ запашками, то около охоты за зайцами и утками, или же вращались въ сферѣ мѣстныхъ сплетень, однако и съ этими дикарями онъ чувствовалъ менѣе свое одиночество. Но порой и эти сосѣди съ ихъ скучными разговорами наводили на него тоску. Какъ идеаль ихъ стремленій было тоже масонство; но Кравкову опротивѣла одна мысль о масонахъ.

Онъ чувствовалъ, какъ тоска и пустота жизни затягивали его, словно омутъ. Онъ опять сталъ задумываться. Опять воспоминанія прежней, такой разумной и свѣтлой жизни туманомъ падали на его душу. Опять въ этомъ прошломъ воскресалъ дорогой образъ. Онъ снова запирался дома, или безцѣльно бродилъ по лѣсу, по окрестностямъ. Но онъ чувствовалъ, что и тамъ, по лѣсу, за нимъ бродило что-то... Это бродило за нимъ его прошлое, его тоска... Отъ нея некуда уйти—развѣ въ могилу?

Но послѣдняя мысль казалась ему оскорбленіемъ всего его свѣтлаго прошлаго—безумною, грѣшною мыслью, барскимъ капризомъ... «Отъ барщины бѣжать?—Нѣтъ, живи, страдай...»

Всего мучительнѣе терзало его сознаніе, что онъ не можетъ возвратиться къ прежней жизни, которая теперь представлялась ему потеряннымъ раемъ. Мысль его, когда она на минуты отрывалась отъ созерцанія того, что имъ было потеряно вотъ здѣсь, на этомъ самомъ берегу,—блуждала по далекимъ морямъ, гдѣ надъ его головой сверкало чудное солнце юга, гдѣ чарующею картиною развертывались передъ нимъ волшебныя страны. Ему казалось, что онъ опять бродитъ по оливковымъ и апельсиннымъ рощамъ острововъ Архипелага, слышитъ прибой фіолетовыхъ волнъ вѣчно говорливаго моря... Тамъ, въ Геллеспонтѣ, созерцая берега нѣкогда бывшей Троянской земли, онъ переживалъ тысячелѣтія, своею душою чувствовалъ то, что чувствовали когда-то эти герои и полубоги Греціи, съ которыми онъ породнился мыслью еще на школьной скамьѣ...

«Но какъ воротиться въ этотъ дивный міръ?—Черезъ Петербургъ?»...

Но передъ нимъ вставалъ во всемъ омерзеніи барской спеси

возмутительный образъ Чернышова — и его гордый духъ возмутился... «Ни за что не поклонюсь презрѣнному сановнику!»

«Но какъ же жить?» снова терзался онъ вопросомъ.

«А живи такъ, какъ совѣтуетъ старуха нянька—безъ мыслей», отвѣчаетъ внутри его какъ бы чей-то посторонній голосъ.

И онъ рѣшился жить «безъ мыслей»: — онъ отдался теченію той жизни, которая его окружала.

Кравковъ снова сталъ видѣться съ своими сосѣдами, ѣздить съ ними на охоту, толковалъ о мужикахъ, объ урожаяхъ, о собакахъ. Онъ дѣлалъ то, что дѣлали всѣ. Но такъ какъ ни пороши съ заячьими слѣдами, ни собаки, не могли наполнить собой всей пустоты жизни, то дополненіе это старались находить въ винѣ:— въ этомъ зеленомъ россійскомъ океанѣ Кравковъ и надѣялся утѣпить свое горе.

Изъ нижеслѣдующаго читатель увидитъ, насколько Кравковъ успѣлъ въ этомъ.

IV.

Въ иргизскихъ скитахъ.

Прошло три года.

Лѣтнимъ утромъ 1780 года, за Волгой, по дорогѣ отъ села Мильковки, что нынѣ городъ Вольскъ Саратовской губерніи, къ Яику, шелъ какой-то прохожій, опираясь на длинную палку, какія обыкновенно носятъ странники.

Прохожій былъ мужчина лѣтъ тридцати-пяти, хотя рѣзкія морщинки, проведенныя на его лицѣ не то горемъ, не то думами, придавали этому строгому съ задумчивыми глазами лицу гораздо болѣе лѣтъ. На головѣ у него была прѣстая мужичья войлочная шляпа, какъ-то не помужичьи опущенная на глаза, которымъ, казалось, тяжело было смотрѣть на все окружающее. Одѣтъ прохожій былъ въ грубую синюю крапешинную рубаху съ косымъ воротомъ, въ такія же штаны, заправленные въ высокіе мужицкой работы сапоги. На плечахъ сѣрый зипунъ и котомка, да за поясомъ тыква-горлянка для воды.

Хотя по всему одѣянію это былъ совсѣмъ мужикъ, но въ лицѣ его, въ выраженіи глазъ и въ какомъ-то неуловимомъ огнѣ ихъ, было что-то такое, что какъ-будто говорило, что глаза эти на своемъ вѣку перевидали что-то другое, не то, что доступно простому мужику въ его обыденной обстановкѣ, а голова эта, прикрытая мужицкою шляпою, передумала много такого, о чемъ мужичья голова никогда и не загадываетъ.

Въ волосахъ прохожаго и въ бородѣ съ чернымъ волосомъ рѣзко переплетались серебряныя нити сѣдины.

Онъ остановился повидимому затѣмъ, чтобъ передохнуть. Солнце уже пекло сильно. Прохожіи окинулъ взоромъ разстлавшуюся передъ нимъ необозримую равнину. Это была степь, по которой семь лѣтъ тому назадъ бродилъ невѣдомый скиталець, за которымъ пошла потомъ половина Россіи.

— Экое море, Господи! тихо, съ какимъ-то умиленіемъ въ голосѣ проговорилъ прохожіи. — Только это не то море—не фіолетовое... А далеко-далеко оно, это фіолетовое море, словно моя молодость и мое счастье.

Онъ задумался. Безбрежная степь неволью навѣвала на душу думы. Тихо, безмолвно кругомъ. Изрѣдка надъ степью пролетитъ сѣдой лунь, плавными взмахами широкихъ крыльевъ нарушая мертвое однообразіе пустыни, да въ голубомъ прозрачномъ небѣ, трепеща острыми крылышками, рѣветъ сивая пустельга. Единственные живые голоса степи—это монотонно скорчащіе кузнечики.

— Такъ вотъ гдѣ мыкался Пугачовъ, гонясь за своею долею и за своею страшною смертію... Только я ужъ не ищу своей доли...

Онъ сбросилъ съ себя котомку, отвязавъ отъ пояса тыкву-горлянку и сталъ жадно пить находившуюся въ ней воду.

— Что-жъ мудренаго, что за Пугачовымъ всѣ пошли, когда кругомъ одна неправда? Гдѣ же правда-то?.. Говорятъ-тамъ, за этой степью, въ тихомъ уединеніи лѣса...

Онъ снялъ съ головы шляпу и горько улыбнулся, глядя на нее. Потомъ глянулъ на свою рубаху, на запыленные сапоги, на котомку.

— Капитанъ-лейтенантъ въ сермягѣ... Что жъ! чѣмъ я лучше ихъ, что кромѣ сермяги ничего не знали?.. А я зналъ—и того довольно съ меня... Вспомниай прошлое... Эхъ, Руссо, Руссо! тысячу разъ правы твои святые слова: только въ природѣ человекъ находитъ истинное упокоеніе... Да, вотъ она—тихая, безмолвная, кроткая, а какъ много душѣ сказываетъ она, мать-природа... О, моя матушка, матушка!

Онъ заплакалъ, закрывъ лицо ладонями. Голова его тихо качалась изъ стороны въ сторону.

— О, какъ горька ты и сладка, память прошлаго... Матушка, матушка моя!

Долго сидѣлъ онъ такъ, не поднимая головы, потомъ отнялъ руки отъ лица, оглянулся кругомъ и сталъ опять надѣвать на себя котомку.

— Иди-иди, капитанъ-лейтенантъ, съ горькою усмѣшкой проговорилъ онъ:—а то прошлое твое по пятамъ идетъ за тобою.

Онъ тихо пошелъ дальше. На дорогу изъ сухого чернобыльщика выскочилъ зайчикъ-тушканчикъ, сѣлъ на заднія лапки и съ любопытствомъ глядѣлъ на прохожаго.

— Что, дурачокъ!—не боишься людей?— Люди, вѣрно, еще не научили тебя страху...

Тупшанчикъ въ нѣсколько прыжковъ очутился опять въ травѣ.

Путникъ продолжалъ идти, отъ времени до времени поглядывая въ разстилавшуюся передъ нимъ даль. Степи, казалось, конца не будутъ.

Но вотъ на горизонтѣ показались неясныя очертанія лѣса. Вдали желтели нивы созрѣвшаго хлѣба и видѣлись, разбросанныя по равнинѣ, коническія шапки стоговъ сѣна.

— Должно быть близко, тихо проговорилъ путникъ: — это признаки жилья людского.

На нивахъ темнѣлись отдѣльныя точки. Ясно было, что это люди.

Скоро путникъ различилъ, что это были жнецы, убиравшіе хлѣбъ. По темному одѣванію онъ принялъ было ихъ за мужиковъ, но подойдя ближе, увидалъ, что это все были бабы и дѣвушки. Всѣ они по одеждѣ напоминали чернычекъ.

У самыхъ нивъ дорога раздѣлялась на два пути. Прохожій остановился, видимо недоумѣвая, какою дорогою идти ему дальше.

Онъ подошелъ къ жницамъ, которыхъ было нѣсколько десятковъ, и снялъ шляпу.

— Богъ въ помощь, люди добрые, сказалъ онъ, кланаясь.

Жницы поднялись, держа въ рукахъ серпы и пучки сжатой пшеницы.

— Спасибо тебѣ, человѣче, на божьемъ словѣ, отвѣчала одна изъ нихъ, пожилая, съ добрыми карими глазами.

— Скажите, матушка, какой дорогою я пройду въ скиты? спросилъ прохожій.

— Коли ты съ добрыми мыслями, такъ пройдешь прямою дорогою, былъ загадочный отвѣтъ.

— Съ добрыми, матушка.

— А откуда ты, человѣче?

— Теперь изъ Малыковки.

— А кто тебѣ напутствіе далъ во скиты?

— Василий Алексѣевичъ Злобинъ.

— Злобинъ Василій Алексѣичъ намъ вѣдомъ — хорошій человѣкъ... Что-жъ ты въ скиты — по какому такому дѣлу?

— Ищу, матушка, тихаго пристанища въ горькой жизни.

— А! только наше пристанище трудъ любить — да потрудишься человѣкъ во славу божию.

— И я ищу труда.

— Дѣло благое... Такъ вотъ тебѣ дорога въ скиты — такъ и иди въ лѣсъ.

Путникъ поблагодарилъ, поклонился и пошелъ тѣмъ путемъ, который отклонялся вправо: — это и была дорога въ иргизскіе скиты,

ныѣ уже не существующіе: они уничтожены въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Скоро путникъ вошелъ въ лѣсъ, прохладная тѣнь котораго, казалась, живоительно подѣйствовала на усталаго странника. Онъ снялъ шляпу и подыалъ свое задумчивое лицо. Въ грустныхъ глазахъ засвѣтилось что-то радостное.

Какъ тихо тутъ, безмятежно... Ужели тутъ обрѣту я свое пристанище? можетъ быть:—вѣрно не даромъ говорить старая пѣсня, которую я слышалъ когда-то еще отъ покойницы бабушки, что горе-алочастіе отстало отъ горюна только тогда, когда за нимъ замкнулись монастырскія ворота.

Гдѣ-то за лѣсомъ видя къ небу синій дымокъ. По временамъ доносился крикъ пѣтуха да лѣнивый лай собаки.

— Да, жилие близко... Не видѣть ужъ мнѣ отсюда синяго моря...

Лѣсъ началъ рѣдѣть. Показались заборы, огороды, строенія. Изъ-за деревьевъ блеснулъ крестъ. Прохожіи перекрестились.

— Благословенъ путь твой, человѣче! раздался вдругъ чей-то голосъ сзади.

Прохожіи невольно вадрогнувъ и обернулся. Изъ лѣсной тропочки выходилъ на дорогу сѣдой старичекъ въ скуфейкѣ. Въ рукахъ у него была плетенка, доверху наполненная черно-сизою ежевикой.

— Благословенъ путь твой, человѣче! ласково повторилъ старичокъ.

— Спасибо вамъ, дѣдушка-отче, отвѣчалъ прохожіи, невольно воступаясь передъ свѣтлыми, совсѣмъ молодыми глазами старичка.

— Въ скитокъ къ намъ путь держишь, милый? еще ласковѣе спросилъ старичекъ.

— Въ скитъ, отецъ святой... Могу я видѣть Никиту Петровича?

— А кто тебѣ, миленькой, сказалъ про грѣшнаго Никиту?

— Василій Алексѣевичъ Злобинъ.

— А—онъ, родной...

— Вотъ и письмо у меня къ Никитѣ Петровичу.

— Такъ-такъ, миленькой, улыбался старичекъ:—я этотъ самый Никита и буду.

— Вы?.. Извините—я не зналъ...

Старичекъ еще добродушнѣе улыбнулся.

— Какъ же, миленькой, знать всяко древо въ лѣсу?—А я здѣсь—то же древо старое во скитскомъ нашемъ вертоградѣ... Какъ же тебѣ знать меня, не видавши?

Прившлецъ снялъ съ головы свою коническую шляпу и вынулъ изъ нея завернутое въ платокъ письмо.

— Вотъ вамъ, Никита Петровичъ, письмецо отъ Злобина.

Старичокъ, поставивъ свою плетушку на землю, взялъ поданное ему письмо, посмотрѣлъ на надпись, разломилъ большую сур-

гучную печать и сталъ читать написанное на четвертушкѣ синей бумаги. По мѣрѣ чтенія, лицо старика принимало какіе-то неудобные оттѣнки—не то на немъ отражалось изумленіе, не то радость, не то сомнѣніе. Нѣсколько разъ онъ вскинулъ на пришельца своими ясными очами.

— Такъ вы и будете оный податель? спросилъ онъ, ворочая письмо въ своихъ сухихъ пальцахъ.

— Я, Никита Петровичъ.

— Евдокимъ Михайлычъ Кравковъ?

— Да, я самый.

— Господинъ капитанъ-литенатъ?

— Да, точно.

— Зѣло радъ... такой высокої чинъ—и въ нашу бѣдную обитель...

— Ежели только примете... Вотъ мой указъ объ отставкѣ...

Кравковъ вынулъ изъ того же платка въ четверо свернутый листъ бумаги. Старикъ съ улыбкой посмотрѣлъ на него своими ясными глазами.

— Нѣтъ—нѣтъ, увольте, батюшка Евдокимъ Михайлычъ, господинъ капитанъ-литенатъ, торопливо заговорилъ онъ: — мы не сыщики—мы не связываемъ душу живую указами да пачпортами—это дѣло темное; не наше, нечистое дѣло... Кто убо воспретилъ птицѣ небесной летати по аеру?—ни самъ Господь... Вонъ она, птичина божья, полетываетъ (старикъ указалъ на кружившихся надъ скитами голубей)... Такъ душу ли живую вязать пачпортами!—Христось тому не училъ—не спрашивалъ онъ указовъ да пачпортѡвъ, когда звалъ съ собою апостоловъ,—нѣтъ, не спрашивалъ!.. Воспомяните оно мѣсто во святомъ евангеліи: «ходя же при мори Галилейстемъ, видѣ два брата, Симона глаголемаго Петра и Андрея брата его, метающа мрежи въ море, бѣста бо рыбаге. И глагола има: грядите по мнѣ и сотворю вы ловца человекѡмъ. Они же абіе оставивша мрежи, по немъ идоста»... Спрашивалъ онъ отъ нихъ пачпортѡвъ?—а? А они спрашивали его—кто-де ты такой?.. Спрашивать—кто ты да какъ—это уже дѣло Пилатова—не наше: ему подавай пачпортá да указы... Ты ли еси царь іудейскій—это онъ вопрошалъ... А мы—нѣтъ: мы по слову Христову всякаго страннаго принимаемъ въ обитель свою—она божья, не наша...

Старикъ говорилъ горячо, страстно. Ясные глаза его теплились глубокою искренностью:—онъ забылъ даже, что они стоятъ еще въ лѣсу, что собесѣдникъ его, быть можетъ, усталъ, проголодался. Много, видно, онъ испыталъ на вѣку, много видѣлъ несчастныхъ жертвъ этихъ пачпортѡвъ «да указовъ», много знавалъ людского горя, виною котораго было это «Пилатова дѣло», эти допросы да пытанья,—оттого и говорилъ съ страстностью.

— Они, Пилаты, вяжутъ душу живу, печатаютъ ее кустодією— душу-то живу, словно ко Христу привалили камень съ кустодією... Такъ нѣтъ—не удержали подь печатью душу живу—воскресла!— воскресъ батюшка Христось!. Пушай они, Пилаты, печатаютъ душу, а мы—нѣтъ; мы просимъ у Владыки-свѣта: кто дастъ мнѣ крилѣ яко голубинѣ—и полечу... да и полечу—полетитъ душа моя безъ пачпорта, а Владыка-свѣтъ вездѣ найдетъ ее: аще вьзду на небо—ты тамо еси, аще сниду во адъ—ты тамо еси, аще возьму крилѣ мои рано и вселюся въ послѣднихъ моря—и тамо бо наставитъ мя и удержитъ мя десница твоя...

«Вселюся въ послѣднихъ моря»—что-то какъ-бы рѣзнуло по сердцу слушавшаго эту горячую рѣчь путника:—«да—и тамъ я чувствовалъ его»...

— А то на!!--душу въ подушное обратили, словно осла подъяремнаго: плати, душа, подушное... Душу-то платитъ за себя заставляють—и кому же платить!—на какое дѣло!.. Богъ тебѣ далъ душу живу—ее припечатали кустодією! Богъ тебѣ далъ свой образъ и подобіе—его оскоблили... Дивлюсь, какъ носовъ не пообрѣзали—оно было бы еще глаже...

Старикъ, однако, опомнился и какъ-бы смутился немного.

— Что жъ я развякался такъ!—не обезсудь, родной... Странничекъ истомился въ путинѣ, а я его морю... А все эти указы да пачпорта... пусто-бъ имъ.

Онъ торопливо взялъ свою плетенку съ ежевикой.

— Такъ пойдѣмъ же, родной, господинъ капитанъ-лтенантъ,— пойдѣмъ въ обитель нашу... Тамъ и потолкуемъ, а ты отдохнешь да и подкрѣпишься чѣмъ Богъ послалъ.

Они пошли дальше. Передъ изумленными глазами Кравкова постоянно развертывалась картина, которой онъ не ожидалъ: изъ зелени лѣса выступило цѣлое поселеніе — церковь, большіе, длинные дома и цѣлыя группы построекъ... Все это смотрѣло такъ привѣтливо, весело. Изъ-за домовъ выглядывала голубая поверхность огромнаго озера, окоймленнаго лѣсомъ. Густыя ветлы, клены, дубъ, липа, береза—все это такъ живописно осѣняло таинственное поселеніе, спрятавшееся въ зеленую чащу среди необозримой заволжско-яницкой степи. По озеру кое-гдѣ скользяли рыбацкія лодки. На огородахъ виднѣлись люди—бабы и дѣвки копались въ грядкахъ, пололи, поливали. Слышался стукъ топора, визгъ пилы. На всемъ лѣсномъ оазисѣ видимо кипѣла жизнь, но такъ ровно, тихо, гармонично. Попадавшіеся на встрѣчу старичку и Кравкову—мужики не мужики, монахи не монахи, а что-то среднее—низко кланялись... «Господь по среди насъ», отвѣчалъ имъ на это старичокъ, а они проходили далѣе.

— Вотъ наци палестины—пустыня прекрасная, добродушно сказалъ старичокъ, когда они вошли на обширный дворъ, среди

котораго стояла небольшая деревянная церковь, украшенная по верху осьмиконечными крестами...

Старичокъ ввелъ Кравкова подъ крытое крыльцо длиннаго деревяннаго дома, гдѣ въ тѣни навѣса, у стѣны и по краямъ, находились широкія деревянные лавки.

Вдругъ въ воздухѣ пронесся рѣзкій металлическій крикъ, и эхо откликнулось ему по лѣсу и за озеромъ. Кравковъ невольно вздрогнулъ. Крикъ повторился еще и еще. Били въ чугунную доску.

— Было заговорило, съ улыбкою замѣтилъ старичокъ:—къ обѣду зоветъ братію... Оно у насъ голосисто—до Бога кричать... Часъ присѣсть обѣдать—и вы съ нами потрапезуете... А послѣ того мы съ вами и покаяемся.

На дворъ какъ муравьи посыпались со всѣхъ сторонъ люди... Кравковъ не вѣрилъ, что онъ въ степи, въ безлюднотъ заволжѣ, гдѣ онъ видѣлъ только дикихъ сайгаковъ, убѣгавшихъ при видѣ челоуѣка, да медленно плавающего надъ степью беркута, либо бѣлаго луны.

V.

«Прекрасная пустыня».

— А ты поуспокойся, родной,—не надрывай сердца-то.

— Не могу, святой отецъ, видѣть Бога—не могу... Ужъ очень долго все это въ душу пряталъ—вотъ душа и не выдержала:—прорвалась...

— Знаю—знаю, родной... Самъ я такой же жорновъ осельный на душѣ носилъ...

— И я несу...

— Ладно... У насъ ты ево на мельницу сдаль, жорновъ-отъ осельный... Ну, такъ какъ же?—Досказывай все, какъ на духу—легше станетъ на душу камень гнести, а то и совсѣмъ съ души свалится... Ну, такъ пріѣхалъ ты домой...

— Да, пріѣхалъ—думалъ счастье найду съ нею...

— Такъ—а родители уже померли?

— Померли—давно... Вотъ пріѣзжаю я, думаю—въ рай пріѣхалъ, а меня встрѣтило лютое горе...

— Что жъ—представилась откровица?

— Нѣтъ... Я и сказать не могу—языкъ коснѣеть...

— Что жъ, родной,—дѣло прошлое—не воротить.

— Да, не воротить... Она ждала меня, и отецъ силой отдавалъ ее за злодѣя.

— Точно—силой—это не хорошо... не силой, а любовью надо: не

силой Христосъ насъ привелъ къ себѣ, но любовію... Кая же любовь выше, аще положить душу за други своя... Сила—это дѣло Платова... Ну?

— Она вырвалась изъ рукъ злодѣя и утопилась въ Окѣ..

— Ахъ, бѣдная отроковица, бѣдная! погубила свою душеньку чистую.

— И мою погубила..

— Что ты! что ты! пока человѣкъ живъ — божье око бдитъ надъ нимъ: а божье милосердіе—море неисчерпаемое:—на всѣхъ достанетъ.

Въ сторонѣ, на берегу озера подъ ветлами, послышалось тихое, мелодическое пѣніе. Пѣль чей-то свѣжій, юношескій голосъ:

О прекрасная пустыня!
 Самъ Господь пустыню восхваляетъ,
 Отцы въ пустынѣ скитають,
 Ангелы отцемъ помогаютъ,
 Апостоли отцовъ ублажаютъ,
 Пророцы отцовъ прославляютъ,
 Мученицы отцовъ восхваляютъ,
 А вси святіи отцовъ величаютъ,
 Отцы въ пустынѣ скитають
 И горь воды испиваютъ,
 Древа въ пустынѣ процвѣтають,
 Птицы ко древамъ прилетаютъ,
 На кудрявыя вѣтви посѣдаютъ,
 Красныя пѣсни воспѣваютъ,
 Отцовъ въ пустынѣ утѣшаютъ...

Съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ Кравковъ это тихое, грустное пѣніе. Они сядѣли съ Никитою Петровичемъ въ скитскомъ саду, подъ грушею. Тутъ же былъ и скитскій пчельникъ. Пчелы суетливо жужжали по цвѣтамъ, а другія словно пули быстро летали къ озеру за водой, то назадъ въ свои ульи.

— Кто это поетъ? задумчиво спросилъ Кравковъ.

— А въюноша тутъ у насъ... Двое ихъ у насъ—два брата, иноки младые, Герасимъ да Савватій... Вотъ тоже, что и ты—изъ благородныхъ, даже можно сказать—изъ высоко-благорожденныхъ.

— Кто же они?

— А изъ роду Персицкихъ... Отцы ихъ и дѣды атаманствовали въ вольскомъ войскѣ... Знаешь, чать, о вольскомъ войскѣ?

— Какъ же... Вольскіе казаки, говорятъ, къ Пугачеву тогда пристали, такъ послѣ усмиренія бунта вольское войско уничтожили—на Терекъ перевели.

— Точно-точно. Вонъ и наше яицкое войско за ту же провинку уральскимъ сдѣлали, чтобъ и имени-де и духу бунтовничаго не осталось... Такъ вотъ эти-то въюноши Персицкіе не захотѣли властямъ

неправеднымъ покориться—не поѣхали на Терекъ, а пришли къ намъ въ пустыню, еще малыми робятами, да вотъ и теперь живутъ у насъ во славу божию—трудятся, и оба—какіе грамотники!— всѣ стихи духовные наизусть знаютъ... Вотъ нашли же утѣху въ пустынѣ, да еще въ такихъ младыхъ лѣтахъ... Найдешь и ты свою утѣху.

— Дай-то Богъ!

Голосъ невидимаго пѣвца смолкъ, а собесѣдники все, казалось, къ чему-то прислушивались—не то къ тихому шопоту листьевъ, не то къ умолкнувшей мелодіи, которая какъ бы еще стояла и медленно замирала въ очарованномъ воздухѣ.

— Тихо у васъ, хорошо, невольно вздохнулось Кравкову.

— Да—тихая пустыня, безмолвная—это точно... Но кто въ ней, въ пустынѣ-то этой, долго пожилъ, для того она не безгласна, другъ мой... Преклони токмо ухо къ ней—она самимъ Господомъ говорить... Слышишь?

— Да, кажется, и я слышу...

Но это не пустыня говорила. Изъ-за ветель доносилась еще болѣе тихая, плачущая мелодія.

Какъ расплчется, какъ растужится мать

сыра земля передъ Господомъ:

Тяжело-то мнѣ, Господь, подъ людьми стоять,

Тяжелѣй того—людей держать,

Людей грѣшныхъ, беззаконныхъ,

Кои творять грѣхи тяжкіе,

Досаду чинять отцу-матери,

Убийства-татьбы дѣлають страшныя,

Повели мнѣ, Господи, разступитися,

Пожрать люди грѣшницы, беззаконницы.

Отвѣчаетъ землѣ Иисусъ Христосъ:

О мати ты, мать сыра земля!

Всѣхъ ты тварей хуже осужденная,

Дѣлами человеческими оскверненная!

Потеряи еще время моего пришествія страшнаго:

Тогда ты, земля, возрадуешься:

Убѣлю тебя снѣгу бѣлѣй,

Прекрасный рай проращу на тебѣ,

Цвѣты райскіе пушу по тебѣ...

— Ужъ и мастеръ же пѣтъ Герасимушко... Да и оба они—и Савватій—оба хороши пѣвцы... Какъ хорошо службу поютъ!—Это, сказываютъ, въ роду у Персицкихъ господь... И отцы ихъ, атаманѣ,—у! пѣвуны же, сказываютъ, были на все войско... А вотъ симъ въюношамъ Господь послалъ талантъ пустынножительства:—не скорбять о прелестяхъ міра сего тлѣннаго, о родѣ своемъ, объ

атаманствѣ: — и забыли, кажись, что они изъ породы Персидскихъ¹⁾...

Старикъ остановился. Онъ увидѣлъ, что Кравковъ, закрывъ лицо руками, плакалъ. И у старика слезы навертывались на глаза.

¹⁾ Иргизскіе иноки, братья Персидскіе, Герасимъ и Савватій—это личности вполне историческія, не вымышленныя. Когда послѣ пораженія Пугачева Михельсономъ подъ Чорнымъ Яромъ, между трупами пугачевцевъ найденъ былъ документъ, обличавшій, что волжское войско передано Пугачеву, то войско это было уничтожено и переселено на Терекъ. Молодые же Персидскіе, проходившіе отъ атамановъ волжскаго войска, братья Герасимъ и Савватій («дѣти маіора Персидскаго», какъ ихъ называли въ официальныхъ бумагахъ) ушли на Иргизъ, гдѣ и оставались иноками до уничтоженія, уже въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, иргизскихъ раскольниковыхъ общинъ, гдѣ они пользовались большимъ уваженіемъ. По уничтоженіи иргизскихъ монастырей, Герасимъ и Савватій Персидскіе, уже маститые старцы, воротились къ себѣ на родину, въ Дубовку, гдѣ у нихъ оставались имѣнія, и у себя на хуторѣ, на рѣчкѣ Бердеѣ, основали свой собственный скитъ. Слава объ этомъ скитѣ и о самыхъ подвижникахъ прогрессѣла по всему среднему Поволжью, по Дону и по Уралу, гдѣ раскольники знали Персидскихъ и считали ихъ, какъ значится въ дѣлахъ, «великими свѣтилми правды». О скитѣ же ихъ старовѣры выражались: «солнце православія, зашедши на Иргизъ, по милости божіей воссияло на Бердеѣ». Когда слухи объ этомъ дошли до правительства, то оно приказало запечатать и скитъ Персидскихъ. Но энергія братьевъ-инокъ была несокрушима. Они основали на Бердеѣ тайный скитъ, превративъ въ моленную простую «овечью ямбу», чтобы тѣмъ усыпить бдительность властей, подобно тому какъ первые христіане усыпляли бдительность язычниковъ-римлянъ, отправляя свои богослуженія въ катакомбахъ, въ пещерахъ, «въ норахъ» и «язвинахъ». Но власти и объ этомъ довѣдались. Братьевъ Персидскихъ, уже очень дряхлыхъ старцевъ, арестовали.— «У отцовъ нашихъ войско волжское взяли, говорили они передъ властями—и насѣки атаманской дщиши («насѣка»—атаманская бузавка и доселѣ); съ насѣ же ризы ангельскія снимають и посохи странническіе стинмають. Поруганы казакскія вольности на Дону, на Яикѣ и на Волгѣ—нѣтъ болѣе славнаго войска яницкаго и волжскаго и не возвратится вспять казакская вольность. Мы скрыли себя въ пустынь, тамъ стали въ рады воинства Христова; но пришелъ врагъ и разогналъ наше войско. Вотъ мы и рѣшились искать новаго убѣжища, дабы умереть не въ острогѣ и предстать предъ Господомъ не въ сѣрой свитѣ (армякъ, чапанъ) арестанта, но во иноческомъ одѣяніи». Къ скиту Персидскихъ на Бердеѣ стали тяготѣть раскольники съ Дона, Бузулука, Медвѣдицы, съ Вурлука, Иловки и Волги. Всѣ эти свѣдѣнія о Персидскихъ я навлекъ изъ архивныхъ дѣлъ саратовскаго губернскаго правленія, когда занимался тамъ изслѣдованіемъ движеній въ расколѣ Поволжья, равно исторією уничтоженія иргизскихъ монастырей и гоненія на раскольниковъ въ Саратовѣ, Хвалыискѣ, Вольскѣ, Камышинѣ, Дубовкѣ, Царицынѣ и во всемъ нижнемъ Поволжѣ (гоненія эти особенно сильны были въ 40-хъ годахъ). Дворянскій родъ Персидскихъ доселѣ живѣе всего въ нижнемъ Поволжѣ: изъ атамановъ Персидскіе превратились въ предводителей дворянства и т. п.

— Что жь, сынокъ,—поплачь, поплачь маленько... Это хорошо:— это душа твоя плачетъ, это пустыня въ нее вошла, святая, тихая пустыня... Ну, старое-то, горькое все, прискорбное, нечисть свѣтская—все это слезами сладкими изойдетъ... Это, другъ, пустыня очищаетъ тебя, аки баня пакибытія... Это душа въ тебѣ возрождается и аки младенецъ, исходя изъ утробы матерней, плачетъ... Хорошія это слезы, другъ,—и я плакалъ такими...

— Нѣтъ, не такія это слезы... Это слезы стыда, повора... Вѣдь они, мои злодѣи, душу мою отравили... Тамъ у меня, въ душѣ, проказа!

— А ты забылъ о прокаженномъ, другъ мой?

— Нѣтъ, помню... Но тогда былъ Христосъ на землѣ, а меня некому очистить.

— Не говори такъ, мой другъ:—Христосъ и понынѣ на землѣ, онъ среди насъ...

— Да я-то его не вижу... Я чертей видѣлъ, а Христа нѣтъ.

— Какіхъ чертей ты видѣлъ, дружокъ?

— Да они меня, злодѣи-то мои, други и сосѣди—они меня споняли совсѣмъ, чтобъ овладѣть мною... А я шилъ съ тоски, потому что спать не могъ... И ко мнѣ стали черти являться...

— Это, другъ мой, мечтаніе.

— Я самъ знаю, что мечтаніе, да только я видѣлъ эту мечту... Голуби—я ихъ видѣлъ...

— Какіе голуби?

— Да когда злодѣи довели меня до изступленія, вокругъ моей головы все голуби летали.

— Что жь—это мечтаніе... Ты былъ боленъ...

— Да, боленъ былъ... А они, пользуясь этимъ, подлецомъ меня сдѣлали, злодѣемъ, убійцей!

— Что ты! Господь съ тобой!

— Да... Я никого не убилъ, не зарѣзалъ—но хуже того:—я моихъ крестьянъ продалъ имъ, какъ скотину... Я и себя раворилъ и крестьянъ...

— А Господь на что? Онъ поможетъ имъ:—у него-свѣта—всего много.

— Но я души продалъ—родныя души: я продалъ свою няньку старуху, которая выносила меня на рукахъ, не спала за мной и дни и ночи... Я продалъ и внучку ея—бѣдная Поля!

— Кто жь эти злодѣи твои были?

— Да все сосѣди—все дворяне, благородные...

— Охъ ужъ эти благородные! отъ нихъ-то все и зло на землѣ!

— Отъ нихъ—это я самъ на себѣ испыталъ... Чѣмъ выше человекъ стоитъ, тѣмъ онъ бездушнѣе... Отъ чернаго рабочаго народу нѣтъ такого зла, а все зло отъ нашего брата—отъ благородныхъ... Они, благородные, довели меня до безумія, до скотства. А какъ

увидѣли, что я въ безуміи могу что-либо учинить надъ собою или надъ другими, они какъ вора или разбойника взяли меня подъ караулъ да и отвезли во Владимірѣ. А сколько времени тамъ они морили!.. Да и это еще ничего. Нѣтъ, имъ нужно было до конца сгубить мою душу. По знакомству съ графомъ Воронцовымъ, Романомъ Ларионовичемъ, нашимъ генераль-губернаторомъ, они уговорили его назначить меня на мѣсто. А у графа свой умыселъ былъ. Водилась у него нѣкая метреса, дѣвка, тоже изъ благородныхъ, да надоѣла ему. Такъ онъ и возымѣлъ мысль сбыть ее съ шеи, отдѣлаться. А такъ просто, какъ отъ холопки, отдѣлаться нельзя, благородная вѣдь, шляхетскую честь надо соблюсти: надо выдать за благороднаго же. Я какъ разъ и пригодился. Взялъ онъ, Воронцовъ-то, да и назначилъ меня во Владимірѣ въ верхній земскій судъ засѣдателемъ, а тамъ и сталъ ухаживать за мною: познакомилъ съ своею метресою. Та ужъ была подучена—она и обвела меня своею красотой да и притворною невинностью. Лицомъ же, на мое несчастіе, она походила на мою покойную невѣсту. Я и поддался соблазну—женился на ней: думаю, по крайней мѣрѣ, заживу чело-вѣкомъ—успокоюсь въ своей семьѣ... А вмѣсто успокоенія я нашелъ сущій адъ. Она не любила меня, а вышла за меня, чтобъ мною прикрыть свое поведеніе. Тогда я все понялъ. Она не думала скрывать отъ меня своихъ поступковъ, а говорила, что какъ прежде любила графа, такъ и теперь любить. Да только графъ-то ее ужъ не любилъ: у него завелась новая утѣха. Чтобъ отдѣлаться отъ насъ, онъ перевелъ меня на службу въ Пензу, подальше отъ себя. А тамъ мнѣ еще хуже стало—я не вынесъ моихъ мученій. Я хотѣлъ покончить съ собой, но рука не подымалась...

— Какъ можно!—эка грѣхъ какой! Ужъ что же хуже самоубійства! качалъ головой старикъ.

— Не втерпежъ было... Я вѣдь никому о своемъ горѣ не говорилъ—вамъ это первымъ рассказываю...

— Что жъ, мнѣ можно: мнѣ какъ будто на духу.

— Вы какъ отецъ меня приняли...

— И точно—я всѣмъ здѣсь отецъ,—потому—старше всѣхъ:—тоже, значить, ветхъ денми...

— Да... Я такъ и рѣшилъ съ собой:—пойду искать добрыхъ, простыхъ людей...

— Простые-то добрые, потому—къ Богу ближе живутъ.

— Правда, я самъ это чувствую здѣсь... У васъ рай.

— Точно—рай:—пустынюшка матушка.

— Спасибо Злобину—Василію Алексѣевичу—онъ направилъ меня къ вамъ.

— И благо учинилъ:—у насъ тихо... Вонъ какъ хорошо нашъ скитской соловушко распѣваетъ, благо праздничекъ Богъ далъ:—

всѣ скитскіе-то по ягоды да по грибы пошли, и онъ вотъ, Герасимушко нашъ, пустыню воспѣваетъ..

А изъ-за ветель дѣйствительно неслось пѣніе:

О прекрасная пустыня,
Любимая моя другиня!
Безмолвная мати пустыня,
Безмолвная, не празднословная,
Безропотна, не строптивая,
Смиренномудренна, терпѣлива...

— А какъ же жена? спросилъ старикъ.

— Она осталась въ Пензѣ.

— И не знаетъ, что съ тобой?

— Не знаетъ,—да она и не хочетъ знать:— она тяготилась мною, да и мнѣ она стала въ тягость... Впрочемъ, она, кажется, нашла свое счастье... Она обо мнѣ жалѣть не будетъ... Я для нее, какъ и для всего свѣта, въ воду кануль.

Д. Мордовцевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ — КРИТИКЪ И ЦЕНЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ Пушкина представляютъ неисчерпаемый источникъ для историко-литературныхъ изслѣдованій какъ по своему художественному достоинству, такъ и по отношенію къ тогдашнему состоянію нашей умственной и общественной жизни. Самая судьба произведеній великаго писателя, т. е. тѣ условія, при которыхъ они дѣлались достояніемъ русской литературы и русскаго образованнаго общества, невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе изслѣдователя. Сочиненія Пушкина появлялись въ печати не общепринятымъ у насъ способомъ: авторъ не представлялъ своихъ рукописей въ обыкновенную цензуру. Для Пушкина сдѣлано было исключеніе—обязанности цензора принялъ на себя самъ императоръ. Исполнитель воли государя, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, писалъ Пушкину, 30-го сентября 1826 года: «Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ; на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь императоръ самъ будетъ первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ и цензоромъ».

Съ какою цѣлью сдѣлалъ это императоръ Николай Павловичъ? Желалъ ли онъ выразить свое уваженіе и довѣріе знаменитому писателю? Но въ такомъ случаѣ всего проще было бы освободить его отъ всякой цензуры. Или, быть можетъ, имѣлось въ виду совершенно другое—устранить всякую попытку напечатать что либо такое, что могло бы проскользнуть отъ недосмотра или снисходительности обыкновенной цензуры? Не была ли подобная мѣра своего рода признаніемъ въ Пушкинѣ весьма крупной нравственной

силы, которою нельзя пренебрегать; становясь лицомъ къ лицу съ гениальнымъ поэтомъ, представитель власти не желалъ ли привлечь къ себѣ, сдѣлать ручнымъ гордаго и непокорнаго льва?

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что отношенія императора Николая I къ Пушкину отчасти вызваны были литературною дѣятельностью Пушкина въ предшествовавшее царствованіе. Извѣстно, что Пушкинъ подвергся гнѣву императора Александра I и былъ сосланъ. О причинѣ ссылки ходили въ свое время слухи болѣе или менѣе неопредѣленные и разнорѣчивые. Разсказывали, напримѣръ, что стихи Пушкина до того увлекали современную молодежь, что гвардейскіе офицеры не только читали ихъ съ жадностью и заучивали наизусть, но исписали ими стѣны казармъ и даже гауптвахты, въ которой дежурили. Въ числѣ этихъ стихотвореній были и такія, которыхъ ни за что не пропустила бы тогдашняя цензура. Допрошенный по начальству, Пушкинъ не утаилъ ничего изъ написаннаго имъ, даже и того, что направлено было, прямо или косвенно, противъ преобладающихъ властей. Вслѣдъ за объясненіемъ у Милорадовича, Пушкина потребовали къ государю. Императоръ Александръ I выразилъ Пушкину свое неудовольствіе, и сказалъ ему: «ты мнѣ даешь совѣты какъ управлять Россіей; но ты еще очень молодъ и совѣмъ не знаешь Россіи, а потому я и пошлю тебя изучать ее» и т. д. Поприщемъ для изученія, т. е. мѣстомъ ссылки, былъ южный край Россіи. Сосланный поэтъ возвратился въ столицу уже по вступленіи на престолъ преемника Александра I.

Въ приливъ благодарнаго чувства къ своему освободителю, поэтъ говорилъ, обращаясь къ «друзьямъ»:

Въ изгнаньи жизнь моя текла,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Простеръ, — и съ вами снова я.
Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою...

Последніе два стиха служатъ поэтическимъ комментариемъ къ официальному извѣщенію о снятіи опалы. Пушкинъ совершенно искренно выражалъ свое чувство — говорилъ «языкомъ правды»: онъ вѣрилъ тогда въ счастливую звѣзду русской литературы, и привѣтствовалъ наступленіе радостнаго дня. Стихотвореніе, заключающее въ себѣ приведенныя строки, относится къ тѣмъ временамъ, когда на молодого государя возлагали надежды многіе изъ писателей и ученыхъ, потерпѣвшихъ въ концѣ царствованія Александра I за свободу мысли и слова. Лица, преслѣдуемыя Магницкимъ, Руничемъ и ихъ сподвижниками, находили себѣ защиту у великаго князя Николая Павловича. «Давайте мнѣ побольше та-

кихъ, какъ Арсеньевъ» — сказалъ великій князь Николай Павловичъ начальнику военного училища, въ которомъ преподавалъ профессоръ Арсеньевъ, изгнанный изъ петербургскаго университета. На лекціяхъ своихъ Арсеньевъ указывалъ вредъ крѣпостнаго права и разнаго рода стѣснительныхъ мѣръ. Онъ говорилъ: «Земля, водѣваемая вольными крестьянами, даетъ обильнѣйшіе плоды, нежели земля, обрабатываемая крѣпостными. Свобода промышленника и промысловъ есть самое вѣрное ручательство въ приумноженіи богатства частнаго и общественнаго; гражданская, личная свобода—единный источникъ величія и совершенства всѣхъ родовъ промышленности» и т. п. За подобныя мысли Арсеньевъ былъ обвиняемъ въ государственномъ преступленіи, и въ то самое время, когда возбудили вопросъ о преданіи его уголовному суду, великій князь Николай Павловичъ, бывший тогда генераль-инспекторомъ по инженерной части, выражалъ Арсеньеву свою благодарность за успѣшное преподаваніе въ главномъ инженерномъ училищѣ. И по вступленіи своемъ на престолъ, императоръ Николай Павловичъ, по нѣкоторымъ дѣламъ о цензурѣ, восходившимъ до верховной власти, обнаруживалъ болѣе терпимости, нежели все цензурное вѣдомство, со всѣми его инстанціями. Комедія Гоголя «Ревизоръ», въ которой видѣли рѣзкій политическій памфлетъ, злоую сатиру на наши общественные порядки, появилась въ печати по личной волѣ государя, уничтожившей всѣ опасенія явныхъ и тайныхъ цензоровъ. Замѣчательный трудъ преосвященнаго Филарета, впоследствии архіепископа черниговскаго, подвергся нареканіямъ въ цензурномъ отношеніи. Особенно опасными казались нѣкоторыя мнѣнія автора о свободѣ и независимости церкви и приведенныя имъ историческія свидѣтельства объ отношеніи Петра III къ православію. Прочитавъ сомнительныя и заподозрѣнныя мѣста въ книгѣ Филарета, императоръ Николай I замѣтилъ, что не видитъ въ нихъ ничего, кромѣ правды, и т. д.

Разсматривая сочиненія Пушкина, представляемыя въ рукописи, государь отмѣчалъ мѣста, требовавшія объясненія; въ иныхъ случаяхъ высказывалъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, свое мнѣніе о пьесѣ, и давалъ автору совѣты, равносильные приказанію. Для всякаго другого они были бы безусловно обязательными, но Пушкинъ отстаивалъ свои авторскія права, и, выждавъ время, излагалъ доводы, по которымъ то или другое мѣсто, запрещенное августѣйшимъ критикомъ и цензоромъ, не представляло ни малѣйшей опасности и могло бы появиться въ печати. Замѣчательно, что государь соглашался съ доводами Пушкина и предоставлялъ ему право печатать то, что первоначально было запрещено. Когда же требовали отъ Пушкина передѣлокъ и измѣненій, онъ упорно отказывался подъ тѣмъ предлогомъ, что не чувствуетъ въ себѣ способности передѣлывать то, что однажды имъ написано.

При умѣньи Пушкина защищать свою независимость и при нежеланіи государя отталкивать отъ себя писателя, въ которомъ всё видѣли славу Россіи, можно было бы ожидать, что Пушкина минуютъ многія изъ тѣхъ невгодъ, которыя выпадаютъ на долю авторовъ, обязанныхъ представлять свои сочиненія въ обыкновенную цензуру. Но дѣйствительность не всегда соответствуетъ ожиданіямъ и надеждамъ. Пушкинъ имѣлъ полное основаніе полагать, что покончилъ всё свои счеты съ цензурнымъ вѣдомствомъ, но оказалось, что онъ ошибался въ этомъ отношеніи. Воля государя освободила его отъ всякой другой цензуры, кромѣ царской, а между тѣмъ послѣдовало распоряженіе о томъ, что Пушкинъ долженъ всё свои сочиненія представлять въ цензуру. Во исполненіе высочайше утвержденнаго положенія правительствующаго сената, с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ предписалъ оберъ-полицеймейстеру, 16-го августа 1828 года: «извѣстнаго стихотворца Александра Пушкина обязать подпискою, дабы онъ впредь никакихъ сочиненій, безъ пропуска и одобренія оныхъ цензурою, не осмѣливался выпускать въ публику, подъ опасеніямъ строгаго по законамъ взысканія». Постановленіе правительствующаго сената послѣдовало по дѣлу кандидата московскаго университета Леопольдова, преданнаго суду за найденные у него «возмутительные стихи сочиненія Александра Пушкина и сдѣланіе на нихъ надписи, что они на 14-е декабря 1825 года». Въ докладѣ сената говорится: «Пушкинъ отвѣтствовалъ, что стихи сіи были написаны имъ гораздо прежде происшествія 14-го декабря, помѣщены въ элегіи Андрей Шенье и явно относятся къ французской революціи, въ коей Шенье погибъ. Далѣе, изъясняя, что въ семь отрывкѣ поэтъ говоритъ о взятіи бастиліи, о клятвѣ *du jeu de roque*, о перенесеніи тѣлъ славныхъ изгнанниковъ въ пантеонъ, о побѣдѣ революціонныхъ идей, о торжественномъ провозглашеніи равенства, объ уничтоженіи царей, Пушкинъ заключаетъ вопросомъ: что же тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14-го декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?»

Главный источникъ недоразумѣній, со всѣми ихъ печальными послѣдствіями, заключался въ томъ, что Пушкинъ не могъ непосредственно обращаться къ своему высокому критику и цензурѣ. Необходимымъ посредникомъ оставался постоянно генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, шефъ жандармовъ и главный начальникъ грознаго нѣкогда Третьяго Отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, по отзыву его современниковъ, былъ человекъ добрый, но совершенно равнодушный къ просвѣщенію и не питавшій ни малѣйшаго сочувствія къ литературѣ. При кажущейся мягкости пріемовъ, онъ относился, въ сущности, весьма жестко и недоброжелательно къ литературному міру, не щадя и цензурнаго вѣдомства.

Служебная карьера Бенкендорфа началась при императорѣ Павлѣ, и началась блестящимъ образомъ. Въ 1798 году, Бенкендорфъ вступилъ лейбъгвардіи въ семеновскій полкъ унтеръ-офицеромъ, и въ томъ же году произведенъ въ прапорщики, съ назначеніемъ въ флигель-адъютанты къ его императорскому величеству. Находясь въ военной службѣ, Бенкендорфъ участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ и сраженіяхъ. Въ 1804 году, командированъ въ Корфу, гдѣ формировалъ легіоны изъ суліотовъ и албанцевъ. Въ 1811 году, былъ за Дунаемъ въ первой атакѣ крѣпости Силистріи и въ другихъ дѣлахъ при ея блокадѣ. Въ 1814 году, по переправѣ черезъ Рейнъ, посланъ съ отрядомъ въ Эпернэ, откуда вытѣснилъ непріятеля и вывелъ въ плѣнъ до четырехсотъ человекъ. Въ 1828 году, находился въ Валахія при осадѣ крѣпости Браилова; при переправѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай «былъ въ дѣйствительномъ сраженіи». Участвовалъ въ Отечественной войнѣ, и въ 1812 году, за отличіе въ сраженіи, произведенъ въ генераль-майоры. Въ 1826 году, будучи генераль-адъютантомъ и генераль-лейтенантомъ, назначенъ шефомъ жандармовъ, командующимъ императорскою главною квартирою и главнымъ начальникомъ Третьяго Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи. Въ числѣ разныхъ наградъ, ему пожаловано 28,000 десятинъ земли въ Бессарабской области въ вѣчное и потомственное владѣніе; по духовному завѣщанію императрицы Маріи Ѳеодоровны онъ получилъ, въ 1828 году, 75,000 рублей ассигнаціями. По особой высочайшей волѣ отправился, въ 1841 году, въ Лифляндію, гдѣ произошло сильное волненіе между крестьянами: «въ самое короткое время, успокоивъ всѣ умы, и совершенно возстановивъ прежній порядокъ, возвратился въ Петербургъ».

Истинный представитель «желѣзнаго вѣка», по выраженію Пушкина, полагавшій, что усердіе и безусловная покорность несравненно выше всѣхъ добродѣтелей и талантовъ, Бенкендорфъ питалъ инстинктивное отвращеніе ко всякаго рода свободѣ, и всего пуще — къ свободѣ мысли и слова. Легко представить себѣ, какія отношенія образовались между человѣкомъ такого склада понятій и взетомъ, который «свободу смѣлую избралъ себѣ въ законъ» и славу свою полагалъ въ томъ, что и «въ жестокой вѣкъ возсламилъ онъ свободу»...

Бенкендорфъ увѣрялъ Пушкина, что относится къ нему почтительно, будучи приставленъ къ нему для того, чтобы руководить его своими совѣтами, не какъ шефъ жандармовъ, а какъ лицо, облеченное особымъ довѣріемъ государя. Но Пушкинъ никакъ не могъ приучить себя къ сыновней почтительности, да и переписка съ Бенкендорфомъ, надо правду сказать, была плохою школою въ этомъ отношеніи. Въ письмахъ Бенкендорфа къ Пушкину, весьма учтивыхъ по внѣшней формѣ, нерѣдко встрѣчаются

и такого рода любезности: «покорнѣйше прошу васъ увѣдомить меня, по какимъ причинамъ не изволили вы сдержатъ даннаго мнѣ слова» или «какія причины могли васъ заставить измѣнить данному мнѣ слову» и т. п. Понятно, съ какимъ чувствомъ Пушкинъ брался за перо, чтобы отвѣчать на подобныя письма. Пушкинъ и Бенкендорфъ не понимали другъ друга: они говорили двумя разными языками; въ понятіяхъ ихъ было такое же несходство, такое же непримиримое разногласіе. По мнѣнію Пушкина, дарованная милость есть право, по мнѣнію Бенкендорфа—обязанность; Бенкендорфъ полагалъ, что быть подъ секретнымъ наблюдениемъ, значить тоже самое, что жить на совершенной свободѣ; Пушкину же казалось, что между свободою и какимъ бы - то ни было наблюдениемъ огромная разница, и что если выбирать, то явное наблюдение слѣдуетъ предпочесть тайному. Пушкинъ писалъ Бенкендорфу: «Я всегда твердо былъ увѣренъ, что высочайшая милость, коей неожиданно былъ я удостоенъ, не лишаетъ меня права, даннаго государемъ всѣмъ его подданнымъ—печатать съ дозволенія цензуры... Государю угодно было впредь положиться на меня въ изданіи моихъ сочиненій. Послѣ того было бы для меня нескромностію вновь подвергать мои сочиненія собственному разсмотрѣнію его величества». Бенкендорфъ отвѣчаетъ Пушкину: «Сколь ни удостоенъ государь императоръ въ чистотѣ вашихъ намѣреній и правилъ, но за всѣмъ тѣмъ, однако же, вамъ надлежитъ испрашивать всякій разъ высочайшее соизволеніе на напечатаніе вашихъ сочиненій» и т. д. Пушкина крайне тревожило учрежденіе надъ нимъ какъ бы опеки въ лицѣ Бенкендорфа. Принявъ на себя роль ментора, Бенкендорфъ старался успокоить Пушкина такими увѣреніями: *Jamais aucune police n'a eu ordre de vous surveiller. Les avis que je vous ai donnés de temps en temps, comme ami, n'ont pu que vous être utiles* ¹⁾. Письмо относится къ 1830 году, а еще въ 1828 году с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ доносилъ главнокомандующему въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ: «Во исполненіе высочайше учрежденнаго положенія государственнаго совѣта, учрежденъ за Пушкинымъ секретный надзоръ». Государственный совѣтъ призналъ нужнымъ такую мѣру «по неприличному выраженію Пушкина въ отвѣтахъ на счетъ произшествія 14-го декабря 1825 года и по духу самаго сочиненія его», т. е. тѣхъ стиховъ, за которые судился кандидатъ Леопольдовъ. Самъ Бенкендорфъ спрашивалъ, въ 1829 году, с.-петербургскаго генераль-губернатора, сообщалъ ли онъ начальству того мѣста, куда уѣхалъ Пушкинъ, что онъ состоитъ подъ секретнымъ над-

¹⁾ Никогда никакая полиція не получила приказанія наблюдать за вами. Дружескія предостереженія, которыя я давалъ вамъ отъ времени до времени, могли принести вамъ только пользу.

зоромъ. Такъ какъ Пушкинъ уѣхалъ въ Тифлисъ, то о секретномъ надворѣ сообщено главнокомандующему въ Грузіи, графу Паскевичу-Эриванскому.

Отношенія между Бенкендорфомъ и Пушкинымъ становились все болѣе и болѣе натянутыми. Бездна, отдѣлявшая опекуна отъ опекаемаго, обовначалась все рѣзче и рѣзче. Лица, къ которымъ обращался Бенкендорфъ за свѣдѣніями, не только не старались разсвѣять предубѣжденія его противъ Пушкина, а напротивъ того подливали масла въ огонь своимъ неутомимымъ злоязычіемъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: «Я вамъ сказывалъ, что Пушкинъ поѣхалъ отсюда въ деревню и одинъ. Вотъ первое о немъ извѣстіе отъ собаченки его, Сомова. Что далѣе узнаю, сообщу. Помните при семъ, что у Пушкина родной братъ служилъ на Кавказѣ, и что господинъ поэтъ столь же опасенъ pour l'Etat ¹⁾, какъ неочиненное перо. Ни онъ не затѣетъ ничего въ своей вѣтреной головѣ, ни его не возьметъ никто въ свои затѣи. Можно смѣло утверждать, что это путешествіе устроено игроками, у коихъ онъ въ тискахъ. Ему вѣрно обѣщаютъ золотыя горы на Кавказѣ, а когда увидятъ деньги или поэму, то выиграютъ, и—конецъ.. Пушкинъ—несчастное существо, съ огромнымъ талантомъ, служить живымъ примѣромъ, что умъ безъ души есть мечъ въ рукахъ бѣшеннаго. Неблагодарность и гордость—двѣ отличительныя черты его характера... Къ господствовавшей нѣкогда партіи Пушкинъ принадлежалъ не по участію въ заговорѣ, но по одинакому образу мыслей и дружбѣ съ главными матадорами», и т. п.

Всѣ сочиненія Пушкина, представляемыя государю, разсматривались предварительно Бенкендорфомъ или—что гораздо вѣроятнѣе—тѣми лицами, которымъ онъ это поручалъ. Нѣкоторыя изъ сочиненій и не доходили до государя, и въ такихъ случаяхъ критикомъ и цензоромъ Пушкина былъ въ дѣйствительности уже не государь, а Бенкендорфъ или кто-либо изъ лицъ, перомъ которыхъ онъ могъ располагать. Пушкинъ иногда прямо говорить, что посылаетъ свои стихи на разсмотрѣніе Бенкендорфа, и благодарить его, если онъ оказывается довольно снисходительнымъ цензоромъ. Пушкинъ пишетъ Бенкендорфу: «Честь имѣю препроводить на разсмотрѣніе вашего превосходительства новыя мои стихотворенія.. Мнѣ было совѣстно беспокоить ничтожными литературными занятіями моими челоуѣка государственнаго среди огромныхъ его работъ... Совѣстясь беспокоить поминутно его величество, я раза два обратился къ вашему покровительству, когда цензура недоумѣвала, и имѣлъ счастье найти въ васъ болѣе снисходительности, нежели въ ней».

¹⁾ Для государства.

Переписка Пушкина съ Бенкендорфомъ заключаетъ въ себѣ матеріалы весьма любопытные не только для біографіи поэта, но и для исторіи его литературной дѣятельности. Немало данныхъ изъ этой переписки появилось уже на страницахъ различныхъ повременныхъ изданій. Но иное приведено только въ отрывкахъ, иное— въ пересказѣ, а не въ дословномъ изложеніи; нѣкоторыя и весьма важныя вещи издавались не по подлиннику, а по копіямъ, и т. д. Вслѣдствіе этого возникали недоразумѣнія, не всѣ черты воспроизводились съ полною опредѣленностью, а нѣкоторыя получали окраску не вполне соответствующую дѣйствительности. Для всесторонняго изученія и оцѣнки литературной дѣятельности знаменитаго писателя необходимо собрать возможно большее количество достовѣрныхъ и точныхъ матеріаловъ, вполне пригодныхъ для историко-литературныхъ изслѣдованій. На этомъ основаніи считаемъ нелишнимъ привести нѣсколько данныхъ, имѣющихъ безспорное значеніе, и заимствуемыхъ изъ первыхъ источниковъ.

Представляя государю рукописи Пушкина, Бенкендорфъ иногда прилагалъ къ нимъ и краткій очеркъ содержанія и даже критическій отзывъ о представляемомъ произведеніи. Эти приложения писались лицами, пользовавшимися почему-бы то ни было довѣріемъ Бенкендорфа ¹⁾.

Въ февралѣ 1827 года, баронъ Дельвигъ, по порученію автора, представилъ Бенкендорфу «пять сочиненій Пушкина: поэму Цыганы, два отрывка изъ третьей главы Онегина, 19 октября и къ ***». Разрѣшая ихъ печатать, съ нѣкоторыми ограниченіями, Бенкендорфъ очевидно руководствовался слѣдующими, составленными по его приказанію «примѣчаніями»:

«1) Въ Цыганахъ, хотя говорится о свободѣ и вольности, или лучше сказать, хотя въ сей пьесѣ упоминаются сіи слова, но это не стремленіе къ воспламененію умовъ, не политическая свобода и вольность (такъ называемыя), но вольность цыганской бездомной жизни, свобода степеней. Безъ всякаго сомнѣнія, сколь ни будетъ хорошо описана цыганская жизнь и нравы кочующихъ, никто не броситъ своего и не промѣняетъ жизнь городскую на цыганскую.

«Это лучшее произведеніе Пушкина въ литературномъ отношеніи—въ родѣ Байрона.

«2) а) Ночной разговоръ Татьяны съ няней, б) Письмо Татьяны, с) Къ ***—ничего не заключаютъ, что бы могло возбудить малѣйшую тѣнь двусмыслія.

¹⁾ Считаемъ долгомъ принести искреннюю благодарность г. президенту академіи наукъ, графу Д. А. Толстому, давшему намъ возможность пользоваться нѣкоторыми подлинными документами, относящимися къ Пушкину и его сочиненіямъ.

«3) 19-е октября—для публики можетъ быть будетъ и незна-
чушекъ пьесой — но заглавныя буквы друзей — для тѣхъ, кто
знаетъ, о комъ говорится—лишны. Также вовсе не нужно говорить
о своей опалѣ, о несчастіяхъ—когда авторъ не былъ въ ономъ;
но былъ милостиво и отечески општрафованъ—за такіе проступки,
за которые въ другихъ государствахъ подвергнули бы суду и же-
стокому наказанію».

На основаніи этихъ замѣтокъ составлено письмо Бенкендорфа
къ Пушкину, 4-го марта 1827 года: «Баронъ Дельвицъ, котораго я
вовсе не имѣю чести знать, препроводилъ ко мнѣ пять сочиненій
вашихъ, я не могу скрыть вамъ крайняго моего удивленія, что вы
избрали посредника въ сношеніяхъ со мною, основанныхъ на вы-
сочайшемъ соизволеніи.

«Я возвратилъ сочиненія ваши г. Дельвицу и поспѣшаю васъ
увѣдомить, что я представлялъ оныя государю императору.

«Произведенія сіи, изъ коихъ одно даже одобрено уже цензурою,
не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго цензурнымъ правиламъ.
Позвольте мнѣ одно только примѣчаніе: Заглавныя буквы друзей
въ пьесѣ 19-е октября не могутъ ли подать повода къ неблаго-
пріятнымъ для васъ собственно заключеніямъ?—Это предоставляю
вашему разсужденію».

На письмо это Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу, 22-го марта
1827 года: «Стихотворенія, доставленные барономъ Дельвигомъ ва-
шему превосходительству, давно не находились у меня: они мною
были отданы ему для альманаха: Сѣверные Цвѣты, и должны
быть напечатаны въ началѣ нынѣшняго года. Вслѣдствіе высочай-
шей воли, я остановилъ ихъ напечатаніе и предписалъ барону
Дельвицу прежде всего представить оныя вашему превосходитель-
ству».

«Чувствительно благодарю васъ за доброжелательное замѣчаніе
касательно пьесы 19-е октября. Непремѣнно напишу барону Дель-
вицу, чтобъ заглавныя буквы именъ—и вообще все, что можетъ
подать поводъ къ невыгоднымъ для меня заключеніямъ и толко-
ваніямъ, было имъ исключено.

«Медлительность моего отвѣта происходитъ оттого, что послѣд-
нее письмо, которое удостоился получить отъ вашего превосходител-
ства, ошибкою было адресовано во Псковъ».

Не смотря на замѣчаніе Бенкендорфа, въ печатномъ текстѣ го-
ворится и о несчастіяхъ, и объ опалѣ поэта:

Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный...

.....Поэта домъ опальный...

Изъ края въ край преслѣдуетъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...

Съ мольбой моею, печальной и мятежной,
 Съ доврчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
 Дружьямъ инымъ душой преданъ нѣжной;
 Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.
 И нынѣ адъсь, въ забытой сей глуши,
 Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада...

Особенно любопытна литературная исторія знаменитой драмы Пушкина: «Борисъ Годуновъ».

Произведение это окончено въ 1825 году, и авторъ далъ ему такое названіе: «Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». Еще не появляясь въ печати, оно приобрѣло громкую извѣстность въ литературномъ кругу. Самъ Пушкинъ выразился такимъ образомъ: «трагедія моя извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу». Во время пребыванія своего въ Москвѣ, Пушкинъ читалъ свою «комедію» въ обществѣ писателей и ученыхъ; въ числѣ слушателей его были: Веневитиновъ, Баратынскій, Мицкевичъ, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Погодинъ, Шевыревъ, и др. По этому поводу Бенкендорфъ писалъ Пушкину, 22-го ноября 1826 года: «Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы дозволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Сіе меня побуждаетъ васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня, справедливо ли таковое извѣстіе или нѣтъ» и т. д.

Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу, изъ Пскова, 29-го ноября 1826 года: «Такъ какъ я дѣйствительно въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ, то поставляю себѣ за долгъ препроводить ее вашему превосходительству въ томъ самомъ видѣ, какъ была она мною читана, дабы вы сами дозволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторые непристойныя выраженія. Такъ какъ другаго списка у меня не находится, то приѣмлю смѣлость просить ваше превосходительство оный мнѣ возвратить».

9-го декабря 1826 года Бенкендорфъ Пушкину: «Получивъ письмо вмѣстѣ съ препровожденною при ономъ драматическою піесою, я послѣшаю васъ о томъ извѣстить, съ присовокупленіемъ, что я оную представляю его императорскому величеству, и дамъ вамъ знать о воспослѣдовать имѣющему высочайшемъ отзывѣ».

Вмѣстѣ съ драмою Пушкина представлены Бенкендорфомъ государю и слѣдующія «замѣчанія» и «выписки»:

Замѣчанія на Комедію о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ.

«По названію Комедія, данному піесѣ, не должно думать, что это комедія въ такомъ родѣ, какъ называются драматическія произведенія, изображающія странности общества и характеровъ. Пуш-

кинъ хотѣлъ подражать даже въ заглавіи старинѣ. Въ началѣ русскаго театра, въ 1705 году, комедіей называлось какое-нибудь происшествіе историческое или выдуманное, представленное въ разговорѣ. Въ спискѣ таковыхъ комедій, находившихся въ посольскомъ приказѣ 1709 года, мы находимъ заглавія: комедія о Франтасѣ, царѣ эфирскомъ и о Мирандолѣ, сынѣ его, и о прочихъ; комедія о честномъ измѣнникѣ, въ ней же первая персона Арцухъ (то-есть герцогъ) Фридерикъ фонъ Поплей; комедія о крѣпости Грубетона, въ ней же первая персона Александръ, царь македонскій, и тому подобное. Въ подражаніе симъ названіямъ Пушкинъ назвалъ свое сочиненіе Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Въ сей піесѣ нѣтъ ничего цѣлаго: это отдѣльныя сцены или, лучше сказать, отрывки изъ X и XI тома исторіи государства русскаго, сочиненія Карамзина, передѣланныя въ разговоры и сцены. Характеры, происшествія, мнѣнія, все основано на сочиненіи Карамзина, все оттуда позаимствовано. Автору комедіи принадлежитъ только рассказъ, расположеніе дѣйствія на сцены.

«Почти каждая сцена составлена изъ событій, упомянутыхъ въ исторіи, исключая сцены самозванца въ корчмѣ на литовской границѣ, сцены юродиваго и свиданія самозванца съ Мариною Мнишекъ въ саду, гдѣ онъ ей признается, что онъ Отрепьевъ, а не царевичъ.

«Цѣль піесы—показать историческія событія въ естественномъ видѣ, въ нравахъ своего вѣка.

«Духъ цѣлаго сочиненія монархическій; ибо нигдѣ не введены мечты о свободѣ, какъ въ другихъ сочиненіяхъ сего автора, и только одно мѣсто предосудительно въ политическомъ отношеніи: народъ привязывается къ самозванцу именно потому, что почитаетъ его отраслью древняго царскаго рода. Нѣкоторые бояре увлекаются честолюбіемъ—но такъ говоритъ исторія. Имена почти всѣ историческія.

«Литературное достоинство гораздо ниже, нежели мы ожидали. Это не есть подражаніе Шекспиру, Гёте и Шиллеру: ибо у сихъ поэтовъ въ сочиненіяхъ, составленныхъ изъ разныхъ эпохъ, всегда находится связь и цѣлое въ піесахъ. У Пушкина это разговоры, припоминающіе разговоры Вальтера Скотта. Кажется, будто это составъ вырванныхъ листовъ изъ романа Вальтера Скотта. Для русскихъ это будетъ чрезвычайно интересно по новости рода, и по отечественнымъ событіямъ; для иностранцевъ все это потеряно. Нѣкоторыя сцены, какъ, напримѣръ, первая на рубежѣ Россіи, сцена, когда монахъ Пименъ пишетъ исторію, а молодой инокъ Гришка Отрепьевъ спитъ въ кельѣ, сцена Гришки Отрепьева въ корчмѣ на литовской границѣ и еще нѣкоторыя мѣста истинно занимательны и народны; но въ цѣломъ составѣ нѣтъ

ничего такого, которое бы показывало сильные порывы чувства или пламенное пѣтическое воображеніе. Все—подражаніе, отъ первой сцены до послѣдней. Прекрасныхъ стиховъ и тирадъ весьма мало.

«Нѣкоторыя мѣста должно непремѣнно исключить. Говоря сіе, должно замѣтить, что человѣкъ съ малѣйшимъ вкусомъ и тактомъ не осмѣлился-бы никогда представить публикѣ выраженія, которыя нельзя произнести ни въ одномъ благопристойномъ трактирѣ! напримѣръ, слова Маржерета. См. № 1.

«Въ сценѣ юродиваго № 2 слова: не надобно бы молиться за царя Ирода, хотя не подлежатъ никакимъ толкамъ и примѣненіямъ,—но такъ говорятъ раскольники, и называютъ Иродомъ каждого, кого имъ заблагоразсудится, кто брѣшетъ бороду, и т. п.

«№ 3. Сія тирада произведетъ непріятное впечатлѣніе. У насъ еще не привыкли, чтобы каждый герой романа говорилъ своимъ языкомъ безъ возраженія въ слѣдъ за его умствованіемъ. Предоставлять каждому читателю возражать самому—еще у насъ не принято, да и публика наша для сего не созрѣла.

«№ 4. Здѣсь представлено, что народъ съ воплемъ и слезами проситъ Бориса принять царскій вѣнецъ (какъ сказано у Карамзина); а между тѣмъ изображено: что люди плачутъ, сами незнаютъ о чемъ, а другіе вовсе не могутъ проливать слезъ и хотятъ лукомъ натирать глаза! «о чемъ мы плачемъ?»—говоритъ одинъ: «А какъ намъ знать, то вѣдаютъ бояре, не намъ чета!» — Отвѣчаетъ другой. Затрудняюсь въ изложеніи моего мнѣнія на счетъ сей сцены. Прилично ли такъ толковать народныя чувства?

«№ 5. Сцену въ корчмѣ можно бы смягчить: монахи слишкомъ представлены въ развратномъ видѣ. Пословица: вольному воля, спасенному рай, передѣлана: Вольному воля, а пьяному рай. Хотя эти монахи и бѣжали изъ монастыря и хотя это обстоятельство находится у Карамзина; но кажется, самый развратъ и попойка должны быть облагорожены въ поэзіи, особенно въ отношеніи къ званію монаховъ.

«№ 6. Рѣшительно должно выкинуть весь монологъ. Во первыхъ, царская власть представлена въ ужасномъ видѣ; во вторыхъ, явно говорится, что кто только будетъ обѣщать свободу крестьянамъ, тотъ взбунтуетъ ихъ. Въ юрьевъ день можно было, до царствованія Бориса Годунова, перекодить съ мѣста на мѣсто.

«За сими исключеніями и поправками, кажется, нѣтъ никакого препятствія къ напечатанію піесы. Разумѣется, что играть ее невозможно и не должно; ибо у насъ не видывали патріарха и монаховъ на сценѣ. До 1818 года, въ повѣстяхъ, пісняхъ и романахъ, выводили въ дѣйствіе монаховъ, и даже не всегда въ блестящихъ цвѣтахъ. Во время мистицизма и вліянія духовенства на литературу даже имена монаховъ и священниковъ запрещалось

строго упоминать; нельзя было сказать: «отецъ мой!»—По паденіи мистицизма и уничтоженіи монашескаго вліянія, показались двѣ піесы, гдѣ монахи выведены въ дѣйствіе: Чернецъ, поэма, сочин. Козлова, и Русалка—Пушкина. Обѣ піесы подвергались гоненію духовенства, и на нихъ были приносимы жалобы министру просвѣщенія. Но въ публикѣ это не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, и у насъ есть народныя, напечатанныя гѣсни, въ коихъ даже монахи представлены въ самомъ развратномъ видѣ. Характерическая черта русскаго народа есть то, что онъ приверженъ къ вѣрѣ и обрядамъ церковнымъ, но вовсе не уважаетъ духовнаго званія, какъ тогда только, когда оно въ полномъ облаченіи. Всѣ сказки, всѣ анекдоты не обойдутся безъ попа—представленнаго всегда въ дурномъ видѣ. И такъ кажется, что введеніе патріарха и монаховъ въ сочиненіе Пушкина не произведетъ никакого дурнаго впечатлѣнія въ публикѣ, исключая партіи, приверженной къ системѣ мистицизма. Впрочемъ, это зависитъ совершенно отъ того, какъ угодно будетъ смотрѣть на сей предметъ: у Карамзина все это описано въ десятеро сильнѣе—и онъ говоритъ даже, что въ то время Россія была наполнена бѣглыми монахами, которые, скитаясь по обителямъ, дѣлали большіе соблазны и даже злодѣянія. Здѣсь только въ одной сценѣ представлены они въ попойкѣ».

Выписка изъ комедіи о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ.

Ходъ піесы.

«Она начинается со дня вступленія Годунова на царство; изображаетъ притворство и лукавство Бориса, отклонявшаго сначала отъ себя высокій санъ царя, по избранію духовенства и бояръ; возобновленіе усильныхъ ихъ убѣжденій, и наконецъ его согласіе, и принятіе правленія.

«Нахожденіе Отрепьева въ Чудовѣ монастырѣ монахомъ, въ кельѣ Пимена лѣтописца, который, рассказывая ему о убіеніи Димитрія царевича, упомянулъ, что еслибъ Димитрій былъ живъ, то онъ бы былъ ровесникъ ему по лѣтамъ. Дерзкое предпріятіе Отрепьева назваться царевичемъ; бѣгство его изъ монастыря и изъ Россіи въ Литву. Пребываніе въ Краковѣ; удача самозванца; помощь, оказываемая ему королемъ и вельможами. Пребываніе его въ имѣніи Мнишка; любовь его къ Маринѣ. Распространеніе въ Москвѣ слуховъ о самозванцѣ; безпокойство и различные толки въ народѣ; мѣры осторожности царя Бориса.

«Вступленіе самозванца въ Россію, съ шайкою его приверженцевъ; сраженія; различные успѣхи съ обѣихъ сторонъ.

«Страданіе Бориса, мучимаго совѣстію; предложеніе патріарха перенести мощи Дмитрія царевича изъ Углича въ Москву, для увѣренія народа о его смерти. Отклоненіе сего предложенія княземъ Шуйскимъ, съ коимъ царь соглашается.

«Молебствія въ присутствіи Бориса; безпокойство его отъ утряненія совѣсти; онъ изнемогаетъ. Назначеніе сына Θεодора наслѣдникомъ. Патріархъ, духовенство и бояре признаютъ его царемъ.— Постриженіе Бориса; его смерть. Царство Θεодора.—Рѣчь Пушкина (Гаврила) прибывшаго отъ самозванца въ Москву, къ народу, о признаніи царемъ законнаго наслѣдника Дмитрія царевича и о истребленіи рода Бориса Годунова.

«Заключеніе подъ стражу царя Θεодора и его сестры Ксеніи.— Прибытіе въ палаты, гдѣ заключены высокіе плѣнники, бояръ Голицына и Милославскаго.—Стоны и вопли, исходящіе изъ палатъ.— Объявленіе о смерти царя и его матери. Провозглашеніе царемъ Дмитрія Ивановича. Вышеозначенныя происшествія происходятъ: въ Москвѣ на площадяхъ, около соборовъ и монастырей, въ Чудовомъ монастырѣ; въ палатахъ царскихъ, въ домахъ бояръ.— На границѣ Литвы: въ корчмѣ, Краковѣ, въ жилищѣ самозванца, въ домѣ Мнишка. На границѣ Россіи: въ лагеряхъ около Новгорода Сѣверскаго, и пр.

«Дѣйствующія лица: царь Борисъ со всѣмъ своимъ семействомъ, патріархъ, монахи, бояре, народъ; юродивый Николка;—Отрепьевъ, его приверженцы: князь Курбскій, Хрущовъ, Пушкинъ (Гаврило), Мнишекъ, Марина и пр.»

Выписка:

№ 1.

МАРЖЕРЕТЬ.

Tudieu, il y fait chaud! — Ce diable de samozvanets, comme ils l'appellent, est un bougre, qui a du poil au col-qu'en pensez vous, mein herr?

№ 2.

ЮРОДИВЫЙ.

Борись, Борись! Николку дѣти обижаютъ.

ЦАРЬ.

Подать ему милостыню. О чемъ онъ плачетъ?

ЮРОДИВЫЙ.

Николку маленькія дѣти обижаютъ... вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго царевича.

БОЯРЕ.

Поиди прочь, дуракъ, схватите дурака!

ЦАРЬ.

Оставьте его. Молись за меня, бѣдный Николка!

ЮРОДИВЫЙ.

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за царя Ирода—
Богородица не велитъ.

№ 3.

ЦАРЬ.

Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержатъ народъ. Такъ думалъ Иоаннъ,
Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
Такъ думалъ и—его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ,
Твори добро—не скажетъ онъ спасибо,
Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже.

№ 4.

НАРОДЪ.

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

ОДИНЪ (тихо).

О чемъ мы плачемъ?

ДРУГОЙ.

А какъ намъ знать? то вѣдаютъ бояре,
Не намъ чета.

БАВА (съ ребенкомъ).

Ну, что-жь? какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! вотъ я тебя! вотъ бука!
Плачь, баловень! (бросаетъ его объ землю; ребенокъ плачетъ).

Ну, то-то-же.

ОДИНЪ.

Всѣ плачутъ,
Заплачемъ, братъ, и мы.

ДРУГОЙ.

Я силюсь, братъ,
Да не могу.

ПЕРВЫЙ.

Я также. Нѣтъ ли луку?

Потремъ глаза.

№ 5-й. Монахи пьютъ; Варлаамъ затягиваетъ пѣсню.

Ты проходишь, дорогая, и проч.

(Григорью): Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

ГРИГОРІЙ.

Не хочу.

МИСАИЛЬ.

Вольному воля...

ВАРЛААМЪ.

А пьяному рай, отвѣтилъ Мисаиль! выпьемъ же чарочку за шинкарочку...

...неволей добрый молодецъ и проч.

Однако, отецъ Мисаиль, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю; ино дѣло пьянство, а иное чванство; хочешь жить какъ мы, милости просимъ—нѣтъ, такъ убирайся, проваливай: скоморохъ попу не товарищъ.

ГРИГОРІЙ.

Пей, да про себя разумѣй, от. Варлаамъ! видишь, и я порой складно говорить умѣю.

ВАРЛААМЪ.

А что мнѣ про себя разумѣть!

МИСАИЛЬ.

Оставь его, от. Варлаамъ.

ВАРЛААМЪ.

Да что онъ за постникъ? самъ же къ намъ навязался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда — да еще и спѣсивится; можетъ быть кобылу нюхаль... (пьетъ и поетъ).

Григорій (хозяйкѣ).

Куда ведетъ эта дорога?

ХОЗЯЙКА.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луевымъ горамъ.

ГРИГОРІЙ.

А далече ли до Луевыхъ горъ?

ХОЗЯЙКА.

Не далече, къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы царскія, да сторожевые приставы.

ГРИГОРІЙ.

Какъ заставы! что это значить?

ХОЗЯЙКА.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать да осматривать.

ГРИГОРІЙ (про себя).

Вотъ тебѣ, бабушка, юрьевъ день.

ВАРЛААМЪ.

Эй, товарищъ! да ты къ хозяйкѣ присусѣдился. Знать, не нужна тебѣ водка, а нужна молодка, дѣло, братъ, дѣло! у всякаго свой обычай; а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка: пьемъ до донушка, выпьемъ, поворотимъ, и въ донушко поколотимъ.

МИСАИЛЪ.

Складно сказано, отъ Варлаамъ.

№ 6.

ВОЯРИНЪ ПУШКИНЪ.

Такой грозѣ, что врядь царю Борису
 Сдержатъ вѣнецъ на умной головѣ!
 И по дѣломъ ему! онъ нравить нами,
 Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянуть):
 Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
 Что на полу кровавомъ всенародно
 Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
 Что насъ не жгутъ на площади, а царь
 Своимъ жезломъ не подгребаеть углей?
 Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей?
 Насъ каждый день опала ожидаетъ,
 Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
 А тамъ, въ глуши голодна смерть, или петля.
 Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?

Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы,
 Романовы, отечества надежда?
 Заточены, замучены въ изгнаньи.
 Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь.
 Легко-ль, скажи? мы дома, какъ Литвой,
 Осаждены невѣрными рабами,
 Все языки, готовые продать,
 Правительствомъ подкупленные воры;
 Зависимъ мы отъ перваго холопа,
 Котораго захочемъ наказать.
 Вотъ—юрьевъ день задумалъ уничтожить,
 Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ,
 Не смѣи согнать лѣнивца! радъ-не радъ,
 Корми его, не смѣи переманить
 Работника, не то въ приказъ холопій,
 Ну, слыхано ль хотъ при царѣ Иванѣ
 Такое зло? а легче ли народу?
 Спроси его. Попробуй самозванецъ
 Имъ посулить старинный юрьевъ день,
 Такъ и пойдетъ потѣха.

На рукописи Пушкина государь, по свидѣтельству П. А. Плетнева, отмѣтилъ нѣсколько сценъ краснымъ карандашомъ. На представленныхъ же Бенкендорфомъ «Замѣчаніяхъ» государь написалъ: «Я считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, еслибъ съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ на подобіе Вальтеръ Скотта». Отзывъ государя находится въ непосредственной связи съ «Замѣчаніями», въ которыхъ упоминается о цѣли пьесы и говорится: «кажется будто это составъ вырванныхъ листовъ изъ романа «Вальтера Скотта» и т. д. Въ приложеніи къ «Замѣчаніямъ» — въ «Выпискахъ» указаны тѣ мѣста, отъ которыхъ комедія должна быть очищена.

Объ отзывѣ государя Бенкендорфъ увѣдомилъ Пушкина письмомъ 14-го декабря 1826 года: «Я имѣлъ счастье представить государю императору комедію вашу о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Его величество изволилъ прочесть оную съ большимъ удовольствіемъ и на поднесенной мною по сему предмету запискѣ собственноручно написать слѣдующее:

«Я считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, еслибъ съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Вальтера Скотта».

«Увѣдомляя васъ о семъ высочайшемъ отзывѣ и возвращая при семъ сочиненіе ваше, долгомъ считаю присовокупить, что мѣста,

обратившія на себя вниманіе его величества и требующія нѣкотораго очищенія, отмѣчены въ самой рукописи и заключаются также въ прилагаемой у сего выпискѣ».

Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу, 3 января 1827 года: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего превосходительства, увѣдомляющее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ его величества касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное».

Этимъ письмомъ прерывается переписка о драмѣ Пушкина, до 1829 года. 20-го іюля 1829 года, П. А. Шлетневъ обратился къ служившему въ Третьемъ Отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи Петру Яковлевичу фонъ-Фоку съ слѣдующимъ письмомъ:

«Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ имѣлъ счастье представлять государю императору еще въ Москвѣ во время коронаціи драматическое свое сочиненіе. На рукописи автора его императорскому величеству угодно было отмѣтить нѣсколько сценъ краснымъ карандашомъ, вслѣдствіе чего и сдѣланы были г. Пушкинымъ разныя перемѣны въ сочиненіи.

«Впрочемъ, по недоувѣрчивости ли къ собственному своему вкусу, или желая подвергнуть свои поправки свѣжему взгляду, авторъ передъ отъѣздомъ изъ С.-петербурга передалъ рукопись Василию Андреевичу Жуковскому, съ тѣмъ, чтобы онъ, пересмотрѣвъ еще поправленное сочиненіе, принялъ на себя трудъ заготовить чистый экземпляръ, въ какомъ видѣ полагаетъ лучше издать его.

«Получивъ нынѣ отъ г. Жуковскаго обѣ рукописи, имѣю честь препроводить ихъ къ вамъ, милостивый государь. Такъ какъ, по желанію автора, я приступаю къ печатанію этого сочиненія, то не угодно ли будетъ вамъ, по сличеніи оригинала съ копіею, подписать послѣднюю для типографіи, а первый возвратитъ мнѣ для доставленія г. Жуковскому».

Вслѣдствіе этого письма, рукопись была представлена государю при докладѣ слѣдующаго содержанія: «По высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію представляется драматическое стихотвореніе Пушкина о царѣ Борисѣ и о Грищѣ Отрепьевѣ». На докладѣ написано: «Высочайшаго соизволенія не воспользовало. 10-го октября 1829 года». На томъ же докладѣ, рукою Бенкендорфа, карандашомъ: «возвратить Пушкину съ тѣмъ, чтобы перемѣнилъ бы нѣкоторыя мѣста, слишкомъ тривіальныя, и тогда я опять доложу государю». 21-го января 1830 года Бенкендорфъ писалъ Пушкину: «Возвращая при семъ два рукописные экземпляра комедіи вашей о царѣ Борисѣ покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, перемѣнить въ оной еще нѣкоторыя, слишкомъ три-

вѣдѣнія мѣста. Тогда я вмѣню себя въ пріятнѣйшую обязанность снова представить сіе стихотвореніе государю императору».

Требованіе новыхъ измѣненій глубоко опечалило Пушкина, и онъ рѣшился отстаивать, до послѣдней крайности, свободу своего творчества. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно замѣчательно письмо Пушкина къ Бенкендорфу, 16-го апрѣля 1830 года, заключающее въ себѣ живыя черты для характеристики Пушкина вообще. Оно писано во-французски. Приводимъ изъ него то, что относится собственно къ «Ворису Годунову» ¹⁾:

Encore une grâce: en 1826 j'apportais à Moscou ma tragedie de Годуновъ écrite pendant mon exil. Elle ne vous fut envoyée, telle que vous l'avez vue, que pour me disculper. L'empereur ayant daigné la lire m'a fait quelques critiques sur des passages trop libres, et je dois l'avouer sa Majesté n'avait que trop raison. Deux ou trois passages ont aussi attiré son attention, parce qu'ils semblaient présenter des allusions aux circonstances alors récentes, en les relisant actuellement je doute qu'on puisse leur trouver ce sens là. Tous les troubles se ressemblent. L'auteur dramatique ne peut répondre des paroles qu'il met dans la bouche des personnages historiques. Il doit les faire parler selon leur caractère connu. Il ne faut donc faire attention qu'à l'esprit dans lequel est conçu l'ouvrage entier, à l'impression qu'il doit produire. Ma tragedie est une oeuvre de bonne foi et je ne puis en conscience supprimer ce qui me parait essentiel. Je supplie sa Majesté de me pardonner la liberté que je prends de la contredire,

¹⁾ Еще одну милость: въ 1826 году я привезъ въ Москву свою трагедію о Годуновѣ, писанную во время моей ссылки. Только для того, чтобы оправдать себя, я послалъ вамъ свою трагедію въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она тогда была. Императоръ, удостоивъ ее прочтенія, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній о мѣстахъ чрезчуръ свободныхъ, и я долженъ сознаться, что его величество былъ, какъ нельзя болѣе правъ. Два или три мѣста также привлекли его вниманіе, потому что представляли кажущіеся намеки на событія, тогда еще недавнія. Но перечитывая ихъ въ настоящее время, я сомнѣваюсь, чтобы можно было въ нихъ найти этотъ смыслъ. Всѣ смуты похожи одна на другую. Драматическій писатель не можетъ отвѣчать за слова, которыя онъ влагасть въ уста историческихъ лицъ. Онъ долженъ заставлять ихъ говорить сообразно съ ихъ характеромъ. Итакъ, надо обращать вниманіе на духъ, въ которомъ написана вся пьеса, и на впечатлѣніе, которое она должна произвести. Моя трагедія есть произведеніе вполне искреннее, и я немогу по совѣсти уничтожить то, что мнѣ кажется существеннымъ. Умоляю его величество простить мнѣ ту свободу, съ которою я ему противорѣчу; я очень хорошо знаю, что это противорѣчіе поэта можетъ показаться смѣшнымъ, но до сихъ поръ я постоянно отклонялъ всѣ предложенія книгопродавцевъ: я былъ счастливъ, что могъ въ тишинѣ приносить эту жертву воли его величества. Въ настоящее же время, вынуждаемый обстоятельствами, я умоляю его величество развязать мнѣ руки и позволить мнѣ нанечатать мою трагедію въ томъ видѣ, какъ она есть.

je sais bien que cette opposition de poète peut prêter à rire, mais jusqu'à présent j'ai toujours constamment refusé toutes les propositions des libraires; j'étais heureux de pouvoir faire en silence ce sacrifice à la volonté de sa Majesté. Les circonstances actuelles me pressent et je viens supplier sa majesté de me délier les mains et de me permettre d'imprimer ma tragedie comme je l'entends.

Пушкинъ получилъ желаемое разрѣшеніе. Въ письмѣ своемъ, 28-го апрѣля 1830 года, Бенкендорфъ увѣдомлялъ Пушкина, что государь разрѣшаетъ напечатать трагедію подъ собственною отвѣтственностью автора: Pour ce qui regarde votre tragedie de Godounoff, S. M. l'Empereur vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité ¹⁾.

О послѣдовавшемъ разрѣшеніи Бенкендорфъ увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія князя Ливена. Бенкендорфъ писалъ князю Ливену, 22-го октября 1830 года. «По высочайшему повелѣнію государя императора, объявилъ я извѣстному писателю Александру Сергѣевичу Пушкину дозволеніе его императорскаго величества на напечатаніе исторической драмы его сочиненія: «Борисъ Годуновъ», подъ собственною его отвѣтственностію.

«Освѣдомясь нынѣ, что г. Пушкинъ намѣренъ отдать сіе сочиненіе, для напечатанія, въ типографію департамента народнаго просвѣщенія, я счелъ долгомъ довести до свѣдѣнія вашей свѣтлости объявляемую мною г. Пушкину высочайшую волю, съ тѣмъ, что не благоугодно ли будетъ вамъ, милостивый государь, къ должному исполненію оной, приказать помянутой типографіи, отпечатать потребное число экземпляровъ означенной драмы, непрекословно выдать, кому г. Пушкинъ поручитъ оныя принять».

24-го декабря 1830 года, князь Ливенъ увѣдомилъ Бенкендорфа, что «типографія департамента народнаго просвѣщенія, отпечатать драму г. Пушкина, выпустила экземпляры, по его порученію г. Шетневу».

Печатный экземпляръ «Бориса Годунова» былъ представленъ государю. О впечатлѣніи, произведенномъ на государя драмою Пушкина, появившеюся въ печати, Бенкендорфъ увѣдомилъ автора письмомъ 9-го января 1831 года. Бенкендорфъ не рѣшился отправить письмо, не представивши его предварительно государю. Въ письмѣ Бенкендорфа Пушкину было сказано: «Его величество государь императоръ, прочитавъ сочиненіе ваше «Борисъ Годуновъ», изволилъ отоаваться, что чтеніе сего изящнаго пѣтического творенія доставило ему великое удовольствіе». Государь исправилъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: «Его величество государь императоръ по-

¹⁾ Что касается вашей трагедіи о Годуновѣ, его величество государь императоръ разрѣшаетъ вамъ напечатать ее подъ вашею собственною отвѣтственностью.

ручить мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, что сочиненіе ваше «Борись Годуновъ» изволилъ читать съ особымъ удовольствіемъ».

Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу письмомъ изъ Москвы 18-го января 1831 года: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ государя императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе, «Борись Годуновъ» обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе».

Чтобы понять настоящій смыслъ этого письма, необходимо припомнить, когда и по какому поводу оно писано. Долго ожидалъ Пушкинъ счастливой поры, когда его любимое произведеніе появится, наконецъ въ печати, и эта пора наступила. Поэтъ одержалъ своего рода побѣду надъ препятствіями, которыя казались неодолимыми: ему разрѣшено было печатать подъ его собственною отвѣтственностью. Онъ увѣренъ былъ, что это разрѣшеніе равносильно праву печатать безъ цензуры, и что оно простирается не только на «Бориса Годунова» но и на всѣ другія сочиненія. Что именно такъ понималъ Пушкинъ слова: *sous votre propre responsabilité*, видно изъ того, что онъ считалъ ихъ знакомъ особеннаго довѣрія, и напоминая Бенкендорфу о своемъ правѣ говорилъ: «Государю угодно было впредь положиться на меня въ изданіи моихъ сочиненій». Суть хвалебнаго отзыва о правительствѣ, смѣло даровавшемъ свободу писателямъ, заключается въ томъ, что свобода слова возвышаетъ власть и показываетъ ея могущество, а стѣсненіе и оковы печати ниводятъ власть съ ея высоты и покрываютъ безславіемъ. Въ самомъ упоминаніи объ «оковахъ книгопечатанія» не заключается ли косвеннаго осужденія тѣхъ нехорошихъ средствъ, которыя могла присовѣтывать реакція встрѣчавшая на ту пору многихъ поборниковъ и у насъ, и въ другихъ государствахъ.

При сравненіи перваго печатнаго изданія «Бориса Годунова» съ «выписками» изъ рукописи Пушкина, присланной Бенкендорфу, оказывается, что изъ шести мѣстъ, подлежащихъ исключенію, два, именно № 3 и № 6 удержаны въ печатномъ изданіи вполне, безъ малѣйшихъ измѣненій; одно № 4 исключено все; въ остальныхъ сдѣлано немного измѣненій. Въ № 5 пропущено: «Эй, товарищъ, да ты къ хозяйкѣ присусѣдился. Знать не нужна тебѣ водка, а нужна молодка. Дѣло, братецъ, дѣло! У всякаго свой обычай, а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка: пьемъ до допущка, выпьемъ, поворотимъ и въ доньшко поколотимъ» и т. д. Въ № 2 вмѣсто: «Николку дѣти обижаютъ; молись за меня, бѣдный Николка»

напечатано: «Мальчишки обижаютъ юродиваго; молись за меня юродивый». Мѣсто № 1 измѣнено такимъ образомъ:

Въ рукописи:

Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de samozvanets, comme ils l'appellent, est un bougre, qui a du poil au col—qu'en pensez mein herr.

Въ печатномъ изданіи:

Diable, il y fait chaud! Ce diable de samozvanetz, comme il s'appelle, est un brave à trois poils.

По счастью, первоначальный текстъ драмы Пушкина сохранился въ собственноручной, бѣловой рукописи автора. Драгоценность эта принадлежитъ въ настоящее время Павлу Васильевичу Жуковскому, сыну В. А. Жуковского, друга Пушкина. Благодаря просвѣщенной обязательности владѣльца рукописи, мы могли сравнить ее съ тѣми «выписками», которыя сдѣланы были, для государя, въ 1826 году. При сравненіи невольно возникаетъ вопросъ, не есть ли это та самая рукопись, которую Пушкинъ отослалъ Бенкендорфу, и которая, слѣдовательно, была въ рукахъ государя? Для рѣшенія этого вопроса надо имѣть въ виду слѣдующее. Въ рукописи, принадлежащей П. В. Жуковскому, отмѣчены краснымъ карандашомъ—знакомъ №—всѣ тѣ мѣста, относительно которыхъ требовалось нужное очищеніе. И число отмѣченныхъ мѣстъ—шесть, и нумера отмѣтокъ вполне соотвѣтствуютъ числу и номерамъ «выписокъ», приложенныхъ къ «замѣчаніямъ» или къ той «запискѣ», о которой упоминаетъ Бенкендорфъ въ своемъ отвѣтѣ Пушкину. Всѣ или почти всѣ измѣненія въ автографѣ Пушкина, сдѣланныя карандашомъ, принадлежатъ, судя по почерку, Василию Андреевичу Жуковскому. Измѣненія эти въ такомъ родѣ:

Вмѣсто: «Наряжены Москву мы вмѣстѣ вѣдать»—

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать (стр. 37). ¹⁾

Вмѣсто: «И въ петлю лѣзть не захочу я даромъ»—

И въ петлю лѣзть не соглашусь я даромъ (стр. 39).

Вмѣсто: «Желаль бы знать, чего желаетъ онъ»—

Желаль бы знать, о чемъ гадаетъ онъ (стр. 53).

Вмѣсто: «Даровъ любви»—утѣхъ любви (стр. 54) и т. п.

Самое выдающееся измѣненіе заключается въ пропускѣ собственнаго имени юродиваго. Въ рукописи Пушкина: «Николка Николка—желѣзный колпакъ!.. Николку дѣти обижаютъ.. Николку маленькія дѣти обижаютъ»... Молись за меня, бѣдный Николка». Имя: Николка зачеркнуто, и мѣста, гдѣ оно было, измѣнены такъ: «Молись за меня юродивый.. «Мальчишки меня обижаютъ», и т. п. (стр. 100—102). За самыми незначитель-

¹⁾ Страницы указаны по изданію 1882 года. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе осьмое, подъ редакціей П. А. Ефремова. Томъ V.

ными исключеніями, выписанныя мѣста представляютъ дословное сходство съ соответствующими мѣстами рукописи Пушкина въ ея первоначальномъ видѣ, т. е. пока въ ней не было сдѣланныхъ карандашомъ измѣненій. Мѣста зачеркнутыя въ рукописи карандашемъ, не вошли и въ печатное изданіе. И въ собственноручной рукописи Пушкина, и въ «выпискахъ» пьеса названа такъ: «Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». Въ рукописи Пушкина «комедія» оканчивается словами: «Кричите, да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ! Народъ: Да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!» Затѣмъ выставленъ годъ, и рукою самого же Пушкина написано: «Конецъ комедіи, въ ней же первая персона царь Борисъ Годуновъ. Слава Отцу и Сыну и св. Духу, аминь».

Однимъ изъ первыхъ произведеній Пушкина, по возвращеніи его изъ ссылки, была записка: О народномъ воспитаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она была первою данью, заплаченною поэтомъ своему новому положенію. Написанная на-скоро, не по желанію самого автора, а по приказанію государя, состоящая изъ отрывочныхъ замѣтокъ, записка Пушкина все-таки заключаетъ въ себѣ много любопытнаго, рисующаго тогдашнее время и складъ понятій автора.

Приказаніе государя передано Пушкину Бенкендорфомъ. 30-го сентября 1826 года Бенкендорфъ писалъ Пушкину: «Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, предавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ; вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія. И предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія».

Пушкинъ не отвѣчалъ на это письмо. Черезъ нѣсколько времени Бенкендорфъ снова обратился къ Пушкину, напомнивъ ему о прежнемъ письмѣ. Вскорѣ послѣ втораго письма Бенкендорфа, Пушкинъ прислалъ свою записку: О народномъ воспитаніи.

При оцѣнкѣ этого труда, или—точнѣе—этихъ набросковъ, не слѣдуетъ забывать, что авторъ взялся за перо не по собственной волѣ, а по приказу, и самъ вполне сознавалъ свою неподготовленность къ рѣшенію предложенной ему задачи. Не смотря на то, что ему прямо указано было, въ какомъ духѣ и направленіи должно писать, Пушкинъ умѣлъ сохранить свою самостоятельность, и написалъ въ сущности совсѣмъ не то, чего требовалось и чего ожидали.

Печальными красками изображаетъ Пушкинъ современное ему воспитаніе, въ особенности домашнее. Съ малыхъ раннихъ лѣтъ, ребенокъ отдается на жертву двухъ темныхъ силъ; видитъ вокругъ себя своеволие—съ одной стороны, и рабство—съ другой. Кругъ образованія ограничивается поверхностнымъ изученіемъ иностранныхъ языковъ. Всѣ мечты юноши стремятся къ тому, чтобы скорѣе шло производство, скорѣе дослужиться до крупнаго чина. Наши общественные порядки вовсе не таковы, чтобы могли исправить зло, вносимое въ жизнь плохимъ воспитаніемъ. Вещи по существу своему ужасныя считаются у насъ самыми обыкновенными: юноши и взрослые наказываются, и не въ мѣру строго, за проступки, совершенные ими въ отроческомъ возрастѣ. «Въ Россіи все продажно», и педагоги берутъ взятку такъ же точно, какъ и таможенные чиновники. Для успѣха нашихъ общественныхъ учебныхъ заведеній отнюдь не должно «ограничивать идей, которыя и безъ того слишкомъ у насъ ограничены». Преподаватель исторіи долженъ выставлять событія въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, не допуская ни малѣйшаго лукавства, т. е. не искажая республиканскихъ подвиговъ въ угоду монархическому взгляду на вещи. Для успѣшнаго хода всѣхъ нашихъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ необходимо, по мнѣнію Пушкина, чтобы между правительствомъ и обществомъ существовало полное и искреннее согласіе, и чтобы они дружно стремились къ одной и той же великой цѣли—къ улучшенію государственныхъ постановленій».

Основная мысль Пушкина заключается въ томъ, что просвѣщеніе, можетъ удалить поводы къ общественнымъ волненіямъ и смутамъ. Съ развитіемъ просвѣщенія поднимается и нравственный уровень общества: просвѣщеніе дѣйствуетъ благотворно не только на умы, но и на нравы людей. Чѣмъ менѣе путей открыто для просвѣщенія, чѣмъ менѣе свободы предоставлено литературѣ, тѣмъ труднѣе достигается благая цѣль. Упомянувъ о политическихъ заговорахъ и тайныхъ обществахъ, Пушкинъ, указываетъ на то обстоятельство, что «рукописныя пасквили на правительство» и другія возмутительныя вещи размножились именно тогда, когда «литература была подавлена самою своенравною цензурою».

Будучи убѣжденъ, что въ просвѣщеніи заключается великая нравственная сила, охраняющая и общество и государство, и зная, что въ кругу лицъ, окружающихъ государя, господствуютъ другіе взгляды, Пушкинъ не хотѣлъ надѣвать на себя маски, не скрывалъ своего образа мыслей, и высказывалъ его со всею прямою и искренностью. Получивъ отъ Бенкендорфа внушеніе въ томъ духѣ, что усердіе важнѣе просвѣщенія, отъ котораго нерѣдко возникали смуты и мятежи, Пушкинъ послалъ тому же самому Бенкендорфу стихотвореніе, въ которомъ говорить, что только рабъ или лстецъ можетъ внушать государю, что «просвѣщенія плодъ—развратъ и

нѣкій духъ мятежный»; подобные навѣты на просвѣщеніе лишь «горе на царя накличуть». Стихотвореніе Пушкина: «Друзьямъ» можетъ служить, до нѣкоторой степени, какъ-бы поясненіемъ къ запискѣ о воспитаніи.

Записка Пушкина о народномъ воспитаніи извѣстна въ печати только по черновому списку, случайно уцѣлѣвшему. Приводимъ ее по подлиннику, т. е. по тому самому, бѣловому, списку, который былъ въ рукахъ государя, сдѣлавшаго на немъ свои отмѣтки.

О народномъ воспитаніи.

«Послѣднія произшествія обнаружили много печальныхъ истинъ. Недостатокъ просвѣщенія и нравственности вовлекъ многихъ молодыхъ людей въ преступныя заблужденія. Политическія измѣненія, вынужденныя у другихъ народовъ силою обстоятельствъ и долговременнымъ приготовленіемъ, вдругъ сдѣлались у насъ предметомъ замысловъ и злонамѣренныхъ усилій. Дѣтъ пятнадцать тому назадъ, молодые люди занимались только военною службою, старались отличиться одною свѣтскою образованностію или шалостями; литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія; воспитаніе ни въ чемъ не отклонилось отъ первоначальныхъ начертаній. Десять лѣтъ спустя, мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій; литературу (подавленную самой своенравною цензурою) превратившуюся въ рукописные пасквили на правительство и возмутительныя гѣсны; наконецъ и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавыя и безумныя.

«Ясно, что походами 1813 и 1814 года, пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и въ Германіи должно приписать сіе вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ; должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились; что, съ одной стороны, они увидѣли ничтожность своихъ замысловъ и средствъ, съ другой, необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей. Вѣроятно, братья, друзья, товарищи погибшихъ успокоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ оной въ душѣ своей. Но надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣніе, еще не наученное никакимъ опытомъ, и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкію первой молодости, со всѣмъ ея восторгомъ и готовностію принимать всякія впечатлѣнія.

«Не одно вліяніе чужеземнаго идеологама пагубно для нашего отечества; воспитаніе, или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія есть корень всякаго зла. Не просвѣщенію, сказано въ высо-

чайшемъ манифестѣ, отъ 13-го іюля 1826 года, но праздности ума, болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ погибель. Скажемъ болѣе: одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія.

«Чины сдѣлались страстію русскаго народа. Того хотѣлъ Петръ Великій, того требовало тогдашнее состояніе Россіи. Въ другихъ земляхъ молодой человекъ кончаетъ курсъ ученія около 25-ти лѣтъ, у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу, ибо ему необходимо 30-ти лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безо всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ положительныхъ правилъ, всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрять, ни возражать, онъ становится слѣпымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который захочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе.

«Конечно, уничтоженіе чиновъ (по крайней мѣрѣ гражданскихъ) представляетъ великія выгоды; но сія мѣра влечетъ за собою и безпорядки безчисленные, какъ вообще всякое измѣненіе постановленій, освященныхъ временемъ и привычкою. Можно, по крайней мѣрѣ, извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго злоупотребленія и представить чины цѣлю и достоинствомъ просвѣщенія, должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства, должно его тамъ удерживать, дать ему время перекупить, обогатиться познаніями, созрѣть въ типинѣ училища, а не въ шумной праздности казармъ. Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ одни гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ немногимъ лучше, здѣсь и тамъ оно кончается на 16-тилѣтнемъ возрастѣ воспитанника. Нечего колебаться: во что бы-то ни стало, должно подавить воспитаніе частное.

«Надлежитъ всѣми средствами умножить невыгоды, сопряженныя съ онымъ (напримѣръ, прибавить годы унтеръ-офицерства и первыхъ гражданскихъ чиновъ).

«Уничтожить экзамены. Покойный императоръ, удостовѣривъ въ ничтожествѣ ему предшествовавшаго поколѣнія, желалъ открыть

дорогу просвѣщенному юношеству и задержать какъ нибудь стариковъ, закоренѣлыхъ въ безнравствіи и невѣжествѣ. Отсель указъ объ экзаменахъ, мѣра слишкомъ демократическая и ошибочная, ибо она нанесла послѣдній ударъ дворянскому просвѣщенію и гражданской администраціи, вытѣснивъ все новое поколѣніе въ военную службу. А такъ какъ въ Россіи все продажно, то и экзаменъ сдѣлался новой отраслю промышленности для профессоровъ. Онъ походитъ на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропускаютъ за деньги тѣхъ, которые не умѣли проѣхать стороною. И такъ (съ такого-то года) молодой человѣкъ, невоспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ и не имѣетъ права требовать экзамена.

«Уничтоженіе экзаменовъ проявляетъ большую радость въ старыхъ титулярныхъ и коллежскихъ совѣтникахъ, что и будетъ хорошимъ противодѣйствіемъ ропоту родителей, почитающихъ своихъ дѣтей обиженными.

«Что касается до воспитанія заграничнаго, то запрещать его нѣтъ никакой надобности. Довольно будетъ опутать его одними невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ, ибо, первое, весьма немногіе станутъ пользоваться симъ позволеніемъ; второе, воспитаніе иностранныхъ университетовъ, не смотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго. Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитывавшійся въ геттингенскомъ университетѣ, не смотря на свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній. Такимъ образомъ, уничтоживъ или, по крайней мѣрѣ, сильно затруднивъ воспитаніе частное, правительству легко будетъ заняться улучшеніемъ воспитанія общественнаго.

«Ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему военнаго образованія и, слѣдовательно, состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ.

«Кадетскіе корпуса, рассадникъ офицеровъ русской арміи, требуютъ физическаго преобразованія, большаго присмотра за нравами, кои находятся въ самомъ гнусномъ запущеніи. Для сего нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ; доносы другихъ должны быть оставлены безъ изслѣдованія и даже подвергаться наказанію; черезъ сію полицію должны будутъ доходить и жалобы до начальства. Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тѣчайшее наказаніе, за возмутительную — исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ: наказывать юношу или взрослога человѣка за вину отрока есть дѣло ужасное и, къ несчастію, слишкомъ у насъ обыкновенное.

«Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо. Надлежитъ заранѣ внушить воспитанникамъ правила чести и человѣколюбія, не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ, слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ.

«Въ гимназіяхъ, лицейхъ и пансіонахъ при университетахъ должно будетъ продлить, по крайней мѣрѣ, тремя годами кругъ обыкновенный ученія, по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ.

«Преобразование семинарій, разсадника нашего духовенства, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полного, особеннаго разсмотрѣнія.

«Предметы ученія въ первые годы не требуютъ значительной перемѣны. Кажется, однакожъ, что языки слишкомъ много занимаютъ времени. Къ чему, напримѣръ, 6-тилѣтнее изученіе французскаго языка, когда навыкъ свѣта и безъ того слишкомъ уже достаточенъ? къ чему латинскій или греческій? позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?

«Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, приучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя.

«Высшія политическія науки займутъ окончателные годы. Преподаваніе правъ, политическая экономія по новѣйшей системѣ Сея и Сисмонди, статистика, исторія.

«Исторія въ первые годы ученія должна быть голымъ хронологическимъ разсказомъ происшествій безо всякихъ нравственныхъ или политическихъ разсужденій. Къ чему давать младенствующимъ умамъ направленіе одностороннее, всегда непрочное? но въ окончательномъ курсѣ преподаваніе исторіи (особенно новѣйшей) должно будетъ совершенно измѣниться. Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ, не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убійства Кесаря, превознесеннаго 2,000 лѣтъ, но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества, а Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ.

«Вообще, не должно, чтобъ республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны.

«Исторію русскую должно будетъ преподавать по Карамзину. Исторія государства російскаго есть не только произведеніе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка. Россія слишкомъ мало извѣстна русскимъ; сверхъ ея исторіи, ея статистика,

ея законодательство требуютъ особенныхъ каеедръ. Изученіе Россіи должно будетъ преимущественно занять въ окончательные годы умы молодыхъ дворянъ, готовящихся служить отечеству върою и правдою, имѣя цѣлю искренно и усердно соединиться съ правительствомъ въ великомъ подвигѣ улучшенія государственныхъ постановленій, а не препятствовать ему, безумно упорствуя въ тайномъ недоброжелательствѣ.

«Самъ отъ себя я бы никогда не осмѣлился представить на разсмотрѣніе правительства столь недостаточныя замѣчанія о предметѣ столь важномъ, каково есть народное воспитаніе: одно желаніе усердіемъ и искренностью оправдать высочайшія милости, мною незаслуженныя, понудили меня исполнить въѣренное мнѣ препорученіе. Ободренный первымъ вниманіемъ государя императора, всеподданнѣйше прошу егѣ величество дозволить мнѣ повергнуть предъ нимъ мысли касательно предметовъ болѣе мнѣ близкихъ и знакомыхъ».

«Александръ Пушкинъ».

Рукопись, представленная Пушкинымъ государю, не есть автографъ; Пушкинъ только подписалъ ее, выставилъ заглавіе и своею же рукою приписалъ, на поляхъ, два мѣста, которыя должны быть включены въ текстъ, а именно слѣдующія: «Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитывавшійся въ геттингенскомъ университетѣ, не смотря на свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію—слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній» и «Преобразование нашихъ семинарій—разсадника нашего духовенства, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полнаго, особеннаго разсмотрѣнія».

Вниманіе государя обратили на себя слѣдующія мѣста: ¹⁾.

— Походами 13 и 14 года, пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и въ Германіи, должно приписать вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ.—(?)

— Отсутствие воспитанія есть корень всякаго зла.—(?)

— Одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія.—(?)

— Уничтоженіе чиновъ представляетъ великія выгоды, но влечетъ за собою и беспорядки безчисленные.—(?)—можно, по крайней мѣрѣ, представить чины цѣлю и достоиніемъ просвѣщенія.—(?)

— Должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія.—(?)

¹⁾ Въ скобкахъ помѣщены знаки, поставленные государемъ

— Должно дать ему (юношеству) время созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ.—(?)

— Должно подавить воспитаніе частное.—(?)

— Прибавить годы унтеръ-офицерства и первыхъ гражданскихъ чиновъ.—(?)

— Уничтожить экзамены.. Молодой человѣкъ, невоспитанный въ государственномъ училищѣ, вступающій въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ.—(?)

— Запрещать воспитаніе заграничное нѣтъ никакой надобности.—(?)

— Доносы (воспитанниковъ) должны быть оставлены безъ вниманія и даже подвергаться наказанію.—(?)

— Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. и т. д. Наказывать юношу или взрослого человѣка за вину отрока есть дѣло ужасное.—(?)

— Не должно забывать, что они будутъ имѣть право ротги и палки надъ солдатами.—(?)

— Слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ палачей, а не начальниковъ.—(?)

— Къ чему латинскій (языкъ) или греческій: позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго.—(?)

— Можно представить Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ.—(?)

— Республиканскія идеи имѣли для воспитанниковъ прелесть новизны.—(?)

— Ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему военнаго образованія и, слѣдовательно состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ.—(??)

— Нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ.—(??)

— Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо.—(??)

— Можно представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества.—(??)

— Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ; (???) — источника нуждъ и требованій государственныхъ.—(??)

— Въ гимназіяхъ, лицеехъ и пансіонахъ при университетахъ продлить кругъ ученія, по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ.—(???)

— Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ журналахъ.—(!?)

Объ собственноручныхъ приписки Пушкина, о Н. Тургеневѣ и о преобразованіи семинарій, отмѣчены двумя вопросительными знаками.

На первой страницѣ рукописи, представленной Пушкинымъ, написано рукою Бенкендорфа, карандашемъ: Lui faire une reponse, le remercier pour ce papier, en lui observant cependant, que le principe qu'il avance, que l'instruction et le génie est tout est un principe faux pour tous les gouvernements, et nommément celui qui a manqué le précipiter lui-même dans l'abime et qui y a jeté tant de jeunes gens; que la morale, les services, le zèle doivent l'emporter sur l'instruction... ¹⁾ Остальныхъ нѣсколькихъ словъ нельзя разобрать: они стерлись отъ времени. Впрочемъ все, написанное Бенкендорфомъ, воспроизведено, съ небольшими измѣненіями, въ слѣдующемъ письмѣ его къ Пушкину, 23-го декабря 1826 года:

«Государь императоръ съ удовольствіемъ изволилъ читать разсужденія ваши о народномъ воспитаніи, и поручилъ мнѣ изъяснить вамъ высочайшую свою привѣтливость.

«Его величество при семъ замѣтить изволилъ, что принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее васъ самихъ на край пропасти и повергнувшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ».

Въ запискѣ своей о народномъ воспитаніи Пушкинъ дѣйствительно выдвигаетъ на первый планъ просвѣщеніе, а о геніи онъ вовсе и не упоминаетъ. Приписывая Пушкину такое поклоненіе генію, Бенкендорфъ находилъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ тѣхъ лицъ, которыя внушали ему, что Пушкинъ чрезвычайно гордъ, самонадѣянъ и придаетъ чрезъчуръ большое значеніе своему поэтическому таланту.

Записка Пушкина «О народномъ воспитаніи» впервые напечатана, въ 1872 году, П. И. Бартевымъ, по черновой рукописи Пушкина, которую самъ авторъ передалъ князю П. А. Вяземскому ²⁾. По этому списку напечатана она и въ собраніи сочиненій А. С. Пушкина, издатель которыхъ замѣчаетъ, что «бѣловой списокъ пока неизвѣстенъ» ³⁾.

¹⁾ Написать ему отвѣтъ, благодарить его за эту бумагу, замѣтивъ ему однакожъ, что выставленное имъ начало, что просвѣщеніе и геній составляютъ все, есть начало ложное въ глазахъ всѣхъ правительствъ, и оно-то едва не низвергло его въ ту бездну, въ которую бросило столько молодыхъ людей; что нравственность, исполненіе служебныхъ обязанностей, усердіе, должны быть предпочитаемы просвѣщенію...

²⁾ Деятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый Петромъ Бартевымъ. 1872. Книга вторая, стр. 209—218.

³⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе восьмое, подъ редакціей П. А. Ефремова. 1882. Томъ V, стр. 40—48 и 486.

П. В. Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина» говоритъ: «Нѣсколько черновыхъ безслѣдныхъ отрывковъ трактата о воспитаніи, сохранившихся въ бумагахъ Пушкина, не даютъ никакой ясной идеи о сочиненіи; но изъ отзыва, воспослѣдовавшаго на разсужденіе, можно заключить объ односторонности основной мысли автора. Изъявляя ему признательность за нѣкоторыя отдѣльныя истины, высшее начальство постановило ему на видѣ, что правило, принятое сочинителемъ будто просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило невѣрное, ибо при семъ упущены изъ виду нравственныя качества и наконецъ примѣрное служеніе, усердіе, которыя должно предпочесть просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному»¹⁾. «Изъ этого надо бы заключить,— говоритъ П. И. Бартеневъ, напечатавшій записку Пушкина въ своемъ изданіи—что «записка» была подана не въ томъ видѣ, какъ здѣсь напечатана»; но мы скорѣе думаемъ, что собиратель матеріаловъ для біографіи Пушкина смѣшалъ обстоятельства, и что приведенныя выраженія служили отвѣтомъ на что-либо другое. Бумаги Пушкина требуютъ точнѣйшаго разсмотрѣнія.

Указанія, сохранившіяся въ первыхъ источникахъ, вполне разъясняютъ дѣло, устраняя всякое сомнѣніе въ томъ, что «отзывъ» относится къ запискѣ о народномъ воспитаніи, а не къ другому какому либо сочиненію Пушкина.

М. И. Сухомлиновъ.

¹⁾ Сочиненія Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова, 1855. Томъ первый, стр. 174—175.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Ө. Ө. КОКОШКИНЪ.

ВЪ НѢКОТОРЫХЪ русскихъ мемуарахъ встрѣчались рассказы о Федорѣ Федоровичѣ Кокоскинѣ, бывшемъ директорѣ московскаго театра и переводчикѣ мольеровскаго «Мизантропа». Въ воспоминаніяхъ его современниковъ онъ представляется по большей части человѣкомъ далеко не симпатичнымъ: его обвиняютъ въ надутомъ чванствѣ, узкомъ педантизмѣ, интригахъ и недоброжелательствѣ. Можетъ быть, въ этихъ отзывахъ и была доля правды, но въ моей памяти онъ рисуется въ иномъ видѣ. Правда, я зналъ его недолго и притомъ только въ послѣдніе годы его жизни и въ моей ранней молодости, но какъ бы ни было, онъ представляется мнѣ человѣкомъ не только не злымъ, а напротивъ радушнымъ и добрымъ, хотя во многихъ отношеніяхъ страннымъ и даже смѣшнымъ. Извѣстно, что онъ былъ недурнымъ актеромъ, въ тогдашнемъ псевдо-классическомъ смыслѣ, и удачно игралъ на своемъ домашнемъ театрѣ въ комедіяхъ Мольера, но едва ли въ ряду разыгранныхъ имъ ролей на сценѣ нашлось бы лицо столько комическое, какъ онъ самъ былъ въ дѣйствительной жизни.

Я былъ еще въ одномъ изъ высшихъ классовъ первой, и въ то время единственной, московской гимназіи, когда отецъ мой перѣхалъ въ домъ Кокоскина, на Никитскомъ бульварѣ. Мы жили во флигелѣ, а хозяинъ помѣщался въ большомъ каменномъ домѣ, который стоялъ въ глубинѣ двора, отдѣленнаго отъ улицы рѣшет-

чатымъ заборомъ. Въ то время Федоръ Федоровичъ не былъ уже директоромъ императорскаго театра, но не переставалъ еще интересоваться имъ; его посѣщали актеры и театралы, журналисты и литераторы, и на его домашней сценѣ бывали иногда спектакли, въ которыхъ самъ онъ непремѣнно участвовалъ. На эти вечера съѣзжались люди изъ лучшаго московскаго общества и артистическаго круга, и многихъ, кажется, настолько привлекало предлагаемое зрѣлище, сколько сопровождавшіе его ужины и вообще широкое, радушное гостепріимство хозяина. Мнѣ скоро пришлось быть на одномъ изъ такихъ спектаклей, и хотя онъ сильно привлекалъ меня, особенно артистической игрою самого Коккошкина и жившей тогда въ его домѣ актрисы Потанчиковой, но я замѣтилъ однако же, что нѣкоторые гости меньше интересовались пьесою, чѣмъ буфетомъ. Иные даже въ тихомолку подсмѣивались надъ превосходительнымъ актеромъ.

На масляницѣ, Коккошкинъ былъ у насъ на блинахъ, заговорилъ со мною, спросилъ о занятіяхъ въ гимназій, пожелалъ видѣть мои классныя сочиненія и предложилъ брать книги изъ его библіотеки. Я конечно не упустилъ случая воспользоваться этимъ предложеніемъ. Тутъ удалось мнѣ перечитать много классическихъ, преимущественно французскихъ писателей и въ первый разъ познакомиться съ трагедіями и романами Вольтера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при частыхъ прогулкахъ въ библіотеку, гдѣ иногда проводилъ я цѣлыя часы, рассматривая гравюры и иллюстрированныя изданія, которыя неудобно было брать домой, познакомился я и съ домашней жизнью моего патрона.

Коккошкину въ то время было гдѣтъ семьдесятъ, но онъ еще казался бодрымъ и не переставалъ разыгрывать свѣтскаго селадона и дамскаго поклонника. Надобно было видѣть, какія совершались съ нимъ каждый день овидіевскія превращенія. Утромъ, вставъ съ постели, сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, желтый какъ египетская мумія, съ гладкимъ безволосымъ черепомъ и ввалившимися щеками, и медленно пилъ свою чашку кофе. Казалось, этотъ уже полуживой старикъ сейчасъ рухнетъ на полъ. Но вотъ приходитъ его камердинеръ, Данило Иванычъ, ставитъ на столъ разныя принадлежности старческаго туалета—флаконы съ румянами и бѣлилами, щеточки и кисточки, рыжеватый парикъ на деревянномъ болванѣ и искусственную челюсть на серебряномъ блюдцѣ. И начиналось превращеніе, какого не придумывалъ и гѣвецъ Метаморфозъ. Пергаменное лицо начинало бѣлѣть и алѣть подъ косметической щекатуркой, голый черепъ прикрывался густыми завитыми кудрями, изъ-за натертыхъ розовой помадою губъ выглядывали прекрасныя вставныя зубы, и вся сторбленная фигура выпрямлялась подъ туго-затянутымъ корсетомъ. Раза два или три въ недѣлю, въ модномъ скюртуцкѣ, съ

тросточкой, на концѣ которой былъ золотой молоточекъ, послѣдній изъ атрибутовъ масонства, выѣзжалъ онъ въ коляскѣ, или только сопровождаемый ею выходилъ пѣшкомъ на прогулку.

Модными гуляньями въ Москвѣ были въ то время Пресненскіе пруды, Тверской бульваръ и Осташевскій садъ. Тамъ въ очередные дни недѣли можно было видѣть лучшее московское общество. Отъ двухъ до четырехъ часовъ дня прилегающія улицы уставлены были рядами экипажей, а по аллеямъ двигались пестрые группы гуляющихъ. На каждомъ изъ этихъ гуляній были свои королевы и признанныя знаменитости: иногда можно было встрѣтить тамъ характерную фигуру Ермолова, съ его величаво-львиной головой, или улыбающееся, умное лицо Дениса Давыдова, или шагающаго на тонкихъ ногахъ пресловутаго ратника Сергѣя Глинку. Были знаменитости и между дамами: такъ, на примѣръ, однажды общее вниманіе обращено было въ Осташевскомъ саду на извѣстную кавалеристъ-дѣвицу Дурову-Александрову. Кокочкинъ посѣщалъ регулярно эти гулянья, особенно садъ и бульваръ, и его можно было видѣть преимущественно или съ тогдашними литературными и артистическими извѣстностями, или съ молодыми дамами. Кто встрѣчалъ его въ эти часы, стоящаго передъ какой-нибудь московской красавицей и играющаго своей тросточкой съ живостью молодого франта, тому конечно не могло придти въ голову, что черезъ нѣсколько часовъ онъ опять превратится въ жалкаго старика и полиняетъ, какъ грошевый московскій ситецъ.

Первыми красавицами въ Москвѣ считались въ то время дѣвицы Фольцъ. Это были двѣ сестры, обѣ блондинки, необыкновенно стройныя и изящныя. Въ лучшемъ обществѣ онѣ не были приняты, и барыни окидывали ихъ строгимъ, недоброжелательнымъ взглядомъ, когда онѣ появлялись въ ложѣ Малаго театра или на гуляньяхъ, въ сопровожденіи старика внушительной наружности, съ длинными сѣдыми усами и орденскими ленточками въ петлицѣ статскаго сюртука. Одни говорили, что это отецъ молодыхъ красавицъ, отставной майоръ или подполковникъ бывшихъ польскихъ войскъ, оставившій службу не задолго до начала революціи тридцать перваго года. Другіе утверждали, что дѣвушка вовсе не дочери его, а только какія-то дальнія родственницы, и это отчасти подтверждалось тѣмъ, что его выдали въ костелъ, а онѣ ходили въ русскія церкви. Сомнительная репутація этого семейства кончилась тѣмъ, что однажды, послѣ прогулки на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ кто-то поднесъ дѣвушкамъ два персика, онѣ обѣ умерли въ тотъ же самый день. Въ церкви Стараго Вознесенья стояли два голубые гроба, и покойницъ отгѣвали при большомъ стеченіи публики.

Я видалъ сестеръ Фольцъ въ Осташевскомъ саду. Иногда онѣ были съ своимъ дѣйствительнымъ или мнимымъ родителемъ, а иногда онъ прогуливался съ кѣмъ-нибудь, а дѣвушки сидѣли на

скамейкѣ, окруженныя свѣтской молодежью и старыми холостяками, къ которымъ присоединялся иной разъ и Кокоскинъ. О загадочной смерти барышень долго говорила вся Москва, и вотъ какъ объясняли этотъ трагическій случай.

Говорили, что Фольцъ употреблялъ своихъ прекрасныхъ дочекъ для ловли московскихъ и заѣзжихъ простяковъ, способныхъ увлекаться привѣтливомъ взглядомъ красавицы. Онъ замѣчалъ, кто особенно на нихъ засматривался, развѣдывалъ объ общественномъ положеніи и особенно о достаткѣ поклонника, и если находилъ то и другое удовлетворительнымъ, то поручалъ красавицѣ, которая привлекала на себя вниманіе, поощрить исканія жертвы. Неосторожная муха попадала въ сѣти паука. Послѣ нѣсколькихъ прогулокъ на Тверскомъ бульварѣ или танцевъ въ купеческомъ собраніи, доврѣчивому ловеласу позволялось пожать прекрасную ручку и обыкновенно случалось такъ, что самъ старикъ знакомился съ нимъ и приглашалъ къ себѣ въ домъ. И, вотъ, однажды поклонникъ застаётъ любимую особу одну, такъ какъ папаша съ другой сестрой куда-то уѣхалъ. Какой чудный вечеръ: комфортабельная гостиная освѣщена матовымъ свѣтомъ карсельской лампы. Очаровательная дѣвушка, сыгравъ какой-нибудь нѣжный романсъ на фортепьяно, садится на шелковый диванъ, съ улыбкой и поощряющимъ взглядомъ. Можно ли желать лучшихъ минутъ для объясненія? И гость пользуется ими и высказываетъ обычное признаніе въ любви. Передъ нимъ смущаются, краснѣютъ, но не отталкиваютъ его. По срединѣ перваго поцѣлуя вдругъ отворяется дверь и въ комнатѣ показывается папаша, величавый, грозный, съ сверкающими отъ негодованія глазами.

— Несчастная! говоритъ онъ, обращаясь къ смущенной дѣвушкѣ: преступная дочь! И ты не постыдилась опозорить мою честную шестидесятилѣтнюю жизнь? ты отнимаешь у меня единственное достояніе—добрую славу моего имени. Оставь меня, иди прочь съ моихъ глазъ; я отрекаюсь отъ тебя, я тебя проклинаю!.. А вы, милостивый государь, продолжаетъ Фольцъ, обращаясь къ своему гостю: вы соблазнили невинную дѣвушку, вы насмѣялись надъ сѣдинами отца, стараго солдата, который тридцать лѣтъ проливалъ кровь за царя и отечество. Еслибы я былъ моложе, я убилъ бы васъ на мѣстѣ, но къ несчастію мои ираненныя въ бояхъ руки не въ состояніи уже держать оружія. Но я найду мстителей. Тѣ кому я служилъ вѣрой и правдой, не допустятъ безнаказанно смѣяться надъ честными сѣдинами заслуженнаго воина...

Но ни къ какимъ мстителямъ оскорбленному папашѣ не приходилось обращаться: оканчивалось тѣмъ, что попавшая въ сѣти жертва отпускалась на всѣ четыре стороны, подписавъ заготовленный заранѣе вексель на болѣе или менѣе крупную сумму. Вѣроятно однако же, что у иныхъ такимъ образомъ попадавшихся

въ паутину мухъ было жало, и этимъ объясняли печальный конецъ отравленныхъ персиками двѣушекъ. Называли два-три имени подозрѣваемыхъ, но, кажется, розыски ни къ чему не повели, а Фольцъ послѣ того пропалъ куда-то изъ Москвы, и самое происшествіе скоро было забыто. Помню, какъ однажды Э. Э. Кокочкинъ, рассказывая о подвигахъ этого негодяя кому-то изъ знакомыхъ, представилъ его въ роли оскорбленнаго отца и мастерски продекламировалъ его патетическій монологъ передъ преступной дочерью и ея соблазнителемъ. Сцена была прочитана съ большимъ искусствомъ и правдою.

Вообще, Кокочкинъ былъ замѣчательнымъ декламаторомъ, разумѣется въ томъ стилѣ, который господствовалъ на французской сценѣ прошлаго столѣтія. Мы давно уже привыкли относиться съ высокою къ этой декламациі, также какъ и къ той драмѣ, которую прозвали псевдо-классической. Нельзя не согласиться конечно, что въ той и другой было много условнаго, искусственнаго, не согласнаго съ дѣйствительною жизнью, но та и другая были естественнымъ созданіемъ своего вѣка и прямымъ выраженіемъ идеала націи, стоявшей во главѣ образованнаго міра. Не правъ былъ Вольтеръ, называвшій грубымъ дикаремъ Шекспира, не правъ и тотъ, кто подводитъ Вольтера и Расина подъ мѣрку нашей современной теоріи. Во французской сценической декламациі, при талантливыхъ исполнителяхъ и въ соответствующихъ ей пьесахъ, было не мало увлекательнаго. Это доказала впослѣдствіи Рашель и въ недавнее время Росси. Но я помню, что въ первый разъ почувствовалъ уваженіе къ французской классической школѣ, когда услышалъ однажды сценическое состязаніе на вечерѣ у Кокочкина. Завязался оживленный разговоръ о различіи между псевдо-классической трагедіей и мелодрамой, въ отношеніи къ ихъ содержанію и исполненію на сценѣ. Извѣстный актеръ Мочаловъ, бывшій тогда въ апогеѣ своей славы, прочелъ отрывокъ изъ драмы Виктора Дюканжа «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», а Кокочкинъ въ слѣдъ затѣмъ продекламировалъ какой-то монологъ изъ «Цинны» Корнеля. Конечно, чтеніе перваго было увлекательнѣе и производило болѣе сильное впечатлѣніе, что зависѣло безъ сомнѣнія и отъ превосходства его таланта; но и въ декламациі послѣдняго была какая-то поразительная сила и величіе, при которыхъ не замѣчалось никакой фальши и ходульности, въ чемъ обыкновенно обвиняютъ представителей французской драмы и ея исполнителей на сценѣ.

Оставя дирекцію казеннаго театра, Кокочкинъ принялся за торговые и промышленныя предпріятія. Это зависѣло не отъ упадка его состоянія или разстройства дѣлъ: кромѣ двухъ домовъ въ городѣ, у него было хорошее подмосковское село Анненское и еще какія-то имѣнія въ другихъ губерніяхъ. Къ спекуляціямъ побудилъ его кажется тотъ торговый задоръ, который началъ тогда обнару-

живаться въ средѣ русскихъ баръ и помѣщиковъ, можетъ быть, въ невольномъ предчувствіи конца крѣпостнаго права. Съ каждымъ годомъ дворяне все больше брали гильдейскихъ свидѣтельствъ, открывали заводы и фабрики и пускались въ торговые обороты. Но многіе при этомъ не только не выигрывали, а, напротивъ, разстроивали свое состояніе и даже совсѣмъ теряли его. Настоящіе купцы и заводчики слышали о постоянныхъ крахахъ господъ, самодовольно покачивали головами и говорили, что подобныя предпріятія—вовсе не барское дѣло.

Ө. Ө. Кокоскинъ также потерпѣлъ полную неудачу въ своихъ промышленныхъ затѣяхъ. Прежде всего онъ построилъ заводъ для выдѣлки сальныхъ свѣчей и открылъ свѣчную лавку подлѣ Охотнаго ряда, гдѣ теперь Лоскутная гостинница. Въ то время по всей этой небольшой улицѣ, съ обѣихъ сторонъ, были такъ называемыя шубныя лавки, гдѣ торговали крестьянскими нагольными тулупами и мѣховыми шапками, изображенія которыхъ и намалеваны были на вывѣскахъ, надъ каждой входной дверью. Бывая иногда въ магазинѣ Кокоскина, я не разъ имѣлъ случай любоваться своеобразнымъ обращеніемъ шубныхъ торговцевъ съ своими покупателями и принятымъ у нихъ способомъ рекомендовать свой товаръ. Какъ скоро на улицѣ показывался мужичекъ, заподозриваемый по нѣкоторымъ признакамъ въ намѣреніи купить шапку или тулупъ, стоявшіе у ближайшей отъ угла лавки мальчишки, или взрослые парни, начинали заывать его, величая почтеннымъ или хозяиномъ, и если онъ медлилъ самъ войти, то его брали за руки, вводили насильно и запирали двери. Покупатель оставался тамъ довольно долго и иногда выходилъ съ шубой или шапкой въ рукахъ, но большею частію бывало то, что онъ не сходилъ въ цѣнѣ съ продавцомъ или товаръ ему не нравился, тогда вдругъ двери отпирались, и вытолканный въ шею мужикъ летѣлъ стремглавъ на середину улицы. Тутъ ожидавшіе уже такой развязки торговцы противоположной лавки быстро подбѣгали къ нему, хватили его подъ руки и, прежде чѣмъ успѣвалъ онъ опомниться, втаскивали къ себѣ и запирали за нимъ двери. Вѣроятно, и въ этой лавкѣ покупатель не могъ столковаться съ купцами, и его снова выталкивали на мостовую, откуда опять тащили въ новую лавку на другой сторонѣ, и такимъ образомъ если ему не удавалось отбиться и убѣжать къ Иверской часовнѣ, бѣдняка долго бросали, какъ мячикъ, съ одной стороны улицы на другую. Кокоскинъ видѣлъ однажды эту оригинальную торговлю изъ своего магазина и ѣздилъ говорить о ней съ оберъ-полиціеимейстеромъ, но я не знаю повліяли ли эти переговоры на шубныхъ торговцевъ.

Свѣчной заводъ почему-то не пошелъ и магазинъ скоро былъ закрытъ. Тогда Федоръ Федоровичъ задумалъ другое дѣло. Въ подмосковной деревнѣ у него засѣвался картофель, перемалывался

на собственной мельницѣ въ муку, которая и сбывалась съ выгодой въ Москвѣ и въ окрестностяхъ. Вдругъ кто-то, возвратясь изъ за границы, сообщилъ ему, что видѣлъ въ Англiи машину, которая служитъ для выдѣлки картофельной муки и работаетъ съ необыкновенной быстротою. Кокоскинъ чрезъ какое-то агентство выписалъ немедленно подобную машину, и заплатилъ за нее, сколько помнится, двѣ или три тысячи рублей. Снарядъ этотъ привезли въ Анненское, поставили, и собравъ картофель, пустили въ ходъ. На торжественный дебютъ заморскаго локобиля приглашены были гости; служили молебень, пили шампанское, прославляли предприимчивость дѣятельнаго и просвѣщеннаго хозяина. Машина въ самомъ дѣлѣ работала прекрасно, и не смотря на то, что въ этотъ годъ картофелю засѣяно было въ пять разъ больше, чѣмъ засѣвалось прежде, она перемолола весь урожай въ три дня. Практическій результатъ этого былъ слѣдующій. Прежде мельница была въ ходу нѣсколько мѣсяцевъ, и постоянно свѣжая мука распродавалась по частямъ, а теперь машина, покончивъ вдругъ со всѣмъ годовымъ запасомъ картофеля, опочила отъ труда до слѣдующей осени, а выработанную ею муку вдругъ нельзя было сбыть и бѣльшая часть ея слежалась, загнила и была отдана кому-то за безцѣнокъ, а частію выброшена. Одинъ изъ близкихъ пріятелей Кокоскина, когда зашелъ разговоръ о томъ, что столько-то пудовъ муки придется бросить, сказалъ ему:

— Да зачѣмъ-же, Федоръ Федоровичъ, бросать ее!

— А что съ нею дѣлать? спросилъ Кокоскинъ.

— Вы говорите, что мука идетъ на патоку?

— Ну, да.

— Такъ надѣлаемъ-ка изъ нея патоки съ имбиремъ да и будемъ сами носить по Москвѣ съ пѣсенкой: «патока съ имбиремъ! вареная съ имбиремъ! варилъ дядя Симіонъ, тетушка Арина купала хвалила, а дѣдушка Еливаръ всѣ пальчики облизалъ!»

Кокоскинъ сморщился, но черезъ минуту самъ расхохотался надъ этой выходкой.

Такая же неудача постигла и послѣднюю затѣю старика. Какой-то остзейскій нѣмецъ предложилъ ему купить секретъ новоизобрѣтеннаго производства фарфоровой глины, придающаго издѣліямъ необыкновенную прочность и блескъ. Ожидая значительныхъ выгодъ отъ этого дѣла, Кокоскинъ приобрѣлъ новооткрытый секретъ опять за довольно крупную сумму, устроилъ заводъ гдѣ-то за Москвой рѣкой, нанялъ мастеромъ самого изобрѣтателя, съ хорошимъ, разумѣется, жалованьемъ, и открылъ магазинъ у Никитскихъ воротъ. Дѣло сначала пошло довольно бойко: фаянсовая и фарфоровая посуда хорошо продавалась въ Москвѣ и на макарьевской ярмаркѣ. Ободренный заводчикъ взялъ поставку узорныхъ изразцовъ по стариннымъ рисункамъ, для печей въ возобновляе-

ныхъ кремлевскихъ теремахъ, и кромѣ того приготовилъ къ открывавшейся тогда въ дворянскомъ собраніи мануфактурной выставкѣ роскошный фарфоровый туалетъ съ живописными бордюрами и выпуклыми цвѣтами, въ который вставлены были серебряныя, нарочно заказанныя, принадлежности. Въ надеждѣ, что эта изящная вещь будетъ куплена въ домъ какого нибудь милліонера или даже ко двору, ей назначили баснословно дорогую цѣну. Между тѣмъ въ городѣ начали ходить слухи, что на заводъ Кокоскина везать по ночамъ для примѣся къ глинѣ такой продуктъ, который до сихъ поръ употреблялся только въ иныхъ мѣстахъ для унавоженія полей, и хотя посуда издѣлія нашего заводчика не отличалась никакимъ специфическимъ запахомъ, но её перестали покупать, и самое названіе «кокоскинская посуда» сдѣлалось браннымъ словомъ. Пресловутый туалетъ также никто не купилъ; съ выставки привезли его въ домъ и поставили къ кабинетѣ, а потомъ онъ отчего-то лопнулъ и вынесенъ былъ въ сарай, гдѣ катали бѣлье, и прачки мало по малу обломали съ него всѣ рельефные цвѣты. Дѣятельность завода кончилась, а непроданныя фарфоровыя вещи, вазы и сервизы, раздарены были знакомымъ.

Кокоскинъ былъ членомъ англійскаго клуба и довольно исправно посѣщалъ его. Возвращался онъ оттуда очень поздно и иногда пѣшкомъ. Однажды вышелъ случай, который могъ кончиться очень печально. Полицейскіе солдаты, избивавшіе по ночамъ бездомныхъ собакъ, какими въ то время обилела Москва, преслѣдовали какую-то дворняшку у нашего дома, и такъ какъ ворота оставались обыкновенно растворенными до возвращенія хозяина изъ клуба и ихъ иногда совсѣмъ не караулили, то гонимая собака бросилась къ намъ на дворъ. Будочники вбѣжали за нею и начали выгонять, бросая въ нее палками. Въ эту минуту Кокоскинъ, возвращавшійся пѣшкомъ изъ клубнаго засѣданія, входилъ въ ворота, и преслѣдуемая собака бросилась ему подъ ноги, а за нею полетѣла и брошенная увѣсистая палка. Старикъ упалъ, и хотя не ушибся, но отъ испуга пролежалъ нѣсколько дней въ постели.

Въ Анненскомъ устраивалась иногда охота на волковъ, для чего приглашались и гости изъ Москвы. Я не бывалъ на этихъ потѣхахъ, но мнѣ говорили, что онѣ оканчивались обыкновенно двумя-тремя подстрѣленными зайцами и роскошнымъ ужиномъ, на которомъ выпивался цѣлый ящикъ шампанскаго. Волковъ не только не случалось бить, но ихъ даже и не видали. Тотъ самый пріятель нашего амфитріона, который предлагалъ ему торговать въ разность патокой съ имбиремъ, совѣтовалъ тутъ для полного наслажденія охотой, выписывать волковъ и медвѣдей изъ Костромской губерніи и разводить въ аннинскихъ лѣсахъ. Кажется, мужики нарочно привозили вымышленныя извѣстія о появленіи мнимыхъ волковъ, потому что въ городѣ барина не легко было видѣть, а въ де-

ревнѣ его осаждали различными просьбами, въ которыхъ онъ по добротѣ своей рѣдко отказывалъ. По крайней мѣрѣ я слышалъ, что однажды староста заманилъ барина на охоту для того, чтобы генералъ былъ у него воспріемникомъ отъ купели новорожденнаго ребенка и при семъ торжествѣ пожаловалъ крестнику дѣсу на какую-то постройку.

Зимою, кромѣ спектаклей, бывали иногда у Кокоскина литературные вечера, но они неособенно интересовали меня, потому что читали большею частію давно уже извѣстное и напечатанное. Кажется, главною задачею при этомъ было не самое содержаніе сочиненія, а искусство чтенія, такъ-какъ выбиралась преимущественно драматическія сцены или такіе рассказы, въ которыхъ преобладалъ діалогъ. Нерѣдко между слушателями возникали споры и главной темою ихъ былъ капитальный вопросъ того времени различія классицизма и романтизма. Однажды, впрочемъ, споръ вышелъ изъ этого обычнаго круга. Кто-то изъ гостей, и кажется Вельтманъ, авторъ замѣчательныхъ, но теперь уже забытыхъ романовъ «Кошей безсмертный», «Святославичъ» и др., прочелъ стихотвореніе Пушкина: «Въ часы забавъ иль прайдной скуки». По этому, по поводу послѣдней строфы, возникло разногласіе о томъ кому поэтъ посвятилъ эту прекрасную пьесу. Въ одной редакціи заключительные стихи читались такъ:

Твоимъ огнемъ душа палама,
Отвергла мракъ земныхъ суеть,
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поеть.

По другимъ-же рукописнымъ спискамъ слѣдовало будто-бы читать этотъ куплетъ иначе, а именно:

Твоимъ огнемъ душа согрѣта,
Отвергла мракъ земныхъ суеть,
И внемлетъ гласу Филарета |
Въ священномъ ужасѣ поеть.

Тутъ и начался споръ о томъ, къ кому Пушкинъ обращался въ этомъ стихотвореніи. Одни говорили, что оно посвящено митрополиту Филарету, другіе полагали, что авторъ обращался къ митрополиту петербургскому—Серафиму, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ хотѣлъ будто-бы угодить этимъ посланіемъ тому и другому. Разумѣется, теперь никому уже не придетъ въ голову подозрѣвать нашего великаго поэта въ такой двуличности Кокоскинъ, хотя не питалъ особаго расположенія къ Пушкину энергически говорилъ противъ такого обвиненія и утверждалъ, что стихи посвящены были Филарету.

А. Миллюковъ.

ФАКСИМИЛЕ ОДНОЙ ИЗЪ РУКОПИСЕЙ ТУРГЕНЕВА.

МОСКОВСКИЙ собиратель автографовъ, А. М. Подшиваловъ, приобрѣлъ недавно отъ г. Лаврова нѣсколько собственноручныхъ рукописей И. С. Тургенева, именно рассказы: «Бирюкъ», «Лебедянь», «Бѣжинъ лугъ» (первая половина) и «Касьянъ съ Красивой Мечи» (въ двухъ видахъ). Г. Лаврову рукописи эти достались случайно, вмѣстѣ съ разными книгами, отъ одного знакомаго Тургенева.

Рукописи интересны въ особенности тѣмъ, что на поляхъ ихъ, въ иныхъ мѣстахъ, сдѣланы Тургеневымъ разныя отмѣтки и рисунки.

Благодаря любезности г. Подшивалова, мы прилагаемъ къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» точный снимокъ съ первой страницы рукописи «Бирюкъ» и присоединяемъ къ нему подробное описаніе рукописей, сдѣланное, по нашей просьбѣ, г. Подшиваловымъ.

Бирюкъ на двухъ отдѣльныхъ четвертушкахъ листа и на листѣ почтовой бумаги, исписанныхъ кругомъ. Первая страница, приложенная здѣсь, точно воспроизведена фотогравюрой московскимъ художникомъ-фотографомъ М. М. Пановымъ. Стр. 4 (на поляхъ) исписана рисунками нѣсколькихъ профилей мужскихъ лицъ. Тутъ же съ боку на французскомъ языкѣ выписаны всѣ лица комедіи Бомарше «Севильскій цирюльникъ». Рукопись оканчивается фамиліей — Viardot, написанной рукой Тургенева.

Лебедянь на листѣ писчей бумаги, исписанномъ кругомъ. На послѣдней страницѣ Тургеневъ, вѣроятно для изданія «Записокъ

Охотника», составилъ порядокъ послѣдовательному расположенію рассказовъ, намѣтивши такъ:

1. X. и К.	4. О. О.	7. Конт.	10. Малиновая вода.
2. Е. и М.	5. Л.	8. Двѣ Пом.	11. Уѣ. лѣ.
3. М. С. Р.	6. Бур.	9. Бирюкъ.	12. (Рефор.) Лебедянь.

Бѣжинъ лугъ. Интересъ рукописи представляетъ собой характеристика мальчиковъ, встрѣчающихся въ рассказѣ. Такъ, съ боку, въ концѣ, слѣдующія выноски: Одея — красав., смѣл.; Павлушка — трусливъ; Илюша — поэтич.; Костя — глухой и мрачный. На одномъ изъ листовъ нарисованъ портретъ Кости.

Касьянъ съ Красивой Мечи въ двухъ видахъ: черновая и переписанная на-бѣло, посторонней рукой, и поправленная Тургеневымъ. Повидимому, Иванъ Сергѣевичъ хотѣлъ этотъ рассказъ назвать «Касьянъ Блоха», но потомъ вычеркнулъ. Рукопись оканчивается такъ ¹⁾, послѣ словъ: «возвратились домой», прибавлено еще: «Я съ тѣхъ поръ не видалъ Касьяна. Его, слышно, опять вернули на Красивую Мечь».

БИРЮКЪ.

(1) Я ѣхалъ съ охоты вечеромъ одинъ на бѣговыхъ дрожжахъ. До дому еще было (2) версты восемь; моя добрая (лошадь) рысистая кобылка бодро бѣжала по пыльной дорогѣ (3) изрѣдка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака словно привязанная (къ дрожкамъ) (4) не отставала отъ заднихъ колесъ. Гроза надвигалась. Впереди огромная (пелена) лиловая (5) туча медленно поднималась (съ на позади меня на нее) изъ-за лѣса (мигъ) (6) (на встрѣчу) прямо надо мною... ²⁾ (тихо) неслись сѣрыя... ³⁾ длинныя сѣрыя облака. Душный жаръ (7) внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли. Я (сталъ) (8) (понузавъ) ударилъ возжей (свою) по (лошадъ) лошади, спустился въ оврагъ (перѣѣхалъ высохшій) перебрался черезъ сухой ручей, (9) весь заросшій лозниками—поднялся въ гору—и вѣхалъ въ лѣсъ. (Не у(10)спѣлъ я проѣхать версты по дорогѣ). Дорога (глухо) вилась передо мной (шла амѣй?) (11) между густыми (ор.) кустами орѣшника, уже залитыми мракомъ; (мимо) я подвигался впередъ съ трудомъ. Дрожки прыгали по (11) (сухіе могучіе) твердымъ корнямъ столѣтнихъ дубовъ и липъ (пересѣкали) ее (безпрестанно) (берг.) (на корни дубовые) безпрестанно (то и дѣло каж(12)домъ шагу) (ее) пересѣкавшимъ глубокія продольныя рытвины, слѣды (полосы) те(13)лѣжныхъ колесъ; лошадь моя начала спотыкаться и (фыркали). (14) Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали (загудѣли) (15) крупныя капли дождя встучали по листьямъ, свернула молнія и (16) началась гроза (разражалась). (Кругомъ сдѣлалось такъ темно. Скоро) Дождь (17) полилъ ручьями. (Я продолжалъ и. Лошадь моя пошла шагомъ) (18) Я поѣхалъ шагомъ—и скоро (валились) принужденъ былъ оста-

¹⁾ «Записки Охотника», 5-е стереотипное изданіе. Спб. 1888 г., стр. 129.

²⁾ Неразборчиво.

³⁾ Неразборчиво.

новиться. Лошадь (19) моя вязла (темнота дрожки то и дѣло ¹⁾). Я не видалъ ни зги (Кое-какъ приютился. Кое-какъ приютился къ сторонкѣ) широкому кусту. Сгор(20)бившись (на дрожкахъ ждалъ) и закутавши лицо, ожидалъ я терпѣливо конца ненастья, какъ вдругъ (21) (показалось) при блескѣ молніи почудилось мнѣ (на дорогѣ) высокая фигура.—(22) (Я сталъ ждать) другой молніи (какъ говорить и Викторъ Гюго) на дорогѣ шагахъ ²⁾ впереди. Я сталъ (23) (пристально)? пристально глядѣть въ ту сторону... (но) Та же фигура словно выросла изъ земли (24) подлѣ моихъ дрожекъ.

(25) Кто это? спросилъ звучный голосъ.—

(26) А ты кто? (спросилъ) возразилъ я.

(27) Я здѣшній лѣсникъ, отвѣчалъ (лѣс.) голосъ.

(28) Я назвалъ себя.—

(29) А! знаю. Вы домой ѣдете?

(30) Домой. Да вотъ (теперь не знаю какъ) видишь какая гроза.

(31) Да гроза (отвѣчалъ) голосъ).

(32) Вѣлая молнія (озарила его съ нимъ все кругомъ выѣхъ) озарила лѣсника (33) съ ногъ до головы (Рѣзкій) трескучій и короткій ударъ грома (разразился) (раздался) разразился (надъ нами) тотчасъ вслѣдъ (34) за нею (Собака) Дождь хлынулъ съ удвоенной силой.—

(35) Не скоро пройдетъ, продолжалъ лѣсникъ.—

(36) Что дѣлать! (отвѣчалъ я).

(37) Я васъ пожалуй въ свою избу проведу, (возразилъ) отрывисто проговорилъ онъ. (38) Сдѣлай одолженіе. (39) Извольте сидѣть... Онъ подошелъ къ головѣ лошади, вялая ее за уду (и) Лошадь (Путешествіе наше продолжалось около четверти часа) (40) (тронулась). Я сове... (разслышалъ)?.. и сдернулъ съ мѣста. Мы тронулись. Я (41) держался за подушку дрожекъ которыя колыхались, «какъ въ морѣ челнокъ» (42) (и безпрестанно) кликала собаку. Вѣдная моя кобыла (моя лошадь) тяжело шлепала ногами (43) по грязи, скользила, (направо, налево) спотыкалась; лѣсникъ покачивался передъ (44) оглоблями направо и налево, словно привидѣнье... Внезапно очутились (45) (мы, за нами собака). Мы ѣхали довольно долго. (Путешествіе). Онъ остановился. «Вотъ мы и дома баринъ», промолвилъ онъ спокойнымъ голосомъ. Я поднялъ голову... калитка закрипѣла, (46) (собака) нѣсколько щенокъ дружно залаяли (и) и при свѣтѣ молніи увидалъ я небольшую избушку посреди (47) обширнаго двора, обнесеннаго плетнемъ ³⁾. Изъ одного окошечка тускло (48) свѣтилъ огонекъ. Лѣсникъ довелъ лошадь до (двери) крыльца и вступилъ(49)чалъ въ дверь.—«Сейчасъ, сейчасъ», раздался тоненькій голосокъ—послышался (50) топотъ босыхъ ногъ, засовъ закрипѣлъ и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати въ рубашонкѣ, подпоясанная покроежкой (51) (въ рубашкѣ) (показалась)? съ фонаремъ въ рукѣ показалась на порогѣ.

Примѣчаніе. Цифры означаютъ число строкъ въ рукописи и начало каждой строкѣ.

Слова, поставленныя въ скобкахъ были зачеркнуты Тургеневымъ, за исключеніемъ 22 стр.: (какъ говорить и В. Гюго).

¹⁾ Неразборчиво.

²⁾ Неразборчиво.

³⁾ Неразборчиво.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Д. И. ИЛОВАЙСКАГО.

(По поводу его юбилея.)

ЕСТОЕ ноября прошлаго года было свѣтлымъ праздникомъ въ жизни нашего уважаемаго историка Дмитрія Ивановича Иловайскаго: въ этотъ день онъ безъ пышной торжественности, только среди кружка ученыхъ друзей и почитателей, справлялъ двадцатипятилѣтній юбилей со времени изданія своей магистерской диссертациі¹⁾. При чтеніи многочисленныхъ привѣтствій, принесенныхъ письмами и телеграфомъ, при внимательномъ выслушиваніи рѣчей, адресовъ и изустныхъ поздравленій, предъ каждымъ открывалось ясно, что четверть вѣка (1858—1883 гг.), пережитая юбиляромъ, прошла не безъ важнаго значенія для науки русской исторіи. Но никто изъ присутствующихъ на праздникъ не указалъ, что виновникъ торжества появился съ первыми научными работами гораздо ранѣе 1858 года; ни одинъ изъ близкихъ къ юбиляру не подѣлился съ публикой хотя немногими свѣдѣніями объ его прошлой жизни и учено-литературной дѣятельности. Поэтому мы рѣшаемся сообщить какъ немногія, но точныя данныя изъ біографіи уважаемаго историка, такъ и полный бібліографическій очеркъ его ученыхъ трудовъ.

Дмитрій Ивановичъ родился въ городѣ Козловѣ (Тамбовской губерніи), среди небогатаго купеческаго семьи и, послѣ домашняго воспитанія, поступилъ въ рязанскую гимназію. Тутъ, признавался онъ самъ,

¹⁾ Подробное описаніе этого праздника было напечатано въ «Московск. Вѣдом.» 1883 года, № 312; мы помѣщаемъ его въ сокращеніи въ отдѣлѣ «Слѣсъ» настоящей книжки.

«еще будучи ученикомъ среднихъ классовъ гимназiи, я, учась самъ, давалъ уже уроки, которыми добывалъ средства существованiя до окончанiя гимназическаго курса». Изъ рязанской гимназiи ему пришлось, въ 1850 году, поступить на историко-филологическiй факультетъ московскаго университета, а въ 1854 году окончить курсъ четвертымъ кандидатомъ вмѣстѣ съ

Д. И. Иловайскiй.

Генрихомъ Вязинскимъ и Ниломъ Поповымъ. По выпускѣ изъ университета, Дмитрiй Ивановичъ началъ педагогическую службу въ родной гимназiи, но оттуда скоро перешелъ въ преподаватели 3-й реальной гимназiи Москвы. Эта карьера учителя гимназiй продолжалась до 1860 года, когда онъ, уже удостоенный степени магистра, былъ избранъ московскимъ университетомъ въ адъюнкты по все-

общей исторіи. Но новый адъюнктъ только одинъ годъ пробылъ на своей кафедрѣ: въ 1861 году его командировали за-границу, а слѣдующій годъ онъ по собственному желанію вышелъ въ отставку. Съ той поры Дмигрій Ивановичъ вполне отдался только учено-литературной дѣятельности и, не смотря на заманчивое предложеніе кафедры русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра (1865 г.), до нынѣшняго дня продолжаетъ работать въ Москвѣ. Вотъ краткія свѣдѣнія о прошлой жизни г. Иловайскаго. Гораздо полнѣе и точнѣе можно обрисовать его учено-литературную дѣятельность. Она за весь промежутокъ времени (1857—1883 гг.) представляетъ длинную вереницу то журнальныхъ и газетныхъ статей, то отдѣльно изданныхъ монографій, то «руководствъ» по исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній, то, наконецъ, нѣсколькихъ томовъ «Исторіи Россіи». Всѣ эти труды появились въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

1857 г. Прогулка по берегамъ Оки (Московск. Вѣдом., №№ 149—152).

1858 г. Новыя извѣстія о послѣднемъ рязанскомъ князѣ (№ 6; перепеч. въ Рязанск. губ. Вѣдом., № 4).

Публичная бібліотека въ Рязани (№№ 16 и 58).

Естественныя произведенія и торговля древняго рязанскаго края (№ 27).

Олегъ Ивановичъ, великій князь рязанскій (№№ 42—43; перепеч. въ Рязанск. губ., Вѣдом., №№ 16—18).

Изъ воспоминаній студента о Грановскомъ, Кудрявцовѣ и Рулье (№ 64).

Русскіе учебники по всеобщей исторіи (№ 67).

Рязанскія пизьма (№№ 74 и 76).

Послѣдніе рязанскіе князья (№№ 94—95).

Воспоминаніе объ А. Н. Костылевѣ (№ 109).

Разборъ «Курса всеобщей исторіи» Шульгина (№№ 137 и 140).

Исторія Рязанскаго княжества, диссертация на степень магистра русской исторіи (М., 329 стр.).

1859 г. Замѣтка о разговорѣ Дидро съ княгиней Дашковой, въ 1770 году, о нашемъ крѣпостномъ сословіи (Московск. Вѣдом., №№ 15 и 20).

Библіографическая замѣтка о сочиненіи Костомарова: «Вогданъ Хмельницкій» (№ 38).

Княгиня Дашкова, директоръ академіи наукъ (№ 52).

Нѣсколько словъ о реформахъ въ системѣ общественнаго образованія (№ 210).

Письмо пресов. Іова, митрополита новгородскаго, къ архимандриту Теодосію (Лѣтописи русск. литер. и древн., т. I).

Изъ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія (Атеней, кн. 6).

Рецензія на изданіе Везонова: «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка» (Отеч. Зап., кн. 4).

Екатерина Романовна Дашкова, біографическій очеркъ (Отеч. Зап., кн. 9—12).

Нѣсколько словъ по поводу вопроса о древнѣйшей русской повѣи (Русск. Слово, кн. 12).

1860 г. Рецензія на «Курсъ всеобщей исторіи» Вебера, въ русскомъ переводѣ (Московск. Вѣдом., № 18).

Краткіе очерки русской исторіи, приспособенныя къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній (М., 192 стр.).

Эта книга выдержала слѣдующія изданія въ Москвѣ: изд. 2-е 1861 г.; 3-е 1862 г.; 4-е 1863 г.; 5-е 1864 г.; 6-е 1865 г.; 7-е 1866 г.; 8-е 1867 г.; 9-е 1868 г.; 10-е 1869 г. (съ добавкою въ заглавіи: «курсъ старшаго возраста»); 11-е 1870 г.; 12-е 1872 г.; 13-е 1873 г.; 14-е 1874 г.; 15-е 1875 г.; 16-е 1876 г.; 17-е 1878 г.; 18-е 1879 г.; 19-е 1880 г.; 20-е 1881 г.; 21-е 1883 года.

1861 г. Изъ времени реставраціи въ Италіи: 1) Обзоръ итальянскихъ государствъ; 2) Неаполитанскій переворотъ; 3) Піемонтскій переворотъ (Русск. Вѣстн., кн. 6).

Очерки изъ исторіи 1814 и 1815 годовъ: 1) Первая реставрація бурбоновъ; 2) Сто дней; 3) Вторая реставрація бурбоновъ; 4) Вѣнскій конгрессъ (Московск. Вѣдом., №№ 83, 86, 91, 98 и 101):

1862 г. Взглядъ на прошедшее дворянство (Московск. Вѣдом., № 47).

Коронный мечникъ Яблоновскій, очерки изъ исторіи польскихъ сеймовъ XVII вѣка (Русск. Вѣстн., кн. 3).

Польскіе сеймики и нѣкоторыя черты нравовъ во второй половинѣ XVIII вѣка (Русск. Вѣстн., кн. 5).

Сокращенное руководство къ русской исторіи для младшаго возраста (М., 134 стр.).

Это «руководство» напечатано нѣсколько разъ въ Москвѣ: изд. 2-е 1863 г.; 3-е и 4-е 1864 г.; 5-е 1865 г.; 6-е 1866 г.; 7-е 1867 г.; 8-е 1868 г. (подъ заглавіемъ: «руководство къ русской исторіи»); 9-е и 10-е 1869 г.; 11-е 1870 г. (подъ названіемъ: «руководство къ русской исторіи, средній курсъ, изложенный по преимуществу въ біографическихъ чертахъ»); 12-е 1871 г.; 13-е 1872 г.; 14-е 1873 г.; 15-е и 16-е 1874 г.; 17-е 1875 г.; 18-е 1877 г.; 19-е и 20-е 1878 г.; 21-е 1880 г.; 22-е 1881 г.; 23-е 1882 г.; 24-е 1883 года.

1863 г. Изъ польскаго быта (С.-Петербург. Вѣдом., № 84).

Изъ біографіи графа Якова Сиверса (С.-Петербург. Вѣдом., № 183).

Литературныя замѣтки: 1) О характерѣ новгородской аристократіи; 2) о народныхъ движеніяхъ въ Подоліи и Волынѣ (С.-Петербург. Вѣдом., № 170).

Новыя свѣдѣнія о Н. И. Новиковѣ и членахъ компаніи типографической (Лѣтописи русск. литер. и древн., т. V).

Извѣстія о профессорѣ Мельманѣ (Лѣтописи русск. литер. и древн., т. V).

Изъ прошлаго: 1) Статистическія свѣдѣнія; 2) Лугъ Воронежъ (Русск. Вѣстн., кн. 11).

Новгородская губернія сто лѣтъ тому назадъ, изъ біографіи графа Сиверса (Русск. Вѣстн., кн. 12).

Руководство ко всеобщей исторіи для младшаго возраста (М., 269 стр.).

Этотъ учебникъ, заключавшій въ одной книгѣ «древній міръ» и «средніе вѣка», былъ издавъ много разъ, а именно: изд. 2-е 1864 г.; 3-е и 4-е 1865 г.; 5-е 1866 г.; 6-е 1867 г.; 7-е 1868, 8-е 1870 г.

(съ прибавкою въ заглавіи: «средній курсъ»); 9-е 1872 г.; 10-е 1873 г.; 11-е 1874 г.; 12-е 1875 г.; 13-е 1876 г.; 14-е 1878 г.; 15-е 1879 г.; 16-е 1880 г.; 17-е 1882 г.; 18-е 1883 года.

1864 г. Третье мая 1791 года (Русск. Вѣсти., кн. 1).

Послѣ раздѣла (Русск. Вѣсти., кн. 3).

Записка о московскихъ педагогическихъ собраніяхъ (Современ. Лѣтопись, № 17).

Великій Новгородъ и Бѣлоруссія (Русск. Вѣсти., кн. 8).

Руководство ко всеобщей исторіи: «новая исторія» (М., 271—430 страницъ).

Этотъ выпускъ служилъ, какъ видно и по страницамъ, продолженіемъ предыдущаго «руководства»; онъ выдержалъ слѣдующія изданія въ Москвѣ: изд. 2-е 1865 г.; 3-е и 4-е 1866 г.; 5-е 1867 г.; 6-е 1868 г.; 7-е 1869 г.; 8-е 1872 г.; 9-е 1873 г.; 10-е 1874 г.; 11-е 1876 г.; 12-е 1877 г., 13-е 1878 г.; 14-е 1880 г.; 15-е 1881 года.

1865 г. Графъ Яковъ Сиверсъ, библиографическій очеркъ (Русск. Вѣсти., кн. 1—3).

1867 г. Руководство ко всеобщей исторіи (М.).

Эта учебная книга вышла въ видѣ двухъ частей: первая изъ нихъ («древній мѣръ») выдержала такіа изданія: 2-е 1868 г.; 3-е 1869 г.; 4-е 1870 г.; 5-е 1872 г.; 6-е 1874 г.; 7-е 1875 г.; 8-е 1876 г.; 9-е 1877 г.; 10-е 1878 г.; 11-е 1879 г.; 12-е 1881 г.; 13-е 1882 г.; 14-е 1883 года; вторая часть («средніе вѣка») имѣла слѣдующія перепечатки: 2-е 1868 г.; 3-е 1869 г.; 4-е 1871 г.; 5-е 1874 г.; 6-е 1875 г.; 7-е 1876 г.; 8-е 1878 г.; 9-е 1878 г.; 10-е 1879 г.; 11-е 1880 г.; 12-е 1881 года.

Сокращенное руководство ко всеобщей исторіи (М.).

Такое «руководство» издавалось нѣсколько разъ въ Москвѣ, а именно: изд. 2-е 1868 г.; 3-я 1869 г. (начиная съ этого изданія, видѣется добавка въ заглавіи: «и русской исторіи»; 4-е 1870 г.; 5-е 1872 г.; 6-е 1873 г.; 7-е 1874 г.; 8-е 1875 г.; 9-е 1876 г.; 10-е 1877 г.; 11-е 1879 г.; 12-е 1880 г.; 13-е 1881 г.; 14-е 1883 года.

Дополнительный томъ Русской исторіи Германа (Русск. Вѣсти., кн. 11).

1868 г. Изъ дипломатической корреспонденціи XVIII вѣка (Русск. Арх., кн. 10).

1869 г. Образцы политической сатиры въ Польшѣ въ эпоху паденія (Русск. Арх., кн. 5).

1870 г. Гродненскій сеймъ 1793 года, диссертация на степень доктора русской исторіи (М., 274 стр.).

Это изслѣдованіе сначала помѣщалось въ Русскомъ Вѣстникѣ (1870 г., кн. 1, 3, 4, 6—8). Кромѣ того, оно переведено на польскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Sejm grodniański» 1793 г. (Познань, 1871 г.).

Два слова о моемъ рецензентѣ въ журналѣ Зибеля (Современ. Лѣт., № 19).

О книгѣ Хвольсона: «Извѣстія о ховарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ» (Древности, изд. московск. археолог. общ., т. III).

1871 г. О мнимомъ призваніи яриговъ (Русск. Арх., кн. 11 и 12).

Разборъ книги Рождественскаго: «Отечественная исторія» (Современ. Лѣт., № 45).

1872 г. Отвѣтное замѣчаніе Погодину (Русск. Арх., кн. 4).

Еще о норманнахъ (Русск. Вѣсти., кн. 11 и 12).

- Замѣтка по варяжскому вопросу (Русск. Арх., кн. 12).
 1873 г. Замѣтки о книгѣ Васильевскаго и отвѣтъ М. П. Погодину (Русск. Арх. кн. 2).
 Къ вопросу о лѣтописи и началѣ Руси (Русск. Арх., кн. 4).
 Отвѣтъ Погодину (Русск. Вѣстн., кн. 4).
 О нѣкоторыхъ полемическихъ приемахъ (Современ. Извѣст., № 311).
 1874 г. Взглядъ на русскую печать за послѣднія 18 лѣтъ (Русск. Арх., кн. 1).
 Уроки исторіи (Русск. Арх., кн. 2 и 3).
 Къ вопросу о началѣ Руси (Русск. Стар., кн. 3).
 О критикѣ историка Германа (Русск. Стар., кн. 4).
 Нѣсколько соображеній о памятникахъ Тмутараканской Руси и Тмутараканскомъ болванѣ (Труды Археолог. Общ., т. IV, кн. 2).
 О происхожденіи дунайскихъ болгаръ (Русск. Арх., кн. 7).
 1875 г. П. И. Мельниковъ (Русск. Арх., кн. 1).
 Эллино-скиевскій міръ на берегахъ Понта, историко-этнографическій очеркъ (Древн. и Нов. Россія, кн. 2 и 3).
 Два новыя изслѣдованія по начальной русской исторіи гг. Васильевскаго и Миллера (Древн. и Нов. Россія, кн. 5).
 1876 г. Отвѣтъ А. А. Куняву (Древн. и Нов. Россія, кн. 3).
 Разысканія о началѣ Руси (вмѣсто введенія въ русскую исторію) (М., 466 стр.)
 Исторія Россіи, ч. I: Киевскій періодъ (М., 333 стр.).
 1877 г. Древній Черниговъ (Древн. и Нов. Россія, кн. 3).
 Славяно-Балтійская теорія (Русск. Стар., кн. 3).
 1878 г. Воспоминаніе о Галичѣ на Днѣстрѣ (Древн. и Нов. Россія, кн. 2).
 Изъ путевыхъ замѣтокъ (Русск. Арх., кн. 3).
 1879 г. Къ вопросу о болгарахъ (Русск. Стар., кн. 5).
 Калкское побоище (Руск. Стар., кн. 8).
 Галицкое наслѣдство (Русск. Арх., кн. 9).
 1880 г. Памяти С. М. Соловьева (Древн. и Нов. Россія, кн. 1).
 Еще о происхожденіи Руси, противъ Куника, Соловьева и Томсена (Древн. и Нов. Россія, кн. 4).
 Куликовская побѣда Дмитрія Ивановича Донскаго, историческій очеркъ, М. (два изданія).
 Исторія Россіи, ч. II: владимірскій періодъ (М., 578 стр.).
 Французское преподаваніе исторіи сравнительно съ русскимъ (Русск. Стар., кн. 12).
 1881 г. Вопросъ о народности руссовъ, болгаръ и гуновъ (Журналъ мин. народн. просвѣщ., кн. 5).
 1882 г. Пересмотръ вопроса о гунахъ (Русск. Стар., кн. 3).
 Разысканія о началѣ Руси, изд. 2-е съ присоединеніемъ «Вопроса о гунахъ» (М.).
 1883 г. Очерки и рассказы изъ всеобщей исторіи, ч. I: «древній міръ» (М.).
 Сочиненія Д. И. Иловайскаго («Исторія Рязанскаго княжества», «Екатерина Романовна Дашкова» и «Графъ Яковъ Сиверсъ») (М.).

При всей полнотѣ и точности, эту длинную вереницу, конечно, нельзя назвать совершенно законченнымъ указателемъ: въ ней не упомянуты многія «письма» по современнымъ вопросамъ, какія

г. Иловайскій помѣщалъ въ «Русскомъ Мирѣ» (1877 г.), «Новомъ Времени» (1879—1882 г.) и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1877—1883 г.); съ другой стороны, нашъ уважаемый историкъ еще настолько бодръ и неутомимъ въ трудѣ, что мы вполне вѣримъ въ близкое осуществленіе его собственныхъ словъ: «могу только обѣщать, что буду работать по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ».

Дмитрій Языковъ.

ПОВСТАНСКІЯ ПОХОЖДЕНІЯ СИГИЗМУНДА СУЛИМЫ.

ВЪ ЧИСЛѢ бойкихъ и отчаянно-отважныхъ повстанцевъ 1863 года былъ, между прочимъ, одинъ молодой, двадцатилѣтній, здоровый и крѣпкій парень, Сигизмундъ Сулима, которому посчастливилось отбыть всю тяжелую повстанскую службу совершенно благополучно, не быть раненымъ, не попасть въ плѣнъ и даже уйти отъ всякихъ преслѣдованій въ самое послѣднее время, когда всѣхъ мало-мальски подозрительныхъ, попадавшихся нашимъ развѣдамъ на дорогахъ и въ лѣсахъ, хватали и отсылали въ варшавскую слѣдственную комиссію, откуда большинство ихъ шло въ Сибирь, не то отсылалось въ отдаленныя губерніи Европейской Россіи. Иные гибли даже на висѣлицахъ, не доходя до Варшавы...

Сулима, уйдя потомъ за границу, записалъ добросовѣстно и простодушно все съ нимъ случившееся и все имъ видѣнное, и напечаталъ недавно во Львовѣ, подъ названіемъ: «*Przemiętniki powstania*». Эта книжка довольно любопытна и открываетъ мѣстами кое-какіе повстанскіе секреты, знакомитъ съ лагерною жизнью польскихъ бандъ, съ ихъ походами, состояніемъ моральнымъ и матеріальнымъ, съ отношеніями солдатъ къ офицерамъ, тѣхъ и другихъ къ начальникамъ воеводствъ и къ жонду народовому. Мы рѣшились сдѣлать изъ этой книги извлеченія, взять суть дѣла, наименѣе извѣстную, то, что можетъ пригодиться даже и для историковъ этой эпохи.

I.

Выѣздъ Сулимы изъ Варшавы. — Пребываніе у родителей. — Равскій отрядъ. — Побѣгъ въ лѣса. — Бонча-Томашевскій. — Смятанія по югу Радомской губерніи. — Новое-Мѣсто. — Похищеніе денегъ въ массѣ солянаго управленія. — Расправы. — Новые марши. — Селенія: Прадлы, Жарки, Пинчовъ. — Столкновеніе съ русскимъ отрядомъ Плескачевскаго. — Смерть Бончи. — Начальство надъ отрядомъ принимаетъ ротмистръ Дзяноть. — Встрѣча съ Хмѣленскимъ.

Сулима отправился въ лѣса при самомъ началѣ возстанія, т. е. въ концѣ января 1863 года, изъ Варшавы, получивъ благословеніе отъ отца и отъ матери, которые жили неподалеку въ своей деревнѣ. Однажды, ночью, черезъ эту деревню проходила банда «Варшавскихъ дѣтей», человекъ во сто, назначенная для слѣдованія въ Равскій уѣздъ, Варшавской губерніи, гдѣ формировался, какъ говорили, большой равскій отрядъ. Сулима поступилъ въ эту банду рядовымъ. Къ утру «Варшавскія дѣти» прибыли въ деревню Попель, подъ Мицоновымъ, и расположились по конюшнямъ, овчарнямъ, хлѣвамъ, ригамъ и гдѣ случится. На другой день пріѣхалъ какой-то помѣщикъ и разослалъ прозвѣстныхъ и порядкомъ наголодавшихся повстанцевъ по разнымъ окрестнымъ хуторамъ, прося никуда не удаляться до полученія особаго приказа, а также и обмундированія и вооруженія. Этого «обмундированія и вооруженія» ждали они цѣлый мѣсяцъ и не могли дожидаться. Болѣе нетерпѣливые хотѣли, просто-за-просто, идти куда глаза глядятъ; тѣмъ болѣе, что слава подвиговъ Мирославскаго, Лангевича и нѣкоторыхъ другихъ отрядныхъ начальниковъ возстанія уже шумѣла по всѣмъ лѣсамъ (разумѣется съ разными преувеличеніями) и не давала молодымъ честолюбцамъ покою. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ кто-то сказалъ, что «недалеко въ лѣсу стоитъ партія, намѣревающаяся идти въ Опочинскій уѣздъ, Радомской губерніи». Вся масса «Варшавскихъ дѣтей» ринулась, какъ одинъ человекъ, на соединеніе съ братьями: нашли въ лѣсу человекъ до двухъ сотъ, варшавяковъ же, вооруженныхъ пиками, палками, одѣтыхъ кое-какъ и состоявшихъ подъ начальствомъ какого-то бурмистра. Въ тотъ же день партія перешла въ деревню Могильницу. Хаосъ и отсутствіе субординаціи превосходили въ этой партіи всякое вѣроятіе. Постоянный шумъ, крики, споры, чуть не драки... и эта дикая масса, не имѣвшая понятія ни о какомъ боѣ, шла сражаться съ благоустроенной арміей первостепенной державы!..

Черезъ два дни прибыли въ окрестности Новаго-Мѣста, надъ рѣкою Пилицей, и расположились въ дремучихъ лѣсахъ, тянувшихся миль, по крайней мѣрѣ, на двадцать. Тутъ многимъ пришлось, въ первый разъ отъ роду, ночевать на голой землѣ, въ десятиградусный морозъ. Кто никакъ не могъ заснуть, тѣ раз-

вели большой костеръ и около него грѣлись и тараторили цѣлую ночь. Ъсть, по счастью, было что: какія-то невидимыя силы доставляли изъ Новаго-Мѣста и окрестныхъ деревень всякіе съѣстные припасы.

На слѣдующій день, часу въ одиннадцатомъ утра, партія услышала топотъ коннаго отряда и думала, что они открыты русскими разъѣздами. Но это была «Народная конница», 20—30 человекъ, подъ начальствомъ бывшаго русскаго артиллериста, поручика Бончи-Блащинскаго, котораго иные звали Томашевскимъ¹⁾ Сказавъ «Варшавякамъ» нѣсколько одушевленныхъ словъ, Бонча раздѣлялъ ихъ на двѣ части: умѣющихъ и неумѣющихъ ѣздить верхомъ. Первыхъ, человекъ 70, посадилъ на коней, доставленныхъ кѣмъ-то изъ окрестностей, а остальныхъ, пѣшихъ, человекъ до полутора ста, отправилъ въ равскій отрядъ Древновскаго, гдѣ набралось до тысячи человекъ народу, довольно хорошо вооруженныхъ австрійскимъ и бельгійскимъ оружіемъ и сносно обмундированныхъ. Часть этихъ людей очутилась въ отрядѣ Езеранскаго и брала, 28-го января новаго стиля, Раву.

Изъ гѣсу отрядъ Бончи перебрался на фольваркъ Высокингъ и стоялъ тамъ около двухъ недѣль, занимаясь все это время разными воинскими упражненіями: маршировкой, стрѣльбой въ цѣль и т. п. Тутъ роздали всѣмъ, у кого была статская одежда, одинакіе мундиры: красную рубашку, голубые штаны и бѣлую конфедератку. Рубахи эти назывались гарибальдійками и были сшиты изъ краснаго тибета, — совсѣмъ не по сезону. Кромѣ того, страшно дрались, такъ что надлежащій видъ сохранили только около недѣли. Оружіе было доставлено въ достаточномъ количествѣ: длинные палаши въ желѣзныхъ ножнахъ, револьверы и пикн. Немного позже пришли короткіе кавалерійскіе карабины.

Въ Высокингѣ отрядъ увеличился прибытіемъ съ разныхъ сторонъ охотниковъ, въ числѣ около 200 человекъ, хорошо вооруженныхъ, одѣтыхъ и на добрыхъ коняхъ. Бонча былъ офицеръ способный командовать и знавшій военное ремесло. Онъ очень скоро вышколилъ свой отрядъ примѣрнымъ образомъ, сдѣлавъ изъ ребятъ, походившихъ незадолго передъ тѣмъ на безпардонныхъ и безпорядочныхъ школьниковъ, нѣчто похожее на солдатъ, ввелъ необходимые воинскіе приемы и дисциплину. Все было съ внѣшней стороны хорошо, но партія сходила съ ума отъ бездѣйствія: ея назначеніемъ было «бродить изъ угла въ уголъ по краю и наблюдать за тѣми мѣстностями, гдѣ хлопцы, по своему нерасположенію къ возстанію, были опасны для малыхъ бандъ, начинавшихъ формироваться». Кромѣ того, Бонча долженъ былъ преслѣдовать

¹⁾ Подъ этимъ именемъ онъ явился въ Плоцкъ, въ ночь общаго вооруженнаго возстанія, съ 10-го на 11-е января стараго стиля 1863 года.

всякаго рода враговъ народнаго правительства и всемірно избѣгать столкновеній съ русскими войсками. Словомъ, это былъ отрядъ жандармовъ, признанныхъ необходимыми въ ту пору, когда еще не было нигдѣ настоящаго ладу и возстаніе имѣло непріятелей между самими поляками. Только жандармы Бончи довольно долго не знали, что они жандармы: это отъ нихъ всячески скрывалось, иначе, безъ всякаго сомнѣнія, открылись бы побѣги. Отрядъ бродилъ изъ Равскаго уѣзда въ Опочинскій, изъ Опочинскаго въ Равскій, оттуда въ Краковское воеводство, полагая, что это такъ нужно для высшихъ соображеній.

Изъ Высокина партія Бончи передвинулась въ Новое-Мѣсто, гдѣ населеніе выказало чрезвычайную радость, что видить «народныя войска» — и громко ихъ привѣтствовало криками «вивать, ура»!.. Въ капуцинскомъ костелѣ жандармы отстояли обѣдню и прогнали подъ-конецъ «Boże coś Polskę». Народу набралось тьматмушная. Все было настроено торжественно. У всѣхъ мечты летѣли Богъ вѣсть куда. Всякій, въ патріотическомъ своемъ увлеченіи, думалъ, что вотъ, не сегодня-завтра, эти красныя рубахи, въ соединеніи съ другими повстанскими мундирами царства Польскаго, восстановятъ Польшу отъ моря до моря!.. Слышно было, что отрядовъ формируется много; энтузіазмъ вездѣ страшный; за царствомъ Польскимъ проснется, конечно, Литва и Русь!..

Скоро жандармы Бончи узнали, что въ Новомъ-Мѣстѣ есть казенный соляной магазинъ, гдѣ въ кассѣ лежитъ до 11,000 злотыхъ: Бонча все это забралъ именемъ народнаго правительства и далъ чиновникамъ росписку.

Изъ Новаго-Мѣста отрядъ перешелъ въ Краковское воеводство и стоялъ тамъ по разнымъ деревнямъ и мѣстечкамъ, совершенно спокойно, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Измѣнниковъ между поляками не было: ближайшимъ русскимъ отрядамъ никто не давалъ знать о происходившихъ тамъ и тамъ чудесахъ — и они не являлись. Куда дѣвалась о ту пору наша полиція и жандармы — это неизвѣстно...

Въ концѣ мая жандармы Бончи очутились въ Русановѣ, Опочинскаго уѣзда, Радомской губерніи, и едва только выпустили лошадей на одинъ изъ примыкающихъ къ деревнѣ луговъ, какъ приближалъ съ пикета солдатъ и донесъ, что идутъ русскіе. Это была рота смоленскаго полка, изъ Кѣльць, подъ начальствомъ маіора Бентковскаго, прибывшая въ Русановъ на подводахъ. Смоленцы ту же минуту разсыпали стрѣлковъ. Бонча приготовилъ было свой отрядъ къ атакѣ, но, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, счелъ болѣе выгоднымъ ретироваться.

Вскорѣ послѣ этого, идя Опочинскимъ уѣздомъ, Бонча получилъ предписаніе отъ жонда народоваго наказать крестьянъ деревни Липы за ихъ коварное и непатріотическое поведеніе: они

хватали, гдѣ случится, повстанцевъ и выдавали русскимъ властямъ. Былъ слухъ, что они же навели русскихъ на отрядъ Завадскаго, формировавшійся въ сосѣднемъ лѣсу. Онъ былъ жестоко разбитъ. Часть его солдатъ попала въ плѣнъ; въ томъ числѣ и самъ Завадскій; остальные, подъ начальствомъ русскихъ дезертировъ, юнкеровъ: Громейки и Рудовскаго, бѣжали въ лѣса, примыкаящія къ деревнѣ Рудъ-Маленецкой.

По прибытіи въ Липу, большую и хорошо устроенную деревню, Бонча приказалъ окружить ее и поджечь съ двухъ концовъ. Раздались крики и вопли. Всѣ бросились спасать свое имущество. Огонь быстро охватилъ строенія и когда отъ домовъ остались одни обгорѣлыя стѣны, Бонча собралъ въ кучу всѣхъ жителей на одну площадь, сказалъ имъ внушительную рѣчь, гдѣ были выставлены причины, почему онъ такъ дѣйствуетъ; затѣмъ требовалъ выдачи главныхъ измѣнниковъ отечеству. Были указаны: солтысъ и отставной солдатъ. Когда ихъ привели къ вождю, они старались свалить всю вину на одного жида, портнаго изъ мѣстечка Бялчова. Приказано розыскать этого жида и привести немедля въ отрядъ. Посланные привели не только его, но и его сына. Расправа была коротка: отца повѣсили, а сыну дали сто палокъ, какъ несовершеннолѣтнему. Изъ хлопковъ не наказанъ ни одинъ: они сочтены расквитавшимися съ народнымъ правительствомъ тѣмъ, что у нихъ сожжена деревня. Солтысу и отставному солдату прочли нотацію и отпустили ихъ на свободу.

Насколько можно было замѣтить, простой народъ не благопріятствовалъ возстанію болѣе всего въ Опочинскомъ и Радомскомъ уѣздахъ. Въ Опочинскомъ былъ даже у крестьянъ какой-то предводитель Бульви или Бульверъ, который устраивалъ облавы на повстанцевъ въ лѣсахъ и переловилъ ихъ очень много, но потомъ и самъ попалъ въ руки революціоннаго правосудія. Его разстрѣляли; но послѣ ходили слухи, будто бы всѣ три пули, которыя въ него попали, были не смертельны, что онъ выздоровѣлъ и живетъ до сихъ поръ...

Одновременно съ приказаніемъ расправиться съ жителями селенія Липы, Бонча получалъ предписаніе отъ жонда народоваго присоединить къ себѣ отрядъ помѣщика Стаміровскаго, состоявшій изъ 20-ти кавалеристовъ и бродившій въ окрестностяхъ Гройца, Черска и Могильницъ. А временами его видѣли въ Опочинскомъ и Краковскомъ уѣздахъ.

Стаміровскій былъ родомъ изъ Равскаго уѣзда, гдѣ имѣлъ небольшую деревню. Характеръ буйный, неукротимый, склонный къ похождениямъ дурнаго свойства. Еще до возстанія о немъ говорили вездѣ, какъ о человѣкѣ безпокойномъ, который участвовалъ во всѣхъ дрянныхъ исторіяхъ своего уѣзда. Когда же вспыхнуло возстаніе, Стаміровскій вооружился съ головы до ногъ, вмѣстѣ со

своимъ лавеемъ, и напалъ врасплохъ на казачій кордонъ въ деревнѣ Мпцоновѣ... Немного спустя онъ набралъ кучу подобныхъ себѣ безобразниковъ и сталъ съ ними производить чисто-на-чисто разбойничьи нападенія на хутора помѣщиковъ, на крестьянскіе поселки; налагалъ контрибуціи, билъ и калечилъ всѣхъ, кто ему противился. На одномъ хуторѣ захватилъ до 200,000 злотыхъ...

Бонча, узнавъ, что Стаміровскій стоитъ неподалеку отъ Руды-Меленецкой, послалъ къ нему, съ двумя своими людьми, предписание немедленно явиться для выслушанія приказа жонда народоваго. Стаміровскій отвѣчалъ, что и не думаетъ исполнять повелѣній какого-то тамъ жонда, что онъ самъ себѣ жондъ — и двинулся въ Равскій уѣздъ. Бонча хотѣлъ-было его преслѣдовать, но офицеры отговорили его. Стаміровскій, немного позже, наткнулся на отрядъ Хмѣленскаго, подъ Ендржеёвымъ, былъ схваченъ и повѣшенъ.

Въ Гнѣвоцкомъ, около Водзислава, Хмѣленскій соединился съ Бончей и, поручивъ ему наблюденіе за своимъ коннымъ отрядомъ, въ 40 человекъ, хорошо вооруженныхъ и обмундированныхъ, самъ отправился въ сторону Златаго Потока, для формировація пѣхоты. Такимъ образомъ, у Бончи оказалось до 300 кавалеристовъ, которымъ смертельно хотѣлось схватиться съ непріателемъ, но вождь видимо избѣгалъ и продолжалъ скитаться отъ селенія къ селенію, въ Краковскомъ и Опочинскомъ, а когда было можно—развлекалъ солдатъ воинскими упражненіями. Но, вѣроятно, и ему надоѣло такое препровожденіе времени. Къ этому присоединилось разочарованіе въ успѣхѣ возстанія. То-и-дѣло получались извѣстія о разбитіи повстанскихъ отрядовъ то тутъ, то тамъ. Объ европейской интервенціи нечего было и думать. Нѣтъ сомнѣнія, что закрадывалась временами также мысль и о томъ, что «глупо было бросать прекрасную военную карьеру для какихъ-то дѣтскихъ мечтаній и прекрасную квартиру во владимірскомъ фортѣ александровской цитадели мѣнять на скитанія по лѣсамъ, на голодъ и холодъ ¹⁾... Бонча (въ іюнѣ мѣсяцѣ 1863 года) положительно упалъ духомъ, сталъ мраченъ, неразговорчивъ, всячески старался скрывать свои чувства отъ товарищей, прикидывался иногда веселымъ, но эта веселость черезъ-чуръ была натянута; всѣ это видѣли—и тоже настраивались дурно.

13-го іюня новаго стиля, по выходѣ отряда изъ мѣстечка Русанова, присталъ къ повстанцамъ бѣглый казакъ Леткинъ и какой-то пѣхотный солдатъ. Бонча долго не соглашался ихъ принимать, боясь измѣны, но выслушавъ ихъ простодушный рассказъ о томъ, какъ и почему они ушли—принялъ. Леткинъ служилъ у повстанцевъ до конца возстанія, переходя изъ отряда въ отрядъ,

¹⁾ Бонча былъ комендантомъ владимірскаго форта и, естественно, имѣлъ лучшее въ немъ помѣщеніе.

и куда потомъ дѣлся, неавѣстно. Однажды, служа у Хмѣленскаго, онъ попался въ плѣнъ, но ушелъ изъ Петровка. Что случилось съ пѣхотинцемъ, Сулима не рассказываетъ.

14-го іюня новаго стиля, ночью, жандармы Бончи пришли въ деревню Прады, подъ Жаремами, и оттуда двинулись въ Хробежъ, имѣніе Велепольскаго, которое нашли ограбленнымъ и опустошеннымъ солдатами Лангевича, стоявшаго тамъ нѣсколько дней передъ тѣмъ. Превосходная и дорогая мебель была изрублена саблями, картины ободраны и проколоты штыками, статуи разбиты.. Послѣ того отрядъ перешелъ въ Пинчовъ, гдѣ былъ принятъ жителями въ высшей степени гостеприимно: мало того, что накормили солдатъ до отвала, — выкатили бочки вина, но строгій начальникъ не далъ имъ черезъ-чуръ упиваться даровымъ угощеніемъ. Кромѣ того, онъ получилъ предписаніе слѣдовать сколь возможно послѣпнѣе на границу для соединенія съ отрядомъ Иордана, котораго тамъ ожидали съ минуты на минуту.

Бонча выступилъ изъ Пинчова и пошелъ форсированнымъ маршемъ въ направленіи къ михаловицкой таможенѣ, черезъ селенія: Ежицы и Гуры. Вслѣдствіе страшнаго утомленія солдатъ (которые были такъ измучены, что формально спали на лошадяхъ) вождь хотѣлъ дать имъ отдыхъ въ послѣдней деревнѣ, принадлежавшей помѣщику Дембинскому. Сверхъ того и самъ онъ чувствовалъ необходимость въ отдыхѣ: былъ не такъ здоровъ и вѣхалъ свади отряда на телѣгѣ. Когда стали приближаться къ Гурамъ (это было 15-го іюня новаго стиля, на зарѣ, часа въ три), изъ лѣсу, окружающаго селеніе, выскочилъ мужикъ и сказалъ, что «въ Гурахъ стоитъ русскій отрядъ¹⁾, который арестовалъ прибывшихъ зарабѣе курьеровъ Бончи». Не распросивъ мужика подробно ни о чемъ, вождь приказалъ подать себѣ коня и, построивъ своихъ солдатъ плутонами къ атакѣ, понесся къ селенію, откуда выѣхало послѣ этого сейчасъ же нѣсколько казаковъ. Они быстро окружили Бончу и сбили его съ лошади пиками, а сами ретировались, съ цѣлію навести повстанцевъ на засаду пѣхоты, которая вскорѣ открыла убійственный огонь, едва только жандармы приблизились къ селенію. Они смѣшались — и бросились въ-разсыпную къ лѣсу, подхвативъ однако раненаго вожда. Пѣхота преслѣдовать ихъ не рѣшилась. Въ деревнѣ Любчѣ отрядъ Бончи остановился. Принялись осматривать раны вожда: голова его была разрублена въ нѣсколькоихъ мѣстахъ; кое-гдѣ виднѣлся мозгъ. Докторъ, сдѣлавъ перевязку, усадилъ раненаго въ большое покойное кресло, но онъ былъ въ горячемъ состояніи и ничего не могъ говорить. Въ теченіи дня прибыло изъ Кракова еще нѣсколько докторовъ: всѣ

¹⁾ Поручика Плескачевскаго, который очень долго слѣдилъ за жандармами Бончи.

они объявили, что положеніе больного безнадежно. Въ 4 часа утра, 16-го іюня новаго стиля, его не стало. На другой день послѣ этого были торжественныя похороны, въ которыхъ участвовали даже всѣ евреи селенія. Погребальная процессія, съ факелами, потянулась на кладбище, которое было довольно далеко. Надъ могилой произнесено нѣсколько рѣчей.

Начальство надъ отрядомъ принялъ ротмистръ Дзяноть, человекъ слабого характера, не могшій справиться съ людьми, которыми командовалъ суровый и строгій Бонча. Самая фізіономія его, немного свирѣпая отъ густыхъ черныхъ бакенбардъ и такихъ же бровей, высокій ростъ, голосъ, взглядъ внушали страхъ и уваженіе всякому, кто только вступалъ съ нимъ въ какое-либо объясненіе. Солдаты чувствовали инстинктивно, что это вождь какъ надо быть вождю и что ему нельзя не повиноваться. Дзяноть, напротивъ, самъ созналъ трудность своего положенія и рѣшился соединиться съ Хмѣленскимъ, который, вмѣстѣ съ Оксинскимъ, формировалъ тогда большой пѣхотный отрядъ подъ Конецподемъ и Сецьминомъ. Хмѣленскій зналъ уже, что Бонча погибъ подъ Гурами; зналъ также, что Дзяноть не могъ сладить съ осиротѣлымъ отрядомъ—и когда жандармы съ нимъ соединились, онъ вышелъ къ нимъ и сказалъ, что «они отнынѣ уже не жандармы; что онъ сливается ихъ со своею пѣхотой, такъ-какъ этотъ родъ войскъ возстанію гораздо полезнѣе всякой кавалеріи».

Служить въ кавалеріи считалось у повстанцевъ особеннымъ почетомъ. Поэтому, жандармы выслушали приказъ Хмѣленскаго превратиться въ пѣхоту съ неудовольствіемъ. Поднялся шумъ. Дзяноть сталъ завѣрять вождя, что — «передъ нимъ образцовые кавалеристы, которые свѣклись съ родомъ своей службы и могутъ быть полезнѣе въ кавалеріи, чѣмъ въ пѣхотѣ». Хмѣленскій отвѣчалъ на это рѣзкимъ тономъ, что онъ нисколько не сомнѣвался въ ихъ кавалерійскихъ способностяхъ и отвагѣ, чему свидѣтельствомъ недавняя стычка съ москалями въ Гурахъ, гдѣ эти храбрые воины позволили изрубить своего начальника кучкѣ казаковъ! А что касается до приведенія ихъ въ надлежащій порядокъ, какъ пѣхотинцевъ,—этому научить вотъ эта нагайка. «Оставить ихъ кавалеристами я не могу, такъ-какъ не привыкъ измѣнять разъ отданныхъ по войскамъ приказовъ!» Сказавъ это Хмѣленскій повернулся и ушелъ въ свою палатку.

Дзяноть не зналъ, что дѣлать... между тѣмъ кавалеристы его, оскорбленные попрекомъ въ трусости, да и нежелавшіе нисколько переходить въ пѣхоту, объявили своему начальнику, что «соединяться съ отрядомъ такого грубаго предводителя вовсе не намѣрены, а пойдутъ себѣ куда глаза глядятъ».—И съ этими словами весь отрядъ выступилъ рысью изъ мѣстечка (Сецьмина). Хмѣленскій, привыкшій къ субординаціи и никакъ не ожидавшій, чтобы

200 съ чѣмъ-нибудь всадниковъ отказали въ новиновеніи гѣхотному отряду въ нѣсколько сотъ человекъ, узнавъ объ уходѣ жандармовъ Даянота, высочили какъ бѣшенныи изъ палатки и хотѣли-было стрѣлять по уходившимъ, но они были уже верстахъ въ двухъ отъ селенія. Вслѣдствіе этого, махнувъ сердито рукою, они ушелъ опять въ палатку.

II.

Дальнѣйшія странствованія Даянота. — Стычки. — Распущеніе отряда. — Сулима поступаетъ на службу къ Хмѣленскому. — Арестованіе русскаго артиллериста. — Стычки. — Искра-Соколовскій. — Хмѣленскій раздѣляетъ отрядъ на мелкія части и уѣзжаетъ въ Краковъ. — Марковскій. — Прибытіе генерала Восака. — Стычка подъ Оксой и Квилинномъ.

Отрядъ Даянота направился къ Олешну. Безпорядокъ въ рядахъ былъ страшный. Всѣ хотѣли учить и командовать, а не повиноваться. Находились и такіе, которые говорили, что не лучше ли бросить такую проклятую службу, чѣмъ скитаться безмысленно по лѣсамъ?... Въ Олешнѣ переночевали и перешли потомъ въ Малюпингъ, имѣніе графа Островскаго. Вскорѣ соединились съ ними остатки банды Оксинскаго, разбитой подъ Конопцполемъ, въ такомъ жалкомъ положеніи, что разстроенная партія Даянота смотрѣла, сравнительно съ ними, самымъ образцовымъ войскомъ. Въ особенности жалостный видъ представляли косинеры, полунагіе, отоцалые, блѣдные...

Ночью распространились между повстанцами слухи, что идутъ русскіе со стороны Кѣльць и Петркова. Высланный разъѣздъ, въ 20 человекъ, натѣнулся, подъ Незнановицами, около Влощовы, на авангардъ генерала Ченгери. Отступая и отстрѣливаясь отъ напиравшихъ на него казаковъ, разъѣздъ скрылся въ лѣсу.

Послѣ этого произошла еще небольшая стычка съ тѣмъ же отрядомъ, въ улицахъ мѣстечка Пршедборжа, 23-го іюня новаго стиля, передъ наступленіемъ ночи. Повстанцы вездѣ были выбиты изъ строеній и ушли въ лѣсъ, а Ченгери къ утру занялъ мѣстечко. Отрядъ Даянота отправился въ мѣстечко Чермно, а Оксинскій пошелъ въ направленіи къ Бонковой горѣ и утромъ на другой день имѣлъ стычку съ русскими подъ Требницею.

Въ Чермнѣ, воины Даянота, измученные постоянными маршами, голодные и промокшіе до костей отъ дожда, который лилъ всю ночь, какъ-только они выступили изъ Пршедборжа, — рѣшились отдохнуть, разставивъ кругомъ пикеты. Къ утру перешли въ Фальковъ, потомъ въ Ренчну, гдѣ снова были встревожены приближе-

нѣмъ одного русскаго отряда, который вогналъ ихъ въ лѣсъ и довольно долго преслѣдовалъ, производя въ рядахъ отступающихъ страшный безпорядокъ и смятеніе. Фургоны съ аммуниціей и снарядами, толпы съ живностью, съ кухонной посудой, перемѣшавшись съ кавалеристами, скакали во всѣхъ направленіяхъ. Часть была захвачена нашимъ отрядомъ. Сулима, съ двумя пріятелими, очутился къ утру въ Чермнѣ, откуда они перебрались густыми лѣсами въ Руду-Телчинскую, потомъ въ Скурницы — и тутъ, въ хатѣ лѣсника, переночевали и отдохнули.

Узнавъ на другой день, что весь отрядъ ихъ стоитъ отсюда недалеко, въ лѣсу, Сулима и его пріятели достали проводниковъ и перебрались къ товарищамъ, которыхъ нашли въ жалкомъ видѣ, ободранныхъ, искалеченныхъ и упавшихъ духомъ до послѣдней степени. Было ихъ всего навсе до 50-ти человекъ, неспособныхъ ни къ какой службѣ. Даянотъ сказалъ имъ, что въ такомъ положеніи, въ какомъ они находятся, думать о новыхъ схваткахъ съ непріателемъ было бы нелѣпо и безумно, а слѣдуетъ припрятать, гдѣ кто знаетъ, оружіе; лошадей размѣстить по фольваркамъ и дворамъ помѣщиковъ, а самимъ переодѣться въ другое платье и разойтись въ разныя стороны, въ ожиданіи болѣе благоприятныхъ для восстанія дней.

Такъ и сдѣлали. Сулима отдалъ лошадь и оружіе одному помѣщику, съ которымъ наиболѣе сблизился, досталъ себѣ статское платье и пошелъ гнѣшкомъ въ направленіи къ Петрову, предполагая, если удастся, пробраться домой, къ родителямъ, а не то — въ Калишское воеводство, гдѣ, какъ носились слухи, формировали большіе отряды отставной прусскій офицеръ Тачановскій и французъ Калье.

Послѣ трехдневнаго скитанія по лѣсамъ отъ деревни къ деревнѣ, удалось бывшему кавалеристу Бончи выправить себѣ у какого-то вояты гмины паспортъ и съ нимъ вступить нѣсколько смѣлѣе въ улицы Петрова, наполненные войскомъ и плѣнными изъ отряда Оксинскаго, которыхъ было, приблизительно, человекъ двѣсти. Здѣсь Сулима, въ самый день прибытія, сѣлъ на желѣзную дорогу и вечеромъ былъ уже въ объятіяхъ родителей. Отецъ сказалъ ему, однако, что не ручается за его безопасность въ ихъ домѣ, а совѣтуетъ укрыться куда-нибудь подальше. Сулима перебрался въ Варшаву, посѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ, которые рекомендовали ему не заживаться такъ долго въ городѣ, гдѣ есть цитадель и слѣдственная коммисія съ страшнымъ генераломъ Тухлой, а искать другаго мѣста для постояннаго пребыванія. Странникъ сѣлъ снова на желѣзную дорогу и очутился въ Петровѣ, откуда перебрался въ Кѣльцы, а потомъ въ Козловъ, подѣ Влощовой. Здѣсь сказали ему, что Хмѣленскій стоитъ, около недѣли, съ большимъ отрядомъ пѣхоты и кавалеріи, подѣ Енджеѣ-

вымъ, въ дѣсахъ Хлѣвской-Воли и недавно имѣлъ съ русскими удачное столкновеніе.

Недолго размышляя, Сулима перенесся въ этотъ отрядъ и пошелъ тамъ довольно товарищей по службѣ въ жандармахъ Бончи. Отрядъ Хмѣленскаго былъ сформированъ изъ остатковъ бандъ: Оксинскаго, Чаховскаго и Тачановскаго, незадолго передъ тѣмъ разбитаго подъ Игнацовымъ. Пѣхоты было 500 человекъ и 100 конныхъ. Строгость и дисциплина доходили до послѣднихъ предѣловъ: никто не смѣлъ шевельнуться съ мѣста безъ позволенія начальника, ни на шагъ отойти отъ лагеря. Съѣстные припасы раздавалъ офицеръ, стараясь всячески никого не обидѣть и не обидѣть. Съ утра до ночи — муштры, маршировка, стрѣльба въ цѣль и другія военныя упражненія. Хмѣленскій лично заглядывалъ всюду, все зналъ, былъ неутомимъ, осматривалъ и повѣрялъ пакеты. Найдя однажды кавалериста, дремавшаго на пакетѣ, хотѣлъ его разстрѣлять, но все обошлось палками, въ такомъ размѣрѣ однако, что наказаннаго отправили въ госпиталь. Бывали въ лагерѣ и другія экзекуціи: въ день прибытія Сулимы въ отрядъ, былъ повѣшенъ бурмистръ селенія Довбора, за наведеніе русскихъ отрядовъ на повстанцевъ и разные разбойничьи подвиги; а сына этого бурмистра Хмѣленскій велѣлъ взять въ солдаты.

Подъ Хлѣвской-Волей стояла партія Хмѣленскаго около трехъ недѣль. Въ концѣ третьей недѣли получено извѣстіе, что генераль Ченгери выступилъ изъ Кѣлцеъ, съ цѣлю, повидимому, уничтожить повстанцевъ, загостившихся въ его «владѣніяхъ». Считая свои силы недостаточными для встрѣчи съ большимъ непріятельскимъ отрядомъ, Хмѣленскій послѣдовалъ сняться и пошелъ въ направленіи къ Слуть-Новой и Обѣкова, куда прибылъ 13-го августа новаго стила. Въ Обѣковѣ назначенъ былъ раздохъ. Тутъ напалъ на повстанцевъ Ченгери, слѣдовавшій за нимъ по пятамъ. Завязалась горячая перестрѣлка. На помощь къ Ченгерю явилось еще два отряда: изъ Петрова и Ченстохова. Хмѣленскому ничего не оставалось, какъ только разбить свою банду на мелкія партіи, человекъ по 50 въ каждой, и разсыпалъ ихъ по дѣсамъ, съ приказаніемъ собраться потомъ около Влоцковы. Петерю подъ Обѣковымъ Сулима показываетъ въ 30 человекъ убитыми и 70 ранеными. О потерѣ со стороны русскихъ не говоритъ ничего ¹⁾.

На третій день послѣ этого, всѣ силы Хмѣленскаго собрались въ деревнѣ Конты, стояли тамъ десять дней, въ теченіе которыхъ производились непрерывныя ученія. Все это время шелъ проливной дождь, но это нисколько не считалось препятствіемъ къ муштрамъ. Тяжела въ особенности была служба пакетовъ и ведетовъ.

¹⁾ Подробности объ этомъ боѣ можно видѣть въ «Журналѣ военныхъ дѣйствій» 1863, № 85, стр. 6, и № 89, стр. 7—8.

Однако, никто не смѣлъ громко роптать и жаловаться, зная суровый нравъ вождя. Изнѣженные баричи, попавшіе въ отрядъ Хмѣленскаго, не разъ выражали, въ тайныхъ другъ съ другомъ бесѣдахъ, охоту бѣжать, но куда было бѣжать? Еслибъ поймали, навѣрное расстрѣляли бы. А еслибъ иной и ушелъ — могъ наткнуться на русскіе отряды и казачьи разъѣзды..

Несмотря на чрезвычайный порядокъ со стороны несенія служебныхъ обязанностей, отрядъ не имѣлъ однажды, въ теченіе сказанной десятидневной стоянки, никакихъ съѣстныхъ припасовъ двое сутокъ сряду! На одиннадцатый день перешли опять въ Хлѣвскую-Волю и стояли тамъ двѣ недѣли. Отрядъ Хмѣленскаго нѣсколько увеличился прибытіемъ новыхъ охотниковъ. Въ концѣ второй недѣли случилось такое происшествіе: курьеръ, посланный за чѣмъ-то въ Ченстоховъ — возвращаясь въ отрядъ, увидѣлъ у одной жорчмы пьянаго русскаго артиллериста, положилъ его въ телегу и привезъ соннаго къ Хмѣленскому. Судьбѣ угодно было, чтобы этотъ солдатъ служилъ когда-то подъ начальствомъ послѣдняго! Какъ только онъ проснулся, бывшій его командиръ подошелъ къ нему и сказалъ: «Здорово, братъ!» (Хмѣленскій говорилъ по-русски совершенно чисто, безъ малѣйшаго иностраннаго акцента, что ставилось ему одно время почти въ вину и на него поглядывали иные товарищи съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, какъ бы на перереянаго москаля).

Солдатъ вскочилъ и сталъ пристально оглядывать Хмѣленскаго. Тотъ спросилъ опять: Какой ты батареи?

— Четвертой, ваше благородіе, отвѣчалъ солдатъ.

— А что, не узналъ поручика Хмѣленскаго?

— Какъ не узнать, узналъ, ваше благородіе!

— Ну, братъ, какъ тебѣ кажется: гдѣ ты теперь?

— Не могу'знать, ваше благородіе!

— А хочешь служить въ польскихъ войскахъ?

— Какъ прикажете, ваше благородіе!

— Ну, ладно, сказалъ Хмѣленскій: а пока поди поѣшь!

Солдатъ этотъ состоялъ потомъ при отрядѣ Хмѣленскаго довольно долго, исполняя въ точности всѣ приказанія бывшаго своего начальника, но — только его одного. Больше никого не хотѣлъ слушать. Онъ говорилъ постоянно, что «все это только такъ, напускають; а придетъ часъ воли Вожіей и они съ поручикомъ вернутся опять въ 4-ю батарею»!.. Въ стычкѣ съ нашимъ отрядомъ подъ Церномъ онъ былъ убитъ..

На шестнадцатый день стоянки въ Хлѣвской-Волѣ, Хмѣленскій выступилъ въ направленіи къ Пшедборжу, гдѣ имѣлъ столкновение съ однимъ русскимъ отрядомъ, послѣ чего перешелъ въ деревню Скотники и расположился, около нея, въ густомъ лѣсу,

лагеремъ. Необходимо было отдохнуть: люди валялись съ ногъ отъ усталости и голоду, ничего не ѣвши болѣе сутокъ. Въ Скотникахъ присоединилось къ Хмѣленскому нѣсколько кавалеристовъ изъ отряда Тачановскаго, окончательно разбитаго подъ Крупиной. Какъ это всегда бываетъ съ человѣкомъ въ несчастіи, этого вождя, способнаго, опытнаго, энергическаго и дотоли дѣйствовавшаго въ Калишскомъ воеводствѣ довольно успѣшно, — ругательски ругали его же солдаты за то только, что онъ.. былъ разбитъ сильнѣйшимъ отрядомъ!..

Изъ Скотниковъ перешли въ деревню Желѣзницу, лежавшую среди дремучихъ лѣсовъ и непроходимыхъ трясинъ. Хмѣленскій намѣренъ былъ тамъ отдохнуть и оправиться отъ предыдущихъ невгодъ и потрясеній. Прошло восемь безмятежныхъ дней. Ни одинъ изъ русскихъ отрядовъ, бродившихъ кругомъ, не тревожилъ повстанцевъ. Вдругъ одинъ развѣздъ, посланный на рекогносцировку въ сторону Красоцина, донесъ, что русскіе, въ значительныхъ силахъ, идутъ прямо на отрядъ Хмѣленскаго. Сію же минуту приказано сняться и идти къ Лахову, а оттуда къ Желиславицамъ. Простоявъ тамъ нѣсколько часовъ, отрядъ перешелъ въ Коницы, подъ Ендржеёвъ и, неподалеку оттуда, на полянѣ, во второмъ часу ночи, расположился на отдыхъ. Но тутъ и нагрянули русскіе, подъ начальствомъ Ченгери, повидимому шедшаго по пятамъ отряда. Произошла довольно серьезная схватка. Хмѣленскій отступилъ къ Церну и имѣлъ новую стычку съ тѣмъ же самымъ отрядомъ, 22-го сентября новаго стиля, въ которой потерялъ болѣе 80-ти человѣкъ убитыми и столько же ранеными, послѣ чего отступилъ въ порядкѣ къ Ракошину. Говорятъ, генераль Ченгери, смотря на бой подъ Церномъ, сказалъ: «они и вправду дерутся»!

Отдохнувъ часа четыре въ Ракошинѣ (гдѣ Хмѣленскій выходилъ изъ себя, распекая своихъ солдатъ за трусость, съ какою они уходили отъ непріятели, и грозился разстрѣлять десятаго, если еще разъ случится что-либо подобное) узнали, что русскіе снова идутъ противъ нихъ, съ цѣлю, повидимому, разсѣять партію Хмѣленскаго окончательно. Отрядъ снялся и пошелъ въ направленіи къ Варжину. Послѣ 24-часоваго форсированнаго марша, Хмѣленскій дозволилъ солдатамъ отдохнуть — но Ченгери былъ тутъ-какъ-тутъ! Наши вогнали повстанцевъ въ лѣсъ. Нуженъ былъ новый форсированный маршъ, къ деревнѣ Оксѣ, откуда пришли къ Незановицы и подремали тамъ немного, не разсѣдывая лошадей.

Людамъ здраво разсуждающимъ въ партіи Хмѣленскаго, можетъ и ему самому, стало больше и больше приходить на мысли, что дѣло возстанія проиграно: лучшіе отряды, устроенные, какъ только могли быть устроены повстанскіе отряды, бились, относительно, превосходно, были безукоризненно храбры, — между тѣмъ,

все уходили и уходили форсированными маршами по лѣсамъ, не приобретя, въ восемь мѣсяцевъ, даже нѣсколькихъ сажень земли, гдѣ бы могли считать себя полными хозяевами и не бояться ежеминутнаго нападенія врага! О наступательныхъ дѣйствіяхъ никто и не думалъ. Духъ сталъ падать вездѣ, во всѣхъ пунктахъ царства Польскаго и — въ эмиграціи. Энтузіазмъ, охватившій страну въ первые дни возстанія, жилъ не долго. Въ минуты, о которыхъ мы рассказываемъ, очень многіе солдаты и офицеры говорили: «когда бы все это поскорѣе кончилось!» А въ Парижѣ, руководители движенія начинали помышлять объ устройствѣ правильной европейской арміи, съ корпусами и дивизіями!..

Отрядъ дремалъ въ Неановицахъ подлѣ своихъ лошадей: вдругъ донесли Хмѣленскому, что Ченгери снова напалъ на его слѣды и находится какихъ-нибудь верстахъ въ трехъ-четырехъ! Хмѣленскій приказалъ ту же минуту сняться и идти форсированнымъ маршемъ къ Черницѣ, черезъ Влощову и Лаховъ. Около Черницы Ченгери настигъ повстанцевъ въ лѣсу и гналъ ихъ, полями и лугами, до Сецымива, гдѣ опять пошелъ дремучій лѣсъ и они могли въ него спрятаться и уйти отъ опасности — быть совершенно развѣянными.

Забившись въ непроходимую чащу, близъ деревни Рудниковъ, Хмѣленскій простоялъ тамъ день и потомъ пошелъ въ селеніе Ключескъ. Слыша постоянно, что русскіе отряды бродятъ кругомъ, Хмѣленскій перебрался въ мѣстечко Дрохлянь, гдѣ намѣревался простоять нѣсколько долѣе, дабы привести въ порядокъ уставшіе отъ походовъ и разстроенные непрерывными стычками ряды.

Въ полуміи оттуда стоялъ тогда, съ небольшою бандой, извѣстный своими возмутительными шалостями помѣщикъ Искра-Соколовскій. Жондъ народовой давно на него косился и, наконецъ, предписалъ всѣмъ начальникамъ большихъ отрядовъ, а также и воеводамъ (въ томъ числѣ и Хмѣленскому), при первомъ удобномъ случаѣ, схватить этого вреднаго для возстанія негодяя и судить военнымъ судомъ. Хмѣленскій, узнавъ, что Искра стоитъ отъ нихъ недалеко, послалъ ему сказать, чтобы онъ прибылъ немедленно, для объясненія по дѣлу, нетерпящему отлагательства.

Искра смекнулъ, что дѣло плохо, но послушаться Хмѣленскаго не посмѣлъ: явился въ его отрядъ, окруженный всею своею кавалеріею, гдѣ было до полусотни всадниковъ. Хмѣленскій объяснилъ ему ту же минуту, для чего онъ потребовалъ его къ себѣ и сказалъ, что «военный судъ уже собрался; слѣдуетъ только укомплектовать его еще двумя лицами изъ отряда самого Искры».

Это смутило прибывшаго. Оправясь немного, онъ отвѣчалъ, что «желалъ бы видѣть своими глазами предписаніе жонды». Оно было ему сейчасъ же показано. Пробѣжавъ его, онъ сказалъ, что «при-

знаеть несправедливыми клеветы, на него вводимыя, и не позволить никогда судить себя офицеру, равному ему чиномъ». Свита его зашумѣла при этомъ, что «не допустить нанести самомаглѣйшее оскорбленіе своему начальнику!» Хмѣленскій предвидѣлъ такую сцену и приготовился къ ней: едва только Искра сдѣлалъ шагъ къ своимъ кавалеристамъ, какъ со всѣхъ сторонъ надвинулись пѣхотные колонны, свѣсивъ штыки и загородили ему дорогу. Уйти было некуда. А Хмѣленскій, вынувъ изъ-за пояса револьверъ, подошелъ къ свитѣ Искры и крикнулъ внушительнымъ голосомъ: «Голову разможу тому, кто осмѣлится бунтовать противъ народнаго правительства!»

Все бурлившее мгновенно утихло и присмирѣло. Даже раздался голоса, что «никто противъ народнаго правительства бунтовать не думаетъ и все, что ему угодно, будетъ ими исполнено въ точности».

Судъ разбиралъ дѣло Искры въ теченіи двухъ часовъ, подъ предсѣдательствомъ капитана Тыльмана, и произнесъ въ заключеніе смертный приговоръ. Когда Искрѣ объявили объ этомъ, онъ смѣло пошелъ на площадь, гдѣ уже дѣлались приготовленія къ разстрѣлянню: становили столбъ и выврано было, по обычаю, двѣнадцать стрѣлковъ. Не смотря на то, что весь отрядъ Хмѣленскаго былъ убѣжденъ въ справедливости обвиненій и приговора и зналъ хорошо, что такое Искра и его разбойничья шайка, однако нашлось нѣсколько офицеровъ, которые надъ нимъ сжалились и просили вождя о смягченіи приговора, замѣчая, что фактъ осужденія и все, что Искра видитъ у нихъ въ отрядѣ, неизбѣжно на него подѣйствуетъ, онъ исправится и даже изъ него, можетъ быть, выйдетъ добрый и полезный слуга отечеству. Хмѣленскій былъ непреклоненъ и отвѣчалъ просившимъ, что «нарушать предписаній жонда не властенъ, а также не намѣренъ поступать вопреки рѣшенію суда, между членами котораго были также и солдаты самого обвиненнаго».

Приговоръ былъ немедля исполненъ... Отрядъ разстрѣляннаго вошелъ въ составъ партіи Хмѣленскаго: все это были бравые, хорошо вооруженные и экипированные солдаты. Партія Хмѣленскаго такимъ образомъ увеличилась. Онъ считалъ у себя до 600 человекъ пѣхоты и до полутораста кавалеристовъ.

На четвертый день пребыванія въ Дрохлинѣ Хмѣленскій получилъ извѣстіе, что русскіе надвигаются на него съ двухъ сторонъ: отъ Петрова и отъ Кѣльцъ. Приказано было сняться и идти послѣдно въ сторону Малхова, но было уже поздно: наши отряды, подъ начальствомъ полковника Таубе и подполковника Загряжскаго, окружили повстанцевъ и едва не забрали всѣхъ ихъ въ плѣнъ. Темный, глухой дѣсъ, бывший неподалеку, помогъ нѣкоторой части воиновъ Хмѣленскаго, вмѣстѣ съ предводителемъ спа-

стись бѣгствомъ. Бѣжали въ страшномъ безпорядкѣ, растерявъ офицеровъ, не зная даже, гдѣ ихъ вождь, спасся или погибъ. Только добравшись до деревни Кучки, услышали, что Хмѣленскій, съ остатками пѣхоты, стоитъ подъ Влоцовой, куда приказалъ собираться всѣмъ, кто уцѣлѣлъ во время ретирады ¹⁾.

Отрядъ собрался въ Рогеницахъ — и тутъ снова узнали, что русскіе недалеко: это былъ полковникъ Шульманъ, съ подерѣвленіемъ изъ Ченстохова. Хмѣленскій велѣлъ своимъ идти въ Оксу, а потомъ поворотить на Держговскую мельницу, гдѣ раздѣлили свои силы на мелкія партіи и разослалъ въ разныя стороны. Больше ничего не оставалось дѣлать. Всѣ были измучены до невѣроятности. Биться никому не хотѣлось; къ тому же, это не имѣло никакого смысла. Самъ вождь былъ также утомленъ и чувствовалъ себя не очень здоровымъ. Ему нуженъ былъ неизбѣжный покой, для восстановленія силъ. Онъ исчезъ вдругъ изъ глазъ своихъ солдатъ. Говорили, что онъ укрылся на фольваркѣ одного помѣщика, гдѣ-то около Оксы, нѣто Влоцовой, откуда потомъ уѣхалъ въ Краковъ и тамъ лечится...

Это было время, когда возстаніе жило только надеждами на интервенцію Европы (конецъ сентября и начало октября 1863) и еслибъ не эти надежды,—отряды разбрелись-бы и растаяли сами собою, безъ всякихъ схватокъ съ нашими войсками. Тотъ-же духъ и то-же безотрадное настроеніе были и въ отрядѣ Хмѣленскаго. Немного не доставало, чтобы начался побѣги. Деморализація и неповиновеніе офицерамъ стали мало-по-малу закрадываться какъ въ пѣхоту, такъ и въ кавалерію. Начальникъ послѣдней, расторопный офицеръ Нейманъ, умѣвшій держать солдатъ своихъ въ порядкѣ,—во время одной ретирады прострѣлилъ себѣ нечаянно ногу и отправился лечиться въ Краковъ, откуда прибылъ вскорѣ старый повстанецъ, служившій послѣднее время въ турецкихъ кавказахъ Садыкъ-паши-Чайковскаго, нѣкто Марковскій, съ уполномочіемъ отъ Хмѣленскаго: принять команду надъ бывшимъ его отрядомъ. Это былъ человекъ лѣтъ 50, посѣдѣвшій въ бояхъ, смѣлый, отважный, но слабохарактерный; онъ не умѣлъ управлять людьми, привыкшими къ суровому обращенію Хмѣленскаго. Словомъ: былъ то-же, что Даянотъ. Люди Хмѣленскаго двигались съ Марковскимъ бессмысленно изъ угла въ уголъ, по югу царства, не встрѣчая, по счастью для нихъ, никакихъ столкновеній съ неприятелемъ. Начались побѣги, ропоть... нѣтъ сомнѣнія, что отрядъ мало-по-мало распался бы, еслибъ вдругъ не явился снова среди своихъ воиновъ выздоровѣвшій и отдохнувшій Хмѣленскій.

Это было около деревни Ракова, между Влоцовой и Ендржевымъ,

¹⁾ У насъ см. объ этихъ битвахъ въ «Журналѣ военныхъ дѣйствій» № 44, стр. 1 и № 48, стр. 2.

въ дѣсу. Начались ежедневныя муштры. Прибывали временами новыя охотники. Даже соединилась съ отрядомъ цѣлая большая партія Грылинскаго. Недѣли черезъ двѣ приказано двинуться на Держгово, гдѣ собралось все, что только носило еще какое-либо оружіе на югѣ и въ центрѣ Радомской губерніи: всѣ пѣхотные и кавалерійскіе отряды, для того, чтобы представиться новому начальнику обоихъ воеводствъ, Краковскаго и Сандомірскаго, только что прибывшему изъ Парижа генералу Босаку (графу Іосифу Гауке).

Босакъ сдѣлалъ смотръ войскамъ (это было въ самомъ началѣ октября по н. ст.). Всѣ глядѣли на него съ любопытствомъ, какъ на давно-невиданнаго звѣря. На многихъ устахъ мелькала ироническая улыбка. Иные замѣтили ее даже на лицѣ самого Босака. Послѣ смотра явился печатный приказъ по арміи, начинавшійся по наполеоновски: «Воины изъ-подъ Церна, Варжина, Чарнца и Малкова!» (Какъ будто бы это были: Абукиръ, Аустерлицъ, Гена!.. а въ сущности, это были пункты, откуда этимъ войнамъ удалось цѣлыми уйти.)

Объщаніямъ Босака, высказаннымъ въ этомъ пыльномъ приказѣ, что «скоро наступитъ европейская интервенція, соберется конгрессъ, совершится внутренній и внѣшній заемъ»—никто надлежащимъ образомъ не вѣрилъ. «Воины изъ-подъ Церна, Варжина, Чарнца и Малкова», читая эти строки, только смѣялись и каждый думалъ, что-то они будутъ дѣлать, когда новыя русскіе отряды вдругъ явятся въ тѣхъ мѣстахъ и нужно будетъ биться?..

Въ самомъ дѣлѣ русскіе были оттуда недалеко: въ Оксѣ старій знакомый повстанцевъ Радомской губерніи, майоръ Бентковскій, который шелъ на этотъ разъ совсѣмъ не съ цѣлями бить Босака или Хмѣленскаго (сдѣлавшагося начальникомъ штаба новоприбывшаго генерала), а собирать экзекуціонныя недоимки. Силы его отряда были невелики: три роты и сотня казаковъ. Дойдя до фольварка Оксы, Бентковскій занялъ его, заперъ ворота и принялъ всякія другія предосторожности, необходимыя въ военное время. Босакъ получилъ извѣстіе, что Бентковскій намѣренъ на фольваркѣ ночевать. Имѣя въ распоряженіи довольно большой отрядъ (до тысячи человекъ пѣхоты и кавалеріи), генераль рѣшился атаковать русскихъ. Для этого сдѣлано было слѣдующее: въ Держговѣ оставлены огни по всему лагерю (дабы непріятель могъ подумать, что повстанцы никуда не двигались). Главныя силы направлены съ фронта. Грылинскому предписано ударить съ тылу, а кавалерія поставлена въ сторонѣ, дабы дѣйствовать послѣ того, какъ дѣло будетъ рѣшено въ пользу нападающихъ пѣхотой. Болѣе всего было приказано обращать вниманіе на тишину и соблюденіе строжайшаго порядка въ частяхъ.

Хмѣленскій, во главѣ всей пѣхоты, подошелъ къ воротамъ фольварка въ два часа ночи. При немъ находились два растороп-

ные кавалериста. Затаивъ дыханіе, стояли они тамъ безъ движенія болѣе часа, дожидаясь прибытія съ противоположной стороны Грылинскаго. Но Грылинскій почему-то не шелъ... стало свѣтать. Казаки, стоявшіе на пикетахъ, разсмотрѣли повстанцевъ и открыли по нимъ огонь. Русскій отрядъ на фольваркѣ проснулся и приготовился къ бою. Хмѣленскому ничего болѣе не оставалось, какъ двинуть свою пѣхоту впередъ. Завязалась горячая перестрѣлка. Поляки силились высадить ворота, но это имъ не удалось. Капитанъ Новицкій долго рубилъ ихъ топоромъ, пока не палъ, пробитый пулей. Солдаты его (2-я рота), потерявъ вождя, отступили. Это произвело смятеніе и въ другихъ рядахъ пѣхоты: всѣ смѣшались и обратились въ самое безпорядочное бѣгство. Прибывшій въ эту минуту Грылинскій не могъ поправить дѣла и самъ послѣдно ретировался... Хмѣленскій, отойдя всего на полмили, безпечно расположился отдыхать на фольваркѣ Квилинъ, въ надеждѣ, что Бентковский не рѣшится послѣ такого продолжительнаго боя (съ 4 часовъ утра до 12 дня) вести своихъ измученныхъ солдатъ на повстанцевъ, почти восторжествовавшихъ. Но Бентковский рѣшился! И какъ-только стемнѣло и Хмѣленскій велѣлъ своему отряду готовить ужинъ—наши ударили такъ стремительно, что растерявшіеся и удивленные повстанцы пустились бѣжать въ неопысанномъ безпорядкѣ. Хмѣленскій едва не попалъ въ плѣнъ. Сулима говоритъ, что «единственно темнотѣ ночи они обязаны спасеніемъ и еще тому, что Бентковский поторопился ударить: еслибъ онъ имъ далъ поѣсть и заснуть—тогда ни одинъ повстанецъ не вышелъ-бы цѣлъ изъ боя!»¹⁾.

III.

Хмѣленскій идетъ къ Радкову.—Вѣдственные скитанія по лѣсамъ, голодь и холодъ.— Столкновеніе съ русскими войсками подъ селеніемъ Водзеховымъ.— Хмѣленскій вьзятъ въ плѣнъ.— Дальнѣйшая судьба его отряда.— Марковский, какъ начальникъ Краковскаго и Сандомірскаго воеводства.— Сулима идетъ въ Варшаву.— Кришва-Ржевускій.— Приказъ Босака о распущеніи бандъ.— Последніе похождения Сулимы.— Прїѣздъ къ родителямъ.

На другой день весь отрядъ Хмѣленскаго потянулся къ Радкову малыми частями, изъ которыхъ одна другую догоняла. Дней въ восемь все пришло въ порядокъ. Хмѣленскій приказалъ идти къ Свентокришскимъ горамъ, дабы тамъ нѣсколько отдохнуть и оправиться отъ послѣднихъ передрагъ и потрясеній. Солдаты и офи-

¹⁾ Pamiętniki Powstańca, стр. 109.

церы чувствовали, что близится всему конецъ. Ряды повстанской арміи рѣдѣли. Комплектоваться новыми охотниками было неизменно трудно. Въ добавокъ ко всему, началъ проклевать странниковъ морозъ, въ особенности по ночамъ. Генералъ Восакъ, лучше другихъ понимавшій дѣло и предвидѣвшій его исходъ, отправился въ Краковъ для совѣщанія съ друзьями, что дѣлать далѣе,—и, по совѣту ихъ, собралъ человекъ 300 пѣхоты и около 100 всадниковъ, съ которыми перешелъ опять границу, но скоро былъ жестоко разбитъ генераломъ Ченгери, подъ Озерками, около Опатова. Остатки банды скрылись въ лѣсъ и, спустя нѣкоторое время, соединились съ отрядомъ Хмѣленскаго, который, имѣя постоянно непріятеля на плечахъ, шелъ форсированными маршами на мѣстечко Стройновъ, черезъ деревни: Трищинець, Новоржище, Мотковище и Малешовъ. Въ Стройновѣ, вслѣдствіе крайняго утомленія солдатъ, вѣчно было остановиться лагеремъ, но русскіе отряды, слѣдившіе за Хмѣленскимъ очень внимательно, ударили—и погнали повстанцевъ по полямъ и лугамъ, до перваго лѣса. Отрядъ Хмѣленскаго и Восака выбрался, проселочными дорогами, на мѣстечко Куновъ и хотя зналъ, что русскіе расположились лагеремъ всего въ двухъ верстахъ оттуда, долженъ былъ поневолѣ остановиться, вслѣдствіе совершеннаго изнеможенія людей и лошадей.

Въ Куновѣ отрядъ сталъ лагеремъ. Въ это время присоединился къ Хмѣленскому юнкеръ Рудовскій, со своею маленькою, но хорошо устроенною бандой. Однако же Хмѣленскій вскорѣ отслалъ его, для поддержки и оживленія востанія въ Радомской губерніи, гдѣ всѣ существовавшіе кое-какъ повстанскіе отряды приходили ежеминутно все болѣе и болѣе въ жалкое состояніе и разсыпались сами собою.

Черезъ три дня по выходѣ отряда изъ Кунова, въ направленіи къ Петркову и Еленѣву (гдѣ повстанцы застали богатую помѣщичью свадьбу и приняли въ ней участіе, провозглашая тосты за здоровье молодыхъ, съ бокалами въ рукахъ)—было вдругъ донесено, что русскіе стоятъ въ большихъ силахъ всего на-все версты двѣ оттуда. Вслѣдствіе этого, Хмѣленскій приказалъ немедленно выступить по направленію къ селенію Опесенки, гдѣ прозошелъ упорный бой—послѣдній сколько ибудь серьезный бой въ Радомской губерніи, если не сказать: всего царства. Повстанцы держались стойко, но должны были уступить превозмогающей силѣ, послѣ чего пустились форсированнымъ маршемъ въ Свентокришскія горы, однако подъ селеніемъ Бодзеховымъ были снова наступнуты и произошла новая стычка, 4 декабря ст. ст., окочившаяся безпорядочнымъ отступленіемъ Хмѣленскаго просто—куда глаза глядятъ. При этомъ отступленіи встрѣтился на дорогѣ ровъ, черезъ который перебраться оказалось невозможнымъ. Раненый въ руку Хмѣленскій былъ окруженъ драгунами, сбить съ лошади

и едва не изрубленъ. Узнавъ, что передъ ними Хмѣленскій (имя котораго было извѣстно всѣмъ солдатамъ Радомскаго отряда), драгуны вложили палаши въ ножны, связали плѣнника и доставили въ штабъ отряда, гдѣ находился тогда и генераль Ченгери. Предоставивъ переговорить съ Хмѣленскимъ его старому товарищу Добровольскому, онъ отправилъ его въ Радомъ, къ начальнику отряда, гдѣ Хмѣленскій былъ разстрѣлянъ 7 декабря ст. ст. ¹⁾.

Одновременно съ разбитіемъ генераломъ Ченгери отряда Хмѣленскаго подъ Бодзеховымъ, разбитъ полковникомъ Гагемейстеромъ большой отрядъ Скавронскаго (за 1,000 человекъ пѣхоты и до 200 человекъ кавалеріи), въ Равскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи, между Ловичемъ и Бржезинами, подъ деревней Волей-Цырусовой.

Намѣстникъ разослалъ по царству мелкіе отряды и разъѣзды съ приказаніемъ захватывать и отправлять въ Варшаву всякихъ одинокихъ ратниковъ умирающаго возстанія. То же распоряженіе было сдѣлано и относительно бандъ, которыя укрывались по лѣснымъ трупобамъ. Начальникомъ всѣхъ такихъ бандъ de-facto и вмѣстѣ — краковскимъ и сандомірскимъ воеводой сдѣлался уже извѣстный читателямъ Марковскій, а настоящій воевода, генераль Босакъ, скрылся въ лѣсныхъ трупобахъ между Опатовымъ и Сандоміромъ и оттуда посылалъ приказанія куда нужно. Весьма немногіе знали, что Босакъ еще въ краю. Въ концѣ декабря онъ приказалъ Марковскому снестись съ Варшавой при посредствѣ какого нибудь расторопнаго офицера. Марковскій послалъ Сулиму и онъ счастливо совершилъ это опасное путешествіе, подвергаясь минутно арестамъ и осмотру. Онъ долженъ былъ узнать у «главнаго начальства», т. е. у жонда, сколько нужно еще держаться отрядамъ въ лѣсахъ, такъ-какъ положеніе скитальцевъ, лишенныхъ теплой одежды, становилось, съ приближеніемъ зимы, часъ отъ часу затруднительнѣе. Жондъ (Граугуть) приказалъ держаться до-нельзя, увѣряя, что «весною слѣдующаго 1864 года, возстаніе снова оживетъ, вслѣдствіе обѣщанной помощи изъ Европы: придутъ новые офицеры, явятся деньги»... и вѣдь находились люди, правда, немного, которые простодушно вѣрили этимъ бреднямъ!..

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, генваря и февраля 1864 года, возстаніе держалось кое-какъ, вовсе не потому, что это было приказано жондомъ, а потому, что каждый лѣсной скиталецъ зналъ очень хорошо, что по выходѣ изъ лѣса его ожидаетъ арестъ или смерть. Въ мартѣ мѣсяцѣ положеніе уцѣлѣвшихъ бандъ еще ухудшилось: онѣ не столько являли, сколько голодали. Доставать пищу въ деревняхъ стало очень трудно. Фуражировъ ловили по дорогамъ казаки, или задерживали крестьяне. Надъ остатками отряда Хмѣленскаго начальствовалъ тогда Наполеонъ Ржевускій, принявшій,

¹⁾ «Журналъ военныхъ дѣйствій» 1863, № 64, стр. 1—8.

по своему гербу, названіе «Кршивды». Его поминутно перегоняли съ мѣста на мѣсто разные кавалерійскіе отряды. Съ ними изъ нихъ онъ имѣлъ легкія стычки. Кучка измученныхъ до-нельзя этими вѣчными маршами изъ лѣса въ лѣсъ, изъ труппы въ труппу, солдатъ, объявила своему начальнику «что долѣе скитаться не станеть, а разойдется въ разныя стороны—что ни будетъ изъ этого!» Кршивда долженъ былъ соблюсти надлежащій воинскій порядокъ: получить форменное разрѣшеніе отъ своего начальства, генерала Босака, котораго мѣстопробываніе въ точности никому не было извѣстно. Посланъ его розыскать и съ нимъ объясниться откровенно тотъ же отчаянный повстанецъ Сулима, который не такъ давно смахалъ благополучно въ Варшаву.

Сулима переодѣлся въ статское платье и вышелъ изъ лагеря пѣшкомъ, безъ всякаго оружія. По особенному счастью, которое никогда его не оставляло, онъ нигдѣ не былъ задержанъ и даже не видалъ русскихъ развѣдочъ. Бывали случаи, что онъ подсаживался къ какому нибудь проѣзжавшему мимо его хлопцу, въ саняхъ или въ телегѣ, а дальше опять шелъ пѣшкомъ и такъ совершилъ прогулку въ 20 миль слишкомъ (т. е. близъ полутораста верстъ). Наконецъ, въ одной деревнѣ ему сказали, что «генераль» скрывается недалеко въ лѣсу. Онъ сталъ спрашивать объ этомъ подробно у какого-то шляхтича, но тотъ, смѣривъ прищельца глазами, отвѣчалъ, что «никакого здѣсь генерала Босака нѣтъ; что онъ давно за границей». Но немного погодя, поговоривъ съ Сулимою еще, шляхтичъ сказалъ: «пождитѣ тутъ, я сейчасъ наведу справки!» и куда-то пропалъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ сопровожденіи Марковскаго, лично знавшаго Сулиму. Разспросивъ о причинѣ прибытія, Марковскій велѣлъ запречь бричку, сѣлъ въ нее съ Сулимою, и оба поѣхали въ лѣсъ. Было это неподалеку отъ Сандомира. На небольшой полянкѣ стояла караулка лѣсника, среди разныхъ господскихъ строеній. Когда пріѣхавшіе вошли въ хату, Сулима увидѣлъ передъ собою «генерала», чрезвычайно опустившагося, постарѣвшаго, мрачнаго какъ ночь, съ лицомъ блѣднымъ и опухшимъ. Одѣтъ онъ былъ въ черную чамарку, на лисьемъ мѣху. На ногахъ были высокіе лакированные сапоги. Онъ сидѣлъ у стола, надъ кучей бумагъ. Сулима ту же минуту приступилъ къ объясненію повода своего прибытія. Босакъ отвѣчалъ на это: «вы увѣряете, что держаться уже нельзя; а я вотъ только-что получилъ извѣстіе отъ жонда, что возстаніе во многихъ пунктахъ края подымаетъ голову: явились банды и бьютъ москалей! Вѣдь самое трудное время, зима, почти прошла. Теперь снова начинается весна, теплые дни. Держаться въ лѣсахъ стало легче!»

— Правда, мы продержались зиму, сказалъ Сулима, но какъ продержались и что теперь представляютъ отряды—это можетъ разсказать надлежащимъ образомъ только тотъ, кто видѣлъ это близко.

Кормили насъ по преимуществу помѣщики, но теперь отказались; теперь никто не кормить, ни помѣщики, ни мужики! Пребываніе въ лѣсахъ голодныхъ оборванцовъ, которые прячутся отъ войскъ, стало совершенною бессмыслицей. А что нишуть генералу изъ жонда, будто-бы гдѣ-то возстаніе снова ожило и явились банды, которые бьютъ москалей,—это фантазія чьего-то развѣгравшагося воображенія, не болѣе. Смѣю генерала завѣрить, что на-дѣлѣ ничего такого нѣтъ. Мы это лучше жонда знаемъ, мы, остающіеся до-нынѣ въ лѣсахъ вѣрными польскому знамени, несмотря ни на какія трудности и опасности.

Босакъ задумался. Потомъ сказалъ: «можетъ быть это и такъ... мы дѣлали, чтó могли, чтó было въ нашихъ силахъ. Я не хочу и не долженъ допускать, чтобы люди гибли изъ-за чьихъ-либо фантазій, чтобы кто-нибудь попрекалъ меня, что я требовалъ невозможнаго, бессмысленно подвергалъ достойныхъ сыновъ отечества всевозможнымъ испытаніямъ, не имѣя и тѣни надежды... Разойдитесь и дѣлайте чтó хотите!»

— Прошу генерала отдать приказъ на бумагѣ! — замѣтилъ Сулима.

Босакъ написалъ нѣсколько строкъ, приложилъ печать, отдалъ посланному и сказалъ: «желаю вамъ всякаго счастья и благополучія!»

Сулима запряталъ приказъ въ разрѣвъ подошвы сапога и пустился въ обратный путь. Въ Тарноскалѣ остановилъ его драгунскій пикетъ. Хозяинъ дома, гдѣ стоялъ офицеръ, къ которому привели задержаннаго, объяснилъ, что «это—его писарь, котораго онъ посылалъ на фольваркъ Малесцову».

Офицеръ приказалъ все-таки раздѣть задержаннаго и осмотрѣть подробно его платье и вещи. Когда стали снимать сапоги, съ нимъ чуть не сдѣлалось дурно... Однако-жъ осмотръ обошелся благополучно. Офицеръ сказалъ, что «плѣнникъ можетъ идти-себѣ куда-угодно», а хозяинъ прибавилъ: «въ 5 часовъ утра изволь взять три телѣги и съѣзди за сѣномъ!» Сулима поклонился и пошелъ спать. Въ 5-мъ часу онъ дѣйствительно выѣхалъ изъ фольварка въ телѣгѣ. На пикетѣ его окликнули: «Кто идетъ?»

— За сѣномъ для васъ, хозяинъ послалъ!

— Ну, хорошо, ступай!»

Этимъ кончились приключенія въ Тарноскалѣ.

Сулима пробирался далѣе, принимая возможные мѣры осторожности. На третій день, близъ Незвановицъ, онъ наткнулся на отрядъ русской пѣхоты. Подскакали казаки, всегда находящіеся при пѣхотныхъ отрядахъ въ незначительномъ числѣ.

— Стой! Куда?

— Во Влощову!

— А паспортъ есть?

Онъ показалъ имъ какую-то бумагу.

— А кто тебѣ далъ паспортъ?

— Генераль Ченгери!

— Ну, хорошо, давай на водку!

Онъ далъ что-то и казаки отъѣхали.

Сулима, веселый и безмятежный, сталъ напѣвать пѣсни, думая о своей счастливой звѣздѣ: бывалъ во многихъ битвахъ — ниразу не раненъ! Попадался въ руки москалей—всегда уходилъ цѣлымъ и невредимымъ!.. Вдругъ смотрить, летятъ снова казаки. Бѣжать было некуда, скрыться негдѣ.

— Стой! куда?

— Въ Ендржеёвъ, за паспортомъ!

— Ладно, поѣдемъ вмѣстѣ!

Поѣхали. По дорогѣ казаки стали его спрашивать: а что, признайся, былъ въ бандѣ?

— Какая тамъ банда, отвѣчалъ Сулима: я человекъ нездоровый, служить на войнѣ не могу!

— Да, вы всё такъ говорите! сказалъ одинъ казакъ: а кажется, я тебя видѣлъ гдѣ-то въ бандѣ!

Казакъ, разувѣтся, говорилъ на-обумъ, но Сулиму подралъ морозъ по кожѣ: «Ну, какъ въ самомъ дѣлѣ, подумалъ онъ, они видѣли меня гдѣ-нибудь подъ Стройновымъ или подъ Чарнцемъ?»— Онъ началъ плестъ имъ всякій вздоръ и все размышлялъ о томъ, какъ-бы удрать?.. Вѣхали въ густой лѣсъ, стало темнѣть. Часть казаковъ постоянно ѣхала впереди, а часть сзади. Замѣтивъ, что эти, задніе, въ одномъ мѣстѣ немного поотстали, плѣнникъ спустился осторожно въ кусты, такъ-что и кучеръ не слышалъ. Казаки проѣхали немного погода мимо, но замѣтили, что въ тѣлѣгѣ никого нѣтъ. А плѣнникъ, тѣмъ временемъ, ползъ кустами, въ потьмахъ, стараясь какъ можно меньше производить шуму. Однако, до казаковъ долетѣлъ какой-то шелестъ: они дали въ ту сторону нѣсколько выстрѣловъ, похлестали возницу нагайками, что плохо смотрѣлъ, а потомъ поѣхали кучей дальше.

Сулима-же все пробирался да пробирался осторожно кустами и доползъ наконецъ, измученный, до какой-то мельницы: смотреть, а это очень знакомая ему мельница въ Поповицахъ! Стукнулъ и когда ему отворили, — вошелъ и бросился на лавку, на которой пролежалъ почти безъ движенія до утра. На другой день узналъ, что Кршивда стоитъ съ отрядомъ между Кршепиномъ и Курже-левымъ: пустился туда, но прежде ваглянулъ въ Оксу, гдѣ у него оставалась лошадь, военная одежда и вооруженіе. Все нашелъ въ порядкѣ — и только что сталъ преобразаться, какъ ему сказали, что идетъ какая-то кавалерія. Разувѣтся, онъ подумалъ, что это русскіе, но оказался Кршивда со своимъ малымъ кавалерійскимъ отрядомъ.

Въ Оксѣ стали дѣлать приготовленія къ встрѣчѣ «народнаго войска»... но вдругъ на это народное войско налетѣли драгуны и растрепали его жестоко; изъ 50 всадниковъ едвали осталось 20, которые спаслись удачною переправой черезъ болота, неизвѣстными никому тропинками. Въ числѣ спасшихся былъ и Кршивда. Онъ распустилъ своихъ солдатъ, не выдавши Сулимы и не прочитавши форменнаго увольненія отъ службы, съ такими хлопотами добытаго!.. Послѣ узнали, что Кршивда, переодѣтый крестьяниномъ, счастливо перешелъ австрійскую границу. Солдатамъ его идти было некуда: они держались въ одной лѣсной группѣ, выбравъ себѣ въ начальники какого-то Андерлини, который тоже, въ скоромъ времени, счелъ за лучшее обратиться за границу...

Сулима ходилъ по лѣсамъ, спалъ на землѣ, иной разъ подъ сильнымъ дождемъ, сушился потомъ и перекусывалъ чтò случится по хатамъ лѣсниковъ, и, наконецъ, перебрался въ Кршепинъ, а послѣ въ Пршиленкъ, гдѣ поселился у знакомаго шляхтича, обѣдалъ съ его семьею, а остальное время дня скрывался въ разныхъ строеніяхъ, забываясь въ солому.

Разъ они сидѣли за обѣдомъ, какъ вошла служанка и сказала, что прибылъ во дворъ какой-то овчаръ и желаетъ опредѣлиться на службу. Это былъ начальникъ «Краковскаго и Сандомірскаго воеводства», Марковскій! Разговорились. Марковскій сообщилъ, что идетъ напрямикомъ изъ Сандоміра и какимъ-то чудомъ не былъ нигдѣ остановленъ. Онъ блуждалъ по губерніи безъ всякой опредѣленной цѣли; карманы его были набиты приказами жонда, который постоянно требовалъ, чтобы банды держались, что на весну сформируются новые отряды!..

На другой день Марковскій ушелъ изъ Пршиленка, не сказавъ никому, куда идетъ и какія имѣетъ цѣли. Вскорѣ узнали, что онъ задержанъ крестьянами подъ Опатовымъ и доставленъ въ ближайшій русскій отрядъ. Подозрѣніе крестьянъ, что это «не овчаръ, а кто нибудь другой, вообще не хлопскаго происхожденія», возбуждали усмотрѣнные ими на ногахъ Марковскаго скарпетки вмѣсто онучъ!..

Понятное дѣло, что Марковскаго осмотрѣли въ отрядѣ очень внимательно—и нашли при немъ тьму-тьмушую приказовъ жонда и всякихъ подозрительныхъ бумагъ. На что все это онъ таскалъ съ собою до послѣдней минуты? Неужели думалъ, что скоро придетъ время, когда этотъ хламъ опять пригодится?..

Рѣшено отправить его въ Радомъ. Боясь, что при слѣдствіи онъ какъ-нибудь себѣ измѣнитъ, выдастъ кого либо изъ пріятелей, — Марковскій задумалъ порѣшить съ собою какимъ придется способомъ: при немъ находилась большая иголка, которою спииваютъ мѣшки, изъ толстаго полотна, и кули: онъ воткнулъ ее нѣсколько разъ въ сердце и черезъ два часа испустилъ духъ. Такъ

глухо кончилъ жизнь послѣдній начальникъ краковскаго и сандомирскаго воеводства!..

Сулима скитался еще по лѣсамъ до мая 1864 года, въ окрестностяхъ Прпилленка, Оксы, Домбя и другихъ деревень, куда заходилъ къ равнымъ знакомымъ и незнакомымъ лицамъ, чтобы поѣсть и выспаться какъ надо. Одни временные хозяева его были гостеприимны и старались всячески показать, что не стѣсняются пребываніемъ у нихъ такого подозрительнаго гостя, а другіе, принявъ его и накормивъ, только и думали, какъ бы отъ него избавиться. Постоянная опасность и неизвѣстность въ будущемъ приводила его въ отчаяніе... Наконецъ, онъ узналъ, что вышелъ указъ, дарующій помилованіе всѣмъ повстанцамъ, которые явятся добровольно и присягнуть на вѣрное подданство. Сулима однакожь, обмысливъ со всѣхъ сторонъ свое положеніе, рѣшился отправиться въ Варшаву, въ томъ расчетѣ, что найдетъ тамъ хаосъ и снованіе впадъ и впередъ всякихъ личностей, среди которыхъ будетъ нетрудно жить за совершенно невиннаго и получить паспортъ.

Прежде всего, онъ перебрался въ Лаховъ, а потомъ въ Куржеловъ, гдѣ пошелъ прямо въ домъ пробоша, у котораго нашель офицера, лежавшаго на диванѣ. Офицеръ оглядѣлъ прибывшаго съ головы до ногъ и спросилъ: «панъ откуда?»

— Я адъшній официалистъ, отвѣчалъ Сулима.

— А теперь откуда?

— Ъздилъ въ Лаховъ купить картофелю.

Офицеръ помолчалъ немного, потомъ спросилъ: а былъ панъ въ возстаніи?

— Нѣтъ, не приходилось никогда! Я не чувствовалъ въ себѣ къ этому ни охоты, ни смѣлости!

— Можешь панъ дать мнѣ въ этомъ честное слово?

Сулима молчалъ. Замѣтивъ въ немъ нѣкоторое смущеніе, офицеръ повторилъ:—Честное слово, что панъ не былъ въ возстаніи?

Сулима не рѣшился долѣе лгать и признался, что былъ въ возстаніи.—Скажу даже болѣе: я пришелъ прямо изъ банды! Дѣлайте со мною, чтѣ хотите!

— А какъ думаешь, чтѣ я сдѣлаю?

— Какъ думаю?.. Ничего хорошаго не думаю!

— Ошибаешься, панъ, сказалъ офицеръ, вставая съ дивана и протягивая Сулимѣ руку: я хотѣлъ только испытать, какъ много значить для васъ, поляковъ, честное слово. Объявляю, что панъ воленъ итти куда ему угодно: никто пана не тронетъ. Сейчас выдамъ свидѣтельство, что панъ явился добровольно. Ступай съ этимъ свидѣтельствомъ въ Кѣльцы и принеси присягу въ вѣрноподданствѣ. Вотъ и все!

Пробошъ былъ до такой степени радъ подобному счастливому

окончанію дѣла, что вытащилъ откуда-то заплѣсневѣлую баклажку, съ добрымъ венгерскимъ, и заставилъ гостей ее осушить.

Сулима отправился въ Кѣльцы, получилъ паспортъ на свободное жительство вездѣ, гдѣ пожелаетъ, отъ того самаго Бентковскаго, съ которымъ встрѣчался до тѣхъ поръ, какъ лютей врагъ. Жандармскій офицеръ прочиталъ притомъ Сулимѣ 'соответственную нотацію, какъ себя далѣе вести. По выслушаніи всего этого, бывший ярый повстанецъ выскочилъ на улицу какъ ошпаренный, взялъ мѣсто въ такъ называемой «курьеркѣ»—и на другой день упалъ въ объятія родителей, послѣ 15-мѣсячной съ ними разлуки...

Н. Бергъ.

РАЗСКАЗЫ О БЫЛОМЪ.

ИМПЕРАТРИЦА Екатерина II имѣла обыкновеніе всякій день перемѣнять шелковые чулки и головной платокъ, который она надѣвала на ночь. И чулки, и платокъ подавали непремѣнно новые.

Однажды, вечеромъ, приходитъ къ камердинеру государыни, Секретареву ¹⁾, камерфрау и спрашиваетъ для государыни платокъ. Секретаревъ растерялся: случилось какъ-то, что на этотъ разъ, по его оплошности, новаго платка въ гардеробѣ не оказалось. Тотчасъ же взяли прежній, тщательно разгладили его и подали императрицѣ. Екатерина въ ту же минуту замѣтила подмѣну и, приказавъ позвать Секретарева, сказала при немъ бывшей съ нею Марьѣ Савишнѣ Перекусихиной: «Вотъ до чего мы дожили, Марья Савишна, что для меня нѣтъ ужъ и платка новаго». Потомъ, обратясь къ Секретареву, отдала ему платокъ, сказавъ: «на, возьми». Секретаревъ говорилъ, что деликатное замѣчаніе императрицы долгое время терзало его и мучило.

Онъ же сказывалъ, что одной изъ причинъ, ожесточившихъ болѣзнь и ускорившихъ кончину князя Потемкина, была его неумѣренность: онъ вдругъ съѣлъ 2 арбуза и 16 апельсиновъ. Дѣло возможное. Потемкинъ, какъ говорятъ, неохотно повиновался предписаніямъ докторовъ и лишь только ослабѣвали приступы лихорадки, то не соблюдалъ никакой діеты ²⁾, а графъ Ростопчинъ, извѣщая С. Р. Воронцова о смерти Потемкина, писалъ: «Были у него лихорадоч-

¹⁾ Коллежскій ассесоръ Федоръ Ермолаевичъ Секретаревъ былъ много лѣтъ камердинеромъ при князѣ Петемкинѣ, а послѣ его смерти исполнялъ ту же должность при императрицѣ Екатеринѣ II.

²⁾ «Русская Старина» 1875 г., т. XIV, 248.

ные припадки, но онъ поправился, возвратился въ городъ и вновь заболѣлъ, наѣвшись гусятины и плодовъ¹⁾.

Извѣстно, что о намѣреніи Екатерины устранить Павла отъ престолонаслѣдія передавали многіе изъ современниковъ той эпохи. Хотя рассказы эти разнорѣчивы, но почти всѣ они утверждаютъ, что намѣреніе это не осуществилось благодаря содѣйствію князя Безбородки. По словамъ Секретарева, случилось это такъ: когда, по прибытіи Павла изъ Гатчины, Безбородко показалъ ему завѣщаніе Екатерины, то будто Павелъ пожелалъ узнать объ этомъ актѣ личное его мнѣніе и услышалъ отъ него, что онъ, Безбородко, присягалъ наслѣднику престола, а наслѣдникомъ престола былъ Павелъ, почему онъ и остался вѣренъ своей присягѣ. Послѣ этихъ словъ Павелъ уничтожилъ завѣщаніе²⁾.

Павелъ Петровичъ, бывши великимъ княземъ, жилъ, какъ извѣстно, большею частію, въ Гатчинѣ. Тамъ, окруженный своимъ отрядомъ, онъ проводилъ время, занимаясь обученіемъ его по прусскому уставу. Отрядъ состоялъ изъ двухъ эскадроновъ кавалеріи, трехъ баталіоновъ пѣхоты и роты артиллеріи. Всякую недѣлю, въ пятницу, великіе князья Александръ и Константинъ должны были являться въ Гатчину къ своимъ командамъ. Второй баталіонъ былъ подъ начальствомъ Александра, а третій—Константина. Въ субботу, Павелъ выводилъ солдатъ на ученье, на которомъ великіе князья командовали своими частями. Здѣсь, на этихъ ученьяхъ, Павелъ жаловалъ отличившихся орденомъ св. Анны на шагу. Въ воскресенье, великіе князья, снявъ съ себя гатчинскіе мундиры, возвращались въ Петербургъ къ императрицѣ и оставались при ней до слѣдующей пятницы.

Въ Гатчинѣ вошелъ въ особенную милость къ Павлу Аракчеевъ. Онъ былъ прикомандированъ къ отряду для командованія артиллерійскою ротою. Когда Павелъ вступилъ на престолъ, то на гатчинцевъ на первыхъ излилась царская милость. Первый баталіонъ былъ весь помѣщенъ въ преображенскій полкъ, второй—въ семеновскій, а третій въ измайловскій. Офицерамъ, имѣвшимъ анненскіе знаки, было дано по 1,000 по 2,000 и по 3,000 душъ; прочимъ офицерамъ, не имѣвшимъ этого знака, по 200, по 300 и 400 душъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и родной дядя мой, которому было пожаловано 400 душъ въ нижегородской губерніи. Вудучи человѣкомъ не богатымъ, онъ во всю жизнь благоговѣлъ передъ памятью государя и называлъ его своимъ благодѣтелемъ. Въ ка-

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1876 г., № 1, 82.

²⁾ Сказанное о Секретаревѣ слышалъ я отъ отца моего, которому о томъ рассказывалъ самъ Секретаревъ.

бинетъ у него стоялъ гипсовый бюстъ Павла, которому онъ ежедневно, послѣ утренней молитвы, подходилъ и дѣлалъ поклонъ ¹⁾).

Какъ иногда Павелъ бывалъ впечатлительнъ и мягокъ сердцемъ можно видѣть изъ случая, рассказаннаго мнѣ княземъ А. Л. Дадьяномъ, а имъ слышаннаго отъ одной изъ екатерининскихъ фрейлинъ, дожившей до его времени. Однажды, возвратясь въ Гатчину съ бала, бывшаго при большомъ дворѣ, Павелъ изумилъ всѣхъ необыкновенно веселымъ расположеніемъ духа: онъ смѣялся, шутилъ, обнимался, цѣловался... Чтоже такое случилось?—«Ея величество изволила сегодня со мною танцовать» чуть не со слезами рассказывалъ онъ своимъ приближеннымъ.

Вахтъ-парадная система ввелась и утвердилась при Павлѣ. При немъ же вошло въ обыкновеніе каждое воскресенье дѣлать разводы. Нелегко было отбывать ихъ. Офицеръ, идя въ разводъ, не могъ быть увѣренъ — вернется ли онъ домой или очутится въ крѣпости, а то и дальше — въ Сибири. Въ особенности бывало трудно полковымъ адъютантамъ, которымъ Павелъ, по окончаніи развода, самъ отдавалъ парольныя приказанія. Адъютанты вынимали карандашъ и бумагу и спѣшили записывать слова государя, говорившаго невнятно. Нерѣдко приказывалъ онъ кому нибудь изъ адъютантовъ прочесть отданное имъ приказаніе и тутъ бѣда была тому, кто дѣлалъ какую либо ошибку. Отецъ князя Дадьяна былъ адъютантомъ преображенскаго полка. Шестнадцатилѣтняя жена его всегда дрожала за участь мужа. Страхъ ея былъ такъ великъ, что она неизмѣнно ложилась спать, какъ привязывая свою руку къ рукѣ мужа, чтобы въ случаѣ внезапнаго ареста ночью, она могла узнать о несчастіи ²⁾).

Офицеры, присутствовавшіе при разводѣ, собирались обыкновенно во дворецъ, и послѣ выхода государя шли въ дворцовую церковь къ обѣднѣ. Однажды, когда такимъ образомъ собравшіеся во дворцѣ офицеры ожидали выхода Павла и разговаривали между собою, дали знать, что онъ идетъ. Мгновенно все смолкло и среди глубокой тишины взоры всѣхъ обратились въ сторону, откуда онъ долженъ былъ идти. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, двери отворились и по сторонамъ ихъ стали великіе князья Александръ и Константинъ, а вдали показался Павелъ. Онъ вошелъ въ залу и, опершись на трость, остановился. Быстрымъ взглядомъ окинулъ

¹⁾ Отъ отца моего.

²⁾ Отъ князя Дадьяна.

онъ собраніе и, увидавъ Петра Ивановича Балле (не знаю, такъ ли я называю фамилію) подошелъ къ нему скорыми шагами. — «Каково идутъ у васъ корабельныя работы?» спросилъ онъ у Балле. — «Хорошо, ваше величество». — «Когда же вы позволите мнѣ осмотрѣть ихъ?» — «Когда будетъ угодно вашему величеству.» — «Нѣтъ, прервалъ его Павелъ, вы начальникъ и я долженъ быть тогда, когда вы позволите.» Павелъ настоялъ, Балле назначилъ ему день и часъ ¹⁾.

Павелъ Петровичъ любилъ кататься по городу. Ъзжалъ онъ обыкновенно въ легкой коляскѣ, запряженной шестью бѣлыми лошадьми; впереди неслись два лейбъ-гусара, а позади плацъ-маіоръ. «Одинъ разъ, когда я стоялъ съ артиллеристами въ караулѣ, при арсеналѣ, рассказывалъ мнѣ отецъ, часовой, стоявшій на гауптвахтѣ, вызвалъ караулъ. Ъхалъ великій князь Александръ Павловичъ верхомъ. Едва успѣлъ предварить меня великій князь, какъ изъ-за угла показались лейбъ-гусары, а за ними и шестерка бѣлыхъ лошадей». Отецъ говорилъ, что Александръ Павловичъ, сопровождая по городу государя, по добротѣ своей всегда старался предупреждать въ подобныхъ случаяхъ караульныхъ офицеровъ, дабы они не могли подвергнуться гнѣву государя за какую-либо неисправность.

Бывшій тобольскій губернаторъ, Александръ Михайловичъ Тургеневъ, рассказывалъ слѣдующій случай, бывшій съ нимъ во время его молодости. Онъ служилъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку, и по восшествіи на престолъ Павла былъ еще унтеръ-офицеромъ. «Вы видите мою комплекцію — полнѣтъ я началъ еще въ молодости, щеки у меня были какъ налитыя. Начальство, готовя меня на ординарцы, твердило мнѣ, чтобы я смѣло смотрѣлъ въ глаза императору. Запомнилъ я это, и, явившись къ Павлу, гляжу на него въ упоръ. — «Вишь какъ откормила васъ матушка, сказалъ онъ уцѣпивъ меня за щеку, — я покажу вамъ, какъ надобно служить — ступай...» Я повернулся, но такъ неловко, что при быстромъ поворотѣ тесакъ мой ударилъ Павла по ногамъ. Ну, быть бѣдѣ, подумалъ я, и съ отчаянія началъ шагать, высчитывая про себя: разъ-два, три-четыре... «Молодецъ!» послышался сзади меня сильный голосъ Павла. Я успокоился» ²⁾.

¹⁾ Отъ отца моего, находившагося въ тотъ день вмѣстѣ съ прочими во дворцѣ.

²⁾ Отъ Е. В. Чельцова, которому рассказывалъ Тургеневъ.

Въ Преображенскомъ полку былъ одинъ солдатъ, котораго очень любилъ Павелъ. Всякій разъ, какъ только случалось ему видѣть своего любимца, онъ подходилъ къ нему и разговаривалъ съ нимъ. Одинъ разъ полковникъ Малышкинъ наказалъ этого солдата за какую-то неисправность. На другой день былъ разводъ. Малышкинъ, отпрапортовавъ государю, сталъ на свое мѣсто. Павелъ подошелъ къ своему любимцу и сталъ съ нимъ говорить. Во время разговора совершенно случайно онъ повернулся и взглянулъ на Малышкина. Бѣдный полковникъ затрясся и упалъ; его унесли безъ памяти. Онъ воображалъ, что солдатъ жаловался на него Павлу.

Однажды, императоръ Павелъ, бывши въ Москвѣ, пожелалъ посѣтить Троицкую лавру. Митрополитъ Платонъ отправился въ монастырь, чтобы сдѣлать распоряженіе къ его встрѣчѣ. Наступилъ день посѣщенія. У Святыхъ воротъ лавры стояли въ два ряда монахи въ лучшихъ, богатѣйшихъ ризахъ; тутъ же былъ и митрополитъ съ крестомъ въ рукахъ. Государь подъѣхалъ и выпелъ изъ экипажа. Подойдя къ митрополиту и увидя на немъ ветхую крашенниную ризу, вспыхнулъ и отступилъ назадъ. Гнѣвъ изобразился на лицѣ его. Не выслушавъ привѣтствія и не приложившись ко кресту, угрюмый, прошелъ онъ быстрыми шагами въ соборъ. Началось молебствіе. Павелъ былъ гнѣвенъ. Бывшая съ нимъ свита смутилась, но митрополитъ оставался спокоенъ. По окончаніи службы, Платонъ, осѣняя Павла крестомъ, сказала: «Государь! для встрѣчи твоей мы облеклись въ богатѣйшія одѣянія сокровищницы нашей, на мѣ же видишь одѣяніе драгоцннѣйшее всѣхъ—ризу св. угодника Сергія». Мгновенно просіяло лицо Павла. Онъ съ любопытствомъ разсматривалъ ризу преподобнаго Сергія и, осмотрѣвъ монастырь, возвратился въ Москву въ веселомъ расположеніи духа.

Рассказъ этотъ, переданный въ сороковыхъ годахъ однимъ престарѣлымъ лаврскимъ монахомъ московскому плацъ-адъютанту Николаеву, кажется, и до сихъ поръ еще держится въ преданіяхъ лавры; странно, однакоже, что въ запискахъ митрополита Платона нѣтъ даже и намека на что либо подобное.

Извѣстна платоническая любовь Павла къ А. П. Лопухиной. Она жила въ Таврическомъ дворцѣ, куда нерѣдко заѣзжалъ къ ней Павелъ. Рассказываютъ, что когда онъ собирался навѣстить ее, то прежде старался хорошенько принарядиться и передъ зеркаломъ репетировалъ свои манеры — учился входить, кланяться и проч. Если Лопухина бывала съ нимъ ласкова, то Павелъ приходилъ въ такой восторгъ, что первый, попавшійся ему на встрѣчу, могъ ни за что, ни про что, быть засыпанъ милостями, но горе

бывало тому, кто попадался ему на глаза послѣ неблагоклоннаго приѣма Лопухиной: тогда онъ бывалъ самъ не свой и гнѣвъ его изливался на всѣхъ. Вышелъ однажды такой случай. Павелъ поѣхалъ кататься по городу, направляясь къ Таврическому дворцу. Онъ уже предвкушалъ удовольствіе видѣть въ окнѣ свою любимицу, которая дѣйствительно и сидѣла на условленномъ мѣстѣ, какъ вдругъ неожиданный случай разрушилъ его сладкую надежду. Ему попался на встрѣчу какой-то кавалергардскій юнкеръ верхомъ на лошади, и въ то самое время, какъ Павелъ поравнялся съ окномъ, у котораго сидѣла Лопухина, юнкеръ остановился, повернулъ во фронтъ и лошадью заслонилъ окно. Къ довершенію несчастія, лошадь, повернутая задомъ къ окну, стала отпѣчать мѣсто, гдѣ стояла, самыми неблагоприятными слѣдами. Ни въ чемъ неповинный юнкеръ былъ посланъ въ Сибирь ¹⁾.

Императоръ Александръ Павловичъ почему то чрезвычайно полюбилъ артиллерійскаго солдата Аристовъ. По приказанію государя онъ былъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ артиллерійскій батальонъ, кромѣ того ему было объявлено высочайшее позволеніе—ходить въ случаѣ надобности во дворецъ и обращаться съ просьбами прямо къ государю. Прошло нѣсколько времени; Аристовъ пользовался оказанною ему милостію, ходилъ къ государю, докладывалъ о своихъ нуждахъ и всегда возвращался въ казармы веселый и довольный. Однажды, Аристовъ, получивъ позволеніе идти во дворецъ, возвратился оттуда печальный и чѣмъ-то озабоченный. Прошло нѣсколько дней; Аристовъ оставался задумчивъ и молчаливъ. Такъ какъ онъ никому ничего не говорилъ, что съ нимъ случилось, то никто и не обращалъ на него вниманія. Наконецъ, онъ до того измѣнился, что уже нельзя было не замѣтить въ немъ странной перемѣны—онъ лишился разсудка. Черезъ нѣсколько времени государь спрашиваетъ у командира лейбъ-гвардіи артиллерійскаго батальона генераль-маіора Касперскаго о своемъ любимцѣ. Ему докладываютъ о его положеніи; государь хочетъ знать причину, но ему говорятъ, что ничего больше неизвѣстно, какъ только то, что Аристовъ, возвратясь послѣдній разъ изъ дворца, сталъ грустить и задумываться и, наконецъ, до того перемѣнился, что его нельзя было узнать. — «А, знаю! сказалъ Александръ—это я виноватъ!» и тотчасъ же приказалъ Вилье заняться больнымъ. Несмотря на старанія Вилье, Аристовъ остался помѣшаннымъ. Дѣло въ томъ, что когда онъ былъ послѣдній разъ во дворцѣ, то государь приказалъ ему сказать, чтобы онъ пришелъ къ нему въ другое время—Аристовъ, какъ можно было за-

¹⁾ Отъ князя Дадьяна.

ключить по его рѣчамъ, вообразилъ, что государь на него прогнѣвался ¹⁾).

Въ картинной галлерей Московской Публичной Библиотеки, помѣщающейся въ Пашковомъ домѣ, есть картина Жордана Право судіе. Изображенныя же на ней фигуры—почти въ натуральную величину, почему она не малыхъ размѣровъ. Картина эта вывезена изъ Англій герцогиней Кингстонъ и уступлена ею князю Потемкину. Впоследствии, она стала собственностію цесаревича Константина Павловича, была помѣщена въ Мраморномъ дворцѣ, а затѣмъ, подарена цесаревичемъ, по особому расположенію, дѣду моему, генералу-отъ-артиллеріи Алексѣю Ивановичу Корсакову, у котораго вмѣстѣ съ большимъ собраніемъ различныхъ рѣдкостей была и замѣчательная картинная галлерей ²⁾. Употребивъ болѣе 30-ти лѣтъ на собраніе ея, онъ приобрѣлъ вкусъ и познанія истиннаго знатока изящныхъ искусствъ, которыхъ, по словамъ А. П. Ермолова, онъ былъ «настоящимъ тираномъ» въ томъ смыслѣ, что въ изящномъ произведеніи ни одинъ недостатокъ не могъ укрыться отъ опытнаго его взгляда. Академія Художествъ избрала его своимъ почетнымъ членомъ. Отецъ мой, по поводу вышеупомянутой картины Жордана, слышалъ отъ него и мнѣ передалъ слѣдующее: Однажды императрица Марія Ѳеодоровна, тоже любительница искусствъ и даже художница по рѣзбѣ на камнѣ, сказала дѣду: «Алексѣй Ивановичъ! Я желала бы видѣть вашу картинную галлерей». Не знаю, что онъ отвѣчалъ на это императрицѣ и была ли она у него, но помню отецъ говорилъ, что дѣдъ, желая сдѣлать угодное государынѣ, пригласилъ двухъ академикомъ и поручилъ имъ скопировать лучшія картины въ миниатюрѣ и когда они были окончены, то поднесъ ихъ Маріи Ѳеодоровнѣ ³⁾ При этомъ ли случаѣ, или при обзорѣ картинъ на дому у дѣда, императрица остановила вниманіе на картинѣ Жордана и спросила: «Такая, кажется, есть въ Мраморномъ дворцѣ?» — «Это она самая» отвѣчалъ дѣдъ, ничего не сказавъ, какъ она ему досталась. Марія Ѳеодоровна тоже промолчала, но потомъ, какъ-то при

¹⁾ Отъ отца моего, которому передалъ генералъ-майоръ Касперскій.

²⁾ О распродажѣ ея послѣ его смерти было объявлено въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1822 г., № 26.

³⁾ Если не ошибаюсь, кажется, именно по этому случаю онъ получилъ слѣдующій рескриптъ императрицы. «Алексѣй Ивановичъ! Неоднократныя мнѣ ваши угожденія и старанія сдѣлать мнѣ удовольствіе, возлагаютъ на меня пріятную обязанность изъяснить вамъ искреннюю мою за то признательность. Я желаю, чтобы приложенный при семъ перстень служилъ вамъ знакомъ такихъ моихъ въ вамъ расположеній, пребывая съ совершеннымъ доброжелательствомъ вамъ всегда благосклонною». Въ Павловскѣ. Августа 7 дня 1808 года.

случаѣ, спросила у императора Александра: «Какимъ образомъ у генерала Корсакова очутилась картина изъ Мраморнаго дворца?»— Когда она все рассказала государю, то онъ приказалъ объ этомъ узнать. Ему доложили, что картина подарена генералу Корсакову великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Государь послалъ къ цесаревичу потребовать объясненія. Константинъ Павловичъ, выслушавъ вопросъ, горячо и гордо отвѣтилъ: «Мраморный дворецъ покойнымъ государемъ родителемъ моимъ пожалованъ мнѣ, и если бы я зналъ, что мнѣ сдѣлають такой вопросъ, то я отдалъ бы генералу Корсакову не только картину изъ дворца, но и самый дворецъ».

Однажды, на какомъ-то смотру, производившемся въ присутствіи императора Александра Павловича, Аракчеевъ стоялъ рядомъ съ государемъ. Великіе князья Константинъ и Николай, при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ, ѣхали впереди колоннъ. Когда они стали приближаться къ государю, то Константинъ спросилъ Николая: «Братъ! кому салютовать-то?...» ¹⁾.

Отецъ архимандритъ Григорій передаетъ въ «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (1876 г., № 44) о митрополитѣ Филаретѣ слѣдующее: «Преосвященный Игнатій ²⁾ еще будучи студентомъ академіи, объявилъ покойному владыкѣ желаніе иноческой жизни (1850). Митрополитъ сказалъ: «Хорошее твое желаніе, но не надо имѣть честолюбивыхъ видовъ. Когда я самъ принималъ постриженіе, продолжалъ владыко, я думалъ: вотъ теперь начнетъ академія готовить ученыхъ профессоровъ, а я куда похужу (съ старымъ образованіемъ)? Привелъ бы меня Богъ подъ конецъ жизни стать гробовымъ у раки преподобнаго Сергія».

Прочитавъ этотъ разсказъ, я припомнилъ другой, слышанный мною отъ покойнаго протоіерея Ѡ. Д. Попова.

«Родитель мой, говорилъ онъ, кончилъ курсъ въ петербургской академіи, когда ректоромъ ея былъ архимандритъ Филаретъ. Зная моего отца съ хорошей стороны и оказывая ему постоянное благоволеніе, онъ долго уговаривалъ его принять монашество, но батюшка упорно отказывался. Видя его непреклонность, Филаретъ пожелалъ узнать, по крайней мѣрѣ, причину его отказа. «Труденъ путь монаха, ваше высокопреподобіе», отвѣчалъ ему мой отецъ и при этомъ указалъ, между прочимъ, на обѣтъ безбрачія и на опасность, угрожаемую плотскими страстями. «Правда ваша, отвѣчалъ Филаретъ, труденъ путь монаха, но не бойтесь: не тамъ опасность, гдѣ вы ее

¹⁾ Отъ отца моего.

²⁾ Умеръ въ Костромѣ, въ іюнѣ нынѣшняго года.

видите; эту страсть легко побороть, но есть у монаха другое искушение болѣе сильное и болѣе опасное—это честолюбіе».

Сопоставленіе этихъ двухъ разказовъ не лишено нѣкотораго значенія.

Въ 1850 году, владѣльцы села Новоспасскаго (Влахернское, Дѣденево) Головины, пожелавъ при сельской церкви своей устроить женскій монастырь, обратились къ митрополиту Филарету съ просьбою исходатайствовать итъ на то высочайшее разрѣшеніе. Филаретъ принялъ просьбу, но пожелалъ предварительно осмотрѣть храмъ села Новоспасскаго и окружающую мѣстность. Когда сталъ извѣстенъ день прїѣзда владыки, въ село Новоспасское наѣхало много гостей изъ сосѣднихъ помѣщиковъ; тутъ же былъ и приглашенный Головиными И. М. Снегиревъ, который, какъ извѣстно, не всегда умѣлъ злой языкъ свой держать за зубами. Митрополитъ прїѣхалъ 10 іюня, на обратномъ пути въ лавру, изъ Пѣсношскаго монастыря, гдѣ онъ съ намѣстникомъ лавры, архимандритомъ Антоніемъ, освятилъ соборную церковь. Войдя въ храмъ села Новоспасскаго, Филаретъ внимательно разсматривалъ во множествѣ находящіяся тамъ старинныя иконы, благоговѣнно лобызая каждую. Приложившись къ одной иконѣ и дѣлая о ней археологическія замѣчанія, онъ сказалъ: «Какъ жаль, что ликъ потускнѣлъ, совсѣмъ не видно его». «Это, владыко, отъ нашихъ нечестивыхъ устенъ», сказалъ подтвернувшійся Снегиревъ. — «И сквернаго, нечистѣйшаго языка» добавилъ Филаретъ, продолжая начатыя Снегиревымъ слова молитвы Іоанна Златоустаго ¹⁾).

Императору Николаю нравилась игра петербургскаго актера Аванасьева въ роли Гоголевскаго Осипа, но, увидавъ въ той же роли въ Москвѣ Орлова, онъ сказалъ бывшимъ съ нимъ въ ложѣ: «Я ошибался, полагая, что Осипа надо смотрѣть въ Петербургѣ; настоящій Осипъ адѣсь, въ Москвѣ».

Въ одинъ изъ прїѣздовъ государя въ Москву давали Горѣ отъ ума. По окончаніи спектакля, Николай Павловичъ послалъ Загоскина поблагодарить отъ его имени Орлова, игравшаго роль Скалозуба. Замѣчательный талантъ этого артиста произвелъ на государя впечатлѣніе. Много времени спустя, бывши въ театрѣ (въ Петербургѣ), онъ сказалъ Гедеонову «Слышалъ ли ты новость—къ намъ Орловъ прїѣхалъ». Это было въ то время, когда въ Петербургѣ прїѣзжала извѣстная артистка m-me Allan. Орловъ прїѣхалъ съ женой собственно для того, чтобы дать возможность женѣ своей

¹⁾ Отъ одного изъ присутствовавшихъ во Влахернскомъ. Digitized by Google

видѣть игру Allan, такъ какъ у нихъ были одни роли. Въ первый же спектакль Орловъ отправился въ театръ и смотрѣлъ на игру со сцены. Гедеоновъ предупредилъ его, что въ театрѣ будетъ государь. По окончаніи пьесы, Николай Павловичъ отправился на сцену къ Allan. Разговаривая съ нею, онъ увидѣлъ Орлова, стоявшаго въ отдаленіи. «Здравствуй полковникъ!» сказалъ ему ласково государь. Орловъ поклонился. «Осипъ, подойди ко мнѣ ближе. Ты пріѣхалъ къ намъ показать себя», продолжалъ государь. — «Если вашему величеству угодно, я почту счастіемъ ваше вниманіе, хотя я пріѣхалъ для того, чтобы показать женѣ игру m-me Allan — у нихъ одни роли», отвѣчалъ Орловъ. — «Да, m-me Allan — талантъ», замѣтилъ государь. Затѣмъ, обратясь къ Орловой, привѣтливо сказалъ: «А васъ я видѣлъ только въ ложѣ».

Орловъ, воспитанникъ горнаго кадетскаго корпуса, имѣлъ чинъ коллежскаго ассесора. «Когда государь назвалъ меня полковникомъ, рассказывалъ онъ смѣясь моему отцу, такъ я хотѣлъ, какъ это бывало прежде, поблагодарить его за чинъ, да онъ тотчасъ же назвалъ меня Осипомъ»... ¹⁾

Рассказываютъ, что въ тридцатыхъ годахъ, когда императоръ Николай захотѣлъ имѣть русскій народный гимнъ и поручилъ Жуковскому написать слова, а Львову положить ихъ на музыку, то почему-то пожелалъ онъ узнать о новомъ произведеніи «народной молитвы» мнѣніе Филарета. Съ этимъ порученіемъ, говорятъ, у митрополита былъ самъ Львовъ. На вопросъ: какъ онъ находитъ «народную молитву?» Филаретъ будто-бы отвѣчалъ: «У васъ и стари есть народная молитва: «Спася Господи люди твоя»...»

Вотъ еще характеристическій отвѣтъ Филарета.

Протоіерей Ѳ. Д. Поповъ, будучи назначенъ въ кадетскій корпусъ священникомъ прямо изъ студентовъ духовной академіи, въ первое время своей службы, нерѣдко встрѣчалъ затрудненія, какъ ему поступить въ томъ, или другомъ случаѣ. Однажды, корпусъ посѣтилъ одинъ изъ великихъ князей. Священникъ встрѣтилъ его, какъ это положено уставомъ, передъ церковью съ крестомъ и св. водою, но царскія двери въ церкви были закрыты. Великій князь, осмотрѣвъ церковь и заведеніе, остался доволенъ и уѣхалъ, но Попова взяло сомнѣніе: не слѣдовало ли ему отворить царскія двери, какъ это дѣлается при посѣщеніи государя императора? Къ кому не обращался онъ съ вопросомъ — какъ въ подобныхъ случаяхъ бывало прежде — никто ничего не могъ сказать ему. Тогда за разрѣшеніемъ сомнѣнія рѣшился онъ обратиться къ

¹⁾ Отъ отца моего.

митрополиту Филарету. Молча, съ поникшей головой и глазами, опущенными долу, слушалъ владыко молодого священника. «Какъ ты выносишь крестъ святой?» спросилъ онъ его, когда тотъ высказался. — «Черезъ сѣверныя двери, высокопреосвященнѣйшій владыко». — «Неужели Крестъ Господень не заслуживаетъ быть износимымъ черезъ царскія двери?» возразилъ ему старикъ. «Вотъ подите-же... говорилъ потомъ Ѡ. Дм., рассказывая объ этомъ случаѣ—«вотъ какъ нашъ сфинксъ разрѣшалъ иногда вопросы».

А. Корсаковъ.

ИЗЪ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ГЛАДСТОНА.

ПРИ ТОЙ широкой гласности и—можно даже сказать—чрезвычайно широкой огласкѣ какъ мнѣній, такъ и образа жизни государственныхъ людей и общественныхъ дѣятелей Англїи, еще до смерти ихъ появляются въ англїйской печати самыя подробныя и—что еще важнѣе—самыя достовѣрныя о нихъ свѣдѣнія. Иллюстрированныя англїйскія изданія на своихъ страницахъ помѣщаютъ не только ихъ портреты, но и такія рисунки, на которыхъ изображается ихъ домашняя обстановка. Такъ, недавно, въ иллюстрированномъ лондонскомъ журналѣ «Harper's Magazin» была напечатана статья подъ заглавіемъ «Mr. Gladston at Hawarden», т. е. «Мистеръ Гладстонъ въ Гауэрденѣ».

Название Гауэрденъ носятъ, находящїеся въ княжествѣ Уэльскомъ, два замка, принадлежащіе миссисъ Гладстонъ. Одинъ изъ этихъ замковъ дѣйствительно древній, такъ какъ онъ былъ возобновленъ во времена Эдуарда I или Эдуарда II; другой же замокъ, хотя и имѣетъ видъ древняго жилища, но древность его подѣльная. Первоначальная постройка древняго замка восходитъ, впрочемъ, къ болѣе еще отдаленной эпохѣ—къ той эпохѣ, когда бритты оказывали упорное сопротивленіе саксамъ и датчанамъ, желавшимъ отнять у нихъ ихъ родовое поземельное достояніе. Между 1267 и 1280 годами, гауэрденскій замокъ былъ разрушенъ и затѣмъ вновь возстановленный, былъ королемъ Эдуардомъ пожалованъ фамиліи Сельсбюри. Впослѣдствїи, онъ перешелъ въ собственность перваго графа Дерби. Въ этомъ замкѣ король Генрихъ VII нашелъ самую гостепрїимную встрѣчу, когда онъ посѣтилъ его

въ исходѣ XV столѣтія. Во время парламентской войны замкомъ овладѣвали различныя партіи. Въ началѣ же этой войны замокъ былъ на сторонѣ парламента, но въ 1643 году его взяли приступомъ роялисты. Спустя однако два года, въ 1645 году, вытѣснили оттуда ихъ противники, и въ томъ же году, въ день Рождества Христова, парламентъ постановилъ уничтожить всѣ укрѣпленія замка, что и было исполнено съ безпощадною строгостью. Когда во время упомянутой войны владѣтель этого замка, Джемсъ, графъ Дерби, былъ обезглавленъ, то государство отъ себя распорядилось замкомъ, который былъ назначенъ въ продажу и купленъ Серджентомъ Глэйномъ и черезъ его потомство перешелъ впослѣдствіи къ супругѣ Вилльяма Эварта Гладстона. Сынъ Серджента Глэйна, сэръ Вилльямъ, получившій титулъ баронета, вступивъ во владѣніе замкомъ, возымѣлъ странную мысль разрушить эту древнюю постройку, и потому къ концу семнадцатаго столѣтія отъ него осталось весьма не много, и развалины эти сохранились до настоящаго времени.

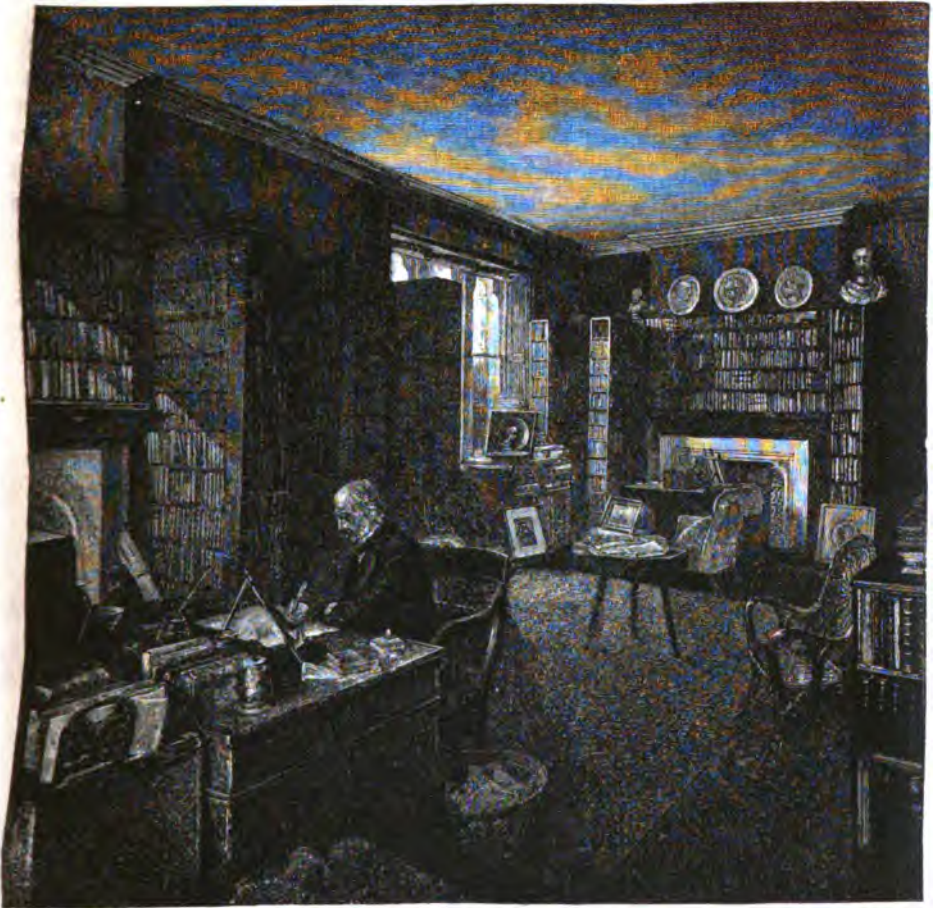
Въ эту пору, о которой шла рѣчь, Глейны жили въ Оксфордширѣ, но въ первой четверти XVII столѣтія они выстроили для себя небольшой домъ въ Гауэрденѣ, а въ 1752 году сэръ Джонъ Глэйнъ построилъ тамъ домъ изъ кирпича и развелъ обширный садъ. Въ 1809 году, владѣлецъ этого помѣстья, прельщенный, безъ всякаго сомнѣнія, живописной картиною развалинъ, пожелалъ въ виду ихъ построить для себя новое жилище, которое представляло бы небольшой замокъ. Намѣреніе это онъ исполнилъ съ большою энергіею, но безъ особаго успѣха, и тогда въ Гауэрденѣ явился новый замокъ, имѣющій по своимъ башенкамъ отпечатокъ поддѣльной старины и возвышающійся передъ развалинами стараго замка, надъ которымъ пронеслось шесть вѣковъ. Въ паркъ замка входъ открытъ каждому, а развалины посѣщаются многими, подписывающими свои имена на остаткахъ стѣнъ и нѣкоторыя изъ этихъ именъ принадлежатъ англійскимъ знаменитостямъ.

Въ Гауэрденскомъ замкѣ, который посѣщаютъ нынѣ личности, болѣе знаменитыя, нежели лица посѣщавшія прежній—не смотря на то, что тамъ бывалъ даже король—современный намъ посѣтитель найдетъ на каждомъ шагѣ слѣды отдохновенія мистера Гладстона, человѣка, пользующагося громадною извѣстностію, и теперь, быть можетъ, самаго популярнаго дѣятеля во всей Англии.

Въ тотъ день—разказываетъ одинъ англичанинъ—когда я посѣтилъ Гауэрденскій замокъ, у самыхъ входныхъ дверей замка лежалъ топоръ. Топоръ этотъ не былъ, однако, изъ числа тѣхъ изящныхъ и дорогихъ подарковъ, которые, по временамъ, подносить народъ великому государственному человѣку, но было самое простое рабочее орудіе: на немъ были видны слѣды частаго его употребленія. Топоръ этотъ не принадлежалъ къ разряду тѣхъ

украшеній, которыми любители охоты обвѣшиваютъ стѣны своего жилища въ видѣ оленьихъ головъ и лисьихъ хвостовъ. Несомнѣнно, что мистеръ Гладстонъ, окончивъ свою дневную тяжелую работу, положилъ этотъ топоръ въ такомъ мѣстѣ, чтобы онъ былъ, какъ можно ближе, у него подъ рукою. По всей вѣроятности, топоръ лежалъ здѣсь съ предшествовавшаго воскресенья — съ того дня, когда Гладстонъ въ послѣдній разъ предавался своему любимому занятію. День этотъ остался памятенъ въ лѣтописяхъ кораблекрушеній, такъ какъ въ продолженіе его свирѣпствовала сильная буря. Буря эта повсюду въ Англии надѣлала много вреда лѣсамъ и садамъ, поваливъ множество вѣковыхъ деревьевъ и въ лѣсу, окружающемъ Гауэрденскій паркъ. На слѣдующій день, премьеръ, съ топоромъ въ рукахъ, провелъ нѣсколько часовъ разсчищая лѣсъ и, возвратившись домой, почувствовалъ сильную простуду. Онъ не выходилъ нѣсколько дней изъ дому, оставаясь постоянно въ своей библіотекѣ. Болѣзнь Гладстона была серьезная. Въ этомъ легко было убѣдиться, взглянувъ на его блѣдное лицо и дотронувшись до его рукъ, горѣвшихъ лихорадочнымъ жаромъ. Докторъ, однако, приглашенъ не былъ. Въ Гауэрденскомъ замкѣ все употребляется по прежнему, за исключеніемъ, конечно зубчатыхъ стѣнъ и башенъ. Изъ тѣхъ и другихъ нынѣшніе владѣтели замка не дѣлаютъ того употребленія, какое дѣлалось при Эдуардѣ I. Тѣмъ не менѣе, однако, такъ какъ по стародавнимъ англійскимъ понятіямъ жена или мать могутъ ухаживать за больнымъ простудю, а мистеръ Гладстонъ имѣетъ по этой части многіе опыты, то онъ и поручилъ врачевать себя своей супругѣ и былъ вознагражденъ за это. Онъ довѣрялъ ей, какъ надсмотрщику, но ни за что не хотѣлъ, чтобы его гласно считали больнымъ, и при этомъ условіи трудно было не выпускать его изъ дому. Вообще же онъ не способенъ умѣрять свои силы, такъ какъ длинный рядъ опытовъ убѣдилъ его, что они и неодолимы, и неистощимы.

Это, впрочемъ, старая исторія, часто повторяющаяся съ нимъ въ палатѣ общинъ. Такъ, въ одномъ изъ послѣднихъ ночныхъ засѣданій палаты, онъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ уничтожалъ препятствія, мѣшавшія принятію поземельнаго билля, и ослабивъ негодованіе большинства палаты—рѣшился, если представится надобность, провести въ преніяхъ на пролетъ цѣлую ночь. Вслѣдствіе этого, мистеръ Гладстонъ дошелъ до изнеможенія, которое было очевидно каждому, но самъ онъ не чувствовалъ его. Предшествовавшее засѣданіе было закрыто послѣ полуночи, а затѣмъ онъ уже съ самаго ранняго утра снова съ жаромъ громилъ своихъ противниковъ, которые, не смотря на все свое утомленіе, слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ. Тогда мистеръ Джемсъ Колландеръ, бывшій долгое время по своей политикѣ сторонникомъ ирландскихъ членовъ, поднялся съ мѣста и объявилъ, среди громкихъ одобреній, что

Гладстонъ въ своей библиотекѣ.

всѣ ожидали, что мистеръ Гладстонъ отправится домой спать. Если же, добавилъ Колландеръ, засѣданіе палаты должно продолжаться цѣлую ночь, то объ этомъ слѣдовало заявить предварительно. Во вниманіе къ такому заявленію, единодушно поддержанному, премьеръ закрылъ засѣданіе, хотя онъ обыкновенно и не бываетъ склоненъ дѣлать подобныя уступки человѣческой немощи. Онъ одинаково, и у себя дома, и на сторонѣ, и въ Гауэрдентъ, и въ палатѣ общинъ, трудится на столько, на сколько у него хватитъ силъ, и такимъ образомъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ онъ заботится объ исполненіи лежащихъ на немъ обязанностей.

Мистеръ Гладстонъ склоненъ ко всѣмъ тѣлеснымъ упражненіямъ, исключая прогулокъ, до которыхъ онъ не охотникъ. Онъ уже нѣ-

сколько лѣтъ не садился на лошадь и никогда не занимался въ особенности верховою ѣздою. Онъ очень рѣдко править самъ экипажемъ, никогда не стрѣляетъ, не ходитъ на охоту и не удить рыбу. Но за то онъ мастерски владѣеть топоромъ и пристрастилъ къ этой работѣ своего сына, мистера В. Т. Гладстона, который и самъ по себѣ отличный ремесленникъ.

Во время отдыха отъ государственныхъ занятій, если позволяетъ погода, а иной разъ и въ ненастье, мистеръ Гладстонъ, несмотря на свои семьдесятъ три года, бродитъ съ топоромъ на плечѣ и возвращается домой не ранѣе, какъ сознаетъ, что онъ заработалъ свой обѣдъ. Въ случаѣ неимѣнія работы для топора, онъ совершаетъ часовую прогулку или сидитъ на террасѣ своего замка, передъ которой находится прѣточный садъ и виднѣются на далекомъ пространствѣ дуга, окаймленные деревьями.

Во время сессій парламента, часы его отдохновенія соразмѣряются съ засѣданіями палаты. Онъ никогда не ложится спать ранѣе двухъ часовъ, а иногда ложится позже, сознавая, что обязанъ заботиться о дѣлахъ государства, надъ которымъ никогда не заходитъ солнце. Удаляясь порою отъ дѣлъ, онъ, во время лѣтняго отдыха, не слѣдуетъ примѣру тѣхъ законодателей, которые, находясь въ деревнѣ, заботятся о своемъ удовольствіи, совмѣщая свои патріотическія заботы съ развлеченіями лѣтней поры. Онъ рѣдко ложится спать ранѣе половины одиннадцатаго, а иногда слышитъ какъ часы на башнѣ замка бьютъ полночь. Впрочемъ, въ какое бы время онъ ни легъ въ постель, онъ къ четверти осьмага бываетъ всегда уже вставши и передъ завтракомъ идетъ въ маленькую сельскую церковь, гдѣ божественную службу отправляетъ его сынъ, ректоръ этой церкви. Церковь эта соединяется съ замкомъ особой пѣшеходной дорогой, и по этой дорогѣ, лишь только ударятъ въ колоколь, англійскій премьеръ идетъ легкимъ и скорымъ шагомъ молиться, несмотря ни на какую погоду.

О гауэрденской церкви сохранилось сказаніе, превосходящее по своей древности сказаніе о прежнемъ гауэрденскомъ замкѣ. Достоверно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшняя церковь, еще въ 950 году существовала церковь. Однажды въ ней распятіе или крестъ упалъ на голову тогдашней владѣлицы замка, лэди Тростъ, и причинилъ ей сильный ушибъ. Какой-то еврей, бывшій свидѣтелемъ этого случая, воспользовался суматохою, схватилъ распятіе и бросилъ его въ рѣку, но оно всплыло на поверхность рѣки и остановилось у песчанной мели, которая называется нынѣ «Крестовымъ островомъ».

При этой церкви хранится именной списокъ ея ректоровъ или священниковъ, восходящій до 1180 года. Когда гауэрденское помѣстье перешло къ фамиліи Глэйновъ, то должность ректора была

предоставлена членамъ этой фамилии, а въ настоящее время ректоромъ или священникомъ гауэрденской церкви состоитъ Стефенъ Гладстонъ, сынъ премьера и его супруги, наслѣдовавшей замокъ Гауэрдень отъ Глэйновъ. Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ пожаръ истребилъ эту церковь, такъ что теперь осталось очень немного отъ первоначальной ея постройки. Она была возобновлена съ большею послѣшностію и открыта въ томъ же году. Въ церковь эту сходятся прихожане съ разныхъ сторонъ и если мистеръ Гладстонъ, во время своего пребыванія въ гауэрденскомъ замкѣ, не бываетъ

Древній замокъ Гауэрдень.

обремененъ дѣлами, то онъ тѣмъ изъ прихожанъ, которые того пожелаютъ, читаетъ лекціи. Независимо отъ этого, онъ самый исправный прихожанинъ, и надежда увидѣть англійскаго премьера сидящимъ въ церкви на лавкѣ, и, въ добавомъ къ тому, еще, быть можетъ, и услышать его лекціи, привлекаетъ по воскресеньямъ въ церковь постороннихъ лицъ, такъ что тамъ не достаетъ мѣста обычнымъ прихожанамъ. Хотя всѣ мѣста въ церкви бываютъ заняты и во время службы, но любопытство возбуждается въ присутствующихъ лишь тогда, когда премьеръ подходитъ къ пюпитру. Въ церкви Гладстонъ избѣгаетъ всякой излишней обстановки.

Мѣсто его, какъ владѣльца замка, отдалено отъ проповѣднической касседы и самъ онъ и его семейство сидятъ на голой лавкѣ, безъ подушекъ.

Въ гауэрденскомъ замкѣ мистеръ Гладстонъ жилъ еще и прежде, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ какъ этотъ замокъ перешелъ въ собственность его супруги. Еще въ то время, когда братъ миссисъ Гладстонъ владѣлъ Гауэрденомъ, мистеръ Глэйнъ, въ 1864 году, прибавилъ къ замку, въ честь своего собрата-законника, новую пристройку, назвавъ ее «флигелемъ Гладстона». Въ этомъ флигелѣ помѣщается читальная зала, имѣющая три окна и два камина и примыкающая къ библиотекѣ, размѣщенной въ другихъ комнатахъ и заключающей въ себѣ 10,000 томовъ, изъ которыхъ самая главная часть принадлежитъ къ богословскимъ книгамъ. Всѣ этого рода сочиненія помѣщены въ особомъ углу комнаты. Отдѣльныя помѣщенія устроены для твореній Гомера, Шекспира и Данта. Хотя Гладстонъ и чрезвычайный любитель книгъ, но у него при этомъ нѣтъ эгоизма. Такъ какъ по близости Гауэрдена не находится публичной библиотекы, то замковая библиотечка открыта для полученія изъ нея книгъ, при чемъ принимается для возвращенія взятой книги слѣдующая предосторожность: записывается имя взявшаго книгу и срокъ, на который она была выдана.

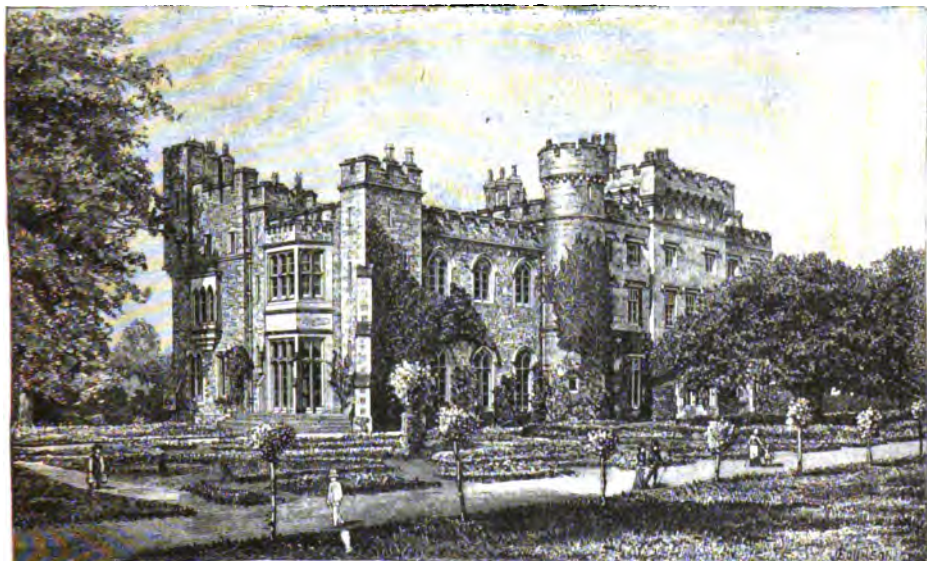
Каждый изъ находящихся въ читальной залѣ письменныхъ столовъ имѣетъ особое назначеніе. За однимъ изъ нихъ сидитъ Гладстонъ въ то время, когда онъ бываетъ занятъ работою по политическимъ дѣламъ; другой столъ предназначенъ для литературныхъ его трудовъ и для изученія Гомера. Третій столъ предоставленъ миссисъ Гладстонъ. «За этимъ столомъ — говоритъ съ печальной улыбкой Гладстонъ — было написано «*Inventas Mundi*» и прошло много времени послѣ того, какъ я сидѣлъ за этой работою».

Въ одномъ изъ угловъ этой комнаты поставленъ топоръ—подарокъ, сдѣланный Гладстону городомъ Ноттингэмомъ. Длинное и широкое его лезвіе не сходно вовсе съ образцомъ американскаго топора, которымъ Гладстонъ привыкъ работать. Когда премьеръ остается дома, то онъ или весь день или большую его часть проводитъ въ читальной залѣ. Здѣсь на него съ книжныхъ шкафовъ смотрятъ бюсты Сиднея Гербера, герцога ньюкастельскаго, Каннинга, Кобдена и Гомера, а вмѣстѣ съ ними выглядываетъ на него и старый его другъ, Тениссонъ, изъ большаго бронзоваго медальона.

Утреннія занятія Гладстона очень обширны и большею частью чрезвычайно важны. Самая сильная энергія человѣка не въ состояніи была бы справиться съ ними безъ примѣненія къ нимъ особой системы. Но Гладстонъ на столько же человѣкъ энергичный, настолько и методичный, и каждый день онъ оканчиваетъ всѣ дѣла, приходящіяся на этотъ день. Его корреспонденція, какъ

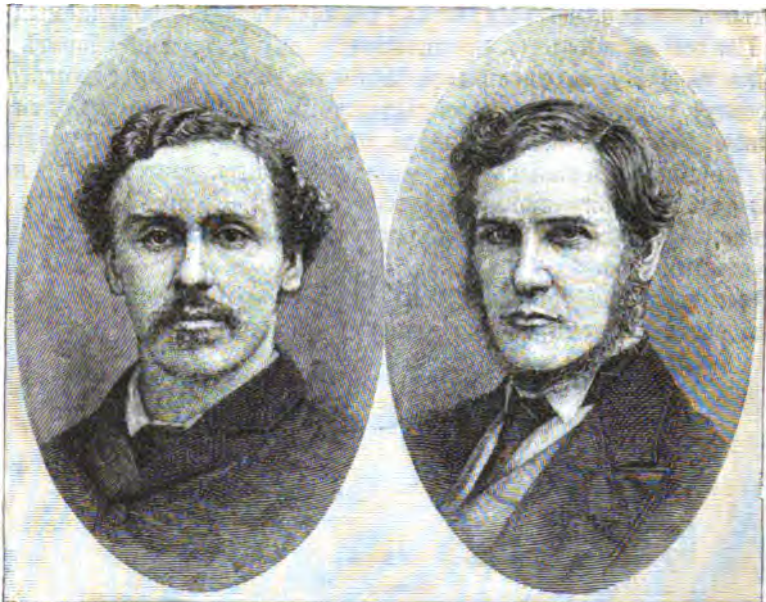
частная, такъ и официальная—громадна, но она ведется очень простымъ способомъ. Секретарь распечатываетъ получаемыя на имя Гладстона письма и прочитываетъ ему ихъ, и на оборотѣ подписываетъ фамилію писавшаго, а также пишетъ въ самомъ сжатомъ видѣ содержаніе письма. Гладстонъ просматриваетъ эти отмѣтки и излагаетъ общій смыслъ отвѣта, если таковой требуется. Если же письмо оказывается важнымъ или касается денежныхъ дѣлъ, то Гладстонъ прочитываетъ его самъ. Но изъ ста случаевъ въ девяносто девяти онъ довольствуется только изложеніемъ краткаго отвѣта.

Въ прежнее время Гладстонъ, при своей неутомимой энергіи, велъ собственноручную переписку съ своими корреспондентами.

Новый замокъ Гауэрдень.

Каждый надобѣдливый человѣкъ и даже каждый негодяй, который не пожалѣлъ бы одного пени на почтовую марку, могъ надѣяться получить отъ него собственноручный отвѣтъ, написанный хорошо-знакомою рукою и еще съ болѣе извѣстною подписью. Теперь такую работу Гладстонъ преимущественно поручаетъ своему секретарю и хотя онъ ежедневно пишетъ самъ много писемъ, но число ихъ находится въ весьма слабомъ пропорціональномъ отношеніи къ числу тѣхъ писемъ, которые получаютъ на его имя. Онъ безъ злаго намѣренія нанесъ сильный ударъ тѣмъ, кто желаетъ имѣть съ нимъ частную корреспонденцію. У него имѣются заготовленные литографическіе оттиски, съ собственноручнаго его

Гербертъ и В. Г. Гладстоны.

оригинала. Въ этихъ спискахъ Гладстонъ выражаетъ корреспондентамъ свою признательность за ихъ вниманіе и увѣряетъ ихъ въ своемъ къ нимъ уваженіи и преданности. Между тѣмъ, ничего не подозрѣвающіе корреспонденты, не умѣющіе отличить литографированнаго отъ написаннаго рукою, полагаютъ, что великій государственный человѣкъ отвѣтилъ каждому изъ нихъ собственно ручно.

Не смотря на то, что Гладстонъ предоставилъ значительную часть своей переписки секретарю, самому ему все-таки приходится каждый день писать не мало писемъ. Въ палатѣ общинъ постоянно можно видѣть, какъ премьеръ, сидя на своемъ мѣстѣ, пишетъ письмо, положивъ его на приподнятое колѣно. Такое положеніе пишущаго очень не удобно и дѣлаетъ писаніе работой слишкомъ затруднительной. Въ добавокъ къ тому, такой работой Гладстону часто приходится заниматься и поздною ночью, послѣ трудового дня, въ такую пору, когда заурядные люди укладываются въ хорошо-постланную постель, смыкаютъ глаза и тотчасъ же засыпаютъ. Когда пренія затягиваются на долго и нескончаемая болтовня отнимаетъ у публики время по-пустому, тогда Гладстонъ пишетъ свои письма, вполне основательно предполагая, что такія пренія кончатся благополучно и безъ его вмѣшательства. Онъ очень

хорошо понимаетъ, что у него времени не много а между тѣмъ ему необходимо написать спѣшное письмо.

Однажды ночью, въ послѣднюю сессію парламента, когда ирландскіе члены, въ сильномъ возбужденіи, раздѣлились въ корридорахъ палаты на кучки, и переходили съ мѣста на мѣсто, Гладстонъ успѣлъ написать множество писемъ. Онъ писалъ ихъ на ко-

Миссисъ Гладстонъ.

лѣнѣ, оставаясь на своей скамьѣ. Когда же зазвонили въ колокольчикъ, то онъ оставилъ эту работу и съ юношескимъ проворствомъ протискался сквозь толпу. Во время перерыва, онъ случайно присѣлъ къ письменному столу и набросалъ на бумагу послѣдовательную нить своей рѣчи въ то время, когда около него толпились члены палаты. Онъ писалъ такъ усердно, какъ будто привыкъ всю жизнь работать изъ - за какихъ нибудь десяти

пенсовт. Когда же послѣдній изъ членовъ палаты вышелъ изъ корридора, мистеръ Гладстонъ всталъ отъ письменнаго стола и занялъ въ залѣ свое обычное мѣсто. Надобно замѣтить, что во время преній и расхаживанія депутатовъ Гладстонъ велъ весьма важную корреспонденцію.

Но если замѣчательна способность Гладстона сосредоточивать свои мысли при шумѣ преній, то еще болѣе замѣчательно то, что въ то же самое время вниманіе его бываетъ поглощено тѣмъ, что происходитъ въ палатѣ. Смотря на Гладстона, быстро пишущаго своимъ изящнымъ почеркомъ, никто не подумаетъ, что этотъ человекъ, приподнявшись съ мѣста, можетъ заговорить такимъ внятнымъ голосомъ, который подобенъ грохоту отдаленнаго грома. Когда онъ представляетъ свой докладъ, то докладъ его нисколько не отдалается отъ дѣйствительныхъ фактовъ. Если же ему приходится выслушивать чужой докладъ о чемъ либо, бывшемъ въ прежнее время, или если что либо выставляется въ докладѣ въ ложномъ свѣтѣ, то онъ приостанавливается писать и, посмотрѣвъ вопросительно на оратора, внушительно качаетъ головою или представляетъ какія нибудь неотразимыя поправки и принимается снова писать. Повидимому, онъ долженъ быть чрезвычайно способенъ къ разговору по телефону. Можно предполагать, что съ какою мѣстностью ни переговаривался бы онъ, онъ, по данному сигналу, можетъ тотчасъ, точно такъ же превосходно, заговорить и съ другою.

Въ статьѣ, которою мы теперь пользуемся, приведенъ слѣдующій примѣръ его трудолюбія по письменной части. Въ 1878 году, на митингѣ, происходившемъ въ Оксфордѣ, Гладстонъ прямо высказалъ свое намѣреніе низвергнуть лорда Биконсфильда. Тогдашній премьеръ презрительно отнесся къ публикѣ, составлявшей митингъ, къ которой, однако, онъ потомъ самъ обратился, и при этомъ приписалъ Гладстону такія фразы, какихъ онъ вовсе не говорилъ на упомянутомъ митингѣ. Тогда Гладстонъ прибѣгнулъ къ неупотребительному, вообще, способу объясненій. Онъ, безъ малѣйшей жалости къ Биконсфильду, отправилъ къ нему содержаніе своей рѣчи и потребовалъ отъ него отвѣта. Свое письмо и данный на него Биконсфильдомъ отвѣтъ, Гладстонъ прочелъ въ палатѣ общинъ при самомъ оживленномъ ея настроеніи. Послѣ того — рассказываетъ авторъ статьи — я желалъ сообщить для напечатанія этотъ случай съ болѣею точностью, почему и обратился къ Гладстону съ просьбою о присылкѣ мнѣ копии съ переписки его съ Биконсфильдомъ. По прошествіи получаса я получилъ просимую копию, собственноручно переписанную Гладстономъ.

Гладстонъ такъ же быстро прочитываетъ ежедневныя газеты, какъ быстро ведетъ свою корреспонденцію. Въ Гауэрднѣ онъ получаетъ всѣ лондонскія газеты, но ему достаточно бываетъ полчася, чтобъ ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Въ продолженіе многихъ

Гладстонъ и его сестра (1811).

гѣтъ, онъ привыкъ читать «Pall Malle Gazette». Къ чтенію утреннихъ газетъ присоединяется еще и чтеніе вечернихъ, такъ что англійскій премьеръ имѣетъ полную возможность узнавать направленіе общественнаго мнѣнія. Впрочемъ, онъ и безъ помощи газетъ отличается способностью чутъ все происходящее кругомъ его и если бы ему не удалось быть первымъ министромъ, то изъ него вышелъ бы превосходный редакторъ. Онъ въ полчаса узнаётъ изъ лондонскихъ газетъ все то, что для зауряднаго читателя потребовало бы, по крайней мѣрѣ, полдня.

Достаточно одного взгляда на гостиную Гладстона, дабы убѣдиться, что онъ въ цѣломъ свѣтѣ личность наиболѣе всѣхъ другихъ фотографируемая. Столы въ его комнатахъ буквально завалены фотографіями; на которыхъ его, всѣмъ знакомая, личность изображена во всевозможныхъ позахъ. Мистеръ Гладстонъ подчиняется желанію фотографовъ по той же самой причинѣ, по которой ему приходится переносить съ неохотой и другія подобнаго рода испытанія. Онъ сознаётъ то вліяніе, какое онъ приобрѣлъ на публику, желающую имѣть его фотографіи, и исполняетъ ея желаніе. Трудно сосчитать то количество времени, какое онъ провелъ, сидя неподвижно передъ фотографическою камерою. Онъ снимается у

фотографовъ не только часто, но и быстро, и приобрѣлъ такой навыкъ, что, въ сущности, онъ только приходитъ и уходитъ отъ нихъ. Наглядный тому примѣръ былъ при посѣщеніи имъ фотографіи Валькера. Премьеръ назначилъ этому художнику только пятнадцать минутъ срока, въ продолженіе которыхъ онъ стоялъ неподвижно и въ это время было снято съ него пятнадцать негативовъ. Въ свою очередь живописецъ мяслынами красками, мистеръ Миле, года два тому назадъ, выставилъ въ академіи большой портретъ премьера и послѣ того отправилъ его для выставки по всей Англии. Портретъ этотъ считается лучшимъ произведеніемъ знаменитаго художника.

Большаго вниманія, чѣмъ портретъ Миле, заслуживаетъ маленькій нарисованный на слоновой кости портретъ, находящійся въ гостиной гауэрденайскаго замка. На портретѣ этомъ представленъ пухленькій мальчуганъ, около двухъ лѣтъ. Онъ сидитъ подлѣ крошечной дѣвочки, на колѣняхъ у которой положена развернутая книга и въ эту книгу мальчуганъ тычетъ указательнымъ пальцемъ. Этотъ кроткій мальчикъ—теперь тотъ старецъ, который сидитъ въ другой комнатѣ и котораго отъ упомянутаго дѣтскаго портрета отдѣляетъ уже семьдесятъ лѣтъ жизни, а дѣвочка—умершая уже его сестра. Портретъ этотъ былъ снятъ въ Ливерпулѣ въ то время когда тамъ жилъ отецъ нынѣшняго премьера, Джонъ Гладстонъ.

Та страсть къ убранству домовъ, которая нынѣ господствуетъ какъ въ Лондонѣ, такъ и во всей Англии, не коснулась вовсе гауэрденайскаго замка. Посѣтителемъ замка болѣе всего бросается въ глаза находящаяся въ столовой зеленая покрывка стола въ соединеніи съ ярко-краснымъ цвѣтомъ матеріи, изъ которой сдѣланы подушки на стулья. Была, однако, пора, когда мистеръ Гладстонъ съ чрезвычайною энергіею составлялъ коллекціи изъ стараго фарфора. Въ это время онъ столько же заботился о какомъ нибудь черепкѣ, чашкѣ или соусникѣ, сколько и о критической поправкѣ поземельнаго билля. Но въ 1874 году онъ распродалъ свою коллекцію фарфора и удержалъ только коллекцію вещей изъ слоновой кости, а также коллекцію драгоценныхъ камней. Эти двѣ коллекціи занимаютъ въ Гауэрденѣ два обширные кабинеты, но собственно онѣ принадлежали покойному брату премьера.

Въ гауэрденайскомъ замкѣ, какъ и вообще во всѣхъ наслѣдственныхъ имѣніяхъ англійскихъ дворянъ, находится много хорошихъ семейныхъ портретовъ, но миссисъ Гладстонъ скромно замѣчаетъ, что въ Гауэрденѣ можно видѣть только одинъ достойный вниманія портретъ, а именно—портретъ сэра Кенельма Дигби, нарисованный Ванъ-Дикомъ. Въ столовой виситъ портретъ Серджента Глэйна, родоначальника этой фамилии, а противъ этого портрета помѣщена прелестная семейная группа. Съ лѣвой стороны находится портретъ Стефена Глэйна, отца миссисъ Гладстонъ. Портреты миссисъ

Гладстонъ и сестры ея, лэди Литльтонъ, занимають мѣсто между портретами ихъ отца и ихъ матери. Тутъ же находятся портреты сэра Джона и лэди Глэйна. Въ саду, прямо передъ замкомъ, сэръ Джонъ Глэйнь развелъ палисадникъ, въ которомъ деревья достигли очень значительной вышины и въ лѣтнюю пору они даютъ прохладное убѣжище подъ своею тѣнью.

По заламъ замка разставлено много бюстовъ. Въ числѣ ихъ находится и бюстъ Гладстона, изваянный Марокетти. Въ гостиной поставленъ бюстъ миссисъ Гладстонъ, сдѣланный въ 1839 году въ Римѣ, Макдональдомъ. По правой сторонѣ этого бюста находится бюстъ Питта, а въ углу, около камина, сдѣланъ рельефомъ бюстъ Герберта Гладстона, въ дѣтской шапочкѣ, сидящаго подлѣ своей сестры. Книги, подаренныя авторами Гладстону, представляютъ какъ бы походный очеркъ жизни премьера. Кромѣ книгъ, находящихся въ библиотекѣ, шкафы съ книгами размѣщены еще и въ приемной, и въ столовой.

Мистеръ Гербертъ Гладстонъ, когда гоститъ въ Гауэрднѣ, то живетъ въ замкѣ, а старшій сынъ премьера, Вильямъ Гладстонъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Стефеномъ, живетъ въ ректорскомъ домѣ, который соединенъ съ замкомъ телефономъ.

Б. Н. В.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЧОРТА.

Враждебныя отношенія природы и человѣка.—Созданіе боговъ.—Борьба добра и зла.—Начало религій.—Наука и сверхъестественныя явленія.—Злой духъ въ народныхъ разсказахъ.—Книга о чортѣ.—Ормуздъ и Ариманъ.—Идеи о вѣрованіи первобытнаго человѣка.—Боги дикарей.—Сатана семитовъ.—Арійскіе боги.—Эллинскіе демоны.—Средневѣковой чортъ.—Поклоненіе звѣздамъ и борьба ангеловъ.—Видѣніе св. Гильдегарды.—Гдѣ находится адъ.—Сверхъестественный огонь.—Вездѣсущность чорта.—Аббатъ Рихальтусъ.—Сколько чертей на землѣ.—Царство чорта.—Адъ по изображенію кабалы и визионеровъ.—Чертовскія имена.—Адская іерархія.—Наружность чорта и его превращенія.—Инкубы и сукубы.—Сожженіе дѣтей чорта.—Какое у него тѣло?—Роль искуителя.—Бѣсноватые.—Научные и легендарные факты.—Лекарства, прогоняющія чертей.—Добрый чортъ.—Исторія феодаловъ и сборщика податей.—Легенда о либеральномъ возрѣніи на вѣчныя муки.—Возможно ли чорту спастись и получить прощеніе?

СЪ ТѢХЪ поръ какъ въ человѣкѣ стала развиваться мыслящая способность и онъ началъ, сознательно относиться къ окружающей его природѣ, грозные феномены ея производили на него, конечно, гораздо больше впечатлѣнія, чѣмъ мирныя картины періодически повторяющихся, всеневныхъ явленій. Отвоевывая себѣ, въ борьбѣ за существованіе, мѣсто на землѣ среди страшныхъ стихійныхъ силъ и враждебнаго ему міра животныхъ, человѣкъ легко могъ напасть на мысль о существованіи другихъ созданій, одаренныхъ больше его силою сопоставляться разрушительнымъ элементамъ природы. Тогда онъ сталъ создавать, по своему образу и подобию, боговъ, одаряя ихъ прежде всего свойствами, какихъ недоставало ему самому: громадною крѣпостью, несокрушимостью, безсмертіемъ. Сначала фигура первобытнаго бога являлась грозною, карающею, раз-

рушительною, какъ преобладающія въ природѣ, стихійныя явленія. Потому идея справедливости придала этому богу свойства милости, умиротворенія, благоволенія къ смертнымъ. Но зло, истребленіе, погибель продолжали царить вокругъ человѣка и образъ все-сильнаго существа раздвоился: явились два, одинаково могучія, но не одинаково дѣйствующія созданія: одно надѣляло людей всѣми благами жизни, другое губило ихъ, увлекало къ преступленіямъ, къ истребленію своихъ братьевъ. Добро и зло, олицетворяясь въ отдѣльныхъ существахъ, легли въ основаніе первыхъ религій древняго міра. Ормуздъ и Ариманъ, Озирись и Тифонъ, дивы и пери, амшаспанды и дарванды, духи свѣтлаго неба и мрачной преисподней начали, по системѣ дуализма, управлять и человѣкомъ и міромъ, въ которомъ также стали во враждебное отношеніе между собою два начала—духовное и тѣлесное. Всѣ мифологіи наполнены разсказами о борьбѣ двухъ силъ, которая должна все-таки кончиться побѣдой добраго начала. Это служитъ утѣшеніемъ человѣку въ томъ печальномъ явленіи, что въ жизни на землѣ почти всегда преобладало и побѣждало зло. Эта побѣда зависѣла частью и отъ того, что человѣкъ приписалъ слишкомъ много власти враждебному, демоническому началу, одарилъ его такою сверхъестественною силою, что передъ его могуществомъ должна была склониться здравая мысль и авторитетъ науки. Какой громадный вредъ принесла человѣчеству вѣра его во всемогущество злого начала—доказываютъ страницы исторіи, испещренныя именами безчисленныхъ жертвъ, погибшихъ во имя чудовищной фикціи, что они поклоняются не богу, а дьяволу. Древніе народы не надѣляли своего духа зла такою властью, чтобы онъ могъ нарушать естественные законы природы и поэтому жертвы его въ эту эпоху были не такъ многочисленны. Еще Цицеронъ говорилъ, «что если религія, основанная на познаніи природы, имѣетъ право на наше уваженіе, то вѣрованія, грубо противорѣчащія этому познанію—являются бичомъ для общества». Наше время пошло еще дальше, утверждая, что до тѣхъ поръ, пока сверхъестественный элементъ будетъ вмѣшиваться въ наши понятія о жизни и мірѣ, тормозя свободныя изслѣдованія науки, побѣда разума и здраваго смысла не можетъ считаться окончательною. Наука не признаетъ совмѣстнаго существованія естественнаго и сверхъестественнаго элемента: но все, чего она не объясняетъ себѣ въ настоящемъ—можетъ быть разъяснено въ будущемъ. Мы далеко не знаемъ всѣхъ законовъ природы, да и тѣ, какіе знаемъ, еще не вполне изслѣдованы нами. Многое, что теперь кажется намъ невозможнымъ, возможно въ будущемъ. Изъ этого не слѣдуетъ однако же, чтобы мы должны были вѣрить тому, что отвергаетъ логика и законы науки. И, однако, человѣческая фантазія во всѣ времена создавала факты и преданія, противорѣчащія и наукѣ, и здравому смыслу. Къ такимъ преданіямъ при-

надлежать безчисленные рассказы, относящиеся къ роли, занимаемой въ исторіи человѣчества злымъ духомъ или чортомъ, какъ называется его народъ. Прослѣдить въ народныхъ легендахъ всѣ появленія чорта между людьми, его сношенія съ ними, продѣлки, похождения, искушенія всякаго рода, въ какія онъ вводитъ человечество—дѣло нелегкое, и дѣломъ этимъ занялся французскій писатель Жюль Бессакъ, авторъ книги «Начало религіи» (*Les origines de la religion*). Въ концѣ прошлаго года издалъ онъ не менѣе замѣчательное сочиненіе подъ названіемъ «*Le Diable*», въ которомъ разбираетъ критически, съ философской точки зрѣнія, всѣ сохранившіяся въ народѣ преданія о врагѣ рода человѣческаго, прослѣдивъ ихъ съ древнѣйшихъ временъ до эпохи реформаціи. Такимъ образомъ серьезный и любопытный трудъ Бессака еще далеко не конченъ, и авторъ обѣщаетъ возвратиться къ нему впоследствии. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ, въ книгѣ этой столько интересныхъ подробностей, что мы сочли не лишнимъ познакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ главными выводами и положеніями Бессака, представившаго, на основаніи официальныхъ документовъ, довольно подробный сводъ всего, что было до него написано объ этомъ предметѣ. А что предметъ этотъ заслуживаетъ вниманіе мыслителя, доказываетъ хотя-бы тотъ фактъ, что одинъ изъ ученѣйшихъ нѣмецкихъ писателей прошлаго вѣка, Христіанъ Томазіи, профессоръ юриспруденціи въ Галле, считалъ, что до начала XVIII столѣтія одни судилища инквизиціи истребили 9.440,000 человѣкъ за сношеніе съ чортомъ, и *adomajorem Dei gloriam*. Если къ этому числу прибавить число лицъ, морально загубленныхъ чортомъ, какъ бѣсноватые, конвульсіонеры, колдуны, вѣдьмы и т. п., то сумма жертвъ человѣческихъ суевѣрій и предразсудковъ достигнетъ громадной цифры. Представимъ же главнѣйшіе результаты изысканій французскаго автора, дополнивъ ихъ, гдѣ нужно, свидѣтельствомъ и другихъ писателей изъ богатой литературы демонологіи.

Книга Бессака раздѣляется на двѣ части: въ первой разсматриваются преданія о самомъ чортѣ, во второй—о лицахъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія. Обратимся сначала къ легендарному, но засвидѣтельствованному историческими документами, происхожденію и, такъ сказать, социальному положенію чорта между людьми, оставивъ въ сторонѣ всѣ теологическія отношенія къ нему.

Бессакъ начинаетъ съ изслѣдованія иранскаго преданія о происхожденіи двухъ враждующихъ между собою началъ, добраго и злого, Агурамазда (Ормуздъ) и Агро Майнія (Ариманъ), происходившихъ отъ одного отца. Ариманъ былъ младшимъ братомъ, но, въ мірѣ и надъ людьми имѣлъ больше власти, чѣмъ старшій братъ, олицетворявшій доброе начало. Дѣйствительно, первобытный человѣкъ не имѣлъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы бороться съ природою,

вездѣ видѣлъ онъ врага, свое существованіе поддерживалъ только нападая и защищаясь. Война каждого и всѣхъ, противъ всѣхъ и каждого, была необходимымъ условіемъ его жизни, какъ бродячаго охотника. Идея мирнаго труда развилась въ немъ только когда онъ перешелъ въ пастушеское состояніе, а изъ пастуха сдѣлался землепашцемъ. Съ добровольнымъ трудомъ къ человѣку вернулось спокойствіе духа и мирное настроеніе; постепенно онъ научился находить удовольствіе въ созерцаніи величественныхъ картинъ природы, въ звукахъ, краскахъ. Онъ научился веселиться, тогда какъ первобытный человѣкъ не умѣлъ даже смѣяться. У дикарей, стоящихъ на низшей антропологической ступени, лицевыя мускулы весьма мало подвижны, и выраженіе лица ихъ постоянно строго или безпокойно. Дикарь вѣчно на сторожѣ, въ немъ сильно развиты органы чувствъ, но не чувствительность. Религія его основана на страхѣ; онъ прежде всего боится своего бога. Первая идея о богѣ, говоритъ Лэббокъ, почти вездѣ представляетъ его злымъ существомъ. Въ Африкѣ, въ Полинезіи, дикія племена приносятъ болѣе жертвъ злему, нежели доброму существу; это же замѣтили европейцы, открывшіе Новый Свѣтъ. Фетишизмъ поклоняется самымъ свирѣпымъ звѣрямъ. Въ Африкѣ богъ мадинговъ—левъ; убійство его считается оскорбленіемъ величества. Въ индійскомъ архипелагѣ воздаютъ божескую почесть тигру. Быть съѣденнымъ имъ—считается религіознымъ жертвоприношеніемъ. Крокодилы, змѣи, хищныя птицы служатъ предметомъ поклоненія многихъ племенъ. Правда, между ними очень смутно пониманіе добра и зла, и оно часто сводится на извѣстный отвѣтъ одного бушмена: «зло—это когда берутъ у меня моихъ женъ, добро—когда я могу взять чужую жану». Понятіе объ истинномъ добрѣ и злѣ развивается дѣйствительно въ болѣе позднѣйшія эпохи соціального быта. У Эсхила Прометей говоритъ, что умъ развился у людей, только послѣ того, какъ титанъ свелъ имъ съ неба огонь; до тѣхъ поръ они жили вѣка, смотря, но ничего не видя, слушая, но ничего не понимая. Различіе добра и зла въ своемъ основаніи лежитъ въ противоположности удовольствія и страданія. Слово сатана, одно изъ самыхъ древнихъ на языкѣ семитовъ, означаетъ врага, противника. Каждая сила въ природѣ, противившаяся человѣку, и съ которой онъ долженъ былъ бороться, считалась демоническою. И въ ребенкѣ боязнь передъ карающимъ существомъ развивается прежде, нежели любовь къ существу благотворящему. У однихъ арійцевъ богъ олицетворялъ добро, у семитовъ онъ былъ только всемогущимъ, карающимъ богомъ, мстящимъ за оскорбленіе до десятаго колѣна. Только арійскій богъ могъ выродиться въ человѣчнаго Зевса. Демоны древнихъ были безразлично добрыми или злыми существами, иногда тѣми и другими вмѣстѣ, но всегда нерасположенными къ человѣку.

Эллинскій культъ былъ высшимъ и благороднѣйшимъ выраженіемъ вѣроваій древняго міра.

Средневѣковыя преданія причисляли и чорта къ существамъ созданнымъ богомъ. Думать, что зло, символомъ котораго былъ сатана, независимо отъ творца и составляетъ отдѣльное начало, противоположное началу добра, т. е. самому богу, значило быть манихейциномъ, послѣдователемъ Манеса, ересіарха III вѣка, вводившаго въ новую религію персидскую идею дуализма. Идея возстанія злыхъ духовъ противъ своего творца, возникла только со времени вавилонскаго плѣненія, когда семиты познакомились съ легендою объ Ариманѣ, господствовавшей на берегахъ Евфрата и Тигра.

Поклоненіе звѣздамъ у древнихъ семитовъ послужило основаніемъ преданію о борьбѣ ангеловъ. Самая свѣтлая звѣзда южнаго полушарія, называемая евреями Гиллель, по латини Люциферъ, исчезла съ горизонта. Это былъ ангелъ, осмѣлившійся возстать противъ своего творца, и за это низвергнутый съ неба и сдѣлавшійся главою злыхъ духовъ. Легенду о его возстаніи передалъ Мильтонъ въ своемъ «Потерянномъ Раѣ», но она была не единственною въ теченіи среднихъ вѣковъ. Одна изъ знаменитыхъ визионерокъ, св. Гильдегарда, въ книгѣ написанной подъ ея диктовку, названной «Scivias», и одобренной св. Бернардомъ и папою Евгениемъ III, рассказываетъ подробно, какъ великій драконъ, т. е. сатана и діаволь, былъ низвергнутъ съ неба на землю, со всѣми своими ангелами. Съ тѣхъ поръ всѣ звѣзды арміи великаго дракона, купавшіяся до той минуты въ волнахъ свѣта, теперь совершенно погасли, и походятъ на черные угли, обожженные огнемъ. Страшный вихрь, выпешдшій изъ бездонной глубины, низвергнулъ возставшихъ на сѣверъ, въ такія пропасти, что никто съ тѣхъ поръ не зналъ, куда они скрылись. Клеманъ Эльба, въ своей книгѣ «Исторія Сатаны», говоритъ, что современная астрономія видитъ въ звѣздномъ небѣ почти треть пространства теперь пустымъ, но когда-то наполненнаго звѣздами, а Мирвиль, католическій демонографъ и спиритъ, утверждаетъ прямо, что послѣдній геологическій переворотъ на землѣ произошелъ вслѣдствіе этой битвы звѣздъ на небѣ. Что касается до мѣста, куда были низвергнуты падшіе духи, преданіе указывало на него съ давнихъ временъ, но окончательно подтвердилъ это извѣстный Сегюръ. Въ своей книгѣ объ адѣ, онъ говоритъ: горящія бездны центральнаго земного огня, представляютъ мѣсто, куда по воскресеніи изъ мертвыхъ, будутъ низвергнуты тѣла грѣшниковъ. Католики изъ тридентскаго собора указываютъ опредѣлительно, что адъ находится въ центрѣ земли *in medio terrae*; того же мнѣнія былъ и св. Тома. Геологи представляютъ намъ этотъ центръ, какъ громадный огненный океанъ растопленной сѣры и смолы, какъ нѣчто до того ужасное, и вмѣстѣ съ тѣмъ величественное, что на землѣ ничто не можетъ

дать намъ объ немъ понятіе. Сегюръ прибавляетъ, что «хотя этотъ центральный геологическій огонь есть огонь естественный, но онъ сдѣланъ сверхестественнымъ (supernaturalisé) всемогуществомъ божескаго правосудія, для того, чтобы произвести весь эффектъ, требуемый этимъ обожаемымъ и ужаснымъ правосудіемъ, для того, чтобы проникнуть въ дужъ такъ же какъ и въ тѣло, и не сжечь тѣла грѣшника, а напротивъ сохранить его». Это же ученіе проповѣдывалъ Гома Аквинскій, утверждающій, что свѣтъ огня будетъ отдѣленъ отъ его свойства сжигать, и что это свойство сжигательное будетъ служить мученіемъ грѣшниковъ. Онъ прибавляетъ, что въ срединѣ земли, гдѣ находится адъ, огонь можетъ быть только темный, мрачный и полный дыма, а Сегюръ важно замѣчаетъ, что это подтверждается вполнѣ изверженіями вулкановъ.

Первоначальныя преданія говорили, что сатана и его ангелы заключены на тысячу лѣтъ въ безднахъ ада, но съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько тысячъ лѣтъ, и поневолѣ пришлось отложить этотъ срокъ. Къ тому же появленіе всякаго рода чертей на землѣ, въ теченіи этихъ тысячелѣтій, было столько разъ документально засвидѣтельствовано разными протоколами и процессами, что приходилось убѣдиться въ полной свободѣ, данной нечистому искушать человѣчество. По свидѣтельству католическихъ прелатовъ, присутствіе злыхъ духовъ въ нашихъ общественныхъ дѣлахъ, бѣдствіяхъ, болѣзняхъ, порокахъ—несомнѣнно. Въ воздухѣ нѣтъ ни одного атома, въ водѣ ни одной капли, на землѣ ни одной пылинки, гдѣ бы не сидѣла нечистая сила. Для всѣхъ этихъ стихій въ католическомъ ритуалѣ существуютъ особыя формулы заклинанія и отчитыванія, подтверждающія свойства вездѣсущности чорта. Во Франціи, въ цистеріанскомъ монастырѣ, близъ Шентала, въ срединѣ XIII вѣка, жилъ блаженный аббатъ Рихальмусъ. Онъ написалъ объ этой вездѣсущности чорта любопытное сочиненіе «Книгу откровенія о хитростяхъ и уловкахъ демона по отношенію къ людямъ» (*Liber revelationum de insidiis et versatiis daemoneum adversus homines*). Рихальмусъ перечисляетъ всѣ эти хитрости и уловки: такъ, зачастую, послѣ обѣдни и обѣда, монаховъ мучило, вонечно по навожденію чорта; онъ же возбуждалъ въ нихъ головокруженіе, когда имъ надобно было слушать мессу. Чортъ занимался также тѣмъ, что уродовалъ монаховъ, придавая ихъ носамъ красоту и даже синеватый отливъ, надѣлая ихъ отвислыми губами, нагоняя на нихъ сонъ во время молитвы. Одинъ послушникъ говорилъ, что ему часто слышится странный звукъ, похожій на храпѣніе, и исходящій съ того мѣста на хорахъ, гдѣ сидитъ аббатъ. «Звукъ этотъ, сынъ мой, производятъ демоны», отвѣчалъ настоятель. Рихальмусъ, совершенно добродушно и наивно сообщающій подобныя вещи, говоритъ, что человекъ со всѣхъ сторонъ окруженъ постоянно нечистою силой такъ

плотно, что струя воздуха съ трудомъ можетъ проникнуть между нимн. Съ увеличеніемъ суевѣрія, число чертей доходило дѣйствительно до такихъ цифръ, какія не въ силахъ была перечислить статистика демонологіи. Въ концѣ XVI вѣка, вѣнскій епископъ докторъ Гаспаръ Нейбекъ въ церкви св. Варвары изгналъ изъ 16-ти-лѣтней дѣвушки Анны Шлюттербауеръ 12,652 чорта. Протоколъ этой операціи, подписанный самимъ прелатомъ, сохраняется въ вѣнскихъ архивахъ, и его приводитъ современный австрійскій писатель Августъ Зильберштейнъ, въ своемъ сочиненіи «Denksaellen im Gebiete der Cultur und Litteratur, т. III. Tenfel und Hexen». Еще раньше Нейбека, архіепископъ Турпинъ, въ гальскомъ городѣ Вѣннѣ, въ день смерти Карла Великаго, подошелъ къ окну, привлеченный необычайнымъ шумомъ извнѣ. Шумъ походилъ на жужжаніе несмѣтныхъ роевъ саранчи. Это были демоны, отправлявшіеся присутствовать при послѣднихъ минутахъ умирающаго монарха, для того, чтобы постараться захватить его душу, при выходѣ ея изъ тѣла. Ихъ было такъ много, прибавляетъ архіепископъ, что дневной свѣтъ померкъ, и никто не былъ бы въ состояніи сосчитать ихъ. Еврейскіе кабалисты высчитываютъ, что каждый изъ людей окруженъ одиннадцатью тысячею чертей, изъ которыхъ тысяча по правую сторону и 10,000 по лѣвую. Какое же баснословное число чертей нужно для всѣхъ жителей нашей планеты?

Царю Соломону, утверждаетъ кабала, удалось посредствомъ магическихъ заклинаній поймать нѣсколько миллионовъ чертей, которыхъ онъ упряталъ въ большой мѣдный котелъ и бросилъ ихъ въ болото близъ Вавилона. Жители города, найдя котелъ, вообразили, что въ немъ спрятанъ кладъ, открыли крышку и черти разлетѣлись. Въ той же кабалѣ говорится, что Соломонъ долгое время держалъ у себя въ заключеніи, въ маленькой склянкѣ, 522,280 чертей. Демонографъ XVI вѣка, Вейеръ, возстававшій противъ казни колдуновъ и колдуній, приводитъ ненавѣстно откуда взятую точную цифру адской арміи. Цифра эта простирается до 44.635,569 чертей, не считая миллиардовъ гномовъ, кобольдовъ, оборотней и другой мелкой нечистой силы, вращающейся атомистическими массами во всѣхъ царствахъ природы. Нечего удивляться поэтому, что весь міръ нашъ находится во власти чорта, *princeps hujus mundi*.

Царство чорта также обширно: границы его тамъ, гдѣ оканчивается мірозданіе, оно веадѣ, гдѣ смерть, разрушеніе, грѣхъ, преступленіе. Но основываясь на словахъ преданія, что падшіе духи заключены въ преисподнюю, жилищемъ ихъ считали внутренность земли. Въ первые вѣка называли вулканы и даже сѣрные источники — отдушниками ада, и это мнѣніе было освящено въ VI вѣкѣ авторитетомъ папы Григорія Великаго. При Веспасіанѣ произошло изверженіе горы Везвія, которое христіане называли «отрыжкой дьявола». Одно изъ свѣтилъ церкви XI вѣка, кардиналь Петръ

Даміанъ говоритъ, что властитель Кануи, Пандольфъ, смерть котораго совпала съ изверженіемъ Везувія 981 года, испытываетъ на днѣ его кратера мученія осужденнаго. Историкъ Гейстербахъ утверждаетъ, что другого грѣшника, проклятаго церковью, Бертольда Церрингенскаго, черти мучаютъ въ кратерѣ Этны. Въ тотъ же кратеръ чертинесли душу добраго, но большаго гуляки, короля Дагоберта, награждая его по дорогѣ пинками, когда св. Денисъ, Мартинъ и Маврикій бросились съ небесныхъ высотъ на адскій кортежъ, разогнали его и перехватили королевскую душу.

Нѣкоторые изъ теологовъ, какъ напримѣръ Теодоретъ, помышляли, правда, мѣстопребываніе чертей за предѣлами земли, въ вѣчномъ мракѣ воздушныхъ сферъ, но большинство возставало противъ этого мнѣнія. Протестантскій докторъ XVI вѣка, Гаспаръ Пейкеръ, ученикъ и зять Меланхтона, свидѣтельствуетъ, что онъ самъ слышалъ, какъ въ вулканѣ Геклы стонутъ осужденные грѣшники, а Клеманъ д'Эльбе вычислилъ даже, что температура огня, въ которомъ они жагются въ аду, доходитъ до 195,000 градусоѡ. Еврейскіе ученые оставили намъ подробное топографическое описаніе ада. Кабала говоритъ, что онъ имѣетъ форму воронки и состоитъ изъ семи поясовъ, каждый въ 60,000 разъ больше слѣдующаго за нимъ. Увлеченные фантазіей, эти господа не рассчитали, что полагая даже нижній поясъ, равнымъ единицѣ, верхній седьмой занималъ бы надъ землею поверхность гораздо большую нежели окружность всей земли. Но цифры, какъ мы видѣли, нисколько не затрудняютъ и не пугаютъ мистиковъ. Каждый поясъ имѣетъ нѣсколько подраздѣленій, число которыхъ почему-то не показано. Въ каждомъ отдѣлѣ 7,000 мѣстъ заключенія; въ каждомъ изъ нихъ 7,000 ямъ, въ каждой ямѣ 7,000 скорпионовъ и тысяча бочекъ (отчего же не 7,000?) черной, кипящей смолы. Скорпионы семью своими щупальцами рвутъ тѣло грѣшниковъ. Наука, правда, насчитываетъ у скорпионовъ восемь щупальцевъ, но въ аду, вѣроятно, своя наука, и адскіе скорпионы щиплются большею семью своими щупальцами. Описаніями ада чрезвычайно богата мистическая литература. Всѣ знаменитые визионеры изображали его съ разными вариантами: Екатерина Риччи, Франциска Римская, Терезія, Обицій, Баронть и др. Всѣмъ извѣстно описаніе ада въ поэмѣ Данта, но, спустя столѣтіе послѣ него, такой же адъ видѣла лично Франциска Римская и прочла надъ дверьми его почти тѣ же слова: «Здѣсь мѣсто ада, безъ надежды и перерыва, гдѣ нѣтъ никакого покоя». Адъ, по словамъ ея, раздѣляется на три области, гдѣ муки постепенны и пропорціональны преступленіямъ. «Вездѣ мракъ, смрадъ, неописанныя страданія. Страшный драконъ, кольца котораго извиваются на днѣ пропасти, раскрываетъ у входа въ нее громадную пасть, изъ которой, какъ изъ глазъ и ушей его, выходитъ клубомъ мрачное пламя и зловонныя испаренія. Въ центрѣ сидитъ на тронѣ сатана,

голова котораго возвышается до вершинны бездны, а ноги касаются дна. Руки его простерты надъ черныи царствомъ, какъ знакъ власти. На лбу его — огромныя оленьи рога, безчисленныя вѣтви которыхъ свѣтятся какъ факелы. Но несмотря на царскую власть, горячія цѣпи приковываютъ его къ новоремному трону». Цезарій Гейстербахъ представляетъ адъ глубокою, страшною долиною, наполненною сѣрными запахомъ; на ней демоны играютъ въ мячъ душами грѣшниковъ. Посрединѣ — колодезь, закрытый раскладенной крышкою, поднимающеюся, по трубному звуку, чтобы пропустить души. Цезарій резюмируетъ слѣдующими словами мученія, ожидающія ихъ въ аду: «Pit, pit, pox, vermis, flagra, vincula, rus, rador, hotgor» (смола, снѣгъ, ночь, червь, бить, цѣпи, гной, позоръ, ужасъ).

Демонотрафы свидѣтельствуютъ, что въ царствѣ бѣсовъ существуетъ строгая іерархія. Подъ монархическимъ управленіемъ Вельзевула соединены высшіе и низшіе чиновники, съ титулами соответственными герцогамъ, графамъ, маркизамъ и баронамъ, съ гражданскими чиновниками разныхъ классовъ и даже съ орденами. Великій устроитель праздниковъ и удовольствій адскаго двора называется Ниббасъ, директоръ театровъ — Кобаль, начальникъ тайной полиціи Нергаль; главный медицинскій инспекторъ при дворѣ Раммонъ не пользуется значеніемъ, говорятъ Вейеръ. Церемоній-мейстеръ, вводящій посланниковъ — Верделе, у другихъ писателей называется Жолибуа, Вержоли, и пр. Главный истопникъ, которому поручено поддерживать огонь адскихъ печей — Ксафанъ; смотритель надъ кухнями — Нисброкъ, надзиратель за хлѣбопеченіемъ — Дагонъ и др. Въ аду, какъ и на землѣ, есть города и села, потому что есть обер-архитекторъ Гальфасъ. Чиновники неувольняемы и получаютъ жалованье, такъ какъ есть казначей Мелькора и хранитель сокровищъ Гавіель. Неизвѣстно только, какою монетою выплачиваютъ содержаніе. Колдуньи, пользовавшіяся бѣсовскими щедротами, не скопляли богатства. По преданіямъ деньги, вынуживаемыя чортомъ, превращались въ карманахъ получившихъ ихъ — въ холодныя угли. Католицизмъ не считалъ обитателей ада тѣнями, какъ древніе римляне, а то можно было бы подумать, что между этихъ тѣнями обращались вѣсто денегъ тоже тѣни золота и серебра — ассигнаціи. Преданіе никогда не представляло себѣ чорта безтѣлеснымъ духомъ: оно всегда надѣляло его тѣми же органами, какими обладаетъ человѣкъ, и только приписывало ему способность — принимать на себя формы разныхъ животныхъ, преимущественно козла и кошки. Блаженная Маргарита-Марія Алакокъ, изобрѣтательница поклоненія «святому сердцу», говоритъ въ своей биографіи, что чортъ являлся ей «въ видѣ страшнаго мавра, съ глазами, горящими какъ два угля и скрежещущими зубами». Омѣ Аквинскому онъ показывался въ формѣ зѳіона, in forma Eriporis. Св. Агнеса видѣла его не разъ на кухнѣ

ланжакскаго монастыря, когда она была тамъ судомойкою во время своего послушничества. Онъ являлся въ видѣ ужаснаго дракона, извергающаго огонь изъ пасти и ноздрей; а однажды показался гигантскимъ зѣлопомъ, освѣщавшимъ кухню огнемъ своихъ глазъ и высовывавшимъ огненный языкъ въ футъ длиною. 1-го февраля 1620 года, молнія ударила въ соборъ Кемпер-Корантена. Жители, сбѣжавшіеся на пожаръ, увидѣли, что его разжигаетъ зеленый чортъ съ длиннымъ хвостомъ, такого же цвѣта. Протоколъ объ этомъ событіи утверждаетъ, впрочемъ, что иные видѣли его также синимъ и желтымъ. Такъ какъ пожаръ не могли потушить 150 бочекъ съ водой и 50 возовъ навозу, то прибѣгли къ другому средству: въ огонь бросали хлѣбъ съ запеченнымъ въ немъ кусочкомъ просвиры изъ причастія и вылили святую воду, смѣшанную съ молокомъ кормилицы хорошаго поведенія. Тогда чортъ улетѣлъ съ пожара съ страшнымъ свистомъ. Этому было свидѣтелемъ все городское населеніе набожныхъ бретонцевъ. И въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ приводимыхъ нами, существуютъ официально утвержденные документы.

Отъ I до XII вѣка, чорта видѣло множество лицъ, въ разныхъ формахъ: лошадыю, собакой, обезьяной, медвѣдемъ, жабой, ворономъ, быкомъ, грифомъ, центавромъ, минотавромъ. Монахи и отшельники, спасавшіеся въ пустыняхъ, встрѣчали его въ невозможныхъ формахъ: сфинксомъ съ человѣческой головой и длинными лапами, вооруженными острыми когтями; химерой съ зелеными глазами, хвостомъ и крыльями дракона, извергающею огонь изъ ноздрей, собакою съ обезьянней головою, краснымъ львомъ съ человѣческимъ лицомъ, съ тройнымъ рядомъ зубовъ, гигантскимъ муравьемъ съ львиною гривой и пр. Цезарій Гейстербахъ, францисканскій монахъ XI вѣка, пишетъ, что чортъ во всемъ похожъ на человѣка, только у него нѣтъ спины, *dorsa tamen non habet*. Въ Толедо, онъ вошелъ въ тѣло Маріи Гарсиа, въ видѣ анельсина. Шпенгеръ, авторъ «Молота Колдуній», говоритъ, что одна монахиня едва не проглотила его въ формѣ салата, но по счастью узнала (какимъ образомъ?) и во-время остановилась. Блаженной Христинѣ Стоммельнъ онъ являлся въ формѣ паука. Нѣсколько лѣтъ служилъ онъ доминиканцамъ въ Мекленбург-Шверинѣ поди видомъ обезьяны, работая на кухнѣ, метя полъ, поворачивая вертелъ, разливая вина. Святые отцы уже тогда догадались, кто служилъ у нихъ подъ именемъ Пука, и одинъ изъ нихъ написалъ книгу: «Правдивая исторія демона Пука». Въ 1545 году, въ Ротвейлѣ видѣли чорта на улицахъ въ формѣ зайца, гуся или хорька. Узнали чорта потому, что животные эти разговаривали съ прохожими. Въ одномъ изъ городовъ Саксоніи онъ явился къ священнику въ исповѣдальню, но тотъ узналъ нечистаго и чортъ скрылся, оставивъ послѣ себя такой запахъ, что всѣ бѣжали изъ церкви.

Въ Фрейбургѣ онъ выкинулъ еще болѣе дерзкую проѣлку, явившись въ облаченіи священника къ умирающему, чтобъ его исповѣдывать. Чортъ являлся даже на ученые лекціи. Перинатетикъ Аммоній, читавшій еще въ V вѣкѣ философію въ Александріи, говоритъ, что его лекціи чортъ приходилъ слушать въ формѣ осла. Въ 1546 году, на похоронахъ Лютера, стая вороновъ вилась надъ гробомъ реформатора. Добрые католики узнали въ ней чорта. Нерѣдко онъ принималъ на себя образъ живыхъ людей, чтобы ввести другихъ въ заблужденіе. Такъ, для того, чтобы дискредитировать Сильвана, епископа Назаретскаго, чортъ, подъ видомъ святителя, проникнулъ ночью въ спальню одной благородной горожанки, и когда та стала кричать, сбѣжавшійся народъ нашелъ чорта въ образѣ епископа и выгналъ его съ позоромъ. Враги Сильвана стали утверждать, что это былъ онъ самъ, но епископъ заставилъ чорта, преданіе не говоритъ только какимъ средствомъ, созваться въ своей адской хитрости. Къ Герону, египетскому пустыннику, чортъ явился въ видѣ свѣтлаго ангела и предложилъ вознести его на небо. Но едва Геронъ усѣлся на спину крылатаго посланца, какъ тотъ сбросилъ его въ колодезь, гдѣ и нашли его полумертвымъ. Въ Англіи, въ царствованіе Елисаветы, онъ являлся, то подъ видомъ протестантскаго пастора, то католическимъ проповѣдникомъ—смотря по обстоятельствамъ. Паписты увѣряли, что слышали его проповѣди—въ первой формѣ, пресвитеріанцы—во второй.

Кардиналъ Бона, въ своей книгѣ «О распознаваніи духовъ» (*De discretione spirituum*) говоритъ, что чорту не позволено являться только въ формѣ голубя и ягненка. Тоже подтверждаетъ аббатъ Риве въ сочиненіи «*La Mistique divine*». Онъ вооружается также противъ мнѣнія, что чортъ не можетъ являться въ формѣ барана и доказываетъ, что именно въ этой формѣ его видѣли св. Освальдъ и Франциска Римская. На констанцскій соборъ собралось, по словамъ гѣтописца, невѣроятное множество куртизанокъ (*incredibilis multitudo meretricium*). Нидеръ и Шпренгеръ утверждаютъ, что это были пероудѣтые черти, которымъ однакоже позволили спокойно жить въ Констанцѣ и присутствовать при сожженіи Иоанна Гусса.

Чортъ можетъ имѣть дѣтей отъ смертныхъ—это утверждали богословы. Принимая на себя, по желанію, тотъ или другой полъ, онъ называется, входя въ сношенія съ женщинами—инкубомъ, съ мужчинами—сукубомъ. Сомнѣваться въ этомъ—значитъ быть еретикомъ. Въ буллѣ, отъ 9-го ноября 1484 года, папа Иннокентій VIII возвѣщаетъ, что «къ крайнему его прискорбію, въ епархіяхъ Майнца, Кельна, Трира, Зальцбурга и Бремена, нѣкоторыя лица обоюго пола, забывая свое спасеніе и отдаваясь отъ католической вѣры предаются дэмонамъ, инкубамъ и сукубамъ». Впрочемъ, это вѣрованіе существовало и въ древности, перейдя, въ нѣсколько измененномъ

видѣ, въ первые вѣка христіанства. Августинъ говоритъ, что фавны и сатиры, называемые нынѣ инкубами, имѣють сношенія съ женщинами, какъ и демоны, называемые галлами—«дузы»; «это засвидѣтельствовано столькими лицами и такъ положительно, что было бы дерзостью отрицать это». Шпренгеръ въ названной уже нами книгѣ «Молотъ Колдуній», служившей, въ теченіи двухъ вѣковъ руководствомъ для духовной и гражданской инквизиціи въ дѣлахъ о колдовствѣ, говоритъ прямо, что нѣтъ почти ни одного колдуна, ни одной колдуньи, которая не имѣла бы тѣлесныхъ сношеній съ чортомъ. Въ архивахъ Вюрцбурга сохранился именной списокъ лицъ, сожженныхъ въ этомъ городѣ въ 1627 и 1628 годахъ, по приговору духовнаго суда, въ числѣ сорока двухъ, и между ними 25 дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, отъ 9-ти до 14-ти лѣтъ, рожденныхъ отъ сношеній чорта съ колдуньями. А сколько подобныхъ несчастныхъ жертвъ возмутительнаго безчеловѣчія и невѣжества погибло въ другихъ мѣстахъ! Въ Помераніи сожгли бѣдную десятилѣтнюю дѣвочку, заставивъ ее прежде, въ пытку, признаться, что она имѣла двухъ дѣтей отъ чорта и беременна третьимъ.

Не всегда отъ этихъ браковъ чертей рождались люди; иногда колдунья производила на свѣтъ змѣй, жабъ, крысъ, кротовъ, разныхъ уродовъ, даже мухъ или, наконецъ, безформенныя, слизистыя массы съ сѣрнымъ запахомъ, характеризующимъ демонское происхожденіе. За подобные выкидыши инквизиція также сожгла нѣсколько женщинъ. Повидимому, въ подобныхъ сношеніяхъ чортъ долженъ имѣть одну цѣль — погубить въ грѣхѣ избранную имъ жертву, но, по свидѣтельству теологовъ, оказывается, что чортъ можетъ быть влюбленъ до безумія, *perditissimus amator*. Это доказываетъ и капуцинъ Синистрари, въ своей книгѣ «De la Démonialité». Правда, за то другой демонографъ, Гуакцій, увѣряетъ, что чортъ любить страстно только кобыль. Это опровергается исторіей многихъ лицъ, соблазняемыхъ чортомъ, то въ видѣ красиваго юноши, то какъ женщина необычайной красоты. Св. Антонія, Станислава Костку и Арскаго священника онъ искушалъ въ видѣ безстыдной прелестницы. Отшельника Викторина въ его пещерѣ чортъ соблазнилъ, явившись къ нему въ бурю просить гостепріимства въ видѣ прекрасной путницы. Всѣ подобныя исторіи подтверждали, что чортъ является въ тѣлесномъ видѣ, но Латранскій соборъ 1215 года, созванный Иннокентіемъ III, постановилъ, что добрые и злые ангелы—существа безплотныя. Какъ было примирить этотъ догматъ съ прежнимъ, совершенно противуположнымъ ученіемъ? Богословы не затруднились и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ: они положили, что есть ангелы чисто духовные и есть тѣлесные. Латранскій соборъ говорилъ только о первомъ родѣ, а другіе соборы—о второмъ. Коротко и ясно. Что

же касается вопроса, какое собственно тѣло чорта и каковы его качества, демонологи входятъ по этому случаю въ такія фізіологическія тонкости щекотливаго свойства, что мы не можемъ привести ихъ ни въ аллегорическихъ перифразахъ, ни даже въ латинскомъ подлинникѣ.

Легенды приписываютъ чорту такое же всемогущество, какъ Богу. Въ первые вѣка христіанства были отцы церкви, признанные еретиками и учившіе, что міръ созданъ діаволомъ—такъ поражадо ихъ преобладаніе зла на землѣ. Чортъ можетъ поднимать бури, посылать дождь и градъ, поражать человѣка болѣзнями и избавлять отъ нихъ—все это свидѣлствуютъ процессы колдуновъ. Онъ можетъ дѣлать чудеса, убивать людей. Всѣ, входившіе съ нимъ въ сношенія, погибали насильственной смертью, говорятъ теологи, не прибавляя, что заботу о кончинѣ этихъ людей принимала на себя больше всего инквизиція. Мы видѣли также, что чортъ вездѣсущъ, такъ какъ смерть господствуетъ всюду. Тертуллианъ говоритъ прямо: *totus orbis illis locus unus est*. Онъ внушаетъ дурныя мысли и подстрекаетъ на дурныя дѣла. Такимъ образомъ, человѣкъ часто не виновенъ въ своихъ поступкахъ, будучи не въ состояніи, по слабости характера, противиться мощному искустителю. Вся жизнь наша—вѣчная борьба съ искушеніемъ. Аббатъ Соьеръ въ недавно изданномъ сочиненіи «*Les mystères du diable de voilés*» представляетъ картину этого искушенія со дня зачатія младенца. Чортъ постоянно стремится испортить его, ангелы защищаютъ его. «Когда Богъ захочетъ сообщить душѣ святое внушеніе или даже движеніе—нужно прежде всего отогнать демоновъ». Далѣе въ книгѣ приводится признаніе Маріи Латасть, какъ она защищалась однажды отъ множества постыдныхъ видѣній, окружавшихъ ее. «Мой ангелъ отошелъ и только смотрѣлъ на меня, говоритъ она. Я боролась одна, подкрѣпляя себя пѣніемъ псалма, потомъ прибѣгла къ Богу, чтобы онъ очистилъ душу мою отъ непристойныхъ образовъ, стремившихся осквернить ее. Тогда явился ангелъ съ рогою въ рукахъ и сталъ отгонять демона». Латасть приводитъ даже діалогъ между ними, заключавшійся въ повтореніи фразъ: Я возьму ее.—Не возьмешь.—Я заставлю ее пасть.—Не заставишь и т. п.

Ученіе протестантства объ искушеніи—точно такое же какъ въ католичествѣ. Одно изъ сочиненій, появившихся въ 1533 году, то есть за 13 лѣтъ до смерти реформатора, передаетъ его бесѣду съ чортомъ. Эту исторію Лютеръ самъ поручилъ своему другу Юсту Іонѣ перевести съ нѣмецкаго языка на латинскій. Предметомъ бесѣды были вопросы о томъ: слѣдуетъ ли священнику причащаться одному, въ алтарѣ, во время обѣдни. Чортъ, доказывая что, причащаясь одинъ, священникъ не достигаетъ цѣли своего назначенія и дѣйствіе его имѣетъ опредѣленное значеніе только, когда въ немъ участвуютъ вѣрующіе. Этотъ споръ вошелъ въ докумен-

тальную исторію протестантства, и только разскаъ о томъ, какъ нетерпѣливый реформаторъ пустилъ въ чорта чернилицей въ Вартбургъ, относится къ вымышленнымъ легендамъ. Вмѣстѣ съ искушеніемъ, чортъ напускаетъ на вѣрующихъ и навожденіе. Кельи и пещеры спасающихся отшельниковъ наполняютъ видѣнія всякаго рода, которыя не только наводятъ ужасъ, но и мучаютъ физически. Всего чаще,—и въ этомъ видна низкая натура чорта—онъ искушаетъ слабыхъ женщинъ. Каноникъ Лабисъ, въ биографіи Маріи Дезавжъ, говоритъ: этой блаженной особѣ хотѣлось, чтобы ее ударили по щекѣ, въ память заушенія, полученнаго Спасителемъ, и, однажды, въ церкви, послѣ благословенія священника, стоявшій подлѣ нея красивый молодой человѣкъ далъ ей неожиданно такую пощечину, что звукъ ея раздался по всей церкви. Мушны бросились съ обнаженными мечами на безумца, но онъ исчезъ безъ слѣда. Кромѣ искушенія человѣка, чортъ, какъ извѣстно, можетъ войти въ его тѣло одинъ или въ большомъ обществѣ и распорядиться всѣми поступками человѣка, заставляя его бѣсноваться или продѣлывать то, что не допускается въ обыкновенномъ состояніи. Чортъ можетъ овладѣть человѣкомъ въ его дѣтскіе годы. Никакое званіе и положеніе въ свѣтѣ не спасетъ отъ нечистаго. Соборъ 963 года, низложившій папу Іоанна XII, приводитъ въ доказательство того, что въ немъ сидитъ бѣсъ, тосты папы за здоровье дьявола и жертвы, приносимыя имъ Юпитеру и Венерѣ. Кремонскій епископъ Луитпрандъ говоритъ, что и смерть папы произошла отъ того, что чортъ ударилъ его ночью въ високъ въ то время, когда папа былъ на свиданіи съ одною женщиной.

Извѣстна способность одержимыхъ бѣсомъ, говорить на разныхъ языкахъ. Но это же явленіе замѣчено и докторами въ нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзняхъ. Тэнъ, въ своей книгѣ «De l'intelligence», приводитъ случай, бывшій съ одною больною, 25-тилѣтнею дѣвушкой, незнавшею даже граматы, и которая вдругъ, во время нервнаго кризиса, начала произносить латинскія, греческія и даже еврейскія фразы, а когда выздоровѣла, то не могла припомнить ни одного слова изъ того, что говорила во время болѣзни. Потомъ оказалось, что она съ девятилѣтнаго возраста жила у своего дяди, ученаго пастора, имѣвшаго привычку громко читать, прохаживаясь, отрывки изъ древнихъ классиковъ въ то время, когда племянница его сидѣла за шитьемъ въ той же комнатѣ. Конечно, и въ этомъ случаѣ трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ дѣвушка могла сохранить въ своей памяти и впоследствии воспроизвести цѣлыя фразы на незнакомомъ ей языкѣ, но, по крайней мѣрѣ, подобные случаи возможны, какъ и многія явленія сонambuлизма и магнетическаго ясновидѣнія, безъ вмѣшательства нечистой силы. Наука представляетъ примѣры еще болѣе удивительнаго сохраненія въ памяти цѣлыхъ музыкальныхъ пьесъ маленькою дѣвочкой,

слышавшаго сквозь тонкую перегородку, какъ эти пьесы разучивалъ опытный музыкантъ. Въ демонологіи приводятся подобныя же случаи съ бѣсноватыми. Такъ, въ одну старуху вселился музыкальный бѣсъ, и она вдругъ заигла превосходнымъ теноромъ. Ее привели въ Валонбрѣзъ, чтобы изгнать изъ нее чорта, и онъ сталъ просить, чтобы ему позволили передъ выходомъ, проиграть еще одну кантату, послѣ чего продолжая наигрывать, вышелъ изъ старухи. Католическіе теологи сопоставляютъ съ бѣсовскимъ навожденіемъ такъ называемый божественный экстазъ, но нѣкоторыя формы того и другаго явленія, воспроизводили врачи нервныхъ болѣзней. Такъ, извѣстный Шарко въ Сальпетриерѣ возбуждалъ искусственно, но совершенно естественнымъ образомъ, феномены экстаза и бѣснованія у одного и того же лица. Отъ физическихъ конвульсій подобныя нервные болѣзны легко приводятся въ состояніе экстаза. Съ одной изъ болѣзней Шарко повторялись, по произволу, почти всѣ припадки, какимъ подвергалась извѣстная визионерка Луиза Латто, умершая въ прошломъ году. Извѣстно также, что припадки конвульсій, пляски святаго Витта, падучей болѣзни, истерики, заразительны также какъ и припадки нашихъ кликушъ. Во всѣхъ этихъ болѣзняхъ нужно конечно отличать дѣйствительное нервическое разстройство отъ притворства и обмана. Любопытно, что, несмотря на всѣ доводы науки и здраваго смысла, бѣснованіе продолжаетъ играть роль и въ наше время. Еще недавно вышла, на испанскомъ языкѣ, брошюра священника въ Серданьѣ, переведенная на французскій языкъ подъ названіемъ «Le diable révolutionnaire». Въ ней разсказана исторія молодой дѣвушки Карметы Трасфи, одержимой бѣсомъ въ 1875 году. Заклинатель выгналъ изъ нея множество чертей по имени: Альфоргасъ, Рокасъ, Сакасъ, Ботасъ, Бутеакасъ, Гарлопасъ, Мальбестіа, Ксапотисъ, Куйне и проч. Неизвѣстно, почему авторъ называетъ всѣхъ этихъ чертей революціонерами и доказываетъ ими адское происхожденіе революціи. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ молитвами и заклинаніями противъ бѣснованія, патеры совѣтуютъ употреблять и лекарства, прогоняющія чертей. Изъ такихъ средствъ отецъ Менги рекомендуетъ въ своей книгѣ «Fustis daemonum» натираніе живота и груди особаго рода помадою, составленною изъ ладона, оливковаго масла, укропа, камеди, руты, шалфея и проч., сваренныхъ въ святой водѣ. Отецъ Синистрарій приводитъ въ примѣръ ученаго теолога, который, чтобы прогнать отъ себя чорта, окуривалъ свою комнату смѣсью перца, кубебы, кардамона, имбиря, корицы, мускатнаго орѣха, смолы, алая и проч. Эта смѣсь дѣйствуетъ только на одинъ сортъ бѣсовъ; противъ другихъ надо употреблять евфорбію, мандрагору, бѣлену и другія травы.

Не смотря на вражду, которую человечество должно питать къ своему искусителю, оно во многихъ случаяхъ относится къ нему

весьма добродушно. Многія легенды представляют чорта положительно добрымъ малымъ. «Добрый чортъ» играетъ не маловажную роль во многихъ преданіяхъ. Одно изъ нихъ, относящееся къ среднимъ вѣкамъ, весьма характеристично. Одно изъ безчисленныхъ нѣмецкихъ герцогствъ постоянно разорялось непрерывными войнами мелкихъ феодальныхъ тирановъ; въ ихъ числѣ были не только князья и бургграфы, но много владѣтельныхъ аббатовъ и епископовъ. Чортъ сжалился наконецъ надъ бѣднымъ народомъ, и рѣшился избавить его отъ притѣснителей. Однажды онъ перехватилъ всю эту феодальную сволочь въ ея замкахъ, набилъ ею большой мѣшокъ, взвалилъ его къ себѣ на плечи и полетѣлъ съ нимъ изъ Германіи. Народъ привѣтствовалъ криками радости своего избавителя, но во время полета чортъ, нагруженный тяжелымъ мѣшкомъ, наткнулся на колокольню городской церкви; острый шпигъ колокольни прорвалъ мѣшокъ; аристократія посыпалась изъ него на землю, попы забрались въ церковь, стали гнать бѣса заклинаніями, и онъ долженъ былъ покинуть страну. Въ господство феодализма чортъ былъ демократомъ—онъ не любилъ дворянъ и заступался за горожанъ. Монахъ XV столѣтія, Іоаннъ Герольдъ, оставилъ любопытный сборникъ рассказовъ своего времени, въ которыхъ чортъ играетъ не маловажную роль. Вотъ одинъ изъ этихъ рассказовъ:

Безсердечный сборщикъ податей, выжимавшій изъ бѣднаго народа послѣдній грошъ его, добытый тяжелымъ трудомъ, ѣхалъ однажды въ городъ за податями; его нагналъ таинственный путникъ, отправившійся съ нимъ по той-же дорогѣ; отъ путника пахло немножко сѣрой, и подозрительная наружность его безпокоила сборщика, жившаго не въ ладу съ своею совѣстью. Имъ встрѣтился мужикъ, отправлявшійся на базаръ продавать свинью. Животное, предвидя, вѣроятно, неприятную участь ожидавшую ее, не хотѣло идти впередъ; мужикъ сердился, кричалъ, стегалъ свинью хлыстомъ, и наконецъ, проходя мимо путниковъ, вскричалъ: «а, чтобъ тебя чортъ побралъ». Сборщикъ податей обратился къ своему товарищу, съ вопросомъ, отчего бы ему не взять то, что предлагаютъ? — «Нѣтъ, отвѣчалъ чортъ: подарокъ дѣлаютъ не отъ добраго сердца, я не хочу принять его». Дальше, проходя мимо одной фермы, они услышали, какъ старуха гнала надобѣдаваго ей мальчишку и кричала: «а, чортъ тебя возьми». Но и тутъ спутникъ сборщика нашель, что предложеніе дѣлается не отъ чистаго сердца, и прошелъ дальше. Наконецъ, они пришли въ городъ, гдѣ на площади стояла толпа крестьянъ. Увидя своего мучителя, они закричали: «а, вотъ и нашъ палачъ! о чтобъ его чортъ взялъ! «Ну, вотъ на этотъ разъ мнѣ предлагаютъ подарокъ отъ чистаго сердца»—сказалъ чортъ, и схвативъ сборщика податей, мигомъ провалился съ нимъ въ преисподнюю, къ большой радости видѣвшихъ это крестьянъ.

Шведскій ученый Олай Великій, архіепископъ упсальскій, делегатъ папы Павла III на Тридентскомъ соборѣ, рассказываетъ въ своей книгѣ «De gentibus septentrionalibus», что въ его время въ Норвеги чортъ оказывалъ семействамъ множество мелкихъ домашнихъ услугъ: чистилъ лошадей и конюшни, водилъ скоть на водопой, разливалъ вино въ погребѣ, мылъ ребятъ и посуду и проч. Современникъ Олая, поэтъ Ронсаръ передалъ все это въ стихахъ, въ своемъ «гимнѣ демонамъ». Этотъ родъ чертей очень напоминаетъ нашихъ домашнихъ. Чортъ держитъ также крѣпко данное имъ слово, но люди не разъ обманывали его, и не исполняли данныхъ ему обѣщаній. Онъ также очень хорошій докторъ, и не разъ вылечивалъ людей отъ тяжкихъ болѣзней. Онъ также справедливъ, не обращаетъ вниманія на различіе званія и состоянія, и всегда былъ грозною кущою, обманывавшихъ или обѣщавшихъ своихъ покупателей. Въ Бранденбургѣ онъ унесъ однажды женщину, продававшую подмѣшанное пиво. Въ Англіи, гдѣ было множество подобныхъ исторій, въ приходской церкви Людлоу, барельефъ изображаетъ, какъ чортъ уноситъ въ адъ продавщицу подмѣшаннаго зла. Заступничество чорта за угнетенныхъ или базвинно обвиняемыхъ часто служитъ темою народныхъ разсказовъ. И за то народъ вѣритъ, что при второмъ прішествіи Христа, даже чортъ будетъ прощенъ и спасенъ. Напрасно іе соборъ и папа проклинали книгу Оригена, въ которой ученый говорилъ, что наказанія, имѣя цѣлью исправленіе прегрѣшившаго, не могутъ быть вѣчны,—массы народа все-таки были увѣрены, что чортъ получитъ прощеніе.

Таковъ чортъ католическихъ легендъ, но не менѣе интересна и исторія лицъ, поклонявшихся ему, имѣвшихъ съ нимъ сношенія. Мы передадимъ въ послѣдствіи основныя черты этой исторіи.

Вл. Зотовъ.

ДОЧЬ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ.

ВЕЛИКАЯ герцогиня Гессенская Алиса, дочь английской королевы Викторіи, умершая пять лѣтъ назадъ жертвой материнской любви, оставляетъ по себѣ память въ исторической литературѣ, изданными недавно письмами ея къ матери ¹⁾. Книга, заключающая въ себѣ эту переписку, посвящена дѣтямъ покойной: наследственному великому герцогу Эрнсту-Людвигу, принцессамъ Викторіи, Елизаветѣ, Иринѣ и Алисѣ. Письма герцогини дополнены свѣдѣніями о жизни и дѣятельности ея, доставленными ихъ анонимному издателю английской королевы Викторіей, супругомъ Алисы—великимъ герцогомъ Людвигомъ, германской императрицей Августой, сестрой Алисы—кронпринцессой Викторіей и великой герцогиней Луизой Баденской.

Принцесса Алиса родилась 25 апрѣля 1843 года третьимъ ребенкомъ и второй дочерью отъ брака нынѣшней английской королевы съ покойнымъ принцемъ Альбертомъ. Она считалась «красой семьи», по выраженію ея отца и «маленькой тщеславной особой», по выраженію ея матери, и была любимицей всей семьи. Воспитаніе королевскихъ дѣтей, какъ мы знаемъ изъ напечатаннаго недавно сѣромъ Теодоромъ Мартиномъ жизнеописанія Альберта, было серьезное и строгое. До конфирмаціи всѣ дѣти держались вдали отъ двора. Только на прогулкахъ они сопровождали родителей, да

¹⁾ Alice, Grossherzogin von Hessen und bei Rhein, Prinzessin von Grossbritannien und Irland. Mittheilungen aus ihrem Leben und ihrem Briefen. Darmstadt, 1883 г.

за десертомъ появлялись за королевскимъ столомъ. Принцеса Алисъ въ дѣтствѣ любила всякія физическія упражненія: гимнастику, катанье на конькахъ и верховую ѣзду, и при этомъ, по словамъ ея сестры Викторіи, «ея ученическія тетради всегда были въ порядкѣ, писаны красивымъ и отчетливымъ почеркомъ». Умственные способности и наиболѣе глубокія стороны характера развились въ ней, однако, не очень рано. По отзыву Луизы Баденской, съ 1851 года бывшей въ дружбѣ съ Алисъ, покойная въ молодости обладала даромъ нравиться окружающимъ ее. Особенную привязанность она питала къ теперешнему императору и императрицѣ Германіи, которыхъ называла въ то время «дядя Пруссіи» и «тетка Пруссіи». Когда старшая сестра Алисы вышла замужъ за германскаго кронпринца и уѣхала въ Берлинъ, покойная стала ближе къ своему отцу, который пробудилъ въ ней разумную любовь къ образовательнымъ искусствамъ и къ музыкѣ. Принцъ Альбертъ не могъ не нарадоваться, видя свою дочь «красивую, изящную и образованную», а королева считала ее очень доброй, кроткой, разсудительной и привѣтливой. «Она — говорила королева — истинная утѣха для меня и я не выдамъ ее замужъ до тѣхъ поръ, пока только въ состояніи буду отклонить ее отъ такого намѣренія разумными доводами». Тѣмъ не менѣе женихъ не заставилъ себя ждать. Въ іюнѣ 1860 года, при англійскомъ дворѣ находились принцы Гессенскіе Людвигъ и Генрихъ. «Юношески свѣжій тѣломъ и духомъ» 22-хлѣтній Людвигъ плѣнилъ сердце 17-ти-лѣтней принцессы Алисы. Въ ноябрѣ того же года состоялась помолвка. Свадьбу же пришлось отложить по случаю смерти принца Адльберта.

Принцесса вмѣстѣ съ матерью проводила дни и ночи у постели больного отца, а, когда его не стало, явилась настоящей опорой для убитой горемъ королевы. «По единогласному отзыву очевидцевъ — пишетъ Луиза Баденская — то, чѣмъ выказала себя принцесса Алиса при смерти отца, просто изумительно. Сама удрученная тоской по горячо любимомъ отцѣ, она немедленно взяла въ свое распоряженіе все, что нужно было, чтобы въ эти первые ужасные моменты облегчить положеніе матери. Всѣ доклады министровъ и придворнаго штата доходили до монархини чрезъ ея посредство. Письменно и устно она дѣятельно облегчала королевѣ все, сколько было въ ея силахъ. Твердое рѣшеніе королевы, по настоящему желанію короля Леопольда Бельгійскаго, немедленно по смерти принца покинуть Виндзоръ и отправиться въ Осборнъ, было поколеблено единственно Алисъ». Въ это-то время въ принцессѣ и развились интересъ къ политикѣ и политическая сметка, какими она впоследствии такъ отличалась. Тогда же она приобрѣла тотъ практически-организаторскій взглядъ и ту неутомимую потребность дѣятельности, какіе составляли отличительную особенность ея семейной и общественной жизни.

И одинаково, изъ писемъ Алисы къ ея матери, видно, что чувство невозможности утраты дорогаго отца проходить чрезъ всю ея жизнь. Въ этомъ первомъ трудномъ жизненномъ испытаніи закалилась глубокая серьезность ея характера и сознание, что жизнь — не забава, но поприще для серьезнаго труда и сознательнаго исполненія долга. Едва ли отыщется хоть одно письмо въ данной книгѣ, въ которомъ не упоминалось бы объ отцѣ. «Я не знала — писать принцесса 12-го декабря 1874 года — челоуѣка, котораго можно было бы оставить на ряду съ отцомъ или котораго можно было бы такъ неизмѣнно любить и почитать. Онъ былъ и есть мой идеаль». «Делѣвать воспоминанія юности» — говоритъ анонимный издатель книги, — «осуществить на дѣлѣ внушенные принцессѣ отцомъ планы, заботиться объ искусствахъ и наукахъ, содѣйствовать развитію просвѣщенія, образцово устроить свою семью, улучшить участь низшихъ классовъ, заботиться о нуждахъ рабочаго населенія, словомъ, по мѣрѣ силъ подражать примѣру отца — все это было священной обязанностью принцессы относительно дорогаго памяти». Подъ первыми впечатлѣніемъ сильнаго горя и въ періодъ наплыва многообразныхъ новыхъ обязанностей, Алиса до такой степени мало заботилась о своей будущей судьбѣ, что женихъ ея одно время опасался, какъ бы она не ваяла своего слова назадъ. Но 1-го іюля 1862 года въ Осборнѣ состоялась свадьба, 9-го іюля молодые уѣхали изъ Англіи и черезъ три дня торжественно были встрѣчены въ Дармштадтѣ.

Послѣ роскошной обстановки въ Англіи, принцессѣ не легко было привыкнуть къ маленькому герцогскому двору въ Дармштадтѣ, хотя родители ея мужа и самъ Людвигъ старались доставить ей все удобства. «Я намѣреваюсь сказать великому герцогу» пишетъ Алиса къ матери 27-го іюля 1862 года, «что мы осенью воротимся въ Англію, чтобъ не быть въ тягость своимъ родителямъ». Принцесса, дѣйствительно, нуждалась въ самомъ необходимомъ. Война 1866 года встревожила ее въ виду возможности окончательнаго раззоренія. «Мы очень скоро — пишетъ она 25-го мая — сдѣлаемся нищими, если все такъ пойдетъ, какъ ожидается». Подъ 15-мъ іюня читаемъ: «Ужасное время! Я предвижу, что приходитъ гибель маленькихъ государствъ. Помоги намъ, Боже! Безъ жалованья дядя Людвигъ и вся семья — нищѣ, такъ какъ вся собственность заключается въ земляхъ». Положеніе принцессы въ это время было болѣе, чѣмъ тягостное. Она съ каждымъ днемъ ожидала прибавленія семейства и около нея не было ни одной замужней женщины. Супругъ ея находился на полѣ сраженія, а населеніе Гессена боялось Пруссіи пуще всего. «Смятеніе здѣсь страшное — говорится въ письмѣ 27-го іюля — нужда въ деньгахъ неотступная — на право и на лѣво надо помогать. Такъ какъ пруссаки рыщутъ здѣсь, то вещи многихъ спрятаны у меня въ домѣ. Лежа въ постели, я

«Истор. вѣстн.», январь 1884 г., т. XV.

должна принимать въ своей комнатѣ мужчинъ, являющихся ко мнѣ съ вопросами, которые я сама непосредственно должна рѣшать... Знамя полка Людвигъ, которое не взято имъ и обыкновенно хранится въ замкѣ, находится теперь для безопасности въ моей комнатѣ».

Принцесса близко видѣла войну. Пруссаки заняли Дармштадтъ, дома переполнились ранеными, которымъ недоставало самого необходимаго. Она немедленно принялась за дѣло помощи раненымъ, выписывала изъ Англiи полотно и корпiю, организовала уходъ за больными, посѣщала лазареты и приносила страждущимъ утѣшенiе и облегченiе. Принцесса рано привыкла принимать близко къ сердцу чужое горе и неустрашимо смотрѣть въ глаза горю и слезамъ. Однажды, принцесса посѣтила съ придворной дамой роженицу. Она описываетъ это своей матери, прося ее никому о томъ не говорить, такъ какъ, кромѣ принца и придворныхъ дамъ, ни одна душа не вѣдаетъ о слѣдующемъ посѣщенiи: «Наконецъ, прошли мы чрезъ грязный дворикъ по темной лѣстницѣ въ маленькую комнату, гдѣ на одной кровати лежала бѣдная женщина и ея малютка, на томъ же пространствѣ находились еще четыре ребенка, мужъ, двѣ другiя кровати и печь. Впрочемъ, въ комнатѣ не было ни дурнаго запаха, ни грязи. Я выслала Христу (придворную даму) съ дѣтьми, затѣмъ сварила кое-что для женщины, привела въ порядокъ ея постель, выкупала ея малютку, промыла ему глазенки, которые зло глядѣли, и спеленала. Я дважды приходила туда. Обитатели комнаты не знали меня; они были одѣты чисто, добродушно и трогательно привѣтливы другъ съ другомъ. Прiятно въ такой бѣдности находить столь свѣтлыя чувства».

Свое высшее счастье принцесса Алиса находила въ любви къ мужу. Письма ея къ королеви переполнены доказательствами ея привязанности къ своему Людвигу. Она не нахвалится его семейными добродѣтелями. Это супружеское счастье достигло своего апогея, когда въ 1868 году у нихъ родился первый сынъ, затѣмъ въ 1870 году явился на свѣтъ второй, который, однако, къ великому горю родителей, въ 1873 году, по недосмотру, упалъ съ окна и умеръ.

Принцесса ничего такъ не боялась, какъ взрыва новой войны. Но когда наступила франко-прусская война, Алиса съ прежней неустрашимостью заботилась о больныхъ и раненыхъ: «я не вижу и не ощущаю ничего, кромѣ ранъ», говорится въ одномъ изъ ея писемъ. И среди такихъ хлопотъ и безпокойствъ она, когда мужъ ея стоялъ съ своей дивизiей у Меца, родила второго сына. Оправившись, она снова отдалась заботамъ о раненыхъ. «Вѣдствiе—вездѣ велико, пишетъ она 14-го января 1871 года. Я помогаю, гдѣ только могу. Пока я въ состоянiи изъ своихъ сбереженiй помогать другимъ, я должна это дѣлать». Подъ впечатлѣнiемъ вѣвѣстiя о

перемирія она писала: «Теперь, когда война приостановлена, я чувствую как разслабли мои нервы, послѣ всего испытаннаго мною въ теченіи цѣлыхъ шести мѣсяцевъ».

1876 годъ принесъ съ собой войну Сербіи съ Турціей. Императоръ Александръ II въ Дармштадтѣ видѣлся съ принцессой. Вотъ что она сообщаетъ королевѣ подѣ 23-мъ іюля объ этомъ свиданіи: «Вчера императоръ Александръ говорилъ со мной, онъ искренно радовался, что политическія осложненія клонятся къ мирной развязкѣ: «подтверди мамѣ еще разъ, сказалъ онъ, какъ мнѣ пріятно узнать, что именно она поддерживаетъ миръ; мы не можемъ, мы не хотимъ воевать съ Англіей. Было бы безуміемъ думать о Константинополѣ и объ Индіи». Слезы были на его глазахъ, онъ казался такъ растроганъ, точно съ него сняли страшное бремя. И за Марію и ея мужа (герцога Эдинбургскаго, брата Алисы) ему было пріятно, что все опять уладится благополучно... Я, прибавляетъ Алиса—тутъ подумала о тебѣ—39 лѣтъ незавиднаго господства, и это за услуги, какія оказываешь своему отечеству и міру вообще въ такомъ затруднительномъ положеніи. Частнымъ людямъ, весьма естественно, живется лучше, наши привилегіи обусловлены болѣе обязательствами, нежели преимуществами, а ихъ непривилегированное положеніе—нисколько не лишеніе въ сравненіи съ неизмѣримой выгодой самому себѣ быть господиномъ и обращаться съ остальными людьми на равной ногѣ, имѣть возможность познавать людей и міръ, какъ они есть въ дѣйствительности, а не только какъ имъ хочется намъ показывать себя, намъ въ угоду». Два дня спустя Алиса приводитъ сказанную ей фразу князя Горчакова, «который казался не совсѣмъ въ духѣ»,—«я могу вамъ откровенно сказать, что я желалъ бы видѣть Англію великой, сильной, рѣшительной въ политикѣ, какъ то было при Каннингѣ и великихъ государственныхъ людяхъ Англіи, которыхъ я зналъ сорокъ лѣтъ назадъ. Россія велика и сильна, если бы и Англія была такой же, намъ не понадобилось бы обращать вниманіе на всѣхъ маленькихъ». Онъ сказалъ еще: «мы (т. е. англичане) дѣлали свою внѣшнюю политику и депеши для Синей книги и не показали никакой явно рѣшительной политики въ палатѣ общинъ и передъ свѣтомъ».

Интересуясь политикой, принцесса, обладавшая весьма многостороннимъ умомъ, любила науку и слѣдила особенно за успѣхами исторіи и современныхъ научныхъ вопросовъ. Ближе всѣхъ къ ней стоялъ знаменитый авторъ «Жизни Иисуса», Давидъ Штраусъ. Принцесса сама пожелала познакомиться съ нимъ, когда онъ жилъ въ Дармштадтѣ (съ весны 1868 года по осень 1872 года). Осенью 1868 года, онъ былъ представленъ Алисѣ. Теперь явилась возможность возстановить то мѣсто, которое въ литературныхъ воспоминаніяхъ Штрауса, гдѣ идетъ рѣчь о встрѣчѣ съ принцессой, было вынуждено въ 1877 году.

Вотъ разсказъ самого Штраусса: «Непривыкнувъ вращаться въ кругу великихъ міра сего, я, однакожь, съ перваго же разу почувствовалъ какое-то довѣріе къ этой дамѣ. Дружеская натуральность въ обхожденіи, ясность пониманія, сглаживали всю мою неловкость». Визиты Штраусса повторялись и каждый разъ продолжительныя бесѣды были «источникомъ благодѣтельнаго оживленія для обѣихъ сторонъ». Штрауссъ занимался тогда изученіемъ Вольтера. «Все глубже читалъ я и вдумывался въ этого замѣчательнаго человѣка и его дѣятельность, но при этомъ я, все-таки, не хотѣлъ ничего о немъ писать и потому ни разу не выписалъ ни одной цитаты... Прекрасно, что я имѣнилъ своему рѣшенію. Я задумалъ писать — не для публики, но для моей дочери». Принцесса, узнавъ объ этомъ, упросила Штраусса прочесть ей о Вольтерѣ по рукописи. «Теперь, говорить онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, меня прельщала мысль непременно что нибудь написать о Вольтерѣ для принцессы». Предполагалось въ началѣ прослушать этюды Штраусса въ кругу избранной публики, но мужъ принцессы заболѣлъ дифтеритомъ и отъ такого плана пришлось отказаться. «Она пригласила меня къ себѣ, пишетъ Штрауссъ, если я не боюсь заразиться, и призналась мнѣ, что въ часы одиночества ей было бы очень лестно прослушать мои лекціи о Вольтерѣ. Я охотно согласился». Въ теченіе семи часовъ былъ прочитанъ манускриптъ. Штрауссъ намѣревался даже посвятить принцессѣ свою книгу о Вольтерѣ, но принцесса отказалась изъ скромности. Тогда авторъ предложилъ ей единственный личный экземпляръ съ посвященіемъ.

Изъ искусствъ она занималась съ любовью живописью и музыкой. Въ обѣихъ она далеко превосходила даровитыхъ дилетантовъ. Нравственные же интересы принцессы сосредоточивались на воспитаніи дѣтей. Алиса не переносила тѣхъ матерей, которыя вѣчно толкуютъ о собственныхъ дѣтяхъ. Она считала за лучшее по меньше говорить, но по больше дѣлать. Письма, относящіяся къ этому предмету, весьма поучительны для матерей. Тутъ много правды, здравыхъ сужденій и свѣтлыхъ взглядовъ высказано на разныя стороны домашняго и общественнаго воспитанія.

Относительно свадьбы своего брата, герцога Эдинбургскаго съ великой княгиней Маріей Александровной, Алиса писала матери—королевы: «Навѣрно Мари должна глубоко чувствовать; покинуть столь нѣжную и любвеобильную мать (покойную императрицу) представляется почти несправедливымъ. Какъ непонятна эта сторона природы—всѣхъ, кого любишь наиболѣе, кого знаешь наиболѣе, кому всѣмъ обязанъ, покидать изъ-за одного и, сравнительно, незначительнаго! Жребій родителей, дѣйствительно, жестокой и требуетъ столько самоотреченія». Принцесса не разъ встрѣчалась съ покойной императрицей, ежегодно проводившей лѣто въ Инценгейнѣ.

Алиса хвалить въ ней нѣжную любовь къ дѣтямъ и глубокую религіозность.

Въ числѣ послѣднихъ писемъ великой герцогини есть одно — къ новому воспитателю наслѣдника великаго герцогства; адѣсь она говоритъ, какъ бы она желала воспитать сына. Онъ долженъ быть «благороднымъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова, безъ чванства принца, рѣшительнымъ, не эгоистичнымъ, отзывчивымъ на добрыя дѣла, съ такими качествами, которыя англійское воспитаніе стремится развить прежде всего сознаниемъ долга, чувствомъ чести и любовью къ истинѣ, уваженіемъ къ Богу и закону. Только эти качества дѣлаютъ человѣка истинно-свободнымъ». Такимъ образомъ благороднаго человѣка былъ для нея отецъ, такими же она хотѣла видѣть своихъ дѣтей, требуя отъ правителей, чтобъ они являли міру примѣръ добродѣтели. Съ этой мыслью, вспоминая отца на смертномъ одрѣ, скончалась Алиса, отъ заразы дифтеритомъ во время ухода за больной дочерью, 14-го декабря 1878 года, оставивъ по себѣ свѣтлую память, какъ о правительницѣ — образцѣ добродѣтели.

Ө. Вулгаковъ.

✠

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

(L'AMI DES HOMMES OU TRAITÉ DE LA POPULATION, PAR LE MARQUIS DE MIRABEAU, AVEC UNE PRÉFACE ET UNE NOTICE BIOGRAPHIQUE PAR M. ROUXEL. PARIS. 1833).

В изысканіяхъ современной исторической критики очень замѣтно теперь стремленіе вызывать на строгій судъ тѣни знаменитыхъ покойниковъ, съ цѣлью кассировать установившійся надъ ними приговоръ исторіи. Отверженные оправдываются и возводятся на пьедесталь; кумиры, напротивъ, ниспровергаются, какъ недостойные признательности потомства. Есть историки, которые всячески стараются оправдать императора Клавдія, есть и такіе, которые добродѣтельнаго Тита приравниваютъ къ Нерону. Чему вѣрить, не знаешь. Но такое направленіе представляетъ собою то преимущество, что имъ рѣшительно подрывается кредитъ легендарной исторіи и на мѣсто ея водружаетъ свое знамя исторія чисто фактическая, безжалостно срывающая обманчивую маску съ кумировъ и идоловъ, поднимающая завѣсу, которой прикрывались до сихъ поръ ихъ темныя стороны.

Въ числѣ историческихъ лицъ, бывшихъ, такъ сказать, подъ сомнѣніемъ передъ судомъ безпристрастной исторіи, считается и маркизъ Мирабо, отецъ знаменитаго оратора. Его знаютъ вообще за человѣка дурнаго, въ своемъ родѣ Тартюфа, за тирана семьи его, въ своихъ сочиненіяхъ выставившаго на показъ лицемѣрную любовь къ человѣчеству. И вотъ, является де-Ломени, собираетъ документы, провѣряетъ ихъ и въ академическомъ трудѣ своемъ «Les Mirabeau» представляетъ Мирабо совсѣмъ инымъ, если и не

чуждымъ укоромъ, то, по крайней мѣрѣ, не такимъ очерненнымъ, какъ его изображали другіе. Въ сущности это, какъ оказывается, былъ человекъ искренній въ своихъ филантропическихъ стремленіяхъ, а въ семейныхъ отношеніяхъ являлся столько же палачомъ, сколько и жертвой своей жены и своего сына. Оставалось еще выяснитъ, какой онъ былъ писатель. Эту задачу взялся рѣшить Руксель въ вышеприведенномъ изданіи. Руксель напечаталъ одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ его сочиненій, заглавіе котораго «Другъ людей» служило потомъ ироническимъ прозвищемъ маркиза, а въ предисловіи и біографической замѣткѣ авторъ знакомитъ съ карьерой, характеромъ и идеями маркиза.

Аристократическое происхожденіе Мирабо или, вѣрнѣе, Рикети, впоследствии принявшихъ фамилію собственника земель въ Вара, теперь подвержено большому сомнѣнію. Рикети были не больше, какъ незначительные торговцы въ Диньи, потомъ въ Марсели и только впоследствии получили титулъ маркизовъ. Любопытна нравственная физіономія знаменитаго потомка такихъ маркизовъ, родомъ изъ Флоренціи. Отецъ оратора всю жизнь лелѣялъ мечту положить начало знатному роду и трудиться для своихъ потомковъ. Эта «postéromanie», какъ онъ называлъ свою химеру, привела его ко многимъ ошибкамъ въ жизни, была поводомъ къ его нелѣпому браку, къ сумасброднему расширенію своихъ владѣній, къ семейнымъ ссорамъ. Едва ли кто другой въ дореволюціонной Франціи былъ пропитанъ въ такой степени феодализмомъ, и въ то же время былъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ новаторовъ, когда революція пробивала себѣ дорогу. Маркизъ Мирабо занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду писателей и мыслителей, подготовившихъ разрушеніе вѣковаго режима, которому сами они такъ глубоко и такъ суевѣрно поклонялись. Проповѣдуя революцію, отецъ въ своихъ сочиненіяхъ, сынъ съ ораторской трибуны, эти надменные Мирабо, въ исторіи Франціи стяжали себѣ знаменитость совсѣмъ не ту, къ какой, повидимому, стремились, импонируя своимъ богатствомъ и своимъ сеньорствомъ.

Этотъ контрастъ, этотъ дуаликій Янусъ, взирающій на разложеніе прощедшаго и замѣчающій зарю новыхъ временъ, вполне отражается и въ «Ami des hommes». Тутъ явно его различіе отъ Кеня и школы «физиократовъ». Не слѣдуетъ забывать, что сочиненіе маркиза появилось въ 1756 году. Восемь лѣтъ раньше Монтескье издалъ «l'Esprit de lois», въ сердечныхъ изліяніяхъ Руссо уже слышалось предвѣстіе приближающейся бури, Вольтеръ уже твердо держалъ свой камертонъ въ хорѣ молодѣющаго общества, «Энциклопедія» водрузила знамя свободы, со всѣхъ сторонъ трактовались важнѣйшія изъ социальныхъ проблеммъ, всюду только и слышалось, что о коренной перестройкѣ стараго зданія и объ упрощеніи счастья человѣчества на твердыхъ основахъ философіи, вза-

мнѣнъ хаоса злоупотребленій и произвола. Въ такой-то средѣ сочиненіе маркиза Мирабо. Маркизъ писалъ какъ-то своей пріятельницѣ, графинѣ Ролфоръ: «я люблю народъ и люблю людей, я знаю, на сколько они стали бы лучше, если бы жили счастливѣе; я видѣлъ средства простыя сдѣлать ихъ таковыми»... Руссель вполнѣ резонно поставилъ эти строки въ видѣ эпиграфа къ книгѣ. Въ нихъ обрисовывается и авторъ, и время его.

«Ami des hommes» имѣла огромный успѣхъ, какой имѣютъ обыкновенно книги, въ которыхъ громко высказано то, что чувствуетъ и думаетъ масса умовъ. Въ этомъ, мѣстами краснорѣчивомъ, панегирикѣ земледѣлю чувствуется вліяніе «Георгикъ», видна любовь къ сельской жизни, охватившее общество, какъ бы въ противовѣсъ непрерывному «шуму городскому». Какимъ образомъ, спросятъ пожалуй, могла имѣть успѣхъ книга, озаглавленная «трактатъ о населеніи»? Но надо вспомнить, что экономическая наука, въ тотъ періодъ своего зарожденія, имѣла претензіи не меньшія, чѣмъ философія въ античной Греціи; это была наука первая и верховная, наука по преимуществу, обнимавшая всѣ другія науки. Какъ «физиократы», такъ и Мирабо не ограничивали ея роль изученіемъ явленій и законовъ производства, распредѣленія и потребленія богатствъ. По ихъ мнѣнію, ничто изъ того, что такъ или иначе задѣваетъ государство, не должно быть имъ чуждо. Отсюда крайне политическій характеръ ихъ системъ и ихъ сочиненій; отсюда объясняется и интересъ современниковъ къ «Ami des hommes». Для насъ этотъ интересъ, разумѣется, значительно ослабѣлъ, и книга маркиза Мирабо поучительна для насъ развѣ въ томъ отношеніи, что по ней можно судить, какъ быстро старѣютъ чисто доктринерскія сочиненія. Слѣпое поклоненіе принципамъ, очевидно, не возмѣщаетъ пренебреженія фактами. Большинство прорицаній и размышленій «Друга людей» кажутся теперь общими мѣстами. И отъ этого «Друга» остался только монтеневскій стиль съ замѣтнымъ оттѣнкомъ оригинальной личности автора, подвижной, дѣятельной, энергической, смѣлой, пылкой, неисчерпаемой въ импровизаціяхъ.

В. Г. К.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сочиненія Д. И. Иловайскаго. Москва, 1884 г.

ИМЯ СВОЕ, какъ имя ученаго историка, г. Иловайскій, такъ сказать, поставилъ въ преддверіи нашей отечественной исторіи вслѣдствіе отрицанія имъ норманской теоріи. Съ высказанными имъ на счетъ этого мнѣніями, какъ равно и съ приведенными имъ въ этомъ случаѣ доказательствами, можно и соглашаться и нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, разработка вопроса о варягахъ, съ новымъ на него возвращеніемъ, составляетъ серьезную заслугу г. Иловайскаго. Впрочемъ, въ настоящей нашей замѣткѣ о трудахъ этого рода и о полемическихъ пріемахъ почтеннаго автора, мы говорить не будемъ, такъ какъ приходится теперь повести рѣчь о такихъ его произведеніяхъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ споровъ, а въ которыхъ онъ является только историкомъ-повѣствователемъ. Сочиненія эти озаглавлены: а) Исторія Рязанскаго княжества; б) Екатерина Романовна Дашкова, и в) графъ Яковъ Сиверсъ.

Пространство, которое занимало Рязанское княжество, не будучи средоточіемъ государственной жизни древней Руси, было, однако, въ его исторіи замѣчательною мѣстностью какъ по относительному своему могуществу, сравнительно съ прочими русскими княженіями, такъ и по соперничеству съ великимъ княжествомъ Московскимъ, въ ту пору, когда оно стало главенствовать въ Восточной Руси. Кромѣ того, и этнографическій составъ его населенія представляетъ одну изъ историческихъ задачъ, до сихъ поръ еще весьма мало затронутыхъ нашими историками. Съ своей стороны, г. Иловайскій, занявшись разработкою исторіи княжества Рязанскаго, имѣлъ въ виду, во-первыхъ, привести въ извѣстность и дать единство фактамъ, до сихъ поръ разрозненнымъ и отрывочнымъ; во-вторыхъ, указать на самыя важныя эпохи, которыя переживало это княжество; и, въ-третьихъ, по возможности, проникнуть въ его внутренній бытъ. «Хотѣлось бы говорить

г. Иловайскій, дать болѣе мѣста бытовой сторонѣ и остановиться на духовной жизни народа, но здѣсь историкъ встрѣтитъ сильныя затрудненія, по крайней скудости источниковъ и по отсутствію предварительныхъ изслѣдованій». «Отчетливое изображеніе древне-рязанскаго быта, продолжаетъ г. Иловайскій, не возможно до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны и изданы въ значительномъ количествѣ мѣстные преданія, пѣсни, повѣрія, остатки прежнихъ обычаевъ; пока русская археологія и филологія не приведутъ въ вѣдѣнность и не объяснятъ хотя наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ рязанской письменности, а равно и памятниковъ искусства, принадлежащихъ Рязанскому краю».

По всей вѣроятности, не только самому г. Иловайскому, но и тѣмъ, которые захотятъ идти по его пути, т. е. воспользоваться чужою подготовительною работою по древнему Рязанскому краю, придется очень долго ждать такой вождѣйной поры, но, по нашему мнѣнію, и сами по себѣ труды, подобные труду г. Иловайскаго, т. е. чисто-историческія изслѣдованія тѣхъ мѣстностей, которыя въ древней Руси составляли болѣе или менѣе замѣтныя политическія единицы, должны приносить пользу. Не смотря на разныя особенности того или другого края, въ общемъ ходѣ нашей исторіи есть много одинаковыхъ теченій, а при этомъ условія нѣкоторыя явленія, не достаточно уясняемыя общою исторіей Русской Земли, могутъ быть болѣе или менѣе удачно объяснены сходственными съ ними явленіями, замѣченными въ другихъ русскихъ областяхъ. Нельзя не сказать, что русская исторія удѣльной поры, до утвержденія первенства Москвы въ сущности весьма однообразна, и читая изслѣдованія г. Иловайскаго, нужно придти къ тому заключенію, что стремленія Рязани въ сущности были тѣ же самыя, какъ и стремленія Москвы, и что еслибы Рязани посчастливилось такъ, какъ посчастливилось Москвѣ, то послѣдствія были бы одинаковы, т. е., что Рязань, какъ и Москва, могла бы сдѣлаться притягательною силой для мелкихъ княженій и явиться во главѣ Сѣверной Руси. Къ приобритенію такого значенія, у Москвы не было болѣе преимуществъ и правъ, какъ у Рязани, и даже, можно сказать, что, по своему историческому значенію, Рязань имѣла въ этомъ случаѣ преимущество передъ Москвою. Мы говоримъ это въ особенности въ виду того, что Рязань представляетъ больше, чѣмъ Москва, важности въ развитіи русско-народной жизни потому, что древняя Рязань была какъ бы родоначальницею того отпрыска русской народности, которая такъ рѣзко проявилась въ казачествѣ. Русскій народно-политическій бытъ былъ, однако, очень слабъ самъ по себѣ, а потому московская государственность постоянно брала надъ нимъ верхъ, истребляя все то, что изъ него самостоятельно нарождалось. Уже Иванъ III писалъ къ рязанской княгинѣ Агрипинѣ, управлявшей рязанскимъ княжествомъ за малолѣтствомъ ея сына, такіе наказы, которые прямо обнаруживали стремленія Москвы замѣнить строгою государственностью тѣ порядки, которые установились на Рязани подъ вліяніемъ старинныхъ русскихъ понятій и обычаевъ. Въ 1502 году, великій князь московскій такъ повелѣвалъ великой княгинѣ рязанской: «Твоимъ людямъ служилымъ, боярамъ и дѣтемъ боярскимъ и сельскимъ быть всѣмъ на моей службѣ, а торговымъ лучшимъ людямъ и середнимъ и чернымъ быти у тебя въ городѣ на Рязани. А послушается кто и пойдетъ самодурью на Донъ въ молодчество, ино бы ты, Аграфена, велѣла казнити, вдовымъ, да женскимъ дѣломъ, не отпиралась. А по уму бабую не учиешь казнити, ино мнѣ ихъ

вѣсти казнить и продавать, охочихъ на покутъ много». Такимъ образомъ, Москва хотѣла распространить, вопреки условіямъ народнаго быта, свою государственность, и на рязанское, еще независимое отъ нея княженіе, избирая для этого средство закрѣпленія на мѣстѣ и даже продажу вольныхъ людей людямъ охочимъ покупать ихъ.

Общіе выводы изъ изслѣдованія г. Иловайскаго представляются въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ, городъ Рязань должно считать первоначально черниговскимъ поселеніемъ, основанномъ не на славянской, а на финской землѣ, которая въ ту пору не имѣла сплошнаго славянскаго населенія, и Рязанское княжество, какъ и княжество Суздальское, было обязано своимъ возникновеніемъ системѣ княжеской, а не народной колонизаціи.

Во-вторыхъ, въ половинѣ XII столѣтія, Рязань, вмѣстѣ съ Муромомъ, стала выдѣляться изъ черниговско-сѣверскаго удѣла, утверждаться за родомъ Ярослава Святославича и сдѣлалась метрополіею народовъ, расположенныхъ вверху по Окѣ до устья Лопасы и по Пронѣ. Славянской же и вмѣстѣ съ тѣмъ христіанскій элементъ населенія сосредоточился въ центральной области Рязанскаго княжества, которая заключалась между Окою, Пронею и Осетромъ.

Въ третьихъ, изъ дальнѣйшихъ выводовъ г. Иловайскаго оказывается, что XII вѣкъ былъ временемъ борьбы Рязани съ Владиміромъ и что дробленіе рязанскаго княжества и происходившія въ немъ усобицы болѣе всего содѣйствовали перенѣсу надъ нимъ Суздаля. Въ XIV вѣкѣ началась борьба Рязанскаго княжества съ Москвою, но въ сущности борьба эта была продолженіемъ предшествовавшей ей борьбы съ Суздалемъ, при прежнихъ неблагоприятныхъ для Рязани условіяхъ ея внутренняго состоянія. Наибольшее значеніе Рязань получила при великомъ князѣ Олегѣ, стремившемся къ тому, чтобы изъ своего княжества создать такой центръ, около котораго могла бы собраться юго-восточная Русь. Осуществленію такого стремленія, по указаніямъ г. Иловайскаго, воспрепятствовали не только ходъ историческихъ событій, но еще и этнографическія условія. Послѣ Олега могущество Рязанскаго княжества понижено и политика Москвы такъ незамѣтно и такъ неизбежно подчинила его своей власти, что уничтоженіе его самостоятельности совершилось поже безъ всякой борьбы. Съ своей стороны г. Иловайскій находитъ, что Рязанское княжество, по образованности и по матеріальному благосостоянію, уступало московскому и тверскому и что главному тому причиною были невыгодныя не только географическія, но еще и этнографическія условія, вслѣдствіе недостатка безопасности и долгаго преобладанія финно-турскаго элемента въ составѣ мѣстнаго населенія. Конечно, многимъ, не привыкшимъ къ этнографическимъ тонкостямъ, покажется страннымъ указаніе г. Иловайскаго на вліяніе какой бы то ни было «турской» примѣси въ коренной подмосковской русской области. Но безъ сомнѣнія г. Иловайскій, какъ свидущій этнографъ, открылъ тамъ такія черты быта и народности, которыя заставляютъ согласиться съ его мнѣніемъ тѣхъ, кто только поверхностно относится къ вопросамъ, имѣющимъ для себя исходную точку въ такой отдаленной древности, когда смѣшеніе племенъ составляло зачатокъ для дальнѣйшаго развитія исторіи европейскіихъ народовъ, а въ числѣ ихъ и русскаго народа. Не смотря, однако, на продолжительное преобладаніе въ Рязанскомъ краѣ упомянутой племенной примѣси, г. Иловайскій находитъ, что въ фор-

макъ быта древне-рязанскій край мало отличался отъ другихъ русскихъ областей и что тамъ замѣтна большая свобода въ отношеніяхъ сословіи между собою и меньшее развитіе централизаціи сравнительно съ московскимъ княжествомъ. Переводя эти замѣтки г. Иловайскаго о древнемъ бытѣ Рязанскаго княжества на современные намъ понятія и на нынѣшній русскій языкъ слѣдуетъ сказать, что Рязанское княжество, хотя и долго находившееся подъ преобладающимъ вліяніемъ финно-турецкаго элемента, было «либеральнѣе» Московскаго.

Слѣдующія вѣтъмъ двѣ статьи, имѣющія одно общее заглавіе: «Два біографическихъ очерка изъ XVIII столѣтія» посвящены жизнеописаніямъ: первая княгини Екатерины Романовны Дашковой, а вторая—графа Якова Ефимовича Сиверса. Исслѣдованіемъ о Дашковой занимался г. Иловайскій во время порядочно уже отдалившееся отъ настоящей поры, такъ какъ изслѣдованіе это появилось въ первый разъ въ 1859 году. Съ того времени прибавилось, однако, не мало свѣдѣній, дополняющихъ и отбѣняющихъ историческое значеніе княгини Дашковой, но мы не можемъ сказать воспользовался ли этими свѣдѣніями г. Иловайскій или же статья его, написанная за 24 года тому назадъ, явилась въ первоначальномъ своемъ видѣ. Для этого слѣдовало бы произвести подробное сличеніе обихъ ея изданій. На сколько же мы вообще могли замѣтить, то надобно сказать, что послѣднее предположеніе оказывается болѣе вѣрнымъ. Цѣль этого труда имѣвшаяся въ виду при первомъ его изданіи осталась и теперь та же самая, а именно: авторъ желалъ, по мѣрѣ силъ, способствовать знакомству публики съ замѣчательными личностями изъ русской исторіи XVIII столѣтія, серьезная разработка котораго только начиналась въ нашей исторіи. Если это послѣднее замѣчаніе было вѣрно въ 1859 году, то въ настоящее время оно оказывается нѣсколько малоудачнымъ, такъ какъ прошлое столѣтіе сдѣлалось съ той поры предметомъ старательной и подробной разработки со стороны нашей исторической литературы. Главнымъ источникомъ для статьи г. Иловайскаго послужили собственныя «Записки» княгини. Личность ея, послѣ перваго появленія ея статьи, сдѣлалась уже на столько извѣстна читающей русской публикѣ, что теперь пересказъ статьи г. Иловайскаго, былъ бы дѣломъ совершенно излишнимъ, а дополнять ее нѣкоторыми упущенными авторомъ изъ виду частностями было бы не подходящей для рецензента работой. Разуется, что главнымъ событіемъ въ жизни княгини Дашковой было ея участіе въ переворотѣ, провашедшемъ 28-го іюня 1762 года. Теперь объ этомъ мы, конечно, знаемъ гораздо болѣе сравнительно съ тѣмъ, что могъ знать и напечатать о немъ г. Иловайскій въ 1859 году. Разныя относящіяся къ царствованію Петра III свѣдѣнія, заимствованныя изъ другихъ источниковъ, выяснили ходъ дѣла гораздо подробнѣе, нежели они могли быть наложены въ статьѣ г. Иловайскаго, но въ свое время статья г. Иловайскаго представляла не мало любопытнаго для русскихъ читателей, только что начинавшихъ знакомиться съ нашей отечественной исторіей за прошедшее столѣтіе, такъ что теперь статья эта оказывается собственно памятникомъ его первоначальныхъ историческихъ работъ и не имѣетъ уже приманки новизны. Но такъ какъ во всякомъ случаѣ написанная г. Иловайскимъ біографія княгини Дашковой представляетъ и до нынѣ единственный подробный и систематическій сводъ свѣдѣній объ этой личности, то вновь изданная теперь его статья можетъ быть пригодна для тѣхъ, кто не имѣлъ случая познакомиться съ нею раньше.

Въ заключеніи, авторъ не дѣлаетъ никакой общей оцѣнки политической дѣятельности своей героини, но, приводя нѣсколько живыхъ строкъ изъ письма княгини къ любимцу ея миссъ Вильмотъ,—пишетъ: «читая эти строки, начерченная дрожащею рукою и проникнутая безвыходною грустью, невозможно отказать къ автору въ теплое искреннее участіе съ нашей стороны. Какъ жаль, добавляетъ г. Иловайскій,—что такая богато-одаренная личность не развилась подъ болѣе благотворнымъ вліяніемъ и въ болѣе свѣтлой атмосферѣ!» Такъ какъ г. Иловайскій и спустя почти четверть столѣтія не отказался отъ этихъ сочувственно написанныхъ имъ въ отношеніи Дашковой строкъ, то нельзя не обратить вниманія на постоянство почтеннаго автора особенно въ наше столь перемѣнчивое время, когда сегодня говорить о комъ нибудь одно, а завтра совершенно иное.

Несравненно менѣе замѣчательною и даже для большинства публики, мало занимающеюся исторіею, почти вовсе незамѣтною личностію является графъ Яковъ Сиверсъ, которому г. Иловайскій посвятилъ довольно объемистую статью, напечатанную имъ въ первый разъ въ 1865 году и, слѣдовательно, имѣющую за собою тоже достаточно почтенную литературную давность. Г. Иловайскій справедливо считалъ, да, конечно, и нынѣ считаетъ Якова Сиверса лицомъ, принадлежавшимъ къ числу наиболѣе извѣстныхъ дѣятелей екатерининской эпохи, при чемъ дѣятельность его, какъ говоритъ авторъ, была разнообразна и касалась многихъ важныхъ сторонъ нашего государственнаго быта. Но самый трудъ г. Иловайскаго о Сиверсѣ, на русскомъ языкѣ, былъ вызванъ трудомъ нѣмецкаго писателя Влума, издавнаго въ 1857—1858 году въ Гейдельбергѣ обширную монографію о Яковѣ Сиверсѣ, въ четырехъ томахъ. Влумъ былъ замѣчательно усидчивый работникъ и должно быть онъ чрезвычайно увлекся Яковомъ Сиверсомъ, если посвятилъ ему двадцать лѣтъ своей трудовой жизни, хотя — сказать по правдѣ—весьма сомнительно, чтобы онъ за этотъ подвигъ былъ вознагражденъ достаточнымъ числомъ любовательныхъ читателей, хотя бы даже изъ нѣмцевъ, а въ Россіи работа его, по всей вѣроятности, осталась бы и вовсе неизвѣстна, если бы на нее не обратилъ—хотя и нѣсколько повдвонато—своего благосклоннаго вниманія г. Иловайскій и не познакомилъ съ нею русскую публику въ сокращенномъ видѣ. По мнѣнію г. Иловайскаго, права Сиверса на видное мѣсто въ нашей исторіи основаны собственно на двухъ сторонахъ его дѣятельности: во-первыхъ, на его семнадцати лѣтнемъ управленіи Новгородской губерніею и на участіи въ составленіи областныхъ учреждений при Екатеринѣ II и, во-вторыхъ, на его посольствѣ въ Польшу и на той роли, которую онъ игралъ при второмъ ея раздѣлѣ.

Иоакимъ и Карлъ, родные братья Сиверсы, дѣти шведскаго капитана и небогатаго лифляндскаго помѣщика, начали свою жизнь тѣмъ, что состояли въ числѣ домашней прислуги богатаго лифляндскаго ландрата барона фонъ-Твенгаузена, при чемъ старшій изъ нихъ былъ управляющимъ, а другой—камердинеромъ барона. Этотъ послѣдній, не поладивъ съ барономъ, отошелъ отъ него и отправился искать счастья въ Петербургѣ, гдѣ и пробылъ сперва форрейторомъ, затѣмъ буфетчикомъ при дворѣ Елизаветы, а потомъ, быстро возвышаясь и исполняя сначала частныя порученія Елизаветы, а впоследствии и дипломатическія, достигъ наконецъ званія оберъ-гофмаршала. Онъ и ваялъ въ Петербургѣ на свое попеченіе племянника, своего старшаго брата, Иоакима или Ефима—девятнадцатилѣтняго сына Якова Сиверса, нашедшаго

такимъ образомъ для себя сильную поддержку въ лицѣ своего дяди, получившаго отъ римско-нѣмецкаго императора сперва баронскій, а потомъ и графскій титулъ.

Подъ покровительствомъ своего дяди, сдѣлавшагося уже замѣтнымъ царедворцемъ, молодой Сиверсъ началъ удачно свою служебную карьеру, будучи причисленъ къ русскому посольству въ Копенгагенѣ, потомъ онъ пробылъ семь лѣтъ при посольствѣ въ Англіи, и тамъ закончилъ свое воспитаніе. Разумѣется, что для исторіи не представляетъ никакой важности житье-бытье Сиверса въ Лондонѣ, гдѣ онъ, по недостатку денежныхъ средствъ, затруднился и ходить въ театръ и имѣть учителя фехтованія и хорошо обѣдать, довольствуясь иногда, вмѣсто обѣда, только двумя пирожками, но само собою, что въ біографіи всѣ эти частности имѣютъ свою занимательность. Возвратившись изъ Англіи въ Россію, Сиверсъ, съ чиномъ премьеръ-майора, участвовалъ въ войнѣ съ Пруссіею и выйдя въ отставку генералъ-маіоромъ, проживалъ въ имѣніи своего отца, когда представленный императрицѣ въ числѣ 30 кандидатовъ на губернаторскія мѣста, былъ назначенъ ею новгородскимъ губернаторомъ. Поданная имъ императрицѣ записка о состояніи новгородской губерніи, въ то время чрезвычайно обширной области, имѣетъ очень важное значеніе для исторіи нашего мѣстнаго управленія, такъ какъ записка эта весьма наглядно обрисовываетъ то печальное состояніе, въ какомъ находились наши губерніи и въ административномъ, и въ хозяйственномъ отношеніяхъ. Въ своей запискѣ, Сиверсъ предложилъ различныя мѣры для устраненія этихъ недостатковъ, и обратилъ вниманіе на всѣ отрасли губернскаго и провинціального управленія, а также на сухопутные и водяные пути. Замѣчательно, что сообщая императрицѣ о своихъ поѣздкахъ по провинціямъ своей губерніи, Сиверсъ упоминалъ и описывалъ остатки древностей, тогда еще встрѣчавшихся въ этихъ мѣстахъ.

Въ изданной книгѣ снова біографіи Сиверса, г. Иловайскій не довелъ ее до конца и описалъ дѣятельность Сиверса въ Польшѣ въ особой монографіи, напечатанной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Хотя при составленіи жизнеописанія Сиверса основнымъ источникомъ служило для г. Иловайскаго вышеупомянутое сочиненіе Влума, но тѣмъ не менѣе изъ ссылокъ видно, что г. Иловайскій пользовался при этомъ не только русскими извѣстными матеріалами, но и архивными документами.

К. Н. В.

Мининъ и Пожарскій. Прямые и Кривые въ Смутное время. Соч. Ивана Забѣлина. Москва 1888 г.

Въ исторіи очень немного есть такихъ явленій, которые нашли себѣ уже въ наукѣ полное и окончательное опредѣленіе разъ навсегда, какъ совершенно истинное и непреложное, такъ что для новыхъ провѣрокъ и перешлѣдованій тутъ уже не за что зацѣпиться.

Исторія, какъ наука, далека отъ философской опредѣлительности точныхъ наукъ. То, что вчера еще признавалось въ ней истиной, сегодня—подвергается сомнѣнію, а завтра и вовсе отвергается, замѣщаясь новыми открытіями, которыя, быть можетъ, недолгѣ постигнутъ такая-же участь. Въ своихъ выводахъ, исторія есть, въ сущности, рядъ однихъ предположеній и

гаданій различной степени вѣроятности. Самое ея изученіе и развитіе заключается, главнымъ образомъ, въ непрерывной критической провѣркѣ прежнихъ выводовъ и замѣнѣ ихъ болѣе вѣроятными, болѣе приближающимися къ истинѣ. Безъ сомнѣнія, помощью этой работы, при постепенно увеличивающемся количествѣ матеріаловъ и усовершенствованіи методовъ ихъ изслѣдованія, степень правдоподобія историческихъ выводовъ день ото дня повышается. Но историкъ—не бесстрастный естествоиспытатель, руководимый однимъ лишь холоднымъ анализомъ, чистымъ отъ всякой предвзятости, отъ всякой окраски стекло въ микроскопѣ. Историкъ прежде всего сынъ своей эпохи, подчиняющійся вліянію тѣхъ или другихъ волнующихъ ее умственныхъ и политическихъ теченій, и, по естественному порядку, съ ихъ точки зрѣнія отправляется и въ своей оцѣнкѣ, въ своемъ толкованіи историческихъ событій. Какъ-бы ни быть свидѣущъ, остроумецъ и добросовѣстенъ историкъ,—печать его политическихъ симпатій и воззрѣній неизбежно отразится на его работахъ и сообщаетъ имъ известную окраску. Это тѣмъ болѣе, когда историкъ въ своихъ работахъ преднамѣренно задается дидактическими или политическими цѣлями, отыскивая въ исторіи «уроковъ» и совѣтовъ для современниковъ, почерпая въ ней разъясненіе и оправданіе совершающихся въ дѣйствительности движеній и переворотовъ. Тутъ уже предвзятость и односторонность въ выборѣ и оцѣнкѣ фактовъ, а также въ освѣщеніи всей картины—являются вещью вполне естественной и безпорной.

Такая, весьма распространенная въ настоящее время, утилизациа исторіи, по требованіямъ «довѣющей днени злобѣ»,—дѣло, безъ сомнѣнія, хорошее и назидательное; но только нужно помнить, что, при этомъ, исторія теряетъ научную самостоятельность, да, въ строгомъ смыслѣ, она и вовсе перестаетъ быть здѣсь наукой, потому что наука прежде всего абстрактна и независима.

Въ нашей исторіи, особенно въ древнемъ ея періодѣ, вслѣдствіе скудости достовѣрныхъ источниковъ, многіе факты и личности отличаются, по выраженію г. Костомарова, «судобоподатливостью различнымъ толкованіямъ», вызываемымъ дѣятельностью воображенія и сердца. Отсюда,—продолжаетъ онъ,—происходить вредное для исторической правды возведеніе въ апогею историческихъ дѣятелей, преувеличенія, направленіе въ одну известную сторону изображаемыхъ событій, предпочтенія однихъ сказаній другимъ на томъ только основаніи, что первыя болѣе согласуются съ нашимъ чувствомъ, чѣмъ другія; ревнивое прилипаніе къ одному способу толкованія и безусловное устраненіе всякаго иного; наконецъ, обращеніе предположеній въ догматы...

Извѣстно, что г. Костомаровъ, исходя изъ вышеприведеннаго взгляда, попытался вывести изъ «апогею» многихъ нашихъ «историческихъ дѣятелей», и въ томъ числѣ героевъ смутнаго времени—Минина и Пожарскаго, въ томъ предположеніи, что тамъ, гдѣ народъ здоровъ, крѣпокъ и смѣлеть право уповать на будущее, — тамъ «историки способны стать выше предрасудковъ и смотрѣть безпристрастнѣе и трезвѣе на прошедшее своего отечества», и наоборотъ — только въ дрябломъ, находящемся въ упадкѣ, обществѣ историки «уходятъ всемъ сердцемъ въ свое прошедшее и обращаются съ нимъ самымъ несдержаннымъ и пристрастнымъ способомъ».

Безъ сомнѣнія, во взглядѣ этомъ много основательнаго, но онъ нашелъ себѣ теперь сильнаго противника, въ лицѣ г. Забѣлина, выше означенная

книжка которого является критикой и антитезой отношенія г. Костомарова къ отечественному прошлому, вообще, и къ героямъ смутнаго времени, въ особенности.

Г. Забѣлинъ возстаетъ противъ отрицательнаго отношенія въ родному прошлому. «Какъ извѣстно, — замѣчаетъ онъ съ горькой ироніей, — мы очень усердно только отрицаемъ и обличаемъ нашу исторію и о какихъ-либо характерахъ, идеалахъ не смѣемъ и помыслить. Идеальнаго въ своей исторіи мы не допускаемъ. Какіе у насъ были идеалы, а тѣмъ паче герои!»

Въ противоположность г. Костомарову, стремящемуся разжаловывать героевъ въ простые смертные и какъ-бы обнажать ихъ отъ «апотеозы», сотканной историками-апологистами, г. Забѣлинъ желаетъ ревниво охранить ихъ отъ такой вульгаризаціи и даже не прочь, повидному, рукоплескать идеализаціи героевъ, хотя-бы и въ ущербъ точной исторической правды. Онъ очень остроумно различаетъ, въ этомъ случаѣ, двѣ правды: одну — такъ сказать, черновую, научную, въ которой все, и доброе и худое, можетъ идти въ строку; другую — художественную, патриотически воспитательную, задачей которой должно быть возвеличеніе славы народной, сооруженіе національнаго пантеона и наполненіе его «характерами-идеалами», въ очищенномъ, художественно отшлифованномъ видѣ, въ гордость и назиданіе потомству.

Въ оправданіе этой теоріи, онъ ссылается на классическихъ, римскихъ и греческихъ историковъ, которые-де умѣли изображать въ своей исторіи лучшихъ передовыхъ своихъ дѣятелей не только въ исторической, но и въ поэтической правдѣ. Они умѣли, — продолжаетъ онъ, — различать золотую правду васслугъ героевъ отъ житейской лжи и грязи, въ которой каждый человѣкъ (слѣдовательно, и каждый герой) необходимо проживаетъ и всегда больше или меньше ею марается».

Такое отношеніе исторіи къ героямъ, такое художественное ихъ оповѣтываніе г. Забѣлинъ — опять таки въ противоположность г. Костомарову — считаетъ характеристическимъ признакомъ адоровой, крѣпкой націи, имѣющей «право уповать на будущее». По его мнѣнію, безъ этого просто немыслима истинная «національная исторія» и — только плохой, ничтожный народъ не имѣетъ въ своей исторіи ничего, чѣмъ-бы могъ гордиться, и, отсюда, не уважаетъ своего прошлаго. Далѣе, онъ настаиваетъ на своемъ взглядѣ, имѣя въ виду педагогическія цѣли: онъ находитъ необходимымъ воспитывать подрастающія поколѣнія на примѣрахъ доблести историческихъ «характеровъ-идеаловъ», на уваженіи отечественнаго прошлаго. Исторія-же отрицательная, развѣнчивающая героевъ, по его мнѣнію, не можетъ и воспитывать героевъ, дѣйствуя на юношескіе умы «угнетательно»... «Не за то-ли самое, — заключаетъ г. Забѣлинъ, — большинство русской образованности несетъ можетъ быть очень справедливый укоръ, что оно не имѣетъ почвы подъ собою, что не чувствуетъ въ себѣ своего историческаго національнаго сознанія, а потому и умственно, и нравственно носится попутными вѣтрами во всякую сторону».

Можетъ быть и такъ, но едва-ли виноваты въ этомъ одни лишь историки-скептики: они были-бы не въ силахъ развѣять «чувство своего историческаго сознанія» въ обществѣ, въ которомъ чувство это прочно коренилось-бы.

Впрочемъ, вдаваться въ разборъ теоріи г. Забѣлина мы не станемъ, хотя не можемъ не замѣтить, что въ ней, не смотря на ея односторонность, очень много дѣльнаго и основательнаго. Мы здѣсь хотѣли только показать, какъ еще мало устойчивости и опредѣлительности въ нашей исторической наукѣ даже въ основныя началахъ и по самымъ важнымъ, кореннымъ вопросамъ. Два современныхъ историка, одинаково компетентные и авторитетные, трактуя объ одномъ и томъ же вопросѣ, объ одной и той же эпохѣ и ея герояхъ, притомъ—эпохѣ самой великой и самой характеристической въ русской исторіи, исходятъ изъ совершенно разнорѣчивыхъ точекъ зрѣнія и приходятъ къ диаметрально-противуположнымъ выводамъ.

Явленіе это, безъ сомнѣнія, здоровое — признакъ бодрости мысли и живаго непрерывнаго развитія нашей исторической науки, но въ то же время означаетъ и крайнюю молодость этой науки. Быть можетъ, пора было бы отъ нея потребовать законченности и устойчивости въ опредѣленіи и оцѣнкѣ, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, въ основныя черты: что-же такое, наконецъ, эти событія, хотя-бы на азбучный критерій добра и зла?.. До сихъ поръ въ нашей исторической литературѣ по этимъ вопросамъ происходила только безпрерывная смена «апогеозовъ» — развѣнчаніемъ, апологіи — отрицаніемъ, разрушеніемъ—совидаіемъ, и—обратно. Неудивительно, послѣ этого, и та шаткость и та смутность «историческаго національнаго сознанія» въ нашемъ обществѣ, на которыя указываетъ г. Забѣлинъ...

Настоящій пересмотръ г. Забѣлинымъ исторіи смутнаго времени, безъ сомнѣнія, увлечетъ за собой многихъ читателей и заставитъ ихъ отказаться отъ усвоеннаго ими, по костомаровской редакціи, отрицательнаго воззрѣнія на эту эпоху—потому что г. Забѣлинъ вѣрнымъ чутьемъ и весьма талантливо намѣтилъ ту крѣпкую, надежную историческую почву, въ области которой, и твердо стоя на ней, только и можно правильно судить о той великой эпохѣ, о ея «прямыхъ и кривыхъ» герояхъ.

Почва эта—земля, народъ. Положимъ, это теперь уже общее мѣсто, что въ освобожденіи Руси въ смутное время и въ водвореніи въ ней «праваго порядка»—героемъ и творцомъ былъ русскій народъ; но, кажется, ни одинъ еще историкъ не изслѣдывалъ съ такой глубиной и съ такой, если можно такъ выразиться, пластичностью проявленія народнаго разума и народной воли въ этотъ великій историческій моментъ, какъ это дѣлаетъ г. Забѣлинъ. Кроме того, почтенный историкъ производитъ неотразимое обаяніе на читателя теплотою своего патріотическаго чувства и своей благородной вѣрой въ историческую духовную мощь русскаго народа, русской Земли.

Исходя изъ такого отношенія къ вопросу, г. Забѣлинъ называетъ «прямыми» смутнаго времени истинныхъ представителей Земли, выразителей и исполнителей воли народной, а «кривые» у него тѣ, кто преслѣдовалъ либо дружинные, сословные, либо личные, демагогическія и своекорыстныя цѣли. «Кривыми» оказались въ ту пору бояре и служилые люди въ большинствѣ, «прямыми»—представители «сироты—народа», люди посадскіе.

Широкой, яркой кистью рисуетъ г. Забѣлинъ эти два лагеря, рельефнѣе чѣмъ когда нибудь опредѣлившіеся въ тотъ достопамятный моментъ. «Дружинники» — бояре, искони стремясь «властвовать надъ Землею, а не служить Землѣ», въ смутное время бросились во все тяжкія для достиженія своей завѣтной цѣли. Вся боярская среда тогда, какъ говоритъ г. Забѣлинъ, «исволгалася, перессорилася, потянула въ разные стороны, явилася «истор. вѣстн.», январь, 1884 г., т. XV.

себя особыхъ царей, ото иновемныхъ, ото доморощенныхъ, преслѣдуя лишь одѣнъ цѣли—захватъ власти, захватъ владѣнія».

Хозяина въ царствѣ не было, и въ то время, какъ «бояринъ подыскивался на царство, хотѣлъ быть царемъ»,—родовые дворяне, служилые люди и холопы, «все искали и хватали себя побольше личнаго благополучія и вовсе забывали о томъ, что надо было всей Землѣ».

«Сирота-народъ долго стоялъ передъ домогъ покойника и все видѣлъ, и все слышалъ, что тамъ творилось, и прямо назвалъ все это дѣло воровствомъ, а всѣхъ заводчиковъ смуты—ворами».

«И вотъ здѣсь-то, въ этотъ моментъ нашей исторіи, и представляется до крайности любопытное и назидательное зрѣлище: спокойный, вѣчно страдающій и бѣдствующій сирота-народъ двинулся собраннымъ на свои послѣдніе деньги ополченіемъ усмирять буйство своего правительства; двинулся восстанавливать въ государствѣ тишину и спокойствіе, нарушенное не имъ, народомъ, а его правительствомъ, которое между тѣмъ всегда жаловалось на бунты и неповиновеніе народа-же: онъ пришелъ спасать, поднимать правительство, изнеможенное въ крамолахъ и смутахъ, запродавшее родную Землю въ иновѣрческія руки»...

Это народное движеніе было явленіемъ совершенно новымъ и особеннымъ, отсюда «ясно, что и всѣ герои этого движенія должны быть иные люди, чѣмъ герои прежняго движенія».

Съ этой-то точки зрѣнія г. Забѣлинъ и оцѣниваетъ Минина и Пожарскаго, и, разумѣется, въ противоположность скептической оцѣнкѣ ихъ г. Костомаровымъ, горячо и рѣшительно предъ ними преклоняется.

Онъ соглашается, что эти люди «на театральннй взглядъ вовсе незамѣчательны и даже не замѣтны». «Они не порывисты, степенны, до крайности осторожны и осмотрительны, а потому медлительны»... Но,—справедливо замѣчаетъ авторъ,—«такъ всегда бываетъ со всѣми, когда люди работаютъ не для себя, а для общаго дѣла, когда они впередъ выставляютъ не свою личность, а прежде всего это общее дѣло. Общее дѣло, которое несли на своихъ плечахъ наши герои, Мининъ и Пожарскій, совсѣмъ покрыло ихъ личности; въ-за него ихъ вовсе не видно было, а они вовсе о томъ не думали—видно-ли ихъ, или не видно».

Это очень остроумное и вѣрное замѣчаніе. Далѣе г. Забѣлинъ, шагъ за шагомъ, критически провѣряя историческія свѣдѣнія о своихъ герояхъ и полемизируя неотступно съ г. Костомаровымъ относительно толкованія этихъ свѣдѣній и истиннаго пониманія личностей Минина и Пожарскаго, старается объять послѣднихъ отъ всѣхъ упрековъ и порицаній. Пожарскій, почитаемый, обыкновенно, человѣкомъ ограниченнымъ и далеко не важнымъ полководцемъ, — является въ рисовкѣ г. Забѣлина, вполне отвѣчавшимъ высотѣ своего призванія, мужемъ разума, совѣта и воинской доблести. Такимъ же образомъ, жесткій практикъ, крутой нравомъ, властолюбивый и не совсѣмъ безупречный въ дѣлахъ денежныхъ, Мининъ, какъ его изобразилъ г. Костомаровъ, — на картинѣ г. Забѣлина выступаетъ неподкупно-чистымъ, вполне «явлюбленнымъ» народомъ, самоотверженнымъ героемъ... Аргументируетъ себя въ этомъ случаѣ г. Забѣлинъ тѣмъ доводомъ, что будь Мининъ и Пожарскій иными людьми—народъ-бы и не избралъ ихъ въ исполнители своей воли и въ руководители своего великаго подвига.

О безошибочности народныхъ, «мірскихъ» выборовъ «явлюбленныхъ» лю-

да и можно, конечно, спорить, какъ можно оспаривать и подробности апологической оцѣнки характеровъ Минина и Пожарскаго почтеннымъ авторомъ; но онъ правъ безспорно, и по отношенію къ этимъ историческимъ личностямъ, и вообще, когда говоритъ, что у исторіи особая мѣра нравственной оцѣнки людскихъ дѣлъ и подвиговъ—«это мѣра достигаемаго тѣми дѣлами и подвигами всенароднаго (общечеловѣческаго) счастья, мѣра достигаемой не ложной, а истинной и всесторонней свободы для всѣхъ, для всего народа и для всего человѣческаго рода, ибо родовое, но отнюдь не видовое, не сословное, но всенародное общечеловѣческое счастье и свобода и составляютъ прямую, да и единственную цѣль общечеловѣческаго всенароднаго развитія».

«Кто служилъ и служить этой цѣли, тотъ самъ собою приобретаетъ въ исторіи славное великое имя спасителя и устроителя человѣческаго счастья; кто отбиваетъ народное развитіе отъ этой цѣли, тотъ самъ собою приобретаетъ въ исторіи заслуженное осужденіе и даже проклятіе потомства».

Это — прекрасныя слова, и, становясь на эту, единственно вѣрную и твердую въ исторической наукѣ, точку зрѣнія, мы, разумѣется, должны признать Минина и Пожарскаго несомнѣнными народными героями, незабвенными подвижниками блага, спасенія и историческаго развитія русской Земли!

Мих. Н—евичъ,

Родъ Князей Зацѣпныхъ. Историческій романъ, соч. Шардина.
 Два тома. Спб. 1883 г.

Судьба русскаго историческаго романа довольно странная. Вызванный влияніемъ гениальныхъ произведеній Вальтеръ-Скотта, онъ начался у насъ въ эпоху, далеко неблагоприятную для этого рода искусства. Сочувствіе къ старой русской жизни, подъ влияніемъ западно-европейскаго образованія, было еще крайне слабо, изученіе нашей народности едва только начиналось, многія стороны и явленія нашей исторіи составляли предметъ невыясненный и спорный, количество обнаруженныхъ письменныхъ памятниковъ, въ родѣ мемуаровъ и историческихъ записокъ, было скудно до крайности. Материаломъ для романиста, покушавшагося изобразить каку-нибудь, болѣе или менѣе отдаленную эпоху нашей общественной жизни, служила только исторія Карамзина да небольшое число другихъ историческихъ монографій. То, что англійскій романистъ видѣлъ наглядно въ массѣ сохранившихся и всѣмъ доступныхъ памятникахъ, у насъ нужно было внимательно изучать и даже угадывать. Вотъ почему русскій историческій романъ въ первую эпоху его существованія представляетъ не много капитальныхъ произведеній. Даже въ сочиненіяхъ такихъ даровитыхъ писателей, какъ Загоскинъ и Лажечниковъ, въ настоящее время видны крупныя недостатки, зависящіе преимущественно отъ бѣдности тогдашней исторической литературы. Только гениальной чуткости Пушкина и Гоголя удалось создать такія произведенія, какъ «Капитанская Дочка» и «Тарасъ Бульба», которыя составляютъ гордость нашей литературы и могутъ быть поставлены на ряду съ самыми лучшими романами Вальтеръ-Скотта. Между тѣмъ успѣхъ первыхъ, хотя не совершенныхъ, но замѣчательныхъ по своей новостн сочиненій въ этомъ

родѣ, породилъ цѣлую толпу посредственныхъ и даже вовсе бездарныхъ писателей, которые увлеклись мнимой легкостью этого рода литературнаго труда и скоро успѣли его опошлить. Единственнымъ матеріаломъ для этихъ надѣлій служила исторія Карамзина: изъ нея брался обыкновенно какой-нибудь самъ по себѣ занимательный эпизодъ, къ нему приплеталась вымышленная интрига и обставлялась придуманными лицами. Это скоро совсѣмъ уронило историческій романъ и даже породило мнѣніе, будто это ложный родъ искусства. Онъ на нѣсколько лѣтъ совсѣмъ исчезъ изъ нашей литературы.

Новая эпоха для русскаго историческаго романа настала съ появленія сочиненія графа А. Толстого «Князь Серебрянный». Это было уже время гораздо болѣе благопріятное для такого рода литературы. Труды Забѣлина, Бѣляева, Костомарова и многихъ другихъ ученыхъ, пролили свѣтъ на темныя до тѣхъ поръ стороны нашей исторіи и стараго русскаго быта. Масса долго лежавшаго подъ спудомъ историческаго матеріала явилась въ многочисленныхъ томахъ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества»; множество мемуаровъ, записокъ и воспоминаній различныхъ лицъ о различныхъ эпохахъ нашей минувшей жизни вышло въ свѣтъ и отдѣльными изданіями, и въ книжкахъ спеціально посвященныхъ нашей старинѣ журналовъ: «Русскій Архивъ», «Древняя и Новая Россія», «Русская Старина», «Историческій Вѣстникъ». Все это представляло обильный матеріалъ для историческаго романа. Но здѣсь произошло новое странное явленіе. Какъ прежде скудость источниковъ, такъ теперь самое обиліе ихъ послужило ко вреду этого рода искусства. За весьма немногими исключеніями, историческіе романы этого втораго современнаго намъ цикла болѣе или менѣе отступаютъ отъ прекраснаго образца Вальтеръ-Скотта, который имѣлъ въ виду постройку занимательнаго вымысла на исторической почвѣ и знакомство съ прошлой жизнью посредствомъ соединенія художественной фабулы съ картиною быта и нравовъ, присущихъ каждой эпохѣ. Въ нашихъ современныхъ историческихъ романахъ почти не существуетъ фабулы и все содержаніе ихъ состоитъ обыкновенно изъ рассказа какіхъ нибудь дѣйствительныхъ событій, почерпаемаго изъ историческихъ записокъ и мемуаровъ. Это болшею частію не что иное, какъ простая компилляція готовыхъ матеріаловъ, слегка связанная подобіемъ какого-нибудь неатѣйливаго вымысла. Понятно, что при такомъ упрощенномъ взглядѣ на значеніе историческаго романа, наши новые романисты должны были предпочитать такіа эпохи русской жизни, для изображенія которыхъ представляется болѣе источниковъ въ изданныхъ мемуарахъ и воспоминаніяхъ. Этимъ и объясняется, почему XVIII вѣкъ сдѣлался влюбленнымъ временемъ для нашихъ современныхъ Вальтеръ-Скоттовъ. Обиліе матеріаловъ по этой эпохѣ, которая сама по себѣ представляетъ цѣлый рядъ занимательныхъ историческихъ происшествій и обширную галерею характерныхъ лицъ, ясно и живо изображенныхъ ихъ современниками въ многочисленныхъ запискахъ, избавляетъ нашихъ романистовъ отъ собственнаго творчества и даетъ имъ не только канву, но и значительно уже готовую на ней вышивку. Искусство писателя состоитъ при этомъ только въ умѣнїи навязать отдѣльные событія въ одну общую нить, пополнить нѣкоторые пробѣлы мелочными подробностями и къ числу взятыхъ цѣликомъ историческихъ лицъ прибавить нѣсколько вымышленныхъ. Конечно, этимъ искусствомъ не всѣ наши современные романисты

владѣють въ одинаковой степени. Если большинство ихъ можетъ быть названо только компиляторами, то у нѣкоторыхъ эти компилятивные романы не лишены своего рода интереса и даже литературныхъ достоинствъ.

Есть число романовъ, построенныхъ по этой методѣ на событіяхъ русской общественной или, точнѣе сказать, государственной жизни, принадлежить печатавшееся въ одномъ изъ нашихъ литературныхъ журналовъ и теперь вышедшее отдѣльнымъ изданіемъ сочиненіе г. Шардина «Родъ Князей Зацѣпинныхъ». Главный рассказъ автора обнимаетъ періодъ времени съ послѣдняго года царствованія императрицы Анны Иоанновны до восшествія на престолъ Елизаветы Петровны. Здѣсь подробно переданы по современнымъ запискамъ всѣ дворцовыя и государственныя событія, которыми сопровождалось регентство Вирона и Анны Леопольдовны и воцареніе дочери Петра Великаго, причѣмъ выведены всѣ не только главные, но и второстепенныя историческія лица, прямо или косвенно участвовавшія въ тогдашнихъ переворотахъ и подготовительныхъ къ нимъ интригахъ и заговорахъ. Это собственно не романъ, а хроника происшествій въ русской государственной жизни по взятому авторомъ періоду времени. Въ хроникѣ этой находите и казнь Волинскаго, и арестъ Вирона, и низверженіе правительницы Анны, и переворотъ, произведенный цесаревною Елизаветой; тутъ являются герцогъ и герцогиня Виронъ, Минихъ, Остерманъ, Лестокъ, Штарди, князь Борисъ Куракинъ, Шуваловы Левенвольдъ, графъ Линаръ, Разумовскій, Шубинъ, статсъ-дамы, фрейлины, камергеры, придворные шуты и проч. и проч. Это длинная галерея дѣйствительныхъ лицъ, хорошо знакомыхъ читателямъ историческихъ записокъ прошлаго столѣтія. При этомъ подробно описываются балы, обѣды и визиты въ высшемъ кругу тогдашняго петербургскаго общества, съ подробнымъ указаніемъ того, кто съ кѣмъ танцевалъ, въ какомъ порядкѣ сѣдѣли за столами, о чемъ говорили, кто какъ держался, въ чемъ былъ одѣтъ, какіе имѣлъ ордена, какъ убранъ былъ кабинетъ вельможи, какъ монтирована его столовая, какія подавались за обѣдомъ блюда. Чтобы показать, до какой степени утомительно слѣдить за множествомъ выведенныхъ въ хроникѣ лицъ, мы приведемъ рассказъ автора о томъ, какъ молодой князь Зацѣпинъ, возвратясь изъ Парижа въ Петербургъ, спѣшитъ показаться въ столичномъ обществѣ. «Первый его выѣздъ, пишетъ нашъ романистъ, былъ сдѣланъ къ Трубецкимъ, генераль-фельдмаршалу и генераль-прокурору. Дочь фельдмаршала Трубецкаго, принцесса гессенъ-гамбургская, тогда тоже уже жена фельдмаршала, влюбилась въ него съ разу и поддерживала такимъ образомъ его парижскую репутацію. Но ему нужно было не это, и онъ поѣхалъ къ генераль-прокурору. Тамъ его приняли какъ роднаго, какъ своего, и не стали скрывать своей ненависти къ нынѣшнему министерству, называя канцлера Вестужева не иначе, какъ креатурою Вирона. Отъ нихъ онъ заѣхалъ къ князю Куракину, оберъ-штальмейстеру. Князь сообщилъ ему всѣ обычаи новаго двора и очертилъ лицъ, окружающихъ императрицу. Андрей Васильевичъ хорошо зналъ и Воронцова, и Шуваловыхъ. Но когда Куракинъ началъ было говорить о Разумовскомъ, о его случаѣ, Зацѣпинъ перебилъ разговоръ... Слѣдующій день былъ посвященъ посѣщенію лицъ бывшаго двора цесаревны. Воронцовъ принялъ его весьма обязательно, Нарышкинъ даже съ чувствомъ. Онъ вспомнилъ его дядюшку, его вечера, его искусство жить. Шуваловы тоже приняли его, если не симпатично, то весьма вѣжливо. Заѣхалъ онъ и къ своему бывшему начальнику, Ушакову, и къ принцу гессенъ-

гомбургскому, на котораго было возложено тогда командование гвардіей, жена котораго, видѣвъ князя Андрея Васильевича у своего отца, прямо растаяла отъ нѣжности, и разумѣется какъ ховяйка засыпала своими любовностями... Какое понятіе, спросимъ мы, можетъ составить читатель объ упомянутыхъ вѣдѣсь лицахъ по сухому перечню, лишенному всякихъ слѣдовъ искусства? Есть ли тутъ что-нибудь похожее на живопись или сценичность, какія требуются отъ романа, какъ произведенія поэтическаго? Между тѣмъ, сочиненіе г. Шардина обилуетъ подобными страницами. Но этого мало. Въ этомъ такъ-называемомъ романѣ читатели найдутъ на дѣлныхъ десяткахъ страницъ обширныя разсужденія о крѣпостномъ правѣ, о трудѣ и капиталѣ, трактаты въ естественной исторіи о пчелахъ, о правахъ рабочихъ пчелъ и трутней, наконецъ, послужные списки военныхъ и гражданскихъ лицъ и перечень полученныхъ ими по разнымъ случаямъ наградъ. Вотъ, напримѣръ, разсказъ о милостяхъ, которыхъ удостоены были приверженцы Елизаветы Петровны вслѣдъ за ея воцареніемъ. «Влижайшія лица ея двора, бывшіе камеръ-юнкеры Шуваловы, Воронцовъ и Разумовскій, были сдѣланы ея дѣйствительными камергерами. Одинъ изъ Шуваловыхъ, Александръ Ивановичъ, любимецъ цесаревны, былъ назначенъ начальникомъ тайной канцеляріи, вмѣсто ужаснаго Ушакова, который за усердіе и многія службы былъ назначенъ сенаторомъ, получилъ золотую цѣпь Андрея, а послѣ и графское достоинство... Генераль-аншефы Румянцевъ, Чернышевъ и Левашевъ, и дѣйствительный тайный совѣтникъ Алексѣй Петровичъ Вестужевъ-Рюминъ получили андреевскія ленты, а графъ Головинъ, князь Куракинъ, какъ имѣвшіе уже этотъ орденъ, вмѣстѣ съ Ушаковымъ, получили золотыя цѣпи, высшій знакъ кавалеровъ Андрѣя Первованнаго. Михаилъ Петровичъ Вестужевъ былъ сдѣланъ оберъ-гофмаршаломъ... Лестокъ былъ назначенъ первымъ лейбъ-медикомъ двора ея величества и собственнымъ докторомъ государыни, произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, сдѣланъ управляющимъ всею медицинскою частью имперіи, съ огромнымъ по тому времени содержаніемъ 7000 р., кромѣ разныхъ акциденцій. На уплату долговъ ему была дана значительная сумма, пожаловано имѣніе, а вскорѣ дано и графское достоинство»... И подобными этому перечню страницами уснащается все обширное сочиненіе г. Шардина. Предоставляемъ самимъ читателямъ судить, на сколько это умѣстно въ романѣ.

Но вѣдѣ должна же при этомъ быть въ сочиненіи какая-нибудь интрига, по мимо чисто-историческихъ фактовъ, разсужденій о пчелахъ и послужныхъ списковъ? Есть же въ немъ что-нибудь такое, почему авторъ позволилъ себѣ назвать его романомъ? Вотъ въ короткихъ словахъ та нить, которую г. Шардинъ старался связать всю массу взятаго имъ матеріала. Въ одномъ отдаленномъ углу Россіи, на берегахъ рѣки Ветлуги, въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка жилъ помѣщикъ Зацѣпинъ, принадлежавшій къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ нашего отечества. Зацѣпины происходили, являете видѣть, прямо отъ Рюрика, были долго удѣльными князьями, считали себя выше великихъ князей московскихъ, гордились своимъ родомъ и думали, что «нѣтъ на Руси, да и въ цѣломъ мірѣ имени, которое могло бы равняться съ нимъ». Не велики были ихъ владѣнія, но велика родовая гордость. Не смотря на то, что историческій ходъ русской жизни не позволялъ имъ вертаться съ возростающею силою и властью Москвы, они не думали подчиняться ей, и даже въ то время, когда великій князь Иванъ Васильевичъ

стать собирать разрозненные части Руси, Заѣзичины уступили ему свой удѣлъ на условіи сохраненія имъ нѣкоторыхъ владѣльческихъ правъ. Но принужденные отказаться отъ независимости, они не теряли убѣжденія, что рано или поздно снова приобрѣтутъ ее и будутъ такими же властными князьями, какими были ихъ предки Ярославъ Мудрый и Владиміръ Мономахъ. Живя въ своей глуши, держась постоянно старыхъ обычаевъ, чуждаясь государственной службы и образованія, они не оставляли своей безумной надежды и въ то время, когда могучая рука Петра Великаго начала привлекать къ дѣятельности людей изъ самыхъ темныхъ трущобъ Россіи. Только послѣ того, какъ одного изъ князей Заѣзичинныхъ грозный государь послалъ учиться за-границу, а другой долженъ былъ неволью протянуть долгую служебную лямку, послѣдній понялъ, что возвратитъ силу захудалому роду можно не упорной оппозиціей правительству, а службою ему и умѣньемъ составить карьеру при дворѣ. Додумавшись до такой простой мысли, князь Василій Дмитріевичъ Заѣзичинъ посылаетъ своего молодого сына Андрея въ Петербургъ къ дядѣ его, который послѣ науки за-границей и успѣховъ въ Парижѣ, занялъ видное положеніе и велъ роскошную жизнь въ столицѣ. Романъ начинается съ приѣзда въ Петербургъ молодого князя Андрея Васильевича Заѣзичина, который, и есть главный герой въ сочиненіи г. Шардина. Превращеніе этого дикаря въ столичнаго питомца, начало его успѣховъ въ свѣтѣ, потомъ поѣздка въ Парижъ, окончаніе свѣтскаго воспитанія въ его модныхъ салонахъ, возвращеніе въ Россію, блестящее появленіе при дворѣ только что вступившей на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, наконецъ опала и уединенная жизнь въ родовомъ селѣ, а затѣмъ неожиданная смерть отъ борьбы съ медвѣдемъ и посвященіе передъ кончиною въ схиму, — вотъ что служитъ фабулой, скрѣпляющей длинную цѣпь политическихъ событій взятой авторомъ эпохи. Какъ историческая сторона романа, такъ точно и эта вымышленная часть его отличается множествомъ утомительныхъ подробностей и вставныхъ эпизодовъ. Такъ, напримѣръ, въ формѣ рукописи монаха, повѣствующаго о родѣ Заѣзичинныхъ, здѣсь помѣщена цѣлая лѣтопись событій въ Россіи, начиная съ Гостомысла и призванія новгородцами варяжскихъ князей. Въ рассказѣ, напоминающемъ то учебникъ исторіи, то книжку для дѣтскаго чтенія, авторъ передаетъ элементарныя свѣдѣнія объ Олегѣ, Святославѣ, Владимірѣ Святомъ, Ярославѣ, о происхожденіи удѣльной системы и нашествіи татаръ, объ Андрѣѣ Боголюбскомъ и Дмитріи Донскомъ и т. д. Въ какой степени исторически вѣрна эта заѣзичинская лѣтопись, читатели могутъ судить по рассказу о воинскомъ зрѣлищѣ, на которое великій князь владимірскій Юрій Всеволодовичъ пригласилъ князей рязанскихъ, съ цѣлью показать имъ свою гвардію. Вотъ этотъ любопытный парадъ: «Только великій князь съ князьями вышелъ, трубачи, сурминники и лаврички своему князю славу заиграли. Пошли по рядамъ, вядать—одинъ рядъ другого бравѣе, одинъ другого отважнѣе,—красота просто! И одѣты они всѣ особенно: въ переднихъ рядахъ шишаки, кольчуги и карамники, въ рукахъ копьѣ, а къ боку меча привѣшены. Второй рядъ безъ кольчуги, въ однихъ карамникахъ, зато сѣкиры и бердыши въ рукахъ; а въ задніе ряды слачи все подобраны, вмѣсто шишака медвѣжья шапка на головѣ и также карамники, а въ рукахъ палица съ желѣзнымъ обухомъ и желѣзнымъ наконечникомъ, да еще большой ножъ на обѣ стороны; посмотришь—страшно становится! Особый отрядъ стрѣлковъ и арбалетчиковъ былъ съ луками, арбалетами и пища-

лями, изъ которыхъ стрѣлы и камни бросали, да еще челвѣкъ съ десятокъ было съ какими-то греческими самопалами. Когда великій князь обошелъ съ гостями своими по рядамъ, его дружина великокняжеская ему ура и славу прокричала. Юрій Всеволодовичъ велѣлъ ей проходить передъ нимъ отрядами, по городамъ и волостямъ. И пошли они стройно, бойко, весело; съ шагу не сбивались, одинъ другому не мѣшали. Когда всѣ прошли, князь велѣлъ изъ луковъ, пищалей и арбалетовъ стрѣлать; попадали мѣтко. Не очень толстую дощечку стрѣлой на вылетъ пробивали». Такіе-то военные парады съ маневрами и стрѣлбою, по заявленію г. Шардина, происходили у насъ въ первой половинѣ XIII вѣка, передъ нашествіемъ Батты. Можно ли, спросимъ мы, вводить такимъ образомъ въ заблужденіе читателей, которые должны видѣть въ историческомъ романѣ жизненную правду не только въ дѣйствительныхъ событіяхъ, но и въ самомъ вымыслѣ.

Но г. Шардинъ не только извращаетъ нашу далекую старину въ измышленной имъ лѣтописи монаха, а съ такою же легкостью относится и къ рассказамъ о болѣе близкомъ къ намъ времени. Пользуясь записками иностранцевъ о событіяхъ въ Россіи и государственныхъ лицахъ прошлаго столѣтія, онъ относится къ этимъ источникамъ съ полнымъ довѣріемъ, безъ всякаго критическаго разбора, забывая то, что въ этихъ мемуарахъ много рассказовъ болѣе нежели сомнительныхъ. Конечно, романистъ не историкъ, и мы не имѣемъ права требовать отъ него строгой критики, но во всякомъ случаѣ, выводя историческое лицо, онъ долженъ поступать въ отношеніи къ нему осмотрительно, не допускать въ изображеніи его того, что навязано ему по легкомыслию иностранцами, а тѣмъ болѣе самому надѣлать его своими вымыслами. Романистъ можетъ создать свои вымышленныя лица какъ угодно, но дѣятели историческихъ онъ обязанъ показывать въ такихъ чертахъ, какія несомнѣнно имъ принадлежали. Въ этомъ отношеніи г. Шардинъ также не безупреченъ. Известно, напримѣръ, какое участіе принималъ Лестокъ въ судьбѣ цесаревны Елизаветы и въ какихъ находился къ ней отношеніяхъ, но нельзя не усомниться въ возможности тѣхъ совѣтовъ и наставленій, которые въ разсматриваемомъ нами романѣ даетъ онъ великой княжнѣ, въ видахъ поддѣлывать на восстановление ея здоровья и доставить ей развлеченіе. Если это и могло быть, то конечно не въ такой формѣ, какъ передаетъ авторъ. Едва-ли цесаревна, при всей довѣренности къ своему медику, могла повѣрять ему такіа задушевные мысли и чувства, которыя не всегда высказываются и духовнику.

Мы не стали бы распространяться о романѣ г. Шардина, еслибы въ немъ, при всѣхъ указанныхъ нами недостаткахъ въ общемъ планѣ и подробностяхъ, не было такихъ сторонъ, которыя заслуживаютъ вниманія по несомнѣннымъ достоинствамъ и обличаютъ дарованіе автора. Нѣкоторые отдѣльные эпизоды сочиненія, взятые сами по себѣ, обработаны очень удачно. Таковъ, напримѣръ, рассказъ о пріемѣ и экзаменѣ молодыхъ дворянъ Петромъ Великимъ передъ отправленіемъ ихъ въ ученіе за-границу. Еще съ большимъ искусствомъ написанъ эпизодъ, въ которомъ описывается пребываніе старшаго князя Зацѣпина во Франціи, житье его въ парижской навигаторской школѣ, присутствіе на пышной свадьбѣ маркиза Куаньи, участіе въ морской битвѣ съ голландцами и наконецъ представленіе королю Людовику XIV послѣ побѣды. Все это передано въ картинныхъ сценахъ, полныхъ правды, живости и интереса. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы весь ро-

мангь быть написанъ съ такимъ искусствомъ, какъ эти сцены, не страдать запутанностью плана, массою нагроможденныхъ лицъ, большею частію совсѣмъ ненужныхъ, и не утомлялъ мелочными подробностями, то онъ могъ бы быть цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу. Во всякомъ случаѣ его нельзя смѣшивать съ тѣми бездарными издѣліями, которыя въ такомъ обиліи фабрикуются въ наше время подъ видомъ историческихъ романовъ. Самый языкъ г. Шардина, особенно въ тѣхъ эпизодахъ сочиненія, на которые мы сейчасъ указали, обличаетъ человѣка, вполне владѣющаго литературнымъ перомъ.

А. М.

**Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго. Съ портретомъ Ф. М. Достоевскаго и приложеніями.—
С.-Петербургъ. 1883.**

Появленіе весьма объемистаго тома «Биографіи» Ф. М. Достоевскаго, во всякомъ случаѣ, представляетъ собою фактъ выдающійся. Наши замѣчательнѣйшіе писатели несчастливы на биографовъ, и обыкновенно только юбилей заставляеть литературу сказать о писателѣ хоть что нибудь. Вѣдь о Пушкинѣ есть только работы Анненкова, да въ настоящее время начать трудъ г. Невеленова. Относительно Лермонтова существуютъ лишь статьи г. Висковатова, и только одному Гоголю пришлось, недолго послѣ смерти, ждать своего биографа, появившагося въ лицѣ Кулиша. Биографія Достоевскаго показываетъ, что за послѣднее время сдѣланъ крупный шагъ въ области историко-литературныхъ явленій, шагъ, выражающійся въ болѣе энергичномъ и своевременномъ подведеніи итоговъ дѣятельности нашихъ крупнѣйшихъ писателей. Десять лѣтъ тому назадъ, невозможно было бы появленіе обширнаго, въ 50 печатныхъ листовъ, тома, посвященнаго биографіи писателя, еще столь недавно сошедшаго въ могилу.

Отлагая до слѣдующей книжки нашего журнала обстоятельный отчетъ о вышедшей въ свѣтъ «Биографіи» Достоевскаго, съ цѣлью сведенія къ возможно единому цѣлому всѣхъ данныхъ, освѣщающихъ жизнь, характеръ, литературную дѣятельность и общественное значеніе покойнаго писателя, мы дадимъ здѣсь лишь краткое обзорѣніе заключающагося въ ней матерьяла. Мы говоримъ матерьяла потому, что сырые историко-литературные факты занимаютъ гораздо больше половины объемистаго тома. Попытку обработать этотъ матерьялъ представляютъ двѣ статьи: О. Э. Миллера, остановившаго свое вниманіе на первомъ періодѣ жизни покойнаго писателя, отъ самаго его рожденія до возвращенія изъ каторги и ссылки, и Н. Н. Стрехова, живописующаго передъ нами жизнь Ф. М. Достоевскаго въ періодъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ и вплоть до самой его смерти. Оба вышеназванные авторы подошли къ своей задачѣ, взглянувъ на нее съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Профессоръ Миллеръ взялся за свое дѣло съ приемами историко-литературнаго изслѣдователя, подвергъ тщательной критикѣ собранный матерьялъ, не упустивъ изъ виду довольно многочисленныхъ автобіографическихъ данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ сочиненій покойнаго романиста, и примѣненныхъ къ поясненію соответственныхъ моментовъ жизни Федора Михайловича. Такой приемъ, конечно, обусловилъ всестороннюю

обработку всего наличнаго биографическаго матерьяла. Весьма жаль, что для биографіи такого замѣчательнаго писателя, какимъ былъ Ф. М. Достоевскій, ничего не сдѣлали нѣкоторые собраты его по перу, стоявшіе близко къ Достоевскому чуть-ли не втеченіе всей его жизни, а, главное, видѣвшіе во-очію разцвѣтъ его литературной дѣятельности, алополучно совпавшій для него съ слишкомъ крутымъ поворотомъ въ его судьбѣ.

Что касается г. Страхова, то онъ взглянулъ на свою задачу совершенно иначе и далъ лишь довольно пространна личныя воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ, съ которымъ онъ сблизился, участвуя своими трудами въ изданіи журналовъ «Время» и «Эпоха», и потому понятно, что онъ особенно серьезно остановился на изложеніи періода, всецѣло отданнаго братьями Достоевскими этимъ повременнымъ изданіямъ, не упустивъ при этомъ случая обрисовать извѣстными красками и то бурное время шестидесятыхъ годовъ, среди котораго братьямъ Достоевскимъ пришлось со всѣмъ усердіемъ окунуться въ кипучую журнальную дѣятельность. Точно также для уясненія этой дѣятельности и ея задачъ весьма полезны и характерны напечатанныя въ приложеніи объявленія о подпискѣ на журналъ «Время» въ 62 и 63 годахъ, и на журналъ «Эпоха» въ 65 году, подробно излагающія направленіе журналовъ братьевъ Достоевскихъ.

По мѣрѣ приближенія къ послѣднимъ годамъ жизни покойнаго писателя, краски въ изложеніи г. Страхова блѣднѣютъ и факты изсыкаютъ, такъ что, напримѣръ, онъ прямо отказывается подробно и безъ недомолвокъ говорить объ участіи Федора Михайловича въ журналѣ «Гражданинъ».

Но за всѣмъ тѣмъ сырой матерьялъ, предложенный въ разбираемомъ нами томѣ, несомнѣнно очень богатъ. Здѣсь, конечно, первое мѣсто занимаютъ многочисленныя письма Федора Михайловича къ его брату Мих. Мих. Достоевскому, съ которымъ его всю жизнь соединяла нѣжная и искренняя дружба. Достоинный интересъ представляютъ также письма къ барону Врангелю для періода заграничной жизни Федора Михайловича, чрезвычайно важныя письма къ А. Н. Майкову и Н. Н. Страхову, въ которыхъ особенно опредѣленно и ярко рисуется рѣзкій поворотъ въ убѣжденіяхъ покойнаго художника, поворотъ, вслѣдствіе котораго онъ, изъ автора «Мертваго дома» и редактора-издателя журнала «Время», превратился въ автора «Вѣсовъ» и «Братьевъ Карамазовыхъ».

Переписка, относящаяся къ концу 70-хъ годовъ и возникшая благодаря изданію Федоромъ Михайловичемъ его «Дневника», въ концѣ концовъ даетъ очень мало чисто-автобиографическихъ данныхъ, потому что, понятно, письма эти писались Достоевскимъ не для себя и не о себѣ, а для тѣхъ лицъ, кому они адресовались. Замѣтки изъ записной книжки могутъ быть съ пользою употреблены для сличенія и сопоставленія этихъ набросковъ съ ихъ окончательной отдѣлкой въ «Дневникѣ Писателя». Весьма интересно прослѣдить, что рождалось въ головѣ писателя, такъ страстно относившагося къ окружающей его дѣйствительности и что могло найти немедленное выраженіе въ печати, да еще при такихъ оригинальныхъ и благоприятныхъ (въ смыслѣ самостоятельности) условіяхъ, въ какія поставилъ себя покойный романистъ, предпринявъ изданіе «Дневника».

Статья, подъ заглавіемъ «Участіе и поминки Ф. М. Достоевскаго въ славянскомъ благотворительномъ обществѣ», даетъ также довольно интересныя биографическія данныя, заключая въ себѣ многія прочувствованныя рѣчи лицъ, болѣе или менѣе близкихъ къ покойному писателю.

Такимъ образомъ, вообще, томъ биографіи Ф. М. Достоевскаго чрезвычайно богатъ содержаніемъ и уясняетъ, до возможныхъ предѣловъ, умственный и нравственный обликъ покойнаго художника, со всѣмъ многообразіемъ его отъщепенной натуры, ярко отражавшей всѣ стороны человѣческой жизни и никогда не замыкавшейся въ узкія рамки извѣстныхъ взглядовъ и направленій.

А между тѣмъ съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ и можно черпать изъ вышесказаннаго богатаго матеріала именно тѣ данныя, которыя могутъ послужить для созданія такого или иного образа замѣчательнѣйшаго нашего художника, въ интересахъ тѣхъ или другихъ взглядовъ. Но задача спокойной и безпристрастной историко-литературной критики именно въ томъ и состоитъ, чтобы выять непреложные факты изъ жизни и дѣятельности писателя и примириться съ той картиной, которую они дадутъ сами по себѣ,—вообще отнестись къ поставленной задачѣ вполне объективно. Постараемся сдѣлать именно это въ обстоятельномъ по возможности обзорѣ жизни и дѣятельности покойнаго писателя, пользуясь для нашей цѣли матеріалами, предложенными его биографами.

Е. Г.

Сборникъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпуски 3-й и 4-й (изданіе комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ). Москва 1883 г.

Этотъ сборникъ сталъ появляться съ 1880 года и уже обогатилъ историческую науку нѣсколькими очень любопытными и цѣнными данными. Въ вышедшемъ нынѣ объемистомъ томѣ, представляющемъ третій и четвертый выпуски, содержатся слѣдующія статьи: «Начало сношеній Россіи съ Турціею, послѣ Іоанна III», А. Неклюдова; «Московскій главный архивъ и его прежніе посѣтители» барона Ф. Болера; окончаніе пространнаго добросовѣстнаго литературнаго труда Уляницкаго (магистра международнаго права) «Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ» (очерки дипломатической исторіи восточнаго вопроса); «Обозрѣніе библиотеки московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ», И. Токмакова и «Каталогъ изданіямъ комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ состоящей при означенномъ архивѣ.» Статья г. Токмакова обстоятельно знакомитъ съ богатствами этой библиотеки, состоящей нынѣ изъ 32,205 томовъ книгъ, рукописей, картъ и плановъ. Доступъ въ эту библиотеку для занятій разрѣшается директоромъ архива.

Исслѣдованіе г. Неклюдова знакомитъ насъ съ первыми сношеніями русскаго государства съ султанами турецкими и съ первымъ русскимъ посольствомъ въ Константинополь. Изъ этого исслѣдованія видно, что начало сношеній Россіи съ Турціею, по завоеваніи турками Константинополя, отличалось мирнымъ и дружественнымъ характеромъ; что обоимъ государствамъ чужды были задуманные впередъ враждебные замыслы, напримѣръ мысль со стороны царей московскихъ объ овладѣніи Константинополемъ; что причину этого дружественнаго расположенія слѣдуетъ видѣть въ политическихъ и торговыхъ расчетахъ Россіи и Турціи и что наконецъ послѣдствіемъ по-

добныхъ отношеній было установленіе правильныхъ обоюдныхъ сношеній, причемъ Порты признавала за московскими царями полную по отношенію къ себѣ равноправность и особенно дорожила дипломатическими сношеніями съ нами.

Первымъ русскимъ посломъ къ турецкому султану былъ отправленъ стольникъ Михаилъ Андреевичъ Плещеевъ, однимъ изъ предковъ котораго былъ св. Алексѣй, митрополитъ московскій, воспитатель Дмитрія Донского. Плещеевъ не согласился подчиниться разнымъ унижительнымъ церемоніямъ, установленнымъ при стамбульскомъ дворѣ для иностранныхъ посланниковъ, которыя переносили представители западныхъ европейскихъ державъ. Напримѣръ извѣстно, что посланникъ французскаго короля Людовика XIV, Лагей, на первой же аудіенціи у великаго визиря былъ бить по лицу, укушенъ и потомъ отозванъ по требованію всемогущаго министра, а въ концѣ XVI столѣтія великій визирь угрожалъ англійскому посланнику Гербону дать ему 1000 палокъ. Почетное положеніе, установившееся для русскихъ пословъ въ Стамбулѣ со временъ Плещеева, объясняется г. Неклюдовымъ тѣмъ, что великій князь московскій является въ глазахъ турокъ неограниченнымъ монархомъ своихъ подданныхъ, другомъ и покровителемъ единовѣрцевъ, побѣдителемъ или союзникомъ магометанъ Золотой и Крымской орды. Турки не знали Москвы наравнѣ съ западными народами, но они преувеличивали себѣ ея могущество вмѣсто того, чтобы уменьшать его; все, что было имъ доподлинно извѣстно, все что они видѣли и слышали, отзывалось чѣмъ-то знакомымъ, роднымъ, естественнымъ. Эта восточная гордость, неподвижность, важность, любовь къ пышности и великому почету, богатые подарки, привозимые послами, вмѣсто унижительныхъ просьбъ о субсидіяхъ (вплоть до самыхъ одеждъ и длинныхъ бородъ москвитянъ),—все это дѣлало ихъ въ глазахъ османлисовъ народомъ полноправнымъ, хорошими отношеніями съ которымъ можно и полезно было дорожить.

Вообще представители Россіи оказали европейской дипломатіи большія услуги тѣмъ, что заставили турокъ отказаться отъ многихъ своихъ невѣжливыхъ обычаевъ въ отношеніи къ иностраннымъ посламъ. Новѣйшую такую услугу оказалъ графъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ; когда онъ пріѣхалъ въ первый разъ въ Константинополь въ эпоху заключенія Адрианопольскаго мира, то драгоманъ посольства сочли необходимымъ предупредить А. Ф. Орлова, что, по принятому этикету, великій визирь не встаетъ ни передъ драгоманами, ни даже передъ послами. Орловъ шутя отвѣтилъ, что визирь для него встанетъ, но драгоманъ спорили, насколько позволяло почтительное отношеніе ихъ къ послу, такъ что дѣло едва не дошло до пари. Дѣйствительно, въ день аудіенціи, А. Ф. Орловъ вошелъ къ великому визирю съ отличавшею его вельможною осанкою (онъ былъ гигантскаго роста, плечистъ), прямо подошелъ къ дряхлому старику, визирю, сидѣвшему, поджавши ноги, на подушкахъ, дружелюбно протянулъ ему руку и, привѣтствуя его на турецкомъ языкѣ, такъ крѣпко сжалъ ему руку въ своей, что старикъ вскопчилъ, какъ ужаленный, а затѣмъ А. Ф. Орловъ сталъ водить его, все держа за руку, по комнатѣ. Въ этой прогулкѣ прошла вся аудіенція. Съ тѣхъ поръ турецкій этикетъ былъ прогнанъ. Великій визирь встаетъ не только для пословъ, но и для посланниковъ.

II. У,

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Посмертное сочиненіе Дарвина.—Записки Камиллы Сельденъ о Генрихѣ Гейне.—Исторія древняго искусства.—Художественныя сокровища Италіи.—Иллюстрированныя путешествія.—Крестовые походы.—Словарь музыки.—Автобіографія Вебера.—Книга Морфиля о славянской литературѣ.—Древняя литература Исландіи.—Драма о царевичѣ Алексѣѣ.—Доисторическіе гельветы.—Реформація по документамъ Ватикана.—Индійцы въ Гвианѣ.—Биографія Шанзи.—Мицкевичъ въ Вильнѣ.—Письма Сигизмунда Красинскаго.

ВЪ КОНЦѢ прошлаго года вышло очень не много замѣчательныхъ изданій, такъ какъ въ эту эпоху появляются преимущественно иллюстрированныя и такъ называемыя рождественскія или роскошныя изданія для подарковъ. О громкихъ именахъ въ наукѣ и литературѣ напомнили только два сочиненія. Одно изъ нихъ принадлежитъ великому Дарвину и было прочтено его ученикомъ Романесомъ, въ лондонскомъ обществѣ Линнея. Оно составляетъ какъ бы научное, посмертное завѣщаніе ученаго. Предметъ этого сочиненія—умственное развитіе животныхъ. Дарвинъ хотѣлъ сначала присоединить это изслѣдованіе къ своей книгѣ, «О происхожденіи видовъ», но потомъ, не желая увеличивать объема книги, оставилъ свое намѣреніе. Подробнѣе всего авторъ изслѣдуетъ изумительный и таинственный инстинктъ птицъ, перелетающихъ, въ извѣстныхъ эпохи, огромныя пространства и широкія моря. Подобныя сложныя инстинкты возникаютъ вслѣдствіе приспособленія къ обстоятельствамъ, обуславливаемого борьбою за существованіе. Если инстинкты не совершенствуются, то родъ вымираетъ. Въ этомъ отношеніи, написанномъ 30 лѣтъ тому назадъ, видно, что Дарвинъ оставался всегда вѣрнѣе своей идеѣ, что міръ созданъ не для наслажденій, а для борьбы. «Плодитесь и умножайтесь; сильныя должны жить, слабыя погибнуть» — вотъ главная мысль и этого сочиненія и всей жизни Дарвина.

— Мы говорили уже о недавно вышедшем сочиненіи Вейля, обнаруживающаго свои воспоминанія объ интимной жизни Генриха Гейне. Теперь вышла другая книга о томъ же самомъ предметѣ, написанная женщиною, горячо воспытою поводомъ, какъ послѣднее утѣшеніе его жизни, послѣдній прѣтокъ его осени. Имя ея Камилла Сельденъ. Родившись въ чешской Прагѣ, она сдѣлалась настоящею француженкою, составивъ себѣ имя во французской литературѣ изслѣдованіемъ «духа нашего вѣка», этюдомъ «объ умѣ женщинъ», біографіею императора Максимилиана, сочиненіемъ о Мендельсонѣ и нѣмецкой музыкѣ, романомъ «Даніель Влада» и переводомъ Гётева «Wahlverwandschaften». Теперь она въ руанскомъ лицей профессоромъ иностранныхъ языковъ. Книга ея, названная «Послѣдніе дни Генриха Гейне» (Les derniers jours de Henri Heine), передаетъ исторію послѣднихъ лѣтъ жизни поэта. Знакомство съ нимъ автора началось за годъ до смерти поэта, о которомъ Камилла, и черезъ 27 лѣтъ послѣ его смерти, вспоминаетъ съ глубокимъ чувствомъ. Почитательница поэта, она пріѣхала изъ Вѣны для того, чтобы ухаживать за нимъ въ его мучительной болѣзни, девять лѣтъ приковывавшей его къ постели и заставлявшей страдать невыносимо. «Я болѣю какъ собака, писалъ поэтъ, и борюсь съ болью и смертью, какъ кошка; жаль только, что кошки такъ живучи». И несмотря на свою болѣзнь, поэтъ сильно привязался къ молодой и красивой дѣвушкѣ, и она отвѣчала ему, усладивъ свою привязанностью и физическія страданія, и тяжесть его семейной жизни, подробно описанной Камиллою, которую Гейне называлъ своею мушкою (Mouche). Она защищала его отъ упрековъ въ эгоизмѣ, ввумляется энергіи, съ которою онъ, несмотря на страшныя страданія, работаетъ не только на содержаніе семьи, но и на изящные наряды жены. Любопытны приводимыя ею сужденія о писателяхъ его времени, и ихъ произведеніяхъ. Такъ, опъ терпѣть не могъ Жоржъ Занда, и своего соотечественника Шиллера; къ Виктору Гюго и Альфреду Мюссе питалъ антипатію, но преклонялся передъ Шекспиромъ. Камилла свидѣтельствуетъ также, что Гейне оставилъ свои мемуары, о существованіи которыхъ идетъ теперь споръ въ литературѣ.

— Изъ роскошныхъ рождественскихъ изданій замѣчательнъ первый выпускъ «Исторія искусства въ древности» (Geschichte der Kunst im Alterthum). Въ полное изданіе войдутъ Египетъ, Ассирія, Персія, Малая Азія, Греція, Этрурія и Римъ. Теперь вышелъ только отдѣлъ, заключающій въ себѣ Египетъ, описанный Пичманномъ. Въ выпускѣ 600 рисунковъ, и между ними нѣсколько раскрашенныхъ. Книга составлена по послѣднимъ научнымъ изслѣдованіямъ и заключаетъ въ себѣ, въ систематическомъ изложеніи, все, что относится до предмета, набраннаго авторомъ.

— Къ подобнымъ же иллюстрированнымъ изданіямъ принадлежитъ книга о художественныхъ сокровищахъ Италіи (Die Kunstschatze Italiens) въ географико-историческомъ обзорѣн Карла Лютцова. Изданіе это еще не окончено, хотя началось въ прошломъ году, но и теперь уже можно назвать его лучшимъ сочиненіемъ по этой части. Рисунки въ немъ принадлежатъ извѣстнымъ художникамъ и граверамъ и представляютъ не одни картины, статуи и зданія, но также бронзы, рѣзные работы, гербы, обои, матеріи и т. п. Текстъ представляетъ не сухое описаніе предметовъ, а очеркъ культурно-художественной жизни. Книга представляетъ не только роскошный альбомъ, но и серьезное научное изслѣдованіе, изложенное литературнымъ языкомъ.

— Извѣстный писатель Фридрихъ Гельвальдъ составилъ превосходное, всестороннее описаніе Соединенныхъ Штатовъ, подъ названіемъ «America in Wort und Bild», значеніе котораго увеличивается оригинальными иллюстраціями, приложенными къ тексту.

— Въ такомъ же родѣ Клейнпауль составилъ описаніе Рима — «Rom in Wort und Bild» и Неаполя съ его окрестностями — «Neapel und seine Umgebung». Последнее сочиненіе еще не окончено; въ немъ будетъ 150 рисунковъ. Въ описаніи Рима ихъ 47.

— Неокончено также замѣчательное сочиненіе Отто Генне «Крестовые походы и культура ихъ времени» (Die Kreuzzüge und die Cultur ihrer Zeit). До сихъ поръ вышло только описаніе перваго похода, очень живо очерченнаго и иллюстрированнаго Густавомъ Доре и нѣмецкими художниками. Особенно замѣчательны, конечно, рисунки Доре, строго выдержанные и въ которыхъ не замѣтно ни манерности, ни афектаціи, проскальзывающихъ иногда въ работѣ великаго художника, какъ напр. въ его «Orlando furioso».

— Въ Лондонѣ вышла «Словарь музыки и музыкантовъ» (A Dictionary of Music and Musicians) составленный Джоржемъ Грове, директоромъ королевской музыкальной коллегіи. Сотрудники его въ этомъ полезномъ и добросовѣстномъ изданіи — всѣ англійскіе знатоки музыки. Конечно, главное мѣсто въ биографіи музыкантовъ отведено англичанамъ, но и о музыкальных дѣятеляхъ другихъ націй приведены довольно подробныя свѣдѣнія. Статьи по теоріи музыки отличаются полнымъ знаніемъ дѣла, по исторіи музыки — безпристрастіемъ. Изложеніе сжатое, но ясное и не сухое.

— Извѣстный нѣмецкій историкъ Георгъ Веберъ, вмѣстѣ съ первыми выпусками втораго изданія своей пятнадцатитомной «Общей всемірной исторіи» (Allgemeine Weltgeschichte) издалъ свою автобиографію подъ названіемъ «Моя жизнь, и ходъ образованія» (Mein Leben und Bildungsgang). Семидесятипятилѣтній историкъ рассказываетъ просто, безприязнательно, исторію своей жизни чуждой перипетій и волненій, но посвященной труду, наукѣ и изученію человечества. Простой рассказъ его о своей жизни оканчивается описаніемъ его 50-ти-лѣтняго юбилея, отпразднованнаго еще въ прошломъ году въ Гейдельбергѣ. Тогда же началось печатаніе и новаго изданія его исторіи, первые четыре тома которой посвящены древнимъ временамъ. Здѣсь переработанъ имъ въ особенности періодъ греческой исторіи и александринско-эллинической эпохи. Слѣдующіе четыре тома посвящены исторіи среднихъ вѣковъ, девятый томъ — исторіи народовъ при переходѣ изъ среднихъ вѣковъ къ новымъ временамъ, слѣдующіе два тома эпохъ реформаціи и религіозныхъ войнъ; двѣнадцатый томъ временамъ неограниченнаго господства монарховъ въ XVII и XVIII столѣтіи, тринадцатый революціи и, наконецъ, послѣдніе два тома исторіи XIX столѣтія.

— Извѣстный знатокъ славянской литературы В. Морфилль издалъ объ этомъ предметѣ книгу подъ названіемъ «Slavonic literature». Источникомъ для этого труда ему служили «Исторія славянскихъ литературъ» Пыпина и Спасовича на русскомъ языкѣ, «Архивъ славянской филологіи» Ягича, на нѣмецкомъ, и журналъ чешскаго музея на чешскомъ. Книга Морфилля пополняетъ недостатокъ сочиненій по этому предмету на англійскомъ языкѣ, гдѣ существуетъ только одно сочиненіе Робинсона, вышедшее въ 1850 году въ Нью-Йоркѣ. Морфилль начинаеть съ классификаціи славянскихъ племенъ, къ которымъ онъ причисляетъ литовцевъ и леттовъ, хотя въ номенклатурѣ сла-

вянскихъ племенъ говорить только о русскихъ, полякахъ, болгаряхъ, сербахъ и чехахъ, вендахъ, хорватахъ и древнихъ скиахъ. Въ главѣ о древней русской литературѣ, онъ разбираетъ былины, упоминая о переводахъ Рамбо, изслѣдованіяхъ Буслаева, Вольнера, Владимира Стасова и др., говорить о Несторѣ, Остромирѣ, русскихъ паломникахъ, Слово о полку Игоря, «Русской Правдѣ», Домостроѣ, Котошикинѣ, Крыжаничѣ, Симеонѣ Полоцкомъ и др. Малороссійской и бѣлорусской литературѣ посвящена отдѣльная глава, въ которой говорится о казакахъ, сѣчѣ, думкахъ, гайдамакахъ, объ отсутствіи старинныхъ пѣсенъ въ литовской литературѣ. Слѣдующія главы посвящены краткимъ очеркамъ литературъ болгарской, сербской, хорватской, словенской, польской, оканчивающейся Скаргою и Стрыйковскимъ. Въ чешской литературѣ упоминается и о словакахъ. Къ вендской авторъ причисляетъ произведенія верхнихъ и нижнихъ лужичанъ въ Саксоніи и Пруссіи. Послѣдняя глава посвящена полабамъ, лютичамъ и бодричамъ. Въ ней говорится объ онѣмеченіи балтійскихъ славянъ. Въ заключеніе приводятся нѣсколько русскихъ пословицъ: изъ сборниковъ Снегирева и Дала, малороссійскихъ изъ Драгоманова, чешскихъ изъ Челябинскаго. Вообще, не смотря на незначительный объемъ (258 страницъ), очеркъ Морфилля даетъ точное понятіе о духѣ и главныхъ произведеніяхъ славянскихъ литературъ.

— По исторіи древнихъ литературъ вышло также на англійскомъ языкѣ, подъ общимъ названіемъ (*Cognus poeticum Borgale*) любопытное сочиненіе: «Повіа стариннаго сѣвернаго языка, съ древнѣйшихъ временъ до XIII столѣтія» (*The poetry of the old Northern tongue from the earliest times to the thirteenth century*). Книга эта, только что появившаяся въ Оксфордѣ, имѣетъ большой интересъ и для Россіи, исторія которой начинается со сношеній съ скандинавскими народами. Многія изъ скандинавскихъ сагъ и преданій древняго сѣвера имѣютъ сходство со славянскими мѣами. Сочиненіе это, по своему серьезному значенію, заслуживаетъ полнаго вниманія филологовъ и знатоковъ литературы.

— Нѣмецкій драматургъ Гейнрихъ Крузе напечаталъ пятиактную трагедію въ стихахъ «Алексѣй» (*Alexei*). Это исторія несчастнаго царевича, сына Петра I. Въ своей пьесѣ авторъ излагаетъ эту семейно-политическую драму, по историческимъ даннымъ; только, въ концѣ пьесы, царевича убиваютъ въ его тюрьмѣ тѣ же временщики, приближенные царя, которые убѣдили его бѣжать изъ отечества. Меньшиковъ отдаетъ приказаніе совершить тайное убійство. Драма оканчивается тѣмъ, что Екатерина, у которой только что умеръ ея собственный сынъ, убѣждаетъ царя назначить наследникомъ престола—малолѣтняго сына царевича Алексѣя, что также несогласно съ исторіею. Въ драмѣ умираетъ также принцесса Шарлота—жена царевича. Діалогъ драмы довольно искусственный, и приближенные Петра ведутъ бесѣды даже о благотворномъ вліяніи на нихъ красотъ природы.

— Доисторическая археологія обогатилась важнымъ трудомъ доктора Гросса «Протогельветы» (*Les Protohelvètes*). Этотъ ученый, въ теченіи 12-ти лѣтъ, составилъ изъ раскопокъ на Невшательскомъ и Бриенскомъ озерѣ рѣдкую коллекцію оружія, хозяйственныхъ инструментовъ и утвари, предметовъ украшеній доисторическихъ гельветовъ, и издалъ теперь ихъ описаніе съ фотографическимъ изображеніемъ 950 предметовъ. Между ними есть и такіе, которые могли придти только извнѣ, какъ интарныя ожерелья—съ

Балтійскаго моря, нефритъ изъ Туркестана, хлоромелонитъ—черный камень съ желтыми полосками—изъ неизвѣстныхъ странъ Азіи, ядентъ—видозмѣненіе полевого шпата изъ Вирмы. Коллекція представляетъ эпоху свайныхъ или озерныхъ построекъ во всемъ ея послѣдовательномъ развитіи, начиная съ каменнаго періода и оканчивая бронзовымъ. Лучше всего свидѣтельствуесть объ этомъ развитіи постепенная отдѣлка гончарныхъ вещей. Къ этому періоду относятся остатки плетенки, циновки, льняныхъ тканей, веретень съ сохранившимися на нихъ нитками, сѣти, гребни для расчесыванія шерсти. Въ бронзовомъ періодѣ являются остатки литейнаго и кузнечнаго промысла, шпорное и телѣжное производство. Тутъ же являются не одни топоры, долота и ножи, но щипцы, бритвы, шилья, даже гири для вѣсовъ и формы для отливки. Но всего полнѣе отдѣлъ украшеній: тутъ — пояса и пряжки, застежки, браслеты, бусы, серьги, кольца, запонки необыкновенно тонкой работы. Всѣ теперешнія дикія и домашнія животныя, плоды и растенія существовали и въ ту эпоху. Черепа и кости протогельветовъ представляютъ всѣ черты вполне развитой, арабской расы, только ниже средняго роста. У нихъ были общія могилы и производилась трепанация (сверленіе черепа), какъ надъ живыми людьми, такъ и надъ трупами. Жили гельветы въ круглыхъ хижинахъ, построенныхъ на сваяхъ, семьями; въ хижинахъ хранились земледѣльскія орудія, жернова для молотѣбы хлѣба, ткацкій станокъ для пряденія льняного холста. Озерная эпоха кончилась за десять вѣковъ до Р. X.

— Изъ многочисленной литературы, явившейся по поводу юбилея Лютера, одно изъ самыхъ любопытныхъ сочиненій вышло на латинскомъ языкѣ подъ названіемъ «Памятники Лютеровской реформациі изъ тайнаго папскаго архива» (*Monumenta-Reformationis Lutheranae ex tabularis S. Sedes secretis 1521—1525*). Собранныя Петромъ Валаномъ эта коллекція ватиканскихъ документовъ бросаетъ, во многихъ отношеніяхъ, новый свѣтъ на эпоху реформациі. Здѣсь помѣщена серія папскихъ писемъ, начинающая отъ Льва X (къ саксонскому электору) до Климента VII, писавшаго Нюрнбергскому сейму. Большая часть этихъ документовъ является первый разъ въ печати. Самые любопытныя бумаги принадлежатъ папскому легату Александру и написаны странною смѣсью итальянскаго языка съ латинскимъ; онѣ обрисовываютъ настроеніе германскаго народа при началѣ реформациі. Особенно интересно описаніе прибытія Лютера «съ его дьявольскими глазами» въ Вормсъ и таинственное исчезновеніе его изъ этого города. Александръ утверждаетъ, что Лютеръ былъ схваченъ и увезенъ электоромъ саксонскимъ, хотя тотъ и отрицалъ это «*sunt igni juramento*». Въ документахъ видно также, какимъ огромнымъ вліяніемъ пользовались въ эту эпоху Ульрихъ фонъ-Гуттенъ и Францъ Сиккингенъ. Папскій легатъ вполне увѣряетъ, что движеніе, возбужденное Лютеромъ, будетъ скоро подавлено, стоитъ только «вмѣсто сожженія книгъ, приказать императору—сжечь полдюжины лютеранъ и конфисковать ихъ имущества». Партія реформы и ея противники, своею нетерпимостью и ожесточенными преслѣдованіями другъ друга, только разстраивали междуособную вражду. Никто не хотѣлъ слѣдовать совѣту Эрама Роттердамскаго: «не слѣдуетъ никого заключать въ оковы; болѣе пользы приноситъ—укрощать духъ, нежели изнувать тѣло».

— Малоизвѣстная англійская Гвіана съ ея дикими обитателями, довольно подробно описана въ сочиненіи Эверарда Турна: «Между индійцами Гвіаны»

(Among the Indians of Guiana). Очерки эти имѣютъ преимущественно антропологическую цѣль, хотя авторъ изслѣдуетъ также фауну и флору страны и говоритъ о надписяхъ, высѣченныхъ на скалахъ; однѣ изъ нихъ, позднѣйшія—очевидно мексиканскаго происхожденія, другія, болѣе древнія, относятся неизвѣстно къ какой эпохѣ. Между туземцами Гвианы также рѣзко различаются двѣ, совершенно отдѣльныя расы: одна поздняго происхожденія изъ Вестъ-Индіи, другая, принадлежащая къ аборигенамъ и раздѣляющаяся на обитателей саваннъ, прибрежныхъ и внутреннихъ провинцій. Жрецы ихъ соединяютъ съ духовною властью и званіе лекарей, какъ наши шаманы. Картины природы художественно изображены авторомъ. Въ книгѣ превосходныя иллюстраціи.

— Артуръ Шюке издалъ замѣчательную біографію Шанзи (Le général Chanzy), слишкомъ рано умершаго и заслуги котораго еще не вполне оцѣнены его соотечественниками. Эпиграфомъ своего очерка авторъ взялъ стихъ Илиады: «Если чья рука могла спасти Пергамъ—это была его рука», и съ этимъ нельзя не согласиться. Шанзи былъ едва ли не единственный даровитый генералъ, въ эпоху послѣдней борьбы Франціи съ Германіей. Но онъ слишкомъ поздно принялъ начальство надъ остатками войскъ, большая часть которыхъ была погублена или продана бездарными наполеоновскими маршалами. Ядромъ арміи Шанзи были молодые, неопытные въ военномъ дѣлѣ солдаты, только что вступившіе въ ряды ея для защиты родины. Справедливо сказалъ одинъ военный историкъ, что дѣла могли принять совершенно другой оборотъ, если бы при началѣ войны, старыми солдатами командовалъ Шанзи, или если бы, при концѣ войны, у него были старые солдаты. Съ этой точки зрѣнія смотритъ на генерала и авторъ его біографіи, почти цѣликомъ посвященной его военной дѣятельности. Оцѣнкѣ его какъ губернатора Алжиріи и посланника при русскомъ дворѣ посвящено гораздо менѣе мѣста. Книга написана прекраснымъ языкомъ.

— Во Львовѣ вышла въ трехъ томахъ книга «Мицкевичъ въ Вильнѣ; его жизнь и поэзія», соч. Юсифа Третьяка. Это собраніе біографическихъ данныхъ изъ перваго періода жизни поэта до отъѣзда его изъ края. Объ этомъ трудѣ съ похвалою отзывается Одынецъ, товарищъ и свидѣтель молодости Адама Мицкевича. Съ этой книгой мы подробнѣе познакомимъ читателей въ особой статьѣ.

— Во Львовѣ же вышелъ въ свѣтъ въ 1883 году, второй томъ Писемъ Сигизмунда Красинскаго, содержащій въ себѣ его переписку съ пріятелемъ, Адамомъ Солтаномъ. Первый томъ, вышедшій годъ назадъ, заключалъ въ себѣ письма къ Гапчинскому и менѣе второго представлялъ данныхъ для изученія личной жизни Красинскаго и взглядовъ его на польскую жизнь послѣ восстанія 1830 года. Въ этомъ томѣ, между прочимъ, находятся имѣющія біографическій интересъ свѣдѣнія о разногласіяхъ Красинскаго съ отцомъ, съ которымъ онъ не сходилъ во взглядахъ на идеи тогдашняго патриотизма польскаго, на значеніе изгнанничества, какъ протеста противъ страданій отчизны, и т. п. Переживая душевные страданія, внутреннюю борьбу, Красинскій хотя жилъ далеко отъ центра эмиграціи, Парижа, но не могъ не увлечься идеями мессіанизма, божественнаго посланничества Польши, которыя одно время были въ большомъ ходу, пока не поблѣднѣли передъ революціоннымъ движеніемъ второй половины сороковыхъ годовъ. Мечтанія о «воскресеніи духомъ и въ духѣ», о страданіи Польши

за всё народы уступили мѣсто реальнымъ надеждамъ и предпріятіямъ. Красинскій въ своихъ письмахъ является врагомъ красной революціи. Аристократъ по происхожденію, онъ выражаетъ и соотвѣтствующіе политическіе взгляды. «Польша управлялась аристократіей, и безъ нея ничего быть не можетъ», такъ высказывается Красинскій въ письмахъ, хотя относится съ уваженіемъ и къ принципамъ противныхъ партій, только не слишкомъ крайнихъ. Онъ выражаетъ негодованіе, что нуждой и униженіемъ его соотечественниковъ «пользуются нѣмцы и жида и что повсюду только жида имѣютъ вліяніе, власть, богатство». Революціи 1848 года Красинскій одобрялъ и желалъ для Польши положенія охранительницы возвышенныхъ началъ добродѣтели и шляхетства, «исчезнувшихъ со свѣта». «Пусть только она не бросается ни въ объятія монголовъ (!), ни въ гнусныя объятія красной республики!» Но надеждъ на такую будущность у Красинскаго высказывается мало. Онъ негодуетъ на польскую молодежь, носящую историческія имена: «отсутствіе необходимой силы для ихъ возвышенія, неизмѣнныя понятія объ истинной аристократіи; съ одной стороны кутежи, съ другой—камеръ-юнкерство, нескончаемое невѣжество съ третьей...»

Вообще, для историка польской литературы и народной жизни письма Красинскаго составляютъ цѣнный матеріалъ, несмотря на односторонность взгляда автора.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Рассказъ объ императорѣ Александрѣ I.

ОТЕЦЬ мой былъ, въ 1825 году, священникомъ въ станицѣ, а теперь селѣ Алексѣевскомъ, Самарскаго уѣзда, тогда Симбирской губерніи. Отъ него я слышала слѣдующій рассказъ о проѣздѣ черезъ эту станицу императора Александра Павловича.

Въ концѣ 1824 года разнесся слухъ, что государь предполагать быть въ городахъ Симбирскѣ и Оренбургѣ и по пути неминуемо будетъ проѣзжать черезъ Алексѣевское. Слухъ этотъ очень обрадовалъ жителей, которые никогда не видали царя. Съ ранней весны 1825 года начали исправлять, съ особеннымъ стараніемъ, почтовый трактъ, выбирали въ селѣ и окрестныхъ деревняхъ лучшихъ лошадей, которыхъ объѣзжали, чтобы были выносливы и не пугливы; приготовляли людей, половчѣе, которые могли бы замѣнить кучеровъ и фрейторовъ. Всѣ помѣщики, жившіе въ уѣздѣ, пріѣхали на это время въ городъ.

Наконецъ, получено было извѣстіе, что государь скоро прибудетъ въ Самару и, проѣздомъ, остановится для обѣда въ Алексѣевскомъ, гдѣ для него и свиты велѣно приготовить домъ станичнаго атамана, В. В. Михайлова. Весь народъ, за десятки верстъ кругомъ, толпами началъ сходиться въ Алексѣевское. Ночью, наканунѣ пріѣзда государя, пріѣхала часть царской прислуги, а на другой день, съ ранняго утра, стали являться гонцы съ извѣстіемъ о приближеніи его величества. По распоряженію, присланнаго отъ губернатора для наблюденія за порядкомъ, отставнаго маіора Григорова, весь народъ былъ разставленъ вдоль улицы, въ два ряда, до самой церкви, гдѣ находился мой отецъ, въ полномъ облаченіи и съ напрестольнымъ крестомъ. Дорога къ станицѣ шла съ горы. Часа въ два дня показалось нѣсколько экипажей, двигавшихся довольно тихо. Народъ заколыхался; завопили во всѣ колокола. Но первая коляска оказалась пустой. Правившій ея царскій кучеръ, Илья, сказалъ, чтобы подождали звонить, такъ какъ государь идетъ пѣшкомъ. Случилось это такъ. Проѣзжая мимо села Смышляева, государь спросилъ: «Это Алексѣевское?» Ему отвѣчали, что нѣтъ; но онъ, все-таки, приказалъ остановиться и, не видя совсѣмъ народа, спросилъ: — «Гдѣ же люди?» Ему отвѣчали, что ушли для встрѣчи его въ Алексѣевское. — «А далеко ли

же до Алексѣевского? Ему доложили, что дорогой версты семь, а прямо черезъ гору версты три. Государь приказалъ экипажамъ ѣхать дорогой, а самъ, съ нѣсколькими лицами изъ свиты, пошелъ пѣшкомъ черезъ гору. Подойдя къ Алексѣевскому и завернувъ въ первую улицу, гдѣ также не было народа, государь остановился у дома казачки Парамоновой, поднялъ оконце и увидѣлъ, что старуха печеть блины.

— Бабушка! да гдѣ же у васъ люди? спросилъ онъ.

— Пошли всѣ, батюшка, царя встрѣчать.

— А ты что же не пошла?

— Куда мнѣ старухѣ. Да вотъ и внучатамъ нужно готовить ѣсть.

— А видала ли ты царя?

— Нѣтъ, батюшка.

— Ну, такъ, смотри, — сказалъ государь и съ этими словами захопнулъ оконце.

— Свѣтъ ты нашъ, батюшка! Хоть блинчонъ-то бы откушалъ! — закричала старуха и выбѣжала на улицу, но государь уже направился къ площади и подошелъ къ народу. Замѣтивъ молодую, красивую дѣвочку, лѣтъ 14-ти, онъ спросилъ:

— Какого сословія?

— Казачьяго.

— Гдѣ отецъ?

— На службѣ, въ командировкѣ.

Затѣмъ государь подошелъ къ маюру Григорову и спросилъ: — «Гдѣ вы служили?» Но Григоровъ до того растерялся, что не могъ выговорить слова. Увидавъ моего отца, съ вѣстомъ, государь снялъ фуражку и быстрыми шагами направился къ нему. Дьяконъ возгласилъ многолѣтіе, а пѣвчіе запѣли, какъ умѣли, многая лѣта. Государь приложился къ кресту. Народъ, по знаку опаматовавшагося Григорова, закричалъ: ура! и не умолкалъ до тѣхъ поръ, пока императоръ не вошелъ въ домъ Михайлова.

Во время царскаго обѣда, всѣмъ желающимъ было разрѣшено входить въ комнату и смотрѣть на царя, но только не надолго. По окончаніи обѣда, государь приказалъ позвать хозяина, спрашивалъ его о службѣ, о состояніи станицы и пожелалъ видѣть его семейство. Михайловъ представилъ жену и дочь. Государь пожаловалъ имъ по золотому перстню и потомъ, ласково простившись, сѣлъ въ коляску. Народъ, кто бѣгомъ, кто верхомъ, съ радостными криками, сопровождалъ экипажъ далеко за село.

Пожалованные Михайловымъ перстни были пожертвованы ими въ Самарскую Успенскую церковь и вѣдланы въ запрестольную икону Божіей Матери.

Сообщено П. С. Вѣльскимъ.

Происхожденіе одного казеннаго заведенія.

Въ концѣ 20-хъ годовъ, проживала въ Казани вдова полковника Родіонова, бездѣтная старушка, владѣвшая значительнымъ помѣстьемъ въ уѣздѣ и двумя большими домами въ самомъ городѣ. Ее звали Анной Николаевной.

Племянникъ ея, сынъ меньшаго брата Павла, Лука Родіоновъ, жилъ въ Петербургѣ, съ вдовой матерью, когда-то красавицей, Александрой Дуки-

нишней Родіоновой, занимая богатую квартиру, на Литейной. Лука Родіоновъ, по выпускѣ изъ царскосельскаго лицейа, вступилъ на службу въ лейбъ-гвардію конный полкъ.

Тогдашнимъ сверстникомъ и товарищемъ по полку его былъ теперешній московскій генералъ-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгорукій, съ которымъ онъ въ особенности былъ близокъ.

Полковница Родіонова, проживавшая безвыгядно въ городѣ Казани, заболѣваетъ серьезно. Тотчасъ-же въ Петербургъ была послана эстафета (тогда телеграфовъ еще не существовало) къ племяннику и единственному ея прямому наслѣднику, Луцѣ Павловичу Родіонову, съ возвомъ немедленно прѣхать въ Казань «закрѣпить глаза теткѣ».

Исполнить въ точности этого желанія больной тетки Лука Родіоновъ не могъ, по случаю обязанности службы, задержавшихъ его въ Петербургѣ нѣсколько дней сряду.

Черезъ полторы недѣли, когда онъ прибылъ въ Казань, тетка его уже лежала на столѣ... Душеприказчикъ покойницы передалъ ему, что полковница, передъ смертію, напрасно прождавшая его, усмотрѣла въ поступкѣ этомъ непочтительность и, уничтоживъ прежнее духовное свое завѣщаніе, дѣлавшее его, Родіонова, единственнымъ наслѣдникомъ всего ея имущества, — отказала все состояніе свое государю Николаю Павловичу, и на этомъ умерла.

Въ самый день похоронъ, къ племяннику явились какія-то темныя личности, съ предложеніемъ просто-на-просто уничтожить вторую духовную, про которую еще никто не зналъ. Эти личности требовали за услугу 25 тысячъ рублей ассигнаціями. На серебро тогда еще не считали.

Возмущенный подобнымъ предложеніемъ и вполне увѣренный въ своемъ правѣ на бесспорное наслѣдство, Лука Родіоновъ, не пошелъ на сдѣлку.

Духовная «дарственная» была получена въ Петербургѣ раньше его возвращенія, доложена государю — и утверждена: собственной рукой императора, на маржѣ, было помѣчено: «принять».

Всѣ хлопоты молодого конногвардейца не привели ни къ чему, и онъ долженъ былъ покориться монаршей волѣ.

Обладая все еще хорошимъ личнымъ и материнскимъ состояніемъ, онъ принужденъ былъ выйти въ отставку, женился на дочери генералъ-аншефа Арсеньева, мальтійскаго кавалера и любимца императора Павла Петровича, и поселился въ своемъ имѣніи, въ Нижегородской губерніи, гдѣ вскорѣ былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

На имѣніи, отказанныя полковницей Родіоновой, по приказанію государя, былъ учрежденъ въ г. Казани институтъ для благородныхъ дѣвицъ, которому присвоено наименованіе «Родіоновскаго». Этотъ институтъ и до-сихъ-поръ существуетъ въ Казани, подъ симъ наименованіемъ. Родіоновымъ, въ видѣ компансаціи, предоставлено право бесплатнаго воспитанія въ немъ дѣтей женскаго пола...

Отчужденіе такого значительнаго состоянія послужило первою причиною окончательнаго разоренія рода Родіоновыхъ. Мать Луки Родіонова «стронулась ужомъ», и сынъ, въ угоду матери, принималъ на себя всѣ расточительныя распоряженія ея по управленію имѣніемъ. Въ 1863 году, Лука Родіоновъ умеръ въ бѣдности. Это былъ — отецъ мой.

С М Ъ С Ъ.

ПАМЯТНИКЪ императору Александру II. Въ день годовщины судебной реформы, въ зданіи судебныхъ учреждений Петербурга происходило торжественное освященіе памятника создателю этой благотворной реформы. По окончаніи молебна, была провозглашена вѣчная память императору Александру Николаевичу и въ эту минуту упала завѣса, скрывавшая статую покойнаго государя, являющуюся изъ бѣлаго каррарскаго мрамора. Государь представленъ во весь ростъ, въ скрутку съ погонями, съ книгою «Судебные уставы 20-го ноября 1864 года» въ рукахъ, слегка облокотившимся на стомя. Статуя помѣщена противъ входныхъ дверей въ Екатерининской залѣ, въ глубокой нишѣ. Внутренность ниши выложена красноватымъ полированнымъ мраморомъ; по сторонамъ она обрамлена украшеніями изъ мрамора различныхъ цвѣтовъ отъ бѣлаго до темно-краснаго. Надъ верхнимъ карнизомъ ниши изъ сѣраго мрамора видны корона, держава и скипетръ, помѣщенные на лавровомъ вѣнкѣ и художественно являющиеся изъ бѣлаго мрамора. Ниже карниза, на бѣлой мраморной доскѣ, слѣдующая надпись: «Творите судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ». Ниша ограждена полукруглой рѣшеткой изъ полированной стали, за которой размѣщены пальмы и экзотическія растенія. Статуя исполнена академикомъ Забѣлло. Художникъ взялъ тотъ моментъ, когда покойный государь задумалъ дать судебную реформу. 19 лѣтъ тому назадъ, 20-го ноября, произнесены знаменательныя слова, начертанныя надъ памятникомъ. Они напоминаютъ всѣмъ входящимъ въ судъ, чего они могутъ ждать, а судебнымъ дѣятелямъ, чего они должны держаться.

Старшій предсѣдатель петербургской судебной палаты сказалъ рѣчь, заканчивающуюся слѣдующими словами: «Оглядываясь назадъ, мы можемъ сказать съ спокойною совѣстью, что стремились, по мѣрѣ крайняго разумѣнія нашего, исполнить свой долгъ. Если же въ дѣйствіяхъ нашихъ, какъ во всѣхъ дѣяніяхъ человеческихъ, могли быть и были промахи и ошибки, подававшіе поводъ къ нареканіямъ, то приложимъ всѣ наши старанія въ ошибкахъ прошедшаго искать полезныхъ указаній для будущаго. Станемъ не съ надменностью, а съ благодарностью, съ полнымъ вниманіемъ и съ строгостью къ

самимъ себѣ, выслушивать указанія на наши недостатки и посвящать всѣ свои силы тому, чтобы великое дѣло правосудія отправлялось нами во всемъ сообразно священнымъ завету и напутствію въ Новѣ почившаго императора. Будемъ всегда помнить ту тяжкую отвѣтственность, которая, за всякое уклоненіе отъ нашего долга, лежитъ на насъ». Въ тотъ же день послѣдовало въ Вильнѣ открытіе судебныхъ учреждений для Западнаго края.

Трехсотлѣтній юбилей русскаго Гутенберга. 5-го декабря 1583 года, во Львовѣ Галицкомъ, уже болѣе двухъ столѣтій принадлежавшемъ Польшѣ, умеръ бѣдный русскій эмигрантъ, бѣжавшій изъ Москвы отъ преслѣдованія бояръ и духовенства Ивана Грознаго. Въ церкви св. Онуфрія, въ притворѣ близъ главныхъ дверей, еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія былъ надгробный памятникъ съ гербомъ и надписью по краямъ плиты: «Іоаннъ Ѳеодоровичъ, друкаръ москвитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованіе занедалое (заброшенное) обновилъ». Это же занятіе покойнаго еще разъ повторяется и по срединѣ плиты: «Друкаръ книгъ предъ тѣмъ невиданныхъ». Теперь этой плиты уже не существуетъ. Усердіемъ ксендза львовской церкви надгробный камень перваго русскаго печатника разбитъ на куски и уничтоженъ, такъ какъ Федоровъ былъ схизматикъ. Память человѣка, обвиненнаго въ ереси его современниками, за ту же самую вину задумали уничтожить въ наше просвѣщенное время. Судьба Федорова и при жизни была печальна. Дьяконъ кремлевской церкви Никола Гостунскаго въ Москвѣ, онъ въ 1563 году, на «Печатномъ дворѣ», устроенномъ Иваномъ Грознымъ по проекту датчанина Миссенгейма, началъ печатать первую книгу вышедшую въ Россіи «Дѣянія Апостольскія». Въ 1565 году, былъ напечатанъ «Часовникъ». Это испугало ретроградовъ и самобытниковъ XVI вѣка. Чтобы положить конецъ развитію печати, они обвинили его въ ереси (обвиненія въ вольнодумствѣ, либерализмѣ, петрисяніи основъ и т. п. изобрѣтены уже въ XIX вѣкѣ). Иванъ Федоровъ и товарищъ его Петръ Мстиславецъ, чтобы спасти свою жизнь, принуждены были бѣжать изъ отечества. Печатный домъ былъ сожженъ, типографскіе станки уничтожены. Литовскій гетманъ Ходкевичъ далъ убѣжище бѣглецамъ въ своемъ имѣніи Заблудовое. Здѣсь они напечатали въ 1569 году «Евангеліе Учительное», а въ слѣдующемъ году «Псалтырь съ Часословцемъ». Оттуда Федоровъ переселился во Львовъ, гдѣ, въ 1674 году, напечаталъ «Апостола». Но и во Львовѣ Федорову съ своимъ сыномъ Иваномъ, занимавшимся переплетнымъ мастерствомъ, не повезло. Средства ихъ до того истощились, что пришлось заложить всѣ типографскія принадлежности и книги еврей Янкелю. Тогда неутомимый первопечатникъ отправился въ Острогъ, и здѣсь, въ типографіи, устроенной знаменитымъ ревнителемъ просвѣщенія княземъ Константиномъ Острожскимъ, вполне предался своему любимому занятію. Онъ «выдруковалъ» здѣсь «Новый Заветъ съ Псалтырю» въ 1660 году, и знаменитую острожскую, первую полную славянскую біблію. Это было самое блестящее время его дѣятельности. Отсюда книгопечатаніе стало распространяться и по другимъ городамъ юго-западной Руси, причемъ книги печатались по образцамъ острожскихъ изданій, шрифтами Федорова, который умѣлъ не только набирать и печатать книги, но самъ вырѣзывалъ формы (матрицы), отливалъ всѣ рисунки и буквы, и притомъ такъ хорошо, что они могли быть поставлены, наравнѣ съ лучшими заграничными произведеніями въ этомъ родѣ. Неизвѣстно почему Федоровъ, въ годъ выхода бібліи въ 1581 года, опять вернулся во Львовъ, гдѣ и умеръ черезъ два года, въ крайней нуждѣ и всѣми позабытъ. Да и при жизни, его почти вездѣ встрѣчали если не съ фанатическимъ озлобленіемъ, то съ невѣжественнымъ равнодушіемъ. Сколько преслѣдованій вынесъ этотъ энергичный работникъ изъ любви къ книгопечатанію, сколько разъ долженъ былъ бѣжать изъ города въ городъ, преслѣдуемый «презвѣльнымъ озлобленіемъ отъ многихъ начальникъ и учителей, которые зависти ради на насъ многія ереси умышляли, хотячи благое во зло превратити и Волю

дѣло въ конецъ погубитъ». Гетманъ Ходкевичъ повелѣлъ ему даже, оставивъ книгопечатаніе, заняться обработкою земли, «однако же, пишетъ Федоровъ, невозможно показалось мнѣ коротать жизнь свою за плугомъ и сѣяніемъ сѣмянъ, такъ какъ мѣсто плуга для меня занимало книгопечатаніе, и мнѣ надлежало вмѣсто житныхъ сѣмянъ, разсѣвать по вселенной сѣмена духовныя, и всѣмъ раздавать духовную пищу». Дѣло его не приносило ему ничего кромѣ «скорбей и бѣдъ», и онъ все-таки посвятилъ ему всю жизнь, все свое знаніе, всѣ силы, все имущество, не ожидая ни отъ кого, никакого вознагражденія, работая только изъ любви къ своему дѣлу. Уже по смерти его львовскіе мѣщане выкупили у еврея печатный станокъ Федорова и открыли при Успенской церкви свою собственную типографію. Поэтому галицкая Русь точно также праздновала день юбилея Ивана Федорова, какъ Петербургъ, Москва и многіе другіе города Россіи. Въ Петербургѣ, въ день его кончины, справляли панихиду по первомъ печатникѣ земли русской. На другой день, въ память его происходили торжественный актъ и литературно-музыкальное утро, на которомъ читали стихи и рѣчи. Въ одной изъ нихъ говорится: «есть мудрое изреченіе, что гласъ народа, гласъ Божій, но пока не было на свѣтѣ печатнаго станка, гласъ этотъ не могъ найти себѣ достаточно внятнаго мірового выраженія. Только теперь, когда не уставая работаютъ тысяча печатныхъ станковъ, эта великая народная истина вполнѣ осуществилась. Печать есть орудіе, есть выраженіе, есть органъ гласа народа, гласа Божьяго. Конечно, и въ печати есть слабыя стороны, опечатки, ошибки, безъ нихъ не обходится ни одно человѣческое дѣло, но въ своихъ общихъ и конечныхъ результатахъ, печать несомнѣнно служитъ всему доброму и прекрасному. Вотъ та великая идея, представителемъ которой былъ Иванъ Федоровъ». Въ другой рѣчи говорилось о тугомъ развитіи у насъ печати, до прошлаго царствованія, когда печатный станокъ получалъ права гражданства, и сдѣлался ближайшимъ сотрудникомъ и сподвижникомъ всѣхъ реформъ. Во всѣхъ газетахъ нашихъ появились статьи о значеніи и дѣятельности Федорова. Вездѣ чествовали его память; не упоминали только, что на труды и заслуги русскаго первопечатника, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было обращено вниманіе общества. Въ 1869 году, по почину московскаго археологическаго общества, открыта подписка на сооруженіе памятника Федорову; по благочивіямъ развозились уявы консисторій и подписные листы, а между тѣмъ, мы нигдѣ не нашли свѣдѣній, въ какомъ положеніи теперь эта подписка. Былъ напечатанъ и рисунокъ проекта памятника, на которомъ Федоровъ изображенъ во весь ростъ, съ фоліантомъ въ рукѣ «Апостола 1563—1564 гг.»; у ногъ его лежатъ нѣсколько подобныхъ же фоліантовъ. Памятникъ предполагалось поставить на стѣнѣ Китай-Города. Въ 1872 году, вышло великолѣпное изданіе московской синодальной типографіи «Начало книгопечатанія въ Россіи».

Юбилей Д. И. Мловайскаго. Москва отпраздновала, въ концѣ прошлаго года, двадцатипятилѣтній юбилей научной литературной дѣятельности профессора Мловайскаго. Утромъ, въ домъ его собрались представители различныхъ ученыхъ обществъ, печати, учебныхъ заведеній, нѣкоторыхъ земствъ и пр. Министръ народнаго просвѣщенія прислалъ телеграмму, извѣщающую, что Государь Императоръ, въ воздаяніе особыхъ заслугъ юбиляра на поприщѣ науки и литературы пожаловалъ его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (изъ коллежскаго ассесора). Въ рѣчи своей юбиляру, Е. В. Барсовъ сказалъ, что «25 лѣтъ въ жизни ученаго—естественный срокъ, когда онъ можетъ подвести итогъ своимъ трудамъ и представить ихъ на судъ общественнаго мнѣнія. Пятидесятилѣтніе юбилей, опредѣленные закономъ не столько для лицъ, сколько для учреждений, менѣе всего выпадаютъ на долю ученыхъ людямъ. Не всякому суждено прожить 70—80 лѣтъ, чтобы дожидаться праздника общественнаго признанія своей дѣятельности. Вотъ почему желательно, чтобы

двадцатипятилѣтніе юбилей въ ученомъ мірѣ повторялись какъ можно чаще и подымали ихъ духъ, возбуждали и поддерживали ихъ нравственное напряженіе, для дальнѣйшей умственной производительности и плодотворнаго служенія наукъ. Истинно ученый человѣкъ, по преимуществу кабинетный анохоретъ, обремененный въ ученую схиму, лучшіе свои годы онъ посвящаетъ уединенію, постоянно напрягается, волнуется и сгораетъ внутреннимъ огнемъ: жизнь его — умственное наслажденіе и вмѣстѣ страданіе. «Ваша умственная дѣятельность, продолжалъ г. Барсовъ, знаменуется двумя дарованіями, которыя рѣдко совмѣщаются въ одномъ лицѣ. Съ одной стороны, вы умѣете подниматься до общихъ историческихъ вопросовъ — предлагать на нихъ сильныя рѣшенія, бороться съ противными мнѣніями, а съ другой, вы умѣете курсъ историческихъ знаній низвести до простоты и ясности дѣтскаго разумѣнія. Общественное значеніе вашихъ трудовъ особенно замѣчательно. Вы обладаете, такъ сказать, эстетическимъ перомъ, и въ этомъ состоятъ безспорно ваша главная сила. Мастерское изложеніе историческихъ фактовъ вмѣстѣ съ яснымъ освѣщеніемъ ихъ внутренняго смысла, образцовыя характеристики, даютъ право вашимъ трудамъ называться учено-художественными произведеніями. Этимъ, конечно, объясняется и то, что среди нашего общества, глухого и слѣплого для ученыхъ работъ, ваши книги по преимуществу находятъ читателей, увлекаютъ и будятъ дремлющее общественное сознаніе. Интересы русской исторіи мало-по-малу проникаютъ въ общественную массу и служатъ къ проясненію историческаго самосознанія. «Въ новой русской исторіи не разъ появлялись высочайшіе указы, направленные къ тому, чтобы выдвинуть въ ряду государственныхъ заслугъ значеніе строго-ученыхъ трудовъ, кому бы они ни принадлежали, лишь бы, какъ говорилось въ указахъ, «приобрѣли въ ученомъ свѣтѣ славу». Такіе указы вытекали изъ глубокаго убѣжденія въ томъ, что истинная наука есть первая и глубочайшая сила въ государствѣ, коюю опредѣляется устой и твердость общественной жизни. Къ сожалѣнію подобныя воззрѣнія и начала не проведены опредѣленно и систематически въ нашемъ законодательствѣ. Въ просвѣщенныхъ странахъ Запада есть мантія, съ которою связано историческое преданіе о наукѣ и которая возлагается на свѣтила науки; тамъ есть государственныхъ учрежденія, которыя слѣдятъ за появленіемъ строго-ученыхъ трудовъ, кѣмъ бы они ни создавались, поощряютъ ихъ и поддерживаютъ; тамъ есть ученые государственныя отличія, коими отмѣчаются выдающіеся труды и силы. У насъ законодательство не представляло до сихъ поръ строго опредѣленнаго и систематически развитаго отношенія государства къ наукѣ; отъ того многія ученые силы часто принуждены были чувствовать себя одинокими, беззащитными, иномогаты и падать въ своей энергіи и напряженности. Лишь съ наступленіемъ настоящаго царствованія начинается всходить новая заря ученыхъ силъ и трудовъ.»

Привѣтственныя слова прозвонили еще много лицъ, затѣмъ читались телеграммы разныхъ обществъ, учреждений и частныхъ лицъ, отъ органовъ печати, «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», «Историческаго Вѣстника», «Русской Старины», «Новаго Времени», «Варшавскаго Дневника», всего—болѣе ста телеграммъ. Въ своей отвѣтной рѣчи юбиляръ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее о значеніи своихъ произведеній: «Что касается моихъ трудовъ, то я не знаю, въ какой степени можно назвать трудомъ такое занятіе, которое страстно любишь, которому преданъ всѣмъ своимъ существомъ. Напротивъ, если бы по какому нибудь случаю я вдругъ лишился возможности заниматься историческою наукою, то считалъ бы это величайшимъ для себя бѣдствіемъ, ничѣмъ не вознаградиמוю потерей. Съ другой стороны, возможно ли историку безстрастно и безучастно относиться къ совершающимся вокругъ него событіямъ, то-есть къ исторіи ему современной, и хотя бы тогда не подавать своего голоса, если только есть возможность его по-

дать? Наблюдения надъ современностію должны многое уяснять ему въ исторіи прошедшихъ вѣковъ; а изученіе прошлой жизни народовъ въ свою очередь должно просвѣтлять его взглядъ на современность и сообщать болѣе серьезное значеніе его голосу. Въ особенности это можно сказать о нашемъ времени и о нашемъ отечествѣ, которое, какъ вы знаете, переживаетъ трудную эпоху, когда назрѣло столько важныхъ вопросовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, и когда само общее положеніе русской націи должно занимать умъ не только русскаго историка или русскаго публициста, но и всякаго сколько нибудь мыслящаго человѣка».

Юбилей графа Д. А. Милютина. Въ Петербургѣ, въ то же время, русская армія праздновала пятидесятилѣтіе нахождения въ ея рядахъ бывшаго военнаго министра, генерала-адъютанта графа Д. А. Милютина. Маслитый юбиларь родился въ Москвѣ, въ 1816 году, воспитаніе получилъ въ университетскомъ пансіонѣ, откуда по окончаніи курса поступилъ на службу въ артиллерію и 17-ти лѣтъ отъ роду, въ 1833 году, произведенъ въ первый офицерскій чинъ. Черезъ 6 лѣтъ онъ уже въ чинѣ штабс-капитана отправился на Кавказъ, гдѣ принималъ участіе въ военныхъ дѣлахъ при аулѣ Буртунаѣ, гдѣ былъ разбитъ Шамиль, осадѣ Ахульго, покореніи аула Чиркея и въ 1843 году переведенъ въ генеральный штабъ подполковникомъ. Въ 1844 году, въ дѣлѣ противъ чеченцевъ былъ раненъ пулею въ правое плечо на вылетѣ и въ 1845 году оставилъ Кавказъ и боевую дѣятельность для занятій профессора военной географіи въ военной академіи. Въ академіи Дмитрій Алексѣевичъ пробылъ до 1855 г. За это время имъ написаны: «Первые опыты военной статистики», «Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ», издана «Карманная справочная книжка для русскихъ офицеровъ» и окончена «Исторія войны 1799 года». Въ 1856 году Дмитрій Алексѣевичъ былъ произведенъ въ генерал-майоры и назначенъ начальникомъ штаба князя Барятинскаго на Кавказѣ. Въ этомъ званіи онъ участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ съ горцами, завершившихся окончательнымъ покореніемъ Кавказа. Въ 1860 году генерал-адъютантъ Милютинъ назначенъ товарищемъ военнаго министра и въ 1861 году сталъ управлять этимъ обширнымъ министерствомъ и управлялъ имъ беспрѣменно цѣлыхъ двадцать лѣтъ, участвуя во всѣхъ великихъ военныхъ реформахъ минувшаго царствованія. Полную оцѣнку дѣятельности юбилара на постѣ военнаго министра можно найти въ громадномъ трудѣ: «Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи и т. д.», изданномъ въ семи томахъ, подъ редакціею г. Богдановича, и въ которомъ, шагъ за шагомъ, отъ преобразования къ преобразованію, рассказана многотрудная дѣятельность графа Милютина. Всѣ планы и начинанія министра были проникнуты высоко-гуманнымъ характеромъ, идеями равенства обязанностей гражданъ по отношенію къ защитѣ государства, идеями справедливаго пользованія всѣми и каждымъ заслуженными правами и, наконецъ, идеями просвѣщенія и культуры. Д. А. Милютинъ первый поднялъ въ русскомъ солдатѣ человѣческую личность и, въ смыслѣ человѣчности, въ его управленіе русская армія стала самой передовой въ Европѣ. Русскій воинъ пересталъ быть представителемъ только пушечнаго мяса и избавился отъ тѣлеснаго наказанія. Болгарская война доказала, что онъ не сдѣлался отъ того худшимъ солдатомъ, не потерялъ своей легендарной выносливости и не разучился умирать такъ же доблестно и честно, какъ умиралъ старые солдаты на бастионахъ Севастополя. Установленіемъ широкой и цѣлесообразной системы образованія офицеровъ, Дмитрій Алексѣевичъ высоко поднялъ общій уровень общаго образованія русскаго войска, которое, незамѣтно для себя самого, стало истиннымъ рассадникомъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. Изъ всѣхъ заслугъ юбилара, бесспорно это важнѣйшая, и сколько бы ни находили въ административной дѣятельности министра ошибокъ и неудачъ, этой великой заслугѣ Дмитрія Алексѣевича Милютина Россія никогда не забудетъ.

Шестой археологическій сѣздъ въ Одессѣ. 15-го августа 1884 года въ Одессѣ открывается археологическій сѣздъ, членами котораго признаются всѣ лица, изъявившія согласіе принять участіе въ занятіяхъ сѣзда и внесшія 3 руб. 60 коп. Записываться въ члены можно въ петербургскомъ и московскомъ археологическомъ обществѣ, въ предварительномъ комитетѣ въ Одессѣ и у членовъ корреспондентовъ. Сѣздъ раздѣляется на 8 отдѣленій: памятники первобытные, языческіе, классическіе, общественнаго и домашняго быта, юридическіе, искусство и художествъ, письменности и языка, исторической географіи и этнографіи. Кромѣ того, на сѣздѣ будутъ обсуждаться вопросы обще-археологическіе и устроена археологическая выставка. Совѣтъ сѣзда опубликовать програму какъ общихъ вопросовъ къ обсужденію, такъ и частныя по отдѣленіямъ. Между этими вопросами особый интересъ имѣютъ слѣдующіе: какое значеніе имѣетъ русской расколъ въ исторіи русской археологіи; археологическія извѣстія въ Болгаріи, каменный вѣкъ въ Россіи, когда окончился бронзовый періодъ и начался періодъ желѣза? опредѣленіе погребальныхъ опытовъ въ курганахъ южно-русскаго края, слѣды парейскихъ вѣрованій и обрядовъ на Кавказѣ, хронологія царей Босфора, аріискія основы общественнаго быта у славянъ, родовая организація горцевъ, географическое опредѣленіе вѣка рукописей и мѣсто ихъ написанія, легенды Троянскаго цикла въ Черноморьи, сравнительная филологія въ примѣненіи къ историческимъ и археологическимъ изысканіямъ, славянскія національности въ Византіи, составъ хозарскаго царства, происхождение тавровъ, готы въ Крыму, могилы доисторической эпохи въ предѣлахъ Россіи, первобытныя формы социальной организаціи и друг. Подобныхъ вопросовъ намѣчено 68. Кромѣ того, сѣздъ самъ предложилъ серію вопросовъ, рѣшеніе которыхъ было бы желательнo. Онъ приглашаетъ на свои засѣданія всѣхъ любителей науки и просвѣщенія.

Новое изданіе сочиненій Батюшкова. П. Н. Батюшковъ, приготовляющій къ печати новое изданіе сочиненій нашего высокоталантливаго поэта, сообщаетъ, что работы по приготовленію этого изданія успѣшно подвигаются впередъ. Напечатанное въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ началѣ текущаго года, извѣстіе объ этомъ предпріятіи имѣло весьма благоприятныя послѣдствія. Многія лица, въ распоряженіи которыхъ находятся письма покойнаго поэта и различныя свѣдѣнія о немъ, самымъ радушнымъ образомъ отозвались на призывъ издателя. Въ числѣ этихъ лицъ должно назвать П. И. Бартевева, барона Н. К. Вогушевскаго, А. Ф. Вычкова, барона Ф. А. Вюлера, кн. П. П. Вяземскаго, Г. А. Гревеница, П. Я. Дашкова, Е. И. Елагина, П. В. Жуковскаго, М. И. Постникова, М. И. Семева, Н. И. Стояновскаго и А. Н. Тургенева. Бумагъ самого поэта, его черновыхъ набросковъ, замѣтокъ, а также писемъ къ нему, то-есть, того, что можно было бы назвать его собственнымъ архивомъ, сохранилось къ сожалѣнію весьма мало. За то писемъ, адресованныхъ имъ къ разнымъ лицамъ, нашлось очень значительное количество. До сихъ поръ въ печати были извѣстны лишь нѣкоторые небольшие отрывки изъ этой переписки. Затѣмъ богатые и совершенно неизвѣстныя до сихъ поръ матеріалы сообщены княземъ П. П. Вяземскимъ, доставившимъ цѣлую коллекцію писемъ Константина Николаевича къ его отцу, извѣстному писателю, и П. В. Жуковскимъ. Приготовленіе текста для новаго изданія поручено В. И. Саитову, просмотрѣвшему для этой цѣли почти всѣ наши періодическія изданія первыхъ десятилѣтій текущаго вѣка. Біографія поэта составляется Л. Н. Майковымъ. Изданіе будетъ снабжено нѣсколькими снимками и украшено портретомъ поэта. Тщательность и изящество изданія и собранные въ немъ новыя богатые матеріалы обѣщаютъ сдѣлать его истиннымъ приобретениемъ для русской литературы, въ которой кратковременная поэтическая деятельность Константина Николаевича, сверстника Жуковскаго и прямого учителя Пушкина, занимаетъ столь видное мѣсто. Изданіе предполагается

въ двухъ, а можетъ быть и въ трехъ томахъ. Теперь есть еще время воспользоваться для него тѣми дополненіями, которыя могли бы оказаться въ чьихъ либо рукахъ. Съ глубокою признательностью приметъ подобныя сообщенія издатель, живущій въ Петербургѣ (Большая Конюшенная, 5).

† Въ Москвѣ прошлаго года умеръ 78-ми лѣтъ замѣчательный земскій дѣятель и писатель Александръ Ивановичъ Кошелевъ. Ранняя молодость его принадлежитъ еще временамъ Александра I. Николаевское время знало его по преимуществу какъ сельскаго хозяина и откупщика, и только въ царствованіе Александра II онъ выступилъ какъ публицистъ, какъ дѣятель государственный и дѣятель по общественному самоуправленію. Въ первые годы минувшаго царствованія онъ издавалъ славянофильскій органъ «Русскую Вѣстку»; въ семидесятихъ годахъ на его средства была издаваема «Вѣзда» подъ редакціей С. А. Юрьева, а въ послѣдніе годы—«Земство» подъ редакцію В. Ю. Скалона. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ онъ дѣятельно участвовалъ своими статьями. Не оставлялъ онъ публицистическаго поприща и въ промежутки, когда упомянутыя изданія прерывались: въ газетныхъ статьяхъ и въ отдѣльныхъ брошюрахъ, печатанныхъ и за границей, онъ излагалъ свои взгляды по текущимъ вопросамъ. Кромѣ трехъ журналовъ, въ самое горячее время эмансипаціонной реформы, онъ издавалъ еще журналъ «Сельское Благоустройство», специально посвященный вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Это было любимое изданіе покойнаго; съ юношескимъ жаромъ онъ работалъ надъ этимъ, самымъ дѣльнымъ эмансипаціоннымъ органомъ. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ занималъ Кошелева еще задолго до рескрипта, предписавшаго учрежденіе губернскихъ комитетовъ; съ проектомъ по этому вопросу онъ выступалъ даже въ Николаевское царствованіе. Въ губернскомъ комитетѣ (по освобожденіи крестьянъ) онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Въ слѣдъ за тѣмъ Кошелевъ былъ вызываемъ къ участию въ разныхъ законодательныхъ комісіяхъ; призванъ былъ и къ административной дѣятельности въ качествѣ министра (главнаго директора) финансовъ царства Польскаго. Ему между прочимъ объявлена Россія, что царство Польское перестало требовать на себя расходовъ изъ казначейства имперіи. Немного прослуживъ въ Варшавѣ, онъ вышелъ въ отставку и отдался дѣлу земскаго самоуправления, въ которомъ былъ постояннымъ, неутомимымъ, энергичнѣйшимъ дѣятелемъ. Преданность земству, его идеѣ, вѣру въ нее, онъ сохранилъ до конца; земство не имѣло еще другого, болѣе горячаго и болѣе состояннаго защитника.

Кошелевъ былъ чрезвычайно образованный человекъ; въ молодые годы изучалъ Шеллинга, въ лѣта зрѣлыя вниманіе его почти исключительно направлялось на вопросы политическіе, социальныя, финансовыя. По этой отрасли онъ слѣдилъ и за событіями и за литературой до конца дней, и люди гораздо болѣе его молодые, удивлялись бодрости, свѣжести, юношеской горячности, сохранившейся въ немъ, не смотря на преклонныя лѣта. Онъ не зналъ отдыха. Безъ занятій и безъ интересовъ, живо занимавшихъ его, нельзя было его представить. Еще наканунѣ смерти онъ участвовалъ въ засѣданіяхъ думской финансовой коммисіи. Славянофилъ въ молодые годы, онъ въ зрѣломъ возрастѣ отказался отъ увѣкъ возвращеній этой партіи и признавая заслуги Запада въ дѣлѣ прогресса, до конца жизни остался вполне русскимъ человекомъ.

† Почти въ одно время съ Кошелевымъ, скончался въ Харьковѣ другой земскій дѣятель, но еще въ молодыхъ годахъ, недоживъ и до 50-ти лѣтъ, Николай Александровичъ Корфъ. Онъ родился въ Харьковѣ, кончилъ курсъ въ александровскомъ лицейѣ съ серебряною медалью и поступилъ на службу въ министерство юстиціи. Его подвижная, дѣятельная натура не могла сродниться съ мертвымъ канцелярскимъ дѣломъ; черезъ полтора года онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Екатеринославскую губернію, въ свое наслѣдственное имѣніе. Десять лѣтъ онъ провелъ частью въ провинціи, частью

заграничей, посвящая время научнымъ занятіямъ. Съ открытіемъ земскихъ учреждений, баронъ Корфъ былъ избранъ въ 1866 году въ гласные въ Александровскомъ уѣздѣ; занималъ должность секретаря, былъ членомъ ревизіонной комисіи и принималъ живое участіе въ охраненіи земской автономіи отъ бюрократическихъ посягательствъ. Со введеніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ, избранный почетнымъ мировымъ судьей, занималъ въ теченіе трехъ лѣтъ должность предсѣдателя мирового съѣзда. Въ 1867 году выступилъ дѣятелемъ по устройству элементарныхъ школъ, не смотря на то, что располагалъ далеко незавидными матеріальными средствами; училища его приобрѣли добрую славу не только въ уѣздѣ, но и за предѣлами Екатеринославской губерніи. Печать обратила на нихъ общее вниманіе. Ревностный и неутомимый земскій дѣятель обучалъ дѣтей и воспитывалъ сельскихъ учителей—учительскихъ семинарій тогда почти не существовало. Въ теченіи пяти лѣтъ своей практической школьной дѣятельности Корфъ далъ русскимъ земствамъ значительный контингентъ учителей земскихъ школъ. Дѣятельность его была неустанная: онъ готовилъ учителей, руководилъ и завѣдывалъ учительскими съездами, участвовалъ въ засѣданіяхъ училищнаго совѣта, обдумывалъ и составлялъ учебникъ за учебникомъ, провѣряя ихъ на практикѣ, велъ многочисленную переписку по педагогическимъ вопросамъ (съ двумястами корреспондентовъ въ Россіи), завѣдывалъ порученнымъ ему училищнымъ участкомъ и ежегодно составлялъ отчеты объ училищахъ. Эти отчеты по достоинству были оценены нашей печатью и распродажа ихъ доставила въ пользу мѣстныхъ училищъ болѣе 2,000 руб., а изъ выручки отъ его «Руководства къ обученію грамотѣ» тѣ же училища получили болѣе 4,000 руб. Появившійся въ 1867 году, эта книга разошлась въ числѣ 70 тыс. экземпляровъ, выдержавъ шесть изданій. Изъ педагогическихъ сочиненій Корфа появились также «Русская начальная школа» (шесть изданій, всего 32,000 экземпляровъ), «Нашъ другъ» (пять изданій, болѣе 200 тыс. экземпляровъ), «Малютка» (одно изданіе, въ числѣ 25 тыс. экземпляровъ), «Наше школьное дѣло (5 тыс. экземпляровъ)», «Руководство къ наглядному обученію», Гардера, 2 тома (переводъ съ нѣмецкаго) и «Исторія Востока, Греціи и Рима». Въ 1879 году онъ издалъ брошюру «Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ». Съ 1866 года Корфъ былъ сотрудникомъ «Сиб. Вѣдомостей», гдѣ велъ борьбу съ газетой «Вѣсть» по вопросамъ о самоуправленіи. Повдѣе онъ слѣдилъ за законодательствомъ по училищному дѣлу, описывалъ учебныя заведенія, русскія и иностранныя. Статьи его объ учительскихъ семинаріяхъ, появившійся въ «Сиб. Вѣдомостяхъ» подъ заглавіемъ «Земскій вопросъ», впоследствии были напечатаны отдѣльной брошюрой. Другія статьи, напечатанныя въ «Народной Школѣ», «Семьѣ и Школѣ», и «Вѣстникѣ Европы»,—изданы отдѣльной книгой въ 1878 году подъ названіемъ: «Наше школьное дѣло, сборникъ статей по училищевѣдѣнію». Въ «Вѣстникѣ Европы» были помѣщены его статьи: «Объ обязательномъ обученіи», о книгѣ князя А. И. Васильчикова «Самоуправленіе», «Новая Вѣна и ея самоуправленіе», «О теоріи Дарвина», «Вѣнская всемірная выставка—отдѣлъ педагогическій»; кромѣ того Корфъ участвовалъ въ газетѣ «Недѣля». Критика указывала на ошибки и одностороннія увлеченія въ трудахъ барона Корфа; но онъ и не былъ присяжнымъ педагогомъ. Свѣжимъ человекомъ, неважденнымъ рутинной, земскій дѣятель посвятилъ себя школьному дѣлу на 34 году своей жизни, послѣ того, какъ въ деревнѣ и уѣздѣ изучалъ нужды народа. Быть можетъ, именно этимъ условіямъ Корфъ обязанъ своимъ успѣхомъ общественнымъ. Задачей своей онъ считалъ сближеніе присяжныхъ педагоговъ съ обществомъ, онъ убѣждалъ публику въ томъ, что педагогика не специальность только избранныхъ, людей засѣдающихъ на учительскихъ креслахъ, но общее дѣло—наука естественная и социальная. Въ 1871 году московскій университетъ избралъ барона Корфа почетнымъ своимъ членомъ, въ 1873 году петербургскій комитетъ грамотности наградилъ его золотомъ ме-

далю за труды по народному образованію. Забаллотированный въ 1872 году землевладѣльцами Александровскаго уѣзда двумя третями голосовъ, Корфъ былъ избранъ въ гласные тремя избирательными сѣздами крестьянъ изъ пяти—фактъ знаменательный. Вскорѣ, однако, онъ долженъ былъ поневолѣ бросить любимую свою дѣятельность въ Россіи. Уѣхавъ заграницу, онъ устроилъ въ Женевѣ русскую семейную школу, не имѣвшую успѣха, хотя она и просуществовала, подъ его руководствомъ, лѣтъ семь. Послѣдніе годы Н. А. Корфъ прожилъ въ своемъ имѣніи.

† 11-го декабря умеръ въ Петербургѣ 49-ти лѣтъ писатель, Василій Васильевичъ Марковъ, почти 25 лѣтъ работавшій на поприщѣ поэзіи и литературы. Сынъ рязанскаго помѣщика, онъ кончилъ курсъ въ Дворянскомъ полку, но не чувствуя никакого призванія къ военной службѣ, задумалъ поступить въ университетъ. Вернувшись къ себѣ на родину въ Касимовъ, онъ вскорѣ убѣдился, что не можетъ, ведя уѣздную жизнь, подготовиться къ университету. Поэтому онъ снова прѣхалъ въ Петербургъ, почти не имѣя никакихъ средствъ. По совѣту И. И. Введенскаго онъ выучился латинскому и англійскому языкамъ, зная уже основательно французскій и нѣмецкій. Но Введенскій скоро умеръ, а самого Маркова постигла тяжкая болѣзнь,—растройство нервной системы, мучившая его потомъ всю жизнь. Чернышевскій поручилъ ему переводить Макколея для «Современника» и Шлоссера для «Исторической Библіотеки». Марковъ жилъ исключительно этимъ литературнымъ трудомъ. Въ 1863 году, онъ вступилъ въ редакцію «Русскаго Инвалида», гдѣ писалъ статьи по иностранному отдѣлу, и велъ литературный фелетонъ объ иностранныхъ книгахъ. Эта работа дала ему возможность посѣтить Германію, Францію и Англію. Потомъ онъ перешелъ въ «Петербургскія Вѣдомости», гдѣ писалъ по отдѣлу иностранному и текущей журналистики. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимался и научными вопросами, изучалъ сочиненія о происхожденіи варяговъ, творенія Рабеле, перевелъ «Всеобщую исторію» Лоренца съ дополненіями и обширнымъ предисловіемъ. Послѣдніе годы онъ писалъ въ «Новомъ Времени», «Заграничномъ Вѣстникѣ» и «Недѣлѣ». Въ стихахъ его всегда есть мысль и чувство, но форма ихъ не выдержана, и стихъ тяжелъ. По убѣжденіямъ онъ былъ народникъ и эстетикъ, но болѣзненно разстроенный организмъ развилъ въ немъ наклонность къ спиритизму, на которомъ онъ построилъ особенную соціологическую теорію. Это увлеченіе фантастическими ученіями, въ соединеніи съ непрочною литературныхъ трудовъ, прекратило раньше времени полезную, труженническую жизнь честнаго и даровитаго писателя. Изъ отдѣльныхъ сочиненій его главныя: «Новѣйшій спиритизмъ, его феномены и ученія» 1877 года, «На встрѣчу», очерки и стихотворенія, 1878 года; «Илья Муромецъ», поэма пѣснь первая, 1880 года; «Бурскіе порубежники», историческій романъ въ трехъ частяхъ, Москва, 1879 года.

† Въ Парижѣ умеръ одинъ изъ лучшихъ французскихъ историковъ, Ганри Мартенъ. Онъ родился въ 1810 году въ Сен-Кентенѣ. По окончаніи курса въ мѣстной коллегіи, онъ поступилъ въ контору нотариуса, по послѣ революціи 1830 года перебралъ эту дѣятельность на литературу и написалъ романъ «Wolfthun». Пристрастившись ватѣмъ къ исторіи фронды, онъ въ 1832 и 1833 годахъ написалъ три историческихъ романа на сюжеты, заимствованные изъ этой эпохи: «La Vielle Fronde», «Minuit et midi» и «Le Libelliste». Онъ задумалъ издать исторію Франціи, составленную изъ выписокъ главнѣйшихъ французскихъ лѣтописцевъ и историковъ («Histoire de France par les principaux historiens»), но предпріятіе это не удалось. Тогда Ганри Мартенъ приступилъ къ своему капитальному труду «Histoire de France» (1833—36 г., 15 томовъ). Первое изданіе этой исторіи не было еще окончено, а онъ приступилъ уже къ полной передѣлкѣ сочиненія по болѣе обширному плану и на основаніи новыхъ документовъ. Этотъ колоссальный трудъ продолжался 17 лѣтъ (1837—1855 г.). Нѣкоторыя части новаго изданія вызвали общее одоб-

реніе какъ во Франціи, такъ и за границу, особенно описаніе религіозныхъ войнъ и вѣка Людовика XIV. Въ 1855 году Мартенъ приступилъ къ четвертому изданію, которое отличается болѣе тщательными изслѣдованіями исторіи и религіи галловъ, происхожденія французской поэзіи и французскаго языка, событій среднихъ вѣковъ и феодальной системы. Это четвертое изданіе, въ 16 томовъ, было окончено въ 1860 году и признано институтомъ достойнымъ награды въ 20,000 фр. Выбранный во время осады Парижа мэромъ 16-го октября, онъ былъ избранъ депутатомъ 1871 года въ двухъ департаментахъ и энергично возсталъ противъ коммуны. Въ національномъ собраніи Мартенъ игралъ выдающуюся роль въ качествѣ президента республиканской лѣвой. Въ то же время онъ писалъ въ «Siècle» замѣчательныя статьи по внутреннимъ вопросамъ. Избранный въ сенаторы онъ былъ выбранъ также членомъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, а въ 1878—членомъ французской академіи. Онъ написалъ также много историческо-политическихъ сочиненій, въ томъ числѣ «Daniel Manin» (1859), «l'Unité italienne et la France» (1861), «Pologne et Moscovie» (1863), «La Russie et l'Europe» (1866). Онъ написалъ также историческую драму «Vercingetorix» (1865). Наконецъ, въ 1867 году онъ издалъ популярную исторію Франціи въ шести томахъ («Histoire de France populaire illustrée»).

† Франсуа Ленорманъ, извѣстный профессоръ археологіи и членъ французскаго института, скончался въ Парижѣ. Родился онъ въ 1837 году и двадцати лѣтъ уже обратилъ на себя вниманіе ученаго міра своимъ «Опытномъ классификаціи монетъ» и затѣмъ этюдомъ о христіанскомъ происхожденіи синайскихъ надписей. Въ 1860 году онъ путешествовалъ на Востокъ и печаталъ любопытныя корреспонденціи о звѣрствахъ въ Сиріи. Профессоромъ археологіи онъ былъ избранъ въ 1874 году, а членомъ института—три года назадъ. Изъ многочисленныхъ трудовъ его главнѣйшіе «Двѣ французскія династіи у южныхъ славянъ въ XIV и XV вѣкахъ», «Руководство по древней исторіи Востока», «Первобытныя цивилизаціи», «Магія на востокѣ» (Les sciences occultes en Asie) и др.

ДЕРМОНТОВСКИЙ МУЗЕЙ.

ЧЕСТВОВАНІЕ памяти Пушкина заставило вспомнить и о других борцах за успѣхи русской мысли и русскаго слова. Теперь очередь наступила для убѣковѣченія памяти М. Ю. Лермонтова. Кому же слѣдовало исполнить долгъ относительно этой памяти, если не школа, которая въ известной степени имѣла

неблагопріятное вліяніе на нравственное развитіе великаго поэта? Съ одной стороны—буйныя развлеченія, съ другой—строгое соблюденіе фрунтовой рутины—вотъ чѣмъ одолжила юнаго Лермонтова, сколько извѣстно изъ его собственныхъ показаній, школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Весьма естественно, что вышѣнное начальство этой школы, именуемой теперь Николаевскимъ кавалерійскимъ училищемъ, воспользовалось идеей бывшей пушкинской выставки и «Русофиліана» въ александровскомъ лицей, и воплотила эту идею въ болѣе широкіе размѣры и въ болѣе постоянной формѣ. Мы разумѣемъ открытый 18 декабря музей имени Лермонтова въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. Музей этотъ задаетъ цѣлью собрать все, что только было, есть и будетъ найдено, намечатано и приведено въ извѣстность, о личности и дѣятельности Лермонтова.

А. А. Вильдерлингъ, начальникъ училища, сопричастный къ міру нашихъ художниковъ, явился выполнить столь почетную цѣль. Два года назадъ въ печати явилось его воззваніе къ лицамъ, знавшимъ поэта и близкимъ къ нему, съ просьбой нести все, что у кого есть, для задуманнаго предпріятія. Успѣхъ воззванія превзошелъ всякія ожиданія его автора. Г. Вильдерлингъ сталъ получать и пожертвованія денежные, и рукописи, и книги и иллюстраціи къ сочиненіямъ Лермонтова, такъ что, по прошествіи какихъ-нибудь двухъ лѣтъ, явилась возможность организовать музей въ шестнадцать отдѣлахъ.

Въ Лермонтовскомъ музеѣ собраны теперь 84 номера журналовъ, сборниковъ и альманаховъ, въ которыхъ печатались произведенія поэта, начиная съ 1836 года, отдѣльные изданія сочиненій М. Ю. Лермонтова, въ числѣ

40, начиная съ «Героя нашего времени» 1840 года; 210 номеровъ сочиненій, журналовъ и сборниковъ съ статьями и отзывами о Лермонтовѣ, собраніе рисунковъ къ его сочиненіямъ, околю 150 номеровъ музыкальныхъ произведеній на слова Лермонтова, стихотворенія на смерть его, болѣе 50-ти отдѣльныхъ переводовъ произведеній его на иностранные языки (съ 1842 года): нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, шведскій, датскій, финскій, латышскій, польскій, чешскій, сербскій и русинскій.

Изъ рукописей Лермонтова интересны шестнадцать тетрадей, писанныхъ рукою поэта, изъ нихъ 11-я содержащая «Ангель смерти», пожертвована въ музей П. А. Ефремовымъ. 16-я, въ листъ, съ юношеской повѣстью безъ заглавія и съ весьма характернымъ рисункомъ перомъ, принесена въ даръ Е. П. Веселовской, рожденной Шахъ-Гирей, а остальные четырнадцать тетрадей пожертвованы А. А. Краевскимъ. Вообще наиболѣе цѣнные вклады въ музей достались отъ гг. Ефремова и Краевского. Они же доставили ему корректурные листы въ разнымъ изданіямъ Лермонтова съ весьма любопытными цензурными пометками. Отдѣлы картинъ и рисунковъ Лермонтова обязаны своимъ существованіемъ гг. Аркольти, Д. А. Столыпину, племянникъ поэта по отцу, К. М. Цехановской. Такъ, въ музеѣ имѣются: двѣ картины масляными красками (сцены изъ кавказской жизни), писанные Лермонтовымъ въ селищенскихъ казармахъ Новгородской губерніи, въ лейбъ-гвардіи гродненскомъ гусарскомъ полку, три акварели (лейбъ-гусары подъ Варшавой въ 1831 году, эпизодъ маневра юнкерской школы и третья, изображающая эпизодъ кавказской войны, исполнена на Кавказѣ Лермонтовымъ совместно съ княземъ Гагариннымъ) и два рисунка (сенію—Вожія Матерь съ Спасителемъ и карандашемъ — дѣтская головка), не считая уже мелкихъ набросковъ перомъ и карандашемъ на отдѣльныхъ листкахъ и въ черновыхъ тетрадяхъ. Отдѣлы этюды пополняются въ день открытія музея приношеніями: отъ князя Максимова—рисунка, отъ г. Висковатова—двухъ рисунковъ. Отдѣлы портретовъ Лермонтова не особенно богаты. Во-первыхъ, обращаетъ на себя вниманіе съ натуры писанный Шахъ-Гиреемъ и пожертвованный княгиней Ухтошской портретъ масляными красками, гдѣ Лермонтовъ представленъ въ гусарской формѣ. Затѣмъ любопытенъ пожертвованный Д. А. Столыпинымъ портретъ тоже съ натуры и тоже красками работы художника Шведе, сдѣланный на Кавказѣ тотчасъ послѣ смерти Лермонтова. Поэтъ лежитъ на кровати подъ простыней, въ сорочкѣ. Художникомъ К. А. Горбуновымъ сдѣланы два портрета: акварельный съ натуры и поясной портретъ въ натуральную величину, пожертвованный гг. офицерами лейбъ-гусарскаго полка. Болѣе извѣстенъ акварельный портретъ 1839 г. работы Кляндера, отпечатанный въ снимкѣ при «Русской Старинѣ» 1875 г. Кроме этюды оригиналовъ, въ музеѣ собраны фотографіи и снимки съ портретовъ, прилагавшихся къ разнымъ изданіямъ сочиненій Лермонтова.

Весьма интересны портреты прадѣда, дѣда, отца и матери Лермонтова. Всѣ они поясные, въ натуральную величину, писаны масляными красками и могутъ имѣть значеніе даже какъ образчики современной имъ живописи, хотя и неизвѣстно, кто ихъ дѣлалъ. Портрета тинической бабушки поэта, Елизаветы Алексѣевны Арсеневой, урожденной Столыпина, нѣтъ; а есть большая фотографія съ оригинала, хранящагося у Д. А. Столыпина.

М. И. Семеновскій положилъ начало коллекціи портретовъ современниковъ поэта, принесъ въ даръ музею собраніе акварельныхъ портретовъ тридцати

четырех товарищей и сослуживцев Лермонтова, офицеров лейб-гвардіи гусарскаго полка, начиная съ командира полка до его корнетовъ. Изъ нихъ въ живыхъ остались только кн. Абамеливъ-Лазаревъ, И. Н. Гончаровъ, кн. Меншиковъ и баронъ Розенъ. Отъ того же лица музей получилъ собраніе гравированныхъ портретовъ болѣе выдающихся русскихъ писателей, современныхъ Лермонтову.

Учредитель музея, видимо по своей личной склонности, обратилъ главное вниманіе на художественную часть музея. Если бы гг. Ефремовъ и Краевскій, да еще В. П. Чичеринъ, не пожертвовали имѣвшихся у нихъ подлинныхъ рукописей, отдѣлъ этотъ вовсе бы отсутствовалъ и пришлось бы довольствоваться лишь копіями съ рукописей. Еще болѣе поразительна бѣдность матеріаловъ для біографіи Лермонтова. Не будь тутъ литографированныхъ приказовъ, отданныхъ по школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, за подписью генералъ-маіора Шляппенбаха, семи высочайшихъ приказовъ о прохожденіи службы Лермонтова и патента, выданнаго поэту на чинъ поручика, то и этотъ отдѣлъ пришлось бы вычеркнуть, ибо въ немъ, помимо перечисленныхъ документовъ, нѣтъ ничего. Разумѣется, равныя картины, писанныя съ фотографій конкеромъ Мезенцовымъ, какъ и любобытны онѣ для сужденія о равнivaющемся дарованіи юности-художника, не могутъ восполнить дамыя пробѣлы. Тоже надо сказать и о рисункахъ, аквареляхъ, фотографіяхъ и гравюрахъ (всего около 30-ти) тѣхъ мѣстъ, гдѣ родился, воспитывался, жилъ, похороненъ Лермонтовъ и которыя связаны съ воспоминаніями о немъ.

Вещей, принадлежавшихъ поэту, также немного. Черкесскій поясъ, съ наборомъ чернаго серебра, вошедшій Лермонтовымъ на Кавказъ, пожертвованъ въ музей А. И. Арнольди. Пороховница изъ серебра съ чернью, съ бувою Л., доставлена княземъ С. Н. Трубецкимъ. Книжка, принадлежавшій поэту, принесенъ въ даръ г. Краевскимъ. Чювяки изъ краснаго сафьяна, оставшіся у камердинера, Андрея Иванова Соколова, который привезъ въ село Тарханы прахъ поэта, и, наконецъ, альбомъ М. М. Лермонтовой, матери поэта—вотъ и всѣ вещи.

Въ итогѣ собрано всего семьсотъ номеровъ. За два года это, безъ сомнѣнія, внушительная цифра. Но удовлетворяться всѣмъ имѣющимся въ наличности въ музей было бы чересчуръ легкомысленно. Это—только основа будущаго монумента Лермонтову, сооруженнаго его собственнымъ гениемъ. Для познанія же услоній жизни и развитія такого гения собранное оказывается даже мизернымъ. Правда, біографъ поэта и теперь найдетъ много интереснаго въ музей, но во многомъ же обнаружится пробѣлы, при ближайшемъ изученіи предмета. Такіе пробѣлы должны восполняться современемъ, мало по малу, лишь бы администрація музея не опочала на лаврахъ, съ счастливымъ самодовольствомъ омыравъ кругомъ на всѣ эти новенькія витрины съ книгами и рукописями въ явщныхъ картонахъ, на эти заново реставрированные портреты, развѣшенные по стѣнамъ, въ блестящихъ рамкахъ, на эти бюсты дополняющіе симметрію явщной обстановки музея, помѣщеннаго въ особой комнатѣ, заново отдѣланной и украшенной фамильнымъ гербомъ Лермонтова и бронзовымъ медальономъ на массивномъ дубовомъ пьедесталѣ съ надписями кругомъ. Явщная виѣшность и красота—важные аксесуары содержательности, но онѣ же становятся пустою и тщеславной затѣей, какъ скоро служатъ сами себѣ цѣлью.

Все это напоминаемъ мы, разумѣется, не въ укоръ, а въ предостереженіе

администраціи музея, которой не слѣдуетъ забывать, что это сдѣланъ лишь первый шагъ и что дальнѣйшій успѣхъ музея будетъ всецѣло зависеть отъ сочувствія публики къ его дѣлу. Это же сочувствіе можно снискать не мѣрѣ того, какъ она ближе ознакомится съ музеемъ и убѣдится, что это не ватія чьего либо личнаго тщеславія, поддержанная на первыхъ порахъ случайными современателями, а дѣло полезное, необходимое и потому прочное. Администрація музея, конечно, въ интересахъ скорѣйшаго съ нимъ ознакомленія публики, поспѣшила открытіемъ его, не дождавшись даже ближайшаго повода къ такому событію. Въ будущемъ году, какъ известно, минеть ровно пятьдесятъ лѣтъ со времени выхода изъ конкержской школы М. Ю. Лермонтова. Администрація оказалась нѣсколько нетерпѣливой, и, какъ только отдѣлали комнату для музея, поспѣшила его открыть. Отъ души желаемъ, чтобъ эта нетерпѣливость, эта поспѣшность, послужили во благо самому дѣлу. Но что сдѣлано для ознакомленія съ музеемъ? Если не брать въ расчетъ газетныхъ сообщеній объ открытіи его, сообщеній, которыя, по самому характеру своему, не могутъ исполнѣ удовлетворить любознательность интересующихся, да если еще пропустить жиденькій отчетъ г. Вильдеринга, въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины», то окажется, что сколько-нибудь обстоятельное ознакомленіе съ музеемъ доступно только тѣмъ, кто лично увидитъ его. Въ Петербургъ узнають, пожалуй, что Лермонтовскій музей открытъ, а чего ему недостаетъ или что въ немъ есть, не откуда узнать. Г. Глазуновъ, правда, напечаталъ обстоятельный и снабженный иллюстраціями каталогъ г. Вильдеринга, но каталогъ этотъ не для простыхъ смертныхъ. Да и кому, кромѣ патентованныхъ библиографовъ и истыхъ любителей платить за каталогъ цѣну, какую заблагоразсудится назначить издателью. У насъ и необходимыхъ-то книги туго идутъ, а ужъ на такія исключительныя изданія охотниковъ мало найдется. Въ этомъ отношеніи администрація Пушкинской бібліотеки поступала осмотрительнѣе. Каталогъ «Русскіяiana» раздавался и рассылался сколько помнится бесплатно, всѣмъ желающимъ ознакомиться съ новымъ учрежденіемъ. Такъ бы слѣдовало поступить и относительно Лермонтовскаго музея. Г. Глазуновъ неадалъ, правда, семь фототипій и два автографа при каталогѣ. За исключеніемъ рисунка дома, гдѣ жилъ Лермонтовъ въ с. Тарханалъ, да еще снимка съ портрета работы Шведе, остальные фототипіи по исполненію довольно плохи. Автографы еще имѣютъ цѣну, въ особенности снимокъ съ вышеупомянутаго характернаго рисунка перомъ изъ 16-й тетради Лермонтова. Но все это—не резонъ, что называется, пользоваться случаемъ и интересующихся дѣломъ музея направлять къ кассѣ издателя. Со стороны г. Глазунова, который путемъ долголѣтняго опыта узналъ цѣну имени Лермонтова, этотъ гешефтъ не удивителенъ, но со стороны администраціи музея допускать его не совсѣмъ-таки благовидно и ужъ вовсе не расчетливо въ интересахъ дѣла.

В. Вулгаковъ.

Ошанагола во Флоренці, во время карнавала 1497 года.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 22 ДЕКАБРЯ 1883 Г.

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРНА. ВЪТЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2. Digitized by Google

САВАНАРОЛА

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ИЗЪ

ВРЕМЕНЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ ВО ФЛОРЕНЦІИ И РИМЪ

(СЪ 44 ГРАВЮРАМИ НА ДЕРЕВЪ)

Адольфа ГЛАЗЕРА

ПРИЛОЖЕНІЕ
къ
«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВЪСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11--2

1884

Digitized by Google

ГЛАВА I.

Заговоръ Пацци во Флоренціи.

ПОКАТЫЕ холмы, окружающіе Флоренцію по обѣимъ сторонамъ рѣки Арно, съ древнѣйшихъ временъ были покрыты болѣе или менѣе значительными поселеніями. Съ высоты открывался роскошный видъ на богатый цвѣтущій городъ, перерѣзанный теченіемъ рѣки, съ красивыми изогнутыми мостами, прекраснымъ куполомъ собора и высокими башнями дворца «Signoria». Кругомъ, на далекомъ пространствѣ, видѣлись разбросанныя виллы зажиточныхъ людей, изъ которыхъ одни жили здѣсь круглый годъ, а другіе проводили только лѣтніе мѣсяцы, съ своими семьями. Эти мирныя жилища представляли рѣзкій контрастъ съ укрѣпленными замками, раскинутыми на высотѣ холмовъ, гдѣ все указывало, что они были воздвигнуты съ цѣлью защиты противъ внѣшнихъ враговъ. Большая часть этихъ зданій, принадлежащихъ дворянству и знатнымъ могущественнымъ фамиліямъ города, была окружена рвами, надъ которыми были устроены крѣпкіе подъемные мосты. Въ каждомъ замкѣ содержался болѣе или менѣе многочисленный отрядъ вооруженныхъ людей; когда онъ возвращался изъ разъѣзда, то сторожъ трубилъ въ рогъ и подъемный мостъ опускался; то же дѣлалось и въ тѣхъ случаяхъ, когда господа возвращались съ охоты съ своей свитой, или кто либо изъ господъ или гостей выѣзжалъ изъ замка. Высокій нижній этажъ этихъ замковъ былъ сооруженъ изъ громадныхъ квадратныхъ камней и снабженъ небольшими отверстіями, которыя служили бойницами, что придавало имъ видъ крѣпостей.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда въ Италіи свирѣпствовала борьба партій, замки эти служили убѣжищемъ кондотьеровъ, ко-

торые во время войны занимались къ могущественнымъ предводителямъ партій и исполняли свою роль сообразно обстоятельствамъ. Распри гвельфовъ и гибеллиновъ длились до бесконечности, не смотря на то, что большинство дѣйствующихъ лицъ давно забыло о настоящей причинѣ ихъ. Въ борьбѣ участвовало не только среднее сословіе, но и низшіе слои народа, хотя въ городахъ главная роль принадлежала знатнѣйшимъ фамиліямъ, которыя враждовали между собой.

Флоренція, носившая названіе «цвѣтущаго города» со временъ римлянъ, преимущественно обязана была своимъ богатствомъ самостоятельному развитію шелковаго производства. Торговые интересы были причиной ея первыхъ войнъ съ сосѣдними городами; войны эти кончились въ пользу Флоренціи и положили начало ея будущему величію, такъ что она скоро заняла видное мѣсто среди значительныхъ торговыхъ пунктовъ Италіи. Но Флоренція была отрѣзана отъ моря, что служило важнымъ препятствіемъ ея торговлѣ, которая вслѣдствіе этого находилась въ зависимости отъ Пизы, имѣвшей свои гавани и флотъ. Въ то же время флорентинскія владѣнія граничили съ Сіеной, Луккой, Пистойя и Ареццо; и во всѣхъ этихъ городахъ жили могущественные дворянскіе роды, которые пользовались безграничною властью.

Частныя войны изъ-за личныхъ и городскихъ интересовъ получили твердую точку опоры, когда папа заявилъ притязаніе на наслѣдство графини Матильды, завѣщавшей свои земли церкви, хотя они составляли имперское ленное владѣніе. Императоръ призналъ требованія папы незаконными; изъ-за этого началась борьба за свѣтскую власть папы, которая охватила большую половину Европы.

Часть дворянства приняла сторону императора, другая встала на сторонѣ церкви; такимъ образомъ начались безконечныя войны, средоточіемъ которыхъ была Флоренція; при этомъ впервые возникли названія: г в е л ь ф ы и г и б е л л и н ы для обозначенія обѣихъ партій.

Въ это дикое и безпокойное время, на ряду съ внутренними междоусобіями Флоренція вела непрерывныя войны съ сосѣдями для открытія свободнаго торговаго пути. Въ довершеніе общей неурядицы, владѣльцы замковъ, расположенныхъ за чертой города, нерѣдко дѣлали вылазки, нападали на мирныхъ жителей небольшихъ виллъ и нарушали спокойствіе цѣлаго города.

Естественно, что такія условія жизни должны были мало по малу закалить мужество горожанъ. Нужда, эта лучшая учительница, заставила купцовъ и ремесленниковъ взяться за оружіе, чтобы въ случаѣ надобности быть на-готовѣ для защиты своего домашняго очага. Такимъ образомъ, изъ класса богатыхъ горожанъ понемногу образовался своего рода патриціатъ, который не только

НЫНѢШНИЙ ГОРОДЪ ФЛОРЕНЦІЯ.

представилъ собой крѣпкій оплотъ противъ притязаній дворянства, но скоро усвоилъ его привычки съ тою разницею, что отличался отъ послѣдняго болѣе утонченными нравами и любовью къ искусству. Этотъ новый патриціатъ, благодаря своей энергіи достигъ такого могущества, что окончательно отстранилъ отъ городского управленія представителей стариннаго дворянства.

Но такъ какъ знатныя фамиліи горожанъ преимущественно принадлежали партіи гвельфовъ, а большая часть дворянъ стояла на сторонѣ гибеллиновъ, то прежнія распри продолжались, тѣмъ болѣе, что «Signoria», верховный городской совѣтъ, теперь состоялъ исключительно изъ членовъ партіи гвельфовъ. Наконецъ, Сальвестро Медичи, одинъ изъ богатѣйшихъ флорентинскихъ купцовъ, сгруппировалъ вокругъ себя такъ называемыхъ «недовольныхъ», чтобы дать отпоръ непопулярнымъ притязаніямъ гвельфовъ. Вслѣдствіе этого, простой народъ, ремесленники и купцы съ теченіемъ времени привыкли считать своей опорой торговый домъ Медичи и относиться къ главѣ его съ безусловною преданностью.

Медичисы, благодаря своей осмотрительности и энергіи, не только сдумали составить себѣ значительное состояніе, но и заслужить расположеніе флорентинцевъ своею щедростью. Въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, Джьованни Медичи владѣлъ большими помѣстьями въ окрестностяхъ города, великолѣпнымъ замкомъ и нѣсколькими виллами, въ числѣ которыхъ была знаменитая вилла Кареджи. Сынъ его, Косьма, не только наслѣдовалъ его имущество, но и его громадное вліяніе на общественныя дѣла.

Въ Косьмѣ впервые проявилась та замѣчательная любовь къ искусству, которая удержалась въ этой фамиліи въ теченіи столѣтій. Естественно, что такой вліятельный человѣкъ, какъ Косьма, имѣлъ много враговъ и могущественныхъ противниковъ; имъ удалось обвинить его въ преступныхъ сношеніяхъ съ Францискомъ Сфорца, тогдашнимъ герцогомъ Миланскимъ и отправить его въ ссылку. Но флорентинцы настояли на его возвращеніи и приняли съ громкими изъявленіями радости, когда онъ на слѣдующій годъ снова вернулся изъ ссылки въ родной городъ.

Этотъ случай показалъ всю непрочность мира между большими торговыми домами. Каждая вліятельная фамилія патриціевъ, владѣвшая большими богатствами, стремилась захватить въ свои руки бразды правленія, чтобы распоряжаться по произволу болѣе важными и доходными должностями, и это должно было неизбежно вести къ ожесточенной враждѣ и кровопролитнымъ войнамъ. Но въ мирное время члены отдѣльныхъ домовъ дружески сносились между собой и нерѣдко собирались вмѣстѣ по случаю общественныхъ празднествъ. Равнымъ образомъ браки между ними составляли обычное явленіе, такъ что они, мало-по-малу, почти всѣ породнились другъ съ другомъ. Но когда снова наступали распри,

то никто не считалъ нужнымъ щадить какія либо чувства или обращать вниманіе на узы родства.

Болѣ высокая степень интеллигенціи, отличавшая членовъ фамиліи Медичи, давала ей преимущество передъ другими флорентинскими домами, и въ глазахъ гражданъ дѣлала ее болѣ способной къ управленію, нежели дворянство, которое исключительно преслѣдовало свои личныя себлюбивыя цѣли. Такъ, напримѣръ, Косьма Медичи, достигнувъ власти, употребилъ всѣ усилія для восстановленія мира, тѣмъ болѣ, что убѣдился личнымъ опытомъ, что даже въ виду интересовъ его собственного дома, ему выгоднѣе жить въ дружбѣ съ другими значительными фамиліями, нежели

Косьма Медичи.

въ вѣчной враждѣ. Ему удалось привлечь на свою сторону самаго главнаго противника, богатаго Бено Питти, и породниться съ фамиліей Пацци, посредствомъ брака своей внучки Біанки съ Гуильельмо Пацци. Послѣ смерти Косьмы, сынъ его, Піетро, наследовалъ всѣ права и преимущества отца, но по своей безтактности далеко не пользовался такимъ народнымъ расположеніемъ. Тѣмъ не менѣе, всякій разъ, когда Піетро Медичи являлся въ городъ изъ своей виллы Кареджи, его прибытіе производило извѣстную сенсацію. Неизлѣчимая болѣзнь въ правомъ колѣнѣ лишала его свободы движеній, поэтому слуги несли его на носилкахъ; многочисленная и нарядная свита сопровождала его. Кромѣ дочери Біанки, у Піетро было двое взрослыхъ сыновей: Лоренцо и Джульяно, получившіе свое первоначальное воспитаніе подѣ над-

зоромъ дѣда, который особенно любилъ Лоренцо за его живой умъ и склонность къ изящнымъ искусствамъ.

Пиетро Медичи всего чаще бывалъ у своей единственной дочери, которая жила съ мужемъ въ изящной виллѣ, окруженной садами, и построенной на откосѣ холма, откуда открывался живописный видъ на городъ и извилины рѣки Арно. Роскошныя поля, обиліе овощей, прекрасныя фруктовыя деревья и виноградники, свидѣтельствовали о плодородіи почвы и заботливости хозяина. Цвѣтникъ передъ домомъ представлялъ подобіе рая въ миниатюрѣ; кромѣ дорогихъ тропическихъ растений, здѣсь была масса всевозможныхъ цвѣтовъ, которые пріятно поражали глазъ зрителя великолѣпіемъ и богатствомъ красокъ. Пиетро Медичи просиживалъ цѣлыя часы близъ этого дома подъ тѣнистыми ильмами и платанами, глядя на родной городъ, раскинутый въ долину и любуясь красотой дочери и играми ея дѣтей. Въ эти минуты полного блаженства онъ переносился мысленно въ другой волшебный міръ, чуждый честолюбивыхъ стремленій, зависти, борьбы и разрушенія.

Пиетро Медичи только нѣсколькими годами пережилъ своего отца. Съ его смертью, народъ перенесъ свою преданность на его сыновей или, вѣрнѣе сказать, та часть народа, которая, признавая господство дома Медичи, считала естественнымъ, чтобы управление республикой перешло въ руки внуковъ великаго Космы. Но если многое протерпѣло Пиетро въ виду его слабаго здоровья, то сыновья его не могли рассчитывать на подобную снисходительность, и при своей молодости и неосмотрительности легко должны были навлечь на себя неудовольствіе флорентинцевъ. Лоренцо и Джульяно, сыновья богатаго торговаго магната, воспитанные, какъ принцы крови, обладали всѣми внѣшними преимуществами; но до сихъ поръ не успѣли проявить никакихъ личныхъ достоинствъ, которыя могли бы служить для народа вѣрнымъ залогомъ безопасной будущности.

Но Лоренцо, сознавая затруднительность своего положенія, съ первыхъ-же дней управленія проявилъ осмотрительность, которую никто не ожидалъ отъ него. Онъ немедленно распорядился, чтобы друзья отца и между ними Томмазо Содерини и Андреа Пацци, которые во время его болѣзни завѣдывали дѣлами правленія, остались при своихъ должностяхъ. Этими и другими благоразумными мѣрами Лоренцо въ короткое время настолько расположилъ къ себѣ народъ, что послѣдній безпрекословно согласился признать обоихъ братьевъ Медичи наслѣдниками власти отца и дѣда. Но старшіе члены другихъ знатныхъ фамилій съ негодованіемъ отнеслись къ этому событію, и рѣшили употребить всѣ усилія, чтобы не допустить до первенства молодыхъ Медичисовъ.

До сихъ поръ ничто не нарушало счастливой брачной жизни Гуильельмо Пацци и Біанки Медичи. Красота Біанки носила тотъ

задумчивый характеръ, который такъ часто встрѣчается на югѣ; мягкій блескъ ея большихъ темныхъ глазъ гармонировалъ съ кроткимъ выраженіемъ благороднаго правильнаго лица. Оба супруга почти безвыѣздно жили въ своемъ богатомъ помѣстьѣ, приносившемъ большой доходъ благодаря Гуильельмо Пацци, который съ раннихъ лѣтъ чувствовалъ особенную склонность къ сельскому хозяйству. Онъ постоянно дѣлалъ различныя полезныя нововведенія въ обработкѣ полей, улучшилъ породу скота и лошадей, развелъ деревья, устроилъ водопроводы, такъ что каждый день приносилъ свои хлопоты и требовалъ отъ него усиленной физической и умственной работы. Біанка завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ и по мѣрѣ силъ помогала своему мужу, насколько позволяли заботы о дѣтяхъ.

Шестилѣтнее сожителство обоихъ супруговъ до сихъ поръ не было омрачено ни малѣйшей тѣнью раздора. Гуильельмо Пацци всегда неохотно выѣзжалъ изъ дому, и особенно избѣгалъ продолжительныхъ отлучекъ. Тѣмъ не менѣе Біанка была очень удивлена, когда въ одно воскресенье онъ объявилъ ей наотрѣвъ, что останется дома, хотя въ этотъ день ему необходимо было присутствовать при торжественной обѣднѣ въ соборѣ, гдѣ должны были собраться члены совѣта и представители знатнѣйшихъ фамилій города.

Дѣло шло о вступленіи въ должность кардинала Ріаріо, недавно назначеннаго архіепископомъ во Флоренцію, который по этому случаю долженъ былъ служить обѣдню совмѣстно съ высшимъ духовенствомъ города, послѣ чего онъ намѣревался дать роскошный пиръ, подобно тому, какъ онъ дѣлалъ это въ другихъ итальянскихъ городахъ. Каждый осуждалъ свѣтскій блескъ, который былъ расточаемъ на этихъ празднествахъ; но никто не хотѣлъ лишиться себя удовольствія участвовать въ нихъ. Ріаріо былъ родственникъ папы Сикста IV, который возбудилъ противъ себя общее неудовольствіе, потому что отдавалъ самыя доходныя церковныя мѣста своимъ ближайшимъ родственникамъ и надѣлялъ ихъ богатыми помѣстьями. Такъ напримѣръ, онъ возвелъ своего племянника Ріаріо, простаго францискавскаго монаха, въ званіе кардинала св. престола и назначилъ патріархомъ константинопольскимъ и архіепископомъ флорентинскимъ. Двдцатилѣтній Ріаріо скоро освоился съ своей новой ролью и въ короткое время настолько прославился расточительностью и великолѣпіемъ своего дома, что о немъ заговорили не только въ Римѣ, но и во всей Италіи. Послѣ цѣлаго ряда блистательныхъ пировъ, данныхъ имъ въ своемъ римскомъ дворцѣ, Ріаріо отправился съ многочисленной свитой во Флоренцію, чтобы вступить въ свою должность архіепископа.

Ріаріо въ это утро служилъ литургію, такъ что отсутствіе Пацци, представителя одной изъ первыхъ флорентинскихъ фамилій, не

могло пройти незамѣченнымъ. Сначала Біанка думала, что мужья ея забылъ о предстоящемъ торжествѣ, и сочла своимъ долгомъ напомнить ему объ этомъ; но получивъ вторичный и еще болѣе рѣшительный отказъ, приняла это за доказательство его полнѣйшаго равнодушія ко всему, что выходило изъ тѣснаго круга домашней жизни. Въ виду этого она стала настойчивѣе прежняго уговаривать его отправиться въ соборъ.

— Я знаю, сказала она, что большинству нашихъ господъ не особенно пріятно, что имъ придется нести шлейфъ тщеславнаго Ріаріо при сегодняшнемъ празднествѣ. Вѣроятно, мои братья тяготятся этимъ болѣе чѣмъ ктонибудь; но я убѣждена, что они подавятъ свою гордость въ виду ихъ общественнаго положенія.

— Повѣрь, что не гордость удерживаетъ меня! возразилъ Гуильельмо Пацци. Я даже не считаю особенной жертвой съ моей стороны оказать такую ничтожную почесть новому архіепископу, не смотря на его нелѣпое тщеславіе. Все дѣло въ томъ, что я не вижу въ этомъ никакой надобности, такъ какъ никто не замѣтитъ моего отсутствія.

Хотя Біанка не имѣла повода сомнѣваться въ правдивости этого объясненія; но она не удовлетворилась имъ.

— Я, напротивъ того, убѣждена, сказала она, что при сегодняшнемъ торжествѣ твое отсутствіе неизбѣжно обратитъ на себя общее вниманіе.

— Ты ошибаешься, возразилъ съ раздраженіемъ Гуильельмо Пацци, наша фамилія потеряла всякое значеніе! Твои братья твердо встали на ноги съ тѣхъ поръ, какъ смерть моего отца избавила ихъ отъ опеки. Поэтому безразлично, будетъ ли одинъ изъ Пацци въ соборѣ или нѣтъ.

— Но тамъ будетъ твой братъ Франческо, который имѣетъ банкирскій домъ въ Римѣ и пользуется довѣріемъ папы, а равно и его племянника Ріаріо. Быть можетъ, его присутствіе будетъ способствовать прекращенію давней вражды между твоей и моей фамиліей. Ты не былъ ни на одномъ изъ празднествъ, которыя давались по поводу пріѣзда новаго архіепископа; поэтому тебѣ неудобно пропустить сегодня литургію.

— Моя добрая милая Біанка, сказалъ Пацци, пожимая руку женѣ; твое кроткое сердце не въ состояніи понять дикихъ страстей, которыя служатъ главной причиной нашихъ вѣчныхъ раздоровъ. Пріѣздъ моего брата во Флоренцію нисколько не радуетъ меня.. Не будемъ больше говорить объ этомъ; Богъ дастъ нынѣшній день пройдетъ также благополучно, какъ и всѣ предшествующіе, и ничто не нарушитъ нашего тихаго домашняго счастья!

Сердце Біанки сжалось при послѣднихъ словахъ; неясное предчувствіе чего-то недобраго овладѣло ею. Она сдѣлала усиліе, чтобы улыбнуться.

— Какъ ты серьезно говоришь объ этомъ! сказала она, и, взявъ мужа за руку, подвела его къ окну, выходившему въ садъ, изъ котораго въ туманной дали видѣлась Флоренція, окруженная полями.

— Посмотри какъ хороше нашъ городъ при яркомъ сіяніи весенняго солнца! Что навело тебя на эти печальныя мысли? Въ послѣднее время я часто видѣла тебя грустнымъ и задумчивымъ. Скажи мнѣ, что съ тобой? Быть можетъ братъ мой Лоренцо опять затѣялъ что нибудь противъ твоихъ родныхъ, и честолюбіе не даетъ ему покоя! Неужели Флоренція будетъ вѣчно жертвой раздоровъ между лучшими и наиболѣе уважаемыми гражданами.

— Обратись съ этими вопросами къ твоему брату! сурово отвѣтилъ Пацци; но видя, что Біанка молча склонила свою прекрасную головку, онъ нѣжно обнялъ ее и поцѣловалъ. Жаль, что мы такъ рано лишились Піетро Медичи и моего отца; при ихъ жизни миръ не былъ бы нарушенъ между обоими домами. Но гдѣ же наши дѣти? добавилъ Пацци, чтобы переменить разговоръ. Я еще не видѣлъ ихъ сегодня утромъ...

— Я сейчасъ приведу ихъ, отвѣтила Біанка и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Едва закрылась дверь, какъ мысли молодого супруга приняли еще болѣе печальное направленіе. Онъ думалъ о переворотѣ, который по его соображеніямъ долженъ былъ измѣнить въ ближайшемъ будущемъ судьбы его отечества.

Флорентинская республика съ давнихъ поръ держалась особнякомъ отъ другихъ государствъ Италіи и, поглощенная своими торговыми интересами, равнодушно относилась къ тому, что дѣлалось въ остальной Европѣ и даже въ ея непосредственномъ сосѣдствѣ. Между тѣмъ неаполитанскій король Фердинандъ преслѣдовалъ свои честолюбивыя цѣли; папа Сикстъ IV безпрепятственно обогащалъ свою семью, всѣми доступными для него средствами; венеціанцы вели свои безкончныя войны съ турками; въ Генуѣ свирѣпствовали народныя смуты.

Если флорентинцы вообще интересовались чѣмъ либо кромѣ своей торговли, то развѣ только личными отношеніями представителей знатныхъ домовъ, или, вѣрнѣе сказать, одной фамиліей Медичи. Послѣ смерти Андрея Пацци, честолюбіе Лоренцо Медичи не встрѣчало никакихъ преградъ, потому что престарѣлый Томмазо Содерини слишкомъ цѣнилъ воспріимчивый умъ талантливаго юноши, чтобы мѣшать его планамъ. Лоренцо во время своего пребыванія въ Римѣ сблизился съ семьей Орсини и обручился съ молодой дѣвушкой изъ этого дома, чѣмъ нажилъ себѣ новыхъ враговъ во Флоренціи, такъ какъ всѣмъ была извѣстна непомѣрная гордость римскаго дворянства. Оба Медичисы были убѣждены, что господство во Флоренціи принадлежитъ имъ по праву наслѣдства,

при этомъ всё замѣтили, что со времени обрученія съ Кларой Орсини, Лоренцо началъ самовластно распоряжаться доходами города, не отдавая никому отчета. Изъ этого происходила полнѣйшая неурядица, потому что никто не зналъ въ точности, гдѣ оканчивались интересы торговаго дома Медичи и гдѣ они приходили въ столкновение съ городскими. Косьма и Пиетро Медичи были опытные дѣловые люди, между тѣмъ какъ Лоренцо и Джуліано, воспитанные при другихъ условіяхъ, были мало знакомы съ торговлей; въ ихъ распоряженіяхъ постоянно встрѣчались погрѣшности, которыя кончались для нихъ большими потерями. Въ этихъ случаяхъ они нерѣдко прибѣгали къ помощи городскихъ денегъ. Домъ Медичи преимущественно велъ дѣла съ Нидерландами; однажды Лоренцо взялъ сто тысячъ флориновъ изъ городской кассы, для отсылки въ Брюгге, чтобы спасти отъ банкротства банкирскую контору, учрежденную имъ въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ Медичисы вѣроятно дошли бы до полного разворенія, если бы общественныя суммы не примѣнялись въ ихъ пользу. Тѣмъ не менѣе у нихъ все еще было много приверженцевъ среди членовъ знатныхъ фамилій, которые придерживались ихъ, чтобы раздѣлить съ ними власть и вліяніе и распоряжаться безконтрольно общественными доходами.

Подобно другимъ вліятельнымъ фамиліямъ Флоренціи, Медичисы заботились объ украшеніи своей приходской церкви Санъ-Марко, стоявшей вблизи ихъ дворца, и монастыря того же имени, и присвоили себѣ протекторіатъ надъ послѣднимъ. Косьма основалъ здѣсь библіотеку; Лоренцо при этомъ преслѣдовалъ научныя и художественныя цѣли; онъ окружилъ себя выдающимися учеными и художниками и щедро награждалъ ихъ за труды различными почестями и подарками. Хотя большая часть старинныхъ и знатныхъ фамилій Флоренціи относилась враждебно къ братьямъ Медичи, но простой народъ боготворилъ ихъ, такъ какъ пользовался ихъ милостями и восхищался произведеніями искусства, которыя благодаря имъ были разставлены въ различныхъ пунктахъ города.

Джуліано Медичи не раздѣлялъ правительственныхъ взглядовъ своего брата, тѣмъ болѣе, что прирожденное высокоомѣріе Лоренцо дошло до крайнихъ предѣловъ, со времени его обрученія съ Кларой Орсини. Джуліано, болѣе кроткій и скромный, часто дѣлалъ замѣчанія своему брату по поводу его честолюбія, жестокости и непомѣрной вспыльчивости. Но вліяніе семьи Орсини было несравненно сильнѣе, такъ что теперь всё помыслы Лоренцо были устремлены на то, чтобы сдѣлаться единственнымъ властелиномъ республики, хотя для достиженія этой цѣли онъ долженъ былъ изгнать или подавить всё другія знатныя фамиліи города.

Изъ нихъ всего опаснѣе для Медичисовъ было соперничество

семьи Пацци. Они были изъ стариннаго дворянскаго рода гибеллиновъ и въ прежнія времена жили во враждѣ съ флорентинской республикой. Впослѣдствіи они покинули свои укрѣпленные замки и переехали въ городъ, гдѣ выстроили себѣ прекрасный дворецъ и пользовались различными льготами. Косма Медичи, сознавая необходимость поддерживать связи съ стариннымъ дворянствомъ,

Дворецъ Пацци во Флоренціи.

дозволилъ нѣкоторымъ семьямъ вести торговыя дѣла наравнѣ съ горожанами и отказаться отъ дворянства. Къ числу ихъ принадлежали Пацци. Одинъ изъ членовъ этой фамиліи, а именно Андреа Пацци, положилъ основаніе банкирскому дому, который въ короткое время сдѣлался однимъ изъ самыхъ значительныхъ и уважаемыхъ въ Италіи. Такимъ образомъ Пацци, помимо знатнаго происхожденія, имѣли то преимущество передъ братьями Медичи,

что были искусстве ихъ въ торговыхъ оборотахъ и не имѣли надобности посягать на общественныя суммы.

Косьма Медичи старался всѣми способами поддержать дружбу съ семьей Пацци и съ этой цѣлью выдалъ свою внучку Біанку за Гуильельмо Пацци. Піетро Медичи въ этомъ отношеніи слѣдовалъ примѣру своего отца. Лоренцо держался противоположнаго принципа, и своимъ союзомъ съ однимъ изъ римскихъ родовъ не только отступилъ отъ преданій знатныхъ флорентинскихъ семей, но намѣревался окончательно отстранить отъ дѣлъ представителей семьи Пацци. Онъ относился снисходительно къ мужу своей сестры, такъ какъ считалъ его человѣкомъ неопаснымъ, но за то всѣми способами преслѣдовалъ его старшихъ братьевъ, Джьованни и Франческо, особенно послѣдняго, и, наконецъ, вынудилъ его покинуть Флоренцію. Франческо Пацци водворился въ Римѣ и завелъ самостоятельную торговлю; въ то же время папа Сикстъ IV поручилъ ему завѣдываніе своими денежными дѣлами, которыя до этого находились въ рукахъ Медичисовъ. Главная причина такой перемены заключалась въ томъ, что обрученіе Лоренцо вызвало сильное неудовольствіе при папскомъ дворѣ, потому что Орсини принадлежали къ давнишнимъ врагамъ святаго престола, хотя въ данный моментъ одинъ Орсини былъ кардиналомъ. Франческо Пацци воспользовался этимъ случаемъ, чтобы усилить неудовольствіе папы, и такъ какъ денежные дѣла расточительнаго Ріаріо были также въ его рукахъ, то ему не трудно было возставить новаго флорентинскаго архіепископа противъ Медичисовъ, чтобы уничтожить ихъ однимъ ударомъ.

Ріаріо заранѣе обѣщалъ содѣйствовать планамъ Франческо Пацци, который сопровождалъ его во Флоренцію, гдѣ онъ могъ жить безпрепятственно подъ покровительствомъ могущественнаго церковнаго владыки. Съ первыхъ же дней своего возвращенія на родину онъ сдѣлался главою заговора, имѣвшаго цѣлью умерщвленіе обоихъ братьевъ Медичи, къ которому примкнули недовольные дворяне. Всѣ члены фамиліи Пацци, находившіеся это время во Флоренціи, считали дѣломъ чести принадлежать къ этому тайному союзу. Одинъ Гуильельмо вслѣдствіе своего близкаго родства съ Медичисами, отказался отъ всякаго участія въ заговорѣ; но съ него взяли клятву, что онъ не повредитъ дѣлу и сохранитъ тайну отъ своей жены. Убіеніе должно было совершиться въ соборѣ во время сегодняшней литургіи, гдѣ присутствіе кардинала Ріаріо и пизанскаго архіепископа Сальвиати, давнишняго врага Медичисовъ, придавало извѣстную санкцію заговору, хотя Ріаріо по внѣшности хотѣлъ остаться непричастнымъ къ дѣлу. Въ случаѣ удачи, зачинщикамъ заговора было важно имѣть на своей сторонѣ кардинала.

Гуильельмо Пацци не зналъ дальнѣйшихъ подробностей. Его безпокойство еще больше усилилось, когда онъ остался наединѣ съ

своими мыслями. Каковъ бы ни былъ исходъ заговора, онъ долженъ былъ неблагопріятно отразиться на будущности его дѣтей и нарушить спокойствіе его домашней жизни, тѣмъ болѣе, что Біанка была искренно привязана къ своимъ братьямъ.

Приходъ Біанки съ дѣтьми прервалъ нить его размышлений, она несла на рукахъ маленькую дѣвочку, рядомъ съ нею шель пятилѣтній мальчикъ. Біанка была необыкновенно хороша въ своемъ домашнемъ нарядѣ; на ней не было ни золота, ни дорогихъ камней, и только дорогія кружева окаймляли бѣлую нѣжную шею и красивыя руки; ея роскошныя каштановыя волосы сдерживались сѣткою. Дѣти были одѣты также просто и изящно. Это зрѣлище при другихъ условіяхъ наполнило бы безмятежною радостью сердце Гуильельмо Пацци. Но теперь чувство боязливаго опасенія охватило его съ такою силой, что онъ не въ состояніи былъ долѣе владѣть собой, и лицо его покрылось мертвенной блѣдностью. Біанка тотчасъ же замѣтила, что ея мужъ сильно встревоженъ и хотѣла спросить о причинѣ, но онъ предупредилъ ея вопросъ:

— Ты была права, сказалъ онъ, — мнѣ необходимо быть въ сборѣ! Я прикажу осѣдлатъ лошадь, и надѣюсь, что въ-время доберусь до города...

Онъ едва сознавалъ, что говорилъ и что хотѣлъ сказать, но ему казалось, что онъ долженъ во что бы-то ни стало помѣшать убійству. Былъ ли это своего рода предчувствіе, но во всякомъ случаѣ онъ не въ состояніи былъ долѣе оставаться дома: неудержимая сила влекла его къ мѣсту, гдѣ рѣшалась судьба его родины.

Біанка еще больше встревожилась, когда мужъ ея неожиданно выбѣжалъ изъ комнаты, не обративъ никакого вниманія на дѣтей и не прощаясь съ нею. Она подошла къ окну выходящему на дворъ и видѣла какъ Гуильельмо отдалъ приказаніе конюху и тотъ началъ поспѣшно сѣдлатъ лошадь, а другой слуга побѣжалъ въ домъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ шпагой и перчатками и подалъ ихъ своему господину. Сердце Біанки усиленно билась, хотя она старалась увѣрить себя, что нѣтъ никакихъ причинъ для беспокойства, но когда подали лошадь и Гуильельмо Пацци скрылся за воротами, ея овладѣлъ такой страхъ, что въ первую минуту она готова была броситься вслѣдъ за своимъ мужемъ. Но благоразуміе удержало ее; сознавая свою беспомощность, она позвала одного изъ конюховъ и приказала ему сѣсть на лошадь, чтобы нагнать господина на дорогѣ и неотлучно находиться при немъ. Затѣмъ она удалилась въ небольшую домовую капеллу въ надеждѣ, что усердная молитва успокоитъ ея встревоженное сердце.

Между тѣмъ Гуильельмо Пацци съ трудомъ пропустили черезъ городскія ворота. При вѣздѣ въ городъ его поразилъ шумъ, господствовавшій на улицахъ, который ясно показывалъ, что заговоръ приведенъ въ исполненіе. Не помня себя отъ нетерпѣнія и любо-

пытства, онъ освѣдомился о причинѣ слышаннаго имъ шума, и пришелъ въ ужасъ отъ непредвидѣннаго оборота дѣлъ. Волненіе достигло такихъ размѣровъ, что люди, ослѣпленные яростью, бѣгали по улицамъ и громко кричали, что нужно перебить всѣхъ Пацци и ихъ приверженцевъ. Посягательство на жизнь Медичисовъ произвело такое сильное раздраженіе въ народѣ, что каждый былъ глубоко проникнутъ чувствомъ мести.

Гуильельмо Пацци былъ обязанъ своимъ спасеніемъ предупредительности конюха, посланнаго Біанкой. Вѣрный слуга, узнавъ о грозившей опасности, схватилъ за поводья лошадь своего господина и безъ дальнѣйшихъ объясненій заставилъ ее свернуть въ городской палаццо Лоренцо Медичи.

Прибытіе Гуильельмо въ домъ зятя было принято уличной толпой за доказательство его преданности дому Медичи. Немного позже, даже это едва ли могло спасти его, потому что скоро ярость народа дошла до крайнихъ предѣловъ, и такъ какъ Пацци были главными зачинщиками заговора, то ни одинъ членъ этой фамиліи не могъ рассчитывать на пощаду, хотя бы онъ не принималъ никакого участія въ дѣлѣ.

Гуильельмо засталъ сильнѣйшее смятеніе во дворцѣ своего зятя, потому что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ Лоренцо принесли домой раненаго. Сочувствіе народа было такъ велико, что жизнь Лоренцо была теперь единственная вещь имѣвшая цѣну для флорентинцевъ. Они окружили его палаццо, требуя точныхъ свѣдѣній о состояніи его здоровья.

Вслѣдъ затѣмъ принесли тѣло Джульяно Медичи, при видѣ котораго волненіе толпы возрасло до крайней степени. Конюхъ Гуильельмо Пацци воспользовался этимъ моментомъ, чтобы вернуться къ своей госпожѣ и успокоить ее относительно безопасности ея мужа.

Разсказъ конюха о городскихъ событіяхъ былъ громовымъ ударомъ для Біанки среди ея безоблачной супружеской жизни. Хотя по многимъ признакамъ можно было догадаться, что готовится заговоръ, и въ городѣ почти открыто говорили объ этомъ, но сестра обихъ Медичисовъ и жена одного изъ Пацци не имѣла никакого понятія о предстоящемъ событіи.

Заговоръ имѣвшій цѣлью измѣнить правительство во Флоренціи посредствомъ убійства обихъ Медичисовъ, былъ заранѣе подготовленъ Франческо Пацци и кардиналомъ Ріаріо. Скоро имъ удалось найти третьяго союзника въ лицѣ пизанскаго архіепископа Сальвяти, флорентинца по происхожденію и закліятаго врага Медичисовъ. Назначеніе Ріаріо флорентинскимъ архіепископомъ послужило удобнымъ поводомъ для выполненія задуманнаго плана. Заговорщики по пріѣздѣ во Флоренцію, употребили всѣ усилія, чтобы привлечь на свою сторону Джакомо Пацци, старѣйшаго изъ членовъ

этой фамилии, но его трудно было подбить на подобное рискованное предприятие. Наконец, послѣ долгихъ колебаній онъ согласился принять участіе въ заговорѣ, когда его увѣрили, что онъ заслужитъ этимъ одобреніе папы. Затѣмъ къ заговору примкнули другіе противники Медичисовъ, и между прочимъ Бернардо Бандини и Джьованни Монтесекко. Въ случаѣ успѣха, правленіе республики должно было перейти въ руки представителей фамиліи Пацци.

Сначала заговорщики предполагали совершить убійство въ какомъ нибудь частномъ домѣ. Съ этой цѣлью Джакомо Пацци устроилъ великолѣпное празднество въ своемъ дворцѣ и пригласилъ обоихъ Медичисовъ, но Джульяно не явился. Онъ не былъ также и на блистательномъ пирѣ, который Лоренцо устроилъ въ честь кардинала въ своемъ дворцѣ Кареджи. Вслѣдъ затѣмъ распространился слухъ, что планъ заговора извѣстенъ Медичисамъ, и, что Джульяно Медичи не будетъ присутствовать ни на одномъ изъ пиршествъ, которыя будутъ даны во время пребыванія кардинала Ріаріо во Флоренціи. Такимъ образомъ заговорщикамъ не оставалось иного исхода, какъ напасть на обоихъ братьевъ во время литургіи въ соборѣ, гдѣ самъ кардиналъ долженъ былъ служить обѣдню, такъ какъ ни одинъ изъ Медичисовъ при этихъ условіяхъ не могъ отсутствовать при божественной службѣ.

Франческо Пацци и Бернардо Бандини взяли на себя убійство Джульяно Медичи; эта задача считалась особенно трудной, потому что Джульяно былъ крайне остороженъ, и обыкновенно носилъ панцырь подъ платьемъ. Джьованни Монтесекко поручено было убить Лоренцо Медичи, но Джьованни былъ благочестивый католикъ, и какъ только узналъ, что убійство должно быть совершено въ церкви во время богослуженія, то объявилъ наотрѣзъ, что не способенъ на подобное святотатство. Этотъ фактъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе на большинство заговорщиковъ; никто изъ нихъ не рѣшался предложить свои услуги. Наконецъ, архіепископъ Сальвьяти, зная какъ сильна субординація въ католической церкви, отыскалъ двухъ священниковъ, которые безпрекословно взяли на себя совершить преступленіе, отчасти изъ преданности интересамъ святаго престола, и частью потому, что церковныя стѣны не внушали имъ такого трепета, какъ остальнымъ смертнымъ. Для совершенія убійства былъ выбранъ тотъ моментъ, когда кардиналъ подниметъ святыя дары, потому что тогда обѣ жертвы принуждены были склонить головы; и не увидѣли бы своихъ убійцъ. Въ случаѣ удачи звонъ церковнаго колокола долженъ былъ послужить сигналомъ для заговорщиковъ находящихся внѣ церкви; имъ поручено было овладѣть дворцомъ «Signoria», между тѣмъ какъ архіепископъ Сальвьяти съ помощью вооруженной силы долженъ былъ принудить членовъ городского совѣта принять благосклонно совершенное убійство.

Когда вошли Лоренцо и кардиналъ, то церковь уже была переполнена народомъ. Началась литургія, но Джульиано Медичи все не было. Наконецъ, Франческо Папци и Бернардо Бандини отправились къ нему и стали доказывать, что его присутствіе необходимо въ соборѣ. Папци, подъ видомъ шутки, обнялъ его, чтобы убѣдиться надѣтъ ли на немъ панцырь, но Джульиано, страдая въ этотъ день наслѣдственной болью въ ногѣ, не только былъ безъ панцыря, но даже снялъ свой длинный охотничій ножъ, который обыкновенно носилъ при себѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія Джульиано отправился въ церковь съ своими истинными друзьями и всталъ рядомъ съ Лоренцо около алтаря. Кромѣ убійцы, обоимъ Медичисовъ окружали заговорщики, которымъ не трудно было приблизиться къ нимъ въ виду толпы наполнявшей соборъ.

Когда наступилъ назначенный моментъ, и кардиналъ поднялъ св. Дары, Бернардо Бандини съ быстротой молніи вонзилъ свой кинжалъ въ грудь Джульиано Медичи. Этотъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и упалъ безъ чувствъ на землю; Франческо Папци бросился на него и, нанося ему ударъ за ударомъ, пришелъ въ такую ярость, что самъ ранилъ себя въ ногу. Одновременно съ этимъ на Лоренцо напали оба священника; одинъ изъ нихъ Антоніо Вольтеро положилъ руку на плечо своей жертвы, чтобы нанести ударъ кинжала въ шею. Но Лоренцо быстро отскочилъ въ сторону, и, обернувъ лѣвую руку полой плаща, обнажилъ шпагу и сталъ защищаться противъ убійцы съ помощью двухъ своихъ слугъ, изъ которыхъ одинъ былъ тяжело раненъ.

Лоренцо также были нанесены двѣ раны въ шею. Въ то время, какъ оба священника старались спастись бѣгствомъ, Бернардо Бандини, убійца Джульиано, хотѣлъ напасть на Лоренцо; но этотъ успѣлъ скрыться въ ризницу, гдѣ около него столпились друзья. Одинъ изъ нихъ заперъ тяжелыя бронзовыя двери, другой высосалъ раны Лоренцо, такъ какъ предполагали, что кинжалы убійцы были намазаны ядомъ; затѣмъ наскоро была сдѣлана повязка.

Между тѣмъ приверженцы Медичисовъ разсѣялись по церкви, одни преслѣдовали убійцу, другіе собрались передъ дверями ризницы и настойчиво требовали, чтобы ихъ впустили, въ чемъ сначала имъ было отказано, потому что Лоренцо боялся измѣны. Наконецъ одинъ изъ слугъ влѣзъ на органъ, откуда можно было видѣть внутренность церкви, и когда онъ убѣдился въ полной безопасности, то двери были открыты; Лоренцо положили на носилки и отнесли въ его палаццо подъ прикрытіемъ вооруженной толпы его приверженцевъ.

Заговорщики не были приготовлены къ такому исходу. Въ полной увѣренности, что предпріятіе ихъ увѣнчается успѣхомъ, они не приняли никакихъ мѣръ, чтобы овладѣть своей жертвой, что не представляло особеннаго труда въ первый моментъ общей сумя-

тицы, пока толпа не знала сущности дѣла. Въмѣсто этого они устремились къ палаццо «Signoria», куда заранѣе отправился архіепископъ Сальвьяти съ своимъ братомъ, нѣкоторыми родственниками и многочисленной вооруженной свитой своихъ приверженцевъ. Часть свиты онъ оставилъ у главнаго входа, а другую провелъ въ залу нижняго этажа; но, по разсѣянности, уходя заперъ дверь на ключъ. Вслѣдствіе этого находившіеся въ залѣ не могли соединиться съ товарищами и принять какое либо участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла.

Сальвьяти, распорядившись такимъ образомъ, вошелъ въ комнату гонфалоньеро, который жилъ въ палаццо «Signoria», гдѣ онъ былъ представителемъ высшаго начальства. Эту важную должность занималъ тогда Чезаре Петруччи, человекъ почтенныхъ лѣтъ, бывший очевидцемъ многихъ заговоровъ на своей родинѣ, что дѣлало его вдвойнѣ недовѣрчивымъ и осторожнымъ. Сальвьяти, поздравившись съ нимъ, заявилъ, что долженъ передать ему порученіе отъ папы, но Петруччи замѣтилъ, что при этомъ архіепископъ нѣсколько разъ мѣнялся въ лицѣ и не могъ скрыть своего волненія. Между тѣмъ Сальвьяти, зная, что дверь изъ комнаты гонфалоньеро ведетъ въ залу, гдѣ онъ случайно заперъ часть своей свиты, мысленно проклиналъ себя за неосторожность; и глаза его невольно обращались въ эту сторону. Петруччи внимательно слѣдилъ за взглядами архіепископа, и затѣмъ всталъ и отворилъ дверь въ залу. Увидя непрошенныхъ гостей, онъ тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло, созвалъ своихъ людей и стражу, и приказалъ арестовать всѣхъ бывшихъ въ палаццо. Приказъ этотъ былъ немедленно приведенъ въ исполненіе; тѣ которые оказывали вооруженное сопротивленіе были убиты, остальныхъ выбросили изъ оконъ. Сначала архіепископъ съ братомъ и родственниками былъ задержанъ въ залѣ «Signoria», но когда Петруччи узналъ сущность заговора, то онъ безъ дальнѣйшихъ объясненій приказалъ повѣсить всѣхъ ихъ на окнахъ дворца.

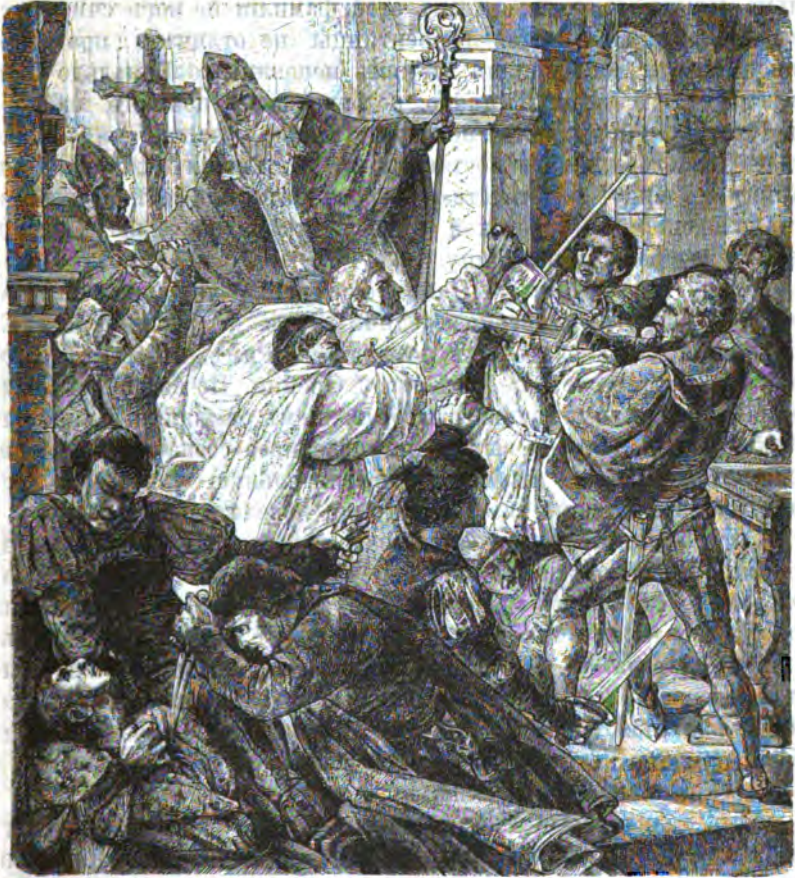
Оба священника, посягавшіе на жизнь Лоренцо, были захвачены и изрублены въ куски приверженцами Медичисовъ. Бернардо Бандини, видя что Лоренцо ускользнулъ отъ него, и дѣло заговора потеряно, успѣлъ во время спасти свою жизнь бѣгствомъ. Раненный Франческо Пацци настолько ослабѣлъ отъ потери крови, что долженъ былъ вернуться домой; онъ упросилъ своего дядю Джакомо сѣсть на лошадь и обратиться съ воззваніемъ къ народу. Джакомо собралъ вокругъ себя около сотни заговорщиковъ и отправился съ ними на площадь передъ дворцомъ «Signoria», приглашая по пути гражданъ взяться за оружіе и защищать дѣло свободы. Но такъ какъ это воззваніе не произвело никакого впечатлѣнія, то онъ поспѣшно вышелъ изъ городскихъ воротъ съ своимъ небольшимъ войскомъ и удалился въ Романію.

Лоренцо Медичи не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, чтобы захватить заговорщиковъ, но тѣмъ сильнѣе обрушилась на нихъ мечь народа. Ничто не могло болѣе расположить флорентинцевъ къ дому Медичи, какъ этотъ неудавшійся заговоръ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вопиющимъ святотатствомъ, достойнымъ небесной кары. Если кто выказывалъ неприязнь къ Медичисамъ или находился въ какихъ либо сношеніяхъ съ заговорщиками, то его убивали безъ сожалѣнія. Кардиналь Риаріо искалъ спасенія у алтара, гдѣ священники съ трудомъ могли оградить его отъ народной мести. Франческо Папци лежалъ въ постели вслѣдствіе своей раны, но его принудили наскоро одѣться и поволокли въ палатку «Signoria», гдѣ повѣсили на окна рядомъ съ архіепископомъ Сальвьяти. Дорогой побой и оскорбленія наносимыя ему озлобленнымъ народомъ не вызвали у него ни малѣйшей жалобы, онъ спокойно смотрѣлъ на своихъ согражданъ, и только выразилъ сожалѣніе, что они хотятъ остаться въ прежнемъ рабствѣ. Нужно приписать чуду, что народъ пощадилъ наследственный палатку фамиліи Папци и превосходную капеллу, построенную Брунелески по порученію Андреа Папци, которая уцѣлѣла для потомства, на монастырскомъ дворѣ Санта Кроче, въ видѣ неподражаемаго образца строительнаго искусства времени Возрожденія.

Изъ всѣхъ членовъ фамиліи Папци, бывшихъ въ этотъ день во Флоренціи, уцѣлѣлъ одинъ Гуильельмо Папци, мужъ сестры Лоренцо Медичи. Едва Біанка узнала изъ безсвязнаго разсказа конюха о томъ, что случилось въ городѣ, какъ у ней явилась твердая рѣшимость спасти своего мужа, несмотря ни на какую опасность. Она тотчасъ же сдѣлала всѣ необходимыя распоряженія для своего отъѣзда, ничѣмъ не выразивъ своего волненія, и только во время прощанія съ дѣтьми слезы навернулись на ея длинныхъ ресницахъ. Затѣмъ она сѣла на лошадь и отправилась въ городъ въ сопровожденіи двухъ слугъ. Флорентинцы знали всѣхъ членовъ знатныхъ фамилій своего города, и Біанка всегда пользовалась общимъ расположеніемъ за свою доброту и простое обращеніе. Поэтому ея появленіе на городскихъ улицахъ было встрѣчено доброжелательными криками. Мало по малу вокругъ нея образовалась многочисленная народная толпа, которая сопровождала ее во дворецъ брата. Несчастіе, постигшее Медичисовъ занимало всѣхъ; вмѣстѣ съ громкими жалобами и плачемъ раздавались крики ярости и проклятія. По улицамъ тащили тѣла убитыхъ; всюду видѣлись обезображенные куски человѣческаго мяса, вдѣтые на колья, которые носили по городу. Повидимому фанатическая жажда мести дошла у флорентинцевъ до крайнихъ предѣловъ и ей не предвидѣлось конца.

Біанка, пользуясь правами близкаго родства, подошла къ постели Лоренцо и вмѣстѣ съ сожалѣніями о смерти ихъ младшаго

брата выразила радость, что видитъ его живымъ. Лоренцо ласково встрѣтилъ сестру, которая живо напоминала ему покойную мать своей кротостью и красотой. Онъ былъ заранее увѣренъ, что БIANKA прїѣдетъ къ нему, какъ только узнаетъ объ его болѣзни; но поведеніе Гуильельмо Пацци казалось ему крайне сомнительнымъ. БIANKA удалось увѣрить брата, что Гуильельмо не при-

Заговоръ Пацци.

мать никакого участія въ заговорѣ и, только уступая ея настоятельнымъ просьбамъ, отправился въ городъ, гдѣ уже все было окончено безъ него. Наконецъ могъ ли онъ быть недругомъ Медичисовъ при той нѣжной привязанности, какую онъ всегда выказывалъ женѣ и дѣтямъ!..

Лоренцо, повѣривъ краснорѣчивымъ убѣжденіямъ молодой женщины, обѣщавъ свое покровительство ея мужу, которому позволялъ

остаться въ своемъ дворцѣ, пока не уляжется народная ярость. Но Біанка не совсѣмъ довѣряла обѣщаніямъ своего брата, и съ ужасомъ думала о томъ, что можетъ наступить день, когда Лоренцо при своемъ честолюбіи, не задумываясь пожертвуетъ зятемъ, если это окажется нужнымъ для его цѣлей. Такимъ образомъ она переживала тяжелые дни, въ великолѣпномъ палаццо Медичисовъ, ожидая съ часу на часъ, что ярость народа обрушится на Гуильельмо Пацци. Ни одинъ членъ этой фамилии не могъ считать себя безопаснымъ, такъ какъ флорентинцы не отличали праваго отъ виноватаго; и повѣсили ни въ чемъ неповиннаго Ринальдо Пацци, вмѣстѣ съ его дядей Джакомо, который былъ пойманъ на дорогѣ въ Романію и принималъ непосредственное участіе въ заговорѣ. Тѣло Джакомо сначала поставили въ фамильномъ склепѣ Пацци, затѣмъ въ виду святотатства, которое позволили себѣ заговорщики, его похоронили за городской стѣной, откуда оно было снова вырыто и выброшено на улицу.

Между тѣмъ, заговоръ Пацци еще болѣе упрочилъ неограниченное господство Лоренцо Медичи надъ флорентинцами. Едва оправившись отъ раны, онъ поѣхалъ въ Римъ, чтобы отпраздновать свое бракосочетаніе съ Кларой Орсини. По вѣншности Клара могла бы служить типичнымъ изображеніемъ римлянки. Правильныя рѣзкія черты лица ея выражали горделивое сознаніе собственнаго достоинства, которое вызывало презрительную улыбку на ея губахъ. Большіе черные глаза смотрѣли повелительно на свѣтъ Божій и гармонировали съ ея высокимъ ростомъ, умѣренными движеніями и спокойствіемъ знатной дамы. Когда она вѣхала во Флоренцію съ своимъ молодымъ супругомъ и была встрѣчена у воротъ городскими властями, знатію обоого пола и радостными криками народа, то на лицѣ ея появилась снисходительная улыбка удовлетворенія. Въ ея головѣ впервые промелькнула мысль, которая имѣла рѣшающее вліяніе на ея дальнѣйшую жизнь. Она дала обѣтъ придать въ будущемъ болѣе высокое значеніе дорогой діамантъ, украшавшей ея волнистые черные волосы.

Какъ велика была власть Лоренцо въ это время можно видѣть изъ того, что турецкій султанъ по первому его требованію выдалъ Бернардо Бандини, которому удалось найти убѣжище въ Константинополѣ. Бандини привезли во Флоренцію, гдѣ онъ былъ немедленно приговоренъ къ повѣшенію.

ГЛАВА II.

Юношескіе годы Джироламо Саванаролы.

В ДАВНИХЪ порѣ «boccia» (игра въ шары) была въ большомъ ходу не только въ Болоньи, но и во всей Италіи и служила удобнымъ поводомъ къ сближенію обѣихъ половъ, которые вообще были строго отдѣлены другъ отъ друга. Молодые дѣвушки привилегированныхъ классовъ воспитывались въ монастыряхъ или подъ надзоромъ матерей, которыя держали ихъ вдали отъ общества. Этотъ обычай соблюдался въ Болоньи строже, чѣмъ гдѣ либо, потому что знаменитый университетъ привлекалъ массу молодежи изъ другихъ странъ, и далеко не всѣ юноши отличались нравственностью и одинаковымъ рвеніемъ къ наукѣ. Съ другой стороны замкнутая жизнь неблагопріятно отражалась на молодыхъ дѣвушкахъ и способствовала ихъ вольному обращенію съ молодежью другаго пола, которую онѣ видѣли только во время веселыхъ празднествъ. Въ сущности какое дѣло было безопаснымъ юношамъ и дѣвушкамъ до серьезныхъ политическихъ соображеній отцовъ и материнской заботливости объ ихъ будущности, въ тѣ счастливые часы, когда они сходились на мѣстахъ общественныхъ игръ или въ цвѣтущихъ садахъ и всецѣло предавались наслажденію минутъ!

Ежегодно фамилія Бентиволіо въ Болоньи давала блистательный праздникъ въ залахъ своего дворца и примыкавшихъ къ нему садахъ. Это дѣлалось въ честь короля Энціо, предка фамиліи, съ цѣлью сохранить о немъ воспоминаніе въ памяти жителей. При этомъ ничто не должно было напоминать тяжелую борьбу гвельфовъ съ гибеллинами, въ которой многолюдный промышленный городъ принималъ дѣятельное участіе. Между тѣмъ эта борьба

была причиною, что любимый сынъ Фридриха II Гейнрихъ или Гейнцъ, прозванный итальянцами Энцо, содержался двадцать лѣтъ въ болонской тюрьмѣ. Выше упомянутый праздникъ долженъ былъ только служить наименованіемъ героической любви Лючіи Вендаголи, уроженки Болоньи, къ императорскому сыну. Печальная судьба нѣмецкаго принца, котораго вели плѣннымъ по улицамъ города, въ связи съ его привлекательной наружностью тронула сердце прекрасной Лючіи. Она нашла доступъ въ его темницу и оставалась при немъ неотлучно до самой смерти въ качествѣ его жены. Родъ, происшедшій отъ этого замѣчательнаго супружества, назывался Бентиволіо и благодаря родственной связи съ императорскимъ домомъ пользовался особеннымъ уваженіемъ. Наконецъ, по прошествіи многихъ лѣтъ, фамилія Бентиволіо, пользуясь смутами въ городѣ, достигла безграничнаго господства съ помощью папы и получила въ Болоньи такое же значеніе, какъ Медичи во Флоренціи.

Естественно, что празднество, устроенное въ память вѣрной любви, было преимущественно назначено для юношества. Если въ данный моментъ между представителями фамиліи Бентиволіо были юноши и дѣвушки, то празднество получало еще болѣе веселый характеръ, и все было направлено къ тому, чтобы доставить самымъ разнообразнымъ увеселеніямъ собравшейся молодежи. Роскошная природа Италіи придавала особенную прелесть этого рода празднествамъ, когда они устраивались въ лучшую пору года, какъ на примѣръ въ маѣ, какъ это было въ данномъ случаѣ. Множество прекрасныхъ цвѣтовъ, связанныхъ гирляндами украшали стѣны великолѣпнаго дворца Бентиволіо, образуя пестрый коверъ, на фонѣ котораго выдѣлялись милыя юношескія фізіономіи, сіявшія веселіемъ.

На этотъ разъ былъ только одинъ молодой представитель фамиліи Бентиволіо, и такъ какъ съ нимъ были связаны всѣ надежды родителей и родственниковъ, то онъ составлялъ для нихъ предметъ безусловнаго поклоненія. Ипполиту Бентиволіо только что исполнилось двадцать лѣтъ; это былъ богато одаренный юноша въ физическомъ и нравственномъ отношеніи, хотя безграничная любовь близкихъ ему людей способствовала развитію его природнаго высокоумія. Внѣшній признакъ нѣмецкаго происхожденія, роскошные бѣлокурые волосы несчастнаго Энцо, время отъ времени встрѣчались у его потомковъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Такіе же густые бѣлокурые волосы были у Ипполита Бентиволіо и при этомъ большіе темноглубые глаза, которые въ минуты гнѣва или радости принимали металлическій отблескъ. Его прекрасно сложенная сильная фигура, закаленная съ дѣтства въ физическихъ упражненіяхъ и верховой ѣздѣ, вполне подходила къ его будущему положенію—вождя могущественной Болоньи. Естест-

венно, что всѣ дѣвушки города относились благосклонно къ красивому юношѣ, которому предстояла такая блестящая будущность. Онъ могъ выбрать любую изъ нихъ, такъ какъ матери больше своихъ дочерей ухаживали за нимъ, и каждая считала бы для себя величайшимъ счастьемъ породниться съ фамиліей Бентиволіо.

Въ этомъ году, по случаю праздника въ честь Энціо, опять собралось множество юношей и дѣвушекъ во дворцѣ Бентиволіо. Время проходило незамѣтно среди всевозможныхъ увеселеній. Къ вечеру приготовленъ былъ въ саду народный праздникъ съ различными играми, состязаніемъ въ бѣгъ, лазаніемъ по шесту и пр. Въ заключеніе долженъ былъ быть сожженъ великолѣпный фейерверкъ на обширномъ лугу, гдѣ, по примѣру древнихъ театровъ, были устроены амфитеатромъ ряды мѣстъ для зрителей. Но пока ворота оставались закрытыми для народной толпы, молодежь знатныхъ фамилій собралась въ саду для игры въ «боссіа», при которой бросались шары и затѣмъ сообразно разстоянію отъ цѣли опредѣлялся выигрышъ или проигрышъ. Игра эта сопровождалась веселымъ смѣхомъ и шутками, и нерѣдко служила поводомъ къ оживленнымъ спорамъ, которые всегда кончались миролюбивымъ образомъ. Во время болѣе или менѣе продолжительныхъ промежутковъ между играми прислуга разносила десертъ.

При этомъ немедленно составлялись группы, около нѣкоторыхъ дѣвушекъ тѣснились ихъ поклонники. Ипполитъ Бентиволіо не принадлежалъ къ числу ихъ, потому что самъ былъ центромъ многочисленнаго женскаго кружка, среди котораго были самыя красивыя и болѣе тщеславныя дѣвушки.

Орсола Кантарелли была безспорно самая красивая между своими сверстницами, какъ по своей миловидной граціозной фигурѣ, такъ и очаровательнымъ чертамъ лица. Она только что вышла изъ дѣтскаго возраста, но по уму и развитію давно уже достигла зрѣлости. Въ ней не было и слѣда робкой ребяческой наивности, и только холодный расчетъ руководилъ ею; но она умѣла искусно скрывать его подъ маской дѣтской беззаботности. Желаніе нравиться пробудилось въ ней вмѣстѣ съ сознаніемъ могущества своей красоты, и хотя по внѣшнему виду она оставалась невиннымъ безпечнымъ ребенкомъ, но въ душѣ это была себялюбивая кокетка въ полномъ значеніи этого слова.

Игра кончилась, и опять наступилъ довольно продолжительный перерывъ. Орсола, не пренебрегая никакими средствами, чтобы обратить на себя вниманіе Ипполита, хотѣла еще болѣе увеличить число своихъ поклонниковъ.

Она обратилась съ лукавой улыбкой къ стоявшему около нея молодому офицеру:

— Я должна вамъ замѣтить синьоръ Онъибене, что вашъ братъ Джироламо не принадлежитъ къ числу любезныхъ кавалеровъ. Вся-

кій разъ, когда прерывается игра, онъ отходитъ въ сторону и предается своимъ мыслямъ, между тѣмъ онъ могъ бы заняться бесѣдой съ молодыми дамами и блеснуть своими необыкновенными умственными способностями, о которыхъ столько говорятъ у насъ.

— Будьте снисходительны къ нему синьорина, клянусь честью, что Джироламо хорошій и честный человѣкъ, хотя и мечтатель. Онъ самый умный въ нашей семьѣ, и въ десять разъ лучше меня, у котораго нѣтъ другихъ достоинствъ кромѣ искренняго желанія выказать свою храбрость въ битвѣ противъ непріятеля.

— Все это прекрасно, отвѣтила со смѣхомъ очаровательная Орсола, — но я желала бы знать, какія мысли могутъ настолько поглощать молодого человѣка, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на насъ молодымъ дѣвушкамъ. Какъ вы думаете, о чемъ размышляетъ онъ въ настоящую минуту?

— Мнѣ не трудно угадать это, потому что мы ежедневно видимся съ нимъ. Я знаю, что въ послѣднее время все его вниманіе было поглощено событіями во Флоренціи, и держу пари, что мысли его заняты ими и теперь. Онъ недоволенъ заговоромъ Пацци и его послѣдствіями. Если я ошибся, и не это въ его головѣ, то онъ вѣроятно думаетъ о своихъ ученыхъ книгахъ и стремится къ нимъ душой, хотя въ угоду мнѣ принимаетъ участіе въ этомъ великолѣпномъ праздникѣ.

— Во всякомъ случаѣ со стороны вашего брата крайне невѣжливо, что онъ такъ высоко цѣнитъ свои книги, что изъ-за нихъ пренебрегаетъ нами! возразила она, бросивъ взглядъ на юношу серьезной наружности, который шелъ по аллеѣ съ опущенной головой, и въ эту минуту свернулъ на уединенную тропинку. — Тѣмъ не менѣе, добавила она вполголоса, любопытно видѣть человѣка, который думаетъ о заговорѣ Пацци и стремится къ своимъ книгамъ въ то время, когда всѣ мы собрались сюда съ единственнымъ цѣлью повеселиться.

— Вы кажется хотите синьорина заставить всѣхъ насъ ревновать нашего добраго друга Джироламо! воскликнулъ Ипполитъ Бентиволіо, подходя къ Орсолѣ. — Кончится тѣмъ, что всѣ мы бросимъ наши шпаги и займемся книгами, чтобы заслужить ваше одобреніе!

Слова эти понравились тщеславной дѣвушкѣ, она отвѣтила на нихъ веселымъ смѣхомъ, къ которому присоединились молодые люди, стоявшіе вблизи и слышавшіе весь предъидущій разговоръ.

Между тѣмъ юноша, обратившій на себя вниманіе красавицы скрылся въ зелени деревъ. Онъ шелъ медленно по уединенной тропинкѣ, останавливаясь по временамъ, чтобы взглянуть на цвѣтушіе кусты розъ и камелій. Его занимали серьезные думы, которыя рѣдко приходятъ въ голову молодымъ людямъ его лѣтъ. Уваженіе, какимъ пользовался Джироламо Саванарола среди близкихъ ему людей было вполнѣ заслуженное, такъ какъ онъ былъ одаренъ не

только глубокой чуткой натурой, но и рѣдкими умственными способностями. Міровыя событія и общечеловѣческія дѣла, несравненно болѣе интересовали его, нежели узкіе личные интересы и его собственная особа. Въ теченіи нѣсколькихъ дней онъ не переставалъ думать о кровавыхъ событіяхъ во Флоренціи, о которыхъ говорила не только Италія, но и вся Европа. Въ памяти его воскресла прошлая исторія «цвѣтущаго» города и безконечная борьба гвельфовъ и гибеллиновъ. Обѣ партіи всплыли вновь подъ названіемъ «черныхъ» и «бѣлыхъ»: въ ихъ борьбу втянуть былъ и поэтъ Дантъ. Въ 1300 году онъ былъ одинъ изъ пріоратовъ, присвоившихъ себѣ титулъ «signoria», подъ властью gonfalonьера. Поэтъ принадлежалъ къ партіи «бѣлыхъ» и во время одного переворота былъ навсегда изгнанъ изъ Флоренціи; долго послѣ того странствовалъ онъ съ мѣста на мѣсто, пока не нашелъ убѣжища у Гвидо да Полента, влстителя Равенны. Его гениальная поэма, названная имъ самимъ «Комедіей», къ которой впоследствии прибавлено названіе «Божественной», была чужда какихъ бы-то ни было партій и изображала событія современной жизни, подъ видомъ возмездія на томъ свѣтѣ. Между тѣмъ для флорентинцевъ наступили тяжелыя времена; они сначала признали надъ собою господство неаполитанскаго короля, затѣмъ такъ называемаго принца Ахайскаго, пока Медицисы мало по малу не присвоили себѣ безграничную власть надъ городомъ.

Въ молодой и впечатлительной душѣ Джироламо все болѣе и болѣе укрѣплялось убѣжденіе, что условія, въ какихъ находилась Флоренція и другія города Италіи, не могутъ быть долѣе терпимы. Онъ видѣлъ, что вездѣ былъ произволъ единичныхъ тирановъ, которые эксплуатировали народъ для своихъ цѣлей и мало заботились объ его благосостояніи. Пылкій патріотизмъ юноши еще болѣе усиливалъ его жажду дѣятельности, но у него часто являлись сомнѣнія относительно своихъ способностей. Онъ сознавалъ, что въ наружности его не было ничего внушительнаго и, что провидѣніе лишило его дара того краснорѣчія, которое дѣйствуетъ на массы. Сначала онъ хотѣлъ, по примѣру отца своего, посвятить себя законовѣдѣнію, хотя внутреннее убѣжденіе говорило ему, что онъ призванъ обучать юношество или быть народнымъ ораторомъ. Когда у него являлись подобныя мечты, то онъ воодушевлялся до такой степени, что могъ часами обдумывать рѣчи, въ которыхъ хотѣлъ сообщить свои взгляды многочисленнымъ слушателямъ, хотя они существовали пока только въ его воображеніи. Кромѣ политики и науки, сдѣлавшей быстрые успѣхи въ новѣйшее время, вниманіе его было въ такой же степени возбуждено сильнымъ движеніемъ въ области искусства. Въ это время пластика шла увѣреннымъ шагомъ по новому пути. У многихъ явилось пониманіе безсмертныхъ художественныхъ произведеній античнаго міра; признано было,

что они переживутъ всѣ фазисы развитія человѣчества и будутъ вѣчно имѣть плодотворное вліяніе на его духовную дѣятельность. Тѣмъ не менѣе вопросъ о достоинствахъ вновь возродившагося древняго искусства служилъ поводомъ къ оживленнымъ спорамъ. Хотя Джироламо Саванарола былъ достаточно одаренъ отъ природы, чтобы наслаждаться поэзіей Данте и безъискусственными картинами Джотто, но онъ относился съ недоувѣріемъ и даже отчасти съ глубокимъ отвращеніемъ къ чувственному элементу, который являлся преобладающимъ при новомъ поворотѣ искусства, и представляя отрицаніе античнаго духа, угождалъ вкусу сластолюбивыхъ властителей. При этомъ Джироламо, какъ это часто бываетъ въ молодости, заходилъ слишкомъ далеко въ своемъ строгомъ взглядѣ на искусство и повидимому становился какъ бы врагомъ его. Душа его жаждала освобожденія отъ ига тирановъ, онъ мечталъ о счастьи всего человѣчества, и ненавидѣлъ все, что было связано съ тиранствомъ или что пользовалось его покровительствомъ.

Веселыя, смѣющіяся дѣвушки и юноши не подозрѣвали какая борьба происходила въ это время въ душѣ Саванаролы. Хорошенькая Орсола, рассчитывая на всемогущество своей красоты, заявила, что не мѣшало бы сдѣлать опытъ, чтобы убѣдиться, что сильнѣе: книги или жизнь? Если какой либо молодой дѣвушкѣ удастся отвлечь серьезнаго Джироламо Саванаролу отъ его ученыхъ занятій, то это будетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ, что молодое, свѣжее личико можетъ взять перевѣсъ надъ старыми учеными мужами, несмотря на то высокое уваженіе, которымъ они пользуются.

Молодые люди единогласно выразили свое одобреніе. Ипполитъ Вентиволіо также нашелъ предложеніе Орсолы восхитительнымъ, хотя лицо его въ это время имѣло довольно странное выраженіе. Вслѣдъ затѣмъ, онъ отыскалъ какой-то предлогъ, чтобы шепнуть нѣсколько словъ на ухо Орсолѣ. Онъ совершенно серьезно спросилъ ее: не намѣрена ли она сама привести въ исполненіе мысль, высказанную ею относительно Саванаролы? Когда она заносчиво отвѣтила ему въ утвердительномъ смыслѣ, то онъ замѣтилъ, что, быть можетъ, подъ этимъ кроется дѣйствительное участіе, которое она принимаетъ въ молодомъ ученомъ. Сердце Орсолы забилося отъ радости, но она не рѣшалась дать какой либо отвѣтъ, пока Ипполитъ не объявилъ ей, что, въ данномъ случаѣ, онъ долженъ сознаться, что принимаетъ самое живое участіе въ томъ, до чего она намѣрена довести это дѣло.

Орсола покраснѣла при этихъ словахъ, и съ трудомъ могла скрыть улыбку торжества, которая готова была появиться на ея лицѣ, такъ какъ Ипполитъ въ первый разъ далъ ей понять, что никому не уступитъ обладаніе ею. Она скоро придумала отвѣтъ, и, бросивъ многозначительный взглядъ на своего поклонника, сказала:

— Я буду вести дѣло до тѣхъ поръ, пока вы будете спокойно относиться къ этому, и тотчасъ же предоставлю мою жертву собственной судьбѣ, какъ только вы потеряете терпѣніе.

Едва успѣла она прошептать эти слова, какъ Онъибене Саванарола опять обратился къ ней.

— Сжальтесь надъ моимъ бѣднымъ братомъ синьорина Орсола, сказалъ онъ, вы и безъ него найдете не мало другихъ жертвъ. По своему довѣрчивому характеру онъ можетъ принять за истину то, что съ вашей стороны будетъ только забавой.

Данте.

— Кто вамъ сказалъ, что это только забава? спросила Орсола. Развѣ вы знаете мои намѣренія? Если молодой ученый не отнесется къ этому серьезно, то дѣло потеряно съ самого начала. Если вы будете мѣшать мнѣ и встанете поперекъ дороги, продолжала она поднимая съ угрозой свой красивый палецъ, то я сама начну противъ васъ войну, и потребую отъ всѣхъ своихъ друзей, чтобы они отомстили за меня.

— Вы можете пугать меня вашимъ гнѣвомъ, синьорина, но не вашими друзьями, возразилъ молодой офицеръ, который самъ испытывалъ на себѣ очарованіе ея красоты. Если вы дѣйствительно хотите произвести опытъ надъ моимъ братомъ, то мое присутствіе не будетъ стѣснять васъ, потому что завтра съ разсвѣтомъ я уѣзжаю изъ Болоньи и вѣроятно не вернусь раньше года; даже съ братомъ

мнѣ придется проститься сегодня вечеромъ. Онъ разумѣется останется здѣсь, чтобы продолжать свои занятія. Впрочемъ, признаюсь откровенно, что меня самого до известной степени беретъ любопытство, будетъ ли ваша попытка имѣть желаемый успѣхъ, такъ что даже ради этого я не сталъ бы мѣшать вамъ. Съ другой стороны, едва ли вамъ удастся долго обманывать моего брата, потому что онъ наблюдательнѣе, нежели вы думаете.

Орсола почувствовала упрекъ, который заключался въ этихъ словахъ и только насмѣшливо улыбнулась.

Окружавшіе ее молодые люди были очень удивлены и даже опечалены извѣстіемъ, что Оньибене намѣренъ покинуть Болонью, потому что всѣ любили его за неизмѣнную веселость. Они наперерывъ начали спрашивать его о причинѣ отъѣзда, вслѣдствіе этого, разговоръ принялъ болѣе серьезный оборотъ и общество раздѣлилось на группы.

Оньибене Саванарола сообщилъ своимъ друзьямъ, что его неожиданно назначили въ Падую, такъ какъ этотъ городъ намѣренъ помогать венеціанцамъ въ одномъ спорномъ вопросѣ противъ Милана. Въ заключеніе онъ добавилъ, что дѣло можетъ быстро уладиться, хотя, съ другой стороны, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что оно перейдетъ въ продолжительную войну.

Въ это время Ипполитъ Бентиволіо и Орсола отдѣлились отъ остальнаго общества и вошли въ боковую аллею. Онъ сказалъ ей взволнованнымъ голосомъ:

— Увѣрены ли вы настолько въ своемъ сердцѣ, синьорина, чтобы дѣлать подобную попытку? Общайтесь мнѣ, что ваша шутка съ Джироламо не перейдетъ въ привязанность; я не могу допустить мысли, чтобы вы отдали свое сердце другому человѣку, прежде чѣмъ я осмѣлюсь спросить васъ: не можетъ ли оно принадлежать мнѣ?

Красивой и тщеславной дѣвушкѣ стоило опять большаго труда сдержать торжествующую улыбку, но измѣнническій румянецъ противъ воли выступилъ на ея щекахъ.

— Никакіе соперники не опасны для васъ, прошептала она, протянувъ Бентиволіо свою руку, которую онъ поцѣловалъ съ увлеченіемъ первой любви.

Онъ не рѣшался идти дальше этихъ намековъ, такъ какъ ему было извѣстно, что его родители имѣли въ виду совсѣмъ иные планы. Кантарелли, хотя и принадлежали къ знатному роду Болоньи, но издавна было въ обычаѣ, что господствующія фамиліи города искали родства съ царствующими домами. Тяжелая борьба предстояла Ипполиту въ томъ случаѣ, если бы онъ вздумалъ послѣдовать своей склонности къ Орсолѣ, и если въ известныя минуты онъ готовъ былъ преодолѣть всѣ препятствія, то вслѣдъ затѣмъ на него напададо раздумье и онъ останавливался на поддо-

рогѣ. Орсола была достаточно умна, чтобы понимать свое положеніе; она знала, что нужна большая выдержка со стороны Вентиволю, чтобы онъ могъ соединиться съ нею, поэтому она рѣшилась употребить всѣ средства, чтобы раздуть его страсть до послѣдней степени. Борьба съ равнодушіемъ Джироламо Саванаролы казалась ей однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ для достиженія завѣтной цѣли, но она хотѣла осторожно приступить къ дѣлу, изъ боязни помѣшать успѣху лишней поспѣшностью.

Когда опять возобновилась игра, Джироламо безпрекословно согласился участвовать въ ней, такъ какъ, несмотря на серьезное направленіе ума, въ немъ сохранилось много дѣтской непринужденной веселости. Онъ не былъ красивымъ молодымъ человѣкомъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; его наружность не представляла особенной привлекательности для женщинъ. Это обстоятельство, въ связи съ искреннимъ увлеченіемъ наукой, оградило его отъ многихъ соблазновъ и опасностей, которыхъ не избѣгли другіе юноши его лѣтъ. Мать и младшая сестра были единственными женскія существа, къ которымъ онъ чувствовалъ сердечную привязанность; только съ ними находился онъ въ близких сношеніяхъ, если не считать нѣсколькихъ благочестивыхъ родственницъ и пріятельницъ ихъ дома. Мать его была также набожная женщина, и въ томъ же духѣ воспитала своихъ дѣтей. Джироламо не находилъ удовольствія въ обществѣ молодыхъ дѣвушекъ, такъ какъ сознавалъ, что не особенно нравится имъ; онъ не умѣлъ обходиться съ ними и не могъ придумать разговора, который по его мнѣнію могъ бы представить для нихъ какой либо интересъ. У него было также мало друзей между его сверстниками и товарищами, но съ этими немногими лицами онъ былъ въ наилучшихъ сношеніяхъ; они относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, сознавая его нравственное превосходство надъ ними. Старшій братъ его, Онъибене, всегда былъ для него пріятнымъ собесѣдникомъ, но ихъ натуры были настолько различны, что они мало понимали другъ друга.

Джироламо чувствовалъ большую симпатію къ своимъ младшимъ братьямъ, изъ которыхъ Марко Авреліо былъ его любимцемъ. Печальная судьба этого брата глубоко огорчила его и впервые навела на размышленія о суетности земныхъ желаній и надеждъ. Марко влюбился въ молодую дѣвушку, по имени Анна Буонокорси, которая была старше его двумя годами и приходилась ему родственницей по матери. Анна, одна изъ первыхъ красавицъ Феррары, относилась небрежно къ своему поклоннику и, повидимому, не замѣчала, что его привязанность къ ней постепенно превращается въ неизлечимую страсть. Марко терпѣливо выносилъ ея гордое обращеніе, восхищался ея красотой и условно вѣрилъ въ ея добродѣтель. Но вскорѣ его постигло не-

ожиданное горе: она приняла предложеніе знатнаго и богатаго патриція, стараго и безобразнаго, у котораго былъ взрослый сынъ однихъ лѣтъ съ Марко. При встрѣчѣ она объяснила влюбленному юношѣ, что онъ слишкомъ молодъ для нея, и, что она успѣетъ состарѣться, когда для него наступитъ пора женитьбы. Марко увѣрялъ ее, что всегда будетъ любить ее, хотя бы ему пришлось жениться на ней, когда она сдѣлается дряхлой старухой. Красавица смѣялась, слушая эти увѣренія, и нѣсколько недѣль спустя вышла замужъ за стараго богача.

Марко удалился въ уединеніе, чтобы скрыть свое горе. Онъ старался объяснить поступокъ Анны въ ея пользу, оправдывалъ ее тѣмъ, что она никогда не отвѣчала на его любовь, и не подавала ни малѣйшихъ надеждъ на взаимность. Мало-по-малу, онъ сталъ снова бывать у своихъ знакомыхъ, но тщательно избѣгалъ дома, гдѣ жила его прежняя возлюбленная. Тѣперь она была женой отца одного изъ его пріятелей, добродушнаго малаго, который нѣсколько разъ напрасно приглашалъ его къ себѣ. Наконецъ, ему удалось заманить Марко въ домъ своего отца, гдѣ молодая мати ласково приняла его не только какъ друга своего пасынка, но и собственнаго родственника, и осыпала упреками, что онъ до сихъ поръ не посѣтилъ ее. Послѣ этого, Марко сталъ бывать довольно часто; Анна съ каждымъ разомъ становилась все привѣтливѣе и доступнѣе, видимо старалась возбудить его чувственность костюмомъ и обращеніемъ съ нимъ, пока онъ не убѣдился къ своему ужасу, что идеаль его юношескихъ мечтаній готовить ему самую недостойную роль. Это сознаніе разрушило всѣ надежды его жизни. Онъ рѣшилъ удалиться отъ міра, и, заручившись согласіемъ своего отца, отправился въ Болонью, гдѣ поступилъ въ орденъ доминиканцевъ, задача которыхъ заключается не въ одномъ умерщвленіи плоти, такъ какъ они письменно и словесно поддерживаютъ связь съ народомъ.

Вслѣдъ затѣмъ старшій братъ, Онъибене также покинулъ родной городъ Феррару и перешелъ на службу въ Болонью, куда послѣдовалъ за нимъ и Джироламо для занятій въ знаменитомъ болонскомъ университетѣ. Здѣсь Джироламо часто видѣлся съ обоими братьями; съ Онъибене, у него сохранились прежнія дружескія, но болѣе внѣшнія отношенія, между тѣмъ какъ онъ чувствовалъ самую искреннюю привязанность къ Марко Авреліо и находилъ искреннее удовольствіе въ его обществѣ. Тѣмъ не менѣе, ему самому никогда не приходило въ голову предпочесть монастырскую жизнь общественной дѣятельности. Онъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что изученіе законовѣдѣнія въ томъ видѣ, какъ оно преподавалось въ то время, не можетъ удовлетворить его, и поэтому усиленно занялся историками и поэтами классической древности. Отъ нихъ онъ перешелъ къ безсмертному произведенію Данте, которое

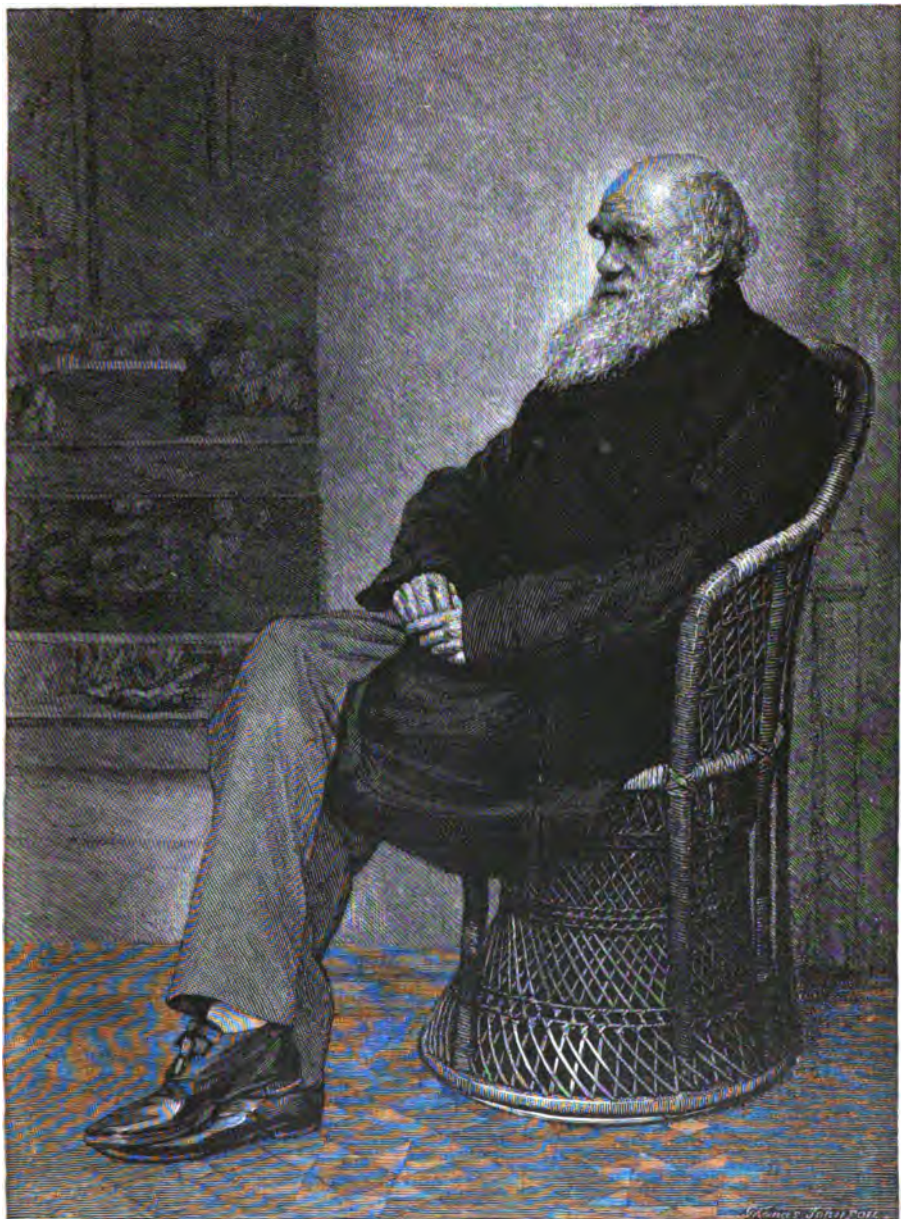
gravé par Valer

Reconnait sous le Nord l'aimant qui nous attire
 Cet heureux conspirant profond législateur.
 Femme aimable grand homme et que l'on admire
 Qui parcourt ses Etats, y verse le bonheur
 L'original se trouve dans la collection de Monsieur le General. Hommel a qui cette planche est dédiée avec le plus profond respect
 An 1782, par Sa. Maje. et l'Empereur et de son a. Grand

gravé par Valer
 Maitre en l'art de regner, devante en l'art d'écrire,
 Regardant la lumiere, écartant les ténèbres,
 Si le sort n'avoit pu lui donner un Empire
 Elle auroit eu, toujours son Trône dans nos coeurs
 par son bon humeur et son cœur. James HENRY

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.
 Съ гравированнаго портрета Валькера.

ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ.

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1884 ГОДУ

Н А

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ПЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1884 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1880—1883).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Редакція, вполне обеспеченная разнообразнымъ литературнымъ матеріаломъ, обратитъ особенное вниманіе на рисунки и обязательно будетъ давать въ каждой книжкѣ журнала нѣсколько иллюстрацій (въ 1883 году въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ помѣщено болѣе 130 гравюръ).

Въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“ въ 1884 году печатается иллюстрированный (40-ка гравюрами на деревѣ) культурно-историческій очеркъ Адольфа Глазера „Саванарола“.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1884 года будутъ помѣщены, уже находящіяся въ распоряженіи редакціи, статьи слѣдующихъ писателей:

Д. В. Аверкіева, А. В. Арсеньева, Н. В. Верга, Ф. И. Булгакова, В. П. Вуреннина, А. Я. Вутковской, И. Д. Вѣлова, Н. А. Вѣловской, Е. М. Гаршина, В. И. Герье, Н. А. Добротворскаго, И. И. Дубасова, Г. В. Есипова, И. Н. Захарьина, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, Е. П. Карновича, А. И. Кирпичникова, Н. М. Конщина, М. С. Корелина, Н. И. Костомарова, Д. А. Корсакова, А. Н. Корсакова,

В. Д. Кренке, Н. С. Жутейникова, Д. П. Лебедева, Н. С. Лѣскова, В. Н. Майнова, С. В. Максимова, П. К. Мартыанова, А. Н. Маслова, Л. С. Мацѣевича, А. П. Милюкова, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, А. И. Невеленова, В. И. Немировича-Данченко, Н. И. Петрова, А. С. Пругавина, Д. Н. Садовникова, графа Е. А. Сальяса, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевскаго В. Я. Стоюнина, М. И. Сухомяниова, С. Н. Терпигорева, П. С. Усова, Ѳ. Н. Устрялова, М. К. Цебриковой и др.

Гравюры для иллюстраціи статей заказаны преимущественно граверамъ: Паннемакеру въ Парижѣ и Зубчанинову въ Петербургѣ.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, д. № 38, и въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы, при московскомъ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

Примѣчаніе. Всѣ экземпляры „Историческаго Вѣстника“ 1883 года разошлись по подпискѣ и дальнѣйшія требованія о высылкѣ журнала за означенный годъ не могутъ быть удовлетворены. Что касается 1880, 1881 и 1882 годовъ, то въ конторѣ еще имѣется небольшое количество экземпляровъ журнала за это время.

СТОРОННИКИ ВОЦАРЕНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

(1757—1762 гг.)

БЛИЖАЙШІЕ поводы къ воцаренію императрицы Екатерины II и внѣшняя фактическая сторона этого воцаренія въ настоящее время достаточно разработаны, и мы можемъ воспроизвести почти вполнѣ всѣ происшествія, бывшія въ Петергофѣ, Ораніенбаумѣ и Петербургѣ, въ концѣ іюня и въ началѣ іюля 1762 года. Далекое не столь ясно представляется намъ внутренній процессъ зарожденія и развитія самой мысли о воцареніи Екатерины II. Мы знакомы съ эпизодомъ драмы, съ ея mise en scène, но недостаточно еще изучили весь ходъ драмы, всѣхъ дѣйствующихъ въ ней лицъ, всѣ обстоятельства, обуславливающія ея возникновеніе; мы не знаемъ еще хорошенько того механизма, при помощи котораго произошли всѣ сценическія превращенія «Петербургскихъ дѣйствъ» 1762 года и который скрывается подъ сценой и за кулисами. Политическое броженіе среди русскаго шляхетства, сильно возбужденное при воцареніи Анны Іоанновны, не замерло окончательно ни въ тяжелыя времена Бироновицны, ни въ правленіе «случайныхъ» русскіихъ людей въ царствованіе Елизаветы Петровны. Масса средняго и низшаго шляхетства, получивъ имущественныя и служебныя льготы, которыхъ добивалась въ 1730 году, все болѣе и болѣе проникалась инстинктами крѣпостничества и мелкаго карьеризма; но стремленіе къ участию въ «вышнемъ правительствѣ», заявленное при воцареніи императрицы Анны Іоанновны въ цѣломъ рядѣ шляхетскихъ проектовъ, — продолжало одушевлять немногихъ от-

дѣльныхъ личностей изъ шляхетства, непорвавшихъ духовной связи съ главными участниками движенія 1730 года. Эти личности ждали многого отъ Елизаветы Петровны, воцареніе которой привѣтствовали съ энтузіазмомъ, но они обманулись. Царствованіе ея убѣдило, напротивъ, тогдашнихъ лучшихъ русскихъ государственныхъ людей въ необходимости коренныхъ реформъ, основанныхъ не на произвольныхъ воззрѣніяхъ временщиковъ, а на прочныхъ измѣненіяхъ государственныхъ учреждений. Мысль о томъ, что будетъ съ Россіей, когда воцарится племянникъ императрицы, добрый, но ограниченный, чуждый всему русскому, великій князь Петръ Θεодоровичъ,—давно смущала русскихъ людей, стоявшихъ у кормила правленія. Желаніе видѣть во главѣ государства не его, а его супругу, было впервые заявлено еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ, года за четыре до кончины императрицы Елизаветы. Это желаніе нашло сочувствіе въ разнообразныхъ слояхъ общества, въ людяхъ самыхъ противоположныхъ воззрѣній. Когда Гр. Гр. Орловъ «кликнулъ кличъ», на него откликнулись и гетманъ Разумовскій, и Тепловъ, и Никита Ив. Панинъ, и старикъ фельдмаршалъ князь Н. Ю. Трубецкой, и молодые гвардейскіе офицеры. Но всѣ эти лица далеко не одинаково поняли главенство Екатерины въ русскомъ государствѣ. Не всѣ они стремились видѣть въ ней самодержавную императрицу, и каждый изъ нихъ имѣлъ свои побужденія принять участіе въ переворотѣ. А много ли мы знаемъ объ обстоятельствахъ, жизни и о характерѣ всѣхъ этихъ главныхъ и второстепенныхъ «пособниковъ» Екатерины? До тѣхъ поръ, пока не выяснятся подробности ихъ жизни, особенности ихъ характеровъ, фактъ воцаренія Екатерины II будетъ лишенъ полнаго историческаго освѣщенія. М. Н. Лонгиновъ, представившій любопытныя замѣтки о пособникахъ воцаренія Екатерины II, едва затрогиваетъ этотъ вопросъ; С. М. Соловьевъ въ XXV т. своей «Исторіи Россіи» дѣлаетъ первую попытку объяснить степень участія въ происшествіяхъ 28-го іюня 1762 года важнѣйшихъ дѣятелей этого дня, указывая вскользь на частныя ихъ побужденія. Болѣе подробной разработки такого спеціальнаго вопроса нельзя впрочемъ и требовать отъ изслѣдователя общаго историческаго развитія русской государственной жизни.

Не касаясь фактической стороны воцаренія Екатерины II, я позволяю себѣ представить нѣсколько замѣтокъ о «людяхъ 28-го іюня 1762 года». Замѣтки мои не претендуютъ на полноту и законченность. Въ нихъ я касаюсь далеко не всѣхъ людей этого дня и не вполне, а лишь тѣхъ изъ нихъ, побужденія которыхъ къ участію въ происшествіяхъ 28-го іюня 1762 года недостаточно, на мой взглядъ, выяснены, и лишь на столько; на сколько это служить къ уясненію ихъ участія въ переворотѣ. Предлагаемыя замѣтки составились изъ набросковъ при чтеніи XXV т. «Исторіи Россіи»

С. М. Соловьева и послѣдвяго изданія «Записокъ» княгини Дашковой («Архивъ князя Воронцова», кн. XXI, М. 1881 г.). Само собою разумѣется, что многія изъ собранныхъ мною данныхъ не могутъ служить основаніемъ для непреложныхъ заключеній и выводовъ, а пригодны для соображеній и предположеній; но иной разъ, когда нѣтъ прямыхъ указаній, и домыслы не бесполезны.

I.

28-го іюня 1744 года, 15-ти-лѣтняя принцесса Ангальтъ-Цербстская Софія Августа Фридерика принимаетъ въ Москвѣ православіе съ именемъ Екатерины Алексѣевны, а черезъ годъ съ небольшимъ, 25-го августа 1745 года, становится супругой наслѣдника русскаго престола Петра Ѳеодоровича. Различіе между ею и ея мужемъ бросалось въ глаза каждому, и весьма естественно, что симпатіи какъ государственныхъ людей, такъ и карьеристовъ придворныхъ—были на сторонѣ молодой и даровитой супруги наслѣдника престола. Скоро эти симпатіи изъ высшихъ правительственныхъ и придворныхъ сферъ перешли въ кружки гвардейскихъ офицеровъ, а затѣмъ и въ средніе и низшіе слоѣ петербургскаго населенія; великая княгиня Екатерина Алексѣевна становилась все болѣе и болѣе популярна ¹⁾.

Она жила уединенно, вдали отъ суетливаго и вмѣстѣ съ тѣмъ богомольнаго двора императрицы Елизаветы Петровны и казарменнаго препровожденія времени наслѣдника престола. Въ своемъ уединеніи Екатерина изучала творенія великихъ мыслителей эпохи и окружающую ее среду и поучалась разсказами о недавно-прошлыхъ событіяхъ при петербургскомъ дворѣ. Ничто не пропадало для нея даромъ. Она воспитывала себя не только Белемъ, Монтескьё, Вольтеромъ и энциклопедіей, но и разсказами ходячихъ придворныхъ хроникъ въ родѣ статсъ-дамы графини Румянцевой и камеръ-

¹⁾ Главнѣйшія данныя изъ жизни Екатерины II до ея воцаренія находятся: а) въ ея «Запискахъ» (Memoires de Catherine II, Londres. 1859); б) въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, т. XXII—XXIV; в) въ статьѣ «Новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся родителей Екатерины II и ея пріѣзда въ Россію», XVIII вѣкъ, сборникъ изд. П. И. Бартевельмъ, кн. I, стр. 1—44; д) собственноручныя бумаги Екатерины II въ VII т. «Русскаго Историческаго Сборника»; е) Я. К. Грота «Воспитаніе Екатерины II», «Др. и Нов. Россія» 1875 года, т. I, стр. 110—125; ф) въ статьяхъ профессора дерптскаго университета А. Г. Бригнера о Петрѣ III до его востшествія на престолъ: «Русск. Вѣстн.» 1882 г., кн. 11-я и 1883 г., кн. 1-я и 2-я (еще не оконч.). Какъ все, что выходитъ изъ-подъ пера этого ученаго исследователя русскаго XVIII вѣка, статьи эти отличаются полнотою матеріала и его строго-научной обработкой.

фрау Прасковьи Никитишны Владиславовой. Императрица Елизавета Петровна, весьма благоволившая къ Екатеринѣ въ началѣ ея пребыванія въ Россіи, могла сообщить ей много интереснаго о своемъ бездольномъ житьѣ-бытьѣ во времена Анны Иоанновны и о своемъ воцареніи. Многие изъ игравшихъ дѣятельную роль въ избраніи Анны Иоанновны, многие изъ потерявшихъ свободу при Биронѣ— были налицо и могли лично передавать великой княгинѣ о происшествіяхъ, въ которыхъ принимали непосредственное участіе, о томъ, что видѣли, что слышали. Роль царевны Софьи и воцареніе Петра среди стрѣльцкихъ мятежей, характеръ и реформы «перваго императора», его отношенія къ первой его женѣ Евдокии Лопухиной и къ царевичу Алексѣю, воцареніе второй жены Петра Великаго, «Маріенбургской плѣнницы Марты», преждевременная кончина Петра II и «кондиціи», предложенныя Аннѣ Иоанновнѣ; «Бироновщина» съ ея жестокостями и возведеніе на престолъ преображенцами «дщери Петровой» Елизаветы; быстрое возвышеніе и столь же быстрое паденіе временщиковъ и фаворитовъ; замыслы родовитыхъ русскихъ людей и ихъ «искорененіе»— вотъ тотъ пестрый калейдоскопъ «петербургскихъ дѣйствъ», въ который съ напряженнымъ вниманіемъ всматривалась юная нѣмецкая принцесса. Калейдоскопъ не могъ не поразить ее. Разсказы о недавнемъ прошломъ такъ мало походили на дѣйствительность, такъ прихотливо уносили ее въ какой-то сказочный, фантастическій міръ. Впослѣдствіи, уже ставши императрицею, Екатерина припоминала многіе изъ этихъ разсказовъ. Нѣкоторые изъ нихъ она занесла въ свой «Антидотъ», сборникъ опроверженій на книгу о Россіи француза, аббата Шапна д'Отерошъ, о другихъ остались отъ нея отдѣльныя замѣчанія (напримѣръ о замыслѣ верховниковъ ограничить самодержавіе Анны Иоанновны въ 1730 году, о дѣлѣ Волынскаго). Тогда же она прочла всѣ мнѣнія и проекты верховниковъ и шляхетства 1730 года и, запечатавъ ихъ въ особый конвертъ, написала на немъ собственноручно: «безъ особаго указа никому не выдавать»¹⁾.

Не трудно отгадать что останавливало на себѣ преимущественное вниманіе Екатерины въ этихъ разсказахъ. Она невольно поражалась случайностью престолонаслѣдія въ Россіи въ то время, и судьбою женщинъ изъ царской семьи. Екатерина была отъ природы честолюбива и слаблюбива. Весьма естественно, что она за-

¹⁾ «Антидотъ» напечатанъ въ русскомъ переводѣ въ «XVIII вѣкѣ», кн. IV.— Собственноручная замѣтка Екатерины II о попыткѣ князей Долгорукихъ въ 1730 году ограничить власть самодержавія, въ «Русск. Стар.» 1875 года, т. XII, стр. 388.—Замѣчаніе Екатерины II по дѣлу Волынскаго (1766 г.), въ «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.» 1868 года, кн. IV, стр. 143—144.—О разсмотрѣніи Екатериною II политическихъ документовъ времени воцаренія императрицы Анны Иоанновны см. въ моей монографіи объ этомъ воцареніи (отд. изд., Казань, 1880 г.).

думывалась надъ той ролью, которая ей самой можетъ предстоять въ будущемъ, и, разумѣется, она желала видѣть себя не въ монашеской рясѣ съ четками въ рукахъ, а въ коронѣ и порфирѣ, со скипетромъ и державой. Ожиданіе чего-то необычайнаго въ своей судьбѣ явилось у Екатерины весьма рано. Еще когда она была ребенкомъ, какой-то астрологъ въ Германіи предсказалъ ей что три короны украсятъ ея голову. «Въ ожиданіи брака сердце не общало мнѣ много счастья»—говорила она въ то время шведскому государственному человѣку, графу Гюлленборгу—«одно честолюбіе меня поддерживало. У меня въ глубинѣ сердца было что-то такое, что никогда не давало мнѣ ни на минуту сомнѣваться, что рано или поздно я сдѣлаюсь самодержавной повелительницей Россіи»¹⁾.

Къ 1757—1758 годамъ относится первое проявленіе мысли о предоставленіи великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ главенства въ російскомъ государствѣ. Въ 1757 году, императрица Елизавета приняла участіе въ такъ называемой семилѣтней войнѣ Фридриха II съ Марією Терезією, а въ слѣдующемъ году возникли въ Петербургѣ связанныя съ этою войною два политическихъ процесса, въ которыхъ было замѣнено имя великой княгини Екатерины: перваго побѣдителя пруссаковъ, фельдмаршала Апраксина, и главы тогдашняго русскаго министерства, графа А. П. Бестужева-Рюмина. Великая княгиня находилась въ перепискѣ съ фельдмаршаломъ, а Бестужевъ-Рюминъ имѣлъ съ ней какіе-то таинственные переговоры. Апраксинъ послѣ блестящей побѣды надъ войсками Фридриха II при Гроссъ-Эгерсдорфѣ совершенно неожиданно отступилъ къ предѣламъ Россіи. Отступление Апраксина совпало также съ неожиданной и угрожающей болѣзнію императрицы Елизаветы. Явились серьезныя опасенія за ея жизнь. Въ это время отношенія императрицы къ наследнику престола были очень натянуты. И вотъ придворная молва связываетъ отступление Апраксина съ болѣзнію Елизаветы Петровны и впутываетъ въ это дѣло князя Бестужева и великую княгиню Екатерину. Всѣ компетентные люди были тогда увѣрены, что Бестужевъ, полагая, что Елизавета проживетъ недолго, придумалъ «конъюнктуру» относительно престолонаслѣдія. Ему приписывали слѣдующій планъ: объявить императоромъ Павла Петровича—трех-лѣтняго сына Екатерины и Петра Θεодоровича—подъ регентствомъ матери, а самого Петра Θεодоровича удалить въ Голштинію. Апраксина отозвалъ Бестужевъ будто бы для того, чтобы имѣть на случай подъ рукой большее количество войскъ и чтобы расположить въ свою пользу Фридриха II. Бестужеву удалось передъ своимъ арестомъ сжечь самыя важныя бумаги: дѣло его дошло до насъ не вполнѣ; Апрак-

¹⁾ «Др. и Нов. Россія» 1875 г., т. I, стр. 118.

снѣ умеръ скоропостижно во время слѣдствія надъ нимъ; великая княгиня Екатерина просила императрицу отпустить ее къ матери въ Германію—это все такіе факты, которые заставляютъ предполагать, что тогдашняя молва была справедлива. О замыслахъ Бестужева прямо говоритъ Екатерина II въ своихъ «Запискахъ». Возможность этихъ замысловъ доказывается еще и тѣмъ, что опальный канцлеръ не былъ возвращенъ ко двору Петромъ III по восшествіи его на престолъ: этотъ государь, успѣвшій въ свое шестимѣсячное царствованіе помиловать всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ преступниковъ прошлыхъ царствованій, обошелъ Бестужева.

Съ самаго начала семилѣтней войны, императрица Елизавета Петровна имѣла все основаніе быть недовольной наслѣдникомъ престола, не скрывавшимъ своихъ симпатій къ Фридриху II; она видимо охлаждалась къ нему и не прочь была лишить его престолонаслѣдія въ пользу его сына Павла Петровича, хотя и не высказывала еще никакихъ опредѣленныхъ плановъ на этотъ счетъ.

«Бестужевская исторія» тѣмъ не менѣе ее очень взволновала. Она стала враждебно относиться къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, видя въ ней свою преемницу, назначенную не по ея желанію. Положеніе великой княгини при дворѣ дѣлается съ каждымъ днемъ все хуже и хуже, а съ 1760 года, когда умираетъ ея мать, она чувствуетъ себя совершенно одинокой. Полная жизни и силы даровитая натура великой княгини ищетъ выхода. И вотъ она невольно начинаетъ сближаться съ нѣкоторыми личностями, имѣвшими черезъ два года столь важное, рѣшающее вліяніе на ея судьбу. Изъ нихъ мы отмѣтимъ: Гр. Гр. Орлова, Ник. Ив. Панина и княгиню Дашкову. Умственное развитіе, возрѣнія на вещи, наклонности и характеры этихъ лицъ, были весьма различны. Великая княгиня вполне симпатизировала возрѣніямъ Орлова, но, какъ женщина съ большимъ умомъ и тактомъ, показывала видъ, что совершенно согласна и съ Панинымъ, и съ Дашковой, которую видѣла насквозь, она давала чувствовать, что не можетъ сдѣлать безъ нея шагу. Втайнѣ отъ Панина и отъ Дашковой, въ интимныхъ бесѣдахъ съ Гр. Гр. Орловымъ, Екатерина развивала ему свою политическую программу, а эта программа всегда сводилась къ самодержавному режиму. Такія возрѣнія она выразила въ своемъ знаменитомъ «Наказѣ», составленіемъ котораго занималась именно въ 1760—1762 годахъ. Необходимость для россійскаго государства самодержавной власти Екатерина обусловливаетъ большимъ объемомъ россійской государственной территоріи. «Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно» — говоритъ Екатерина; «другая причина (необходимости самодержавія) та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ»¹⁾.

¹⁾ «Наказъ» императрицы Екатерины II, изд. 1770 года, гл. II, стр. 8—10.

Григорій Григорьевичъ Орловъ (р. 1734 † 1783 г.) до сихъ поръ представляется большинству пустымъ гвардейскимъ офицеромъ, бретѣромъ и счастливымъ баловнемъ случая. Въ дѣйствительности онъ является человѣкомъ съ гораздо болѣе симпатичными чертами. Гр. Гр. Орловъ не принадлежитъ къ выдающимся политическимъ дѣятелямъ второй половины XVIII вѣка, но онъ не можетъ быть поставленъ и въ ряды тщеславныхъ случайныхъ людей и бездушныхъ временщиковъ, которыми такъ богатъ этотъ вѣкъ. Гр. Гр. Орловъ обладалъ умомъ, если не самостоятельнымъ и глубокимъ, то чуткимъ въ вопросамъ дня. Онъ способенъ былъ воспринять идею и развить и разработать ее. Сердце Орлова было отзывчиво на все хорошее и онъ инстинктивно склонялся на сторону униженнаго и оскорбленнаго. Безстрашный и рѣшительный, скромный и обходительный, весельчакъ и кутила, — Гр. Гр. Орловъ былъ любимъ всѣми, съ кѣмъ сводила его судьба. Какъ среди товарищей, будучи простымъ незнатнымъ офицеромъ, такъ и впоследствии, на вершинѣ почестей и славы, онъ не любилъ выставляться впередъ и рисоваться своими поступками. Онъ все дѣлалъ просто, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ стать во главѣ любой затѣи, любого предпріятія. Имя Гр. Гр. Орлова тѣсно связано съ лучшими начинаніями Екатерины II въ первый періодъ ея царствованія, когда она открыто заявляла сочувствіе либеральнымъ идеямъ. Едва заговорили при дворѣ объ улучшеніи быта крестьянъ, Орловъ является во главѣ движенія и въ числѣ первыхъ членовъ основателей Вольнаго Экономическаго Общества. Его избираютъ президентомъ этого общества, но онъ отказывается, и только впоследствии принимаетъ это званіе. По его инициативѣ Вольное Экономическое Общество предлагаетъ задачу на премію: «полезно-ли даровать собственность крестьянамъ». Въ знаменитой комиссіи 1767 года для сочиненія проекта новаго уложенія, Гр. Гр. Орловъ является заступникомъ крѣпостныхъ крестьянъ и держитъ себя также скромно: онъ отказывается отъ званія маршала комиссіи, будучи выбранъ значительнымъ большинствомъ. Гр. Гр. Орловъ кажется впервые высказываетъ мысль объ освобожденіи грековъ отъ турецкаго владычества; эта мысль воспринимается Екатериной II и впоследствии разработывается Потемкинымъ¹⁾.

Императрица Екатерина преувеличивала достоинства Гр. Гр. Орлова. Даже въ концѣ 80-хъ годовъ, когда его уже не было на свѣтѣ и умомъ ея всецѣло владѣлъ могучій умъ Потемкина, когда она отреклась отъ либеральной программы первыхъ годовъ своего царствованія, она такъ характеризовала Орлова. «Григорій Орловъ—

¹⁾ Сводъ всѣхъ важнѣйшихъ фактовъ изъ жизни Гр. Гр. Орлова находится въ обстоятельной его біографіи, написанной А. П. Варсуковымъ. См. «Русскій Архивъ» 1873 годъ, т. I, стр. 1—146.

говорила Екатерина Храповицкому—былъ *genie*, силенъ, храбръ, рѣшителенъ, *mais doux comme un mouton, il avait le coeur d'une poule*» ¹⁾). Для насъ гораздо важнѣе отзывъ объ Орловѣ другаго современника, рѣзкаго порицателя «поврежденія нравовъ» эпохи, князя М. М. Щербатова. Вичуя «распутіе» Орлова, онъ отдаетъ должное добротѣ его сердца и души. «Сей, вышедши на вышнюю степень, до какой подданный можетъ достигнуть—говоритъ князь Щербатовъ—среди кулашныхъ боевъ, борьбы, игры въ карты и другихъ шумныхъ забавъ, почерпнулъ и утвердилъ въ сердцѣ своемъ нѣкоторыя полезныя для государства правила; оныя состояли: никому не мстить, оттопать льстецовъ, оставить каждому мѣсту и челоуѣку непрерывное исполненіе ихъ должностей, не лстать государю, выискивать людей достойныхъ и не производить, какъ токмо по заслугамъ, и наконецъ отбѣгать отъ роскоши, которыя правила сей Григорій Григорьевичъ (Орловъ) до смерти своей сохранилъ. Находя, что карточная азартная игра можетъ привести другихъ въ раззореніе, играть въ нее пересталъ; хотя его явные были непріатели графы Никита и Петръ Ивановичи Панины, никогда ни малѣйшаго имъ зла не сдѣлалъ, а на противъ того во многихъ случаяхъ имъ дѣлалъ благодѣянія и защищалъ ихъ отъ гнѣву государыни» ²⁾).

Григорій Григорьевичъ Орловъ прибылъ въ Петербургъ изъ заграничной арміи, сражавшейся съ Фридрихомъ II, въ 1759 году. Въ то время ему было 25 лѣтъ. Около года спустя начинается его знакомство съ великой княгиней Екатериной Алексѣвной. Увлекающагося молодого челоуѣка не могли не поразить умъ и таланты тридцатилѣтней принцессы и ея изолированное положеніе. Орловъ былъ очарованъ ею какъ мужчина, онъ полюбилъ ее страстно, и мысль о томъ, что престолъ Россіи должна занять Екатерина, а не Петръ Θεодоровичъ, дѣлается его господствующею мыслию. Задачей жизни Орлова съ этихъ поръ является—переворотъ въ пользу Екатерины. Онъ одушевляется этой задачей со всѣмъ пыломъ молодости и стремится къ ея осуществленію съ энергіей страстно влюбленнаго челоуѣка. Ему не нужно никакихъ политическихъ реформъ и гарантій—не о нихъ онъ заботится; ему нужно, чтобы Екатерина заняла должное ей положеніе русской императрицы, и тогда, по его мнѣнію, Россія будетъ счастливѣйшей въ мірѣ стра-

¹⁾ «Дневникъ А. В. Храповицкаго» изд. Н. П. Барсукова, Спб. 1874 года стр. 82.

²⁾ «О поврежд. нравовъ въ Россіи», мемуаръ кн. М. М. Щербатова, «Русск. Стар.» 1871 годъ, т. III; 1-е изд., стр. 676—677.—Слич. отзывы о Гр. Орловѣ его сослуживца по семилѣтней войнѣ А. Т. Волотова, въ «Запискахъ» послѣдняго, изд. «Русск. Стар.», т. I, стр. 840—846, 873, 879—881; т. II, стр. 214—224, 275, 282.

Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ.
 (Съ гравированнаго портрета Чемесова).

ной. Гр. Орловъ не имѣлъ традиціонныхъ политическихъ воззрѣній, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, и если сохранилъ въ памяти что-нибудь изъ семейныхъ преданій, то это было воспоминаніе о буйной силѣ стрѣлцкой. Дѣдъ Григорія Григорьевича, Иванъ Никитичъ Орловъ, былъ однимъ изъ стрѣлцкихъ головъ, помилованныхъ Петромъ Великимъ.

Первыми и ближайшими сотрудниками Гр. Орлова по приведенію въ исполненіе его завѣтной мечты были его братья. Отецъ Орловыхъ, Григорій Ивановичъ, занимавшій мѣсто губернатора въ Новгородѣ, имѣлъ девять сыновей, изъ которыхъ зрѣлаго возраста достигли пятеро: Иванъ, Григорій, Алексѣй, Ѳедоръ и Владиміръ. Въ воцареніи Екатерины, кромѣ Григорія, игралъ выдающуюся роль третій братъ, Алексѣй, которому принадлежитъ исключительно быстрота исполненія предпріятія. Человѣкъ безнравственный и грубый, онъ былъ лишенъ тѣхъ симпатичныхъ свойствъ, которыми отличался Григорій, а впоследствии онъ запятналъ себя гнусными преступленіями, которыхъ не могла смыть случайно приобрѣтенная имъ слава Чесменскаго героя. Старшій изъ братьевъ, Иванъ, жилъ въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка въ Москвѣ, въ отставкѣ, и никакого участія въ возведеніи на престолъ Екатерины II не принималъ; Ѳедоръ Орловъ былъ исполнителемъ велѣній Григорія и Алексѣя, а меньшому, Владиміру, въ 1762 году было всего 19 лѣтъ отъ роду ¹⁾.

Совершенно инымъ человѣкомъ представляется Никита Ивановичъ Панинъ (р. 1718 † 1783 г.), впоследствии извѣстный екатерининскій канцлеръ. Въ 1760 году, пріѣхавъ онъ въ Петербургъ изъ Стокгольма, гдѣ пробылъ посланникомъ двѣнадцать лѣтъ. Панинъ, осторожный и уклончивый отъ природы, вернулся въ Россію изъ серьезной политической школы и уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда убѣжденія человѣка складываются совершенно опредѣленно и устойчиво: ему въ то время шелъ 43-й годъ. Швеція была страной наиболѣе вліявшей на русскихъ государственныхъ людей XVIII вѣка своею политическою жизнью. Это вліяніе испытали на себѣ дѣятели начала XVIII вѣка — князь Я. Ѳ. Долгорукой и князь Д. М. Голицынъ; находился подъ вліяніемъ шведскихъ политическихъ порядковъ и Ник. Ив. Панинъ, но нѣсколько иначе и при иныхъ условіяхъ, чѣмъ названные выше лица. Долгорукие и Голицыны были люди «родословные»: ихъ привлекала политическая роль шведской аристократіи, и въ этой роли желали они видѣть осуществленіе собственныхъ своихъ политическихъ мечтаній, унаслѣдованныхъ ими отъ ихъ отцевъ и дѣдовъ XVII и XVI вѣка. Панинъ не принадлежалъ къ старинной московской знати и не могъ имѣть традиціонныхъ аристократиче-

¹⁾ Родосл. книга кн. Долгорукаго, IV, стр. 437—438.

скихъ возрѣній. Панины не играли политической роли при царяхъ московскихъ и вышли изъ среды шляхетства, выдвинутого реформой Петра Великаго. Отецъ Панина служилъ при Петрѣ генераль-майоромъ, а при Аняѣ Иоанновѣ достигъ сенаторства. Никита Ив. Панинъ первоначальной своей карьерой обязанъ князьямъ Куракинымъ, съ которыми находился въ родствѣ. Первымъ руководителемъ Панина въ политической наукѣ былъ канцлеръ императрицы Елизаветы, графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, хорошо знавшій Швецію, но также человекъ не родословный. Панинъ основательно изучилъ государственный строй Швеции, и увлеченіе его шведской конституціей явилось результатомъ этого изученія, а не традиціоннымъ преклоненіемъ передъ ней родословныхъ людей. Едва онъ прибылъ въ Петербургъ, какъ былъ назначенъ воспитателемъ шестилѣтняго сына наслѣдника престола — Павла Петровича. Панинъ увлекся мечтой воспитать великаго князя въ духъ конституціонализма. Отношенія Панина къ великой княгинѣ Екатеринѣ были совершенно иныя, чѣмъ Орлова. Орловъ былъ прежде всего человекъ сердца, Панинъ былъ человекомъ ума. Екатерина оцѣнила въ Орловѣ то качество, котораго лишена была ея нравственная природа — чувство; къ Панину ее привязывалъ умъ, которымъ она сама обладала въ столь значительной степени. Орловъ былъ симпатичный товарищъ и ученикъ; Панинъ былъ серьезный и требовательный учитель и суровый менторъ. Орловъ сразу подчинился Екатеринѣ, Панина съумѣла подчинить себѣ Екатерина. Въ этихъ противоположностяхъ характеровъ Орлова и Панина лежитъ основная причина ихъ послѣдующей «нелюбки»: такія двѣ различныя натуры не могли сойтись ¹⁾.

¹⁾ О жизни и дѣятельности Н. И. Панина въ настоящее время издано очень много матеріала, который до сихъ поръ далеко не вполне изученъ и выясненъ. Первая по времени біографія Н. И. Панина, написанная вскорѣ по его смерти Д. И. Фоя-Визинимъ (см. сочиненія его, изд. Ефремова, стр. 216—226), кратка и слишкомъ хвалебна. Бантышъ-Каменскій («Словарь достопамя. людей», 1836 г., т. IV, стр. 96—108) и Терещенко («Опытъ обзор. жизни сановниковъ, управлявш. иностр. дѣлами», СПб. 1837 г., ч. II, стр. 110—142) — представили подробный сводъ внѣшнихъ событій изъ жизни Панина, но также впали въ официально-панегирический тонъ. П. С. Лебедевъ въ монографіи «Графы Никита и Петръ Панины» («Отеч. Зап.» 1862 г., кн. 2 и 7, и отд. изд. СПб. 1863 г.) является, наоборотъ, безусловнымъ порицателемъ Панина, что можетъ быть объяснено временемъ, когда написана эта монографія. Въ 60-хъ годахъ текущаго столѣтія была мода на отрицательный взглядъ на современное и прошлое Россіи, что было совершенно естественнымъ противодѣйствіемъ панегирическому тону столь долго и упорно державшемуся въ русской исторической и публицистической литературѣ. Д. Θ. Кобеко въ своей весьма интересной монографіи о цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ (СПб. 1862 г.; 2-е изд. 1883 г.) даетъ хотя самую общую, но безпристрастную характеристику Н. И. Панина. — Много важныхъ замѣчаній находится въ XXIV—XXVII тт. «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева.

Никита Ивановичъ Панинъ, никогда не высказывавшійся прямо относительно своихъ политическихъ плановъ, указывалъ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ на необходимость важныхъ измѣненій въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Начавъ съ образованія Императорскаго Совѣта по образцу Государственнаго Совѣта Швеции, онъ намѣренъ былъ постепенно преобразовать рускія высшія правительственныя учрежденія въ представительныя государственныя учрежденія по шведскому образцу и этимъ путемъ надѣялся достигъ наилучшаго «упорядоченія внутреннихъ государственныхъ дѣлъ», какъ выражались у насъ въ XVIII вѣкѣ. Реформаторскія идеи Панина видны изъ поданнаго имъ Екатеринѣ II въ сентябрѣ 1762 года «проекта объ учрежденіи Императорскаго Совѣта».

Желая прежде всего оградить правленіе отъ вліянія фаворитовъ, Панинъ рѣзко нападаетъ во введеніи къ своему проекту на бюрократическій и придворно-временщицкій характеръ правленія при Елизаветѣ Петровнѣ. Остановимся на самыхъ характеристическихъ мѣстахъ этого введенія.

«Ея величество (Елизавета Петровна) вспоминавала,—говорить Панинъ,—что у ея отца, государя Петра Великаго, былъ домовый кабинетъ, изъ котораго, кромѣ партикулярныхъ приказаній, ордеровъ и писемъ, ничего не выходило, приказала и у себя такой же учредить. Тогдашніе случайные и припадочные люди пользовались симъ домашнимъ мѣстомъ для своихъ прихотей и собственныхъ видовъ и поставили средствомъ онаго всегда злоключительный общему благу интервалъ между Государя и Правительства. Они, временщики и куртизаны, сдѣлали въ немъ, яко въ безгласномъ и никакого образа государственнаго не имѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому государю... Государь былъ отдаленъ отъ государства». Панинъ требуетъ, чтобы самодержавный государь дѣйствовалъ черезъ органы подверженные суду и отвѣту передъ публикою, и замѣчаетъ проницески: «Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерью съ работникомъ и нанимаетъ каждаго къ своему званію; а мнѣ, напротивъ того, случилось слышать у престола государства, отъ людей его окружающихъ, пословицу льстивую за штатское (государственное) правило: была бы милость, всякаго на все станеть». Далѣе Панинъ высказываетъ убѣжденіе, что императрица Екатерина II «Богомъ и народомъ врученное ей право самодержавства употребить съ полною властію къ основанію и утвержденію формы и порядка въ правительствѣ». Выраженіемъ такой формы и порядка является постоянный Императорскій Совѣтъ, который однако не можетъ «взять тотчасъ свою форму и приведенъ быть въ теченіе, ибо

почти невозможно сомнѣваться, — говоритъ Панинъ, — чтобы при самомъ началѣ тѣ особы (т. е. фавориты) не старались изыскивать трудностей къ остановкѣ всего, или по послѣдней мѣрѣ къ обращенію въ ту форму, какову они могутъ желать».

Затѣмъ Панинъ говоритъ отъ имени Екатерины II, объ учрежденіи Императорскаго Совѣта въ слѣдующихъ словахъ: «За долго до нашего принятія Россійской державы, мы, познавая существо правленія сей великой и сильной имперіи, познали и причины, которыя такъ часто при всякихъ обстоятельствахъ и перемѣнахъ, подвергали оное пренебреженію государственныхъ дѣлъ, т. е. слабости народнаго правосудія, упущенію его благосостоянія и наконецъ всѣмъ тѣмъ порокамъ, которые по временамъ внѣдривались во все теченіе правленія, какъ особливо при возведеніи на престолъ покойной императрицы Анны Іоанновны и самая самодержавная власть уже потрясена была. Таковыя государству вредныя приключенія происходили несумнѣнно частію отъ того, что въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, частію же и отъ недостатка такихъ начальныхъ основаній правительства, которыя бы его форму твердо сохранять могли... Отъ начала недостаточныя установленія чрезъ долгое время, частію и въ томъ еще злоупотребленія, наконецъ привели въ такое положеніе правленіе дѣлъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ, что при наиважнѣйшемъ происшествіи на монаршемъ престолѣ почиталось излишнимъ и ненадобнымъ собраніе верховнаго правительства. Кто вѣрный и разумный сынъ отечества безъ чувствительности можетъ себѣ привести на память въ какомъ порядкѣ восходилъ на престолъ бывшій императоръ Петръ III, и не можетъ ли сіе заключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ варварскимъ временамъ, въ которыя не токмо установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не бывало».

Императорскій Совѣтъ, по проекту, долженъ былъ состоять изъ шести членовъ, которые называются императорскими совѣтниками; кромѣ того при немъ полагалось четыре статсъ-секретаря или министра, для наблюденія надъ четырьмя важнѣйшими департаментами (иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, военнымъ и морскимъ). Въ проектѣ такъ опредѣляется назначеніе Совѣта: «Всѣ дѣла, принадлежація по уставамъ государственнымъ и по существу монаршей самодержавной власти нашему собственному попеченію и рѣшенію, яко то взносимыя къ намъ не въ присутствіи въ Сенатѣ доклады, мнѣнія, проекты, всякія къ намъ принадлежація просьбы, точное свѣдѣніе всѣхъ разныхъ частей, составляющихъ государство и его пользу, словомъ все то, что служить можетъ къ собственному самодержавнаго государя попеченію о при-

ращеніи и исправленіи государственнымъ, имѣть быть въ нашемъ Императорскомъ Совѣтѣ, яко у насъ собственно» ¹⁾.

Весьма интересны замѣчанія нѣкоторыхъ государственныхъ людей на проектъ Панина, написанныя по вызову императрицы Екатерины. Для одного (имя его, къ сожалѣнію, до сихъ поръ неизвѣстно) совершенно ясно представлялась генетическая связь проектируемаго Императорскаго Совѣта съ бывшимъ уже въ Россіи Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, хотя во введеніи къ проекту онъ и порицается за потрясеніе самодержавной власти при воцареніи Анны Иоанновны, а потому этотъ неизвѣстный сановникъ и предлагаетъ назвать новый совѣтъ прежнимъ именемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Генераль-фельдцейхмейстеръ Вильбуа выразился откровеннѣе и гораздо точнѣе: «Я не знаю, кто составитель проекта, — писалъ онъ, — но мнѣ кажется, какъ будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный Императорскій Совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей. Императрица, по своей мудрости, отстранить все то, изъ чего впослѣдствіи могутъ произойти вредныя слѣдствія. Ея разумъ и духъ не нуждаются ни въ какомъ особенномъ Совѣтѣ... Императорскій Совѣтъ слишкомъ приблизить подданнаго къ государю и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ!» ²⁾.

Проектъ Н. Ив. Панина не былъ утвержденъ Екатериной II и возникшій въ 1768 году Государственный Совѣтъ не имѣлъ ничего общаго съ панинскимъ Императорскимъ Совѣтомъ.

Молоденькая, 17-тилѣтняя, только что вышедшая замужъ, княгиня Екатерина Романовна Дашкова (р. 1743 г.), занимала въ обществѣ великой княгини далеко не столь первенствующее мѣсто, какое она отводитъ себѣ въ своихъ извѣстныхъ мемуарахъ. Живость ея ума и характера дѣлали ее несомнѣнно пріятной собесѣдницей Екатерины, а ея близкое родство съ Воронцовыми, сильными людьми при дворѣ Елизаветы Петровны, и родственныя отношенія съ Ник. Ив. Панинымъ — заставляли Екатерину особенно дорожить ея расположеніемъ и прикидываться ея искреннимъ другомъ. Княгиня Дашкова, сама того не замѣчая, была лишь орудіемъ въ ловкихъ рукахъ Екатерины и Панина; ей поручалась извѣстная исполнительная роль; ее одинаково эксплуатировали и

¹⁾ Проектъ Н. И. Панина объ Импер. Совѣтѣ напечат. по документамъ Государственнаго Архива и Главн. Моск. Архива Мин. Ин. Дѣлъ С. М. Соловьевымъ въ «Исторіи Россіи», т. XXV, стр. 173—181. То же самое короче въ его же статьѣ «Императорскіе Совѣты въ Россіи въ XVIII вѣкѣ», «Русск. Стар.» 1870 г., т. II, 1-е изд., стр. 468—469.

²⁾ «Исторія Россіи» С. М. Соловьева, т. XXV, стр. 182.

Екатерина съ Орловымъ, и Панинъ, намѣренно преувеличивая ея значеніе—а она простодушно вѣрила имъ на слово, билась изо всѣхъ силъ, испытывая на себѣ извѣстную басню о каштанахъ. Фридрихъ II очень остроумно сравнилъ ее съ мухой, сидящей на головѣ у вола, запряженнаго въ плугъ, и наивно воображающей, что она пашеть. Впослѣдствіи, когда планъ воцаренія Екатерины II совсѣмъ созрѣлъ, княгиня Дашкова оказала дѣйствительно большую услугу въ исполненіи этого плана, но нити, главныя пружины «предпріятія» никогда не были въ ея рукахъ. Черезъ свою родную сестру, Елизавету Романовну Воронцову, официальную фаворитку императора Петра III, женщину весьма ограниченную, Екатерина Романовна могла очень хорошо узнавать все, что дѣлается въ Ораніенбаумѣ; еще болѣе интересныя свѣдѣнія могъ ей сообщать ея дядя и воспитатель, канцлеръ графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ. Мужъ ея, князь Дашковъ, былъ гвардейскимъ офицеромъ, въ домѣ у него сходилось много товарищей—и черезъ этихъ-то гвардейцевъ молодая княгиня пропагандировала мысль о воцареніи Екатерины II.

«Ник. Ив. Панинъ и княгиня Дашкова, говоритъ Рюльеръ, редактировали условія (кондиціи), по которымъ русскіе вельможи, отстраняя Петра III, могли бы передать престолъ его супругѣ посредствомъ формальнаго избранія съ ограниченіемъ ея власти. Эта надежда вовлекла въ заговоръ большую часть дворянства, и возможность исполненія предположенія объ ограниченіи власти Екатерины пріобрѣтала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вѣроятія» ¹⁾).

Въ то время, какъ великая княгиня Екатерина Алексѣевна въ интимномъ кружкѣ Орлова, Панина и Дашковой обдумывала разные способы обезпеченія за собою верховной власти въ Россійской имперіи по смерти императрицы Елизаветы Петровны, тѣ самыя «фавориты», противъ которыхъ такъ рѣзко высказывался Панинъ, замыслили также устраненіе отъ «наслѣдія» Петра Феодоровича. Объ этихъ замыслахъ сохранилась собственноручная записка императрицы Екатерины II, по словамъ которой, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: Извѣстный «фаворитъ» императрицы Елизаветы Петровны и меценатъ эпохи, Ив. Ив. Шуваловъ, въ исходѣ 1760 года и въ началѣ 1761 года сталъ во главѣ «великаго числа» молодыхъ людей, недовольныхъ наклонностями и характеромъ наслѣдника престола и мечтавшихъ послѣ Елизаветы Петровны возвести на престолъ великаго князя Павла Петровича. Среди этихъ недовольныхъ было два вѣзрѣнія, двѣ партіи: одни хотѣли удалить изъ Россіи наслѣдника вмѣстѣ съ его супругой, другіе желали выпроводить въ Голштинію только Петра Феодоровича, а Ека-

¹⁾ De-Rulhière, Histoire sur la revolution de Russie en 1762, p. 68; ed. 1797.

терину Алексѣвну провозгласить регентомъ государства до совершеннолѣтія Павла Петровича. Ив. Ив. Шуваловъ сообщилъ обо всѣхъ этихъ предположеніяхъ Никитѣ Ив. Панину, который отнесся къ нимъ несочувственно. Панинъ, по своимъ прежнимъ отношеніямъ, не любилъ Шувалова и былъ слишкомъ остороженъ для того, чтобы прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Кромѣ того, онъ, какъ мы видѣли, надѣялся достичь лучшаго, по его мнѣнію, будущаго въ государственномъ бытѣ Россіи не посредствомъ крутаго переворота, а посредствомъ постепеннаго измѣненія государственныхъ учреждений. Панинъ отклонилъ и тѣ и другія предположенія Ив. Ив. Шувалова, считая ихъ «способами къ междоусобной гибели». Тѣмъ не менѣе, онъ тотчасъ сообщилъ о нихъ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, присовокупивъ при этомъ слѣдующее: «еслибы больной императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ представить о высылкѣ Петра Феодоровича въ Голштинію и о передачѣ «наслѣдія» Павлу Петровичу подѣ регентствомъ великой княгини, то есть большая вѣроятность предполагать, что императрица согласилась бы на это». «Но къ сему, благодаря Богу, заключаетъ Екатерина свою записку, «фавориты» не приступили, но оборотя всѣ мысли свои къ собственной ихъ безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить въ милости Петра III, въ коемъ отчасти и предугадали»¹⁾.

Такимъ образомъ, изъ словъ самой императрицы Екатерины видно, что Ник. Ив. Панинъ предлагалъ ей, еще въ 1761 году, регентство надъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Впослѣдствіи, уже по воцареніи Екатерины II, ходили слухи, что она дала Панину удостовѣреніе, за своею подписью, въ томъ, что она принимаетъ правленіе государствомъ въ качествѣ правительницы до совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича. Эти слухи занесены въ реляцію иностранныхъ дипломатовъ, какъ современныхъ перевороту 28-го іюня 1762 года, такъ и позднѣйшихъ, повели къ двумъ политическимъ процессамъ, имѣвшимъ мѣсто въ сентябрѣ 1762 года и въ маѣ 1763 года, и сохранились въ семейныхъ преданіяхъ потомковъ нѣкоторыхъ «пособниковъ» Екатерины II. Объ этихъ слухахъ упоминаютъ: Рюльеръ (1762 г.), Ширлей (1768 г.) и Дюранъ (1773 г.)²⁾. Первый политическій процессъ извѣстенъ подѣ именемъ «дѣла Гурьева и Хрущовыхъ», второй—подѣ именемъ «дѣла Хитрово». Изъ дѣла Гурьева и Хрущовыхъ обнаружались разговоры между гвардейскими офицерами объ отношеніяхъ Н. И. Панина и И. И. Шувалова къ воцаренію Екатерины II. Разговоры эти, бывшіе во время коронаціи импе-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1863 г., стр. 567—568.

²⁾ De-Rulhière, Histoire sur la revolution de Russie en 1762, p. 35, 69.—
La Cour de Russie, p. 197.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ.
 (Съ гравированнаго портрета Радига.)

ратрицы, вращались около слѣдующихъ вопросовъ: о сомнѣніи, явившемся у Н. И. Панина и И. И. Шувалова, кому правителемъ быть? и во-вторыхъ, почему не короновать цесаревича Павла Петровича? ¹⁾ Дѣло Хитрово выставило гораздо рельефнѣе вопросъ о регентствѣ Екатерины. Хитрово, одинъ изъ пособниковъ Екатерины при ея воцареніи, рассказывалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Панинъ сдѣлалъ было подписку съ тѣмъ, чтобъ быть государынѣ правительницею и она на то согласилась, а когда пришли въ Измайловскій полкъ и объявили про ту подписку капитанамъ Рославлеву и Ласунскому, то они ей объявили, что на то не согласны, а поздравляютъ ее самодержавною императрицею и велѣли солдатамъ кричать ура» ²⁾. Семейныя преданія Хитрово, Ласунскихъ и Рославлевыхъ передаютъ, что Екатерина дала Панину подписку царствовать только до совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича, именно до его 20-тилѣтняго возраста, т. е. до 1774 года, что эта подписка хранилась въ сенатѣ, но впоследствии, послѣ коронаціи, взята оттуда и передана императрицѣ. О лицахъ, при помощи которыхъ подписка очутилась въ рукахъ императрицы, въ семейныхъ преданіяхъ существуетъ два варианта: одинъ называетъ Орловыхъ, другой самого Н. И. Панина.

Изъ приведенной выше записки Екатерины II не видно, какого изъ двухъ возрѣній о передачѣ «наслѣдія» великому князю Павлу Петровичу держался И. И. Шуваловъ, но слѣдующая роль его въ царствованіе Екатерины II можетъ навести на предположеніе, что первоначально Шуваловъ склонялся къ удаленію изъ Россіи наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича вмѣстѣ съ его супругою. И. И. Шуваловъ, приставшій къ сторонникамъ Екатерины II, 28-го іюня 1762 года, является вскорѣ послѣ того не у дѣлъ и вдали отъ двора. Вслѣдъ за воцареніемъ Екатерины II онъ заболѣлъ, или казался больнымъ, а затѣмъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ, уѣхалъ за-границу, гдѣ прожилъ слишкомъ четырнадцать лѣтъ. Говорятъ, что Шуваловъ позволялъ себѣ что-то рассказывать про Екатерину II и про ея воцареніе въ высшихъ сферахъ Вѣны и Парижа, и что эти рассказы возстановили противъ него императрицу ³⁾.

II.

Таковы были главнѣйшіе представители «недовольныхъ» въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны. За ними стояло

¹⁾ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXV, стр. 163—164 (изъ дѣлъ Государственнаго Архива).

²⁾ Ibid., по тѣмъ же источникамъ, стр. 248.

³⁾ См. біографію И. И. Шувалова, П. И. Вартенева, въ «Русск. Бесѣдѣ», 1857 г., кн. I; отд. отт., стр. 52, 58—59 и 67.

очень много лицъ, готовыхъ на «перемѣну наслѣдія». Всѣ они группировались частію, около великой княгини Екатерины Алексѣевны, частію замыслили «перемѣну» самостоятельно, независимо отъ нея. Соединить всѣхъ ихъ въ одно сообщество, дать этому сообществу должную организацію было чрезвычайно трудно—такъ противоположны другъ другу были эти люди, такъ различны были ихъ замыслы. Эту трудную задачу взяла на себя сама Екатерина, а Гр. Гр. Орлову предоставила пропагандировать мысль о ея воцареніи среди гвардейскихъ офицеровъ.

Главнымъ совѣтникомъ великой княгини по части организаціи «предпріятія» былъ человекъ, пострадавшій за нее и жившій въ отдаленіи отъ двора. Знаменитый ех-канцлеръ императрицы Елизаветы, графъ Алексѣй Петровичъ Вестужевъ-Рюминъ, которому въ рассматриваемое время было подъ 70 лѣтъ (онъ родился въ 1693 году), жилъ въ ссылкѣ въ своей подмосковной—Горетовѣ. Опытный въ придворныхъ и дипломатическихъ интригахъ онъ, несмотря на свое удаленіе, какъ кажется, держалъ въ рукахъ всѣ главныя нити предпріятія. Недаромъ императрица Екатерина, едва воцарилась, возвратила его ко двору и называла «батюшкой».

Гр. Гр. Орловъ бросилъ сѣмя на подготовленную почву: гвардейскіе полки были крайне недовольны нѣмецкими «новшествами» въ войскахъ Петра III и предпочтенію, которое оказывалъ императоръ голштинцамъ передъ русскими. Къ концу іюня 1762 года, по словамъ Екатерины II, между соумышленниками въ гвардіи считалось до 40 офицеровъ и около 10,000 рядовыхъ. Соумышленники раздѣлялись на четыре группы и вожди группъ собирались на совѣщанія ¹⁾.

Далеко не всѣ гвардейскіе офицеры шли за Орловымъ только потому, что были недовольны порядками, введенными въ гвардіи Петромъ III, и потому, что любили Григорія Орлова, какъ добраго товарища: этихъ мотивовъ для иныхъ изъ нихъ было слишкомъ недостаточно. Многіе гвардейскіе офицеры имѣли другія, гораздо глубже, чѣмъ огорченіе отъ нелѣпыхъ воинскихъ артикуловъ и отъ слѣпаго подражанія прусскимъ порядкамъ въ арміи. Я указывалъ выше на побужденія Орлова и Панина. Первый изъ нихъ увлекся личностью великой княгини, второй—государственнымъ строемъ Швеціи. Второстепенные сторонники воцаренія Екатерины II не имѣли возможности знать интимную жизнь великой княгини и не были посвящены въ подробности политической жизни западно-европейскихъ государствъ. Поэтому побужденія, руководившія многими изъ нихъ, были инаго рода.

¹⁾ Письмо Екатерины II къ Станиславу Понятовскому по цитатѣ Соловьева, «Исторія Россія», т. XXV, стр. 108—109.

Изучая мелкія біографическія данныя «пособниковъ» Екатерины II, нельзя не остановиться на ихъ, родственныхъ отношеніяхъ, какъ между собою, такъ и къ цѣлому ряду лицъ, игравшихъ политическую роль въ первой половинѣ XVIII вѣка и оставившихъ по себѣ память въ исторіи если не политическими дѣяніями, то политическими замыслами и проектами. Эти родственныя отношенія имѣютъ въ данномъ случаѣ гораздо болѣе значенія, чѣмъ можно предполагать съ перваго раза. Родственныя связи были еще очень живучи и крѣпки на Руси въ XVIII вѣкѣ и, при недостаточномъ развитіи общественныхъ возрѣній, служили связующимъ звеномъ между отдѣльными лицами. Въ то время считались не только самымъ дальнимъ родствомъ, но и свойствомъ. За старшими братьями шли младшіе, за дядями слѣдовали племянники; младшіе родственники слушались безпрекословно старшихъ. Въ семьяхъ хранились преданія о судьбѣ родственниковъ прежнихъ поколѣній, и весьма нерѣдко эти преданія западали въ душу болѣе впечатлительныхъ и болѣе даровитыхъ младшихъ членовъ семьи и служили имъ примѣромъ для подражанія. Разказы о петровскихъ войнахъ генераловъ и офицеровъ этихъ войнъ вселяли духъ воинской доблести въ ихъ сыновьяхъ и внукахъ, которые впослѣдствіи проявляли храбрость подъ знаменами Миниха и подъ предводительствомъ Фермора и Петра Ивановича Панина. Точно также дѣйствовали на молодыхъ людей 50-хъ годовъ XVIII вѣка разказы о политическихъ замыслахъ старшихъ родственниковъ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Разказы объ этихъ замыслахъ, какъ мы видѣли выше, заставляли задумываться славолубивую Екатерину Алексѣевну; они же останавливали на себѣ мысль многихъ родственниковъ составителей разныхъ политическихъ проектовъ 1730 года и лицъ погибшихъ изъ-за своихъ замысловъ въ лихолѣтье Бироновщины. Возрѣнія верховниковъ и челобитчиковъ 1730 года являлись въ этихъ семейныхъ преданіяхъ идеализированными; Долгорукіе, Голицыны и Волынской съ «конфидентами» озарялись въ нихъ ореоломъ мученичества. Слушая съ дѣтскихъ лѣтъ разказы о ихъ дѣятельности и трагическомъ концѣ, многіе изъ ихъ сородичей проникались ненавистью къ нѣмцамъ-правителямъ, и ихъ напуганному воображенію невольно мерещилась возможность новой Бироновщины при Петрѣ III. Въ страхъ за будущее Россіи они или мечтали о тѣхъ же «кондиціяхъ» и внутреннихъ реформахъ, о которыхъ слышали семейныя преданія, или были увѣрены въ лучшемъ будущемъ лишь бы не царствовалъ Петръ Теодоровичъ.

Съ точки зрѣнія этихъ родственниковъ отношеній многіе изъ дѣятелей 28-го іюня 1762 года могутъ быть распределены по слѣдующимъ 4-мъ рубрикамъ: 1) родственники графа А. П. Бестужева-Рюмина, 2) родственники князей Долгорукихъ и Голицыныхъ,

3) родственники «конфидентовъ» Волынскаго, 4) родственники участниковъ разныхъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года. Само собою, распредѣленіе это не можетъ быть безусловно точно, такъ какъ нѣкоторые изъ пособниковъ Екатерины II подходятъ подъ нѣсколько группъ, находясь въ родствѣ съ многими изъ указанныхъ дѣятелей первой половины XVIII вѣка.

Во главѣ родственниковъ графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина стоялъ явный сторонникъ Екатерины II, родной племянникъ ея-канцлера, князь М. Н. Волконской.

Князь Михаилъ Никитичъ Волконской—(р. 1713†1789 г.) сынъ любимой фрейлины императрицы Анны Иоанновны, Аграфены Петровны, рожденной Бестужевой и придворнаго шута той же императрицы, князя Никиты Ѳеодоровича Волконскаго,—не отличался ни умомъ, ни талантами; его достоинствами были: необыкновенная аккуратность по службѣ и точность въ исполненіи возлагаемыхъ на него порученій. Воспитанный Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, князь М. Н. Волконской обязанъ ему своимъ значеніемъ и своей карьерой. Благодаря высокому политическому положенію дяди при Елизаветѣ Петровнѣ, князь Волконской возвышался въ чинахъ и получалъ серьезныя назначенія: съ 1756 по 1758 годъ онъ состоялъ полномочнымъ министромъ въ Польшѣ. Ему удалось избѣгнуть опалы при паденіи его дяди: вызванный въ 1758 году изъ Польши въ Петербургъ онъ былъ прикомандированъ къ австрійской арміи, дѣйствовавшей въ союзѣ съ русскими противъ Фридриха II, и произведенъ скоро въ генералъ-поручики. Петръ III назначилъ Волконскаго членомъ особаго совѣта, учрежденнаго при дворѣ. Въ царствованіе Екатерины II князь Волконской явился орудіемъ избранія Станислава Понятовскаго и перваго раздѣла Польши, будучи сначала главнокомандующимъ русскихъ войскъ въ Польшѣ, а затѣмъ посланникомъ Екатерины II при Понятовскомъ. Съ 1771 года по 1780 годъ, князь Волконской былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ.

Сторонниками тайными, выступающими на сцену уже по окончаніи переворота, являются двоюродный братъ Бестужева, адмиралъ Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ и двоюродный его племянникъ, преображенскій офицеръ Александръ Ѳеодоровичъ Талызинъ. Оба они пользуются большимъ довѣріемъ Екатерины, что видно изъ ихъ участія въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за провозглашеніемъ ея самодержавной императрицей. Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ, завладѣвъ, по повелѣнію Екатерины, Кронштадтомъ, оказалъ ей существенную услугу. Не явись онъ такимъ энергичскимъ сторонникомъ новаго царствованія, быть можетъ, дальѣйшій ходъ событій принялъ бы иное направленіе. Какъ извѣстно, только благодаря распорядительности И. Л. Талызина, гарнизонъ Кронштадта присягнулъ Екатеринѣ II и не допустилъ Петра III

завладѣть этой важной крѣпостью. Въ преображенскомъ мундирѣ Александра Ѳеодоровича Талызина была Екатерина II во время своего «похода» во главѣ гвардейскихъ полковъ подъ Ораніенбаумъ ¹⁾).

Къ лицамъ, стоявшимъ въ родственныхъ отношеніяхъ къ Долгорукимъ и Голицынымъ, принадлежатъ: С. А. Бредихинъ, графъ Я. А. Брюсъ и П. В. Пассекъ.

Сергѣй Александровичъ Бредихинъ, капитанъ-поручикъ преображенскаго полка, былъ сынъ Александра Ѳеодоровича Бредихина, участвовавшаго въ 1730 году въ самомъ многочисленномъ по количеству лицъ шляхетскомъ проектѣ Секиотова ²⁾. Не столько это обстоятельство, сколько послѣдующая служба его отца, могли развить въ немъ политическія мечтанія объ ограниченіи самодержавной власти, которыя онъ надѣялся видѣть исполненными при воцареніи Екатерины II. Съ 1732 по 1742 годъ, Александръ Ѳеодоровичъ Бредихинъ находился вице-губернаторомъ въ Новгородѣ и управлялъ этою губерніей. Во время вице-губернаторства А. Ѳ. Бредихина, въ Новгородѣ, 8-го ноября 1739 года, произошла казнь князей Долгорукихъ: князь Василій Лукичъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ составителей «кондицій», предложенныхъ Аннѣ Иоанновнѣ верховниками и его двоюродные братья—Сергѣй и Иванъ Григорьевичи были обезглавлены, а его племянникъ, нѣкогда все-сильный фаворитъ Петра II, князь Иванъ Алексѣевичъ — колесо-

¹⁾ Рос. Род. книга кн. П. В. Долгорукаго, ч. I, стр. 255, 260; ч. IV, стр. 287—288.—Переписка императрицы Анны Иоанновны съ С. А. Салтыковымъ, Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. 1878 года, кн. I.—Мать А. П. Вестужева-Рюмина была рожденная Талызина.—Бантышъ-Каменскій, Словарь, изд. 1836 года, I, 327—329.

²⁾ Шляхетскій проектъ государственныхъ преобразованій, поданный въ числѣ другихъ проектовъ Верховному Тайному Совѣту въ 1730 году, при воцареніи Анны Иоанновны, называется мною проектомъ Секиотова потому, что имя Сергѣя Вас. Секиотова стоитъ первымъ въ числѣ подписавшихъ его. Всего подъ проектомъ 321 подпись, вслѣдствіе чего онъ является выраженіемъ мнѣній большинства шляхетства въ 1730 году. Во главѣ постоянного высшаго центрального государственнаго управленія, по этому проекту, стоятъ 2 учрежденія: высшее правительство и сенатъ, члены которыхъ выбираются генералитетомъ и шляхетствомъ, образующими изъ себя особую избирательную коллегію. Для обсуждения важныхъ государственныхъ дѣлъ и для дальнѣйшаго развитія плана государственнаго устройства созывается общее собраніе изъ вышняго правительства, сената, генералитета и шляхетства. Президенты коллегій и губернаторы также опредѣляются по выбору генералитета и шляхетства. Далѣе проектъ набрасываетъ цѣлый рядъ льготъ шляхетству и указываетъ на необходимость улучшенія быта духовенства, купечества, крестьянства и солдатъ. Съ проектомъ Секиотова совершенно тождественны еще 2 шляхетскихъ проекта. Подробности см. въ книгѣ «Воцареніе императрицы Анны Иоанновны», стр. 162—164; прилож., стр. 22—49.

Her High-
- the PRINCESS of
White as all her life in Paris had been.
As good as she the World had never seen.

neph
DASCHKAW.
U. S. Korodumoff.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.

(Съ гравированнаго портрета Скородумова.)

ванъ. При этой казни, которой распоряжался по своему служебному положенію вице-губернаторъ Бредихинъ, присутствовала тайкомъ шестилѣтняя его дочь Анюта. Какое страшное, потрясающее впечатлѣніе должно было произвести это зрѣлище на ребенка! Въ семействѣ Бредихиныхъ жила память о Долгорукихъ, какъ о невинныхъ страдальцахъ: Анюта и ея братъ Сергѣй росли и воспитались подъ вліяніемъ разсказовъ о нихъ. Впослѣдствіи Бредихины даже породнились съ Долгорукими: на Анютѣ (Аннѣ Александровнѣ) Бредихиной (род. 1733 † 1808 г.) женился въ 1756 году братъ казеннаго князя Ивана, князь Николай Алексѣевичъ Долгорукой (род. 1713 † 1790 г.) ¹⁾, на судьбѣ котораго жестоко отразилась казнь его брата. Ни въ чемъ неповинный, онъ въ 1740 году былъ битъ кнутомъ «съ урѣзаніемъ языка» и сосланъ въ Охотскъ. Елизавета Петровна помиловала его, произвела въ бригады и позволила выдти въ отставку. Князь Николай уѣхалъ въ одну изъ своихъ деревень, въ которой и поселился навсегда ²⁾.

Еще въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ князьямъ Долгорукимъ находился одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ пособниковъ воцаренія Екатерины II, секундъ-майоръ семеновскаго полка, графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ (р. 1732 † 1791 г.), впослѣдствіи генералъ-губернаторъ двухъ столицъ—сначала Москвы (съ 1771 по 1786 г.), а потомъ Петербурга (съ 1786 по 1791 г.). Его отецъ, племянникъ извѣстнаго ученаго и инженера эпохи Петра Великаго, графа Якова Вилимовича Брюса, графъ Александръ Романовичъ Брюсъ, былъ женатъ три раза: въ первый разъ (1729 г.) на княжнѣ Анастасіи Михайловнѣ Долгорукой, дочери одного изъ верховниковъ, князя Михаила Владиміровича Долгорукаго; во второй разъ (1745 г.) на «разрушенной» государынѣ—невѣстѣ Петра II, княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой († 1745 г.); третьей женой А. Р. Брюса была Н. Ѳ. Колычева. Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ былъ сыномъ отъ перваго брака и когда отецъ его женился на «разрушенной» государынѣ—невѣстѣ, онъ былъ 13-ти-лѣтнимъ мальчикомъ ³⁾.

Петръ Богдановичъ Пассекъ (р. 1736 † 1804 г.), преобразенскій офицеръ, игралъ въ событіяхъ 28-го іюня 1762 года весьма важную роль. Онъ былъ сослуживецъ и большой другъ Гр. Гр. Орлова. По приказу Петра III, онъ арестованъ 27-го іюня, что очень встревожило сторонниковъ Екатерины II, и они поторопились привести въ исполненіе задуманный переворотъ. Въ то время

¹⁾ Онъ былъ въ то время вдовецъ. Первой его женой была княжна Наталья Сергѣевна Голицына († 1755 г.).

²⁾ См. Варанова, Опис. Сен. Арх., т. III, № 8,761. — Кн. Долгорукой, Род. Кн., I, стр. 91; его же Memoires, t. I, p. 371.

³⁾ Родословн., изд. «Русск. Стар.», кн. I, стр. 57—58.

26-ти-лѣтній П. Б. Пассекъ былъ женатъ уже болѣе двухъ лѣтъ на баронессѣ Натальѣ Исаевнѣ Шафировой, родной внукѣ известнаго дѣльца временъ Петра Великаго, Петра Павловича Шафирова. По женѣ онъ находился въ близкомъ родствѣ съ семьей князя Сергѣя Григорьевича Долгорукаго, дяди «разрушенной» государыни—невѣсты Петра II; князь Сергѣй Григорьевичъ былъ женатъ на дочери Петра Павловича Шафирова, Марѣѣ Петровнѣ, приходившейся женѣ Пассека теткой. Князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукой, по воцареніи Анны Иоанновны, въ 1730 году былъ сосланъ сначала въ Раненбургъ, затѣмъ въ свою рязанскую деревню, а 8-го ноября 1739 года, какъ мы видѣли выше, былъ казненъ въ Новгородѣ вмѣстѣ съ другими князьями Долгорукими ¹⁾.

Изъ потомковъ участниковъ «дѣла Вольнскаго» мы встрѣчаемся съ двумя: А. М. Еропкинымъ и графомъ В. П. Мусинымъ-Пушкинымъ.

Алексѣй Михайловичъ Еропкинъ († 1764 г.), родной братъ гофъ-интенданта Петра Михайловича Еропкина, одного изъ самыхъ ревностныхъ «конфидентовъ» Вольнскаго, казненнаго вмѣстѣ съ нимъ въ 1740 году. Елизавета Петровна пожаловала Алексѣю Михайловичу Еропкину все недвижимое имѣніе, конфискованное у его брата послѣ казни. Въ концѣ царствованія Елизаветы, А. М. Еропкинъ занималъ должность совѣтника вотчинной коллегіи, а въ апрѣлѣ 1762 года былъ назначенъ управляющимъ «собственными экономическими дѣлами императрицы Екатерины Алексѣевны» ²⁾.

Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ (р. 1735 † 1804 г.), поручикъ коннаго полка, былъ сынъ сосланнаго по дѣлу Вольнскаго съ «урѣзаніемъ языка» графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина. Мать Валентина Платоновича, Марѣя Петровна, была рожденная княжна Черкасская, племянница князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго, виднаго, хотя и неустойчиваго въ возрѣніяхъ, участника въ событіяхъ воцаренія Анны Иоанновны. Когда Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ былъ сосланъ по дѣлу Вольнскаго въ Соловецкій монастырь, Валентину

¹⁾ Родословн., стр. 114, 271.—«Русск. Стар.», 1876 г., т. XVI, стр. 844 и монографія о князѣ С. Г. Долгорукомъ, «Истор. Вѣстн.», 1880 г., т. I, стр. 472. Изъ князей Голицыныхъ въ числѣ участниковъ возведенія на престолъ Екатерины II встрѣчается князь Петръ Алексѣевичъ (р. 1731 † 1810 г.), капитанъ казачьихъ полка, дальній родственникъ князя Дмитрія Михайловича Голицына, главы верховниковъ 1730 года.—Кн. Долгорукой, Род. Кн., I, стр. 286—292.

²⁾ Кн. Долгорукой, Род. Кн., IV, стр. 8—10.—Барановъ, Опис. Сен. Арх., т. III, № 12,143.—Многіе изъ Еропкиныхъ принимали дѣятельное участіе въ шляхетскихъ совѣщаніяхъ при воцареніи Анны Иоанновны. Петръ Михайловичъ Еропкинъ былъ сторонникомъ ея самодержавія, а три его двоюродныхъ брата подписались подъ разными шляхетскими проектами.

Платоновичу было всего 5 лѣтъ отъ роду. Родственники графа Вал. Пл. Мусина-Пушкина принимали дѣятельное участіе въ январскихъ и февральскихъ событіяхъ въ Москвѣ, въ 1730 году. Его дѣдъ, въ то время уже дряхлый старикъ, подалъ отдѣльное мнѣніе о государственномъ устройствѣ, наканунѣ своей смерти (онъ умеръ въ февралѣ 1730 г.), а отецъ и дядя подписались подъ проектами князя Черкаскаго, Алабердеева и Грекова и затѣмъ оба высказались за самодержавіе Анны Иоанновны. Дѣдъ Валентина Платоновича, графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, былъ бояриномъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и пользовался большимъ уваженіемъ Петра Великаго: онъ былъ назначенъ въ числѣ немногихъ сенаторомъ при учрежденіи сената въ 1711 году. Графъ Валентинъ Платоновичъ отличался необыкновенною честностью, прямою и твердостью характера и большой добротой. Екатерина II его не любила, выражаясь о немъ весьма недобро въ интимныхъ разговорахъ съ своимъ статсъ-секретаремъ Храповицкимъ, но официально должна была его награждать: къ концу ея царствованія Мусинъ-Пушкинъ былъ вице-президентомъ военной коллегіи и кавалеромъ всѣхъ русскихъ орденовъ ¹⁾).

Группу лицъ, находящихся въ родствѣ съ участниками разныхъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года составляютъ: 1) М. Е. Васкаковъ, 2) В. И. Бибииковъ, 3) князь Ѡ. С. Борятинскій, 4) князь И. В. Несвицкой, 5) Гр. Ал. Потемкинъ (впослѣдствіи знаменитый князь Тавричeskій), 6) А. И. Ржевскій, 7) Н. И. Рославлевъ, 8) А. И. Рославлевъ, 9) Ѡ. А. Хитрово ²⁾).

Михаилъ Егоровичъ Васкаковъ, капитанъ-поручикъ Преображенскаго полка, былъ человѣкъ жестокой и рѣшительный. Во

¹⁾ Кн. Долгорукій. Род. кн., I, стр. 95—97; II, стр. 197—198.—Родосл., изд. «Рус. Стар.», I, стр. 57—58.—«Записки Храповицкаго», изд. Н. П. Барсукова, стр. 306 и слѣд. — О служебной его карьерѣ см. Словарь Вантыша-Каменскаго, изд. 1836 г., III, стр. 383—386.—О его характерѣ въ разсказахъ Караванова, «Рус. Стар.» 1872 г., т. V, стр. 148.

²⁾ О родственныхъ отношеніяхъ всѣхъ этихъ лицъ къ участникамъ разныхъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года см. Кн. Долгорукаго, Род. кн., I, стр. 75—77; IV, стр. 29 и слѣд., 290—292.—Родосл., изд. «Рус. Стар.», I, стр. 86 и слѣд., 314 и слѣд., 331 и слѣд. — VII-ю главу «Воцаренія Анны Иоанновны» и приложения, № 2. Къ родственникамъ участниковъ тѣхъ же шляхетскихъ проектовъ принадлежатъ Е. А. Чертковъ и Г. Г. Протасовъ: первый—троюродный братъ, а второй троюродный племянникъ Черткова и Протасова, подписавшихъ проектъ Секиотова. Но я не внесъ ихъ въ текстъ на томъ основаніи, что они играли, какъ въ дѣлѣ воцаренія Екатерины II, такъ и впослѣдствіи, очень пассивную роль. Чертковъ является одной изъ многочисленныхъ планетъ князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, а Протасовъ былъ втянутъ въ происшествія 28-го іюня 1762 г. Орловыми, съ которыми онъ состоялъ въ родствѣ, и впослѣдствіи ничѣмъ себя не проявилъ, будучи зауряднымъ придворнымъ.

время смерти низложеннаго императора онъ находился въ Ропшѣ, а послѣ 1763 года о Баскаковѣ не упоминается: что случилось съ нимъ—неизвѣстно. Баскаковъ приходился родственникомъ оберъ-прокурору Синода Алексѣю Петровичу Баскакову, участнику нѣсколькихъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года и впослѣдствіи, въ 1737 году, замѣшанному въ процессъ князя Д. М. Голицына.

Василій Ильичъ Бибииковъ, капитанъ-поручикъ Семеновскаго полка; братъ извѣстнаго дѣятеля Екатерининскаго царствованія Александра Ильича Бибиикова, состоялъ въ родствѣ съ шестью Бибииковыми, подписавшими разные шляхетскіе проекты въ 1730 году. Въ комисіи для составленія проекта новаго уложенія 1767 года В. И. Бибииковъ былъ депутатомъ отъ дворянства Шацкаго уѣзда.

Князь Ѳеодоръ Сергѣевичъ Борятинскій (р. 1742 † 1814 г.) поручикъ Преображенскаго полка, былъ внукомъ князя Ивана Ѳеодоровича Борятинскаго, участника многихъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года.—Онъ находился въ Ропшѣ во время смерти Петра III. Въ 1780-хъ годахъ князь Ѳ. С. Борятинской былъ тайный совѣтникъ, камергеръ и оберъ-гофмаршалъ, а императоръ Павелъ, въ самый день вступленія на престолъ, отставилъ его отъ службы.

Всѣ остальные поименованныя нами лица, гвардейскіе офицеры разныхъ полковъ, находятся въ близкомъ родствѣ съ участниками проекта Секіотова 1730 года. Князь Несвицкой, Гр. Ал. Потемкинъ, братья Рославлевы и Хитрово—сыновья участниковъ этого проекта; Ржевскій—племянникъ участника. Всѣмъ извѣстна блестящая карьера князя Потемкина-Таврическаго, но далеко не столь знакомо большинству такъ называемое дѣло Хитрово, въ которомъ играли роль почти всѣ названныя лица, за исключеніемъ Чертова и Протасова.

Лѣтомъ 1763 года, были арестованы Хитрово, князь Несвицкой, двое Рославлевыхъ и Ласунскій (также одинъ изъ видныхъ участниковъ возведенія на престолъ Екатерины II). Всѣ они занимали въ то время придворныя должности: Хитрово и князь Несвицкой были камеръ-юнкеры, остальные—камергеры. Арестъ произошелъ по милости Ржевскаго,—двоюроднаго брата Хитрово,—сдѣлавшаго доносъ Алексѣю Орлову. Возникло дѣло, весьма встревожившее Екатерину. Было привлечено къ допросамъ очень много гвардейскихъ офицеровъ и придворныхъ, большею частью изъ оказавшихъ Екатеринѣ важныя услуги при ея воцареніи. Изъ этихъ допросовъ, кромѣ уже извѣстныхъ намъ толковъ о «подпискѣ», данной Екатериною при воцареніи Никитѣ Ивановичу Панину, выяснилось еще слѣдующее обстоятельство.

Въ 1763 году, А. П. Бестужевъ-Рюминъ хлопоталъ о томъ, чтобъ императрица избрала себѣ достойнаго супруга изъ своихъ

подданныхъ, потому что государь цесаревичъ (Павель Петровичъ) слабъ и въ оспѣ еще не лежалъ. Бестужевъ составилъ въ этомъ смыслѣ прошеніе Екатеринѣ отъ лица всѣхъ ея вѣрноподанныхъ. Подъ прошеніемъ подписалось знатное духовенство и нѣсколько сенаторовъ. Воспротивились прошенію Н. И. Панинъ, Кир. Гр. Разумовскій и Захаръ Гр. Чернышевъ. Многие, знавшіе дѣло близко, были убѣждены, что Бестужевъ-Рюминъ прямо намекаетъ на Григорія Григорьевича Орлова и что прошеніе составлено по инициативѣ самой императрицы. Никита Ивановичъ Панинъ спросилъ императрицу: «съ ея ли позволенія представилъ прошеніе Бестужевъ?» Екатерина отвѣчала отрицательно. Тогда Панинъ замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ Бестужева надо предать суду. На это императрица промолчала. Затѣмъ Бестужева произвела сильное волненіе въ кружкахъ гвардейскихъ офицеровъ; стали собираться сходки. На этихъ сходкахъ горячился болѣе всѣхъ Хитрово.

«Если государыня намѣрена идти замужъ, говорилъ онъ,—то у Иванушки есть два брата». Подъ Иванушкой онъ разумѣлъ несчастнаго плюссельбургскаго узника, императора Іоанна Антоновича, у котораго было два меньшихъ брата. Петру Антоновичу въ то время было 18 лѣтъ, а Алексѣю Антоновичу—17.

«Если Императрица не согласится на это, продолжалъ шумѣть Хитрово,—то схватить Орловыхъ и всѣхъ отлучить, а если можно, то и скорѣе Орловыхъ при первомъ удобномъ случаѣ погубить».

«Григорій Орловъ глупъ, рассуждалъ Хитрово,—но больше всего дѣлаетъ братъ его Алексѣй: онъ великій плутъ и всему дѣлу причиною».

По Петербургу стали ходить слухи о томъ, что императрица намѣрена выйти замужъ за Григорія Орлова, вслѣдствіе чего Орловыхъ хотятъ убить, а Екатерину лишить престола.

Хитрово былъ удаленъ отъ службы и сосланъ на житье въ его Орловское имѣніе. Къ концу царствованія Екатерины Хитрово уже не было въ живыхъ. Въ 1794 году, императрица обвиняла дѣтей Хитрово—Николая, Екатерину и Наталью въ варварскомъ обращеніи съ крестьянами въ пожалованномъ ихъ отцу въ 1762 году имѣніи въ Калязинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Было ли это обвиненіе вполнѣ справедливымъ? Легко можетъ статься, что оно являлось выраженіемъ неудовольствія на Хитрово со стороны императрицы.

Вслѣдъ за Хитрово удалены отъ двора и другіе главнѣйшіе участники его дѣла ¹⁾.

¹⁾ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXV, стр. 257—261. «Сборн. Рус. Ист. Общ.», т. VII, стр. 109—116, 269—294.

Весьма многіе изъ русскихъ людей, желавшихъ низложенія Петра III, скоро разочаровались. День 28-го іюня 1762 года выдвинулъ на первый планъ Гр. Орлова и разрушилъ иллюзіи Панина, Шувалова и нѣкоторыхъ офицеровъ, ревностно содѣйствовавшихъ воцаренію Екатерины II. Хитроумный дѣлецъ прежняго времени А. П. Бестужевъ-Рюминъ, умѣвшій угождать и Бирону и Елизаветѣ Петровнѣ, хлопотавшій о регентствѣ Екатерины въ 1757 году, въ 1762 году—послѣ провозглашенія ея самодержавной государыней, желаетъ уже устроить бракъ ея съ героемъ событія Гр. Орловымъ. Великій князь Павелъ Петровичъ забыть; онъ въ сторонѣ. Только Ник. Ив. Панинъ сохранилъ теплую привязан-

Медаль, выбитая въ честь канцлера графа
А. П. Бестужева-Рюмина.

ность къ своему воспитаннику. Екатерина весьма естественно относится къ нему, какъ къ конкуренту ея власти, сначала недобѣрчиво, а затѣмъ прямо враждебно. Для впечатлительнаго ребенка начинается горькая жизнь, которая тянется затѣмъ уныло черезъ все долгое, блестящее царствованіе Екатерины II.

Но не одинъ Павелъ Петровичъ заставляетъ императрицу недобѣрчиво смотрѣть на окружающее ее. Хитрово указывалъ на злосчастнаго сына Анны Леопольдовны—Іоанна Антоновича, какъ на возможнаго соперника Екатерины II. Симпатіи къ тому же плюссельбургскому узнику высказывались еще за годъ до ареста Хитрово «съ товарищи» въ другихъ офицерскихъ кружкахъ Гурьева и Хрущовыхъ, а годомъ позже, въ 1764 году, явилась сумасбродная попытка со стороны также офицера, Мировича, освободить изъ заточенія Іоанна Антоновича и возвести его на престолъ. Недовольство новымъ правительствомъ переходитъ въ низшіе классы. Государственные и помѣщичьи крестьяне, ободренные указомъ

Петра III объ отобраніи крестьянъ у монастырей и архіереевъ, ждали и себѣ «воли», и вотъ вслѣдъ за воцареніемъ Екатерины II среди крестьянства начинаютъ бродить разные слухи о томъ, что императоръ Петръ III живъ; крестьяне волнуются и, наконецъ, изъ народныхъ массъ выдѣляются самозванцы, принимающіе имя умершаго императора и сулящіе свободу и льготы простому народу. Цѣлый рядъ лже-Петровъ III тянется съ 1765 года въ теченіи десятилѣтія, начинаясь Кремневымъ и заканчиваясь Пугачевымъ.

Но Екатерина II вышла побѣдоносно изъ всѣхъ этихъ важныхъ затрудненій. Внѣшній блескъ ея двора, успѣхи русскаго оружія и русской дипломатіи въ ея царствованіе—прославили вѣкъ Екатерины и въ Западной Европѣ и въ Россіи, а реформы Екатерины II по внутреннему государственному управленію поставили ея имя на ряду съ именемъ Петра Великаго. Императоръ Павелъ закономъ о престолонаслѣдіи 5-го апрѣля 1797 года навсегда пресѣкъ возможность въ этомъ важнѣйшемъ государственномъ вопросѣ тѣхъ «конъюнктуръ», которыя волновали весь русскій XVIII вѣкъ, и замыслы «пособниковъ» воцаренія Екатерины II стали лишь достояніемъ исторіи. Въ ней должны они сохраниться какъ факты бывшаго.

Д. Корсаковъ.

СОЦІАЛИСТЪ ПРОШЛАГО ВѢКА ¹⁾.

VI.

Передъ исправникомъ.

КРАВКОВЪ окончательно поселился въ скитахъ. Жизнь его тѣжъ уходила, что онъ искалъ покоя, забвенья. Скитская же жизнь вполне отвѣчала идеалу человѣка, утомленнаго жизнью, съ разбитымъ прошлымъ и съ будущимъ, въ которомъ не свѣтилось ни одного луча надежды. Еслибъ онъ былъ другимъ человѣкомъ, онъ бы примирился и съ тою жизнью, какъ мирятся миллионы. Но въ душѣ его теплилось что-то такое, что освѣщало передъ нимъ возмутительныя стороны той жизни, которую онъ бросилъ, и онъ не искалъ возврата къ ней... У него въ душѣ было много поэзіи, теплоты. Еще еслибъ у него осталось море да молодья вѣрованія; такъ нѣтъ:—голубое море съ его безконечною далью у него отнято, и молодья вѣрованія его разбиты. Такъ лучше ужъ тутъ, въ этой пустынѣ, среди природы похоронить себя.

А въ этой пустынѣ была своя жизнь и много поэзіи. Скиты представляли значительное поселеніе людей, совершенно свободныхъ, ни отъ кого не зависѣвшихъ—не знавшихъ ни что такое исправникъ, ни что такое подати и паспорта. Въ скитахъ въ это время находилось болѣе ста мушницъ — и старыхъ, и молодыхъ, и

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XV, стр. 24. Google

даже дѣтей, и до пяти-сотъ женщинъ. Пустыня эта была въ сущности не пустыня, а только уединенная колонія, маленькое теократическое, но въ сущности демократическое государство, не знавшее ни войнъ, ни рекрутчины, ни начальства. Начальство они были сами. А кто заслуживалъ между ними наибольшаго уваженія, тому они охотно и съ любовью повиновались. Дѣлать имъ было нечего:—у нихъ все было общее. Да и дѣлать было не изъ чего: ихъ уединенная, дѣйствительно прекрасная «мати пустыня» была маленькая земляца, буквально «текущая медомъ и млекомя». У нихъ было обширное хозяйство. Обширныя дѣвственные степи, которыхъ отъ сотворенія міра не касалась ни соха, ни плугъ и по которымъ только разгуливали стада робкихъ сайгаковъ, — степи эти, прародительницы нынѣшней «самарской житницы», родили имъ золотую пшеницу самъ-сто. Озера и рѣки Иргиза давали имъ въ изобиліи рыбу. По землямъ ихъ паслись цѣлыя стада крупнаго и мелкаго скота. Это былъ дѣйствительно рай.

Всѣ скитники работали на общину. Но это была такая легкая, такая благодарная работа.

Были въ скитахъ и такія радости жизни, которыя возможны только тамъ, «въ мірѣ»... Гдѣ молодость, здоровье — тамъ и любовь,—иначе жизнь была бы не полная.

Три года прожилъ Кравковъ въ скитахъ и чувствовалъ, что въ душу его сошелъ миръ: — тѣ глубокія раны, которыя онъ носилъ въ сердцѣ—зажили. Отъ всего прежняго остались только тихія, дорогія воспоминанія, а все острое, жгучее — точно подернулось дымкою дали, смягчилось въ своей рѣзкости и жгучести...

«Ученый морякъ, капитанъ-лейтенантъ, поклонникъ Руссо, съ тихою улыбкою думалъ онъ иногда:—а теперь раскольникъ скитникъ... А побылъ бы Руссо въ моей шкурѣ — въ шкурѣ бѣднаго російскаго дворянина, тогда бы онъ понялъ, что такое скитъ для русскаго, что такое «пустыня» для затравленнаго звѣря»...

И сидя на берегу Калача—такъ называлось озеро, надъ которымъ расселились скиты—онъ закидывалъ въ воду удочку и тихо подтягивалъ молодымъ инокамъ, Герасиму и Савватию Персидскимъ, которые гѣли одинъ изъ любимыхъ скитниками «противоцерковныхъ стиховъ»:

Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ,
 Съ понами-дьяками хлѣбъ-соли не водитъ,
 Къ Богу съ покаяньемъ часто прибѣгаетъ
 И властей-начальства знать совсѣмъ не знаетъ.

Озеро раздѣляло мужской скитъ отъ женскаго, который былъ красиво расположенъ по ту сторону. Скитницы въ это время мочили у берега ленъ и, слушая, какъ поютъ «братья», съ своей стороны голосисто загѣвали:

По грѣхѣмъ нашимъ, на нашу страну
 Попусти Богъ бѣду такую:
 Облакъ темный всюду осѣни,
 Небо и воздухъ мракомъ потемни;
 Солнце въ небеси скривъ своя лучи
 И луна въ ночи свѣтлость помрачи,
 А и звѣзды вся потемниша зракъ,
 А и свѣтъ дневной предложися въ мракъ...

Тихо—дѣйствительно пустыня, дѣйствительно рай. Ни прилива, ни отлива въ этомъ морѣ тиши и упокоенія.

Но когда въ душѣ улеглись жгучія боли, когда прошлое—и то далекое, счастливое, свѣтлое, и это недавнее горькое—когда это прошлое отошло уже въ область воспоминаній, а настоящее какъ-бы застыло въ той формѣ жизни, о которой можно было бы сказать—«идѣ же нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе»,—Кравковъ почувствовалъ, что ему чего-то недостаетъ... Не достаетъ прилива и отлива въ этомъ тихомъ пристанищѣ, недостаетъ бурь, въ этомъ безпечальномъ морѣ тишины... Да, не доставало чего-то.

Будь онъ такой же, какъ Герасимушка Персидскій, который ничего кромѣ Волги и Дубовки не видалъ, для котораго весь міръ—въ этой опрокинутой надъ пустынею скорлупѣ голубого неба, ограничиваемаго вонъ этимъ горизонтомъ,—онъ удовольствовался бы пѣніемъ «Стиха преболѣзненнаго воспоминанія о ослобленіи касоликовъ» или объ «Аллилуевой женѣ милосердной», собираніемъ грибовъ и ежевики, уженіемъ рыбы въ Калачѣ и Иргивѣ, дѣленіемъ дня и всей жизни между заутренними и обѣдными, вечерними и всенощными; но, на несчастье или счастье, онъ видѣлъ когда-то такое, чего Герасимушкѣ и во снѣ не грезилось, читалъ то, чего Герасимушкѣ не понять, передумалъ столько, сколько всѣ головы обоихъ скитовъ, вмѣстѣ ваятыя, не передумали во всю свою жизнь. Часто, сидя на берегу Калача и закинувъ удочку въ воду, онъ совсѣмъ забывалъ гдѣ онъ, а вмѣсто скита на томъ берегу озера передъ его глазами разстился троянскій берегъ, въ виду котораго стоялъ когда-то ихъ корабль, а въ душѣ безконечною лентою развертывались картины, одна другой ярче, одна другой заманчивѣе... «Что-то дѣлается тамъ, внѣ этой мертвой пустыни? Все такъ же ли бьетъ ключомъ жизнь, какъ тогда, давно когда-то?».—Ему страстно захотѣлось хоть еще разъ взглянуть на эту жизнь, хоть издали прислушаться къ ея чарующему шуму... Вѣдь это все равно что заживо погребенному выйти изъ темной могилы и посмотрѣть вновь на голубое небо, на жаркое солнце, увидѣть тѣ мѣста, по которымъ онъ когда-то, до погребенія своего, ходилъ, не думая, что все это у него разомъ отыметъ, что все это станетъ для него недоступнымъ, недосягаемымъ.

Хоть бы разъ еще увидѣть родную Оку, тотъ берегъ съ бере-

зою, съ которыми связано было столько сладкихъ и горестныхъ воспоминаній. Тамъ же и родная усадьба, и родная деревенька, которую онъ такъ безсовѣстно продалъ. Тамъ же и дорогія могилы... И все это брошено, забыто!

Въ душѣ его заговорило горькое, мучительное сознание того, какъ безчеловѣчно поступилъ онъ съ людьми, которые безконечно были ему преданы, которые, кажется, вымолили его у смерти, когда онъ, послѣ страшнаго нравственнаго потрясенія, беспомощно метался въ своей одинокой горенкѣ... Нѣтъ, не беспомощно:—надъ нимъ плакали и страдали. Два любящія существа не покидали его ни на минуту, забывая и сонъ и покой—и онъ ихъ безчеловѣчно продалъ какъ гончихъ собакъ, продалъ — одну уже на закатѣ ея жизни, когда ей самой былъ нуженъ и уходъ и покой, другую— на самомъ разсвѣтѣ ея молодой жизни... Между тѣмъ она его любила: онъ не могъ этого не видѣть при всемъ безумномъ эгоизмѣ, на который только способно личное, острое страданіе, забывающее все, кромѣ своихъ личныхъ болей...

Нѣтъ, онъ долженъ поправить эту безчеловѣчную ошибку, если только уже не поздно. Онъ долженъ ихъ выкупить, дать имъ волю вновь жить своею жизнью хотя бы вотъ въ этихъ скитахъ. У него еще сбережено нѣсколько сотъ рублей, и онъ выкупить изъ кабалы бѣдную старушку и столько же, если не болѣе несчастную дѣвушку.

Въ одно утро, когда всѣ скитники собрались за трапезу, Кравкова не оказалось межъ ними. Прошелъ день, другой, третій, прошла недѣля—нѣтъ Кравкова. «Добрый баринъ», какъ всѣ привыкли его звать въ скитахъ, исчезъ—словно въ воду канулъ. Всѣ пожалѣли объ немъ, потому что всѣ любили его за скромность, хотя не могли не видѣть, что у него есть за душою что-то свое, чѣмъ онъ ни съ кѣмъ не дѣлился; но какъ всѣ догадывались, что это было горе, которое тайлось въ его душѣ, то его жалѣли и любили еще болѣе.

«Не перекипѣлъ еще», бормоталъ про себя, качая сѣдою головой, Никита Петровичъ:—«не убродилось душевное пиво—нѣтъ, не убродилось... Понесъ свою душу супротивъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ житейскихъ—размечуть ее буйные вѣтры... не скитская душа—воинствующая»...

Прошло недѣли три. Въ Макарьевской слободѣ, что подъ Нижнимъ, проходилъ какой-то мужикъ съ котомкой за плечами, опираясь на длинную палку. Онъ шелъ черезъ базаръ, не обращая вниманія на обычную базарную суетню и на то, что базарные люди передъ кѣмъ-то снимали шапки. Этотъ кто-то былъ исправ-

никъ, какъ можно было судить по его полицейской формѣ, а еще болѣе по начальническому виду.

— Эй! ты кто? послышался вдругъ окрикъ.

Всѣ воззрѣлись на того, на кого кричалъ исправникъ. А тотъ, къ кому относился окрикъ, продолжалъ идти далѣе, ни на что не обращая вниманія.

— Эй ты, бродяга!—тебѣ говорятъ! повторился окрикъ.

Опять нѣтъ отвѣта. Пухлыя щеки исправника побагровѣли отъ гнѣва.

— Задержать его! крикнулъ онъ десятскимъ.

Нѣсколько человѣкъ перегородили дорогу прохожему. Тотъ остановился, удивленно поглядывая на нихъ. Подошелъ исправникъ.

— Ты кто такой? съ прежнимъ гнѣвомъ спросилъ онъ.

Прохожій спокойно поглядѣлъ ему въ лицо, смѣрилъ съ головы до ногъ и что-то въ родѣ усмѣшки блеснуло въ его черныхъ задумчивыхъ глазахъ. Это окончательно взорвало полицейскаго претора.

— Какъ ты, мерзавецъ, смѣешь не отвѣчать мнѣ! окончательно накинулся онъ на страннаго человѣка.—Да я тебя, мерзавца.

— Ты? меня? спокойно спросилъ прохожій съ тою же усмѣшкою.

Исправникъ даже отшатнулся.

— И ты еще смѣешь тыкать меня!—ты!—ты!

— Я слѣдую твоему примѣру, былъ тотъ же спокойный отвѣтъ.

— Ды ты знаешь ли—кто я!

— Знаю... Человѣкъ, роняющій власть.

— Какъ! я!.. Исправникъ не нашелся даже что сказать.

— Да, ты... Ты роняешь власть...

— Я исправникъ!

— Вижу... Тѣмъ хуже для тебя—ты не на мѣстѣ...

— Да какъ ты смѣешь со мной такъ говорить!

— Потому что ты такъ говоришь...

— А! такъ я тебѣ покажу!—Говори: кто ты такой?

— На это отвѣчу, ибо ты, яко исправникъ, имѣешь право на такой вопросъ: я—капитанъ-лейтенантъ.

Исправника видимо озадачилъ такой отвѣтъ. Онъ сразу какъ бы смутился. Но увидѣвъ, что окружившая ихъ базарная толпа какъ будто бы насмѣшливо улыбается, снова покраснѣлъ отъ досады.

— Какой ты капитанъ-лейтенантъ!—ты бродяга.

— Нѣтъ, я не бродяга... Со мной указъ объ отставкѣ.

— Такъ ты самозванецъ!

— Такой же какъ и ты.

Въ толпѣ слышался сдержанный смѣхъ. Исправникъ злобно оглянулъ народъ, но ничего не сказалъ.

Между тѣмъ прохожій снялъ съ себя котомку, неторопливо вынулъ изъ нея книгу, изъ книги—вчетверо сложенный листъ и подалъ его исправнику.

— Вотъ мой указъ.

Исправникъ торопливо развернулъ бумагу. Руки его дрожали. Быстро пробѣжалъ онъ написанное, бормоча: «капитану-лейтенанту Евдокиму Михайлову сыну Кравкову... изъ адмиралтействъ-коллегии... подписалъ вице-адмиралъ Чичаговъ... печать... скрѣпа»...

— Такъ вы Кравковъ?

— Да, я Кравковъ.

— А если видъ подложный?

— Можете справиться по принадлежности.

— Но и настоящій указъ можно добыть какимъ ни-на-есть способомъ отъ другого лица.

— Я не добывалъ.

— Зачѣмъ же вы такъ ходите?

— Такъ хочу.

— Для чего вы носите бороду?

— Борода нынѣ носить не воспрещается.

— Но вы дворянинъ.

— Чѣмъ же борода безчеститъ дворянина?—Бороду в Спаситель носилъ.

— Такъ то Спаситель... А вы российский дворянинъ.

— И русскіе цари носили бороды.

Исправникъ не зналъ что дальшѣ говорить.

— А зачѣмъ вы крестьянское платье носите?

— Такъ хочу... Не хочу имѣть никакой отлички отъ крестьянина:—онъ такой-же человекъ, какъ я.

Въ толпѣ слышался ропотъ удивленія и одобренія. Исправникъ чувствовалъ неловкость своего положенія; но старался выдержать роль претора до конца.

— Дворянину въ неподобной одеждѣ ходить нельзя.

— Почему же?

— Соблазнить... неподобно... въ законѣ не указано...

— На это нѣтъ закона, какъ равно закономъ не воспрещено дворянину ѣсть черный хлѣбъ вмѣсто бѣлаго...

— Вотъ такъ отрѣзалъ, братцы, слышалось замѣчаніе въ толпѣ.

— Ну!—язычекъ же!— бритва...

— Ай да баринъ!—умѣетъ отвѣтъ держать...

— Комаръ носу не подточить... Вотъ тѣ и тихоня!.. И насчетъ одежды—ину!

Исправникъ грозно оглянулъ толпу. Все шарахнулось назадъ.

— Все же я долженъ васъ арестовать, рѣшилъ наконецъ исправникъ.

— За что?—какъ!

— За ношеніе неподобной одежды.

— Но мой указъ, мое званіе!

— Ваше поведеніе недостойно вашего званія.. Я васъ арестую.

— Вотъ тѣ и клюква! не выдержалъ кто-то въ толпѣ.

Исправникъ нетерпѣливо обратился къ десятскимъ.

— Разогнать эту сволочь!—Прочь отсюда!—въ шею ихъ!

Десятскіе бросились на народъ. Передніе осадили заднихъ, — тѣ бросились бѣжать. Десятскіе пустили въ ходъ палки.

— Идите за мной, продолжалъ исправникъ, пряча бумагу Кравкова за бортъ кафтана.

— Но зачѣмъ?—Я иду къ себѣ на родину.

— Куда это?

— Во Владимірѣ—въ Пороховецъ.

— А откуда?

— Я иду изъ-за Волги, изъ Иргизскихъ скитовъ.

— А зачѣмъ вы тамъ были?

— Я просто жилъ тамъ... Я могу жить гдѣ хочу.

— Но я все-таки обязанъ представить васъ высшему начальству—препроводить въ намѣстническое правленіе... Какъ рѣшить начальство...

Кравковъ долженъ былъ покориться необходимости.

Его какъ арестанта отправили въ Нижній при бумагахъ и велѣли сдать въ намѣстническомъ правленіи «подъ росписку», словно пакетъ какой-нибудь.

«Пилатово это дѣло — темное, нечистое, вспоминались ему дорогой слова Никиты Петровича: — вотъ и узналъ, что дѣлается на божьемъ свѣтѣ, вдали отъ пустыни... Опять бы туда? — а то хоть на край свѣта, только бы подальше отсюда!..»

VII.

Передъ генераль-губернаторомъ и архіереемъ.

2-го октября 1784 года, Кравковъ предсталъ предъ лицо исправлявшаго должность нижегородскаго и пензенскаго генераль-губернатора, генераль-поручика Ребиндера, одного изъ тѣхъ Ребиндеровъ, объ одномъ изъ коихъ мы читаемъ очень характерное замѣчаніе въ «Дневникѣ Храповицкаго» подь 4-мъ марта 1787 года, гдѣ говорится: «Услыша, что Ребиндеръ съ графомъ Стакельбер-

гомъ поѣхали верками, сказано (т. е. Екатерина II сказала Храповицкому), что когда ливляндцы вмѣстѣ сойдутся, всегда говорятъ по-чухонски. Послѣ того вошелъ Ребиндеръ, и въ томъ признался».

Эта мѣткая характеристика въ устахъ замѣчательной женщины и императрицы могла быть примѣнена въ то время и ко всѣмъ Ребиндерамъ, въ томъ числѣ и къ нашему — къ нижегородскому. Эти люди, охотнѣе говорившіе по-чухонски чѣмъ по-русски, не знали и не хотѣли знать страны и ея народа, которыми, однако управляли въ качествѣ правителей и намѣстниковъ, и не могли любить ни первой, ни послѣдняго.

Тщательно выбритый, завитой и напудренный, Ребиндеръ съ удивленіемъ и какою-то нескрываемою гадливостью смотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ мужика съ умными задумчивыми глазами.

— И вы—капитанъ-лейтенантъ подлинно? спрашивалъ онъ съ ядовитою вѣжливостью.

— Подлинно капитанъ-лейтенантъ, былъ отвѣтъ.

— И вы проходили морское ученіе?

— Проходилъ.

— Въ какомъ заведеніи?

— Въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ.

— И экспедиціи дѣлали?

— Да—болѣе десяти.

— Что же заставило васъ бросить службу?

— Нежеланіе продолжать ее.

— Странно... Можетъ быть, неудовольствія по службѣ?

— Нѣтъ—меня отличало начальство.

— Какъ же вы могли промѣнять лейтенантскій униформъ на это... на эту сермягу?

— Промѣнять...

— Не понимаю!

— Много пришлось бы рассказывать... не стоитъ...

— Но что жъ вы дѣлали?—гдѣ жили?—что намѣрены дѣлать?

— Я воротился домой... Меня обобрали и обманули... Я поступилъ на службу—меня опять безбожно обманули... Я бросилъ службу... сбросилъ съ себя оболочку даже, подъ которою прячется одна ложь—и ушелъ туда, гдѣ нѣтъ лжи...

— Куда же? съ едва скрываемою ироніею спросилъ Ребиндеръ:—гдѣ это вы нашли такую Аркадію?

— За Волгой.

— За Волгой?—вотъ тутъ?

— Нѣтъ, на Иргизѣ.

— На Иргизѣ?—гдѣ же это?

— За Малыковкой

— Я этой мѣстности не знаю.

— Ниже Симбирска и выше Саратова... Въ Иргивскихъ скитахъ.

— А! въ скитахъ!—Такъ вы раскольникъ?—Вотъ что!—дворянинъ—и раскольникъ! Ребиндеръ пожалъ плечами.

— Нѣтъ... я не раскольникъ... Я только нахожу сомнѣнія въ разсужденіи церковныхъ—не почитаю не только духовенство, но и церковь...

— О! Ребиндеръ всталъ.—Даже церковь?

— Да... И то, что попы называютъ таинствами — я не признаю...

— Что же вы признаете?

— Евангеліе и правду...

— О! улыбнулся вельможа: — я не православный — въ вашей религіи я не силенъ... Я лучше попрошу его преосвященство переговорить съ вами о семъ предметѣ... Прощайте!

— Можете увести его, обратился онъ къ стоявшимъ у порога съ ружьями солдатамъ.

Кравковъ, горько улыбувшись, выпелъ.

«Прежде къ Пилату, шепталъ онъ: — а теперь, видно, къ Аннѣ и Каиафѣ поведутъ... Ходи, Кравковъ, ходи... Вотъ тебѣ и свѣтъ широкій, вотъ тебѣ и фіолетовыя моря!..»

На другой день Кравкова вели по улицамъ Нижняго какъ простого арестанта. И передъ нимъ и за нимъ шли два солдата съ ружьями. Передъ его глазами открывалась красивая панорама Волги и далекаго Заволжья. Онъ вспомнилъ, какъ давно когда-то, еще мальчишкомъ, онъ былъ въ Нижнемъ съ отцомъ, и эта далекая панорама поразила его юное воображеніе. Неужели же можно добраться туда, въ эту недосыгаемую даль? думалось ему тогда. А въ такія ли дали, послѣ, забрасывала его судьба!—Такія ли панорамы развертывались передъ его изумленными очами, когда корабль его носило по океанамъ!.. А теперь... вонъ куда занесло его утлую ладью...

Кравкова ввели къ архіерею. Горькое чувство шевелилось въ душѣ арестанта.

— Приблизися, сынъ мой, тихо сказалъ архіерей, опершись тучнымъ тѣломъ на аналой, на которомъ лежали крестъ и раскрытое евангеліе, и запыльшими жиромъ глазками осматривая съ ногъ до головы интереснаго арестанта.

Кравковъ не двигался. Губы его судорожно передергивались.

— Подойди, сынъ мой, повторилъ епископъ, возвышая голосъ.

— Зачѣмъ?—Что мнѣ тутъ дѣлать? проивнесъ арестантъ.

— Сотвори крестное знаменіе и поцѣлуй крестъ и слово Спасителя твоего.

— Для чего!.. Я не хочу этимъ играть... Я много цѣловалъ его, я его слезами обливалъ...

— Паки поцѣлуй, настаивала епископъ.

— Да зачѣмъ вамъ это!—зачѣмъ вамъ этотъ крестья! — какое вамъ дѣло до Спасителя! съ страстною горечью произнесъ арестантъ.

— Какъ какое дѣло! изумился епископъ.

— Не Его ли именемъ вы мучите народъ, глубоко вѣрующій, глубоко любящій, народъ, у котораго вѣра чище вашей и искреннѣе!.. Не Его ли именемъ вы загоняете его въ пустыни и дебри!.. Не Его ли именемъ возжигаютъ костры и сожигаютъ на нихъ тысячи невинныхъ! Не Его ли именемъ пролиты рѣки крови, когда онъ Самъ пролилъ свою божественную кровь за насъ, чтобы только мы не были звѣрьми, не ѣли бы другъ друга!.. Не Его ли священнымъ именемъ сильные угнетаютъ слабыхъ, богатые обираютъ нищихъ!.. Не Его ли именемъ прикрываютъ все глубоко неправое и глубоко безнравственное!.. Вы, вонъ, въ шелковой рясѣ, въ богатыхъ палатахъ, тотъ весь въ золотѣ, у тѣхъ власть и богатства,— и вы ли смѣете безтрепетно богохульствовать, произнося чистое имя Того, Который но имѣлъ гдѣ главу преклонить! — Вы ли Его служители?—Нѣтъ, вы служители Ирода!.. Это Онъ, божественный страдалецъ, къ вамъ обращался, говоря: «о, порожденія ехиднова! како можете добро глаголати, зли суще?»

— Что ты! что ты!—ты богохульствуешь, еретики! могъ только произнести архіерей, все далѣе и далѣе отступая въ глубь обширнаго кабинета, съ испугомъ оглядываясь по-сторонамъ.

— Нѣтъ, вы богохульствуете каждымъ вашимъ словомъ, каждымъ поступкомъ! продолжалъ арестантъ:—вы отъ Его божественнаго ученья, отъ всѣхъ правилъ и заповѣдей Его не оставили не искаженнымъ и не оскверненнымъ ни одного слова, ни одной іоты, какъ слѣпые и злые люди не оставили камня на камнѣ отъ того храма, гдѣ Онъ, божественный страдалецъ, училъ любить ближняго какъ самого себя... А гдѣ вашъ ближній?—Вы загнали его въ дѣса, въ пустыни, въ норы и язины, вы отдали его кровное достояніе богачу, а его хижину оставили безъ крыши, вы одѣли сильнаго пурпуромъ, а его тѣло отдали на жертву холода и дождей, вы обули богача въ сафьянъ и замшу, а ближняго гоните босымъ и голоднымъ на барщину... О, порожденія ехиднова!..

Кравковъ вдругъ остановился, какъ бы сразу проснувшись или опаматовавшись отъ бреда. Онъ протянулъ впередъ руки...

— Простите меня, ваше преосвященство! со слезами въ голосѣ заговорилъ онъ:—я не хотѣлъ оскорбить васъ... Я не къ вамъ отнесилъ мои слова... Я небу жаловался, я вѣтру кричалъ... Ваше преосвященство! я такъ много думалъ, такъ много страдалъ...

— Успокойся, сынъ мой... Богъ тебя простить... Въ тебѣ говорить заблужденіе, духъ гордыни, началъ было архіерей.

— Гордыня!—въ армякѣ-то этомъ!—И арестантъ съ горечью показалъ на свой жалкій костюмъ.

— Гордыня и въ рублищѣ ходить... А ты, сынъ мой, смиришь...

— Что вы мнѣ говорите! — опять страстно воскликнулъ арестантъ:—меня прислали къ вамъ, чтобъ вы меня увѣщевали, какъ раскольника, какъ какого-нибудь начетчика... Да, я Вольтера всего прочелъ, Руссо наизусть знаю, Дидерота, Даламберта, Гельвеція! Надъ святыми словами евангелія я до сихъ поръ плачу какъ ребенокъ... Я правды ищу, правды, слышите ли! А гдѣ она?—У васъ въ консисторіи что ли?—въ синодѣ?—у исправниковъ?—у губернаторовъ?—Я Христовой правды ищу, а вы увѣщевать меня хотите!.. Раскольникъ я!.. Да не вы ли Христа раскольникомъ сдѣлали!.. Увѣщевать!—въ чемъ же?—что я сдѣлалъ?—кому зло учинилъ?—какое преступленіе совершилъ? — Развѣ то, что эту подлую, по-вашему, одежду на себя надѣлъ? — За это и исправникъ меня арестовалъ... А вы-то что тутъ, слуга Христовъ?—Вы тоже развѣ исправникъ?.. Развѣ Никодима приводили ко Христу съ солдатами?

Онъ снова остановился, точно его покинули силы. Архіерей въ смущеніи перебиралъ чотки.

— Чего же тебѣ надобно? спросилъ онъ въ нерѣшительности.

— Мнѣ ничего не надо, отвѣчалъ Кравковъ упавшимъ голосомъ:—но вамъ-то что отъ меня нужно?—что нужно имъ?—за что они меня ваяли, за что арестовали какъ убійцу?... Я одного только прошу—отпустите меня, не мучьте.

— Но ты покорись властямъ.

— Какимъ?

— Предержающимъ властямъ... Ему же убо урокъ урокъ, а ему же дань дань...

— Знаю, знаю... Дань-то особенно... Да я-то не податной — я дворянинъ... говорю это съ сожалѣніемъ...

— Все равно... власть... А ему же убо страхъ страхъ...

— Знаю, давно знаю!—Это Его-то святые слова исказили—изъ евангелія сдѣлали уложеніе о наказаніяхъ... О, порожденія ехиднова!

Архіерей позвонилъ. Кравковъ вздрогнулъ и снова какъ бы опомнился.

— Отпустите меня, ваше преосвященство.

Въ кабинетъ съ низкимъ поклономъ вошелъ сѣдой монахъ.

— Отецъ экономъ, обратился къ нему архіерей:—проведи господина капитанъ-лейтенанта въ слѣдственную—впредь до особаго распоряженія.

— О, порожденія ехиднова! тихо бормоталъ Кравковъ, слѣдуя за отцомъ экономомъ.

VIII.

Передъ Шешковскимъ.

Раннимъ утромъ, 13-го ноября 1784 года, въ Петербургъ, черезъ московскую заставу, въѣзжали сани-попешни. По взмысленной и заиндевѣвшей тройкѣ, отъ которой парь шелъ клубами, видно было, что ѣздоки торопили ямскихъ лошадей, и только, когда у шлахбаума подвязывали къ дугѣ колокольчикъ, усталымъ конямъ дали нѣсколько секундъ на передышку. Дѣло ѣздоковъ было, повидимому, спѣшное.

Кто же были эти путники?—Тайной экспедиціи канцелярскій чиновникъ Григорьевъ съ «будущимъ», какъ значилось въ подорожной, на которой сверхъ того чернѣли три крупно написанныя магическія слова: «по высочайшему повелѣнію». Вотъ почему такъ взмыслены ямскія лошади и почему часовой такъ торопливо подвысилъ шлахбаумъ.

А кто были этотъ «будущій» безъ имени! — Конечно Кравковъ. Это онъ сидитъ закутанный въ нагольный арестантскій тулупъ и задумчиво глядитъ на выступающій изъ тумана Петербургъ.

«Вотъ и онъ опять — Вавилонъ новый. Захотѣлось Кравкову выглянуть изъ «прекрасной пустыни» на свѣтъ божій — ну вотъ и гляди, разглядывай, пока тебя изъ тюрьмы въ тюрьму будутъ перевозить».

Замелькали знакомыя петербургскія улицы, мосты, будки, часовые.

«Все-то прячутся, все-то стерегутъ кого-то, точно дикими звѣрями населенъ городъ. Нѣтъ—хуже чѣмъ звѣрями—благородными Чернышевыми, добрыми Шешковскими, Вяземскими».

Подъ визгъ полозьевъ, захватывавшихъ камни мостовой и рѣзавшихъ душу, Кравковъ, казалось, слышалъ, какъ Герасимушка Персидскій тянулъ свою тоскливую мелодію:

Оле бѣдствія на святой Руси,
 Оле лютости по всей землѣ:
 Но глухимъ дебрамъ всѣ свитаемся,
 Отъ звѣрей лютыхъ уязвляемся,
 Всюду бѣднѣн утѣсняемся,
 Изъ отечества изгоняемся.

«Ахъ, если бы можно было вонъ бѣжать изъ этого отечества, туда, къ фіолетовымъ волнамъ, подъ яркое солнце».

Сани остановились у крыльца большого съ колоннами дома.— Приѣхали!—Какъ-то холодно стало на сердцѣ у приѣхавшаго.

«Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка—говорить В. И. Ламанскій въ своемъ изслѣдованіи о Кравковѣ ¹⁾—русское образованное общество,

¹⁾ Памятники новой русской исторіи; томъ I.

къ лучшимъ представителямъ котораго, за исключеніемъ, быть можетъ, балахнинскаго исправника, принадлежали всѣ лица, такъ вдругъ единодушно заинтересовавшіяся личностью Кравкова, — это общество, по крайней мѣрѣ большинство образованнаго дворянства, не отличалось особенной преданностью церкви и православію, считало сотнями въ своихъ рядахъ ревностныхъ масоновъ, иллюминатовъ или усердныхъ поклонниковъ Вольтера, Дидро, д'Аламбера, Гельвеція. Ни въ Нижнемъ, ни въ Петербургѣ особенно, никого тогда не могло удивить, что какой-то русскій дворянинъ, отставной капитанъ-лейтенантъ, съ неуваженіемъ отзывается о русской церкви, не почитаетъ ни таинства ея, ни обрядовъ. Кошунство надъ вѣрою, насмѣшки надъ христіанствомъ были, въ то время у насъ до такой степени въ модѣ, что имъ предавались часто даже люди вѣрующіе, изъ боязни прослыть отсталыми. Въ рѣчахъ Кравкова, такъ вдругъ поразившихъ высокопоставленныхъ лицъ и въ Нижнемъ, и въ Петербургѣ, были высказаны тѣ вольныя мысли о церкви, которыхъ держались и они сами, и огромное множество ихъ друзей и знакомыхъ, и, наконецъ, нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ крестьянъ и купцовъ - раскольниковъ, которыхъ въ то время запрещено было преслѣдовать. Въ простыхъ словахъ Кравкова: «гдѣ хочетъ, тамъ и живеть, и что хочетъ, то и думаетъ», выразились самыя невинныя и естественныя требованія каждаго свободнаго человѣка, самое первое правило начала свободы совѣсти, начала, торжественно провозглашенныя законодательствомъ того времени! Тѣмъ не менѣе, и Ребиндеру въ Нижнемъ, и высшимъ лицамъ въ Петербургѣ мысли Кравкова представляются «зловредными». Подобно балахнинскому исправнику (арестовавшему Кравкова), всѣ они одинаково были поражены не мыслями Кравкова, а тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ возвѣщаль отставной капитанъ-лейтенантъ съ бородой, въ неподобной одеждѣ; что онъ, осуждая греко-россійскую церковь, ея таинства и обряды, въ то же время называлъ себя христіаниномъ, почиталъ Николая Чудотворца. Раскольника-крестьянина не арестовалъ бы и балахнинскій исправникъ; дворянина масона, деиста или атеиста, преспокойно оставили бы въ покоѣ, но дворянинъ раскольникъ былъ явленіемъ до такой степени страннымъ, что не могъ не возбудить къ себѣ сильнаго подозрѣнія и въ балахнинскомъ исправникѣ, и въ исправляющемъ должность генераль-губернатора, и въ князѣ Вяземскомъ, и въ самой императрицѣ Екатеринѣ II. Всѣ они были изумлены этимъ случаемъ не только какъ лица правительственныя, представители государства, но и просто какъ люди образованные, представители русскаго общества второй половины XVIII вѣка».

Какъ бы то ни было, Кравкова въ тотъ же день представили предъ ясныя очи Степана Ивановича Шешковскаго.

Шешковскій — это была замѣчательная личность въ исторіи второй половины прошлаго вѣка. На памятникѣ его, который доселѣ можно видѣть на кладбищѣ Александро-Невской лавры, въ сосѣдствѣ съ памятникомъ фонъ-Визина, сохранилась лаконическая эпитафія: «Служилъ отечеству 56 лѣтъ». Но какъ служилъ!— Должность его была скромная. Онъ титуловался только оберъ-секретаремъ тайной экспедиціи. Но Степана Ивановича боялись не только простые смертные, но даже первые чины имперіи... Попасть въ руки Степана Ивановича—это все равно, что попасть въ волчій капканъ. Подъ рукой, вельможи рассказывали, что Степанъ Ивановичъ такъ привыкъ дѣлать «обыски» и «допросы», что когда ему некого было обыскивать и допрашивать, то онъ обыскивалъ самого себя. Самъ онъ о себѣ говорилъ, что у него «восковое сердце», что злыми языками толковалось такъ, что онъ изъ своего сердца что хотѣлъ, то и дѣлалъ, но оно такъ же нечувствительно было къ чужому горю и къ чужимъ слезамъ, какъ простой кусокъ воску.

Шешковскій встрѣтилъ Кравкова извиненіемъ, что его, можетъ быть напрасно, побеспокоили; но что, по долгу службы, онъ просить господина капитана рассказать ему о себѣ все, «какъ отцу родному». Кравкову человѣкъ этотъ съ «восковымъ сердцемъ» показался добрякомъ, и, перемученный дорогою, разбитый нравственно, съ чувствомъ усталости въ душѣ, онъ дѣйствительно началъ говорить ему «какъ отцу родному». Упавшимъ голосомъ, часто останавливаясь, какъ бы переживая все то, что онъ говорилъ, Кравковъ дѣйствительно рассказалъ ему все, что намъ уже извѣстно—что довело его до рѣшимости порвать связи съ міромъ, глубоко опостылѣвшимъ ему. Рассказалъ и о своей неудачной женитьбѣ, о женѣ, которая надбавила горечи въ тотъ ковшъ горя, который ему пришлось испить.

— Впрочемъ—прибавилъ онъ съ горечью—напрасно я вамъ объ этомъ и сказываю: она, я думаю, уже давно замужемъ. Сказалъ я о ней для того только, что я твердо рѣшился удалиться отъ свѣта и отъ масоновъ, ибо и въ Пензѣ и во Владимірѣ — все масоны, да и графъ Воронцовъ самъ сказывалъ, что онъ масонъ: я де и Чернышова вашего поставилъ масономъ. Я рѣшился искать прямо христіанской жизни, и ушелъ изъ Пензы, продалъ свое платье, одѣлся въ это, и пошелъ въ раскольничьи скиты. Тамъ я и нашелъ людей, прямо живущихъ по закону божію.

Глаза Шешковского, ясные и прозрачные, какъ глаза невиннаго младенца, казалось, выражали сочувствіе къ арестанту, которому видимо надоѣло все то, что онъ долженъ былъ повторять въ десятый разъ, вовсе того не желая.

— Раскольничьи скиты, повторилъ Степанъ Ивановичъ мягко:— но вѣдь тамъ живутъ люди, не имѣющіе никакого просвѣщенія,

наполненные суевѣрствомъ и невѣжествомъ, и самые простые мужики. Кажется бы, по состоянію вашему, отнюдь не прилично по здравому разуму прилѣпляться къ такимъ простякамъ, забывъ свою честь, что вы почтены въ государствѣ.

Кравковъ слабо махнулъ рукой.

— Миѣ ни честь, ни достоинства не нужны, и пріятна ихъ жизнь и обряды въ богопочтеніи. Я почитаю—они основаны на истинѣ священнаго писанія, а посему я ихъ и считаю настоящими христіанами.

Глаза Степана Ивановича встрѣтились съ глазами, сидѣвшаго въ сторонѣ, у окна, какого-то старичка и что-то строчившаго. Старичекъ понялъ этотъ взглядъ и сталъ строчить еще усерднѣе.

— Но вѣдь эти люди, продолжалъ онъ еще болѣе мягко, наполнены суевѣрствомъ и невѣжествомъ, то кажется ни какъ не совмѣстно и не прилично вамъ быть въ ихъ сообществѣ, а надлежитъ, оставя такое заблужденіе, искать, по состоянію вашему, лучшей участи и уклониться отъ ихъ прелестнаго ученія.

Кравковъ сдѣлалъ нетерпѣливый знакъ. Все это такъ ему надоѣло!—а этотъ еще повторяетъ одно и то же—«не совмѣстно, не прилично!»

— Я ничего не хочу! рванулся онъ было съ мѣста, но остановился.—Одинъ рабъ двумъ господамъ служить не можетъ... Бороды брить, другого платья носить и лучшей участи имѣть я не желаю, а только прошу отпустить меня за границу.

— За границу? Степанъ Ивановичъ насторожилъ уши.

— Да, за границу.

— Что же вы тамъ будете дѣлать?

— Тамъ дѣла больше чѣмъ здѣсь.

Степанъ Ивановичъ опять глянулъ на строчащаго старичка, какъ бы говоря глазами: «строчи, строчи—ничего не мочи пропустить».

— Гмъ—дѣла больше чѣмъ у насъ... А въ какомъ мѣстѣ?

— Ужъ я тамъ выберу себѣ мѣсто, какое Богъ назначить.

— Такъ-съ, отлично... А дѣлать-то что будете?

— Работать, читать...

— И читать?

— Да, и читать.

— А что бы такое, позвольте спросить?

— Философовъ, Руссо—да мало ли кого!

— Такъ, такъ, отлично—и философовъ, и Руссо... Раскольники и Руссо—это что-то не вяжется, господинъ капитанъ-лейтенантъ... Суевѣрство..!

Кравковъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Что вамъ дались раскольники! замѣтилъ онъ. — Эти люди, живущіе въ лѣсахъ, какъ затравленные звѣри, упражняются въ богомоліи и въ трудахъ, да они-жъ бѣдные, и подати платятъ.

— А много ихъ тамъ? любопытствовалъ Степанъ Ивановичъ.

— Въ томъ скиту, отвѣчалъ Кравковъ,—гдѣ я былъ, живетъ человекъ сто-другое мужчинъ, да сотъ до пяти женщинъ, и старухи—всѣ трудятся въ работахъ, и подати платять.

— Да они и должны платить, возразилъ Шешковскій,—ибо они имѣютъ земли и промыслы.

— Да земля-то вѣдь божья, съ своей стороны возразилъ русскій социалистъ прошлаго вѣка:—а Богъ не велѣлъ никому никакого насилья дѣлать, ибо Онъ сотворилъ всѣхъ равными.

«Ого-го!» казалось, говорили глаза Степана Ивановича, обращенные къ пишущему старичку:—«слышите? Смекаете?—Это пугачовщиной пахнетъ»...

Но онъ этого не высказалъ, а сдѣлался еще любезнѣе.

— Ахъ, государь мой, началъ онъ снова:—какъ вамъ не стыдно, имѣвши чинъ, и притомъ штабъ-офицерской, быть такъ упряму противъ установленнаго въ государствѣ порядка и защищать такихъ людей, которые, живучи въ правдоности, подъ видомъ ложной святости, стараются своими хитростями вовлекать людей въ свои пагубныя сѣти, что самое случилось и съ вами.

Терпѣніе Кравкова, наконецъ, лопнуло.. «Чего имъ отъ меня нужно? Что я имъ сдѣлалъ!» Онъ уже начиналъ чувствовать, что пропала его свобода, что паутина, въ которой онъ очутился, запутывала его все больше и больше... «Прощай свобода! прощайте, голубыя моря!»

— Такъ какъ же-съ, государь мой? стоялъ надъ душой страшный паукъ, въ образѣ «добраго друга».

— Какъ!—Да ежели я сдѣлалъ какое зло, съ отчаяньемъ заговорилъ арестантъ,—то въ вашей волѣ—можете меня мучить, бить, или живота лишить. Я на все готовъ. Только души у меня отнять никто не можетъ. Буде же хотите—судите меня воинскимъ судомъ. Хоть сжечь велите—только я отъ своего намѣренія не отступлю!

Степанъ Ивановичъ пожалъ плечами, какъ бы сожалѣя «оподлившагося» дворянина.

— Никто васъ мучить не будетъ, снисходительно замѣтилъ онъ,—да и нѣтъ нужды.

— Такъ что же вамъ отъ меня нужно?

Степанъ Ивановичъ какъ-то странно улыбнулся.

— Можно думать, сказалъ онъ, продолжая улыбаться,—что вы столь упорствуете для того, что васъ старички послали посланникомъ за нихъ пострадать и для того вамъ въ напутствіе дали образъ святителя Николая...

— Это благословеніе матери, нетерпѣливо перебилъ его Кравковъ.

— Положимъ... Но старички весьма ошиблись, продолжалъ болѣе серьезно Шешковскій:—нынѣ, по власти божіей и по милости всемилостивѣйшей государыни, наша вѣра христіанская соблюдается

отъ всѣхъ по самому евангелію и преданіямъ святыхъ отецъ. А люди эти, держащіеся стараго обряда, достойны сожалѣнія, ибо отчуждаются церкви Христовой по однимъ только обрядамъ. Впрочемъ, они также христіане, почему и васъ, кажется, мучить нужды настоять не будетъ, а только требуется отъ васъ, по общимъ государственнымъ законамъ, повиновеніе, какъ отъ свѣдущаго по службѣ чловѣка и заслужившаго штабъ-офицерскій чинъ.

На всю эту рѣчь Кравковъ ничего не отвѣчалъ. Такъ опротивѣли ему эти казенныя, лицемерныя рѣчи людей, которые сами ни во что не вѣрили, даже въ чловѣческую честность.

— Какъ же, государь мой?

Кравковъ все молчитъ. Только губы его нервно вздрагиваютъ.

— А?—согласны, мой добрый другъ?

Опять молчаніе. Слышится только тяжелый сдержанный вздохъ.

— А?—скажите же, государь мой.

— Я уже болѣе говорить не буду, отвѣчалъ Кравковъ не поднимая головы.—Я все сказалъ... Отпустите меня за границу—вѣдь другихъ отпускаютъ.

— Конечно... только...

— Ну, а если нельзя—пошлите на каторгу, тамъ я буду работать, или отошлите въ острогъ—я и тамъ трудиться буду. А здѣсь я запертъ и живу въ праздности.

Шенковскій сталъ ходить по комнатамъ и что-то соображать.

— Хорошо, сказалъ онъ, а потомъ, обращаясь къ строчившему старичку, спросилъ:—готово?

— Готово-съ, ваше превосходительство.

— Литерально?

— Литерально-съ, ваше превосходительство.

Затѣмъ Шенковскій обратился опять къ Кравкову.

— Теперь неудобно ли вамъ, государь мой, руку приложить, указавъ онъ на бумагу, поданную ему старичкомъ.

— Къ чему! нетерпѣливо отвѣчалъ арестантъ.

— А къ вашимъ показаніямъ.

— Зачѣмъ это?

— Такъ заведено-съ—порядокъ, государь мой.

— Не стану я руку прикладывать!—Дѣлайте что хотите!—Я вѣдь ужъ забылъ и писать...

Кравковъ задыхался. Онъ видѣлъ, что его уже сдѣлали государственнымъ преступникомъ.

— Я не хочу писать!—не хочу самъ затягивать свою петлю! повторялъ онъ, пятась къ порогу:—я разучился писать!

— Полноте-съ... А Руссо, а философы?

— Пустите меня!—у васъ и говорить разучишься... Я совсѣмъ перестану говорить... Для васъ слово божье, рѣчь—и то уже преступленіе... Дѣлайте со мной что хотите!

— Такъ не подпишете?

— Нѣтъ!

— Напрасно-съ—только время сами ватягиваете... А впрочемъ— все равно... На этотъ разъ можете идти...

Онъ хлопнулъ въ ладоши. Въ дверяхъ показались солдаты съ ружьями.

— Проводите господина капитанъ-лейтенанта... До свиданья, государь мой... Подумайте на свободѣ.

Кравковъ вышелъ, не произнеся болѣе ни одного слова.

Онъ сдержалъ слово, данное Шешковскому: до 11-го генваря 1785 года онъ не произнесъ ни одного слова. Онъ не говорилъ даже съ караульными солдатами. Онъ сдѣлался молчальникомъ. «Слово, рѣчь—уже и это преступленіе»...

11 генваря, Кравковъ заговорилъ вотъ по какому случаю. Въ этотъ день у князя Вяземскаго былъ парадный обѣдъ по поводу одной радости, выпавшей на долю князя наканунѣ. 10-го генваря, Вяземскій, по должности генералъ-прокурора, докладывалъ императрицѣ вѣдомость о политическихъ преступникахъ, содержащихся въ крѣпостяхъ.

— А что дворянинъ-старовѣръ Кравковъ? спросила Екатерина.

— Продолжаетъ упорствовать, ваше величество.

— Какъ упорствовать?

— Все молчить, государыня.

— То-есть—какъ же молчить?

— Не произносить ни единого слова вотъ уже который мѣсяцъ: ни на допросы не отвѣчаетъ, ни даже съ караульными не говорить.

— Какъ же?—съ чего же это?

— Да послѣ перваго допроса, ваше величество: — велѣли ему руку приложить къ его показаніямъ, такъ не захотѣлъ—уперся—говорить: «совсѣмъ перестану говорить, ибо-де у насъ, въ Россіи, простое слово божіе, рѣчь—и то уже преступленіе».

— Такъ и сказалъ?

— Такъ и сказалъ, государыня.

Краска не то негодованія, не то стыда, такъ и залила все лицо Екатерины.

— Каково!.. это все вы своимъ неумѣньемъ обращаетесь съ преступниками, своєю жестокостью доводите ихъ до того, что они говорятъ—и въ правѣ говорить, что въ Россіи—простое слово божіе, рѣчь—и то уже преступленіе!.. А!—что скажутъ обо мнѣ въ Европѣ!—что я людоедка?—что мнѣ мои подданные боятся говорить правду?.. Какая-де въ Россіи свобода!—только на словахъ...

Князь Вяземскій стоялъ блѣдный, потерянный. Храповицкій, присутствовавшій тутъ же, весь красный, утиралъ фуляромъ потъ, каплями выступавшій на лбу, на щекахъ и даже подъ косою.

— Что-жъ вы ихъ—пытаете что-ли! продолжала императрица:— морите голодомъ?— И это въ мое-то царствованіе, когда я торжественно, передъ всею Европой, провозгласила уничтоженіе пытокъ, всякихъ насилій надъ подданными, даже преступными! когда я хочу только милости и милости!— когда я хочу быть только ихъ матерью!.. А!—слово въ Россіи—преступленіе! И это говорить не мужикъ, а просвѣщенный человѣкъ, выдавшій Европу!— Вотъ до чего вы довели моихъ подданныхъ вашею жестокостію...

Совсѣмъ уничтоженный, князь Вяземскій умолялъ объ отставкѣ... Храповицкій, нагнувшись надъ какою-то бумагою, которую онъ переписывалъ, весь смущенный, прикладывалъ къ этой бумагѣ фуляръ, силясь что-то вытереть.

При видѣ его смѣшной фигуры, императрица вдругъ улыбнулась.

— Что закапалъ потомъ «Обманщика»?

— Ненарокомъ, ваше величество,—простите, бормоталъ онъ:— вспотѣлъ нечаянно.

— Самъ же перепишешь...

— Перепишу, государыня,—вспотѣлъ...

— Вспотѣлъ въ чужой банѣ.

Гнѣвъ императрицы окончательно прошелъ. Она взглянула на Вяземскаго.

— Ты просишь отставки?

— Не гожусь я, ваше императорское величество,— увольте—негожусь.

Екатерина милостиво положила ему на плечо руку.

— Только ты одинъ и годишься, ласково пояснила она:— ни изъ князей Голицыныхъ, ни изъ Долгоруковыхъ нельзя сдѣлать генераль-прокурора. А ты—мой ученикъ, я тебя сама формировала, и сколько я за тебя выдержала:— всѣ называли тебя дуракомъ¹⁾.

Вяземскій, упавъ на колѣни, цѣловалъ край платья императрицы и плакалъ.

— Матушка!.. великая, великая! бормоталъ онъ безсвязно.

Эта-то неожиданная нахлобучка, а потомъ милостивое признаніе, что онъ не дуракъ, дало Вяземскому поводъ устроить званый обѣдъ для друзей. А такъ-какъ причиною нахлобучки былъ Кравковъ, то генераль-прокуроръ въ тотъ же день рѣшился быть какъ можно мягче и снисходительнѣе къ своимъ арестантамъ, а въ особенности къ Кравкову. 11-го же генваря онъ велѣлъ отнести своему арестанту обѣдъ со своего стола. Этотъ-то обѣдъ и заставилъ Кравкова говорить. Узнавъ, что это обѣдъ отъ Вяземскаго и вспоминая, сколько времени они его мучаютъ напрасно, Кравковъ не могъ

¹⁾ «Дневн. Храповицк.» изд. Барсукова, стр. 4, 279, 323.

подавить припадка вспышки и сказалъ караульнымъ принесшимъ обѣдъ: «отдайте его собакамъ».

Вечеромъ, когда ему принесли и ужинъ съ княжескаго стола, послѣдовала та же исторія. Этотъ княжескій ужинъ Кравковъ выбросилъ въ тотъ сосудъ, который арестанты называютъ «чига-нашкой».

— Скажите Шешковскому, обратится онъ при этомъ къ караульнымъ:—если со мною ничего не сдѣлаютъ и станутъ меня еще здѣсь держать, то вѣдь руки у меня не скованы,—я самъ что нибудъ надъ собою сдѣлаю.

Это такъ напугало Вяземскаго, что онъ тотчасъ же поскакалъ къ митрополиту Гаврилу.

— Ваше высокопреосвященство! помогите, молилъ онъ митрополита.

— Въ чемъ дѣло, сіятельнѣйшій князь?

— Государыня думаетъ, что я жестоко обращаюсь съ моими арестантами и не умѣю ихъ направить на путь истины. А мнѣ вотъ на шею посадили раскольника дворянина, такого, что Вольтера да Руссо читаетъ и въ скитахъ жилъ. Какъ мнѣ съ нимъ сладить насчетъ вѣры!—Позвольте мнѣ его къ вамъ прислать, ваше высокопреосвященство.

— Хорошо, пришлите.

IX.

Передъ княземъ Вяземскимъ.

Въ чемъ состояло объясненіе митрополита съ Кравковымъ, какъ они поняли другъ друга—изъ дѣла неизвѣстно. Но несомнѣнно, что митрополитъ не возбудилъ въ странномъ раскольникѣ того глубокаго презрѣнія, какое возбудили въ немъ и архіерей нижегородскій, и Ребиндеръ, и Шешковскій, и Вяземскій. Оно и не удивительно: митрополитъ Гавриилъ былъ умнѣе всѣхъ ихъ и богѣе всѣхъ понималъ душу человѣческую. Не даромъ Екатерина особенно уважала этого іерарха, посвятила ему даже своего «Велисарія» и всегда называла его «мужемъ острымъ и резонабельнымъ». Этотъ же митрополитъ, глубоко возмущаясь стариннымъ обычаемъ, въ силу котораго провинившихся священниковъ сѣкли какъ Сидорову козу, исходатайствовалъ у правительства указъ объ уничтоженіи этого гнуснаго обычая-закона.

Какъ отнесся митрополитъ къ воззрѣніямъ Кравкова, можно отчасти судить по письму его къ князю Вяземскому, по поводу того же Кравкова.

«Сіятельныйшіи князь Александръ Алексѣевичъ, милостивый государь!—писалъ онъ.—Присланный отъ вашего сіятельства ко мнѣ флота капитанъ 2-го ранга Евдокимъ Кравковъ многократно былъ увѣщываемъ, но остался въ прежнихъ мысляхъ. Онъ приверженъ къ толку старообрядцевъ, называемому поповщиною, но при всей той приверженности имѣеть мнѣнія и раскольниками нетерпимыя. Его отзывы и разсужденія показываютъ человѣка разстроенныхъ мыслей. А какъ въ такое состояніе приведенъ онъ печальными обстоятельствами и причиною того почитаетъ другихъ, то происшедшее отъ сего въ немъ негодованіе производитъ недовѣрчивость, отвращеніе и упорство. Исправить его, кромѣ снисхожденія, не можно. Онъ чрезъ время, увидѣвши не то, что нынѣ заключаетъ, можетъ смягчиться въ своемъ упорствѣ. Я его съ симъ къ вашему сіятельству препровождаю».

«Снисхожденіе», только «снисхожденіе». Но этого государственные умники никакъ не могли понять. Имъ хотѣлось непременно переубѣдить человѣка, который былъ умнѣ ихъ и притомъ же доведенъ до крайняго нервнаго возбужденія, благодаря все тѣмъ же умникамъ.

— Что дворянинъ-старовѣръ? снова спросила императрица Вяземскаго черезъ нѣсколько дней.

— Послѣ увѣщанія митрополита, ваше величество, спокойнѣе стало.

— А касательно мыслей?

— Упорствуетъ, государыня.

— А что митрополитъ сказалъ?

— Митрополитъ, государыня, пишетъ, что исправить его, кромѣ снисхожденія, ничѣмъ не можно.

— Снисхожденіе! живо заговорила императрица:—слышите что говорить умный человѣкъ?—а? слышите?

И Вяземскій, и Храповицкій, тутъ же занимавшійся «перлюстраціей», вытянулись.

— Точно, государыня, процѣдилъ первый.

— Снисхожденіе... милость, поддакивалъ второй.

— Да—милость—только милость, а не строгость править міромъ, горячо сказала императрица:—вспомните—неразумный сынъ премудраго и милостиваго Соломона чрезъ свою строгость царства лишился.. Это зато, что онъ наказывалъ подданныхъ скорпіями..

— А князь кормитъ Кравкова устрицами, матушка.

Екатерина невольно улыбнулась. Это говорилъ Нарышкинъ Левъ, показавшись на порогѣ внутреннихъ покоевъ. На плечѣ у него было полотенце.

— Устрицами?

— Точно, матушка.

— Не устрицами, государыня, а точно отъ своего стола посылашь, оправдывался Вяземскій.

Императрица замѣтила полотенце на плечѣ у своего друга «Левушки».

— Это что у тебя за полотенце? улыбнулась она.

— Да вотъ покой твой убиралъ, матушка, невозмутимо отвѣчалъ Нарышкинъ.

— А Захаръ что же?

— Не хочетъ.

— Какъ не хочетъ!

— Такъ и не хочетъ—сердѣтся на тебя, матушка.

— За что еще?

— Да говорить—государыня всю прислугу избаловала:—сама изволить печи топить, а прислуга дрыхнетъ... Такъ, говорить, житья не будетъ во дворцѣ.

Екатерина засмѣялась.

— Это правда—я немножко виновата передъ Захаромъ:—сегодня утромъ я проснулась раньше обыкновеннаго—дѣла было много и показалось мнѣ холодно... Я пожалѣла прислугу—и не разбудила, да сама и растопила дрова... Нечего дѣлать—надо просить прощенія у Захара Константиновича.

Императрица видимо была довольна этой невинной, но ловкой шуткой своего «Левушки». Этотъ «Левушка» при помощи своихъ дурачествъ умѣлъ необыкновенно искусно льстить. Хитрый царедворецъ, прикидывавшійся повѣсой, больше всѣхъ зналъ слабость императрицы къ популярности—и всегда умѣлъ ловко угодить этой слабости. Онъ такъ поступилъ и въ данномъ случаѣ: рѣчь шла о снисхожденіи, о милости, объ умѣ и добротѣ Соломона; «Левушка» все это слышалъ изъ сосѣдней комнаты—и явился съ полотенцемъ на плечѣ, чтобъ «насмѣшить свою матушку»...

— Такъ устрицами, князь, кормишь Кравкова, а не скорпіями? продолжала шутить матушка.

— Стараюсь, государыня.

И онъ дѣйствительно постарался.

Въ тотъ же день онъ велѣлъ привести Кравкова въ присутствіе тайной экспедиціи, гдѣ, конечно, былъ и неизбѣжный Шешковскій. Послѣдній былъ не въ духѣ, узнавъ, что императрица не одобряетъ ихъ жестокаго обращенія съ арестантами.

«Сама печи топить, прислугу жалѣючи, а мы вонъ якобы мучимъ нашихъ молодцовъ, бормоталъ онъ, расхаживая маленькими шажками по присутствію:—что жъ намъ ручки что-ли у нихъ цѣловать, когда они упорствуютъ?.. Устрицами Кравкова кормишь, скорпіями... Да онъ, подлецъ, и стоитъ скорпиевъ—эдакій кремень... Устрицами... А все этотъ Левка наушникъ—все онъ переносить, шпынь проклятый... Совсѣмъ избаловали арестантовъ:—пытать,

слышь, не могли... Да чѣмъ его, подлеца, кромѣ дыбы проймешь?— Эхъ то-то времячко было, то-то лафа была Андрею Иванычу Ушакову, когда у него подъ руками и застѣнокъ, и дыбушка-матушка, и эдакія равныя плеточки—сразу все выпытають... А мы вотъ въ сухомытку допрашивай—не смѣй и посѣчь»...

Вошелъ Кравковъ. Онъ много измѣнился за послѣднее время, постарѣлъ, посѣдѣлъ, хотъ ему едва только минуло сорокъ лѣтъ.

— А! Господиже капитанъ-лейтенантъ: сколько лѣтъ, сколько анимъ! дружески подошелъ къ нему Степанъ Ивановичъ.

— Какъ ваше здоровье, господинъ капитанъ? спросилъ Вяземскій, кивая головой:—сама всемиловѣйшая государыня интересуется вашимъ дѣломъ.

— Благодарю—я здоровъ, былъ короткій отвѣтъ.

— Очень радъ... Ну, а какъ на счетъ вашего рѣшенія?

— Какого рѣшенія?

— На счетъ то-есть мыслей въ разсужденіи религіи?

— Мои мысли на этотъ счетъ извѣстны его высокопреосвященству.

— Все это такъ-съ... Его высокопреосвященство, конечно, смотритъ со стороны догматики, а мы—согласитесь—должны относиться къ дѣлу съ государственной точки зрѣнія.

— Со стороны такъ сказать гражданской, пояснилъ Шешковскій.

— И шляхетской, добавилъ князь Вяземскій.

— Въ разсужденіи бороды и платья, еще яснѣе опредѣлил Шешковскій.

— А также и въ разсужденіи раскола.

Кравковъ молчалъ.

— Какъ же, капитанъ? — не бросили вы вашихъ бредней? не вытерпѣлъ Шешковскій.

— Какихъ бредней? спросилъ Кравковъ.

— Ахъ, капитанъ! да неужели вы сами не понимаете, сколь для васъ постыдно, заслуживши чинъ штабъ-офицерской, войти въ такое заблужденіе, которому слѣдуютъ люди, не имѣвшіе никогда никакого просвѣщенія, удалиться отъ общества и тѣмъ паче оставить святую церковь, всѣ ея преданія, и вѣрить такимъ людямъ, которые не только никакого понятія, въ чемъ они сомнѣваются, не имѣютъ, но что и сами, по глупости своей, истинно полагаютъ, то и тому правдоподобнаго доказательства дать не могутъ.

— Но вѣдь я же это слышалъ!—Что вамъ до меня!

— Намъ васъ жаль.

— Такъ отпустите меня.

— Куда?—въ скиты?

— Да хотъ гдѣ-нибудь дайте спокойно умереть.

— Зачѣмъ умирать?

— Ну, уйти отъ всѣхъ, отъ этой горькой жизни — забьтсья...

— Чтожь! если вы хотите посвятить себя на службу Богу и удалиться отъ суеты...

Кравковъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, но смолчалъ.

— Что жь!—вы можете избрать мѣсто, по желанію вашему, въ монастырѣ, гдѣ быть вамъ не только не постыдно, но и полезно бы было для васъ, и притомъ, надѣюсь, на сіе бы и всемилостивѣйшая государыня изъявить изволила свое благоволеніе.

Говоря это, князь Вяземскій невольно вспомнилъ: «а всѣ тебя считали дуракомъ.. кто же это всѣ? а?—ужь не Левка ли Нарышкинъ наушникъ, шпынь и лъстець»...

— Ну такъ какъ же? снова обратился онъ къ арестанту.

— Устрицы... все только устрицы... скорпіи бы, пробормоталъ про себя Шешковскій:—ахъ Андрей Иванычъ!..

Вяземскій старался не слышать его словъ; онъ рѣшился до конца быть мягкимъ.

— А?—что же вы на это скажете, мой другъ?—въ разсужденіи монастыря...

— Помилуйте! не выдержалъ арестантъ:—что вамъ до меня нужда!—Богъ насильно никого къ спасенію призывать не велѣлъ, а открылъ путь всякому, кто какъ желаетъ спастись... Что вамъ до меня?—Какъ я о величій божій мыслю и ищу спасенія—звать никто не можетъ.

«Ахъ! — думалъ онъ при этомъ:—какъ умнѣе всѣхъ ихъ Никита Петровичъ — простой мужикъ... А вѣдь эти государствомъ правятъ».

— Зѣчѣмъ вы хотите меня непремѣнно въ монастырь засадить?

— Не мы—продолжалъ пилить Вяземскій, стараясь оправдать довѣріе государыни, что онъ не дуракъ: — не мы, но самъ Богъ, чрезъ посредство постановленныхъ пастырей церкви Христовой, которымъ Онъ ввѣрилъ самъ, по словеси своему, пасти стадо, призываетъ васъ къ истинному богопознанію. Положимъ, что вы конечно вѣруете въ Бога, чаете себѣ спасенія, но равнымъ образомъ и всякій христіанинъ того же желаетъ и ищетъ того по своему состоянію. Всякій исполняетъ всѣ обязанности, налагаемыя закономъ и вѣрою, и церковь святую почитаетъ матерью своею, всѣ ея преданія, установленныя отъ Христа, и преданія святыхъ отецъ по возможности исполняетъ; а вы совсѣмъ отчуждились отъ церкви и ее оставили. Повѣрьте, если бы сіе не было прискорбно и вы не были бы достойны сожалѣнія въ разсужденіи такихъ странныхъ кроющихся въ васъ воображеній, то конечно бы по напрасну не стали бы принуждать васъ къ присоединенію къ церкви Христовой, страшась, дабы не отдать отвѣта Богу, что объ васъ не старались или мало о обращеніи вашемъ попеченія имѣли, тѣмъ болѣе что и всемилостивѣйшей государынѣ весьма сіе угодно, ибо она, аки мать, о чадахъ своихъ печется, но видитъ своего подданнаго,

паднаго въ такое заблужденіе. И для того мы (онъ взглянулъ на Шешковскаго, который нетерпѣливо шуршалъ бумагой) — мы, будучи обязаны вѣрностію къ самодержицѣ своей, должны о васъ имѣть сожалѣніе и, сколь возможно, привести къ познанію истины.

Вся эта проповѣдь, дышущая грубѣйшимъ матеріализмомъ, — полная кощунства надъ вѣрою и ученіемъ евангельскимъ, терзала и мучила Кравкова, стоила ему всякой пытки.

Онъ глубоко поникъ головою. Упавшія на колѣни руки сжались съ такою силою, что кости хрустнули.

— Такъ какъ же? — ясны для васъ мои доводы? продолжалъ пелить Вяземскій.

Кравковъ всталъ, но голова его оставалась опущенною на грудь.

— Я родился во тьмѣ — тихо сказалъ онъ — хочу такъ же и умереть... Я не знаю, что кому нужды имѣть обо мнѣ попеченіе... Я ни отъ кого ничего не требую и не желаю, ни о чемъ никого не просилъ и не прошу... Если же я сдѣлалъ что противное закону, то вы вольны меня разжаловать, наказать по законамъ и хотя лишить жизни.

— Зачѣмъ же! помилуйте!

Кравковъ махнулъ рукой и быстро вышелъ изъ присутствія.

«Трудно иногда представить себѣ — говорить по этому случаю г. Ламанскій — до какого уродства и безобразія способны доходить люди въ своемъ безвѣрїи и индеферентизмѣ, когда по какимъ нибудь внѣшнимъ расчетамъ и соображеніямъ считаютъ себя призванными являться защитниками вѣры, христіанства, ученія любви и свободы, не только не нуждающагося въ ихъ покровительствѣ, но еще оскверняемаго ими въ своей святынѣ! Кто хлопочетъ объ обращеніи Кравкова? Князь Вяземскій, низкой души человекъ, нечестный гражданинъ, грязный въ своей семейной жизни! О нравственности и крѣпости христіанскихъ убѣжденій Шешковскаго и другихъ нечего и упоминать».

X.

«Матерьяя революція».

Послѣ этихъ неудачныхъ увѣщаній, Кравкова оставили на время въ покоѣ. Дни проходили за днями, а ни къ нему никто изъ властей не заглядывалъ, ни къ себѣ его не призывали. Казалось, что объ немъ всѣ забыли. Но тѣмъ сильнѣе въ немъ заговорила память прошлаго.

О томъ, далеко, свѣтломъ прошломъ, когда передъ нимъ заманчивой панорамой разстилалось таинственное, но полное иллю-

вѣй будущее, когда во власти его, казалось, находились цѣлыя моря и океаны съ невѣдомыми странами и народами, когда онъ самъ бороздилъ эти моря и рвался въ новыя, невиданныя страны и когда впереди, среди этихъ грезъ и дѣйствительности, вставалъ свѣтлый образъ навѣки погибшаго друга, — объ этомъ далеко въ прошломъ онъ даже и не вспоминалъ, потому что не могъ реально представить его себѣ. Ему теперь казалось, что этой полосы въ его жизни совсѣмъ даже не было, что все это пронеслось въ волшебномъ снѣ, въ молодыхъ грезахъ. Онъ даже не могъ теперь представить себя тѣмъ Кравковымъ, какимъ онъ былъ когда-то въ этихъ разлетѣвшихся грезахъ, въ этихъ «соніяхъ», пробужденіе отъ которыхъ было такое страшное. Развѣ это онъ, вотъ этотъ одинокій Кравковъ, плылъ тогда на фрегатѣ отъ кавказскаго берега къ Крыму, къ Кафѣ, и рассказывалъ молодымъ офицерамъ Павлюку и Шастову о своихъ далекихъ плаваніяхъ? Да развѣ это онъ плавалъ? — Развѣ онъ восторженно молился сѣдому океану и плакалъ отъ умиленія?.. Нѣтъ, это былъ кто-то другой, а не онъ... Да, этого прошлаго не было — оно было только во снѣ... И та, когда-то свѣжая, а теперь уже почти забытая могила на берегу Оки, и та, которая лежала въ этой могилѣ, и ея соломенная шляпка на столѣ, и одна перчатка, и то послѣднее письмо — «отдай мнѣ его, сине море», — все это было во снѣ...

Но у него осталось еще и другое прошлое, близкое — и вотъ объ немъ онъ теперь вспоминалъ какъ о чемъ-то недостижимомъ.

Обширная луговая поляна залита лучами утренняго солнца. Съ одной стороны ее окаймляетъ зеленый лѣсъ, звенящій голосами птицъ, съ другой — ровные, плоскіе берега Иргиза, а дальше — безконечная степь, что раскинулась вширь отъ Волги вплоть до Яика-Урала. Изъ-за лѣсу блеститъ на солнцѣ золоченый крестъ скитской церкви. Въ прозрачной синевѣ кружатся голуби. А здѣсь, на полянѣ, кипитъ работа. Отъ самаго лѣсу вытянулся строй косарей, человѣкъ до ста, и, широко размахивая косами, эта длинная лавя косцовъ медленно двигается впередъ, шаркая острыми косами по зеленой травѣ, убранный всевозможными цвѣтами. Высокая, сочная трава такъ и разстилается, такъ и падаетъ ницъ передъ этими витязями. А витязи эти — скитскіе «старцы» — косари, большею частью народъ молодой, здоровый. А противъ этой длинной лавы «старцевъ» идетъ другая, еще болѣе длинная лавя «старицъ» — все это бабы молодыя, сильныя. «Старицы» идутъ лавою косцовъ въ двѣсти. Косы сверкаютъ на солнцѣ какъ алмазныя полосы.

— Вонъ какъ старица Платонида забираетъ впереди всѣхъ, словно лебедь плыветъ.

— Ужъ и мастерица же косить! двухъ мужиковъ за поясъ заткнетъ.

— Вонъ какую широкую полосу гонить — богатырь старица!

— Одно слово, по писанію—«широковидная».

— Да и сестра Виринея шибко рѣжетъ.

— А нашъ-отъ старецъ Вавила, гляньте, какимъ козыремъ идетъ.

— Словно Самсонъ на филистимлягъ.

Обѣ лавы косарей все ближе и ближе сдвигаются. Уже небольшая полоса нескошенной травы раздѣляетъ мужскую лаву отъ женской. Сестра Платонида и старецъ Вавила первые прорѣзали свои полосы до конца, и остановились, красные, разгорѣвшіеся.

— Богъ въ помощь, матушка Платонидушка.

— Спасибо на божьемъ словѣ, Вавилушка братецъ.

Косцы вынимаютъ изъ-за голенищъ деревянныя лопатки и шаркаютъ ими о притупившіяся косы. Наближаются и другіе косцы—лава къ лавѣ.

А Кравковъ вмѣстѣ съ Герасимушкой и Саватѣюшкою Персидскими идутъ за лавами косцовъ и собираютъ въ плетешки перепелиныя яйца: послѣ скошенной травы перепелиныя гнѣзда открываются то тамъ, то здѣсь, и Кравковъ съ своими молодыми друзьями собираетъ сѣренькія, пятнистыя яички, потому что все равно ихъ сороки повышываютъ. Вонъ они, долгохвостыя, такъ и выютъ надъ скошенными полосами, ища легкой добычи. А изъ этихъ перепелиныхъ яичекъ какія вкусныя яичницы готовятъ въ скитахъ!

Первая полоса скошена. Косы притупились. Косцы собираются у «стана» и, усѣвшись кругами на землѣ, начинаютъ «отбивать» небольшими молотками, на такихъ же небольшихъ наковальняхъ притупившіяся лезвья косъ. Звонъ раздается по всей полянѣ, и эхо его повторяется въ лѣсу по ту сторону Иргива.

Передохнувъ, идутъ косить вторую полосу. А тамъ, вскорѣ и копыны готовы—вся поляна такъ и усѣяна копынами. Тутъ ужъ «копнуть» сѣно—это бабѣ дѣло: на такое дѣло сестры большія мастерицы.

А тамъ, глядишь, и ржи и пшеницы стали созрѣвать. Новая работа всему скитскому населенію, и такъ почти круглый годъ: уборка, молотба, помолы на скитской мельницѣ. А тутъ же и возка арбузовъ и дынь съ бахчей, соленье и квашенье тѣхъ и другихъ на зиму... Горы огурцовъ, капусты...

Проходитъ лѣто. Наступаютъ осенніе заморозки — «звонкая осень», когда шибко укутанная и промерзшая дорога звенить на зарѣ подъ кованными колесами. Но снѣгу еще нѣтъ, ибо заволжская осень суха и ясна. Озеро уже подернуто тонкимъ, прозрачнымъ какъ стекло льдомъ. Ледъ дѣлается все толще и толще. Раннимъ утромъ Кравковъ отправляется съ юными Персидскими «глушить» рыбу по замерзшимъ берегамъ Калача, особенно по ту сторону озера, въ приглубыхъ заливахъ и въ длинныхъ «куткахъ»,

по берегамъ поросшихъ рѣзучею осокою. Въ рукахъ у нихъ «чекмари»—длинные палки съ круглыми въ кулакѣ наконечниками изъ корня того же дерева, изъ котораго сдѣланъ «чекмарь». Ледъ такъ еще тонокъ, что Кравковъ и его юные друзья ложатся на животы и ползкомъ перебираются на ту сторону Калача. Сквозь прозрачный ледъ видно далеко въ глубину—вода какъ хрусталь чиста: въ глубинѣ видны плавающія рыбы. По мѣрѣ движенія охотниковъ по льду, онъ гнется, трещить—вотъ-вотъ проломится; но они ползутъ осторожно. Вотъ они и переползли—идутъ вдоль берега. Здѣсь вода еще прозрачнѣе. Видно дно озера какъ на ладони—и пріютившаяся подъ водою травка, и, заснувшая на зиму, зеленая лягушка, уткнувшаяся носомъ въ какую-нибудь ямочку. Они идутъ тихо, чуть скользятъ по зеркальной поверхности. Вонъ подбилась къ подводной травкѣ щука и стоитъ неподвижно, только гибкій хвостъ ея немного шевелится. Кравковъ поднимаетъ высоко надъ головою «чекмарь» и со всего размаху бьетъ имъ по льду какъ разъ противъ головы щуки. Ударъ оглушаетъ ее—она вертится на мѣстѣ. Еще ударъ, и еще—и хищная рыба опрокидывается пластомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ ударили «чекмаремъ», во льду образовалась чудная, всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ звѣзда. Кравковъ еще сильнѣе бьетъ по льду «чекмаремъ»—и ледъ пробить. Въ отверстіе засовывается рука—и щука вытаскивается на поверхность. А тамъ Герасимушка «глушить» огромнаго караса, Саватѣюшка ни какъ не можетъ заглушить жирнаго линя.

Слышно, какъ на току молотить братія—и старцы и здоровыя старицы: далеко разносятся въ утреннемъ воздухѣ звонкіе удары цѣповъ объ промерзшую, гладкую какъ ровная доска токовину. Въ лѣсу звучатъ топоры объ замерзшія деревья—это братія готовятъ дрова на обитель. Все работаетъ—и работаетъ не по принужденію, а изъ любви, по охотѣ, и потому во всемъ довольство, обиліе.

Гулко въ морозномъ воздухѣ раздаются удары въ скитское било—это святой отецъ, Никита Петровичъ, созываетъ въ обитель свою братію, старцевъ и старицъ, труждающихся и обремененныхъ:—это значить, что настала часъ общественной трапезы. Всѣ сходятся въ просторную избу и садятся за огромные столы, а служки, молодые послушники, разносятъ по столамъ яства, а во время трапезы кто-либо изъ братіи, которые грамотные, читаютъ по очереди то евангеліе, то дѣянія апостольскія, то житіе святыхъ, либо другое что божественное.

Такъ вспоминалъ Кравковъ скитскую жизнь, сидя въ своемъ одиночествѣ и не зная, что въ эти самые часы рѣшается навсегда его участь.

Въ кабинетѣ императрицы идетъ докладъ. Екатерина, нѣсколько откинувшись на спинку кресла и поглаживая рукой перламутровый разрѣзанной ножъ, слушаетъ докладъ Вяземскаго и поглядываетъ

васть иногда на Храповицкаго, который за отдѣльнымъ столомъ углубился въ какіе-то корректурные листы. У окна Левъ Александровичъ Нарышкинъ тихонько дразнить попугая, просовывая къ нему въ клѣтку кончикъ носового платка.

«Онъ, Кравковъ (читаетъ Вяземскій), какъ человекъ противъ званія своего дѣлаетъ поведеніемъ и жизнію своею нетерпимый въ обществѣ не только соблазнить, но самымъ своимъ ложнымъ мнѣніемъ развращаетъ и другихъ, отторгнувшись отъ святой церкви и наставленіемъ неправомыслящихъ невѣждъ, избралъ лучшее сожитіе съ тѣми невѣждами, нежели въ обществѣ людей, законами и вѣрою охраняемыхъ, такъ что никакія увѣщанія духовной и мірской власти о повиновеніи церкви и установленнымъ государственнымъ законамъ воздѣйствовать въ немъ не могли, за что, по силѣ законовъ, и достоинъ онъ, Кравковъ, жестокому наказанію»...

Замѣтивъ, что при послѣднихъ словахъ императрица какъ-будто поморщилась, докладчикъ въ нерѣшительности остановился.

— Наказанію, да еще жестокому, сказала она, глядя на Вяземскаго:— не люблю я этихъ словъ.

— Эти слова изъ закона, ваше величество, оправдывался докладчикъ.

— И въ законѣ такихъ словъ не должно быть:— жестокость, наказаніе...

— И скорпія, матушка, вкинулъ свое слово «Левушка», ударивъ попугая по носу.

— Именно скорпія... Я не хочу быть похожею на Ровоама.

— А Соломона, матушка, ты превзошла, продолжалъ хитрый «Левушка».

— Ну, Левъ Александровичъ, — ужъ ты не въ мѣру льстишь мнѣ, замѣтила императрица.

— Нѣтъ, государыня, — никогда я вамъ не льстилъ, а всегда говорилъ сущую правду... Будь на вашемъ мѣстѣ Соломонъ и приди къ нему княгиня Дашкова съ моимъ братцемъ, какъ тѣ двѣ матери съ ребенкомъ...

Екатерина разсмѣялась.

— А вѣдь ты правъ:—она бы Соломона въ гробъ вогнала.

Въ это время къ столу въ нерѣшительности приблизился Храповицкій.

— Ты что, Александръ Васильевичъ? спросили его.

— Вотъ тутъ, ваше величество, княгиня...

— Опять княгиня!—Дашкова?

— Такъ точно, государыня.

— Что же она?

— Вотъ тутъ, въ корректурѣ «Обманщика»,—княгиня сдѣлала маленькую поправочку въ словѣ.

— Какую же?

— Слово это замѣнила словомъ сіе.

— Оставь это... На правда ли, Левъ Александровичъ, это болѣе порусски чѣмъ сіе.

— Правда, матушка, развѣ не смѣшно было бы сказать: сей попугай большой разбойникъ?

— Вѣрно, вѣрно...

— А сія княгиня—сіе какъ-то возвышеннѣе...

— Ахъ ты, шпынь... Ну, продолжай, обратилась она къ Вяземскому.

— Слушаю-сь.

— И я слушаю.

— «За что, по силѣ законовъ, и достоинъ онъ Кравковъ»...

Вяземскій остановился.

— Только не жестокому наказанію, повторила Екатерина: — напиши тяжкому осужденію.

— Слушаю-сь... «тяжкому осужденію: но поелику довольно изъ собственныхъ его изрѣченій да и по существу самыхъ его дѣяній видно, что въ сіе заблужденіе впалъ и столь упорно настоятъ по всѣенному въ него отъ вышеписанныхъ невѣждъ суевѣрію, которое онъ, по слабости разсудка своего, мнитъ быть истиннымъ, а сіе самое и ввергло его въ совершенную фанатизму»...

— Да, да, соглашалась императрица: — фанатизма — это дѣло серьезное и фанатики — люди опасные... Ну, продолжай.

... «ввергло его въ совершенную фанатизму—съ удовольствіемъ на лицѣ повторилъ генераль-прокуроръ эту фразу — или лучше сказать, что лишентъ онъ конечно здраваго разсудка. Почему, а болѣе подражая матернему ея величества челоувѣколюбію и милосердію...

При этихъ словахъ что-то неуловимое мелькнуло по лицу Екатерины, отразилось въ ея глазахъ и тотчасъ же сгасло точно искра. Нарышкинъ еще усерднѣе занялся попугаемъ.

... «отъ положеннаго законами жестокаго наказанія», продолжалъ Вяземскій.

— Осужденіе, поправила императрица.

... «отъ того осужденія его избавить; но дабы онъ не могъ, по такому своему упорству и пренебрегаючи не только общее, но и собственное благосостояніе, между обществомъ по разнымъ мѣстамъ шататься, а тѣмъ самымъ не подавалъ бы другимъ слабого разсудка людямъ соблазна, а не меньше по объятому имъ суевѣрству чрезъ странныя разглашенія о святой церкви, то послать его за надежнымъ присмотромъ въ шлиссельбургскую крѣпость»...

— Нѣтъ, остановила докладчика императрица: — не въ шлиссельбургскую.

— Въ петропавловскую?

— Нѣтъ,—въ ревальскую.

— Слушаю-съ... «въ ревальскую крѣпость, гдѣ велѣтъ тамошнему коменданту содержать его подъ такою стражею, чтобъ онъ никакъ оттуда уйти не могъ, и для того отвезти ему особый покой; однакожъ будущимъ при той стражѣ подтвердить, дабы съ нимъ поступано было съ сохраненіемъ человѣческаго состоянія, не дѣлая никакихъ оскорбленій».

— Это хорошо, одобрила императрица.

— Э, ваше сіятельство, — да вы не однимъ языкомъ явите, пробормоталъ Нарышкинъ, отдергивая руку отъ клѣтки съ попугаемъ.

Екатерина глянула въ его сторону:—«Что—ужусилъ?»

— Типнулъ, матушка... Настоящая княгиня — и язычокъ такой же.

— Ахъ ты повѣса.

— Я серьезно, матушка, говорю: вѣдь у попугаевъ и пераклиотовъ языкъ подобнаго сложенія человѣческому — это вѣрно.

— Какъ?

— А вы развѣ не извоили этого доселѣ замѣтить?

— Не замѣчала.

— Извольте посмотрѣть.

И Нарышкинъ, съ трудомъ поднявъ массивную клѣтку, поднесъ ее къ императрицѣ.

— Купать попку, купать!—Онъ этого не любитъ.

— Дугтакъ! дугтакъ! дугтакъ! закричалъ попугай и заметался въ клѣткѣ.

— Извольте видѣть его языкъ?

— Вижу... точно сложеніе подобное... je ne savais pas cela... je donnerois à la perruche la survivance de votre charge... ¹⁾ Удивительно...

Клѣтку опять поставили на мѣсто.

— Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, улыбнулась императрица.—Я слушаю докладъ.

«А какъ онъ, Кравковъ—продолжалъ докладчикъ—человѣкъ лишившійся здраваго разума, то иногда что-либо станеть дѣлать или говорить непристойное, въ такомъ случаѣ коменданту его отъ того удерживать по данной ему, по высочайшему учрежденію, власти. Буде же, паче чаянія, оный Кравковъ станеть что врать важное, то въ такомъ случаѣ писать о томъ къ генераль-прокурору, а стражѣ, находящейся при немъ, наиприлежнѣйше истолковать, чтобы отъ него, яко отъ безумнаго человѣка, ничего не слушать и никому-бъ, кромѣ его, коменданта, о томъ враньѣ никакъ не разглашали подъ опасеніемъ военнаго суда. Писемъ писать ему не велѣтъ и ни отъ кого къ нему не брать, чего ради бумаги,

¹⁾ «Дневн. Краповицк., изд. Барсукова, 5.

пера, чернилъ и всего къ письму способнаго ему ни для чего не давать, также строго смотрѣть, чтобы онъ чего надъ собою или надъ стражею сдѣлать вреднаго не могъ и для того ножа и никакого орудія, чѣмъ человекъ себя и другаго повредить можетъ, не давать»...

— Вотъ какъ пошкѣ, пробормоталъ «Лёвушка».

... «да и караульнымъ въ томъ покоѣ, гдѣ онъ содержитсяъ будетъ, никакого орудія не имѣть. На пропитаніе-жъ и одежду вы-давать ему на каждый день по семи копѣекъ»...

— По десяти, поправила Екатерина:—онъ штабъ-офицеръ.

... «по десяти копѣекъ. Въ какомъ же онъ состояніи находится будетъ, и придетъ ли онъ въ познаніе истины, генераль-прокурору чрезъ каждые четыре мѣсяца, при требованіи на него кормовыхъ денегъ, репортовать. Если же, паче чаянія, оный Кравковъ пожелаетъ позвать къ себѣ попа для исповѣди или святаго причастія, то онаго къ нему, хотя бы онъ былъ и здоровъ, допустить; буде-жъ будетъ въ болѣзни, то потому-жъ преподать ему о семъ спасительномъ для него способѣ совѣтъ, сказавъ однакожъ священнику, что буде онъ Кравковъ откроетъ ему свое заблужденіе и станетъ просить его о присоединеніи къ церкви, то чтобы онъ въ то-же время далъ знать коменданту, а оный имѣетъ до-нести о томъ генераль-прокурору. Если же онъ умретъ, то похоронить его, Кравкова, по церковному чиноположенію и объ томъ коменданту той крѣпости отписать».

Докладчикъ кончилъ и поклонился.

— Быть по сему, послѣдовала высочайшая резолюція.—А что «лексиконъ приемъ»?—обратилась Екатерина къ Храповицкому.

— Первые тетради готовы, государыня.

— А «Февей» переписывается?

— Почти готовъ, государыня.

— Спасибо за проворство.

— Еггмольвъ дугтакъ!—дугтакъ Еггмольвъ! вдругъ закричалъ попка.

— Молчи, попочка,—услышитъ—побѣтъ.

Екатерина улыбулась:—«это ты его научилъ, повѣса»?

— Нѣтъ, матушка, онъ своимъ умомъ дошелъ.

Екатерина погрозила «Лёвущкѣ» пальцемъ, а къ Вяземскому наклонила голову:—тотъ понялъ, что его отпускаютъ—поклонился и вышелъ.—«Матерняя, истинно матерняя резолюція», шепталъ онъ съ умиленіемъ.

«Лица, осудившія Кравкова за его неправославіе (такъ характеризуетъ г. Ламанскій «золотый на сѣверѣ вѣкъ»), сами нисколько не сочувствовали и не вѣрили православію: иначе они не поступили бы такимъ образомъ съ Кравковымъ. Если бы, напримѣръ, Кравковъ былъ деистъ или атеистъ, то никто не тронулъ бы его,

очевидно,—не изъ признанія свободы совѣсти, а потому, что всѣ тогдашнія правительственныя лица въ Россіи, вѣстѣ съ большинствомъ образованнаго общества, сами глубоко сочувствовали Вольтеру и энциклопедистамъ. Никому изъ правительственныхъ лицъ не могла тогда придти въ голову дикая мысль о томъ, чтобы хватать въ тайную экспедицію людей за деизмъ, атеизмъ или масонство (которое впоследствии Екатерина стала преслѣдовать только за сочувствіе масоновъ къ великому князю Павлу Петровичу),—словомъ, всѣхъ образованныхъ русскихъ неправославныхъ, и тамъ насильственно обращать ихъ въ православіе! Извѣстны сношенія Екатерины II съ Вольтеромъ и энциклопедистами; Дидро она даже приглашала въ воспитатели къ своему сыну; а тогдашній обер-прокуроръ святѣйшаго синода, П. П. Чебышевъ, громко хвалился своить атеизмомъ... Но отчего же тайная экспедиція, встрѣясь съ Кравковымъ, вдругъ такъ воспламеняется жаромъ учительства и непремѣнно отъ него требуетъ, чтобъ онъ обратился къ церкви?—Мы видѣли, что Кравкова пытаются (хотя не въ застѣнкѣ, а мягко, любезно) и осуждаютъ не за то собственно, что онъ мыслилъ и вѣровалъ неправославно, не согласно съ церковью, а за то, что онъ, природный російскій дворянинъ и отставной штабъ-офицеръ, носилъ бороду и не подобную одежду, мыслилъ и вѣровалъ, какъ не просвѣщенный невѣжда. Тайная полиція російской имперіи въ 1784—1785 годахъ ловить дворянина Кравкова и сажаетъ его въ казематъ ревельской крѣпости, слишкомъ на 11 лѣтъ (вѣчно, до смерти), за то единственно, что онъ вѣровалъ и мыслилъ по-мужицки, не прилично своему званію, не согласно съ тогдашними исправниками, губернаторами, и С. И. Пешковскимъ, княземъ А. А. Вяземскимъ и императрицей Екатериною. По существу не напоминаетъ ли это дѣло священной тайной инквизиціи, о которой если не самъ Пешковскій, то князь Вяземскій и императрица отзывались, безъ сомнѣнія, не иначе, какъ съ благороднымъ негодованіемъ? И не есть ли случай съ Кравковымъ одна изъ самыхъ обыкновенныхъ исторій въ лѣтописяхъ всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ полицейско-военныхъ государствъ, въ которыхъ тайная полиція не только разыскиваетъ и предупреждаетъ преступленія, но сама судить и наказываетъ людей, по ея мнѣнію, виновныхъ, обладаетъ безконтрольною властью, распоряжается огромными тайными суммами и заправляетъ внѣшнею и внутреннею политикою страны? Съ этой высшей точки зрѣнія, я боюсь, исторія бѣднаго Кравкова покажется русскому читателю самымъ незначимымъ анекдотомъ...¹⁾

Замѣчанія—глубоко вѣрныя.

¹⁾ «Памяти новой руск. исторіи», I, 47—48.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1884 г., т. XV.

Такъ кончилась первая попытка «хожденія въ народъ чело-
вѣка легальнаго». Но съ самымъ этимъ челоѡвѣкомъ еще не все
было покончено.

XI.

Послѣдняя встрѣча.

Въ маѣ 1785 года, изъ кронштадтской гавани соби-
рался выйти въ море фрегатъ «Витязь», тотъ самый, который, въ 1777
году, мы видѣли крейсирующимъ въ Черномъ морѣ между Кафою
и Суджукъ-Кале. Но якорь почему-то не подымали. Матросики,
наладивъ все къ отходу, стояли и бродили межъ снястями въ ожи-
даніи приказа капитана. Одинъ изъ нихъ стоялъ въ сторонѣ и,
поглядывая за бортъ, на воду, тихонько про себя мурлыкалъ:

Течеть рѣчка лозоньками,
Плачетъ дѣвка слезоньками.

— Да зачѣмъ, братцы, дѣло стало? интересуется одинъ мат-
росикъ.

— А нечистый ево знаетъ:—должно, господа офицера съ кумуш-
ками прощаются.

— Эй, Маруська! слышишь, хохле!

А тотъ, къ кому относились: продолжалъ жалобно мурлыкать:

Не плачь, дѣвка, не журися,
Ще жъ я молодъ не женился.

— Эй, чортъ, Маруська! тебѣ говорить!

— А что?

— Чево мы стоимъ—не сымаемся?

— Охвицеръ говоритъ—рестантовъ ждуть.

— Куда жъ ихъ?—али въ море топить?

— Нѣтъ, въ Ревель, Богу работать.

Дѣйствительно, на пристани показалась партія арестантовъ, кон-
воируемая солдатами. Тутъ были и старые и молодые, бритые и
съ бородами; у иныхъ были урѣзаны либо правое, либо лѣвое ухо;
видѣлись и такіе, у которыхъ были вырваны ноздри—это больше
старики.

Скоро арестанты были доставлены на бортъ фрегата, и корабль,
пользуясь попутнымъ вѣтеркомъ, вышелъ въ море.

Одинъ изъ арестантовъ, котораго сопровождали особо два сол-
датика, обратилъ на себя вниманіе матросовъ. Въ лицѣ его, не-
обыкновенно грустномъ и въ то же время чѣмъ-то оживленномъ, въ
какой-то горькой улыбкѣ и въ выраженіи черныхъ, ясныхъ и за-
думчивыхъ глазъ было что-то особенное, чего не замѣчалось ни у

одного изъ прочихъ арестантовъ. Матросы замѣтили, что онъ глядѣлъ куда-то далеко, туда дальше, гдѣ море сливается съ небомъ, а по впалымъ щекамъ его медленно катились слезы.

— Глянько-ко, Маруська, на тово вонъ съ бородой — видишь?

— Вижу... что плачешь?

— Да, онъ самый.

— Что жъ?—на кого не доведись:—невольникъ.

— Да тебѣ развѣ повывлазило!

— А что?

— Али не видишь кто это!

— А Богъ ево знаетъ.

— Да это Евдокимъ Михайлычъ.

— Что ты! Кравковъ?

— Онъ и есть—что капитаномъ у насъ былъ.

— Ай-ай!—съ нами святъ!—и точно онъ.

— Господи!—вотъ диво-то!—за что ево?

— А Богъ ево знаетъ... А какой добрый былъ человекъ.

Матросы нарочно подошли ближе къ таинственному арестанту, показывая видъ, что идутъ по дѣлу. Арестантъ взглянулъ на нихъ, и въ глазахъ его, сквозь застывшія ихъ слезы, какъ бы что то затеплилось, точно радость.

— Здравствуй, Маруська! — здорово, Гавриловъ! проивнесъ съ улыбкою арестантъ.

Матросы точно остолебѣли. Кравковъ продолжалъ глядѣть на нихъ.

— Развѣ не узнаете Кравкова—капитана?

— Какъ не узнать, ваше выскородіе!—Да какъ же это, Господи!

— Эй, проходи, служба! загораживалъ собою Кравкова одинъ изъ конвойныхъ:—проходите, господа служба! — разговаривать не приказано.

— Да мы Богъ знаетъ какъ!—мы и не знай что!

— Мы всей душой, вашескородіе!

— Бога за васъ молимъ денно-ношно!

— Сказано проходи! капитану пожалуюсь! горячился конвойный.

— Отойдите лучше, братцы, тихо сказалъ Кравковъ:—онъ человекъ не вольный—подъ присягой... Спасибо за то, что не забыли.

— Ахъ, вашескородіе! Евдокимъ Михайлычъ! — да мы Богъ знаетъ какъ!

— Проходи! проходи!

Въ это время изъ офицерской каютъ-кампаніи вышли два офицера съ какою-то бумагою въ рукахъ. Это были списки арестантовъ, препровождавшихся на «Витязь», который долженъ былъ сдать ихъ въ Ревелъ коменданту крѣпости.

— Да неужели-жъ это онъ? говорилъ, видимо волнуясь, блондинъ, лѣтъ подъ тридцать офицеръ съ голубыми глазами.

— Конечно онъ, отвѣчалъ другой, темнолицый, смуглый, съ сѣрыми глазами.

— Удивительно!—и за что это!

— Надо полагать, за масонство.

— Но вѣдь онъ не любилъ масоновъ.

Они подошли къ конвойнымъ.

— Гдѣ тутъ капитанъ-лейтенантъ Кравковъ? спросилъ смуглый.

— Да здѣсь они, ваше благородіе, весело отозвался тотъ матросикъ, котораго дразнили Маруськой.

— Вотъ они, вотъ Евдокимъ Михайлычъ! подтверждалъ другой матросъ.

— Я здѣсь, господа! съ дрожью въ голосѣ проговорилъ Кравковъ.

Они остановились въ изумленіи, пораженные... Его голосъ, его глаза, и лицо его, но не то, какимъ они его знавали прежде—живымъ, цвѣтущимъ, полнымъ энергіи... Да, это онъ—только въ какомъ видѣ, въ какой одеждѣ!..

— Здравствуйте, господинъ Павлюкъ! — здравствуйте, Шастовъ!

Да, это Кравковъ говоритъ. Это самъ онъ—не тѣнь его.

— Евдокимъ Михайловичъ!—голубчикъ!

— Что съ вами, дорогой другъ!

— Какъ видите—я арестантъ, отвѣчалъ Кравковъ, указывая на конвойныхъ.

— Но какъ! за что?

— За неподобную одежду.

— Ваше благородіе! извольте проходить, опять заговорилъ конвойный.

— Что! крикнулъ на него бѣлокурый Шастовъ.

— Разговаривать, ваше благородіе, не приказано.

— Молчать!—вотъ ты такъ не смѣй разговаривать!

— Я что, ваше выскородіе—мнѣ приказано—присяга...

— Молчать! я лучше тебя знаю службу.

И онъ бросился обнимать Кравкова: «голубчикъ! да какъ же это!—гдѣ вы пропадали?—какъ попали сюда, опять на «Витязя»—и въ такомъ... ахъ, Боже мой!..»

— Вотъ что лучше, господа, взволнованнымъ голосомъ сказалъ другой офицеръ, Павлюкъ:—проведи ты, Саша, Евдокима Михайловича къ намъ въ каюту, а то здѣсь неловко... видишь?—А я ужъ самъ провѣрю арестантовъ—(онъ поправился)—я самъ провѣрю людей по спискамъ и тотчасъ же приду къ вамъ, сказалъ онъ, протягивая Кравкову обѣ руки.

Шастовъ и Кравковъ вошли въ офицерскую каюту. Все на поминало послѣднему его службу на этомъ фрегатѣ—каждая мачта,

каждая снасть, паруса, и знакомыя, хотя постарѣвшія, лица матросовъ, и эта каюта, на оконномъ стеклѣ которой все еще видны были нацарапанныя алмазомъ изъ перстня слова: «прощай, товарищъ». Это когда-то нацарапалъ Кравковъ, въ день своего прощанья съ фрегатомъ и съ добрыми друзьями.

— Цѣла, грустно улыбулся онъ, показывая на надпись.

— Да, голубчикъ... А вы-то!

— А меня ужъ нѣтъ—стерся...

— Богъ съ вами!

— Да—стерся совсѣмъ, и окно мое разбито—разбита жизнь и душа...

— Ахъ, голубчикъ! да что же это! какъ?

И Шастовъ снова обнималъ своего стараго друга, бывшаго начальника и товарища.

— Да скажите же—за какое это преступленіе?

— Говорю вамъ:—за ношеніе неподобнаго платья.

— Какого же, голубчикъ?

— Мужицкаго—мужицкой рубахи и бороды.

— Неужто за это?

— Главнымъ образомъ за это.

— Да какъ же все случилось?—Расскажите все, что было съ вами съ того дня, какъ мы съ вами простились въ Херсонѣ.

— Слишкомъ много рассказывать, да и тяжело, признаться.

— Нѣтъ, это облегчитъ вамъ душу—наше къ вамъ участіе—мы какъ родные...

— Да какъ вамъ сказать!—все это такъ просто, а между тѣмъ такъ ужасно... Въ Петербургѣ, воротясь изъ Херсона, я ничего не нашелъ кромѣ оскорбленія.

— Какъ!—отъ кого?

— Отъ Чернышова... Меня выбросили какъ выгденное яйцо... Но я спѣшилъ домой—меня тамъ ждала невѣста... Да только вмѣсто невѣсты я нашелъ—ея могилу, да забытыя ею у меня на столѣ шляпу и перчатку...

— Ахъ, голубчикъ!—вотъ горе-то!

— Да что объ этомъ!—Если-бъ умерла она — это бы еще ничего:—Богъ далъ — Богъ и взялъ... А то ее заставили утопиться изъ-за меня.

— Господи! да кто же это!

— Отецъ... Что потомъ было—ну, да объ этомъ я могилѣ расскажу... А тамъ меня разорили—и меня и душу мою ограбили.

— Кто же, голубчикъ?

— Да все люди, которымъ я вѣрилъ... Потомъ меня же осквернили:—душу мою, что ограбили у меня, бросили подъ ноги животному... И все это властители и суди надѣлали... Вмѣсто лю-

дей я нашелъ звѣрей, выпедшихъ изъ лѣсу и облекшихся въ шитые кафтаны.

— Понимаю... Видывалъ и я такихъ.

— Я сбѣжалъ отъ нихъ, какъ Іоаннъ, въ пустыню — и только тамъ нашелъ людей.

— Гдѣ же это, голубчикъ?

— Тамъ, куда звѣри въ шитыхъ кафтанахъ не заходятъ:—я ушелъ къ гонимымъ, къ отверженнымъ—и тамъ нашелъ людей... Это простые люди, мужики—да душу-то свою они не промѣняли на шитые кафтаны... И я сбросилъ съ себя кафтанъ, надѣлъ ихъ рубаху, дѣлалъ ихъ дѣло, думалъ поихнему, и нашелъ, что Руссо былъ правъ, совѣтуя человѣку одичать... Только я не успѣлъ одичать:—я вышелъ изъ пустыни посмотреть, что дѣлаютъ звѣри въ кафтанахъ — и вотъ они меня загрызли... Удивительно только!—звѣрьё всякое повышло изъ лѣсу, надѣло на себя шитые кафтаны да ряссы, а людей позагнали въ лѣса...

Шастовъ повидимому многого не понималъ изъ того, что говорилъ Кравковъ, но онъ помнилъ, что у него и прежде была эта манера—говорить какъ-то иносказательно, полузагадками и сравненіями.

— И долго вы тамъ пробыли? старался онъ выпытать у собесѣдника болѣе ясныя свѣдѣнія о его прошломъ.

— Въ скитахъ-то?

— Да... А вы развѣ въ скитахъ жили?

— Въ скитахъ—въ иргизскомъ кадетскомъ корпусѣ, улыбнулся онъ: — только не въ шляхетскомъ, а въ мужичьемъ, въ сиволапомъ.

— Да за что же васъ собственно осудили?

— Ей-Богу не знаю: — читали мнѣ длиннѣйшую резолюцію, изъ коей я ничего не понималъ: — ни то я раскольникъ, ни то я сумасшедшій, ни то одержимый фанатизмомъ.

— Такъ за это только?

— За это—за фанатизму: а фанатизма моя вся въ томъ и состоитъ, что я не похожъ на нихъ—не кусаюсь и не мучу никого именемъ Христовымъ, какъ они.

— И къ чему же васъ присудили?

— Къ заточенію до смерти.

— Господи! на вѣчное заточеніе.

— На вѣчное и одиночное... Позволили только похоронить меня, когда умру, по церковному чиноположенію, да дозволили еще, съ разрѣшенія коменданта, сдѣлаться подобнымъ имъ звѣремъ, когда того пожелаю.

— Какъ это?

— Да когда я открою попу свое заблужденіе, а какое—я и самъ не знаю, и когда пожелаю присоединиться къ церкви.

— А развѣ вы отъ нее отреклись?

— Меня обвиняють въ этомъ за то, что я вѣрю только словамъ Христа, а не ихъ искаженіямъ этихъ словъ: — вотъ за Христа-то на меня и взъялся Шешковскій... Вѣрь Вяземскому, а не Христу—это значитъ присоединиться къ церкви... Э! да что я объ этомъ говорю! — Развѣ я первый? — Обидно то, что я и не послѣдній.

Дѣйствительно, онъ не былъ послѣднимъ. Ровно сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина II сказала великую истину, поставленную въ эпиграфъ этой повѣсти, что «въ шестьдесятъ лѣтъ исчезнуть всѣ расколы, если только заведутся и утвердятся народныя школы и если по отношенію къ раскольникамъ не будутъ употреблять насилія»; но расколы до сихъ поръ не исчезли. А почему?—На это я отвѣчать не рѣшаюсь, тѣмъ болѣе, что отвѣтъ тутъ ясенъ для всякаго, даже не учившагося въ семинаріи.

Д. Мордовцевъ.

ВЪ НЕМШОНОЙ СТРАНѢ

(Изъ воспоминаній).

I

Кто такіе и что такое?

НЕ СЪ ЦѢЛЬЮ увеличить число недовольныхъ неудавшимся трехсотлѣтнимъ юбилеемъ Сибири, но подъ неизчезнувшими еще впечатлѣніями самаго событія и его громаднaго значенія пишу эти строки.

Нельзя не сознаться, что сибирскій юбилей захватилъ насъ въ расплохъ, не приготовленными. Мы, отнесясь недвѣрчиво къ лѣтописнымъ указаніямъ года, числа и мѣсяца, для дня празднества не успѣли еще опредѣлить самаго вѣрнаго и безспорнаго срока. Въ то же время готовые праздничать и чествовать страну за ея прошлое, когда угодно, мы не успѣли выяснитъ себѣ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло и, положившись на вѣру и на чужое слово, отнесли къ событію съ изумительнымъ равнодушіемъ и досадною холодностью.

Конечно, если вдаваться все глубже въ кабинетныя и книжныя соображенія, окажется, пожалуй, что трехсотлѣтнимъ празднествомъ даже и очень опоздали. Еще отцу Ивана Грознаго въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, за вечерней въ крещенскій сочельникъ, вликали въ титулѣ слова «югорскаго, обдорскаго и кондійскаго». Да и кто можетъ поручиться за то, что не мужичьи лапти, не тѣ вольные папешные люди, которые въ московскихъ грама-

тахъ обзывались именемъ «гулящихъ», проложили дорогу въ Сибирь еще до выѣзда Строгоновыхъ на Чусовую и вызова ими съ Волги Ермака? Давно ли мы, впрочемъ, чуть не съ колѣнопреклоненіями воздавали честь и благодарность Норденшѣльду за указаніе пути отъ печорскихъ устьевъ до устьевъ великихъ сибирскихъ рѣкъ, глубоко и твердо убѣжденные въ томъ, что этотъ путь зачурованъ отъ сотворенія міра и что тѣ воды совершенно непроходимы и непобѣдимы.

«А поспѣть отъ Архангельскаго города въ Мангазею недѣли въ полпята мочно», — простодушно сознавались на допросахъ еще въ 1610 году промышленные люди съ Двины, и толковали: «А Енисей глубока, кораблями ходить по ней мочно, и рѣка угодна, и рыба всякая такова же, что въ Волгѣ».

На это имъ отвѣчали изъ Москвы вскорѣ:

«А будетъ кто учнетъ съ нѣмецкими людьми торговати или торговые люди учнутъ впередъ ходити изъ Мангазеи къ Архангельскому городу, — и тѣмъ людемъ быти отъ насъ въ великой опалѣ и въ казни. А Еремку Савина бити батогами нещадно, чтобы, на то смотря, инымъ было неповадно воровствомъ смуту затѣвать».

Впрочемъ, среди всей этой массы неразобранныхъ и невыясненныхъ дѣлъ, въ настоящемъ случаѣ у меня не та цѣль, чтобы объяснять, какъ велика энергія торговыхъ людей и какъ далеко заводитъ удалъ промышленниковъ, прежде чѣмъ узнаютъ о томъ могучіе и сильныя, и спохватятся пособить имъ, или помѣшать. Тогда-то только, съ достаточною точностію, опредѣляется и время цифровыми датами. Занимателенъ и любопытенъ, между прочимъ, другой вопросъ: что такое Сибирь и сибиряки?

«Безъ имени и овца — баранъ», говоритъ народная поговорка, а съ другой стороны — «подъ чужой потолокъ подведутъ, такъ и другое имя дадутъ». Если у сибиряковъ для чиновниковъ и заѣзжихъ купцовъ существуетъ названіе «россійскихъ», а новыхъ поселенцовъ зовутъ они «русскими», то значить, находя въ другихъ отличія, они сами признаютъ за собою такія особенности, которыя складываются въ самостоятельный типъ. Но не успокоиваться же намъ на томъ дешевомъ, азбучномъ опредѣленіи, которое совѣтуетъ называть сибиряками «старожиловъ» со всѣми правами и преимуществами кореннаго жителя страны, либо по праву рожденія въ ней отцовъ и дѣдовъ, весьма давно перешедшихъ, либо по праву личному, когда выходецъ освоился съ мѣстными нравами и видоизмѣнился, или, что называется, «осибирячился». Не желая успокоиваться, мы въ то же время не имѣемъ права и удивляться, когда положительно не знаемъ, гдѣ лежатъ ясно намѣченными границы обширной страны, называемой Сибирью. Само Географическое Общество, вѣдающее антропологическія и этногра-

фическія задачи, еще не занималось рѣшеніемъ вопроса о томъ, гдѣ начинается западная граница Сибири. А гдѣ кончатся восточная или южная граница, на это не сѣмѣетъ дать отвѣта даже и специальный азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Впрочемъ, во всемъ этомъ нѣтъ ничего мудренаго, если и въ Россіи мы еще не успѣли толково разобраться и, успокоившись на трехъ коренныхъ племенахъ восточной расы славянъ, сознательно и отчетливо не выдѣляемъ изъ нихъ рѣзкихъ отличій, извѣстныхъ помѣсей, ни въ тѣхъ—ни въ сѣхъ, въ родѣ казаковъ, чухарей, палѣховъ, полѣшуконъ и т. д. А тѣмъ временемъ и сама Сибирь успѣла уже заручиться племенными помѣсями, въ видѣ каменщиковъ, чоло-казаконъ, ясачныхъ, карымонъ, креоловъ и т. п.

Между тѣмъ, слово «сибирякъ» и эпитетъ «сибирскій» такое опредѣленное понятіе и такія распространенныя въ народѣ прованія! Въ Сибири выдуманно то верхнее платье, которое пришлось по вкусу всѣмъ городскимъ жителямъ въ Россіи, и быстро усвоилось, и всюду распространилось въ формѣ коротенькаго кафтана съ сборками назадъ и по бокамъ, но безъ задняго разрѣза полъ, съ невысокимъ стоячимъ воротникомъ и косымъ накладнымъ бортомъ, который напередѣ надо застегивать пуговками. Это—классическая сибирка. Въ Сибири же, говорятъ, изобрѣтена и та карточная игра вистъ, которая также распространилась по всему лицу земли русской, подъ названіемъ «винта», съ огромнымъ сибирскимъ счетомъ за ваятки. «Сибирскимъ» называется самое лучшее сортовое желѣзо съ Урала, который и тамъ, въ свою очередь, слыветъ въ народѣ подъ именемъ «сибирскаго камня». И «сибирки» же барки, поднимающія до 10 тысячъ пудовъ, тѣ, которыя приходятъ на Волгу въ Нижній къ Сибирской пристани съ этимъ же самымъ желѣзомъ изъ Камы. На той же Нижегородской ярмаркѣ, развернувшейся на полномъ ходу и загулѣ, на пути моемъ въ Сибирь, совѣтовали принимать за «сибиряковъ» всѣхъ тѣхъ безобразниковъ, которые по ярмарочнымъ трактирамъ, прямо съ утра брались за шампанское, въ разгулѣ мыли имъ руки и лили прямо изъ бутылки съ головы нѣ волосы и бѣлую рубаху вертляваго и угодливаго половаго. Но въ этомъ случаѣ за сибиряка (да еще съ наддачею званія золотопромышленника) свободно сходило въ то время любой Митрофанъ Мазуринъ и засчитывался въ виноватыхъ очумѣлый сынокъ богатаго «городоваго» купца, вырвавшійся на волю и прожигавшій наслѣдство. Точная повѣрка ярмарочныхъ силетенъ указала совсѣмъ противоположное явленіе: «на волка только помолвка, а шалать пастухи». Настоящіе сибиряки скромно поселились въ верхнихъ палаткахъ китайскаго ряда и терпѣливо ожидали начала дѣла. И, что замѣчательно (въ то время до уничтоженія кяхтинской монополіи), въ рукахъ сибиряковъ находился

одинъ изъ главныхъ ключей всей ярмарки. Она не начинается, мается, какъ передъ родами, ходитъ только чай пить и жаловаться на заминку, и удивляться застою. Въ самомъ дѣлѣ, точно на большой рѣкѣ, гдѣ-то затерло ледъ и не прорываетъ. Правда, что въ иныхъ мѣстахъ и полынья показались, и на заторы начали поплескивать волны, а большому льду все нѣтъ ходу.

— Отчего тиха ярмарка и всѣ недовольны?

— На чай и желѣзо цѣны нѣтъ. Съ чаями крѣпятся; съ желѣзомъ не могутъ развязаться.

— Товару навезено столько, что хотъ Ону пруди: всѣ вотъ и глядятъ на сибирскую пристань и прислушиваются къ китайскимъ рядамъ.

Давно отошло въ прошлое это доброе сибирское время, а бывало такъ, что когда на чай и желѣзо устанавливались цѣны, — ярмарочную плотину прорывало. У сибиряковъ появлялись въ рукахъ деньги, и они начинали шевелить мануфактурные товары. Перебирались деньги въ карманы московскихъ и шуйскихъ фабрикантовъ, и это колесо тотчасъ же захватывало своими крѣпкими зубцами сосѣднія—москательный товаръ. За нимъ начинали вертѣться всѣ прочія до самыхъ маленькихъ, на которыхъ треплется разная ярмарочная мелочь въ родѣ умственного товара: духовныхъ и гражданскихъ книгъ, народныхъ картинокъ и т. д. Самая ярмарка заиграла вся вдругъ, и разомъ развеселилась: торбанистамъ, арфисткамъ и цыганамъ велеть растопить сердце, а трактирной прислугѣ «подкинуть еще одно полѣшко». Тогда уже всѣ волки съры, и нѣтъ того людскаго образа, въ которомъ можно было бы различить не только племенной обликъ, но и человѣческій ликъ. Ярмарка тогда совершенно утрачиваетъ серьезное свое значеніе, какъ несомнѣнно богатаго собранія этнографическаго матеріала: надо отправляться дальше. Она, впрочемъ, слову «Сибирь» придаетъ близкое къ правдѣ значеніе и держитъ это имя честно по старинѣ, согласно съ исторіей и представленіями народа, у котораго, какъ извѣстно, своя, такъ называемая, политическая географія, стоящая въ прямомъ противорѣчьи съ той, которая навязывается въ школахъ учебниками.

Какойнибудь швецъ изъ Пошехонья—обширной мѣстности по старинной рѣкѣ Шехони, по нынѣшней Шекснѣ (границы котораго совершенно не согласны съ административными границами уѣзда), возвратившись домой, незадолго до начала весеннихъ работъ, къ родной землѣ изъ отхожаго промысла на чужбинѣ, глубоко убѣжденъ, что онъ былъ въ Сибири, хотя и обшивалъ народъ не дальше Пермской губерніи. Точно также коноваль изъ «Вѣжицы»—обширной мѣстности древней новгородской пятины, убѣренно называетъ «Сибирью» какойнибудь Зювдинскій край, или Тамышевскій край (первый въ Глазовскомъ, второй въ Слободскомъ уѣздѣ

Вятской губерніи), куда онъ сходилъ полѣчить лошадей, чистилъ имъ горло, а кстати и мимоходомъ ворожилъ на водѣ и поколдовалъ. Изъ этой же Сибири идутъ въ «Троичину» (Кадниковскаго уѣзда, Вологодской Губерніи) скотскія кожи на выдѣлку, и изъ «Горящины» съ трехъ волостей (той же Вятской губерніи и уѣзда) везуть дешовую мебель на купеческій и чиновничій вкусъ и обиходъ, въ какую нибудь несчастную Осу, или въ богатый и богомольный Кунгуръ. Считая за Сибирь всё тѣ мѣстности, гдѣ приходится кормиться зимнимъ временемъ отъ своего мастерства и досужества, эти промышленные люди показываютъ, что и въ самомъ дѣлѣ тамъ много отличій и въ людяхъ, и въ жизни. Всѣ рассказы сводятся на то, что тамошній народъ живетъ не въ примѣръ сытнѣе и богаче; денегъ у нихъ довольно, потому что все покупаютъ готовымъ, и на мѣну идутъ неохотно. А вотъ и поличное: розсыпчатый зернистый липовый медъ, крупная тяжелая щетина, душистый лѣсной звѣрокъ и мерлушка, и жирная вкусная рыба: все это хорошо потому, что также вырастаетъ и живетъ на волѣ и сытно питается. Во всякомъ случаѣ несомнѣнень тотъ фактъ, что въ сѣверной, лѣсной Россіи, до Нижегородской ярмарки и московскаго гостиннаго двора включительно, Сибирь принимается въ старинномъ, истинномъ смыслѣ и признается за Сибирь весь востокъ Россіи по ту сторону рѣки Камы, а еще вѣрнѣе—всѣ мѣстности отъ лѣваго берега Вятки съ неизбѣжнымъ подозрѣніемъ и на ближайшія къ нимъ,—по сосѣдству.

Подъ впечатлѣніемъ такихъ спутанныхъ данныхъ, съ открытымъ вопросомъ, привелось мнѣ переѣхать Уралъ — несомнѣнную границу Европы и Азіи (о чемъ въ наученіе всѣмъ ясно написано даже на сплутномъ пограничномъ столбѣ).

Вотъ несомнѣнное начало азіатскаго материка и вѣроятное начало Сибири. Можно бы, кажется, и успокоиться, начиная свои наблюденія въ этомъ прямомъ направленіи. Но продолжаютъ еще путаться заводы, съ тѣми характерными обстоятельствами, которыя исключили въ нихъ все національное, и представляютъ какъ бы отдѣльную страну и особое государство; — и очень не кстати лѣзетъ въ глаза и особенно мѣшаетъ Екатеринбургъ. Онъ, получивши прозваніе по имени жены Преобразователя, намѣренно и энергически силится походить на тотъ городъ, который получилъ имя самого Преобразователя. Болѣе, чѣмъ полтора вѣковыя стремленія его все въ одномъ и томъ же направленіи, дѣйствительно, оставили его такимъ множествомъ особенностей, что представленія о какой-то новой странѣ и иномъ народѣ уже окончательно спутываются и затемняются. Этотъ искусственно созданный городъ успѣлъ, однако, хорошо приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ и казаться въ то же время особеннымъ, но все-таки еще здѣсь не Сибирь, хотя и торгуетъ сибирскими самоцвѣтными камнями, са-

ломъ и шерстью прямо изъ киргизскихъ степей, даже сибирскимъ мясомъ и медомъ. И все-таки всѣ говорятъ здѣсь, что Сибирь дальше, что до нея еще надо потрудиться доѣхать.

Впрочемъ, захотѣлось еще разъ попытаться узнать объ этомъ, такъ-сказать, въ самомъ источникѣ, не дальше трехъ почтовыхъ станцій за Екатеринбургомъ.

Слѣпой остякъ.

(Съ рисунка сдѣланнаго съ натуры и сообщеннаго С. В. Максимовымъ).

Пробовалъ я прибѣгать къ испытанному и весьма надежному способу: наостривъ ухо, прислушивался къ говору.

Говоръ оказался тотъ самый, который слышится по всей сѣверной лѣсной Руси и который, будучи занесенъ сюда первыми вольными выходцами изъ вологодскаго и архангельскаго края, остался совершенно въ нетронutomъ видѣ. Напр. вѣтры, дующіе на Бай-

калѣ съ различныхъ сторонѣ, неизмѣнно носятъ тѣ же самыя названія, что на Ильменѣ озерѣ и на Бѣломъ морѣ. Злоупотребляютъ оканьемъ, бережно сохраняютъ множество завѣтныхъ старинныхъ словъ, на Руси теперь затерявшихся; не брезгаютъ принимать слова инородческія и охотно руководствуются ими; не затруднились, когда пришла нужда, выдумать и пустить въ обиходъ слова новыя, въ большинствѣ случаевъ очень выразительныя и красивыя. Какъ сѣверный поморъ не уставалъ гоняться за всѣми прихотливыми излучинами и изгибами моря и на всякую рѣзкую особенность поспѣлъ съ новымъ словомъ, такъ и сибирякъ, которому послѣ гладкой равнины довелось влѣзть на горы «тянигусомъ» и лазать по горнымъ «подушкамъ», обогатилъ свой языкъ въ этомъ направленіи. Здѣсь въ сущности все то же, по общему обычаю, но говоръ все-таки не представлялъ собою того ключа, которымъ можно было бы отперѣть замкнутое и неизвѣстное.

Точно также не выручаютъ наблюденія и надъ другими этнографическими признаками, въ числѣ которыхъ самыми благонадежными почитаются наряды. Придумавъ сибирку и приспособясь къ дахѣ, сибирякъ очевидно стремится къ тому, чтобы уравниваться однообразіемъ покроя и не допускать, сверхъ положеннаго и усвоеннаго, никакой пестроты и отмѣнъ по роду занятій и по сословіямъ. Разрѣшается пощеголять въ лаптяхъ только новоселамъ на первыя недѣли прибытія изъ Россіи: Сибирь велитъ обуваться въ сапоги (чарки, бродни и т. под.) и скоро и умѣло въ томъ помогаетъ. Также скоро исчезаютъ на головахъ поярковыя шляпы, по фасонамъ которыхъ можно распознавать пришельцевъ лишь на первое время: по колпаку-маргелкѣ—бѣлорусса, по брилю—малоросса, по шпильку—подмосковныхъ, по шляпѣ «съ переломомъ»—рязанцевъ; можно среди новоселовъ натолкнуться и на шляпу «кашпникъ» и «гречневикъ», но все это мимолетныя исключенія. Сибирякъ все смѣнилъ новомоднымъ городскимъ щеголемъ—картузомъ при глянцовитомъ ремешкѣ и свѣтящемся козыркѣ. Въ своихъ явныхъ стремленіяхъ къ городскому мѣщанскому наряду (въ чемъ помогаетъ особенно развившаяся въ послѣднее время торговля готовымъ платьемъ), сибирскіе жители послѣдовательны до того, что и у женщины отняли кички, сороки и разнообразныя кокошники, смѣнивъ ихъ на простую головную повязку платкомъ, а всего охотнѣе на французскую шляпку. Въ зимнемъ нарядѣ, въ якутской—кохлянкѣ и подъ киргизскимъ малахаемъ, его можно только по славянскому типу лица и по густой бородѣ отличать отъ инородцевъ.

Пробовалъ я тутъ же, въ селеніи, задаваться прямыми разспросами, откровенно и простодушно:

— За кого вы себя признаете,—спрашивалъ я первыхъ понавшихъ: за сибиряковъ или за російскихъ? Digitized by Google

— Да какъ сказать?!—вопросительно отвѣчали мнѣ съ явнымъ выраженіемъ сомнѣнія. По твоему толкованью, да и по всему, надо бы намъ сказываться сибиряками, да чего доспѣшь? Однако, нѣтъ: мы сибиряками не зовемся. Мы еще пермскіе, такъ надо полагать. Вотъ мало-мало выйдетъ тебѣ на дорогу Иртыш-рѣка: за ней ужъ каменная Сибирь пошла, одно слово—Сибирь настоящая, немшоная.

Я помню этотъ внушительный разговоръ твердо и ясно. Я записалъ его, какъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, до какой степени успѣли впутаться не въ свое дѣло и затемнить основную суть эти топографическія чертежныя дѣленія Руси; этотъ 1797 годъ, когда притянули къ новой Пермской губерніи все это Зауралье. Иной разъ просто хлопотали о томъ, чтобъ въ губерніи было, по числу ли апостоловъ, или по числу мѣсяцевъ, двѣнадцать уѣздовъ. Вотъ за то теперь и коренныя сибирскія мѣстности засчитали себя въ межеумкахъ, получивъ на то право съ утратою кое-какихъ привилегій сибирскихъ мѣстностей, и зная, что для нихъ ближайшее начальство—губерніа Пермь. Значить, и имъ все равно: такъ тому, видно, и быть и слыть.

Намъ, однако, этимъ ограничиваться не слѣдуетъ. Надо попытаться дальше завѣтнымъ сибирскимъ допросомъ: чьихъ вы?

За Иртышемъ, въ самомъ дѣлѣ, въ крупныхъ чертахъ стало все казаться по другому, начиная съ бѣшеной ѣзды на крѣпкихъ и здоровыхъ лошадяхъ, до жарко натопленныхъ избъ, гдѣ гостепріимно подчуютъ вкусными пельменями и пирогами съ макуномъ и съ загнутыми во всѣхъ четырехъ углахъ кусками льду. Вотъ и сама строганина—исключительное сибирское кушанье изъ сырой и мороженой рыбы, которую скоблятъ ножомъ въ рѣшительное подобіе древесныхъ стружекъ и приправляютъ перцемъ и уксусомъ непременно пивнымъ и китайскимъ. Появилась и наливка изъ облѣпихи кустарниковой, оранжеваго цвѣта ягоды, и кисели изъ облѣпихи съ ананаснымъ, ароматнымъ вкусомъ, и варенье изъ облѣпихи же—коренной сибирской ягоды. Черезъ какую деревню не проѣзжаешь, всѣ онѣ людныя и длинныя, версть по 5 и 8; въ какую ни попадешь избу, всѣ онѣ полны народомъ, всѣ хозяева многосемьясты, всѣ налицо и дома, и всегда пьютъ кирпичный чай, заправленный солью, саломъ и мучной заболткой (за-тураномъ). Это питье чаю и щелканье женщинами съ искусствомъ бѣлокъ кедровыхъ орѣховъ кажется постояннымъ и безконечнымъ. Въ дорогѣ, при встрѣчахъ, опять все тотъ же сибирскій ѣздокъ, который памятенъ съ дѣтства по азбукамъ московскаго надѣлія, поставленнымъ при буквѣ Ъ, но на этотъ разъ въ широкихъ, какъ просторная горница, и открытыхъ кошевахъ, и всѣ въ дахахъ съ распашными полами, и столь же широкихъ, просторныхъ и очень теплыхъ. Эти мохнатые дахи просто рябятъ въ глазахъ всякими

цвѣтами и всякаго сорта, неизмѣнно мѣхомъ наружу, снятымъ съ оленей, съ молодыхъ жеребятъ, съ козуль и съ собакъ. Вотъ и жгучій морозъ палитъ лицо и ищетъ мѣста въ дахѣ, чтобы пробраться струей по всему обогрѣтому тѣлу и мимоходомъ щиплетъ за носъ и захватываетъ дыханіе такъ, что опрокидываешься лицомъ и прячешь его въ подушку. И мчится тройка удалая, потому что ямщикъ не хотѣлъ ѣхать, по указанію подорожной, на парѣ, а отъ себя, безъ прогонной приплаты, припрегъ третью лошадь. Цѣлымъ роємъ вьются передъ глазами новые виды и бытовья особенности, безконечно тянутся неслышанные и интересные рассказы. Подавляютъ они воображеніе и утомляютъ память. Надо отдохнуть, удалиться; въ тиши уединенія и сидя на мѣстѣ, разобрать ихъ по сортамъ и уяснить себѣ однородное. Надо дать время,—и выжидать желаемый случай, когда все схваченное по дорогѣ, на лету и второпяхъ, и все, набравшееся съ пылью и мутью, уляжется и осядетъ.

II.

Заурядъ-городъ.

Городъ Благовѣщенскъ на плоской, какъ доска, травянистой степи, оступившейся въ рѣку Амуръ невысокимъ крутояромъ, могъ расположиться совершенно такими же правильными квадратами, какіе заказаны нормальными чертежами свода законовъ и вычерчены въ петербургскихъ штабахъ на ватманской бумагѣ циркулемъ и тушью. Это, конечно, лишило его ландшафтнаго разнообразія, на которомъ привычно отдыхаетъ глазъ, и наложило ту печать холоднаго однообразія, отъ котораго не отдѣлаешься въ воспоминаніяхъ вотъ въ теченіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ. За то этотъ городъ воспользовался рѣдкимъ преимуществомъ: будучи еще, такъ сказать, въ младенческомъ возрастѣ, онъ прямо произведенъ былъ въ генеральскій рангъ, въ званіе областного города Амурской области. Не проходилъ онъ такимъ образомъ низшихъ степеней и инстанцій, обязательныхъ для всѣхъ сибирскихъ настоящихъ и народныхъ городовъ. Тѣ изъ одинокой заимки, въ видѣ землянки, съ мало надежной глинобитной печкой и кривымъ окномъ, затянутымъ рыбьимъ пузыремъ, дослуживались сначала до званія «зимовья», когда этихъ звѣриныхъ логовищъ торчала уже цѣлая кучка изъ 4—5 штукъ; потомъ до ранга «острога», когда эти избенки окружались тыномъ изъ стойкомъ поставленныхъ и заостренныхъ наверху бревень, и наконецъ уже до высшей степени и значенія—до «города», къ которому присеялась подлѣ слобода.

Тогда новыя жилия замкнуты были со всѣхъ четырехъ сторонъ въ бревенчатые заборы, рубленные въ стѣну съ башнями, бойницами, воротами и надолбами. Производились же они въ почетное и наивысшее званіе «города» уже въ то время, когда эти деревянные стѣны чернѣли въ уголь, сгнивали и рассыпались, когда слѣдовало предоставлять подобныя развалины въ гнилушкахъ своей судьбѣ или складывать новыя стѣны, опять изъ сосновыхъ и дубовыхъ бревень, или уже изъ кирпича на известковомъ растворѣ и на скрѣпкахъ желѣзными связями.

Освобожденный отъ всѣхъ этихъ производствъ и повышеіи за выслугу лѣтъ и служебныя отличія, выскочка - Благовѣщенскъ, какъ бы столица амурскаго казачьяго войска, получилъ высшій рангъ лишь заурядъ, говоря сибирскимъ казачьимъ выраженіемъ. Тогда, за недостаткомъ офицеровъ, простыхъ казаковъ изъ урядниковъ производили въ чины, надѣвали на нихъ офицерскую форму съ эполетами и прочими украшеніями этого званія и лишь называли заурядъ - хорунжими, заурядъ - эсаулами и заурядъ - сотниками. Они немножко подбодрялись, старались ходить и глядѣть козыремъ, смотрѣть на другихъ свысока, зазнаваться, почаще другихъ пить кирпичный чай, черной работой «бѣлкованья» въ лѣсахъ не заниматься, а по начальственнымъ привилегіямъ стараться притѣснить кого-нибудь, и что-нибудь стянуть въ свою пользу, и черную работу казачью и деревенскую смѣнить на чистую и городскую, т. е., заняться какой-нибудь подручной торговлишкой. Собственно говоря, могли тотчасъ же обращать ихъ въ простыхъ казаковъ и, въ видѣ дисциплинарныхъ взысканій, наказывать даже тѣлесно, по зубамъ и спинамъ. Въ силу такого обычая и Благовѣщенскъ казался заурядъ - областнымъ городомъ: единственная деревянная маленькая церковь называлась кафедральнымъ соборомъ, а для мѣстнаго епархіальнаго начальства (покойнаго московскаго митрополита Иннокентія) строили нескладный и неудобный, но большой домъ, для подворья съ крестовою церковью. Длинные деревянные срубы, плохо прикрытые кровлями и наскоро законопаченные мхомъ, носили почтенное названіе казармъ. Собственно одни они и представляли собою весь городъ или, по крайней мѣрѣ, существенную, главную и видную его часть, не считая двухъ-трехъ десятковъ частныхъ домовъ. Но за то въ крутоярѣ рѣки Амура еще цѣлы были образцы первобытныхъ человѣческихъ жилищъ въ видѣ стрижовыхъ норъ, вырытыхъ прямо въ берегу. Въ этихъ землянкахъ жили приговоренные въ Россіи на поселеніе и даже отбывавшія срокъ каторжныхъ работъ женщины.

Все было тогда (въ 1860 году) новое (чтобы не сказать съ иголочки), все какъ бы увѣренно и настойчиво говорило: «вотъ теперь и посмотри, какъ мы умѣемъ дѣлать города по-новомодному и очень скоро, если выйдетъ на то приказаніе начальства». И хотя,

по правдѣ сказать, въ торопяхъ сдѣланное вышло вкривь и накосъ, но за то все было по новому. Въ видахъ уступки старинѣ, верстахъ въ двухъ отъ города дозволили себѣ разбить казачью деревушку, носившую названіе слободы, хотя жители ея не были прежними охочими вольными людьми и не освобождались ни отъ тѣлеснаго наказанія, ни отъ подневольныхъ разсылокъ и командировокъ. Жили тутъ въ избахъ, по сибирскому обыкновенію всегда дурно срубленныхъ и потому холодныхъ, на битыхъ глиняныхъ полахъ и въ тѣхъ же полуземлянкахъ, натапливаемыхъ до угара и духоты, тѣ же самые казаки, которые первыми заняли Амуръ. Жили они—и горевали, мурлыкая себѣ подъ носъ вновь составленную пѣсню, которую въ то время не рѣшалась пропустить въ печать цензура,—ту пѣсню, гдѣ сибирскіе казаки изливали и тоску по родинѣ—Забайкальѣ, и вспоминали недавно пережитыя невзгоды торопливаго и неумѣлаго принудительнаго переселенія, съ Аргуни и Шилки въ Амуръ.

Какъ отъ Шилки по Амуру великія версты,
Ужъ и были эти версты:—стерли у рукъ персты.
До Кизева доплывали—къ бережку приставали,
На прикрутомъ бережечкѣ выросло древо,
Выросло это древо березынька бѣла.

Какъ на той ли на бережкѣ сидитъ птица пана (sic),
Какъ сидѣла птица-пана, кричитъ: «запропала!—
Забайкальскіе казаки! А гдѣ ваши кони?»

—Наши кони во Сартоли ходятъ да гуляютъ.

—Забайкальскіе казаки, а гдѣ съ коней сбруя?»

—Съ коней сбруя поломалась (sic), въ Амурѣ осталась.

Кто на Амурѣ не бывалъ, тотъ и горя не выдалъ.

Кто на Амурѣ побывалъ, тотъ все горе распознавалъ.

Настроеніе этой пѣсни тогда было общимъ. Попалъ и я подъ гнетъ этихъ тяжелыхъ впечатлѣній, когда они начали усугубляться благовѣщенской скукой. Я разболѣлся, — принужденъ былъ здѣсь остановиться, началъ кое-чѣмъ лѣчиться, и когда поправился,— всѣ послѣдніе пароходы давно уже ушли вверхъ. Надо было дожидаться, когда встанетъ Амуръ и откроется зимнее первопутье. Дождаться привелось цѣлыхъ два мѣсяца: можно было и отдохнуть, и пристально присмотрѣться, во все это докучное время, къ главнымъ затѣямъ на Амурѣ.

Впрочемъ, все, что слѣдовало видѣть, было осмотрѣно и начинало надоедать повтореніями, однимъ и тѣмъ же изо-дня въ день. Разъ оживилъ наше мертвое время пріѣздъ манджурскаго губернатора Амбаня, по имени Аджентая. Два раза успѣла нарождаться на небѣ новая луна, а вмѣстѣ съ нею и тотчасъ располагалась на городской площадкѣ и на самомъ берегу Амура манджурская ежемѣсячная ярмарка, но такая, что довольно было бы, если бы она

разставляла свои палатки разъ въ году. Съ ярмаркой было скучно и докучливо отъ торговцевъ; съ Амбанемъ было весело и непріятно лишь съ его свитой, которая, на подобіе архіерейскихъ пѣвчихъ при объѣздахъ епархіи, пожирала все, что видѣла, и что не успѣвала съѣсть торопливо и очень искусно тащила съ собой, и притомъ совѣмъ не краснѣя. По манджурскимъ деревнямъ на пути они пролетѣли рѣшительной саранчей, свертывая курамъ шеи и схватывая поросятъ за заднія ноги. Весело намъ было, потому, что мы этого китайскаго генераль-маіора во-первыхъ ожидали нѣсколько дней, тратили время на приготовленіе встрѣтить и удивить. Когда онъ къ намъ прибылъ (воспользовавшись выѣздомъ въ Иркутскъ нашего генераль-маіора, съ которымъ у него были сильные нелады), мы цѣлый день старались потѣшаться надъ нимъ и занимать его. Потѣха наша заключалась въ томъ, что, воспользовавшись этимъ первымъ въ его жизни и на службѣ выѣздомъ въ Благовѣщенскъ, старались не ударить въ грязь лицомъ при нашей настоящей скудости. Схоронивъ концы, мы силились показать, на сколько мы добрые и могучіе сосѣди и притомъ совѣмъ особенные и непохожіе. Вотъ, напримѣръ, наша первая попавшаяся на пути казарма: въ свѣтлый и сухой зимній день она очень холодновата, но этимъ не удивишь манджуръ, привыкшихъ и въ своихъ юртахъ жить на холодкѣ въ ватныхъ курмахъ и при вѣчно-тлѣющемъ очагѣ или мунгалѣ (онъ насъ сильно допекалъ угаромъ, а у нихъ головы совѣмъ не болятъ). Въ углахъ и въ щеляхъ по пазамъ стѣнъ казармы нашей можно было бы замѣтить накипѣвшихъ зайчиковъ, но подъ нары Амбанъ не заглядывалъ, успокоившись, видимо, тѣмъ, что и у нихъ въ домахъ точно такія же. Да и мы постарались отвлечь его вниманіе, бросивъ ему пыли въ глаза солдатскимъ ружьемъ, которое первый солдатъ сунулъ-было съ кремнемъ. Ему велѣли однако отыскать ружье съ пистономъ послѣдняго присыла.

— У насъ-де на твою несчастную башку есть оба сорта. Тебѣ съ твоимъ фитильнымъ ружьемъ надо еще за огнемъ сбѣгать въ юрту, сунуть въ фитиль огонекъ, чтобы затлѣлся и зачадилъ, а мы тѣмъ временемъ обѣ твои ноги успѣемъ прострѣлить.

Мы видимо перехвастали, потому что на ружье у Амбана загорѣлись глаза.

— А каковъ порохъ, что твой макъ! Покажите ему ребята, порохъ!

Посмотрѣлъ онъ, но удивленія не выразилъ, хотя самъ стрѣлялъ до сихъ поръ очень крупнымъ или «хрушкимъ» порохомъ (по древнему сибирскому выраженію), изобрѣтеннымъ однако раньше европейскаго.

— Вотъ какъ привыкли сдерживаться!—удивляемся мы. Вотъ патріоты! Что ни покажи: «никанское (китайское) говорятъ лучше».

— А вотъ тебѣ, дикая образина, пистоны! — говорятъ наши военные.

Амбаѣ (а стало быть также военный человекъ) взялъ ружье твердой и опытной рукой; наложилъ пистонь, спустилъ курокъ и пошелъ щелкать, что ребенокъ на игрушкѣ, — и улыбался, — чему? Не вспомнилъ ли онъ на этотъ случай отвѣта своего нашему благовѣщенскому амбаѣ, когда тотъ за прекращеніе международныхъ сношеній, послѣ сожженія нашими храма съ бурханами, пригрозилъ идти походомъ на Айгунъ? — Амбаѣ отвѣчалъ на эту угрозу:

— Вы скажите, когда станете выступать, — по крайней мѣрѣ за недѣлю: я овса пришлоу вашимъ лошадямъ, подкормить ихъ, чтобы онѣ эти сорокъ верстъ могли дотащить до Айгуна ноги.

Завели мы потомъ этого «шута гороховаго» (какъ прозвали его наши военные патріоты) въ церковь, въ нашъ кафедральный соборъ. Единственный въ городѣ священникъ поскучалъ было сначала тѣмъ, что пустилъ въ церковь язычника, но успокоился, когда, по его совѣту, Амбаѣ снялъ шапку съ розовымъ генеральскимъ шарикомъ, а на провожатыхъ, на свиту свою, сильно цыкнулъ и тѣмъ мгновенно выгналъ ихъ вонъ. Священникъ облачился въ ризу, отворилъ царскія двери, — и все показалъ. Тутъ Амбаѣ мы опять поразили, когда, указывая на евангеліе, объясняли, что достаточно знать одну эту книгу и по ней поступать, чтобы угодить нашему Богу. Онъ изумился, видимо не повѣрилъ, обнаружилъ внутреннее беспокойство, выкричалъ переводчика, широко разводилъ обѣими руками. Велѣлъ говорить, что мало этой церкви, чтобы умѣстить всѣ книги, какія буддисту знать надо. Говорилъ онъ возбужденно и, видимо было, что желалъ и насъ, въ свою очередь, перехвастать.

Потомъ мы хвалились передъ нимъ фортепянной игрой: затѣяли даже танцы. Французская кадрили ему такъ понравилась, что онъ самъ рѣшился встать въ пару. На вальсъ глядѣлъ съ изумленіемъ и покачивалъ головой; надъ полькой-трясучкой искренно и добродушно смѣялся. При проводахъ, на которыя наше исправляющее должность начальство идти не рѣшилось, хотѣли было мы вслѣдъ ему выпалить изъ пушки, да подумали: одни, что внушеній сдѣлано довольно, другіе, что если не пробрало прежде его, то лишняя капля теперь ничего къ величію Россіи не прибавитъ. Можетъ очень случиться, что потребуютъ основаній, по которымъ истраченъ былъ казенный порохъ и — далеко ли до грѣха! — не послѣдовало бы вопросовъ и сношеній со стороны азіятскаго департамента. Бывали де такіе случаи и примѣры. За дикарей ли и нехристей ихъ принимать, или ставить на равную ногу и приближать къ себѣ, — тогда все это еще не было выражено окончательно. Велѣно ласкаться, приказано угощать и дарить, а далѣе поступать согласно съ мѣстными обстоятельствами.

Амбаѣ ухалъ отъ насъ на-веселѣ: онъ налегъ на американское

Видъ Амура по выходѣ изъ Хинганскаго хребта.

шампанское въ 2 руб. бутылка, столько же сладко-горьковатое, какъ весенній сокъ молодыхъ березъ (жевица) и пѣнистое, какъ кислыя щи. Не пренебрегъ онъ и сибирскими наливками, между которыми нашлась и классическая мѣстная облепиховка, угодившая китайскому вкусу своей сладостью больше, чѣмъ характернымъ, въ родѣ ананаснаго, ароматомъ.

Съ отъѣздомъ китайскаго большого чиновника осталось для насъ еще одно манджурское развлеченіе, какъ я сказалъ,—ярмарка. Но она способна удержать вниманіе на одинъ лишь день, когда при-сматриваешься къ тому немногому, чѣмъ имѣеть силы и возможность торговать этотъ, скорѣе крѣпость, чѣмъ городъ, Айгунь. Мелкое пшено—буда, да рисовая водка—единые соблазны и болѣе ходкіе товары, если присоединить еще сюда для шаловливой молодежи бумажные вѣеры съ грубыми скандальными картинками. Для забавы досужихъ и скучающихъ объявилось сверхсмѣтное удовольствіе видѣть въ лицахъ ту скрытую ненависть, которую питаютъ побѣжденные китайцы къ манджурамъ. Широколицый, сытый манджуръ—молодой парень, прикащикъ, дрался съ сухощавымъ желтолицымъ китайцемъ, тоже купеческимъ прикащикомъ. Началось дѣло изъ-за спора о національныхъ преимуществахъ; быстро загорѣлись недобримъ огонькомъ глаза, вскипѣло сердце, сдерживаемое приличіемъ на чужихъ людяхъ,—и разгорѣлось оно, и расходились руки. До сихъ поръ оба эти пѣтуха, въ особенности передъ прочими прикащиками, надоѣли намъ не меньшей жидовской назойливостью, являясь ежедневно: и насорить на полу пепломъ изъ своихъ трубочекъ, и измучить предложеніями обмѣнять бумажки, взятыя ими за товаръ, на серебро. За два серебряныхъ цѣлковыхъ они охотно давали трехрублевую бумажку и развели новую отрасль торговли, сколько по необычайной способности и племенной страсти ко всякимъ торговымъ предпріятіямъ, столько и потому, что хорошо знали распоряженіе высшаго русскаго начальства въ пользу служащихъ на Амурѣ. Всякій изъ такихъ, получая въ казначействѣ жалованье, имѣлъ право $\frac{2}{3}$ его потребовать серебряною монетою. Въ такихъ же условіяхъ очутился и я, когда пришлось разомъ получить содержаніе изъ суммъ морскаго министерства за три мѣсяца, въ теченіи которыхъ мнѣ не удалось попасть ни въ одно казначейство (да ихъ и не было на всѣхъ трехъ тысячахъ верстѣ). Я не располагалъ воспользоваться своимъ правомъ, но вынужденъ былъ къ тому неожиданнымъ случаемъ, доставившимъ мнѣ интересное знакомство. На немъ и остановлюсь.

III.

Одинъ изъ колонизаторовъ.

Въ то утро, когда я расположился очистить свою денежную статью, передо мною встала незнакомая фигура, вкрадчивымъ, очень ласковымъ голосомъ сразу поспѣшившая выпросить извиненіе за беспокойство. Это былъ здоровенный парень, судя по мундиру, служившій юнкеромъ въ мѣстномъ линейномъ батальонѣ, здоровый и гладкій. Вытесанный богатыремъ въ спигѣ и плечахъ, но не особенно искусно, онъ казался неуклюжимъ; былъ бѣлокуръ по природѣ и забавенъ по благопріобрѣтеннымъ угловатымъ манерамъ. Прозывался онъ «Вѣлыхъ», въ оправданіе той бѣлокурости, которая, вѣроятно, была у него наслѣдственной, судя по фамилии, придуманной совершенно по сибирскому обычаю, гдѣ не спрашиваютъ незнакомаго, чей ты?, а «чьихъ вы?» Отсюда и «сизыхъ», «черныхъ», «нагихъ» и «пареныхъ» и, даже, «жареныхъ».

Онъ сообщилъ мнѣ, что казначей ждетъ меня съ деньгами, что приготовилъ къ выдачѣ триста серебряныхъ рублей. При этомъ онъ поспѣшилъ выразить сомнѣніе, какъ я понесу такую тяжесть, и что съ серебромъ буду дѣлать, на обратномъ пути по Амуру въ Сибирь. Меня уже не удивляло, какимъ образомъ онъ подробно узналъ объ моемъ, такъ-сказать, домашнемъ и карманномъ дѣлѣ. Не только въ городѣ, гдѣ всякій хорошо знаетъ другъ друга въ лицо, но и во всей области не затруднялись узнавать новыхъ и пришлыхъ не только ближайшія начальства, но и высшее. Самъ губернаторъ доказалъ это. Гуляя около манджурской ярмарки по берегу рѣки, онъ сразу съумѣлъ отличить кучку новыхъ людей изъ мужиковъ, и тотчасъ же поспѣшилъ спросить ихъ: откуда?

— Съ Зеи-рѣки.

— Какъ такъ?! Тамъ я всѣхъ на перечетъ знаю: и молоканъ и православныхъ. А васъ я въ первый разъ вижу и никто мнѣ про васъ не говорилъ.

— Да мы тамъ недавно: мы тамъ поселъе ладимъ. Избы срубили, печи сложили, пришли вотъ гвоздей поискать, крупки вымѣнять, солцы купить мало-мало.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что это были самовольные выселенцы. Ихъ поселили въ низовьяхъ Амура, дали такое скверное мѣсто, которое я уже имѣлъ случай описать въ своей книгѣ («На Востокѣ»), что они, долго не думая, бросили его, поднялись сюда по рѣкѣ, за тысячу верстъ и заняли привольное мѣстечко по Зеѣ. За то къ нимъ примѣнили русскій законъ, т. е. этапнымъ порядкомъ препроводили на постылое и кинутое пепелище.

Впрочемъ, я заговорился, и про юнкера забылъ. Google

Когда я высказалъ ему о давно придуманномъ для себя рѣшеніи не пользоваться преимуществомъ полученія содержанія своего серебромъ, въ интересахъ остающихся здѣсь и при личномъ неудобствѣ возиться въ дорогѣ съ лишнею тяжестью, онъ пересталъ скрываться и прямо пошелъ на приступъ, приступилъ къ дѣлу. Смѣло предугадывая, что я поступлю такъ, какъ увѣрялъ, Бѣлыхъ усердно просилъ взять серебра на его долю: онъ остается здѣсь; ему, по его общественному положенію, ежемѣсячно приходится получать всего лишь три или пять этихъ казенныхъ серебряныхъ цѣлковыхъ, и что ему съ ними дѣлать, когда на Амурѣ все дорого и все приходится покупать у манджуръ и на всемъ терять при этомъ по многу, когда отдаешь за товаръ бумажныя деньги.

Я рѣшился исполнить его просьбу и не мало былъ изумленъ и озадаченъ, когда объяснили мнѣ, по уходѣ юнкера, что одолженіе мое не только бесполезно, но и вредно въ томъ отношеніи, что мои серебряныя рубли попали въ дурныя руки. Вотъ что я узналъ.

Такимъ вотъ молодымъ и съ такими крупными задатками физической силы прибылъ онъ на безлюдный и полуголодный Амуръ, гдѣ въ его званіи нельзя было ни сильными руками поработать, ни мощныхъ плечъ распрямить. Когда загуливалъ безшабашный линейный офицеръ изъ неудавшихся и исключенныхъ изъ корпуса кадетъ и начиналъ пить одну за другой, закусывая черемшой, юнкеръ разводилъ по городу взводы и становился гдѣ-нибудь на караулѣ. Онъ оберегалъ либо казенныя деньги, которыхъ было очень мало и временами не хватало на удовлетвореніе всѣхъ служащихъ жалованьемъ, либо каторжныхъ арестантовъ, которые всѣ единодушно тосковали по сибирскимъ лѣсамъ и волѣ и измышляли разныя подходящія средства къ побѣгамъ. Новому поселенцу и молодому человѣку Амуръ предложилъ на волю и на выборъ, какъ и всѣмъ прочимъ, что-нибудь изъ двухъ: или самому начать спиваться и впитаться въ водку такъ, чтобы изумлять и хвастаться непобѣдимостью, либо, оставивъ въ сторонѣ это баловство, высматривать на трезвое, на иныя полезныя занятія отъ скуки и на досугѣ. Вотъ ему для развлеченія и поощренія въ службѣ предложена равнодушнымъ начальствомъ отвѣтственная командировка:— доставить въ первую станицу за Хинганомъ, верстъ за 400 отъ Благовѣщенска, баржу съ хлѣбомъ. До сихъ поръ амурскіе водяные черти спихивали эти баржи со стрежа на мель и одну всадили, во время весенняго половодья, прямо-таки, на смѣхъ и удивленіе, въ самую середину большого острова (самолично я это видѣлъ).

Бѣлыхъ, отправляясь въ длинный путь и на долгое время, захватилъ съ собой все свое имущество, въ которомъ неизбѣжно полагался всѣмъ нужный и всѣхъ выручавшій изъ бѣды котелокъ: заварить кирпичнаго чаю съ затураномъ, сварить уху изъ дешевой и очень вкус-

ной амурской рыбы. Мнѣ за папухъ листового табаку въ $\frac{1}{4}$ фунта, гольдъ далъ положительно полпуда свѣжей, сейчасъ вынутой изъ рыбы, бѣлужьей крупно-зернистой икры. Съ котелкомъ и съ запасными броднями, гдѣ голенище подвязывается къ ногѣ два раза, подъ колѣнками и надъ щиколкой, прибылъ Бѣлыхъ къ мѣсту назначенія благополучно; провіантъ сдалъ въ цѣлости и сохранности. Сталь отдыхать тутъ же подлѣ станицы, верстахъ въ трехъ, сидя передъ костромъ и своимъ котелкомъ. На огонь выходили съ берегу и изъ-за лѣсу гольды; сидели съ нимъ рядомъ кой о чемъ помолчать; курили трубочки, слевывали и, Боже сохрани,—не въ огонь, боясь его злаго духа. Изъ всѣхъ, собравшихся глядѣть на чужой огонь дикарей, выдѣлился одинъ; показалъ рукой на котелокъ и на свое сердце, — значить нравится. Посидѣлъ онъ тутъ, не спуская глазъ съ котелка, почмокалъ губами, спряталъ за пазуху трубочку — и ушелъ. Вскорѣ, опять его круглая фигура съ широкимъ лицомъ и грязной косою торчала на корточкахъ на прежнемъ мѣстѣ, когда котелокъ былъ опростанъ, снятъ съ огня и простылъ. Гольдъ то посмотритъ на него, то погладитъ его рукой, поласкаетъ и опять несетъ руку къ сердцу и прикладываетъ ее къ головѣ:—значить надумалъ приобрести, и, притомъ, съ полною радостію и большимъ нетерпѣніемъ. Юнкеръ рукой отмахивается и показываетъ на лѣсъ: «вещь не продажная,—ступай, откуда пришелъ. Мнѣ самому она нужна и что я самъ безъ нея въ вашихъ проклятыхъ пустынныхъ мѣстахъ буду дѣлать?»

Гольдъ полѣзъ за пазуху,—вытащилъ соболя: просить за него, что ему понравилось, отдаетъ, что самому не нужно. Можетъ быть манчжурскіе сборщики уже и пришли и обобрали ясачныхъ; этотъ соболекъ вольный и, вѣроятно, припрятанный. Взглянулъ юнкеръ на соболя, опять замоталъ головой и махнулъ рукой на лѣсъ.

На другой разъ гольдъ принесъ двухъ соболей—стало-быть хорошо понялъ дѣло: дотолковались,—теперь можно начать торговаться. Суетъ онъ шкурки одной рукой, а другой котелокъ придвигаетъ. Взглянулъ юнкеръ на соболей: оказались изъ обыкновенныхъ амурскихъ,—мелкіе, рыжеватые, въ лавкахъ амурской компаніи цѣна имъ рубля четыре-пять (камчатскіе лучшіе стоили въ то время 20 руб. шкурка). Взглянулъ на шкурки, да по пути и въ глаза гольду: горятъ они дикимъ огонькомъ. А юнкеръ опять бѣлокурыми волосами трясетъ и кулакомъ показываетъ на шею: не послушаешься—выпровожу силой, угощу по русски, если еще въ жизни своей не пробовалъ.

Худо, должно быть, спалъ всю ночь гольдъ, потому что пришелъ ни свѣтъ-ни заря и настойчиво растолкалъ продавца. Показываетъ ему три шкурки, одну руку отъ сердца не отнимаетъ и даже слезу пролилъ.

Видишь, какъ тебѣ приглянулся котелокъ: новыми его даромъ

за то, что, видно по всему, нужная тебѣ эта вещь и взять ее негдѣ. Есть ли на свѣтѣ положеніе хуже и безвыходнѣе твоего въ настоящемъ случаѣ? Неужели затѣмъ только ты и на свѣтѣ родился, чтобы валились на тебя безконечныя бѣды? А у тебя, униженнаго до скотскаго подобія, нѣтъ противъ нихъ никакой защиты. Возьми котелокъ даромъ, на память, — будемъ друзьями. Всѣмъ извѣстно, какъ глубоко и долго простое твое сердце будетъ чувствовать одолженіе и какъ высоко разцѣнитъ оно этотъ самый пустой подарокъ. Не удивишь, если останешься на вѣки другомъ, и всю жизнь будешь считать себя должникомъ.

Не такъ, однако мыслилъ юнкеръ Бѣлыхъ. Онъ не замѣчалъ передъ собою беспомощную, умоляющую бѣдность: онъ прогналъ старика гольда за четвертымъ сободемъ и самъ сходилъ, на очистку совѣсти, въ юрту. Узналъ онъ теперь, гдѣ живетъ покупищикъ, увидалъ у него еще много соболей, оказалось, что попалъ на счастливаго и удачливаго звѣролова. Изъ юрты отправился юнкеръ въ Михайло-Семеновскую станицу, въ лавку амурской компаніи: соболей обмѣнялъ на серебряные рубли (на бумажные деньги ихъ не продавали): — и довольно бы ему на первый разъ такой выгодной коммерческой сдѣлки. Въ самомъ дѣлѣ, пошелъ мѣдный котелокъ чуть не за серебряную вазу и повѣсть о томъ превратилась въ легенду, въ сказку изъ тысячи и одной ночи. Она ходила въ веселыхъ разказахъ по всему Амуру съ нижеслѣдующимъ продолженіемъ.

Вымѣнялъ ловкій человекъ выгодно соболя шкурки, — и беречь бы свою: ѣхать обратно на службу. Станичное начальство, попавшее случайно на встрѣчу, даже и намекнуло о томъ. На своей лодкѣ Бѣлыхъ послѣ того побывалъ только затѣмъ, чтобы, очистивъ отъ грязи и пыли, высвѣтлить свои легкіе цѣлковые и пропасте дня на четыре.

Вернулся онъ безъ цѣлковыхъ, но съ цѣлымъ сорочкомъ соболей. Самъ простодушно сознавался онъ въ томъ, что къ старому знакомому гольду не заходилъ, а забирался на своихъ сильныхъ ногахъ въ такія трупы по верховьямъ рѣчекъ, гдѣ еще русскаго духа слыхомъ не слышать и видомъ не видать. Манджуры въ то время стали уже побаиваться наѣзжать въ улусы лѣваго амурскаго берега, чтобы не залѣсть въ чужое государство и не быть въ отвѣтѣ передъ чиновниками обѣихъ имперій вмѣстѣ. Русскіе оказались тоже большими охотниками до пушнаго звѣря и простодушнаго дикаря, который не понимаетъ цѣны ни въ трудѣ, ни во времени, и цѣнить лишь одинъ зарядъ пороху, да пульку.

Придя въ юрту, Бѣлыхъ соблазнялъ гольдовъ блескомъ и званомъ своихъ цѣлковыхъ, за которые торгующіе манджуры, охотно давали и листовой табакъ, и рисовую водку, и муку. Разговаривалъ юнкеръ съ дикарями на томъ понятномъ ему языкѣ, что

когда видѣлъ разгорѣвшіеся глаза: бралъ двухъ-трехъ соболей и клалъ на одинъ цѣлковый — а затѣмъ торговался. Снялъ дикарь двухъ; вдохновенный удачами, покупатель бралъ изъ его рукъ одного или двухъ и затѣмъ выжидалъ, что будетъ: промолчить онъ, или протянетъ руку?

Потомъ рассказывалъ онъ съ обычнымъ своимъ смѣхомъ въ кулакъ и себѣ подъ ность, что не одинъ разъ случалось, что гольды уступали двухъ соболей за яркій и звонкій серебряный кружокъ, который хорошо и ловко вертится и у русскихъ въ рукахъ, когда покупаешь синюю дабу на новую куртку (курму). И прибавлялъ Бѣлыхъ къ своему рассказу:

— Я еще разъ хотѣлъ идти къ нимъ, и еще дальше, да войсковой старшина самъ приходилъ на лодку и строго приказывалъ отчаливать: больше трехъ сутокъ прохладиться не велѣно.

Въ Благовѣщенскѣ серебряные рубли изъ другой лавки амурской компаніи дождались того времени, когда послѣ ярмарки стали шататься по квартирамъ городскимъ айгунскіе манджуры и шепелявить по дѣтски: «селебело еси купи?», т. е. на вотъ бери, наживай себѣ цѣлый рубль на два.

Намѣнялъ Бѣлыхъ бумажекъ; ихъ въ свою очередь размѣнялъ на табакъ Бостанджогло, который весь скупилъ изъ амурской лавки. Съ товаромъ этимъ съ тѣхъ поръ стало туго: продавцовъ нѣтъ, покупателей много. Требованія напряглись. Кто вдвинетъ товаръ, тотъ обогатится.

О столь извѣстномъ правилѣ на всѣхъ рынкахъ давно смекнулъ нашъ юнкеръ и явился теперь табачнымъ монополистомъ. Онъ держитъ товаръ въ однѣхъ рукахъ, и никакой цѣны не объявляетъ, и никому табаку въ розницу не продаетъ. Весь товаръ у него: и въ 25 коп. четвертка и самый дешевый. А понять его коммерческаго фортеля никто не можетъ. Выручаетъ обиженныхъ, утѣсенныхъ случай, и они, достаточно наругавшись, хотѣли было уже идти жаловаться по начальству.

Юнкеръ Бѣлыхъ, выпросилъ себѣ приватное занятіе, — поступилъ писцомъ въ полицейское управленіе. Писалъ онъ не твердо и криво по бабьему; грамоту разумѣлъ вообще плохо. Книгъ не читалъ, а вмѣсто книгъ любилъ заглядывать въ карты. Игралъ онъ, впрочемъ, только въ носки изъ-за того, какъ объяснялъ, чтобы не проигрывать накопленныхъ денегъ: не по карману бей, а хлопай по носу, хотя бы до пузырей. Не твердо и перо держалъ онъ въ рукахъ и часто капалъ на чистую бумагу, досаждая начальству, получалъ сердитые выговоры, когда, переписывая бумаги набѣло, портилъ тѣ, которыя шли въ руку акуратнаго и чистоплотнаго генерала. Полиціймейстеръ радъ былъ и такому мастеру письменнаго дѣла, который все таки былъ грамотнѣе прочихъ юнкеровъ, и при этомъ трудолюбивъ и послушенъ. Жалованьемъ, съ

общему удивленію, онъ ограничивался самымъ маленькимъ, и даже какъ будто ставилъ его себѣ ни во что. За то очень хлопоталъ и просилъ лишь о томъ, чтобы отдали ему даромъ большую казарменную комнату при полиціи для квартиры. Этимъ онъ удивлялъ до тѣхъ поръ, пока не объявилась въ лицахъ его затаенная мысль.

Въ казенной квартирѣ придѣлалъ Бѣлыхъ своими руками, сверхъ своей, четыре новыя нары изъ нетесанныхъ досокъ. Сколотилъ большой столъ и придѣлалъ скамейки.

Таинственныя приготовленія вскорѣ объяснились: онъ собралъ изъ товарищей - юнкеровъ харчевую артель, пайки у нихъ отбиралъ, а за то предлагалъ нары, теплую комнату въ холодную зиму, приварокъ горячій, хлѣбъ крутой и свою досужую бесѣду. Одному человѣку изъ пайка нечего было выкроить—надо искать помощи въ людяхъ,—изъ пяти пайковъ вмѣстѣ въ ловкихъ рукахъ артельного старосты вскипѣлъ сытный, крутой и споркой обѣдъ. Юнкера остались довольны. Стали спать послѣ такихъ обѣдовъ богатырями, самъ Амбанъ приходи съ войной, — не добудится. Къ артельному своему старостѣ молодежь прилѣпилась: голова съ мозгомъ, отецъ-благодѣтель. Денегъ никакихъ за постой и прокормъ онъ не требуетъ, а кормитъ всякій день горячей пищей и желаетъ только такой легкой работы, какъ набивка табаку и клейка папиросныхъ патроновъ и легкихъ бумажныхъ обертокъ на каждую сотню. На фунтъ манджурскаго листоваго табаку, который юнкера также должны были рѣзать и крошить, Бѣлыхъ клалъ четвертку бостанджоглова (какъ выражался онъ), и сотню такой дряни продавалъ за два рубля. Всѣ платили ему охотно не по одному тому, что лучшаго взять было негдѣ, а и за то, что этотъ былъ очень сердитъ и внушительнъ. Въ куреньѣ, при благовѣщенской скукѣ, обрѣталось всѣми большое утѣшеніе—въ скорбяхъ и печаляхъ: курили запоемъ до обмороковъ. Не все же спать до пузырей на глазахъ, надо же было выбрать время вспомнить о прошломъ и потосковать объ родныхъ и Россіи. Иному, послѣ корпуса, цѣлый Петербургъ, засыпанный разнообразными соблазнами и задохнувшійся по горло удовольствіями, цѣлыя ночи на пролетъ не давалъ покоя. Папиросы въ эти жуткіе часы и времена потреблялись въ великомъ множествѣ. Капиталь у Бѣлыхъ выросалъ; амурскій прикащикъ при всякой встрѣчѣ его являлъ и застращивалъ, что курительнаго товару больше продавать ему не станеть. Вслѣдствіе повсемѣстнаго употребленія юнкерскаго товару, городскія дамы сначала умели гости ходить курить на улицу, а потомъ привыкли. Некому стало напомнить о тѣхъ золотыхъ временахъ, когда папироса не дымилась сосновой головѣшкой.

Бѣлыхъ тѣмъ временемъ и соболька перекупалъ при случаѣ, и бумажные денежные знаки по прежнему вымѣнивалъ у манджурскихъ прикащиковъ на ярмарѣ. Онъ все былъ на ногахъ, на ходу

и въ хлопотахъ и въ особыхъ переговорахъ на улицахъ съ разными лицами. Успѣвалъ показывать и свое слабое мѣсто, лишь только долетали до его слуха звуки фортепьяно, когда и онъ, въ числѣ прочихъ, приглашался въ тотъ музыкальный домъ, въ гости на вечеръ. Любилъ онъ танцевать не только до упаду, но и до кроваваго пота. Я былъ личнымъ свидѣтелемъ, на сколько велика была его физическая сила. Танцевалъ онъ также скверно, какъ и переписывалъ бумаги, но страшно любилъ это занятіе. Когда приспѣвалъ тому часъ и заявлялось требованіе на его помощь и поддержку—онъ былъ всегда первымъ. Работать, такъ работать въ полную силу,—говорилъ онъ и ногами и руками: теперь она, моя великая сила, мнѣ не нужна, возьмите всю, да еще съ прибавкой,—съ приваркомъ за милое вниманіе къ моему ничтожеству. Онъ носился въ вальсѣ безъ удержу, встряхивая головою, какъ лошадь гривой. Когда прекращалась музыка и онъ, красный какъ ракъ, долженъ былъ отдыхать, я видѣлъ, какъ продолжали бить тактъ и снова проситься въ плясъ его богатырскія крѣпкія ноги. Видно было, что и ногами управляла во всю свою силу та же могучая воля, которая неудержимо потянула его на корысть и наживу, и не давала ему ни отдыха, ни покоя. Неуклюжимъ его пируетамъ въ танцахъ всѣ смѣются, лошадинымъ топаньемъ его всѣ весьма тяготятся и выговариваютъ объ этомъ прямо въ глаза. Но его мѣдный лобъ черезъ нѣсколько минутъ опять откинулся назадъ вмѣстѣ съ головой и вертится все туловище не въ тактъ музыкѣ, въ полную помѣху танцующимъ парамъ и на потѣху зрителямъ. Онъ и здѣсь кажется барышничаетъ, приторговываетъ. Сколько людей усердными танцами плѣнили женщинъ и вытанцовывали себѣ невѣсты не красивымъ лицомъ, не ловкимъ или умнымъ разговоромъ съ приличными манерами, а однимъ лишь усердіемъ и настойчивостью. Къ тому же здѣшнія невѣсты такъ довѣрчивы и простодушны; инныя дѣвицы затѣмъ и поѣхали на это безлюдье, чтобы выискать мужа и пристроиться. Не затѣмъ ли нашъ юнкеръ наживалъ и копилъ деньги, чтобы приладивъ къ нимъ зазорные танцы, плѣнить наивную и малодушную избранницу и присвататься къ ней?

— Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ!—останавливали мои предположенія тамошніе знатоки, когда пошелъ опредѣлившійся слухъ, что у Бѣлыхъ перевалилъ капиталъ за тысячу рублей, въ то время, когда у гольда котелокъ юнкерскій началъ уже, вѣроятно, прогорать и скоро потребуесть заклепокъ.

— Помилуйте (спорилъ я): — онъ мнѣ самъ признавался, что деньги копить для того, чтобы уѣхать въ Россію и поступить тамъ въ гусары. Вы надъ нимъ насмѣхаетесь, вы его достаточно убѣждали въ томъ, что онъ скверно танцуетъ; но онъ настолько увѣренъ въ своемъ умѣньѣ и настолько не развитъ, что очень раз-

считываетъ танцами привлечь невѣсту и краснымъ мундиромъ съ золотыми шнурами ее окончательно побѣдить. Средство настолько испытанное и самое дѣло столь извѣстное, что несомнѣнно и до него дошли о томъ слухи.

— Не такъ онъ простъ, чтобы этимъ увлекаться и не затѣмъ ему хочется въ гусары. Да онъ и самъ же разъ наивно сознавался и простодушно толковалъ о матушкиныхъ сынкахъ, объ ихъ кутежахъ и вѣчной нуждѣ въ деньгахъ. Вотъ куда онъ мѣтитъ. Вотъ объ чемъ онъ мечтаетъ, вкусивши сладкихъ плодовъ отъ проклятаго злата. А если безсовѣстно пляшетъ теперь, то это онъ бревна ворочаетъ: вѣдь для этого же и создана спина его и эти крѣпкія ноги и длинные руки. А ему вмѣсто бревенъ дали перо. Просто онъ радъ случаю, и не самъ онъ радъ своимъ духомъ, а радуется, тѣшится и млѣетъ его неладно скроенное, но крѣпко сшитое тѣло. Онъ и теперь даетъ по мелочамъ въ долгъ за большіе проценты деньги купеческимъ прикащикамъ и, что всего хуже,—товарищамъ. Вотъ почему не нравилось намъ, что онъ беззастѣнчиво и нахально подлѣзъ къ вашимъ серебрянымъ рублямъ. Это—несомнѣнно будущій крупный торговецъ сибирскаго направленія и того сорта человѣкъ, который не ходитъ рутиннымъ напотаннымъ путемъ, а, какъ слышали, ищетъ самыхъ темныхъ людей въ нежилыхъ мѣстахъ. Онъ ищетъ соболя и откроетъ первымъ еще какой-нибудь неоткрытый Беринговъ проливъ. Ему сверхъ прочаго захочется чернобурой лисицы—и онъ попадетъ въ какую-нибудь новую землю, до тѣхъ поръ неслыханную, и отыщетъ богатства, никому не вѣданныя. Конечно, это далеко впоследствии, а до того времени онъ успѣетъ образумиться, одуматься. Въ гусары онъ ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ: это—временное увлеченіе подъ давленіемъ некрасиваго и невыгоднаго пѣхотнаго мундира, простая ребячья мечта, надъ которою онъ скоро будетъ искренно, во все широкое горло, смѣяться. Въ немъ уже плотно и прочно сидитъ тотъ злой духъ, который въ великомъ множествѣ шатается по сибирской странѣ и ищетъ свободнаго, способнаго и подручнаго гнѣздилища. Онъ именно изъ такихъ химиковъ, при малограмотствѣ (которое тоже очень кстати подобнымъ людямъ), и при мѣдномъ лбѣ, который достаточно навертѣлся, и насверкалъ, и назвонилъ передъ нами.—Ему двѣ дороги: либо сдѣлаться «таежнымъ волкомъ» (самое худшее при случайныхъ обстоятельствахъ), либо «обуховой родней», чему признаки ясно видятся въ немъ уже и теперь въ полной силѣ, со всѣми оттѣнками кореннаго, своеобразнаго сибирскаго пошиба.

Онъ и мнѣ, спустя очень много времени, первымъ приходитъ теперь на память, какъ природный сибирякъ по праву рожденія и по натурѣ, обнаружившей такую силу и волю и такія чрезвычайныя склонности при нерадовой энергіи и настойчивости. Про нѣ-

что похоее мы уже и раньше читали и слышали, а потому нелишнее будетъ навести о томъ справку. Поставимъ его подъ известную мѣрку, пригонимъ въ версту съ другими знакомыми намъ типами и посмотримъ, въ какой онъ разрядъ попадетъ и на что погодится! Время спросить теперь по тамошнему: чьихъ онъ будетъ?

С. Максимовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СЕМЕЙСТВО ТУРГЕНЕВЫХЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

«Одну я сказку знаю эту
Ее повѣдаю я свѣту.»

Пушкинъ.

ПОСЛѢ КОНЧИНЫ нашего знаменитаго писателя И. С. Тургенева въ разныхъ журналахъ появились воспоминанія о немъ лицъ, болѣе или менѣе, близко его знавшихъ. Въ этихъ воспоминаніяхъ много любопытнаго, но не мало и невѣрнаго. Я много лѣтъ знала семью Тургеновыхъ, въ особенности мать писателя, Варвару Петровну, которая была очень ко мнѣ расположена. Я жила въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Варвары Петровны и съ 1836 по 1840 годъ почти ежедневно бывала у нея; жена же ея старшаго сына, Николая Сергѣевича, была моей сверстницей и подругой. Многое я теперь забыла, но все же въ моей памяти сохранились довольно ясно нѣкоторые факты изъ семейной жизни Тургеновыхъ, и я рѣшаюсь передать ихъ какъ умѣю, въ надеждѣ, что они могутъ показаться не лишними интереса для почитателей покойнаго писателя и исправятъ невольныя ошибки, вкравшіяся въ воспоминанія о немъ другихъ лицъ.

Прежде всего считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о домѣ, въ которомъ родился Иванъ Сергѣевичъ и который сгорѣлъ въ 1839 году. Домъ этотъ имѣетъ свою исторію и достоинъ описанія потому, что событія, въ немъ происходившія, имѣли отчасти вліяніе на жизнь Ивана Сергѣевича.

Старый домъ былъ большой и не каменный, какъ сказано въ одномъ журналѣ (кажется въ «Нивѣ»), а деревянный двухэтажный. Зала въ немъ имѣла два свѣта. О величинѣ ея можно судить по окнамъ верхняго свѣта, которые были вышиною въ 5 аршинъ; одну изъ этихъ рамъ можно видѣть и по сей часъ въ Спасскомъ. Нижний этажъ былъ подвальный съ кладовыми. Рядомъ съ залой находилась обширная гостиная, меблированная дорогой, но старинной мебелью. Окна выходили въ садъ, у одного изъ нихъ былъ устроенъ читальный кабинетъ Варвары Петровны, отдѣленный дорогою зеленою на трельяжѣ и плющемъ. Здѣсь стояла небольшая козетка, письменный столикъ и одно кресло. Посреди гостиной помѣщался мягкій патъ въ квадратѣ 2 арш. Мы, молодежь, почти всегда сиживали на немъ, работали, или въ тихомолку болтали. Мы ей не мѣшали, по она, скрытая за зеленою, зорко за нами наблюдала.

Затѣмъ, изъ комнатъ замѣчательнѣе былъ кабинетъ отца Ивана Сергѣевича. Это было святилище послѣ смерти Сергѣя Николаевича, въ которое никогда никто не смѣлъ входить. Въ теченіи моего четырехлѣтняго, почти ежедневнаго посѣщенія Спасскаго, мнѣ удалось побывать въ этомъ святилищѣ одинъ только разъ и то тайкомъ. Комната была очень большая, окна выходили во дворъ; въ ней стояло 4 письменныхъ стола, нѣсколько кушетокъ и креселъ изящной работы; стѣны были окрашены масляной краской свѣтлодикаго цвѣта и украшены бѣлымъ, лѣпнымъ карнизомъ; потолокъ окрашенъ бѣлой масляной краской и разрисованъ арабесками на срединѣ. На стѣнахъ висѣли картины: одна изъ нихъ была задернута бѣлой занавѣской: то былъ портретъ Сергѣя Николаевича, рисованный въ Парижѣ. Сергѣй Николаевичъ былъ изображенъ въ халатѣ, съ бѣлымъ откладнымъ воротникомъ голландской рубахи. Лицо покрыто матовой блѣдностію; оно было очень выразительно и въ глазахъ просвѣчивало страданіе отъ многолѣтней, неизлѣчимой болѣзни.

Домъ этотъ принадлежалъ Ивану Ивановичу Лутовинову, дядѣ матери Ивана Сергѣевича, Варвары Петровны. Въ день пожара я обѣдала у Варвары Петровны и въ 9 часовъ вечера уѣхала оттуда. Въ 11 увидала большое зарево въ Спасскомъ—и въ нѣсколько часовъ домъ сгорѣлъ до основанія. Причиной пожара была, смѣшно сказать, больная корова. Противъ дома, съ правой стороны, упираясь въ плотину, стояли дворовыя избы, крытыя соломой. Знахарь посоветовалъ бабѣ обкурить, даннымъ ей корешкомъ, больную корову, но непремѣнно въ старомъ лаптѣ и, не вытряхая горячихъ угольковъ, закопать его подъ притолку хлѣва. Строеніе загорѣлось, поднялся вихрь, пламя перекинуло на домъ и все сгорѣло.

Иванъ Ивановичъ былъ холостъ, каковымъ и умеръ. Онъ жилъ совершеннымъ магнатомъ. Къ нему нерѣдко собиралось общество чело-

вѣкъ до полутора ста; гостили по нѣсколько дней, пировали: это пока-зываетъ—на сколько домъ былъ обширенъ. О богатствѣ же Лутовинова можно судить по тому, что когда онъ умеръ, то одной серебряной посуды осталось 60 пудовъ и денегъ 600,000 руб. Хотя это было на ассигнаціи, но въ то время подобная сумма равнялась нынѣшнему милліону. Ивану Ивановичу кромѣ того принадлежало нѣсколько имѣній въ разныхъ губерніяхъ: въ Орловской, Курской, Калужской и Тульской ¹⁾; однимъ словомъ, если бы выставить подставы въ его имѣніяхъ отъ города Жиздры чрезъ городъ Чернь до Курска, то по нимъ можно было бы проѣхать, какъ по станціямъ. Откуда взялись у него такія богатства—я не знаю. Говорятъ, что въ старыхъ записяхъ, хранящихся въ с. Спасскомъ, и по сіе время есть записки Ивана Ивановича Лутовинова въ такомъ родѣ: мѣдныхъ кулей столько-то, серебряныхъ столько-то и общій итогъ такой-то.

Иванъ Ивановичъ не любилъ свою племянницу Варвару Петровну. Причину такихъ отношеній между дядей и племянницей я тоже не берусь объяснить, потому что Варвара Петровна объ этомъ никогда ничего не говорила сама, кромѣ же ея никто не могъ знать истинной причины ихъ несогласія, могу лишь удостовѣрить только тотъ фактъ, что антипатія дяди къ племянницѣ возросла до такой степени, что Иванъ Ивановичъ выгналъ Варвару Петровну изъ своего дома, и намѣревался на другой же день по ея отсылкѣ ѣхать въ городъ для написанія духовной въ пользу своей сестры, но Богъ судилъ иначе: наканунѣ своего отъѣзда въ городъ, Иванъ Ивановичъ приказалъ своему тещу, конечно изъ своихъ крѣпостныхъ, почитать и во время чтенія потянулся за табакеркой (онъ нюхалъ табакъ) — потянулся... да такъ и остался мертвымъ отъ разрыва сердца.

Конечно, сейчасъ былъ посланъ гонецъ за Варварой Петровной, который догналъ ее и доложилъ о случившемся. Она немедленно вернулась, приняла мѣры къ охраненію имущества, затѣмъ предъявила права свои на наслѣдство по закону и, хотя женщина, но, какъ ближайшая наслѣдница по мужской линіи, вступила въ обладаніе всѣмъ безъ изъятія богатствомъ умершаго дяди. При описи и оцѣнкѣ всего имущества былъ, въ качествѣ засѣдателя, мой родной дядя, Александръ Никитичъ Чапкинъ, который мнѣ и раз-

⁴⁾ Тульской губерніи Ефремовскаго уѣзда: 1) Любовини, 2) Хмѣлевая, 3) Новоселово, 4) Яблоново, 5) Медвѣдка, 6) Кадново и 7) Сидново. Чернскаго уѣзда: 1) Кольна, 2) Степальная слобода и 3) село Тургенево. Калужской губерніи, Жиздринскаго уѣзда: 1) Козаки. Козельскаго: 1) Долгое. Курской губерніи, Курскаго уѣзда: 1) Семеновка. Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда: 1) село Топки. Мценскаго: 1) село Спасское, 2) Сомово, 3) Сычи, 4) Долгово, 5) Столбцово.

сказывалъ о жизни Ивана Ивановича Лутовинаова. Сказанное имъ подтверждается въ «Запискахъ Охотника» разсказами однодворца Овсянникова.

Варвара Петровна была не красива собой, не большого роста, немного сутуловатая, имѣла длинный и вмѣстѣ съ тѣмъ широкій носъ, съ глубокими порами на кожѣ, отчего онъ казался какъ бы немного изрытымъ; подъ старость носъ получилъ синеву. Глаза у нея были черные, злые, непріятные, лицо смуглое, волосы черные; она имѣла осанку гордую, надмѣнную, поступь величавую, тяжелую. Ее ни чему не учили. Читала она плохо, а писала — еще хуже. Характеръ у нея былъ въ полномъ смыслѣ деспотическій, о чемъ я поговорю ниже, а теперь разскажу о ея замужествѣ.

Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ былъ сынъ дворянина, имѣвшаго 140 душъ при селѣ Тургеневѣ. Служилъ онъ въ гусарахъ, былъ ремонтеромъ и пріѣхалъ къ Варварѣ Петровнѣ купить лошадей изъ ея завода. Онъ былъ молодецъ, красивъ, ловокъ, почему и понравился хозяйкѣ. Въ разговорѣ съ нимъ, Варвара Петровна, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, предложила ему сыграть въ карты съ условіемъ, что тотъ изъ нихъ, кто выиграетъ, можетъ по желанію назначить выигрышъ. Выигралъ Сергѣй Николаевичъ и, воспользовавшись случаемъ, просилъ ея руки. Она не отказала. Въ слѣдующее его посѣщеніе онъ тоже выигралъ и просилъ назначить день свадьбы. Свадьба состоялась. Спустя нѣкоторое время, Сергѣй Николаевичъ, чтобъ придать женѣ хотя какой нибудь лоскъ, поѣхалъ съ нею въ Парижъ, гдѣ онъ, такъ сказать, ее нафранцузилъ.

Пишущая эти строки познакомилась съ Варварой Петровной въ 1836 году. Я жила съ отцомъ въ пяти верстахъ отъ Спасскаго; часто бывала у Варвары Петровны въ старомъ домѣ, гдѣ всегда гостило много дѣвицъ. Избранными моими подругами были Елизавета Ивановна Дунаевская, по замужеству княгиня Кутушева, затѣмъ дѣвица Лаврова и дѣвица Анна Яковлевна Шварцъ, впоследствии вышедшая замужъ за старшаго сына Варвары Петровны, Николая Сергѣевича, противъ ея воли. Варвара Петровна, какъ я уже сказала, меня очень любила, многое разсказывала мнѣ изъ своей жизни. Разъ даже взяла съ меня едва ли не клятвенное обѣщаніе, чтобы я не вѣнчалась въ пятницу, такъ какъ будто бы этотъ день предвѣщаетъ несчастіе въ супружеской жизни.

— Я это испытала на себѣ, прибавила она, вѣнчалась я въ пятницу, и что-жъ! мой мужъ былъ болѣнъ въ теченіи послѣднихъ 10-ти лѣтъ моего замужества; то были 10 лѣтъ никому неизвѣстныхъ моихъ душевныхъ страданій.

Она разсказывала эпизоды изъ ея лучшихъ дней, о ея веселомъ житьѣ-бытьѣ въ Парижѣ, о сватовствѣ съ своимъ мужемъ, о надеждахъ на блестящую будущность и литературную извѣст-

ность Ивана Сергѣевича, который тогда былъ студентомъ Берлинскаго университета и началъ помѣщать свои статьи, кажется, въ «Современникѣ». Въ знакъ расположенія, она подарила мнѣ на память два парадныхъ платья изъ *tulle illusion*, украшенные бу-сами ¹⁾. Отъ этихъ платьевъ у меня и по настоящее время хранится нѣсколько букетовъ.

Какъ она кичилась своимъ богатствомъ, можетъ дать понятіе нижеслѣдующій случай: когда выходила за-мужъ, кажется, великая княжна Марія Николаевна, въ газетахъ, между прочимъ, было сказано, что за ней дается въ приданое миллионъ деньгами.

— Что за богатство? презрительно замѣтила Варвара Петровна.— И за моимъ Иваномъ будетъ миллионъ.

Разсказывая, что когда пріѣхала въ Россію знаменитая танцовщица Таліони, то въ первый ея представленія за ложу въ бельэтажѣ платили по 300 руб., но съ возвращеніемъ изъ-заграницы окойнаго государя, Николая Павловича, цѣны мѣстамъ сдѣлались обыкновенныя, Варвара Петровна прибавила:

— Это было невыносимо, никто тогда не могъ замѣтить разности положенія между публикою.

Варвара Петровна осталась вдовой. Я уже сказала, что характера она была деспотическаго. Въ домашней обстановкѣ своей она старалась подражать коронованнымъ особамъ; такъ, крѣпостные люди ея, исполнявшіе ту или другую обязанность при ней, назывались не только придворными званіями, но даже фамиліями тѣхъ министровъ, которые занимали соотвѣтствующія должности при высочайшемъ дворѣ, такъ, напримѣръ, дворецкій звался министромъ двора, и ему была придана фамилія тогдашняго шефа жандармовъ, генерала Бенкендорфа. Мальчикъ, лѣтъ 14, завѣдывавшій съ нѣсколькими помощниками полученіемъ и отправкою писемъ и газетъ, назывался министромъ почты. Эти два министра болѣе другихъ вѣвались въ моей памяти, такъ какъ съ ними, по ихъ положенію въ ея домѣ, я встрѣчалась чаще, чѣмъ съ другими.

Безъ инициативы со стороны самой Варвары Петровны съ ней никто не смѣлъ заговорить. Напримѣръ, министръ ея двора являлся съ докладомъ, останавливался у дверей и ждалъ разрѣшительнаго знака говорить, и если этого знака Варвара Петровна минуты съ двѣ не подавала, то это значило, что доклада она въ то время выслушивать не желала, и министръ ретировался.

Приходъ почты возвѣщала большой колоколъ ²⁾. Почталіоны

¹⁾ Въ этихъ платьяхъ она была на балахъ въ Парижѣ.

²⁾ Этотъ колоколъ и до сихъ поръ цѣль. Когда Иванъ Сергѣевичъ былъ въ послѣдній разъ въ селѣ Свасскомъ, по звуку его собирались всѣ гости въ домъ или для обѣда, или къ чаю, завтраку.

съ колокольчиками бѣгали по корридорамъ обширнаго дома, а министръ почтъ, одѣтый по формѣ, преподносилъ на серебряномъ подносѣ газеты и письма, адресованныя на имя Варвары Петровны. Присутствовавшіа изъ насъ, молодыхъ дѣвушекъ, замѣняли ей секретарей и читали вслухъ указанное ею. Если письма были ей пріятны—мы ликовали; но если выходило обратно, то всѣ живущіе, притаявъ дыханіе, оставались безмолвными, а я убѣжала домой.

Однажды, Варвара Петровна ходила въ раздумьѣ по комнатѣ. Въ эту минуту въ дверяхъ показался ея управляющій, полковникъ Бакунинъ.

— Варвара Петровна, сказалъ онъ, Сычи ²⁾ сгорѣли.

Она не обратила вниманія на его слова.

— Варвара Петровна, Сычи сгорѣли.

Она молчала.

— Сычи сгорѣли, повторилъ онъ еще разъ, сдѣлавъ къ ней шагъ впередъ.

Она быстро повернулась къ нему и дала ему пощечину, закричавъ:

— Какъ вы смѣли мнѣ мѣшать. Вы знаете гдѣ я была? Я была въ Парижѣ!..

Помню и другой случай. Во время второй холеры, въ газетахъ утверждали, что зараза носилась въ воздухѣ, будто бы наполненною ядовитыми микроскопическими мошками. Люди, глотая ихъ, заражались.

— Николай Николаевичъ, сказала Варвара Петровна своему деверю (братъ ея мужа), бывшему въ то время у нея главнымъ управляющимъ, устрой для меня нѣчто такое, чтобы я, гуляя, могла видѣть всѣ окружающіе меня предметы, но не глотала бы зараженнаго воздуха.

Для нее сдѣлали носилки съ стекляннымъ колпакомъ въ видѣ не то кареты, не то — кіоты. Она тамъ сидѣла въ мягкихъ креслахъ, и ее носили. Оставшись очень довольна своимъ ручнымъ экипажемъ, она подарила, за мастерскую работу его, столяру золотой.

Всѣмъ извѣстно, что у насъ на Руси въ кіотахъ носятъ только иконы. Одинъ благочестивый мужичекъ, имѣвшій при себѣ грошъ, встрѣтился однажды съ оригинальными носилками и, принявъ ихъ за кіотъ, въ которомъ несли образа, сдѣлавъ земной поклонъ и подалъ грошъ, прибавивъ: на свѣчку. Взрывъ гнѣва Варвары Петровны не имѣлъ границъ. Она приказала немедленно сослать на поселеніе столяра, который дѣлавъ носилки и котораго она раньше наградила золотымъ. Она приняла выходку мужичка за насмѣшку.

²⁾ Это было ея имѣніе душъ въ 400.

Мелкое чиновничество Варвара Петровна не считала за людей. Такъ, однажды, ей доложили о прїѣздѣ становаго въ то время, когда она брала ванну. Она немедленно велѣла позвать его къ себѣ. Когда становой, по естественному чувству, остановился сконфуженный, увидѣвъ чрезъ полурастворенную, камеръ-фрейлиною, дверь Варвару Петровну въ видѣ Сусанны, она на него прикрикнула:

— Да ну! Иди что ли! Что ты для меня? Муштина, что ли?

Разъ, она прїѣхала въ село Сычи, гдѣ былъ гремучій колодезь, названный такъ потому, что струя воды была изъ каменной горы на столько сильно, что двигала одинъ поставъ и затѣмъ падала на нѣкоторомъ разстояніи отъ земли, чѣмъ производила шумъ, слышанный иногда на зарѣ версть за пять. Шумъ этого колодца помѣшалъ ей спать. Она призвала бурмистра (старосту) и приказала законопатить колодезь. Бурмистръ, зная, что въ случаѣ неудачи въ инженерномъ искусствѣ ему жутко придется, вторично пошелъ къ ней для дальнѣйшихъ приказаній. Варвара Петровна ходила по комнатѣ.

— Матушка, Варвара Петровна, позволь тебѣ доложить...

Варвара Петровна взяла со стола свою табакерку и пошла въ другія комнаты, а бурмистръ отдалъ обычный земной поклонъ уже ея пяткамъ.

Боясь барскаго гнѣва, доморощенные инженеры какъ-то ухитрились законопатить колодезь, который нашелъ себѣ путь ниже бывшаго жерла и посейчасъ, но уже мирно и тихо, течетъ въ ровень съ землею.

Вотъ уже 42 года, какъ я вышла замужъ и разсталась съ Варварой Петровной; но мнѣ и теперь прїятно вспомнить, что намъ, ея «секретарямъ» посчастливилось разъ—и только одинъ разъ—безъ инициативы со стороны Варвары Петровны высказать ей наше желаніе и получить удовлетвореніе.

Варвара Петровна имѣла поваромъ француза. Всѣ кушанья были нящныя, очень вкусны и всегда подавались на серебрѣ. Но французскій обѣдъ не совсѣмъ удовлетворялъ наши молодые желудки. Нагулявшись по парку вдоволь, мы нерѣдко вспоминали о простыхъ и любимыхъ, какъ моихъ, такъ и моихъ подругъ, кушаньяхъ; въ особенности мы любили бараній бокъ, начиненный грешневою кашей и печенкой, приготовляемый очень вкусно поваромъ моего отца. Подмѣтивъ веселое настроеніе духа Варвары Петровны, мы всѣ попросили ее приказать французскому повару приготовить бараній бокъ, начиненный грешневою кашей.

— Послать повара! приказала она.

Явился французъ, изысканно одѣтый. Его колпакъ и бѣлый фартукъ были снѣжной бѣлизны.

— Сдѣлай намъ бараній бокъ и начини его кашей, сказала Варвара Петровна.

— Не могу и не стану готовить, отозвался французъ.

Она гнѣвно повела бровями.

— Почему?

— У насъ, въ Парижѣ такимъ кушаньемъ собакъ кормятъ.

Она громко разсмѣялась, но на другой день все-таки бокъ былъ поданъ, хотя и приготовленный на французскій манеръ.

Съ сыновьями своими Варвара Петровна обращалась весьма сурово. Сыновья ея были: Николай Сергѣевичъ—старшій; онъ служилъ въ гвардейской конной артиллеріи прапорщикомъ. Иванъ Сергѣевичъ—младшій сынъ былъ студентъ. Они не смѣли являться къ ней во всякое время и по своему желанію, даже послѣ долгой разлуки, напримѣръ изъ-за границы. Объ нихъ, также какъ и о всѣхъ, докладывалъ ей министръ двора. Если она произносила «знаю», то это означало, чтобы уже далѣе не было рѣчи и—родному сыну приходилось ждать приѣма.

Для большей характеристики отношеній Варвары Петровны къ сыновьямъ, расскажу подробнѣе ея отношенія къ старшему сыну Николаю Сергѣевичу, которыя я больше знала, нежели ея отношенія къ Ивану Сергѣевичу, потому что Анна Яковлевна Шварцъ, вышедшая потомъ замужъ за Николая Сергѣевича, была моей подругой въ дѣтствѣ. Женитьба на ней Николая Сергѣевича совершилась помимо согласія его матери; неудовольствіе свое за это Варвара Петровна выразила прекращеніемъ содержанія Николаю Сергѣевичу, который и поселился съ женою въ имѣніи своего умершаго отца въ селѣ Тургенево. Права на это имѣніе имѣла и Варвара Петровна, какъ вдова; но, однако, вѣсть объ этомъ водвореніи она встрѣтила молчаніемъ.

Вѣдно жилось Николаю Сергѣевичу въ деревянномъ, низенькомъ крытомъ соломой домикѣ давно умершаго своего дѣдушки. Этотъ домъ впоследствии былъ обращенъ въ баню и прачешную. Сдѣлавшись отцомъ, Николай Сергѣевичъ явился къ Варварѣ Петровнѣ поздравить ее бабушкой, думая, что явленіемъ на свѣтъ внука, во всякой другой семьѣ явленіемъ радостнымъ, онъ умягчитъ сердце своей матери и попросилъ себѣ выдѣла изъ обладаемаго ею имущества. Не задумавшись, Варвара Петровна объявила, что въ наступающее воскресенье, отслушавъ обѣдню въ церкви села Тургенево, она будетъ пить у него чай, причемъ выразить свою волю окончательно. Въ назначенный день, какъ только показалась на горизонтѣ, версты за три до деревни, ея карета, по заведенному обычаю, раздался первый ударъ церковнаго колокола, призывающаго къ обѣднѣ, и вся барщина въ праздничныхъ нарядахъ пошла ей на встрѣчу, выпрягла лошадей и на себѣ повезла карету къ церковной паперти. Анна Яковлевна по болѣзни не могла встрѣтить свою свекровь и поджидала ее дома къ чаю. Варвара Петровна послѣ обѣдни пришла въ домъ, мелькомъ взглянула на внучка и,

во все время своего посѣщенія, ни слова не сказала о цѣли своего прїѣзда. Сынъ же не смѣлъ начать разговоръ. Уже усѣвшись въ карету, Варвара Петровна, какъ будто только вспомнивъ о просьбѣ сына, вынула изъ своего ридикюля вчетверо сложенный листъ бумаги, по виду дѣловой, и, передавая сыну, который усаживалъ ее въ карету, сказала:

— Вотъ здѣсь ты найдешь все, что я нашла нужнымъ сдѣлать.

Николай Сергѣевичъ разсыпался въ благодарностяхъ и бросился цѣловать руки матери. Когда Варвара Петровна уѣхала, Николай Сергѣевичъ, весь сіяющій отъ радости, побѣждалъ къ своей женѣ объявить о милости матери; но, развернувъ листъ, долженствовавшій по его мнѣнью измѣнить весь строй его жизни, остолбенѣлъ!!! Въ его рукахъ трепеталъ листъ писчей бумаги и на немъ ни слова!

Вскорѣ послѣ этого Николай Сергѣевичъ уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу переводчикомъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а жена его давала уроки на фортепиано. Варвара Петровна нисколько не измѣняла своихъ отношеній къ сыну и лишь только передъ кончиной, чувствуя приближеніе смерти, эстафетой вызвала его изъ Петербурга. Онъ прискакалъ на курьерскихъ и, когда объ немъ доложили Варварѣ Петровнѣ, то она отвѣтила свое: «знаю». Она дождалась времени, когда долженъ былъ разрѣшиться ея желудокъ, заняла соответственное мѣсто и, сидя на немъ, приняла Николая Сергѣевича.

— Николай! сказала она, — я убѣдилась, что твоя жена достойна занять мое мѣсто (какое?). — Я выслала тебѣ въ Петербургъ чемоданъ и если ты найдешь тамъ образъ, то значить я тебя благословляю; если же нѣтъ — ну такъ и будетъ.

Полетѣлъ Николай Сергѣевичъ обратно въ Петербургъ за чемоданомъ. Образъ нашелъ и опять поскакалъ на курьерскихъ благодарить мамашу, но засталъ ее уже мертвою. Извѣстіе о кончинѣ ея, посланное съ эстафетой, не успѣло предупредить его въ Петербургъ.

Для характеристики Варвары Петровны, расскажу еще два случая. Любимымъ занятіемъ ея было пчеловодство и разведеніе дворовой птицы. Въ извѣстный часъ она выходила ихъ кормить, и всѣ пернатые сбѣгались къ ней по колокольчику. На эту приманку налетало также много воронъ. Одинъ разъ, казачекъ, присутствовавшій при кормленіи, принялся усиленно отгонять ихъ.

— Зачѣмъ ты гонишь ихъ? спросила она его.

— Затѣмъ, отвѣтилъ смѣтливый мальчикъ, — что это вороны не наши, а гг. Завадскихъ.

За такой отвѣтъ Варвара Петровна дала ему свободу.

Разъ, сидя подъ окномъ, Варвара Петровна увидѣла индюка, гнавшаго ея любимаго русскаго пѣтуха, у котораго голова была до крови продолблена.

— Бенкендорфъ! крикнула она.

Министръ двора явился у дверей.

— Смотри! она показала рукой по направленію къ окну.— Видишь?

Онъ молча поклонился.

— Казнить озорника достойнымъ образомъ.

Министръ немедленно вырылъ тутъ же на дворѣ яму, и бѣднаго индюка-забѣяку зарыли живаго въ землю.

Это мнѣ передавалъ бывшій управляющій Варвары Петровны, Николай Федоровичъ Туляниновъ.

Въ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ г. Берга, напечатанныхъ въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго, 1883 года, между прочимъ, рассказывается о связи Ивана Сергѣевича съ крѣпостной дѣвушкой, которая родила ему дочь. Г. Бергъ говоритъ, что это была горничная кухни Тургенева, по имени Θεоктиста. Влюбившись въ нее, Тургеневъ, по тогдашнему обычаю, будто бы купилъ ее за 700 руб. и отправилъ въ свою деревню, куда вскорѣ и самъ пріѣхалъ. Плача, Θεоктиста покорилась своему року и скоро надѣла барину. Когда она родила дочь, Тургеневъ уѣхалъ за границу, а потомъ выписалъ дочь и отдалъ ее на воспитаніе г-жѣ Віардо.

Это было не такъ.

Система обращенія, принятая Варварой Петровной относительно всѣхъ лицъ, ее окружавшихъ, не исключая и сыновей, не допускаетъ мысли, чтобы Иванъ Сергѣевичъ рѣшился позволить себѣ помѣстить въ имѣніяхъ своей матери Θεоктисту, или какуюнибудь другую дѣвушку, и продолжать съ ней открытую связь при жизни Варвары Петровны.

Обманутая надеждой на блестящую партію старшаго сына, Варвара Петровна отдалась мечтѣ о блестящей партіи для Ивана Сергѣевича и поэтому ревностно охраняла его холостое положеніе.

Когда на Петербургской оперной сценѣ появилась блестящей звѣздой гѣвица Полина Віардо-Гарсія и Иванъ Сергѣевичъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ восторженныхъ ея поклонниковъ, то Варвара Петровна принимала это поклоненіе за увлеченіе выдающимся талантомъ Віардо. Она была вполне увѣрена, что тутъ истинной любви и оерьевныхъ отъ нея послѣдствій, всѣмъ теперь извѣстныхъ, не было и не будетъ.

Въ сороковыхъ годахъ, больная Варвара Петровна переѣхала въ Москву въ свой домъ на Остоженкѣ; сюда Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ изъ-за границы на побывку и, признаться, не столько для свиданія съ матерью, сколько за полученіемъ субсидій.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, смазливая швейка, гѣмка, принесла Варварѣ Петровнѣ работу. Съ ней случайно разговорился Иванъ Сергѣевичъ, она ему понравилась и онъ предложилъ ей свои

ласки, которыя и были приняты. Послѣ этого, Иванъ Сергѣевичъ вскорѣ уѣхалъ за границу, не подозрѣвая, что въ Россіи оставяетъ свою дочь.

Прошло много времени. Дѣвочка была представлена Варварѣ Петровнѣ, которая, по ея поразительному сходству съ Иваномъ Сергѣевичемъ, признала ее за дочь его. Она вызвала Ивана Сергѣевича изъ-за границы и, при свиданіи, протягивая одну руку для поцѣлуя, а другою указывая на дѣвочку, букою высматривавшею изъ подъ стола стѣннаго зеркала, спросила:

— Эта твоя!!

Послѣ секунднаго размышленія, Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ:

— Если родная мать говоритъ мнѣ, что моя — значитъ моя.

— Отвези ее въ Парижъ — тамъ всѣ граждане. Позаботься о ея воспитаніи, посоветовала она ему.

Я увѣрена, что поступить такъ было всего удобнѣе въ видахъ самой Варвары Петровны потому, что съ удаленіемъ этого ребенка за границу, удалялась возможность помѣхи для той блестящей партіи, о которой она мечтала для Ивана Сергѣевича.

Но не такъ легко, какъ она думала, отнесся къ своей обязанности отца, самъ Иванъ Сергѣевичъ. Иавѣстно, что онъ былъ прекраснымъ отцемъ во всю свою жизнь, далъ дѣвочкѣ хорошее воспитаніе, а по окончаніи ученія помѣстилъ ее возлѣ себя, у Віардо, въ семьѣ которой уже жилъ самъ. Потомъ онъ выдалъ ее за мужъ, давъ въ приданое нѣсколько тысячъ франковъ. Варвары Петровны въ это время уже не было въ живыхъ.

Иванъ Сергѣевичъ не скрывалъ, что онъ былъ отецъ. Лѣтъ шесть тому назадъ онъ былъ у моего брата по поводу отдачи ему въ аренду села Спасскаго. Мы невольно коснулись давно прошедшаго и Иванъ Сергѣевичъ между прочимъ сказалъ:

— Много употребилъ я времени, чтобы разгадать сердце женщины, много писалъ, и думалъ, что вѣрно опредѣлю женское чувство, но когда на дѣлѣ пришлось провѣрить свою опытность, то убѣдился, что далеко не достигъ желанной цѣли. Дочь моя одно время стала скучать, хирѣть и, видимо, страдала. Я никакъ не угадывалъ причины. Наконецъ, она сама призналась, что влюблена въ одного изъ учителей того пансіона, въ которомъ воспитывалась. Я обратился къ молодому человѣку, но онъ отвѣчалъ: «*Mademoiselle est charmante mais!..* но я не разстанусь съ своей свободой». — Теперь она замужемъ, прибавилъ онъ.

На хуторѣ, называемомъ Петровскомъ, въ верстѣ отъ Спасскаго, жила дѣйствительно Θεоктиста Петрова, но особа свободная, дѣтей у нея никогда не было. Иванъ Сергѣевичъ никогда не пользовался вассальными правами въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, что подтверждать всѣ оставшіеся въ живыхъ его современники, бывшіе тогда его крѣпостными. Я и по сейчасъ живу

въ 5 верстахъ отъ Спасскаго и въ 7 — отъ села Тургенева. Въ первомъ живъ еще бывшій его крѣпостной, Захаръ Кривой, служившій Ивану Сергѣевичу съ юныхъ лѣтъ исключительно до его послѣдняго посѣщенія родины. Нынѣ, говоря языкомъ Варвары Петровны, Захаръ называется «архивариусомъ» оставшагося въ старомъ домѣ имуществва. Онъ помнитъ все о старомъ домѣ и образѣ жизни Ивана Сергѣевича.

Въ селѣ Тургеневѣ живеть Иванъ Михайловъ Кубышкинъ также долго служившій у Ивана Сергѣевича лакеемъ. Съ нимъ-то, въ юности, Иванъ Сергѣевичъ, заслышавъ въ деревнѣ пѣсни, исчезалъ изъ дома въ орѣховые кусты, густо росшіе въ то время между сараемъ и деревней, близъ которыхъ деревенскія дѣвушки водили хороводъ.

Тамъ Иванъ Сергѣевичъ ложился ничкомъ, подслушивалъ и записывалъ слова пѣсенъ. Тамъ иногда удавалось ему быть свидѣтелемъ сценъ, которыя онъ помѣщалъ впоследствии въ своихъ сочиненіяхъ. Но далѣе этого Иванъ Сергѣевичъ никогда не заходилъ въ своихъ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ дѣвушкамъ.

Какъ вообще обращался Иванъ Сергѣевичъ съ людьми, хотя и крѣпостными, но достойными, покажетъ слѣдующій рассказъ.

Здѣсь все помнятъ уже умершаго теперь Порфирія Тимофѣевича Кондрашева. Этотъ Порфирій былъ данъ Варварой Петровной въ услуженіе Ивану Сергѣевичу тогда, когда онъ былъ студентомъ за границей. Когда Иванъ Сергѣевичъ уходилъ на лекціи, Порфирій убравши квартиру, самъ тоже уходилъ на лекціи. Обѣдалъ Порфирій вмѣстѣ съ своимъ баринкомъ, который съ нимъ разсуждалъ, какъ съ равнымъ себѣ. Разница только и была въ томъ, что баринъ Порфирію говорилъ «ты», а Порфирій барину — «вы». Разъ они, будучи въ Спасскомъ, возились какъ друзья. Вдругъ въ ихъ комнату вошла Варвара Петровна въ ту самую минуту, когда подушка, пущенная Порфиріемъ, легла въ Ивана Сергѣевича. Варвара Петровна приказала тотчасъ же выскочить Порфирія. Никакія заступничества Ивана Сергѣевича не помогли. Когда Иванъ Сергѣевичъ кончилъ курсъ въ университетѣ, то Порфирій сперва былъ фельдшеромъ въ имѣніи Варвары Петровны, а потомъ, получивъ дипломъ зубнаго врача и послѣ смерти Варвары Петровны «вольную», служилъ земскимъ докторомъ въ Мценскомъ уѣздѣ.

Кстати, отмѣчу еще одну особенность характера Ивана Сергѣевича. Если случалось, что его глубоко огорчали, то у него на глазахъ навертывались слезы и онъ тотчасъ уходилъ въ свой кабинетъ, гдѣ оставался до тѣхъ поръ, пока совершенно не успокоится. Весьма понятно, откуда у него выработался исключительный въ то время взглядъ на среду, въ которой онъ вращался въ Россіи. Онъ былъ студентомъ берлинскаго университета и слушалъ

лекціи многихъ тогдашнихъ германскихъ знаменитостей, проповѣдывавшихъ либерализмъ и свободу; живя въ Германіи, среди свободнаго по сравненію съ Россіей народа, онъ невольно долженъ былъ поражаться контрастомъ, пріѣзжая въ Россію, гдѣ надъ всѣмъ окружающимъ властвовало сумасбродство, даже не одной его матери, основанное на крѣпостничествѣ. Какъ же онъ могъ придти къ другой оцѣнкѣ крѣпостныхъ цѣпей?

Когда Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ на каникулы къ матери, то старался всячески убѣгать изъ дому на охоту всѣхъ родовъ, служившую для него не столько развлеченіемъ, сколько средствомъ для близкаго знакомства съ народнымъ бытомъ, изученіе котораго въ то время считалось неблаговиднымъ. Обычными спутниками его на охотѣ были двое моихъ двоюродныхъ дядей, Павелъ и Петръ Ивановичи Черемисиновы, и двое его крѣпостныхъ людей, Аванасій Ивановъ и Александръ Ивановъ.

Многіе винятъ Ивана Сергѣевича за то, что онъ будто бы не любилъ своей родины, приводя въ подтвержденіе его постоянное пребываніе за границей. Но могъ ли Иванъ Сергѣевичъ поступить иначе, обладая такимъ умомъ и сердцемъ, какимъ надѣлила его природа. Однимъ почеркомъ пера Царя Освободителя Россія не могла же вдругъ сбросить съ себя вѣками привитые ей нравы и обычаи, которые вполнѣ были изучены Иваномъ Сергѣевичемъ. При существованіи тогда, да отчасти существующихъ и теперь, условій, жить Ивану Сергѣевичу гдѣ бы-то ни было въ Россіи и ежедневно и ежечасно видѣть и слышать по всюду плачь и скрежетъ о старыхъ порядкахъ естественно было выше силъ его. Но живя за границей, онъ внимательно слѣдилъ за общественнымъ движеніемъ въ Россіи и, изрѣдка посѣщая родину, провѣрялъ свои наблюденія и впечатлѣнія. Его «Новь», лучше всего подтверждаетъ мои слова.

О. Аргамакова.

ПУШКИНСКАЯ „ГРЕЧАНКА“.

КИШИНЕВСКИЙ мировой судья, Х. С. Кировъ, доставилъ намъ, въ переводѣ, небольшой рассказъ молдавскаго писателя Негруци, подъ заглавіемъ «Калипсо» при слѣдующемъ письмѣ:

«Почтенный собиратель Кишиневской старины, Л. С. Мацѣевичъ, въ своемъ очеркѣ «Пушкинъ въ Кишиневѣ», напечатанномъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1883 года, № 5, обратился ко всемъ старожиламъ Кишинева съ просьбой сообщить ему все то, что имъ извѣстно о пребываніи Пушкина въ этомъ городѣ. Прочитавъ это обращеніе, я вспомнилъ, что еще въ дѣтствѣ переводилъ въ классѣ (до 1863 г. въ Кишиневской гимназіи преподавался молдавскій языкъ, какъ предметъ необязательный), отрывокъ изъ сочиненій извѣстнаго молдавскаго писателя 50-хъ годовъ, К. Негруци, подъ названіемъ «Калипсо», касающійся Пушкина и времени пребыванія его въ Кишиневѣ. Отрывокъ этотъ помѣщенъ въ сборникѣ сочиненій Негруци, изданномъ въ 1857 году, подъ заглавіемъ «Răscătele Fîneretiloru» (Грѣхи юности), составляющіе нынѣ библиографическую рѣдкость. Отыскавъ только теперь, съ большимъ трудомъ, эту рѣдкость, я счелъ не лишнимъ передать отрывокъ «Калипсо» цѣликомъ, въ буквальномъ переводѣ, такъ какъ, насколько мнѣ помнится, онъ еще не появлялся въ русской печати».

Съ удовольствіемъ помѣщая присланный намъ г. Кировымъ переводъ, предпосылаемъ ему нѣсколько библиографическихъ примѣчаній.

Негруци, очевидно, не зналъ, что Пушкинъ посвятилъ героинѣ его рассказа «Калипсо» цѣлое стихотвореніе подъ заглавіемъ «Гречанка» начинающееся такъ:

«Ты рождена воспламенить
 Воображеніе поетовъ,
 Его тревожить и пѣнять
 Любовной живостью привѣтовъ,
 Восточной страстностью рѣчей,
 Влистаньемъ зеркальныхъ очей
 И этой ножкою нескромной;
 Ты рождена для нѣги томной
 Для упоенія страстей»¹⁾.

.....

Пушкинъ въ своихъ «Запискахъ» называетъ Калипсо «прелестной». Негруци въ своей статьѣ говоритъ также, что она была «ангельской красоты». Между тѣмъ, по словамъ Липранди, эта гречанка,—Калипсо Поликрони,—бѣжавшая изъ Константинополя въ Одессу, а съ половины 1821 года поселившаяся въ Кишиневѣ, была некрасива: маленькаго роста, съ едва замѣтной грудью, длиннымъ, сухимъ и нарумяненнымъ лицомъ, съ огромнымъ носомъ и огромными глазами; по мнѣнію Липранди, она едва ли была предметомъ любви Пушкина, можетъ быть увлекавшася только разсказами, будто Калипсо была возлюбленной Байрона, о чемъ и говорится въ стихотвореніи «Гречанка» (См. примѣч. П. А. Ефремова на стр. 549 перваго тома «Сочиненій Пушкина». Изд. 1883 г.).

Негруци увѣряетъ, что извѣстное стихотвореніе Пушкина «Черная шаль» написано поэтотъ подъ вліяніемъ знакомства съ Калипсо, а г. Ефремовъ въ примѣчаніи къ этому стихотворенію (стр. 563, перваго тома «Сочиненій Пушкина» изд. 1883 г.) приводитъ мнѣніе, что основою для «Черной шали» послужила пѣсня молодой молдаванки Мариулы, прислуживавшей въ одной изъ Кишиневскихъ ресторацій, часто посѣщаемой Пушкинымъ.

Что показанія достовѣрнѣе, мы рѣшать не беремъся.

Калипсо.

(Письмо къ другу).

Ты знаешь, милый другъ, что въ 1821 году началось возстаніе въ Греціи и что началомъ этого возстанія слѣдуетъ считать предшествующія ему волненія въ Яссахъ. Подобно всѣмъ революціямъ, и наша сопровождалась грабежами и разореніемъ имуществъ гражданъ, да оно и понятно, такъ какъ всегда на ряду съ истинными патріотами являются темныя личности, пользующіяся случаемъ нажитья, благодаря волненіямъ.

¹⁾ Сочиненія Пушкина. Изд. 3-е. СПб. 1883. Часть I, стр. 412.

Послѣ разоренія Драгонешть и Скулянь, большинство людей состоятельныхъ бросило свою страну и, оставивъ имѣнія на произволъ судьбы, разбѣжалось, кто куда могъ. Яссы опустѣли. Горожане переселились въ Буковину и Бессарабію, гдѣ нашли временное убѣжище.

Мы съ отцомъ поселились сначала въ Хотинѣ, гдѣ провели всю зиму, а затѣмъ, весной 1822 года, переѣхали въ Кишиневъ, чтобы встрѣтиться съ родными и друзьями, такими же бѣглецами, какъ и мы. Обыкновенно пустой и сонный, Кишиневъ въ это время сталъ неузнаваемъ:—это былъ городъ полный жизни и шума. Онъ былъ переполненъ людьми, которые жили лишь сегодняшнимъ днемъ, которые не знали даже увидятъ-ли вновь когда либо свои заброшенные очаги. Эти несчастные, довольные тѣмъ, что спасли свою жизнь, потеряли было надежду видѣть свои дома, иначе, какъ въ развалинахъ, и, не имѣя дѣла, рѣшились заглушить свои чувства въ разгулѣ и пріятномъ времяпровожденіи, такъ какъ, на худой конецъ, веселье все-таки способствовало и тому, чтобы забыть свое несчастье. Поэтому, ежедневно въ Кишиневѣ устраивались: балы, обѣды, увеселительныя поѣздки, концерты, назначались любовныя свиданья и т. д.

Изъ всей этой массы эмигрантовъ и мѣстныхъ жителей, два лица обратили особенное мое вниманіе и произвели на меня незабываемое впечатлѣніе. Это были: молодой человѣкъ, средняго роста, въ красной фескѣ на головѣ, и молодая дѣвушка, высокаго роста, завернутая въ черную шаль. Эту пару можно было встрѣтить каждый день въ городскомъ саду. Молодой человѣкъ былъ А. Пушкинъ, этотъ Байронъ Россіи, котораго впоследствии постигла трагическая участь; дѣвушка же въ черной шали — куртизанка, эмигрировавшая изъ Яссы, по имени «Калипсо». Ее всѣ называли тогда—красавицей-гречанкой.

Калипсо гуляла всегда одна. Только Пушкинъ сопровождалъ ее иногда, когда встрѣчалъ на гуляньи.

Какъ они понимали другъ друга (Калипсо владѣла только греческимъ и молдавскимъ языками, которыхъ Пушкинъ не зналъ)—объяснить тебѣ не могу. Видно, впрочемъ, что 22-х-лѣтній возрастъ поэта и 18-ти-лѣтній куртизанки не нуждались въ переводчикѣ.

Пушкинъ полюбилъ меня и находилъ особенное удовольствіе исправлять мои ошибки, когда мы съ нимъ бесѣдовали по-французски. Изрѣдка онъ просиживалъ цѣлые часы въ городскомъ саду и слушалъ, какъ мы болтали съ Калипсо по-гречески. Иногда же декламировалъ намъ свои стихотворенія, которыя тутъ же переводилъ по-французски.

Черезъ мѣсяцъ я покинулъ Кишиневъ и весной 1823 года вернулся въ Молдавію, потерявъ на всегда изъ виду и Пушкина и гречанку.

Впоследствии, каждый раз, когда мнѣ приходилось читать произведенія великаго русскаго поэта, и въ особенности его «Черную Шаль» ¹⁾, поэму, написанную имъ подѣ влияніемъ знакомства съ Калипсо, я вспоминалъ эту женщину ангельской красоты и желалъ узнать, что съ нею случилось.

Въ темную, дождливую ночь, въ ноябрѣ 1824 года, къ воротамъ монастыря Нялцу (въ Молдавіи) подошелъ молодой человѣкъ и попросилъ позволенія впустить его въ обитель. Платье его было насквозь пропитано водой; самъ же онъ едва волочилъ ноги отъ усталости. Привратникъ впустилъ его и укрылъ отъ непогоды въ своей сторожкѣ. На другой день, вслѣдствіе настоятельной просьбы незнакомца, онъ былъ представленъ настоятелю монастыря. Незнакомецъ объяснилъ, что онъ иностранецъ и круглый сирота, и что желаетъ постричься въ монахи. Настоятель назначилъ его послушникомъ къ старому схимнику, келья котораго помещалась внѣ ограды монастыря, въ горахъ. Цѣлыхъ три года онъ проваля въ монастырѣ и прослылъ самымъ благочестивымъ изъ монаховъ.

Однажды, утромъ, схимникъ позвалъ своего ученика, но тотъ не отозвался на его зовъ. Войдя въ келью, схимникъ нашелъ своего ученика покоящимся..... вѣчнымъ сномъ.

Передъ похоронами юноши, на груди его нашли слѣдующую записку:

«Согрѣшихомъ, господи! Беззаконовахомъ, господи! и несмь достоинъ возрѣти на высоту славы твоея! Господи, прости и помилуй грѣшную Калипсо!»

Черепъ красавицы-гречанки и теперъ можно видѣть въ катакомбахъ монастыря.

¹⁾ Прекрасный переводъ «Черной Шали» помещенъ Негруди въ томъ же сборникѣ (Pacatele Fineretilorù).

ПАМЯТИ АРХІЕПИСКОПА ДИМИТРІЯ ОДЕССКАГО.

КОНЧАВШІЙСЯ недавно (14 ноября 1883 г.) архіепископъ Одесскій Димитрій (въ мѣрѣ Климентъ Ивановичъ Муретовъ) займетъ видное и особенно симпатичное мѣсто въ исторіи русской церкви, въ прошлое, обильное событіями и идеями, царствованіе. Это

былъ архіерей, на которомъ съ отрадою и умиленіемъ останавливается взоръ всякаго православнаго христіанина — и философски мыслящаго въ вѣрѣ (въ родѣ Хомякова; припомните его восторженный отзывъ о Димитріи...) и вѣрующаго въ простотѣ сердца. Въ своей жизни онъ силился осуществить идеаль Евангеліе Пастыря, кроткаго, учительнаго—не только словомъ, но и жизнію, духомъ жизни, исполненнаго любви и снисходительности къ людямъ, особенно падшимъ, скорбящимъ и озлобленнымъ, милости Божіей и помощи требующимъ... другихъ стремленийъ онъ не имѣлъ... Не искалъ онъ ни стяжаній, ни карьеры... Быть можетъ, въ немъ не было достаточно административной дѣловитости, которая иногда такъ дорого цѣнится у людей вѣка сего,—и такъ щедро вознаграждается временными благами, но которая въ то же время иногда способна превратить пастыря церкви, Апостола Христова, приставника и воздѣлывателя высшихъ и вѣковѣчныхъ идеаловъ, въ простого работника бюрократической машины, въ служителя чуждыхъ церкви чиновническихъ идеаловъ... Да, Димитрія нельзя назвать искуснымъ епархіальнымъ администраторомъ въ обыденномъ смыслѣ этого слова. Но за то въ немъ было много другой высшей администраціи, созидающей

души, заставляющей ихъ, дающей имъ возможность чувствовать и воочию видѣть силу и значеніе церкви Христовой, истинную, а не мнимую, власть представителей этой святой церкви, этого наивысшаго учрежденія на землѣ...

Съ Дмитріемъ отошелъ въ вѣчность послѣдній представитель того блестящаго триумvirата, который подарила русской церкви Кіевская духовная академія, въ такъ называемый Иннокентіевскій свой періодъ... Самъ Иннокентій (Борисовъ), и ученики его: Дмитрій Муретовъ, Макарій Булгаковъ... Послѣдній былъ кромѣ того и ученикомъ Дмитрія. Такихъ рѣзко очерченныхъ типовъ церковно-христіанской дѣятельности, какіе представляютъ собою эти три кіевскіе мужа, не имѣла, можно сказать, ни одна изъ остальныхъ нашихъ духовныхъ академій... Ставши ректоромъ Кіевской академіи, Иннокентій образовалъ цѣлую школу богослововъ, питавшихся его идеями и разрабатывавшихъ ихъ въ наукѣ и жизни. Своими лекціями и проповѣдями онъ имѣлъ огромное вліяніе на умы учащейся молодежи. Дмитрій продолжалъ его дѣло. Но къ прекраснымъ своимъ академическимъ лекціямъ, не уступавшимъ Иннокентіевскимъ, онъ присоединилъ еще особенное нравственно-сердечное вліяніе на студентовъ, какого не имѣлъ самъ Иннокентій. Иннокентія уважали, Иннокентію удивлялись; предъ нимъ преклонялись. Дмитрія любили; къ Дмитрію влеклись души особенными дѣтскими симпатіями. Ибо самъ онъ былъ младенецъ по сердцу, кротокъ и смиренъ сердцемъ. Объ Иннокентіѣ старые студенты вспоминаютъ съ какимъ-то горделивымъ восторгомъ, что они-де были слушателями такого великаго по уму мужа-оратора. О Дмитріѣ они вспоминаютъ со слезами умиленія... Помню я тотъ моментъ на юбилей Кіевской духовной академіи въ 1869 году, когда Дмитрій, тогда архієпископъ одесскій, говорилъ рѣчь. Какое она произвела впечатлѣніе на всѣхъ, особенно же на тѣхъ профессоровъ академіи, которые были учениками Дмитрія!.. Одинъ изъ нихъ Д. В. П—овъ, со слезами на глазахъ, сказалъ: «вотъ что значитъ говорить отъ души, отъ сердца!» Макарій былъ ученикомъ Дмитрія. Его, по окончаніи академическаго курса, взяли въ Петербургскую духовную академію... Тамъ встрѣтилъ его особый, господствовавшій тамъ духъ—духъ обрядоваго риторизма и богословскаго буквализма, внушенный кѣмъ-то графу Протасову, предъявленный имъ, какъ требованіе власти и услужливо разработанный Аеанасіемъ Дроздовымъ, тогдашнимъ ректоромъ С.-Петербургской академіи. Макарій какъ разъ попалъ на свѣжую почву этого принижающаго душу живу новшества..., желавшаго водворить въ нашей церкви, подъ ферулою свѣтскаго и даже военнаго командира,—церковно-богословскую спячку... Были моменты, когда Макарій могъ увлечься этимъ направленіемъ и стать въ ряду гасильниковъ «духа жизни и жизни духа...» На него возлагали

большія надежды заправители реформы, желавшей, согласно съ католичествомъ, предпочесть Св. Писанію — Св. Преданіе: ему сулили награды, его ласкали... Но его удержало кievское преда-

Архієпископъ Одесскій Димитрій.

ніе... Его сохранила отъ вліянія церковно-богословнаго буквализма та любовь къ научной истинѣ, та свобода богословскаго созерцанія въ предѣлахъ православія, которую онъ вынесъ изъ Кіевской

академіи—изъ школы Иннокентія и Димитрія. Онъ весь погрузился въ науку и тѣмъ уединилъ себя отъ вліянія протасовскихъ идей. Богословіе и исторія стали его любимою научною сферою. Сначала онъ разработывалъ богословіе. Тутъ онъ шелъ по слѣдамъ Димитрія. Онъ, можно сказать, только редактировалъ для печати богословскія лекціи Димитрія. Димитрій самъ не любилъ печататься. Но онъ нисколько не ревновалъ къ своему ученику, ставшему пользоваться славой богослова, благодаря трудамъ учителя. Напротивъ, онъ радовался этой славі. А только, какъ гласить дошедшее до насъ преданіе, говаривалъ иногда полшутливо, смотря на огромные томы Макарьевского богословія: «тутъ мой крестъ, а его цѣпочка» ¹⁾.

Съ именемъ Димитрія связывается предсѣдательство въ комитетѣ для образованія духовныхъ семинарій, въ началѣ 60-хъ годовъ... Это тоже въ высшей степени любопытная и поучительная исторія,—конца которой и до сихъ поръ не видно... Еще до сихъ поръ наши духовныя семинаріи какъ будто на какомъ-то временномъ положеніи, ждущемъ перемѣнъ и болѣе крѣпкой устойчивой почвы... Проектъ Димитрія не принятъ... Но это еще не значитъ, что онъ не соответствовалъ цѣли. Напротивъ, достоинство его въ томъ и состоитъ, что онъ ясно, отчетливо намѣтилъ эту цѣль именно дать народу пастырей по призванію, понимающихъ ясно свою миссію и приученныхъ къ ней практически, годныхъ для народа и достойныхъ по любви... Быть можетъ, Димитрій ошибался нѣсколько въ средствахъ. Такую же опредѣленную цѣль имѣлъ послѣ и проектъ архимандрита Филарета, ректора Кіевской академіи, тоже не принятый. Проектъ, который принятъ—отличается именно тѣмъ, что онъ рѣшился какъ будто нарочно игнорировать эту цѣль... Онъ сдѣлалъ изъ семинарій духовныхъ арену для разработыванія разныхъ цѣлей... Но это предметъ настолько важный и настолько совершенно жизненный, что о немъ нельзя говорить вскользь. Поэтому, отлагая рѣчь о немъ до другаго раза,—повторимъ только, что заслуга архієпископа Димитрія Муретова состоитъ въ ясной постановкѣ вопроса, чѣмъ должны быть наши духовныя семинаріи,—вопроса, остающагося открытымъ и до сего дня.

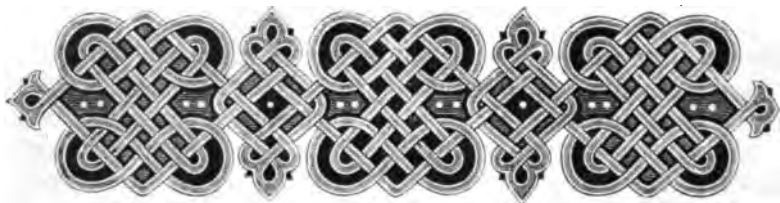
¹⁾ Одно только можно замѣтить съ прискорбіемъ, что самъ Макарій, въ предисловіи къ своему богословскому труду, не постарался заявить, какъ многимъ онъ обязанъ лекціямъ своего академическаго наставника. Въ послѣдствіи самъ Макарій очень ревниво относился къ своей собственной литературной славі—и всякій, пользовавшійся его трудомъ, непременно долженъ былъ указывать источники. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду изданіе одной богословской книги, имѣвшей смѣлость соперничать съ основнымъ богословіемъ Макарія.

Въ послѣдніе годы жизни Дмитрія, за нимъ можно было замѣтить одну черту—это особенное усиленіе имъ проповѣдническаго слова—и на кафедрѣ, и въ печати... Онъ чувствовалъ, что недолго уже остается ему жить—и вотъ онъ какъ будто торопится получше выполнить свою пастырскую миссію—миссію церковнаго учительства... При каждомъ служеніи литургіи онъ говоритъ проповѣдь и затѣмъ печатаетъ ее, большею частію на страницахъ московскаго журнала «Православное Обозрѣніе». Проповѣдное слово его отличалось, по обычаю, простотою и задушевностію.

Вообще, архіепископъ Дмитрій Муретовъ—это такая свѣтлая личность, которая служила и будетъ постоянно служить славою и украшеніемъ русской церкви.

Е. В.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ П. И. МЕЛЬНИКОВА.

(По поводу годовщины со дня его смерти).

ПЕРВАГО февраля исполнился годъ со дня смерти известнаго писателя Павла Ивановича Мельникова. При первой вѣсти о его кончинѣ, наши періодическія изданія наполнились небольшими некрологами, составленными главнымъ образомъ по известному труду Д. И. Иловайскаго ¹⁾, но потомъ, занятыя новыми «вопросами дня», не посвятили покойному автору ни одной обстоятельной статьи. Между тѣмъ ни обширный трудъ г. Иловайскаго, ни еще болѣе краткіе некрологи, напечатанные въ прошломъ году, не дали полного обзора трудовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера покойнаго писателя: трудъ г. Иловайскаго заключалъ болѣе біографію, чѣмъ бібліографическій обзоръ, а некрологи перечисляли только крупныя и известныя произведенія. Поэтому, въ виду годовщины, мы рѣшаемся представить полный перечень трудовъ П. И. Мельникова со многими поясненіями. Этотъ перечень, необходимый для послѣдовательнаго изученія такого разносторонняго писателя, какъ Мельниковъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія произведенія:

1839 г. Дорожныя записки на пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь (Отеч. Записки, кн. 11 и 12).

Эти «Записки» продолжали появляться въ 1840 г. (кн. 3, 4, 8, 10, 12), 1841 г. (кн. 3, 10) и 1842 г. (кн. 2 и 3).

1840 г. Первый магистръ монгольской словесности В. П. Васильевъ (Отеч. Записки, кн. 3).

¹⁾ Павелъ Ивановичъ Мельниковъ и его тридцатипятилѣтняя литературная дѣятельность въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 г., кн. I, стр. 77—86.

Историческія извѣстія о Нижнемъ-Новгородѣ, отрывки изъ «Исторіи Владимірска-Суздальскаго великаго княжества и происшедшихъ изъ него отдѣльныхъ княжествъ» (Отеч. Записки, кн. 7), Библиографическая рѣдкость: «Symbola et Emblemata, Amstelodami, anno 1705» (Отеч. Записки, кн. 9).

Великій мастеръ, стихотвореніе Мицкевича, перев. съ польскаго (Литерат. Газета, № 14).

Елпидифоръ Перфильичъ, повѣсть (Литерат. Газета, № 23).

1841 г. Реляція о дѣйствіи русскихъ войскъ въ Польшѣ въ 1773 г. (Отеч. Записки, кн. 1).

Поѣздка въ Кунгуръ, изъ дорожныхъ записокъ (Москвитян., кн. 3).

Къ этому же году относятся слѣдующія статьи Мельникова, напечатанныя въ нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ: «Муххамедъ, какъ импровизаторъ», «Александръ великій, царь царей персидскихъ», «О корчемствѣ въ Россіи до конца XVII вѣка», «Персія при Сасанидахъ», «Нижегородскія древности», «Переводъ Visoris Kraledworsky», «Собраніе нижегородскихъ преданій и повѣрій», «Описание нѣкоторыхъ старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ славяно-русскихъ, не находящихся въ извѣстныхъ каталогахъ и библиотекахъ» (См. Отеч. Записки 1842 г., кн. 6, отд. VI, стр. 39 и журналъ мин. нар. проsv. 1843 г., ч. XXXVII, отд. III, стр. 20—21) ⁴⁾.

1842 г. Солнечныя затмѣнія, видѣнныя въ Россіи до XVI столѣтія (Отеч. Записки, кн. 6).

Историческія замѣтки: 1) Гдѣ скончался Св. Александръ Невскій; 2) Гдѣ жилъ и умеръ Козьма Мининъ; 3) О царцѣ Маріи Петровнѣ; 4) О родственникахъ Козьмы Минина (Отеч. Записки, кн. 7—8).

1843 г. Нижний Новгородъ и нижегородцы въ смутное время (Отеч. Записки, кн. 7).

1844 г. Лифляндскій колоколь XV столѣтія въ Нижнемъ Новгородѣ (Отеч. Записки, кн. 3).

1845 г. О строгиновскихъ зданіяхъ въ Россіи (Литерат. Газета, № 9).

Въ этомъ же году Мельниковъ началъ редактировать «Ниже-

⁴⁾ Кроме того, въ протоколѣ археографической комиссіи, отъ 8-го апрѣля 1841 года, сказано: «Старшій учитель нижегородской гимназіи Мельниковъ, при донесеніи отъ 17-го марта, представилъ на разсмотрѣніе снятые имъ въ видѣ опыта списки съ восьми старинныхъ грамотъ съ приложеніемъ подлинниковъ; положено: просить г. Министра Народнаго Просвѣщенія объ утвержденіи г. Мельникова въ званіи корреспондента комиссіи съ порученіемъ ему, на основаніи существующихъ правилъ, доставлять ей свѣдѣнія о старинныхъ библиотекахъ и архивахъ и сообщать описи хранящихся въ нихъ рукописей» (См. Журналъ мин. нар. проsv. 1841 г., ч. XXX, отд. III, стр. 53—54. Одно изъ донесеній Мельникова въ археографическую комиссію см. въ Журналѣ мин. нар. проsv. 1842 г., отд. III, стр. 87—88).

городскія губернскія вѣдомости» и издавала ихъ за своею подписью до 1848 года.

- 1846 г. Нижегородская ярмарка въ 1843, 1844 и 1845 годахъ. Нижний Новгородъ, 292 стр.

Этотъ трудъ печатался сначала въ Нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1845 годъ.

- 1850 г. Историческій очеркъ Нижегородской ярмарки (Московск. Вѣд., № 105).

Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о смутномъ времени, о Козьмѣ Мининѣ, князѣ Пожарскомъ и патриархѣ Гермогенѣ (Москвитян., кн. 21).

Эта статья представляетъ выдержку изъ публичныхъ чтеній Мельникова въ Нижнемъ Новгородѣ. Объ этихъ «чтеніяхъ» сохранилось «объявленіе» (Нижегор. губ. вѣд. 1847 г., № 7) и такой «отчетъ» о первой лекціи: «11-го февраля (1847 года) въ Нижнемъ Новгородѣ случилось небывалое до сихъ поръ явленіе—публичныя лекціи о Россіи и въ особенности о Нижнемъ Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка. Съ разрѣшенія начальства читаютъ ихъ Мельниковъ. Все лучшее общество и въ особенности много дамъ было вечеромъ 11-го февраля въ великолѣпной залѣ Александровскаго института».

- 1851 г. Общественныя моленія Эрянъ (Симбирск. губ. вѣд.).

На эту свою статью указываетъ самъ Мельниковъ въ Русскомъ Вѣстникѣ (1867 г., кн. 6, стр. 490), добавляя, что онъ проводилъ слѣдствіе о мордовскомъ общественномъ моленіи въ 1848 году.

- 1852 г. Придѣлъ въ честь Козьмы Минина, корреспонденція изъ Нижняго Новгорода (Москвитян., кн. 6).

Красильниковы, повѣсть (Москвитян., кн. 8).

Подъ этою повѣстью впервые видѣется псевдонимъ Мельникова: «Андрей Печерскій». Такой псевдонимъ появился затѣмъ подъ каждымъ «рассказомъ» покойнаго писателя.

- 1854 г. О современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи.

Этотъ трактатъ, вложенный въ тринадцати большихъ тетрадяхъ, былъ написанъ по Высочайшему повелѣнію въ 1854 году и тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Вибиковымъ переданъ казанскому архіепископу Григорію, а отъ послѣдняго поступилъ въ бібліотеку казанской духовной академіи. Изъ этого труда редакция «Православнаго Собесѣдника» напечатала нѣсколько статей о расколѣ.

- 1855 г. Отчетъ по министерству внутреннихъ дѣлъ.

Отрывки изъ этого «отчета» напечатаны въ журналѣ мин. внутр. дѣлъ за 1856 годъ.

- 1856 г. Дѣдушка Полликарпъ, рассказъ (Русск. Вѣстн., кн. 5).

- 1857 г. Поярковъ, повѣсть (Русск. Вѣстн., кн. 2).

Старые годы, повѣсть (кн. 4).

Медвѣжій уголь, повѣсть (кн. 10).

Непрежнній, рассказъ (кн. 12).

- 1858 г. Именинный пирогъ, рассказъ (Русск. Вѣстн., кн. 4).
 Бабушкины повѣсти (Современн., кн. 8 и 10).
 Указатель достопримѣчательностей Нижняго Новгорода, М.
 По указанію самого Мельникова (Русск. Вѣстн. 1867 г., кн. 6, стр. 498), эта книжка составлена для государыни императрицы, напечатана въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ, даже безъ цензуры, и считается теперь библиографическою рѣдкостью.
- 1859 г. Братчина, учено-литературный сборникъ, ч. I, Спб., 280 стр.
 Редакціей этого «сборника» занимался Мельниковъ; ему же принадлежить и «предисловіе».
 На станціи, рассказъ (Русск. Дневникъ, № 21).
 Раскольническія преданія, записанныя въ Нижегородской губерніи (Русск. Дневникъ, № 137).
 Съ начала этого года Мельниковъ сталъ издавать въ Петербургѣ ежедневную газету «Русскій Дневникъ», при такой программѣ: 1) внутреннія извѣстія, 2) науки и искусства, 3) словесность, 4) библиографическія извѣстія. Эта газета прекратилась въ томъ же году на 141 №, 5-го іюля.
- 1860 г. Преданіе о судьбѣ Тарахановой (Сѣверн. Пчела, № 39).
- 1861 г. Аввакумъ Петровичъ протопопъ и Авраамій Нижегородецъ (Энциклопед. Словарь, составл. русск. учеными и литераторами, Спб., т. I).
 Гриша, повѣсть изъ раскольничьяго быта (Современн., кн. 3).
 Эта повѣсть издана отдѣльно Д. Кожанчиковымъ (Спб. 1861 г.).
 Лысково, изъ дорожныхъ записокъ (Иллюстрація, № 198—200).
 Изъ «Иллюстраціи» эти «записки» перепечатаны въ Нижегородскихъ губернск. вѣдомостяхъ (1861 г., № 51—52; 1862 г., № 1—3).
- 1862 г. Письма о расколѣ (Сѣверн. Пчела, № 5, 7, 9—10, 14—15).
 Отдѣльно эти «Письма» Спб. 1862 г.
 Въ Чудовѣ, рассказъ (Сѣверн. Пчела, № 30).
- 1863 г. Старообрядческіе архіереи (Русск. Вѣстн., кн. 4—6).
- 1864 г. Историческіе очерки поповщины (Русск. Вѣстн., кн. 5).
 Эти «очерки» продолженіе предыдущей статьи—наданы отдѣльно: Спб., 1864 г., ч. I, 282 стр. Дальнѣйшіе очерки появились только въ Русск. Вѣстн. (1866 г., кн. 5 и 9; 1867 г., кн. 2).
- 1865 г. Описаніе праздника, бывшаго въ Петербургѣ 6—9-го апрѣля 1865 года по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова, Спб., 46 стр.
 Воспоминаніе о Н. И. Второвѣ (Сѣверн. Пчела, № 266).
- 1866 г. Записка о русскомъ расколѣ.
 Она была написана еще въ 1857 году для В. К. Константины Николаевны, но надана В. Кельсиевымъ въ «Сборникѣ правительственныхъ распоряженій о расколѣ» (Лондонъ, 1866 г., т. I) «безъ конца, съ пропусками и искаженіями».
- 1867 г. Княжна Тараханова и принцесса Владимірская (Русск. Вѣстн., кн. 5, 6 и 8).
 Отдѣльно этотъ трудъ. Спб., 1868 г.
 Очерки Мордвы (Русск. Вѣстн., кн. 6, 9—10).

- 1868 г. Счисленіе раскольниковъ (Русск. Вѣстн., кн. 2).
Изъ прошлаго (кн. 4).
Эта статья, подписанная двумя инициалами: «П. М.», принадлежитъ Мельникову, какъ онъ самъ признается въ Русскомъ Вѣстникѣ (1869 г., кн. 5, стр. 253).
Тайны секты (кн. 5).
За Волгой, разсказъ (кн. 6—7, 10 и 12).
- 1869 г. Вѣсны голуби, разсказы о скопцахъ и хлыстахъ (Русск. Вѣстн., кн. 3 и 5).
- 1870 г. Къ исторіи русской печати: о газетѣ «Русскій Инвалидъ» (Русск. Старина, кн. 10).
- 1871 г. Въ лѣсахъ, разсказъ (Русск. Вѣстн., кн. 1, 3, 5 и 8).
Этотъ разсказъ печатался въ 1872 г. (кн. 1, 3, 5 и 8), 1873 г. (кн. 2, 5, 8, 9 и 12) и 1874 г. (кн. 4, 5, 8 и 12), а потомъ изданъ отдѣльно: М., 1875 г., четыре части.
- 1872 г. Авдотья Петровна Нарышкина, историческая замѣтка (Русск. Вѣстн., кн. 1).
- 1873 г. Воспоминаніе о В. И. Далѣ (Русск. Вѣстн., кн. 3).
Изъ записокъ юрьевскаго архимандрита Фотія о скопцахъ, хлыстахъ и другихъ тайныхъ сектахъ въ Петербургѣ (Русск. Архивъ, кн. 8).
Изъ нашей учебно-исторической литературы: объ учебникѣ г. Белярминова (кн. 11).
- 1875 г. На горахъ, разсказъ (Русск. Вѣстн., кн. 5 и 10).
Этотъ разсказъ печатался въ 1876 г. (кн. 8 и 11), 1877 г. (кн. 5—7, 9—10), 1878 г. (кн. 1, 5, 8 и 11), 1879 г. (кн. 9 и 12), 1880 г. (кн. 3, 5 и 8) и 1881 г. (кн. 2—3), а потомъ изданъ отдѣльно: М. 1881 г., четыре части.
- 1876 г. Разсказы Андрея Печерскаго, М. 398 стр.
Второе изданіе этой книги: Спб., 1882 г.
- 1879 г. Дѣло по поводу стихотворенія Тредьяковскаго (Чтеніе въ Общ. истор. и древн., кн. 1).
Воспоминаніе о графѣ С. С. Ланскомъ (Русск. Архивъ, кн. 2).

При видѣ такого длиннаго «перечня», остается согласиться съ слѣдующимъ правдивымъ примѣчаніемъ къ вышеупомянутой статьѣ г. Иловайскаго: какъ не пожалѣть, что до сихъ поръ не собраны и не изданы вмѣстѣ сочиненія П. И. Мельникова.

Дмитрій Языковъ.

ИСПОРЧЕННАЯ ЖИЗНЬ.

(Биографія и письма Ф. М. Достоевскаго. Спб., 1883 г.)

«Я тогда только могу показать, что я человекъ съ сердцемъ и любовью, когда самая внѣшность, обстоятельства, случай, вырветъ меня насильно изъ обиденной пошлости».

Изъ письма Ф. М. Достоевскаго къ брату.

ЗАДАЧА біографа — одна изъ труднѣйшихъ и неопредѣленнѣйшихъ задачъ въ области историко-литературныхъ явленій. Конечно, весьма просто свести по возможности всё, какимъ бы-то ни было образомъ добытыя, данныя — пріемъ, съ успѣхомъ примѣняемый къ собранію сырого матеріала; но, затѣмъ, необходимо выдѣлить наиболѣе интересное и характерное, что и составляетъ крайне трудную задачу, такъ какъ интересъ и характерность сообщаемыхъ фактовъ — понятія въ высшей степени условныя. Легче всего выходитъ изъ затрудненія тотъ біографъ, который старается представить данную личность въ томъ или иномъ желательномъ свѣтѣ и, сообразно съ этимъ, выдвигаетъ одни факты, пренебрегая другими, весьма важными съ иной точки зрѣнія.

Вотъ почему мы съ удовольствіемъ видимъ въ недавно изданномъ объемистомъ томѣ, подъ заглавіемъ «Биографія и письма Ф. М. Достоевскаго. Спб., 1883 г.», что издатели его, вмѣсто связанной «обработанной» біографіи, представили массу сырого матеріала, который даетъ возможность взглянуть на покойнаго писателя вполне объективно, такъ, чтобы мозаика фактовъ дала несомнѣнную и ясную картину его нравственнаго и умственнаго облика.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ сужденіяхъ и мнѣніяхъ о Достоевскомъ, какъ писателѣ и человѣкѣ, можно найти все, что угодно, кромѣ ясности и опредѣленности. Находя въ настоящую минуту неудобнымъ и даже излишнимъ вдаваться въ оцѣнку литературной дѣятельности Достоевскаго, мы коснемся только его жизненнаго типа, что считаемъ дѣломъ далеко не празднымъ, въ виду того, что Достоевскій игралъ и играетъ въ нашей дѣйствительности не только роль замѣчательнаго художника, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, роль извѣстнаго нравственнаго идеала и общественнаго кумира. Впрочемъ, это чуть не общій фактъ относительно каждаго крупнаго художника, что его возводятъ на вышеупомянутый пьедесталъ, и это явленіе заслуживаетъ особеннаго вниманія; но прежде перейдемъ къ фактамъ, которые даетъ намъ опубликованный біографическій матеріалъ.

Мы не будемъ подробно излагать, шагъ за шагомъ, біографію Достоевскаго, а, напротивъ, постараемся только прослѣдить факты внутренней жизни его отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, руководясь при этомъ, главнымъ образомъ, его собственными письмами и нѣкоторыми наиболѣе характерными воспоминаніями близкихъ къ нему лицъ.

Юношеское воспитаніе, при своеобразныхъ условіяхъ семейной обстановки, во всякомъ случаѣ было довольно благоприятно для развитія основной душевной способности Достоевскаго, какою мы безусловно считаемъ талантъ беллетриста-художника. Онъ росъ въ семьѣ доктора, гдѣ, при замкнутой жизни, однимъ изъ немногихъ удовольствій считалось чтеніе выдающихся литературныхъ произведеній; въ свободное и праздничное время читали въ слухъ отецъ или мать, и еще до поступленія братьевъ Достоевскихъ въ пансіонъ, много было прочитано ими изъ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Загоскина, Лажечникова и др. Затѣмъ, у самого Федора Михайловича часто бывалъ въ рукахъ Вальтеръ Скоттъ; онъ перечитывалъ «Бурсака» Нарѣжнаго, а Пушкина обожалъ непосредственной любовью, не ослаблявшейся тѣмъ, что поэтическая авторитетность Пушкина не была еще тогда безусловно признана старшимъ поколѣніемъ, что въ данномъ случаѣ и высказывалось отцемъ Федора Михайловича и школьными учителями его.

Пансіонъ Чермака, куда поступили, въ 1834 году, братья Достоевскіе, не особенно роскошный въ научномъ отношеніи, все-таки, выдѣлялся для своего времени скорѣе въ хорошую сторону, чѣмъ въ дурную, и здѣсь опять не было пока элементовъ, которые могли бы придавить естественныя наклонности юноши. Напротивъ того, въ пансіонѣ былъ учитель русскаго языка, человѣкъ, кажется, не заурядный, скоро ставшій идоломъ братьевъ Достоевскихъ, относившихся съ живымъ интересомъ къ произведеніямъ словесности.

Но особенно опредѣлились склонности и интересы Федора Ми-

хайловича со времени поступления его въ инженерное училище. Natura юноши настолько уже сложилась и интересы его опредѣлились, что солдатская выправка и чисто-военное направленіе учебныхъ занятій не могли заглушить врожденныхъ его склонностей. Напротивъ, въ этихъ именно интересахъ юноша находилъ внутреннее удовлетвореніе и противовѣсь угнетавшей его атмосферѣ тактики и фортификаціи, которыми онъ занимался довольно усердно изъ самолюбія и необходимости, но всегда безъ малѣйшаго увлеченія. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ: «Экзамены и занятія страшныя. Всѣ спрашиваютъ—и репутаціи потерять не хочется,—вотъ и зубришь, съ отвращеніемъ, а зубришь» (II. 23) ¹⁾. О томъ же свидѣтельствуется также и столь быстрый выходъ въ отставку, вскорѣ по окончаніи курса наукъ. Если прибавить сюда постоянную нужду въ каждой копѣйкѣ, то понятно, какое наслажденіе доставляло юношѣ уноситься въ міръ высокихъ художественныхъ впечатлѣній. Вся его переписка съ нѣжно любимымъ братомъ, Михайломъ Михайловичемъ, никогда не оставляетъ области именно этого рода интересовъ. Такъ, напримѣръ, осенью 1838 года, онъ пишетъ: «Ты хвалишься, что перечиталъ много... но прошу не воображать, что я тебѣ завидую. Я самъ читалъ въ Петергофѣ, по крайней мѣрѣ, не меньше твоего. Весь Гоффманъ русскій и нѣмецкій (т. е. не переведенный Коть Муръ), почти весь Бальзакъ (Бальзакъ великъ! Его характеры — произведенія ума вселенной. Не духъ времени, но цѣлыя тысячелѣтія приготовили бореніемъ своимъ такую развязку въ душѣ человѣка). Фаустъ Гёте и его мелкія стихотворенія, Исторія Полеваго, Уголино, Ундина. Также Викторъ Гюго, кромѣ Кромвеля и Эрнани» (II. 9).

Уже въ замѣткѣ о Бальзакѣ сквозитъ философско-мечтательное настроеніе, направленное, впрочемъ, исключительно въ область широкихъ отвлеченностей, а не удручающей молодой умъ повседневной дѣйствительности. Но это же настроеніе сказывается еще болѣе въ слѣдующихъ строкахъ того же письма: «Мнѣ кажется, что міръ нашъ—чистилище духовъ небесныхъ, отуманенныхъ грѣшной мыслью. Мнѣ кажется, міръ принялъ значеніе отрицательное, и изъ высокой, изящной духовности вышла сатира. Попадись въ эту картину лицо, не раздѣляющее ни эффекта, ни мысли о цѣломъ, словомъ, совсѣмъ постороннее лицо, что же выйдетъ? Картина искажена и существовать не можетъ!» (II. 8).

Все это довольно туманно, но здѣсь уже сказывается міросозерцаніе художника, который прежде всего во всемъ и вездѣ видитъ картину и очарованный останавливается передъ ней; въ дѣятельность же его увлекаютъ обстоятельства, а совсѣмъ не влеченіе

¹⁾ Сноски на страницы «Матеріаловъ для жизнеописанія» мы отмѣчаемъ буквой М, а «Письма» — буквой П.

непосредственное. Тутъ же этотъ юноша сокрушается о своей дѣни и восклицаетъ: «Но что же дѣлать, когда мнѣ осталось въ мирѣ одно: дѣлать непрерывный кейфъ! Не знаю, стихнуть-ли мои грустныя идеи? Одно только состояніе и дано въ удѣлъ человѣку: атмосфера души его состоитъ изъ сліянiя неба съ землей; какое же противозаконное дитя человѣкъ; законъ духовной природы нарушенъ»... (II. 7). Текстъ заканчивается точками и мысль нѣсколько недосказана. Строки эти дышатъ юношеской неясностью, но онѣ весьма характерны. Достоевскій на всю жизнь остается такимъ порожденіемъ «слиянiя неба съ землей», и его высокій даръ художественнаго таланта остается облеченнымъ до самой смерти въ брентную оболочку жизни, о поддержанiи которой судьба не достаточно позаботилась, откуда и рождается главный источникъ всей дальнѣйшей драмы его жизни. Сложились бы обстоятельства иначе и молодой, пылкій умъ сразу нашелъ бы себѣ непосредственное, спокойное и благородное приложеніе въ своей надлежащей области, т. е. въ области чистой поэзіи и безкорыстнаго искусства, преклоненіе предъ которыми рано сформировалось въ молодомъ человѣкѣ. Такъ, на примѣръ, той же осенью, какъ и предыдущее письмо, онъ пишетъ: «Философію не надо полагать простой математической задачей, гдѣ неизвѣстное — природа!.. Замѣть, что поэтъ, въ порывѣ вдохновенiя, разгадываетъ Бога, слѣдовательно исполняетъ назначеніе философіи. Слѣдовательно, поэтический восторгъ есть восторгъ философіи... Слѣдовательно, философія есть та же поэзія, только высшій градусъ ея!»... (II. 10).

Вотъ міросозерцаніе вполне свойственное «урожденному» художнику (см. Воспом. Страхова, М. 319) ставящему поэзію своимъ единымъ кумиромъ, и въ принесенiи жертвъ этому кумиру Достоевскій ясно предчувствовалъ свое единое назначеніе, чуждое всякихъ другихъ цѣлей. «Смотрю впередъ, пишетъ онъ — и будущее меня ужасаетъ... Я давно не испытывалъ взрывовъ вдохновенiя... Не залетитъ ко мнѣ райская птичка поэзіи, не согрѣетъ охладѣлой души... Прежнія мечты меня оставили и мои чудные арабески, которые создавалъ я нѣкогда, сбросили позолоту свою» (II. 11).

Вотъ какъ рано знакомо уже было Достоевскому творческое томленіе, этотъ главнѣйшій двигатель въ дѣлѣ созданiя не условныхъ художественныхъ произведенiй, не привязанныхъ къ сегодняшнему черному дню. Тутъ же начинаютъ роиться мечты о славѣ, и всѣ эти мечтанья направляются исключительно въ одну сторону. «Мнѣ кажется, что слава,—пишетъ онъ—такъ-же содѣйствуетъ вдохновенiю поэта. Байронъ былъ эгоистъ; его мысль о славѣ была ничтожна, суетна... Но одно помышленіе о томъ, что нѣкогда вслѣдъ за твоимъ былымъ восторгомъ вырвется изъ праха душа чистая, возвышенно-прекрасная, мысль, что вдохновеніе, какъ таинство небесное, освятитъ страницы, надъ которыми пладалъ ты

и будет плакать потомство, не думаю, чтобы эта мысль не закрадывалась въ душу поэта и въ самыя минуты творчества. Пустой крикъ толпы ничтоженъ. Ахъ! я вспомнилъ два стиха Пушкина, когда онъ описывалъ толпу и поэта:

«И пивють (толпа) на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ

И въ дѣтской рѣвности колеблетъ твой треножникъ» (II. 11).

Сколько здѣсь глубокой преданности чистой поэзіи, какъ непосредственнаго воспроизведенія дѣйствительности, и сколько съ другой стороны живого презрѣнія къ улицѣ, къ толпѣ, съ ея будничными интересами, дрягтами и претензіями, въ которыя, можно думать, такой поэтъ никогда не вмѣшается единымъ словомъ или помышленіемъ, а не то что дѣломъ». Всѣ юношескія письма Федора Михайловича къ нѣжно-любимому брату, дышація необыкновенной, какой-то страстной искренностью, свидѣтельствуютъ объ одномъ, что всѣ пламенные мечтанія юноши устремлялись на одну точку—поэзія и слава на почвѣ поэтическихъ вдохновеній.

Но, совершенно въ разрѣзъ съ этимъ, на развитіе богатой натуры клала свою тяжелую руку суровая дѣйствительность. И чѣмъ ближе подходило время зрѣлаго возраста, тѣмъ съ большей угнетающей реальностью представала передъ юношей печальная перспектива матеріальной нужды. Однимъ словомъ, мы видимъ, что Достоевскій, по выходѣ изъ училища, поступивъ на службу, перебивается со дня на день и никогда не бываетъ сколько нибудь обеспеченъ. Конечно, мы могли бы подойти къ данному факту съ контрольными приѣмами узкой морали, подсчитать всѣ возможные приходы и необходимые расходы, стѣснить пылкую и отзывчивую натуру талантливаго молодого человѣка во всякомъ движеніи и устранить для него возможность жить многообразными впечатлѣніями человѣческой жизни. Короче сказать, Достоевскій всегда нуждался и стоялъ лицомъ къ лицу съ необходимостью выйти изъ этой нужды. Въ данномъ случаѣ, ему представлялся двоякій исходъ. Съ одной стороны, онъ могъ усердно заняться своей служебной карьерой и искать себѣ сторонней работы на поприщѣ своей инженерной специальности. Но это ему очевидно претило, и вотъ, желая стать исключительно на почвѣ литературной дѣятельности, онъ увлекается различными литературно-коммерческими предпріятіями. Нѣсколько писемъ къ брату, втеченіе всего 1844 года, посвящены, главнымъ образомъ, различнымъ неудачнымъ затѣямъ: издать романъ Эжена Сю «Матильда», собственный переводъ романа Бальзака и, наконецъ, сдѣланный братомъ переводъ «Донъ-Карлоса». «Покорный общему закону», молодой Достоевскій съ презрѣніемъ смотрѣлъ на всякую практическую дѣятельность, разъ онъ чувствовалъ въ себѣ пламень вдохновенья, а между тѣмъ нужда толкала его немедленно выработать копѣйку, для чего онъ готовъ былъ приниматься за самую черную литературную ра-

боту, и, конечно, всё предпринятыя въ этомъ направленіи, попытки кончались ничѣмъ, какъ попытки непрактичнаго молодаго чело-вѣка съ литературными задатками и стремленіями, но безъ денегъ и безъ имени.

Въ то же время внутренняя работа талантливой души подгото-вила глубоко задуманную повѣсть и, послѣ безконечныхъ передѣ-локъ, въ рукахъ Достоевскаго оказались «Бѣдные люди». Съ глу-бокой и гордой вѣрой въ свое дѣтище, Достоевскій хочетъ воспользо-ваться имъ какъ можно энергичнѣе и сейчасъ же обезпечить себѣ безбѣдное существованіе, которое дало бы возможность со всей страстью предаться свободному творчеству. Эти условія До-стоевскій всегда считалъ для себя безусловно необходимыми, тѣмъ болѣе, что обладалъ способностью совершенно сживаться съ своими героями, оставляя ихъ въ авторскомъ воображеніи до полного уяс-ненія образовъ. Вотъ какъ рассказываетъ самъ Достоевскій о про-цессѣ своего творчества въ письмѣ по поводу «Голядкина»:

«Яковъ Петровичъ Голядкинъ выдерживаетъ свой характеръ вполне. Подлецъ страшный, приступу нѣтъ къ нему; никакъ не хочетъ впередъ идти, претендуя, что еще вѣдь онъ не готовъ, а что онъ теперь покамѣстъ самъ по себѣ, что онъ ничего ни въ од-номъ глазу, а что пожалуй, если ужъ на то пошло, то и онъ тоже можетъ, почему же и нѣтъ, отчего же и нѣтъ? Онъ вѣдь такой, какъ и всѣ, онъ только такъ себѣ, а то такой, какъ и всѣ. Что ему? Подлецъ, страшный подлецъ! Раньше половины октября ни-какъ не хочетъ кончить свою карьеру. Онъ уже теперь объяснился съ Его Превосходительствомъ, и пожалуй (отчего же нѣтъ?) готовъ подать въ отставку. А меня, своего сочинителя, ставить въ крайне негодное положеніе» (II. 39). До чего доходило это «негодное по-ложеніе» говорятъ слѣдующія строки письма, писаннаго передъ выходомъ въ отставку: «Главное я буду безъ платья. Хлестаковъ соглашается идти въ тюрьму только благороднымъ образомъ. Ну, а если у меня штановъ не будетъ, будетъ ли это благород-нымъ образомъ?» (II. 31).

«Негодное положеніе» поправилось только слегка, когда нако-нецъ Достоевскій былъ порадованъ первымъ, но чрезвычайно круп-нымъ успѣхомъ. Появленіе «Бѣдныхъ людей» открыло Фед. М.—чу доступъ къ корифеямъ тогдашней литературы; онъ вошелъ даже въ аристократическія гостиныя, но въ результатѣ оказалась чрез-мѣрная трата времени и денегъ, а въ смыслѣ обезпеченія—полная зависимость отъ издателя «Отечественныхъ Записокъ», изъ долга которому Достоевскій не вышелъ до самого своего ареста въ 1849 году. Все это время Достоевскій всецѣло увлеченъ своимъ творче-ствомъ и литературными успѣхами, которые довели его самолюбіе до степени крайности, сдѣлавшейся замѣтной ему самому (II. 43). Достоевскій выходилъ на литературное поприще болѣе чѣмъ увѣрен-

ный въ силѣ своего таланта и въ ничтожествѣ наличныхъ литературныхъ силъ. Еще въ началѣ 1844 года онъ писалъ брату: «Въ литературѣ—поле чисто. Примуть съ восторгомъ!» (II. 29). Достоевскій не хотѣлъ отдавать свою повѣсть въ журналъ и мотивировалъ свои соображенія слѣдующимъ образомъ: «Тамъ рукописей довольно и безъ этой. Напечатають, денегъ не дадутъ. А на что мнѣ тутъ слава, когда я пишу изъ хлѣба?.. Отдавать вещь въ журналъ значить идти подъ яремъ не только главнаго Maitre d'hotel'я, но даже всѣхъ чумичекъ и поваренковъ, гнѣздящихся въ гнѣздахъ, откуда распространяется просвѣщеніе. Напечатать самому значить пробиться впередъ грудью, и, если вещь хорошая, то она не только не пропадетъ, но окупитъ меня отъ долговой кабалы и дастъ мнѣ ѣсть» (II. 32). Съ такими замыслами выступалъ Достоевскій на литературное поприще, и самолюбіе его, дѣйствительно, съ перваго момента, было удовлетворено въ сильной мѣрѣ. За мѣсяць до появленія «Вѣднхъ людей» о нихъ было столько говору въ Петербургѣ, что Достоевскій писалъ брату слѣдующія строки:

«Ну, братъ, никогда, я думаю, слава моя не дойдетъ до такой апогеи, какъ теперь. Всюду почтеніе немовѣрное, любопытство насчетъ меня страшное. Я повнакомился съ бездною народа самаго порядочнаго. Князь Одоевскій проситъ меня осчастливить своимъ посѣщеніемъ, а графъ С. (Сологубъ?) рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который всѣхъ ихъ въ грязь втопчетъ. С. обѣгалъ всѣхъ и зашедши къ Краевскому, вдругъ спросилъ его: Кто этотъ Достоевскій? Гдѣ мнѣ достать Достоевскаго? Краевскій, который никому въ усъ не дуеетъ и рѣжетъ всѣхъ на пропадую, отвѣчаетъ ему, что Достоевскій не захочетъ вамъ сдѣлать чести осчастливить васъ своимъ посѣщеніемъ. Оно и дѣйствительно такъ: аристократиска теперь становится на ходули и думаетъ, что уничтожить меня величіемъ своей ласки. Всѣ меня принимаютъ, какъ чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всѣхъ углахъ не повторяли, что Достоевскій то-то сказалъ, Достоевскій то-то хочетъ дѣлать. Бѣлинскій любитъ меня, какъ нельзя болѣе. На дняхъ воротился изъ Парижа поэтъ Тургеневъ (ты вѣрно слыхалъ) и съ перваго раза привязался ко мнѣ такою привязанностью, такою дружбой, что Бѣлинскій объясняетъ ее тѣмъ, что Тургеневъ влюбился въ меня»... «У меня бездна идей и нельзя мнѣ рассказать чтонибудь изъ нихъ хотъ Тургеневу, чтобы завтра почти во всѣхъ углахъ Петербурга не знали, что Достоевскій пишетъ вотъ то-то и то-то. Ну, братъ, если бы я сталъ исчислять тебѣ всѣ успѣхи мои, то бумаги не нашлось бы столько. Я думаю, что у меня будутъ деньги. Голядкинъ выходитъ превосходно; это будетъ мой chef d'oeuvre. Вчера я въ первый разъ былъ у П. и, кажется, влюбился въ жену его. Она умна и хорошенькая, вдобавокъ любезна и пряма до

нельзя. Время я провожу весело. Нашъ кружокъ пребольшой. Но я все пишу о себѣ; извини, любезнѣйшій; я откровенно тебѣ скажу, что я теперь почти упоенъ собственной славой своею». (П. 41—42).

Затѣмъ, въ письмѣ по выходѣ «Бѣдныхъ людей», вызвавшихъ самые противорѣчивые, но и самые живые отзывы, Достоевскій писалъ: «Сунуть же я имъ всѣмъ собачью кость! Пусть грызутся—мнѣ славу—дурачье—строить» (П. 43).

Мы сдѣлали всѣ эти выписки главнымъ образомъ для того, чтобы показать оригинальную исключительность интересовъ юнаго беллетриста. Интересы эти специально-литературнаго, а отнюдь не общественнаго характера.

То, что называется взглядами и убѣжденіями, въ молодомъ Достоевскомъ представляется намъ чрезвычайно неяснымъ, неопределеннымъ и неуловимымъ. Онъ принимаетъ участіе въ глумленіи надъ славянофилами вмѣстѣ со своими литературными друзьями, задумавшими изданіе летучаго листка «Зубоскаль», гдѣ, какъ пишетъ Достоевскій, предполагалось между прочимъ описать «Послѣднее засѣданіе славянофиловъ, гдѣ торжественно докажется, что Адамъ былъ славянинъ и жилъ въ Россіи, и по сему случаю покажется вся необыкновенная важность и польза разрѣшенія такого великаго соціального вопроса для благоденствія и пользы всей русской націи» (П. 40).

Предположивъ, наконецъ, что извѣстный строй мыслей, который привелъ Достоевскаго на каторгу не могъ выразиться въ письмахъ, обратимся къ самому процессу Петрашевцевъ и посмотримъ, представителемъ какихъ взглядовъ и идей явился здѣсь Достоевскій.

Приговоръ, ссылавшій Достоевскаго въ каторгу, гласилъ, что онъ ссылается за участіе въ преступныхъ замыслахъ и распространеніи письма литератора Бѣлинскаго. Въ дѣлѣ о немъ, сверхъ общаго указанія на посѣщеніе имъ собраній у Петрашевскаго, сказано только: «принималъ участіе въ разговорахъ о строгости цензуры и на одномъ собраніи въ мартѣ 1849 года прочелъ полученное изъ Москвы отъ Плетцеева письмо Бѣлинскаго о Гоголѣ; потому читалъ его на собраніяхъ у Дурова и отдалъ для списанія копій Монбелли. На собраніяхъ у Дурова слушалъ чтеніе статей, зналъ о предположеніи завести литографію у Спѣшневъ, слышалъ чтеніе (составленной Григорьевымъ) «Солдатской бесѣды» (М. 97).

Всѣ царившія въ кружкѣ Петрошевцевъ социалистическія мечтанія Достоевскій совершенно отрицалъ и говорилъ, что «жизнь въ икарійской коммунѣ или фаланстера представляется ему хуже всякой каторги» (М. 92).

Видѣнъ-ли во всемъ этомъ заговорщикъ, послѣдовательный разрушитель общественнаго строя? Нѣтъ-ли здѣсь скорѣе отзывчиваго

художника, съ увлеченіемъ пропагандирующаго художественно-страстное письмо Бѣлинскаго, съ увлеченіемъ, раздѣлявшимся въ свое время всею мыслявшею Россіей? Единственно, что было Достоевскому ясно изъ области общественныхъ идеаловъ—это необходимость освобожденія крестьянъ. Художника возмущало это безобразное явленіе русской жизни, и онъ, какъ рассказываетъ г. Миллюковъ (М. 85), восторженно читалъ:

«Увижу-ль, о друзья, народъ не угнетенный
И рабство падшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли наконецъ прекрасная заря?»

Молодой Достоевскій неуклонно слѣдовалъ идеалу, намѣченному Пушкинымъ и тѣмъ шелъ какъ разъ въ уровень съ лучшими людьми своего времени.

Вообще, Достоевскаго тянуло въ кружокъ Петрашевцевъ, какъ въ наиболѣе возможную для него интеллигентную среду, которая была нужна ему для пополненія своего далеко не законченнаго образованія. Это было для него тѣмъ болѣе необходимо, что лихорадочная литературная дѣятельность и масса завязавшихся отношеній, въ связи съ довольно беспорядочной жизнью, не давали очнуться, задуматься и сколько нибудь серьезно слѣдить за ходомъ просвѣщенія. Онъ самъ пишетъ объ этой порѣ своей жизни тому же брату своему. «Ты не повѣришь, вотъ уже третій годъ литературнаго моего поприща а какъ въ чаду. Не вижу жизни, некогда опомниться; наука уходитъ за невременьемъ. Хочется установиться. Сдѣлали мнѣ извѣстность сомнительную и я не знаю, до которыхъ поръ пойдетъ этотъ адъ, тутъ бѣдность, срочная работа,—кабы покой»!! (П. 65).

А, между тѣмъ, петля затягивалась все туже и туже; наступали иногда даже моменты отчаянія, и Достоевскій писалъ: «Экъ, сколько труда и тягости разной нужно перенести сначала, чтобы устроить себя. Здоровье свое, напимѣръ, нужно пѣскать на авось, а обезпеченіе чортъ знаетъ еще когда будетъ» (П. 54). Ко всему этому у молодого автора было ясное убѣжденіе, что только блестящій успѣхъ могъ обезпечить правильное развитіе его таланта, и онъ съ горечью писалъ про себя: «Я тогда только могу по казать, что я человѣкъ съ сердцемъ и любовью, когда самая внѣшность, обстоятельства, случай, вырветъ меня насильно изъ обыденной пошлости (П. 63).

Но случая этого не предвидѣлось. Напротивъ, съ ужасающей ясностью опредѣлялась перспектива кабалы у издателей, дающихъ деньги впередъ и абсолютная невозможность работать соп амоге. Въ такіе моменты впечатлительный человѣкъ готовъ разомъ покончить съ своимъ существованіемъ; если же ему жалко себя и своихъ силъ и вообще онъ отличается живучестью, тогда душа жаждетъ какого нибудь перелома, хоть бы худшую

сторону. Была еще, конечно, возможность внутренняго перелома въ нѣдрахъ своей собственной души на почвѣ ограниченія въ жизни и собственнаго самообузданія и самоистязанія. Но мы уже раньше говорили, что живая, впечатлительная и отзывчивая натура Достоевскаго была къ этому неспособна, и молодой художникъ энергично протестовалъ противъ такой дисциплины жизни въ слѣдующихъ характерныхъ строкахъ: «Но, Боже мой! Какъ много отвратительныхъ, подло-ограниченныхъ сѣдобородыхъ мудрецовъ, знатоковъ, фарисеевъ жизни, гордящихся опытностью, то есть своею безличностью (ибо всѣ въ одну мѣрку сточаны) негодныхъ, которые вѣчно проповѣдуютъ довольство судьбой, вѣру во что-то, ограниченіе въ жизни и довольство своимъ мѣстомъ, не вникнувъ въ сущность словъ этихъ, — довольство, похожее на монастырское истязаніе и ограниченіе, и съ неистощимою мелкою злостью осуждающихъ сильную, горячую душу невыносящаго ихъ пошлаго дневнаго росписанія и календаря жизненнаго. Подлецы они съ ихъ водевильнымъ земнымъ счастьемъ. Подлецы они! Встрѣчаются иногда и бѣсятъ мучительно» (II. 61).

Внутри, такимъ образомъ, не было силы, чтобы повернуть съ корнемъ все свое существованіе и потому переломъ необходимо долженъ былъ прійти изъ внѣ. Такимъ переломомъ для Достоевскаго былъ арестъ и, затѣмъ, ссылка. Вотъ гдѣ, намъ кажется, коренится его усердная впоследствии благодарность судьбѣ за такой въ сущности жестокой и беспощадный ударъ, какъ четырехлѣтняя каторга. Этотъ ужасный періодъ его жизни художественно воспроизведенъ въ столь извѣстныхъ «Запискахъ изъ Мертваго Дома». Интересно лишь разобратъ въ одномъ вопросѣ: когда у Достоевскаго и его не въ мѣру ревностныхъ поклонниковъ сложилась теорія исправленія и правильной постановки человѣческихъ характеровъ, при помощи такихъ, напимѣръ героическихъ средствъ, какъ каторжныя работы.

Въ «Дневникѣ Писателя» за 1873 годъ, Достоевскій говоритъ о той внутренней переработкѣ, которая совершалась въ немъ тогда, въ періодъ каторжной жизни. Въ основѣ ея лежало, говоритъ онъ, «непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, братское соединеніе съ нимъ въ общемъ несчастіи, понятіе, что самъ сталъ такимъ же какъ онъ, съ нимъ сравненъ и даже приравненъ къ самой низшей ступени его... Это не такъ скоро произошло, прибавляетъ онъ, а постепенно и послѣ очень долгаго времени... Мнѣ очень трудно было-бы рассказать исторію перерожденія моихъ убѣжденій», заключаетъ онъ, не усматривая, стало быть, такой полной исторіи въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома» (М. 135).

Мы вслѣдъ за г. Миллеромъ вполне готовы признать, что въ «Мертвомъ Домѣ» не заключается раскрытія глубокаго внутренняго перелома, пережитаго Достоевскимъ, да этого и не могло

быть въ виду того, что «Записки изъ Мертваго Дома» есть произведеніе широко-объективное, въ которомъ свое я художника-наблюдателя исчезаетъ въ многообразіи ярко изображенныхъ явленій и, какъ выражался самъ Достоевскій, «рожа сочинителя» не показана (II. 44). Но обратившись опять таки къ письмамъ самого Достоевскаго, тотчасъ по выходѣ изъ каторги (Семипалатинскъ, 6 ноября, 1854), читаемъ слѣдующее: «Вотъ уже скоро 10 мѣсяцевъ, какъ я вышелъ изъ каторги и началъ мою новую жизнь. А тѣ 4 года считаю я за время, въ которое я былъ похороненъ живой и закрытъ въ гробу. Что за ужасное было это время, не въ силахъ я рассказать тебѣ, другъ мой. Это было страданіе невыразимое, безконечное, потому что всякій часъ, всякая минута тяготѣла какъ камень у меня на душѣ. Во всѣ 4 года не было мгновенія, въ которое бы я не чувствовалъ, что я въ каторгѣ. Но что рассказывать! Даже если бы я написалъ къ тебѣ 100 листовъ, то и тогда ты не имѣлъ бы понятія о тогдашней жизни моей. Это нужно по крайней мѣрѣ видѣть самому, — я уже не говорю испытать. Но это время прошло и теперь оно сзати меня, какъ тяжелый сонъ, такъ же какъ выходъ изъ каторги представлялся мнѣ прежде, какъ свѣтлое пробужденіе и воскресеніе въ новую жизнь» (II. 75).

Вотъ что чувствовалъ Достоевскій по выходѣ изъ каторги, проживая въ Семипалатинскѣ на службѣ солдатомъ въ 7-мъ линейномъ баталіонѣ; больной, измученный, удручаемый фронтомъ, ученьями, смотрами, лишенный правъ гражданства и, самое главное, права писать. Но его живучая натура все таки брала свое и Достоевскій имѣлъ достаточно жизненной силы, чтобы говорить: «Не теряя надежды, смотрю я впередъ довольно бодро» (II. 76). Опять надо было «пробивать дорогу вкривь и вкось, на право и на лѣво», чтобы какъ нибудь выбиться. И здѣсь два живительныя начала поддерживали его: желаніе найти тихую пристань въ лонѣ семейнаго счастья, которое онъ считалъ теперь выше всего на свѣтѣ (II. 75), и стремленіе поставить снова въ первыхъ рядахъ свое литературное имя. Первое оказалось легче втораго. Достоевскій въ это время горячо полюбилъ и, не смотря на самое тяжелое матеріальное положеніе, женился на М. Д. Исасовой. Теперь возрожденнаго Достоевскаго волнуютъ всецѣло двѣ мысли: обезпечить спокойное существованіе семьѣ и самому себѣ и снова стать въ ряды литературы. Последнее, думалъ онъ, важнѣе всего и должно было дать толчекъ всему остальному. Возбудивъ при помощи своихъ друзей и покровителей ходатайство объ улучшеніи своей участи, Достоевскій на первомъ мѣстѣ ставилъ разрѣшеніе печататься и въ мартѣ 1856 года писалъ барону Врангелю: «Хочу формально просить печатать. Если позволять, то я на всю жизнь съ хлѣбомъ. Теперь не такъ какъ прежде, столько обдѣ-

ланнаго, столько обдуманнаго и такая энергія къ письму! Надѣюсь написать романъ (къ сентябрю) получше «Вѣднѣхъ людей». Вѣдь если позволять печатать—вѣдь это гуль пойдетъ, книга раскупится, доставить мнѣ деньги, значеніе, обратитъ на меня вниманіе правительства, да и возвращеніе прійдетъ скорѣе» (II. 88).

Но понимая инстинктивно, что все его будущее заключается въ литературной дѣятельности, Достоевскій, послѣ столь продолжительнаго перерыва, не могъ сразу разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ и мысляхъ и не зналъ за что взяться съ перомъ въ рукѣ. Онъ пишетъ стихи на коронацію и заключеніе мира, затѣваетъ писать политическій памфлетъ съ «самыми патриотическими идеями» (II. 94), письмо объ искусствѣ, съ тѣмъ, чтобы посвятить ихъ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, но все это, кромѣ стиховъ, остается лишь въ проектѣ; съ другой стороны, онъ довольно небрежно относится къ возможности художественнаго воспроизведенія пережитой каторги, видимо далекъ еще отъ мысли художественно разработать тему «Мертваго Дома», и въ январѣ 1856 года пишетъ Майкову слѣдующія строки: «Въ часы, когда мнѣ нечего дѣлать, я кое-что записываю изъ воспоминаній моего пребыванія въ каторгѣ, что было полюбопытнѣе. Впрочемъ, тутъ мало чисто личнаго. Если кончу и когданибудь будетъ очень удобный случай, то пришлю вамъ экземпляръ, написанный моею рукою, на память обо мнѣ» (II. 83—84).

Однимъ словомъ, съ одной стороны обстоятельства и тяжело прожитая жизнь заставляли опредѣлить самому себѣ и другимъ тотъ или другой строй мыслей, а съ другой — Достоевскій оставался прежнимъ отзывчивымъ художникомъ, образы тѣснились въ его головѣ, онъ проектировалъ романъ за романомъ, а, главное, набрасывалъ «Мертвый Домъ».

Между тѣмъ, залежавшаяся въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», еще съ 1849 года, повѣсть, появилась только въ 1858 году и въ литературномъ мірѣ имя Достоевскаго было сильно привабыто. Приходилось чуть не съ-изнова начинать литературное конрище, а для того, чтобы работать, надо было имѣть досугъ и обезпеченіе. Достоевскій, какъ человекъ пострадавшій изъ-за свободаго образа мыслей, могъ бы, казалось, рассчитывать теперь на поддержку со стороны представителей того-же направленія.

Но съ руководителемъ главнаго органа этого направленія—Некрасовымъ у Достоевскаго были старые непріятные счеты. Рука помощи явилась прежде всего со стороны человека, съ которымъ Достоевскій не былъ связанъ никакими традиціями. Это былъ М. Н. Катковъ, который, по первому же письму Достоевскаго, предложившаго ему свое сотрудничество, выслалъ сейчасъ же просимую имъ сумму денегъ. Другой поддержкой для Достоевскаго явился графъ Кушелевъ, предпринявшій тогда изданіе «Русскаго Слова».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣтомъ 1859 года, по прошенію на Высочайшее имя и въ силу особыхъ ходатайствъ, Достоевскій выпущенъ былъ въ отставку и получилъ разрѣшеніе переѣхать въ Тверь, а въ слѣдующемъ году былъ уже въ Петербургѣ.

За все это время, письма Достоевскаго посвящены важнѣйшимъ для него въ тотъ моментъ вопросамъ: разрѣшенію вернуться, разрѣшенію печатать свои сочиненія и помѣщенію своихъ трудовъ въ тогдашнихъ журналахъ, съ условіемъ высылки денегъ впередъ. Понятно, что весь этотъ періодъ Достоевскому было не до того, чтобы развивать и выработать свой образъ мыслей, помимо того, насколько онъ формировался самой жизнью его.

Между тѣмъ, переѣхавъ въ Петербургъ, Фед. Мих. чувствовалъ себя далеко не хорошо и въ письмахъ этого времени (см. М. 166) отзывался о Петербургѣ очень неодобрительно. Онъ нашелъ здѣсь старыхъ друзей каждаго въ отдѣльности глубоко къ нему расположенныхъ, но не нашелъ кружка съ сильными средствами для того, чтобы поддержать развитіе его таланта. Впрочемъ, кружокъ А. П. Милюкова въ значительной мѣрѣ сплочивалъ людей близкихъ Достоевскому по старымъ воспоминаніямъ, а также людей, съ которыми онъ близко сошелся впоследствии. А П. Милюковъ былъ тогда главнымъ сотрудникомъ журнала «Свѣточъ», гдѣ предполагалось, между прочимъ, помѣщеніе романа Достоевскаго, но дѣло это не состоялось.

Какъ бы-то ни было, къ осени 1860 года, сгруппировался уже значительный кружокъ около самихъ братьевъ Достоевскихъ, заявившихъ тогда же пространными объявленіями объ изданіи журнала «Время». Къ сожалѣнію, за это время переписка Достоевскаго изсякаетъ, и мы не знаемъ, при какихъ условіяхъ братья Достоевскіе рѣшились на такое крупное предпріятіе. Конечно, главный расчетъ здѣсь возлагался на силу художественнаго таланта Фед. Мих., который получалъ теперь возможность на страницахъ своего собственнаго журнала развернуться со всей свойственной ему ширью. Исполнялась же притомъ и юношеская мечта Фед. Мих. — освободиться отъ издательской кабалы у литературныхъ антрепренеровъ.

Но если главную силу въ журналѣ составлялъ художественный талантъ, то и направленіе журналу слѣдовало бы дать чисто-художественное, чтó его рѣзко выдѣляло бы изъ всей періодической печати того времени. А что Фед. Мих. опять таки былъ тогда истымъ художникомъ и никакъ не публицистомъ-теоретикомъ, о томъ говорить въ своихъ воспоминаніяхъ такой близкій къ нему человекъ, какъ Н. Н. Страховъ, который пишетъ: «Безпрестанно вдумываясь въ современныя явленія и гордясь ихъ уловленіемъ въ своихъ произведеніяхъ, Фед. Мих. въ то же время готовъ былъ ставить выше всего строгія требованія искусства и былъ почти безукоризненно чистъ отъ всякой исключительности... Художество само

по себѣ восхищало его безъ всякихъ условій и подѣ конецъ онъ прямо твердилъ знаменитую формулу искусства для искусства» (274, 275).

И вотъ, съ такими-то задушевными тенденціями Достоевскій ринулся въ море петербургской журналистики, которая въ то время особенно бурлила и шумѣла, а главное, каждый журналъ долженъ былъ строго предъявлять свое собственное направленіе, и на прокрустово ложе этого послѣдняго считалось долгомъ возлагать всѣхъ и вся.

Время исторіи шестидесятихъ годовъ далеко еще не пришло. Слишкомъ еще немного отошло оно въ область минувшаго, слишкомъ еще мало явилось печатныхъ матерьяловъ для сужденія объ этомъ времени. Поэтому мы не рѣшаемся пускать въ оборотъ сужденія и характеристики г. Страхова и входить въ подробный рассказъ о возникновеніи и паденіи журналовъ братьевъ Достоевскихъ. Для того же, чтобы уяснить фізіономію журнала «Время», обратимся къ словамъ человѣка, извѣстнаго своею прямою и устойчивостью своихъ взглядовъ. И. С. Аксаковъ, 6-го іюня 1863 года, писалъ Н. Н. Страхову слѣдующія глубоко характерныя строки: «Вы напрасно ссылаетесь на направленіе «Времени». Хотя оно постоянно кричало о томъ, что у него есть направленіе, но никто на это направленіе не обращалъ вниманія. Оно имѣло значеніе, какъ хорошій беллетристическій журналъ, болѣе чистый и честный, чѣмъ другіе, но претензіи его были всѣмъ смѣшны. Тамъ могли быть помѣщаемы и помѣщались и хорошія статьи.....,—но все это не давало «Времени» никакого цвѣта, никакой силы. Ему недоставало высшихъ нравственныхъ основъ, чести высшаго порядка. Оно имѣло безстыдство напечатать въ программѣ, что первое въ русской литературѣ провозгласило и открыло существованіе русской народности! Нѣтъ такого врага славянофиловъ, который бы не возмущился этимъ. Потому—это наивное объявленіе, что славянофильство—моментъ отжившій, а пути къ жизни, новое слово, теперь у «Времени!» Славянофилы могутъ всѣ умереть до одного, но направленіе данное ими не умереть,—и я разумѣю направленіе во всей его строгости и неуступчивости, неприлаженное ко вкусу петербургской кананирующей публики. Вотъ это волокитство за публикой, это желаніе служить и нашимъ, и вапимъ, это трактованіе славянофиловъ свысока во «Времени» и съ презрѣніемъ въ первой программѣ «Времени», это уронило журналъ въ общемъ мнѣніи публики, а славянофилы, какъ вы знаете, нигдѣ, ни единымъ словомъ даже не задѣли «Времени», потому что убѣжденія ихъ не вопросъ личнаго самолюбія... (М. 256, 257). Самъ Достоевскій, въ письмѣ къ барону Врангелю (М. 277), съ полнымъ правомъ говорить, что фуроръ произведенный «Мертвымъ Домомъ» и романомъ «Униженные и оскорбленные», упрочилъ за «Временемъ» успѣхи, погуб-

ленный затѣмъ приостановленіемъ журнала за статью г. Страхова «Роковой вопросъ».

Грустное происшествіе по поводу статьи «Роковой вопросъ», весьма интересное для исторіи шестидесятыхъ годовъ, имѣетъ, для исторіи развитія художественнаго таланта Ф. М. Достоевскаго, значеніе чисто внѣшнее: запрещеніе журнала «Время» снова выбило Фед. Мих. изъ благопріятной колеи, что, въ связи съ тяжелыми обстоятельствами, привело его, въ концѣ концовъ, въ самое безотрадное положеніе. Впрочемъ, всю эту грустную исторію передадимъ въ краткихъ, но искреннихъ словахъ самого Фед. Мих. въ письмѣ его къ барону Врангелю отъ 31 марта 1865 года. «Вы знаете, вѣроятно, что братъ затѣялъ четыре года назадъ журналъ. Я ему содрудничалъ. Все шло прекрасно. Мой «Мертвый Домъ» сдѣлалъ буквально фуроръ, и я возобновилъ имъ свою литературную репутацію. У брата были огромные долги при началѣ журнала, и тѣ стали оплачиваться,—какъ вдругъ въ 1863 году, въ маѣ, журналъ былъ запрещенъ за одну самую горячую и патриотическую статью, которую ошибкой приняли за самую возмутительную—противъ правительственныхъ дѣйствій и общественнаго тогдашняго настроенія. Правда, и писатель былъ отчасти виноватъ; слишкомъ перетонилъ, и его поняли обратно. Дѣло скоро поняли какъ надо, но ужъ журналъ былъ запрещенъ. Съ этой минуты дѣла брата приняли крайнее разстройство, кредитъ его пропалъ, долги обнаружались, а заплатить было нечѣмъ. Братъ выхлопоталъ себѣ позволеніе продолжать журналъ, подъ новымъ названіемъ «Эпоха». Позволеніе вышло только въ концѣ февраля 1864 года; 1-й номеръ не могъ появиться раньше 20-го марта. Журналъ значитъ опоздалъ, подписка уже повсемѣстно кончилась, потому что публика подписывается на всѣ журналы по старой привычкѣ только въ 3 мѣсяца, въ декабрѣ, январѣ и февралѣ. Надо было удовлетворить прежнихъ подписчиковъ, которые не получили расчета при прекращеніи «Времени». Имъ объявлено было, чтобы они досылали по шести рублей за «Эпоху» 1864 года. Такъ какъ новыхъ подписчиковъ почти не было, а были все старые, досылавшіе по шести рублей, то, стало-быть братъ долженъ былъ издавать журналъ себѣ въ убытокъ. Это окончательно его разстроило и доканало. Онъ началъ дѣлать долги, здоровье же его стало разстраиваться. Меня подлѣ него въ это время не было. Я былъ въ Москвѣ подлѣ умиравшей жены моей. Да, Александръ Егоровичъ, да, мой безцѣнный другъ, вы пишете и соболеваете о моей роковой потерѣ, о смерти моего ангела брата Миши, а не знаете, до какой степени меня судьба задавила! Другое существо, любившее меня, и которое я любилъ безъ мѣры, жена моя умерла въ Москвѣ, куда переѣхала за годъ до смерти своей отъ чахотки» (М. 277, 278).

Изданіе «Эпохи» и необходимость поддерживать семью брата

уже всѣмъ бременемъ легли на Оед. М—ча. Со второй книжкой «Эпохи» за 1865 годъ всѣ ресурсы истощились и наступило полное паденіе, подробности котораго намъ слишкомъ мало извѣстны; г. Страховъ говорить по этому только слѣдующее: «Впродолженіе всего этого времени мы съ нимъ не видались. У насъ вышла первая размолвка, о которой не стану рассказывать. Отчасти, но лишь въ самой ничтожной части, тутъ участвовали и тѣ неудовольствія и затрудненія, которыя бывають при паденіи общаго дѣла. Приходится дѣлать общее несчастіе, и каждый изъ участниковъ естественно старается, чтобы его доля была какъ можно меньше. Грустно вспоминать черты эгоизма, которыя такимъ образомъ обнаруживаются» (М. 284).

Чтобы спасти погибающее зданіе своей жизни, Достоевскому надо было опять таки всецѣло обратиться къ эксплуатаціи своей основной душевной способности, къ художественно-беллетристическимъ работамъ, но и это было теперь не легко.

«Я охотно бы пошелъ въ каторгу, писалъ Достоевскій объ этомъ времени, на столько же лѣтъ, чтобы уплатить долги и почувствовать себя опять свободнымъ. Теперь опять начну писать романъ изъ-подъ палки, т. е. изъ нужды, на-скоро. Онъ выйдетъ эффектенъ, но то-ли мнѣ надобно! Работа изъ нужды, изъ-за денегъ, задавила и съѣла меня» (М. 282).

Но палка и нужда не задавили таланта, а, напротивъ, вызвали самое энергичное напряженіе всѣхъ его творческихъ силъ. Романъ о которомъ говоритъ Достоевскій, былъ не чтò иное, какъ «Преступленіе и Наказаніе», который, съ января 1866 года, началъ печататься въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Съ этого же момента Достоевскій дѣлается неоплатнымъ должникомъ г. Каткова, но отношеній этихъ нельзя назвать кабалой, и можно сказать, что мы обязаны г. Каткову сохраненіемъ для насъ таланта Достоевскаго. Въ то же время другой случай въ жизни Достоевскаго привелъ къ результатамъ чрезвычайно благопріятнымъ для упроченія его роли въ русской литературѣ.

Связанный самымъ безпощаднымъ обязательствомъ передъ издателемъ своихъ сочиненій Стелловскимъ, Оед. Мих. долженъ былъ въ одинъ мѣсяцъ написать рассказъ въ размѣрѣ 7-ми печатныхъ листовъ, чтò и было исполнено, при помощи стенографистки, а таковою явилась Анна Григорьевна Сниткина, которая спустя нѣсколько мѣсяцевъ, сдѣлалась женою Оедора Михайловича.

Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, въ апрѣлѣ 1867 года, Достоевскій уѣхалъ за границу, главнымъ образомъ, съ той цѣлью, чтобы на свободѣ отъ кредиторовъ предаться своему творчеству и привести въ исполненіе въ сильной мѣрѣ продуманныя и въ головѣ отдѣланныя художественныя тѣмы. Душа его была, можно

сказать, переполнена художественными образами, надо было только успѣть запечатлѣть все это на бумагѣ.

Молодая и энергичная помощница, въ лицѣ жены, много способствовала осуществленію его задачи, и годы заграничной жизни были временемъ необычайной производительности Достоевскаго. Матерьяльная нужда, не смотря на большіе авансы Каткова, сильно тѣснила Достоевскаго и побуждала его усерднѣе работать. Съ этимъ вмѣстѣ, въ письмахъ его къ друзьямъ (Майкову и Страхову) слышится постоянная жалоба на невозможность художественно отдѣлывать и вынашивать свои произведенія, и онъ, напримѣръ признаетъ самъ, что, замѣтно для себя, портитъ свой романъ «до гряди, до позора» (II. 314). Все это было тѣмъ болѣе горько для Фед. Мих., что онъ всей душой чувствовалъ необходимость новыхъ путей въ русской беллетристикѣ и писалъ въ письмѣ къ Страхову (1871 г.) слѣдующее: «А знаете, вѣдь это все помѣщичья литература (т. е. Тургеневъ, Толстой и т. д.). Она сказала все, что имѣла сказать (великолѣпно у Толстого). Но это въ высшей степени помѣщичье слово было послѣднимъ. Новаго слова, замѣняющаго помѣщичье, еще не было, да и некогда. Рѣшетниковы ничего не сказали. Но всетаки Рѣшетниковы выражаютъ мысль необходимости чего-то новаго въ художническомъ словѣ, уже не помѣщичьяго, хотя и выражаютъ въ безобразномъ видѣ» (II. 314).

Откликаясь на запросы и явленія времени, насколько это вообще свойственно живому человѣку, Фед. М.—тъ тѣмъ не менѣе пишетъ въ письмѣ къ Майкову: «Задумавъ огромный романъ (съ направленіемъ—дикое для меня дѣло), полагалъ сначала, что слажу легко. И что-жъ? перемѣнялъ чуть не десять редакцій и увидалъ что тема oblige, а поэтому ужасно сталъ къ роману мнителенъ» (II. 235). Здѣсь видно, что ярмо тенденціи приходилось для Достоевскаго еще тяжелѣе матерьяльной нужды. Его же собственные душевные убѣжденія отличались такою ширью, что не мѣшали его творчеству захватывать въ рамки его картинъ всѣхъ и вся. Убѣжденія эти тогда уже вылились приблизительно въ такую формулу (см. письмо къ Страхову отъ 18 марта 1869 года по поводу направленія журнала «Заря»): «....окончательная сущность русскаго призванія состоитъ въ разоблаченіи передъ міромъ русскаго Христа, міру невѣдомаго и котораго начало заключается въ нашемъ родномъ православіи. По моему, въ этомъ вся сущность нашего могучаго будущаго цивилизаторства и воскрешенія хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучаго будущаго бытія. Но въ одномъ словѣ не выскажешься, и я напрасно даже заговорилъ. Но одно еще выскажу: не можетъ такое строгое, такое русское, такое охранительное и вѣдательное направленіе журнала не имѣть успѣха и не отбѣваться радостно въ читателяхъ, послѣ

нашего жалкаго, напускнаго, съ раздраженными нервами, односторонняго и бесплоднаго отрицанья» (II. 272).

Здѣсь опять таки слышенъ художникъ, крѣпко держащійся за міросозерцаніе, дающее возможность увлекаться всѣмъ многообразіемъ жизненныхъ явленій, внѣ узкости заурадныхъ тенденцій и опредѣленій. Наконецъ, въ письмѣ къ Страхову, гдѣ онъ восхищается драматическимъ произведеніемъ одного современнаго автора и видитъ въ немъ новый великій талантъ, Достоевскій находитъ главное его достоинство въ томъ, что «это изображеніе въ самомъ дѣлѣ, именно то настоящее, чтò и было» (II. 279), т. е. Достоевскій восхищается непосредственно-художественнымъ и правдивымъ воспроизведеніемъ живой дѣйствительности, помимо какихъ бы-то ни было тенденцій.

Но вѣдь, къ сожалѣнію, бываютъ обстоятельства, когда и правду принимаютъ за тенденцію, когда вообще изображенные сюжеты начинаютъ пенять на зеркало. Достоевскому пришлось въ сильной мѣрѣ считаться съ такимъ отношеніемъ къ творчеству и онъ предвидѣлъ даже впередъ, чтò его ожидаетъ въ подобныхъ случаяхъ. Приступая къ печатанію «Бѣсовъ», онъ писалъ: «хочу высказаться откровенно и не заигрывая съ молодежью» (II. 236). Вѣдь не ради же какихъ-нибудь злобныхъ цѣлей рѣшился на это Достоевскій, а просто потому, что у него была художественная потребность изобразить назрѣвшее явленіе жизни. Иначе какъ объяснить столь интимныя отношенія Достоевскаго къ молодежи въ послѣдніе годы его жизни? Тѣ же запросы отзывчиваго художника, жаждущаго увидѣть и ощутить изображаемыя явленія, будили въ немъ чрезвычайное стремленіе вернуться на родину, потому что оторванный отъ почвы, онъ не такъ живо представлялъ себѣ русскую дѣйствительность. И вотъ, наконецъ, въ 1871 году, Достоевскій нашелъ возможность вернуться въ Петербургъ. По немногу всѣ кредиторы его были удовлетворены, и онъ съ большимъ спокойствіемъ могъ предаться творчеству.

1873 годъ прошелъ въ редактированіи «Гражданина». Объ этомъ эпизодѣ г. Страховъ сообщаетъ счетомъ двадцать строкъ и отказывается сказать, по какимъ поводамъ и соображеніямъ Фед. Мих. отказался отъ редакторства (II. 299).

Какъ бы-то ни было, втеченіе семидесятихъ годовъ, передъ глазами читающей публики, въ лицѣ Достоевскаго, выросъ крупный художникъ, и, какъ таковой, онъ пріобрѣталъ и все большія симпатіи, совершенно независимо отъ всякихъ партій и направленій. Изданіе «Дневника» имѣло огромный успѣхъ именно въ силу привлекательности художественнаго пафоса его автора. На этихъ исполненныхъ живаго интереса страницахъ всякій доискивался прорывавшихся перловъ самой изящной и сильной поэзіи; и читателю было лестно и пріятно видѣть, какъ на глазахъ у него

совершался процесс непосредственнаго отраженія жизненныхъ явленій въ мышленіи и воображеніи художника. Самое изданіе «Дневника» было предпринято съ чисто-художественною цѣлью: вступивъ въ непосредственныя отношенія съ публикой, обновить запасъ наблюденій и фактовъ. И дѣйствительно, расчетъ оказался болѣе чѣмъ вѣренъ: задуманные необыкновенно широко «Братья Карамазовы» захватили одной кистью всю пеструю картину русской жизни.

Русская публика поняла нѣсколько иначе значеніе «Дневника», поняла для себя и довольно быстро усвоила себѣ представленіе о Достоевскомъ, какъ о человѣкѣ, открывшемъ у себя всеобщую исповѣдальню и раздающемъ направо и налево разрѣшенія и отпущенія грѣховъ. Здѣсь въ сильной мѣрѣ проявился общественный эгоизмъ: насколько полезна была, для эстетическихъ цѣлей, масса писемъ, адресованныхъ къ Достоевскому, на столько же было безпощадно требовать отъ него отвѣтовъ на всѣ безчисленные и самые разнообразныя вопросы. Все это исходило изъ ходячаго убѣжденія, что художникъ; одаренный силой воспроизведенія общественныхъ явленій и характеровъ, обладаетъ не только пониманіемъ этихъ послѣднихъ, но кромѣ того, подобно оракулу, вѣдаетъ разрѣшеніе всѣхъ жизненныхъ задачъ и душевныхъ конфликтовъ.

Гордый возрастающимъ къ нему довѣріемъ; даже среди рядовъ еще такъ недавно враждебныхъ, Достоевскій, съ свойственною ему мягкостью, старался отвѣчать всѣмъ своимъ корреспондентамъ, но, конечно, никакихъ сомнѣній не разрѣшалъ и вопросы не уяснял, о чемъ нѣкоторымъ и самъ откровенно рѣшался заявить, на примѣръ въ слѣдующихъ строкахъ письма къ какой-то дамѣ отъ 28-го февраля, 1878 года: «Вы думаете, я изъ такихъ людей, которые спасаютъ сердца, разрѣшаютъ души, отгоняютъ скорбь? Многіе мнѣ это пишутъ, но я знаю навѣрное, что способенъ скорѣе вселить разочарованіе и отвращеніе. Я убаюкивать не мастеръ, хотя иногда и брался за это. А вѣдь многимъ существамъ только и надо, чтобы ихъ убаюкали» (II. 329).

Достоевскій понималъ, что онъ своими художественными образами будить общественную мысль и индивидуальное сознаніе, и что въ этомъ-то и состоитъ назначеніе писателя, а не въ томъ, чтобы своимъ словомъ побудить человѣка поступить на тѣ, а не на другіе женскіе курсы (см. письмо къ г-жѣ Герасимовой, 332—5) или же просто тоскующей душѣ доставить свой автографъ, состоящій изъ общихъ любезныхъ фразъ.

Вообще, русское общество въ послѣдніе годы не жалѣло Достоевскаго, поступаая съ нимъ подобно людямъ, которымъ нельзя дать въ руки порядочной вещи, чтобы они ее не испортили.

Душа его и запросы художественной дѣятельности требовали какъ можно больше спокойствія, а тутъ со всѣхъ сторонъ предъявляли къ нему свои права свѣтскіе салоны, устроители литера-

турныхъ чтеній, студенты, студентки и пр. и пр. (См. М. 316). Надо было предоставить Достоевскому появляться лишь тамъ, куда онъ самъ стремился всей душой; только тогда онъ и являлся, дѣйствительно, во всей силѣ своего пафоса.

Такъ и было на самомъ дѣлѣ на Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ. Прекрасная рѣчь, сказанная здѣсь Федоромъ Михайловичемъ, въ сущности не представляла сама по себѣ ничего новаго для тѣхъ, кто сколько-нибудь помнитъ Бѣлинскаго и А. Григорьева; но слушателей, вмѣстѣ съ самимъ ораторомъ, охватило то высокое эстетическое возбужденіе, которымъ проникнута его рѣчь. Впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью, г. Страховъ описываетъ такимъ образомъ: «Восторгъ, который разразился въ залѣ по окончаніи рѣчи, былъ неизобразимый, непостижимый ни для кого, кто не былъ его свидѣтелемъ. Толпа, давно зарядившаяся энтузіазмомъ, и изливавшая его на все, что казалось для того удобнымъ, на каждую громкую фразу, на каждый, звонко произнесенный стихъ, эта толпа вдругъ увидѣла человѣка, который самъ весь полонъ былъ энтузіазма, вдругъ услышала слово уже несомнѣнно достойное восторга, и она захлебнулась отъ волненія, она ринулась всею душою въ восхищеніе и трепеть. Мы тутъ всѣ принялись цѣловать Федора Михайловича; нѣсколько человѣкъ, вопреки правиламъ, стали пробираться изъ залы на эстраду; какой-то юноша, какъ говорятъ, когда добрался до Федора Михайловича, упалъ въ обморокъ» (М. 310). — Достоевскій признанъ былъ теперь первокласснымъ писателемъ и на признаніи его таковымъ сошлись теперь люди рѣшительно всѣхъ сортовъ. И эта всеобщность общественнаго приговора была бы совершенно непонятна, если бы привязать Достоевскаго къ одному какому-нибудь теченію общественной жизни. Его широкообъемлющій талантъ примирялъ въ себѣ всѣ самые враждебные элементы; потому-то такой густой толпой собрались всѣ поклонники его таланта за его гробомъ, когда смерть безвременно оторвала его отъ жизни, въ самый расцвѣтъ его дѣятельности.

Если за гробомъ Достоевскаго шли и несли вѣнки самые различные люди, то это свидѣтельствуетъ только о томъ, что всѣ сознательно и бессознательно читли въ немъ высокій поэтический талантъ, и русскимъ обществомъ руководили въ данномъ случаѣ тѣ же чувства, какія соединили всѣхъ мыслящихъ людей въ день открытія памятника Пушкину, день знаменательный и въ жизни Достоевскаго.

Какъ невозможно расчленить безусловно-цѣльную поэтическую дѣятельность Пушкина въ угоду различныхъ направленій, изъ которыхъ каждому онъ отдалъ дань въ силу своей всесторонности, такъ же точно напрасны притязанія сдѣлать изъ Достоевскаго пророка одной какой-нибудь узкой партіи.

Евгеній Гаршинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Р. А. ФАДЪЕВЪ.

ВЪ ОДЕССѢ, 29-го декабря прошлаго года, скончался Ростиславъ Андреевичъ Фадъевъ, авторъ многочисленныхъ изслѣдованій о политическомъ строѣ Россіи, о преобразованіяхъ въ ея государственномъ устройствѣ, о ея военныхъ силахъ и проч. Въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, Р. А. Фадъевъ, обладавшій выдающимися способностями, неутомимо работалъ своимъ талантливымъ перомъ на избранномъ имъ публицистическомъ поприщѣ. Какъ и всякій, онъ могъ ошибаться, но всѣ его литературные труды проникнуты чувствомъ искренней любви къ Россіи, ко всему русскому, желаніемъ усиленія и окрѣпленія нашего государства, на страхъ его врагамъ, на благо его гражданамъ.

Въ теченіе нѣкотораго времени я находился съ Р. А. Фадъевымъ въ близкихъ отношеніяхъ по его литературнымъ трудамъ. Нашему сближенію содѣйствовало слѣдующее обстоятельство:

Въ январѣ 1854 года, въ редакціи «Сѣверной Пчелы» получено было подробное описаніе сраженія при Башкадыкларѣ, 19-го ноября 1853 года, въ которомъ наши молодецкія кавказскія войска, подъ начальствомъ князя Бебутова, на голову разбили турецкую армію, значительно превосходившую ихъ своею численностью. Между тѣмъ какъ на Дунаѣ наши военныя дѣла шли тогда не блистательно, битва при Башкадыкларѣ была второю значительною побѣдою кавказцевъ въ Азіатской Турціи, послѣ сраженія подъ Ахалцыхомъ, гдѣ русскими войсками командовалъ князь Андрониковъ. Описаніе башкадыкларской битвы было составлено, какъ оказалось, молодымъ оберъ-офицеромъ Фадъевымъ. Живо, увлекательно, литературнымъ слогомъ, представилъ онъ различные, наиболѣе интересныя и замѣчательныя, моменты этого сраженія, котораго онъ, по всѣмъ даннымъ его статьи,

былъ, повидимому, очевидцемъ. Авторъ обѣщалъ, въ письмѣ въ редакцію, описывать всѣ военныя событія тогдашней кампаніи въ Азіатской Турціи по мѣрѣ накопленія у него матеріаловъ.

Прочитавъ статью г. Фадѣева и не видя въ ней никакого противорѣчія съ тогдашними цензурными правилами, я немедленно отвѣчалъ автору, что редакція съ удовольствіемъ напечатаетъ его литературное произведеніе и просилъ продолжать присылку своихъ описаній военныхъ событій. Я рассчитывалъ уже на оживленіе газеты интересными военными очерками наступавшихъ важныхъ событій, но на практикѣ этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться.

Статья г. Фадѣева, по цензурнымъ предписаніямъ того времени, подлежала, до представленія ея въ общую цензуру, предварительному разсмотрѣнію военного вѣдомства, почему и была отправлена въ военно-цензурный комитетъ. Для ускоренія времени, редакціямъ газетъ разрѣшено было посылать въ этотъ комитетъ статьи непосредственно отъ себя и, такимъ образомъ, обходить лишнюю инстанцію, въ видѣ петербургскаго цензурнаго комитета, чрезъ который собственно, если бы придерживаться строго закона, слѣдовало бы отправлять статьи въ военную цензуру. Чрезъ нѣсколько дней статья г. Фадѣева возвратилась въ редакцію «Сѣверной Пчелы» съ надписью: «не разрѣшена къ напечатанію».

Почему? На какомъ основаніи военная цензура запретила статью, воплѣ «благонамѣренную», какъ тогда выражались цензора, если желали хорошо аттестовать какое либо литературное произведеніе? Я отправился къ тогдашнему предсѣдателю военно-цензурнаго комитета, генералъ-лейтенанту барону Медему. Это былъ человѣкъ умный, просвѣщенный, пріятливый, но педантъ и, согласно военной дисциплинѣ, неукоснительный исполнитель малѣйшихъ предписаній и распоряженій по военному вѣдомству. Объясненія съ барономъ Медемомъ были довольно затруднительны, потому что въ то время онъ былъ уже глуховатъ. Баронъ Медемъ, въ разговорѣ со мною, объявилъ, что описаніе башкадыкларской битвы г. Фадѣева воплѣ цензурно, что ему самому жаль, что подобная статья не появится въ печати и что она не разрѣшена только потому, что свыше предписано, относительно военныхъ событій тогдашняго времени, допускать въ газеты только официальные военныя реляціи, высочайше прочитанныя и высочайше утвержденныя. Когда я замѣтилъ барону Медему, что если онъ, въ силу сказаннаго имъ мнѣ и даннаго ему предписанія, самъ не имѣетъ права разрѣшить къ печати статью г. Фадѣева, находимую имъ соотвѣтствующею требованіямъ цензуры, то вошелъ бы о томъ съ представленіемъ къ своему высшему начальству; но предсѣдатель военно-цензурнаго комитета отвѣтилъ мнѣ, что не можетъ, или не имѣетъ права, принимать на себя подобныя ходатайства.

Статья г. Фадѣева осталась ненапечатанною, о чемъ я его уведомилъ, съ возвращеніемъ рукописи. Для того времени такое рѣшеніе не было удивительно. При императорѣ Николаѣ официальные реляціи князя Воронцова о дѣлахъ съ горцами помѣщались въ одной редакціи въ газетѣ «Кавказъ», въ Тифлисѣ, и въ совершенно другой въ Петербургѣ, въ «Русскомъ Инвалидѣ». Въ продолженіе всей войны 1853—1856 года г. Фадѣевъ уже ничего болѣе не писалъ въ редакцію, хотя съ расширеніемъ театра военныхъ дѣйствій, въ тяжкія времена для Россіи, можетъ быть военная цензура и разрѣшила бы послѣдующія его статьи о тогдашнихъ событіяхъ. Такъ, послѣ объявленія войны Франціею и Англіею, въ февралѣ 1854 года, императоръ Николай Павловичъ дозволилъ цензурѣ разрѣшать къ печати патристическія стихотворенія, но только «безъ брани». Въ 1855 же году, съ воцареніемъ императора Александра Николаевича, явилась возможность помѣщать въ петербургскихъ газетахъ извлеченія, въ переводѣ съ англійскаго, изъ писемъ крымскаго корреспондента газеты «Times», а происки и ходатайства тогдашняго редактора «Русскаго Инвалида», Петра Семеновича Лебедева, о сохраненіи за этою газетою исключительной монополіи въ сообщеніи русской публикѣ извѣстій съ театра войны, въ видѣ однихъ официальныхъ реляцій, не увѣнчались успѣхомъ.

Р. А. Фадѣевъ остался продолжать свою службу на Кавказѣ, гдѣ его отецъ былъ членомъ совѣта главнаго управленія закавказскаго края и управляющимъ экспедиціею государственныхъ имуществъ. Вѣроятно, вслѣдствіе вышеупомянутой переписки между нами, въ 1859 году, по взятіи въ плѣнъ Шамиля, 26-го августа, онъ, отъ 18-го сентября, изъ Тифлиса, прислалъ мнѣ слѣдующее письмо, нѣкоторыя мѣста котораго послужать дополненіемъ къ его біографіи и характеристикѣ:

«Какъ всякому русскому теперь навѣстно, Восточный Кавказъ покоренъ; закавказскія области слились наконецъ въ одно цѣлое съ Россіею и русское владычество неизбежно и навѣки утверждено на кавказскомъ перешейкѣ. Пятьдесятъ лѣтъ кровавой войны и несчетныхъ жертвъ готовили это событіе и послѣдніе три года рѣшили его. Покореніе восточныхъ горъ такъ внезапно измѣняетъ многія условія не только нашего владычества на Кавказѣ, но даже военнаго могущества имперіи вообще, что до сихъ поръ, можно сказать положительно, нѣтъ человѣка, который могъ бы ясно объять разомъ всѣ послѣдствія этого событія. Онѣ будутъ раскрываться ежедневно. Въ настоящую минуту право только смутное чувство толпы, которая, зная чего стоила Россіи кавказская война, и мѣряя важность результата по принесеннымъ жертвамъ, радостно повторяетъ: наконецъ Шамиль покоренъ!

«Всѣ мы, кавказскіе солдаты, отъ высшаго до низшаго, знаемъ цѣну совершеннаго нами дѣла. Мы уже видѣли за него милость

государя и сердце говорить намъ, что мы заслужили благодарность отечества. Но, тѣмъ не мѣяе, съ естественнымъ любопытствомъ, ждали мы изъ Россіи отзывовъ, которыми выскажется общее впечатлѣніе. Первый отзывъ высказанъ военною газетою, «Инвалидомъ»...

«Покуда продолжалась война на Восточномъ Кавказѣ, больше всѣхъ толковалъ о ней «Journal de Constantinople». Эта восточная газета рассказывала кавказскую войну совершенно въ родѣ своей предшественницы, Шехеразеды. Только джинами и волшебницами пожертвовала она просвѣщенію вѣка: всѣ же прочія и лица, и событія, и мѣста, гдѣ они совершались, принадлежали очевидно какому-то баснословному восточному царству, не имѣвшему ничего общаго съ Кавказомъ. Обладая, къ моему несчастію, довольно раздражительными нервами, я не могъ прочитывать спокойно всю эту галиматью и нѣсколько разъ писалъ въ иностранныхъ журналахъ, подвергая константинопольскія реляціи разбору съ литературной точки зрѣнія, какъ весьма слабое продолженіе прелестной «Тысячи одной ночи». Когда, со взятіемъ Гуніба, палъ на Кавказѣ вооруженный мюридизмъ, къ естественному чувству русскаго, увидѣвшаго конецъ этой нескончаемой войны, примѣшалось еще другое, эгоистическое чувство: «Ну, думалъ я, конецъ константинопольскимъ реляціямъ о Шамилѣ; не буду я больше тратить времени на отвѣты имъ». Представьте мое удивленіе. Раскрываю № 187 «Инвалида». Послѣ двухъ телеграфическихъ донесеній главнокомандующаго кавказскою арміею государю императору, которыми возвѣщено Россіи, что Восточный Кавказъ покоренъ отъ моря Каспійскаго до военно-грузинской дороги, что Шамиль взятъ и отправленъ въ Петербургъ, на третьей страницѣ, между извѣстіями изъ Бельгіи и извѣстіями изъ Китая, нахожу статейку о положеніи Кавказа. Да это мой «Journal de Constantinople»; онъ тутъ весь. Кромѣ джиновъ и волшебницъ, опять баснословное восточное царство, опять небывалыя мѣста и тѣ же ребяческія понятія. Ищу примѣчаніе: изъ «Константинопольскаго Журнала». Нѣтъ, эту статью сочинилъ самъ «Инвалидъ»:

«Она начинается риторическимъ восторгомъ по поводу окончанія этой войны, «продолжавшейся полвѣка, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ» (227,000 человекъ подъ ружьемъ!). Далѣе идетъ разсужденіе: «Шамиль убѣдился, что званіе мирнаго русскаго гражданина (подумаешь, что онъ уже записался въ гильдію) почетнѣе нежели предводителя наѣздниковъ, живущихъ однимъ грабежемъ». Этотъ «предводитель наѣздниковъ», былъ двадцать три года политическимъ и духовнымъ начальникомъ народа, клявшася его именемъ и двадцать три года боролся противъ арміи, способной, въ своемъ полномъ составѣ, сокрушить любую европейскую державу. На счетъ того, что полумилліонное населеніе восточныхъ горъ

Кавказа жило однимъ разбоемъ, редакція «Русскаго Инвалида» надобно было бы посмотрѣть покоренный край, такъ какъ уже свидѣтельство собственныхъ глазъ необходимо ей, чтобы имѣть хотя поверхностное понятіе о Кавказѣ. Тамъ увидала бы она работы, превосходящія работы строителей пирамидъ, — горы, встающія выше облаковъ, обдѣланныя сверху до низу террасами для посѣвовъ, придающія имъ видъ какого-то фантастическаго драгоценнаго камня; сады обширные и густые какъ лѣса, застилающіе всю глубину долинъ, разведенные на искусственно насыпной почвѣ; она узнала бы, что горцы, учреждавшіе пороховые и литейные заводы, строившіе крѣпости, которыя сдѣлали бы честь любымъ европейскимъ инженерамъ, — люди, живущіе не однимъ разбоемъ. Наконецъ, что всего важнѣе, если бы редакція «Русскаго Инвалида» сама посмотрѣла Кавказскія горы, она не надѣлала бы тѣхъ безграмотныхъ ошибокъ во всѣхъ названіяхъ, которыми отличается ея статья; не увѣряла бы, что пространство покореннаго Кавказа составляетъ кругъ, имѣющій 90 верстъ въ діаметрѣ, когда отъ Галашекъ въ долину Самура триста верстъ; не перемѣшала бы ауловъ съ обществами, не говорила бы о Барсальскомъ хребтѣ, о которомъ никто не слыхивалъ; не ставила бы на западъ Тушетскихъ горъ («Инвалидъ» пишетъ Тушетинскихъ), лежащихъ на югѣ; не говорила бы Кураковсу, Казимухъ и Гыбра. Если бы редакція этого военнаго журнала посмотрѣла Кавказъ только на картѣ, она не впала бы въ такіе грубые промахи и написала бы статью съ правильными собственными именами, чѣмъ все-таки поставила бы себя нѣсколько выше «Journal de Constantinople». Въ статьѣ остались бы еще, конечно, фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Карата лежитъ на полпути отъ Аваріи» (на полпути къ чему?) Но отъ этого редакцію «Инвалида» не вылечишь, хотя покажи ей всѣ пять частей свѣта.

«Во Франціи нѣтъ ни одного человѣка, выходящаго изъ толпы чернорабочихъ, который бы не имѣлъ хотя поверхностнаго понятія объ Алжиріи и о происходящихъ въ ней событіяхъ. Во Франціи всякій подмастерье обязанъ, передъ своею публикою, знать сколько-нибудь географію Алжиріи, или его будутъ считать уже круглымъ невѣждою. Конечно, у насъ грамотность не такъ распространена, какъ во Франціи, но никто не обвинитъ насъ, кавказцевъ, въ черзуръ непомѣрномъ требованіи, если мы выразимъ желаніе, чтобы у насъ редакція специально военнаго журнала знала о военныхъ событіяхъ своего отечества столько же, сколько Франція требуетъ отъ каждаго изъ своихъ подмастерьевъ».

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ 1867 году, появился въ печати рядъ статей Р. А. Фадѣева подъ заглавіемъ «Вооруженныя силы Россіи», которымъ предшествовали «Письма о Кавказѣ». Тѣ и другія обратили на него вниманіе, какъ на талантливаго публи-

циста, чутко отзывающагося на историческія задачи Россіи. Продолженіе «Вооруженныхъ силъ Россіи» составило слѣдующую его брошюру, подъ заглавіемъ «Черноморскій военный театръ, по поводу крымской желѣзной дороги», выпущенную въ свѣтъ въ первой трети 1870 года. Около этого же времени, Р. А. Фадѣевъ повнакомился со мною лично, явившись съ своими статьями въ редакцію «Биржевыхъ Вѣдомостей», которыя я редактировалъ въ тѣ годы вмѣстѣ съ издателемъ этой газеты, К. В. Трубниковымъ. «Биржевыя Вѣдомости» имѣли въ то время обширный кругъ читателей, болѣе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Голоса». Рядъ статей Р. А. Фадѣева не замедлилъ появиться въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и отъ этого его сотрудничества сохранились у меня слѣдующія его три письма:

Изъ Одессы, отъ 9-го ноября 1870 года: «У насъ будетъ передѣлываться вся армія. Въ виду этого событія, я счелъ необходимымъ представить вновь и съ новой точки зрѣнія, вслѣдствіе опыта, раскрышаго всѣмъ глаза, основанія, на которыхъ можетъ и должна быть устроена русская армія, чтобы соответствовать своей задачѣ. Сочиненіе это не будетъ повтореніемъ «Вооруженныхъ силъ»; цѣль его иная; да и во многихъ вещахъ я значительно видоизмѣнилъ свой взглядъ: раскрылись нѣжныя окна, въ которыя видно то, чего прежде нельзя было видѣть. Это очень просто. Сочиненіе будетъ канитальное, но короткое, двѣ, три статьи, по одному номеру газеты на каждую. Дѣло идетъ теперь о вещахъ гораздо важнѣе полемики. Отвѣчаю впередъ, что сочиненіе возбудитъ напряженное вниманіе. По старымъ отношеніямъ, я желаю конечно напечатать его у васъ ¹⁾, но съ однимъ условіемъ, аи по—по. Я не могу согласиться на странный и теперь уже совершенно неудобочитаемый шрифтъ ²⁾, которымъ до сихъ поръ вы меня печатали, особенно это сочиненіе, которое будетъ принудительно прочтено всѣми великими міра. Сочиненіе должно быть напечатано благопристойно, покрайней мѣрѣ шрифтомъ, которымъ печатаются у васъ передовыя статьи, а не мелкимъ. Объявляю вамъ торжественно, что отъ этого условія я ни за что не откажусь; если вы его принимаете на честномъ словѣ, то увѣдомьте меня немедленно по адресу: Одесса, Полицейская улица, № 27. Статья къ тому времени будетъ уже переписана и немедленно отошлетъ къ вамъ. Затѣмъ второе условіе,—оно васъ не затруднитъ—печатать безъ задержки, на той же недѣлѣ, какъ получите.

«А славныя у васъ письма поляковъ,—и, вѣдь, все пошло съ моей легкой руки. Только знаете,—я вамъ дамъ искренній совѣтъ.

¹⁾ Т. е. въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ».

²⁾ Р. А. Фадѣевъ желалъ, чтобы его статьи набирались крупнымъ шрифтомъ, т. е. цидеро, а не жорпусомъ.

Въ послѣднее время я много видѣлъ поляковъ изъ первыхъ людей и очень сочувствую вамъ,—не задѣвайте религіи, не пишите о католицизмѣ, отравившемъ Польшу. Съ нашей точки зрѣнія, вѣроятно, даже абсолютно, это правда; но странно было бы думать, что католики согласятся на такое воззрѣніе. Я видѣлъ, что такіа слова отравляли для нихъ впечатлѣніе статьи. По моему мнѣнію, русское отношеніе къ католичеству самое простое, особенно въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ польщизна не имѣетъ законной почвы: потребовать отъ папы законнаго установленія русскаго конфессионала въ соборѣ св. Петра; потребовать, во имя всемірности же католичества, установленія русско-католической церкви для миліоновъ русскихъ католиковъ въ Польши, и затѣмъ вводить русскій языкъ въ ихъ богослуженіи на основаніи буллы, а не полицейскаго распоряженія. Папа, подольщаящійся къ прусскому королю, будетъ очень радъ искреннему соглашенію. Затѣмъ останется только подобрать епископовъ для Россіи (кромѣ царства польскаго, разумеется) изъ славянскихъ патріотовъ,—въ Австріи славянско-католическое духовенство сердцемъ русское. Но надобно такъ дѣлать, а не говорить, не возводить исключеніе поляковъ изъ епископата въ теорію. Покуда религіозный вопросъ не отдѣленъ отъ политическаго и мы не сошлись съ папою, что такъ легко, оказывая ему магійшее покровительство и благосклонность, мы не подѣлаемъ съ поляками ничего практическаго.

Отъ 3-го января 1871 года, изъ Бердичева, Р. А. Фадѣевъ пишетъ мнѣ: «Изъ жидовской столицы, Бердичева, посылаю вамъ новую главу, VII-ю, о несостоятельности системы, на которой, кажется, остановилась редакціонная коммисія. Если эта часть сочиненія еще не напечатана, то вставьте эту главу на свое мѣсто и перенумеруйте остальные, будутъ VIII—XIV. Если уже это мѣсто напечатано, то помѣстите главу, съ этимъ VII №, въ концѣ съ замѣткою, что она должна быть въ серединѣ и выставьте замѣтку яркимъ шрифтомъ, чтобы главу не приняли за конецъ. Мы немного опоздали печатаніемъ; надобно, чтобы какое нибудь опубликованное рѣшеніе коммисіи не предупредило насъ. Понимаю, что вы отлагали печатаніе до начала новаго года, но далѣе медлить нельзя. Извѣстите меня о судьбѣ печатанія въ Скерневицы (у генералъ-фельдмаршала, князя Барятинскаго) и, сдѣлавъ одолженіе, пришлите туда назначенные мною экземпляры съ моими статьями сначала».

Изъ Скерневиць (подлѣ Варшавы), отъ 19-го января 1871 года: «Извините меня, пожалуйста, что осаждаю васъ своими посланіями. Но, печатая у васъ статью, имѣющую значеніе въ настоящую минуту, и которой многіе дожидаются съ нетерпѣніемъ, самъ я, естественно, не желаю оставаться въ невѣдѣніи о ея судьбѣ и жду, не дождусь ея окончанія. Полагаю, что все обстоитъ благополучно,

такъ какъ статья написана совершенно цензурнымъ образомъ и у нея есть сильное покровительство. Тѣмъ не менѣе, первые номера вашей газеты не получены никѣмъ въ Варшавѣ (во всякомъ случаѣ доведу до вашего свѣдѣнія эту неисправность доставки), изъ чего возникла сплетня о ея запрещеніи ⁴⁾. Сдѣлайте мнѣ одолженіе напишите два слова неотлагательно и выпишите въ десяти экземплярахъ, что уже напечатано изъ моей статьи. Да кончайте ее поскорѣе. Сдѣлайте одолженіе также: прикажите отсылать, а если же не отослано, то хотя заравъ отослать все напечатанное аккуратно, по крайней мѣрѣ, къ графу Петру Андреевичу Шувалову, и въ трехъ экземплярахъ на имя гофмаршала генералъ-лейтенанта Зиновьева (въ Аничковъ дворецъ). Скоро, можетъ быть, я выпишу вамъ дополненіе къ моей статьѣ. Если есть какая нибудь независящая отъ васъ остановка, то извѣстите, пожалуйста, телеграммою».

Съ моимъ выходомъ изъ редакціи «Виржевыхъ Вѣдомостей», въ маѣ 1871 года, Р. А. Фадѣевъ прекратилъ свое сотрудничество въ этой газетѣ. Онъ сдѣлался въ послѣдствіи дѣятельнымъ сотрудникомъ газеты «Русскій Міръ», основанной для борьбы съ тогдашнимъ военнымъ министромъ, Д. А. Милютинымъ, и первый номеръ которой вышелъ 1-го сентября 1871 года. Заключительнымъ трудомъ Р. А. Фадѣева въ «Русскомъ Мірѣ» были рядъ статей, подъ заглавіемъ «Чѣмъ намъ быть», которыя, дополненныя и развитыя съ большою опредѣленностью, изданы были затѣмъ въ 1874 году особою книгою подъ названіемъ «Русское общество въ настоящемъ и будущемъ». Такимъ образомъ, періодъ жизни Р. А. Фадѣева, съ 1867 по 1874 годъ, былъ наиболее плодотворнымъ въ его публицистической дѣятельности. Въ это время появились отдѣльными брошюрами и книгами его «Вооруженныя силы Россіи» (1867 г.), «Мнѣніе о восточномъ вопросѣ» (1869 г.), «Черноморскій военный театръ» (1870 г.), «Нашъ военный вопросъ» (1873 г.), въ которомъ собраны были военныя и политическія статьи его, появившіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ въ 1869, 1870, 1871, 1872, 1873 годахъ и, наконецъ, въ 1874 году, «Русское общество въ настоящемъ и будущемъ». Но многія статьи, напечатанныя въ этотъ періодъ времени въ журналахъ, не были включены Р. А. Фадѣевымъ въ изданные имъ сборники, подъ вышеупомянутыми названіями. Онъ заявилъ печатно, что, пустивъ въ свѣтъ въ 1867 году «Вооруженныя силы Россіи», онъ долженъ былъ защищаться и объяснять свои взгляды. Затѣмъ насталъ практический вопросъ объ общеобязательной военной повинности и о пере-

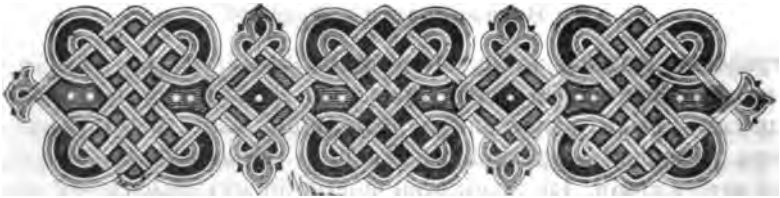
⁴⁾ Всѣ эти четырнадцать статей Р. А. Фадѣева, подъ заглавіемъ «Переустройство русскихъ силъ», были помѣщены въ № 1, 2, 5, 9, 12, 14 «Виржевыхъ Вѣдомостей» 1871 года.

устройствѣ русской арміи, вызвавшій новыя статьи съ его стороны. Въ дѣйствительности, статьи Р. А. Фадѣева по военнымъ вопросамъ были выраженіемъ оппозиціи извѣстныхъ военныхъ сферъ реформамъ, предпринятымъ Д. А. Милютинымъ въ устройствѣ нашей арміи. Во главѣ этой оппозиціи находился и бывшій на-мѣстникъ Кавказа, генераль-фельдмаршалъ князь Барятинскій, побѣдитель Шамиля.

Послѣднимъ замѣчательнымъ литературнымъ трудомъ Р. А. Фадѣева были «Письма о современномъ состояніи Россіи», появившіяся первоначально за границею въ 1881 году безъ его имени. Онъ ихъ давалъ читать, въ 1880 году, близкимъ знакомымъ въ рукописи, но не иначе, какъ у себя на квартирѣ. Мы давно уже не видались другъ съ другомъ, когда случайно встрѣтились, 27 декабря 1880 года, у одного общаго знакомаго и провели вечеръ въ продолжительной бесѣдѣ. Р. А. Фадѣевъ сообщилъ, что онъ получилъ высочайшее разрѣшеніе на напечатаніе «Писемъ о современномъ состояніи Россіи», но не иначе какъ за границую, а также, что книга эта будетъ дозволена къ обращенію въ Россію. Тогда же передавали, что эти письма, по мѣрѣ изготовленія имъ, передавались графу Лорисъ-Меликову, который читалъ ихъ или докладывалъ императору Александру Николаевичу. Сверхъ того, Р. А. Фадѣевъ говорилъ, что нѣкоторыя письма не принадлежатъ его перу, вслѣдствіе чего книга и появилась безъ его имени.

Пав. Усовъ.

ПОНЯТІЕ О ВЛАСТИ И О НАРОДѢ ВЪ НАКАЗАХЪ 1789 ГОДА.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи московскаго университета, 12-го января 1884 года, профессоромъ В. И. Герье.)

Мм. гг.

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННУЮ годовщину своего основанія Московскій университетъ поручаетъ поочередно одному изъ своихъ членовъ привѣтствовать васъ рѣчью. Цѣль этихъ обращеній къ вамъ заключается въ томъ, чтобы поддерживать духовную связь между университетомъ и обществомъ, указывать на участіе университетской науки въ великой работѣ человѣчества, въ его неустанныхъ стремленіяхъ къ совершенствованію и прогрессу.

Способъ содѣйствія этому прогрессу не одинаковъ со стороны различныхъ отраслей университетской науки: это зависитъ отъ того, что чрезвычайно различны и самые элементы прогресса. Прогрессъ можетъ совершаться въ области положительнаго знанія, и здѣсь содѣйствіе науки обнаруживается наиболѣе непосредственно, или же въ области нравственной, въ которой вліяніе наукъ ощущается болѣе отдаленно и косвенно. Но существуетъ еще особая область прогресса, которая не совпадаетъ ни съ той, ни съ другой, хотя и находится въ извѣстной зависимости отъ обѣихъ—это прогрессъ общественный и политическій. Онъ не исчерпывается ни количествомъ знаній, распространенныхъ въ обществѣ, ни его воспріимчивостью къ нравственнымъ идеаламъ, но нуждается для своего успѣшнаго развитія еще въ особыхъ историческихъ и общественныхъ условіяхъ. Вліяніе науки въ этой области прогресса

хотя и значительно, но болѣе условно, чѣмъ гдѣ-либо, вслѣдствіе того, что политическія и общественныя науки далеки отъ той точности, которою до известной степени обладаютъ науки болѣе положительныя, а также и вслѣдствіе того, что онѣ требуютъ въ отличіе отъ другихъ наукъ известной зрѣлости общественной среды и высокаго нравственнаго подъема со стороны тѣхъ, къ кому обращаются.

Главнѣйшая причина этого свойства наукъ политическихъ и общественныхъ заключается въ томъ, что онѣ имѣютъ дѣло не съ одними фактами, а съ идеями; или же составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ прогресса, но и наиболѣе условныхъ въ своемъ проявленіи и въ своемъ вліяніи на понятія и на образъ дѣйствія людей. Исторія можетъ сказать, что чѣмъ значительнѣе обуславливающая прогрессъ идея сама по себѣ, чѣмъ выше блага, которыя онѣ сулятъ, чѣмъ обширнѣе интересы, ими захваченные и сильнѣе возбужденныя ими страсти, тѣмъ легче онѣ въ приложеніи къ жизни подвергаются искаженію и тѣмъ чаще достигнутый на практикѣ результатъ не соответствуетъ сущности идеи.

Въ виду этого позвольте мнѣ, мм. гг., остановить ваше вниманіе на одной изъ самыхъ могущественныхъ и популярныхъ идей новаго времени, на идеѣ народа и указать на роль этой идеи въ исторіи той великой европейской націи, на судьбу которой она имѣла самое рѣшительное вліяніе.

Въ прошломъ вѣкѣ Франція, которая до того времени во многихъ отношеніяхъ шла во главѣ европейской цивилизаціи, переживала критическую эпоху своей жизни. Внутреннее развитіе ея, которое, не смотря на различныя отклоненія и задержки, шло быстро и стройно, совсѣмъ пріостановилось. Этотъ застой сказался во многихъ болѣзненныхъ явленіяхъ внутренней жизни и отразился также на внѣшнемъ могуществѣ страны. Тогдашнее правительство было бессильно исполнить свою историческую задачу и преодолѣть затрудненія, обуславливавшія собою застой. Тогда, — какъ спасительная сила, способная двинуть Францію на новый путь развитія, зародилась въ обществѣ идея націи. Современемъ она все болѣе овладѣвала умами и, преобразовавъ общество, подготовила возможность реформы въ самыхъ существенныхъ для политической жизни отношеніяхъ.

Она дала возможность довершить территориальное объединеніе страны, замѣнила внѣшнія связи, которыми соединялись различныя области и провинціи, духовнымъ сознаніемъ національнаго единства. Во имя этого новаго интереса легко сглаживались историческія формы, обособлявшія провинціи и охотно приносились въ жертву мѣстнымъ льготамъ общинъ и областей, которыя до такой степени поддерживали между ними взаимное отчужденіе и даже антагонизмъ.

Торжеством національной идеи обуславливалось кроме того социальное объединение французского общества, въ которомъ предшествовавшій феодальный строй какъ будто увѣковѣчилъ отчужденіе и ровнь классовъ. Предъ идеей націи привилегія утрачивала характеръ права, которое велитъ отстаивать честь и интересъ, и отреченіе отъ привилегіи становилось такимъ же доказательствомъ благородства, какъ прежде самая упорная защита ея.

Наконецъ, идея націи заключала въ себѣ задатокъ объединенія политическихъ элементовъ Франціи; въ ней устранялся тотъ антагонизмъ между правительствомъ и обществомъ, который былъ одной изъ главныхъ причинъ застоя, и представлялась возможность сечетанія ихъ въ высшей политической формѣ.

Между тѣмъ, если мы взглянемъ на результатъ, достигнутый въ дѣйствительности, то убѣдимся, что онъ далеко не соответствовалъ идеалу. Въ первомъ отношеніи успѣхъ былъ наиболѣе полонъ и благотворенъ, хотя и здѣсь не обошлось безъ излишнихъ жертвъ и насильственной ломки того, что имѣло право на жизнь; многія мѣстныя и племенные особенности, которыя могли только содѣйствовать богатству и разнообразію національной жизни, завали и заглохли можетъ быть безъ пользы для цѣлаго.

Также полно, но менѣе благотворно, было социальное объединеніе во имя націи. Здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ, были допущены насильственные средства и было достигнуто болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее объединеніе. Сліяніе классовъ совершилось, но цѣною значительной атрофіи аристократическихъ элементовъ, безъ дѣятельнаго участія которыхъ тамъ, гдѣ они созданы исторіей, немисливо правильное развитіе народной жизни.

Наименѣе же удовлетворительнымъ оказался результатъ, достигнутый въ политическомъ отношеніи. вмѣсто гармоническаго объединенія въ высшей формѣ произошла принципиальная борьба, вслѣдствіе которой самый національный элементъ прежняго политическаго развитія Франціи—монархія, былъ подломанъ. Почему это такъ произошло?

Этотъ вопросъ и послужилъ исходной точкой для моей рѣчи; но такъ какъ она не вмѣщается въ рамки отведеннаго мнѣ времени, то я ограничусь сжатымъ очеркомъ ея содержанія и выводовъ.

Для изученія поставленнаго вопроса мы имѣемъ чрезвычайно интересный и мало разработанный матеріалъ, — такъ называемые «Наказы 1789 года». Въ этомъ году, французское правительство вновь созвало, не собиравшіеся почти 200 лѣтъ, Генеральныя Штаты и, слѣдуя старинному обычаю, сдѣлало распоряженіе, чтобы всѣ избиратели по деревнямъ и городамъ внесли въ особыя тетради, или «Наказы», свои жалобы и нужды, желанія и надежды. Эти «Наказы» отсылались въ главные города тѣхъ округовъ, гдѣ происходили

выборы депутатовъ и тамъ переработывались въ одинъ общій «Наказъ» отъ дѣлаго округа.

Такъ возникъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ намятниковъ въ исторіи, въ которомъ отпечатлѣлась, какъ въ фотографическомъ снимкѣ, цѣлая нація съ своими понятіями и убѣжденіями. Этотъ намятникъ поучителенъ для насъ во многихъ отношеніяхъ, всего же болѣе какъ попытка разрѣшить вопросы о власти и о народѣ.

Но вмѣсто правильнаго и согласнаго разрѣшенія этого вопроса мы встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ сбивчивое и невѣрное представленіе о власти, противорѣчивое понятіе о народѣ и туманныя несбыточныя мечтанія объ отношеніяхъ между властью и народомъ.

Этотъ замѣчательный фактъ требовалъ объясненія и потому, прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ «Наказовъ», я долженъ былъ выяснитъ тѣ явленія въ исторіи французскаго общества, которыя главнѣйшимъ образомъ повліяли на его политическія воззрѣнія.

Прежде всего, приходится указать на потребность свободы и называемыя ею либеральныя стремленія во французскомъ обществѣ. Это направленіе сложилось главнымъ образомъ подъ влияніемъ извѣстнаго сочиненія Монтескье о «Духѣ Законовъ». Но уже по этому сочиненію можно отмѣтить двѣ существенныя ошибки французскаго либерализма, которыя лишили это направленіе того плодотворнаго вліянія, которое оно могло бы имѣть. Либерализмъ во Франціи не могъ не имѣть подражательнаго характера; онъ заимствовалъ свои идеалы изъ Англіи, но при этомъ совершенно не выяснилъ себѣ существенныхъ особенностей и условій англійскихъ учрежденій.

Вмѣсто дѣйствительнаго знакомства съ общественнымъ и государственнымъ бытомъ страны, принимаемой за образецъ, французскій либерализмъ усвоилъ себѣ два представленія, которыя были совершенно чужды политическому строю Англіи. Первое изъ нихъ, отголосокъ котораго встрѣчается въ значительной части наказовъ—это пресловутый принципъ равновѣсія властей. Того равновѣсія, которое сдѣлалось мечтой французскаго либерализма, именно и не было въ тогдашней Англіи, гдѣ верховная власть, не по имени только, а на дѣлѣ, находилась въ рукахъ вождей аристократическаго класса.

Другой принципъ, неправильно выведенный изъ англійскихъ учрежденій, заключался въ отождествленіи монархической власти съ исполнительной функціей. Выраженіе *le pouvoir exécutif* для обозначенія правительства сдѣлалось ходячимъ терминомъ во Франціи и потому встрѣчается повсюду въ наказахъ, даже въ тѣхъ, составители которыхъ понимали необходимость сильной правительственной власти для Франціи. Либеральные монархисты, — а таковыми были всѣ истинные либералы во Франціи, — слишкомъ поздно

поняли, что представительныя учрежденія могли привѣстись къ французской монархіи лишь подъ условіемъ призванія короля историческимъ и преемственнымъ представителемъ французской націи.

Но еще болѣе, чѣмъ свободой, увлекалась Франція идеей равенства. Это объясняется ея ненормальнымъ общественнымъ строемъ, основаннымъ на привилегіяхъ, и именно на худшемъ видѣ привилегій: на изъятіи отъ податей и повинностей въ пользу государства.

Привилегіи не только затемнили во Франціи государственное и политическое значеніе аристократическаго класса, но проникли въ города и села и породили тамъ многочисленный разрядъ привилегированныхъ лицъ, которые покупкой и выпрашиваніемъ мелкихъ должностей, избавляли себя отъ подати и увеличивали бремя, наложенное на другихъ.

Но стремленіе къ равенству предрасположило французское общество къ радикализму.

Радикализмъ главнымъ образомъ заключается въ отождествленіи и смѣшеніи идей съ конкретными явленіями, онъ смѣшиваетъ отвлеченное представленіе о государствѣ, какъ союзъ разумныхъ людей, съ массой живущаго въ государствѣ населенія и видитъ идеальный типъ гражданина въ каждомъ случайномъ избирателѣ. Поэтому радикализмъ не можетъ представить себѣ идею національной воли иначе, какъ въ видѣ арифметическаго итога заявленныхъ голосовъ,—какъ бы на самомъ дѣлѣ ни было случайно и бессознательно такого рода заявленіе.

Французскій радикализмъ въ XVIII. вѣкѣ еще болѣе, чѣмъ либерализмъ, жилъ въ иллюзіяхъ; этимъ иллюзіямъ онъ и былъ главнымъ образомъ обязанъ своимъ успѣхомъ. Коренное заблужденіе его заключалось въ томъ, что онъ считалъ свои мечты совместными съ монархіей и стремился къ идеалу какой-то республиканской монархіи, какъ выразился Руссо. Этотъ миражъ серьезно принимался даже образованными классами Франціи какъ нѣчто желанное и реально-осуществимое.

Такое представленіе о государствѣ совершенно противорѣчило исторически сложившемуся порядку вещей. Но въ тогдашней Франціи напрасно стали бы мы искать той нравственной силы, которая въ состояніи обуздать фантазію, познать прошлое и выяснить его смыслъ для настоящей исторической науки. Французы гордились своею тринадцативѣковой исторіей, но знали ее чисто внѣшнимъ образомъ; историческая наука была, по выраженію одного изъ французскихъ историковъ, робка и нерѣшительна; она приняла чисто археологическое направленіе и сторонилась отъ жизни; ея мѣсто заняли равныя политическія тенденціи. Наиболѣе популярнымъ было въ свое время сочиненіе Мабля, представляющее собой при-

мнѣніе общественнаго договора Руссо къ исторіи Франціи. Примѣшивая фантазіи къ фактамъ, произвольно толкуя памятники старины, авторъ доказываетъ, что исторія Франціи началась съ такого политическаго устройства, въ которомъ верховная власть принадлежитъ всѣмъ, правительство же ничто иное, какъ исполнительный органъ общей воли.

Съ этой точки зрѣнія вся дальнѣйшая исторія представлялась не соизданіемъ государственнаго и національнаго тѣла, а уклоненіемъ отъ первоначальнаго закономѣрнаго состоянія, и то, что въ теоріи только казалось возможнымъ идеаломъ, выставялось исторіей какъ дѣйствительность, которую необходимо возстановить.

Но почему же однако французское общество, столь образованное въ иныхъ отношеніяхъ, увлекалось такими теоріями и не было въ состояніи отличить вымысла отъ бытія, фантазіи отъ мысли?

Между многими причинами, главную роль играла практическая неопытность общества, которая въ свою очередь была слѣдствіемъ полнаго отчужденія его отъ всякой общественной дѣятельности, и развившаяся отсюда привычка разсуждать о принципахъ, объ общихъ началахъ, не давая себѣ отчета о дѣйствительныхъ условіяхъ и потребностяхъ.

Французское государство образовалось изъ феодальнаго быта. Феодализмъ значитъ дробленіе государственной власти, смѣшеніе ея съ частнымъ правомъ и съ владѣніемъ.

Когда стало развиваться государство, правительство начало отбирать государственную власть у частныхъ владѣльцевъ и мѣстныхъ союзовъ и предоставлять завѣдываніе общественными и мѣстными интересами исключительно служебному сословію или бюрократіи. Но слѣдствіемъ этого было омертвѣніе общества, антагонизмъ классовъ, равнодушіе къ общественнымъ интересамъ и къ общему благу. Дворяне жили въ своихъ помѣстьяхъ, какъ дачники; горожане въ городскихъ стѣнахъ, какъ чужестранцы, занимаясь только своими дѣлами; и если они искали мѣсть въ городскомъ управленіи, или покупали ихъ, то только изъ личныхъ разсчетовъ.

Само же чиновничество смотрѣло на свои должности не какъ на службу государственному интересу, а какъ на частное владѣніе. Французское общество и чиновничество были далеки отъ того высокаго пониманія государства, которое можно назвать завѣтомъ Петра Великаго.

По идеѣ этого государя, какъ выразился нашъ незабвенный историкъ, государство должно быть школой для народа, школой, въ которой народъ учится не однимъ наукамъ, а гражданскимъ обязанностямъ, гражданской дѣятельности.

Потребность нравственныхъ идеаловъ однако глубоко врождена человѣку. Не находя для нихъ почвы около себя, французское об-

щество стало ихъ искать вдали отъ себя, въ античныхъ республиканскихъ общинахъ, въ Англіи, въ Сѣверной Америкѣ, а болѣе всего въ теоріяхъ и вымыслахъ своихъ публицистовъ. И глубже всего укоренилось представленіе о народѣ, какъ о чемъ-то идеальномъ, особомъ отъ власти, призванномъ исцѣлить всѣ общественныя недуги, доставить всякому то счастье, котораго онъ для себя желаетъ.

Подъ такимъ-то настроеніемъ писались указы 1789 года; потому-то, рядомъ съ идеальными стремленіями общества, въ нихъ такъ отразилась и полнѣйшая политическая неопытность его. Многогочленное собраніе указовъ представляетъ для такой оцѣнки французскаго общества самый обширный и разнообразный матеріалъ. Но въ виду краткости времени я остановлюсь на двухъ самыхъ характерныхъ чертахъ.

Сюда относится прежде всего вопросъ о цѣли Генеральныхъ Штатовъ, созванныхъ королемъ. По этому вопросу мы находимъ въ указахъ самыя хаотическія и противорѣчивыя представленія. Значительная часть избирателей сохранила еще традиціонную точку зрѣнія на Генеральные Штаты. Они видѣли въ нихъ средство довести до свѣдѣнія правительства свои челобитныя, свои заявленія о мѣстныхъ или общихъ нуждахъ, свои желанія относительно различныхъ реформъ; они возлагали на Генеральные Штаты порученіе помочь правительству въ его финансовыхъ затрудненіяхъ и установить порядокъ въ администраціи.

Но эти скромныя голоса были, большею частью, заглушены при переработкѣ указовъ въ большихъ городахъ.

Рядомъ съ ними раздаются самыя фантастическія требованія: одни хотятъ возродить націю, другіе — восстановить первобытное естественное состояніе. Многіе хотятъ установить между королемъ и народомъ письменный договоръ, какъ будто въ одномъ государствѣ существуютъ двѣ независимыя державы, которыя и заключаютъ между собой извѣстныя условія.

Очень часто встрѣчается въ указахъ выраженіе — устройство государства *constitution*. Одни утверждаютъ, что во Франціи уже существуетъ исконное устройство, но нужно только восстановить его, или выяснитъ и опредѣлитъ; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что во Франціи нѣтъ законнаго строя и что нужно вновь создать его.

Какъ мало установились понятія относительно этого важнаго вопроса, особенно наглядно проявилось въ одномъ изъ указовъ, составители котораго наивно просили Генеральные Штаты разрѣшить ихъ недоумѣніе, имѣетъ ли Франція конституцію или нѣтъ, и что нужно разумѣть подъ французской конституціей.

Еще существеннѣе, чѣмъ въ вопросѣ о цѣли, были недоумѣнія избирателей относительно той власти, которая должна была осуществитъ разнообразныя и противорѣчивыя желанія, выраженныя

въ наказахъ. Здѣсь особенно наглядно проявилось, какъ, подъ вліяніемъ идеи о народѣ, въ французскомъ обществѣ затемнилось представленіе о верховной власти.

Многіе какъ будто еще держались правильнаго представленія; они ожидаютъ преобразованій отъ короля; но они очень часто сбиваются, впадаютъ въ противорѣчіе съ собой, забывая, что монархическая власть не можетъ быть исполнительницей другой воли.

Въ другой группѣ наказовъ еще опредѣленнѣе отражается представленіе о какомъ-то двоевластіи. Избиратели одновременно, или поочередно, обращаются то къ королю, то къ Генеральнымъ Штатамъ, и ждутъ отъ нихъ исполненія своихъ желаній.

Наконецъ, въ значительной части важнѣйшихъ наказовъ прямо преобладаетъ идея націи. Учредительная власть приписывается націи. Но тутъ-то и начинаются недоумѣнія и противорѣчія.

Если верховная власть у націи, то гдѣ и что нація? Сами-ли избиратели составляютъ націю и имъ-ли принадлежитъ право устанавливать законы, или-же націю представляютъ собой Генеральные Штаты и одни имѣютъ право говорить отъ ея имени? Изъ этого недоумѣнія не въ состояніи выйти составители наказовъ, увлекшіеся идеей націи; они блуждаютъ между двумя принципами, иногда стараются соединить ихъ; иногда также безуспѣшно стараются ихъ разграничить.

Повидимому, ближе къ дѣйствительности и практическому разрѣшенію вопроса стоятъ тѣ, которые приписываютъ учредительную власть Генеральнымъ Штатамъ, видятъ въ нихъ національное собраніе или, какъ многіе выражаются, націю въ сборѣ—la Nation assemblée.

Но съ этимъ разрѣшеніемъ вопроса были связаны совершенно особенныя затрудненія и недоумѣнія. Генеральные Штаты 1789 года, какъ и всѣ предшествовавшіе, состояли изъ представителей разныхъ сословій и интересовъ. Какимъ же образомъ должно быть организовано это верховное собраніе? По какой системѣ должны происходить выборы? Какъ должны считаться голоса? какого нужно требовать большинства для рѣшенія основныхъ вопросовъ? Всѣ эти вопросы разрѣшались въ наказахъ самымъ различнымъ и противорѣчивымъ образомъ.

Приведенные здѣсь факты легко убѣждаютъ въ томъ, на какомъ шаткомъ основаніи строили свои планы тѣ избиратели, которые хотѣли видѣть въ Генеральныхъ Штатахъ націю и этой націи хотѣли предоставить учредительную власть. Всѣ они, представители всѣхъ сословій и партій, клерикалы и феодалы, либеральные и радикальные монархисты, централисты и приверженцы областной автономіи, по своимъ соображеніямъ сочиняли органъ для предполагаемой національной воли, для того, чтобъ во имя націи осуществить свою программу. Но при первомъ-же столкно-

венія съ дѣйствительностью эти искусственно созданные идеалы націи, конечно, должны были разлетѣться въ прахъ.

Къ такому выводу приводитъ насъ изученіе наказовъ 1789 года. Въ этомъ заключается ихъ историческое значеніе.

Исторія Франціи въ XVIII вѣкѣ представляетъ намъ поразительный примѣръ того, въ какомъ несоотвѣтствіи можетъ находиться степень цивилизаціи, достигнутая извѣстнымъ обществомъ, съ его политической развитостью—до какой степени на ряду съ утонченностью нравовъ и вкусовъ, экономическимъ благосостояніемъ, высокимъ развитіемъ точныхъ наукъ, уваженіемъ къ умственной культурѣ и къ образованію—могутъ господствовать въ странѣ политическая незрѣлость и легкомысленная игра принципами и фразами. При большой воспримчивости народнаго характера и способности французовъ легко поддаваться великодушнымъ влеченіямъ, отсутствіе политической опытности давало себя чувствовать у нихъ особенно живо и непосредственно. При этихъ условіяхъ французское общество увлеклось великой идеей народа или націи прежде, чѣмъ было въ состояніи усвоить себѣ ея истинное значеніе и примѣнить ее къ своимъ потребностямъ. Недовольное своимъ положеніемъ, французское общество стало искать политическаго прогресса въ одностороннемъ развитіи этой идеи. Оно стало представлять себѣ и націю, какъ нѣчто отдѣльное отъ власти, какъ нѣчто особое и самостоятельное, какъ нѣчто идеальное и потому болѣе высокое и почтенное, чѣмъ правительство. Достигнувши однажды этой наклонной плоскости, французское общество быстро или, правильнѣе сказать, одновременно прошло всѣ возможныя стадіи въ развитіи идеи націи. Вмѣсто того, чтобы видѣть въ правительствѣ олицетвореніе націи въ политическомъ отношеніи, общество стало лелѣять мечты о какомъ-то совмѣстномъ владычествѣ монарха и народа. Мечты эти казались тѣмъ болѣе законными, что какъ будто опирались на преданіе старины, разукрашенной фантазіями историковъ; мечты эти были тѣмъ болѣе заманчивы, что въ то же время льстили реальнымъ страстямъ, что каждый классъ народа надѣялся царствовать во имя націи. При такомъ настроеніи, умами легко овладѣли политическія доктрины тогдашняго либерализма и радикализма, которыя, при всей противоположности своей въ принципахъ, одинаково сводили монархію на исполнительную функцію и тѣмъ лишали ее національнаго значенія. Смутно желая, чтобы государственная власть имѣла не сословный, а всенародный характеръ, чтобы законъ соотвѣтствовалъ національному идеалу о правѣ и разумномъ порядкѣ, чтобы въ общественной и умственной жизни было допущено свободное развитіе индивидуальныхъ силъ,—выспіе и интеллигентныя классы Франціи не достаточно сознавали, что монархія представляетъ лучшія для всего этого условія и гарантіи; что нравственная сила и національное значеніе монархіи заключаются въ томъ,

что монархъ есть истинный и постоянный представитель національной воли и что только на этомъ незыблемомъ основаніи возможно и плодотворно мѣстное или общее представительство. Глубокій антагонизмъ между властью и народомъ, который такимъ образомъ укоренялся во французскомъ обществѣ, долго былъ скрытъ отъ него традиціонной преданностью всѣхъ классовъ къ монархіи; но избытокъ чувства и здѣсь не могъ вознаградить за отсутствіе политической мысли. Правда, причины политической неопытности французскаго общества были многосложны и глубоко коренились въ его исторіи; незрѣлость этого общества обуславливалась главнымъ образомъ давнимъ и полнымъ отчужденіемъ его отъ всякаго практическаго дѣла, отъ всякой серьезной отвѣтственности, отъ всякаго служенія общему интересу и благу; она обуславливалась разнью между привилегированными слоями и массой населенія; она обуславливалась наконецъ и характеромъ самой власти. Французская монархія до конца стараго порядка сохранила феодальный характеръ. Эта феодальная власть не была въ состояніи оцѣнить значеніе національной идеи и воспользоваться ею для своего преобразенія въ національную монархію. Но какъ ни многочисленны были причины политической неразвитости высшихъ и самыхъ образованныхъ слоевъ населенія, эта неразвитость несомнѣнно много содѣйствовала тому, что Франція, преслѣдуя односторонній національный идеаль, неволью и не вѣдая того, лишила себя—самаго національнаго своего института.

Но исторія французскаго общества въ XVIII вѣкѣ представляетъ намъ еще другой, болѣе непосредственный для насъ интересъ. Она показываетъ намъ, какую важную роль играютъ въ народной жизни историческія и политическія науки, какое значеніе можетъ имѣть принятое ими направленіе для политическаго воспитанія общества. Мы видѣли, какъ заблуждалась политическая наука во Франціи при изученіи государственныхъ формъ и учрежденій въ другихъ странахъ и какъ несбыточенъ былъ указанный ею идеаль свободнаго государства, оттого что она оказалась не въ состояніи понять и выяснить значеніе самаго твердаго основанія свободы—монархической власти. Мы видѣли далѣе, какъ легко, подъ покровомъ строго логическаго мышленія, скрывалось политическое недомысліе и бредни воображенія принимались за требованіе отвлеченнаго разума. Мы видѣли, какъ историческая наука, уклонившись отъ своей прямой задачи—выяснять смыслъ прошедшаго, сдѣлалась игрушкой политическихъ теорій и страстей; какъ, сбившись съ пути и подъ вліяніемъ моды, она выдавала первобытныя формы и отношенія за идеальныя и правомѣрныя; какъ она, желая служить интересамъ свободы и гражданской равноправности, вселяла въ обществѣ мысль объ антагонизмѣ между властью и народомъ и

на этомъ принципѣ строила невѣрное изображеніе всей прошлой жизни націи.

А между тѣмъ самая серьезная задача національной историографіи заключается въ правильномъ пониманіи и осмысленномъ изложеніи отношеній между властью и народомъ, такъ какъ взаимное отношеніе этихъ элементовъ составляетъ существеннѣйшее содержаніе исторіи націи.

Нигдѣ быть можетъ подобная задача не имѣетъ такого значенія, какъ для исторической науки въ Россіи, и нигдѣ съ другой стороны выполненіе этой задачи не облегчено до такой степени историческимъ ходомъ дѣла какъ у насъ, гдѣ созданіе государственной власти и притомъ власти всенародной, а не сословной,—было главнымъ, можно сказать, исключительнымъ трудомъ національной жизни, и гдѣ правительственная власть была искони вѣрнымъ блюстителемъ национальныхъ интересовъ, главнымъ источникомъ политическаго и культурнаго прогресса. Самыя формы и приемы власти съ теченіемъ времени и здѣсь мѣнялись и совершенствовались, мысль объ историческомъ ея призваніи, о національной задачѣ, развивалась не всегда послѣдовательно и сознательно, эпохи и условія бывали для того неодинаково благопріятны, но историческое изученіе должно различать идею политическаго института и временныя условія его дѣйствія, моменты и общее движеніе, а въ общемъ движеніи государственная власть всегда была главнымъ органомъ прогрессивнаго развитія національной жизни. Особенно убѣдительно свидѣлствуетъ объ этомъ исторія русскихъ университетовъ. Государственной власти обязаны они своимъ насажденіемъ, подъ ея покровомъ и попеченіемъ возросли они отъ самыхъ слабыхъ начатковъ; отъ нея получили они завѣтъ служить рассадниками національнаго просвѣщенія. Этотъ опытъ прошедшаго заставляетъ университеты смотрѣть съ упованіемъ на будущее. Всякій научный трудъ обусловливается усиленіемъ индивидуальнаго духа и потому требуетъ простора и свободы; но вмѣстѣ съ тѣмъ вся высшая научная работа, есть изслѣдованіе мировыхъ законовъ и познаніе разумнаго порядка и поэтому зрѣлая и истинная наука всегда будетъ служить нравственной опорой для государственной власти въ великомъ ея призваніи—культурнаго воспитанія русскаго народа. А прежде всего такая обязанность лежитъ на старѣйшемъ изъ русскихъ университетовъ—на Московскомъ. Поставленный въ центрѣ исторической жизни русскаго народа, московскій университетъ глубоко сознаетъ задачу указанную Петромъ Великимъ государственной власти—поднять Россію на высоту обще-человѣческой цивилизаціи и въ порученной ему сферѣ дѣятельности будетъ посильно содѣйствовать этой цѣли, воспитывая молодое поколѣніе въ европейской наукѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ уваженіи къ національному преданію. Потому нами овладѣваетъ отрадное чувство увѣренности въ свѣтлое буду-

щее нашихъ университетовъ и представляемой ими русской науки, когда мы собираемся здѣсь праздновать годовщину Московскаго университета—въ этой залѣ, съ которой связаны всѣ лучшія минуты нашей университетской жизни, куда мы, еще бывши студентами, сходились съ благоговѣніемъ передъ наукой, гдѣ факультеты раздавали научныя степени нѣсколькимъ поколѣніямъ ученыхъ; въ этой залѣ — гдѣ передъ портретомъ державной дочери Великаго Петра, основательницы нашего университета, передъ портретомъ государя, память о которомъ всегда будетъ дорога русскимъ университетамъ за то высокое довѣріе, которымъ онъ ихъ почтилъ—мы всѣ, настоящіе и бывшіе студенты, наглядно сознаемъ родовую, кровную связь между властью и народомъ и великое значеніе государственной власти, какъ проводника культуры и прогресса въ народной жизни.

В. Герье.

ОТЕЦЪ СОВРЕМЕННОЙ БИОЛОГИИ.

(По Уэллесу.)

КТО НЕ СЛЫХАЛЪ имени Чарльза Дарвина, этого творца знаменитой теоріи подбора, великаго учителя биологіи, объединившаго наши знанія объ органическомъ мірѣ, внесшаго гармонію, цѣльность, единство туда, гдѣ прежде дарили рознь и хаосъ, и тѣмъ увѣковѣчившаго свое имя въ исторіи науки. Объ этомъ великомъ учителѣ, его колоссальной работѣ, мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ..

Оставляя въ сторонѣ родословную Дарвина и его молодые годы, начнемъ съ того событія, которое имѣло важное вліяніе на послѣдующую дѣятельность его—съ назначенія его, въ качествѣ натуралиста, на корабль «Вигль» по рекомендаціи извѣстнаго естествоиспытателя, профессора Генслоу изъ кэмбриджскаго университета. Въ 1831 году, двадцатидвухлѣтній Дарвинъ, получивъ свой бакалаврскій дипломъ, покинулъ Англію для пятилѣтняго путешествія въ южномъ полушаріи. Вѣроятно, именно этому обстоятельству міръ обязанъ появленіемъ въ свѣтъ великаго ученія, извѣстнаго подъ именемъ теоріи Дарвина. Удобство изучать природу въ новыхъ, неизвѣстныхъ краяхъ, сравнивать произведенія одной страны съ произведеніями другой, изслѣдовать физическія и биологическія особенности острововъ и материковъ, наблюдать борьбу за существованіе въ дѣятельныхъ странахъ, гдѣ цивилизація еще не нарушила свободного взаимодѣйствія различныхъ группъ животныхъ и растений, и рядомъ съ этимъ обширный досугъ времени для полнаго, всесторонняго обсужденія каждой фазы представлявшихся явленій, отсутствіе общественныхъ соблазновъ и непріятностей—всѣ эти условія были крайне благоприятны для развитія оригинальнаго склада

мысли. Вотъ въ эти-то именно мѣсяцы и годы уединеннаго созерцанія природы и было посѣяно то сѣмя, которому суждено было въ будущемъ принести зрѣлый плодъ великой философской идеи. Бросимъ же взглядъ на «Дневникъ изслѣдованій», куда заносились главные факты и наблюденія молодаго путешественника, и посмотримъ какъ глубоко скрыты тамъ зародыши тѣхъ идей и намѣченныхъ задачъ, которымъ Дарвинъ посвятилъ свою долгую, трудолюбивую жизнь.

Вопросы о причинахъ обособленія и распредѣленія организмовъ служили для Дарвина предметомъ постоянныхъ наблюденій и размышленій. Еще въ началѣ путешествія онъ собиралъ пыль, падающую на корабль и замѣтилъ важный фактъ, что въ этой пыли, собранной на разстояніи трехъ сотъ миль отъ материка, попадались каменные частички величиною въ тысячную долю квадратнаго дюйма, и по этому поводу замѣчаетъ: «Послѣ этого факта никто не станетъ удивляться, что гораздо болѣе легкія и мелкія споры тайнобрачныхъ растений могутъ разноситься на далекія разстоянія». Онъ замѣтилъ, что нѣкоторые виды насѣкомыхъ попадаютъ далеко въ морѣ, въ одномъ случаѣ—на разстояніи трехъ сотъ семидесяти миль отъ ближайшаго материка. Онъ обратилъ особенное вниманіе на насѣкомыхъ и растенія, живущія на островахъ Трески или Кокосовыхъ и на другихъ недавно образовавшихся коралловыхъ или вулканическихъ островахъ; контрастъ между данными формами, своеобразныя произведенія Галапагосскихъ острововъ очевидно глубоко его поразили. «Почему, спрашиваетъ онъ, туземная фауна Галапагосскихъ острововъ создана по одному типу и организациі съ американской, между тѣмъ какъ обѣ эти страны такъ всецѣло различаются по своему геологическому характеру и физическимъ условіямъ? Почему существуетъ столько особенныхъ видовъ на каждомъ отдѣльномъ островѣ?» Онъ изумленъ количествомъ творческой силы, если такъ можно выразиться, разбросанной по этимъ маленькимъ, бесплоднымъ, скалистымъ островамъ, и, еще болѣе, ея совершенно различнымъ проявленіямъ на близкихъ другъ къ другу пунктахъ.

Собирая остатки большихъ вымершихъ млекопитающихъ въ пампасахъ, Дарвинъ былъ сильно пораженъ тѣмъ фактомъ, что, не смотря на свою громадную величину и странную форму, они всѣ походили на существующихъ животныхъ Сѣверной Америки, подобно тому какъ пещерные остатки Австраліи походятъ на двутрубку этой страны, и замѣчаетъ по этому поводу: «Это удивительное сходство на одномъ и томъ же материкѣ между вымершими и существующими формами, должно, безъ сомнѣнія, больше всякихъ другихъ фактовъ пролить въ будущемъ яркій свѣтъ на вопросъ о появленіи органическихъ существъ на нашей землѣ и ихъ исчезновеніи».

Ему уже былъ извѣстенъ тогда тотъ важный фактъ, что существуютъ значительныя и постоянныя препятствія къ размноженію дикихъ животныхъ, не смотря на ихъ большую плодовитость и что они, безъ сомнѣнья, размножились бы въ геометрической пропорціи, если бы эти препятствія отсутствовали. Онъ отмѣтилъ сравнительную рѣдкость видовъ при менѣе благоприятныхъ условіяхъ существованія и полное исчезаніе жизни при совсѣмъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Собранныя имъ по данному предмету различныя факты «бросали, какъ ему казалось, нѣкоторый свѣтъ

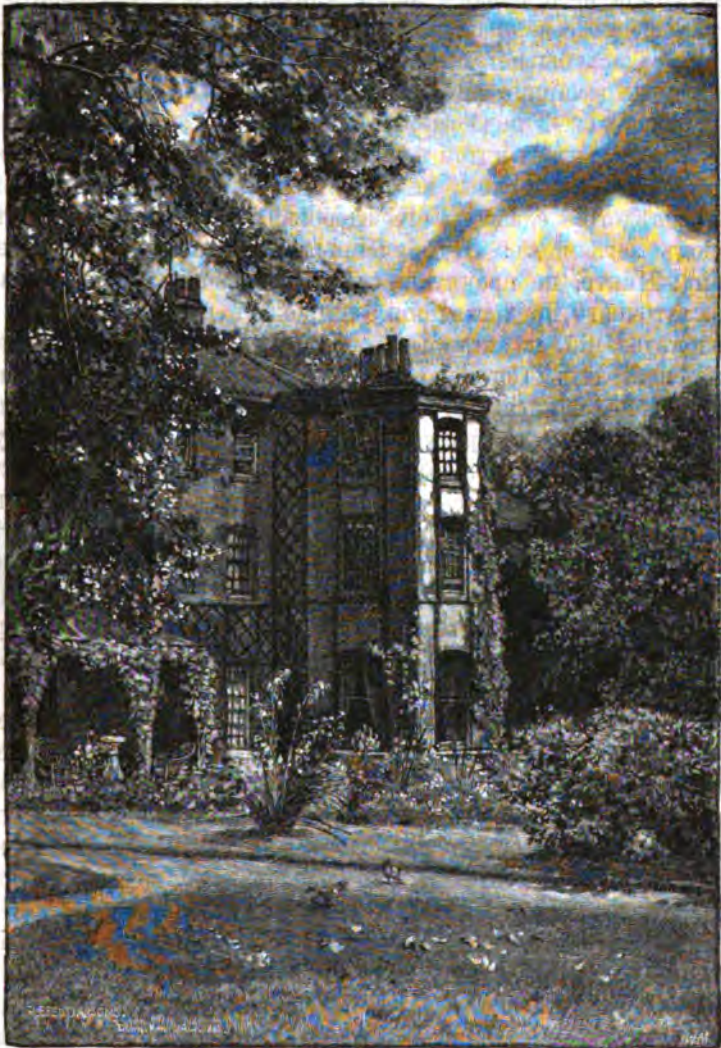
Рабочій кабинетъ Дарвина.

на происхожденіе видовъ, эту тайну изъ тайнъ, какъ выразился одинъ великій философъ».

Посвятивъ пять лѣтъ научному путешествію вокругъ свѣта и болѣе пятнадцати лѣтъ непрерывнымъ наблюденіямъ, опытамъ и литературнымъ изысканіямъ, онъ далъ изумленному міру науки теорію во всей ея всеобъемлющей широтѣ и убѣдительной очевидности, въ своей, составившей эпоху, книгѣ—«Происхожденіе видовъ».

Въ теченіи всего этого двадцатидевятилѣтняго періода только очень немногимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Дарвина было извѣстно, что онъ отрѣшился отъ общепринятыхъ въ то время биологическихъ воззрѣній. Большая часть до того времени знали его, глав-

нымъ образомъ, какъ хорошаго геолога, какъ автора замѣчательной монографіи объ усногихъ и остроумной теоріи происхожденія и строенія коралловыхъ рифовъ. Даже послѣ появленія великаго

Домъ Дарвина (видъ внутри сада).

труда, немногіе лишь могли оцѣнить ту громадную массу фактовъ, опытовъ и наблюденій, на которыхъ покоилась эта колоссальная работа, пока въ слѣдующія двадцать лѣтъ не появился цѣлый рядъ его изслѣдованій, показавшихъ образецъ того неисчерпаемаго

количества матеріала и той глубокой обдуманности мысли, на которыхъ основана была его первая книга.

Хотя Дарвинъ рано пришелъ къ заключенію, что родственные виды произошли отъ общихъ родичей путемъ постепенныхъ измѣненій, для него, однако, долго оставалось необъяснимой загадкой, какъ могла совершаться такая постепенность измѣненій: загадка оставалась бы не разъясненной, говорить Дарвинъ, «еслибы я не изучилъ домашніе виды и этимъ путемъ не дошелъ бы до настоящей идеи о силѣ подбора». Эти изслѣдованія, кратко очерченныя въ первой и отчасти въ пятой и девятой главахъ «Происхожденія видовъ», были опубликованы впоследствии (послѣ девятилѣтней задержки вслѣдствіе слабости его здоровья) въ двухъ большихъ томахъ подъ заглавіемъ: «Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія». Никто, не прочитавъ самой книги, не можетъ составить себѣ достаточнаго представленія о широкихъ взглядахъ и той глубинѣ изслѣдованій, на которыхъ покоилось каждое ея положеніе, каждый ея взглядъ. Согласно многочисленному свидѣтельству авторитетовъ, чтобы написать эту книгу Дарвинъ долженъ былъ просмотрѣть почти цѣлую литературу по земледѣлію и садоводству, по разведенію лошадей и рогатаго скота (конеководству и скотоводству), по охотѣ, вскармливанію собакъ, кошекъ, голубей и домашнихъ птицъ,—литературу, разбросанную въ громадной массѣ обзорній, сборниковъ, журналовъ и газетъ. Кромѣ того, ему приходилось прочитывать всякій научный трактатъ, появившійся въ Англіи, Европѣ, или Америкѣ, который касался какой либо стороны занимавшаго его вопроса. Столь трудолюбиво собранные факты дополнялись еще личными распросами у зоологовъ, ботаниковъ, фермеровъ, садовниковъ, охотниковъ, голубятниковъ, путешественниковъ—вообще у всѣхъ, кто только могъ представить непосредственныя личныя свѣдѣнія о какомъ либо предметѣ его изслѣдованій. Не говоря уже о томъ, что онъ самъ дѣлалъ наблюденія и опыты для пополненія нѣкоторыхъ пробѣловъ, разъясненія сомнительныхъ вопросовъ или для постановки новыхъ задачъ, важность изслѣдованія которыхъ никто никогда и не подозрѣвалъ.

Для того, чтобы выяснить природу и громадное разнообразіе домашнихъ животныхъ, Дарвинъ приготовилъ скелеты всѣхъ наиболее важныхъ породъ кроликовъ, голубей, куръ, утокъ, равно, какъ и тѣхъ дикихъ породъ, отъ которыхъ они произошли, и показалъ путемъ измѣреній и тщательныхъ рисунковъ, что не только второстепенныя особенности, но почти каждая часть костной системы измѣняется въ общемъ въ томъ именно направленіи, въ какомъ обыкновенно различаются между собою различные виды и даже роды дикихъ животныхъ. Другая серія опытовъ была сдѣлана надъ скрещиваніемъ различныхъ породъ голубей и куръ, совершенно непохожихъ на дикія породы, при чемъ въ результатѣ получился

тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ потомки болѣе приближались къ своимъ дикимъ предкамъ, чѣмъ къ родичамъ. Эти опыты, подтвержденные массою фактовъ изъ наблюдений другихъ лицъ, послужили къ установкѣ принципа: стремленія потомства возвращаться къ типу предковъ; а этотъ принципъ, въ свою очередь, далъ возможность объяснить интересный фактъ—частаго появленія полосъ на мулахъ и на гнѣдыхъ лошадяхъ. Отсюда гипотеза, подтвержденная массою косвенныхъ доказательствъ, что общій предокъ лошади, осла и семейства зебры—было полосатое темно-окрашенное животное.

Далѣе, многочисленными точными сравненіями и измѣреніями домашнихъ и дикихъ птицъ—Дарвину удалось выяснитъ послѣд-

Видъ того же дома съ прилежащей дороги.

ствія бездѣятельности летательнаго снаряда, его неупотребленія и слѣдовавшаго отсюда уменьшенія (атрофіи) этого органа: грудина, лопатка и ключица, къ которымъ прикрѣпляются мышцы, служащія для летанія, найдены были уменьшенными у домашнихъ голубей; то же самое было обнаружено и у домашнихъ куръ.

Не менѣе громадное значеніе представляли изслѣдованія Дарвина по вопросу о наслѣдственности, причемъ масса самыхъ странныхъ и до того необъясненныхъ фактовъ были сопоставлены вмѣстѣ, сравнены и классифицированы и, казалось, могли быть подведены подъ нѣсколько общихъ законовъ. Далѣе слѣдуетъ изложеніе о скрещиваніи и помѣсяхъ, можетъ быть, самое важное изъ всей знаменитой его книги, такъ какъ оно много содѣйствовало выясненію вопроса о разнообразіи строенія и сложности взаимныхъ отношеній животныхъ и растений. Не смотря на громадную массу фак-

товъ и наблюденій, представленныхъ имъ по данному предмету, большая часть матеріала относительно растений составляла только извлечение изъ результатовъ его обширныхъ опытовъ, собранныхъ въ теченіи длиннаго промежутка лѣтъ и изложенныхъ впоследствии въ трехъ отдѣльныхъ книгахъ — «Оплодотвореніе орхидій», «Перекрестное оплодотвореніе и самооплодотвореніе растений» и «Формы цвѣтовъ».

Эти труды имѣли громадное значеніе для ботаники, такъ какъ они впервые дали ясное и толковое объясненіе тому удивительному разнообразію формъ цвѣтовъ, на подробностяхъ которыхъ ботаника основывала свое ученіе о видовыхъ и родовыхъ отличіяхъ, но относительно пониманія и смысла которыхъ она оставалась, въ большинствѣ случаевъ, въ совершенномъ невѣдѣніи. Изслѣдованіе вопроса о скрещиваніи и помѣсяхъ показало, что, хотя скрещиваніе между различными видами обыкновенно и даетъ бесплодное потомство, но если только скрещиваются мало различныя разновидности, то это напротивъ ведетъ къ возрастающей плодовитости. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ въ данномъ направленіи, Дарвинъ обнаружилъ другой, еще болѣе важный фактъ, что потомство отъ такихъ скрещиваній отличается большимъ ростомъ и силой. Это повело къ длинному ряду экспериментальныхъ изслѣдованій, въ результатѣ которыхъ получилось важное положеніе, именно, что перекрестное оплодотвореніе имѣетъ громадное значеніе въ смыслѣ здоровья, силы и плодовитости растений. Тотъ фактъ, что большинство цвѣтовъ были гермофродиты и казались способными къ самооплодотворенію, повидимому, противорѣчилъ этому взгляду, но Дарвинъ нашелъ, что почти въ каждомъ подобномъ случаѣ существовало специальное приспособленіе, обезпечивавшее перенесеніе оплодотворяющей пыли съ цвѣтовъ одного растенія на цвѣты другаго, того же вида. На примѣрѣ орхидій видно было, что ихъ удивительные, прекрасные цвѣты обязаны своей, часто фантастической, формой и своеобразнымъ строеніемъ особому приспособленію къ перекрестному оплодотворенію чрезъ посредство насѣкомыхъ, безъ участія которыхъ большинство изъ нихъ оставалось бы совершенно бесплоднымъ. При этомъ было далѣе найдено, что многіе виды приспособлены къ извѣстнымъ формамъ или группамъ насѣкомыхъ и не могутъ быть оплодотворены другими.

Эти изслѣдованія разъяснили массу самыхъ любопытныхъ фактовъ относительно устройства органовъ оплодотворенія цвѣтковъ, остававшихся до того совершенно необъясненными.

Во всей области естествознанія не существуетъ, можетъ быть, другихъ изслѣдованій съ столь богатыми результатами. Тѣмъ не менѣе, они получили распространеніе не ранѣе, какъ когда наблюдатели каждой части свѣта принялись за изслѣдованіе культурныхъ растений съ этой новой точки зрѣнія. За весьма немногими исключеніями, было найдено, что каждый цвѣтокъ обладаетъ устройствомъ,

обеспечивающимъ перекрестное оплодотворенiе иногда посредствомъ вѣтра, но чаще при содѣйствiи насѣкомыхъ и птицъ. Почти вся пестрота и отсутствiе симметрiи въ формѣ цвѣтовъ, придающiя имъ столько разнообразiя и красоты, оказались обязанными именно этой причинѣ; точно также она является источникомъ происхожденiя нектара, какъ приманки для насѣкомыхъ, различныхъ органовъ, вы-

Оранжерея, въ которой Дарвинъ производилъ свои опыты и наблюденiя.

работывающихъ этотъ нектаръ, равно какъ и запаха, цвѣтовъ и ихъ окраски.

Наблюденiя и опыты надъ взаимными отношенiями видовъ въ первобытномъ состоянiи, надъ препятствiями къ ихъ размноженiю и борьбой за существованiе, были столь же многочисленны и все-сторонни, какъ и наблюденiя надъ домашними животными и растенiями. Какъ примѣръ, мы встрѣчаемъ указанiя на тщательные опыты Дарвина съ посѣвомъ растенiй и травъ для опредѣленiя

того—какая часть их разрушается неприятелями до созрѣванія, и на другой рядъ наблюдений, имѣвшихъ цѣлью опредѣлить влияние болѣе сильныхъ растений въ борьбѣ со слабыми, съ которыми они приходятъ въ соприкосновеніе. Этотъ послѣдній фактъ, самъ по себѣ столь простой и, тѣмъ не менѣе, до него просмотрѣнный, разъясняетъ много странностей въ распредѣленіи, разведеніи и культивировкѣ растений.

Рѣдкій и нѣжный цвѣтокъ, который мы находимъ на лугу или въ кустахъ, въ то время, какъ на цѣлыя мили кругомъ нѣтъ и слѣда ему подобнаго, ясно показываетъ, что дѣло не заключается въ какой нибудь особенности почвы, мѣстоположеніи или другомъ физическомъ условіи, прямо благоприятствующихъ данному цвѣтку, а только въ томъ, что на этомъ именно участкѣ земли скопился подходящій комплексъ животныхъ и растений, не препятствующихъ его существованію. Подобные факты давали наглядныя свидѣтельства въ пользу того важнаго положенія, что различныя сочетанія формъ, характерныя для того или другаго клочка земли, холма, пригорка или лѣса, представляютъ результатъ самаго сложнаго и полнаго равновѣсія органическихъ силъ, выражаютъ собою послѣдній итогъ для даннаго времени постоянной борьбы растений и животныхъ за существованіе.

Другой замѣчательный рядъ опытовъ и наблюдений касался географическаго распредѣленія животныхъ и растений.

Дарвину наука обязана установкой различія между океаническими и материковыми островами, такъ какъ онъ первый указалъ на ту особенность условій, въ кругу которыхъ развивалась жизнь на островахъ. Трудолюбивымъ обзоромъ всѣхъ отчетовъ изъ старыхъ путешествій онъ убѣдился, что ни на одномъ островѣ Великаго океана, отдаленномъ отъ материка, не встрѣчаются при первомъ его посѣщеніи ни континентальныя млекопитающія, ни континентальныя земноводныя; а при ближайшемъ изслѣдованіи, онъ нашелъ, что всѣ эти острова были или вулканическаго происхожденія, или состояли изъ коралловыхъ рифовъ, въ томъ и другомъ случаѣ сравнительно недавняго происхожденія—и потому не могли считаться частями потопленныхъ материковъ, какъ прежде думали. Тѣмъ не менѣе, эти острова были покрыты растительностью и населены различными животными. Изслѣдуя вопросъ о начальномъ заселеніи такихъ отдаленныхъ океаническихъ острововъ, Дарвинъ констатировалъ замѣчательную живучесть нѣкоторыхъ животныхъ и растений при перенесеніи ихъ водою чрезъ громадныя пространства океана.

Съ этой точки зрѣнія, Дарвинъ сдѣлалъ многочисленныя наблюденія и изслѣдованія. Онъ старался убѣдиться въ томъ, какъ долго различные виды сѣмянъ могутъ противодѣйствовать соленой водѣ, не теряя способности къ проростанію, и нашелъ, что болѣ-

шая часть сѣмянъ можетъ плавать въ водѣ безъ ущерба для себя въ теченiи мѣсяца, а нѣкоторыя переживаютъ погруженiе въ воду даже на сто тридцать семь дней. Но такъ какъ теченiе океана среднимъ числомъ равняется тридцати тремъ милямъ въ день, то не трудно допустить, что сѣмена могутъ легко переноситься за тысячу миль, а въ исключительныхъ случаяхъ и за три тысячи миль, и потомъ, все-таки, пустить ростки. Такимъ образомъ разъяснилась какъ самая возможность, такъ и одинъ изъ способовъ заселенiя отдаленныхъ океаническихъ острововъ...

Мѣсто обычной прогулки Дарвина.

Изъ другихъ работъ Дарвина укажемъ прежде всего на «Происхожденiе человѣка и половой подборъ», въ которомъ собрана масса замѣчательныхъ фактовъ и идей.—Затѣмъ, въ 1875 году, вышло новое изданiе его прежняго труда о «ползучихъ растенiяхъ», и въ томъ же году — объемистая книга о «насѣкомоядныхъ растенiяхъ»; въ 1876 году—«Перекрестное оплодотворенiе и самооплодотворенiе»; въ 1877 году—«Формы цвѣтовъ»; въ 1880 году—«Способность растенiй къ движенiю», — трудъ заключающiй въ себѣ много оригинальныхъ изслѣдованiй, и, наконецъ, въ 1881 году—

его замѣчательная небольшая книжка о «дождевыхъ червяхъ». — Этотъ послѣднiй трудъ лучше всего характеризуетъ этого великаго работника и мыслителя. Въ 1837 году, Дарвинъ сдѣлалъ въ геологическомъ обществѣ небольшое сообщенiе «объ образованiи растительнаго чернозема при участii червей». Болѣе чѣмъ черезъ 40 лѣтъ предметъ его раннихъ изслѣдованiй былъ снова поставленъ на очередь, были сдѣланы новые опыты и наблюденiя, результатомъ которыхъ явилось признанiе за одной изъ самыхъ низкихъ и презрѣнныхъ тварей важнаго агента въ образованiи почвеннаго слоя на пользу вышшихъ животныхъ и человѣка.

Представленный нами очеркъ трудовъ Дарвина не можетъ претендовать на полноту; неговоря уже о томъ, что мы ни слова не сказали о его первыхъ работахъ, которыя однако уже сами по себѣ были бы достаточны, чтобы доставить ему громкое имя въ наукѣ. Только величайшiй геологъ могъ написать болѣе ученый трудъ, чѣмъ два тома его «Геологическихъ наблюденiй» или его глубокое и серьезное сочиненiе о «Строенiи и распредѣленiи коралловыхъ рифовъ»; одни только многочисленныя его изслѣдованiя объ оплодотворенiи и строенiи цвѣтовъ и движенiи растений могли бы поставить его въ ряду выдающихся и самостоятельныхъ изслѣдователей въ области ботаники; а самый замѣчательный зоологъ или анатомъ могъ бы гордиться его прекрасной монографiей объ усоногихъ.

Но какъ ни велики эти труды въ отдѣльности или взятые вмѣстѣ, тѣмъ не менѣе, они не выдерживаютъ сравненiя съ тѣмъ величественнымъ памятникомъ колоссальнаго труда и гениальной умственной работы, который носитъ названiе «Происхожденiя видовъ», и съ которымъ такъ всецѣло связано имя Дарвина среди большинства образованной публики.

Какъ бы быстро наше знанiе природы ни росло въ грядущемъ, оно несомнѣнно будетъ слѣдовать по пути, освѣщенному для насъ великимъ учителемъ—и на много лѣтъ впередъ имя Дарвина будетъ служить образцомъ того, чѣмъ можетъ быть изслѣдователь природы..

N. N.

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

(По запискамъ Вьель Кастеля).

Причины Крымской войны и ея вліяніе на Францію.—Ультиматумъ Наполеона III.—Переписка принцессы Матильды съ Николаемъ I.—Евгенія и столоверченіе.—Убіеніе герцога Пармскаго.—Проповѣди Вентуры и записки Целесты Могадоръ.—Пронзводъ и хищенія приближенныхъ Наполеона.—Министръ народнаго просвѣщенія.—Извѣстія съ театра войны.—Картонный колоссъ.—Заговоры противъ императора.—Министръ двора.—Ссоры союзниковъ въ Крыму.—Придворные скандалы.—Планы Наполеона и приготовленія къ отъѣзду въ Крымъ.—Принцъ Наполеонъ.—Смерть Николая I.—Письмо прусскаго короля.—Покушеніе Піаноро.—Испанскія дѣла.—Письмо Александра II къ принцессѣ Матильдѣ.—Переполохъ въ Ліонѣ.—Викторія въ Парижѣ.—Покушеніе Бельтмора.—Взятіе Севастополя.—Французское дворянство.—Писатели въ оцѣнкѣ летиюниста.—Генераль Трошю.—Волненія въ Италіи.—Дувель на купоросѣ.

ВОЙНА ВЪ КРЫМУ, въ послѣдній годъ царствованія Николая I, началась по желанію Наполеона III. Она была нужна ему для поддержанія его авторитета, для прославленія его царствованія, для того, чтобы блестящею побѣдою, внѣшнимъ величіемъ, маскировать внутреннее униженіе, нравственное паденіе страны. О томъ, какъ относилось къ этой войнѣ французское общество, какое вліяніе имѣла она на политическую и общественную жизнь Франціи, можно найти любопытныя подробности въ вышедшемъ въ концѣ прошлаго года третьемъ томѣ мемуаровъ графа Гораса де-Вьель-Кастеля. Томъ этотъ замѣчательнъ не менѣе двухъ первыхъ, которые мы разобрали въ т. XII и XIV «Историческаго Вѣстника». Извлечемъ изъ

него все, что можетъ характеризовать эпоху и интересовать русскихъ читателей.

Еще въ концѣ января 1854 года, многіе вѣрили въ возможность сохраненія мира. Франція собиралась принудить Австрію присоединиться въ коалиціи державъ, вступившихся за Турцію. 19-го февраля, появилось въ «Монитёрѣ» извѣстіе, что на ультиматумѣ Наполеона III, русскій царь отвѣчалъ отказомъ. Нечего говорить, что и Вьель-Кастель толкуетъ о непомѣрномъ честолюбіи Николая I и необходимости положить этому предѣлъ. Изъ всѣхъ приближенныхъ Наполеона только одна принцесса Матильда была «какъ всегда, совершенно русскою» (*toujours fort russe*) и не скрывала этого; она писала къ русскому императору и онъ отвѣчалъ ей, что очень тронуть высказанными ему знаками расположенія, тѣмъ болѣе пріятными, что въ последнее время онъ во многихъ ошибся. Онъ говорилъ также о ложныхъ слухахъ, ходящихъ о немъ въ Европѣ, но въ письмѣ его не было никакихъ миролюбивыхъ увѣреній. Евгения занималась верченіемъ столовъ и спрашивала у нихъ о судьбѣ войны. Столъ отвѣчалъ, что война будетъ продолжаться семь мѣсяцевъ—и только на бумагѣ. Заставили и епископа Нанси предложить столу вопросъ: что дѣлается съ душою послѣ смерти? но столъ упорно молчалъ въ присутствіи епископа, а докторъ Симонъ на вопросъ Наполеона, что онъ думаетъ о столоверченіи, отвѣчалъ: «я не знаю, что и думать объ этомъ». — Это самый разумный отвѣтъ, замѣтилъ императоръ. «И еще упрекаютъ нашихъ отцовъ, что они вѣрили въ колдуновъ!» прибавляетъ Вьель-Кастель.

Сенату и законодательному корпусу было сообщено официально о войнѣ только 27-го марта. Въ это время былъ убитъ ударомъ кинжала въ животъ герцогъ Пармскій. Вьель-Кастель выражается объ немъ безъ всякой церемоніи: «смерть его—не большая потеря; въ немъ не было ни одного достоинства; онъ напивался какъ крючникъ (*crocheteur*) и сдѣлалъ несчастною сестру герцога Бордоскаго, которую за него выдали. Онъ возмущалъ своими манерами всю аристократію. Такой же трусъ, какъ и его отецъ, онъ имѣлъ и тѣ же пороки, а одинъ изъ нихъ, которому былъ подверженъ и голландскій король, отецъ Луи-Наполеона, стоилъ ему большихъ денегъ. Шантажисты не разъ хотѣли устроить ему публичный скандалъ». Герцогиня Пармская, отецъ и мужъ которой пали подъ ножомъ убійцы, была назначена регентшею.

Два событія интересовали въ это время парижанъ, не менѣе объявленія войны: проповѣди отца Вентуры въ церкви Магдалины и появленіе въ продажѣ записокъ Целесты Могадоръ. Проповѣдника Вьель-Кастель называетъ прямо полишинелемъ и чтобы доказать, до какихъ невозможныхъ тонкостей доходить теологическая діалектика, приводитъ слѣдующую фразу проповѣди: «Когда

мы сильно любимъ какую нибудь вещь всѣмъ нашимъ сердцемъ, когда мы любимъ ее любовью, мы стремимся къ ней взглядами, призываемъ ее въ нашихъ желаніяхъ, мы ее скватываемъ, обнимаемъ, приближаемъ къ нашимъ губамъ, пожираемъ ее нашими поцѣлуями. Такъ и въ евхаристіи, братія, мы любимъ ее любовью, стремимся къ ней (*pous la convoitons*) приближаемъ ее къ нашимъ губамъ, скватываемъ ее, пожираемъ ее нашими поцѣлуями и проглатываемъ». Что касается до Целесты Венаръ, прозванной «Могадоръ», бывшей наѣздницы въ циркѣ и прославившейся своимъ канканомъ на публичныхъ балахъ еще при Луи-Филиппѣ, появленіе ея записокъ произвело скандалъ потому, что она въ это время была уже графинею Шабрильанъ, женою промотавшагося гуляки, но получившаго въ это время, по родству съ графомъ Шуазель, мѣсто французскаго консула въ Австріи. «И полиція спокойно допустила продажу этихъ грязныхъ мемуаровъ, вѣроятно для поддержанія чести консульскаго званія», прибавляетъ Вьель-Кастель. Много говорили также о бѣгствѣ принцессы Бофремонъ отъ своего мужа, грубаго и глупаго негодая, и о высылкѣ изъ Парижа русскаго графа Л*, бывшаго одно время ростовщикомъ и шпиономъ. Префектъ полиціи заперъ его въ тюрьму Мавасъ за ругательства и оскорбленіе суда, правительства, императора, но Наполеонъ велѣлъ только выслать его за границу. Приближенные императора дѣлали все, что имъ хотѣлось. Напрасно Пьетри доказывалъ, что парижскій префектъ Гаусманъ, перестраивая городъ, крадетъ милліоны; напрасно Лори подавалъ въ сенатъ двѣ записки, въ которыхъ просилъ нарядить слѣдствіе надъ генераломъ Рандономъ, губернаторомъ Алжирѣ, грабившимъ колонію и нарушавшимъ законы. Министръ двора Фульдъ, унаследовавшій печалью и театрами, отнималъ у Верона право на изданіе газеты «*Constitutionnel*», а у актрисы Дененъ—роль въ пьесѣ Скриба «*Le verre d'eau*», чтобы передать ее Маделенѣ Брoganъ, фавориткѣ Луи-Наполеона. Министръ просвѣщенія Фортуль, желая попасть въ академію, въ члены которой уже былъ намѣченъ серьезный ученый Лонжпьеръ, употреблялъ всѣ средства, чтобы уничтожить кандидатуру соперника: угрожалъ академикамъ, которые были профессорами, что онъ лишитъ ихъ катедры, посылалъ другимъ подарки, просилъ голоса даже у Гиво, увѣрялъ, что избраніе его желаетъ императоръ. На выборахъ онъ получилъ однако 27 голосовъ, а Лонжпьеръ 19. И этотъ министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, въ 1837 году, на публичномъ банкетѣ, провозгласилъ тостъ въ честь Алибо, покушавшагося на жизнь короля, и называлъ убійцу: *dépôté incarnation de Jesus Christ*.

О войнѣ сообщались самыя нелѣпыя извѣстія. Такъ при бомбардированіи Одессы «разрушены всѣ батареи, взорваны пороховые погреба, сожжено 13 военныхъ кораблей и взято столько же

транспортныхъ судовъ съ военными припасами; задержанные въ гавани французскія суда освобождены». Свѣдѣнія о взятіи Бомарзунда доходятъ до колоссальной пошлости: «Когда, отдавшіяся въ плѣнъ русскія войска шли между рядами французскихъ и англійскихъ солдатъ, музыканты играли шотландскую джигу и русскіе стали танцовать подъ эту музыку». Принцъ Наполеонъ-Жеромъ, продолжавшій и въ Крыму составлять заговоры противъ своего двоюроднаго брата, велъ себя въ арміи самымъ неприличнымъ образомъ. Герцогъ Кембриджскій не принималъ его у себя. Военные подвиги принца ограничились тѣмъ, что онъ уѣхалъ въ Константинополь лечиться отъ диссентеріи. 1-го октября, всѣ театры были иллюминированы вслѣдствіе полученія извѣстія о взятіи Севастополя, со всѣмъ флотомъ, послѣ двухъ кровопролитныхъ сраженій, въ которыхъ русскіе были совершенно разбиты. «Побѣжденная армія, которой была предоставлена свобода вернуться въ Россію, отказалась отъ этого и предпочла отправиться плѣнницей въ Европу». И по поводу этой непостижимой глупости, Вьель-Кастель, какъ истый французъ, восклицаетъ: «русскій императоръ потерялъ весь свой престижъ: онъ считалъ невозможнымъ, чтобы Франція объявила войну; онъ вѣрилъ въ существованіе сильной легитимистской партіи. Его посланники увѣрили его, что союзъ между Франціею и Англіею невозможенъ, что Наполеонъ III будетъ свергнутъ какъ только начнется война. Отъ этой увѣренности происходитъ и дерзость Меншикова и упрямство въ переговорахъ. Россія теряетъ плоды столѣтнихъ интригъ. Теперь уже нельзя вѣрить въ ея могущество; ея крѣпости сдаются безъ боя, войска сражаются неохотно, флотъ захватывается въ своихъ гаваняхъ. Россія не болѣе какъ картонный колоссъ». И послѣ этой чисто-французской тирады, Вьель-Кастель приходитъ въ негодованіе, что въ то время, когда во всѣхъ департаментахъ и даже въ Лондонѣ праздновали эту побѣду, парижскіе буржуа не хотѣли иллюминировать свои дома и ждали официального подтвержденія извѣстія. А на слѣдующій день онъ принужденъ сознаться, что изъ Вѣны пришли ложныя свѣденія, что союзная армія потеряла чувствительный уронъ, хотя и одержала одну побѣду, что Севастополь и не думалъ сдаваться. О смерти Сент-Арно онъ отзывался съ участіемъ, увѣряетъ, что всѣ жалѣли объ немъ, и что его славная смерть (онъ умеръ отъ холеры) заставляетъ забыть грѣхи его молодости. Исторія, конечно, не подтвердитъ этого приговора о гулякѣ и шулерѣ въ молодости, безчестномъ грабителѣ и плохомъ генералѣ подл старость. Что касается до грабежей, то ими занимались почти всѣ приближенные императора - авантюриста, и примѣрами алчнаго хищника и взяточничества наполнено все его царствованіе. Вьель-Кастель говоритъ, между прочимъ о поставщикахъ министерства двора, жаловавшихся на то, что съ нихъ дерутъ безбожныя взятки

высшіе чиновники. Подрядчики, ставившіе дрова въ это министерство по 35 франковъ за известную мѣру, получали только 31. Зная исторію подобныхъ подрядовъ въ другихъ государствахъ, казалось бы не стояло такъ кричать о взяткѣ въ четыре франка. Вѣдь не десятки же тысячъ мѣръ ставили подрядчики.

Заговоры противъ Луи-Наполеона продолжались составляться каждый годъ. Въ февралѣ было арестовано человекъ двадцать; въ октябрѣ, въ булонскомъ тоннелѣ, сторожъ желѣзной дороги нашелъ въ стѣнѣ выдолбленную нишу, скрытую довольно искусно и въ ней—адскую машину, отъ которой шли проводники къ электрической батарее на далекое разстояніе. Машину предполагалось взорвать въ то время, когда по тоннелю отправится изъ Булони въ Парижъ императоръ. Захватили двѣнадцать заговорщиковъ, но слѣдствіе производилось въ тайнѣ: не хотѣли, чтобы народъ могъ подумать о возможности покушенія на жизнь императора. Придворные скандалы шли также своимъ чередомъ. Графиня Нансutti подарила на 80,000 франковъ брилліантовъ своей горничной, которую она очень любила. Въ то время, когда танцовка Карлота Гривы пользовалась въ Петербургѣ расположеніемъ высокопоставленнаго лица, въ Парижѣ министръ двора Фульдъ, послѣ страстныхъ исцель къ пѣвицѣ Крувелли, попробовалъ перейти отъ слова къ дѣйствию. Крувелли дала ему оплеуху и оставила сцену, выйдя за мужъ за барона Вижье. Газетамъ запрещено было даже намекать на это происшествіе. Жена Фульда брала взятки не меньше своего мужа. Составляя «корзину новобрачной» для поднесенія невѣстѣ императора, она принудила поставщиковъ преподнести и ей дорогія матеріи, да кромѣ того дѣлала приписки къ ихъ счетамъ. Такъ, кружевное платье, которое предлагали принцессѣ Матильдѣ за 23,000 франковъ, Фульдъ поднесла Евгеніи за 30 тысячъ. Обершталмейстеръ, генералъ Флери, потребовалъ даже съ принцессы Матильды уплаты за четверку лошадей, подаренныхъ ей императоромъ. Управляющій загородными дворцами, генералъ Ролленъ, требовалъ, чтобы ему доставляли всѣ деньги, какія посѣтители Фонтенебло и Компьена вручали придворнымъ служителямъ, сопровождавшимъ посѣтителей при осмотрѣ дворцовъ. Одному изъ нихъ принцесса Матильда дала 500 франковъ и генералъ вытребовалъ у него эту сумму,—это сообщила автору сама принцесса. Луи-Наполеонъ зналъ, что его всѣ обкрадываютъ, но не хотѣлъ высккивать со своихъ приближенныхъ, не желая показать публикѣ, какія лица окружаютъ его—какъ будто можно было скрыть подобные поступки отъ общественнаго мнѣнія, также строго относящагося и къ тому, кто воруетъ и къ тому, кто покрываетъ и терпитъ бливъ себя воровъ.

По мѣрѣ того, какъ развивалась осада Севастополя, Вьель-Кастель сознавался, что «русскіе защищаются геройски», но въ то

же время передавалъ въ своихъ запискахъ и наглые слухи въ родѣ того, что русскіе офицеры приказываютъ убивать раненныхъ на полѣ сраженія, и что какой-то майоръ, взятый въ плѣнъ, былъ отданъ за это подѣ военный судъ, а Канроберъ и лордъ Рагланъ писали объ этомъ Меншикову. Восхищаясь подвигами французской арміи, авторъ съ грустью замѣчаетъ, что ни одинъ членъ семейства Бонапарте не отличился на войнѣ: принцъ Наполеонъ оставляетъ армію при началѣ осады, молодой Миуратъ даже не просится въ Крымъ, а предпочитаетъ въ Парижѣ получать огромное жалованье, какъ и всѣ остальные наполеониды. На своихъ союзниковъ, англичанъ, французы не переставали жаловаться въ продолженіе всей кампаніи. Такъ, Канроберъ, послѣ альминскаго сраженія, хотѣлъ идти прямо на Севастополь, пользуясь разстройствомъ русской арміи, но лордъ Рагланъ настоялъ на томъ, чтобы перейти на южную сторону и начать правильную осаду. Во время осады англичане уклонялись отъ атакъ и штурмовъ и довольствовались канонадою редутовъ съ дальнихъ разстояній. При Инкерманѣ, впрочемъ, они понесли большія потери, потому что имъ не оказала помощи дивизія принца Наполеона, хотя принцъ получалъ точныя приказанія—подкрѣпить англійскій корпусъ.

А скандалы въ высшемъ кругу повторялись чуть не каждый день. Молодой герцогъ Валломброзо подарилъ кокеткѣ любовное письмо къ нему маркизы Бетизіи. Кокотка автографировала письмо и отправила копии къ разнымъ лицамъ, не исключая мужа маркизы. Мужъ и братъ ея, герцогъ Валентинуа, вызвали на дуэль Валломброзо, но онъ отказался. Кокотка потребовала 60,000 франковъ за возвращеніе письма. Родные маркизы начали торговаться... Чѣмъ же хуже были нравы эпохи регентства и Людовика XV?

Въ февралѣ 1855 года, Наполеонъ III началъ собираться въ Крымъ, составивъ какой-то планъ взятія Севастополя, приводившій, конечно, въ восхищеніе его приближенныхъ. Кромѣ желанія выказать свой стратегическій талантъ, его побуждали принять главное начальство надъ экспедиціонною арміею интриги и ссоры между его генералами, отличавшимися бездарностью. Такъ, генерала Форея обвиняли въ томъ, что при атакѣ одного редута, онъ, изъ зависти къ генералу Лурмелю, не поддержалъ его своею дивизіею. Атака была отбита, Лурмель убитъ и Форея принужденъ подать въ отставку. Артиллеристы и инженеры враждовали между собою, мѣшали другъ другу въ военныхъ операціяхъ; подпоручики составляли планы, какъ взять городъ и обвиняли своихъ начальниковъ въ неспособности и бездѣйствіи; армейскіе офицеры ссорились съ гвардейцами и явно роптали на предпочтеніе, оказываемое привилегированнымъ войскамъ; солдаты, держа сторону своихъ начальниковъ, вступали въ перебранку и драку между собою. Присутствіе императора на театрѣ войны могло положить конецъ

этим неурядицамъ, хотя, съ другой стороны, его вмѣшательство въ военныя дѣйствія могло парализовать успѣхъ начатыхъ операцій. Наполеонъ приказалъ Лагероньеру написать въ Монитѣрѣ статью, доказывавшую необходимость отправления въ Крымъ, «гдѣ ждали также прибытія русскаго императора». Николай I прислалъ между тѣмъ еще письмо принцессѣ Матильдѣ, въ которомъ говорилось: «я положительно не понимаю, для чего Франція воюетъ со мною». Въ то время, когда двоюродная сестра французскаго императора стояла горой за Россію, двоюродный братецъ его, прозванный Плюнь-Плономъ (въ Крыму солдаты переимѣнили это названіе на *Craint-plomb*), напечаталъ въ Брюсселѣ брошюру, въ которой представлялъ положеніе французовъ въ Крыму въ самомъ ужасномъ видѣ, обвиняя генераловъ, осыпая бранью и насмѣшками офицеровъ. Брошюру приписывали сначала Романсу, бывшему префекту, женатому на русской, Кайсаровой, но свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ и планахъ могло сообщить только лицо, бывшее на мѣстѣ и знавшее всѣ предположенія главнокомандующаго. Грозилъ арестовать Плюнь-Плона, но тотъ далъ честное слово, что ничего не знаетъ о существованіи брошюры. Этого неутомоннаго брата, вернушагося въ Парижъ и котораго освистывали уличные мальчишки, когда онъ являлся на бульварахъ въ своемъ генеральскомъ мундирѣ, Наполеонъ рѣшилъ взять съ собою въ Крымъ. «Дай Господи, чтобы онъ не вернулся оттуда!» прибавляетъ Вьель-Кастель. Вслѣдъ затѣмъ, онъ заноситъ въ свой дневникъ:

«2-го марта, въ семь часовъ вечера, пришло извѣстіе, что русскій императоръ скончался отъ паралича легкихъ. Тотчасъ же сенаторы и вельможи бросились на маленькую биржу, въ пассажѣ Оперы, чтобы эксплуатировать эту новость. Рента поднялась на 2 франка 50 сантимовъ». Вьель-Кастель говоритъ, что новый императоръ противникъ войны, тогда какъ братъ его «стоитъ во главѣ старой русской и фанатической партіи» и тутъ же приводитъ новую нелѣпность о большомъ сраженіи, въ которомъ былъ убитъ великій князь. Смерть Николая I не остановила однако приготовленія къ отъѣзду въ Крымъ. Наполеонъ былъ чрезвычайно недоволенъ двусмысленнымъ положеніемъ Австріи. Прусскій король, убѣждая его не ѣздить въ Крымъ, писалъ: «Я имѣю полную надежду склонить императора Александра принять условія мира, который удовлетворилъ бы интересамъ Европы; но если, вопреки моей надеждѣ, это мнѣ не удастся, тогда я вполне присоединюсь къ вашей политикѣ и мои арміи пойдутъ на ряду съ вашими». Неизвѣстно, какія именно причины заставили Наполеона отказаться отъ поѣздки въ Крымъ и вмѣсто того отправиться въ Англію, гдѣ приняты съ восторгомъ его и Евгенію, хотя относительно послѣдней виндзорскій дворъ сначала колебался, какого рода этикета слѣдуетъ держаться. Вьель-Кастель говоритъ, что Наполеона

побудило остаться во Франціи то обстоятельство, что онъ долженъ былъ передать власть своему дядѣ, принцу Жерому, требовавшему неограниченныхъ полномочій, а министерство объявило, что въ такомъ случаѣ оно будетъ принуждено въ полномъ составѣ подать въ отставку.

28-го апрѣля, въ пятомъ часу, Наполеонъ ѣхалъ верхомъ по Елисейскимъ полямъ въ Булонскій лѣсъ, въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ. Вдругъ на шоссе вышелъ хорошо одѣтый молодой человекъ, и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ императора, но не попалъ. Адъютанты бросились на убійцу, но онъ успѣлъ сдѣлать второй выстрѣлъ, также неудачный. Наполеонъ продолжалъ свою прогулку и вернулся во дворецъ, сопровождаемый многочисленной толпой. Въ Тюльери онъ сказалъ окружающимъ его лицамъ: «вы видите, что это не такъ легко», а вечеромъ былъ съ Евгеніей въ Комической оперѣ, гдѣ его встрѣтили восторженными криками и слезами. Убійца-римлянинъ, назвался сначала ложнымъ именемъ и не хотѣлъ отвѣчать на допросъ префекта полиціи, но когда Пьетри отдалъ приказаніе разстрѣлять его тотчасъ же, на дворѣ тюрьмы, онъ сознался, что его зовутъ Джіованни Шавори, что онъ ремесломъ сапожникъ, 28-ми лѣтъ, женатъ, имѣетъ нѣсколько дѣтей, служилъ прежде въ отрядѣ Гарибальди и посланъ отъ Мадзини—убить императора. Вьель-Кастель не говоритъ ни слова дальше ни о процессѣ убійцы, ни о казни его, 14-го мая, наканунѣ открытія всемірной выставки въ Парижѣ. За то авторъ сообщаетъ много сплетней о событіяхъ въ Испаніи, о причинахъ удаленія въ Парижъ королевы Христіны, о томъ, что въ заговорахъ противъ жизни королевы Изабеллы участвовалъ ее супругъ. Впрочемъ и такая серьезная газета, какъ «Débats» приводила въ то время цѣлую сцену между Изабеллой, Эспартеро и О'Доннелемъ, по поводу закона о продажѣ духовныхъ имуществъ, утвержденнаго кортесами. Королева не хотѣла подписывать указа объ этомъ и уступила только угрозамъ генераловъ, что ее вышлютъ изъ Испаніи и объявятъ республику. О'Доннель такъ сказалъ ей руку, заставляя ее подписать, что она вскричала: «я протестую противъ вашихъ насилій и надѣюсь, что Богъ обрушитъ на ваши головы и на вашихъ сообщниковъ отвѣтственность за мою слабость». И это называется конституціоннымъ правленіемъ! прибавляетъ авторъ, недовольный всѣми и даже принцессой Матильдой. Последнюю онъ обвиняетъ въ томъ, что она не стѣсняется въ своихъ салонахъ отзывать о папѣ, кардиналахъ, австріяцахъ и англичанахъ, какъ настоящая мадзинистка и гордится болѣе своимъ родствомъ съ русскимъ, чѣмъ съ французскимъ императоромъ. Отъ перваго она получила письмо, въ которомъ Александръ II говоритъ, что его отецъ оставилъ ему дорогой для его сердца завѣтъ, который онъ считаетъ пріятнымъ долгомъ выполнить: это — продолженіе той привязанно-

сти, какую питалъ къ принцессѣ покойный императоръ; она можетъ быть увѣрена въ его искреннемъ расположеніи и покровительствѣ ея интересамъ. Вьель-Кастель негодуетъ, что французская принцесса гордится дружбою врага Франціи. Еще болѣе негодуетъ онъ на ея брата, сказавшаго публично въ клубѣ, что французская армія—армія львовъ, командуемыхъ ослами. Лагероньеръ рѣшился однажды сказать принцу, что если судьба приведетъ его на тронъ Франціи, то онъ встрѣтитъ больше враговъ, чѣмъ приверженцевъ. Принцъ отвѣчалъ, что ему стоитъ только, взоидя на престолъ, напечатать въ «Монитёрѣ»: всѣ чиновники сохраняютъ свои мѣста и должности, и приверженцевъ у него явятся тысячи. Изумленные успѣхомъ захвата власти Луи-Наполеономъ, всѣ члены его семейства рассчитывали, съ его помощью, также попользоваться чѣмъ можно. Мюраты явно подкапывались подъ короля неаполитанскаго. Но до какой степени было непрочно владычество самого Луи-Наполеона доказываетъ переполохъ, случившійся въ іюнѣ этого года, въ Ліонѣ. Маршалъ Кастелланъ, командовавшій въ этомъ городѣ войсками, получилъ изъ Парижа извѣстіе о внезапной смерти императора. Онъ тотчасъ же послалъ за управляющимъ правительственною типографіей и приказалъ ему напечатать прокламацію, которою жителямъ города сообщалось о восшествіи на престолъ Генриха V. Тутъ же маршалъ продиктовалъ прокламацію и ее стали набирать. По счастью, адъютанты маршала въ время узнали объ этомъ, и доказали ему нецѣпность и опасность его поступка. Луи-Наполеонъ, услышавъ объ этомъ, сказалъ: «я не зналъ, что маршалъ способенъ на энергическую инициативу».

Въ концѣ августа, королева Викторія отдала визитъ императору французовъ. Она провела десять дней въ Парижѣ, отъ котораго была въ восторгѣ: «У меня нѣтъ ничего подобнаго въ Англіи», говорила она. Принцу Наполеону она дала орденъ Бани «за важныя военныя заслуги». «Лучше бы, вмѣсто бани, она поднесла ему кусокъ виндзорскаго мыла, да и тотъ не отмылъ бы всей насаѣвшей на него грязи», прибавляетъ Вьель-Кастель. За придворными праздниками слѣдовала серьезная попытка рабочихъ изъ каменоломенъ — овладѣть Анжеромъ. Инсургентовъ, предводимыхъ членами тайнаго общества «Маріанны», окружили въ предмѣстьи города и захватили у нихъ двѣсти килограммовъ пороху и множество зажигательныхъ снарядовъ. 8-го сентября, въ императора, подѣжавшаго къ итальянскому театру, выстрѣлилъ изъ пистолета руанскій уроженецъ Бельтиморъ, 22-хъ лѣтъ, уже 16-ти лѣтъ сидѣвшій въ тюрьмѣ за мошенничество, а въ 1852 году за участіе въ востаніи. Его выдали за помѣшаннаго. Взятіе Севастополя праздновали торжественно, хотя сознавались, что при штурмѣ погибло шесть тысячъ человекъ и пять генераловъ. Въ концѣ октября, объявили официально, что Евгенія на пятомъ мѣсяцѣ бере-

менности. Наполеониды почти явно высказывали свою досаду. Принцъ Наполеонъ негодовалъ и на то, что во время торжественнаго входа въ Парижъ гвардіи, вернувшейся изъ Крыма, во главѣ процесіи поставили не его, а Канробера. Принца обвинили также въ несправедливости при раздачѣ наградъ за всемірную выставку комитетомъ жюри, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ. Въ клубѣ онъ велъ крупную игру въ пикетъ по 20 франковъ и выигрывалъ десятки тысячъ. Клубы были вообще враждебны правительству, также какъ писатели, художники и политехническая школа. Къ этимъ недовольнымъ присоединились, въ началѣ 1856 года, и крупные торговцы за то, что императоръ и императрица, вопреки обычаю, не приобретали у нихъ подарковъ для раздачи придворнымъ. Только родственники Евгеніи получили порядочные кунни: ея матери, графинѣ Монтихо, подаренъ отель въ Елисейскихъ поляхъ, купленный у Лористона за три милліона; мужа двухъ другихъ дочерей графини, — герцоги д'Альбъ и Гамильтонъ, получили большіе кресты почетнаго легіона, о чемъ, однако, не было объявлено въ «Монитёрѣ». Сама Евгенія получила эмалевый сервизъ въ 65 тысячъ; для будущаго ребенка было приготовлено бѣлье въ сто тысячъ франковъ. Евгенію не любили ни придворные, ни парижане. Въ февралѣ, въ театрѣ, студенты, въ ея присутствіи, начали пѣть осмѣивавшіе ее куплеты, пародію на модную шансонетку: «сиръ де-Фрамбуазъ». Возставая противъ упадка высшаго круга и дворянства, Вьель-Кастель называетъ нѣсколько извѣстныхъ именъ, унижившихъ свое званіе неровными браками: маркизъ Латуръ-Дюпенъ женился на дочери торговца лошадами, бывшаго конюха лорда Сеймура; дѣвица Бореперъ вышла за кучера своего отца; Деше — за тромбониста театра Folies nouvelles, Сегенъ — за своего садовника. Рошфоръ Сенъ-Луи, бывший оберштаммейстеръ герцога Лукскаго, за пятьсотъ тысячъ франковъ женился на дочери герцога, которой необходимо было дать имя своему ребенку. Но этотъ послѣдній бракъ окончился трагически — смертью жены, которой мужъ не позволялъ лечиться, чтобы наказать ее за распутную жизнь. Подробности этой грязной исторіи слишкомъ циничны, чтобы приводить ихъ. Вообще, авторъ очень строго относится къ выродившейся аристократіи, еще строже къ авантюристамъ, стоящимъ во главѣ правительства, но всего безпомощнѣе — къ писателямъ, журналистамъ, артистамъ, осыпая насмѣшками представителей французской интеллигенціи, собирая объ нихъ всевозможные силетни и анекдоты, не дѣлающіе имъ чести. О дарованіи Жоржъ-Занда онъ отзывался съ презрѣніемъ и перечисляетъ только ея любовниковъ; госпожа Жирарденъ, умершая въ это время, замѣчательна тоже одними любовниками; у скульптора Давида, Анжерскаго и живописца Энгра нѣтъ ни на волосъ таланта; Веранже — скверная собака (le plus mauvais chien de la chré-

tienté); директоръ «Journal des Debats», Арманъ Бертепъ, извѣстенъ только крайнимъ атеизмомъ, доходившимъ до того, что лакей Верона, прислуживавшій за завтракомъ, на который былъ приглашенъ журналистъ, слыша его богохульство, не захотѣлъ служить; историкъ Мишле — опасный сумасшедшій; Сю, Эмиль Жирарденъ — извѣстенъ только распутствомъ; Альфредъ Мюссе — пьяница; Викторъ Гюго и Александръ Дюма — бесталанные хвостуны. Александру Дюма сыну аббатъ Дюгерри обѣщалъ крестъ и мѣсто въ академіи, если онъ напишетъ религіозную драму. «Религія сама составила три кровавыя драмы, отвѣтилъ Дюма: войну съ альбигойцами, варооломеевскую ночь и севенскія драгонады».

Когда въ Парижъ явились русскіе уполномоченные для переговоровъ о мирѣ, всѣ замѣтили, что ихъ отношенія къ Австріи были гораздо болѣе недружелюбны, чѣмъ къ Англій. О ходѣ переговоровъ авторъ не сообщаетъ никакихъ подробностей и говорить только о восторгѣ народа при официальномъ извѣщеніи о заключеніи мира, о разницѣ между Франціею 1848 года униженною, презираемою и Франціею 1856 года, прославленною Наполеономъ. Вьель-Кастель умеръ за шесть лѣтъ до 1870 года. Чтò сказалъ бы онъ въ это время? Извѣстно, что уполномоченные на конгрессѣ подписали мирный договоръ перомъ, которое Фёлье де-Коншъ взялъ изъ крыла орла, въ звѣринцѣ Jardin des plantes. За этотъ «подвигъ» онъ получилъ командорскій крестъ почетнаго легіона. Принцъ Наполеонъ, отодвинутый на второй планъ рожденіемъ сына императора, хотѣлъ, чтобы его отправили на коронацію Александра II. Луи-Наполеонъ не согласился на это, сказавъ Матильдѣ: «пусть онъ дѣлаетъ глупости въ Парижѣ, но я не хочу, чтобы онъ дѣлалъ или говорилъ ихъ въ Петербургѣ; это дискредитируетъ насъ въ глазахъ Россіи». Посланъ былъ, какъ извѣстно, побочный братъ Луи-Наполеона, Морни.

Изъ исторіи севастопольской осады авторъ приводитъ примѣръ храбрости генерала Трошку, имъ самимъ рассказанный. Штурмъ большого редана былъ предпринятъ только какъ диверсія и долженъ былъ кончиться неудачей. Трошку созвалъ свою бригаду и, помѣстившись въ центрѣ ея, сказалъ солдатамъ: «приступъ, назначенный на завтра, будетъ тяжелъ, и изъ солдатъ, которые пойдутъ въ главѣ колонны, немногіе увидятъ конецъ дѣла. Они почти всѣ лягутъ на мѣстѣ и я не поручусь, чтобы оставшіеся получили всѣ награды; но мнѣ все таки нужно двѣсти волонтеровъ для начала атаки. Я надѣюсь на васъ и вы знаете, что я буду съ вами». Изъ рядовъ вышло пятьсотъ волонтеровъ. Трошку выбралъ двѣсти; изъ нихъ осталось въ живыхъ сорокъ. Вообще изъ полуторатысячи, атаковавшихъ реданъ, осталось на мѣстѣ водемьсотъ солдатъ и семьдесятъ четыре офицера. У Трошку оторвало ядромъ икру ноги и онъ былъ спасенъ однимъ арабомъ, поднявшимъ его и помогав-

шимъ при отступленіи, которое было еще опаснѣе нападенія, такъ какъ русскіе цѣпились въ генерала, поддерживаемаго арабомъ.

Плохой цѣнитель литературныхъ заслугъ, Вьель-Кастель оказывается еще болѣе плохимъ политикомъ, въ своихъ сужденіяхъ о положеніи Италіи, гдѣ въ это время уже начиналось сильное революціонное движеніе, которое, вслѣдъ затѣмъ, повело къ освобожденію и объединенію страны. Авторъ записокъ—положительный противникъ этого объединенія; для него непонятенъ терминъ — итальянцы; онъ признаетъ только неаполитанцевъ, пьемонтцевъ, римлянъ и пр. и предсказываетъ, что всѣ они передерутся между собою, какъ только освободятся и соединятся. Онъ горячо заступается за короля неаполитанскаго, деспотическіе поступки котораго принудили Англію и Францію отозвать своихъ пословъ изъ Неаполя. По этому случаю Вьель-Кастель ехидно замѣчаетъ, что Европа объявила войну Россіи за то, что эта держава вмѣшивалась во внутреннія дѣла Турціи, угнетавшей своихъ христіанскихъ подданныхъ, а теперь прерываетъ дипломатическія сношенія съ державою, которая укрощаетъ возникающіе въ ней бунты. Нечего и говорить, что вопросъ о свѣтскомъ владычествѣ папы кажется автору необходимымъ условіемъ не только благосостоянія, но даже существованія католицизма.

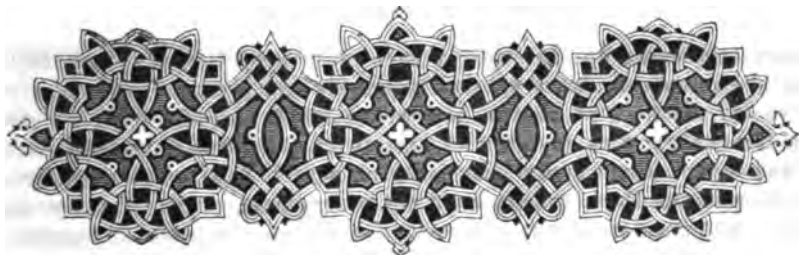
Нравы среднихъ классовъ общества, во время имперіи, были ничѣмъ не лучше нравовъ двора. Вотъ случай, о которомъ Вьель-Кастель говоритъ вскользь два слова, но рассказываетъ подробно записки современниковъ. Въ семействѣ одного извѣстнаго фотографа, его женѣ и дѣтямъ давала уроки музыки піанистка Леонида. И она и фотографъ были молоды, имѣли случай часто встрѣчаться, проводить вмѣстѣ цѣлые дни, немудрено, что они полюбили другъ друга. Но Леонида не хотѣла принадлежать женатому и нарушать его семейное спокойствіе. Тогда фотографъ увѣрилъ ее, что онъ вовсе не женатъ на женщинѣ, съ которой живетъ, и думаетъ разойтись съ нею по обоюдному согласію. Артистка повѣрила сказкѣ и онъ достигъ своей цѣли. Но о связи ихъ узналъ братъ жены фотографа и открылъ ей глаза. Оскорбленная мать семейства выгнала изъ дома свою соперницу, убѣдивъ ее неоспоримыми документами, что бракъ былъ вполне законный. Бѣдняжка скрыла въ отдаленномъ углу Парижа свое горе и обманутое чувство. Прочхоравъ долгое время, она лишилась уроковъ, истощила всѣ свои небольшія средства и скоро дошла до крайней нищеты. Въ этомъ положеніи нашелъ ее фотографъ, долгое время розыскивавшій ее по городу и не желавшій прервать съ нею связи. Онъ умолялъ ее простить обманъ, внушенный сильною страстью. Артистка все еще любила его и не могла устоять противъ искушенія. Прежнія отношенія ихъ возобновились. Чтобы обезпечить ей средства къ жизни, онъ открылъ на ея имя фотографію въ Бельвилѣ, помогъ ей оба-

вестись всемъ необходимымъ и часто прѣзжалъ къ ней, помогая ей работать и выдавая себя, передъ сосѣдами Леониды, за ея мужа. Эта семейная жизнь на двухъ различныхъ концахъ Парижа вскорѣ однако была нарушена трагическимъ событіемъ. Шуринокъ фотографа узналъ какъ-то о бельвильской фотографіи, увидѣлъ Леониду и разсказалъ своей сестрѣ о продѣлкахъ ея мужа. Та, распросивъ обо всемъ, не исключая адреса соперницы, объявила брату, что тотчасъ же ѣдетъ отомстить ей и схватила изъ склада химическихъ препаратовъ склянку съ сѣрной кислотой. Братъ испугался ея возбужденнаго состоянія и рѣшился не оставлять ее. Когда они вошли въ бельвильскую фотографію, Леонида работала надъ обмываніемъ негативовъ, а мужъ-измѣнникъ помогалъ ей. Раздраженная сумруга, не говоря ни слова, выхватила склянку и брызнула кислоту въ лицо Леониды. Та съ громкимъ крикомъ сдѣлала невольное движеніе въ сторону и на ея щеки и лобъ попало только нѣсколько капель кислоты. Мужъ бросился, чтобы удержать свою жену, но его схватилъ шуринокъ и между ними началась борьба. Въ это время Леонида, въ бѣшенствѣ отъ боли, схватила склянку съ купоросомъ, которымъ обмывала пластинки и также плеснула имъ въ лицо соперницы. Но та была сильнѣе и ловчѣе Леониды и, уклонившись отъ брызговъ, бросилась на нее, вырвала у нее изъ рукъ почти полную склянку, опрокинула несчастную на полъ, разорвала на ней платье и начала поливать купоросомъ обнаженную грудь и плечи соперницы. Несчастливая, сжигаемая кислотой, страшно кричала; мужъ, сдерживаемый шуриномъ, звалъ на помощь, и сбѣжавшимся людямъ удалось наконецъ вырвать жертву изъ рукъ разсвирѣпѣвшей женщины въ ту минуту, какъ она старалась влить купоросъ въ глаза Леониды, чтобы ослѣпить ее. Исторія эта, прозванная «дуэль на купоросѣ» надѣлала много шума. Долгое время нельзя было производить слѣдствія, такъ какъ Леонида была между жизнью и смертью. Все тѣло ея носило слѣды страшныхъ обжоговъ, очень долго не позволявшихъ снять съ нея показанія. Мужъ, не желая обвинять жену, главную вину сваливалъ на ея брата. По предварительному слѣдствію, обвиненіе падало въ равной степени на сестру, какъ и на брата, но когда начались судебныя пренія, сестра приняла всю вину на себя. Въ процессѣ эта жестокая, энергичская женщина играла главную роль, представляя рѣзкій контрастъ съ своею жертвою, еще не оправившеюся отъ обезобразившихъ ее ранъ и дававшей отвѣты едва слышнымъ голосомъ, въ то время, какъ показанія ея палача, рѣзкія и циничныя, громко раздавались въ залѣ суда. Приговоръ былъ очень мягокъ, братъ объявленъ невиновнымъ; супруги должны были выдавать пожизненное содержаніе обезображенной Леонидѣ. Жену, несмотря на ея звѣрскій поступокъ, всѣ считали героинею, потому что она отстаивала свои семейныя права. Къ мужу всѣ стесались съ презрѣніемъ. Пра-

вительственныя власти обратили вниманіе на то, что фотографія, какъ и другія техническія занятія, даетъ сильныя орудія истребленія въ руки людей, которые могутъ злоупотреблять этимъ. Газеты начали говорить о необходимости гарантій въ подобныхъ случаяхъ, но въ это же время случилось еще одно происшествіе, доказавшее, какъ трудно найти такія гарантіи. Дангистъ въ пассажѣ Веро-Дода хлороформировалъ свою хорошенькую сосѣдку, пришедшую къ нему просить средства отъ зубной боли—и совершилъ надъ нею возмутительное насиліе. Его судили, отправили въ каторгу, но нельзя же было запретить употребленіе хлороформа при операціяхъ или разъѣдающихъ кислотъ въ фотографіи. Вѣдь и простымъ ножомъ можно совершить убійство, а сѣрной спичкой поджечь домъ.

Вл. Зотовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Духовное образование и духовная литература въ Россіи при
Петрѣ Великомъ. Исслѣдованіе Александра Архангельскаго.
Казань. 1883 г.

РУКОВОДИТЕЛЕМЪ духовнаго просвѣщенія на Руси при Петрѣ Великомъ былъ знаменитый архіепископъ новгородскій Теофанъ Прокоповичъ, составитель «Духовнаго Регламента», въ которомъ онъ отвѣлъ значительное мѣсто вопросу и объ образованіи православнаго духовенства въ Россіи. По словамъ г. Архангельскаго, Теофанъ хотѣлъ воспитать въ православномъ русскомъ пастырѣ критическій взглядъ на науку и на окружающую ее жизнь вообще, развить въ немъ самостоятельность мышленія на столько, чтобы еще въ школѣ онъ провѣрялъ слова учителя по источникамъ, изъ которыхъ тотъ заимствовалъ свои свѣдѣнія, на столько, чтобы онъ, возвратясь въ семью и общество, не подчинялся бы, по старой памяти, ихъ вліянію, ихъ застарѣвшимъ заблужденіямъ и предрасудкамъ. «Теофанъ,—говоритъ далѣе г. Архангельскій—хотѣлъ воспитать въ православномъ пастырѣ разумнаго цѣнителя и защитника дѣлъ Петра Великаго, охватывавшихъ всю обширную область гражданскаго и церковнаго существованія русскаго государства—хотѣлъ воспитать серьезнаго ученаго, всегда готоваго отстоять свои убѣжденія не съ помощью формальной наворотливости ума и ловкой фразы, а смѣлою положительнаго знанія, основаннаго на неотразимыхъ фактахъ; короче сказать, хотѣлъ воспитать просвѣщеннаго пастыря и учителя церкви и образованнаго члена общества».

До сихъ поръ у насъ на Прокоповича смотрятъ какъ на приверженца западной, господствовавшей въ то время, схоластики, но г. Архангельскій опровергаетъ такое мнѣніе, какъ ошибочное, и говоритъ, что рѣзкое слово

противъ схоластики принадлежало у насъ собственно Теофану, чувствовавшему необходимость новаго идеала образованія для русскаго пастыря, и что передъ его идеаломъ тѣ идеалы, которые съ одной стороны рисовалъ самоучка Посошковъ, а съ другой и тѣ идеалы, къ которымъ стремилась южно-русская православная школа, начавшая въ исходѣ XVII вѣка водворяться и въ московской Руси, оказываются неудовлетворительными. Южно-русскія школы заботились главнымъ образомъ о подготовкѣ хорошихъ борцовъ за православіе противъ католичества, а Посошковъ желалъ видѣть въ православно-русскомъ священникѣ только защитника противъ современныхъ ему, Посошкова, раскола и протестантства, а также видѣть въ немъ и народнаго учителя.

Въ необходимости устройства «училищныхъ домовъ», по своей мысли, Теофанъ убѣждалъ своихъ современниковъ указаніемъ на несостоятельность тѣхъ доводовъ, которые, по старо-московской привычкѣ, не переставали выдвигать русскіе противъ образованія и во дни Петра Великаго. «Когда нѣтъ свѣта ученія—пишетъ Прокоповичъ въ предисловіи къ своему проекту объ училищахъ,—нельзя быть церкви доброму поведенію и нельзя не быть настроенію и многимъ, смѣха достойнымъ, суевѣріямъ. Еще же раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ». Мнѣнія свои этотъ ученый богословъ подтверждалъ многими примѣрами изъ гражданской и церковной исторіи. Вместе съ тѣмъ онъ требовалъ, чтобы ученіе было не поверхностное, а основательное, замѣчая, что «вкусившіе привидѣннаго и мечтательнаго ученія» бываютъ глупѣе и вреднѣе неученыхъ, «ибо весьма темни суще мнѣть себѣ быть совершенныхъ и помышляя, что все, что-либо знать можно, познали, не хотѣть; но ниже думаютъ честь книги и больше учиться». Такіе люди, по мнѣнію Теофана, были вредны и для церкви, и для государства. Прокоповичъ былъ недоволенъ программю преподаванія въ Киевской академіи и примѣнилъ ее къ потребностямъ Великой Россіи, многое онъ измѣнилъ, а также дополнилъ или сократилъ. Въ особенности замѣчательна была его программа по богословію. Цѣль ея была—разрушить авторитетъ римско-католическихъ богослововъ, считавшихся образцовыми въ Киевской коллегіи и перенесшихъ въ Московскую академію. Программы Теофана по богословію придерживались у насъ въ теченіи полустолѣтія. При школѣ, учреждаемой по «Регламенту», должна была быть бібліотека, такъ какъ, по словамъ составителя «Регламента», академія безъ бібліотеки была бы то же самое, что тѣло безъ души.

«Чтобы,—такъ говоритъ дальше Прокоповичъ,—вмѣсто чайной пользы (отъ школы) не получилась тщета, смѣха достойная», нужно постановить строгія правила относительно приѣма учениковъ и учителей, а также относительно обязанностей ректора и профессоровъ академіи, а для усиленнаго надъ нею надзора, въ нее допускались и «фискалы». На должность ректора Теофанъ предлагалъ назначать людей хотя и неученыхъ, но «собою честнаго житія, но весьма свѣрѣпыхъ и не меланхоликовъ». Префектъ могъ наказывать нарушителей порядка—«малыхъ розгою, а большихъ—словомъ укорительнымъ»; на непослушныхъ онъ обязанъ былъ доносить ректору, представлявшему собою въ академіи такую верховную власть, «которая, по разсужденію, великимъ наказаніемъ могла наказывать».

По «Регламенту» духовная школа должна была быть вполнѣ закрытымъ заведеніемъ и, по существующимъ въ ней порядкамъ, уподобиться мона-

стырю. При академіи предложено было устроить «семинаріумъ», т. е. общежительное заведеніе. Въ этой семинаріи и должны были жить воспитанники, раздѣленные по возрастамъ: «большіе въ единой, средніе въ другой, малые въ третьей казѣ». Воспитанниковъ не слѣдовало нигуда выпускать изъ семинаріи ранѣе трехъ лѣтъ по ихъ поступленіи, да и послѣ того можно было отпускать не болѣе двухъ разъ въ теченіе года, и то не иначе, какъ подъ надзоромъ «инспектора или наблюдателя», который, въ свою очередь, за потворства сопровождаемому имъ ученику подвергался бы «горядому наказанію». Феоданъ озаботился и объ удобномъ помѣщеніи воспитанниковъ, и о соблюденіи, во всѣхъ распорядкахъ, должнаго благочестія, такъ, чтобы ученики принимались за каждое дѣло въ урочный часъ. Онъ находилъ нужнымъ ввести между ними упражненіе въ играхъ «честныхъ и тѣлодвижныхъ» и два разъ въ годъ, или даже болѣе, дозволить въ академіи «нѣкія акціи, диспуты и риторскія экзерциціи». При столѣ семинаристовъ въ великіе праздникі допускаясь музыка вокальная и инструментальная. Для желающихъ учиться ей предполагалось нанимать особаго «мастера» по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока нельзя будетъ найти учителя изъ самихъ школьничковъ.

Но всѣмъ этимъ предположеніямъ Прокоповича не суждено было осуществиться и даже программа Киевской коллегии была привѣнена только къ Московской академіи и Новгородской школѣ, которая при Петрѣ Великомъ пользовалась большою славой и въ нее Петръ посылалъ учиться сыновей самыхъ знатныхъ сановниковъ и дворянъ. Съ своей стороны духовенство того времени старалось, какъ можно болѣе, обособиться отъ свѣтскихъ, такъ называвшихся «цифирныхъ» школъ, которыя сталъ учреждать Петръ Великій съ 1714 года. Въ виду такой, начавшейся борьбы между духовнымъ и свѣтскимъ образованіемъ, и мѣры государя по части народнаго просвѣщенія отличались колебаніемъ и нерѣшительностью, а съ своей стороны духовенство, пользуясь этимъ, все болѣе и болѣе обособлялось по своему образованію отъ другихъ сословій. Между тѣмъ Петръ требовалъ образованія отъ духовенства и неоднократно своими указами подтверждалъ, чтобы архіереи были разборчивы при оцѣнкѣ знаній ставленниковъ, а въ 1718 году состоялся указъ не только объ обязательномъ поступленіи дѣтей всѣхъ священно-церковно-служителей въ училища, но и объ окончаніи въ нихъ полнаго курса. Въ то же время дворянамъ воспрещено было учиться въ духовныхъ школахъ, безъ особаго на то разрѣшенія со стороны правительственныхъ властей. За нарушеніе этого указа Петръ грозилъ не только большимъ денежнымъ штрафомъ, но даже и трехлѣтнею ссылкой на галеры или въ каторжную работу.

Съ учрежденіемъ св. синода это высшее церковное управленіе устроило въ 1721 году при себѣ особую контору, въ которую должна была поступать два раза въ годъ отчетность о состояніи епархіальныхъ училищъ и при этомъ возбуждалъ чрезвычайно важный вопросъ о томъ, откуда брать для этихъ школъ наставниковъ? Этотъ вопросъ, въ виду недостатка лицъ, пригодныхъ для учительствованія, разрѣшился тѣмъ, что въ учителя можно было брать людей простаго, здраваго смысла, которые тѣмъ временемъ сами бы учились «отъ авторовъ въ дѣлѣ томъ искусныхъ», а за тѣмъ синодъ постановилъ еще болѣе строжайшія мѣры, предписавъ, чтобы «впредь никто немуществомъ учителей не отговаривался», и разрѣшилъ вмѣстѣ съ

тѣмъ выбирать въ учителя «вѣзъ подъячкихъ или поповскихъ дѣтей остроумныхъ и къ книжному учению искусныхъ отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ, для каждой школы трехъ человекъ, и посылать ихъ въ Новгородъ учиться. Но само духовенство не признавало пользы отъ ученія и не хотѣло посылать дѣтей въ училище, да кромѣ того и правительство, ссылаясь на то, что духовенство богато, не отпускало вовсе денегъ на духовныя училища. Учениками сильно тогда дорожили, такъ что изъ училища исключался только «дѣтина непобѣдимой злобы», послѣ всевозможныхъ отсрочекъ на исправленіе, наезданій и наказаній. Духовныя лица отыскивались, что имъ «легче было умереть, нежели смотрѣть, какъ дѣтей въ семинарію на науку отбирають» ѣздившіе по епархіямъ заващики и рассыльные. Особенно тогдашніе педагоги надѣялись на пользу отъ закрытыхъ заведеній, полагая, что «дѣтя еще и тигръ, ангельскую тамо восприметь кротость на ся».

Система обученія въ духовныхъ школахъ была избрана самая неудачная, такъ какъ тамъ самыя простѣйшія яванія старались передать въ мудрейшей, непонятной формѣ. Къ этому способу обученія добавлялись: жестокія сѣченія въ двѣ, три и даже въ четыре ломя, побоемъ по головамъ и по рукамъ линейкой и книгой, наказанія плеткой, голодомъ. Учителя посылали учениковъ лѣтомъ въ лѣсъ по ягоды и по грибы, а зимою за дровами верста за десять, два на два, на три. Впрочемъ, не смотря на всѣ недостатки тогдашнихъ духовныхъ школъ, попытка Петра Великаго завести ихъ была чрезвычайно важнымъ починомъ въ дѣлѣ просвѣщенія нашего духовенства.

Отъ описанія тогдашнихъ школъ г. Архангельскій переходитъ къ разсмотрѣнію духовной литературы при Петрѣ Великомъ. Онъ указываетъ на то, что въ Москвѣ прежде никакихъ учебниковъ не было, а изъ Кіева по этой части можно было позаимствоваться весьма немногимъ. Авторами учебниковъ явились при Петрѣ наставники двухъ академій—Кіевской и Московской. Они принялись за составленіе буквварей, грамматикъ и словарей греческихъ и латинскихъ. Въ 1704 году былъ напечатанъ «Букварь языко-словеска, сирѣчь начало ученія дѣтямъ, хотящимъ учиться чтенію и писанію». Полагають, что предисловіе къ этому букварю, наполненное насмѣшками надъ неучами, написано по указанію Петра Великаго. Какъ руководство для общаго развитія учащихся, заслуживаетъ вниманія составленное Прокоповичемъ «Первое ученіе отрокамъ» въ 1720 году, а въ слѣдующемъ году появилась «Грамматика славянская», составленная Поликарповымъ. Появился также и латино-славянскій лексиконъ, составленный архіепископомъ черниговскимъ Іоанномъ Максимовичемъ. Для изученія логики, реторики, логики, психологіи и физики печатныхъ руководствъ не было. Всѣ эти предметы преподавались въ Московской академіи на греческомъ языкѣ, по методу Аристотеля. Что касается богословія, то оно стало у насъ наукой только при Петрѣ Великомъ, благодаря ученымъ трудамъ Феофана Прокоповича. Онъ же положилъ начало и апологитическому богословію. Полемическо-богословская литература была направлена при Петрѣ Великомъ частію противъ русскихъ еретиковъ и, преимущественно, противъ протестантовъ. При этомъ очень много заимствовалось у католическихъ богослововъ, преимущественно у Веллармина. Вообще же полемическо-богословскія сочиненія того времени отличаются схоластическими препирательствами.

Проповѣдическая литература временъ Петра Великаго ясно отражаетъ на себѣ слѣды тогдашней общественной жизни, не мало въ ней встрѣчается

и политической завески, такъ какъ духовнымъ проповѣдникамъ приходилось объяснять и примирять образъ дѣйствій государя съ присущими русскому народу понятіями. И въ этой отрасли литературы главнымъ преобразователемъ выступилъ Теофанъ Прокоповичъ, сдѣлавшій рѣшительный шагъ къ освобожденію ея отъ схоластическихъ стѣсненностей и сблизивъ ее съ жизнью, нуждами слушателей и потребностями времени. Онъ же ввелъ въ обличительныя проповѣди сатирической оттѣнокъ. Къ извѣстнымъ проповѣдникамъ временъ Петра, кромѣ Теофана и Стефана Яворскаго, слѣдуетъ причислить еще Гавріила Вужинскаго, Симона Кохановскаго и Теофила Кролика.

Въ дополненіе къ сказанному здѣсь о духовно-литературной дѣятельности во время Петра Великаго, слѣдуетъ замѣтить, что при немъ стали появляться и нравственно-назидательныя и толковательныя сочиненія. Нѣкоторыя изъ нихъ были написаны виршами.

Мы не могли, конечно, представить во всей полнотѣ и всѣхъ подробностяхъ содержаніе изслѣдованія г. Архангельскаго, но вообще можемъ замѣтить, что желающіе познакомиться съ вопросомъ о духовномъ образованіи и о духовной литературѣ въ Россіи въ началѣ прошлаго вѣка найдутъ въ этомъ добросовѣстномъ и толковомъ изслѣдованіи не мало свѣдѣній по означенному вопросу.

Е. Н. В.

Живописная Россія. Томъ одиннадцатый. Западная Сибирь. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Подъ общей редакціей П. П. Семенова. Спб., 1884 г.

Торговое и промышленное товарищество М. О. Вольфъ выпустило еще одинъ томъ предпринятаго его покойнымъ основателемъ изданія «Живописная Россія». Этотъ томъ (XI), заключающій въ себѣ описаніе Западной Сибири, отличается тѣми же достоинствами и недостатками, какъ и предыдущіе томы. Текстъ его, составленный извѣстными специалистами и знатоками Сибири, гг. Радловымъ, Потанинымъ, Ядринцевымъ, Латкинымъ, Поляковымъ и др., знакомитъ читателя довольно полно и разносторонно съ этой отдаленной и до сихъ поръ все еще мало изслѣдованной областью нашего отечества. Но за то рисунки, очевидно, собранные случайно, безъ всякой системы и провѣрки, безъ указанія источника, откуда они заимствованы, не только не дополняютъ и не объясняютъ текста, но не рѣдко ему противорѣчатъ; притомъ же, многіе изъ нихъ исполнены крайне неудовлетворительно. Небрежность относительно рисунковъ доходитъ даже до того, что извѣстный въ Сибири «Кучумовъ оврагъ» воспроизведенъ на стр. 4 съ подписью «Крѣпость (?) Ермака», а на стр. 32 этотъ же самый рисунокъ повторенъ, но уже съ подписью «Видъ оврага (?)»; на стр. 36 помѣщенъ «Видъ памятника Ермаку въ Тобольскѣ», а на стр. 72 онъ, неизвѣстно для чего, помѣщенъ вторично, съ другой подписью «Садъ около памятника Ермаку», хотя на рисункѣ нѣтъ никакого сада, и т. д. Подробный разборъ художественной части «Живописной Россіи» и указанія на многочисленные пробѣлы и промахи въ ней допущенные, заняли бы слишкомъ много мѣста, а потому мы возьмемъ для примѣра лишь одну статью «Историческіе ссыльные въ Березовѣ и Пелымѣ». Къ

ней приложены слѣдующіе рисунки: виды Березовскаго собора и могилы Остермана, портретъ его и портреты Меншикова, Вирона и Миника. Издатели, какъ будто нарочно, выбрали для воспроизведенія самыя плохіе и почти завѣдомо выдуманныя портреты названныхъ лицъ, тогда какъ существуютъ, доступныя для каждаго, фотографическіе снимки съ превосходнаго портрета Меншикова, уже въ старости, принадлежащаго его прямому потомку, князю В. А. Меншикову, и съ наиболѣе схожаго изображенія Вирона, писаннаго съ натуры въ царствованіе Анны Іоанновны и составляющаго теперь собственность барона Бюлера; хорошій оттискъ портрета старика Миника, гравированнаго вскорѣ послѣ возвращенія его изъ Пелымской ссылки извѣстнымъ Чемесовымъ, можно во всякое время купить за нѣсколько копѣекъ въ академіи художествъ. Не представляло ни малѣйшихъ затрудненій достать снимки съ подлинныхъ портретовъ и другихъ замѣчательныхъ съмыслныхъ, воспроизведеніе которыхъ было бы очень кстати, именно: двухъ невѣстъ императора Петра II, княженъ М. А. Меншиковой и Е. А. Долгоруковой, и его фаворита, князя И. А. Долгорукова (портреты эти, помимо «Альбома русскихъ историческихъ дѣятелей» г. Лужева, были воспроизведены въ «Древней и Новой Россіи» и «Русской Старинѣ»). Кроме того, въ изданномъ, въ 1865 году, Пекарскимъ, «Путешествіи академика Деллеля въ Березовъ, въ 1741 году» находятся двѣ чрезвычайно интересныя копии-факсимиле съ современныхъ Меншикову и Долгорукинымъ видовъ Березова, рисованныхъ съ натуры самимъ Деллелемъ, гдѣ, между прочимъ, изображенъ острогъ, въ которомъ содержались политическіе арестанты, церковь, построенная руками Меншикова, и другія зданія, нынѣ не существующія и давно уничтоженныя или временемъ, или пожарами. Но издатели и редакторъ «Живописной Россіи» не потрудились поискать для своего изданія достойныхъ рисунковъ, или, по крайней мѣрѣ, посоветоваться относительно ихъ съ людьми знающими; они довольствовались тѣмъ, что попадалось подъ руку и что можно было приобрести подешевле и безъ хлопотъ. Намъ могутъ замѣтить, что мы слишкомъ требовательны; но, вѣдь, товарищество М. О. Вольфъ желаетъ получить за «Живописную Россію» ни больше, ни меньше, какъ 150 рублей, и всякій, кто рѣшится заплатить столь огромную цѣну, вправдѣ требуетъ, чтобы ему дали за эти деньги, если не безукоризненное, то хоть добросовѣстное изданіе.

С. III.

Сочиненія Павла Якушкина. Изданіе В. Михневича. Спб. 1884.

Въ послѣднее время, когда чаще прежняго, въ литературѣ нашей, начали появляться толки о самобытности и народности, на произведенія нашихъ народниковъ стали обращать больше вниманія. Въ числѣ ихъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ безспорно Павелъ Ивановичъ Якушкинъ,—писатель весьма оригинальный и вполне самобытный, по отношенію къ изслѣдованію и описанію русскаго народа. Огромный томъ въ 800 стр. слишкомъ, изданный г. Михневичемъ, заключаетъ въ себѣ все, что написалъ и издалъ этотъ безспорно даровитый человекъ, хотя и не создавшій ничего особенно выдающагося. Въ небольшомъ предисловіи г. Михневичъ очень вѣрно оцѣниваетъ значеніе Якушкина въ литературѣ и излагаетъ причины изданія его сочиненій. Якушкинъ первый изъ русскихъ писателей пошелъ въ

народъ для изученія его, посвятилъ всю жизнь этому изученію, и дѣйствительно зналъ народъ, какъ у насъ знаютъ его немногіе. Все, что онъ написалъ, дышетъ правдой, искренностью и какимъ-то эпическимъ простодушіемъ. Его наблюденія всегда живы, всегда чужды натяжки и предвзятой окраски. Это—безхитростные, непосредственные снимки съ народныхъ возрѣній, нравовъ и обычаевъ. Написалъ онъ немного: семь небольшихъ разсказовъ, нѣсколько путевыхъ писемъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, да собралъ нѣсколько народныхъ пѣсень. Но все это проникнуто такимъ чисто народнымъ духомъ, заключаетъ въ себѣ столько оригинальнаго, что должно быть сохранено въ исторіи литературы. Мужика изображали у насъ многіе высокодаровитые писатели, начиная съ сороковыхъ годовъ. Григоровичъ первый взглянулъ на мужика, какъ на человѣка, Тургеневъ, какъ на члена общества, Писемскій изслѣдовалъ его какъ реальность, А. Потѣхинъ какъ психологъ. Якушкинъ отнесся къ народу безъ малѣйшей идеализаціи, безъ предубѣжденія образованныхъ классовъ, съ точки зрѣнія самого народа. Не смотря на свое дворянское происхожденіе и образованіе, полученное въ московскомъ университетѣ, Якушкинъ сдѣлался настоящимъ мужикомъ, не только по своему возрѣнію на народъ, но по языку, по привычкамъ, и даже по наружности. Это была въ высшей степени оригинальная и эксцентричная личность, и изученію этой личности посвящено двѣнадцать статей воспоминаній о покойномъ писателѣ. Статьи эти принадлежатъ его собратамъ: С. Максимова, Н. Курочкину, Н. Лѣскову, П. Воборыкину, П. Вейнбергу, И. Горбунову, Н. Лейкину, В. Португалову, Д. Минаеву, А. Иванову, В. Никитину и С. Турбинну. Изъ всѣхъ этихъ очерковъ создается полный, характеристичный типъ Якушкина. Главною чертою его была дѣтская кротость и безпримѣрное неалобіе. Судилъ онъ обо всемъ честно, но въ поступкахъ другихъ людей часто не умѣлъ различать добра и зла. Къ направленіямъ внутренней и внѣшней политики онъ относился вполне равнодушно. Его интересовалъ одинъ народъ, но онъ не считалъ себя его учителемъ и апостоломъ, не изрекалъ приговоровъ именовъ народа, не создавалъ изъ него какого-то всечеловѣка. Слабости его были тѣ же, какъ и у народа, и были также причиною его преждевременной смерти. Теперь въ сочиненіяхъ, собранныхъ г. Михневичемъ, читатель знакомится во всѣхъ отношеніяхъ съ этимъ талантливымъ писателемъ и честнымъ, хотя слабымъ человѣкомъ. Г. Михневичу литература должна быть благодарна за то, что онъ своимъ изданіемъ сочиненій Якушкина исполнилъ собраніе сочиненій нашихъ народниковъ. Теперь, когда издаются уже сочиненія Глѣба Успенскаго и обѣщаютъ издать собраніе трудовъ Левитова, мы будемъ имѣть довольно полную коллекцію всего, что писано у насъ о русскомъ народѣ.

В. З.

Архивъ князя Воронцова. Книга 29-я. Москва. 1883 г.

Мы уже неоднократно указывали на это общепользное историческое изданіе. Нынѣ вышедшій томъ содержитъ въ себѣ менѣе своихъ предшественниковъ любопытныхъ данныхъ, имѣющихъ всеобщій интересъ. Двадцать девятая книга наполнена письмами на французскомъ языкѣ иностранцевъ къ графамъ Воронцовымъ, именно письма Пакте, Лаферьера (состоявшаго при наслѣдникѣ великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ и его супругѣ великой

княгини Маріи Феодоровны и сопровождавшаго ихъ во время путешествія по Европѣ); Даламбера, Уилліама Пюта, Рейфенштейна (прозваннаго Екатериною II «божественнымъ», известнаго знатока и любителя изящныхъ искусствъ); испанца Миранды, Ламбро-Кочиони (знаменитаго греческаго морехода, грозы турокъ), Костюшки, лорда Вотворта (англійскаго посла въ Петербургѣ), графа Іосифа Местра, генерала Гедувиля (посланника французской республики при императорѣ Александрѣ I); два письма астронома Делиля къ неизвестному лицу, письмо г-жи Сталь къ Татищеву; длинное письмо графа Семена Романовича Воронцова къ Льву Алексѣевичу Яковлеву (бывшему русскимъ посланникомъ при королѣ Іеронимѣ Бонапарте, а затѣмъ, при Николаѣ I, сенаторомъ въ Москвѣ), въ которомъ графъ Воронцовъ проситъ его прекратить ухаживаніе за его дочерью и посѣщать его домъ, такъ какъ дочь не можетъ выйти за него замужъ, и нѣкоторыя еще письма. Многіе мелочные факты въ этихъ 127 письмахъ, сами по себѣ интересные, не вознаграждаютъ читателя за трудъ прочтенія всего тома въ 484 страницы. По нашему мнѣнію, было бы полезнѣе сдѣлать изъ нихъ лишь краткія извлеченія. Только нѣкоторыя письма, напримѣръ, Пакте или Пиктета (онъ былъ швейцарецъ) о финансахъ Англіи, о Питтѣ, о законодательствѣ о несостоятельныхъ, о французской революціи (последнее письмо на 80 страницахъ), заслуживали быть помѣщенными вполнѣ. Даже въ письмахъ Лаферьера о поѣздкѣ графа Сѣвернаго и его супруги по Европѣ очень мало интереснаго.

Напечатанная въ концѣ 29-го тома, записка графа Александра Романовича Воронцова, представленная имъ въ концѣ 1801 года императору Александру Павловичу, выкупаетъ отчасти безсодержательность большей части остальнаго матеріала, сообщеннаго въ этой книжкѣ. Записка была составлена графомъ Воронцовымъ по вступленіи имъ въ должность государственнаго канцлера. Она отличается сжатымъ, но крайне правдивымъ, взглядомъ на предшествовавшія царствованія въ Россіи послѣ Петра Великаго и предлагаетъ разныя мѣры, которыми можно было бы исправить, по мнѣнію канцлера, многіе промахи въ управленіи государствомъ, совершенныя до вступленія на престолъ Александра I.

Въ заключеніе въ означенной книжкѣ помѣщена поименная роспись чиновникамъ, которые управляли въ Россіи посольскимъ приказомъ, а потомъ коллегією иностранныхъ дѣлъ.

II. У.

Возраженіе на рѣчь Эрнеста Ренана „Исламъ и наука“ петербургскаго магометанскаго ахуна Атаула Ваяитова. Спб. 1884.

Брошюра, написанная магометанскимъ духовнымъ лицомъ по поводу рѣчи знаменитаго европейскаго ученаго, принадлежитъ къ такимъ рѣдкимъ явленіямъ въ книжномъ дѣлѣ, что объ ней нельзя не сказать нѣсколько словъ. Рѣчь Ренана, произнесенная имъ въ прошломъ году, произвела большое впечатлѣніе, и тогда же явилась на русскомъ языкѣ, въ переводѣ г. Ведрова. Въ рѣчи этой противникъ христіанства произнесъ и надъ магометанствомъ строгій приговоръ. Противъ этого приговора вооружился г. Атаулъ Ваяитовъ, разобравшій критически исключительныя мнѣнія Ренана объ

исламъ, указавшій на многія противорѣчія въ приговорѣ ученаго, и краснорѣчиво доказывающій, что религія Магомета—одна изъ самыхъ рациональныхъ богословскихъ системъ, доступныхъ человѣческому уму, въ различныхъ степеняхъ его развитія. Почтенный ахунъ признаетъ магометанское ученіе обязательнымъ для его поклонниковъ, не потому только, что оно носитъ отпечатокъ откровенія свыше, но главнымъ образомъ потому, что, въ основныхъ положеніяхъ, религія эта не противорѣчитъ логикѣ, здравому мышленію, и не боится свѣта науки. Прежде всего, авторъ справедливо замѣчаетъ, что Ренанъ, говоря объ отношеніяхъ ислама къ наукѣ, не излагаетъ основъ этого ученія по письменнымъ документамъ, и аналитическому способу сужденія предпочелъ синтетическій, вывода заключеніе, что исламъ относится враждебно къ рациональной наукѣ. Эти выводы Ренана, не основательные и оскорбительные для ислама, авторъ опровергаетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ рѣчи Ренана, который дѣйствительно не приводитъ догматовъ ислама, послужившихъ основаніемъ приписать этой религіи тотъ умственный застои, въ культурномъ прогрессѣ, который Ренанъ замѣтилъ въ мусульманскомъ мірѣ. Приписывать враждебное отношеніе ислама къ наукѣ, на основаніи двухъ-трехъ единичныхъ явленій, также не логично, какъ на основаніи фактовъ безнравственности, существовавшихъ въ христіанствѣ, выводитъ заключеніе, что христіанская религія враждебно относится къ нравственности. Не принадлежа къ числу ориенталистовъ, мы не можемъ конечно судить о томъ, въ какой степени документальны цитаты, приводимыя авторомъ въ подтвержденіе его мнѣнія, что исламъ не враждебенъ наукѣ; но соглашаясь съ тѣмъ, что человѣчество стремится къ объединенію науки и религіи, не можемъ утверждать, какъ это дѣлаетъ авторъ, что безъ религіи нѣтъ и истинной науки. Вообще, брошюра г. Вазытова проникнута глубокой религіозностью, какою не часто встрѣтишь и въ сочиненіяхъ христіанскихъ авторовъ.

Лбн.

Петербургскій Некрополь, или справочный историческій указатель лицъ, родившихся въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, по надгробнымъ надписямъ александровской лавры и упраздненныхъ петербургскихъ кладбищъ. Составилъ Владиміръ Самтовъ. Москва, 1888 г.

Кладбища—эти такъ называемыя «нивы божи» не представляютъ собою картины того равенства, какое устанавливаетъ смерть собственно въ отношеніи каждаго человѣка, какъ бы ни было высоко при жизни его общественное положеніе. Не только богатые памятники и въ противоположность имъ ветхіе деревянные кресты, не только установленные на кладбищахъ разряды, смотря по дѣятели могилъ, но и кладбища сами по себѣ раздѣляются и по породѣ погребаемыхъ и по денежнымъ средствамъ этихъ послѣднихъ, на кладбища аристократическія, средней руки и простонародныя демократическія. Самымъ аристократическимъ во всей Руси кладбищемъ можно считать кладбище Донскаго монастыря въ Москвѣ. Существующіе на немъ памятники испещрены родовыми прованіями древняго московскаго боярства и знатныхъ особъ прошлаго вѣка.

Даже, громкія въ русской торговлѣ, провинца московскаго купечества встрѣчаются очень рѣдко на памятникахъ, поставленныхъ на этомъ кладбищѣ, которое оказывается почти исключительно усыпальницею русской аристократіи. Въ Петербургѣ такому аристократическому значенію московско-донскаго кладбища соответствуетъ кладбище александровской лавры, но на этомъ кладбищѣ рядомъ «съ аристократическими персонами» улеглось не мало покойниковъ и изъ «первостатейнаго купечества». Конечно, голый переченьъ тѣхъ смертныхъ, которые одновременно переселились туда на вѣчный покой, былъ бы совершенно бесполезенъ даже для самыхъ ярыхъ любителей старины, но съ нѣкоторыми прибавками переченьъ этотъ можетъ имѣть своего рода любопытную сторону и даже входить при нѣкоторыхъ случаяхъ въ число историческо-справочныхъ источниковъ.

Извѣстно, что всюду есть много такихъ людей, которые любятъ бродить по кладбищамъ и, прочитывая надгробныя надписи, размышлять о суетѣ мірской, но на ряду съ такими любителями посѣщаютъ порою кладбища и такіе люди, которые прискиваютъ тамъ для себя какъ бы научную работу и къ числу такихъ людей принадлежитъ г. Владиміръ Сантовъ, издавшій въ видѣ приложения къ «Русскому Архиву» довольно объемистую книжку подъ заглавіемъ «Петербургскій Некрополь». Въ составъ его входятъ, кромѣ лаврскихъ кладбищъ, и упраздненные нынѣ петербургскія. Почтенный составитель этого кропотливаго труда не можетъ нисколько обидѣться, если ему прямо, безъ всякихъ обиняковъ, скажутъ, что книжка его не найдетъ ни читателей, ни газетныхъ ни журнальныхъ критиковъ. Такое свойство книжки зависитъ отъ самого ея содержанія. Тѣмъ не менѣе однако, внесенными въ нее указаніями и свѣдѣніями можно воспользоваться отчасти какъ наданіемъ, принадлежащимъ къ области русской исторіи. Самое названіе ея «Некрополь» заимствованное изъ греческаго языка и означющее по-русски «мертвый городъ» не совсѣмъ удобопонятно для большинства только взглянувшихъ на эту книгу, но изъ другаго, дополнительнаго, ея заглавія оказывается, что книжка г. Сантова—справочный указатель лицъ, родившихся въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, составленный по надгробнымъ надписямъ александровской лавры и упраздненныхъ петербургскихъ кладбищъ. Подъ этими послѣдними у г. Сантова подразумеваются кладбища бывшія при церквяхъ: Благовѣщенія въ 8-й линіи Васильевскаго острова; Воздвиженія въ Ямской; Преображенія на Петербургской сторонѣ, и Самсона Страннопримца на Выборгской сторонѣ и холерное кладбище въ той же мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Куликово поле. Впрочемъ, упраздненные кладбища не давали г. Сантову почти никакой пользы, за исключеніемъ развѣ трехъ могилъ: Волынскаго, Еропкина и Хруцова, обезглавленныхъ во время господства Бирона.

Слѣдуетъ также замѣтить, что кладбища, по встрѣчающимся на нихъ надгробнымъ надписямъ, имѣютъ свою литературу, но что литература этого рода съ годами все болѣе и болѣе слабѣетъ, сокращается въ объемѣ своихъ произведеній и даже вымираетъ, въ особенности на аристократическихъ кладбищахъ: здѣсь все рѣже и рѣже начинаютъ появляться на надгробныхъ памятникахъ не только стихотворенія, но и велегрѣчиво составленныя надписи въ прозѣ. Исчезаютъ также и тѣ подробности, по которымъ иногда можно было бы навести историческую справку. Въ былое время въ такой надписи означалось подробно званіе погребеннаго, его титулы, чины, имѣ-

шлось у него ордена, начиная съ самыхъ высшихъ знаковъ отличія и кончая даже «пращкой», или «знакомъ отличія безпорочной службы», за известное число лѣтъ. Оставляются также безъ употребленія и старинныя прежде весьма употребительныя вступительныя формулы, какъ-то: «Лѣта таково-то въ такой день таково-то мѣсяца», «во имя Отца и Сына и Святаго Духа» или «подъ камнемъ семь покоятся тѣло раба божія» и т. д. Между тѣмъ въ прежнее время изъ надгробныхъ надписей можно было узнать сколько было не только лѣтъ и мѣсяцевъ, но даже и дней житія умершаго; кто «на память каковаго святаго» родился, когда вступилъ въ бракъ и умеръ, въ какомъ порядкѣ и въ какихъ чинахъ проходилъ службу, чѣмъ и когда былъ награждаемъ; оставилъ ли онъ дѣтей и неутѣшную вдову и пр. и пр.

Многіе изъ старинныхъ памятниковъ приходятъ въ окончательное разрушеніе, другіе хотя и возобновляются, но уже съ надписями, сдѣланными въ новомъ вкусѣ, такъ что кладбищенская наша старина исчезаетъ постепенно и эту-то исчезающую старину задумалъ сохранить на память потомству г. Савтовъ, примѣнивъ свой трудъ къ нѣкоторымъ петербургскимъ «некрополямъ».

Въ алфавитный списокъ покойниковъ г. Савтовъ внесъ лицъ, родившихся въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Сюда же внесены имъ и тѣ лица, надгробныя надписи которыхъ не заключаютъ въ себѣ указаній ни на годъ рожденія, ни на число прожитыхъ лѣтъ, или же вовсе не имѣютъ хронологическихъ данныхъ. Особенное вниманіе оказалъ составитель книжки лицамъ, погребеннымъ въ церквяхъ александровской лавры. «Я—говоритъ онъ, позволилъ себѣ сдѣлать отступленіе отъ общаго плана, помѣстивъ сюда и тѣхъ, которые родились въ XIX столѣтіи». Хотя онъ и не объясняетъ почему допущено имъ такое отступленіе, но о причинѣ этого догадаться не трудно: въ упомянутыхъ церквяхъ хоронятъ исключительно болѣе или менѣе видныхъ въ обществѣ лицъ, о которыхъ приходится наводить справку гораздо чаще, нежели о заурядныхъ личностяхъ, переселившихся въ вѣчность.

При списываніи надгробій г. Савтовъ опускалъ тѣ обычныя формулы, о которыхъ мы замѣтили выше, равно какъ и тексты изъ св. писанія и не соблюдалъ также стариннаго правописанія, о чемъ, однако, могутъ пожалѣть любители истинной старины, хотя такихъ сожалѣющихъ отыщется, конечно, очень не много.

Первою по времени была погребена въ александровской лаврѣ царевна Наталья, дочь царя Алексѣя Михайловича, умершая въ 1716 году, а затѣмъ, въ 1719 году, погребенъ здѣсь представившійся въ Москвѣ рабъ Божій, російскіихъ войскъ генералъ-фельдмаршалъ, тайный совѣтникъ и военный кавалеръ мальтійскаго славнаго чина, св. апостола Андрея и прочихъ орденовъ, графъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ. Тѣло его привезено было въ Петербургъ по желанію Петра Великаго.

Изъ особъ императорскаго дома погребены въ Благовѣщенской церкви: правительница Анна Леопольдовна; Анна Петровна, дочь великаго князя Петра Федоровича † 1759 г., Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская; великая княгиня Наталья Алексѣевна, первая супруга императора Павла † 1776 г.; царевна Наталья Алексѣевна, дочь царя Алексѣя Михайловича † 1716 г.; царевичъ Петръ Петровичъ, сынъ Петра I род. 1715 † 1719 г.; великая княгиня Марія, дочь императора Александра I † въ 1800 году. Въ

Благовѣщенской же церкви на томъ мѣстѣ, гдѣ въ продолженіе слѣдующаго тридцати-четырёхъ лѣтъ лежало тѣло императора Петра III, была въ 1807 г., погребена грузинская царица Дарья Георгіевна, супруга царя Ираклія. Въ этой церкви, а также въ Лазаревской, Духовской и Ѳедоровской, погребены многие члены бывшаго царскаго грузинскаго дома и представители и представительницы изъ фамилій князей Гагаринныхъ и Голицыныхъ, Долгорукихъ, графовъ Шереметевыхъ, Апраксинныхъ, Строгоновыхъ и преимущественно Нарышкиныхъ.

Изъ высшаго духовенства въ лаврскихъ церквахъ погребены митрополиты новгородскіе и с.-петербургскіе: Антоній † 1848 г., Григорій † 1860 г. и Серафимъ 1833 г.

Послѣ В. П. Шереметева въ церквахъ и на кладбищахъ александровской лавры были погребены изъ замѣчательныхъ нашихъ государственныхъ людей: фельдмаршалъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ † 1762 г.; извѣстный въ началѣ прошлаго столѣтія генераль-аншефъ графъ А. М. Девіеръ † 1745 г.; графъ Петръ Вас. Завадовскій † 1812 г. с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ М. А. Милорадовичъ † 1825 г.; графъ Н. С. Мордвиновъ † 1845 г.; графъ М. Н. Муравьевъ, генераль-губернаторъ сѣверо-западнаго края † 1866 г.; графъ Н. Н. Новосильцевъ, председатель государственнаго совѣта † 1838 г.; А. И. Оленинъ, президентъ академіи художествъ † 1843 г.; графъ Н. И. Панинъ † 1783 г., бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскій † 1856 г.; графъ М. М. Сперанскій † 1839 г., генерал-лейбнумъ князь Суворовъ † 1800; генераль-фельдмаршалъ князь И. Ю. Трубецкой; начальникъ тайной канцеляріи графъ А. И. Ушаковъ † 1747 г.; бывшій министромъ народнаго просвѣщенія адмиралъ А. С. Шишковъ † 1841 г.; генераль-аншефъ П. И. Ягужинскій † 1736.

Изъ дѣятелей въ области наукъ и литературы и искусства въ александровской лаврѣ покоятся: Араповъ, составитель «Исторіи русскаго театра» † 1861 г.; поэтъ Е. А. Баратынскій † 1844 г.; извѣстный историкъ Волгачъ † 1792 г., умершій въ томъ же году Д. И. фонъ-Визинъ и Н. И. Гнѣдичъ † 1833, В. А. Жуковскій, извѣстный синологъ о. Іакинъ Вичуринъ † 1853 г.; Н. М. Карамзинъ † 1826 г.; поэтъ И. И. Козловъ † 1844 г.; В. А. Жуковскій † 1852 г.; И. А. Крыловъ † 1844 г.; графъ Г. А. Кутелевъ-Безбородко, издатель «Русскаго Слова»; М. В. Ломоносовъ † 1765; поэтъ Н. Ѳ. Щербина; Ѳ. М. Достоевскій и др.

Е. К.

Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей. Изъ старой записной книжки П. К. Мартыанова. СПб. 1884.

Сборники разнаго рода мыслей, изреченій, поговорокъ и т. п., были когда-то въ большой модѣ, не только въ западной, но и въ нашей литературѣ, и г. Мартыановъ напрасно называетъ свой трудъ «трудомъ новымъ». Подобный же сборникъ изреченій писателей и общественныхъ дѣятелей издалъ въ 1880 г. Н. Макаровъ. Это не мѣшаетъ, однакоже, книгѣ г. Мартыанова быть интересной и найти читателей; но она принесла бы несомнѣнно гораздо болѣе пользы, если бы собранныя изреченія были хотя сколько-нибудь систематизированы. Но авторъ самъ заявляетъ, что онъ не держался

никакой системы въ распредѣленіи изреченій по родамъ, такъ какъ самый характеръ сборника казался ему вполне лирическимъ. Съ этимъ нельзя согласиться, даже и при бѣгломъ знакомствѣ съ книгою, въ которой лирическихъ цитатъ немного, да и тѣ могли бы быть исключены изъ сборника, безъ малѣйшаго ущерба для него, такъ какъ цитаты изъ Грибоедова, Пушкина и другихъ поэтовъ, уже слишкомъ избиты, чтобы казаться для кого-нибудь новыми. Къ тому же тутъ необходимо возникаютъ вопросы, почему напримѣръ изъ Пушкина взяты четыре стиха: «Не для жгтейскаго волонья» и т. д., изъ Жуковскаго два стиха: «Цвѣты послѣдніе мнѣй роскошныхъ первенцовъ полей». Почему автору вѣдуналось, выбрать только подобныя цитаты и на нихъ остановиться? Къ сборнику приложенъ списокъ именъ и фамилій лицъ, чьи слова помѣщены въ книгѣ. Именъ этихъ, и громкихъ и вовсе неизвѣстныхъ, до тысячи. Списокъ этотъ конечно не лишній, но несравненно болѣе пользы принесъ бы другой указатель, не личный, а предметный, въ которомъ изреченія группировались бы по своему содержанию, или по тѣмъ предметамъ, которые въ нихъ упоминаются. Многія цитаты приобрѣтаютъ значеніе только по отношенію къ тому лицу, о которомъ говорится. Такъ изреченіе Наполеона: «вотъ человѣкъ», важно только потому, что это сказано о Гётѣ.

Г. Мартыановъ говоритъ, что если его сборникъ будетъ имѣть успѣхъ, то выйдутъ еще, одинъ или два выпуска. При отсутствіи въ нихъ всякой системы, съ ними легко можетъ случиться то же, что и съ предполагавшимися къ выпуску томами сочиненій автора.

З. Т. В.

Преображенское или Преображенскъ, московская столица достоправныхъ преобразованій перваго императора Петра Великаго. Ивана Забѣлина. Москва. 1883.

Означенная брошюрка была написана г. Забѣлинымъ по поводу двухсотлѣтняго юбилея нашей регулярной арміи и посвящена имъ «представителямъ російскихъ императорскихъ войскъ», участвовавшихъ въ этомъ праздникѣ, совпавшемъ съ торжествомъ коронаціи въ нынѣшнемъ году.

Какъ видно изъ предисловія, брошюрка была написана ученымъ авторомъ по порученію командующаго войсками московскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта графа Вревертъ-де-ла-Гарди. По своему специальному назначенію, брошюра эта была отпечатана для бесплатной раздачи въ войскахъ и въ продажу не была пущена.

Авторъ обстоятельно описываетъ топографію Преображенскаго, его историческаго прошлое, хозяйственныя обустройства и потѣхи въ немъ его устроителя царя Алексѣя Михайловича, зачастую охотившагося адѣсь, и останавливается главнымъ образомъ на знаменитыхъ военныхъ потѣхахъ въ Преображенскомъ Петра Великаго.

Факты извѣстные, но, само собой разумѣется, они, какъ во всѣхъ работахъ талантливаго историка, мастерски подобраны и сгруппированы, и рассказаны занимательно, прекраснымъ общепонятнымъ языкомъ.

Мих. Н—евичъ.

Литературная дѣятельность Тургенева; критическій этюдъ В. Вуренина. СПб. 1884 г.

Безвременная кончина нашего лучшаго современнаго писателя послужила темою для множества статей, очерковъ, некрологовъ, рѣчей, воспоминаній, не только въ нашей журналистикѣ, но и въ литературѣ Запада, которому Тургеневъ принадлежалъ почти столько же, какъ и Россіи. Недавно кто-то собралъ главнѣйшіе отзывы иностранныхъ писателей о немъ русскою сборнѣ и издалъ ихъ отдѣльною книгою (мы сдѣлали то же самое еще въ октябрьской книжкѣ «Историч. Вѣсти.», 1883 г. въ отдѣлѣ Заграничныхъ Новостей). Теперь является отдѣльною книжкой этюдъ г. Вуренина о литературной дѣятельности Тургенева, печатавшійся въ ноябрьскихъ и декабрьскихъ номерахъ «Новаго Времени». До настоящаго времени это положительно лучшая критическая оцѣнка произведеній и значенія писателя, да едва ли и не единственная, появившаяся отдѣльною брошюрой, если не считать quasi-серьезнаго этюда г. Венгерова, напечатаннаго еще при жизни Тургенева и, по достоинству, встрѣченнаго серьезною критикою—глубокии молчаніемъ. Г. Павленковъ издалъ, правда, брошюру «Тургеневъ о русскомъ народѣ» какъ чтеніе для народа; вышли еще двѣ-три брошюрки по поводу смерти писателя, но полную характеристику его мы найдемъ только у г. Вуренина, не смотря на то, что нѣкоторые изъ его выводовъ могли бы быть гораздо болѣе и послѣдовательнѣе развиты, если бы имъ не мѣшала замѣтная въ нѣкихъ мѣстахъ спѣшность журнальной работы. Эта же спѣшность является въ сужденіяхъ о значеніи нѣкоторыхъ лицъ и даже произведеній писателя не позволяющъ, мѣстами, вполне соглашаться съ ихъ оцѣнкою, сдѣланною г. Вуренинымъ. Но, въ общихъ чертахъ, оцѣнка эта вѣрна и добросовѣстна. Въ его изслѣдованіи, высоко-дароватая личность Тургенева является передъ читателемъ въ яркомъ свѣтѣ своего симпатичнаго таланта. Это, дѣйствительно, одинъ изъ болѣе плодотворныхъ и крупныхъ художниковъ не только въ нашей литературѣ, но и въ европейской, настоящій гѣтонисецъ «временныхъ лѣтъ», въ которомъ отразился цѣлый періодъ развитія русской жизни, глубоко-изученной писателемъ, воссозданной имъ художественно и правдиво. Это чисто русскій человѣкъ и художникъ, въ которомъ «самымъ оригинальнымъ образомъ сочеталось необычайное простодушіе съ моральнымъ критическимъ анализомъ жизни, самый честный идеализмъ съ самымъ трезвымъ реализмомъ, самый проинтеллигентный и ясный умъ съ самымъ теплымъ сердечнымъ чувствомъ, самое преданное служеніе искусству съ самою чуткою отзывчивостію стремленіямъ времени». Все это совершенно вѣрно, но г. Вуренинъ прибавляетъ, что только русская жизнь могла выработать такого писателя, а «западная жизнь по своей законченности, по своей опредѣленности и уюсти, по рѣзкости и, если можно такъ выразиться, по специализированности своихъ вліяній, не въ состояніи выработать ни такой разносторонности и ширины, ни такой простоты, ни такой общности таланта и ума». Но, не говоря уже о томъ, что западная жизнь и не закончена и не уака въ своихъ социальныхъ стремленіяхъ, неужели г. Вуренинъ не признаетъ въ ея передовыхъ писателяхъ таланта, равнаго тургеневскому по разносторонности, ширинѣ и простотѣ? Патриотизмъ—чувство пахвальное, но «взбѣгая партійныхъ пристрастій», не увлекается ли авторъ этюда о

Тургеневъ пристрастиемъ къ народничеству, чувству также очень почтенному — если только оно не доходит до отрицанія заслугъ Запада въ дѣлѣ цивилизаціи и униженія европейскихъ талантовъ сравнительно съ отечественными?..

Во всякомъ случаѣ, не смотря на нѣкоторые увлеченія, этюдъ г. Буренина вполне заслуживаетъ вниманія критика и читателей. Намъ было очень пріятно найти въ авторѣ очерка, еще такъ недавно подвизавшемся на критическомъ поприщѣ, писателя, вполне освоившагося со своею спеціальностью. Для этого у него достаточно и дарованія, и опытности, и знаній. Г. Буренинъ извѣстенъ болѣе какъ поэтъ и беллетристъ, но поэтовъ и беллетристовъ у насъ не мало, тогда какъ критиковъ почти вовсе нѣтъ, а представлять вѣрныя характеристики и оцѣнки писателей — для исторіи литературы не менѣе важно, какъ и созданіе типовъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ.

В. З.

Указатель ко всѣмъ періодическимъ изданіямъ Общества исторіи и древностей россійскихъ при императорскомъ московскомъ университетѣ за 68 лѣтъ, 1815—1883 г. Москва. 1883 г.

Подъ этимъ заглавіемъ появилась недавно книжка, которая можетъ быть очень полезна для справокъ тѣмъ, которые занимаются разработкою русской исторіи, такъ какъ при помощи ея весьма легко отыскать то, что было помѣщено въ теченіи 68 лѣтъ въ наиболѣе замѣчательныхъ у насъ изданіяхъ по отечественной, а отчасти и славянской исторіи—изданіяхъ «Общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ».

Упомянутое Общество учреждено было въ 1804 году, по инициативѣ бывшаго въ то время попечителемъ московскаго университета М. Н. Муравьева. Однако до 1815 года оно ни чѣмъ не заявило въ печати о своей ученой дѣятельности и только въ этомъ году былъ изданъ первый печатный трудъ упомянутаго Общества подъ названіемъ «Труды и лѣтописи Общества исторіи и древностей россійскихъ». Изданіе это было сборникомъ безъ всякой системы и оно продолжало выходить въ такомъ видѣ до 1837 года. Въ продолженіи этихъ двадцати двухъ лѣтъ Общество издавало только 8 частей «Трудовъ и лѣтописей». Независимо отъ этого, означенное Общество, въ первый же годъ своего учрежденія, предположило издавать журналъ подъ названіемъ «Русскія достопамятности», но это предпріятіе не сопровождалось удачею, такъ какъ Обществомъ было издано только три выпуска «Достопамятностей», одинъ въ 1815 г., другой въ 1843 и третій въ 1844 годахъ.

По прекращеніи изданія «Трудовъ и лѣтописей» въ 1837 году, бывший въ то время секретаремъ Общества, покойный профессоръ Погодинъ началъ, по порученію Общества, издавать «Русскій историческій сборникъ», но и это изданіе окончилось въ 1844 году на седьмомъ выпускѣ.

Только съ 1845 года, когда мѣсто секретаря занялъ трудолюбивый О. М. Бодянский, начался новый оживленный періодъ издательской дѣятельности Общества. Бодянский предпринялъ отъ имени Общества новое изданіе подъ названіемъ «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ». Но и это изданіе навѣдало, въ свою очередь, печальную участь.

Въ 1848 году, въ июнѣ мѣсяцѣ, вышла первая, за этотъ годъ, книжка «Чтеній» и навлекла гоненія правительства и на себя, и на Бодянского, и на все Общество. За помѣщеніе въ этой книжкѣ «Записокъ» англичанина Флетчера, описавшаго состояніе Московскаго государства въ дни царя Ивана Грознаго, Бодянской, по высочайшему повелѣнію, былъ лишенъ должностей секретаря и редактора и, удаленный съ профессорской кафедрѣ въ московскомъ университетѣ, былъ отправленъ на службу въ Казань, и изданіе «Чтеній» было прекращено.

Новый секретарь опальнаго Общества, Д. И. Вѣляевъ, предложилъ Обществу предпринять новое періодическое изданіе подъ названіемъ «Временникъ Общества исторіи и древностей російскихъ». Это новое изданіе продолжалось до 1857 года, когда оно, по неопределеннымъ въ «Указателѣ» причинамъ, прекратило свое существованіе на двадцать пятой книжкѣ. Между тѣмъ, помилованный и возвратившійся изъ Казани въ Москву, Бодянской былъ опять избранъ секретаремъ Общества и возобновилъ изданіе «Чтеній», получивъ при этомъ изданіи должность редактора. Это произошло въ 1858 году и Бодянской до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1877 году, заведывалъ изданіемъ «Чтеній» и надобно отдать ему справедливость, что онъ, несмотря на разныя затрудненія, велъ свое дѣло и добросовѣстно, и успѣшно. Преемникомъ ему былъ избранъ А. Н. Поповъ, но въ 1881 году онъ скончался, и въ настоящее время редакторомъ «Чтеній» состоитъ Е. В. Барсовъ.

Не смотря на неблагопріятныя во многихъ отношеніяхъ обстоятельства и даже на перерывы изданій Общества, оно, въ продолженіи своего существованія, выпустило въ свѣтъ 160 книжекъ. Понятно, что вѣдь наконились такой сборникъ статей, который, помимо вопроса объ ихъ достоинствѣ или недостаткахъ, представляетъ громадный запасъ историческихъ свѣдѣній. Пользоваться же ими безъ обстоятельнаго указателя почти невозможно, такъ какъ каждый разъ приходилось бы пересматривать всѣ книжки или отыскивать нужныя свѣдѣнія на удачу. Потребность въ хорошемъ указателѣ чувствовалась еще двадцать лѣтъ слишкомъ тому назадъ, и потому въ 1862 году, а затѣмъ и въ 1865 году, она была удовлетворена указателемъ, составленнымъ Григоровичемъ и Вартеневымъ. Не говоря уже о томъ, что въ промежутокъ этого времени прибавилось столько новаго запаса, что прежніе указатели стали недостаточны сами по себѣ, оба они, по мнѣнію составителя нынѣшняго «Указателя», имѣютъ еще и тотъ недостатокъ, что въ нихъ всѣ статьи расположены исключительно въ алфавитномъ порядкѣ, такъ что и обширныя изслѣдованія и матеріалы и мелкія замѣтки сведены въ общій алфавитный порядкъ.

Составитель новаго «Указателя», скрывшій свою фамилію подъ подписью Сер. Вѣ-ку-въ, раздѣлилъ всѣ статьи, помѣщенные въ изданіяхъ Общества на пять отдѣловъ: 1) изслѣдованія, 2) матеріалы отечественныя, 3) матеріалы славянскіе, 4) матеріалы иностранныя и 5) смѣсь, т. е. раздѣлилъ ихъ на тѣ отдѣлы, на которые впоследствии дѣлились статьи въ «Чтеніяхъ». Для перваго и послѣдняго изъ этихъ отдѣловъ онъ привналъ за лучшее алфавитный порядкъ, а для прочихъ отдѣловъ—хронологическій. Почему, однако, принята имъ такая система онъ не объясняетъ, хотя, какъ мы полагаемъ, распредѣленіе матеріаловъ въ хронологическомъ порядкѣ представило невозможность строгой выдержки такой системы, потому именно, что при многихъ документахъ не означено года, къ которому они относятся. Вслѣд-

ствіе этого и явилось въ «Указателѣ», во многихъ случаяхъ только гадательное ихъ распредѣленіе. Они размѣщены въ началѣ крупныхъ отдѣловъ русской исторіи, но кажется, что было бы удобнѣе удержать для всѣхъ отдѣловъ одинъ общій алфавитный порядокъ.

Разумѣется, что въ достоинствахъ или недостаткахъ изданій подобнаго рода можно убѣдиться только на практикѣ, такъ какъ главное условіе ихъ удовлетворительности состоятъ въ вѣрности не только выписокъ, но и корректурной безошибочности цифровыхъ указаній, а убѣдиться въ этомъ можно только при употребленіи «Указателей».

К. Н. В.

Воспоминанія крестьянина села Угодичъ (Ярославской губерніи Ростовскаго уѣзда) Александра Артынова. Москва. 1888.

Эти воспоминанія появились въ прошломъ году въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общества исторіи и древностей російскихъ», а нынѣ вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Авторъ писалъ эти воспоминанія, какъ и многія другія свои прозаическія, не для печати, а только для самого себя, такъ что его съ трудомъ склонили къ ихъ напечатанію. А. Я. Артыновъ родился въ 1813 году, а съ 1822 года сталъ ѣздить по разнымъ мѣстностямъ Россіи и затѣмъ описывать свои воспоминанія и впечатлѣнія. Болѣе получивъ онъ употребилъ все свое время, свободное отъ сельскихъ занятій, на собираніе сказокъ, легендъ, преданій, разсказовъ старожиловъ, горожанъ и крестьянъ. Онъ дѣлалъ также извлеченія изъ рукописныхъ книгъ, причемъ въ его рукахъ были двѣ знаменитыя рукописи: «Хлѣбниковскій ростовскій лѣтописецъ» XVII вѣка и «рукопись» бывшаго владѣльца села Угодичъ, стольника Муцина-Пушкина, XVII—XVIII вѣка. Эти любопытныя, безхитростныя воспоминанія обнаружены потомъ извѣстнымъ археологомъ А. Л. Титовымъ, получившимъ на то согласіе А. Я. Артынова. Мы слышали, что существуетъ и вторая половина его воспоминаній, которая однако появится въ печати впоследствии.

Со словъ дьякона Александра Федоровича Златоустова, скончавшагося въ Угодичахъ въ престарѣлыхъ годахъ въ 1844 году, Артыновъ сообщилъ въ своихъ воспоминаніяхъ любопытный разсказъ о низложеніи ростовскаго митрополита Арсенія Мацевича со всѣми предсказаніями Мацевича о судьбѣ членовъ синода, осудившихъ его и присутствовавшихъ на его низложеніи. Златоустовъ въ то время былъ посолникомъ митрополита Арсенія и сопровождалъ его въ залу засѣданія суда. Всѣ предсказанія Арсенія Мацевича осуществились на дѣлѣ.

Въ 1827—1828 году, вѣрно, Артыновъ въ Петербургѣ былъ почти свидѣтелемъ слѣдующаго интереснаго случая. Идя по лѣвой сторонѣ Фонтанки, онъ встрѣтилъ противъ Троицкаго подворья «не молодого боярина съ мальчикомъ, сидящимъ рядомъ съ нимъ въ саняхъ, а на передкѣ рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ малолѣтокъ, солдатскій кантонистъ. Всѣ встрѣчные и идущіе останавливаются, смотрять и кланяются; поклонился и я, а при этомъ спросилъ: кто это такой проѣхалъ? мнѣ сказали, что мальчикъ, сидящій съ бояриномъ, цесаревичъ, наслѣдникъ престола Александръ Николаевичъ». Далѣе, не доходя до Чернышева моста, противъ переулка, у лѣсной биржи

купца Громова столпилось столько народа, что отъ тѣсноты съ трудомъ можно было пройти; Артыновъ сперва думалъ, что тутъ пожаръ, вмѣшался въ народъ и услышалъ въ толпѣ слѣдующій разговоръ: ѣхалъ тутъ дядька съ наслѣдникомъ; дядькѣ попался какой-то знакомый бояринъ. Онъ сошелъ къ нему съ саней и пошелъ панелью по берегу Фонтанки къ Аничкову мосту; кучеръ же съ наслѣдникомъ ѣхалъ съ нимъ свади. Наслѣдникъ, вѣроятно соскучаясь сидѣть одинъ, сошелъ съ саней и пошелъ по панели за дядькою. Въ это время на встрѣчу ему попался кантонистъ его лѣтъ; что между ними было причинною ссоры, никто не зналъ, только видѣли, какъ они безъ шапокъ дрались на кулачки, съ большимъ азартомъ, не уступая другъ другу. Никто не смѣлъ разнять ихъ, хотя мѣсто это и многолюдное. Наконецъ, кто-то сказалъ про это дядькѣ. Тотъ прибѣжалъ въ испугѣ и равнялъ бойцовъ. Приведа въ порядокъ одежду, онъ посадилъ наслѣдника съ собою, а кантониста рядомъ съ кучеромъ и повезъ ихъ въ Зимній дворецъ, куда онъ и до этого ѣхалъ. Тутъ узналъ Артыновъ, что кантонистъ этотъ изъ кондукторской школы, а школа эта находилась какъ разъ противъ огорода его свата Грачева; между школою и огородомъ лежалъ одинъ только Измайловскій полекъ. Смотритель этой школы былъ знакомъ Артынову. и утромъ рассказывалъ ему слѣдующее объ кантонистѣ: къ испуганному его родителю, близкому къ отчаянію, отставному солдату, въ придворной каретѣ привезли его сына и съ нимъ 300 руб. денегъ, подаренныя ему во дворцѣ. По домашнему суду императора Николая Павловича, наслѣдникъ былъ обвиненъ и наказанъ, а кантонистъ былъ оправданъ и получилъ, какъ обиженный несправедливо, награду.

А. Я. Артыновъ—не единственное явленіе крестьянина-грамотѣя въ Ростовскомъ уѣздѣ, собирателя преданій, рассказовъ, легендъ. Вообще, Ростовъ и его уѣздъ издавна отличались купцами, крестьянами, посвящавшими свое свободное время на составленіе библиотекъ, собраніе и сохраненіе рукописей.

П. У.

Вильна и окрестности. Путеводитель и историческая справочная книжка, съ планомъ г. Вильны, 9-ю рисунками и картою Виленской губерніи. Вильна. 1883.

«Предлагаемая книжка—говорится въ предисловіи къ ней—не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что не было бы извѣстно любителямъ мѣстной старины изъ другихъ изданій на русскомъ и на польскомъ языкахъ. Издатель имѣлъ въ виду главнымъ образомъ пріѣзжающихъ въ Вильну и незнакомыхъ съ городомъ, а также и тѣхъ, которые не имѣютъ похъ руками всѣхъ изданій, касающихся Вильны, и слѣдовательно не имѣютъ возможности быстро навести какую нибудь историческую справку». Мы отъ себя прибавимъ, что книжка можетъ заинтересовать и не однихъ пріѣзжающихъ въ Вильну, но и вообще желающихъ познакомиться съ исторіей г. Вильны по крайней мѣрѣ въ общихъ и существенныхъ ея чертахъ. Въ началѣ книги приложенъ краткій очеркъ исторіи Вильны, составленный по статьѣ профессора петербургскаго университета Васильевскаго, помѣщенной въ изданіи Велюшкова «Памятнику русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи». Затѣмъ слѣдуетъ историческій обзоръ виленскихъ храмовъ католическихъ и

другихъ вѣроисповѣданій, воспоминающій общую исторію Вильны. Вслѣдствіе этого, историческая картина судьбъ Вильны представляется довольно полною и законченною, и на ней съ особенною тщательностію вырисовывается судьба православія и русской народности въ Вильнѣ. Жаль только, что надатель не указываетъ другихъ источниковъ своей книги, кромѣ статьи г. Васильевскаго, бывшихъ въ его распоряженіи. Если бы книга снабжена была цитатами, то она могла бы быть справочной книгой и для начинающихъ заниматься исторіей мѣстнаго края, которая и доселѣ остается мало-извѣстною для большинства читающей русской публики.

Н. П.

Ростовъ Великій. Путеводитель по городу Ростову, Ярославской губерніи, А. А. Титова. Москва. 1883.

Ростовъ Великій принадлежитъ къ древнѣйшимъ городамъ Россіи. Онъ существовалъ до прихода Рюрика и сдѣлался впоследствии родоначальникомъ другихъ городовъ Ростовско-Суздальской земли. Не смотря на древнее происхожденіе Ростова, остатковъ этого древняго существованія сохранилось очень немного въ настоящее время. Такъ, графъ Толстой, изучавшій древности Ростова, говоритъ въ своемъ сочиненіи, что Ростовскія древности, дошедшія до насъ, не старѣе второй половины XVII вѣка. Частые, опустошительные пожары, разореніе городовъ сперва татарами, а потомъ и поляками, почти уничтожившими Ростовъ въ XVII столѣтіи, составляютъ главную причину истребленія остатковъ древности этого города. Главную и центральную часть города представляетъ крѣпость, заключающаяся въ земляномъ валѣ, построенномъ при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ инженеромъ Яномъ. Внутри крѣпости находится городской Кремль съ древними святынями. Онъ окруженъ каменною стѣною, мѣстами зубчатою, и десятью башнями и построенъ въ XVII столѣтіи Ростовскимъ митрополитомъ Іоною Сусоевичемъ.

Г. Титовъ, составилъ описаніе своего родного города съ цѣлію ознакомить путешественниковъ какъ съ церквами и святынями Ростова, такъ и съ драгоцѣнными памятниками русскаго водчества XVII вѣка, въ немъ сохранившимися. Въ книжкѣ находится краткій историческій очеркъ Ростовско-Суздальской области и Ростовскаго удѣльнаго княжества и краткія указанія на предметы, заслуживающіе вниманія въ Ростовѣ. По ясности и толковости изложенія, книга г. Титова вполне достигаетъ цѣли, для которой она была составлена, и можетъ быть хорошимъ путеводителемъ по Ростову Великому. Авторъ обѣщаетъ въ непродолжительномъ времени надать болѣе подробное описаніе Ростова и его уѣзда.

П. У.

Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ. С. А. Вершадскаго. Спб. 1884,

Авторъ этого сочиненія издалъ въ 1882 г. любопытный этнографико-юридическій трудъ «Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ», явленные изъ актовыхъ книгъ, метрикъ литовской, виленскаго архива и

проч. съ 1888 г. по 1869 годы». Въ нынѣшнемъ своемъ сочиненіи авторъ задается рѣшеніемъ вопроса, почему литовскіе евреи, сто лѣтъ тому назадъ перешедшіе въ русское подданство, до сихъ поръ инородцы, а не русскіе граждане. Сознавая отчужденіе еврейства, его стремленія къ приобритенію богатствъ, власть кагала, авторъ, для уясненія причинъ этихъ явленій, изучаетъ положеніе евреевъ въ Литвѣ, до перехода страны во власть Россіи. Онъ изслѣдуетъ солидарность евреевъ, начиная съ XV вѣка, и раздѣляетъ на три періода: исторію юридическаго и общественнаго положенія евреевъ, отъ Витовта до Люблинской Уніи, потомъ до начала казацко-шляхетскихъ войнъ, и наконецъ до раздѣла Польши. Послѣдніе два періода будутъ наложены въ слѣдующихъ томахъ. Въ вышедшемъ нынѣ томѣ разобрана только еврейская солидарность, по отношенію къ русскимъ законамъ, сдѣланъ критическій обзоръ сочиненій по исторіи евреевъ въ Литвѣ и Польшѣ, затѣмъ разобраны привилегіи Витовта, данныя евреямъ, рассказана исторія первого еврейскаго погрома въ XV вѣкѣ и утвержденіе магдебургскаго права, показаны отношенія государственной власти къ литовскому обществу и, наконецъ подробно описано юридическое и общественное положеніе евреевъ отъ Сигизмунда до уніи. Книга, оканчивается появленіемъ въ Литвѣ талмуда, и включаетъ въ себѣ много подробностей, интересныхъ для всякаго, кого занимаетъ еврейскій вопросъ.

В. З.

Греко-болгарскій церковный вопросъ, по неизданнымъ источникамъ. В. Теплова. Спб. 1884.

Въ настоящее время, когда Порта собирается уничтожить болгарскій экзархатъ и лишаетъ константинопольскаго патріарха правъ и привилегій, данныхъ ему еще первыми султанами, царствовавшими въ Стамбулѣ, вопросъ объ отношеніяхъ двухъ православныхъ церквей—греческой и болгарской, приобретаетъ важное значеніе и можетъ повести къ серьезнымъ послѣдствіямъ (по послѣднимъ извѣстіямъ, патріархъ уже сложилъ съ себя свое званіе). Болгарія также волнуется при извѣстіи, что по прихоти турокъ ея независимой церкви, только что получившей самостоятельность, снова угрожаетъ подчиненіе греческому патріархату. Такое положеніе дѣлъ придаетъ исключительный интересъ изслѣдованію члена нашего константинопольскаго посольства, г. Теплова, помѣстившаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ» прошлаго года чрезвычайно любопытныя изъясненія по греко-болгарскому вопросу. Но для вѣрнаго знакомства съ выводами автора необходимо прочесть статью его не въ журналѣ, а въ отдѣльныхъ оттискахъ, такъ какъ редація «Русскаго Вѣстника» исключила изъ труда г. Теплова самыя любопытныя мѣста и сдѣлала много измѣненій въ изслѣдованіяхъ автора. Г. Тепловъ близко знаетъ свой предметъ, изучилъ его на мѣстѣ, имѣя подъ рукою всѣ документы и данныя, и почтенный трудъ его представляетъ самую полную и подробную картину этого запутаннаго вопроса, вносящаго новыя усложненія въ положеніе нашихъ единоплемениныхъ и единовѣрныхъ братьевъ и безъ того печальное и ненормальное.

Очеркъ исторіи Почаевской лавры и ея положеніе въ настоящее время. Протоіерей А. Ф. Хойнацкаго. Спб. 1883.

Почаевская лавра занимаетъ четвертое мѣсто въ ряду подобныхъ ей лавръ: Києво-Печерской, Троицко-Сергіевой и Александро-Невской. Находясь въ Кременецкомъ уѣздѣ Волынской губерніи, Почаевская лавра въ юго-западной Россіи и даже въ сопредѣльной Галиціи пользуется особеннымъ обаяніемъ среди тамошняго кореннаго населенія. Замѣчательная судьба этого монастыря, бывшаго православнымъ, уніатскимъ и вновь возвращеннымъ православію 10-го октября 1831 года, послѣ участія его уніатскихъ монаховъ въ польскомъ восстаніи, создала о немъ цѣлую литературу. Трудъ протоіерея Хойнацкаго, появившійся первоначально въ «Христіанскомъ Читеніи» въ продолженіе 1880, 1881 и 1883 годовъ, и изданный затѣмъ отдѣльной книжкой, дополнилъ собою списокъ сочиненій объ этомъ многоважномъ историческомъ памятникѣ, праздновавшемъ свой юбилей въ прошедшемъ 1883 году.

П. С.

Павелъ Ивановичъ Мельниковъ (Андрей Печерскій), его жизнь и литературное значеніе. Н. Неворова. Казань. 1883.

27 марта 1883 года, въ Казани, въ тамошнемъ обществѣ любителей сценическаго искусства состоялся вечеръ, посвященный памяти Павла Ивановича Мельникова, окончившаго, какъ извѣстно, курсъ въ казанскомъ университетѣ. На этомъ вечерѣ г. Неворовъ прочиталъ составленный имъ краткій биографическій очеркъ Мельникова, съ присовокупленіемъ значенія его въ русской литературѣ. Для биографическаго очерка авторъ воспользовался намечатанными воспоминаніями о Мельниковѣ Иловайскаго, Вестушева-Рюмина, Гадисскаго, Усова, а потому и не могъ сообщить ничего новаго. Для опредѣленія же значенія Мельникова въ русской литературѣ, въ которой г. Неворовъ относитъ этому художнику-этнографу одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ, авторъ привелъ мѣткія характеристики романовъ, повѣстей и рассказовъ Андрея Печерскаго. Слѣдуетъ весь небольшой трудъ (на 20 страницахъ) г. Неворова проходить горячая, сочувственная струя къ Мельникову и къ его литературнымъ произведеніямъ.

В. Р.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Историческій альманахъ.—Переписка Талайрана.—Исторія Венгріи.—Литовскія легенды.—Немѣвѣстный великій писатель изъ балтійскихъ дворянъ.—Крыловъ на англійскомъ языкѣ.—Нѣмецкія военныя сочиненія во французскомъ переводѣ.—Къ исторіи нравовъ XVIII вѣка.—Забитый педагогъ.—Дон-Жуанъ Австрійскій.—Англія при Яковѣ I.—Исторія англійскихъ городовъ.—Турецкій султанъ и англійскій посланникъ.—Египетъ послѣ войны.—Санскритская литература.—Великороссы и малороссы.—Новый международный журналъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ наука въ Германіи съ каждымъ новымъ годомъ обогащается новымъ томомъ «Историческаго альманаха» (Historisches Taschenbuch), основаннаго еще Фридрихомъ Раумеромъ, но, въ настоящее время, издаваемого Вильгельмомъ Мауренбрехеромъ, ученикомъ Ранке и Зибеля, бывшимъ профессоромъ въ Дерптѣ (въ 1867—1869 г.), авторомъ замѣчательныхъ сочиненій «Карлъ V и нѣмецкіе протестанты», «Англія въ эпоху реформации», «Прусская церковная политика» и пр. Мауренбрехеръ придалъ новую жизнь альманаху, первый выпускъ котораго вышелъ еще въ 1830 году. Особенно въ послѣдніе годы содержаніе выпусковъ сдѣлалось разнообразнѣе и интереснѣе. Помѣщаемыя въ нихъ статьи относятся ко всѣмъ эпохамъ исторіи и всѣмъ народамъ, наследуютъ вопросы не только историческіе, но археологическіе, филологическіе и т. п. Въ нынѣ вышедшемъ, третьемъ томѣ шестой серии помѣщено семь статей, имѣющихъ не только специальное, но и общее значеніе. Самая обширная статья профессора Гюффера излагаетъ исторію неаполитанской республики 1799 года. По малоизвѣстнымъ документамъ авторъ изображаетъ эту любопытную эпоху въ яркомъ, часто новомъ свѣтѣ. Вторая, по объему, статья заключаетъ въ себѣ характеристику замѣчательной личности XVII вѣка—нѣмца Самуела Гартлиба, переселившаша-

гося въ Англію, входившаго въ сношеніе со многими историческими лицами, друга Мильтона, побудившаго знаменитаго поэта написать трактатъ о воспитаніи. Не менѣе интересна характеристика основателя голландской республики въ XVI вѣкѣ, адвоката Іоанна Ольденбарневельта, теперь почти всѣми позабытаго, но игравшаго въ свое время значительную роль. Статьи о Швабскомъ союзѣ и о канцлерѣ Конрадѣ, жившемъ въ XII вѣкѣ, имѣютъ болѣе мѣстный интерес для нѣмцевъ. Профессоръ Бергеймъ помѣстилъ изслѣдованіе о литературно-историческомъ памятникѣ XII вѣка: «Преданіе о вѣрныхъ женахъ въ Вейнсбергѣ». Наконецъ, Арнольдъ Шеферъ напечаталъ статью о македонскомъ царствѣ, къ сожалѣнію, очень короткую (всего 10 страницъ), тогда какъ этотъ предметъ требовалъ болѣе подробнаго изученія. Смерть, постигшая въ концѣ прошлаго года, на 74 году, автора «Исторіи Семилѣтней войны» и «Демосеена» помѣшала докончить ему свой послѣдній трудъ.

— Въ Лейпцигѣ вышелъ переводъ «Переписки Талейрана съ королемъ Людовикомъ XVIII» (Talleyrand's Briefwechsel mit König Ludwig XVIII). Она обнимаетъ эпоху вѣнскаго конгресса, извлечена изъ подлинныхъ бумагъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ г. Палленомъ и дѣлается въ первый разъ извѣстною въ печати. Свои донесенія о ходѣ переговоровъ на конгрессѣ и о характеристикѣ участвующихъ въ немъ лицъ Талейранъ посылалъ прямо королю, не стѣсняясь ни формальностью, ни официальнойностью. Поэтому письма его, помимо историческаго значенія, имѣютъ интересъ картины, рисующей особенности этой замѣчательной эпохи. Въ ожиданіи выхода въ свѣтъ записокъ знаменитаго дипломата, письма эти содержатъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей и историческихъ разоблаченій. Нѣмецкое изданіе отличается отъ французскаго подлинника предисловіемъ, разъясняющимъ значеніе переписки, и примѣчаніями переводчика, придающими еще болѣе значенія книгѣ, такъ какъ они касаются многихъ сторонъ тогдашней политической и общественной жизни.

— Лучшая «Исторія Венгріи» на нѣмецкомъ языкѣ написана Игнатіемъ Фесслеромъ. Теперь она вышла во второмъ улучшенномъ и увеличенномъ изданіи, въ переработкѣ Эрнста Клейна (Geschichte von Ungarn). Не смотря на то, что въ новомъ изданіи дѣйствительно многое прибавлено, найдена была возможность, вслѣдствіе сжатаго шрифта, превратить прежнее десяти томное изданіе въ пяти томное, что конечно привело и къ уменьшенію цѣны. Обработка Клейна касается болѣе всего новооткрытыхъ историческихъ документовъ, на основаніи которыхъ онъ разъяснилъ многіе факты, представивъ ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, и этимъ придавъ, конечно, еще болѣе значенія труду Фесслера, пользующемуся въ Германіи заслуженной извѣстностью.

— Вышли послѣдніе выпуски (7 и 8 второго тома) замѣчательнаго сборника, составленнаго и издавнаго Эдмундомъ Векенштедомъ, старшимъ учителемъ древнихъ языковъ въ Николаевской Либавской гимназіи: «Міфы, саги и легенды Жмудянъ (литовцевъ)» (Mythen, Sagen und Legenden der Zamaiten (Litauer)). Преданія этого племени, послѣдней прибывшей въ Европу отрасли аріевъ, не могутъ не интересовать историка, лингвиста и этнографа, и г. Векенштедтъ оказалъ большую услугу своимъ сборникомъ гдѣ помѣщено 130 легендъ, относящихся ко всѣмъ сторонамъ общественаго и частнаго быта литовцевъ. Арійское происхожденіе этихъ легендъ очевидно.

Многія изъ нихъ, въ незначительно измѣненномъ видѣ, вошли и въ русскія преданія, другія встрѣчаются въ германскихъ и скандинавскихъ сагахъ, даже въ древнихъ повѣрьяхъ романскихъ племенъ. Все это ведетъ къ любопытнымъ сближеніямъ и изысканіямъ о происхожденіи и родствѣ европейскихъ народовъ. Особенно важное значеніе имѣетъ заключительная статья сборника, представляющая объясненіе миеологическихъ названій на основаніи лингвистическихъ изслѣдованій. Авторъ сборника принадлежитъ къ рѣдкимъ у насъ ученымъ знатокамъ литовскаго языка, ближе всѣхъ другихъ языковъ подходящаго къ санскритскому и сохранившаго нѣкоторыя славянскія слова въ ихъ древней формѣ (напр. жверя—авѣръ). Книгу эту слѣдовало бы перевести на русскій языкъ.

— Другого рода книга написана «балтійскимъ дворяниномъ» и издана его племянницею, подъ названіемъ: «Отто Магнусъ фон-Штакельбергъ, изображеніе его жизни и его путешествій по Италіи и Греціи» (Otto Magnus von Stackelberg. Schilderung seines Lebens und seiner Reisen in Italien und Griechenland). Это родъ автобіографіи, составленной по письмамъ и замѣткамъ путешественника. Въ письмахъ этихъ встрѣчаются интересныя, хотя и не новыя подробности о странахъ, посѣщенныхъ авторомъ, но нѣмецкая пресса въ русскихъ провинціяхъ приходитъ почему-то въ особенный восторгъ и отъ книги, и отъ путешественника. Въ то время когда Аугсбургская газета называетъ его только «почитателемъ и знаткомъ древняго искусства», наши дерптскія, рижскія и петербургскія (нѣмецкія) газеты приходятъ въ экстазъ оттого, что «балтійская публика» познакомилась съ произведеніемъ такого «представителя балтійскаго дворянства»; особенно «*Petersburger Zeitung*» доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ въ похвалахъ «геніальному» писателю, котораго безъ церемоніи ставятъ на ряду съ Гете, Торвальдсеномъ, Жанъ-Полемъ, Байрономъ, Нибуромъ, Шампиономъ. Газета восхищается даже портретомъ, приложеннымъ къ книгѣ, на которомъ Штакельбергъ изображенъ среди древняго пейзажа, сидящимъ на развалинахъ храма съ картою и карандашомъ въ рукахъ. «Благородная осанка, глаза полные души (Selenvolle), какой-то идеализмъ въ ростѣ (?) и чертахъ этого передового человѣка обнаруживаютъ высокій духъ, темное чувство, тонкій умъ» и проч. и проч. Уваженіе къ мѣстнымъ дарованіямъ своего прихода дѣло не дурное, но вѣдь надобно помнить и Крылова: «подумаешь иной затѣйникъ въ подсолнечной гремѣть, а онъ дивитъ свой только муравейникъ».

— Кстати, нашъ Крыловъ явился въ новомъ, вполне удовлетворительномъ переводѣ на англійскій языкъ. У англичанъ уже былъ прозаическій переводъ нашего баснописца, сдѣланный Рольстономъ, вѣрный, но не передающій ни крыловскаго юмора, ни своеобразныхъ оборотовъ его образнаго, чисто народнаго языка. Въ этомъ отношеніи трудъ Гаррисона (Krilof's original Fables) гораздо выше. Гаррисонъ вполне освоился съ духомъ оригинала, хотя не держался формы ямбическаго стиха, а замѣнялъ его различнымъ размѣромъ. Но чисто національныя черты русской жизни, какъ напр. въ баснѣ «Демьянова уха» переданы съ возможной точностью, для достиженія которой переводчику приходилось побѣдить не мало затрудненій. Изъ 149-ти переведенныхъ басенъ, только семь заимствованныя, но Гаррисонъ говоритъ, что перевелъ ихъ съ цѣлью показать, какъ мастерски русскій баснописецъ развивалъ и дополнялъ чужую мысль, пользуясь часто ничтожнымъ

содержаніемъ для того, чтобы создать превосходное произведеніе. Такъ, взявъ у Лафонтена только основную мысль басни «La vieille et les deux servantes», Крыловъ изъ сухого анекдота составилъ остроумный рассказъ. Выѣсто смутной морали лафонтеновской «Муха и Пчела» въ крыловской баснѣ ярко охарактеризована наглость паразитовъ, втирающихся въ чужіе дома. Гаррисонъ, прямо ставитъ Крылова выше Эзопа и Лафонтена, доказывая многочисленными примѣрами превосходство русскаго баснописца.

— Натянутыя отношенія между Франціей и Германіей придали особый интересъ брошюрѣ «Готова ли Франція» (*La France est elle prête?*) Это переводъ нѣмецкой брошюры, написанной прусскимъ офицеромъ, и сдѣланный «съ его разрѣшенія». Предметъ брошюры—реорганизація французскаго войска съ 1871 года, насколько она могла выкажаться на послѣднихъ большихъ маневрахъ въ концѣ прошлаго года. Прусскій авторъ основательно изучилъ этотъ вопросъ, а для Франціи, конечно, очень важно знать, что думаютъ въ Германіи о военныхъ силахъ своего недавняго противника. Сверхъ того, изъ перевода нѣмецкаго сочиненія французы могли повзнакомиться съ вполне вѣрными цифрами, относящимися къ военному дѣлу и съ тѣмъ, что было сдѣлано по этой части въ послѣднее время. Реформъ было не мало, но пруссаки, строго разбирая ихъ, не выводятъ заключенія, чтобы онѣ особенно содѣйствовали къ улучшенію и процвѣтанію французской арміи. Основываясь на мысли Клаузевица, что «способы приготовленія къ войнѣ и средства, съ какими ее начинаютъ содѣйствуютъ столько же къ побѣдѣ, какъ и счастливое веденіе кампаніи», авторъ находитъ, что Франція именно въ этомъ-то отношеніи многого недостаетъ. Въ какой степени основательны сужденія автора по этому предмету, можетъ рѣшить только специалистъ военнаго дѣла.

— Что Франція внимательно слѣдитъ за брошюрами, появляющимися въ Германіи по вопросамъ, имѣющимъ международное значеніе, доказываетъ переводъ еще другого военно-политическаго сочиненія, о появленіи котораго, на нѣмецкомъ языкѣ, мы говорили еще въ прошломъ году. На французскомъ языкѣ книга эта носитъ названіе «La nation armée» и заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе современной военной организаціи и тактики. Переводъ также одобренъ специалистами. Подлинникъ написанъ барономъ Гольтцомъ, офицеромъ германскаго генеральнаго штаба, извѣстнымъ и во Франціи своими сочиненіемъ «Гамбетта и его армія». Книга Гольтца интересна не для однихъ военныхъ; это серьезный этюдъ всего, что въ какомъ либо отношеніи касается войны, ея необходимости, содержанія постоянныхъ армій, ихъ состава, командованія ими, военныхъ операцій, плановъ сраженій, дисциплины, системы продовольствія, расквартированія и воинской повинности. Это полный трактатъ военной науки, полный новыхъ взглядовъ, доказывающихъ націи, что она должна укрѣпиться, готовиться къ постояннымъ жертвамъ и развивать во всѣхъ своихъ членахъ воинскій энтузіазмъ. Для Франціи въ особенности книга Гольтца важна, какъ подробная картина военной организаціи Германіи и духа этой націи. Особенно любопытны мнѣнія нѣмецкихъ специалистовъ о французскихъ укрѣпленіяхъ на германской границѣ.

— Исторія нравовъ занимаетъ не послѣднее мѣсто во всеобщей исторіи народовъ, если черты этихъ нравовъ общечеловѣчны или характеризуютъ отдѣльную націю. Къ сочиненіямъ, описывающимъ характерныя явленія

мѣстныхъ нравовъ можно отнести новыя этюды XVIII столѣтія: «Важныя дамы и грѣшницы» (*Grandes dames et pécheuses*) Оноре Бонома, автора біографій г-жи Ментенонъ, Помпадуръ, герцога Пентьевра, Людовика XV и его семейства, издателя сочиненія Широна, Колле, Дефорж-Мальера, кавалера Эди и пр. Новый томъ изслѣдователя исторіи нравовъ XVIII столѣтія заключаетъ въ себѣ характеристику навѣстнаго генеральнаго откупщика Самуила Бернара и его трехъ дочерей, госпожи Виме, бывшей секретаремъ у графа д'Аржантала и г-жи Жоффренъ съ дочерью. Собственно біографія только этой писательницы имѣетъ литературное значеніе и заслуживаетъ остаться въ исторіи. Портретъ Жоффренъ хорошо набросанъ Бономомъ, съ жаромъ опровергающимъ въ этомъ очеркѣ обвиненіе энциклопедистовъ въ эгоизмъ и равнодушію къ несчастіямъ ближняго. Приводя примѣры вполнѣ гуманныхъ и благотворительныхъ поступковъ Вольтера, Гельвеція, Гольбаха, Дидеро, Даламбера, Дюкло, Томаса, Монтескье, авторъ отдастъ полную справедливость филантропіи г-жъ Жоффренъ, Аюссе, д'Эннине. Чтоже касается до біографій г-жъ Дюпенъ-де-Шенонсо, д'Арти и де ла Тушъ, похождения этихъ дамъ не выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ любовныхъ исторій, характеризующихъ легкіе нравы XVIII вѣка, но не заключающихъ въ себѣ ничего выдающагося. Для француза эти похождения дочерей всевластнаго въ свое время откупщика могутъ имѣть значеніе; русскій читатель ими не заинтересуется.

— Современная педагогика, преклоняясь передъ новыми авторитетами этой науки, забываетъ тѣхъ, которые если не положили ей основаніе, то содѣйствовали развитію въ ней правильныхъ взглядовъ и вѣрныхъ системъ. Поэтому Бернаръ Перезъ оказалъ услугу, напомнивъ въ своемъ сочиненіи о педагогѣ, имѣвшемъ большое вліяніе на развитіе педагогическаго метода. Книга «Жакото и его метода умственной эмансипаціи» (*Jacotot et sa methode d'emancipation intellectuelle*), представляетъ подробную оцѣнку мыслей и сочиненій этого педагога, умершаго 44 года тому назадъ. Жакото, конечно, во многомъ ошибался; его философская система, выведенная изъ педагогическихъ наблюденій, не выдерживаетъ критики. Наука послѣ него ушла несомнѣнно впередъ, но и до сихъ поръ изъ сочиненій его, выдержавшихъ десятки изданій, можно извлечь много полезнаго. Одновременно съ книгою Переза, вышло изслѣдованіе Гуго Геринга о методѣ всеобщаго обученія (*Joseph Jacotot's Universal-Unterricht*). Французскій авторъ разбираетъ сначала общія положенія Жакото: «всѣ интеллигенціи равны; удерживаютъ только то, что повторяютъ; ученымъ дѣлаетъ не ученіе, а сохраненіе въ памяти выученнаго; научиться можно и самому безъ посторонней помощи». Эти главныя мысли педагога, съ присоединеніемъ къ нимъ спорнаго и туманнаго теяса: «все заключается во всемъ» составляютъ сущность методы, изложенной и оцѣненной во всѣхъ подробностяхъ и, по книгѣ Переза, читатель можетъ составить себѣ ясное и полное понятіе о педагогѣ, именемъ котораго дижонскій муниципалитетъ назвалъ, девять лѣтъ тому назадъ, одну изъ главныхъ улицъ Дижона.

— Авторъ замѣчательной книги «Монастырская жизнь Карла V» (*The cloister life of Charles V*), недавно умершій баронетъ Стирлингъ-Максвелъ, издалъ другое еще болѣе интересное сочиненіе изъ той же эпохи «Донъ-Жуанъ Австрійскій, эпизоды изъ исторіи XVI вѣка» (*Don John of Austria or passages from the history of the sixteenth century*). Біографія эта отличается отъ всѣхъ

подобныхъ книгъ и въ типографскомъ отношеніи. Авторъ, во время своихъ путешествій, собралъ множество рисунковъ, относящихся къ его труду, всѣ портреты его героя отъ его молодости до смерти и помѣстилъ все это въ своей книгѣ, гдѣ находятся также портреты Карла V, Филиппа II, Изабеллы Валуа и всѣхъ главныхъ дѣятелей того времени. Особенно богата иллюстраціями глава, посвященная кораблямъ и морской войнѣ съ описаніемъ Лепантской битвы. Изображено также множество монетъ, оружія, медалей и т. и. Всѣ вѣнзелья взяты изъ рисунковъ и книгъ той эпохи. Авторъ не успѣлъ окончательно отдѣлать своего сочиненія и внести въ него послѣднія высканія историковъ. Онъ консерваторъ, но держится строгой исторической критики и нисколько не смягчаетъ отталкивающей характеристики Филиппа II. Лучшие эпизоды книги—восстаніе мавровъ, подавленное Донъ-Жуаномъ, и образование союза, послѣдствіемъ котораго было уничтоженіе турецкаго флота при Лепантѣ.

— Другой историкъ, Самуэль Гардинеръ, выпустилъ въ свѣтъ пятый томъ своей «Исторіи Англіи отъ восшествія Іакова I до начала междоусобной войны» (A history of England from the accession of James I to the outbreak of the civil war). Эта эпоха, обнимающая собою промежутокъ времени всего въ сорокъ лѣтъ (отъ 1603 до 1642 г.) будетъ рассказана авторомъ въ десяти объемистыхъ томахъ. Въ вышедшей уже первой половинѣ сочиненія всего замѣчательнѣе исторія паденія великаго канцлера Бекона. Призывая справедливость приговора, осудившаго канцлера за взятку, Гардинеръ доказываетъ однако, что взятка не имѣла вліянія на рѣшеніе Бекона, принятое еще до полученія ея. Онъ былъ все-таки, по словамъ автора, лучшей лѣтъ англійскихъ канцлеровъ, не говоря уже о другихъ его заслугахъ. Книга читается вообще легко и въ ней много новаго.

— Одинъ изъ лучшихъ англійскихъ археологовъ, Фримантъ, издавъ сочиненіе о городахъ и округахъ Англіи (English Town and districts). Въ нихъ, какъ извѣстно, не сохранилось замѣчательныхъ историческихъ памятниковъ, какъ въ городахъ Франціи, Италіи, Германіи, и Фримантъ объясняетъ это тѣмъ, что Англія сдѣлалась свободною раньше другихъ странъ Европы и въ ея городахъ не было надобности ни вельможамъ водвигать дворцовъ, ни горожанамъ устраивать замки въ защиту отъ феодаловъ. Новый трудъ автора «Исторія завоеванія Англіи норманнами», замѣчательнѣе тѣми же достоинствами, какъ и его прежнія сочиненія. Знанія его такъ велики и онъ говоритъ обо всемъ съ такою увѣренностью, что невольно напоминаетъ слова Льюиса о Маколей: «Я бы желалъ быть такъ невоозмутимо увѣреннымъ хотя въ одномъ фактѣ, какъ Маколей увѣренъ во всѣхъ».

— Явилось новое сочиненіе о крымской войнѣ, хотя и съ анекдотической точки зрѣнія. Оно носитъ названіе: «Съ лордомъ Стратфордомъ въ крымскую войну» (With lord Stratford in the Crimean War) и написано Джемсомъ Скеномъ. Хотя обязанности автора при лордѣ-посланникѣ были чисто гражданскія, но ему пришлось однажды принять команду надъ кавалерійскимъ отрядомъ, причеиъ онъ былъ раненъ саблей въ голову, ишею въ бокъ и икостолетной пулей въ ногу. Любопытны подробности о вліяніи Стратфорда-Редклифа на Абдулъ-Меджида. Англійскій посолъ въ Константинополѣ пользовался почти такою же властью, какъ и повелитель православныхъ. Это доказываетъ анекдотъ, приводимый Скеномъ. Узнавъ, что султанъ началъ строить новый лѣтній дворецъ, посланникъ потребовалъ аудіенціи и выра-

виль султану «незачальное удивленіе по поводу постройки новыхъ дворцовъ, когда имперія разрушается». Смущенный султанъ поручилъ Эльхи-бею узнать, чего желаетъ разгнѣванный посолье. «Скажите его величеству, отвѣчалъ Редклиффъ, что у него уже восемь дворцовъ и что если онъ захочетъ—въ то время когда его армія не на что купить хлѣба—тратить деньги на девятый дворецъ, который займетъ русскій царь, то пусть не надѣется на помощь союзниковъ Турціи». Абдуль-Меджидъ приказалъ тотчасъ же остановить работы. Другой случай, приводимый Скеномъ, еще характеристичнѣе. По мусульманскому закону, принявшій исламъ и снова перешедшій потомъ въ другую религію подлежитъ смертной казни. Между тѣмъ, въ это время шейхъ-уль-исламу донесено, что армянинъ, сдѣлавшійся магометаниномъ, обратился въ прежнее вѣрованіе. Ему присудили отрубить голову. Редклиффъ объявилъ, что онъ прерветъ дипломатическія сношенія и уйдетъ изъ Константинополя. Султанъ не зналъ, что дѣлать, опасаясь врыва фанатизма. «Вы калифъ и поэтому можете измѣнить мусульманскій законъ», отвѣчалъ посланникъ. Абдуль-Меджидъ въ нерѣшимости началъ диктовать указъ въ уклончивыхъ выраженіяхъ. Это замѣтилъ Редклиффу секретарь посольства, и тотъ самъ приказалъ написать три слова, къ которымъ султанъ приложилъ свою печать и отправилъ бумагу къ шейхъ-уль-исламу. Слова эти были: «обращенный не можетъ быть казненъ смертью» (муктаб катиль олмас). Съ тѣхъ поръ въ Константинополѣ никто не казненъ за переѣзду религіи. Подобныхъ анекдотовъ много въ интересной книгѣ Скена.

— Полна современнаго интереса книга Вильерса Стюарта «Египетъ послѣ войны» (Egypt after War). Авторъ провелъ въ этой странѣ зиму 1882—83 года. Главною цѣлью его было—изученіе положенія феллаховъ и способовъ облегчить это положеніе. На основаніи этихъ изслѣдованій, лордъ Дюфферинъ представилъ свои донесенія парламенту, въ февралѣ 1883 года, но официальныя донесенія мало кто читаетъ, а книгу Стюарта прочтутъ конечно съ любопытствомъ всѣ, кто слѣдитъ за выдающимися событиями нашего времени. Авторъ представляетъ феллаховъ вовсе не такими жалкими идолами, какъ обыкновенно ихъ описываютъ. Они, правда, загнаны, принижены, ограблены, но возрожденіе ихъ, при лучшей системѣ управленія, не подлежитъ сомнѣнію. Стюартъ сознается, что туземный землевладѣлецъ, на котораго работаютъ феллахи, гораздо хуже турка, да не лучше его и англичанинъ. Но вывести страну изъ ея отчаяннаго экономическаго и политическаго положенія можетъ только англійское правительство. Народъ положительно не въ состояніи уплатить внутренняго долга въ 7 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (болѣе 70 милліоновъ рублей). Всѣ остальные внутренніе вопросы въ сравненіи съ этимъ отходятъ на второй планъ, также какъ и вообще все, что авторъ сообщаетъ о другихъ данныхъ въ странѣ. Но констатируя ея критическое положеніе, онъ не указываетъ на средства, какъ облегчить его.

— Восточная филологія обогатилась замѣчательнымъ сочиненіемъ «Санскрито буддійская литература въ Непалѣ» (The Sanscrit Buddhist Literature of Nepal) написаннымъ и изданнымъ въ Калькуттѣ туземнымъ индійскимъ писателемъ Раджендрала Митро. Послѣ классическаго сочиненія Бюриуфа о буддизмѣ, это лучший трудъ по этому вопросу. Авторъ доказываетъ, что первоначально буддійское ученіе преподавалось на санскритскомъ языкѣ, а не на языкѣ пали, и говоритъ о пронаведеніяхъ этой литературы, начиная съ «жатакъ», или «птичьихъ исторій», специальной формы, въ которой про-

являются буддистскія произведенія. Затѣмъ разбираются «винайи» или дисциплинарныя правила религиозныхъ обществъ; сборники сказокъ «Водисатва-вадана» и др., длинный романъ «Дасакумаракарита», полный любопытныхъ походовъ. Мистическія и богослужебныя книги занимаютъ въ этой литературѣ первостепенное мѣсто.

— Гораздо болѣе интересно для насъ другое сочиненіе по части сравнительной филологіи «Славянское и латинское» (Slavic and Latin). Это четыре лекціи, читанныя Абелемъ въ Ильчестерѣ. Названіе, данное докторомъ этому сборнику, неточно; о латинскомъ языкѣ въ немъ почти ничего не говорится, а рассматриваются два славянскія нарѣчія—великорусское и малороссійское, въ особенності по отношенію къ ихъ различію, обусловливаемому равною расою и темпераментомъ. Абель близокъ знакомъ съ особенностями рѣчи великорусскаго племени, въ которомъ такъ много финской и татарской крови, и находитъ, что болѣе чистый славянскій элементъ сохранился у малорусовъ и даже въ Вѣлорусіи, долго находившейся подъ литовскимъ и польскимъ владычествомъ. Этотъ парадоксъ онь поддерживаетъ сравненіемъ польскихъ словъ: wolny—лично свободный, и swobodny—политически-свободный съ такими-же русскими словами. Подобныя-же диалектико—лингвистическія тонкости—онъ видитъ въ словахъ, равнозначущихъ съ англійскими gentleman и nobleman. Привнявая за малороссами поэтическій и предпримчивый характеръ, а за великоруссами практическій и выносливый, авторъ послѣднее свойство приписываетъ преобладанію финскаго элемента, благотворному влиянію котораго Россія обязана тѣмъ, что со стойкостью и терпѣніемъ переносила тяжелыя эпохи своей народной исторіи. Абель не раздѣляетъ нерасположенія многихъ иностранцевъ къ русскому народу и не винитъ высшихъ классовъ его въ распущенности и апатіи. Онь убѣжденъ, напротивъ, въ здравомысліи, твердости и предпримчивости низшихъ слоевъ малорусскаго общества, въ которомъ соединяются финская смелость съ польскою отвагою, терпѣливая выносливость татарина съ легкою подвижностью славянина, даже армянская хитрость съ нѣмецкою обдуманностью и методичностью. Русскіе крестьяне гораздо менѣе образованы, чѣмъ низшіе классы другихъ европейскіхъ странъ, но высшіе классы равны по интеллигенціи образованнымъ европейцамъ и даже превосходятъ многихъ изъ нихъ. Подобныя сужденія не часто случается встрѣчать у европейскихъ писателей.

— Съ новаго года началъ выходить новый журналъ на французскомъ языкѣ, подъ редакціею итальянскаго писателя «Международное Обзорніе» (Revue internationale). Цѣль изданія—знакомить космополитическую публику съ умственнымъ движеніемъ всѣхъ странъ въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ. Для международныхъ сношеній интеллигенціи всего свѣта редакторъ Анджело де-Губернатисъ избралъ и международный языкъ. Первая книжка журнала составлена весьма разнообразно и интересно. Въ ней участвуютъ писатели разныхъ націй, чуждые племенной неприязни. Мюнхенскій профессоръ Гольцендорфъ доказываетъ необходимость учрежденія кафедръ «международнаго обученія» въ римскомъ университетѣ; флорентинскій профессоръ Джуліани вспоминаетъ о своемъ великомъ соотечественникѣ Данте, латинскій—Лавеле говоритъ о парламентскомъ управленіи въ Бельгіи, оксфордскій—Максъ Мюллеръ пишетъ о жизни и заслугахъ индійскаго ученаго Раммогун-рая; Дора д'Истрія (княгиня Кольцова-Масальская) передаетъ легенду о Рюрикѣ, Стефанія Воль рассказываетъ венгерскую по-

вѣсть; политика, книги, театры разбираются компетентными лицами. Объ умственномъ движеніи въ разныхъ странахъ сообщаютъ корреспондентіи изъ Парижа, Берлина, Вѣны, Петербурга, Вѣлграда, Лиссабона, Стокгольма, Лейдена, Бразиліи, Бомбея, Гонолулу. Петербургскій корреспондентъ приводитъ содержаніе главныхъ статей послѣднихъ книжекъ «Вѣстника Европы», «Отечественныхъ Записокъ», «Русской Мысли» и «Русскаго Вѣстника». Однимъ словомъ, журналъ составителя прекраснаго международнаго словаря современныхъ писателей вполне отвѣчаетъ космополитическимъ отношеніямъ интеллигенціи всѣхъ странъ и народовъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Еъ біографіи князя П. И. Ваграціона.

ИЗВѢСТНО, что князь П. И. Ваграціонъ, одинъ изъ выдающихся генераловъ отечественной войны, въ Вородинской битвѣ былъ тяжело раненъ. Послѣ этого онъ отправился для пользованія въ имѣніе друга своего, князя В. А. Голицына, село Симу, Юрьевского уѣзда, Владимірской губерніи. Здѣсь онъ и скончался 12 сентября 1812 года и былъ похороненъ въ мѣстной Бого-явленской церкви. Мѣсто, гдѣ погребенъ князь П. И. Ваграціонъ, доселѣ обнесено желѣзной рѣшеткою и при ней находится бронзовая вывоченная доска съ слѣдующей надписью:

«Князь Петръ Ивановичъ Ваграціонъ, находясь у друга своего, князя Бориса Андреевича Голицына, въ селѣ Симѣ, получилъ Высочайшее повелѣніе быть главнокомандующимъ 2-ю западною арміею. Изъ Симы отправился къ оной и будучи раненъ въ дѣлѣ при Вородинѣ, прибылъ опять въ Симу, гдѣ и скончался».

Затѣмъ слѣдуютъ стихи графа Хвостова и въ концѣ эпитафія:

«Князю П. И. Ваграціону истинная дружба.
«Прохожіи! въ Симѣ зри того Героя прахъ,
Которой громъ металъ на Альпа высотахъ.
Бог—рати—онъ, слуга отечества и трона
Здѣсь кончилъ жизнь свою, разя Наполеона».

Въ 1839 году, по волѣ государя Николая Павловича, прахъ его былъ перенесенъ на Вородинское поле ко времени торжественнаго открытія памятника во славу воиновъ, падшихъ въ Вородинской битвѣ.

Сообщено Н. А. Добротворскимъ.

Русская фехтовальная пѣснь.

Въ 1857 году, была собрана команда матросовъ для изученія гимнастики и фехтованія, съ цѣлью образоватъ учителей, могущихъ преподаватъ въ морскихъ экипажахъ правила гимнастики и фехтованія. Главнѣй надворъ за обученіемъ фехтованія въ морской учебной командѣ былъ порученъ известному преподавателю Роберту Самуиловичу Гавеману.

Команда эта занималась ежедневно, по три часа съ получасовымъ отдыхомъ. Передъ окончаніемъ занятій, матросовъ заставляли ходить гимнастическимъ, бѣглымъ и потомъ обыкновеннымъ шагомъ, причежъ они пѣли пѣсни.

При фехтованіи принято всѣ приемы называть по-французски, но такъ какъ матросы коверкали французскія слова, то г. Гавеманъ замѣнилъ ихъ русскими названіями.

стойка—garde.

переносъ—dégagé.

перемѣнить—dégager.

обманъ—une, deux.

на крестъ—flapconnade,

шпагу ваять—engagé.

вызовъ—appel.

наступать—avancer.

утекать—gompre.

справа—sur les armes.

слѣва—dans les armes.

отъ себя—tièrce.

къ себѣ—quatre.

съ поворотомъ—seconde.

отвѣтъ—riposte.

круговой—contre.

сдвоить—double.

Для облегченія запоминанія всѣхъ правилъ, ему пришла мысль составитъ слѣдующую пѣснь:

Ну ребята, не зѣвать,
 Какъ придется воевать!
 Саблей надо управлять,
 И штыка не забывать.
 А чтобъ лучше это знать
 Шпагой надо начинать.
 Чтобы ловко фехтовать
 Корпусъ надо упражнять,
 Руки, ноги развивать,
 Головою же смѣкать
 Какъ себя оберегать
 И врага намъ поражать.
 Въ стойку надо ловко встать,
 Грудь поменьше открывать,
 Руку ниже плечъ держать
 И ее не вытягивать.
 А придется нападать,
 Руку вѣрно посылать,
 Задній слѣдъ не отдѣлять
 Да проворно выпадать.
 Въ стойку чтобы скоро встать
 Ногу заднюю сгибать,
 А передней помогать,
 Корпусъ живо убирать.
 Если будетъ врагъ зѣвать—
 Грудь свою не закрывать,
 Смѣло прямо поражать.
 Вудеть шпагой нажимать—
 Переносомъ досаждать,

Или обманъ употреблять.
 Будеть руку вытягать,
 На крестъ подь руку валять,
 Въ правый бокъ чтобъ угрожать.
 Чтобы лучше замудрить—
 Шпагу взять, пережѣнить.
 А захочется открытъ,
 Вызовъ сдѣлать, и грозить—
 Прямо въ сердце удружить.
 Но при этомъ не забыть
 Нападене отравить.
 Если будетъ наступать
 Не робѣть, атаковать.
 Вадумаетъ же утекать,
 Шагъ впередъ и доканать.
 Если будетъ нападать,
 Чтобы справа поражать,
 Отъ себя, и не зѣвать—
 Съ поворотомъ посылать.
 А захочетъ онъ шутить,
 Слѣва другу удружить,
 Къ себѣ живо отбивать,
 И проворно отвѣчать.
 Обманъ вадумаетъ задать,
 Круговой не забывать.
 А захочетъ онъ сдвинуть
 Надо круговой ужъ брать
 И простой не забывать
 Будеть низко посылать
 Внизъ къ себѣ и не зѣвать
 Руку выше удержать.
 Въ заключеніе сказать,
 Какъ другаго обучать:
 Знай всегда какъ отвѣчать
 И старайся замѣчать
 Какъ ошибки исправлять,
 Не серчать и не ворчать,
 Разъ хоть двадцать повторять
 Да успѣха ожидать.

Сообщено П. Я. Дашковымъ.

С М Ъ С Ъ.

АВА ДУХОВНЫХЪ юбилей. Прошлый годъ былъ особенно богатъ юбилеями. Записи на страницы нашего изданія описаніе тѣхъ юбилеевъ, которые имѣли историческое значеніе, мы не успѣли еще упомянуть о двухъ важныхъ годовщинахъ, хотя и не сопровождавшихся празднованіемъ и торжествами. Въ послѣднихъ числахъ декабря исполнилось пятьсотъ лѣтъ со времени открытія епископской кафедръ въ Перми. Исторія этой кафедры въ то же время и исторія мирнаго утвержденія вліянія московскаго государства въ Соль-Вычегодскомъ край, населенномъ вырянами, прежними данниками Новгорода. Изъ этого края московское вліяніе и московская власть постепенно охватили и весь сѣверо-восточный край Россіи, до поселеній вогуловъ и остяковъ. Учрежденіе пермской кафедры неразрывно связано съ именемъ Стефана Пермскаго. Стефанъ родился въ г. Устюгѣ, между 1335—1340 годами. Способность къ ученію и нравственныя качества отличали его съ младенчества; когда же, въ 1365 г., поступилъ онъ монахомъ въ ростовскій монастырь Григорія Богослова, иначе называемый «Затворъ», то обратилъ на себя подвижническою жизнью всеобщее вниманіе. Въ это время онъ началъ уже подготовляться къ апостольской дѣятельности въ Перми: научился пермскому языку, изобрѣлъ пермскій алфавитъ и перевелъ русскія священныя книги на языкъ пермскій, для чего основательно изучилъ и греческій языкъ. Въ 1379 году, Стефанъ, получивъ отъ коломенскаго епископа Герасима благословеніе на проповѣдь ученія Христа въ средѣ вычегодскихъ вырянъ, отправился къ нимъ и проповѣдывалъ четыре года въ край съ полнымъ успѣхомъ, преодолевая козни язычниковъ, уничтожая кумиры и распространяя вновь переведенныя (прежнія сгорѣли во время пожара въ Ростовѣ) на пермскій языкъ священныя книги. Въ концѣ 1383 года, когда паства Стефана дошла до семисотъ человѣкъ, она убѣдила его отправиться въ Москву, просить себѣ епископа. Митрополитъ же Пименъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Дмитріемъ Донскимъ, рѣшили сдѣлать Стефана епископомъ Пермскимъ. Отъ этого вліяніе Москвы проникло на весь сѣверо-востокъ Россіи: двинская, вятская земли, вскорѣ послѣ кончины Стефана, 26 апрѣля 1396 года, присоединились къ московскому великому княжеству. За свою апостольскую дѣятельность

въ Перми, Стефанъ признанъ святымъ. Могицы его лежать въ Московскомъ Кремлѣ, въ церкви Спаса на Вору. Русская исторія сохранила о немъ память, какъ о великомъ подвижникѣ русской церкви, какъ объ одномъ изъ собирателей русской земли.

— Другой, трехсотлѣтній юбилей также просвѣтителя полудикихъ ино-родцевъ, преподобнаго Трифона, исполнился 15 декабря, въ день его кончины въ 1583 году. Онъ навѣстенъ какъ настырь лопарей и основатель Печенгскаго монастыря въ Архангельской губерніи, Кольскаго уѣзда. Этотъ монастырь находился въ Печенгской губѣ Сѣвернаго океана, подъ 69 $\frac{1}{2}$ ° с. ш. и въ XVI столѣтіи провадилъ значительную морскую торговлю. Трифонъ, основатель монастыря, родился въ 1485 году въ предѣлахъ Новгородской губерніи, близъ города Торжка, а умеръ въ основанномъ имъ монастырѣ, гдѣ почитается въ настоящее время, въ приходской церкви, находящейся на мѣстѣ бывшаго монастыря. Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ онъ удалился въ поморье Сѣвернаго океана, на рѣку Печеру, гдѣ обитало племя язычниковъ лопарей. Тогда во всей странѣ, занимавшей площадь въ 500 верстъ въ длину и почти столько же въ ширину, только въ городѣ Колѣ была часовня, церквей же нигдѣ не было. Не мало лѣтъ трудился Трифонъ на берегахъ рѣкъ Печенти и Поурѣки, проповѣдуя и обращая лопарей въ христіанство. Обитель Трифона сдѣлалась главнымъ разсадникомъ просвѣщенія на далекомъ сѣверѣ. Иванъ Грозный далъ особую грамоту Трифону на владѣніе окрестными землями и водами. Грамота эта найдена только теперь; она помѣчена 1556 годомъ. Трифонъ основалъ въ Варангерскомъ поморьѣ и на Мурманѣ рыболовство, звѣроловство, ловлю устрицъ, соляныя варницы, лѣсные дворы, мельницы, разные заводы и промышленныя суда. Вслѣдствіе этого, стали приходять въ Печенгскую гавань иностранныя корабли съ товарами, которые получались въ обмѣнъ производствъ монастырскихъ промысловъ. Кромѣ инкозовъ, обывателей, слугъ и дѣтей, въ монастырѣ жили лопари, мельники, разные мастера и звѣроловы. Монастырскія ладья грузились въ варангерскія гаванихъ не только произведеніями домашнихъ промысловъ, но и нѣмецкими товарами, получаемыми на печенгскомъ торжкѣ, и торговали въ датскихъ заливахъ и далѣе. Монастырская экономія отпускала ежегодно во внутрь Россіи до 40 тысячъ пудовъ соли. Сбытъ товаровъ производился во всѣхъ попутныхъ городахъ, начиная съ Архангельска до Вологды и Ярославля. Нѣкоторые грузы достигали даже Москвы. Такія операціи монастыря потребовали устройства складовъ на всѣхъ главныхъ пунктахъ торговаго пути. Но быстрое развитіе русскаго торговаго мореходства на сѣверѣ не нравилось шведамъ и норвежцамъ. Въ 1590 году, т. е. черезъ 7 лѣтъ по смерти Трифона, въ день Рождества Христова, шведы и норвежцы напали на обитель и избили въ ней молящихся: 51 человекъ братій, 65 послушниковъ, всего 116 человекъ были иврублены, а самый монастырь сожженъ. Въ 1617 году, при заключеніи столбовскаго мира, шведы успѣли завладѣть русскими землями и захватили земля, пожалованная печенгскому монастырю. Въ 1826 году, въ мирное время, тамъ отмежеваны были имъ наши лучшіе, не замерзающіе заливы: Невденскій, Поурѣдскій и Рондинскій, съ окрестными землями, на которыхъ жили православныя лопари. Въ 1844 году вся эта земля окончательно уступлена Швеціи. Въ настоящее время возникла мысль восстановить Печенгскій монастырь. Съ этою цѣлью въ Архангельскѣ образовался комитетъ, который дѣятельно работаетъ по этому вопросу.

Намѣтникъ Пушкину въ Кишиневѣ. Въ этомъ городѣ, еще въ концѣ прошлаго года, пронесходила установка бюста А. С. Пушкина въ городскомъ саду. На площадкѣ, на которую ведутъ три гранитныя ступеньки, установлена высокая колонна изъ отшлифованнаго темнаго гранита, и на ней красуется бюстъ великаго поэта, изображеннаго съ обнаженною головою и съ накиннутымъ на плечи плащомъ. На лѣнцовой створѣ колонны, обращенной внутрь сада, надпись золотыми буквами:

« П У Ш К И Н У

26 мая 1884 года».

На противоположной сторонѣ надпись:

«Здѣсь, дѣрой сѣверной пустыни оглашая, скитался я...

«1820, 1821, 1822, 1823».

Послѣ установки, бюстъ былъ закрытъ краснымъ сукномъ, такъ какъ открытіе отглаживается до дня годовщины рожденія великаго поэта—26 мая 1884 года; до того же времени, памятникъ будетъ закрытъ деревяннымъ балаганомъ.

Новооткрытая драма XVIII вѣка. Въ послѣднемъ засѣданіи Общества любителей древней письменности, И. В. Помяловскій сдѣлалъ сообщеніе о рукописи принесенной въ даръ обществу М. П. Петровскимъ. По словамъ г. Помяловскаго, эта рукопись относится къ концу XVII или началу XVIII столѣтія; она представляетъ интересный образецъ латинско-польскихъ драмъ того времени. На первомъ листѣ рукописи написано заглавіе пьесы: *Bela, Russiae principis reestablishissimus*. Изъ самаго же текста видно, что Бела, играющій въ драмѣ главную роль, князь венгерскій, сынъ Ладислава и двоюродный внукъ царя Стефана. Общая канва содержанія взята изъ разсказа Длугоша, 1032 года, о помощи, которую оказали Польшѣ въ походѣ на поморьянъ три венгерскихъ царевича—Бела, Андрей и Леванта. По своей формѣ, пьеса представляетъ драму, написанную согласно всѣмъ требованіямъ теоріи, и вложенную довольно плавною латинскою рѣчью, соблюдающею правила просодии и метрики. Особенность этой рѣчи—ея шаблонность; того, что называется стилемъ, у автора не замѣтно и его языкъ очевидно, для него мертвый, усвоенный имъ теоретически. Не смотря на поиски, не удалось розыскать имени автора пьесы и того, издана она или нѣтъ.

Памятникъ великой княгини Александры Павловны. Въ десяти верстахъ отъ Буда-Пешта, по старой вѣнской дорогѣ, среди отлогихъ возвышенностей, покрытыхъ виноградниками, раскинулась небольшая деревушка Иромъ, мѣсто погребенія великой княгини Александры Павловны, бывшей палатини венгерской. Эта деревушка принадлежитъ эрцгерцогу Иосифу, сыну покойнаго палатина Иосифа, бывшаго супругомъ великой княгини. Живописное положеніе этой мѣстности очень нравилось покойной палатинѣ и она думала устроить здѣсь лѣтнюю резиденцію. При вѣздѣ въ деревушку, среди незагнѣиваго сада, устроены императорскій надгробный храмъ, прочно сложенный изъ цѣльныхъ цоколей мѣстной каменоломни. Снаружи онъ имѣетъ видъ продолговатаго четырех-угольника, а внутри форму правильнаго овала, съ невысокимъ сводомъ. Похъ поломъ находится склепъ, въ которомъ на каменномъ пьедесталѣ поставленъ гробъ съ останками великой княгини, съ бархатнымъ покровомъ. На восточной сторонѣ склепа крестъ, съ надписью: «Во имя пресвятыя, животворящія и нераздѣльныя Троицы водрузился сей св. крестъ, по благоволенію его императорскаго величества благочестивѣйшаго императора всероссійскаго Александра I, по благоутробному обѣту и горячѣйшей любви его императорскаго высочества венгерскаго палатина Иосифа къ блаженной и вѣчно-достойной памяти своей вселюбезнѣйшей супругѣ, ея императорскому высочеству великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, эрцгерцогинѣ австрійской, на свиданіе православной греко-россійской церкви, во имя св. и праведнаго Иосифа и св. мученицы царицы Александры, въ которой гробъ ея высочества долженствуетъ предпочтѣть навсегда. Священный сей обрядъ совершалъ 1801 года, м. іюня 19 дня, въ присутствіи его престоходительства г. камергера и кавалера Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола, отправляющаго должность россійскаго министра при императорскомъ вѣнскомъ дворѣ, духовника Андрей Самборскій. Первый четверугольный средо-

стѣнный камень въ христіанскомъ единодушіи положили: превосходительный г. Муравьевъ-Апостолъ, г. обергофмейстеръ сіятельный графъ Сапари и пречестный преподѣль оберъ-духовникъ придворный А. Самборскій». Гробъ съ останками великой княгини перенесенъ сюда только въ 1803 году. Въ 1838 году, храмъ обновленъ, украшенъ и вновь освященъ. Въ 1879 году, по повелѣнію эрцгерцога Іосифа, снова совершенно обновленіе иромскаго храма: онъ былъ отремонтированъ и выкрашенъ. Но не смотря на это, скоро оказалось необходимымъ полное и всестороннее его обновленіе, и въ прошломъ году, когда исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія покойной великой княгини, настоятель иромскаго храма ходатайствовалъ въ Петербургѣ о необходимости обновленія императорскаго надгробнаго храма ко дню юбилейнаго поминанія почивающей въ немъ великой княгини. Его Величество пожертвовалъ для иромскаго храма новый иконостасъ въ рѣзной дубовой рамкѣ, церковныя облаченія и другіе предметы церковной утвари. Эрцгерцогъ Іосифъ обѣщаль лично присутствовать при торжествѣ возобновленія храма, но обстоятельства помѣшали этому. Ко дню столѣтней годовщины прибылъ изъ Штутгарта протоіерей Базаровъ, члены русскаго посольства въ Вѣнѣ и генеральнаго консульства въ Вуда-Пештѣ. Масса народа окружала храмъ, за лѣннѣніемъ достаточнаго мѣста внутри его. Православные сербы изъ ближайшихъ деревень вереницею стремились къ церкви. Былъ приглашенъ хоръ пѣвчихъ сербской православной церкви въ Вуда-Пештѣ. Этимъ обновленіемъ иромской церкви благолѣпіе ея обезпечено на многія десятилѣтія. При иромскомъ храмѣ, въ періодъ его 82-лѣтняго существованія, было 11 настоятелей. Продолжительнѣе всѣхъ (около 20 лѣтъ) служилъ здѣсь протоіерей Войтковскій, нынѣшній профессоръ новороссійскаго университета. Въ церковной оградѣ на правой сторонѣ, за тотъ же періодъ времени, успѣло образоваться и русское кладбище. Здѣсь погребены: протоіерей, іеромонахъ, священники, псаломщики, діаконы, прослужившіи здѣсь около 33 лѣтъ, и нѣсколько членовъ семействъ священниковъ и церковнослужителей.

Статліе Мраморнаго дворца. Екатерина II воздвигнула этотъ дворецъ для графа Григорія Григорьевича Орлова. Тринадцать лѣтъ продолжалась постройка Мраморнаго дворца по проекту архитектора Гваренги, пока, наконецъ, не была окончена въ 1783 году. Но графъ Орловъ не дожидь до той минуты, когда принялъ бы этотъ высочайшій подарокъ, на которомъ, по повелѣнію императрицы, была выбита надпись: «Зданіе благодарности», и умеръ не переѣхавъ во дворецъ. Впослѣдствіи, Екатерина Великая купила этотъ домъ у наследниковъ Орлова и передала его въ казну. Григорій Орловъ, какъ извѣстно, оказалъ дѣятельное содѣйствіе вступленію на престолъ Екатерины II и былъ самымъ приближеннымъ къ ней лицомъ. За пожалованный дворецъ Орловъ поднесъ императрицѣ знаменитый брилліантъ, которымъ украшенъ императорскій скипетръ. Кроме того, Орловъ, въ благодарность за полученный подарокъ, выстроилъ на свой счетъ въ Петербургѣ арсеналъ, то зданіе, въ которомъ въ настоящее время находятся судебныя мѣста. Мраморный дворецъ остается до настоящаго времени единственнымъ въ своемъ родѣ зданіемъ; въ немъ, кромѣ штучныхъ половъ и дверей, все прочее сдѣлано изъ мрамора, бронзы и желѣза, а кровли обиты мѣдными листами. Нижній этажъ его весь облицованъ тесаными дикимъ камнемъ, а верхніе два — полированными разноцвѣтнымъ финляндскимъ и сибирскимъ мраморомъ, изъ котораго сдѣланы и карнизы. Во всѣхъ окнахъ вставлены были, тогда составлявшія большую рѣдкость, зеркалаыя стекла въ бронзовыхъ вызолоченныхъ рамахъ; такія-же рѣшетки были сдѣланы и на большихъ балконахъ. Карнизы украшены вазами, урнами и другими мраморными фигурами. Внутреннее убранство комнатъ отличалось роскошью, богатствомъ и разнообразіемъ предметовъ, особенно въ среднемъ этажѣ; превосходная живопись, роскошныя драпировки оконъ, отдѣлка стѣнъ, вмѣсто обоевъ, паль-

новыми барельефами, лапис-лазурью и яшмой, мебель, роскошно вышитая шелками и гарусомъ, дорогія вазы, громадные зеркала, восточныя ванны и множество другихъ предметовъ изумляли посѣтителя. Изъ новыхъ украшений дворца, заслуживаетъ вниманія оружейная, устроенная въ бывшемъ концертномъ залѣ, гдѣ было собрано множество достопримѣчательныхъ рѣдкостей; кромѣ того, богатая коллекція картинъ и бібліотека, собранная въ царствованіе Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны барономъ Корфомъ и купленная императрицей Екатериной для наследника престола. При Николаѣ I дворець принадлежалъ цесаревичу Константину, а послѣ его кончины нѣкоторое время оставался пустымъ и большая часть мебели и вещей перенесены были въ другіе дворцы. Наконецъ, 1832 года, дворець назначенъ великому князю Константину Николаевичу и принятъ въ вѣдѣніе департамента уѣзловъ. Во дворцѣ находится небольшая домовая церковь во имя Введенія во храмъ Богородицы; она помѣщается въ нижнемъ этажѣ, въ комнатѣ, имѣющей только три окна, обращенныхъ на набережную Невы. Находящіеся въ ней образа переданы сюда изъ комнатъ цесаревича Константина. Особенно обращаютъ на себя вниманіе два маленькіе образа, писанные на яшмовыхъ доскахъ и представляющіе: Воздвиженіе Креста и князя Владимира и Ольгу; затѣмъ запрестольный образъ страданій Спасителя, снятіе со креста и образъ Божіей Матери, мозаичной работы. Рядомъ съ дворцомъ находится большой флигель, отдѣленный отъ него площадью въ 25 сажень длины, обнесенный желѣзною рѣшеткой на гранитномъ фундаментѣ. Въ немъ находится манежъ, службы и квартиры служащихъ при дворцѣ.

Четырехсотлѣтняя годовщина Цвингли. Вся протестантская Швейцарія отпраздновала съ большою торжественностью четырехсотлѣтнюю годовщину рожденія Цвингли. Во всѣхъ церквахъ говорились на эту тему проповѣди, читались рѣчи для взрослыхъ и дѣтей, пѣлись религіозныя и національныя пѣсни, а также пѣсни, сочиненныя и переложенныя на музыку самимъ Цвингли. Особенно выдавалось празднество у «камня Цвингли», близъ Капеля, гдѣ Цвингли умеръ геройской смертью въ борьбѣ за свое дѣло. Въ Цюрихѣ празднество происходило въ концертной залѣ. Академическое празднество состоялось въ залѣ университета, гдѣ Швейцерь произнесъ рѣчь, въ которой провѣлъ параллель между Лютеромъ и Цвингли. Изъ Германіи, Нидерландовъ и Шотландіи присланы поздравленія. Во всѣхъ проповѣдяхъ и рефератахъ Цвингли выставляется не только реформаторомъ, организовавшимъ церковь на демократическомъ основаніи, но также великимъ патриотомъ и государственнымъ мужемъ, идеаломъ котораго было сильное союзное государство. Менѣе счастливый чѣмъ Лютеръ, Цвингли не прославился подобно ему, хотя превосходилъ реформатора логической послѣдовательностью ученія. Правда, дѣятельность его была непродолжительна и условія, при которыхъ проявлялась она, были другія, но теоретическая часть его ученія гораздо систематичнѣе. На попріще проповѣдника Цвингли выступилъ въ 1506 году, по окончаніи ученія въ Вернѣ, Базелѣ и въ вѣнскомъ университетѣ, курсъ котораго далеко не удовлетворилъ его; по возвращеніи въ отечество, молодой ученый основательно изучилъ греческій языкъ и творенія гуманистовъ, продолжая заниматься изученіемъ священнаго писанія по греческому тексту. Въ 1512 и 1515 годахъ, онъ сдѣлалъ два похода съ наемными швейцарцами въ качествѣ полкового священника. Проповѣди Цвингли въ это время были полны скорби и гнѣва. Въ 1516 году, Цвингли былъ священникомъ въ аббатствѣ Эйнзидельскомъ. Здѣсь началась его реформатская дѣятельность: онъ прямо говорилъ многочисленнымъ пилигримамъ, что процентъ грѣховъ достигается не паломничествомъ и обѣтами, а исправленіемъ жизни и покаяніемъ, причѣмъ совѣтовалъ призывать въ часъ смерти только Христа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ въ частныхъ разговорахъ съ садовниками церкви и въ письмахъ къ нимъ высказывалъ мысли о неотложности цер-

ковной реформы, но видя безуспѣшность своихъ усилій, открылъ въ 1519 году кампанію противъ католицизма рядомъ проповѣдей въ Цюрихѣ, въ которыхъ говорилъ не только противъ суевѣрія, лицемѣрія, упадка нравственности и злоупотребленій церкви, но и противъ разврата, жалуясь на упадокъ швейцарской чести. Римская курія была особенно недовольна тѣмъ, что Цвингли отговаривалъ швейцарцевъ отъ послушенія въ службу папы. Папскій легатъ возбудилъ противъ него гоненіе, но цюрихскій совѣтъ отстоялъ проповѣдника, объявивъ, что всѣ духовныя лица имѣютъ право разъяснять евангеліе согласно съ духомъ священнаго писанія. Ободренный Цвингли сталъ проповѣдовать противъ обязательности постовъ и безбрачія духовенства и наконецъ предложилъ публичный диспутъ своимъ противникамъ, выставивъ 67 тезисовъ, сущность которыхъ заключается въ томъ, что они исключаютъ изъ области церковнаго устройства и религій все, что не можетъ быть доказано на основаніи священнаго писанія. Противники Цвингли были поражены на этомъ диспутѣ и цюрихскій совѣтъ предоставилъ какъ побѣдителю, такъ и другимъ духовнымъ, право свободы проповѣди. Такимъ образомъ въ богослуженіе былъ введенъ отечественный языкъ вмѣсто латинскаго, доходы монастырей обращены на дѣло народнаго образованія; безбрачіе духовенства отмѣнено и причащеніе принято подъ обоими видами. Ученіе это вскорѣ распространилось среди крестьянскаго населенія кантоновъ. Между тѣмъ Цвингли готовилъ новый ударъ: онъ желалъ придать большимъ кантонамъ значеніе, соотвѣтствующее ихъ пространству, богатству и населенію. Эта часть программы реформатора и была главною причиною ненависти католическихъ и древнихъ кантоновъ, которые наконецъ восторжествовали, съ одной стороны потому, что союзники Цюриха дѣйствовали робко и неединодушно, а съ другой потому, что Германія не дала ему помощи, такъ какъ Лютеръ, разойдись окончательно съ швейцарскимъ реформаторомъ на марбургскихъ засѣданіяхъ, былъ противъ него. Цвингли палъ съ оружіемъ въ рукахъ въ сраженіи при Каппелѣ въ 1531 году. Обстоятельства помѣшали ему довести свою реформу до конца.

† Въ Одессѣ умеръ, на 58-мъ году, талантливый русскій публицистъ Ротиславъ Андреевичъ Фадѣевъ. Служебная карьера его неслучательна. Произведенный въ офицеры, въ 1842 году, онъ въ 1864 году былъ генераломъ, но военными подвигами не прославился. Воевалъ онъ всю жизнь на бумагѣ — и на воприцѣ публициста кампаніи его были весьма замѣчательны, хотя онъ сражался за дѣло, которому не сочувствовало общественное мнѣніе. Во время послѣдней кавказской войны онъ былъ близкимъ лицомъ къ князю Варягинскому и его «Письма о Кавказѣ», большой трудъ «Вооруженныя силы Россіи» и разныя военныя статьи обратили на него вниманіе какъ по содержанію, доказывавшему глубокое знаніе авторомъ военнаго дѣла, такъ и по блестящему слогу, какимъ онъ были изложены. Но не эти спеціальныя статьи доставили ему извѣстность здѣсь и за-границей. Въ газетѣ «Русскій Міръ», 1874 года, издававшейся его сподвижникомъ, г. Черняевымъ, появился, подъ названіемъ «Чѣмъ намъ быть», рядъ статей, возбудившихъ вниманіе всей читающей и мыслящей публики. На вопросъ, поставленный въ заголовкѣ своихъ статей, авторъ почти прямо отвѣчалъ: намъ, то-есть представителямъ интеллигенціи общества, надо быть — консерваторами, ландлордами, крупными землевладѣльцами, всѣмъ остальнымъ — фермерами, арендаторами, батраками. Этому мнѣнію, высказанному категорически, защищаемому съ горячностью и несомнѣннымъ диалектическимъ талантомъ, Фадѣевъ остался вѣреть всю свою жизнь, былъ Демосеевомъ, Баяномъ, консервативной партіи, поддерживалъ ее всею силою своего краснорѣчія, всѣми мѣрами пропагандировалъ ея ученіе. Переработавъ свою статью въ книгу, изданную подъ названіемъ «Русское общество въ настоящемъ и будущемъ», онъ, въ виду возрожденія своей партіи, выдалъ за-границей, въ 1881 году, «Письма о со-

временномъ состояніи Россіи), гдѣ тѣ же идеи проводятся съ болѣе рѣзкою аргументаціей, съ неменѣе блестящею діалектикой. Эти замѣчательныя качества его труда особенно выдаются въ критической части его сочиненія. Рѣдко кому удавалось такими рѣзкими и, вмѣстѣ съ тѣмъ, правдивыми чертами отбѣчать темныя стороны нашего общества, обнаруживать его грѣхи, ошибки, заблужденія. Въ этомъ отношеніи трудно было возражать даровитому обличителю общественныхъ явъ, но какъ только онъ начиналъ предполагать средства для наведенія этихъ явъ: соединеніе въ рукахъ немногихъ избранныхъ аристократовъ—владѣнія земельными богатствами Россіи, просвѣщеніе — только для привилегированныхъ классовъ, обращеніе крестьянъ, систему ландлордства — вѣрныи смыслъ истинно русскихъ людей отворачивался и отъ цѣлителя явъ и отъ предлагаемаго имъ лекарства. Хотя книга Фадѣева разрѣшена была къ обращенію, но на нее отвѣчали также за-границей — Ю. Ѡ. Самаринъ и Ѡ. М. Дмитріевъ. Первый особенно мѣтко назвалъ программу Фадѣева и его партіи «революціоннымъ консерватизмомъ», обращеннымъ «въ стѣбобитное орудіе противъ свободы живого духа». Возраженія, хотя и славянофильскихъ публицистовъ, разрушили въ концѣ систему консерваторовъ, оставшихся недовольными Фадѣевымъ за то, что онъ слишкомъ открыто и прямо разоблачилъ всю теорію партіи, всѣ ея тайныя надежды и замыслы. Въ послѣднее время Фадѣевъ какъ-то ступеивался и опустился. Онъ умеръ ничего не достигнувъ какъ ничего не достижъ въ Сербіи и даже въ Египтѣ, куда также отправлялся неизвѣстно зачѣмъ, можетъ быть не довольный тѣмъ, что на родинѣ заслугамъ его не отдають должной справедливости. Во всякомъ случаѣ, это былъ замѣчательный публицистъ, направленію котораго нельзя было сочувствовать, но въ которомъ нельзя было не признать крупнаго дарованія.

† Въ клиникѣ Боткина отъ грудной болѣзни умеръ 37-ми лѣтъ, поэтъ и критикъ Дмитрій Николаевичъ Садовниковъ. Родился онъ въ Симбирскѣ и получилъ образованіе въ симбирской-же гимназіи, но не кончилъ курса и получилъ только дипломъ домашняго учителя. Впрочемъ, съ 23-хъ лѣтъ онъ уже не занимался уроками. Чрезвычайно способный и трудолюбивый, онъ собственными силами наверсталъ пробѣлы въ своемъ образованіи. Онъ свободно читалъ по-французски, по-итальянски, по-англійски, менѣе свободно по нѣмецки, и отличался основательнымъ знакомствомъ съ произведеніями лучшихъ представителей англійской и французской повѣи и литературы, и большою начитанностью. Литературою онъ началъ заниматься десять лѣтъ тому назадъ, въ качествѣ лирическаго поэта. Его пѣсни о Стенькѣ Разинѣ,—основанныя на народныхъ преданіяхъ, собранныхъ имъ на мѣстѣ, — на Волгѣ, которую онъ горячо любилъ, одни изъ лучшихъ его произведеній. Кроме того, онъ былъ блестящимъ переводчикомъ поэтическихъ произведеній. Стихотворенія Д. Садовникова разбросаны во множествѣ нашихъ повременныхъ изданій (болѣе, чѣмъ въ 35)—и въ толстыхъ журналахъ, и въ иллюстрированныхъ листкахъ. Лучшія помѣщены въ «Вѣстникѣ Европы», «Ежегодномъ Новомъ Времени», «Литературномъ журналѣ» (подъ псевдонимомъ Жанпрістъ). Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1883 годъ онъ помѣстилъ прекрасный трудъ «Отзывы современниковъ о Пушкинѣ». Съ прошлаго года, онъ началъ вести литературно-критическій отдѣлъ во вновь родившемся журналѣ «Искусство». Здѣсь, подъ псевдонимомъ Д. Волжанова, онъ напечаталъ рядъ удачныхъ критическихъ этюдовъ о современныхъ нашихъ поэтахъ. Сверхъ того, онъ былъ ревностнымъ собирателемъ народныхъ сказокъ, пѣсень, пословицъ и проч. Большой томъ его сборника скоро выйдетъ въ печати, въ «Запискахъ» императорскаго русскаго географическаго общества. Смерть встала его, когда онъ уже кончилъ корректуру послѣднихъ листовъ этого сборника. Взглянувшею своею задачею, онъ считалъ работу надъ этюдами о Тургеневѣ и воспоминаніями о немъ, назначавшимися

для «Искусства» и печатаніе переписки покойнаго поэта Языкова, отысканной имъ въ Сибирскѣ, а также составленіе его біографіи. Послѣ его смерти весь этотъ цѣнный матеріалъ находится въ рукахъ Я. П. Полонскаго, которому Д. Н. Садовниковъ передать его на храненіе.

† 26-го декабря умеръ отъ разрыва сердца другой даровитый поэтъ Михаилъ Васильевичъ Федоровъ, писавшій подъ псевдонимомъ Оммулевскій. Умеръ онъ 47-ми лѣтъ, оставивъ жену и трехъ маленькихъ дѣтей — 5, 3 и 1 года. На литературное поприще Оммулевскій выступилъ въ 1861 году въ «Современникѣ», гдѣ печатались его малкія стихотворенія; затѣмъ сотрудничалъ долгое время въ «Русскомъ Словѣ» и потомъ въ «Дѣлѣ»; въ послѣднемъ журналѣ былъ помѣщенъ его замѣчательный романъ «Шагъ за шагомъ». Кромѣ того, онъ помѣщалъ свои стихотворенія, оригинальныя и переводныя, въ «Искрѣ» и другихъ изданіяхъ, а въ послѣднее время — въ «Восточномъ Обзорѣннѣ» и «Наблюдателѣ». Литературная дѣятельность Оммулевскаго, посвященная, въ послѣднее время, исключительно повѣи, не могла, конечно, давать ея автору достаточныхъ средствъ къ жизни, поэтому онъ и его семья вынуждены были прожить среди постоянныхъ лишеній и бѣдности. Эта бѣдность доходила до того, что покойный не имѣлъ возможности, въ послѣдніе мѣсяцы жизни, выйдти изъ квартиры: все его носильное платье было заложено и продано. Нѣсколько недѣль назадъ, по выисканію въ 90 руб., явился въ квартиру Оммулевскаго судебный приставъ для описи имущества и описалъ все, что только было въ убогихъ двухъ комнатахъ этой квартиры. Оказалось, что все имущество, принадлежащее покойному, стоитъ только шесть рублей. Когда онъ умеръ, не нашлось бѣлья, въ которое можно было бы одѣть его. Такъ умеръ даровитый писатель, проработавшій двадцать три года. Его стихотворенія—«Пѣсни жизни» вышли въ свѣтъ въ октябрѣ 1883 года, въ нихъ собраны стихотворныя произведенія поэта—оригиналы и переводы. Книга эта успѣха не имѣла. Романъ же его «Шагъ за шагомъ», развѣ наданный и давно уже разошедшійся въ продажѣ, не могъ быть изданъ вновь — по обстоятельствамъ, независящимъ отъ автора и отъ его издателя, г. Иванова. Покойный никому и никогда не жаловался на свое бѣдственное положеніе и даже тщательно всегда скрывалъ это положеніе отъ людей близкихъ. Федоровъ былъ сибирякъ, родился въ Камчаткѣ, въ петропавловскомъ портѣ, учился въ Иркутскѣ и, пріѣхавъ въ Петербургъ, сразу вступилъ на литературное поприще. Онъ былъ, въ особенности, хорошій переводчикъ и ему литература обязана превосходными переводами изъ «Сырокомли».

† Въ Ревелѣ скончался членъ мѣстной таможи, баронъ Михаилъ Осиповичъ Месинскій. Это былъ честнѣйшій труженникъ, въ лучшемъ значеніи этого слова. Дѣлать добро составляло для него высшее наслажденіе. Собственно служебная карьера, въ которой его достигла смерть, была случайнымъ событіемъ въ его жизни. По призванію, по дѣятельности всей жизни, онъ былъ истиннѣй педагогомъ. Окончивъ курсъ наукъ въ военной инженерной академіи, въ 1850 году, онъ вскорѣ же вышелъ въ отставку и занялъ мѣсто учителя географіи въ Смольномъ институтѣ. Еще бывши въ академіи основалъ онъ первую въ Петербургѣ «таврическую школу бесплатнаго обученія», и сталъ въ ней однимъ изъ главныхъ дѣятелей. Эта школа послужила первообразомъ для учрежденнаго при вольно-экономическомъ обществѣ комитета грамотности, и тутъ Косинскій, съ обычною ему горячностью и сердечностью, служилъ задачамъ этого комитета, между прочимъ, усердно занимаясь въ состоявшейся тогда при комитетѣ, первой на Руси, школѣ сельскихъ учительницъ. Въ 60-хъ же годахъ, Косинскій былъ инспекторомъ андреевскихъ педагогическихъ курсовъ, положившихъ начало первой земской учительской семинаріи. Въ дѣлѣ народнаго учительства, имя Косинскаго приобрѣло авторитетъ, и новгородская земская управа пригласила его къ организаціи учительской семинаріи; дѣлу этому онъ предался съ такимъ самоотверженіемъ,

что, благодаря его умѣлому руководству, въ Новгородской губерніи, въ короткій срокъ, возникъ значительный контингентъ хорошо подготовленныхъ сельскихъ учителей. При новомъ составѣ земской управы, дѣятельность Косинскаго, не чуждая нѣкоторыхъ увлеченій педагогическаго свойства, подверглась осужденію и ему пришлось, по неволѣ, расстаться съ дѣломъ, къ которому такъ лежало его, отзывчивое къ нользѣ и добру, сердце. Возвратившись въ Петербургъ, онъ поступилъ воспитателемъ малолѣтнихъ преступниковъ, содержавшихся въ тюремномъ замкѣ, и на столько привлекъ къ себѣ персоналъ комитета, что былъ утвержденъ директоромъ, а потомъ былъ избранъ предсѣдателемъ исправительнаго совѣта въ замкѣ. Въ этомъ званіи, открывавшемъ ему болѣе широкую простору для плодотворной дѣятельности, онъ съ замѣчательною энергіей и настойчивостью заботился объ улучшеніи тюремныхъ порядковъ, съ любовью интересовался судьбою малолѣтнихъ преступниковъ, какъ во время ихъ заключенія, такъ равно и по истеченіи срока ихъ судебной кары. Въ этотъ періодъ онъ не зналъ ни отдыха, не останавливался ни передъ какими трудностями, когда дѣло касалось облегченія участи несчастныхъ мальчиковъ. Но судьба опять разрушила всѣ стремленія покойнаго: столкновение съ тюремною администраціею вынудило его внезапно покинуть и педагогическую, и благотворительную дѣятельность. Онъ поступилъ для поправленія здоровья на государственную службу по таможенному вѣдомству въ провинцію и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы на пограничныхъ таможахъ въ Александровѣ и Вержоловѣ, былъ назначенъ, два года тому назадъ, членомъ встляндской таможи. По своей высокой честности, мягкому, доброму нраву, приобрѣлъ онъ всеобщее уваженіе со стороны всего городского населенія. Не смотря на то, что служебныя обязанности поглощали много времени, онъ и въ Ревелѣ остался вѣренъ себѣ. Досуги свои онъ посвящалъ дѣлу благотворительности, работая въ мѣстныхъ пріютахъ, занимался преподаваніемъ, читалъ публичныя лекціи, и «учительство» не переставало быть его калюбленнымъ занятіемъ. Покойный занимался также литературою вообще, и педагогическою, въ особенности, причѣмъ написалъ не мало прекрасныхъ статей. Онъ умеръ 48-ми лѣтъ, оставивъ послѣ себя, безъ всякихъ средствъ къ жизни, жену и восемь дѣтей, изъ которыхъ большинство малолѣтнихъ.

† Въ декабрѣ прошлаго года, въ посадѣ Клиницыхъ, Черниговской губерніи, скончался извѣстный старообрядческій писатель, Мамаровъ Егоровичъ Кабановъ, по прованію Ксаносъ (странникъ). О кончинѣ его упоминала только одна газета; даже въ тѣхъ изданіяхъ, которыя пристально слѣдятъ за событіями изъ старообрядческаго міра, такое крупное событіе, какъ смерть сочинителя «Окружнаго посланія», пройдено молчаніемъ. А, между тѣмъ, «Окружное посланіе» такое важное по послѣдствіямъ и художественное по языку произведеніе, къ которому не можетъ быть равнодушны не только старообрядецъ любого согласія, но и никто изъ православныхъ, интересующихся духовнымъ развѣдженіемъ русскихъ людей. Въ этомъ сочиненіи рукою старообрядца разъяснены многія особенности нашего обряда и вообще замѣчается, сравнительно, благоприятное настроеніе относительно православной церкви; съ его появленіемъ, та часть старообрядства, которая признаетъ такъ называемую австрійскую іерархію, раздѣлилась на два рѣзко противоположныя и взаимно враждебныя стана: окружниковъ и противоокружниковъ. За это расположеніе къ православной церкви Кабановъ извѣдалъ не мало горя, былъ съ ожесточеніемъ гонимъ и принужденъ удалиться изъ Москвы. Долгое время онъ жилъ въ уединеніи и въ постоянныхъ умственныхъ трудахъ на глуховскихъ постоянныхъ дворахъ, въ Масальскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, потомъ переселился къ старообрядческой часовнѣ въ Калугѣ, и года за два до смерти отправился въ Клиницы, гдѣ умеръ и погребенъ въ старообрядческомъ монастырѣ. Человѣкъ искренняго и сильнаго

ума, крѣпкаго и незлобиваго сердца, замѣчательныхъ дарованій, умеръ не примиренный съ церковью.

† Въ Нью-Йоркѣ внезапно скончался, отъ разрыва сердца, прїѣхавшій туда на свиданіе съ братомъ, вождь либеральной партіи въ парламентѣ германской имперіи, высоко-даровитый ораторъ и публицистъ Эдуардъ Ласкеръ. Этотъ выдающійся германскій дѣятель былъ сыномъ бѣднаго еврея, занимавшагося торговлею въ Яроцинѣ, въ Познанской провинціи. Онъ родился въ 1829 году и умеръ 54-хъ лѣтъ. Въ бреславскомъ университетѣ онъ слушалъ математическія и юридическія науки. Въ 1858 году переселился въ Берлинъ и поступилъ на службу по судебному вѣдомству; черезъ двѣнадцать лѣтъ вышелъ въ отставку, сдѣлался адвокатомъ и синдикомъ при судной казнѣ. Берлинъ избралъ его, въ 1865 году, депутатомъ въ ландтагъ, гдѣ онъ обратилъ на себя вниманіе краснорѣчіемъ, пылкостью и діалектикой. Позднѣе, онъ былъ представителемъ Магдебурга и Франкфурта-на-Майнѣ въ палатѣ депутатовъ. Въ нынѣшнемъ рейхстагѣ онъ былъ представителемъ либеральнаго круга въ Заальфельдѣ. Онъ основалъ національно-литературную партію. Въ 1873 году, Ласкеръ произнесъ рѣчь противъ учредителей помѣранской центральной желѣзной дороги, послужившую сигналомъ къ борьбѣ съ «учредительскими» злоупотребленіями. Во всѣхъ конституціонныхъ вопросахъ онъ игралъ выдающуюся роль, и либеральное законодательство послѣднихъ лѣтъ носить печать его духа. Ласкеръ былъ самымъ виднымъ парламентскимъ дѣятелемъ Германіи. Въ теченіи цѣлаго двадцатилѣтія онъ принималъ самое живое участіе въ политической жизни Германіи. Всѣмъ своимъ существомъ онъ старался принести пользу политическому развитію Германіи. Его общественная жизнь началась въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ то время, какъ въ Пруссіи началась «новая эра» политической жизни. Его политическія воззрѣнія были наложены въ то время въ нѣсколькихъ газетахъ и обратили на себя всеобщее вниманіе. Когда начался періодъ столкновеній, онъ выступилъ политическимъ ораторомъ въ народныхъ собраніяхъ и разныхъ обществахъ и сдѣлался главою оппозиціи, съ самаго дня своего избранія, въ 1866 году, депутатомъ, до 1879 года; даже его противники признають его дарованія, его краснорѣчіе, благородство его стремленій. Но и онъ дѣлалъ ошибки въ выборѣ средствъ, хотя всегда принадлежалъ къ прогрессивной партіи, энергично боровшейся противъ неконституціонныхъ мѣръ министерства. Немудрено, что онъ никогда не пользовался сочувствіемъ Бисмарка. На ряду съ парламентскою дѣятельностью, Эдуардъ Ласкеръ трудился и на литературномъ поприщѣ. Его произведенія не всегда достигали уровня его краснорѣчія, въ особенности, когда онъ удалялся отъ политическихъ вопросовъ. Таково небольшое произведеніе, появившееся подъ псевдонимомъ: «Erglebnisse einer Mannesseele». Но нѣкоторыя изъ его статей о воспитаніи и философскія сочиненія, появлявшіяся въ газетахъ, заслуживаютъ вниманія. Ласкеръ всецѣло посвятилъ себя общественной жизни и при своей слабой комплекціи, подорвалъ свое здоровье непомернымъ трудомъ. Онъ умеръ холостякомъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Для памяти редакціи «Русскаго Архива».

Въ январской книжкѣ «Русскаго Архива», на 1884 годъ, подъ рубрикою «Забытыя стихотворенія», напечатана пѣсня: «Чѣмъ я западъ огорчила», безъ означенія имени автора и съ поправками, нѣмнящими отчасти основную тему этой стихотворной шутки. Перепечатка ея въ газетахъ «Новое Время» (5-го января, № 2821) и «Свѣтъ» (6-го января, № 5), свидѣтель-

стствует о вниманіи, которое обратила на себя въ нашей печати эта буквально старая погулка на новый ладъ. Причисляя ее къ стихотвореніямъ забытымъ, «Русскій Архивъ» можетъ быть и правъ, но заимствуя ее, безъ указанія, однакоже, на это, изъ «Русской Старины» (изд. 1880 г. Томъ XXVII, стр. 669—670), редакция могла бы вспомнить имя автора — покойнаго П. А. Каратыгина, не нямѣняя произвольно его стихотворенія, не дозволяя себѣ вариантовъ по собственному своему вкусу.

Въ «Русской Старинѣ» напечатано:

«У меня ли всякъмъ шмерцамъ
«Не радольное житье?
«О французакъ ужъ ни слова».

Въ «Русскомъ Архивѣ»:

«О германцахъ ужъ ни слова...»

Но наше простонародье этихъ-то самыхъ германцевъ и называетъ въ насмѣшку шмерцами, иначе, кого же другого разумѣть «Русскій Архивъ» подъ этимъ именемъ?

Далѣе, въ «Русской Старинѣ»:

«И куда ни плюнь — повсюду
«Или нѣмецъ, иль французъ!»

Въ «Русскомъ Архивѣ»:

«И куда ни глянь — повсюду
«Или нѣмецъ, иль кракусъ...»

Съ какой статьи: «кракусъ» (ополченецъ польскихъ мятежниковъ 1831 года)? Если подъ этимъ именемъ «Русскій Архивъ» подразумѣваетъ поляковъ вообще, то, помимо исторической ошибки, дѣлаетъ несправедливую нападку. Поляки не садятся на головы русскимъ ни въ службѣ, ни въ учебной, ни въ промышленной сферахъ. Отношенія Россіи къ полякамъ, право, не таковы, чтобы къ нимъ можно было примѣнять предъидущія слова:

«Денегъ я имъ сыплю груды
«На награды не скуплюсь!»

О польской заграничной интригѣ въ пѣснѣ упоминается далѣе:

Въ «Русской Старинѣ»:

«А для нихъ, собакъ, все мало
«Только лаются всегда...»

Тутъ есть аналогія: «лаются, собаки», но «Русскій Архивъ» смягчаетъ рѣзкость выраженія:

«А для нихъ все мало, мало...»
(«Р. С.») «Этотъ Западъ, старыя песь?»
(«Р. А.») «Аличный Западъ, дряхлый песь...»

Можетъ быть въ этомъ видѣ стихъ и выигрываетъ, но, по нашему крайнему разумѣнію, къ чужимъ, чьимъ бы-то ни было, стихамъ, при ихъ печатаніи, не нямѣаетъ примѣнять слова Пилата: «Иже писахъ, писахъ!»

П. П. Каратыгинъ.

Къ некрологу В. В. Маркова.

Въ некрологѣ В. В. Маркова, напечатанномъ въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», ему ошибочно приписанъ историческій романъ «Курскіе порубежники». Авторъ этого романа — Владиславъ Львовичъ Марковъ, проживающій въ Курской губерніи, не состоялъ даже въ родствѣ съ покойнымъ В. В. Марковымъ.

теперь недоступно для массы по своей неясности; но въ XV вѣкѣ оно читалось людьми всякаго возраста, благодаря множеству аллегорій и косвенныхъ намековъ на современныя событія. Поэтическія произведенія были тогда излюбленными чадами образованныхъ кружковъ. При этомъ въ поэмѣ Данте въ мелодическомъ потокѣ стиховъ изливалась поразительная глубина мысли; она представляла такую полноту и живость описаній; въ ней было столько мистицизма, что она должна была неизбѣжно увлекать современниковъ Саванаролы при господствовавшей тогда склонности къ схоластическимъ мудрствованіямъ.

Огромному успѣху поэмы также не мало способствовала судьба самаго поэта, который восхваляя величіе церкви, смѣло возставалъ противъ свѣтской власти папъ и принадлежалъ къ числу самыхъ упорныхъ борцовъ въ рядахъ гибеллиновъ.

Джироламо Саванарола зналъ на память многіе отрывки «Комедіи» своего любимаго поэта, и нерѣдко цѣлыми часами мечталъ о ней. Въ воображеніи его воскресалъ чистый образъ Беатриче; онъ видѣлъ подобно поэту ея просвѣтленныя черты, кроткій взглядъ и бѣлоснѣжную одежду. До сихъ поръ онъ не зналъ земной любви; но понималъ, что Беатриче была для Данте путеводительницей по безконечному пути къ блаженству, посланной съ неба, чтобы выяснить ему величіе и неисчерпаемую благодать Всевышняго. Для Саванаролы, какъ для всѣхъ идеалистовъ, дѣйствительныя событія имѣли временное значеніе; всѣ его помыслы были обращены къ другому отвлеченному и болѣе возвышенному міру, который былъ внутри его. Печальная судьба его любимаго брата глубоко потрясла его; но не привела его ни къ какимъ практическимъ выводамъ, потому что еще не наступило время, когда враждебные демоны безжалостно вторглись въ его собственную жизнь. Не предчувствуя бѣды, онъ принялъ дѣятельное участіе въ играхъ на праздникѣ Энціо и простодушно любовался прекрасными глазами Орсола, которые чаще прежняго стали встрѣчаться съ его взглядомъ.

ГЛАВА III.

Дочь Венеціанской республики.

НЕУДАВШИЙСЯ заговоръ Пацци, съ его печальными послѣдствіями, долженъ былъ неизбѣжно отразиться на характерѣ Лоренцо Медичи и пробудить его отъ чувства полной безопасности, которое онъ испытывалъ до сихъ поръ. Эта нравственная перемѣна была благоприятна для него въ томъ отношеніи, что онъ сразу отрѣшился отъ свойственнаго ему мелочнаго тщеславія, и умственный кругозоръ его сдѣлался шире.

Онъ увидѣлъ, что для него недостаточно, если онъ будетъ превосходить своихъ соперниковъ только художественнымъ вкусомъ и любовью къ роскоши, и, что правитель народа обязанъ искать другой поддержки, кромѣ той, которую онъ имѣетъ внутри государства. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ пришелъ къ выводу, что флорентинское правительство не можетъ долѣе оставаться изолированнымъ въ политикѣ и, что необходимо приобрести надежныхъ союзниковъ между сосѣдними властелинами.

Благодаря браку съ Кларой Орсини, онъ сблизился съ одной изъ самыхъ древнихъ и знатныхъ римскихъ фамилій. Одинъ Орсини носилъ папскую тиару подъ именемъ Николая I, и домъ этотъ вообще пользовался большимъ вліяніемъ въ Италиі; но Орсини были только предводители партій, а не царствующія особы. Папа Сикстъ IV, имѣвшій въ виду одни интересы собственной семьи, находился во враждѣ съ Орсини, какъ и съ другими древними родами Италиі, что доказалъ самымъ неопровержимымъ образомъ и заговоръ Пацци.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, прежде, чѣмъ волненіе во Флоренціи настолько улеглось, что Гуильельмо Папци могъ безопасно вернуться въ свою виллу и предаться своимъ обычнымъ занятіямъ. Въ это время Лоренцо пріѣхалъ изъ Рима съ своей молодой женой. Клара Орсини при своей природной энергіи поддерживала честолюбивыя стремленія своего мужа и первая указала ему на способъ, какимъ онъ можетъ оградить себя отъ ненависти папскаго

Дворецъ Медичи во Флоренціи.

двора. Она обратила его вниманіе съ одной стороны на богатую и могущественную венеціанскую республику, съ другой—на неаполитанскаго короля. Въ данное время, въ Неаполь царствовалъ арагонскій домъ, который былъ одинаково заинтересованъ въ томъ, чтобы имѣть въ Италіи сильныхъ союзниковъ, въ случаѣ, еслибы французскій король (анжуйскаго дома) вздумалъ предъявить свои права на Неаполь. Но Лоренцо Медичи скоро долженъ былъ убѣдиться, что нельзя одновременно поддерживать дружественныя

сношенія съ Венеціей и Неаполемъ, такъ какъ эти два государства постоянно враждовали другъ съ другомъ. Горделивый городъ дожей на Адриатикѣ, хотѣлъ присвоить своему флоту господство надъ Средиземнымъ моремъ и посредничество торговли Европы съ востокомъ, вслѣдствіе чего у него были частыя столкновенія съ другими морскими державами, а именно съ Генуей и Неаполемъ.

Но Клара Орсини, имѣла въ виду не силу оружія, а тонкую сѣть хитрыхъ интригъ, съ помощью которыхъ она надѣялась вѣрнѣе достигнуть цѣли. Въ этомъ она сходилась съ основнымъ принципомъ дома Медичи, представители котораго болѣе придавали значенія разсчету, нежели сильнымъ мѣрамъ и прямому способу дѣйствій.

Внѣшній видъ городского дворца, который Косьма Медичи поручилъ построить для себя и своихъ потомковъ знаменитому маэстро Микелоццо, носилъ тотъ же характеръ неприступности, какъ и всѣ жилища знатныхъ фамилій того времени. Стѣны нижняго этажа сооруженныя изъ могучихъ каменныхъ глыбъ, могли бы служить надежной защитой даже въ случаѣ продолжительной осады.

Тѣмъ не менѣе это величественное зданіе, по своему внутреннему устройству представляло всѣ условія для удобной и пріятной жизни. Здѣсь было безчисленное множество свѣтлыхъ и великолѣпно убранныхъ комнатъ, окна которыхъ были обращены на дворъ или въ сады.

Въ одно прекрасное утро Клара сидѣла у окна своей комнаты, изящная головка ея опиралась на руку; она казалась погруженной въ глубокую задумчивость. Взглядъ ея, выражавшій гордое сознаніе собственного достоинства, былъ обращенъ къ безоблачному небу; но въ этомъ взглядѣ не было ни любви ни смиренія; казалось безпредѣльная эфирная даль представляла ей безграничное поле для ея честолюбивыхъ желаній. Клара любила своего мужа; но это не была кроткая мечтательная привязанность преданной женщины; это были скорѣе дружескія отношенія, основанныя на общей цѣли, для которой она готова была идти съ нимъ на жизнь и смерть.

Лоренцо вошелъ въ комнату; на лицѣ его выражалось радостное волненіе; Клара, бросивъ взглядъ на мужа, поспѣшно встала, ожидая, что онъ сообщитъ ей.

Лоренцо держалъ въ рукѣ распечатанное письмо.—Посланный короля Фердинанда привезъ хорошее извѣстіе! сказалъ онъ. Меня ждуть въ Неаполѣ; теперь весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы оказать какую нибудь услугу королю или приготовить ему пріятный сюрпризъ, который могъ бы расположить его въ нашу пользу...

Клара на минуту задумалась. При ея обрученіи и, даже позже, многіе подсмѣивались надъ ней, что она выходитъ замужъ за купца,

Свадебный поединок Катарины Карнаро.

такъ какъ хотѣли этимъ уязвить ея самолюбіе знатной римлянки. Теперь этотъ купецъ явится въ качествѣ желаемого гостя къ неаполитанскому королю, чтобы заключить съ нимъ дружественный союзъ. Гордость ея была польщена подобнымъ почетомъ, но она не могла сразу сообразить, что можетъ способствовать сближенію короля съ Лоренцо. Послѣдній могъ поднести ему подарокъ въ видѣ цѣннаго художественнаго произведенія; но Клара не знала имѣть ли король Фердинандъ какое нибудь понятіе объ искусствѣ. Вѣроятно ему было бы всего пріятнѣе приобрести какое нибудь выгодное помѣстье, но Лоренцо не имѣлъ права располагать городской землей, онъ могъ въ этомъ отношеніи только дать добрый совѣтъ королю. Эта мысль настолько понравилась Кларѣ, что она поспѣшила сообщить ее своему мужу:

Прекрасная кипрская королева, Катарина Карнаро, была вдова; кто приобрѣталъ ея руку становился обладателемъ богатаго острова, имѣвшаго весьма важное политическое значеніе. Въ виду этого венеціанцы употребили всѣ средства, чтобы устроить бракъ болѣзненнаго владѣтеля Кипра, короля Іакова Лузиніанскаго съ дочерью венеціанскаго патриція Карнаро, которая была формально объявлена пріемной дочерью Венеціанской республики.

У всѣхъ было свѣжо въ памяти впечатлѣніе, произведенное въ Европѣ бракомъ пріемной дочери гордой республики съ владѣльцемъ цвѣтущаго острова на Средиземномъ морѣ. Много было толковъ о сказочномъ блескѣ, которымъ Венеція окружила свою дочь, когда та отправилась къ своему мужу. Художники и поэты изобразили въ живыхъ краскахъ пышныя празднества сопровождавшія отъѣздъ Катарины изъ Венеціи и ея прибытіе въ Кипръ. Король Іаковъ въ это время былъ неизлѣчимо болѣнъ; чахотка быстро разрушала слабый организмъ молодого сластолюбиваго властелина, который даже не считался законнымъ сыномъ прежняго короля. Тѣмъ не менѣе послѣ смерти Іакова, верховная власть въ государствѣ перешла къ его вдовѣ, которая была объявлена правительницей за своего малолѣтняго сына. Такимъ образомъ венеціанцы пока вполнѣ достигли своей цѣли. Если бы сынъ короля Іакова умеръ, не достигнувъ возмужалости, то престолъ долженъ былъ неизбѣжно перейти къ Катаринѣ Карнаро, а послѣ ея смерти венеціанская республика могла рассчитывать на наслѣдство отъ своей пріемной дочери.

Но всѣ эти соображенія должны были оказаться безплодными въ томъ случаѣ, еслибы Катарина вступила въ новый бракъ и оставила бы втораго мужа наслѣдникомъ своихъ правъ. Въ этомъ долженъ былъ заключаться совѣтъ, которымъ Лоренцо Медичи, по мнѣнію своей супруги, могъ оказать огромную и незамѣнимую услугу неаполитанскому королю. Клара знала лично Федерико втораго сына неаполитанскаго короля, который былъ красивый стат-

ный юноша, и даже нѣкогда оказывалъ ей особенное вниманіе. Дѣло должно было оставаться втайнѣ, потому что венеціанцы могли помѣшать его выполненію тѣмъ или другимъ способомъ. Лоренцо долженъ былъ сообщить свой планъ королю и дать необходимыя указанія. Дипломатія въ данномъ случаѣ играла второстепенную роль; вся задача заключалась въ томъ, чтобы Катарина почувствовала страстную любовь къ претенденту ея' руки и рѣшилась бы идти наперекоръ гнѣву отечественной республики. Только при этомъ условіи можно было рассчитывать на успѣхъ.

Лоренцо вполне одобрилъ планъ своей супруги и охотно взялся передать его неаполитанскому королю. Приготовленія къ отъѣзду Лоренцо были скоро сдѣланы, такъ какъ онъ не считалъ нужнымъ стѣсняться относительно денежныхъ средствъ, тѣмъ болѣе, что ѣхалъ не какъ частное лицо, а съ политической миссіей—заключить дружественный союзъ между Флоренціей и Неаполемъ. Желая избѣгнуть папскихъ владѣній, онъ сѣлъ на корабль въ Ливорно и отправился въ Неаполь съ царской пышностью. Неаполитанскій король, узнавъ о приближеніи гостя, выслалъ ему на встрѣчу своего втораго сына Федерико, который по своей общительности и любезности произвелъ наилучшее впечатлѣніе на Лоренцо Медичи. Молодой принцъ былъ большого роста, сильный, широплечій, и при этомъ неотразимо привлекательный въ своемъ обращеніи съ людьми; цвѣтъ лица его былъ смуглый; глаза и волосы черные. Красивые усы гармонировали съ благородными чертами рта; въ манерахъ и осанкѣ юноши было столько чувства собственного достоинства, что онъ выдѣлялся изъ толпы даже въ Неаполѣ, гдѣ и простолюдины отличаются прирожденной граціей движеній.

Лоренцо Медичи былъ въ высшей степени польщенъ радушнымъ приѣмомъ, который былъ ему оказанъ въ Неаполѣ. Король и наследный принцъ обращались съ своимъ гостемъ, какъ съ царствующей особой, и ни разу не дали ему почувствовать его незнатное купеческое происхожденіе. Лоренцо не могъ раздавать ордена приближеннымъ неаполитанскаго короля подобно коронованнымъ особамъ, но онъ дѣлалъ болѣе щедрые подарки, нежели который либо изъ нихъ, и поэтому пользовался такимъ-же почетомъ. Одно празднество смѣнялось другимъ; устроены были прогулки на водѣ съ фейерверками, блестящій турниръ, великолѣпные пиршества и балы, такъ что Медичи при своей склонности къ роскоши имѣлъ не мало случаевъ выразить свое удовольствіе за такой радушный приѣмъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней между королемъ и его гостемъ произошелъ обмѣнъ увѣреній въ готовности взаимно служить другъ другу. Король Фердинандъ видѣлъ въ Лоренцо представителя самой воинственной итальянской республики и союзника про-

тивъ папскаго престола, и готовъ былъ почитать его полнымъ до-вѣрiемъ. Что же касается принца Федерико, то хорошее впечатлѣ-нiе, произведенное имъ на Лоренцо при первой встрѣчѣ, усилива-лось съ каждымъ днемъ, и между ними установились самыя сер-дечныя отношенiя. Во время ихъ частыхъ и продолжительныхъ бесѣдъ Лоренцо не трудно было возбудить фантазiю воспримчи-ваго юноши разсказами объ очаровательной Катаринѣ Карнаро и подстрекнуть въ немъ романическое желанiе освободить прекрас-ную дочь венеціанской республики отъ тиранинства ея честолю-бивой родины.

Молодой принцъ съ радостью взялся исполнить планъ предло-женный Лоренцо. Его привлекала романичность приключенiя и возможность испытать свое мужество, поэтому чѣмъ опаснѣе было предпрiятiе, тѣмъ болѣе оно имѣло для него прелести. Дѣло должно было оставаться въ строжайшей тайнѣ между Лоренцо Медичи, королемъ и принцемъ Федерико. Когда Лоренцо собрался въ путь, то король позволилъ сыну проводить гостя на флорентинскомъ ко-раблѣ, и хотя ему было извѣстно, къ чему должны были привести эти проводы, но онъ могъ показать видъ, что совершенно непри-частенъ въ знакомствѣ принца съ Катариной Карнаро.

Неаполитанскiй король дружески простился съ Лоренцо Ме-дичи, который сѣлъ на корабль среди громкихъ прощальныхъ при-вѣтствiй населенiя. Вездѣ развивались пестрые флаги; берегъ былъ наполненъ нарядной толпой; махали шляпами и платками, бросали вѣнки и цвѣты. Почти вся вода въ гавани покрылась ими—зрѣ-лище, которое можно себѣ представить только среди роскошной южной природы. Безчисленныя большiя и маленькiя суда и лодки провожали корабли далеко въ море; рыцари, дамы, пажи въ ве-великолѣпныхъ одеждахъ нанеревнѣе привѣтствовали отъѣзжав-шаго гостя и его спутниковъ, какъ бы для того, чтобы запечатлѣть въ ихъ памяти послѣднiя минуты, которыя они приводили вблизи Неаполя. Всѣмъ было извѣстно, что второй сынъ короля намѣренъ проводить гостя и остаться у него нѣкоторое время. Ко-ролевская парусная барка, назначенная для возвращенiя принца видѣлась среди флорентинскихъ судовъ. Принцъ Федерико съ нѣкоторыми приближенными лицами, сопровождавшими его въ пред-полагаемомъ путешествiи, стоялъ на палубѣ, рядомъ съ Лоренцо, и раскланивался съ толпой, наполнявшей берегъ.

Мало по малу суда, съ бѣлѣвшими на нихъ парусами исчезли изъ виду; меньшiя лодки однѣ за другими стали возвращаться въ гавань, гдѣ скоро водворился обычный порядокъ. Толпа, удов-летворивъ своему любопытству, разошлась по домамъ.

Между тѣмъ на морѣ совершилось неожиданное событiе. Едва неаполитанскiй берегъ скрылся въ туманной дали, принцъ Феде-риго простился съ гостемъ своего отца и пересѣлъ на собственную

барку, отдавъ приказаніе лоцману свернуть въ противоположную сторону и править къ острову Кипру, мимо береговъ Сициціи. Затѣмъ принцъ сошелъ въ каюту, гдѣ, съ помощью довѣреннаго камердинера, снялъ свое великолѣпное платье и нарядился въ одежду простаго греческаго матроса. Хотя это превращеніе не особенно нравилось его спутникамъ, но оно настолько шло къ его фигурѣ и прекраснымъ очертаніямъ южнаго выразительнаго лица, что всякая

Лоренцо Медичи.

женщина должна была признать въ немъ идеаль мужской красоты и преклониться передъ нимъ.

Островъ Кипръ служилъ тогда складочнымъ мѣстомъ драгоцѣнныхъ товаровъ, привозимыхъ изъ Персіи, Индіи и другихъ восточныхъ странъ; здѣсь товары снова нагружались на корабли для доставки въ Венецію, Геную, Неаполь и ближайшія гавани. Кромѣ того Кипръ былъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ во всѣхъ войнахъ съ турками и представлялъ надежный оплотъ противъ

морскихъ разбойниковъ. Купцы, возвращаясь на родину послѣ тяжелаго и продолжительнаго морскаго путешествія весело проводили время на прекрасномъ островѣ, щедро одаренномъ природою, гдѣ они останавливались на нѣсколько дней для отдыха. Они привозили съ собою на корабляхъ всевозможные товары, дорогія персидскія ткани, парчи затканныя золотомъ, драгоценные камни и другія диковины заморскихъ странъ. На самомъ Кипрѣ созрѣвали превосходные южные плоды и приготавлилось вино, извѣстное въ цѣломъ свѣтѣ. Въ Европѣ ходили баснословные рассказы о роскошныхъ пирахъ и празднествахъ, которые устраивались на этомъ заколдованномъ островѣ, представлявшемъ всѣ условія для высшихъ жизненныхъ наслажденій.

Владѣтельница этого волшебнаго государства была молодая прекрасная женщина, вторая Клеопатра, хотя безъ самовластия египетской королевы, но окруженная ореоломъ поэзіи, который придавалъ ей особенную прелесть въ глазахъ принца Федерико. Онъ мысленно сравнивалъ ее съ богиней моря, всей душой стремился къ ней и жаждалъ обладать ею. Но какіе шансы имѣлъ онъ для достиженія этой цѣли?

Онъ могъ открыто просить ея руки, какъ сынъ могущественнаго короля и освободить отъ тяжелыхъ узъ связывавшихъ ее съ Венеціей. Но сознается ли она, что эти узы тяготятъ ее и что она хочетъ освободиться отъ нихъ?

Поэтому принцъ Федерико рѣшился послѣдовать совѣту Лоренцо Медичи и употребить всѣ средства, чтобы расположить къ себѣ сердце Катарины Карнаро, такъ какъ это одно могло возбудить въ ней желаніе выйти за него замужъ и раздѣлить съ нимъ господство надъ прекраснымъ островомъ. По временамъ въ умѣ предприимчиваго юноши возникалъ мучительный вопросъ: дѣйствительно ли такъ хороша кипрская королева, какъ онъ представлялъ себѣ ее въ своемъ воображеніи? Но предпріятіе было настолько заманчиво само по себѣ, что онъ рѣшилъ во всякомъ случаѣ убѣдиться на опытѣ въ достоинствѣ приза.

Благодаря попутному вѣтру плаваніе совершилось безъ всякихъ приключеній; вскорѣ показались вдали берега Кипра.

Верхушки пальмъ ясно обрисовывались въ прозрачномъ воздухѣ среди кипарисовъ, оливковыхъ деревьевъ и темной зелени кустарниковъ. Сильный аромат цвѣтовъ и апельсиновыхъ роцъ далеко разносился по синимъ волнамъ, на встрѣчу баркѣ, которая быстро приближалась къ берегу. Теперь можно было ясно различить долины, горы, лѣса и рѣки; а такъ какъ многіе изъ моряковъ не разъ бывали на островѣ, то, по ихъ совѣту, рѣшено было направить барку въ ту сторону, гдѣ находился городъ Фамагоста съ его знаменитой гаванью. Очаровательное мѣстечко живописно раскинулось вдоль берега съ своими крытыми галлереями, базарами и

кладовыми. Вдали на склонах холмовъ видѣлись виллы, тѣсно построенныя одна около другой; всѣ онѣ были окружены прекраснѣйшими садами, съ живыми изгородями изъ гигантскихъ голубовато-зеленыхъ алоэ или съ бѣлыми мраморными стѣнами. Среди этихъ очаровательныхъ жилищъ, вблизи собора, видѣлся королевскій дворецъ, постройка котораго совмѣщала въ себѣ прелесть мавританской архитектуры съ строгостью итальянскаго стиля.

Съ обѣихъ сторонъ отъ главнаго зданія тянулись крытыя галереи со сводами, состоящія изъ колоннъ, которыя окружали полукругомъ значительную часть сада, повидимому наиболѣе роскошную и предназначенную для королевы. Быть можетъ она была тамъ и въ эту минуту! промелькнуло въ головѣ Федерико. Фантазія живо нарисовало ему прекрасную и цвѣтущую семнадцатилѣтнюю женщину, гуляющую среди розъ и дорогихъ тропическихъ растений. Къ дворцу примыкало нѣсколько другихъ виллъ, сады которыхъ доходили до самаго моря.

Между тѣмъ барка такъ близко подплыла къ берегу, что поднять былъ вопросъ куда причалить.

— Только не у городской гавани! воскликнулъ принцъ Федерико. Весь этотъ шумъ и толкотня отъ выгрузки и нагрузки товаровъ вовсе не соотвѣтствуетъ моему расположенію духа.

При этихъ словахъ глаза его случайно остановились на мраморной террасѣ красиваго дома, окруженнаго большимъ тѣнистымъ садомъ. Отъ террасы шла широкая лѣстница до самаго моря, такъ что послѣднія ступени были постоянно покрыты брызгами волнъ.

На террасѣ было нѣсколько дамъ въ богатомъ греческомъ нарядѣ. Онѣ были заняты какой-то игрою, соединенной съ танцами, и быстро двигались взадъ и впередъ, то въ одиночку, то парами или группами. По водѣ звонко раздавался серебристый смѣхъ молодыхъ голосовъ, что еще больше привлекло вниманіе принца Федерико, который, слѣдуя влеченію своей фантазіи, приказалъ матросамъ причалить къ лѣстницѣ виллы, гдѣ было привязано нѣсколько красивыхъ лодокъ. Затѣмъ принцъ подошелъ къ борту и снялъ шляпу, дѣлая знакъ, что хочетъ вступить въ переговоры съ обитателями виллы.

Высокая представительная фигура принца привлекла вниманіе дамъ и расположила ихъ въ его пользу, хотя неожиданное появленіе каждаго незнакомаго мужчины у береговъ возбуждало подозрѣніе въ тѣ времена, когда вездѣ крейсировали морскіе разбойники.

На террасѣ произошло довольно продолжительное совѣщаніе, послѣ чего двѣ дамы сошли съ лѣстницы, чтобы вступить въ переговоры съ незнакомцемъ и узнать о цѣли его появленія.

Принцъ Федерико достаточно зналъ греческій языкъ, чтобы объясниться съ ними. Дамы заявили, что владѣтельница виллы

принцесса Кандорасъ желаетъ знать, кто онъ такой и по какому праву онъ осмѣлился причалить у ея дома? Принцъ Федерико отвѣтилъ, что онъ странствующій пѣвецъ и напѣренъ предложить свои услуги королевѣ Катаринѣ. Но въ данную минуту онъ проситъ дозволенія представиться синьорѣ Кандорасъ, въ надеждѣ, что она не откажетъ ему въ гостепримствѣ и даже быть можетъ въ ходатайствѣ у королевы.

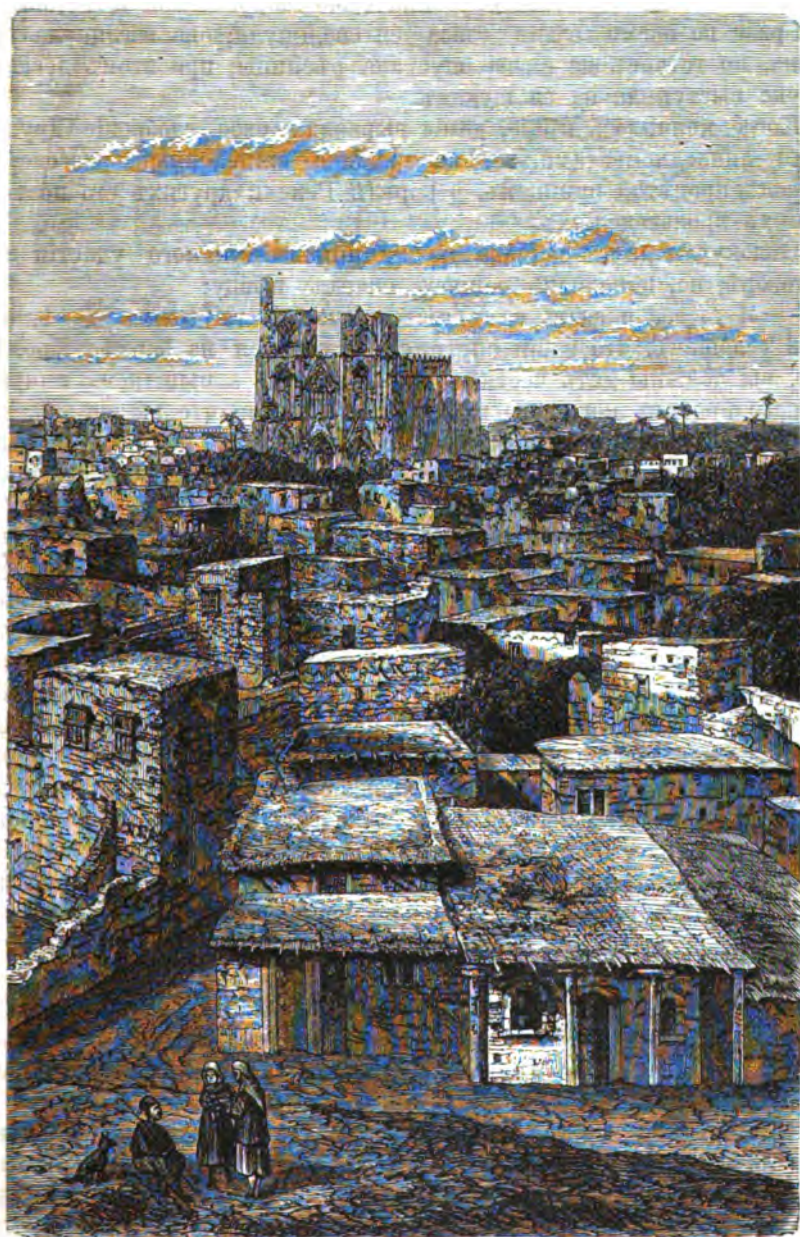
Дамы были видимо удивлены смѣлостью незнакомца; но обѣщали передать его слова владѣтельница виллы. Когда онъ вернулся на террасу, снова начался оживленный разговоръ, прерываемый веселымъ смѣхомъ. Послѣ этого тѣ-же дамы снова спустились съ лѣстницы и сообщили принцу, что синьора Кандорасъ готова оказать ему гостепримство въ своемъ домѣ, но подъ условіемъ, что онъ подчинится всѣмъ мѣрамъ предосторожности, какія будутъ приняты противъ него. Принцъ Федерико отвѣтилъ, что онъ готовъ исполнить всѣ требованія владѣтельницы виллы, и ватѣмъ въ сопровожденіи обѣихъ дамъ поднялся по лѣстницѣ на террасу.

Здѣсь принцъ Федерико очутился въ обществѣ двѣнадцати женщинъ, начиная отъ самаго юнаго возраста до болѣе зрѣлаго. Хотя всѣ онѣ болѣе или менѣе показались привлекательными молодому принцу,—кромѣ одной горбатой безобразной старухи,—но ему было не трудно съ перваго взгляда отличить лучшую изъ нихъ. Это была молодая необыкновенно красивая женщина съ золотистыми бѣлокурыми волосами и большими темноглубыми глазами, и по-видимому служила центромъ дамскаго кружка. Ей, какъ хозяйкѣ дома, представили принца. Она выслушала его привѣтствіе съ ласковой улыбкой и сдѣлала тѣ-же вопросы: откуда онъ и съ какою цѣлью пріѣхалъ въ Кипръ?

Принцъ Федерико отвѣтилъ, что онъ пріѣхалъ съ одного греческаго острова съ цѣлью представиться королевѣ и показать ей свое искусство въ пѣніи и игрѣ на лютнѣ. Если ему удастся заслужить одобреніе прекрасной Катарины Карнаро, то онъ считаетъ свою будущность обезпеченной, потому что напѣренъ продолжать свое путешествіе и посѣтить другіе дворы Европы.

Красавица снова улыбнулась и попросила его спѣть что нибудь, чтобы доставить удовольствіе ея подругамъ, которыя сегодня собрались къ ней въ гости.

Принцъ тотчасъ же изъявилъ согласіе и приказалъ принести свою лютню съ барки, такъ какъ въ совершенствѣ игралъ на этомъ инструментѣ и считался въ Италіи однимъ изъ лучшихъ пѣвцовъ. Онъ пропѣлъ провансальскую «любовную» пѣсню, недавно сочиненную королемою Рене, которая только-что вошла въ моду при европейскихъ дворахъ. Между тѣмъ чернокожія служанки принесли мягкіе табукеты и дамы сѣли. Онъ небрежно

Видъ города Фамагоста на Кипрѣ.

играли своими вѣрами и безъ малѣйшей застѣнчивости смотрѣли въ лицо пѣвцу. Только одна красавица съ золотистыми бѣлокурыми волосами задумчиво опустила свою очаровательную головку. Два раза во время пѣнія глаза ея сверкнули; она взглянула на пѣвца, но тотчасъ же снова опустила рѣсницы; при этомъ легкая краска выступила на ея щекахъ.

Когда кончилось пѣніе, дамы выразили свое одобреніе дружными аплодисментами; затѣмъ начался оживленный разговоръ о пѣснѣ, пропѣтой принцемъ, о королѣ Рене и другихъ его поэтическихъ произведеніяхъ.

Бѣлокурая дама сначала не принимала никакого участія въ разговорѣ; но, помолчавъ немного, сказала пѣвцу:

— Я готова оказать вамъ гостепріимство въ моемъ домѣ, но подъ условіемъ, что ваши спутники останутся на баркѣ. Кромѣ того, вы должны дать честное слово, что не замышляете ничего дурнаго противъ кого либо на этомъ островѣ и, что вы не уѣдете отсюда, не простившись со мной. Сюда дошли неблагоприятные слухи, которые заставляютъ насъ принять кое-какія мѣры предосторожности.

Принцъ Федерико согласился на все. Въ эту минуту онъ совсѣмъ забылъ о цѣли своей поѣздки; сердце его радостно билось при мысли, что онъ останется въ домѣ очаровательной женщины, предложившей ему гостепріимство. Между тѣмъ дамы, одна за другой удалились съ террасы; послѣ того явились слуги и повели его въ приготовленную для него комнату, гдѣ онъ нашелъ все необходимое для его удобства. Нигдѣ не было стражи, и онъ повидимому былъ совершенно свободенъ; но уже на слѣдующій день онъ началъ томиться своимъ одиночествомъ, потому что хозяйка дома, равно и остальные дамы не показывались. На его вопросы о хозяйкѣ дома ему отвѣтили, что принцесса Кандорасъ богатая молодая вдова и живетъ одна съ своей прислугой. Сегодня она не можетъ видѣть гостя по нездоровью, но проситъ его располагать ея домомъ какъ своимъ собственнымъ и не забывать о цѣли его поѣздки на островъ.

Принцъ Федерико понялъ значеніе послѣднихъ словъ; но у него не было никакого желанія добиваться благосклонности королевы, такъ какъ его больше всего занимала мысль снова увидѣть прекрасную хозяйку дома съ большими темноголубыми глазами.

Такъ прошелъ день, который показался ему безконечнымъ, хотя онъ провелъ нѣсколько часовъ на террасѣ, любуясь моремъ, и посѣтилъ своихъ товарищей на баркѣ. Онъ мало ѣлъ и пилъ, потому что былъ весь поглощенъ воспоминаніями о вчерашнемъ днѣ. Онъ былъ радъ, когда наступила ночь, потому что надѣялся на другой день увидѣть прекрасную женщину. Но этого не случилось; казалось, что всѣ въ домѣ сговорились между собой, чтобы

довести его до отчаянія вѣжливой сдержанностью. Онъ могъ расхаживать гдѣ угодно по городу; та же свобода была предоставлена его товарищамъ, остававшимся на баркѣ; но каждый изъ нихъ чувствовалъ, что за нимъ слѣдятъ шпіоны. Прошло еще нѣсколько дней, а принцесса Кандорасъ все оставалась въ своихъ комнатахъ. Окружавшая ее таинственность еще больше воспламеняла сердце молодого принца; недовольный бродилъ онъ взадъ и впередъ по саду; по вечерамъ садился на террасѣ и глядѣлъ, какъ заходящее солнце золотило волны голубаго моря. Иногда онъ задумчиво распѣвалъ пѣсни подъ аккомпаниментъ лютни; тогда у оконъ появлялись женскія фигуры, которыя украдкой слушали его; но между ними не было хозяйки дома. Принцъ уже начиналъ проклинать предпріятіе, которое вынудило его играть недостойную роль бѣднаго пѣвца; но тутъ случилось неожиданное событіе, измѣнившее положеніе вещей.

Разъ ночью принцъ проснулся отъ внезапнаго шума и бѣготни въ домѣ; это побудило его вскочить съ постели и наскоро одѣться, чтобы узнать о причинѣ тревоги. Оторопѣвшіе слуги сообщили ему, что на дворецъ напали тунисскіе пираты и намѣрены насильственно увести королеву на своемъ кораблѣ.

Это извѣстіе не особенно поразило принца, тѣмъ болѣе, что подобныя событія представляли тогда обычное явленіе. Онъ готовъ былъ исполнить свою рыцарскую обязанность и поспѣшить на помощь королевѣ, хотя въ душѣ долженъ былъ сознаваться, что не пришелъ бы въ отчаяніе, еслибы морскимъ разбойникамъ удалось увести свою добычу. Кромѣ того, у королевы Катарины была своя стража, офицеры и слуги, которые могли защитить ее.

Размышленія его были прерваны появленіемъ молодой дамы, которую онъ тотчасъ же узналъ, потому что видѣлъ ее въ день своего пріѣзда въ числѣ другихъ подругъ синьоры Кандорасъ.

— Бѣгите во дворецъ и спасите королеву! сказала она испуганнымъ голосомъ. Я хочу немедленно послать къ ней своихъ слугъ; въ городъ также отправлены гонцы, чтобы созвать всѣхъ людей способныхъ носить оружіе, потому что дворцовая стража слишкомъ малочисленна, чтобы защитить ее. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ мы ожидали этого нападенія; намъ писали, что въ Тунисѣ назначена большая сумма за Катарину Карнаро. Мы были убѣждены, что вы пріѣхали сюда съ цѣлью предать ее въ руки бея и поэтому считали нужнымъ слѣдить за вами. Теперь докажите, что мы ошиблись и помогите намъ защитить прекрасную королеву.

— Я сейчасъ отправлюсь во дворецъ, отвѣтилъ Федерико. Но умоляю васъ оставить часть прислуги для охраны этого дома; иначе я буду считать своей обязанностью остаться здѣсь и защищать до послѣдней капли крови прекрасную синьору Кандорасъ, оказавшую мнѣ такое радушное гостепрѣимство.

— Отъ души благодарю васъ, отвѣтила дама, но вы напрасно беспокоитесь обо мнѣ, потому что мнѣ не грозитъ ни малѣйшая опасность. Совѣтую вамъ поспѣшить на помощь королевѣ, тѣмъ болѣе, что вы приняли на себя обязательство безпрекословно исполнять ея приказанія.

— Я не понимаю васъ, возразилъ Федерико; если я погляжусь въ вѣрности, то одной принцессѣ Кандорасъ и не оставлю ее безпомощною и больною въ этомъ домѣ, гдѣ она можетъ подвергнуться неминуемой опасности.

— Вы ошибаетесь! сказала съ живостью дама; я принцесса Кандорасъ, а та блѣкучая красавица, съ которой вы разговаривали была сама королева; она удостоила тогда посѣтить меня съ своими приближенными дамами. Присоединитесь скорѣй къ ея зачитникамъ, если дорожите ея милостью!

Принцъ едва разслышалъ послѣднія слова; онъ бросился къ баркѣ и приказалъ своимъ людямъ вооружиться наскоро и послѣдовать за нимъ. Они поспѣли во дворецъ въ тотъ самый моментъ, когда разбойники одолѣли дворцовую стражу и прислугу и хотѣли проникнуть въ покои королевы. Нападеніе было сдѣлано внезапно, и хотя каждую секунду можно было ожидать помощи изъ города, но у турокъ было еще достаточно времени, чтобы овладѣть королевой, которая скрылась въ глубинѣ дворца, и переправить ее на корабль подъ прикрытіемъ ночи.

Но пираты не подозрѣвали близости враговъ, руководимыхъ рукою храбраго коноши, воодушевленнаго любовью.

Принцъ Федерико, не помня себя отъ гнѣва, бросился какъ безумный на предводителя шайки; въ сопровожденіи своихъ людей. Между тѣмъ дворцовая стража и слуги, связанные пиратами, были освобождены и ударили на враговъ съ удвоенной яростью. Пираты окруженные со всѣхъ сторонъ, начали изнемогать въ борьбѣ и внезапно обратились въ бѣгство, когда вслѣдъ затѣмъ громкіе мужскіе голоса и бряцанье стали возвѣстили прибытіе вооруженной силы изъ города. Они поспѣшно бросились къ своимъ судамъ, подбирая мертвыхъ и раненыхъ, сообразно предписаніямъ Корана.

Принцъ Федерико съ своими людьми преслѣдовалъ пиратовъ до морскаго берега; когда онъ вернулся во дворецъ, то королевѣ уже было извѣстно, что она обязана своимъ спасеніемъ иностранцу, котораго она встрѣтила нѣсколько дней тому назадъ въ домѣ принцессы Кандорасъ. Она пожелала видѣть его, чтобы выразить ему свою благодарность. Когда онъ вошелъ въ полуосвѣщенную комнату, то его изящная фигура и благородная осанка превратили въ увѣренность ея предположеніе, что онъ не простой страстующій гѣвецъ. Она дружески пожала ему руку и, поблагодаривъ за оказанную помощь, шопотомъ попросила его открыть ей свое настоящее званіе.

Принцъ Федерико сообщилъ ей вполголоса, что онъ сынъ неаполитанскаго короля и что слава объ ея красотѣ побудила его прїѣхать въ Кипръ, гдѣ встрѣча съ мнимой синьорой Кандорасъ заставила его забыть о прекрасной королеви, пока онъ не узналъ, что это одно лицо.

Королева была видимо польщена этимъ признаніемъ и въ данную минуту не думала ни о пережитой опасности, ни о своихъ обязательствахъ относительно Венеціи. Она краснѣя опустила свои прекрасные глаза и не выказала ни малѣйшаго сопротивленія, когда принцъ порывисто обнялъ ее и поцѣловалъ подъ вліяніемъ страсти.

Но въ слѣдующую секунду Катарина Карнаро вадрогнула и отскочила въ испугѣ, потому что въ комнатѣ послышался шорохъ, который ясно доказывалъ присутствіе посторонняго лица. Принцъ замѣтилъ съ досадой, что это была та самая уродливая старуха, которая находилась неотлучно при королевѣ во время ихъ первой встрѣчи и поразила его, какъ контрастъ съ остальными красивыми женщинами.

Старуха низко поклонилась королевѣ и попросила извиненія, что невольно потревожила ея величество; но она не могла удержаться отъ кашля, который постоянно преслѣдуетъ ее.

Королева отошла съ принцемъ къ окну и торопливо шепнула ему:—Я вездѣ окружена шпионами, которые слѣдятъ за мной шагъ за шагомъ. Будьте осторожны и исполните въ точности то, что я скажу вамъ; но не осуждайте меня, если неминуемая опасность заставляетъ меня забыть женскую стыдливость и рѣшиться на шагъ несвойственный моей природѣ. Вы сынъ короля, я вѣрю искренности вашихъ словъ и, повинуюсь влеченію моего сердца, желаю вамъ успѣха. Уѣзжайте скорѣе отсюда и возвращайтесь съ свитой приличной вашему высокому положенію. Принцесса Кандорасъ расположена ко мнѣ; ея villa будетъ всегда для васъ надежнымъ убѣжищемъ. Возьмите всѣ мѣры предосторожности, чтобы нашъ союзъ могъ состояться. Тогда ничто не разлучитъ насъ! Я могла бы еще многое сказать вамъ; но боюсь, что насъ подслушаютъ здѣсь... Прощайте; если намъ удастся сохранить тайну, то можно ручаться за успѣхъ предпріятія..

Эти слова привели въ восторгъ принца Федерико, но, изъ боязни измѣнить себѣ, онъ почтительно поклонился королевѣ и вышелъ изъ комнаты. Нѣсколько часовъ спустя съ первымъ разсвѣтомъ барка его отчалила отъ цвѣтущаго острова. Подобно тому, какъ теплый попутный вѣтеръ надувалъ паруса, такъ и сердце влюбленнаго юноши переполнялось сладкими надеждами; взоры его долго не могли оторваться отъ дворца кипрской королевы, который мало по малу исчезалъ на горизонтѣ.

Прекрасная королева осталась въ этомъ дворцѣ; несмотря на мучительныя опасенія, сердце ея усиленно билось отъ радостнаго ожиданія свободы. Ей предстояло не только выйти замужъ за красиваго храбраго принца, котораго она полюбила съ перваго взгляда, но и освободиться отъ связывавшихъ ее оковъ. Эти оковы становились для нея все болѣе и болѣе невыносимыми, хотя она была окружена всѣми благами и сокровищами, какія только можетъ дать земля.

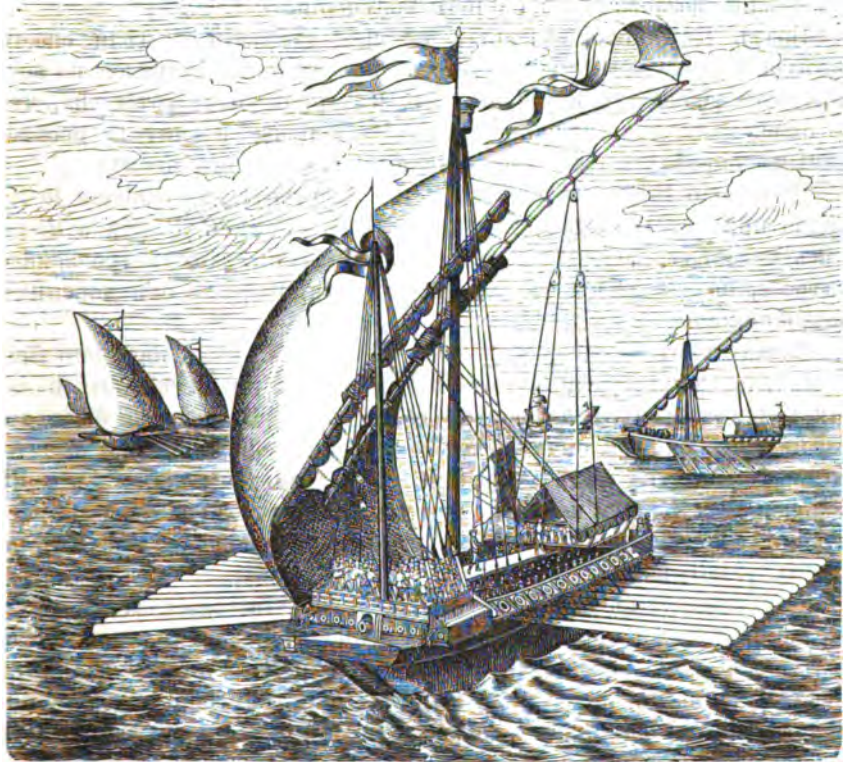
Катарина Карнаро была почти ребенкомъ, когда ее выбрали для блестящей роли кипрской королевы. Сознаніе, что она выходитъ замужъ за короля и названа дочерью богатой и могущественной республики, льстило ея тщеславію, тѣмъ болѣе, что ей завидовали не только дѣвушки самыхъ знатныхъ фамилій, но даже принцессы крови. Съ тѣхъ поръ прошло довольно много времени, и было не мало случаевъ, которые должны были убѣдить Катарину, что она не болѣе, какъ орудіе политическихъ замысловъ Венеціи.

Катаринѣ Карнаро внушали съ дѣтства, что она дочь одного изъ самыхъ богатыхъ патриціевъ: какое ей было дѣло до того, откуда брались деньги, въ силу которыхъ всѣ ея желанія были удовлетворены, и являлись окружавшія ее драгоценныя произведенія искусства. Знаменитые художники и ученые посѣщали роскошный палаццо ея отца. Извѣстный живописецъ Джакомо Беллини былъ другомъ ихъ дома; и незадолго до ея брака нарисовалъ ея портретъ. Строительное искусство, достигшее высшаго развитія въ Венеціи благодаря маэстро Ломбардо, не осталось безъ вліянія на Катарину, которая съ ранней молодости отличалась изящнымъ вкусомъ и впоследствии ввела на островѣ Кипрѣ новый и своеобразный архитектурный стиль.

Хотя ея венеціанская гордость была вполне удовлетворена съ внѣшней стороны; но сожителство съ ничтожнымъ болѣзненнымъ мужемъ мало по малу пробудило въ ней чувство внутренняго недовольства. Бывали минуты, когда она проклинала свое высокое положеніе и мнимую заботливость о ней отечественной республики. Эти минуты стали еще чаще со времени ея вдовства. Она уже не была прежнимъ безпечнымъ ребенкомъ и знала, что Венеція готова исполнить малѣйшее ея желаніе; но подъ единственнымъ условіемъ, чтобы она навсегда отказалась отъ вторичнаго брака. Островъ Кипръ имѣлъ важное значеніе для венеціанской республики, которая вела упорную борьбу съ Генуей изъ-за первенства на Средиземномъ морѣ, и въ тоже время должна была сдерживать притязанія восточныхъ властелиновъ, хотѣвшихъ захватить въ свои руки все болѣе и болѣе усиливающуюся торговлю между Азіей и Европой. Поэтому республика на столько орожила обладаніемъ Кипра, что врядъ ли она оставалась бы пе-

редъ преступленіемъ, еслибы оно было необходимо для достиженія этой цѣли. Единственный сынъ Катарины Карнаро уже былъ отвезенъ въ Венецію, гдѣ онъ долженъ былъ получить воспитаніе.

Быгода государства составляла высшій законъ для могущественнаго города лагуны, который мало заботился о счастья отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ семействъ, когда дѣло шло объ исполненіи повелѣній Совѣта Десяти. Здѣсь было извѣстно, что дочь респуб-

Венеціанская галера.

лики ведетъ тихую уединенную жизнь, занимается рисованіемъ и пробуетъ свои силы въ легкихъ литературныхъ произведеніяхъ по модѣ того времени. Но присутствіе добродушной королевы на островѣ Кипрѣ было стѣснительно для республики во многихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что жители были искренно расположены къ ней и возлагали большія надежды на ея сына, чтобы современемъ возвратить себѣ прежнюю независимость. Неожиданное нападеніе тунисскихъ пиратовъ на дворецъ кипрской королевы дало Венеціи желанный поводъ для энергическаго вмѣшательства. Такимъ образомъ въ то

время, когда Катарина Карнаро болѣе чѣмъ когда либо мечтала о свободѣ и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидала прибытія любимаго человѣка, который долженъ былъ разорвать тяжелыя связывавшія ея оковы, въ отечественномъ городѣ принято было рѣшеніе еще болѣе усилить эти оковы и отнять у ней послѣднюю надежду на освобожденіе.

Джѳоржіо Карнаро, братъ королевы, былъ отправленъ съ небольшою флотиліей въ Кипръ. Ему данъ былъ строгій приказъ привести сестру; онъ долженъ былъ отвѣчать головой за точное исполненіе возложеннаго на него порученія.

Братъ Катарини сообщилъ ей при свиданіи о цѣли своего пріѣзда и, доказывая бесплодность сопротивленія, старался по возможности успокоить и утѣшить ее. Катарина была убѣждена, что ее оклеветали приставленные къ ней шпіоны и считала необходимымъ оправдать свое поведеніе передъ Совѣтомъ Десяти.

Джѳоржіо Карнаро замѣтилъ, что дѣйствительно бывшая неотлучно при ней горбатая старуха извѣстила Совѣтъ Десяти о молодомъ человѣкѣ, который явился въ Кипръ въ одеждѣ греческаго матроса, познакомился съ королевой и защищалъ ее отъ морскихъ разбойниковъ.

Между тѣмъ этотъ фактъ самъ по себѣ не имѣлъ никакого значенія для Совѣта Десяти, который не имѣлъ ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться въ любовныя дѣла королевы, пока не было доказано, что ея поклонникъ имѣетъ честолюбивыя планы относительно господства надъ островомъ. Въ данный моментъ удаленіе королевы съ Кипра не имѣло другой причины, кромѣ желанія республики окончательно овладѣть островомъ и распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію.

Катарина, подъ вліяніемъ страха и испуга, рассказала своему брату о неожиданномъ появленіи неаполитанскаго принца и его сватовствѣ. Она знала, что этимъ признаніемъ ставить на карту свою будущность; но рѣшилась на него въ смутной надеждѣ подѣйствовать на фамиліную гордость молодаго Карнаро и привлечь его на свою сторону.

— Несчастная женщина, воскликнулъ Джѳоржіо, — неужели ты не понимаешь, что Неаполь смотреть на тебя какъ на орудіе для достиженія политическихъ цѣлей! И ты еще жалуешься на Венецію!..

— Какое мнѣ дѣло до того, какъ тѣ или другіе хотятъ распорядиться Кипромъ! Развѣ я добивалась когда либо королевской короны? Венеція обрекла меня на печальную участь, между тѣмъ какъ съ принцемъ Федерико я была бы счастливѣйшей женщиной въ мірѣ. Если онъ желаетъ быть властелиномъ этого острова, то я благославляю свою судьбу, и мое единственное желаніе принадлежать ему всецѣло, со всѣмъ, что я имѣю. Digitized by Google

— Бѣдняжка! замѣтилъ со вздохомъ Джьоржіо. Какъ могла судьба быть настолько жестокой, чтобы сдѣлать подобную женщину орудіемъ холоднаго политическаго разсчета! Я искренно жалѣю о тебѣ Катарина; но долженъ исполнить приказаніе Совѣта Десяти и требую его именемъ, чтобы ты отказалась отъ своей любви. Развѣ ты желаешь гибели нашей фамиліи? Тысячи венеціанцевъ пожертвовали своей жизнью на поляхъ битвы ради величія республики; изъ-за этого тысячи людей погибли въ застѣнкахъ среди невыразимыхъ мукъ... Станутъ ли они щадить сердце женщины! Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о колебаніяхъ и сопротивленіи! Необходимо слѣпое повиновеніе...

Наступили часы тяжелой внутренней борьбы для несчастной кипрской королевы: она пролиwała горькія слезы среди ночной тишины, но слезы не облегчали ея сердца.

Нѣсколько дней спустя она простилась съ своими подданными. Жители Кипра искренно сожалѣли о ней, тѣмъ болѣе, что ея отъѣздъ лишалъ ихъ послѣдней надежды на независимость. Королева отправилась въ гавань Фамагоста въ сопровожденіи своего брата, одного изъ членовъ венеціанскаго совѣта, новаго намѣстника острова, окруженнаго кипрскимъ дворянствомъ и почетной стражей. Катарину Карнаро встрѣтили на венеціанскомъ кораблѣ съ почестями, соответствующими ея высокому сану. Но когда кончилась эта церемонія и подняли паруса, она поспѣшно ушла въ назначенную ей каюту и въ порывѣ отчаянія бросилась на полъ, мысленно прощаясь со всѣми надеждами своей жизни.

ГЛАВА IV.

Саванарола поступаетъ въ монастырь.

ПЕРЕМѢНА правителя въ наслѣдственныхъ монархіяхъ далеко не имѣетъ такого значенія, какъ въ государствахъ, гдѣ господствуетъ выборное начало. Такимъ образомъ въ средніе вѣка избраніе на папскій престолъ того или другого лица въ большинствѣ случаевъ вело къ полнѣйшему перевороту всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній. Папская власть достигла тогда наибольшаго развитія своего могущества, и всякій, кто занималъ, хотя бы на самый короткій срокъ, престолъ св. Петра, могъ многое сдѣлать для своей партіи. Это было также время, когда пилигримовъ привлекали въ Римъ всевозможными способами, и торговля индульгенціями достигла значительныхъ размѣровъ. Благодаря наплыву денегъ все болѣе и болѣе усиливалась потребность въ роскоши, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, и Римъ вторично сдѣлался средоточіемъ высшихъ интересовъ для цѣлаго міра. Тѣмъ не менѣе въ области искусства Флоренція осларивала пальму первенства у «вѣчнаго» города; но уже при Сикстѣ IV Римъ получилъ особенную притягательную силу для выдающихся талантовъ. Во время его владычества извѣстный зодчій Баччіо не только построилъ мостъ, но и капеллу въ Ватиканѣ, которая навсегда получила названіе Сикстинской и служить для папъ домашней капеллой. Многія другія церкви увѣковѣчили на будущія времена память маэстро Баччіо.

Франческо Альбескола делла Ровере, сынъ бѣднаго генуэзскаго рыбака, поступивъ въ орденъ францисканцевъ въ Падуѣ, поднялся все выше и выше по ступенямъ церковной іерархіи и, на-

конецъ, благодаря вліянію могущественнаго кардинала Борджіа, былъ выбранъ на папскій престолъ подь именемъ Сикста IV.

Римъ былъ тогда опустошаемъ продолжительными междоусобными войнами между Орсини и Колонна, и въ то же время щедрость папъ, раздававшихъ титулы и должности своимъ сыновьямъ и родственникамъ, вредила церкви и истощала сокровища апостольскаго престола. Сикстъ IV, желая скрыть отъ народа свое незнатное происхожденіе, возвелъ въ санъ кардиналовъ своихъ двухъ племянниковъ: Пьетро Риаріо и Джульяно де Ровере и наградилъ ихъ большими помѣстьями и доходами. Это были люди совершенно различныхъ характеровъ: Риаріо любилъ роскошь и проводилъ время въ празднествахъ и пирушкахъ, между тѣмъ какъ де Ровере посвятилъ все свое вниманіе искусству, особенно архитектурѣ. Пластика приближалась къ періоду своего высшаго процвѣтанія; изъ художниковъ, украшавшихъ Римъ произведениями искусства при Сикстѣ IV, особенно важное значеніе имѣли Лука Синьорелли и Сандро Боттичелли.

Подобно тому, какъ нѣкогда папа Николай V шелъ рука объ руку съ флорентинцемъ Косьмой Медичи относительно возрожденія классической литературы, такъ и папа Сикстъ IV не уступалъ Лоренцо Медичи въ своихъ художественно-литературныхъ стремленіяхъ.

Въ то время, какъ Косьма Медичи устраивалъ библіотеку Сант-Марко, папа Николай V положилъ начало ватиканской библіотеки; онъ не только поручилъ греческимъ ученымъ отыскивать старыя рукописи, но по его инициативѣ сдѣлана была попытка переводить Гомера, Аристофана и греческихъ трагиковъ. Такимъ образомъ римскій дворъ, наравнѣ съ флорентинскимъ, служилъ убѣжищемъ музъ, для которыхъ открылось новое обширное поприще съ введеніемъ книгопечатанія. Послѣ смерти Николая V наступила пора затихія въ виду другихъ интересовъ, поглотившихъ общее вниманіе, такъ что его преемникъ Каликстъ III изъ дома Борджіа, войдя въ книгохранилище Ватикана воскликнулъ: «Вотъ на что потрачены напрасно сокровища церкви божіей!» Послѣ Каликста III избранъ былъ кардиналъ Энео Сильвіо Пикколомини, который вступилъ на папскій престолъ подь именемъ Пія II. Это былъ любитель просвѣщенія и одинъ изъ самыхъ плодovitыхъ писателей своего времени; онъ оказывалъ особенное покровительство греческому ученому Іоанну Агрипулу, воспитателю Лоренцо и Джульяно Медичи, который впоследствии переселился въ Миланъ и жилъ при дворѣ Людовика Сфорцо (il Мого). При слѣдующемъ папѣ, занявшемъ престолъ св. Петра подь именемъ Павла II, развитію умственной жизни грозила серіозная опасность, потому что изученіе древнихъ поэтическихъ произведеній, а равно изслѣдованіе катакомбъ съ цѣлью открытія надписей и предметовъ, относящихся въ жизни

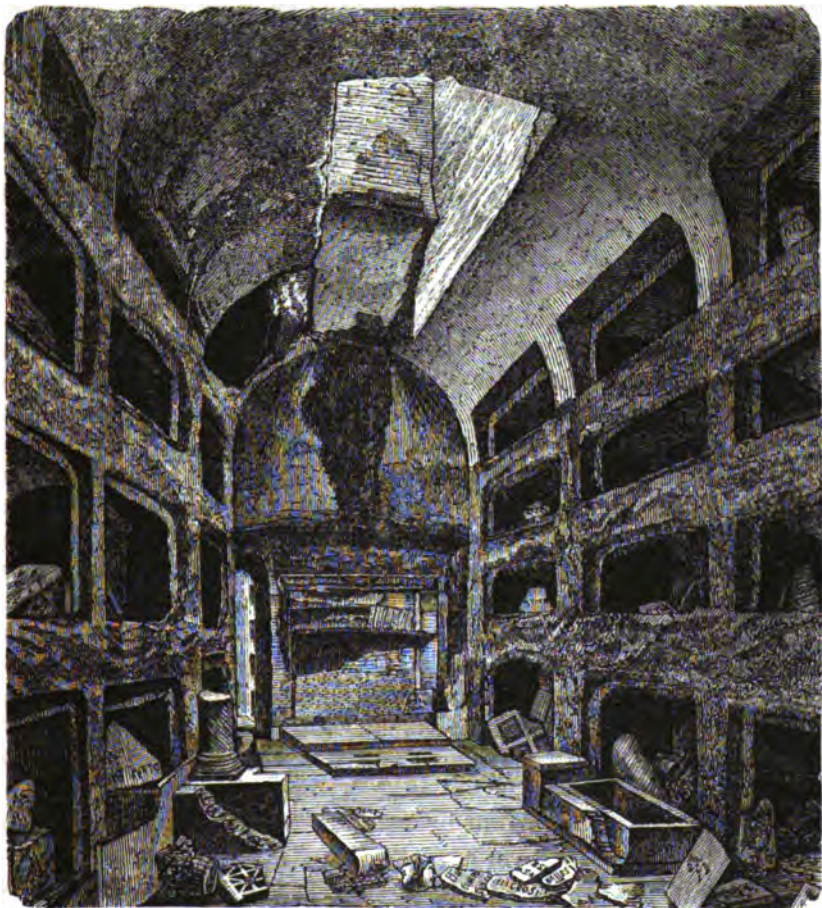
старога Рима, принималось за доказательство склонности къ язычеству. Въ Римѣ образовалась тогда своего рода академія, которая преслѣдовала тѣ же самыя цѣли, какъ и флорентинское ученое общество, основанное подъ руководствомъ Лоренцо Медичи, члены котораго изучали греческую философію Платона и пробовали свои силы въ самостоятельныхъ поэтическихъ произведеніяхъ. Подобныя стремленія считались подозрительными въ Римѣ. Члены литературнаго общества приняли за правило называть себя въ своихъ собраніяхъ греческими и латинскими именами; но и эта невинная выдумка послужила поводомъ къ обвиненію въ язычествѣ, послѣ чего папа воздвигъ противъ нихъ упорное гоненіе.

При Сикстѣ IV изученіе древняго міра получило болѣе широкое развитіе нежели когда либо, хотя и въ его время не разъ поднимался вопросъ о томъ, что увлеченіе классицизмомъ представляетъ опасность для церкви.

Долгое время катакомбы, бывшія нѣкогда каменоломнями, а затѣмъ древнехристіанскими кладбищами, оставались нетронутыми и ихъ существованіе предано было полнѣйшему забвенію. Первые послѣдователи евангелія воспользовались ходами прежнихъ каменоломень и начали ставить гробы въ глубокія стѣнныя ниши, такъ какъ не хотѣли сжигать своихъ покойниковъ и въ то же время не смѣли хоронить ихъ въ землѣ. Исслѣдованіе началось съ древнехристіанскихъ усыпальницъ, а именно съ катакомбъ С. Себастіано и Каликста. Вскорѣ послѣ того начались раскопки языческихъ могилъ на Via Appia, отчасти по инициативѣ папы и частью благодаря двумъ флорентинскимъ путешественникамъ, которые случайно открыли древнюю могилу и нашли въ ней разрушенный саркофагъ съ прекрасно сохранившимся трупомъ молодой дѣвушки. На ея головѣ была корона изъ множества драгоцѣнныхъ камней; золотистые волосы были связаны зеленой шелковой лентой. Трупъ не подвергся ни малѣйшему разложенію, такъ что казалось будто смерть наступила за день передъ тѣмъ. Судя по надписи, это была дочь римскаго императора. Весь Римъ пришелъ въ волненіе отъ этой находки, потому что до сихъ поръ католическое духовенство доказывало, что только тѣла святыхъ нетлѣнны. Папа изъ боязни распространенія языческихъ идей въ народѣ, долженъ былъ наложить запрещеніе на всякія раскопки и изученіе древностей. Между тѣмъ любовь къ классической древности изъ Италіи перешла въ другія страны Европы. Весьма знаменательнымъ фактомъ можно считать пребываніе знаменитаго Рейхлина въ Римѣ, который даже говорилъ латинскую рѣчь передъ Сикстомъ IV.

Громадное зданіе базилики св. Петра, начатое въ первыя времена христіанства и строившееся въ продолженіи столѣтій, представляло въ тѣ времена родъ крѣпости съ своими многочисленными пристройками, монастырями, капеллами, жилищами духовен-

ства и Ватиканскимъ дворцомъ. Здѣсь короновались императоры; папа изрекалъ церковныя проклятія и вновь отмѣнялъ ихъ. Два длинныхъ ряда древнихъ колоннъ подпирали сводъ крыши. На дворѣ, окруженномъ колоннадами, стоялъ массивный бронзовый шпигъ снятый съ мавзолея Адриана. Фасадъ церкви былъ украшенъ фресками.

Папская крипта (склепъ) въ катакомбахъ Каликста.

Папа Николай V впервые задумалъ передѣлать заново Ватиканъ и церковь; но едва начатыя работы прекратились послѣ его смерти.

Если Сиксту IV можно было поставить въ упрекъ, что онъ раздавалъ огромныя суммы и земли своимъ родственникамъ, то на его преемника Иннокентія VIII пало еще болѣе серьезное обвиненіе. Говорили, что онъ обязанъ папской тиарой цѣлому ряду под-

куповъ, съ помощью которыхъ онъ обезпечилъ за собой большинство избирательныхъ голосовъ; при этомъ весьма знаменателенъ былъ тотъ фактъ, что воинственный кардиналъ дела Ровере (впоследствии занявшій папскій престолъ подъ именемъ Юлія II) потребовалъ въ видѣ награды за свой голосъ нѣсколько крѣпостей и получилъ ихъ. Иннокентій VIII не имѣлъ ничего общаго съ своимъ предшественникомъ и держался совсѣмъ другой политики. Онъ былъ родомъ изъ Генуи, что само по себѣ ставило его во враждебныя отношенія къ венеціанцамъ и побудило его съ самаго начала искать сближенія съ Лоренцо Медичи и неаполитанскимъ королемъ. Члены фамиліи Орсини, принадлежавшіе къ противникамъ прежняго папы, пользовались особенной милостью новаго церковнаго владыки, который вездѣ выдвигалъ ихъ на первый планъ, преслѣдуя при этомъ свои личныя цѣли.

Если тщеславіе Лоренцо Медичи играло не послѣднюю роль въ выборѣ жены изъ знатнѣйшей и наиболѣе уважаемой римской фамиліи, то непомѣрная гордость Клары Орсини въ свою очередь повліяла на него, и въ большинствѣ случаевъ была одной изъ главныхъ побудительныхъ причинъ его многихъ безтактныхъ поступковъ. Деньги служили ему только средствомъ для достиженія политическихъ и художественныхъ цѣлей. Честолюбіе никогда не развилось бы у него въ такой степени безъ вліянія Клары, тѣмъ болѣе, что онъ всегда чувствовалъ особенную склонность къ поэзій и искусству. Съ самаго ранняго дѣтства онъ былъ окруженъ талантливыми людьми; его покойная мать Лукреція, изъ фамиліи Торнабуони, славилась своимъ поэтическимъ талантомъ. Любовь къ искусству, отличавшая Лоренцо Медичи, подобно многимъ изъ его современниковъ, въ значительной мѣрѣ поддерживалась открытіемъ многочисленныхъ древнихъ изваяній, которыя казались неистощимыми. Его поиски въ этомъ направленіи увѣнчались блестящимъ успѣхомъ, такъ что Флоренція главнымъ образомъ обязана ему своимъ художественнымъ значеніемъ, и онъ несомнѣнно положилъ первое основаніе позднѣйшему процвѣтанію искусства у флорентинцевъ.

Между тѣмъ Клара не переставала думать о возвышеніи фамиліи Медичи. Но къ несчастію этого рода сильныя энергическія натуры, прямо идущія къ цѣли, рѣдко бываютъ способны составить счастье окружающихъ. Потомство восхищается грандіозными произведеніями зодчества и безсмертными сокровищами искусства; но ему рѣдко приходится узнать о томъ, какой цѣной творцы ихъ достигли цѣли своихъ честолюбивыхъ стремленій и сколько вблизи ихъ пролито было горькихъ слезъ.

Сестра Лоренцо Медичи, Біанка, но прежнему жила съ мужемъ въ своей прекрасной виллѣ близъ Флоренціи. Прошло нѣсколько лѣтъ со времени неудавшагося заговора Пацци и кромѣ смерти

второй дочери, Ренаты, ничто не нарушало счастья этого примѣрнаго супружества. Само собою разумѣется, что матеріальное положеніе Гуильельмо Пацци, женатаго на Медичи, было вполнѣ обезпечено. Обстановка его дома не уступала въ роскоши жилищамъ владѣтельныхъ особъ, и хотя онъ не могъ располагать такими огромными суммами, какъ Лоренцо Медичи для украшенія комнатъ, но въ нихъ было много цѣнныхъ произведеній искусства. Равнымъ образомъ воспитаніе обоихъ дѣтей старшаго Пьетро и сестры его Маріи, которая была нѣсколькими годами моложе его, было направлено къ тому, чтобы дать имъ лучшее образованіе, какое было возможно по тому времени.

Хотя Лоренцо Медичи рѣдко видѣлся съ зятемъ и сестрой, но между ихъ дѣтьми существовали самыя дружескія отношенія, чему способствовало и то обстоятельство, что между ними не было большаго различія въ возрастѣ. У Лоренцо было трое дѣтей: старшій сынъ Пьетро живой и веселый, второй—Джованни молчаливый и задумчивый, и, наконецъ, дочь Мадалена, которая по своему самостоятельному и рѣшительному характеру живо напоминала свою мать, Клару Орсини. Молодой Пацци былъ на три года старше своего двоюроднаго брата Пьетро, между тѣмъ какъ его сестра Марія Пацци была моложе всѣхъ Медичисовъ.

Мадалена Медичи пользовалась особеннымъ расположеніемъ матери; но несмотря на свой самостоятельный характеръ должна была подчиниться волѣ родителей. Въ Италіи было принято держать молодыхъ дѣвушекъ въ полномъ отчужденіи отъ молодежи другаго пола; этотъ обычай соблюдался съ двойной строгостью относительно Мадалены, такъ какъ ея родители были убѣждены, что вправѣ располагать ея рукой и что она будетъ безпрекословно повиноваться имъ. Само собою разумѣется, что Мадалена была болѣе свободна въ своихъ сношеніяхъ съ ближайшими родственниками, нежели съ остальными молодыми людьми, которыхъ она встрѣчала только на большихъ празднествахъ, гдѣ строгій этикетъ и тяжелая одежда стѣсняли всякое свободное движеніе. Во время танцевъ кавалеръ едва смѣлъ прикоснуться кончиками пальцевъ до руки дамы; церемоніаль предписывалъ почти каждое слово, которое произносилось въ подобныхъ случаяхъ.

Но въ саду виллы Пацци молодежь обоихъ родственныхъ домовъ пользовалась полной свободой. Здѣсь прекращался строгій надзоръ, не было дорогихъ стѣснительныхъ платьевъ; никто не смущался, если волосы приходили въ беспорядокъ, и это доставляло даже особенное удовольствіе. Естественно, что при частыхъ свиданіяхъ преждевременно развившаяся Мадалена почувствовала родъ сердечной склонности къ своему двоюродному брату Пьетро Пацци, которая отчасти выражалась въ шаловливомъ поддразниваніи и частью въ томъ напряженномъ вниманіи, съ какимъ она

слушала его во время серьезнаго разговора. Пьетро съ своей стороны никогда не оскорблялся шутками своей молодой родственницы, тѣмъ болѣе, что онъ былъ сильный, ловкій юноша, искусный во всѣхъ рыцарскихъ упражненіяхъ и сознававшій вполне свое умственное превосходство. Но влюбленный юноша никогда не задавалъ себѣ вопроса относительно послѣдствій этой взаимной привязанности, равно и сама Мадалена, пока разговоръ съ матерью не убѣдилъ еѣ, что она не можетъ располагать своимъ сердцемъ. Извѣстіе сообщенное ей матерью было коротко и ясно и почти имѣло видъ приказанія:

— Отецъ нашелъ тебѣ жениха, сказала Клара Орсини, — онъ общалъ папѣ, что ты выйдешь замужъ за принца Чибо.

— Принца Франческетто? спросила съ непритворнымъ ужасомъ Мадалена.

— Принца Франческо Чибо, племянника папы, который недавно сдѣлалъ его горцогомъ Массы и Каррары, возразила синьора Клара, бросивъ на дочь уничтожающій взглядъ, не допускавшій дальнѣйшихъ возраженій. Но Мадалена привыкла къ подобнымъ взглядамъ, и, какъ извѣстно, этого рода средства теряютъ всякое значеніе, когда слишкомъ часто прибѣгаютъ къ нимъ.

— Франческетто! повторила еще разъ непокорная дочь, въ ея голосѣ слышенъ былъ гнѣвъ и презрѣніе, — всѣ смѣются надъ нимъ, онъ такъ малъ ростомъ, что едва доходитъ до моего плеча, и вдобавокъ сынъ папы!

— Мадалена! воскликнула синьора Клара строгимъ тономъ; губы ея дрожали отъ негодованія.

Но молодая дѣвушка не обратила на это никакого вниманія. — Всѣмъ извѣстно, сказала она, что онъ сынъ папы и даже открыто признанъ имъ. Еслибы дѣло не получило такой огласки, те мнѣ не могло прійти въ голову, что глава католической церкви имѣетъ собственную семью! Прежде никто не зналъ объ этомъ, но папа Иннокентій позаботился, чтобы даже дѣти на улицѣ толковали объ его сынѣ. Вы хотите, чтобы я породнилась съ папой; дѣйствительно, это совершенно новое и почетное званіе! Но я никогда не соглашусь на это и вообще не желаю выходить замужъ... Впрочемъ, добавила она съ глубокимъ вздохомъ, — я хотѣла бы сдѣлаться женой Пьетро Пацци и не выйду ни за кого другого! Что же касается этого карлика Чибо, то о немъ и говорить не стоитъ!..

Нужно было имѣть извѣстнаго рода мужество, чтобы сопротивляться такимъ образомъ волѣ матери, потому что въ тѣ времена, даже въ знатныхъ семьяхъ принуждали взрослыхъ дѣтей къ послушанію строгими мѣрами. Но Мадалена знала свою мать, и при этомъ она была такъ возмущена предполагаемымъ бракомъ, что въ данную минуту никакая сила на свѣтѣ не могла бы вынудить у ней согласіе.

Но кромѣ насилія были другія, болѣе дѣйствительныя средства. Разгѣванная мать вышла изъ комнаты и заперла за собою дверь на ключъ. Она поспѣшила къ мужу, чтобы посовѣтоваться съ нимъ относительно дальнѣйшаго способа дѣйствій. Полчаса спустя она вернулась назадъ и объявила, что Магдалена за свое непослушаніе будетъ отправлена на неопредѣленное время въ женскій монастырь св. Аннунціаты. Веселая дѣвушка внутренно содрогнулась при этомъ извѣстіи; но изъ упрямства ничего не отвѣтила. Приготовленія были вскорѣ окончены, и молодую дѣвушку отнесли въ закрытыхъ носилкахъ въ монастырь, гдѣ настоятельница уже была предупреждена относительно цѣли этой мѣры.

Большая часть флорентинскихъ монастырей пользовалась милостью фамиліи Медичи; такіе же правильные и щедрые вклады вносимы были и въ монастырь св. Аннунціаты. Кромѣ того, Лоренцо Медичи недавно пожертвовалъ въ монастырскую церковь образцовое художественное произведеніе Перуджино. Поэтому настоятельница считала своей прямой обязанностью исполнить желаніе своего благодѣтеля, тѣмъ болѣе, что ей не разъ случалось приводить къ смиренію закоснѣлыя души грѣшницъ, и она была довольно опытна въ подоонныхъ дѣлахъ.

Первая принятая ею мѣра заключалась въ томъ, что Магдалена должна была подчиниться во всей строгости порядку монастырской жизни.

Ночью едва молодая дѣвушка заснула первымъ крѣпкимъ сномъ, какъ ее разбудилъ рѣзкій звонъ церковнаго колокола, призывающій къ ранней обѣднѣ. Нѣсколько дней спустя, когда утомленные нервы утратили свою воспримчивость, и колоколь уже не въ состояніи былъ разбудить ее, примѣнены были другія средства, чтобы принудить гостью къ исполненію обязанностей, предписанныхъ монастырскимъ уставомъ. Монахини выполняли въ точности и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ всѣ приказанія настоятельницы, которая позаботилась о томъ, чтобы слезы и просьбы Магдалены не возбуждали состраданія въ ея окружающихъ. Между прочимъ запрещено было строжайшимъ образомъ говорить съ нею, кромѣ необходимыхъ отвѣтовъ. Черезъ каждые два часа ее водили въ церковь и заставляли слушать безконечныя молитвы, не представлявшія для нея ни малѣйшаго умственнаго интереса. Окружавшія ее монахини, приученныя къ слѣпому повиновенію, дошли до полного отупѣнія или были воодушевлены религіознымъ фанатизмомъ; кромѣ того у нихъ были различныя занятія въ монастырѣ и внѣ его; но несчастная Магдалена не въ состояніи была выносить томительное однообразіе этой жизни.

Сначала она рѣшила не покоряться ни въ какомъ случаѣ, хотя бы ей пришлось провести всю жизнь въ монастырѣ; но такъ какъ это не соотвѣтствовало желаніямъ ея родителей, то настоятель-

ница еще болѣе усилила ея религіозныя обязанности. Кромѣ того, запрещены были какія либо облегченія и даже всякія дружескія изъявленія со стороны монахинь, такъ что Мадалена цѣлыми днями не говорила ни единого слова.

Это была медленная пытка, которая черезъ нѣсколько дней вѣрнѣе привела къ цѣли, нежели минутныя физическія мученія. Мадалена дошла до такого угнетеннаго душевнаго и умственнаго состоянія, что настоятельница сочла возможнымъ написать родителямъ, что дочь ихъ смирилась и готова исполнить все, что они потребуютъ отъ нея.

Затѣмъ слѣдовала торжественная сцена: Лоренцо и Клара явились въ монастырь за своей дочерью. Монахини собрались въ монастырской столовой; настоятельница привела Мадалену къ нетерпѣливо ожидавшимъ ее родителямъ. Лоренцо спросилъ дочь: намѣрена ли она покориться ихъ воли и выйти замужъ за Франческо Чибо? Наступило довольно продолжительное молчаніе. Сердце несчастной дѣвушки еще разъ возмущилось противъ ненавистнаго брака; отчаяніе и чувство полной безпомощности овладѣло ею. Глаза ея наполненные слезами на минуту остановились на безучастныхъ фивіономіяхъ монахинь и на неподвижномъ лицѣ настоятельницы; затѣмъ она снова взглянула на своихъ родителей. Ихъ лица выражали томительное ожиданіе, мольбу и вмѣстѣ съ тѣмъ какую-то неумолимую безжалостную жестокость. Мадалена не отличалась сентиментальностью, которая была почти немислима у дѣвушки такой знатной фамиліи въ тѣ суровыя времена; но до сихъ поръ она была увѣрена, что родители любятъ ее и желаютъ ей счастья. Теперь ей пришлось убѣдиться, какъ безумны были ея надежды, что ей позволятъ устроить жизнь по ея собственному желанію и влеченію сердца. Въ эту минуту единственная дочь Лоренцо Медичи, которой всѣ завидовали, охотно промѣняла бы свою участь на участь бѣднѣйшей дѣвушки Флоренціи.

Мысль о бѣгствѣ на минуту промелькнула въ ея головѣ; но гдѣ можетъ она найти сколько нибудь надежное убѣжище? Изъ ея глазъ полились горькія слезы; она бросилась съ судорожнымъ рыданіемъ на грудь матери. Безвыходность положенія заставила ее рѣшиться на ненавистное замужество; но въ эту минуту навсегда поблекли розовыя надежды ея молодого сердца, какъ цвѣты побитыя ледянымъ сѣвернымъ вѣтромъ. Одному небу было извѣстно къ чему приведетъ ее этотъ бракъ: будетъ ли она искать забвенія на сторонѣ въ nepозвопительныхъ сношеніяхъ, или дойдетъ до ожесточенія и станетъ мстить нелюбимому мужу за испорченную жизнь злыми выходками и капризами?

Такимъ образомъ нельзя было ожидать дальнѣйшаго сопротивленія со стороны молодой дѣвушки; но тѣмъ не менѣе встрѣтились непредвидѣнныя препятствія къ предполагаемому браку. Хотя

сношенія между домами Медичи и Пацци были окончательно порваны и Мадалена должна была отказаться отъ своей романической привязанности къ Пьетро Пацци, но она искренно радовалась при мысли, что будетъ избавлена отъ брака съ Франческо Чибо.

Дружба Лоренцо Медичи съ неаполитанскимъ королевскимъ домою получила еще большую прочность въ продолженіи года. Самолюбіе Лоренцо было въ высшей степени польщено тѣмъ уваженіемъ, какое выказывалъ ему неаполитанскій король не только, какъ представителю республики, но и по отношенію къ его собственной личности. Но само собою разумѣется, что король Фердинандъ въ данномъ случаѣ руководился своекорыстными цѣлями, потому что союзъ съ Лоренцо Медичи имѣлъ для него большую цѣну.

Онъ властвовалъ въ своемъ государствѣ, какъ неограниченный тиранъ и настолько возстановилъ противъ себя высшее неаполитанское дворянство, что оно возмутилось противъ него. Рѣшено было превозгласить королемъ его втораго сына Федерико, потому что наслѣдный принцъ Альфонсъ заслужилъ общую ненависть. Между тѣмъ принцъ Федерико, хотя и осуждалъ жестокость своего отца, но никогда не согласился бы встать во главѣ бунтовщиковъ, которые нашли поддержку не только въ Венеціи, но и въ папѣ.

Лоренцо Медичи напротивъ того открыто принялъ сторону неаполитанскаго короля, равно и могущественные предводители партіи Орсини, такъ что почти до открытаго разрыва между домою Медичи и папскимъ престоломъ. При этихъ условіяхъ конечно не могло быть рѣчи о брачномъ союзѣ между Мадаленой и Франческо Чибо. Но дѣло внезапно приняло неожиданный оборотъ: король Фердинандъ не только далъ торжественное обѣщаніе исполнить всѣ требованія дворянъ, но даже простилъ всѣхъ виновныхъ. Такимъ образомъ снова былъ возстановленъ миръ.

Но вслѣдъ затѣмъ король коварно захватилъ главныхъ бунтовщиковъ, осудилъ ихъ на жестокую казнь и присвоилъ себѣ ихъ помѣстья. Теперь онъ могъ безъ всякаго преувеличенія написать папѣ, что въ его государствѣ не осталось ни одного недовольнаго магната.

Около этого времени въ Римѣ былъ заключенъ бракъ Франческо Чибо съ Мадаленой Медичи. Клара встрѣтила самый почетный пріемъ въ родномъ городѣ; тогда же возвратился изъ ссылки ея отецъ и другіе члены фамиліи Орсини, изгнанные во время ссоры папы съ Неаполемъ. Вскорѣ они снова пріобрѣли прежнее могущество; папа обѣщалъ кардинальскую шляпу второму сыну Лоренцо Медичи, по достиженіи имъ восемнадцатилѣтняго возраста, хотя до сихъ поръ ни одинъ юноша этихъ лѣтъ не былъ удостоенъ подобной чести.

Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о невѣроятной роскоши

пиршествъ, устроенныхъ по поводу брака дочери Лоренцо Медичи съ принцемъ Чибо, необходимо принять во вниманіе, что въ тѣ времена совмѣщались величайшія противоположности. На ряду съ грубыми чувственными наслажденіями и беспощадной жестокостью можно было встрѣтить глубокое пониманіе художественныхъ произведеній и любовь къ роскоши, которая проявлялась въ блистательныхъ рыцарскихъ турнирахъ и живописныхъ одеждахъ. Богатство дома Медичи почти вошло въ пословицу, и такъ какъ, съ другой стороны, власть папскаго престола была безгранична, то естественно, что эта свадьба обратила на себя вниманіе всего цивилизованнаго міра. Но и въ то время многіе патриоты и благомыслящіе люди Италіи не ожидали добра отъ родственной связи между могущественнымъ римскимъ дворомъ и фамиліей богатаго флорентинскаго купца.

Въ это время Джироламо Саванарола, противъ воли своихъ родителей и тайнѣ отъ нихъ, поступилъ въ доминиканскій монастырь въ Болонью. Хотя при своемъ серіозномъ умѣ и любви къ наукѣ, онъ давно чувствовалъ склонность къ созерцательной жизни, но едва ли ему пришло бы въ голову добровольно отречься отъ міра, еслибы nepозволительное кокетство Орсола Кантарелли не подвергло его тяжелымъ испытаніямъ и не дало внезапно другое направленіе его дальнѣйшей будущности. Этотъ внѣшній толчокъ повидимому былъ необходимъ для него, какъ и для многихъ другихъ выдающихся личностей, чтобы окончательно посвятить себя своему призванію. Онъ не чувствовалъ прежде никакого влеченія къ монашеству, хотя условія общественной жизни возмущали его съ ранней юности. Онъ видѣлъ съ глубокимъ огорченіемъ, какъ высокія идеи христіанства все болѣе и болѣе заглушались грубымъ эгоизмомъ и господствомъ необузданныхъ страстей. Не разъ приходило ему въ голову заступиться словомъ и дѣломъ за страждущее человѣчество и открыто обличать великихъ міра, не признававшихъ другихъ законовъ, кромѣ своей собственной похоти. Но до сихъ поръ ему недоставало самаго главнаго, а именно личнаго импульса; онъ чувствовалъ себя связаннымъ отношеніями къ родителямъ и братьямъ. Между тѣмъ, чтобы нераздѣльно слѣдовать своей судьбѣ и идти къ извѣстной цѣли необходимо было отречься отъ личныхъ привязанностей, желаній и надеждъ и отказаться отъ всѣхъ суетныхъ земныхъ помысловъ.

Джироламо Саванарола суждено было сдѣлаться великимъ проповѣдникомъ, чтобы призвать людей къ покаянію и возстановленію истиннаго христіанскаго ученія; но нуженъ былъ внѣшній поводъ, чтобы вывести его на этотъ путь. Такимъ поводомъ былъ капризъ тщеславной дѣвушки. Легкомысленное пари, предложенное Орсолой Кантарелли, могло имѣть печальныя послѣдствія для обманутаго юноши и довести его до полнаго отчаянія и даже самоубійства.

ЦАРЕВНА СОФЬЯ ПРИВОДИТЬ КЪ ПРИСЯГЪ СТРѢЛЬЦОВЪ.

Картина художника Рѣпина.

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1884 ГОДУ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ПЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1884 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1880—1883).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Редакція, вполне обезпеченная разнообразнымъ литературнымъ матеріаломъ, обратитъ особенное вниманіе на рисунки и обязательно будетъ давать въ каждой книжкѣ журнала нѣсколько иллюстрацій (въ 1883 году въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ помѣщено болѣе 130 гравюръ).

Въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“ въ 1884 году печатается иллюстрированный (40-ка гравюрами на деревѣ) культурно-историческій очеркъ Адольфа Глазера „Саванарола“.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1884 года будутъ помѣщены, уже находящіяся въ распоряженіи редакціи, статьи слѣдующихъ писателей:

Д. В. Аверкіева, А. В. Арсеньева, Н. В. Верга, Ф. И. Вулгакова
В. П. Вуренина, А. Я. Вутковской, И. Д. Вѣлова, Н. А. Вѣловской,
Е. М. Гаршина, В. И. Герье, Н. А. Добротворскаго, И. И. Дубасова,
Г. В. Есипова, И. Н. Захарьина, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина,
Е. П. Карновича, А. И. Кирпичникова, Н. М. Кошнина, М. С. Корелина,
Н. И. Костомарова, Д. А. Корсакова, А. Н. Корсакова,

В. Д. Кренке, Н. С. Бутейникова, Д. П. Лебедева, Н. С. Лыскова, В. Н. Майнова, С. В. Максимова, П. К. Мартынова, А. Н. Маслова, Л. С. Мацѣевича, А. П. Милюкова, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, А. И. Незеленова, В. И. Немировича-Данченко, Н. И. Петрова, А. С. Пругавина, Д. Н. Садовникова, графа Е. А. Салыса, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевскаго В. Я. Стоюнина, М. И. Сухомлинова, С. Н. Терпигорева, П. С. Усова, Ф. Н. Устрялова, М. К. Цебриковой и др.

Гравюры для иллюстраціи статей заказаны преимущественно граверамъ: Панимакеру въ Парижѣ и Зубчанинову въ Петербургѣ.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, д. № 38, и въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы, при московскомъ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

Примѣчаніе. Всѣ экземпляры „Историческаго Вѣстника“ 1883 года разошлись по подпискѣ и дальнѣйшія требованія о высылкѣ журнала за означенный годъ не могутъ быть удовлетворены. Что касается 1880, 1881 и 1882 годовъ, то въ конторѣ еще имѣется небольшое количество экземпляровъ журнала за это время.

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ПУШКИНА.

АДЛЯ ИСТОРИИ нашей литературы бесспорное значеніе имѣють полемическія статьи Пушкина, заключающія въ себѣ живыя черты тогдашнихъ литературныхъ понятій и нравовъ. Полемика составляетъ неизбѣжное условіе журнальной дѣятельности, а отъ участія въ журналистикѣ трудно было отказаться писателю съ умомъ и талантомъ Пушкина и съ его отзывчивостью ко всему, въ чемъ выражается движеніе литературы и общественной жизни. Въ одной изъ статей «Литературной Газеты» говорится: «Въ журналахъ—движеніе, въ нихъ страсти, въ нихъ отголосокъ самихъ рѣчей, самихъ дѣяній; въ книгахъ гораздо меньше индивидуальности: въ книгѣ скроешь себя, въ журнальной статьѣ авторъ проговаривается; въ одной—слышимъ рѣчь его съ авторской кафедры, въ другой—невольный крикъ его, экспромптъ его ума, его характера» и т. д.

Большихъ усилій стоило Пушкину приобрести право на изданіе литературнаго журнала. «Съ радостью взялся бы я—писаль Пушкинъ—за редакцію политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ коемъ печатались бы политическія и заграничныя новости. Около него соединилъ бы я писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію». Давнишнее желаніе Пушкина наконецъ осуществилось. 14 января 1836 года, министру народнаго просвѣщенія объявлено высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Камеръ-юнкеръ, титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ просилъ разрѣшенія издать въ нынѣшнемъ 1836 году четыре тома статей чисто-литературныхъ (какъ-то повѣстей, стихотвореній и проч.), исто-

рическихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ трехмѣсячныхъ *reviews*. Его императорское величество на такую просьбу г. Пушкина изволилъ изъявить высочайшее свое соизволеніе съ тѣмъ, чтобы означенное періодическое сочиненіе проходило, по установленному порядку, чрезъ цензурный комитетъ». Недолго пользовался Пушкинъ дорогимъ для него правомъ. Не прошло и года со времени появленія основаннаго Пушкинымъ журнала: «Современникъ», какъ издателями «Современника», вмѣсто покойнаго Пушкина являются: В. А. Жуковский, князь П. А. Вяземскій, князь В. Ф. Одоевскій и П. А. Плетневъ.

Участіе Пушкина въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ ознаменовано рядомъ художественныхъ произведеній, обогатившихъ нашу литературу. На страницахъ этихъ же изданій появились и полемическія статьи Пушкина, бывшія, въ свою очередь, украшеніемъ тогдашней журналистики. Нѣкоторыя изъ полемическихъ статей Пушкина появлялись въ печати не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а съ измѣненіями и пропусками—какъ вольными, такъ и невольными. Въ этомъ отношеніи любопытна судьба статьи Пушкина, направленная противъ редактора «Вѣстника Европы», Михаила Трофимовича Каченовскаго, обиженнаго выходками Полеваго и подавшаго грозную жалобу на «соумышленника» его—цензора Глинку. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, вызвавшаго въ журнальныхъ кружкахъ оживленные толки, Пушкинъ воспроизвелъ его въ своей статьѣ съ тою же буквальною точностью, какъ и въ эпиграммѣ, написанной по тому же поводу на Каченовскаго:

Обиженный журналами жестоко,
Зонгъ Пахомъ печалился глубоко:
Вотъ подалъ онъ на цензора доносъ,
Но цензоръ правъ—намъ смѣхъ, Зонгу носъ...

Статья предназначалась для «Невскаго Альманаха», издававшегося Аладиннымъ. Авторъ не далъ ей особаго заглавія, какъ видно изъ того, что въ дѣлѣ, возникшемъ по ея поводу, она называется такъ: Распря между двумя извѣстными журналистами и тяжба одного изъ нихъ съ цензурою надѣлали шуму, т. е. заглавіемъ послужили слова, которыми статья начинается. Имени автора не обозначено. Цензурное вѣдомство, въ различныхъ инстанціяхъ, не дозволило напечатать эту статью на томъ основаніи, что въ ней выводится, какъ дѣйствующее лицо, цензоръ и говорится о рѣшеніи, послѣдовавшемъ въ главномъ управленіи цензуры. Уступая обстоятельствамъ, Пушкинъ исключилъ изъ своей статьи все то, что относится къ цензурному вѣдомству. Въ новомъ видѣ своемъ, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей, сочиненіе А. Пушкина», она была представлена въ цензуру издателями альманаха: «Сѣверные цвѣты».

«Вслушавъ вышеозначенную статью, главное управленіе цензуры нашло оную позволительною» и такимъ образомъ она появилась въ «Сѣверныхъ цѣтахъ» на 1830 годъ. Отсюда перепечатывалась она и въ собраніяхъ сочиненій Пушкина. Въ изданіи П. В. Анненкова и въ послѣднемъ изданіи П. А. Ефремова она помѣщена въ томъ же видѣ, т. е. съ тѣми же пропусками, какъ и въ «Сѣверныхъ цѣтахъ». Приводимъ первоначальный текстъ статьи Пушкина, въ ея полномъ видѣ.

— «Распря между двумя извѣстными журналистами и тяжба одного изъ нихъ съ цензурою надѣлали шуму. Постараемся изложить исторически все дѣло.

«Въ концѣ минувшаго года, редакторъ В. Е., желая въ слѣдующемъ 1829 году потрудиться еще и въ качествѣ издателя, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худо понимающей различіе между сими двумя ученными званіями. Убѣдившись единогласнымъ мнѣніемъ критиковъ въ односторонности и скудости В. Е., сверхъ того движимый глубокимъ чувствомъ состраданія при видѣ беспомощнаго состоянія литературы, онъ общалъ употребить наконецъ свои старанія, чтобы сдѣлать журналъ сей обширнѣе и разнообразнѣе. Онъ надвинулся отнынѣ далѣе видѣть, свободнѣе соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать. Онъ собирался пуститься въ неизмѣримую область бытописанія, по которой Карамзинъ, какъ всѣмъ извѣстно, проложилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ бесплодныхъ. «Предполагаю работать самъ, говорилъ почтенный редакторъ, не отказывая однакожъ и другимъ литераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ». Сія похвала, но тѣмъ не менѣе благія намѣренія, сія похвальная заботливость о русской литературѣ, сія скромная снисходительность къ своимъ еструдникамъ, тронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Приятно было бы намъ привѣтствовать первые труды, первые успѣхи знаменитаго редактора В. Е. Его глубокія знанія, (думали мы), столь извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое (въ нынѣшнемъ 1829 году); свѣтильникъ исторической его критики озаритъ вышепомянутыя тундры области бытописаній, а законы словесности, умолкшіе при звукахъ журнальной полемики, заговорятъ устами ученаго редактора. Онъ не ограничитъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о заглавномъ листѣ Ист. гос. р. или даже разсужденіями о куньихъ мордахъ; но вѣрнымъ взоромъ обниметъ наконецъ твореніе Карамзина, оцѣнитъ систему его разысканій, укажетъ источники новыхъ соображеній, дополнитъ недосказанное. Въ критикахъ собственно литературныхъ мы не будемъ слышать то брюзгливаго ворчанія какого-нибудь стараго педанта, то непристойныхъ криковъ пьянаго семинариста. Критики г. Каченовскаго должны будутъ имѣть рѣшительное вліяніе на словесность. Молодые писатели не будутъ

ими забавляться, какъ статьями, наполненными восклицаніями, пошлою бранью и неумѣстными цитатами. Писатели извѣстные не будутъ ими презирать, ибо услышать не жалкія шуточки журнальнаго гаера, но окончательный судъ своимъ произведеніямъ, оцененнымъ ученостью, вкусомъ и хладнокровіемъ.

«Можемъ смѣло сказать, что мы ни единой минуты не усомнились въ исполненіи плановъ г. К., изложенныхъ поэтическимъ слогомъ въ объявленіи о подпискѣ на В. Е. Но г. Полевой, долгое время наблюдавшій литературное поведеніе своихъ товарищей журналистовъ, худо повѣрилъ новымъ обѣщаніямъ Вѣстника. Не ограничаваясь безмолвными сомнѣніями, онъ напечаталъ въ 20-й книжкѣ М. Т. прошедшаго года статью, въ которой сильно напалъ на почтеннаго редактора В. Е. Давъ замѣтить неприличіе нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ вѣроятно неумышленно г-мъ К., онъ говоритъ:

«Если бы онъ (В. Евр.), старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшныя предразсудки, заговорилъ голосомъ безпристрастія, мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали бы слушать его.

«Странныя требованія! Въ лѣтахъ В. Евр. уже не учатся и не бросаютъ предразсудковъ закоренѣлыхъ. Скромность, украшеніе сѣдинъ, не есть необходимость литературная, а если сознанія, требуемыя г. Полевымъ, и заслуживаютъ какое-нибудь уваженіе, то можно ли намъ она въ слушать изъ устъ почтеннаго старца безъ болѣзненнаго чувства стыда и состраданія?

«Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель Вѣстника Европы? продолжаетъ г. Полевой: «гдѣ его права, и на какой воздѣланной его трудами землѣ онъ водрузить свои знамена: гдѣ, за какимъ океаномъ, эта обѣтованная земля? Юноши, обогнавшіе издателя В. Е., не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель В. Е. засѣлъ на одномъ мѣстѣ, и неподвижно просидѣлъ болѣе 20-ти лѣтъ. Дивиться ли, что теперь Вѣстнику Европы видятся чудныя распри, греются кимвалы бряцающіе и мѣдъ звенящая?»

«На сіе отвѣствуемъ:

«Если г. К., не написавъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ въ теченіе 26-ти лѣтъ ни одной замѣчательной статьи, снискалъ однакожъ себѣ безсмертную славу; то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда наконецъ онъ примется за дѣло не на шутку?

«Г. К. просидѣлъ 26 лѣтъ на одномъ мѣстѣ,—согласенъ; но какъ могли юноши обогнать его, если онъ ни за чѣмъ и не гнался? Г. К. ошибочно судилъ о музыкѣ Верстовскаго; но развѣ онъ музыкантъ?—Г. К. перевелъ «Терезу и Фальдонн»—что за бѣда?

«Доселѣ казалось намъ, что г. Полевой не правъ, ибо обнару-

живается какое-то пристрастіе въ замѣчаніяхъ, которыя съ перваго взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали отъ г. К. возраженій неоспоримыхъ, или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда отвѣтствовали на неприличныя и пристрастныя выходки нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ 24 № В. Е. слѣдующее примѣчаніе редактора къ статьѣ своего почтеннаго сотрудника г. Надоумки (одного изъ великихъ писателей, приносящихъ истинную честь и своему вѣку, и журналу, въ коемъ они участвуютъ): «Здѣсь приличнымъ считаю объявить, что препираться съ Бенигною я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики; а теперь не имѣю на то и права, предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигны и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы статьи Телеграфической, еслибъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастье продолжать ону. Рдръ».

«Сіе загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое безпокойство. Какія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола г. Бенигны предпринялъ почтенный редакторъ? что значить игривый произволъ г. Бенигны? что такое: былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и достоинству мѣста? (впрочемъ смыслъ послѣдней фразы донныѣ остается темень, какъ въ логическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи). Многочисленные почитатели В. Е. затрепетали, прочитавъ сіи мрачныя, грозныя, беспорядочныя строки. Не смѣли вообразить, на что могло рѣшиться рыцарское негодованіе Михайла Трофимовича. Къ счастью, скоро все объяснилось.

«Оскорбленный, какъ издатель В. Е., г. К. рѣшился требовать защиты законовъ, какъ ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, и явился въ ценз. ком. съ жалобою на цензора, пропустившаго статью г. Полевова.

«Успокоясь насчетъ ужаснаго смысла вышепомянутаго примѣчанія, мы сожалѣли о бесполезномъ дѣйствиіи почтеннаго редактора. Всѣ предвидѣли послѣдствія онаго. Въ статьѣ г. Полевова личная честь г. К. не была оскорблена. Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ литературныхъ, издатель М. Т. не упомянулъ ни о его службѣ, ни о тайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души.

«Новое лицо выступило на сцену: цензоръ С. Н. Глинка явился отвѣтчикомъ. Пылкость и неустрашимость его духа обнаружались въ его рѣчахъ, письмахъ и дѣловыхъ запискахъ. Онъ увлекъ сердца краснорѣчіемъ сердца, и вопреки чувству уваженія и пре-

данности, глубоко питаемому нами къ почтенному профессору, мы желали побѣды храброму его противнику; ибо польза просвѣщенія и словесности требуетъ степени свободы, которая намъ дарована мудрымъ и благодѣтельнымъ уставомъ. В. В. Ирмайловъ, которому отечественная словесность уже многими обязана, снискалъ себѣ новое право на общую благодарность свободнымъ изъясненіемъ мнѣнія столь же умѣреннаго, какъ и справедливаго.

«Между тѣмъ, ожесточенный изд. М. Т. напечаталъ другую статью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся литературная жизнь г. К. была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ простодушные обмолвки выведены на позоръ. Г. П. доказалъ, что почтенный редакторъ пользуется славою ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово; а донинѣ кромѣ переводовъ съ переводовъ, и кой-какихъ заимствованныхъ кое-гдѣ статей, ничего не произвелъ. Скучность, болѣе достойная сожалѣнія, нежели укоризны! Но что всего важнѣе, г. Полевой доказалъ, что Мих. Троф. нѣсколько разъ дозволялъ себѣ личности въ своихъ критическихъ статейкахъ, что онъ упрекалъ изд. Телеграфа виннымъ его заводомъ (пятномъ ужаснымъ, какъ извѣстно всему нашему дворянству!); что онъ неоднократно съ упрямомъ повторялъ г. Полевому, что сей послѣдній купецъ (другое, столь же ужасное обвиненіе!); и все сіе въ непристойныхъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ. Тутъ уже мы приняли совершенно сторону г. Полевого. Никто, болѣе нашего, не уважаетъ истиннаго, родоваго дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ, какое намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамотъ? Потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и странствующій купецъ равны передъ законами критики. Князь Вяземскій уже далъ однажды замѣтить неприличность сихъ аристократическихъ выходовъ; но не худо повторять полезныя истины.

«Однакожь, таково дѣйствіе долговременнаго уваженія! И тутъ мы укоряли г. Полевого въ запальчивости и неумѣренности. Мы съ умиленіемъ взирали на почтеннаго старца, разстроеннаго до такой степени, что для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ былъ обратиться къ русскому букварю и преобразовать оный такъ, что свѣдѣнія Мих. Тр—ча въ греческой азбукѣ отнынѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію.

«Съ нетерпѣніемъ ожидали мы развязки дѣла. Наконецъ рѣшеніе главнаго управленія цензуры водворило спокойствіе въ области словесности и прекратило распрю миромъ, равно выгоднымъ для побѣдителей и побѣжденныхъ». —

Чтобы понять настоящій смыслъ полемиической статьи Пушкина, заключающіеся въ ней указанія и намеки, а также и тотъ интересъ, который возбудила она при своемъ появленіи, необхо-

димо обратиться къ свидѣтельству первыхъ источниковъ, весьма живо рисующихъ тогдашніе времена и нравы.

18-го декабря 1828 года, профессоръ М. Т. Каченовскій подалъ въ Московскій цензурный комитетъ прошеніе слѣдующаго содержанія:

«Въ 20-й книжкѣ Московскаго Телеграфа на сей 1828-й годъ, издаваемаго купцомъ Николаемъ Полевымъ, и печатаемаго подъ цензурою г. майора и кавалера Сергѣя Глинки, на стран. 491-й, 492-й и 493-й, находятся выраженія укоризненныя относительно къ моему лицу, и, не менѣе того, предосудительныя для мѣста, при которомъ имѣю счастье служить съ честію, съ дипломами на ученые степени и въ званіи ординарнаго профессора; выраженія сіи, крайне оскорбительныя для меня, совершенно противны § 3-го 4-му пункту, также §§ 13-му и 14-му высочайше утвержденаго устава о цензурѣ, коими охраняется личная честь каждаго отъ оскорбленій. Поступокъ господина майора Глинки тѣмъ болѣе обиденъ для меня, что купецъ Полевой дозволяя себѣ и сотрудникамъ своимъ въ прежнихъ книжкахъ Телеграфа весьма часто, безъ всякаго повода литературнаго, упоминать объ имени моемъ съ неуваженіемъ и порицать мои труды, безъ всякихъ доказательствъ о степени ихъ достоинства, и что, слѣдовательно, г. цензоръ дѣйствовалъ по пристрастію, ибо не могъ не знать объ умыслѣ купца Полеваго, воспреемаемомъ силою закона, въ § 70-мъ устава о цензурѣ. Будучи столь жестоко обиженъ передъ публикою, я, на основаніи того же § 70-го, покорнѣйше прошу цензурный комитетъ принять мѣры къ законному моему удовлетворенію и меня же снабдить копіею съ опредѣленія, какое по сему учинено будетъ».

Цензурный комитетъ потребовалъ объясненія отъ цензора С. Н. Глинки. На вопросы, предложенные Глинкою, Каченовскій отвѣчалъ цензурному комитету, упорно поддерживая обвиненіе.

— «Въ московскій цензурный комитетъ,
отъ статскаго совѣтника, ординарнаго профессора
и кавалера Каченовскаго

«Объясненіе.

«Вслѣдствіе опредѣленія онаго комитета, въ отношеніи, отъ 7-го января, подъ № 9-мъ, мнѣ объявленнаго, имѣю честь отвѣтствовать на пункты, предложенныя господиномъ цензоромъ майоромъ и кавалеромъ Глинкою въ двухъ его донесеніяхъ комитету.

«Въ первомъ, отъ 2-го января, г. цензоръ желаетъ знать, какія именно выраженія почитаю я: 1) укоризненными моему лицу? 2) предосудительными мѣсту?

«Почитаю укоризненными моему лицу и предосудительными мѣсту тѣ самыя выраженія, которыя, какъ показалъ я въ своемъ прошеніи, находятся на 491-й, 492-й и 493-й страницахъ 20-й книжки

Московского Телеграфа, и которыя, какъ извѣстно господамъ членамъ комитета (кромѣ двухъ стороннихъ цензоровъ), найдены такими же и совѣтомъ императорскаго московскаго университета, сдѣлавшимъ уже свое о томъ представленіе, куда слѣдуетъ.

«Издатель Телеграфа, купецъ Полевой, не имѣлъ никакого права печатать, а г. цензоръ обязанъ былъ не позволять, слѣдующихъ выраженій, или оскорбительныхъ для чести моего лица, или даже относящихся до моей нравственности и предосудительныхъ для мѣста, при которомъ имѣю счастье служить съ честію, съ дипломами на ученые степени и въ званіи ординарнаго профессора: «Обѣщанія, какія всегда даетъ и не исполняетъ издатель Вѣстника Европы» и проч. «Мы напоминаемъ только Вѣстнику Европы, что не такъ должно ему братья за законы словесности». «Еслибъ онъ, старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшныя предрасудки» и проч. «Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель Вѣстника Европы? гдѣ права его?» и проч. «Юноши, обогнавшіе издателя В. Е., не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель В. Е. засѣлъ на одномъ мѣстѣ и неподвижно пресидѣлъ болѣе 20-ти лѣтъ» и проч. «Онъ даетъ поводъ у него потребовать доказательствъ на его права: гдѣ они?» и проч. «Самъ издатель В. Е. знаетъ по-гречески очень плохо» и проч. Я привожу здѣсь не всѣ мѣста, но цензурный комитетъ благоволилъ усмотрѣть, что не только на упомянутыхъ трехъ страницахъ Телеграфа, но и на прочихъ той же статьи, сочинитель дозволилъ себѣ упоминать обо мнѣ въ выраженіяхъ оскорбительныхъ для чиновника, долговременною и безпорочною службою своею, смѣю сказать, пріобрѣтшаго законныя права на уваженіе въ обществѣ, и не менѣе того для профессора, имѣющаго не только право, но и обязанность разсуждать о законахъ словесности и объ исторіи, которыя или преподавалъ, или до нынѣ преподавать съ честію, и которыхъ безъ знанія своего дѣла преподавать не можно въ такомъ высшемъ училищѣ, какимъ есть университетъ московскій. Купецъ Полевой напечаталъ, а г. цензоръ Глинка одобрилъ, не только оскорбительныя для чести моего лица непристойныя выраженія, запрещаемыя 4-мъ пунктомъ высочайше утвержденнаго устава, но и самыя клеветы, каковыми суть обвиненія несправедливыя, вовсе не подлежащія обнародованію и предложенныя въ Телеграфѣ безъ всякихъ доказательствъ, напримѣръ, якобы я всегда даю обѣщанія и не исполняю (стр. 491), или то, чѣмъ будто бы я устилалъ себѣ дорогу въ храмъ безсмертія въ теченіи 25 лѣтъ (стр. 492) и вообще неосновательныя укоризны. Сіе и почти все, до меня касающееся, въ упомянутой книжкѣ Телеграфа (на которую покорнѣйше прошу московскій цензурный ко-

митетъ обратить вниманіе) вовсе не принадлежитъ къ литературной критикѣ и есть, слѣдовательно, не опроверженіе какихъ либо мнѣній, не исправленіе погрѣшностей, терпящее и даже дозволенное, а предосудительное обнародованіе, запрещаемое 4-мъ пунктомъ 3-го §, также §§ 13-го и 14-го устава о цензурѣ.

«Во 2-мъ донесеніи, отъ 3-го января, г. цензоръ изъявляетъ желаніе знать: 1) Въ какомъ смыслѣ упомянулъ я о пристрастіи его, г. цензора, и 2) какимъ образомъ, по словамъ моимъ, онъ, г. цензоръ, не могъ не знать объ умыслѣ купца Полеваго.

«На сіе объясняю. Г. цензоръ, майоръ и кавалеръ Глинка, вѣдая возлагаемыя на него цензурнымъ уставомъ обязанности, и, однакожъ, одобряя къ напечатанію многократно повторенныя оскорбительныя для чести моея выраженія, равно какъ нескромное и предосудительное обнародованіе того, что относится до ученой службы моея и до нравственности, естественно дѣйствовалъ не по мгновенной оплошности, не по ошибкѣ или недосмотру, а по пристрастію. Къ сему присоединяю и еще доказательство, что г. цензоръ и кавалеръ Глинка не могъ не знать объ умыслѣ купца Полеваго, клонящемся къ оскорбленію чести моея непристойными выраженіями и предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до моея нравственности, и самую даже клевету, когда и прежде уже неоднократно одобрялъ къ напечатанію то, что купецъ Полевой дозволялъ себѣ и сотрудникамъ своимъ безъ всякаго повода литературнаго писать обо мнѣ, упоминать объ имени моемъ съ неуваженіемъ, порицать мои труды безъ всякихъ доказательствъ о степени ихъ достоинства. Напримѣръ:

«1) Въ Современномъ Наблюдателѣ въ первый разъ слышали откровенное признаніе, что Вѣстникъ Европы нынѣшняго издателя сухъ и тяжелъ», Моск. Телегр., 1828 года, № 5, стр. 104 и 105. «2) въ «Вѣстникѣ Европы» . . . «на каждой страницѣ встрѣтите подлужины барбаризмовъ и солецязмовъ», Моск. Телегр., 1828 года, № 12, стр. 506. «3) Программа въ этомъ мѣстѣ снисана съ обертки Вѣстника Европы. Тамъ каждый годъ г. издатель обѣщаетъ: оды, гимны, отрывки изъ трагедій и комедій, алегій, посланія, сатиры и проч. (зри обертку Вѣстника Европы какого угодно изъ послѣднихъ лѣтъ)»... «Издатель Вѣстника Европы не поетъ и, по недороду поэзіи, не исполняетъ никогда своего обязательства на поставку одъ, гимновъ, алегій». Моск. Телегр., 1828 года, № 15, стр. 462.

«Вводимое на меня здѣсь передъ публикою обвиненіе во всегдашнемъ неисполненіи моего обязательства есть одна изъ клеветъ, запрещаемыхъ закономъ. Доказываю прилагаемыми у сего четьрьмя обертками, что въ истекшіе два года я не обѣщаль ни гимновъ, ни алегій, а въ прежніе годы не могъ обѣщать отрыв-

ковъ изъ трагедій и комедій, потому что поминаніе ихъ было обращено передъ симъ лѣтъ за шесть или болѣе; о чемъ вѣдаютъ господа профессора, присутствующіе въ комитетѣ.

4) Московскаго Телеграфа, на 1828 годъ, въ № 19, на стр. 271-й, въ примѣчаніи упомянуто мое имя вмѣстѣ съ другими, а на слѣдующей, 272-й, сказано: «союзъ, смѣшеніе и заговоръ сихъ именъ въ виду имени заслугъ и славы Карамзина, все это явленіе болѣе смѣшное, нежели прискорбное для нашей литературной и народной чести».

«Все прописанное мною противно не только уставу о цензурѣ, но и прочимъ узаконеніямъ, охраняющимъ честь каждаго; оно запрещается и противно, именно: устава благочинія или полицейскаго § 123-му, касательно слуховъ, вредъ наносящихъ, лжеклеветы или поношенія, или злословія и проч.; § 270-му, коимъ повелѣвается учинившаго лживый поступокъ, имать подѣ стражу и отослать къ суду; § 271-го, пункту 11-му, гдѣ наказывается учинившаго письма ругательныя отослать къ суду; § 272-му, пункту 9-му, гдѣ повелѣвается учинившаго расхвѣваніе лжи и клеветы имать подѣ стражу и отослать къ суду.

«За симъ, какъ жестоко обиженный передъ публикою, я, на основаніи § 70-го устава о цензурѣ, и вышеприведенныхъ параграфовъ устава благочинія или полицейскаго, повторительно прошу цензурный комитетъ принять мѣры къ оборотѣ меня отъ обидъ и къ законному удовлетворенію, и меня же снабдить коніею съ опредѣленія, какое по сему учинено будетъ. Января 24 дня, 1829-го года. На подлинномъ подписалъ: въ сему объясненію статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ Михаилъ Трофимовъ сынъ Каченовскій руку приложилъ».—

Объясненіе, представленное С. Н. Глинкою въ цензурный комитетъ, вовсе непохоже на официальную бумагу: оно принадлежитъ къ числу самыхъ рѣзкихъ полемическихъ статей, появляющихся въ тогдашней литературѣ.

— «Въ московскій цензурный комитетъ,

отъ майора и кавалера, цензора Сергѣя Николаева
сына Глинки.

«Поселку господину статскому совѣтнику и камеру Каченовскому благоутодно было два раза безъ суда предать меня суду; въ первыхъ, въ прошеніи своемъ, во вторыхъ въ объясненіи: то, на основаніи всѣхъ государственныхъ узаконеній, охраняющихъ гражданское бытіе каждаго лица, прошу покорно комитетъ вытребовать отъ г. статскаго совѣтника и кавалера Каченовскаго объясненіе: почему въ нарушение §§ 12, 15 и 47-го устава о цензурѣ, безъ предварительнаго и обстоятельнаго изслѣдованія начальства цензурнаго, превращаетъ онъ въ уголовное преступленіе полемическія и литературныя распри? Ибо въ сообразность 4-го пункта,

параграфа 3-го устава, во всѣхъ приведенныхъ имъ выраженіяхъ не только нѣтъ никакой клеветы на образъ его жизни, но даже ни слова не упомянуто о семейственномъ и нравственномъ его существованіи.

«А потому при семъ, не только въ силу § 86-го устава о цензурѣ, но и какъ россиянинъ, любящій отечество, честь имѣю предложить разборъ того объявленія господина издателя Вѣстника Европы, по поводу котораго одобрилъ я къ напечатанію статью въ Телеграфѣ.

«Сообразно основательнымъ правиламъ словесности, надлежитъ предлагать о каждомъ предметѣ съ приличіемъ, свойственнымъ оному. Увѣдомленіе о изданіи журнала, есть объявленіе, не принадлежащее въ особенности ни къ какому разряду словесности. Оно требуетъ одного простаго, яснаго и опредѣлительнаго изложенія предмета.

«Разсмотримъ, такъ ли поступилъ г. издатель Вѣстника Европы.

«Послѣ нѣсколькихъ словъ, относящихся къ прежнему изданію Вѣстника, онъ продолжаетъ: «Не могу обѣщать всего; но имѣю справедливыя причины обнадѣжить почтенныхъ споспѣшествователей отечественнаго просвѣщенія, что Вѣстникъ между прочимъ представитъ имъ статьи новыя по содержанію. Область бытописаній неизмѣрима: нѣкоторыя мѣста въ ней донныя еще не были посѣщены изыскателями, ищущими открытій, на иныхъ проложены тропинки, теряющіяся въ тундрахъ безплодныхъ».

«Г. издатель Вѣстника Европы напечаталъ объявленіе свое въ Москвѣ, слѣдственно подъ общимъ наименованіемъ бытописанія можно подразумѣвать и руссійскую исторію. Но Россія и Европа давно уже обратили вниманіе свое на трудъ знаменитаго нашего исторіографа Николая Михайловича Карамзина. Ужели и сей бытописатель оставилъ въ твореніи своемъ одиѣ тропинки, теряющіяся въ тундрахъ безплодныхъ? Ужели въ тѣ же тундры должно сослать всѣ изысканія о Россіи Миллера, Шлецера, Крута и другихъ мужей, извѣстныхъ умомъ и трудолюбіемъ?

«Ополчаясь на труды бытописателей, г. издатель Вѣстника Европы еще съ сильнѣйшимъ ожесточеніемъ нападаетъ на авторовъ, украшающихъ руссійскую словесность на различныхъ ея поприщахъ.

«Съ другой стороны,—воскликаетъ сочинитель объявленія—съ другой стороны видимъ безпомощное состояніе литературы, чудныя распри не за правое дѣло, а за невѣрныя выгоды мервенства, усилія партій водрузить знамена свои на землѣ, которая не была воздѣльваема ихъ трудами. Законы словесности молчатъ при звукахъ журнальной полемики ¹⁾. Надобно, чтобъ голосъ ихъ доходилъ до

¹⁾ Слѣдовательно законы словесности молчали и при звукахъ той полемики, которую наполнили цѣлыя страницы Вѣстника Европы. Собственное признаніе всего убѣдительно.

слуха любовательнаго, который не услаждается звуками кувала бряцающаго и мѣди звенящей».

«Такимъ образомъ, загнавъ сперва труды всѣхъ историковъ въ тундры бесплодныя, новою грозною вылазкою г. издатель Вѣстника Европы домогается уничтожить всѣ произведенія новыхъ нашихъ писателей, которые, по мнѣнію его, водрузили знамена на чужой землѣ.

«Прибавимъ также съ чувствомъ благороднаго негодованія, что г. издатель Вѣстника Европы несправедливо утверждаетъ, будто бы литература наша въ безпомощномъ состояніи. Мы видѣли и видимъ, что и нынѣшнее правительство награждаетъ все то, что достойно награды. Карамзинъ, Гнѣдичъ, Булгаринъ, Гречъ и мног. (?) другіе служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ.

«Европа смотритъ на Россію зоркимъ окомъ и наблюдаетъ всѣ шаги нашего образованія и просвѣщенія. Переведите, если только можно перевести на какой нибудь языкъ выписанныя мною выраженія г. издателя Вѣстника Европы, переведите ихъ на нарѣчія иностранныя, и что скажутъ тогда европейскіе любители словесности, привыкшіе къ соображенію мыслей съ ясностью и точностію словъ; что скажутъ они о семъ туманномъ сбродѣ рѣчей? Да и я долженъ прибавить, что еслибъ у насъ всѣ стали такъ писать, то російская словесность быстрыми бы шагами отступила къ тринадцатому столѣтію.

«Наконецъ долгомъ почитаю замѣтить, что г. статскій совѣтникъ и кавалеръ Каченовскій, уполномочивъ себя защищать то мѣсто, гдѣ служить, самъ на него доносить. Всѣмъ извѣстно, что г. издатель Вѣстника Европы, въ изданіи своемъ, нѣсколько лѣтъ подкрѣпляемъ былъ московскимъ университетомъ. Какъ же онъ о томъ объясняется? Приведемъ его слова. «Распорядитель, говоритъ онъ въ объявленіи своемъ, менѣе ограниченный обстоятельствами, далѣе видитъ, свободнѣе соображаетъ, рѣшительнѣе дѣйствуетъ».

«Ужели университетъ ограничивалъ его обстоятельствами? Ужели университетъ мѣшалъ ему далѣе видѣть? Ужели университетъ не давалъ ему свободы соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать?

«Вслѣдствіе сего изложенія, покорно прошу московскій цензурный комитетъ вытребовать отъ г. статскаго совѣтника и кавалера Каченовскаго: во первыхъ: такъ ли я читалъ его объявленіе; а во вторыхъ: имѣлъ ли я право, въ силу §§ устава о цензурѣ 7, 12, 15 и 47 одобрить статью, имъ изобличаемую, право, которое онъ въ объясненіи своемъ оспариваетъ властительнымъ приговоромъ?

«Подписалъ: къ сему объясненію руку приложилъ майоръ и кавалеръ, цензоръ Сергій Николаевъ сынъ Глинка». —

«1-го февраля 1829 года».

Сторону Каченовскаго приняли: совѣтъ московскаго университета и московскій цензурный комитетъ; сторону Глинки—цензоръ В. В. Измайловъ и главное управленіе цензуры.

Совѣтъ московскаго университета находилъ, что статью, помѣщенною въ двадцатомъ номерѣ «Московскаго Телеграфа», унижена честь профессора Каченовскаго и тѣмъ оскорблено даже начальство университета, и просилъ предсѣдателя цензурнаго комитета принять начальническія мѣры для законнаго възысканія и для отвращенія на будущее время подобнаго оскорбленія личности служащихъ въ университетѣ.

Московскій цензурный комитетъ, по большинству голосовъ, призналъ жалобу Каченовскаго справедливою и основательною, и представляя ее высшему начальству, просилъ «опредѣлительнаго предписанія—пропускать такія только критики, въ которыхъ явственно доказываются недостатки разбираемой книги, а не знанія самого писателя, что и для усовершенствованія литературы полезнѣе и съ цѣлію критики сообразнѣе».

В. В. Измайловъ не согласился съ большинствомъ, и подалъ такого рода особое мнѣніе:

— «Въ московскій цензурный комитетъ.

«Имѣю честь изложить мое мнѣніе о дѣлѣ, которое насъ занимаетъ.

«Правительство, основывая свои дѣйствія на законахъ государственнаго блага, имѣло въ виду: чрезъ законъ цензуры удержатъ книгопечатаніе въ границахъ осторожности; но согласно съ требованіями просвѣщенія и вѣка, не позволило цензурѣ поработать свободу мыслей, какъ видно изъ устава, по которому книги подвергаются запрещенію только въ немногихъ случаяхъ важныхъ, но рѣдкихъ, гдѣ, въ смыслѣ государственныхъ правилъ, есть злоупотребленіе права излагать свои мысли. Далѣе, желая всячески ускорять, а не замедлять ходъ разума и успѣхи гражданственности, желая даже совѣтоваться съ общественнымъ мнѣніемъ и мыслящими писателями, правительство вызываетъ ихъ говорить, и говорить именно объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, о сочиненіяхъ и статьяхъ отъ казенныхъ мѣстъ издаваемыхъ, слѣдственно съ неоспоримымъ правомъ объ ученыхъ достоинствахъ всякаго писателя, какому бы ученому обществу онъ ни принадлежалъ и какое бы мѣсто ни занималъ въ порядкѣ гражданскомъ.

«Теперь спрашиваю: на что можетъ цензоръ сослаться или опираться въ уставѣ, намъ данномъ, чтобы перемѣнить или запретить критику одного журналиста на другаго, критику, хотя бы и рѣзкую, но чисто литературную. Говорятъ, на 4-й пунктъ, 3-го параграфа, гдѣ запрещается оскорблять честь какого либо лица; но честь личная не одно съ достоинствомъ литературнымъ, и нанесенное кому-либо неудовольствіе, какъ автору или издателю, не имѣетъ

ничего общаго съ оскорбленіемъ человѣка, какъ гражданина или какъ чиновника; и если изъ критики можно вывести безвыгодное заключеніе о талантахъ или учености осуждаемаго писателя, это не касается до цензора; не его дѣло смотрѣть на слѣдствія критики и на ученую степень разбираемаго сочинителя. Иначе нельзя будетъ пропустить ни одной критической статьи противъ литераторовъ, занимающихъ государственныя мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ прозаикъ, но судья; тотъ поэтъ, но сенаторъ; другой журналистъ, но академикъ; не смѣйте же касаться ни того, ни другаго. Вотъ что вопреки уставу о цензурѣ воспослѣдовало бы изъ новой требуемой строгости; наконецъ, можетъ ли какое либо ученое мѣсто требовать, чтобы его члены были недоступны строгому суду литературному подъ защитою своихъ именъ и своихъ титуловъ? и можетъ ли частное осужденіе одного изъ нихъ въ литературномъ отношеніи падать на цѣлое общество, гдѣ онъ занимаетъ мѣсто? По крайней мѣрѣ не такъ думали до нынѣшняго времени, когда никто не протестовалъ ни противъ строгой критики Макарова на вице-адмирала Шишкова, ни противъ другихъ обидныхъ критиковъ, писанныхъ на исторіографа Карамзина, ни противъ недавней сильной рецензіи на статью секретаря Муравьева, хотя всѣ упомянутые писатели стоятъ въ спискѣ почетныхъ членовъ россійской академіи и московскаго университета. Когда же подобныя рецензіи на академиковъ и государственныхъ людей были донинѣ терпимы, то еще болѣе разрѣшены они правилами новаго устава, и цензоръ обязанъ съ нимъ согласоваться, не позволяя себѣ ни своевольнаго отступленія, ни самовольнаго дѣйствія.

«Но подавъ свой голосъ въ защищеніе того, что мнѣ кажется справедливою, я присоединяюсь къ общему мнѣнію и желанію всего комитета, чтобы, особеннымъ наказомъ, дано было цензору право прекратить бранную полемику, выходящую нынѣ изъ границъ вѣжливости и умѣренности; до того времени мы не можемъ дѣйствовать сами собою по своему произволу.

«Прошу покорно приобщить мой голосъ къ бумагамъ, относящимся къ сему дѣлу, и вмѣстѣ съ ними препроводить куда разсудитъ цензурный комитетъ перенести сіе дѣло. Подписалъ: цензоръ Вл. Измайловъ». —

Жалоба Каченовскаго и всѣ относящіяся къ дѣлу документы представлены были въ главное управленіе цензуры, въ которомъ и состоялось слѣдующее опредѣленіе:

«Главное управленіе цензуры, рассмотрѣвъ вышеупомянутую статью, привнало, что выраженія, на которыя принесъ жалобу г. Каченовскій, относясь единственно къ литературнымъ изданіямъ его, не содержатъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для его личной чести. Посему, соглашаясь въ полной мѣрѣ съ мнѣніемъ г. цензора Измайлова, управленіе нашло, что г. цензоръ Глинка не могъ вос-

претить напечатаніе вышеупомянутой статьи, какъ не заключающей въ себѣ ничего противнаго общимъ правиламъ устава о цензурѣ. При семъ, главное управленіе замѣтило, что въ споръ совершенно литературный не слѣдовало бы вмѣшивать достоинство службы государственной и высшаго учебнаго сословія. Раздѣляя съ московскимъ цензурнымъ комитетомъ желаніе, чтобы вообще литературныя критики въ повременныхъ изданіяхъ русскихъ приняли сколько можно лучшей и приличнѣйшей тонъ, и чтобы въ нихъ были соблюдаемы всѣ условія вѣжливости и учтивости; но не находя въ уставѣ о цензурѣ постановленія, дающаго цензурнымъ комитетамъ право воспрещать по симъ только уваженіямъ литературныя сужденія о книгахъ и ученыхъ изданіяхъ, не выходящія впрочемъ изъ предѣловъ благопристойности и не обидныя для нравственности и чести, главное управленіе цензуры признало, что исправленіе сего недостатка въ литературѣ надлежитъ предоставить влиянію читающей публики и дѣйствию общаго вкуса».

Этимъ-то рѣшеніемъ главнаго управленія цензуры и было, по словамъ Пушкина, водворено спокойствіе въ области словесности, взволнованной полемическими статьями двухъ журналовъ и жалобой одного изъ редакторовъ на цензора.

Самымъ ожесточеннымъ противникомъ Пушкина былъ Булгаринъ, большой охотникъ до журнальной полемики и обличительныхъ статей. Поводовъ къ столкновенію между Пушкинымъ и Булгаринымъ представлялось довольно много. Не говоря уже о различіи литературныхъ взглядовъ и направленій, о журнальной дѣятельности и критическихъ статьяхъ болѣе или менѣе обидныхъ для авторовъ разбираемыхъ произведеній, самыя условія, въ которыя поставленъ былъ Пушкинъ, давали новую пищу недовѣрію къ Булгарину, пользовавшемуся особеннымъ покровительствомъ сильныхъ тогдашняго міра. Извѣстно, что Пушкинъ находился подъ постояннымъ надзоромъ Бенкендорфа, а о Булгаринѣ ходили слухи, что онъ состоитъ при Бенкендорфѣ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, преимущественно по литературнымъ дѣламъ. Трудно было разобратъся во всѣхъ этихъ слухахъ и предположеніяхъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если на Булгарина падали подозрѣнія, въ иныхъ случаяхъ и неосновательныя, тѣмъ болѣе, что самъ Булгаринъ не прочь былъ подчасъ похвалиться своею дружбою съ Бенкендорфомъ и Дубельтомъ.

Появленіе романа Булгарина: «Димитрій Самозванецъ» послужило однимъ изъ сильнѣйшихъ поводовъ къ полемикѣ, достигшей крайняго раздраженія и вышедшей изъ литературныхъ предѣловъ.

Предчувствуя бѣду, Булгаринъ пишетъ Пушкину: «Съ величайшимъ удивленіемъ услышалъ я отъ Олина, будто вы говорите, что я ограбилъ вашу трагедію Борисъ Годуновъ, пере-

ложилъ ваши стихи въ прозу, и взялъ изъ вашей трагедіи сцены для моего романа! Александръ Сергѣевичъ, поберегите свою славу! Можно ли возводить на меня такія небылицы? Я не читалъ вашей трагедіи, кромѣ отрывковъ печатныхъ, я слышалъ только о ея составѣ отъ читавшихъ и отъ васъ. Мнѣ рассказали содержаніе, и я, признаюсь, не соглашался во многомъ. Говорятъ, что вы хотите напечатать въ «Литературной Газетѣ», что я обокралъ вашу трагедію!.. Для меня непостижимо, чтобы въ литературѣ можно было дойти до такой степени... Съ истиннымъ уваженіемъ и любовью есмь вашъ на вѣки Ѡ. Булгаринъ» ¹⁾.

Письмо Булгарина писано 18-го февраля 1830 года, а 7-го марта того же года появился въ «Литературной Газетѣ» разборъ романа Булгарина: «Димитрій Самозванецъ». О заимствованіяхъ изъ «Бориса Годунова» не было сказано ни слова въ этомъ разборѣ. Только впоследствии, въ самомъ разгарѣ полемики, въ «Литературной Газетѣ» сдѣлано ироническое замѣчаніе объ искусствѣ Булгарина пользоваться чужими трудами: «Въ Сѣверной Пчелѣ прочли мы, будто бы Пушкинъ, описывая Москву, взялъ обильную дань изъ Горя отъ ума и просимъ не прогнѣваться — изъ другой извѣстной книги. Не называетъ ли Сѣверная Пчела извѣстною книгою Ивана Выжигина? Обвинимъ Пушкина и въ другомъ, еще важнѣйшемъ похищеніи: онъ многое заимствовалъ изъ романа: Димитрій Самозванецъ, и сими хищеніями удачно съ искусствомъ, ему свойственнымъ, украсилъ свою историческую трагедію: Борисъ Годуновъ, хотя тоже, по странному стеченію обстоятельствъ, имъ написанную за пять лѣтъ до рожденія историческаго романа г. Булгарина» ²⁾.

Особенно обиднымъ для Булгарина было то, что его не считаютъ русскимъ писателемъ. Въ разборѣ романа, помѣщенномъ въ «Литературной Газетѣ», между прочимъ сказано: «Мы будемъ снисходительны къ роману «Димитрій Самозванецъ»: мы извинимъ въ немъ повсюду выказывающееся, пристрастное предпочтеніе народа польскаго передъ русскимъ. Намъ пріятно видѣть въ г. Булгаринѣ поляка, ставящаго выше всего свою націю; но мы бы еще съ большимъ удовольствіемъ прочли повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненную писателемъ русскимъ» ³⁾. Авторомъ критической статьи былъ баронъ Дельвигъ, а о Пушкинѣ замѣчено въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ: «А. С. Пушкину предлагали написать критику историческаго романа г. Булгарина; онъ отказался, говоря: «чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надѣюсь» ⁴⁾. Статья напечатана безъ имени автора, и Булгаринъ,

¹⁾ Бумаги А. С. Пушкина. Выпускъ первый. 1881, стр. 29.

²⁾ «Литературная Газета». 1830, апрѣля 6, томъ I, № 20, стр. 161.

³⁾ «Литературная Газета». 1830, марта 7, т. I, № 14, стр. 112—118.

⁴⁾ «Литературная Газета». 1880, августа 9, т. II, № 45, стр. 72.

полагая, что она принадлежит Пушкину, сталъ помѣщать въ «Сѣверной Пчелѣ» статьи, направленныя противъ Пушкина и какъ писателя, и какъ человѣка.

О замѣчательнѣйшей литературной новости своего времени, о седьмой главѣ Евгенія Онѣгина, «Сѣверная Пчела» отозвалась какъ о пустой и жалкой книжонкѣ. Чтобы отомстить за разборъ романа Булгарина, помѣщенный въ «Литературной Газетѣ», рецензентъ «Сѣверной Пчелы» глумится надъ новымъ произведеніемъ Пушкина, и всячески старается уронить его во мнѣніи читателей. «Мы сперва подумали — ядовито замѣчаетъ рецензентъ — что это мистификація, просто шутка или пародія, и не прежде увѣрились, что эта глава есть произведеніе сочинителя «Руслана и Людмилы», пока книгопродавцы насъ не убѣдили въ этомъ. Глава VII испещрена балагурствомъ; ни одной мысли въ этой водянистой главѣ, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія! Совершенное паденіе, chute complete! Всѣ вводныя и вставныя части, всѣ постороннія описанія такъ ничтожны, что намъ вѣрить не хочется, чтобъ можно было печатать такія мелочи. Съ величайшимъ наслажденіемъ находимъ двѣ пропущенныя самимъ авторомъ строфы, а вмѣсто нихъ двѣ прекрасныя римскія цифры VIII и IX. Какъ это пестрить поэму и заставляеть читателя мечтать, догадываться о небываломъ! Является новое дѣйствующее лицо на сцену—жукъ!..» и т. д. ¹⁾

Перломъ полемиической дѣятельности Булгарина служить статья, помѣщенная въ «Сѣверной Пчелѣ» подъ видомъ анекдота, заимствованнаго изъ англійскаго журнала, и наполненная рѣзкими и возмутительными выходками противъ Пушкина. По словамъ «Сѣверной Пчелы», Пушкинъ—человѣкъ безпутный и безнравственный, картежникъ, кутила, готовый на самую унизительную лестъ для полученія камеръ-юнкерскаго мундира. Пушкинъ выведенъ въ статьѣ подъ именемъ природнаго француза, а Булгаринъ подъ именемъ писателя-иноземца Гофмана. Сопоставленіе Булгарина съ французскимъ писателемъ Гофманомъ, нѣмцемъ по происхожденію, не разъ встрѣчается на страницахъ «Сѣверной Пчелы» и дѣлалось обыкновенно съ тою цѣлію, чтобы возвысить Булгарина и уколоть критиковъ, непризнававшихъ его вполне русскимъ писателемъ. Возражая Воейкову, Н. И. Гречъ говоритъ въ защиту своего «ловкаго» товарища: «Булгаринъ, конечно, родился въ Польшѣ, писалъ и попольски, но теперь онъ пишетъ по русски, и стяжалъ неотъемлемое право литератора русскаго. Вспомнимъ, что Гофманъ, одинъ изъ первыхъ французскихъ критиковъ, по фамиліи нѣмецъ. Многія статьи Булгарина переведены на нѣмец-

¹⁾ «Сѣверная Пчела». 1830, марта 22, № 35. Новая книга. Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. Глава VII. Сочиненіе Ал. П. 1830.

кій и французскій языки и украшаютъ лучшіе европейскіе журналы: подъ каждою отмѣчено: переводъ съ русскаго языка. Самые строгіе критики иностранные отдаютъ справедливость его трудамъ по изданію «Сѣвернаго Архива»,—прочтите разныя книжки и листки журналовъ: Geographische Ephemeriden, Annales des voyages, Morgenblatt, Abendzeitung, Freymüthiger, Lesefrüchte, и вы въ этомъ удостовѣритесь. Еще недавно Меркель, гроза германскихъ авторовъ-самозванцевъ, отозвался съ безпристрастною хвалою о статьяхъ Вулгарина» и т. д. ¹⁾.

Ближайшимъ поводомъ къ злобной статьѣ Вулгарина противъ Пушкина было приведенное нами мѣсто въ разборѣ «Димитрія Самозванца». Вотъ какого рода «анекдотъ» разсказывается въ «Сѣверной Пчелѣ» англичаниномъ:

«Путешественники гнѣваются на нашу старую Англію (Old England), что чернь въ ней невѣжливо обходится съ иноземцами, и вмѣсто бранныхъ словъ употребляетъ названіе иноземнаго народа. Но подобные невѣжды есть вездѣ и даже въ классѣ людей, имѣющихъ притязаніе на образованность. Tous les gascons ne sont pas en Gascogne! Извѣстно, что въ просвѣщенной Франціи иноземцы, занимающіеся словесностью, пользуются особеннымъ уваженіемъ туземцевъ. Мальте-Брунъ, Дешпингъ, Гофманъ и другіе служатъ тому примѣромъ. Надлежало имѣть исключеніе изъ правила; и появился какой-то французскій стихотворецъ, который, долго морочивъ публику передразниваніемъ Байрона и Шиллера (хотя не понималъ ихъ въ подлинникѣ), наконецъ, упавъ въ общемъ мнѣніи, отъ стиховъ хватился за критику, и разобралъ новое сочиненіе Гофмана самымъ безстыднымъ образомъ. Чтобы уронить Гофмана въ мнѣніи французовъ, злой человекъ упрекнулъ автора тѣмъ, что онъ не природный французъ, и представляетъ въ комедіяхъ своихъ странности французовъ съ умысломъ для возвышенія своихъ земляковъ-нѣмцевъ. Гофманъ вмѣсто отвѣта на ложное обвиненіе и невѣжественный упрекъ, напечаталъ къ одному почтенному французскому литератору письмо слѣдующаго содержанія: «Дорожа вашимъ мнѣніемъ, спрашиваю у васъ, кто достоинъ болѣе уваженія изъ двухъ писателей: предъ вами предстаютъ на судъ, во первыхъ природный французъ, служащій усердіе Бахусу и Плутусу, нежели музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины; у котораго сердце холодное и нѣмое существо какъ устрица, а голова—родъ побрякушки, набитой гремучими приемами, гдѣ не зародилась ни одна идея; который, подобно изступленному, въ баснѣ Пильпая, бросающимъ камнями въ небеса, бросаетъ приемами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тиш-

¹⁾ «Сынъ Отечества» 1825, № XI, стр. 294, 296, 303—305. Google

комъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ; который мараетъ бѣлые листы на продажу, чтобъ спустить деньги на крапленыхъ листахъ, и у котораго одно господствующее чувство—суетность. Во вторыхъ иноземець, который во всю жизнь не измѣнялъ ни правиламъ своимъ, ни характеру, былъ и есть вѣренъ долгу и чести, любилъ свое отечество до присоединенія онаго къ Франціи и послѣ присоединенія любитъ вмѣстѣ съ Франціей; который за гостепрѣимство заплатилъ Франціи собственною кровью, на полѣ битвы, а нынѣ платитъ ей дань

О. В. Булгаринъ (въ молодости).

Съ портрета, приложеннаго къ изданію «Сто русскихъ литераторовъ».

жертвою своего ума, чувствованій и пламеннымъ желаніемъ видѣть ее славною, великою, очищеною отъ всѣхъ моральныхъ недуговъ; который пишетъ только то, что готовъ сказать каждому въ глаза, и говорить, что радъ напечатать. Рѣшите, м. г., кто достоинъ болѣе уваженія». На сіе французскій литераторъ отвѣчалъ слѣдующее: «Въ семьѣ не безъ урода. Трудитесь на полѣ нашей словесности, и не обращайтесь вниманія на пасущихся животныхъ, потребныхъ для удобренія почвы. Пристрастная критика есть матеріалъ удобренія; но этотъ матеріалъ, согнивая, не заражаетъ ни зерна, ни плода, а напротивъ утучняетъ ниву». Утѣшься, Джонъ-Булъ, не ты одинъ бросаешь камнями и грязью въ добрыхъ иноземцевъ».

(Изъ англ. журнала).

Статья Булгарина была между прочимъ рассчитана и на то, чтобы еще болѣе повредить Пушкину во мнѣніи Бенкендорфа. Пушкинъ понялъ это очень хорошо, и въ приливѣ негодованія писалъ Бенкендорфу, 24-го марта 1830 года: «M-r Boulgarine, qui dit avoir de l'influence auprès de vous, est devenu un de mes ennemis les plus acharnés à propos d'une critique qu'il m'a attribuée. Après l'infame article qu'il a publié sur moi, je le crois capable de tout. Il m'est impossible de ne pas vous prévenir sur mes relations avec cet homme, car il pourrait me faire un mal infini» ¹⁾.

Бенкендорфъ отвѣчалъ Пушкину: «Quant à mr. Boulgarin il ne m'a jamais parlé de vous par la bonne raison que je ne le vois que deux ou trois fois par an, et je ne l'ai vu ce dernier tems que pour le réprimander» ²⁾.

Литературнымъ отвѣтомъ Пушкина на вызовъ Булгарина была остроумная замѣтка о сочиненіи полицейскаго сыщика Видока:

— «Въ одномъ изъ №№ «Литературной Газеты» упоминали о запискахъ парижскаго палача; нравственныя сочиненія Видока, полицейскаго сыщика, суть явленіе не менѣ отвратительное, не менѣ любопытное.

«Представьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, женатаго на одной изъ тѣхъ несчастныхъ, за которыми по своему званію обязанъ онъ имѣть присмотръ, отъявленнаго плута, столь же безстыднаго, какъ и гнуснаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что должны быть нравственныя сочиненія такого человѣка.

«Видокъ въ своихъ запискахъ именуется себя патриотомъ, коренымъ французомъ (un bon Français), какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое нибудь отечество! Онъ увѣряетъ, что служилъ въ военной службѣ, и какъ ему не только дозволено, но и предписано всячески переодѣваться, то и щеголяетъ орденомъ почетнаго легіона, возбуждая въ кофейняхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ, состоящихъ на половинномъ жалованьѣ (officiers à la demi-solde). Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ человѣкъ услужливый, дѣловой). Онъ съ удивительною важностію

¹⁾ Г. Булгаринъ, имѣющій, по его словамъ, у васъ вліяніе, сдѣлаея моимъ жесточайшимъ врагомъ вслѣдствіе критики, которую онъ мнѣ приписываетъ. Послѣ гнусной статьи, написанной имъ обо мнѣ, я считаю его способнымъ на все. Я долженъ предупредить васъ о моихъ отношеніяхъ къ этому человѣку, ибо онъ могъ бы надѣлать мнѣ безчисленныхъ бѣдъ.

²⁾ Что касается до г. Булгарина, то онъ мнѣ никогда не говоритъ о васъ, по той простой причинѣ, что я вижу его не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ, и въ послѣднее время видѣлся съ нимъ только для того, чтобы сдѣлать ему выговоръ.

толкуеть о хорошемъ обществѣ, какъ будто входъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ писателяхъ, отчасти надѣясь на ихъ презрѣніе, отчасти по расцету: сужденія Видока о Казимирѣ де-ла-Винѣ, о Б. Констанѣ, должны быть любопытны именно по своей нелѣпости.

«Кто бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ! Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагосклонный отзывъ журналистовъ о его слогѣ (слогъ г. Видока!). Онъ при семь случаѣ пишеть на своихъ враговъ доносы, обвиняеть ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ, и толкуеть (не въ шутку) о благородствѣ чувствъ и независимости мнѣній: раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писакѣ, но въ Видокѣ утѣшительная, ибо видимъ изъ нея, что человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ уничиженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для человѣческаго рода»¹⁾.

Мѣткая статья Пушкина прямо попала въ цѣль: въ Видокѣ всѣ узнали Булгарина. Видокъ (Vidocq) былъ начальникомъ парижской тайной полиціи, и въ 1828—1829 года вышли въ Парижѣ его записки, въ четырехъ томахъ, подъ заглавіемъ: *Mémoires de Vidocq, chef de police de sureté jusqu'en 1872, aujourd'hui propriétaire et fabricant de papier*. Увѣренность въ томъ, что сказанное Пушкинымъ о Видокѣ относится къ Булгарину, была такъ сильна въ тогдашнемъ обществѣ, что цензура стала запрещать статьи о Видокѣ. Въ засѣданіи с.-петербургскаго цензурнаго комитета, 11-го ноября 1830 года, слушали статью для «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду» подъ заглавіемъ: Два слова объ исторіи Видока. «Засѣданіе комитета, усматривая въ оной довольно очевидные намеки на русское сочиненіе, выраженные словами оскорбительными для того лица, къ которому относятся оныя, полагало воспретить напечатаніе сей статьи». Главное управление цензуры потребовало объясненія, къ какому русскому сочиненію и почему можетъ относиться содержаніе означенной статьи. Попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, представилъ, 11-го декабря 1830 года, слѣдующее объясненіе:

«Въ № 50 Литературной Газеты, апрѣля 6-го, напечатана была статья о Видокѣ, полицейскомъ сыщикѣ, и около того же времени ходила по рукамъ въ рукописи эпиграмма:

Не то бѣда, что ты полякъ:
 Костюшко — ляхъ,
 Мицкевичъ — ляхъ!
 Пожалуй, будь себѣ татаринъ,—
 И въ томъ не вижу я стыда;
 Будь жидъ,—и это не бѣда;
 Но то бѣда, что ты—Видокъ Фигляринъ.

¹⁾ «Литературная Газета» 1830 года, апрѣля 6-го, т. I, № 20, стр. 162.

«Неизвѣстно мнѣ почему, многіе предполагали, что обѣ сія пьесы написаны на счетъ Булгарина. Между тѣмъ сія самая эпиграмма, 26-го апрѣля же мѣсяца, напечатана въ 17 № Сына Отечества и Сѣвернаго Архива съ переѣбною только двухъ словъ, а именно: вмѣсто Видокъ Фигляринъ сказано Фаддей Булгаринъ. Послѣ таковой, такъ сказать, гласности, я полагалъ, что и статья: «Два слова объ исторіи Видока» не можетъ быть допущена къ печатанію».

Вопросъ о степени вліянія Булгарина на Бенкендорфа имѣлъ существенное значеніе для Пушкина, ожидавшаго для себя большихъ невзгодъ вслѣдствіе враждебнаго ему вліянія. Сочиненія Пушкина не иначе появлялись въ печати, какъ по предварительномъ просмотрѣ ихъ Бенкендорфомъ; Пушкинъ могъ переѣнить свое мѣстопробываніе не иначе, какъ съ разрѣшенія Бенкендорфа; въ различныхъ и чрезвычайно важныхъ обстоятельствахъ своей частной жизни Пушкинъ вынужденъ былъ обращаться къ Бенкендорфу, и т. д. Понятно, что Пушкинъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому, какіе люди окружаютъ Бенкендорфа и пользуются его особеннымъ довѣріемъ.

Со времени полемики Пушкина съ Булгаринымъ, утвердилось у насъ мнѣніе, что Булгаринъ былъ довѣреннымъ лицомъ у Бенкендорфа и Дубельта, и своими доносами немало надѣлалъ вреда литературѣ и литераторамъ. Такъ какъ на Булгарина падаетъ обвиненіе въ навѣтахъ на величайшаго изъ нашихъ поэтовъ, то отношенія Булгарина къ лицу, подъ надзоромъ котораго находился поэтъ, получаютъ своего рода интересъ для исторіи литературы того времени. Чтобы содѣйствовать разъясненію вопроса, приводимъ нѣсколько данныхъ, за достовѣрность которыхъ ручаются самые ихъ источники; между ними много собственноручныхъ рукописей Булгарина.

Вначалѣ Бенкендорфъ принималъ, повидимому, большое участіе въ Булгаринѣ, опредѣлялъ его на службу и до нѣкоторой степени пользовался его услугами. Но скоро наступило охлажденіе, Бенкендорфъ не обращался къ перу Булгарина, какъ будто бы неоправдавшаго возлагаемыхъ на него надеждъ. Иной разъ Булгаринъ долженъ былъ просить какъ милости, чтобы прочитали ту или другую изъ составленныхъ имъ записокъ. А письма и записки Булгарина въ высшей степени любопытны. Главная цѣль ихъ выставить какъ можно ярче недостатки тогдашней администраціи. Авторъ гораздо болѣе и гораздо рѣзче говоритъ о цензурѣ, нежели о литературѣ, хотя и то немногое, что говорится о литературѣ, очень похоже на доносъ. Что касается собственно Пушкина, то о немъ только нѣсколько строкъ въ перепискѣ Булгарина, укоряющаго Пушкина въ безнравственности. Укоръ этотъ сдѣланъ съ цѣлію чисто-практическою: Булгаринъ доказываетъ свои права,

какъ писателя благонамѣреннаго, на полученіе денежной ссуды, которая выдана была и такому безнравственному вольнодумцу, какъ Пушкинъ, и т. п. Всего отвратительнѣе то, что Булгаринъ позволилъ себѣ подобную выходку тогда, когда Пушкинъ давно уже былъ въ могилѣ...

Благодаря участію Бенкендорфа и «похвальнымъ литературнымъ трудамъ», Булгаринъ «избавился отъ званія французскаго капитана» и вступилъ въ русскую службу. 28-го октября 1826 года генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова, что бывшій капитанъ французской службы Булгаринъ, обратившій на себя вниманіе похвальными литературными трудами, «желаетъ поступить на службу и посвятить способности свои занятіямъ общепользынымъ»,—и что государь императоръ высочайше соизволяетъ на причисленіе Булгарина въ министерство народнаго просвѣщенія. 30-го сентября 1826 года Булгаринъ подалъ министру Шишкову слѣдующую «всепокорнѣйшую» просьбу: «Имѣя желаніе вступить въ службу Его Императорскаго Величества и продолжать оную въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, всепокорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство о исходатайствованіи на сіе высочайшаго его Императорскаго Величества соизволенія. Отставной капитанъ бывшихъ французскихъ войскъ Ѳаддей Венедиктовъ сынъ Булгаринъ». 22-го ноября 1826 года послѣдовалъ указъ правительствующему сенату: «Обращая вниманіе на похвалыныя литературныя труды бывшаго французской службы капитана Ѳаддея Булгарина, всемилостивѣйше повелѣваемъ переименовать его въ 8-й классъ и причислить на службу по министерству народнаго просвѣщенія». Сохранилась любопытная записка о «похвалыныхъ литературныхъ трудахъ» Булгарина, открывшихъ ему путь для вступленія въ русскую службу:

— «Многіе ученые, литераторы и художники, не только иностранные, всемилостивѣйше производимы были прямо въ штабъ-офицерскіе чины по статской службѣ, изъ уваженія къ ихъ трудамъ, на которые они посвящая время, не могли заниматься службою. Ѳаддей Булгаринъ, въ продолженіе десятилѣтняго своего пребыванія въ С.-Петербургѣ, снискалъ себѣ уваженіе отличнѣйшихъ людей сей столицы за свое поведеніе, и заслужилъ благосклонность публики своими литературными трудами. Булгаринъ почелъ бы себя счастливымъ, еслибъ могъ получить статскій чинъ, нѣсколько сообразный съ его лѣтами, и избавиться отъ званія французскаго капитана, которое вовсе несообразно съ десятилѣтними его занятіями. Ожидая сей милости единственно отъ щедротъ монарха, которому онъ преданъ душевно и готовъ посвятить ему жизнь и всѣ свои способности, Булгаринъ нѣкоторымъ образомъ заслужилъ, чтобы обратить вниманіе на его труды.

«Съ 1816 года, онъ, списавъ уже почетное имя въ польской словесности, началъ трудиться для россійской, помѣщая сперва статьи своего сочиненія въ журналахъ, по части исторической критики, военныхъ наукъ и словесности. Усмотрѣвъ, что въ высшихъ училищахъ вмѣсто учебной книги употребляютъ полное изданіе Гораціевыхъ сочиненій, въ которыхъ находится множество предметовъ соблазнительныхъ, не приличныхъ юношеству, Булгаринъ издалъ и на свой счетъ напечаталъ Избранныя оды Горація, съ комментаріями на россійскомъ языкѣ, гдѣ исключено все соблазнительное и помѣщено то, что сообразно съ христіанскою нравственностію. Книга сія на польскомъ языкѣ напечатана на казенный счетъ и введена въ училища. Для поддержанія воинственнаго духа въ народѣ и для сопряженія любви народной со славою государя, Булгаринъ издалъ: Славныя воспоминанія россіянъ XIX столѣтія, собравъ и расположивъ на двухъ большихъ таблицахъ всѣ побѣды въ царствованіе императора Александра I, на каждый день въ году по одной. Сіе изданіе удостоилось вниманія блаженной памяти государя императора и чрезъ министерство просвѣщенія потребовано для армитажной бібліотеки. Для распространенія историческихъ и географическихъ свѣдѣній въ Россіи, въ духѣ свойственномъ образу правленія, Булгаринъ предпринялъ съ 1822 года изданіе журнала: Сѣверный Архивъ, который исключительно посвященъ исторіи, статистикѣ, путешествію и правовѣдѣнію. Сіе изданіе, первое въ своемъ родѣ, заслужило вниманіе европейскихъ ученыхъ, которые безпрестанно и всѣ пользуются и переводятъ оттуда статьи, до Россіи касающіяся. Сей журналъ заслужилъ также вниманіе правительства и бывшій министръ просвѣщенія князь Голицынъ, безъ всякаго ходатайства со стороны издателя, рекомендовалъ оный во всѣ училища. Ея императорское высочество великая княгиня Марія Павловна, во время бытности графа Кутайсова въ Веймарѣ, въ разговорѣ о россійской словесности, рекомендовать изволила Сѣверный Архивъ. Съ 1823 года Булгаринъ издавалъ Литературныя листки, посвященные особенно исправленію нравовъ статьями въ родѣ Адиссонова Спектатора. Булгаринъ издалъ «Воспоминанія объ Испаніи», въ томъ намѣреніи, чтобы доказать, что народъ, воспламененный любовью къ своимъ государямъ, бываетъ непобѣдимъ. Для распространенія любви къ драматическому искусству, сильно дѣйствующему на нравы, онъ издалъ первый въ Россіи драматическій альманахъ: Русская Талія, за который получилъ благоволеніе отъ императрицы Александры Феодоровны. Съ 1825 года Булгаринъ издаетъ Сѣверную Пчелу, литературную и политическую газету, коей главнѣйшая цѣль состоитъ въ утвержденіи вѣрнопоподанническихъ чувствованій и въ направленіи умовъ къ истинной цѣли, то есть: преданности къ престолу и чис-

тотъ нравовъ. Стоитъ прочесть статью на день 30-го августа 1825 года и статью на плачевную кончину блаженнаго памяти императора Александра I, чтобы увидѣть въ полной мѣрѣ духъ сей газеты. За сію послѣднюю статью, Булгаринъ удостоился получить благоволеніе нынѣ благополучно царствующаго государя императора чрезъ графа Милорадовича и отъ государыни императрицы Маріи Феодоровны чрезъ гофмаршала Нарышкина. Что Булгаринъ вытерпѣлъ за свой образъ мыслей отъ партіи, нѣкогда сильной въ обществѣ, которой пагубные замыслы открылись впоследствии, сіе извѣстно всѣмъ, составлявшимъ кругъ ихъ знакомства. Булгарина даже стращали публично, что современемъ ему отрубятъ голову на Сѣверной Пчелѣ за распространеніе не европейскихъ (такъ они называли) идей. Но Булгаринъ всегда пребылъ твердъ въ своихъ правилахъ, и видя какое-то своеволие мыслей между юношествомъ и нѣкоторыми умниками, не постигая тайной причины, всегда старался противудѣйствовать ихъ вліянію на общее мнѣніе. Доказательствомъ можетъ служить статья его сочиненія подъ заглавіемъ: Вѣднѣй макаръ, или кто за правду горой, тотъ истый прой, появившаяся въ свѣтѣ въ Сѣверномъ Архивѣ 8-го декабря 1825 года, гдѣ монархическія чувствованія и правосудіе русскихъ государей выставлены въ самомъ блестящемъ видѣ. Съ нынѣшняго года Булгаринъ издаетъ безденежно журналъ: Дѣтскій Собесѣдникъ, и чтобы удостовѣриться, въ какомъ духѣ онъ составляется, стоитъ только взглянуть на статью: Исторія Славянъ. Главнѣйшая цѣль сего журнала есть распространеніе вѣрнопопданническихъ чувствованій между російскимъ юношествомъ. Получивъ монаршую милость, Булгаринъ получить новую жизнь, жизнь политическую, въ странѣ, которой онъ посвятилъ самого себя. Онъ первый изъ поляковъ появился на поприщѣ русской словесности, и вниманіе, оказанное къ трудамъ его, безъ сомнѣнія произведетъ благотѣльные дѣйствія въ общемъ мнѣніи польскаго народа, который питаетъ въ себѣ любовь ко всему національному. Въ варшавскихъ журналахъ безпрестанно припоминаютъ, что Булгаринъ родомъ полякъ; слѣдовательно, тамъ почитаютъ его достойнымъ уваженія».

Шишковъ былъ нѣсколько озадаченъ опредѣленіемъ Булгарина, не зная, какую должность дать ему въ министерствѣ, и порѣшилъ тѣмъ, что приказалъ считать его чиновникомъ по особымъ порученіямъ. И дѣйствительно Булгаринъ только считался на службѣ въ министерствѣ просвѣщенія, весьма часто уѣзжая изъ Петербурга въ Остзейскій край. Когда возникло дѣло объ отставкѣ Булгарина, министръ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ отказался сдѣлать обычную отмѣтку въ формулярномъ спискѣ Булгарина на томъ основаніи, что Булгаринъ не имѣлъ должности по министерству, а потому и нельзя судить, способенъ онъ или нѣтъ

къ гражданской службѣ. На ходатайство о продленіи четырехмѣсячнаго отпуска Булгарина послѣдовала резолюція государя императора: «Нѣтъ причинъ отступить отъ правилъ; если хочетъ, можетъ просить отставки». Рѣшившись подать въ отставку, Булгаринъ писалъ князю Ливену изъ Дерпта, 29-го августа 1831 года: «Я живу въ городѣ, гдѣ имя вашей свѣтлости благословляется всѣми, а потому и льщу себя надеждою, что вы не захотите отвергнуть литератора, прибѣгающаго къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою о представленіи меня къ наградѣ слѣдующимъ чиномъ при отставкѣ» и т. д. Ходатаемъ за Булгарина снова является генераль-адъютантъ Бенкендорфъ. Въ письмѣ къ князю Ливену, 15-го декабря 1831 года, онъ говоритъ: «Принимая въ уваженіе, что г. Булгаринъ опредѣленъ былъ на службу по представленію моему о способностяхъ его и трудахъ на пользу общую; что въ теченіе того времени, въ которое онъ считался на службѣ, былъ употребляемъ по моему усмотрѣнію по письменной части на пользу службы, и что всѣ порученія онъ исполнялъ съ отличномъ усердіемъ, я поставляю обязанностью моею засвидѣтельствовать предъ вашею свѣтлостію о способности г. Булгарина и ревности его къ пользамъ государственной службы, и притомъ просить васъ о сдѣланіи надлежащаго распоряженія, чтобы сенатъ при увольненіи его не нашелъ никакого препятствія къ награжденію его чиномъ за выслугу узаконенныхъ лѣтъ». Но комитетъ министровъ не призналъ возможнымъ наградить Булгарина чиномъ надворнаго совѣтника, потому что слѣдующій чинъ дается при отставкѣ только за добропорядочную и безпорочную службу, а въ формулярномъ спискѣ значится, что Булгаринъ, будучи подпоручикомъ въ ябургскомъ драгунскомъ полку, отставленъ, въ 1811 году, отъ службы по худой аттестаціи въ кондуктныхъ спискахъ. Тогда-то онъ и вступилъ во французскую службу, изъ которой опять перешелъ въ русскую, но уже въ гражданскую, а не въ военную.

Бенкендорфъ оставался постояннымъ цѣнителемъ литературныхъ трудовъ Булгарина. По ходатайству Бенкендорфа, Булгаринъ, какъ авторъ Петра Ивановича Выжигина, получилъ брилліантовый перстень. Извѣщая Бенкендорфа о своемъ новомъ произведеніи, Булгаринъ писалъ, 23-го декабря 1830 года:

«Милостивый Государь,

«Александръ Христофоровичъ!

«Неоднократные знаки благорасположенія и милостей вашего высокопревосходительства рождаютъ во мнѣ утѣшительную надежду, что всепокорнѣйшая моя просьба будетъ услышана вами.

«Представляя при семъ программу вновь написаннаго мною и уже печатаемаго романа подъ заглавіемъ **Петръ Ивановичъ**

Выжигиъ, всенижайше прошу ваше высокопревосходительство объ исходатайствованіи мнѣ у всемилостивѣйшаго государя императора высочайшаго соизволенія украсить списокъ подписавшихся на сію книгу священнымъ именемъ его императорскаго величества.

«Таковая высокомонаршая милость была бы во всякое время и для каждаго писателя неоцѣнною; но нынѣ будетъ для меня новымъ, жительнымъ благотвореніемъ великаго монарха. Нынѣ, когда многіе изъ соотечественниковъ моихъ, по справедливости, лишились милостей своего государя, да позволено мнѣ будетъ по-

Ө. В. Булгаринъ (въ позднихъ годахъ).

Съ портрета, рисованнаго Тимомъ и находящагося въ «Листѣхъ для свѣтскихъ людей» 1844 года.

казать свѣту, что я все счастье жизни своей полагаю въ благо-склонномъ взорѣ всеавгустѣйшаго монарха и что великій государь не считаетъ меня недостойнымъ своего взора. Упавшіе духомъ вѣрные поляки воскреснутъ, когда увидятъ, что ихъ соотечественникамъ открыты пути трудами и тихою жизнью къ монаршимъ милостямъ. Достоинъ ли я сей высокой милости, предоставляю рѣшить вашему высокопревосходительству!

«Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью честь имѣю пребыть вашего высокопревосходительства, милостивый государь, всепокорѣйшій слуга

«Өаддей Булгаринъ».

Смѣлѣе и развязнѣе, нежели съ Бенкендорфомъ, Булгаринъ объяснялся съ Леонтиемъ Васильевичемъ Дубельтомъ, котораго считалъ своимъ другомъ, и въ перепискѣ съ нимъ позволялъ себѣ шутливый, пріятельскій тонъ. Въ письмѣ къ Дубельту, 18-го апрѣля 1839 года, Булгаринъ приводитъ такое доказательство своей чистосердечной преданности: «Въ одномъ обществѣ, гдѣ, между прочимъ, было три генераль-адъютанта, я объ васъ говорилъ съ такимъ чувствомъ, что одинъ изъ старыхъ остряковъ назвалъ меня въ шутку Фадеемъ Дубельтовичемъ».

Въ письмѣ къ графу Алексѣю Федоровичу Орлову, 13-го апрѣля 1845 года, Булгаринъ объясняетъ, что для окончанія и изданія двухъ его сочиненій:—Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ и Лѣтописи послѣдняго двадцатилѣтія, т. е. царствованія императора Николая Павловича—надобны деньги, и потому просить ссудить ему изъ казны 25.000 рублей на десять лѣтъ, подъ залогъ имѣнія его Карлова, въ Лифляндской губерніи. Просьба Булгарина не была исполнена: онъ не получилъ желаемой ссуды.

Подавляемый «грустью» о томъ, что ему не дали денежной ссуды, Булгаринъ дѣлится своимъ горемъ съ Дубельтомъ. Изліяніе чувствъ доходитъ до паяса въ письмѣ къ Дубельту, 23-го апрѣля 1845 года:

— «Отецъ и командиръ!

«Я не знаю, какъ васъ называть! Милостивый государь и Ваше Превосходительство—все это такъ далеко отъ сердца, все это такъ иношено, что любимому душою человѣку—эти условные знаки вовсе не идутъ! А я люблю и уважаю васъ точно душевно! Ваша доброта, ваше снисхожденіе, ваша деликатность со мною—совершенно поработили меня, и нѣтъ той жертвы, на которую бы я не рѣшился, чтобъ только доказать вамъ мою привязанность!

«Но вотъ послѣдняя моя просьба! По добротѣ и деликатности своей, вы изволили заѣзжать ко мнѣ. Мнѣ бы слѣдовало немедленно явиться къ вамъ—и вотъ я на колѣняхъ умоляю васъ извинить меня и позволить не являться, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время, пока грусть моя нѣсколько утихнетъ и нервы успокоятся. Я нахожусь въ такомъ раздраженномъ положеніи, что прячусь отъ людей! Признаюсь, мнѣ не хотѣлось бы изъ вашихъ устъ слышать отказъ въ моей просьбѣ. Еслибъ было что-нибудь хорошее—вы, по добротѣ своей (какъ покойный М. Я. Фонъ-Фокъ) не утерпѣли бы, чтобъ не увѣдомить, а теперь хотите усладить горечь пилюлей. Нѣтъ, добрый и благородный Леонтій Васильевичъ, есть горечи, которыхъ нельзя усладить! Не дѣло важно, но доказательство, во чтѣ меня цѣнять послѣ 26-ти лѣтнихъ трудовъ—вотъ что убійственно! Объ одномъ прошу васъ разувѣрить,

еслибъ кто вѣрилъ, что я поступилъ дерзновенно, обратясь въ нуждѣ къ моему государю. Я думалъ: если сочинителю Гавриліады, Оды на вольность и Кинжала—оказано столько благодѣяній и милостей (Пушкину), если банкроту Смирдину дано въ займы 35 т. руб. сер. подъ залогъ хлама, т. е. непродającychся книгъ, если Полевому, которому самъ государь запретилъ журналъ—дана пенсія и проч., и проч., то почему же не дать займа мнѣ подъ вѣрный залогъ имѣнья, за которое графъ Канкринъ давалъ сперва 300.000 руб. ас. для университета (Гендильгесскаго института), а послѣ хотѣлъ купить для себя за 350.000 руб. ас. Вѣдь я просилъ не подарка! Покойный баронъ Штиглицъ далъ мнѣ на слово 50.000 руб. асс., которые я и заплатилъ; во время процесса моего Молво далъ мнѣ, подъ росписку, 10.000 руб. сер., чему я и имѣю доказательства. Я человѣкъ не нищій и не безъ кредита, и весь мой авантажъ былъ въ двухъ процентахъ!!! Просилъ я не невозможнаго и не надъ силы мои, но теперь вижу, какое мѣсто мнѣ назначено въ русскомъ царствѣ—и я, какъ улитка, прячусь въ мою раковину! Досадно мнѣ, что я послушался совѣтовъ пріятелей, да ужъ не воротилъ! Скомпроментировался, а дѣлать нечего! Есть Богъ и потомство: быть можетъ, они вознаградятъ меня за мои страданія... вѣдь надобно же чѣмъ нибудь утѣшаться!

«Съ искреннею и душевною преданностію и высокопочитаніемъ честь имѣю быть

«вашего превосходительства

«милостиваго государя

«покорнѣйшимъ слугою

«Фаддей Булгаринъ».

Въ перепискѣ съ Дубельтомъ, Булгаринъ даетъ полную волю своему языку, и старается представить тогдашніе порядки въ ихъ настоящемъ видѣ. Поощряемый, или только терпимый Дубельтомъ, Булгаринъ дѣйствовалъ перомъ неутомимо, высказывалъ въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ такія вещи, о которыхъ нельзя было говорить печатно. Одно за другимъ Булгаринъ сообщалъ Дубельту слѣдующія свои произведенія, въ которыхъ весьма ярко выражаются и домыслы и соображенія автора и темныя стороны вскрываемой имъ дѣйствительности.

Нѣсколько правдъ, предлагаемыхъ на благоразсужденіе.

— «Кабинетные ученые и такъ называемые книжные черви вездѣ обуреваемы страстію вводить теоріи въ дѣла общественныя. Изъ этого произошло въ мірѣ много смѣшнаго и много злаго. Я человѣкъ совершенно практическій: вѣрю теоріи тогда только, когда она испытана на практикѣ; ищу разума въ книгахъ, а по-

вѣрю на людяхъ. Судьба поставила меня въ такое положеніе, что въ теченіе 25-ти лѣтъ я ежедневно вижу съ людьми разнаго сословія, прибѣгающими ко мнѣ, какъ къ какому нибудь канонику (chanoine) съ исповѣдью, за совѣтомъ и за справкою. Рѣдкій порядочный помѣщикъ, провинціальный купецъ, или чиновникъ, побываетъ въ столицѣ и не завернетъ ко мнѣ потолковать и познакомиться. О столичныхъ жителяхъ и говорить нечего. Бываютъ дни, что у меня утромъ отъ 8 до 2 часовъ перебивается до 50-ти человѣкъ! Справиться легко—правда-ли! Благодаря Бога, люди имѣютъ ко мнѣ довѣренность, потому что я никому не измѣнялъ и не измѣняю. Кого утѣшу, кому посоветую терпѣніе, за иныхъ попрошу и похлопочу; а между тѣмъ узнаю ходъ дѣлъ и общественное мнѣніе. Всего не перетолкуешь, да мнѣ и писать некогда; но вотъ для пробы представлю нѣсколько выдержекъ изъ общественнаго мнѣнія.

«1) Носились слухи въ городѣ, якобы государь императоръ, встрѣтѣсь гдѣ-то съ графомъ Киселевымъ, заграницею, указалъ ему на книгу (путешествіе французскаго инженера съ женою по южной Россіи, для нивелировки пространства между Чернымъ и Каспійскимъ морями), въ которой сказано и доказано, что въ Россіи есть система сокрытія истины, отъ низшаго чиновника до высшаго сановника, и что такимъ образомъ государь императоръ весьма мало знаетъ, чтѣ дѣлается въ Россіи. Не вхожу въ разборъ, справедливо-ли, что государь императоръ говорилъ объ этомъ Киселеву, но что въ словахъ жены инженера есть много правды,—это кажется не подлежитъ сомнѣнію.

«Напримѣръ: еслибъ я открылъ, что будочникъ былъ пьянъ, и оскорбилъ проходящую женщину, я бы приобрѣлъ враговъ: 1) министра внутреннихъ дѣлъ, 2) военнаго генераль-губернатора, 3) оберъ-полицеймейстера, 4) полицеймейстеровъ, 5) частнаго пристава, 6) квартальнаго надзирателя, 7) городского унтеръ-офицера и *par dessus le marché*—всѣхъ ихъ пріятелей, усердныхъ подчиненныхъ, и такъ далѣе. Спрашивается: кому-же придется охоты открывать истину, когда каждое начальство почитаетъ врагомъ своимъ cadaquo, открывающаго злоупотребленіе или злоупотребителей въ части, ввѣренной ихъ управленію?!

«Еслибъ я былъ начальникомъ какой части, я былъ бы благодаренъ каждому, кто бы вырвалъ дурную траву изъ моего огорода!

«Долженъ-ли министръ отвѣчать за открытіе злоупотребленій въ его управленіи? Тогда долженъ отвѣчать, когда знаетъ и прикрываетъ; но невозможно министру отвѣчать за чиновника, дѣлающаго зло за 3.000 верстъ или за сто шаговъ отъ него, когда передъ нимъ все скрываютъ, чтобъ избѣжать наказанія или отвѣтственности за допущеніе злоупотребленій. Тутъ чистая

логика! Когда всё отвѣтственны за одного, то всё прикрываютъ зло. Всё значить никто: tout le monde,—c'est personne!

«Отъ системы укрывательства всякаго зла и отъ страха отвѣтственности одному за всѣхъ, выродилась въ Россіи страшная система министерскаго деспотизма и сатрапства генераль-губернаторовъ. Это такое зло, которое угрожаетъ величайшими бѣдствіями престолу и отечеству, и ожесточаетъ всѣ сословія народа въ высшей степени. Русская пословица твердитъ: «Богъ высоко, царь—далеко». Но въ старину можно было броситься въ ноги царю, передъ краснымъ крыльцомъ, а теперь нѣтъ никакихъ средствъ довести истины до царя. Комиссія прошеній—есть комиссія отказовъ. Вы подадите жалобу на министра или на военнаго генераль-губернатора,—и вашу просьбу отсылаютъ на разрѣшеніе въ то мѣсто, на которое вы жалуетесь, и къ тому самому лицу. Чиновники, до директора, опредѣляются самими министрами, отъ нихъ вполне зависать, и служить имъ, а не государю и отечеству. Государь и отечество для чиновника—отвлеченная идея, une idée transcendente!

«2) Заглянемъ на корень зла:

«Блаженной памяти императоръ Александръ Павловичъ, въ началѣ и даже въ половинѣ царствованія, сильно придерживался либеральныхъ идей, и въ этомъ духѣ учредилъ министерства, по примѣру конституціонныхъ государствъ. Но въ конституціонныхъ государствахъ министры отвѣтственны передъ палатами и парламентомъ и находятся подъ контролю свободнаго книгопечатанія. Въ чистыхъ монархіяхъ всегда былъ и есть первый министръ, отвѣтственный за всѣхъ предъ государемъ—слѣдовательно, власть находится всегда сосредоточенною, centralisé.

«У насъ какая отвѣтственность министровъ? Ихъ отчеты! А кто ихъ повѣряетъ? Никто!—Пишутъ, что угодно. На бумагѣ блаженство, въ существѣ горе! Сами чиновники, составляющіе отчеты смѣются надъ этой поэзіей, какъ они называютъ отчеты! Chef d'oeuvre этой поэзіи—это отчеты министерства просвѣщенія!

«Изъ этого вышло, что министры раздѣлили между собою Россію и господствуютъ въ своихъ удѣлахъ самовластно, давая полную власть тѣмъ генераль-губернаторамъ, которые сильны при дворѣ и связями. Милосердіе, правосудіе, благодѣтельность царствующаго, при такомъ порядкѣ дѣлъ, почти безполезны для государства, потому что государь видитъ одни только доклады, т. е. что нужно докладывающему, а не то, что полезно его подданнымъ. Кончилось тѣмъ, что собраніе законовъ и сводъ законовъ, великій подвигъ добраго нашего государя, полезенъ только въ теоріи и въ производствѣ тяжёбныхъ дѣлъ, а въ администраціи, или управленіи государства сводъ законовъ и собраніе законовъ не имѣютъ ни малѣйшей силы и подчиняются министерскимъ предписаніямъ

«Трудно вѣрить, а правда! Мало этого! чтобъ быть независимымъ въ своемъ удѣлѣ, каждый министръ охотно принимаетъ въ своемъ управленіи предписанія другаго министра, что касается до его части и выходитъ сцена изъ Мольеровою комедіи: *passerai le rhubarbe, je vous passerai la magnésie* или т. п.

«Было бы забавно, еслибъ не было больно!

«Возьмемъ ничтожныя примѣры! Пронеслась вѣсть, что государю императору благоугодно заглядывать въ Сѣверную Пчелу, и вотъ всѣ министры согласились между собою, чтобъ въ Пчелѣ ничего не печатать безъ ихъ воли! Кажется, ужъ и безъ того довольно безмолвія въ Россіи, но надобно было заглушить послѣдній законный голосъ, и заглушили. Въ цензурномъ уставѣ, въ главѣ первой, въ статьѣ 12-й, между прочимъ, сказано: «Дозволяются всякія сужденія о новыхъ общественныхъ зданіяхъ, объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, если сіи сужденія не противны общимъ правиламъ цензуры». Кажется, ясно, а, между тѣмъ, графъ Клейнмихель отнесся, чтобъ не дозволить даже упоминать о новыхъ зданіяхъ и всемъ, касающемся до его управленія, безъ его воли! Ужъ гдѣ намъ судить и разсуждать! Мы хотимъ сказать: «воздвигнуты новые конногвардейскія казармы»,—нельзя: посылайте къ графу Клейнмихелю! «Пароходы ходятъ по Вѣлу-озеру» — нельзя: можетъ быть графъ Клейнмихель не хочетъ, чтобъ это было извѣстно! А уставъ напечатанъ въ сводѣ законовъ! Князь Чернышевъ не доволенъ даже, когда Пчела перепечатываетъ изъ Инвалида! Это еще ничего; но вотъ самъ министръ просвѣщенія приказалъ, чтобъ Сѣверная Пчела не перепечатывала постановленій министерства просвѣщенія изъ журнала министерства, безъ воли директора просвѣщенія, а это уже и противу устава и противу привилегіи, высочайше утвержденной для Сѣверной Пчелы блаженной памяти императоромъ Александромъ. Чего же бояться, чтобъ постановленія министерства были перепечатаны? Чтобъ не дошли до свѣдѣнія государя императора! Чудная система! А, между тѣмъ, чтó печатается въ наше время! Я не доносчикъ, но стоить разспросить хоть одного благонамѣреннаго грамотнаго человѣка, онъ укажетъ такія вещи, за которыя и въ Англіи посадили бы въ тюрьму. Люди поумнѣли: тайныхъ обществъ не составляютъ, но всѣмъ, хотя мало знакомымъ съ литературою, извѣстно, что у насъ существуетъ чрезвычайно сильная партія, подъ покровительствомъ могущественнаго чиновника въ министерствѣ просвѣщенія, дѣйствующая въ духѣ коммунизма и правилъ неистоваго либерализма. У меня бездна жалобъ, даже отъ епископовъ, но это не мое дѣло! Извѣстный литераторъ и академикъ Борисъ Федоровъ представилъ мнѣ нѣкоторыя выписки, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, когда

вспомнишь, что послѣ себя оставляешь шестерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, противу которыхъ востряты, на твоихъ глазахъ, топоры! Но партія эта приобрѣла дествіемъ сильнѣйшее покровительство, и ее никто не дерзаетъ затронуть, тѣмъ болѣе, что она привязала къ себѣ и матеріальными интересами. Мнѣ объ этомъ не слѣдуетъ распространяться, чтобъ не подумали, будто я дѣйствую по духу литературной вражды; но возьмите, если угодно, отъ меня выписки Бориса Федоровича и спросите его, не страшая, а лаская,—увѣренъ, что ужаснетесь! Для краткости я привелъ въ примѣръ ниспроверженія законовъ министерскими предписаніями только цензурный уставъ. Всѣ уставы также ниспровергнуты, гдѣ они затрудняютъ самовластіе министровъ.

«Важный вопросъ! Болѣвань указана, а есть ли дѣкарство? Есть и не новое. Въ самодержавномъ смягченномъ, какъ наше, государствѣ—другаго управленія быть не можетъ, какъ коллегіальное, введенное Петромъ Великимъ, по совѣту великаго Лейбница. Когда императоръ Александръ уничтожилъ его, и ввелъ министерства, онъ думалъ приготовить государство къ конституціи, что впоследствии и было напечатано по-русски, при учрежденіи царства польскаго. Въ коллегіальномъ управленіи есть отвѣтственность министровъ, и самовластіе ихъ умѣряется голосами членовъ, отъ нихъ независимыхъ.

«Теперь пусть членъ совѣта министерскаго подаетъ голосъ противу министра, ему не дадутъ ленты или попросятъ выйти въ отставку. Императоръ Александръ чувствовалъ потомъ ошибку свою, что уничтожилъ коллегіальное управленіе, и—учредилъ совѣты министровъ; но этимъ дѣла не поправилъ, подчинивъ министру членовъ совѣта, и предоставивъ ему ихъ выборъ!

«Поразсудите, и справьтесь, — увидите, что я говорю правду!

«3) Когда я хотѣлъ напечатать историческій выводъ, въ опроверженіе чужеземныхъ клеветъ на государя и Россію, безъ всякихъ споровъ съ клеветниками, мнѣ сказано, что не нужно входить съ ними въ разглагольствія, а, между тѣмъ, въ то же самое время напечатали въ «Journal de St.-Petersbourg» одну изъ самыхъ жестокихъ выходовъ противу дѣйствій правительства! По совѣсти долженъ я сказать, что эта статья произвела весьма непріятное впечатлѣніе для правительства. Изъ всѣхъ трактировъ и кондитерскихъ нумеръ газеты похищенъ (какъ говорятъ трактирщики), а вѣрно то, что у многихъ купленъ. Мнѣ извѣстно, что давали по 200 за нумеръ. Упрекъ правительству въ этой статьѣ насчетъ пропаганды православія тѣмъ сильнѣе подѣйствовалъ, что въ то же время появились въ лифляндской газетѣ Inland двѣ статьи, якобы подтверждающія истину упрека. Прялагаю при семъ газету Inland ¹⁾. Выраженія чрезвычайно замѣчатель-

¹⁾ Со стола кто-то ввзялъ; но отыщу и припашу.

ныя! Это въ точномъ смыслѣ псаломъ: тамо, на рѣкахъ Вавилонскихъ, сѣдохомъ и плакахомъ». Лютеранская вѣра называется сиротствующею вдовицею, аки Рахиль безутѣшная, въ одеждѣ печали, и т. п. Чудеса! До какого отчаянья должны быть доведены эти люди! И въ какое время посѣвають ненависть въ сердцахъ образованнаго сословія пограничныхъ губерній? Ради Бога, скажите, такъ ли должно дѣйствовать православіе, во славу свою, на пользу царя и отечества, какъ оно дѣйствуетъ? Въ журналѣ Маякъ, съ дозволенія духовной цензуры, печатаются вещи, которыя были бы смѣшны и въ XV вѣкѣ! Описано, какъ чертъ былъ посредникомъ между Христомъ и пьяницей, и т. п. Вотъ Вамъ книжица, предсказывающая скорое представленіе свѣта! Это то же, что было въ Европѣ въ 999-мъ году по Р. Х., а вотъ другая книжица противу лютеранской вѣры, которую исповѣдуютъ столько людей, начальствующихъ православными! Какъ же православный будетъ уважать человѣка, заблудшаго въ вѣрѣ, еретика? Non sens, вредъ царю и отечеству, и, какъ сказалъ Грибоѣдовъ въ «Горе отъ ума», «Все подъ личиною усердія къ царю».

«Мнѣ лютеранизмъ также чуждъ, какъ и магометанство, но не чужды слава царя и благо Россіи, которая, дерзаю сказать, любитъ меня и вѣрить мнѣ! Хоть сожгите меня на кострѣ, но долженъ высказать правду, ибо почитаю это долгомъ совѣсти!

«4) Во всей Польшѣ бунты и заговоры! Ужели есть хотя одинъ такой дуракъ въ Польшѣ, чтобъ вѣрилъ, будто возстаніе можетъ побѣдить благоустроенныя арміи трехъ государствъ? Сомнѣваюсь! Ведеть въ пропасть отчаянье. Отчаянье—это порохъ, а искры брошены извнѣ. Въ 1789 году и въ 1830 году, когда западнымъ революціонерамъ надобно было сдѣлать диверсію на сѣверъ,—они подожгли Польшу. Исторія—то же, что математика: по двумъ извѣстнымъ отыскиваютъ третье неизвѣстное. Заговоры и бунты въ Польшѣ, а огонь тлѣетъ теперь въ Германіи: въ Пруссіи и Австріи. Я не пророкъ, но увидите, что откроется по слѣдствію, если только на слѣдствіи будетъ хотя одинъ дальновидный человѣкъ! Искры брошены изъ Кенигсберга, Кельна и изъ Венгріи, иначе быть не можетъ! Польскіе эмигранты—если участвуютъ, то второстепенно. Я убѣжденъ, что въ Германіи готовится революція, и поляковъ возмутили, чтобъ занять державы. По моему мнѣнію, ничего нѣтъ легче, какъ управлять поляками. Народъ живой, легковѣрный, удо(во)воспламенимый: съ ними надобно играть какъ съ дѣтьми, въ игрушки, надобно занять ихъ страсть къ дѣятельности и ихъ воображеніе. Все зависитъ отъ выбора людей, которые бы не уничтожали ихъ. При мнѣ самый вѣрный царю полякъ заплакалъ, когда услышалъ, что Писареву (кіевскому) дали ленту! Но теперь не въ томъ дѣло. Главное въ томъ, что—я

полагаю—Польша взбунтована Германіей и Венгріей, и въ Пруссіи что-то готовится не доброе. И теперь именно раздражаютъ донельзя остзейцевъ!!! Какая польза отъ того, что я говорю правду? Ровно никакой! Въ началѣ польскаго бунта (въ 1831 г.), когда я составилъ изъ 3-хъ отрывковъ газетъ такую реляцію о возстаніи, что князь Любецкій вѣрилъ, якобы она составлена въ Варшавѣ нашимъ тамъ агентомъ, графъ Бенкендорфъ обѣщалъ мнѣ золотыя горы, которыхъ я вовсе не хотѣлъ и не требовалъ. Онъ хотѣлъ выслать меня въ Варшаву, вмѣсто графа Гауке, для усмиренія умовъ, и ужъ конечно я много сдѣлалъ бы добра,—меня не признали способнымъ! Писака бо есмь! Когда наши шли со стороны Праги на Варшаву, я написалъ къ Бенкендорфу: «зачѣмъ хотите пробывать лбомъ стѣну, когда можете переправиться чрезъ Вислу на прусской границѣ, и подойти къ Варшавѣ отъ Воли!» Бенкендорфъ задушилъ меня въ объятіяхъ,—а все я остался нулемъ: разъ въ жизни попросилъ бездѣлицы, и отказали со стыдомъ!! Но и интересы мои, и самолюбіе, и честолюбіе, кладу на жертвенникъ истины, и хотя знаю, что словеса нуля—пойдутъ на вѣтеръ, почитаю долгомъ высказать то, что по моему мнѣнію полезно моему государю, которому я присягнулъ служить вѣрою и правдою!

«Тутъ можно было бы и много пояснить,
Да чтобъ гусей не раздражить!»—

— «Милостивый Государь

«Леонтій Васильевичъ!

«Программу г-на Киркора представлялъ я вашему превосходительству не для того, чтобъ испрашивать позволеніе на наданіе журналу на польскомъ языкѣ, зная, что это принадлежитъ министру просвѣщенія, который, разумѣется, не дозволитъ, но эта программа представлена мною только для свѣдѣнія. Я той вѣры, что только убѣжденіемъ можно успокоить встревоженные умы и уязвленные сердца въ Польшѣ, и для убѣжденія у насъ ничего не предпринимается и, вѣроятно, долго еще не будетъ предпринято. Отъ чего это происходитъ, что не взирая на строгость мѣръ къ пресѣченію всѣхъ покушеній противу русскаго правительства, безпрестанно появляются новыя жертвы? Отъ заблужденія! Надобно плакать и смѣяться, когда слышишь, что поляки говорятъ и что они за границею пишутъ о Россіи, не изъ злобы, но по невѣдѣнію, по ложнымъ извѣстіямъ и предположеніямъ. Непостижимо, что опроверженіе заблужденій насчетъ Россіи столь же строго запрещено у насъ, какъ и самая ложь! Приказано всѣмъ молчать, и всѣ молчатъ, а въ умахъ хаосъ, въ сердцахъ ядъ—просто нравственная чума! По моему мнѣнію, противу нравственной силы, неуловимой силою физическою, надлежало бы дѣйствовать нравствен-

ною же силою; а именно: правдою противу лжи, добродушіемъ противу ожесточенія, просвѣщеніемъ противу заблужденій насчетъ Россіи. Зная совершенно духъ и характеръ Польши, я бы взялся, подѣ карою смерти, въ теченіе пяти лѣтъ одною письменностью успокоить Польшу и убѣдить поляковъ, что все ихъ счастье, все благосостояніе края зависитъ отъ тѣснаго соединенія съ Россіею, разумѣется, еслибъ въ краѣ не было такихъ чиновниковъ, какъ на примѣръ кievскій Писаревъ, о которыхъ анекдоты гораздо занимательнѣе и ужаснѣе Парижскихъ тайнъ. Но какъ мое дѣло сторона, то и я молчу, а зная ваше пламенное, неутомимое и непрерывное стремленіе къ добру, увѣдомилъ васъ о предпріятіи г-на Киркора, въ которомъ нашель то же искреннее желаніе къ примиренію и соединенію Польши съ Россіею, которое и меня одушевляетъ, предоставляя впрочемъ этотъ подвигъ providѣнію!

«Пользуясь симъ случаемъ, чтобъ повторить вашему превосходительству чувства глубокаго уваженія и душевной привязанности, съ коими навсегда пребываю

«вашего превосходительства

«милостиваго государя

«покорнѣйшимъ слугою

«Фаддей Булгаринъ.

«Qui ne fut rien

«Pas même académicien!

«15 января 1846

СПБ.

«N. В. Слышалъ я что рассказываютъ русскіе чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, возвратившіеся изъ Лифляндіи,—и знаю навѣрное что тамъ происходитъ. Рассказы эти такъ же далеки отъ истины, какъ земля отъ солнца! Есть Богъ, и: «сердце царевы въ руцѣ Божіей». Вотъ одна надежда и утѣшеніе!»—

— «Отецъ и командиръ!

«Знаю я, что литературу и цензуру почитаютъ у насъ хуже дохлой собаки, а литераторовъ трактуютъ, какъ каторжниковъ. Но я, ради Бога, прошу Васъ показать прилагаемое маранье графу Алексію Федоровичу. Это человѣкъ—Ессе homo! Остальное хоть бросьте.

«Вѣрный до гроба и за гробомъ и преданный душою

«Ф. Булгаринъ.

«26 Апрѣля (?)

1846 г.»

Сыскной приказъ.

— «Полиція наша не въ силахъ исполнять то, что требуется отъ полиціи въ благоустроенномъ государствѣ. У насъ главное занятіе полиціи: чистота въ городѣ (и то наружная, а не внутри домовъ и дворовъ, которые вообще грязны до заразы!) и наблюденіе порядка при съѣздахъ. Исполнительная часть по управленію идетъ плохо и медленно. Полагая даже, чтобы частные и квартальные были умные и даже честные люди, невозможно отъ нихъ требовать, чтобы они занимались безопасностью гражданъ. У частныхъ и квартальныхъ нѣтъ на то времени и денегъ! Роскошь у насъ жестоко увеличилась, дворовые люди расплодился и шатаются безъ мѣсть по городу; нѣтъ всѣхъ концовъ Россіи стекается множество народу искать счастья и пропитанія въ столицахъ; мѣщанъ безъ ремесла бездна, и все это хочеть жить и наслаждаться! По характеру, русскій народъ не кровожаденъ; онъ убиваетъ тогда только, когда разъяренъ; но воровство не почитается большимъ преступленіемъ. Воруютъ здѣсь много, но всѣ почти воровства открываются у насъ случайно. У насъ нѣтъ неподобнаго французскаго заведенія *Police de Sûreté*, или, какъ было въ старину въ Россіи, Сыскаго приказа, а это первая потребность въ благоустроенномъ государствѣ! Сыскной приказъ долженъ заниматься однимъ только отыскиваніемъ воровъ, разбойниковъ, бродягъ, бѣглецовъ, мошенниковъ всякаго рода; долженъ быть въ вѣчной войнѣ съ ними; наблюдать за каждымъ подозрительнымъ человѣкомъ; знать чѣмъ онъ живетъ и гдѣ проживаетъ. Для этого надобны люди и деньги! Министръ Перовскій чувствовалъ потребность *Police de Sûreté*, но, по несчастью, попалъ на мошенника Синицына—плута въ родѣ Ваньки Каина, который былъ бы отличный сыщикъ подъ начальствомъ порядочнаго человѣка, но самъ не могъ быть начальникомъ, и уронилъ дѣло въ глазахъ правительства. Примѣръ, какъ у насъ обдѣлываются эти дѣла: мой крѣпостной человѣкъ ночью вломился въ чайный магазинъ, пойманъ и взятъ въ полицію. Онъ во всемъ сознался. Мнѣ не дали даже знать, что онъ взятъ подъ стражу, и полиція не явилась ко мнѣ, чтобы пересмотрѣть вещи арестанта и разспросить объ немъ! Между тѣмъ, въ теченіе цѣлой недѣли, приходили въ домъ подозрительные люди, навѣдываться, что случилось съ Гришкой (имя вора)? Парижская полиція переловила бы ихъ всѣхъ, и открыла бы цѣлую шайку воровъ! Когда я спросилъ у полицейскаго чиновника, зачѣмъ полиція этого не дѣлала, онъ отвѣчалъ: «Помилуйте, и безъ того много хлопотъ, а тутъ пошла бы переписка, да розыски—ну, чортъ съ ними». У книгопродавца Ольхина украли изъ спальни 33,000 рублей серебромъ. Улики явныя: служанка имѣла любовника, человѣка безъ всякаго ремесла, у котораго въ квартирѣ най-

дены богатяя вещи. У сестры служанки найдено на 15,000 вещей и она созналась, что эти вещи сестры; но служанка не сознается и все покрыто! У одного моего знакомаго (Ордынскаго) украли всѣ вещи, накопленныя 25-ти лѣтнею службою и бережливостію. Улики были явныя; но воръ уѣхалъ, и полицейскій чиновникъ сказалъ: «а на какой счетъ я пойду за воровъ?» Дѣло пропало! Будь у насъ Сыскной приказъ, было бы иначе. Сыскной приказъ только бы и дѣлалъ, что гонялся за ворами и отыскивалъ ихъ, имѣя на это все свое время и деньги. Кромѣ воровства, развратъ здѣсь усилился до высшей степени. Дѣвочки, отъ 9-ти до 11-ти лѣтъ, бѣгаютъ толпами и просятъ денегъ, предлагая себя. Ужасно! На толкучемъ рынкѣ днемъ, а ночью на главныхъ улицахъ, отъ нихъ нѣтъ отбоя! Полиція и не взглянетъ на это, чтобъ не навязывать себѣ дѣлъ, переписки и хлопотъ. Съ кого разыскивать? Полицейскій офицеръ скажетъ: «это не въ нашей части-съ!» Но въ начальники Сыскаго приказа надобно выбрать человѣка отличнаго и Сыскной приказъ освободить отъ начальства полиціи. Онъ долженъ быть въ вѣдѣніи военнаго генералъ-губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ, а только сносятся съ полиціею. Разумѣется, что, по нашей общей системѣ, Сыскной приказъ будетъ въ вѣчной войнѣ съ полиціею; но для гражданъ это будетъ лучше, какъ сказано въ баснѣ Дмитріева: «благодаря стеченію воровъ». Наши трактиры, харчевни, особенно загородныя, — сущіе притоны воровъ и мошенниковъ. Частныя и квартальные получаютъ свою плату за то, чтобъ не мѣшало торговать, и они никого не беспокоятъ. Сыскной приказъ поочистилъ бы эти гнѣздилища. Кокоскинъ прекрасный, благородный и честный человѣкъ, но онъ слабъ, какъ монастырка, и первою обязанностію почитаетъ защищать свой корпусъ офицеровъ, какъ онъ называетъ полицейскихъ, а тамъ хоть трава не расти! Правило: «какъ можно меньше шуму» не годится въ полиціи, какъ не годятся камергеры въ полицеймейстеры. Начальникомъ Сыскаго приказа долженъ быть такой звѣрь, какъ былъ у насъ Эртель; вотъ образецъ!

«А Сыскной приказъ, право, нуждѣе лишнихъ комитетовъ и департаментовъ! —

Тарифъ.

— «Тарифъ долженъ быть непремѣнно измѣненъ. Безъ этого никакъ не обойдется. Нынѣшній тарифъ заключаетъ въ себѣ такія нелѣпности и противорѣчія, что не могъ бы существовать, еслибъ даже и не было измѣненія въ общей системѣ европейской торговли. Но кому поручить составленіе плана новаго тарифа? Разумѣется, министру финансовъ. А кто тамъ будетъ его составлять? Разумѣется, какой-нибудь начальникъ отдѣленія. За 50, а много за 100 тысячъ рублей ассигнаціями, опять можно будетъ ввести

въ новый тарифъ тѣ же нелѣпости, какъ въ старомъ, напримѣръ, о соляхъ, химическихъ и аптекарскихъ матеріалахъ. Но при министерствѣ финансовъ есть коммерческой совѣтъ! Правда, но голосъ тамъ имѣють иностранцы, а русскіе купцы, засѣдающіе тамъ какъ напримѣръ, нынѣшній градской глава, старикъ Пономаревъ, такіе невѣжды, что англійская лошадь умнѣе ихъ! Недавно меня они разспрашивали, что значить Пиль и его система! Понятія ни объ чемъ не имѣють! Одинъ умный мужикъ тамъ: Харичковъ! Вотъ это голова! Для составленія плана новаго тарифа долженъ быть составленъ комитетъ изъ купцовъ всѣхъ русскихъ портовъ: Петербурга, Риги, Одессы, Архангельска и проч., и изъ фабрикантовъ, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, и при засѣдательствѣ, по крайней мѣрѣ, министра внутреннихъ дѣлъ и министра государственныхъ имуществъ, имѣющихъ непосредственные интересы въ торговлѣ. Къ комитету можно пригласить нѣсколько извѣстныхъ лицъ изъ разныхъ вѣдомствъ и нѣсколько химиковъ, технологовъ и механиковъ. Тогда будетъ создано дѣло прочное и хорошее. Правиломъ должно положить, чтобы изъ купцовъ и фабрикантовъ не было ни одного, кто не родился въ Россіи, и не имѣють недвижимой собственности. Англичане подкупять и самого черта!

«Знаемъ мы людей довольно,
Знаемъ вдоль и поперекъ.
Рассказать—такъ будетъ больно
Вдоль спины и поперекъ!

Аминь». —

Литература и цензура.

— «Никакія разсужденія и доказательства не могутъ исказить той великой истины, что безъ литературы нѣтъ славы ни для царей, ни для народа! Не распространяясь въ примѣрахъ, укажемъ на Елизавету Петровну и Екатерину II. Онѣ покровительствовали литературу, и она, изъ благодарности, закрыла все бывшее зло такимъ блескомъ, что зло видно только на ихъ приближенныхъ, а все благое вошло въ украшеніе идоловъ литературы. Народъ есть то же, что баснословный центавръ: поль-человѣка и поль-лошади, сирѣчь половина скота. Что замышляетъ голова, тому повинуется туловище. А есть-ли народъ въ мірѣ, въ которомъ бы образованная, или, по крайней мѣрѣ, грамотная часть народа (т. е. голова центавра) не желала пламенно имѣть свою собственную литературу? Конечно нѣтъ! Въ Россіи, чувствующей свое высокое назначеніе, это желаніе превратилось въ страсть; и презрѣніе, хо-

лодность и совершенное запущеніе литературы со стороны правительства не располагаетъ къ нему общаго мнѣнія. Въ Россіи литераторъ—настоящій парія! Для него нѣтъ мѣста на гражданственной гѣстницѣ! Чиновникамъ и военнымъ поставляется въ порокъ занятіе литературою, чего никогда и нигдѣ не бывало, а неслужащіе литераторы заброшены и ниже мѣщанъ. Всѣмъ извѣстно, что милости, оказанныя Карамзину, Жуковскому, Крылову и Пушкину, относятся къ ихъ положенію при дворѣ и связямъ съ такъ называемымъ придворнымъ дворянствомъ. На другихъ литераторовъ не упало ни одного луча вниманія и милости! И въ какое это дѣлается время! Когда въ цѣлой Европѣ, во Франціи, въ Пруссіи, въ Англіи и даже въ неподвижной Австріи, литература и литераторы въ чести и осыпаны знаками вниманія, когда идеи кружатъ съ воздухомъ въ мірѣ, и когда каждый сравниваетъ положеніе дѣлъ здѣсь и тамъ! Ужели презрѣніе къ литературѣ и къ литераторамъ или, пожалуй, холодность и невниманіе почитаются полезнымъ? Или ужели полагаютъ, что это дѣло такъ ничтожно, что имъ не стоитъ заниматься? Вспомнимъ о центаврѣ! Ужь, воля ваша, а если грамотное сословіе голова центавра, то литераторы самые чувствительные нервы въ мозгу! Ужели исторія также презрѣнная наука! Вѣдь это ящикъ съ опытностію. Загляните туда и увидите, сколько зла и добра произведено литературою, именно тамъ, гдѣ вовсе не бывало свободы книгопечатанія. Она всегда возьметъ свое. Можно разбить или скрыть компасъ, но нельзя уничтожить качества магнитной стрѣлки. Снимите флюгера, чтобъ не знать, въ какую сторону дуетъ вѣтеръ, а вѣтра не остановите! Общее мнѣніе вещь неистребимая, и оно prepares зло или добро въ будущемъ. Никакая сила не можетъ уничтожить его, а управлять имъ можетъ только одна литература. Этого-то у насъ знать не хотятъ, къ великому прискорбію людей, преданныхъ правительству!

«Когда на всѣ части администраціи обращается постепенное вниманіе, только на одно министерство просвѣщенія не хотятъ взглянуть съ настоящей точки зрѣнія.

«Извѣстно, что это министерство, полагая, что принадлежность его состоитъ единственно въ занятіи школами или учебными заведеніями, поставляетъ обязанностію притѣснять литературу. Уваровъ явно говоритъ, что цензура есть его полиція, а онъ полицеймейстеръ литературы! Лучше было бы, еслибъ цензура была медицинскій литературный факультетъ, а Уваровъ главнымъ докторомъ, и чтобъ они пеклись о здравіи и хорошемъ направленіи литературы! А въ какомъ состояніи наши училища? Правительство весьма мудро хочетъ распространить познаніе русскаго языка въ польскихъ и нѣмецкихъ провинціяхъ, а у насъ и въ Петербургѣ нѣтъ даже порядочныхъ учителей русскаго языка! Ка-

кихъ чиновниковъ даютъ русскіе университеты? Кандидаты и магистры не умѣютъ написать правильно письма! Гдѣ наши ученые, гдѣ химики, технологи, механики, гдѣ историки, лингвисты? Жалость, да и только! Оттого правительству такъ и тяжело двигать государственнымъ механизмомъ, что такъ мало способныхъ людей. А въ отчетахъ министерства просвѣщенія все сіяетъ, какъ солнце, хотя этимъ отчетамъ никто не вѣритъ, кромѣ правительства.

«Цензура дѣло важное, должно сказать — дѣло первой важности, а у насъ она устроена хуже самой дурной полиціи въ заштатномъ городѣ. Уставъ напечатанъ въ сводѣ законовъ, а онъ не исполняется ни въ одномъ пунктѣ. Не только министр, но каждый попечитель измѣняетъ каждую статью закона своими предписаніями! Есть-ли это хотя въ одномъ государствѣ въ мірѣ?— Нѣтъ, и не будетъ! Намъ скажутъ, что не только трудно, но почти невозможно опредѣлить всѣ случаи по произволу цензурнаго дѣла. Такъ говорятъ, но это несправедливо. Правила для всѣхъ цензурныхъ уставовъ въ мірѣ одни: что не вредно, то можно печатать. Вредное есть посягательство на вѣру, царя, мѣры правительства, нравственность и личность гражданина. Эти пункты легко опредѣлить, но вся важность въ исполненіи, а для исполненія должны быть выбраны люди, пользующіеся общимъ уваженіемъ, люди почтенные, уживчиваго нрава, деликатные, твердые, умные и притомъ свѣдущіе въ литературѣ и знающіе свѣтъ. Восемь человекъ можно для этого выбрать въ Петербургѣ и Москвѣ. Видѣ надобно же имѣть какія-нибудь права, чтобъ быть судіею въ литературѣ и пользоваться уваженіемъ литераторовъ? Такъ и было прежде. Туманскій, Тимковскій, Красовскій, были люди ученые, почтенные, заслуженные. Взгляните на нынѣшнихъ цензоровъ! Кто съ борка, кто съ сосенки! Замѣчательно, что во всемъ составѣ цензуры былъ одинъ только дворянинъ природный, покойный Корсаковъ, а тутъ-то именно и нужны природные дворяне, чтобъ опираться идеямъ коммунизма и революціонному духу! Цензоръ Крыловъ призванъ негоднымъ занимать мѣсто адъюнкта статистики въ университетѣ, куда дѣвать его? Въ цензоры! Этотъ человекъ почти идіотъ, тупъ, какъ бревно! Что онъ запрещаетъ и что позволяетъ, удивить и разсмѣшить мертваго! Стоитъ переговорить съ нимъ три слова, чтобъ увидѣть его неспособность. Другой, настоящій идіотъ—цензоръ Фрейгангъ. Невѣжество его выше всего, что можно себѣ представить, а сверхъ того, онъ слабъ въ русскомъ языкѣ, и мараетъ даже слова, которыхъ не понимаетъ. Недавно онъ вымаралъ слово: «исполать вамъ» думая, что исполать (т. е. здравствовать, быть въ чести) значитъ бранное и непристойное слово! На мѣсто Корсакова опредѣлили шведа Михельна, который едва знаетъ порусски! Куторга, профессоръ сло-

товрачеванія, сирѣчь коноваль—литературный цензоръ! Народъ этотъ не знаетъ ни свѣта, ни людей, ни литературы, ни даже грамоты, и держится правила, чтобъ запрещать все, что не понимается. Но это еще только меньшая половина бѣды! Привзвано за аксіому, что купецъ не можетъ быть таможеннымъ чиновникомъ, и по этому правилу надобно непременно положить, чтобъ для соблюденія безпристрастія, для пользы литературы и охраненія того, что правительство хочетъ охранить цензурою, цензоры не участвовали въ дѣятельной, ежедневной литературѣ. Пусть они пишутъ и издають книги, но они не должны издавать журналовъ или участвовать въ нихъ. Что же у насъ дѣлается? Цензоръ Очкинъ редакторъ «Библіотеки для чтенія» (Сеньковскій называется директоромъ журнала), а Фрейгангъ сотрудникъ его только для вида. Онъ же, Очкинъ, редакторъ академическихъ вѣдомостей, а Фрейгангъ его переводчикъ. Цензоры—Никитенко и Куторга сотрудники «Отечественныхъ Записокъ». Эти господа цензируютъ журналы, въ которыхъ участвуютъ и отъ которыхъ получаютъ жалованья!!! Можетъ ли тутъ быть безпристрастіе и справедливость? Да и другіе цензоры не будутъ-ли снисходительнѣе къ журналамъ, въ которыхъ участвуютъ ихъ товарищи? Это радикальное зло. И кому жаловаться на цензоровъ? Министръ и знать ничего не хочетъ; попечитель ничего не смѣетъ сдѣлать безъ министра, а главное правленіе цензуры почитаетъ непременно правиломъ утверждать всѣ представленія цензуры, одобренныя министромъ. Слѣдовательно, для писателя нѣтъ никакого спасенія! Цензоръ надъ нимъ самовластенъ! Еслибъ правительство вошло въ разбирательство цензурныхъ дѣлъ, то удивилось бы въ какую грязь брошены у насъ два высшія качества человѣка: разумъ и чувство!

«Слышно, что хотятъ переменить цензурный уставъ. Все, что дѣлаетъ правительство, дѣлаетъ для добра, но добра быть не можетъ ни при какомъ уставѣ, если не положить правиломъ избирать въ цензоры людей, которыхъ бы писатели должны были уважать, если не постановятъ, чтобъ министръ или попечитель не имѣли права измѣнять устава предписаніями, отъ своего лица, и если не укажутъ, гдѣ писатель можетъ искать вѣрной защиты. Теперь ссылка со стороны писателя на цензурный уставъ почитается чѣмъ-то въ родѣ бунта. Едва самъ вѣришь тому, что пишешь, а все суцая правда.

«Еще разъ повторяю: для чести и славы Россіи, для успокоенія общаго мнѣнія, для уничтоженія справедливыхъ, въ этомъ отношеніи, насмѣшекъ иностранцевъ и русскихъ,—надобно составить цензуру изъ людей достойныхъ, облагородить это званіе, какъ Канкринъ облагородилъ все, даже таможеню, и позволить писателямъ, какъ говорится, перевести духъ, и писать обо всемъ»

свободно что полезно для государства, разумѣется съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, и не касаясь того, о чемъ запрещено писать. Безъ людей—законъ пустой звонъ! Аминь».—

Приведенныя мѣста изъ переписки Булгарина, съ сопровождавшими ее приложеніями, бросаютъ яркій свѣтъ на писателя, который своими обличительными произведеніями пріобрѣлъ большую извѣстность въ современной ему литературѣ. При всестороннемъ изученіи Пушкина и его эпохи нельзя оставить безъ вниманія ни полемическихъ статей Булгарина, ни его сочиненій вообще, ни его писемъ и записокъ. Какъ литературная дѣятельность Булгарина, такъ и его переписка представляютъ много любопытныхъ чертъ для обрисовки тогдашняго состоянія и нашей литературы, и нашей общественной жизни.

М. И. Сухомлиновъ.

ВЪ НЕМШОНОЙ СТРАНѢ ¹⁾.

IV.

Передовые насельники.

ТРИ РОДА людей выдаются издавна впереди другихъ въ мудреной сибирской жизни и больше всѣхъ остальныхъ привлекають къ себѣ вниманіе. Оставляя въ сторонѣ прочихъ, мы осмотримъ пока этихъ трехъ главныхъ.

Всѣ трое шли, плыли и ѣхали сюда, въ хваленую страну, покинувъ ту старожитную землю, которая отдала имъ всю свою силу, сама понуждалась въ долговременномъ отдыхѣ и кормить наотрѣзъ отказалась. Смутили ихъ и повели сюда базарные слухи. Одни повѣрили тому, что бабы бьютъ здѣсь соболей коромыслами: «пойдешь за водой, а онъ тутъ въ ногахъ и вертится, и идти мѣшаетъ; она возьметъ, да коромысло, что подъ руками, и пристукнетъ». Другіе потянулись искать рѣки Дарья съ притоками, да такими же, чтобы и у нихъ вода была сытовая, а берега кисельные, а въ лѣсахъ росли бы молодовыя яблоки: «вотъ захирѣлъ—задряхлѣлъ, а съѣлъ такое-то яблочко, и сила прежняя въ тебя назадъ взошла, и самъ ты помолодѣлъ, и сталъ работать за молодого». Третьи подумали, что такъ какъ вообще за горами славны бубны, то пошли, вмѣстѣ съ прочими, лишь по силѣ привычки и обычаевъ ничего не искать, но на все посмотреть. «Вы

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XV, стр. 300.

посильнѣе ступайте впередъ, а мы какъ-нибудь промежь вами, потихоньку и полегоньку. Когда увидимъ, что вамъ хорошо, мы уже сами придумаемъ, что съ собой дѣлать».

Вышли всѣ на новую землю одной семьей—плотной общиной, точно и въ самомъ дѣлѣ какъ три родныхъ и кровныхъ брата. Вслѣдствіе того и сѣли на ней не только такъ, чтобы не мѣшались другъ другу, но, въ случаѣ нужды, помогать. Каждый ввзялъ себѣ свою часть и глядѣлъ въ одну точку, но въ оба глаза. Все шло благополучно: сосѣди были довольны другъ другомъ, жили въ полномъ согласіи; на обидчиковъ ходили стѣной, всѣ какъ одинъ человѣкъ. Земли они не дѣлили, работали сообща; въ кабалу не записывались, считали себя вольными. Случалось въ этой сторонѣ даже такъ, что тѣ, которымъ привелось было поступить въ крѣпость къ сильнымъ или богатымъ, и тѣ теперь поголовно всѣ вольные. Общественное согласіе такъ и пережило всѣ тѣ поколѣнія, которыя нарастали въ эти три сотни лѣтъ, и дожило до нашихъ дней.

Прежде тѣхъ, которые принесли коромысла и пришли бить соболей, попали въ такіе лѣса, что привелось въ нихъ заблудиться и не выбраться. Соболю въ самомъ дѣлѣ сталъ у нихъ проводникомъ, указывалъ, гдѣ дѣлать тропы и выводилъ на такія, гдѣ можно было остановиться, перевести духъ и отдохнуть. Послѣ отдыха и походовъ, какъ всегда и вездѣ, были отсталые, которые не хотѣли рисковать больше, сѣли на мѣсто, обживали его; вспоминали недавнее прошлое и принимались распахать землю. Выросли селенія, слободы и городки. Впрочемъ, среди этихъ лѣсныхъ скитальцевъ, больше было такихъ, которые пустились дальше, довѣрившись звѣрьку, очень злому по природѣ, но столь обворожительному, что изъ-за него некогда было осматриваться и не привелось опомниться. Онъ все велъ и заманивалъ и, наконецъ, увлекъ въ самыя дальнія трупобы и поставилъ здѣсь прямо подъ обухъ. Случилось это дѣло такимъ образомъ.

Раньше нашихъ пришельцевъ, за пушными звѣрями гонялся инопородецъ, поэтому привелось придти сюда на готовое и дешевое. Слабый и нехитрый человѣкъ былъ беззащитенъ. При всей своей скудости, если не цѣнилъ свое время, то понималъ трудъ и берегалъ добычу, припоминая перелазы въ трупобахъ и ночевки прямо въ сугробахъ. Приходилось по нѣскольку дней не принимать и той скверной пищи, къ какой приучились съ малолѣтства, и въ противномъ соболинѣмъ мясѣ въ крайнихъ случаяхъ находить лакомство. Соболиная шкурка такимъ образомъ получила цѣну, хотя и небольшую, судя по ничтожной тратѣ деревянной стрѣлы съ костянымъ наконечникомъ, но, тѣмъ не менѣе, не могла быть передана въ чужія руки даромъ. Слѣдовало ее вымѣнивать на что-нибудь подходящее ко вкусу и нуждамъ дикаря, а не случалось того подъ руками, надо было лукавить, выманивать, отни-

мать силой. Обиды и притѣсненія дикаря должны были переносить потому, что знали и видѣли, что новые пришлые люди ставили за собой и передъ собой крѣпкія затулы—деревянный острогъ: стрѣлами донять его было невозможно. Противъ лучнаго ихъ боя у пришлыхъ людей былъ страшный огненный: вырвется съ огнемъ и свистомъ, какъ изъ пасти злаго духа, каленое желѣзо, влетитъ въ толпу, найдетъ виноватыхъ, повалитъ ихъ на землю на смерть, и всѣхъ остальныхъ заставитъ разбѣжаться. Ходили прищельцы съ такимъ боемъ какъ на прогулку,—и все передъ ними сторонилось и пряталось. Куда ни придуть: «бери все, что ухватишь, только отпусти пожить хоть до новаго рыбнаго лова, до свѣжихъ осеннихъ соболей. Отпускали съ тѣмъ, чтобы этихъ новыхъ соболей приносили сами доброй волей и вѣрнымъ счетомъ изъ года въ годъ, пока и въ самомъ дѣлѣ живъ человекъ на землѣ. А чтобы прочно было то обѣщаніе и вѣренъ ясакъ, брали въ заложники лучшихъ людей, уводили съ собой въ остроги и сажали тамъ за крѣпкіе караулы. Сами шли въ другія мѣста и тамъ поступали точно также: «сказывали государеву жаловальное милостивое слово, кормили и поили довольно и давали подарки: сукна, олово, мѣхъ, смотря по службѣ и по радѣнью». А поѣлъ государевой хлѣба-соли, значить сталъ нашимъ, ясачнымъ человекомъ: кто обижать вздумаетъ,—заступятся. Больше же всего угождали крѣпкимъ напиткомъ, который полюбился слаще рыбы, потому что обогрѣвалъ скорѣе оленьяго мѣха и веселилъ мягкое сердце въ такую мѣру, что радъ былъ дикарь отдать все за этотъ веселый и здоровый напитокъ. Свинцомъ и порохомъ запугана была вся тайга и всѣ годовые уловы пушныхъ звѣрей на много лѣтъ впередъ заговорены и заручены были задатками, а на вино и табакъ всѣ эти цѣнныя шкурки были куплены. Тогда звѣриный мѣхъ превратился неожиданно-негаданно на всѣхъ сибирскихъ рынкахъ въ ходячую и размѣнную монету. Имъ можно было заплатить и государеву подать и засчитаться въ богатые люди, передъ которыми всѣ прочіе разступаются и скидаютъ шапки. Въ этихъ «служилыхъ людяхъ», которыхъ обязала Москва разыскивать новыя земли и сборомъ ясаковъ, такимъ образомъ народился новый человекъ—временный и случайный торговецъ. Съ тѣхъ поръ богатырской отваги убыло; старыя крепки, что плотили всѣхъ въ единое тѣло и духъ, ослабли, стали промышлять всякимъ дѣломъ въ разбродъ и одиночку. Начали утѣсненные и дышать вольнѣй, и собирать въ себѣ силы, и ощущать отвагу. Чтобы больше накопить и той и другой, присмотрѣвшись,—выучились сами ходить за одно, сбиваться въ кучи, дѣлать засады, нападать въ расплохъ и чинить короткія расправы. Удалось однимъ, и другіе всѣ твердо на себя понадѣялись и начали искать случаевъ къ возмездію за прошлыя обиды, ко мщенію за притѣсненія. Понеслись въ Москву жалобы.

«Городъ погнилъ и развалился, да и острогъ во многихъ мѣстахъ вывалился, а въ твоей великаго государя казнѣ порохъ отсырѣлъ и излежалъ, и безъ передѣлки въ стрѣльбѣ не годится. А ружья мало, безъ замковъ, съ жагры (припальники) и то все перержавѣло, и жагры портились и фитидю нѣтъ. А безъ городу и безъ острогу, и безъ прибавочнаго ружья отъ воинскихъ людей жить опасно».

Оплошавъ такимъ образомъ среди погонь за торговой корыстью, выпедшіе на соболей съ коромысломъ и добывавшіе ихъ огненнымъ боемъ и водкой, стали переживать тяжелыя времена. Тогда-то и развелась по Сибири та «обухова родня», которая подъ разными видами дожила до нашихъ дней, въ нисходящемъ потомствѣ, прямо отъ этихъ воинственныхъ и вооруженныхъ завоевателей.

Тѣ, которые потянулись въ новую страну искать молодыхъ яблоковъ, живой и мертвой воды,—нашли и то, и другое, и третье на вѣковыхъ непечатыхъ залежахъ чернозема. Эти, какъ ухватились за соху, такъ и не покидали ее. «А тѣхъ лишннихъ земель было много со всякими лѣсами и рыбной ловли угодій, и съ сѣнными покосами, и краснымъ и другимъ лѣсомъ, и со скотскимъ выпускомъ, и со всякимъ угодемъ». И нельзя достаточно надивиться, откуда на Руси нашлись такіе громадныя запасы свободныхъ и вольныхъ людей, изъ которыхъ въ одинъ годъ нарастало въ Сибири по нѣсколку слободъ за-разъ. Скоро для пропитанія служилыхъ людей, гонявшихся за ясакомъ и прозванныхъ, по старой привычѣ, казаками, не надо уже было возить хлѣбъ изъ Россіи: съ Вологды, Тотьмы и Вятки. Объявилась, вмѣстѣ съ тайговой промышленной Сибирью—и Сибирь земледѣльческая.

Наскоро устанавливалъ себѣ зимовье пахарь: землянку его едва отъ земли видно, съ трудомъ отличить ее отъ осыпавшейся лѣсной листвы. Сидитъ онъ въ ней смирно и выходитъ лишь оглядывать поле: тихій, ласковый и угодливый. Кто изъ тамошнихъ дикарей видитъ его такимъ, всякій про себя думаетъ въ его пользу: «живи себѣ въ волю, намъ не мѣшаешь. Земля, что пушишь ты и рѣжешь и зерномъ засѣваешь—намъ ни къ чему. А догадываемся такъ, что еслидастъ она тебѣ остатокъ, то и съ нами подѣлишься, помѣняешься». Между тѣмъ новый житель товарищей себѣ созвалъ; говорить, что одному и у каши не споро. «И въ томъ никакой бѣды не видно: и отъ этихъ зла не видать ни для бродячей, ни для кочевой жизни. Подрубаютъ себѣ лѣсъ, ковыряютъ землю, и еще ласковѣй и угодливѣй стали». Вотъ выстроили они себѣ жилия поверхъ земли, огородились потомъ тыномъ: «опять-таки ихъ это дѣло: всякій живетъ по своему вкусу». Однако стали пахари съ тѣхъ поръ посмѣлѣе: какаѣя ни приглянется земля—тѣ

и поднять, и позволенье на то перестали спрашивать. А когда сложили за тыномъ бревенчатыя стѣны, на углахъ поставили четыре глухія башни, пятую проѣзжую, да накатали черныя пушки со страшнымъ жерломъ: все измѣнилось. Ласковый жеребенокъ, который шагу не ступалъ безъ матери, превратился въ борзаго коня, у котораго изъ глазъ сыплются искры, изъ ноздрей валитъ пламя. Теперь къ нему не подступишься. Стало всѣмъ теперь ясно, что идетъ бѣда большая: будутъ эти богатыри отбирать за себя всѣ эти лѣса и степи (они имъ такъ послушно служатъ). По всему видно, что эта сила не шутить пришла, и не даромъ рубила бревна и рыла рвы по цѣлымъ днямъ и ночамъ, слѣшно и безъ усталости. Чудомъ какимъ-то выросла эта страшная крѣпость и, чтобы спасти себя самихъ, въ это самое опасное и горячее время, надо торопиться донимать пришельцевъ всякими способами, какіе найдутся готовыми и придумаются наново. Такимъ образомъ и пахари на чужихъ земляхъ и подъ крѣпостной защитой, очутились глазъ на глазъ съ опасностями. Подвернулись и они подъ обухъ, въ свое время и, по силѣ роковаго закона, какъ будто впередъ предначертаннаго для всѣхъ такихъ встрѣчъ сильнаго съ слабымъ, и равнаго съ равнымъ, глазъ на глазъ и при раздѣлѣ одной и той же добычи.

Приносятъ ясачные люди ясакъ и рассказываютъ до того слышныя недобрыя вѣсти. «Собираются наши люди толпами и ходятъ межъ ними шаманы, и говорятъ про вашихъ людей сердитыя рѣчи. Начали уже новыя стрѣлы рѣзать и свѣжія тетивы къ лукамъ прилаживать; бранятся и сердятся безъ удержу и собираются скоро идти войной и грозятся все разорить». Подтверждаются эти слухи и рассказами тѣхъ, которые выходили изъ острога за ясакомъ и ничего не принесли: старые ясачные на отрѣзъ отказались, новые встрѣтили угрозами и сулились убить.

А вотъ и самый бунтъ въ лицахъ: обступили дикари острожекъ со всѣхъ сторонъ и по всему было видно, что хотятъ стоять тутъ долго. Они очевидно смекнули, что слѣдуетъ отрѣзать всѣ пути и донимать казаковъ голодомъ. Въ острогъ они никого не пускаютъ: тѣхъ, которые посланы были промыслять «рыбьи кости моржоваго зуба», ваяли къ себѣ въ полонъ, а пищали, топоры и спицы желѣзные, чѣмъ моржа колотъ, отняли. Не по одно время со щитами и безъ щитовъ подступали къ острогу и «огнемъ сжечь хотѣли». Дошло до того, что осажденные варили рожь, изъ снѣгу съ кровель топили воду, всѣ оцѣнжали, начали помирать голодною смертію. Такъ было съ тѣми, которые поселились въ тайговыхъ лѣсахъ, да не лучше и съ честными и смиренными пахарями. Лихіе люди выбирали осеннее время, когда хлѣбъ лежалъ сложеннымъ въ скирды. Порывистымъ степнымъ вихремъ, въ ночное время, налетали они на хлѣбъ и весь пожигали. Жгли и самыя деревни,

когда всѣ мужчины были въ полѣ. Хватали въ попыхахъ плѣнныхъ, предпочитали женщинъ, чтобы не оставить ни сѣмени въ родѣ—ни корени въ прокѣ, чтобы изжить русскую породу вдосталь, чтобы пришельцы сами, доброю волей, снялись съ чужихъ мѣстъ и убирались откуда пришли. Изъ осажденныхъ остроговъ дѣлались отчаянныя вылазки, побивались на смерть попадавшіеся подъ руку, проливалась кровь и «по Божьей милости и государевымъ счастьемъ», обуревались толпы дикарей непонятнымъ и великимъ страхомъ и всѣ разбѣгались. Проходили съ тѣхъ поръ многіе годы, дикари войной не приходили, но по прежнему являлись только вино пить и ясакъ вносить. Не переставалъ, однако, висѣть обухъ надъ головами тѣхъ, которые, увлекаясь мирными временами и заглохнувшими недобрыми слухами, выходили изъ остроговъ и таскались по улусамъ одиночками, со своимъ товаромъ и возомъ и уже съ полнымъ смиренствомъ, какъ подобаеть осторожнымъ торговцамъ и опытнымъ кушцамъ.

Торговые люди оказались тотчасъ же послѣ того, какъ появились на новыхъ мѣстахъ лѣсные звѣрощики и полевые пахари, успѣвшіе въ сибирскихъ тайгахъ проставить ногу, и по рѣчнымъ побережьямъ найти опорныя точки для временныхъ стойбищъ и вѣковѣчнаго житія. Выдѣлились и эти третьи изъ рядовъ первыхъ выходцевъ: тѣ бойкіе и ловкіе, у которыхъ глазъ не привыкъ смотрѣть все въ одну сторону, а видитъ разомъ кругомъ и около все то, что другимъ не въ примѣту. Допытываютъ они и смекаютъ про себя далеко за тотъ часъ и время, когда всѣ прочіе успокоились на добытомъ. Большая часть изъ нихъ, со старымъ запасомъ опыта, затѣмъ и пришли сюда, чтобы ничего уже другаго не дѣлать, какъ высматривать, кому здѣсь что надо. Въ то же время они хорошо знали, когда и гдѣ можно достать это потребное: для себя—дешево и выгодно, для другихъ—въ пріятность и угоду. Это давало имъ ключъ и отпирало двери туда, гдѣ нечего было дѣлать пахарю и куда трудно было пролѣзть тяжело вооруженному служилому человѣку и казаку. Пока эти послѣдніе еще примѣривались какъ ступить ногой, торговый человѣкъ успѣлъ забѣжать впередъ, все осмотрѣть, вернуться назадъ и все рассказать, кое-чему научить и на крайній случай встать въ толмачахъ и проводникахъ. Пока служилые люди, по своему почину и по указаніямъ начальствъ, слѣдуя направленіямъ рѣкъ, стремились въ верховья, бессознательно разъединились съ передними и задними, дѣлали большіе и лишніе кроки, торговые люди въ то же время розыскивали прямые пути и броды, и проложили ближнія дороги. Когда власть ставила имъ здѣсь заставы, задерживала ихъ для сбора вѣсчихъ пошлинъ, вымогала барыши для себя, не щадила дорогаго для нихъ времени, они, отыскивая новыя обходныя дороги, находили ближайшія, облегчали

сношенія и взаимную помощь. Когда служилые искали только такихъ земель, которыя были богаты пушнымъ звѣремъ, тогда, несмотря на то, что туземцамъ ничего не нужно, торговые люди предпочитали такихъ обитателей, у которыхъ имѣлся и излишекъ лѣснаго промысла и желанье помѣняться, поторговать. Они даже съ полнымъ усердіемъ и не малымъ искусствомъ развѣртывали передъ ними всякіе соблазны, выводили ихъ изъ завѣтнаго круга до нельзя ограниченныхъ желаній, знакомили безразлично со всѣмъ полезнымъ и вреднымъ, предпочитая послѣднее во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предвидѣли наибольшую корысть и вѣрнѣйшую кабалу. А средства къ тому доставляли дикари на каждомъ шагу: даже хлѣбъ, съ которымъ приводилось знакомить ихъ впервые, погодился лишь на то, что дикарямъ стало жить хуже; куда хлѣбъ понадобился, туда потребовался и привозъ продукта, и наѣздъ торговцевъ. Чѣмъ успѣшнѣе становились торговые дѣла и крѣпче завязывался узелъ, тѣмъ скорѣе накапливались надъ купеческими головами грозныя тучи, и сами кушцы въ свою очередь, дѣлались «обуховой родней», попадая подъ настороженный въ засадѣ обухъ первыми, такъ какъ очутились теперь впереди всѣхъ и со всѣмъ на виду.

Особенно усилилась эта опасность, когда пустились всѣ наживаться, а для этой цѣли торговать. Страсть къ наживѣ и обогащенію перешла въ повальную болѣзнь, заразившую всѣхъ низшихъ и высшихъ: смиренныхъ архіереевъ и тихіе монастыри, кляузныхъ подъячихъ и смѣлыхъ казаковъ, и больше всѣхъ самихъ воеводъ, облеченныхъ чрезмѣрною и страшною властью. И кто не радѣлъ въ наживахъ, не умѣлъ притѣснятъ, — оказался въ виноватыхъ, подвергалъ себя жестокимъ казнямъ. Молодого юношу, сидѣвшаго прикащикомъ ярославскаго купца въ Мангазеѣ, хозяинъ, заподозрѣвъ въ недоборахъ и утайкѣ барышей, билъ изъ своихъ рукъ до смерти. Убитого бросили на дорогѣ и не хотѣли хоронить. Самъ воевода Савлукъ Пушкинъ принялъ участіе въ истязаніяхъ. Сторонніе люди видѣли, однако, неправду сильныхъ и чистоту и невинность пострадавшаго. Они признали мученика святымъ (первымъ въ Сибири) подъ именемъ Василія Мангазейскаго, похоронили его съ честію и поставили на могилѣ часовню. Своеволія и притѣсненія въ этомъ краѣ дошли до того, что озлобленные юраки сожгли этотъ острогъ до тла и заставили поставить его на другомъ мѣстѣ (гдѣ теперь Туруханскъ и куда перенесли и мощи Василія, построивъ ради ихъ монастырь).

Не было уже затѣмъ ни одного воеводы, который, «ради своей бездѣльной корысти», удерживался бы отъ соблазновъ легкой наживы, не собиралъ бы даромъ на себя пушныхъ звѣрей, не посылалъ бы за ними нарочныхъ посыльщиковъ, не разыскивалъ бы съ этихъ людей за недоборы и при этомъ не стѣснялся бы самими

жестокими наказаніями. Свободно разыгравшійся воеводскій произволъ, подогрѣтый жаждой корысти, ни чѣмъ не стѣснялся, ни дальними разстояніями, ни трудностями въ пути посылщиковъ. Илимскій воевода таскалъ за бороду, плевалъ въ глаза, топталъ ногами и сажалъ въ желѣзо того почтеннаго историческаго чело-вѣка, Ерофѣя Павловича Хабарова, который снабдилъ Сибирь первыми солеваренными заводами и приобрѣлъ, подъ высокую государеву руку, богатый и цвѣтущій Амуръ. Даровитый устюжанинъ, находчивый въ измышленіяхъ новыхъ и сильныхъ торговыхъ статей, только за то и пострадалъ, что стоялъ на дорогѣ неспособному, алчному, но имѣвшему власть, воеводѣ.

Вообще сибирскіе воеводы дѣйствовали на чистоту, «забывъ страхъ Вожей и крестное цѣлованье»: велятъ своимъ слугамъ брать по шести палокъ въ одну руку и бить обвиненныхъ по голымъ спинамъ, по брюху, по бокамъ и по стегнамъ; бьютъ и изъ своихъ рукъ тростью. При приемѣ ясачной казны начали напрямки поступать такъ, что, отобравъ себѣ прежде черныхъ соболей и одинцевъ, черныхъ лисицъ и пупчатые мѣха, остальное записывали за государемъ; а то были: недособоли и вешняки — «худые соболишки». Мало этого: начнетъ воевода изъ хлѣбныхъ казенныхъ запасовъ на себя вино курить и пиво варить, и хлѣбъ страшно поднимется въ цѣнѣ. Разольютъ воеводы вино въ ведра, скляницы, ковши и чарки и начнутъ продавать отъ себя. Другіе вздумаютъ собирать табуны степныхъ лошадей и ставятъ ихъ въ казну по высокой цѣнѣ. Открываютъ игорные дома и публичные вертепы разврата и сдаютъ ихъ, вопреки указамъ и совѣсти, на откупъ охочимъ «скарედнымъ» людямъ. Отъ такихъ промысловъ воеводы возвращались на Русь богачами. Въ Москвѣ засчитываютъ ихъ дѣла въ проступки и прописываютъ о томъ въ «наказахъ» новымъ воеводамъ, точно урокъ дають, чтобы тамъ, въ Сибирской землѣ, измышлять для своихъ кормовъ торговыя статьи не трудились: всѣ онѣ въ московскихъ грамотахъ ясно указаны. Оставалось поступать такъ, чтобы среди ясачныхъ плательщиковъ укрѣплялась и возростала кабала, а изъ пришлаго русскаго населенія вырождались, даже среди земледѣльцевъ, кулаки и мироѣды. Подъ охраной воеводъ этому злу объявился широкій просторъ; обнаружилась такая живучесть зла, что вотъ и триста лѣтъ прошло, а оно обрѣтается въ цвѣтущемъ здоровьѣ и полномъ благополучіи, съ наддачею новыхъ приемовъ.

Не отставали отъ воеводъ и ихъ довѣренныя нарядчики, сборщики пошлинъ, называвшіеся въ Сибири прикащиками. Особенно разыгралась ихъ корысть въ то время, когда они добрались до Камчатки, гдѣ къ соболямъ и лисицамъ прибавились еще бобры и котики. Тутъ уже пошла рѣзня не на шутку: перестали распознавать своихъ и начались междуусобные грабежи, разбои и смерт-

ныя убійства. Торговныя притѣсненія превзошли всякую мѣру: продавали два аршина холста за лисицу, выбойки одинъ аршинъ ставили въ ту же цѣну, за золотникъ табаку брали три лисицы, за фунтъ пороху — десять. Жалованье служилымъ людямъ выдавали табакомъ же, а деньги писали въ книгахъ облыжно. Дошло до того, что боялись провозить царскую казну для сдачи ея въ Якутскомъ острогѣ, и сами сидѣли въ острожныхъ стѣнахъ, какъ въ осадѣ. Иностранцы соединялись въ большія партіи и убивали казаковъ, изъ засадъ по дорогамъ, цѣлыми десятками. Воеводскія и прикащиковы притѣсненія, такимъ образомъ, подводили подъ обухъ тѣхъ людей, которые не могли быть отвѣтчиками и уже ни въ чемъ не были виноваты. Не навели страху на хищниковъ и вновь придуманныя суровыя наказанія, когда пятнали спины, рубили пальцы обѣихъ рукъ и отдавали крестьянамъ въ работники: «землю пахать и скоть пасты». Нерубленныя руки вновь присыльныхъ прикащиковъ снова начинали грабить безъ зазрѣнія совѣсти и оглядки. Дикари же продолжали, по прежнему, сами давать оружіе въ руки, уступая на пудъ черкаскаго табаку: 5 бобровъ, 10 лисицъ, 10 куницъ и 30 песцовъ, и т. п.

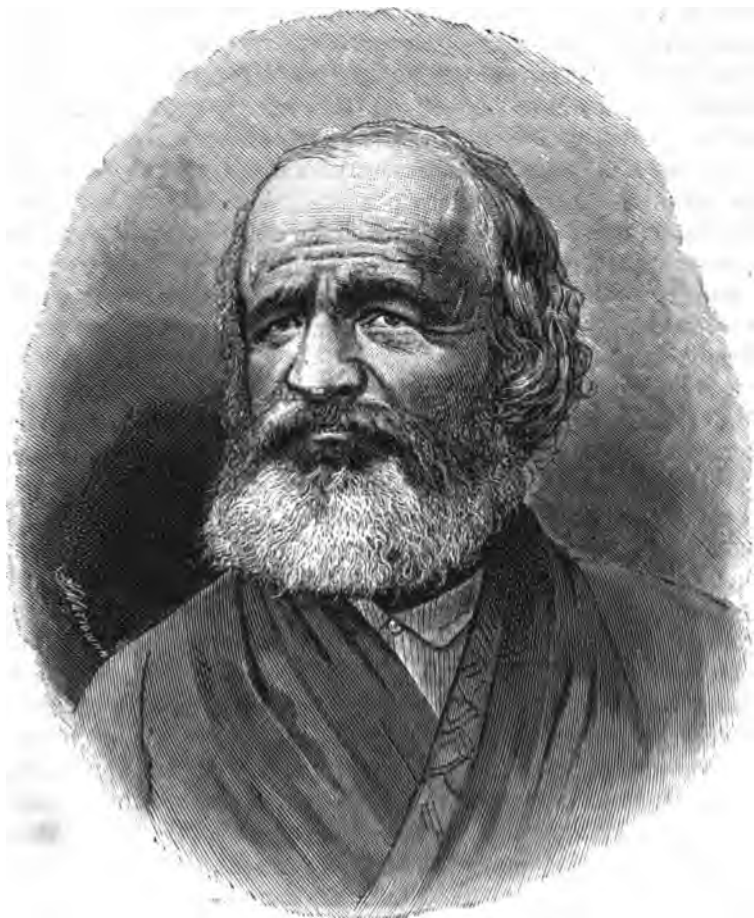
На этихъ кровавыхъ жертвахъ основалось, однако, завладѣніе землями, до тѣхъ поръ неприступными и цивилизованному міру неизвѣстными. Здѣсь торговныя сношенія послужили первыми поводами для сближеній. Торговцы люди, идя впереди, указывали пути тамъ, гдѣ впоследствии властямъ оставалось только поддерживать и пособлять, крѣпить завязавшіеся узлы (чего, впрочемъ, по разнымъ случайностямъ, для Сибири не дѣбалось, а происходило часто наоборотъ). Куда не рѣшалась проникнуть военная сила, туда пробирался купецъ. Когда ослаблялось правительственное вліяніе и отъ него исходили произвольныя или вынужденныя запрещенія — торговецъ продолжалъ работать съ возроставшимъ успѣхомъ. Стоитъ только припомнить дѣла на Амурѣ и на границахъ съ Китаемъ, чтобы видѣть, какія громадныя услуги оказала странѣ исключительно торговая предпріимчивость. Исторія сибирскаго торговаго одна изъ такихъ, передъ которою поблѣднѣютъ самыя занимательныя романы, и которой, въ то же время, принадлежитъ одна изъ крупныхъ страницъ въ исторіи русскаго народа.

V.

Обухова родня.

По собственному почину въ половинѣ XVII столѣтія торговые казаки Петровъ и Ялычевъ забрались въ самый Пекинъ, когда китайцы еще очень ревниво огораживали свои интересы и свою

страну отъ дѣлага свѣта высокой каменной стѣной. Это было впереди и на пути предприимчивыхъ и смѣлыхъ людей, а позади ихъ на громадныхъ сибирскихъ пустыняхъ, въ защиту имъ, кое-гдѣ чернѣли гнилыя бревешки остроговъ. За ними часто сидѣли въ осадѣ,

Сибирскій казакъ.
(Старожилъ Западной Сибири).

жили голодомъ и сами защитники, поджидавшіе поддержки и помощи. Однако, слѣдомъ за этими торговыми казаками, вернувшись въ живѣ и здоровыми съ товаромъ, отправленное посольство было все перерѣзано бурятами. Тѣмъ не менѣе, въ послѣдствіи выросла та Кяхта, слава которой распространилась по всей Европѣ.

Въ другомъ мѣстѣ случилось такъ. Когда служилые и промышленные люди перессорились и перерѣзались въ Камчаткѣ, а съ Коряками однимъ огненнымъ боемъ стало трудно управляться: «огненный бой они вызвали», торговцы пустились дальше, какъ та снѣжная глыба, которая оторвалась отъ верхушки и сползла на горную покатость. Камчатскіе торговцы переплыли на Курильскіе острова. Тамошніе «мужики» дали имъ «бой крѣпкой» и оказались къ ратному бою досужими, «изъ всѣхъ иноземцевъ бойчивѣе». Однако курильскихъ мужиковъ русскіе мужики побили и три корбаса морскихъ у нихъ отбили, да сверхъ того прознали еще про другой народъ «езовитянь» (японцевъ). И этихъ удалось имъ встрѣтить, вступить въ переговоры и получить извѣстіе, что ясака они никому не платятъ, а бобровъ своихъ продаютъ иноземцамъ, «которыхъ-де землю видите вы съ нашего острова въ полуденной сторонѣ, и привозятъ они къ намъ желѣзо и иные товары, кропивные, тканые, пестрые». Хотя съ японцами до настоящаго времени торговли устроить не успѣли, однако по горячимъ слѣдамъ бросившіеся сюда торговые люди приготовили путь къ пріобрѣтенію владѣній на американскомъ берегу.

Увлекаясь примѣромъ другихъ купцовъ, промышленавшихъ въ Тихомъ океанѣ морскихъ бобровъ, рыльскій купецъ Шелеховъ добрался до американскихъ острововъ и вдохновился новыми открытіями. Среди сибирскихъ торговцевъ онъ отыскалъ способнаго челоуѣка (изъ каргопольскихъ выходцевъ) Баранова и поручилъ ему укрѣпиться на самомъ американскомъ берегу. Барановъ исполнилъ порученіе такъ успѣшно, что, въ 28 лѣтъ управленія дѣлами торговой компаніи, съ американскаго берега и острововъ переслалъ въ Россію мѣховыхъ товаровъ свыше чѣмъ на 20 милліоновъ рублей. Мало того, онъ въ то же время успѣлъ войти въ торговля сношенія съ Кантономъ, Маниллой, Бостономъ, Нью-Йоркомъ и съ Сандвичевыми островами. Здѣсь разыгралась, наконецъ, торговая предприимчивость до того, что купецъ Ласточкинъ пришлылъ на эти острова, которые представляютъ теперь для Англіи морскую станцію высокой цѣны и громаднаго значенія. Съ завѣтными сибирскими видами и опредѣленными цѣлями, сибирскій купецъ отыскалъ здѣсь тамошняго короля, одарилъ его сукномъ, оловомъ и лаской; сказывалъ ему, по сибирскимъ обычаямъ и по указамъ, милостивое государево слово и, долго не думая, взялъ съ него клятву на русское подданство. Когда довели объ этомъ до свѣдѣнія Петербурга,—клятвенную запись велѣно возвратитъ королю, а Ласточкину дать строгое внушеніе, чтобы, «глядя на то, другимъ не было повадно такъ поступать».

Около двухсотъ лѣтъ рѣка Амуръ находилась подъ строгимъ запретомъ. Какъ ночныя тати пробирались въ ея верховья любопытные ученые изслѣдователи. Съ рѣдкою точностію и добро-

совѣстностію съ обѣихъ сторонъ исполнялись тѣ условія трактата, по которымъ возвращались подъ карауломъ всѣ, дерзнувшіе переступить границу. Тѣмъ не менѣе съ такою же изумительною и рѣдкою настоячивостію наши торговцы продолжали слодиться съ заграничными въ условное время, по зависимости отъ ежемѣсячныхъ фазисовъ луны, подъ осыпавшимися земляными валами того самага роковаго Албазина, паденіемъ котораго вызвана была потеря страны и строгое запрещеніе ея посѣщеній. Когда амурская страна, въ наши времена, возвращена была въ четвертый разъ,—по слѣдамъ измиравшихъ отъ голодной смерти, возвращавшихся въ Забайкалье батальоновъ,—прошли въ числѣ первыхъ, наталкиваясь на ужасныя слѣды несчастнаго похода, тѣ же торговые люди, которые въ подобныхъ случаяхъ созидаютъ болѣе надежныя и крупныя основы. Конечно, эти изслѣдователи мѣстныхъ нуждъ, въ видахъ устройства торговыхъ сношеній, очутились и здѣсь подъ тяжелымъ обухомъ голодной смерти, позывавшей молодущныхъ на необычайныя поступки по примѣру полинезійскихъ папуасовъ. Не совершилось тяжкаго несмываемаго съ совѣсти грѣха лишь по вліянію высоко-правственнаго, проникнутаго глубокимъ и искреннимъ религіознымъ убѣжденіемъ начальника торговой экспедиціи, вернушагося однако на родину (въ Нерчинскъ) безъ ногъ, съ надломленнымъ здоровьемъ, съ разстроенными до неизлѣчимости нервами (покойнаго И. А. Юренскаго).

Если наведемъ справки въ ближайшихъ, такъ-сказать, вчерашнихъ событіяхъ, то встрѣтимся съ новыми подтвержденіями тѣхъ же фактовъ. Останавливаемся на одномъ изъ нихъ, лишь въ томъ расчетѣ, что о немъ, сколько помнится, не было заявлено въ печати. Вопросъ о томъ же запретномъ и таинственномъ Китаѣ, который любитъ торговлю до богопочитанія и умѣетъ вести торговля дѣла съ изумительнымъ искусствомъ и расчетомъ въ страхъ и поученіе даже такимъ мастерамъ коммерческаго дѣла, какъ англичане.

Вся южная сибирская граница съ Китаемъ на всемъ ея громадномъ протяженіи для торговли была издавна крѣпко замкнута, за исключеніемъ четырехъ лазеекъ, изъ которыхъ двѣ предназначены для Восточной и двѣ для Западной Сибири. Последняя пробавлялась Кульджей и Чугучакомъ, и изъ-за первой факторіи едва лишь въ самое послѣднее время приведены къ концу надолго затанувшіеся переговоры. Казалось ничѣмъ нельзя было одолѣть установленныя препоны, но жива душа въ людяхъ и великъ соблазнъ и сладокъ вкусъ въ запрещенномъ плодѣ. Китайскіе города Улясутай и Хобдо не давали сна и покоя сибирскимъ купцамъ, конечно, тѣхъ городовъ, которые лежатъ ближе всѣхъ къ этой границѣ. Семипалатинскіе и бійскіе въ особенности ощущали то нервное безпокойство, которое зоветъ на рискъ и подвигъ.

Не прибѣгая къ посторонней помощи и не нуждаясь, по простотѣ и непосредственности убѣжденій, въ совѣтахъ и разрѣшеніяхъ, купцы сами принялись лѣчиться отъ нестерпимой болѣзни съ вѣчнымъ хроническимъ характеромъ.

Бійскіе купцы уже очень давно поторговывали по мелочамъ на мѣну, не переступая указаннаго рубежа пограничной рѣки Чуи, съ ближними жителями калмыками и сойотами, которые, называясь двоеданными, двуличили въ платежѣ податей и подчиненіи обѣимъ сосѣднимъ имперіямъ. Вдругъ, въ 50-хъ годахъ, на одномъ изъ пикетовъ китайское правительство для чего-то учредило праздникъ «Чурия», на который въ іюлѣ мѣсяцѣ стали съѣзжаться во множествѣ китайцы и монголы. Сразу изладились сношенія и, конечно, заиграла торговля, которая и начала въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изрядно развиваться, пока опять-таки вдругъ, и съ чего-то (какъ всегда у китайцевъ) праздникъ уничтожили. Торговья дѣла оборвались на самомъ живомъ и интересномъ мѣстѣ: нечего больше дѣлать, какъ забираться внутрь Китая, повидать ихъ городовъ и старыхъ пріятелей. Въ срединѣ августа 1870 года на нанятыхъ верблюдахъ, съ товарными тюками въ 8—12 пудовъ, цѣлымъ караваномъ потянулись купцы по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ русской ноги еще не бывало и ходить было трудно. По дорогѣ острые камни, по бокамъ, мѣстами, какъ стѣна, невысокіе каменные утесы. Воды нѣтъ: надо пользоваться дождевой, скоплавшейся въ щеляхъ у подошвы утесовъ, и черпать оттуда ковшечкомъ. Либо воды вдругъ такое обиліе, что растилаются цѣлыя озера, а на самой дорогѣ лежатъ иловатые зыбуны, гдѣ верблюды проваливаются и тонуть, гдѣ надо нанимать нарочныхъ въ провожатые на этотъ неизбѣжный несчастный случай, гдѣ требуется возить воду въ запасахъ съ собой, и гдѣ стоить лишь порыться въ пескѣ всего на поларшина и можно самому напиться, и скотъ напоить. Дорога же идетъ дальше все такая же трудная, словно заказная: все по острымъ камнямъ, въ совершенно безлѣсной странѣ, между голыми скалами, среди дикихъ и пустынныхъ видовъ, которые, впрочемъ, кое-гдѣ разнообразятся стойбищами монголовъ по берегамъ озеръ и рѣкъ. Здѣсь всегда, въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ, стелются травянистыя пастбища и отгуливается рогатый скотъ въ такомъ великомъ множествѣ, что разгораются глаза смекающаго дѣла торговаго человѣка. Когда на одномъ озерѣ, среди множества юртъ, думали расположиться наши путники на полудневку, они набрали на большую шайку китайскихъ разбойниковъ, числомъ въ 80 человѣкъ. На эту случайность купцы наши не рассчитывали, но хорошо знали, что въ степи у монголовъ неспокойно. Бродили партіи озлобленныхъ и голодныхъ; временами увеличивались объемомъ и числомъ. Разбой обратили они въ промыселъ и уже много городовъ разорили, расколотивъ ихъ глиняныя стѣны и башни, какъ горшки. Разбойники

пересѣкли всѣ дороги, ведущія изъ Китая въ Монголію и остано-
вили тѣ огромные караваны, которые ходили прежде. Пробивались
лишь кое-какіе маленькіе, на авось и большой рискъ, когда дун-
ганскія шайки зазѣваютъ. На разбойниковъ наши купцы не раз-
считывали натолкнуться, но смекнули, что товарныя кладовыя въ

Сибирскія казачки.

(Женщина и дѣвушка).

г. Улясутаѣ стоятъ пустыи и теперь самое время забратъся туда.
Однако эти встрѣчные придорожные разбойники, при видѣ чужихъ
и вооруженныхъ людей, нападеніемъ не дерзнули. Наши благопо-
лучно прибыли въ городъ и всѣхъ несказанно утѣшили и обрадо-
вали. Смѣлость и на этотъ разъ вяла цѣлый и большой городъ,
хотя крайне невзрачный. Весь онъ построенъ изъ частокочла и, какъ

быть надо, утонкованъ глиной, но не бѣленъ, не высокъ, покрытъ плоскими крышами, грязью по узкимъ улицамъ, но за то украшенъ богатыми кумирнями. Раздѣленъ онъ на двѣ части: военную крѣпость съ генераль-губернаторомъ и торговую часть (версты на 1¹/₂, отъ первой) съ торгующимъ и обездоленнымъ людомъ. Наши сразу успѣли осмотрѣть, что торгуютъ больше пустяками: трубочками, кисетиками, табакерочками, огнивцами, — точно ничего больше не дѣлаютъ, какъ только курятъ. И такихъ лавочекъ въ городѣ до 250, а всѣхъ жителей свыше 3-хъ тысячъ. За то торговля нашихъ началась со второго дня. Партиями ходили туземцы, кушцы и чиновники, изъ склада къ складу и купили по бездѣлицѣ. Но когда потянулись за ними монголы, товары стали подбираться. Покупаютъ монголы товары и при этомъ, какъ простодушныя и откровенныя милыя дѣти, не опускаютъ случая попечалиться свѣжимъ, добрымъ людемъ и пожаловаться на притѣсненія китайскихъ властей. Эти власти сами торговцы: дзянь-дзюни, какъ и нашъ пріятель амбань, — кушцы первой руки съ разрѣшенія высшаго пекинскаго правительства и въ совершенное сходство съ нашими старозавѣтными воеводами, которые также съ открытымъ лицомъ и спокойнымъ сердцемъ пріѣзжали въ назначенную область покориться. Понятно, почему здѣшнія власти увѣряли въ ненадобности тѣхъ самыхъ русскихъ матерій, изъ которыхъ было спито все платье туземцевъ и ихъ собственное, и почему, отказавшись отъ новыхъ покупокъ, стали на каждомъ шагѣ дѣлать затрудненія и препятствія. Такъ они выдали секретное распоряженіе останавливать тѣхъ монголовъ, которые очень понуждались въ привозномъ товарѣ и приставили сторожей для того, чтобъ они отгоняли покупателей въ шею. Одинъ пробрался было вечернимъ временемъ и украдкой, но выйти не смѣлъ до утра, оставшись у нашихъ купцовъ ночевать.

Недолго пробыли бійскіе торговцы въ монгольскомъ городѣ, но успѣли уже вызнать ихъ нужды и всякій подходящий на нихъ товаръ. Составили очень подробный и любопытный реестръ.

Передо мною лежитъ такая записка одного изъ бывшихъ въ это время въ Улясутаѣ прикащиковъ, что нельзя не подивиться и здравому, осмысленному взгляду не только на торговое дѣло, но и на бытовыя условія страны, и быстрой сметкѣ, сразу опредѣлившей нужды населенія, а по зависимости отъ нихъ, до мельчайшихъ подробностей всѣ тѣ предметы, на которыхъ можетъ основываться серьезный торгъ, конечно, не оптовой, въ виду коварной, подозрительной и трусливой китайской политики. Нельзя не изумляться также и той быстротѣ, съ которою произведены такіа дѣловыя и подробныя наблюденія и при томъ условіи, когда китайскія власти все это старательно прикрывали или прятали, и нашимъ приходилось хватать и вязать преступленныхъ къ лавкамъ

дворщиковъ и фискаловъ. Всѣ наблюденія сдѣланы съ убѣдительными доказательствами ихъ правды и точности еще и при тѣхъ дурныхъ условіяхъ, когда въ округѣ отъ города торговать нашимъ уже положительно было запрещено. Стало извѣстно по этой запискѣ все, что надо привозить и что можно вывезти, чтобы и впрямь

Сибирскій казакъ.
(Старожила Западной Сибири).

установились тѣ тѣсныя и дружелюбныя отношенія, на которыя оказывается такою опытною мастерицею—мирная и тихая мѣновая торговля. И вотъ передъ нами одинъ изъ тѣхъ, совершенно случайно объявившійся, въ которомъ несомнѣнно призваніе къ торговому дѣлу и подобнымъ которому, конечно, среди умудренныхъ опытомъ въ пограничныхъ сношеніяхъ, въ Сибири очень много.

Что въ самомъ дѣлѣ ожидаетъ этихъ людей и что изъ нихъ выйдетъ въ то время, когда прispѣетъ часъ, и какъ у нашего юнкера Бѣлыхъ и подъ офицерскою шинелью зашевелятся тѣ нервы, и обнаружатся, какъ въ хорошей благородной породѣ, тѣ инстинкты, которые почитаются врожденными и тотчасъ по рожденіи осчастливлены готовымъ широкимъ полемъ для дѣла. Дальнѣйшія наблюденія приводятъ къ печальнымъ выводамъ.

Первоначальная школа сибирскихъ прикащиковъ очень плохая. Склады и буквы мудреной торговой азбуки на этотъ разъ выучены и затвержены въ захудалыхъ и обѣдѣвшихъ до крупныхъ прорѣхъ и отчаянія сѣверныхъ лѣсныхъ городкахъ. Отсюда въ подобіе птичьимъ станицамъ на небѣ во время церелета потянулись въ новую страну искать счастья первые торговые люди: все воложжане съ крушой наддачей и прибавкомъ архангельскихъ, пермскихъ, ярославскихъ и прочихъ, преимущественно обыкшихъ къ торговлѣ городовъ и слободъ русскаго сѣвера: Устюга, Тотмы, Соль-Вычегодска, Галича, Каргополя, Ярославля, Ростова, Вязниковъ, имена которыхъ отличены ясно во всѣхъ старинныхъ грамотахъ и древнихъ лѣтописяхъ. Этотъ законъ, въ новыхъ поколѣніяхъ, не измѣненъ и въ новѣйшее время. Въ лѣсные города обращалось и московское правительство, когда надобился ему вызовъ искусныхъ людей для страны, вообще нуждавшейся въ людяхъ.

Здѣсь новая школа сразу раскидывала передъ новиками для соблазновъ широкое поле, прямо обозначались два стана и расположились другъ противъ друга два войска, вооруженныя совершенно разнородными оружіями.

Одна стѣнка, дерзко выступавшая въ бой, тѣсно сплочена изъ хорошо обученныхъ въ ловкости и изворотливости, которые сверхъ того подогрѣвались надеждами на лучшее, послѣ испытанныхъ страданій въ ежовыхъ рукахъ голодной городской нужды. Противъ нихъ оказались разьединенныя кучки изъ такихъ слабыхъ силъ, которыя готовы сдаться при первомъ натискѣ, и это сейчасъ же не медлило обнаружиться. Простота и слабость до такой степени, были велики и очевидны, что требовалась чрезмѣрная сила воли, чтобы не воспользоваться побѣдой въ корень, безъ всякой мѣры и безъ оглядки: что за нужда, если сразу приходится обезсилить человѣка такъ, что онъ уже и для самыхъ побѣдителей сдѣлается навсегда бесполезнымъ? Безпредѣльная и неудержимая страсть въ наживѣ, при такой податливости и облегченіяхъ, могла лишь возрасти свѣше мѣры. Свѣше мѣры была и простота, по своей охотѣ и доброй волѣ, послѣшно отдававшаяся въ руки. Любая хозяйка на Руси не отказывается нагружать нужную въ домашнемъ быту деревянную чашку хлѣбнымъ зерномъ до самаго верху, чтобы по-

вую крашеную чашку оставить себѣ, а хлѣбъ пересыпать въ сборной мѣшокъ проѣзжаго торговца. Любой остякъ и вогуль (по весьма распространеннымъ въ Сибири преданіямъ) не задумывался въ чугунный котелокъ, въ которомъ онъ разъ по пяти на день что-то варилъ, накладывать столько собольихъ шкурокъ, чтобы красивые хвостики ихъ сравнялись съ краями. Соболей пусть беретъ торговецъ себѣ, а ему—сдѣлалъ бы милость,—оставилъ чугунку.

Старовѣры сибирскіе (Тобольск. губ.).

(Дѣла, смѣхъ и злукъ).

Гдѣ же взять столько силы воли, остановиться и не плыть по теченію такой сильной и быстрой рѣки? Въ соблазнахъ этой первобытной простоты сошлись рядомъ и разомъ: и нравственная порча, и первые уроки къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ сибирской торговой наукѣ. Они, конечно, шли быстро впередъ и намъ по Сибири всюду навязывали чрезвычайно характерный анекдотъ, за недавнее событіе, относя его ко многимъ тамошнимъ городамъ, но

больше останавливая его на Иркутскѣ. Впрочемъ, иркутяне за это недавнее былое событіе уже успѣли прозвать «осьмушниками».

Всякому покупателю, приходившему взять осьмушку и полфунта чаю, незамѣтно подкладывался, и непремѣнно во всякой лавкѣ, мѣдный пятакъ. При евангельской чистотѣ души, честные люди, видѣвшіе при возвращеніи домой, лишній прибавокъ, не считали его своимъ, такъ какъ не покупали его и, полагая въ этомъ ошибку купца, приходили назадъ и возвращали пятакъ, конечно, не повѣряя вѣса купленного чая. Преданіе прибавляетъ къ этому, что классическій мѣдный кружокъ чекана 30-хъ и 40-хъ годовъ, переходя изъ рукъ въ руки, натаскивалъ большіе барыши, а первому находчивому человѣку полагалъ основаніе для будущаго крупнаго капитала.

Не хороши обѣ школы торговаго человѣка, но еще безотраднѣе результаты примѣненія полученныхъ знаній на практикѣ, когда сибирскимъ торговцамъ надо разбираться въ московской фабричной стряпнѣ.

Москва изумительно угадала азіатскіе вкусы и отлично «потрафила» тѣмъ, что изловчилась дѣлать и даже дешевле продавать тѣ самыя издѣлія, которыя изобрѣтены въ Азіи: бязь—персидскій бумажный холстъ, китайскія: лощоную китайку, цвѣтную нанку и синюю, замѣчательную своей дешевизной, дабу, сдѣлавшуюся, подобно старинному соболю и нынѣшнему кирпичному чаю, размѣнной монетной единицей. Безъ московскихъ желѣзныхъ сундуковъ съ перегородками и музыкальными замками не обходится ни киргизская переносная кибитка, ни ханскій дворецъ (гдѣ сундуки, покрытые тюменскими коврами, замѣняютъ диваны, а сами по себѣ служатъ кабинетными и будуарными столами, сохраняя дѣловыя бумаги и драгоценныя вещи или деньги). Шкатулки устюжской работы и разрисованные подносы не имѣютъ на азіатскихъ рынкахъ соперниковъ вмѣстѣ съ грубымъ и толстымъ русскимъ сукномъ, золотыми и мишурными позументами, юфтовыми кожами чернаго и краснаго цвѣта, гаруснымъ ластикомъ и бѣлымъ миткалемъ. Москва умѣетъ мастерить такія зеркальца, которыхъ не возьметъ самая глупая крестьянская дѣвушка (не желающая видѣть обезображеннымъ свое изображеніе), и клеитъ такія бумажныя коробки и маленькіе деревянные ящики съ зеркальцами, которые требуются лишь афганами, привыкшими носить въ нихъ табакъ. Словомъ, Москвою все предусмотрено и приготовлено, и она, хорошо разумѣя свое высокое руководящее значеніе въ Азіи, умѣетъ ловко продать торопливо сфабрикованный товаръ сибирскимъ торговцамъ «съ наваломъ» или тѣмъ излишкомъ, который вовсе не требуется и зачастую остается на рукахъ у сибирскихъ купцовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, надобится величайшее искусство раздѣливаться съ московскими одолженіями. Москва устроила свои дѣла

въ Сибири такъ, что вся страна работаетъ на нее и для этой цѣли услуживаетъ ей или, лучше сказать, кабалитъ себя три раза въ годъ: у себя дома передъ открытіемъ навигаціи, на Нижегородской ярмаркѣ собираетъ товаръ для перваго зимняго пути въ интересахъ Восточной Сибири, и на Ирбитской и Крестовской ярмаркахъ для послѣдняго пути. Особенно старается во всѣхъ этихъ случаяхъ наваливать красный товаръ, въ глубокомъ и справедливомъ убѣжденіи, что, сколько ни накладывай, мануфактура вся разойдется въ Сибири безъ остатка. Кредитъ въ этихъ видахъ дается самый широкій и свободный; иного способа сибиряки не понимаютъ и охотно принимаютъ накладку до 25%, не считая провона. Сверхъ всего фабриканты наваливаютъ еще за рискъ и, если временами подвергаются несчастіямъ и неудачамъ, то объ этомъ не тужать, т. е. собственно не подвергаясь никакому риску, остаются во всякомъ случаѣ съ хорошимъ барышомъ, потому что умѣютъ удерживать на товарѣ высокія цѣны.

Все непредвидѣнное предусмтрѣно и обезпечено платежами, поступающими отъ тѣхъ сибирскихъ купцовъ, которые намѣрены и впредь торговать и еще не вынуждены и не думаютъ идти на сдѣлку. Замѣчательно между прочимъ, что въ одномъ городѣ Иркутскѣ состоитъ одного вексельнаго долга до 10 милл., что, по разверсткѣ на всѣхъ городскихъ жителей, дѣлаетъ курьезную цифру 250 рублей на каждаго и показываетъ, до какой степени сильна московская кабала и экономическое рабство. Не даромъ же издавна сложилось про иркутянъ насмѣшливое присловье, что у нихъ «одна рука короче», т. е. не любя платить долговъ, они всегда находятся въ наибольшихъ платежныхъ затрудненіяхъ.

Сибирскому потребителю, поставленному въ безысходное положеніе, при полномъ отсутствіи собственныхъ произаводствъ, за немѣнѣемъ фабрикъ, приходится становиться совершенно въ тѣ же условія, въ какихъ находится и все инородческое населеніе: платить все, что потребуютъ, съ нарастаніемъ процентовъ, по мѣрѣ удаленія мѣстностей на востокъ. На крайней границѣ Россійскаго государства, въ Владивостокѣ, напримѣръ, доигрывается торговый барышъ на товаръ до 400%, въ совершенное подобіе тому чугунному котелку, который сибирскимъ инородцамъ надо до краевъ наполнить соболиными шкурками, чтобы получить его въ собственность. Все искусство оптовыхъ торговцевъ заключается, при этомъ случаѣ, въ томъ, чтобы подобрать искусныхъ исполнителей или прикащикювъ, у которыхъ бы не дрожала рука обмануть и начестъ, обсчитать и обвѣсить. Работать же этимъ приходится по двумъ основнымъ способамъ, которые выражаются хорошо извѣстными правилами: затянуть въ долгъ, снабжая товаромъ съ тѣмъ большею охотою, чѣмъ труднѣе положеніе бѣдняковъ. Затѣмъ, при

разсчетъ въ благопріятное и надежное время, удешевить платежный продукт должника до крайней возможности: будетъ ли то сырье, въ видѣ кожъ или шерсти, или кедровые орѣхи въ мѣстностяхъ хвойныхъ лѣсовъ, или медь въ лиственныхъ лѣсахъ роскошнаго Алтайскаго края. Прикащики, дѣйствуя офенскимъ бродячимъ способомъ въ закабаленныхъ мѣстностяхъ, берутъ въ уплату все, что подойдетъ на руку, лишь бы только свезла лошадь. Получая ничтожное жалованье или не получая его вовсе, сибирскіе молодцы, развозя по-истинѣ скверный, никуда негодный товаръ, и притомъ полученный и сбываемый въ долгъ, должны изловчаться такъ, чтобы самимъ въ ближайшее время сдѣлаться хозяевами и въ то же время не потерять въ нихъ своихъ покровителей, по крайней мѣрѣ на первые боевые годы.

Въ Сибири нельзя надивиться тому могуществу власти и силы, какими пользуются, среди населенія обширныхъ околотковъ, умѣющіе, по указанному нашимъ знакомымъ юнкеромъ Вѣлыхъ образцу, молотить рожь, не уронивъ зерна, на томъ самомъ обухѣ, изъ-подъ котораго еще долго не вывернуться и сибирскому купцу, и мѣстному потребителю.

Никто въ Сибири, съ другой стороны, не удивляется тому, что мелкимъ прикащикамъ, при изворотливомъ умѣ, скоро счастливать. Съ настойчивостью, какую обнаружилъ нашъ юнкеръ (восходившее торговое свѣтило), — удастся очень скоро овладѣвать капиталами, примѣнять ихъ къ порабощенію цѣлыхъ краевъ и самимъ становиться такою нравственною силою, съ которою приходится считаться и бороться (не всегда успѣшно) могущественнымъ сибирскимъ генералъ-губернаторамъ. Съ мелкимъ торгошомъ, успѣвшимъ лишь развиться въ жуколку, сами обиженные, пробуютъ, говорятъ, разсчитываться, подводя ихъ подъ вещественный обухъ. Указываютъ даже урочища, куда бросали тѣла убитыхъ, повѣствуютъ разнообразныя легенды, объясняютъ, что самое названіе «Обуховой родни» идетъ именно отъ тѣхъ молодцовъ, которымъ удалось очнуться для новыхъ подвиговъ при помощи живучести природы и мѣднаго лба. Но это случаи частные и, судя по тамошнимъ обычаямъ, очень рѣдкіе. Этихъ самыхъ молодцовъ, въ видѣ откупныхъ повѣренныхъ, на лихихъ тройкахъ перевозилъ въ снѣжной пустынѣ замерзшаго Байкала въ 60 верстъ поперечника, глазъ на глазъ съ десятками тысячъ рублей, первѣйшій и нѣкогда самый страшный всему Забайкалью разбойникъ Горкинъ. Умное населеніе богатой страны, умудренное опытомъ давнихъ лѣтъ, хорошо понимаетъ, что не въ этой мелкотѣ и ихъ крушныхъ хозяевахъ заключается главный корень зла и вся роковая путаница бытовыхъ и экономическихъ условій жизни, а потому съ обухомъ не гонятся за мухой. Напротивъ, это молодое и свѣжее населеніе далекой страны, надѣленное всѣми нравственными дарами, терпѣ-

ливо ждетъ коренныхъ преобразованій, хотя бы до уровня метрополіи. Съ надеждою смотреть оно въ свое будущее, и пока еще стоитъ въ томъ убѣжденіи, что, вопреки старинной русской и новѣйшей своей пословицѣ, «плетью обухъ перешебить можно».

С. Максимовъ.

ТАИНСТВЕННЫЙ СВЕРТОКЪ.

(Историческій разсказъ).

ВЪ ЦЕРКВИ зимняго дворца служатъ обѣдню и поютъ херувимскую. Пожилая императрица Анна Иоанновна и дворъ присутствуютъ. Золото, фишмы, парики. Чинъ служенія идетъ по обычаю; ничего, кажется, особеннаго не происходитъ; мелькають крестныя знаменія, поклоны...

Какія тогда пѣлись херувимскія мы не знаемъ, но тѣхъ внушительныхъ херувимскихъ, которыя поются теперь, еще не существовало.

И вотъ, поютъ херувимскую... Это будто въ каменной церкви, другая звуковая церковь медленно возносится и уже въ этой церкви, а не въ каменной, производится общеніе молящихся съ тѣми добрыми силами, которыя невидимо служатъ.

Голосовъ слышно много. Всѣ они стройны, всѣ звучны, всѣ задушевы, большинство ихъ съ юга, но одинъ голосъ ярче всѣхъ.

Точно ласточка, случайно залетѣвшая въ церковь, забивается, испуганная, то туда, то сюда, въ тѣнины и золоченыя изображенія херувимовъ, облаковъ и лучей подъ сводомъ, возможно глубже, возможно сокровеннѣе, пробивается этотъ удивительный голосъ, невѣдомыми путями, въ тайники людскаго сердца, вьется по нимъ, ластится...

Ничего, кажется, особеннаго не случилось: царица на мѣстѣ и дворъ подлѣ нея, и херувимскую пропѣли.

Только малымъ началомъ, незамѣтною струйкою, запагъ этотъ замолкшій голосъ въ душу молодой цесаревны Елизаветы Петровны.

И не то, что молится она, и не то, что слушаетъ, а что-то такое въ ней происходитъ необъяснимое, будто зябкая дрожь пробѣгаетъ... а она уже знаетъ, что значить любовь.

Елизавета Петровна—это будущее недалекое царствованіе, прихотливое женское самодержавіе, это судьба Россіи.

Отопла обѣдня. Цесаревна спрашиваетъ какъ зовутъ пѣвчаго. Ей называютъ Алексѣя Розума и представляютъ его.

Розумъ недавно привезенъ изъ Малороссіи; онъ сынъ реестроваго казака. Будь онъ некрасивъ, будь онъ въ лѣтахъ, этотъ Розумъ—ничего бы не было. А то нѣтъ: онъ высокъ, строенъ, смуглолицъ, съ чудесными черными глазами, весь—молодость, весь—югъ, ростокъ благодатной Украйны, и этотъ голосъ — ласточка...

Сердце цесаревны заговорило...

Четыре года спустя, Розумъ уже дѣйствительный камергеръ только что воцарившейся императрицы Елизаветы; онъ имѣетъ ленту Андрея Первозваннаго и нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ.

Подумаешь: теноровая партія молодого казака въ херувимской и закрѣпощеніе нѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ!

Но годнъ идуть, нѣтъ не идуть, а обгуть невозвратимо. Императрицы Елизаветы нѣтъ больше—царствуетъ Екатерина II. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, ему годъ шестьдесятъ, живетъ со времени смерти своей высокой благодѣтельница совершенно уединенно.

Въ это время имѣютъ мѣсто двѣ разныя, быстро слѣдующія одна за другою, чудесно дополняющіяся сцены...

Зимній дворецъ еще объятъ утреннимъ сномъ.

Самое зданіе высится также точно, какъ теперь, но сосѣдняя съ нимъ мѣстность представляется иначе: объ Александровской колоннѣ нѣтъ еще и помину, а тамъ, гдѣ тянется аданіе адмиралтейства и идетъ бульваръ, раскинулись земляные валы, укрѣпленія, обведенные рвомъ, по дну котораго уставленъ частоколь. Туманъ клубится по сугробамъ снѣга этого молчаливаго мѣста, кажущагося пустошью подлѣ самаго дворца.

Зимнее, январское утро чрезвычайно лѣнливо; сквозь туманъ еле обозначается розовый свѣтъ невидимаго солнца; все небо одинаково розовое, одинаково блѣдное, такъ что рѣшительно нельзя опредѣлить: гдѣ же именно востокъ, гдѣ западъ, откуда заря?

Зимній дворецъ, окруженный часовыми, спокоенъ, но только по виду, потому что въ немъ арѣетъ замыселъ чрезвычайно смѣлый. Кто за, кто противъ него, и всѣ вліанія, всѣ происки обострились.

Императрица Екатерина II молода, красива, и только что овдовѣла; Григорій Орловъ, за котораго стоятъ многіе, очень многіе, оказался баловнемъ счастья. Хворость цесаревича, наследника престола, ребенка большого, непрочнаго, вызываетъ опасенія за б—

дущность страны. Воспоминанія о послѣдствіяхъ этой неопредѣленности еще такъ живы, и вотъ почему назрѣла въ Зимнемъ дворцѣ мысль выискать императрицѣ супруга между ея подданными.

Искать было недолго, многіе за Орлова, но пожелаетъ ли этого сама Екатерина?

Не изъ тѣхъ она, чтобы пожелать, но молодого счастливца баюкаетъ и ласкаетъ эта свѣтоварная мысль. Еще бы!

Замыселъ въ полномъ ходу. Екатерина принимаетъ свои мѣры. Она встала раньше обыкновеннаго и два раза уже послала Перекусихину Марью Савишну, свою знаменитую камеръ-юнгферу, справиться не прѣхалъ ли канцлеръ графъ Михаилъ Илларионовичъ Воронцовъ.

— Чего же это онъ не торопится? спрашивала императрица, видимо обеспокоенная, даже нетерпѣливая, какъ бы предполагавшая, что и Воронцовъ, подобно ей, долженъ торопиться.

Дѣло въ томъ, что не дальше, какъ вчера, Григорій Орловъ, уже не только намекнулъ ей о бракѣ, но говорилъ, и долго говорилъ о томъ, что это было бы нужно.

— А зачѣмъ? спросила императрица не безъ двухсмысленной улыбки и съ полнымъ сознаниемъ того, что будетъ она дѣлать въ данномъ случаѣ.

— По примѣру, отвѣтилъ ей Орловъ.

Легкая тучка скользнула по свѣтлому лицу государыни и точно сосредоточилась на бровяхъ ея, чуть-чуть нахмурившихся. Примѣръ, на который намекалъ Орловъ, дѣйствительно существовалъ.

— Я это вспоминаю, договорилъ Орловъ, о бракѣ покойной императрицы съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ...

— Да, да! перебила Екатерина, поднявшись съ мѣста, знаю, слыхала...

Съ глазу на глазъ говорила она съ Орловымъ и она любила его. Отказать — обидѣтъ! Исполнить — никогда... Надобно иначе.

— Это, я думаю, больше за-границей выдумали, быстро отвѣтила она, и гдѣ же документы? Я никакихъ не вѣдаю.

— Есть и документы, государыня! замѣтилъ Орловъ.

— То-есть развѣ самъ Разумовскій?

— Нѣтъ! документы, хранящіеся у Разумовскаго.

— О!? возразила Екатерина, какъ бы ничего не знавшая. Это любопытно. Пошлемъ, пошлемъ къ Разумовскому, освѣдомимся...

Разговоръ этотъ имѣлъ мѣсто вечеромъ. Въ ночь было обдумано Екатериною, что ей дѣлать.

Ночь принесла совѣтъ. Рѣшеніе, принятое Екатериною, было чрезвычайно характерно. Это было нѣчто вродѣ того, что сдѣлала она гораздо позже съ внукомъ своимъ, великимъ княземъ Александромъ, сыгравъ съ нимъ то, что она сама назвала un tour

diabolique, введя его въ искушеніе; другимъ, схожимъ съ этимъ дѣйствиємъ ея, была немилость, оказанная ею князю Репнину въ то время, когда ей хотѣлось, чтобы цесаревичъ Павелъ съ женою своею Марією Теодоровною, поѣхалъ за-границу и чтобы онъ самъ, цесаревичъ, захотѣлъ отправиться въ это путешествіе.

— Ты, князь, говорила она тогда Репнину, наведи ихъ, а въ особенности ее, la bonne dame, на мысль объ этомъ путешествіи; а чтобы они не думали, что эта мысль отъ меня идетъ, я буду къ тебѣ немилостива. Надо ихъ провѣтрить, эту Schwere Bagage, прокататься послать, такъ ты устрой, а я отблагодарю и немилость моя окончится!

Извѣстно, что цѣли своей Екатерина достигла. Репнинъ исполнилъ порученіе мастерски. Schwere Bagage поѣхала за-границу чуть не насильно. При прощаніи съ дѣтьми, Марія Теодоровна упала даже въ обморокъ и ее отнесли въ карету въ безпамятствѣ.

Но на такихъ мелочахъ матушка Екатерина не останавливалась.

Рѣшеніе, принятое ею и по вопросу о бракѣ, было сходнаго характера. Оно должно было быть осуществлено канцлеромъ графомъ Воронцовымъ, и вотъ почему Марья Савишна Перекусихина дважды бѣгала справляться о его пріѣздѣ. На третій разъ она ввела графа канцлера прямо къ императрицѣ и сама удалилась.

— Напишите мнѣ, графъ, сказала императрица, милостиво давь поцѣловать вошедшему руку, напишите мнѣ указъ о томъ, что въ память въ Бозѣ почившей тетки нашей, императрицы Елизаветы Петровны, мы признаемъ справедливымъ присвоить графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому...

При этомъ имени Воронцовъ, и безъ того внимательный къ словамъ своей повелительницы, обратился весь въ слухъ, въ чуткость! Онъ зналъ, конечно, о существовавшихъ въ то время вѣяніяхъ насчетъ задуманнаго брака. Совпаденіе этихъ вѣяній съ раннимъ и неожиданнымъ призывомъ во дворецъ, имя графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, открывали ему нѣкоторую, чрезвычайно любопытную перспективу.

Кромѣ того, надо замѣтить, какъ своеобразно дѣйствуетъ на вельможу, находящагося во власти, неожиданное возникновеніе передъ нимъ имени другаго, отошедшаго въ тѣнь благо вельможнаго человѣка. Такимъ именно долженъ былъ представиться Воронцову давно отошедшій отъ всякихъ дѣлъ, полузабытый Разумовскій.

— Вѣдь и я, подумалъ канцлеръ, я тоже съ какимъ нибудь однимъ словомъ отойти могу!

Понятно, что этой мысли онъ ни за что бы никому не выразилъ, да и остановиться-то на ней онъ не могъ, потому что надо было слѣдить за дальнѣйшими повелѣніями Екатерины.

— Я хочу, видите ли, добавила императрица въ разъясненіе своей мысли, нѣкоторые слухи въ дѣло обратить; справедливымъ признаю я графу Разумовскому, вѣнчаному, какъ извѣстно, съ государыней,—вѣдь вы, графъ слышали, конечно, объ этомъ бракѣ? присвоить титулъ императорскаго высочества, каковую дань признательности и благоговѣнія къ предшественницѣ нашей мы и желаемъ сдѣлать гласнымъ во всенародное извѣстіе.

— А когда же указъ этотъ изготовить прикажете, государыня, спросилъ графъ, не считая возможнымъ любопытствовать о причинахъ.

— Сейчасъ, тутъ у меня! Войдите вонъ въ эту комнату; тамъ у меня и перо и чернила найдете.

Императрица указала на двери.

— При мнѣ печати нѣтъ, государыня.

— Да вѣдь мы указа и не подпишемъ, а только въ проектѣ графу Алексѣю Григорьевичу свеземъ. Онъ, чай, въ халатѣ, въ своемъ Аничковомъ сидитъ. Вы какъ напишете указъ, сейчасъ сами его свезите и попросите отъ моего имени, чтобы графъ являющіеся у него, по этому важному дѣлу, документы, для составленія акта въ законной формѣ, вамъ вручилъ, чтобы мнѣ передать...

— Простите, государыня, но...

— Такъ, такъ, понимаю, возразила Екатерина, вы въ ту комнату войти не хотите, ну такъ я отсюда уйду, а вы останьтесь и пишите; вонъ столъ и все, что вамъ нужно...

Воронцову ничего не оставалось другаго, какъ исполнить повелѣніе.

Едва вышла императрица, онъ сѣлъ строчить проектъ, а государыня направилась въ ближнюю комнату къ Марьѣ Савишнѣ и толковала съ ней о томъ: обшить ей, или не обшивать, галунчикомъ то платье, которое предстояло одѣть вечеромъ на зримажное представленіе и которое блистало передъ нею раскинутое по двумъ тяжелымъ, съ золочеными ручками, кресламъ.

Комнату давно уже ярко озаряло тѣмъ неопредѣленнымъ розовымъ свѣтомъ, который въ это утро разливался надъ Петербургомъ.

Кто выходилъ изъ дому, тѣ думали: вотъ, вотъ глянетъ солнце мощнымъ малиновымъ шаромъ, лишеннымъ видимыхъ глазами лучей и станетъ тихо подниматься; но солнце не глянуло: невѣсть откуда стали налетать порывистыя дуновенія вѣтра, стали завихриваться снѣжки, начались завыванія мятели.

Какъ было въ природѣ, такъ было и въ комнатѣ Марьи Савишны. По внѣшности, по обстановкѣ все смотрѣло свѣтло, радужно; блестящее платье, растянутое по кресламъ, свидѣтельствоvalo о предстоявшемъ весельи; мнѣнія императрицы насчетъ об-

шивки галунчикомъ, которыя она высказывала, были такъ серьезны, что убѣдили бы всѣхъ и каждаго въ томъ, что этотъ галунчикъ дѣйствительно занималъ ее.

На самомъ дѣлѣ было иначе: сквозь розовыя разсужденія государыни, точно сами нарождаясь, завихривались, поднимались мятелицею разныя, очень важныя мысли. Толкуя съ Перекусихиной о галунчикахъ, она всѣмъ своимъ вниманіемъ обрѣталась въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ канцлеръ строчилъ проектируемый указъ.

— Документы несомнѣнно есть, думала она, есть... Отдасть ли ихъ старикъ? вѣдь онъ можетъ сказать, что нѣтъ никакихъ... ну, тогда ровно ничего не измѣнится, будетъ, какъ было, а Григорій Орловъ при своемъ желаніи останется, вотъ и все... Но если...

— А что, Марья Савишна, спросила Екатерина, глянь-ка какая мятелица разыгрывается? Мятелица мнѣ мысль для платья дасть: что еслибы вмѣсто галунчика да бѣлымъ пухомъ опушить, что скажешь?

— И пухомъ хорошо будетъ, матушка государыня, отвѣтила Перекусихина.

Этого отвѣта Марья Савишны Екатерина не слыхала, вся сразу окваченная другою мыслью.

— Если, думала она, старикъ документы отдасть, что тогда?.. уничтожить ихъ?! Надо бы уничтожить! А гдѣ право на это?

Слегка вспыхнувъ, государыня отошла отъ платья къ окну и довольно долго безмолвно смотрѣла на неожиданно налетѣвшую, вполне разыгравшуюся мятель.

Проектъ указа былъ тѣмъ временемъ изготовленъ и по прочтеніи его Екатериною Воронцовъ отправленъ въ Аничковъ дворецъ, къ Разумовскому немедленно.

Дворецъ этотъ, гдѣ имѣла мѣсто другая историческая сцена, о которой мы упоминали, глядѣлъ тогда со стороны Большаго Перспективнаго проспекта, почти также, какъ и теперь. Совершенно инымъ представлялся онъ отъ Фонтанки. Отъ огромныхъ каменныхъ палатъ его, крытыхъ сплошь луженымъ желѣзомъ, шли къ рѣкѣ двѣ длинныя колоннады, соединенныя у воды крытой галереей; отсюда доступъ возможенъ былъ только на лодкахъ. Построенный лѣтъ за десять до того дня, который мы описываемъ, дворецъ этотъ былъ роскошнымъ даромъ Елизаветы графу Алексѣю Разумовскому,—странное каменное воплощеніе той удивительной херувимской, которую она, нѣкогда, прослушала.

Пройдутъ немногіе годы и дворецъ этотъ подарятъ Потемкину!

Тамъ началось съ херувимской, тутъ—съ одного царственнаго взгляда на блестящаго всадника конной гвардіи, ловко повернушаго коня своего на глазахъ молодой императрицы, объѣзжавшей свои войска...

Мятедь гудѣла. Груаная колымага канцлера, съ трудомъ влекомая по глубокому снѣгу, почти вся занесенная мятелью, подкатила къ мѣсту жительства графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, къ Аничкову дворцу, часу въ одиннадцатомъ утра. Особенно густо насѣлъ и гѣпился снѣгъ по тѣмъ мѣстамъ колымаги, на которыхъ держались небольшіе золоченые рельефные орнаментики. Стекла колымаги оставались чистыми, потому что острый, слегка подмороженный, снѣгъ скользилъ по гладкой поверхности ихъ.

Для впуска во дворъ пришлось отворить ворота. Когда-то, очень недавно, ворота эти были постоянно открыты настежь; а теперь привратнику, удивленному раннимъ посѣщеніемъ вельможнаго человека, не безъ труда удалось отодвинуть крѣпкій засовъ. Ему помогли два какихъ-то усатыхъ малоросса, только что посѣтившіе графа Алексѣя Григорьевича, земляки его, односельчане, отправлявшіеся во-свояси, покалякавъ съ хозяиномъ, съ поклономъ родичамъ и богато одаренные.

Хохлы, пропуская во дворъ колымагу, снявъ шапки и обнаживъ чубы, съ любопытствомъ заглядывали сквозь стекла экипажа на вельможную фигуру канцлера, въ собольей шубѣ и шляпѣ, шитой по краямъ золотымъ узоромъ.

— Кто винъ? спросили хохлы привратника, когда колымага проѣхала.

— А бисъ ихъ знае! отвѣтилъ привратникъ.

Канцлеръ, въ свою очередь, увидавъ чубатыхъ хохловъ, улыбнулся.

Какъ сказала императрица, такъ это и было: Алексѣй Григорьевичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ богатомъ, подбитомъ мѣхомъ халатѣ, подлѣ пылавшаго камина, когда ему доложили о прибытіи канцлера.

Посѣщеніе это поразило его чрезвычайно. Онъ торопливо, насколько торопливость была ему доступна, отложилъ въ сторону священное писаніе кievской печати, находившееся у него въ рукахъ, и не безъ труда поднялся съ мѣста.

Высокая, внушительная фигура его обрисовалась во весь ростъ и сказанное имъ канцлеру «добро пожаловать» было искренно и гостеприимно. Бывшій красавецъ, темноволосый казакъ, сохранилъ отъ благаго одинъ только томный, кроткій, удивительный взглядъ и чрезвычайно пріятный голосъ.

— Чему обяванъ я, графъ Михаилъ Илларионовичъ? проговорилъ Разумовскій, усадивъ гостя и самъ усаживаясь.

— Я отъ государыни императрицы.

Разумовскій, только что опустившійся въ кресло, снова быстро поднялся; всталъ и канцлеръ.

— Отъ ея величества? проговорилъ онъ удивленный и точно болью какою-то сказалося въ немъ сердце, не добрымъ прозвуч-

чало, какою-то далекою стариною откликнулось; иное чувствовалъ онъ когда-то, когда его звала императрица...

Оба графа съли снова, и Разумовскій молча выслушалъ объясненія Воронцова. Взявъ въ руки проектъ указа, ему поданнаго, онъ пробѣжалъ его...

Легкій трепетъ въ рукахъ давалъ понять присутствовавшему, что нелегко было это чтеніе. И не тѣ были годы, въ которые неожиданности не поражаютъ, и не таковъ былъ предметъ, котораго коснулись, чтобы не вызвать быстро напряженія всѣхъ душевныхъ силъ.

Почему-то мелькнули также въ соображеніяхъ графа Алексѣя Григорьевича судьбы Меншикова съ дочерью, обрученною Петру II, Бирона, судьбы Долгоруковыхъ, тоже съ «государыней невѣстою...» Березовъ... тайная канцелярія... все это близко... все это свѣжіе слѣды... все это тяжелыя повѣсти...

Всталъ князь-казакъ съ своего мѣста. Пораздумалъ.

— Такъ государынѣ документы угодны?

— Да! отвѣтилъ Воронцовъ.

Въ роскошныхъ покояхъ Разумовскаго стояло кругомъ много цѣнныхъ предметовъ. Комнаты, убранныя со всевозможною, по времени, изысканностью, носили на себѣ тотъ почтенный отпечатокъ осѣдлости, который теперь все болѣе исчезаетъ. Все кругомъ было рассчитано на вѣчность, на стойкость тѣхъ формъ жизни, въ которыя судьба отлила, а отливши, отчеканила хозяина. И нѣтъ тутъ никакого противорѣчія съ мгновенными крушеніями самовластныхъ личностей вродѣ Бирона, Меншикова, Долгоруковыхъ. Шивалы налетали въ разные слои быта людей только изъ одного, одинаго источника—отъ самодержавной власти. Другихъ подкашивателей, другухъ возмутителей законовъ соціальной гидростатики въ тѣ дни не существовало. Самыя проявленія безграничнаго самодержавія, въ концѣ-концовъ, служили только самымъ яркимъ доказательствомъ прочности всего остальнаго, всѣхъ этихъ бытовыхъ наслоеній.

Золото, шелкъ, ковры, фигуры изъ фарфора и бронзы, мозаики и картины глядѣли со стѣнъ кабинета. Чаще прочихъ, повсюду, замѣчались изображенія или вензеля императрицы Елизаветы. Знакомый намъ обликъ ея въ царственныхъ регаліяхъ, съ высокой прической, увѣнчанной брилліантовою короною, въ широкихъ фижмахъ и твердомъ корсажѣ, съ острымъ упрямымъ шляпомъ впереди, царилъ надъ всѣмъ окружающимъ со стѣны противуположной входной двери.

Подъ портретомъ стоялъ массивный, корельской березы, инкрустованный бронзою комодъ и на немъ видѣлся ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и выложенный перламутромъ.

Въ немъ хранились тѣ именно документы, о которыхъ шла рѣчь.

Ничего не сказавъ болѣе, глубоко взволнованный, направился Разумовскій къ комоду, отыскавъ въ немъ ключъ, отперъ ларецъ и вынулъ изъ потаеннаго ящика бумаги.

Розовый атласъ, въ который онѣ были тщательно обвиты, взглянувъ изъ чернаго ларца и, развертываясь въ дрожащихъ рукахъ графа, прожвелъ на стоявшаго поодаль, безмолвнаго Воронцова какое-то странное, имъ самимъ не достаточно сознанное, впечатлѣніе спадающей, снимаемой гробовой парчи: атласъ—покровъ, черный ларецъ—гробъ; эти бумаги, которыя мало-по-малу обнажались — чѣмъ не покойникъ, не мертвецъ...

Безмолвіе продолжалось полное. Хруснули обнаженные бумаги въ рукахъ графа; онъ спряталъ атласъ обратно, а бумаги началъ читать съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Прочиталъ ихъ, поцѣловалъ и заплакалъ...

Изъ чудесныхъ черныхъ глазъ его проступали крупныя, не сразу сбѣгавшія слезы. Вглянувшись также на портретъ Елизаветы, на образа, перекрестился и направился къ Воронцову.

Канцлеръ стоялъ у камина; онъ не имѣлъ духа сказать что либо. Онъ протянулъ руку за бумагами, но Разумовскій быстро бросилъ свертокъ въ огонь.

Воронцовъ даже вдрогнулъ и отступилъ, такъ неожиданно встревожилось, вскинулось пламя камина; онъ даже потянулся было за сверткомъ, но пламя уже дѣлало свое дѣло: историческій фактъ улетучивался изъ области фактовъ!

Разумовскій тѣмъ временемъ, точно обезсиленный, подожженный, опустился въ кресла.

— Я, проговорилъ онъ наконецъ, помолчавъ немного, — былъ не болѣе, какъ вѣрнымъ рабомъ ея величества покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодѣяніями выше заслугъ моихъ. Никогда не забывалъ я изъ какой доли и на какую степень возведенъ десницею ея. Обожалъ ее какъ сердолюбивую мать милліоновъ народа и примѣрную христіанку и никогда не дерзнулъ самою мыслію сближаться съ ея царственнымъ величіемъ.

Будто отыскивая подтвержденія словамъ своимъ, взглянувъ онъ на медленно обугливавшіеся, рассыпавшіеся останки свертка въ каминѣ и склонивъ, свѣсивъ голову еще ниже прежняго, продолжалъ:

— Стократъ смиряюсь, вспоминая прошедшее, живу въ будущемъ, его же не преидешь, въ молитвахъ къ Вседержителю. Мысленно лобызаю державныя руки нынѣ царствующей монархини, подъ скипетромъ коей безмятежно въ остальныхъ дняхъ жизни вкушаю дары благодѣяній, излитыхъ на меня отъ престола. Если бы было нѣкогда то, о чемъ вы говорите со мною, то повѣрьте, что я не имѣлъ бы суетности призвать случай, помрачающій незабвенную память монархини, моей благодѣлательницы.

Эти слова были сказаны старикомъ по адресу Григорія Орлова;

произнося ихъ, онъ приподнялъ голову и пристально посмотрѣлъ на Воронцова.

— Теперь вы видите, сказалъ онъ въ заключеніе,—что у меня нѣтъ никакихъ документовъ. Доложите обо всемъ этомъ всемилостивѣйшей государынѣ, да продлить милости на меня старца, нежелающаго никакихъ почестей. Прощайте ваше сіятельство: да останется все происшедшее между нами въ тайнѣ! Пусть люди говорятъ что имъ угодно, пусть дерзновенные простираютъ надежды къ мнимымъ величіямъ.

Разумовскій еще разъ упорно взглянулъ на Воронцова, затѣмъ всталъ и протянулъ руку. Они молча простились другъ съ другомъ...

Долго, долго оставался открытымъ, по уходѣ канцлера, черный ларецъ съ осиротѣвшимъ въ немъ розовымъ атласомъ.

Непогода продолжалась. Хохловъ уже не было у воротъ, когда колымага съ канцлеромъ выѣхала на Большой Перспективный проспектъ.

Въ глубокомъ раздумьи сидѣлъ канцлеръ, прислушиваясь къ вою и взвизгиваніямъ вѣтра. Мириады бѣлыхъ хлопьевъ рѣяли передъ его глазами и будто хоронили историческій фактъ въ глубинахъ непогоды и въ самодержавіи неустово разыгравшейся мятели...

Екатерина, которой передано было дословно все случившееся, замѣтила не безъ удовольствія, что, слѣдовательно, тайнаго брака не существовало, хотя бы то и «для успокоенія бояливой совѣсти».

— Шепотъ объ этомъ былъ мнѣ всегда противенъ, сказала она.

Поступокъ Разумовскаго государыня отнесла къ свойственному малороссамъ самоотверженію. Глубже этого сердце въ ней не шевельнулось, но цѣль была достигнута: о задуманномъ бракѣ не было болѣе и рѣчи...

К. Случевскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О СЛУЖБѢ ВЪ БѢЛОРУССІИ.

1864—1870 гг.

(Изъ записокъ мирового посредника.)

ИТЪЛЬ НАСТОЯЩИХЪ «Записокъ» — сохранить въ памяти многія интересныя событія и явленія, которыхъ мнѣ довелось быть очевидцемъ, почти 20 лѣтъ тому назадъ. Не мало воды утекло съ того времени!.. Многіе спятъ уже непробуднымъ сномъ въ могилѣ; юности становятся сѣдѣющими стариками; страсти улеглись и стихли.. Но тѣ годы, какъ годы молодости, этой лучшей поры жизни человѣка, остались въ памяти на-вѣки, и теперь, повидимому, вполне возможно не только «вспоминать» то время и людей той эпохи, но и говорить о нихъ вслухъ.

Мои «вспоминанія» ограничиваются, преимущественно, Могилевскою губерніей, гдѣ я служилъ въ то время по крестьянскимъ учрежденіямъ. Я пріѣхалъ въ эту губернію послѣ уже затихнувшаго мятежа, но въ самый еще разгаръ страстей.. На насъ, мировыхъ посредниковъ, легла очень серьезная обязанность — устроить бытъ несчастныхъ бѣлорусскихъ крестьянъ, обиженныхъ и почти обезземеленныхъ польскими мировыми посредниками, составившими неправильныя и недобросовѣстныя уставныя грамоты. На насъ же, посредникахъ, лежали обязанности и по дѣлу народнаго образованія, т. е. по учрежденію сельскихъ училищъ, совершенно отсутствовавшихъ въ волостяхъ. Къ крайнему сожалѣнію, наша дѣятельность по устройству быта крестьянъ считалась въ то время, да, кажется, считается и теперь, «несимпатичною»: отчасти, можетъ быть, по недоразумѣнію, а главное, конечно, потому что намъ

въ то время, невольно, довелось причинять весьма чувствительный матеріальный ущербъ помѣщикамъ края, а такого ущерба потерпѣвшіе никогда не забываютъ и не прощаютъ; равно, не извиняютъ подобной дѣятельности и тѣ, кто, такъ или иначе, сочувствуетъ потерпѣвающимъ. За эту-то «дѣятельность» мы и попали тогда въ «соціалисты», и подвергались нападенію и порицанію, одновременно, съ трехъ различныхъ сторонъ: со стороны высшей петербургской администраціи, въ направленіи которой наступила, въ 1866 году, реакція; со стороны крѣпостнической газеты «Вѣсть», и, наконецъ, со стороны той части прессы, которая сочувствовала польскимъ помѣщикамъ по инымъ причинамъ—чисто политическимъ; эта часть печати видѣла въ польскомъ возстаніи то, чего въ немъ, въ сущности, вовсе не было, а именно—революціонно-демократическое движеніе, и не видѣла того, что въ немъ было въ дѣйствительности, т. е. своекорыстныхъ вождельнѣй магнатовъ и ксендзовъ. Благодаря этой путаницѣ понятій и тому туману, который былъ, въ оное время, искусно напущенъ въ мотивы возстанія заграничною прессой, мы и находились между трехъ огней...

Собственно, къ полякамъ я не имѣлъ въ то время, какъ не имѣю и теперь, никакой антипатіи и ненависти; напротивъ, со многими изъ нихъ я сошелся въ то время гораздо ближе, чѣмъ съ рускими людьми, служившими въ краѣ, и до сихъ поръ вспоминаю ихъ съ глубокимъ уваженіемъ и любовью. Но, встрѣчая между ними массу людей умныхъ, образованныхъ, гуманныхъ и крайне добрыхъ, я не встрѣтилъ, все-таки, ни одного, искренно расположеннаго къ Россіи... Я не считаю, конечно, ренегатовъ и перекрестовъ, принявшихъ православіе; дружба и ненависть такихъ людей одинаково сомнительны.

Этимъ я и закончу предисловіе къ моимъ «Запискамъ». Если въ нихъ я впалъ въ какую нибудь неточность, что, за давностью времени, возможно, то буду очень благодаренъ тому, кто исправитъ эту неточность.

I

Зачѣмъ я ѣхалъ. — Дорога до Вильны; вырубленные лѣса; обыскъ въ Динабургѣ. — Прїѣздъ въ Вильну и первыя впечатлѣнія; гостинница; атака евреевъ-разносчиковъ; внѣшній видъ города и улицъ; Остробрамская часовня. — Молящіяся на улицѣ. — Первая встрѣча съ Муравьевымъ. — Русскій ресторанъ. — Разныхъ видовъ «шпи». — Люди идеи. — Сердечное согласіе «Вѣсти» и «Отечественныхъ Записокъ».

Въ началѣ іюня 1864 года, я выѣхалъ изъ Петербурга въ Вильну въ качествѣ одного изъ русскихъ людей, вызываемыхъ въ то время въ сѣверо-западный край, въ которомъ, желѣзною

рукой М. Н. Муравьева, было только-что подавлено вооруженное польское возстаніе. Я былъ въ то время очень еще молодымъ человѣкомъ—мнѣ не было и 25-ти лѣтъ, край былъ мнѣ совершенно незнакомъ, никакихъ предубѣжденій противъ поляковъ я не имѣлъ, и ѣхалъ я, поэтому, не безъ нѣкоторыхъ сомнѣній и колебаній въ душѣ, которыя, обыкновенно, сводились къ одному и тому же мучительному вопросу: въ силахъ ли я буду и съумѣю ли принести какую нибудь пользу? Это—съ одной стороны. Съ другой же стороны—свойственная многимъ людямъ страсть «къ переменѣ мѣотъ», желаніе попасть въ край, въ которомъ никогда не былъ, и, наконецъ, главное — надежда послужить, по мѣрѣ разумѣнія и силъ, русскому дѣлу, влекли меня въ этотъ край...

Самая дорога до Вильны не походила на такую же точно, по разстоянію, дорогу отъ Москвы до Петербурга, по которой я незадолго передъ тѣмъ проѣхалъ: начиная отъ Антонополя, около Динабурга, и дальше, лѣса, по обѣ стороны желѣзной дороги, были вырублены на довольно значительное пространство. Это, какъ я узналъ изъ распросовъ, было сдѣлано по распоряженію Муравьева—въ огражденіе поѣздовъ отъ выстрѣловъ изъ лѣсной чащи, со стороны бывшихъ здѣсь повстанцевъ, въ 1863 году.

Внѣшній видъ пассажировъ нашего поѣзда носилъ на себѣ тоже довольно своеобразный характеръ: слышался гортанный еврейскій говоръ, тихій и осторожный шепотъ на польскомъ языкѣ, мелькало, цороку, черное женское платье, съ бѣлою или свѣтло-сѣрою широкою каймою у подола, что означало «жалобу», трауръ «по ойчизнѣ», а можетъ быть, и по комъ нибудь изъ близкихъ, «крѣвныхъ», утраченныхъ въ безумномъ мятежѣ; это возвращались изъ Петербурга польскія пани, пріѣзжавшія сюда ходатайствовать, въ большинствѣ случаевъ не безъ усѣха, въ высшихъ сферахъ о помилованіяхъ или смягченіяхъ суровой участи виновныхъ лицъ, осужденныхъ тогдашними военными судами, приговоры которыхъ конфирмовались Муравьевымъ.

Едва мы подъѣхали къ Динабургу, какъ убѣдились въ томъ, что находимся, дѣйствительно, въ краѣ, объявленномъ на военномъ положеніи: всѣ вагоны въ поѣздѣ были тотчасъ же заперты на ключъ... Минуть черезъ десять, въ нашъ вагонъ вошли два жандармскіе офицера въ сопровожденіи начальника станціи, военного коменданта вокзала и нѣсколькихъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ—и попросили насъ предъявить свои паспорта и виды на жительство. Формальность эта продолжалась довольно долго; между пассажирами, неожиданными этого требованія, произонла обычная суматоха и замѣшательство: одни имѣли паспорта при себѣ, а у другихъ они были въ сакъ-вожахъ и даже въ багажѣ, сданномъ еще въ Петербургѣ. Началось отдѣленіе овецъ отъ козлищъ: нѣкоторыхъ «подозрительныхъ», особенно изъ числа мѣв-

шихъ заграничные паспорта, попросили «въ контору»; иныхъ, въ томъ числѣ и меня, оставили въ покоѣ; всѣхъ ѣдущихъ въ Варшаву осматривали съ большимъ вниманіемъ и подозрительностью. Очевидно, эти господа искали кого-то... Но какъ тяжела, мучительна и оскорбительна была эта мѣра! особенно, съ непривычки... Послѣ я узналъ, что досмотры эти, независимо отъ опредѣленной заранѣе цѣли найти кого нибудь, дѣлаются на каждомъ поѣздѣ, вслѣдствіе личнаго распоряженія Муравьева, вызваннаго слѣдующими обстоятельствами. Многие польскіе помѣщики, ускользнувшіе отъ отвѣтственности за свое участіе въ возстаніи и не успѣвшіе уѣхать своевременно за-границу, перебрались, ради своего спасенія, въ Петербургъ, гдѣ власть Муравьева была уже безсильна; тамъ они, проосмотрѣвшись и устроившись съ своими денежными дѣлами, брали въ канцеляріи генераль-губернатора князя Суворова заграничные паспорта и отправлялись по варшавской желѣзной дорогѣ за границу. Нѣкоторые ѣхали даже съ паспортами, взятыми на чужое имя, то-есть на имя такихъ лицъ польскаго же происхожденія, которые, живя въ Петербургѣ, ничѣмъ себя передъ правительствомъ не скомпрометировали въ политическомъ отношеніи. Такъ какъ жандармерія у Муравьева была организована очень хорошо и обладала фотографическими карточками большинства скрывшихся революціонныхъ польскихъ дѣятелей, то ихъ очень часто и задерживали, вмѣстѣ съ ихъ заграничными паспортами. Впослѣдствіи, скрывающіеся поляки измѣнили свой маршрутъ и уже не рисковали проѣзжать за границу чрезъ районъ губерній, ввѣренныхъ Муравьеву: они стали уѣзжать моремъ — изъ петербургскаго и другихъ балтійскихъ портовъ.

По пріѣздѣ въ Вильну, я остановился на Нѣмецкой улицѣ, въ какой-то недорогой гостинницѣ, содержимой полякомъ. Кругомъ звучалъ нерусскій говоръ, въ которомъ преобладалъ польскій и еврейскій жаргонъ; вся прислуга въ гостинницѣ была польская, фактора—евреи. И вотъ, еще не успѣлъ я какъ слѣдуетъ умыться и выпить чаю, какъ ко мнѣ въ номеръ нахлынула цѣлая толпа евреевъ — съ предложеніями всевозможныхъ товаровъ и услугъ; все это говорило ломанымъ полу-польскимъ, полу-русскимъ языкомъ. Мнѣ стоило не малыхъ усилій отдѣлаться отъ всей этой назойливости, не встрѣчающейся въ русскихъ городахъ: ни просьбы, ни приказанія оставить меня въ покоѣ не дѣйствовали; едва я выпроваживалъ какого нибудь разносчика за дверь и запиралъ ее подъ самымъ его носомъ, какъ онъ уходилъ на дворъ, подходилъ къ моимъ окнамъ, выходившимъ въ какой-то очень узкій и вонючій переулокъ, и предлагалъ свой товаръ въ окно, а въ это время, въ дверь стучался уже другой—съ тѣми же самыми «мелкими и галантерейными» товарами... У этихъ евреевъ имѣлось рѣшительно все, начиная отъ варшавской обуви и бѣлья и кончая

косметиками, письменными принадлежностями и самыми неприличными фотографическими карточками.

Я рассчитывалъ явиться къ Муравьеву и прочему начальству на другой день, желая, прежде всего, отдохнуть съ дороги и осмотрѣть, хотя немного, незнакомый мнѣ городъ. Часу въ первомъ дня я вышелъ изъ гостинницы и отправился бродить по Вильнѣ..

Городъ оказался совсѣмъ не похожимъ на наши русскіе города: узкія улицы, высокіе дома, крытые черепицей, и множество роскошной, тѣнистой зелени и высокихъ, стройныхъ, пирамидальныхъ тополей, жалкое подобіе которыхъ, въ количествѣ двухъ-трехъ экземпляровъ, я видѣлъ въ александровскомъ саду, въ Москвѣ. Кафедральный польскій соборъ св. Станислава поражае своею величественною архитектурой; вблизи его видѣлась гора св. Креста, съ своею башнею и тѣми же пирамидальными тополями. Уличный людъ былъ, тоже, совсѣмъ иной: гладко остриженные головы съ длинными усами, еврейскія типичныя лица съ длинными пейсами, изрѣдка чамарки и кунтуши, на дамахъ—трауръ. Хотя этотъ трауръ, «жалоба», и былъ воспрещенъ Муравьевымъ, но хитроумныя польки обходили это запрещеніе довольно искусно: при полномъ глубокомъ траурѣ, надѣвалась какая нибудь цвѣтная ленточка на шею, или цвѣтокъ на шляпку, и распоряженіе было выполнено: дама уже не была въ траурѣ..

Мнѣ надо было найти, для врученія письма, «изъ Россіи»—какъ говорили уже въ Вильнѣ—одного чиновника, служившаго въ губернскомъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ, и вотъ, нашедши въдоволь по Вильнѣ и налюбовавшись ею, я подошелъ къ первому полицейскому солдату на посту и спросилъ его,—какъ мнѣ поближе пройти на ту улицу, на которой жилъ мой знакомый? Онъ сталъ объяснять мнѣ: идите прямо, а потомъ по такой-то улицѣ, потомъ по такой-то, пройдите черезъ площадь, «на которой всегда поляковъ вѣшаютъ», и поверните на-лѣво... У меня, просто, морозъ пробѣжалъ по кожѣ, когда онъ выговорилъ эту фразу—«площадь, на которой всегда поляковъ вѣшаютъ»... И такъ спокойно сказалъ онъ эти слова, какъ будто рѣчь шла о площади, на которой всегда торгуютъ яблоками!..

Когда я возвращался въ гостинницу, мнѣ довелось проходить чрезъ Остробрамскую узкую улицу, и тутъ представилось моимъ глазамъ чрезвычайно оригинальное зрѣлище: начиная отъ самой Остробрамской часовни, заключающей въ себѣ чудотворную икону Вожіей матери, и вдоль улицы, внизъ, на протяженіи по крайней мѣрѣ двухъ-сотъ шаговъ, на каменныхъ тротуарахъ, по обѣимъ сторонамъ улицы, стояли на колѣняхъ сотни мужчинъ и женщинъ, многіе съ маленькими книжками въ рукахъ, и все это молилось.. Солнце уже сильно нагрѣло, по улицѣ неслись тучи пыли, гремяи и сновали экипажи, — а эта нѣмая толпа, состоящая преимуще-

ственно изъ элегантно одѣтыхъ во все черное дамъ, стояла на колѣняхъ, со сложенными на груди руками, и молилась, набожно глядя вверхъ, по направленію часовни.. Нѣкоторые изъ молящихся лежали на землѣ «кршижемъ»—т. е. крестомъ, съ распростертыми по землѣ руками и ногами... Это мѣсто и самая арка подъ Остробрамскою часовней считаются въ Вильнѣ, у поляковъ, такою же святыней, какъ, напримѣръ, Спасскія ворота въ московскомъ кремлѣ. Снявъ съ головы шляпу, я смотрѣлъ нѣсколько минутъ на эти черныя, неподвижныя фигуры.. Какъ вдругъ, мое вниманіе было отвлечено другимъ явленіемъ: изъ-подъ арки, внизъ, на полныхъ рыскахъ, летѣла изящная карета, окруженная конвоемъ въ 8 казаковъ, съ офицеромъ впереди; все это мчалось подъ гору, страшно стуча по мостовой колесами и лошадиными копытами; педшіе по тротуарамъ мушкетеры пугливо сторонились въ бокъ и быстро снимали съ головъ шапки, а военные останавливались и дѣлали «фронтъ». Когда карета поравнялась со мною, я увидѣлъ въ глубинѣ ея толстаго генерала съ сѣдыми, небольшими усами; я тотчасъ же, по портретамъ, узналъ его—это былъ Муравьевъ, полновластный хозяинъ Литвы, Бѣлоруссiи, Жмуди и части царства Польскаго, съ безапелляціонными полномочіями и правами на жизнь и смерть цѣлыхъ шести милліоновъ жителей вѣреннаго ему края!.. Это онъ такъ проѣзжалъ по Вильнѣ, во избѣжаніе покушеній на его жизнь, до которой, дѣйствительно, такъ желали добраться польскіе жандармы-вѣшатели.. Не нужно, впрочемъ, было читать объ этомъ въ тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а стоило только присмотрѣться къ тѣмъ молніеноснымъ взглядамъ, полнымъ безконечной злобы и ненависти, которыми провожали карету Муравьева всѣ эти проходящіе и молящіеся люди, принадлежавшіе, несомнѣнно, къ польской національности.. Лица дамъ и дѣвицъ, полныя передъ этимъ религіознаго умиленія, мгновенно измѣнились, и всѣ онѣ, уступая чувству любопытства, оторвались на мигъ глазами отъ святой часовни и глядѣли на эту быстро мчавшуюся, ненавистную карету, въ которой сидѣлъ ненавистный имъ, но властный и сильный человекъ.. Прошло нѣсколько секундъ, и вновь начались молитвы, покиванія головами и паденія на землю «кршижемъ»...

Мой знакомый назначилъ мнѣ свиданіе въ ресторанѣ, вблизи театра, въ 4 часа, гдѣ мы и должны были вмѣстѣ отобѣдать. Ресторанъ этотъ оказался довольно опрятный и приличный и, вдобавокъ, недорогой; содержался онъ какимъ-то русскимъ, и главное его удобство состояло въ томъ, что здѣсь сходились воедино почти всѣ одинокіе и бездомныя русскіе скитальцы, занесенные сюда на службу «изъ Россiи»; тутъ же можно было встрѣтить всегда и массу офицеровъ, всѣхъ родовъ оружія, армейскихъ и гвардейскихъ; здѣсь

уже «пахло Русью» и слышался повсюду «русскій духъ» и русскій говоръ....

Не мало встрѣчалось въ этомъ ресторанѣ и искателей приключеній, занесенныхъ сюда единственно желаніемъ наживы, или погонею за карьерой; это была та «золотая молодежь», которая являлась сюда изъ Петербурга съ рекомендательными письмами къ Муравьеву отъ равныхъ высокопоставленныхъ лицъ, или съ просительными—отъ своихъ вліятельныхъ бабушекъ и тетусекъ. Они составляли въ ресторанѣ свой особый кружокъ, у нихъ за обѣдомъ лилось шампанское, слышались циничскіе разсказы, игривыя французскія пѣсенки... Русское дѣло, служеніе идеѣ, обрусѣніе терроризованнаго края—все это были для нихъ смѣшныя и непонятныя слова, не приносящія, вдобавокъ, никакого пока дохода... Этихъ господъ въ Вильнѣ было не мало; они считались или при (по польски—пши) различныхъ канцеляріяхъ и присутственныхъ мѣстахъ, или же числились «состоящими въ распоряженіи генераль-губернатора». Не мало зла вполнѣдствіи причинили эти люди русскому дѣлу въ краѣ, не разъ они срамили и компрометировали русское имя!.. Виленскіе чиновные поляки и окрестили ихъ, поэтому, весьма характернымъ названіемъ, состоящимъ всего изъ трехъ буквъ: «пши»... т. е.—при генераль-губернаторѣ; а такъ какъ этихъ «пши» было въ Вильнѣ тьма-тьмушая и запомнить фамиліи ихъ не было никакой возможности, то ихъ, обыкновенно, и называли по нумерамъ—въ тѣхъ случаяхъ, если приходилось упоминать о нихъ.

— Вы слышали (говорилось, напр.), «пши» № 55-й опять скандалъ учинилъ—побилъ содержательницу «пансіона», Рахиль Лебензоншу?

Или:—А «пши» № 29-й опять приглашался къ полиціиместеру: травилъ собакою поляка портного, когда тотъ пришелъ къ нему со счетомъ...

И все въ томъ же родѣ... «Пши» эти ровно ничего не дѣлали, фланировали по Вильнѣ, кутили и буянили. На нихъ, въ большинствѣ случаевъ, не было ни суда, ни управы, такъ какъ, никакихъ мировыхъ судей въ то время еще не существовало, и жаловаться надо было въ ту же полицію. Тѣмъ не менѣе, этимъ господамъ шли чины, перепадали иногда и награды—«за отличіе»; а когда былъ открытъ пресловутый пяти-милліонный фондъ на покупку отъ польскихъ помѣщиковъ имѣній въ русскія руки и послѣдовалъ извѣстный указъ 10-го декабря 1865 года, то большинство этихъ «пши» превратилось въ помѣщиковъ и заговорило объ «обрусѣніи» края... Смѣнялись вполнѣдствіи генераль-губернаторы,—я «пши», подобно саранчѣ, поднимались вверхъ и куда-то улетали; но на ихъ мѣсто, съ пріѣздомъ новаго генераль-губернатора, прилетала и новая туча, выглядывала конфискованныя и секвестриванныя имѣнія,—на которыя и опускалась по одиночкѣ...

Чтобы покончить съ этими «пши», я забѣгу нѣсколько впередъ. Въ 1869 году, мнѣ снова пришлось быть въ Вильнѣ, въ управленіе уже генерала Потапова. Велико было мое изумленіе, когда я, въ тучѣ многочисленной, по прежнему, «пши», встрѣтилъ множество поляковъ, съ гвардейскимъ штабсъ-ротмистромъ графомъ Грабовскимъ во главѣ!.. Этотъ сіятельный «пши», какъ извѣстно, покончилъ тѣмъ, что, пользуясь выгодами своего положенія при генералъ-губернаторѣ, ликвидировалъ спокойнымъ образомъ свои дѣла по имѣніямъ, уѣхалъ «въ отпускъ» за границу и уже назадъ къ намъ не возвратился,—сопричисливъ тамъ себя къ лику самыхъ «непримиримыхъ» эмигрантовъ..

Другого такого «пши», но уже изъ другой національности, я встрѣтилъ случайно, въ Гродненской губерніи, гораздо позже. Это былъ русскій нѣмецъ, съ сильною протекціей, прошедшій огонь, воду и всѣ мѣдныя трубы петербургскихъ приемныхъ, а также и рестораноу Малой-Морской, едва не понавший на должность директора московскихъ театровъ и захавшій, «на счастье», въ Вильну къ генералу же Потапову. Въ Гродненской губерніи я встрѣтилъ его уже въ должности «обрусителя»—владѣльцемъ огромнаго имѣнія и почетнымъ мировымъ судьей... Онъ успѣлъ уже извлечь изъ имѣнія всѣ выгоды и вытянуть всѣ соки, заложилъ и перезаложилъ его, вырубилъ дѣсъ и подумывалъ уже о томъ, какъ бы поскорѣ «бросить» имѣніе—на шею казнѣ и виленскому земельному банку..

Но въ томъ же ресторанѣ Вильны, въ маѣ мѣсяцѣ 1864 года, можно было встрѣтить и совсѣмъ иные типы и характеры. Это были тѣ русскіе люди, тѣ вѣрные—если можно выразиться—слуги Россіи, которые пріѣхали въ край во имя идеи, чтобы послужить русскому дѣлу, не рассчитывая на кресты и чины и еще мѣнѣе на конфискованныя польскія имѣнія,—такъ какъ, это были люди, по большей части, не бѣдные, люди старинныхъ дворянскихъ фамилій, жившіе до этого въ своихъ собственныхъ помѣстьяхъ. Они ѣхали въ край не за приключеніями и наживой: ѣхали они сознательно, хорошо понимая положеніе дѣла, мирясь заранѣе съ той ненавистью, которую неминуемо должны были встрѣтить со стороны кореннаго польскаго населенія въ краѣ и преимущественно со стороны помѣщиковъ; Муравьевъ не былъ для нихъ знаменемъ, вокругъ котораго они собирались,—такъ какъ собирались они не на кличъ Муравьева, а непосредственно на призывъ самого правительства, по его приглашеніямъ. Большинство ихъ занимало тѣ же самыя должности и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи—служило членами губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, или мировыми посредниками,—живя у себя дома; многіе изъ нихъ пооставляли тамъ свои семейства, пріѣхали одни и стали жить, поневолѣ, на два дома. Со многими изъ нихъ мнѣ довелось

впослѣдствіи встрѣтятся во время моей службы и сойтутся близко,—и мнѣ, можетъ быть, придется еще говорить о нихъ болѣе обстоятельно и подробно.

Свѣтлыми полосами на темномъ фонѣ проходили эти сѣтели русскаго дѣла,—и немногимъ изъ нихъ посчастливилось уйти изъ края «вольной волею»: большинство ушло «не хотя»—сначала, въ 1866 году, вслѣдъ за увольненіемъ К. П. Кауфмана, когда ихъ десятками увольняли отъ службы «для пользы службы»; а затѣмъ, въ 1868 году, тотчасъ же по назначеніи генераль-губернаторомъ Потапова, который иногда, увольняя отъ службы, выселялъ, въ то же время, изъ края уволенныхъ лицъ въ 24 часа. Именно такъ былъ уволенъ имъ и высланъ изъ Вильны коллежскій ассесоръ Л. Н. Антроповъ, занимавшійся впослѣдствіи литературою и написавшій навѣстную пьесу «Блуждающіе огни». Вотъ, подлинный рассказъ покойнаго Антропова объ этомъ увольненіи, слышанный мною отъ него лично, въ Москвѣ, въ 1871 году, который я, кстати, и приведу здѣсь.

«Я служилъ въ Вильнѣ, въ канцеляріи генераль-губернатора—рассказывалъ Лука Николаевичъ,—и на меня, иногда, возлагались очень серьезныя и кропотливыя работы. Съ пріѣздомъ Потапова въ Вильну, когда систематически стали уничтожать все то, что было создано въ краѣ Муравьевымъ и Кауфманомъ, я, грѣшный человѣкъ, не стерпѣлъ—и сталъ, подъ строжайшимъ инкогнито, пописывать въ «Голосъ». Корреспонденціи мои производили въ Вильнѣ не малую сенсацію; начальство тщательно розыскивало автора, но найти не могло. Такъ шло дѣло мѣсяца два-три. Однажды, по случаю большого табельнаго дня, былъ у Потапова официальный обѣдъ, на который, въ числѣ другихъ, былъ приглашенъ и я. За этимъ обѣдомъ, генераль-губернаторъ, въ довольно громкомъ разговорѣ съ 3—ымъ, сталъ выражать свое profession de foi и свои взгляды по управленію краемъ; въ выраженіяхъ онъ, понятнo, не стѣснялся,—такъ что, послѣ обѣда, мы, русскіе, ходили понуря голову, словно уличенные преступники, и подумывали только о томъ, какъ бы поскорѣе разойтись по домамъ; бывшіе же на этомъ обѣдѣ поляки ходили, напротивъ, высоко задравъ носы и поглядывали на насъ самымъ оскорбительнымъ и вызывающимъ образомъ... Нѣсколько дней спустя послѣ этого позорища, я послалъ въ «Голосъ» письмо «Изъ сѣверо-западнаго края», которое редація и помѣстила въ нижнемъ этажѣ газеты, фельетономъ. Въ этомъ злосчастномъ письмѣ, говоря о положеніи дѣлъ въ Литвѣ, я привелъ и взгляды Потапова; нѣкоторыя же подлинныя его фразы, сказанныя за обѣдомъ—самыя безцеремонныя,—я привелъ въ кавычкахъ, не указывая, конечно, высокопоставленнаго автора этихъ фразъ. Затѣмъ—я уже не могу сказать навѣрное,—самъ-ли я какъ-нибудь сдѣлалъ по разсѣянности ошибку, или же редація, въ которой

хозяйничалъ тогда Леонтьевъ, но подъ фельетономъ появились двѣ буквы: Л. А... Фельетонъ этотъ былъ высланъ Потапову изъ Петербурга, какъ мнѣ потомъ передавали, министромъ внутреннихъ дѣлъ, генераломъ Тимашевымъ, подчеркнутый синимъ карандашомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли фразы Потапова въ роковыхъ вычкахъ; требовались объясненія... Авторъ былъ ровысканъ очень скоро: взяли списокъ приглашенныхъ къ обѣду,—и меня, раба Божьяго, открыли... Однажды вечеромъ, я, ничего еще не знавшій объ этомъ открытіи и о самомъ даже напечатаніи фельетона, сидѣлъ въ своей квартирѣ и писалъ новую корреспонденцію въ «Голосъ». Вдругъ, входитъ офицеръ, «пши» № 112-й, и проситъ меня «пожаловать немедленно къ его высокопревосходительству». Черезъ десять минутъ, я былъ уже во дворцѣ и проходилъ по заламъ, въ сопровожденіи того же самаго «пши»; передъ кабинетомъ меня остановилъ полковникъ Е—овъ, сухо поклонился мнѣ, не подавая руки, и пошелъ «доложить». Я сейчасъ же догадался, что дѣло плохо: всѣ «пши», толкавшіеся передъ кабинетомъ, или положительно отворачивались отъ меня, или же смотрѣли на меня такими глазами, какъ смотрятъ злые люди на преступника, ведомаго на казнь... Но вотъ, распахнулась дверь кабинета, показался Е—овъ и произнесъ беззвучное—«вась просятъ!!!» Войдя въ кабинетъ, я увидѣлъ Потапова бѣгающимъ своими маленькими шажками по ковру, съ какою-то бумажкою въ рукахъ. Онъ быстро направился ко мнѣ, остановился передъ самымъ моимъ носомъ и, потрясая рукою и бывшею въ ней бумажкою, спросилъ дрожащимъ отъ волненія и злобы голосомъ:

— Это что??..

«Я взглянулъ на вырѣзку, узналъ нижній этажъ «Голоса» — и отвѣтилъ: — Фельетонъ...

Потаповъ сверкнулъ на меня черезъ рince-nez глазами и почти задыхающимся голосомъ проговорилъ:

— Это вы писали?—и ткнулъ пальцемъ на инициалы моего имени...

«Я всмотрѣлся — вижу, стоятъ двѣ буквы — Л. А., то-есть, Лука Антроповъ... догадался, конечно, что это — мой фельетонъ, появленія котораго я ожидалъ, и, ничтоже сумняся, отвѣтилъ:—Я, ваше высокопревосходительство...

«Потаповъ, видимо, никакъ не ожидалъ подобнаго откровеннаго отвѣта... Онъ отскочилъ отъ меня на нѣсколько шаговъ, словно ужаленный, потрясъ въ воздухѣ влополучнымъ фельетономъ и, почти съ нѣною у рта, проговорилъ:

— Милостивый государь! такіе поступки называются...

«Тутъ онъ остановился, видимо пріискивая слово... Вся кровь ударила мнѣ въ лицо: я боялся, что онъ скажетъ какое нибудь оскорбительное и крайне дерзкое слово... Я инстинктивно оглянулся — есть ли кто нибудь въ кабинетѣ; оказалось — никого...

— Такіе поступки... называются — бестактствомъ!..

«У меня polegало на душѣ..»

— Потрудитесь выѣхать изъ Вильны въ двадцать четыре часа и сейчасъ же подайте прошеніе объ отставкѣ!

«Я молча поклонился, повернулся къ дверямъ — и вышелъ изъ кабинета. Когда я одѣвался въ передней, ко мнѣ подошелъ какой-то молодой жандармскій офицеръ и объявилъ, что ему поручено наблюсти за исполненіемъ приказанія генераль-губернатора относительно моей особы; то-есть, говоря короче, онъ былъ приставленъ ко мнѣ на 24 часа.. Мы вмѣстѣ пріѣхали на мою квартиру, вмѣстѣ пили чай, ужинали и вмѣстѣ же укладывали мои вещи; ночевалъ этотъ офицеръ тоже у меня и терпѣливо ждалъ меня на другой день, когда я поѣхалъ подать прошеніе объ отставкѣ и кое съ кѣмъ проститься; онъ же очень любезно и проводилъ меня на вокзалъ желѣзной дороги и даже предупредилъ, чтобы я бралъ билетъ «подальше — за черту виленскаго генераль-губернаторства».

Точно также «нехотя», хотя и не съ такою помпой и быстрою, былъ удаленъ изъ Вильны и Н. Н. Воскобойниковъ, — если не ошибаюсь, за свои корреспонденціи въ «Московскія Вѣдомости». Я бы могъ насчитать цѣлые десятки очень почтенныхъ русскихъ людей, удаленныхъ изъ края самымъ оскорбительнымъ образомъ — за единственную ихъ вину, что они были русскіе, дѣйствовали въ русскомъ духѣ и не соглашались тянуть въ польскую руку, — при измѣнившемся направленіи вѣтра во внутреннемъ управленіи этого несчастнаго сѣверо-западнаго края.

Иногда, при этихъ изгнаніяхъ русскихъ людей, случались и комическіе эпизоды. Въ 1868 году, мнѣ передавали въ Могилевѣ слѣдующій случай. Призываетъ, однажды, къ себѣ А. Л. Потаповъ почтеннаго Н. А. З—ова, на которомъ лежало крестьянское дѣло, и предлагаетъ ему подать въ отставку, прибавляя, между прочимъ, что обрусѣніе края, которому неумоимо служилъ З—овъ, уже «отмѣнено»... З — овъ былъ человекъ флегматическій, говорилъ густымъ басомъ, медленно, обдумывая каждое свое слово.

— Ваше высокопревосходительство желаете, чтобы я подалъ въ отставку?

— Да, желаю и даже требую этого отъ васъ.

З—овъ подумалъ...

— А я желаю служить и въ отставку не подамъ, ваше в—ство.

Потаповъ вспылилъ:—Я васъ вышлю изъ Вильны!..

— За что же меня выслать, ваше в—ство?!.. Я — статскій совѣтникъ, корреспонденцій въ газеты не пишу, дѣломъ своимъ занимаюсь усердно.. Позвольте ужъ дождаться мнѣ въ Вильнѣ того времени, когда, въ свою очередь, ополяченіе края будетъ «отмѣнено», а обрусѣніе начнется съязнова..

Кончилось, однако, тѣмъ, что З—овъ былъ уволенъ отъ службы, такъ и не дождавшись отгѣны «ополченія» края...

Страннѣ всего и, пожалуй даже, обиднѣ всего было то обстоятельство, что наша либеральная пресса того времени считала своимъ гражданскимъ долгомъ не только глумиться, но даже бросать грязью въ этихъ честныхъ борцовъ русскаго дѣла, изгоняемыхъ генераломъ Потаповымъ изъ края, въ которомъ «обрусьніе» было такъ легкомысленно и неожиданно «отгѣнено». Несчастные «патріоты» очутились, вслѣдствіе этого, между двухъ огней: ихъ подвергали остракизму въ Вильнѣ и оплеванію въ Петербургѣ — со стороны либеральной печати. Но еще страннѣе и необычайнѣе было слѣдующее *qui pro quo* въ русской прессѣ того времени: упомянутые петербургскіе либералы вытаскивали лишь изъ огня каштаны—для газеты «Вѣсть», издававшейся гг. Скарятиннымъ и Юматовымъ... Тѣ и другіе пѣли въ унисонъ по вопросу о «патріотахъ» сѣверо-западнаго края, хотя пѣли совершенно по разнымъ нотамъ. Но газета «Вѣсть» ставила, по крайней мѣрѣ, вопросъ ребромъ, обвиняя насъ въ социализмъ и коммунистическихъ дѣйствіяхъ; она прямо и откровенно «докладывала» властямъ, потерявшимъ, послѣ извѣстнаго событія 4-го апрѣля, голову: «Тамъ (въ сѣв.-зап. краѣ)—съ одной стороны, мы видимъ массу голодныхъ пролетаріевъ, съ другой—отданное ей на жертву право собственности». Между тѣмъ, надо было бы сказать слѣдующее: «Вся будущая судьба и имуществонное благо почти шести милліоновъ крестьянъ, населяющихъ шесть губерній, устраиваются на вѣчныя времена на счетъ нѣсколькихъ тысячъ помѣщиковъ (въ числѣ которыхъ не мало русскихъ и нѣмцевъ), пользовавшихся, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, даровымъ трудомъ этихъ самыхъ шести милліоновъ». А если эти коментаріи продолжить, то можно бы было, пожалуй, прибавить слѣдующія мысли: «Крестьяне вознаграждались еще и за то, что не приняли участія въ мятежѣ и не обратили, такимъ образомъ, войну съ «москалями» въ народную; помѣщики же (польскіе, преимущественно) наказывались «раззореніемъ», во-первыхъ, за открытое возстаніе, а во-вторыхъ, за свои недобросовѣстно составленныя — клонящіяся къ вѣчному поработенію крестьянъ — уставныя грамоты; въ третьихъ же, это мнимое «раззореніе» гарантировало для Россіи политическое спокойствіе въ краѣ, со стороны польскихъ помѣщиковъ, по крайней мѣрѣ лѣтъ на 30 — и ужъ во всякомъ случаѣ вплоть до большой войны въ раіонѣ этого самаго края!!»

Либеральныя «Отечественныя Записки», такъ горячо и неустанно проповѣдывавшія защиту и социальное обезпеченіе «меньшихъ братій»—т. е. крестьянъ же—стали кидать грязью въ насъ—«соціалистовъ» (кличка данная намъ «Вѣстью»), просто по одному подовѣрнію насъ въ «патріотизмъ», чувствъ весьма консерватив-

номъ, по ихъ мнѣнію, и въ которомъ мы, дѣйствительно, были немного грѣшны.. Такъ или иначе, но я, вспоминая о томъ времени, невольно отмѣчаю этотъ фактъ замѣчательнаго единодушія между двумя столь различными направленіями тогдашней прессы и останавливаюсь надъ нимъ въ крайнемъ недоумѣніи... Ясно было, впрочемъ, одно: газета «Вѣсть» хорошо и тонко знала—что она говорить, о чемъ и ради спасенія чего и кого; либеральный же журналъ, а за нимъ, и нѣкоторыя газеты впоследствии, не знали и не понимали всей важности вопроса, о которомъ принялись разсуждать, въ рендантъ съ газетою гг. Скарятина и Юматова. Они не хотѣли знать дѣла, а видѣли только людей. При этомъ, ихъ поверхностный и близорукий петербургскій взглядъ видѣлъ лишь разные подонки и осадки русскаго приказнаго чиновничества, отъ которыхъ спѣшили освободиться многіе губернаторы-«патріоты», начальствовавшіе во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Но Муравьевъ, обыкновенно, отправлялъ эти непригодные транспорты обратно, «въ Россію», на счетъ доставившихъ ихъ губернаторовъ-«патріотовъ». Понятно, что кое-что, не поддающееся уловленію на первыхъ порахъ, оставалось и въ краѣ; но все это, вмѣстѣ взятое, съ присоединеніемъ даже всей тучи «пши», отъ которой не въ силахъ избавиться у насъ ни одинъ генераль-губернаторъ и намѣстникъ, ни одинъ главнокомандующій (даже и такой, какъ, на примѣръ, Черняевъ въ Сербіи),—все это не составляло собою тѣхъ русскіихъ людей, которые явились въ край устроить бытъ и благо шести-милліоннаго крестьянскаго населенія, обнищавшаго, забитаго и низведеннаго панями на степень рабочаго скота, населенія, надъ православною вѣрою котораго глумились и надругались въ-явь, называя ее «хлѣпскою вірою», населенія, въ жилахъ котораго отрицалась даже человѣческая кровь, а допускалась лишь собачья—«пса кровь»... Насколько эти труженники идеи выполнили свою великую задачу—я коснусь, отчасти, въ послѣдующихъ главахъ моего разсказа, въ которомъ теперь же прошу извинить нѣкоторую непослѣдовательность и неизбежныя забѣганія впередъ.

II.

Представленіе Муравьеву. — Его внѣшность и личность. — Легенды «о покушеніяхъ» на него. — Дорога изъ Вильны до Борисова. — Еврейская «балагула» и фурманъ-философъ. — Еврейская сила и эксплуатація. — Plika polonica и крестьяне Минской губерніи. — Православное духовенство. — Крестьянскій хлѣбъ. — Городъ Борисовъ. — Легенда о Наполеонѣ. — Полковникъ Домбровскій.

На другой день, утромъ, я отправился во дворецъ, для представленія генераль-губернатору Муравьеву. Въ первой большой залѣ я увидѣлъ массу различныхъ лицъ—чиновниковъ, военныхъ,

духовныхъ, помѣщиковъ и дамъ; одни—представлялись, другіе были съ просьбами; не видно было ни одного крестьянина или крестьянки. Какой-то жандармскій полковникъ, кажется, г. Лосевъ, и поручикъ гвардейскаго стрѣлковаго баталіона Бибиковъ стали обходить всѣхъ собравшихся, спрашивать и записывать—кто и зачѣмъ? Зачѣмъ, началась сортировка: всѣхъ лицъ официальныхъ и служащихъ попросили въ слѣдующую залу, называвшуюся «малиновою комнатою», остальные остались въ этой, большой. Въ «малиновой комнатѣ» насъ поставили по рангамъ и чинамъ, полукругомъ; сначала стали военные, а за ними гражданскіе чиновники; между послѣднимъ было нѣсколько человекъ въ придворныхъ мундирахъ—камергерскихъ и камеръ-юнкерскихъ. Все это ожидало Муравьева...

Не безъ нѣкотораго волненія ожидалъ я выхода и появленія этого—по описаніямъ и рассказамъ—страшнаго человека. Чего-чего только не говорилось въ то время о Муравьевѣ! какихъ ужасовъ не печатали о немъ въ заграничныхъ изданіяхъ и въ «Колоколѣ»!.. Въ одной изъ французскихъ газетъ, напримѣръ, рассказывалось, какъ о достовѣрномъ фактѣ, что поляковъ, политическихъ преступниковъ, подвергаютъ каждую ночь пыткамъ, въ присутствіи самого Муравьева; что, во время обѣда, ему ежедневно подаютъ красный борщъ, подкрашенный кровью пытаемыхъ преступниковъ... Весь этотъ и тому подобный вѣдоръ находилъ, иногда, легковѣрныхъ читателей, которые вѣрили этому лганью безусловно.

Минуть десять мы стояли въ залѣ въ молчаливомъ ожиданіи; но вотъ, дверь слѣва, изъ кабинета, тихо отворилась и въ залу вошла Муравьевъ... Вся его внѣшность, дѣйствительно, производила не особенно пріятное впечатлѣніе: чрезвычайно полный и ожирѣвшій, съ короткою и толстою шеей, съ лицомъ безстрастнымъ и холоднымъ, на которомъ, подъ нависшими сѣдыми бровями, блестѣли недобрые, маленькіе глаза, устремлявшіеся «какъ двѣ свинцовыя пули», на того человека, съ которымъ онъ разговаривалъ... Сѣдые, коротко подстриженные усы и отвисшій жирный подбородокъ еще болѣе увеличивали тяжелое впечатлѣніе, производимое, на первыхъ порахъ, его внѣшностью. Въ pendant къ этому, отрывистыя фразы вопросовъ, металлическій тѣмбръ голоса и полуоборотъ къ каждому представляющемуся лицу бокомъ, вслѣдствіе глухоты на одно ухо...

Не болѣе пятнадцати минутъ было посвящено Муравьевымъ на всю эту церемонію. Выслушавъ обычную, казенную фразу представленія, онъ кивалъ головой, дѣлалъ какой нибудь короткій вопросъ въ родѣ, «гдѣ учились?» «какой губерніи?»—и, шлепая мяткими сапогами по полу, переходилъ къ слѣдующему лицу. Ни для кого не нашлось у него ни теплаго слова, ни улыбки; я не замѣтилъ даже, чтобъ онъ подалъ кому нибудь руку, хотя въ числѣ представлявшихся было два-три генерала и нѣсколько придворныхъ съ русскими и иностранными звѣздами и орденами. Самъ онъ о

былъ очень просто: въ обыкновенномъ сюртукѣ съ генеральскими погонами, на которыхъ былъ вышитъ номеръ той дивизіи, въ которой считался полкъ его имени; ни одного ордена не было на немъ. Въ правой рукѣ у него была толстая трость, на которую онъ сильно опирался. Вообще, онъ имѣлъ видъ совсѣмъ дряхлаго старика, разбитаго и болѣвнями, и годами, и надо было удивляться, какъ этотъ разслабленный старикъ могъ работать въ сутки по 18-ти часовъ, принимая доклады съ 5-ти часовъ утра!..

Когда онъ обошелъ весь нашъ полукругъ, мы ожидали, что онъ выйдетъ въ сосѣдній залъ, гдѣ ожидала его гораздо большая часть просителей, нуждавшаяся въ немъ, очевидно, больше нашего; но онъ круто повернулъ къ дверямъ кабинета, пригласилъ, на ходу какого-то генерала изъ числа представлявшихся и, вмѣстѣ съ нимъ, исчезъ изъ нашихъ глазъ. Когда мы проходили чрезъ большой залъ, то видѣли, что двое адъютантовъ Муравьева отбирали заготовленные ему прошенія; всей этой публикѣ было объявлено, что генераль-губернаторъ, по неимѣнію времени, не можетъ къ нимъ выйти... Тяжелое и жалкое чувство произвели на меня эти отверженные просители; между ними были сѣдые старики, масса дамъ, съ опухшими и красными отъ слезъ глазами, были и несчастныя дѣти... Все это держало въ дрожащихъ рукахъ «прошенія» — о помилованіи, о смягченіи участи виновныхъ, судившихся въ военныхъ судахъ, объ освобожденіи имѣній отъ наложенныхъ на нихъ конфискацій и секвестровъ...

Когда мы уже одѣвались въ передней, то большинство нашей публики (официальной) утверждало, что Муравьевъ потому не вышелъ въ сосѣдній залъ, что, нехѣли за двѣ передъ этимъ, тайная полиція Вильны пронюхала о новомъ, готовящемся, будто бы, на него покушеніи и предупредила его быть осторожнымъ. На сколько вѣрнѣнъ этотъ фактъ, я не знаю; но одно изъ штабныхъ при Муравьевѣ лицъ передавало мнѣ на другой день, что подобное покушеніе, дѣйствительно, вещь очень возможная въ Вильнѣ, даже и теперь, по прошествіи почти года со времени подавленія мятежа въ край; что мѣсяцевъ пять назадъ, въ числѣ просительницъ являлась молодая и изящно одѣтая дѣвушка-полька и, съ прошеніемъ въ рукахъ, ожидала Муравьева въ этомъ же большомъ залѣ; но одинъ изъ агентовъ полиціи далъ знать во дворецъ, всего за нѣсколько минутъ до выхода Муравьева въ залъ, что въ числѣ просительницъ имѣется новѣйшая Шарлота Кордъ... Пригласили, по указанію агента, эту барышню въ особую комнату, обыскали ее и нашли при ней маленькій кинжалъ; но она не созналась въ готовящемся покушеніи, и имѣніе при себѣ кинжала объяснила привычкою, усвоенною во время террора, носить при себѣ оружіе. Исторію эту я слышала впоследствии не разъ, въ Могилевской и Минской губерніяхъ, изъ разныхъ источниковъ; по польскому варианту,

дѣвушка эта была повѣшена въ тюрьмѣ, по личному приказанію Муравьева. Это, конечно, ложь; но что ее не похвалили за ея «подвигъ»—въ этомъ, понятно, не можетъ быть и сомнѣнія, если только, вообще, вся эта исторія не легенда, раздутая русскими же изъ мухи въ слона.

Подобныхъ легендъ, связанныхъ съ именемъ Муравьева, ходило въ то время по устамъ не мало; фабриковались онѣ въ обоихъ лагеряхъ съ одинаковымъ усердіемъ и искусствомъ, хотя и съ совершенно разными цѣлями: одни видѣли въ этихъ легендахъ «о покушеніяхъ» полезную для нихъ сенсацію, другіе—сочиняли ихъ по чувству понятной ненависти, изъ желанія смутить покой безстрашного врага...

Черезъ два дня я выѣхалъ изъ Вильны. Мнѣ было бы ѣхать въ Борисовъ, Минской губерніи, къ одному родственнику, служившему тамъ. Я, желая поближе присмотрѣться къ краю, рѣшилъ ѣхать не на почтовыхъ, а на долгихъ, и нанялъ въ Вильнѣ еврея-фурмана, оглядѣвъ, предварятельно, его экипажъ и лошадей: лошади, пара, оказались очень хорошія, но экипажъ довольно подвортлелелекъ; это была «балагула»—нѣчто въ родѣ русской телѣги, но гораздо длиннѣе ея и вся крытая... Скрѣпя сердце, я и мой человѣкъ усѣлись въ этотъ ковчегъ, наполнивъ его сначала вещами; сверхъ ожиданія, экипажъ этотъ оказался на-ходу очень спокойнымъ; т. е., сравнительно съ почтовой телѣжкой, и я въ первый же день путешествія къ нему приновился и привыкъ. Мы ѣхали не особенно быстро; мой возница не пропускалъ ни одной корчмы, ни одного селенія и мѣстечка: онъ вездѣ останавливался, передавалъ свѣже добытыя новости Вильны, получалъ за это, взаменъ, всѣ мѣстные новости—и ѣхалъ дальше. Я нисколько не жалѣлъ, что не поѣхалъ на почтовыхъ: мнѣ, во-первыхъ, нужно бы было, съ вещами и человѣкомъ, брать двѣ телѣжки; а во-вторыхъ, летя на почтовыхъ, я не могъ бы ни видѣть, ни узнать обстоятельно и вблизи этого интересующаго меня края и народа. Мой фурманъ, какъ оказалось, занимался извозомъ болѣе 20-ти лѣтъ, родомъ онъ былъ изъ Минска, гдѣ у него имѣлся собственный домъ и семья; онъ хорошо зналъ свой край и народъ, но ко всѣмъ фактамъ и явленіямъ мѣстной жизни относился съ своей, чисто-еврейской точки зрѣнія и объяснялъ ихъ по-своему. Однажды, напримѣръ, онъ слишкомъ много распространялся о бѣдности еврейскаго населенія; поэтому, я спросилъ его, указывая на работающихъ въ полѣ крестьянъ:

— Отчего же евреи не займутся хлѣбопашествомъ? ктѣ имъ мѣшаетъ работать и не бѣдствовать (въ то время, я наивно полагалъ, что евреи, и въ самомъ дѣлѣ, бѣдствуютъ)...

Мой фурманъ обернулся всѣмъ корпусомъ, посмотрѣлъ на меня плутовскимъ взглядомъ и далъ мнѣ слѣдующій многозначитель-

ный отвѣтъ, который отлично сохранился въ моей памяти, вслѣдствіе своей оригинальной логики и нѣкоторой доли цинизма.

— Теперь, отвѣтилъ фурманъ, мужики пахутъ землю и ѣдятъ хлѣбъ съ мякиной и лебедой, а евреи не пахутъ землю и ѣдятъ хлѣбъ чистый. Если же и евреи станутъ пахать землю, то кто же тогда будетъ ѣсть чистый хлѣбъ?!

Евреи разсуждали очень вѣрно. Зачѣмъ имъ пахать землю, когда для этого есть мужикъ, трудъ котораго они привыкли эксплуатировать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ? Польскіе помѣщики тоже находятся въ ихъ цѣпкихъ рукахъ: ни одинъ панъ ничего не продастъ и не купитъ безъ посредства еврея. Возстаніе еще болѣе способствовало евреямъ затянуть покрѣпче мертвую петлю, закинутую ими на помѣщичью шею: девять десятыхъ помѣщиковъ оказалось въ неоплатныхъ долгахъ у евреевъ; сначала деньги брались «на офяру», т. е. на возстаніе, а потомъ для того, чтобы выпутаться какъ нибудь изъ бѣды, выйти сухими изъ воды; наконецъ, деньги нужны были и на жизнь тѣмъ, которые уцѣлѣли, и тѣмъ, которые были сосланы. Въ банкахъ же и приказахъ общественаго призрѣнія денегъ подъ имѣнія нельзя было достать уже, потому, что $\frac{2}{3}$ имѣній были заложены еще раньше, до возстанія. И вотъ, началась отдача въ еврейскія руки, въ аренду, на долгіе сроки, земель и всѣхъ доходныхъ статей въ имѣніяхъ — корчма, мельницъ, заводовъ, и все это за полцѣны, а иногда и того менѣе; началась вырубка и опустошеніе лѣсовъ, отдача луговъ въ аренду на тѣхъ же долгосрочныхъ условіяхъ... Въ еврейскія же руки перешла и вся почти помѣщичья движимость. Часто, по дорогѣ, я встрѣчалъ въ корчмахъ старинную дорогую мебель изъ краснаго дерева, зеркала въ золоченыхъ рамахъ, дорогіе ковры, массивные бронзовые подсвѣчники;—все это покупалось корчмариами за безцѣнокъ у помѣщиковъ или на аукціонахъ. Забравъ въ свои руки всѣ имѣнія, еврей, понятно, подчинили себѣ и крестьянъ, живущихъ при этихъ имѣніяхъ, и очень естественно, что имъ не было нужды пахать землю и ѣсть «нечистый» хлѣбъ... Въмѣсто «обрусѣнія», которое, какъ извѣстно, въ концѣ-концовъ не удалось, край ожидался, если можно такъ выразиться, и довольно успѣшно и быстро... Недоставало только права евреямъ покупать имѣнія на свое имя; но это право было имъ вслѣдствіи дано. А когда потомъ послѣдовало вновь воспрещеніе евреямъ покупать имѣнія на свое имя, то они стали подѣискивать подставныхъ лицъ, и обходили законъ самымъ отличнымъ образомъ... А крестьяне, между тѣмъ, изъ помѣщичьей кабалы попали въ еврейскую, еще болѣе худшую и безжалостную. Мнѣ потомъ, по должности мирового посредника, приходилось не разъ вчинать войну противу этой кабалы, и всегда еврей выходилъ побѣдите-

телями... Но объ этомъ мнѣ доведется, можетъ быть, говорить ниже и въ свое время.

Едва только я переѣхалъ изъ Виленской губерніи въ Минскую, какъ внѣшняя фізіономія народа быстро измѣнилась: вмѣсто Литвы, начиналась Бѣлоруссіа, этотъ забытый Богомъ и забытый людьми край... Въ первый разъ въ жизни я увидѣлъ людей съ колтунами на головахъ. Это—страшная и отвратительная болѣзнь волосъ (рѣзка polonika), свойственная лишь этой мѣстности; колтунъ встрѣчается въ Минской и Могилевской губерніяхъ очень часто, въ каждомъ почти мѣстечкѣ и селеніи; въ Витебской губерніи его можно встрѣтить гораздо рѣже. Избавиться отъ этой ужасной болѣзни невозможно, коль скоро разъ она началась. Подъ Минскомъ, въ корчмѣ, во время кормленія лошадей, я встрѣтилъ одного отставного чиновника казенной палаты, еще не стараго, потерявшаго совершенно зрѣніе: онъ рѣшился срѣзать колтунъ, т. е. остричься, и ослѣпъ; а иногда, послѣ произвольнаго снятія колтуна, отнимаются ноги, или руки; самъ онъ сваливается съ головы очень рѣдко, и то лишь спустя долгіе годы.

Крестьяне Минской губерніи поражали меня своимъ испитымъ, болѣзненнымъ видомъ, малымъ ростомъ, бѣлаго сукна рубищами, въ которыя были одѣты. Избы ихъ всѣ курныя, темныя, сырыя; лошади ихъ ростомъ не больше обыкновенныхъ годовыхъ жеребятъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ; земля—или сплошныя болоты въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, или «подволица», родящая при удобреніи самъ-другъ и рѣдко самъ-третьей. Не даромъ, покойный Добролюбовъ замѣтилъ, что бѣлоруссы совсѣмъ измелъчавшая и забытая человѣческая раса, мало похожая на обыкновенныхъ людей..

По дорогѣ, когда приходилось кормить лошадей въ селеніяхъ, гдѣ были православныя церкви, я шелъ, обыкновенно, въ домъ священника и знакомился. Духовенство это жило бѣдно и приниженно; во время возстанія они натерпѣлись не мало страху и обидъ отъ повстанцевъ; нѣсколько священниковъ Минской губерніи были даже повѣшены за свою преданность русскому правительству. Деревянныя церкви въ селеніяхъ были тоже очень бѣдны и ветхи; рѣдкія изъ нихъ имѣли паникадилы. Даже въ Борисовѣ, городѣ большимъ и населенномъ, православный соборъ былъ деревянный и очень бѣдный; единственное украшеніе его снаружи состояло изъ старыхъ, громадныхъ, пирамидальныхъ тополей. Какъ бы въ противуположность православнымъ храмамъ, всегда по близости ихъ стоялъ грандіозный польскій костелъ, непремѣнно красивый, каменный, просторный, съ каменными же постройками для ксендзовъ (пшебанствомъ), съ роскошнымъ садомъ. Все было рассчитано на эффектное преимущество передъ православіемъ, насажденномъ здѣсь лишь со времени обращенія уніатовъ, при митрополитѣ виленскомъ

Иосифъ Сѣмашко; но православіе это пришлось не ко двору Литвѣ и Бѣлоруссіи, и съ теченіемъ времени неопиты ополячивались по прежнему; іезуитско-польская пропаганда дѣлала свое дѣло искусно и услѣбно, и край, мало по малу, утрачивалъ свой русскій обликъ... Не случись возстанія, то чрезъ какіе нибудь десять-двадцать лѣтъ, великое дѣло Сѣмашки поггло бы безслѣдно. Доходило уже до того, что сами священники говорили съ своими прихожанами, въ большинствѣ случаевъ, по-польски. Если крестьянинъ приходилъ въ домъ священника съ какою нибудь требой, то первую его фразой, послѣ поклона, было обычное: «Нахъ бѣндзе похваленный Езусъ Христусъ!»—на что священникъ отвѣчалъ, обыкновенно: «Амен»!.. Паны и экононы внушали крестьянамъ, что «ксендза плебана потшеба для пана, а подпа для жаднѣго хлопа», и крестьяне, смущаемые этимъ догматическимъ изреченіемъ, подтверждавшимся дѣйствительностью, тянули въ костелъ, а не въ церковь. Православные храмы пустѣли; польскіе же костелы были полны народу, преимущественно, крестьянъ. И это въ мѣстечкахъ; о городахъ уже и говорить нечего. Тогда, нѣкоторые православные священники, изъ бывшихъ униатовъ, чтобы удержать за собою разбѣгающуюся паству, прибѣгли къ слѣдующему малодушному приему: въ русскихъ церквахъ они, понемногу, стали вновь вводить обряды прежняго униатскаго богослуженія... Еще въ 1864 году, т. е. спустя годъ послѣ возстанія, я, во время пребыванія въ Борисовѣ, встрѣтилъ въ православномъ соборѣ, во время всенощной, употребленіе колокольчиковъ, и священникъ, при земныхъ поклонахъ, падалъ на землю «кршижемъ»...

Подъ Борисовымъ версть за десять, мы остановились въ маленькой деревнѣ, чтобы дать усталымъ лошадямъ вздохнуть немного. Такъ какъ корчмы тутъ никакой не было, то я послалъ достать хлѣба для себя, къ завтраку, у крестьянъ. Человѣкъ мой ходилъ очень долго и вернулся ни съ чѣмъ: говорить—хлѣба во всей деревнѣ ни у кого нѣтъ... Въ одной только хатѣ онъ нашелъ полхлѣба, но не рѣшился купить его:

— Вы не станете кушать этотъ хлѣбъ, добавилъ онъ: — очень ужъ плохъ...

Я велѣлъ ему купить хотя бы и этого, плохого хлѣба. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ принесъ кусокъ, фунта въ два, чернаго какъ земля, хлѣба. Попробовали мы нарѣзать его и ѣсть; но это оказалось выше силъ: первый же кусокъ, положенный въ ротъ, ободралъ и искололъ мнѣ все нѣбо и я такъ и не могъ проглотить его; вкусъ этого хлѣба былъ, тоже, отратительный—кислый, прѣлый, съ запахомъ гнили и плѣсени. Какіе именно суррогаты входили въ составъ этого ядовитаго вещества—это осталось для меня неизвѣстнымъ. Въ другихъ дворахъ той же деревни, какъ я сказалъ, и такого даже хлѣба не было: крестьяне давно уже питались злаками—щавелемъ, грибами, ягодами...

При самомъ въѣздѣ въ Борисовъ, у отлично устроеннаго подъемнаго моста черезъ рѣку Березину, насъ остановилъ военный караулъ: унтеръ-офицеръ потребовалъ мой «видъ», осмотрѣлъ его и меня, — и тогда только пропустилъ въ городъ. Какъ оказалось, порядки эти, были установлены, во время возстанія, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, и сохранились еще пока въ Борисовѣ; гдѣ уѣзднымъ военнымъ начальникомъ былъ командиръ малоярославскаго полка, полковникъ Домбровский, воспитывавшійся въ бывшемъ Дворянскомъ полку, отбывшій нѣсколько кампаній, раненый нѣсколько разъ и имѣвшій всѣ, возможные въ его чинѣ, ордена.

Самый городъ оказался похожимъ на всѣ уѣздные еврейскіе города и мѣстечки; рѣдко-рѣдко гдѣ виднѣлось каменное строеніе; посреди площади бродили еврейскія козы и коровы, ряды и лавки на площади были деревянные. Вокругъ города, по ту сторону Березины, сохранились еще «батареи» — т. е. насыпи бывшихъ здѣсь батарей, устроенныхъ въ 12-мъ году, при отступленіи французовъ изъ Россіи. Какъ извѣстно, Наполеонъ съ остатками своей арміи переправился ниже Борисова, верстъ на десять; еще живы были два старика, свидѣтели этой переправы, въ то время бывшіе молодыми парнями. О самой переправѣ французовъ сохранилась на мѣстѣ слѣдующая легенда. Когда стали подходить ихъ войска къ Борисову и маршаламъ сдѣлалось извѣстно, что вблизи моста черезъ рѣку Березину устроены батареи, тогда вся французская армія взяла вѣ-лѣво, ниже Борисова; но когда подошли къ Березинѣ, то не рѣшались идти по льду, изъ опасенія, что ледъ не выдержитъ артиллеріи. Тогда, будто бы, Наполеонъ, встрѣтивъ какого-то старика крестьянина, обласкалъ его и, чрезъ поляка-переводчика спросилъ, — въ какомъ мѣстѣ, черезъ рѣку, возятъ крестьяне сѣно съ той стороны? Старикъ и указалъ бродъ черезъ рѣку, гдѣ она была очень мелка; черезъ этотъ бродъ и спасены были остатки французской артиллеріи; а крестьянинъ, за свое указаніе, получилъ отъ Наполеона нѣсколько золотыхъ монетъ. Легенда эта, какъ извѣстно, не совсѣмъ вѣрна исторически, но, тѣмъ не менѣе, она сохранилась между крестьянами въ такой именно редакціи.

У подгородныхъ крестьянъ и у борисовскихъ мѣщанъ сохранилось множество французскаго оружія, найденнаго ими на мѣстѣ переправы и боя и вытащеннаго впослѣдствіи, весною 13-го года, изъ рѣки Березины. Одинъ крестьянинъ показывалъ мнѣ ружье, кремневое, съ очень длиннымъ стволомъ, доставшееся ему отъ отца, который нашелъ это ружье на мѣстѣ переправы французовъ. Сабли французскія сохранились тоже у многихъ крестьянъ и переходятъ, какъ и ружья же, отъ отца къ сыну, какъ память событія; во время минувшаго возстанія, оружіе это покупали, иногда, поляки, но дѣйствовать этимъ оружіемъ противъ русскихъ войскъ имъ пришлось очень мало: полковникъ Домбровский ловилъ и уничтожалъ банды

повстанцевъ въ Борисовскомъ уѣздѣ при самомъ ихъ появленіи и первыхъ дѣйствіяхъ, и навелъ такой панической страхъ на поляковъ, что они трепетали при одномъ его имени и, за- глаза, называли его, обыкновенно, «дикимъ вепремъ» и «перекрестомъ», между тѣмъ, какъ Домбровскийкій былъ только честнымъ офицеромъ, не измѣнившимъ присягѣ, и даже оставался, по прежнему, католикомъ.

III.

Воровская шайка въ Борисовскомъ уѣздѣ. — Разбойничья шайка пятидесятихъ годовъ. — Поимка атамана и его смерть. — Еврей Носонъ. — Постройки Борзова. — Начавшіеся поджоги и пожары. — Три пожара 10-го мая. — Ночь послѣ этихъ пожаровъ и утро 11-го мая. — Приѣздъ губернатора Шелгунова. — Наступившій голодъ и дороговизна хлѣба. — Помощь погорѣльцамъ.

Въ Борисовѣ мнѣ вновь довелось быть, почти годъ спустя — именно въ началѣ мая 1865 года, — и въ это время, я былъ очевидцемъ страшнаго бѣдствія, постигнаго этотъ несчастный городъ. Постараюсь рассказать все по порядку.

Всю зиму, съ 1864 на 1865 годъ, въ Борисовскомъ и въ со- сѣднихъ съ нимъ уѣздахъ, дѣйствовала какая-то, весьма искусная и опытная, воровская шайка, сформированная и организованная довольно правильно: она ловко хоронила концы и, не смотря на всѣ усилія мѣстныхъ властей, не могла быть ни открыта, ни переловлена. По поводу этой шайки, была даже образована, зимою, въ Борисовѣ, особая комиссія, — которая, къ сожалѣнію, ничего не открыла. Впрочемъ, съ наступленіемъ весны, воровства и грабежи въ уѣздѣ немного утихли; но за то, начались новыя бѣдствія — пожары, — и именно, въ Борисовѣ..

Здѣсь, мнѣ приходится прервать, не надолго, нить своего разсказа о бѣдствіи, постигшемъ Борисовъ, и перенестись за нѣсколько лѣтъ назадъ, къ событіямъ, имѣвшимъ, какъ увидятъ читатели, нѣкоторую связь съ пожарами. Событія эти напоминаютъ собою главу изъ какого нибудь французскаго уголовнаго романа, но, тѣмъ не менѣе, они происходили въ дѣйствительности.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, въ Минской губерніи, въ Игуменскомъ и Борисовскомъ уѣздахъ, въ лѣсахъ, дѣйствовала смѣлая разбойничья шайка, открыто нападавшая на проѣзжающихъ. Долго ловили эту шайку, но изловить все-таки не могли; однажды, отрядъ инвалидовъ солдатъ изъ борисовской команды захватилъ было шайку на мѣстѣ ея ночлега, въ лѣсу, въ шалашахъ, но шайка оказала вооруженное сопротивленіе: на выстрѣлы инвалидовъ отвѣчала трескотней изъ револьверовъ, — и почтенное инвалидное воинство отступило, а шайка благополучно скрылась. Онъ

когда, вслѣдъ за тѣмъ, ограблена была денежная почта, идущая изъ Минска, то для поимки шайки командированы были двѣ роты армейскаго полка изъ Минска, которымъ, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, и удалось-таки настичь шайку и разбить ее на-голову; большинство разбойниковъ, отбивавшихся очень отчаянно, легло на мѣстѣ, остальные были ранены и взяты въ плѣнъ; самая незначительная часть — двое-трое человѣкъ — успѣли пробиться черезъ цѣпь атакующихъ и скрылись въ лѣсу; въ числѣ ихъ былъ и атаманъ шайки, родомъ еврей. Его долго искали, по лѣсамъ и по мѣстечкамъ Минской губерніи, и даже объявлена была денежная награда, въ 500 рублей, тому, кто его доставить. Но, однако, никто не указалъ и не доставилъ ловкаго атамана властямъ,—и рѣшено было, что онъ скрылся за границу. Такъ какъ его шайка имѣла въ каждомъ городѣ своего агента, то и въ Борисовѣ былъ, тоже, агентъ—еврей Носонъ, ускользнувшій отъ слѣдствія и суда. И вотъ, разъ, темною осеннею ночью, мѣсяца два уже спустя послѣ уничтоженія шайки, въ двери Носона тихо постучался атаманъ и попросилъ укрыть его, въ погребѣ, дня на два, на три; но, прежде чѣмъ укрыться, атаманъ показалъ Носону небольшой ящичекъ, вродѣ шкатулки, наполненный деньгами и золотыми вещами; затѣмъ, они оба отправились, тою же ночью, за рѣку Березину, въ сосновый лѣсъ, расположенный за бывшими, въ 12-мъ году нашими батареями,—и тамъ атаманъ закопалъ свое сокровище, взявъ клятву съ Носона, что, въ случаѣ, если какъ-нибудь его, атамана, изловятъ, то чтобы ящикъ этотъ былъ переданъ его женѣ и дѣтямъ, проживавшимъ гдѣ-то подъ Пинскомъ. Носонъ далъ клятву—и они оба возвратились въ Борисовъ; здѣсь—атаманъ былъ спрятанъ въ погребъ, а Носонъ отправился вновь въ лѣсъ, вырылъ ящикъ, закопалъ его въ другое мѣсто и, возвратившись въ Борисовъ, явился къ исправнику съ сообщеніемъ, что въ его погребъ, находящійся на дворѣ, спрятался какой-то неизвѣстный человѣкъ... Атамана-разбойника взяли, судили военнымъ судомъ и приговорили къ прогнанію сквозъ строй, чрезъ тысячу человѣкъ, 12 разъ. Вскорѣ послѣ этого страшнаго наказанія, онъ и умеръ въ больницѣ. Догадавшись, конечно, что онъ былъ предательски выданъ Носономъ, атаманъ, во время слѣдствія, рассказалъ, исторію съ ящичкомъ, а также и о томъ, что Носонъ былъ въ Борисовѣ агентомъ ихъ шайки. Ящика, понятно, не нашли—оказалась только свѣже взрытая земля на томъ мѣстѣ,—но Носонъ былъ все-таки преданъ суду, за принадлежность къ шайкѣ. Минская уголовная палата оставила его «въ сильномъ подозрѣніи»; но общество Борисовскихъ евреевъ составило приговоръ о нежеланіи своемъ принять его къ себѣ и ходатайствовало о выселеніи его въ Сибирь. Но, благодаря ловкости Носона, а можетъ быть, и «ящичку», доставшемуся ему, приговоръ этотъ былъ найденъ незаконнымъ и не-

правильно составленнымъ, — и Носонъ вновь явился на жительство въ Борисовъ... Здѣсь, онъ устроилъ кузницу и началъ, повидимому, скромную и труженическую жизнь. Съ обществомъ Борисовскихъ евреевъ онъ избѣгалъ всякихъ сношеній и сторонился отъ нихъ; они ему платили, конечно, тѣмъ же, хотя всё сильно побаивались его — чтобы онъ не отомстилъ имъ какъ-нибудь за ихъ приговоръ о ссылке. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Когда началось польское возстаніе, Носонъ заперъ наглухо свою кузницу и занялся политическими доносами — преимущественно, на Борисовскихъ евреевъ, такъ или иначе помогавшихъ повстанцамъ и чѣмъ-либо прикосновенныхъ къ мятежу. За годъ возстанія, онъ успѣлъ отомстить многимъ своимъ врагамъ и навелъ панической страхъ на остальныхъ. Но ему всего этого казалось еще мало...

Какъ только, въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая 1865 года, начались въ Борисовѣ пожары, то всё тотчасъ же убѣдились, что пожары эти происходятъ не отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, а отъ поджоговъ. Затѣмъ, народная молва стала прямо указывать на Носона, какъ на главнаго и единственнаго виновника этихъ пожаровъ... За нимъ стали присматривать и строго слѣдить каждый его шагъ; онъ узналъ, конечно, объ этомъ и принялъ свои мѣры: почти нигде не выходилъ изъ дома, кромѣ базара и синагоги; арестовать его, поэтому, не было никакой причины. Пожары, между тѣмъ, продолжались по прежнему — горѣло почти каждый день гдѣ нибудь... Уѣздный военный начальникъ Борисова, полковникъ Домбровский, командовавшій въ то время малоюрославскимъ пѣхотнымъ полкомъ, принялъ при тушеніи этихъ пожаровъ самыя энергическія мѣры: добылъ новыя пожарныя трубы изъ Вильны, учредилъ ночные патрули и караулы, являлся на пожаръ всегда однимъ изъ первыхъ, и проч.; но все это, къ сожалѣнію, не могло спасти Борисова...

Весна въ то время стояла, какъ нарочно, сухая — съ половины апрѣля не было ни капли дождя; дни были холодные и съ сильными вѣтрами. Главною же бѣдой Борисова, какъ и всякаго еврейскаго уѣзднаго города, было его неправильное распланированіе и сплошныя деревянныя, крытыя гонтомъ и даже соломой, постройки. Евреи обыкновенно строятся въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ такъ: получивъ разрѣшеніе выстроить деревянный домъ, въ пять или меньше оконъ на улицу, съ обязательствомъ покрыть его деревомъ (гонтомъ), еврей-хозяинъ, онъ же самъ и архитекторъ, выстроить непременно еще двѣ-три лачуги на дворѣ, крытыя соломой, къ дому построить какую нибудь лавочку, затѣмъ, на томъ же дворѣ, выстроить сарай для склада товара, и застроить такимъ образомъ всю площадь своей усадьбы сплошными деревянными постройками, крытыми гонтомъ и соломой. Сосѣдъ его устраиваетъ у себя то же самое, и т. д., подъ рядъ... Во всемъ городѣ

было всего лишь два каменныхъ строенія: казначейство, крытое желѣзомъ, помѣщавшееся на площади, и костель, крытый деревомъ, выстроенный внизу Минской улицы, спускавшейся къ рѣкѣ Березинѣ. Надо было просто удивляться тому обстоятельству, что Борисовъ, представлявшій такую сплошную пищу огню и систематически при этомъ поджигаемый, ежедневно, съ конца апрѣля мѣсяца, продержался кое-какъ цѣлыхъ двѣ недѣли...

Но вотъ наступило роковое 10-е мая. Наканунѣ, вечеромъ, я былъ въ гостяхъ у полковника Домбровскаго; кромѣ меня, тамъ были и мѣстные городскія власти. Зашель, разговоръ о пожарахъ. Исправникъ обратился къ Домбровскому:

— Пока, Ромуальдъ Эдуардовичъ, вы не арестуете Носона, до тѣхъ поръ пожары у насъ не прекратятся.

— Арестовать его по однимъ подозрѣніямъ, отвѣчалъ Домбровский, нельзя; а во-вторыхъ, вы всѣ убѣждены, что Носонъ не одинъ, что у него есть товарищи; слѣдовательно, его арестъ насколько не поможетъ дѣлу.

Разговоръ на эту тему продолжался довольно долго, и было рѣшено, насколько припоминаю, арестовать Носона лишь въ томъ случаѣ, если этого потребуетъ само еврейское общество. Едва мы успѣлись въ тотъ вечеръ за ужинъ, какъ подъ самыми окнами квартиры Домбровскаго затрещалъ барабанъ, бывшій тревогу... Понятно, мы всѣ побѣжали на пожаръ, случившійся тутъ же, на площади; горѣлъ нежилой сарай при домѣ какого-то еврея... Солдаты малоярославскаго полка и тысячи евреевъ, быстро сбѣжавшіеся на пожаръ, потушили его въ какіе нибудь полчаса. Была тихая, майская ночь, и огонь поэтому не успѣлъ охватить сосѣднихъ строеній. Почти до разсвѣта мы всѣ, гости Домбровскаго, и онъ самъ пробыли на этомъ пожарѣ. Къ нашей группѣ, помню, подходили и евреи, и польскіе помѣщики, проживавшіе въ Борисовѣ, и всѣ единогласно говорили, что виновникомъ всѣхъ этихъ пожаровъ Носонъ... Почему? этого никто не объяснялъ толково и обстоятельно. Евреи прямо заявляли Домбровскому, что они хотятъ выбираться изъ города за Березину, въ сосновый лѣсъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ и скарбомъ. Мы разошлись по квартирамъ въ самомъ тяжеломъ расположеніи духа: поджигаютъ, въ самомъ дѣлѣ, городъ каждый день, и нѣтъ возможности прекратить эти злодѣяства!..

Утромъ, 10-го мая, едва только мнѣ подали самоваръ, какъ въ соборѣ зазвонили въ набать; вслѣдъ затѣмъ, заиграли тревогу военные рожки и забили барабаны... Я выскочилъ на крыльцо гостинницы, въ которой остановился, и увидѣлъ шагахъ въ трехстахъ маленькій дымокъ; живо добѣжавъ туда, я засталъ пожаръ почти уже потушеннымъ: евреи и солдаты залили огонь до прибытія пожарныхъ трубъ. Оказалось, что это былъ несомнѣнный

поджогъ: въ стѣну нежилого сарая были воткнуты обмазанныя фосфоромъ и смолою небольшія лучинки; тутъ лежала залитая водою пакля и рогожа... Сарай примыкалъ къ дому богатаго еврея-купца, который былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ составленія общественнаго приговора о ссылкѣ Носона въ Сибирь. Евреи по окончаніи пожара обступили Домбровскаго и вновь стали указывать ему на Носона...

— Обратитесь ко мнѣ черезъ вашихъ кагалныхъ выборныхъ, и я тогда только его арестую, отвѣчалъ имъ Домбровскій.

— Мы заразъ, пане пулковнику, заразъ, отвѣчали евреи, и хлынули въ сторону, по направленію къ ратушѣ...

— Сегодня долженъ быть въ Борисовѣ губернаторъ, сообщили намъ Домбровскій: — и я этому очень радъ; онъ мнѣ развяжетъ руки: заставлю городъ купить еще десять пожарныхъ трубъ и завести настоящую пожарную команду.

Въ это время, часовъ около 10-ти, начинался уже рѣзкій и холодный сѣверо-восточный вѣтеръ; пыль носилась по улицамъ Борисова столбами и залѣпляла глаза... Мы собирались-было расходиться съ этого пожара по домамъ, какъ вдругъ увидѣли цѣлую толпу евреевъ, идущую по площади со стороны Березины; въ толпѣ былъ какой-то мальчуганъ, лѣтъ 12-ти, со связанными назади руками. Оказалось, по словамъ евреевъ, что онъ будто бы хотѣлъ поджечь цѣпной мостъ черезъ рѣку Березину и уже разводилъ огонь внизу подъ мостомъ... Мальчикъ трясся какъ въ лихорадкѣ и упорно молчалъ. Его арестовали, конечно. Пока происходила эта исторія съ мальчикомъ, другіе евреи вернулись изъ ратуши и въ лицѣ своихъ выборныхъ просили Домбровскаго объ арестованіи Носона. Полковникъ согласился, и въ качествѣ военнаго уѣзднаго начальника, предложилъ судебному слѣдователю провозвести этотъ арестъ. Когда пришли къ Носону арестовать его, онъ мирно работалъ на своей кузницѣ и сдѣлалъ очень удивленное лицо, узнавъ зачѣмъ къ нему явились власти... Какъ только его отвели въ острогъ, всѣ евреи сейчасъ же успокоились!— Хвала Богу! хвала Богу! злѣпали злодія...

Однако, въ 2 часа дня, въ городѣ вновь раздались зловѣщіе звуки церковнаго набата, барабаны и рожки... Загорѣлся небольшой складъ дровъ, вблизи площади, на одной изъ плотно застроенныхъ улицъ... Поджигатели, очевидно, разчитывали на этотъ горючій матеріалъ, что онъ дружно вспыхнетъ и обратится въ громадный пожаръ. Этого можно было ожидать еще и потому, что сильный вѣтеръ, начавшійся послѣ второго пожара, превратился въ настоящую бурю... Но надежды эти на тотъ разъ не оправдались: евреи какъ муравьи облѣпили загорѣвшіяся дрова, затушили ихъ и раскидали по полѣну въ разныя стороны. Любо было смотрѣть на нихъ, какъ они работали!.. Пожаръ этотъ все-таки, по-

разилъ всѣхъ своею неожиданностью, такъ сказать: только что арестовали Носона, главнаго по общему гласу народа, виновника пожаровъ, а они начались *scensendo*—второй случай въ одинъ день...

Къ пяти часамъ дня, буря усилилась еще больше: словно ураганъ носился по улицамъ города непрерывно; черныя тучи пыли, просто, залѣплили глаза,—и я съ трудомъ добрался изъ *table d'hôte*, отъ памятнаго мнѣ пана Юзефа, гдѣ обѣдалъ, въ свой номеръ гостиницы, гдѣ жилъ. Только что, было, прилежъ я отдохнуть немного, какъ услышалъ новый колокольный набатъ... Выйдя на улицу, я увидалъ не только дымъ, но уже и сильный огонь въ сторонѣ перваго пожара, бывшаго въ 9 часовъ утра. Черезъ двѣ-три минуты я былъ на мѣстѣ пожара. Полковникъ Домбровскийъ лихо распоряжался уже тамъ и отстаивалъ сосѣдній домъ; оказалось, что загорѣлся какъ разъ тотъ самый сарай въ томъ же домѣ, гдѣ былъ пожаръ утромъ... Въ то время, какъ евреи и солдаты употребляли самыя неимоверныя усилія отстоять сосѣдній съ пылавшимъ сараемъ домъ и не дать распространиться огню далѣе, къ Домбровскому подбѣжалъ какой-то унтеръ-офицеръ и крикнуть ему задыхающимъ голосомъ:

— Ваше в—дѣ! еще въ двухъ мѣстахъ горить!...

Я машинально оглянулся назадъ,—и увидѣлъ длинные огненные языки въ двухъ, совершенно противоположныхъ отъ насъ, концахъ, но на той же базарной площади...

Всѣ, понятно, бросились бѣгомъ по своимъ квартирамъ—спасать вещи... Но пока я добѣжалъ до гостиницы, правая сторона площади была вся уже въ огнѣ; сухія, деревянныя и соломенные крыши вспыхивали моментально, а буря, еще болѣе усилившаяся съ началомъ пожара, быстро переносила огонь съ крыши на крышу, съ улицы на улицу... Еврей, сидѣвшіе въ лавкахъ, по обыкновенію, съ дѣтьми, бросились въ свои дома; въ лавкахъ же, которыя не успѣли запереть, оставили дѣтей—чтобы они караулили ихъ и, встаети, не мѣшали бы матерямъ и отцамъ спасать изъ своихъ домовъ вещи. Многія изъ этихъ несчастныхъ дѣтей сгорѣли впо слѣдствіи—когда неожиданно вспыхнули и всѣ эти лавки, занимавшія середину площади...

Вскорѣ, пожаръ превратился въ одно безграничное, бушующее огненное море... Воздухъ накалился до такой степени, что становилось тяжело дышать; искры били въ лицо какъ острия иглы; солнце совсѣмъ померкло отъ огня и дыма и казалось въ небѣ какимъ-то тусклымъ, краснымъ пятномъ... Вещи и мебель, вынесенныя на площадь, вспыхивали отъ сыпавшихся искръ и просто отъ нестерпимой жары; двѣ пожарныя трубы, очутившіяся въ улицѣ внезапно вспыхнувшей съ обѣихъ сторонъ, не могли уже выбраться изъ огня: солдаты кое-какъ спаслись, а лошади и самыя трубы сгорѣли... Сгорѣла, также, масса скота, изъ того, который былъ

не въ стадѣ: на другой день, я видѣлъ цѣлые десятки лошадей, свиней и козъ, лежавшихъ посреди улицъ и на дворахъ, совсѣмъ обуглившихся, распухшихъ отъ жара... По официальнымъ донесеніямъ, сгорѣло $\frac{9}{10}$ всего тогдашняго Борисова... Сгорѣли цѣлыя улицы, всѣ присутственныя мѣста (кромѣ казначейства), православный деревянный соборъ, единственная въ городѣ аптека, всѣ трактиры и гостинницы, всѣ еврейскія синагоги, и пр.; отъ улицъ остались однѣ аллеи каменныхъ трубъ, да груды мусора и угля— и только!.. Помню тотъ моментъ, когда глухо загудѣли и рухнули колокола съ пылавшей колокольни православнаго собора... потомъ сильные взрывы ротныхъ цейхаузовъ, откуда не успѣли выхватить солдатскіе патроны, взрывы складовъ спирта, керосина и пр... Губернаторъ Шелгуновъ подѣхалъ къ Борисову со стороны Минска, переѣхалъ цѣпной мостъ черезъ Березину, но далѣе уже не могъ двигаться—передъ нимъ была сплошная масса огня... Онъ повернулъ назадъ, въ предмѣстье, пріютился у какого-то мельника. за рѣкой, и, только часа два спустя по пріѣздѣ, могъ дать знать въ городъ о своемъ прибытіи... Уже поздно ночью, когда огонь, за неимѣніемъ пищи, сталъ утихать, полковникъ Домбровскій пробрался окольными путями къ мосту, переѣхалъ за Березину и явился къ губернатору съ рапортомъ, что городъ Борисовъ— былъ... Нечего, конечно, и говорить о томъ, что всю эту ночь никто не спалъ въ городѣ... Рано утромъ, 11-го мая, когда только-что стало всходить солнце, я и мой добрый другъ П. А. Рахманинъ отправились бродить по городу... Страшныя картины разрушенія и смерти были на каждомъ шагу; люди, какъ тѣни, ходили по своимъ пепелищамъ, наклонялись, раскапывали горячую золу руками и искали чего-то... Еврейки, съ распущенными волосами и съ лицами, искаженными отъ горя и ужаса, розыскивали своихъ потерянныхъ дѣтей... Я встрѣтилъ офицера, подполковника Бѣлослюдова, который шелъ въ кафтанѣ своего кучера; въ началѣ третьяго пожара онъ спалъ и выскочилъ на улицу въ одномъ бѣльѣ; потомъ, выхватилъ изъ горѣвшаго уже дома своихъ дѣтей, а самъ такъ и остался безъ платья—у него сгорѣло, буквально, все. У одного молодого офицера малоярославскаго же полка, Зацѣпина, сгорѣлъ ручной медвѣженокъ,—и онъ ходилъ по пожарицу и плакалъ о своемъ воспитанникѣ.. Такъ ужъ, должно быть, ведется въ мірѣ: трагическое идетъ рука-объ-руку съ смѣшнымъ...

У пяти-тысячнаго населенія города, спасагося отъ огня за Березину и въ противоположную сторону, т. е. въ поле, и собравшагося на другой день опять въ несуществующій уже городъ, не было самаго главнаго—хлѣба. Всѣ запасы погорѣли; изъ деревень подвезено еще не было... И вотъ, тутъ я имѣлъ возможность вдоволь надивиться на еврейское гешефтмахерство и корысть: часамъ къ 9-ти утра, на площади сидѣли уже евреи и еврейки, съ въ-

сами въ рукахъ, и торговали разными продуктами — маленькими ржаными хлѣбами, гречневою крупой, солью, пшеномъ и проч.; цѣны у нихъ были страшныя на все: такъ, напримѣръ, маленькій черный хлѣбъ, вѣсившій $\frac{1}{2}$ фунта, стоилъ 5—6 коп., фунтъ крупы—17 и 20 коп., и пр. П. Н. Шелгуновъ сильно возмущился всѣмъ этимъ барышничествомъ жидовъ, явившихся, какъ оказалось, изъ-за рѣки Березины, т. е. изъ той слободы Борисова, гдѣ не было жогара, и тотчасъ же, совмѣстно съ Домбровскимъ, принялъ мѣры къ прокормленію многотысячнаго голоднаго населенія: посланы были гонцы во всѣ сосѣднія селенія и мѣстечки для закупки хлѣба и прочихъ продуктовъ,—и все, что удалось достать было, къ вечеру того же 11-го мая, привезено въ Борисовъ и раздавалось неимущимъ людямъ, безъ различія, конечно, вѣроисповѣданій, бесплатно. Хищные жида съ площади были изгнаны, установлены были таксы на всѣ продукты, и пр.

Я уѣхалъ изъ Борисова черезъ два дня послѣ этого страшнаго пожара, и не знаю, поѣтому, что сталося съ евреемъ Носономъ, такъ жестоко отомстившимъ городу и обществу за свой остракизмъ¹⁾. Я знаю только, что въ Борисовѣ была учреждена какая-то чрезвычайная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ жандармскаго штабъ-офицера, для разслѣдованія всѣхъ этихъ поджоговъ и раскрытія виновныхъ. Затѣмъ, я знаю, что великій князь Николай Николаевичъ пожертвовалъ бѣднѣйшимъ жителямъ Борисова, на постройку домовъ, гдѣсь изъ своего сосѣдняго имѣнія, а покойный государь оказалъ значительную денежную помощь всѣмъ погорѣльцамъ города безъ изъятія; офицеры малоярославскаго полка получили отъ имени государя половину всей стоимости сгорѣвшаго у нихъ имущества. Самъ же я, лично, понесъ въ этомъ пожарѣ весьма чувствительную и невознаградимую потерю: какой-то солдатикъ выхватилъ изъ огня мой дорожный, небольшой сундукъ съ бумагами, который я всегда возилъ съ собою, и поставилъ его на площади, вблизи лавокъ; остальные мои вещи, попавшія на другую часть площади, были спасены, а сундучекъ этотъ сгорѣлъ до-тла. Въ немъ было до десяти большихъ тетрадей народныхъ пѣсенъ, записанныхъ мною въ различныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ мнѣ, до этого, доводилось странствовать; тамъ же была и сгорѣла еще болѣе дорогая для меня вещь — рукопись моего покойнаго отца, описавшаго, въ качествѣ очевидца, бунтъ въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку.

Ив. Захарынь.

(Окончаніе съ слѣдующей книжки).

¹⁾ О печальной судьбѣ этого еврея я узналъ лишь надняхъ, изъ письма Борисовскаго уѣднаго исправника, къ которому я обратился съ вопросомъ по этому поводу. Еврей Носонъ (по прозвищу Косой) былъ вскорѣ послѣ пожара освобожденъ изъ-подъ ареста, по неимѣнію уликъ; но, спустя два-три года, онъ былъ застрѣленъ, вечеромъ, изъ ружья, пулею, въ окно его дома; имя убійцы осталось неизвѣстно.

ЛЕРМОНТОВЪ И ЦЕНЗУРА.

(По матеріаламъ Лермонтовскаго музея.)

УЧАСТЬ КАЖДАГО литературнаго произведенія въ известной степени интересна, а тѣмъ болѣе должны представлять интересъ судьбы, пережитыя образцовыми твореніями роднаго генія. Эти судьбы обыкновенно зависятъ не только отъ общихъ основныхъ условій, устанавливающихъ предѣлы литературной дѣятельности въ государствѣ, опредѣляющихъ ея характеръ, но гораздо въ большей еще мѣрѣ отъ временныхъ, случайныхъ причинъ. Последнія свидѣтельствуютъ объ уровнѣ взглядовъ на литературу въ данный періодъ, о требованіяхъ, къ ней предъявляемыхъ, о вліяніяхъ, дѣйствіе которыхъ такъ или иначе отражается на ея направленіи и развитіи. Эти преходящія вліянія не всегда, безъ сомнѣнія, согласуются съ коренными основами существованія литературы и не всегда находятъ себѣ въ нихъ резонное оправданіе. Тѣ и другія напротивъ нерѣдко бываютъ несовмѣстимы между собой. Тогда какъ общія, существенныя основы законодательства о печати предназначены къ обереганію развитія литературы, случайныя вліянія на дѣлѣ ведутъ къ уклоненіямъ отъ него и къ разнымъ его нарушеніямъ, становящимся помѣхою дѣятельности писателя.

Эти временныя соображенія, конечно, виднѣе и ярче выступаютъ въ цензурованіи творческихъ созаданій эпохи, и любознательность историка литературы и библиографа должна задѣваться живѣе, когда является возможность документально показать слѣды цензурнаго очищенія произведеній великихъ талантовъ отъ того, что почитается въ данное время неблагонамѣренностью. Живѣе и силь-

нѣе интересуется ими историкъ потому, во-первыхъ, что по нимъ видно, въ какой степени были близки сердцу писателя - художника извѣстные «злобы дня», съ какою ясностью и глубиною отразились онѣ въ его твореніяхъ, въ какой мѣрѣ, наконецъ, талантъ сознавалъ свою связь съ направлениемъ современной жизни. Во вторыхъ, по этимъ, на поверхностный взглядъ незначительнымъ иногда, слѣдамъ красныхъ чернилъ можно судить, какихъ предѣловъ достигаетъ въ извѣстные годы поработаніе печатной мысли, что собственно признается рановременнымъ или запретнымъ плодомъ для общества, насколько густа завѣса, покрывающая все, что въ сочиненіи писателя можетъ имѣть хоть тѣнь намека на дѣйствительность и настоящее положеніе вещей. Въ этомъ отношеніи довольно любопытный матеріалъ представляютъ корректуры нѣсколькихъ изданій сочиненій Лермонтова, хранящіяся въ откритомъ недавно Лермонтовскомъ музеѣ ¹⁾.

Лермонтовъ открылъ своими произведеніями новое теченіе въ русской поэзіи. Послѣ пиндарическихъ ея пареній, послѣ чувствительныхъ изліяній и, наконецъ, послѣ восхваленій и величаній явленій русской жизни, недовольство которой, да и то лишь изрѣдка, пробивается наружу въ созданіяхъ Пушкина, послѣ всего этого въ нашей литературѣ почувствовалась потребность въ серьезной критикѣ на современную дѣйствительность, а съ этимъ вмѣстѣ раздались и новые голоса, поражавшіе темныя стороны этой дѣйствительности. Въ такой-то періодъ умственного броженія въ нашемъ обществѣ и явился Лермонтовъ. Повторяя всѣ мотивы своего великаго предшественника, скучая жизнью, подобно Пушкину, выражая недовольство свѣтомъ, воодушевляясь воинственнымъ жаромъ двѣнадцатаго года, М. Ю. Лермонтовъ, однакожъ, послѣдовательнѣе и рѣзче высказываетъ это недовольство и разочарованіе жизнью, не примиряется съ нею, какъ было съ Пушкинымъ. Это, насколько показываетъ, впрочемъ, далеко еще не разъясненная біографія автора «Героя Нашего Времени», было слѣдствиемъ болѣе ранняго и болѣе глубокаго дѣйствія на него идей байронизма и слѣдствиемъ житейскихъ неудачъ и невзгодъ, съ молодю испытанныхъ Лермонтовымъ. Въ то время какъ байронизмъ Пушкина выражался внѣшними признаками разочарованія, утомленіемъ свѣтской суетой, порываньемъ къ скитальческой жизни, Лермонтовъ обратился къ самой идеѣ отрицанія. Его «Демонъ» тужить по утраченномъ блаженствѣ и не находитъ себѣ примиренія. Тутъ ярко отразились на русскомъ поэтѣ чтеніе Байрона, мечты о счастіи и презрѣніе его къ современному обществу. Даже гѣсны любви Лермонтова нерѣдко принимаютъ мрачный оттѣнокъ.

¹⁾ См. о немъ «Истор. Вѣстн.», т. XV, стр. 225—228.

Редакція «Историческаго Вѣстника» выражаетъ свою искреннюю признательность А. А. Вильдердингу за разрѣшеніе воспользоваться этими матеріалами.

Поэтъ ищетъ и не находитъ успокоенія въ удовлетвореніи всѣмъ естественнымъ влеченіямъ сердца. Поэтъ стремится найти успокоеніе въ гармоніи съ природой. Но тѣ цѣльныя, сильныя натуры, дикіе, вольные характеры кавказской жизни, тѣ сыны свободы, какихъ рисуешь намъ Лермонтовъ, протестуя противъ общественнаго безсилія и ничтожества, все-таки должны преклониться передъ образованностью. Словомъ, ни въ чемъ жизнь не радуется поэта. Вотъ почему остается ему благодарить судьбу лишь за мученія страстей, за месть враговъ и клевету друзей, за жаръ души, растраченной въ пустынь. Но не за себя одного скорбятъ онъ. Лермонтовъ сознавалъ и реальность страданій толпы, которыхъ нельзя облегчить посулами романтическихъ надеждъ и «глухихъ ожиданій».

Что же недозволительнымъ находила цензура во всѣхъ этихъ мотивахъ, вылившихся въ «железный стихъ, облитый горечью и злобой»? Если позволительно дѣлать выводъ изъ имѣющихся въ Лермонтовскомъ музеѣ матеріаловъ, то надо признать, что преслѣдованіе сочиненій поэта официальной цензурой ограничивалось зачеркиваніемъ отдѣльныхъ стиховъ или даже отдѣльныхъ словъ. Тутъ, за немногими исключеніями, все, разумѣется, зависѣло отъ личной точки зрѣнія цензора. Сообразить цензирующій неудобство такого-то слова, явится въ немъ подозрѣніе, что такой-то стихъ можетъ быть превратно истолкованъ или не согласуется съ рутиннымъ взглядомъ,—сейчасъ же долой это слово и этотъ стихъ. Въ иныхъ мѣстахъ для соблюденія размѣра цензоръ беретъ замѣнять зачеркнутое слово придуманнымъ, при чемъ, не всегда, конечно, оказывается счастливой находчивость такого корректора. Вотъ примѣры подобнаго рода помарокъ и поправокъ.

Первая по времени въ настоящей коллекціи корректуръ помѣчена 29-мъ сентября 1842 года. Это—драма «Маскарадъ». Исключенія въ ней произведены цензоромъ А. Никитенко. Здѣсь подозрительность цензора возбудили прежде всего слова Казарина въ первой сценѣ 1-го дѣйствія: «или за то, что не былъ на дуэли: боялся быть убійцей». Рѣчь идетъ о выгнанномъ изъ полка ¹⁾. Въ чемъ же, спрашивается, усмотрѣна тутъ непристойность или вредная мысль? По всей вѣроятности, цензоръ сообразилъ, что такое объясненіе причины удаленія изъ полка можетъ какъ нибудь набросить тѣнь на военную честь вообще. Дуэль-де въ обычаѣ, особенно такъ было въ тѣ времена, и отождествленіе дуэлиста съ убійцей покажется, пожалуй, обиднымъ гг. офицерамъ. Это, конечно, называется «читать между строкъ» и послѣдствіемъ его является навязываніе автору цензоромъ своихъ произвольныхъ толкованій смысла.

¹⁾ См. «Сочиненіе Лермонтова» изд. 1873 года, т. II, стр. 829. И ниже страницы указываются по этому изданію.

Такому навязыванію обязаны многія изъ цензорскихъ «помѣтъ». Въ той же пьесѣ, во 2-й сценѣ (338 стр.) подверглись остракизму слова Арбенина: «и также можетъ быть, что эта же краса къ вамъ завтра вечеромъ придетъ на полчаса». Цензоръ обнаруживаетъ здѣсь пылкость своей фантазіи и, очевидно, стыдится собственнаго плода этой пылкости. Дальше Арбенинъ прощается съ своимъ любовнымъ миромъ, называя его раемъ «небеснымъ» (359 стр.). Никитенко вмѣсто этого эпитета надписываетъ надъ зачеркнутымъ словомъ: «прекрасный». Явное опасеніе попасть на замѣчаніе духовной цензуры заставляетъ Никитенку очищать произведеніе свѣт-

Лермонтовъ на смертномъ одрѣ.

Съ рисунка сдѣланнаго на другой день его смерти художникомъ Шаеде и приложеннаго къ каталогу Лермонтовскаго музея.

скаго писателя отъ словъ, имѣющихъ какое либо отношеніе къ духовенству. Казаринъ, напримѣръ, рассказываетъ про встрѣчу одной барыни съ однимъ князькомъ: «не помню я, на балѣ, у обѣдни» (стр. 376) и цензоръ ставитъ свое veto надъ словами: «у обѣдни», которыя считались запретными и въ 1861 году⁴⁾.

Подобными же соображеніями, вѣроятно, вызвано недопущеніе въ тогдашней печати въ фразѣ Арбенина «я самъ свершу свой страшный судъ» (стр. 407) словъ «свой страшный». Вмѣсто нихъ

⁴⁾ Покрайней мѣрѣ, въ «Дополненіяхъ къ сочиненіямъ Лермонтова изд. 1863 г.», о которыхъ будетъ говорено ниже, слова эти также зачеркнуты цензоромъ В. Н. Бекетовымъ.

цензоръ написалъ слово «ужасный». Тоже и ниже (стр. 408): стихъ «Но я, не Богъ, и не прощаю!» Никитенко замѣнилъ неуклюжей прозаической фразой: «Но я, я—нѣтъ, не прощаю!» Или вотъ еще въ той же пьесѣ «Неизвѣстный» говорить о душѣ Арбенина (стр. 430):

....ее пойметъ лишь Богъ,

Который сотворить одинъ такую могъ!

Послѣдній стихъ подвергся остракизму, точно цензоръ усумнился въ могущество Божье.

Какъ бережливо цензура охраняла писателя того времени отъ малѣйшаго намека, способнаго внушить кому либо сомнѣнiе въ безпорочности «службы изъ чести», показываетъ курьезное наложенiе запрета на слѣдующую сценку (стр. 391), которая вся перекрещена красными чернилами:

БАРОНЕССА.

О, Боже мой!..

АРБЕНИНЪ.

Я говорю безъ лести...

А сколько платятъ вамъ всѣ эти господа!

БАРОНЕССА (упадастъ въ кресло).

Но вы безчеловѣчны!..

АРБЕНИНЪ.

Да,

Ошибся, виноватъ, вы служите изъ чести!

(Хочетъ идти).

Тутъ сколько ни ищи резона къ запрету, много не обратишь, помимо усмотрѣнiя цензоромъ въ напечатанныхъ курсивомъ словахъ намека на государственную службу, хотя въ дѣйствительности это ироническое замѣчанiе относится къ салоннымъ кумушкамъ—посредницамъ въ любовныхъ свиданiяхъ молодежи.

Очевидно, при всей строгости, можно сказать, придирчивости цензуры, въ этой драмѣ нельзя было ничего найти внушающаго тревогу или подозрѣнiе въ смыслѣ благонамѣренности, кромѣ вышеприведенныхъ совершенно невинныхъ мѣстъ, не пропущенныхъ въ печать почти черезъ десять лѣтъ послѣ написанiя «Маскарада».

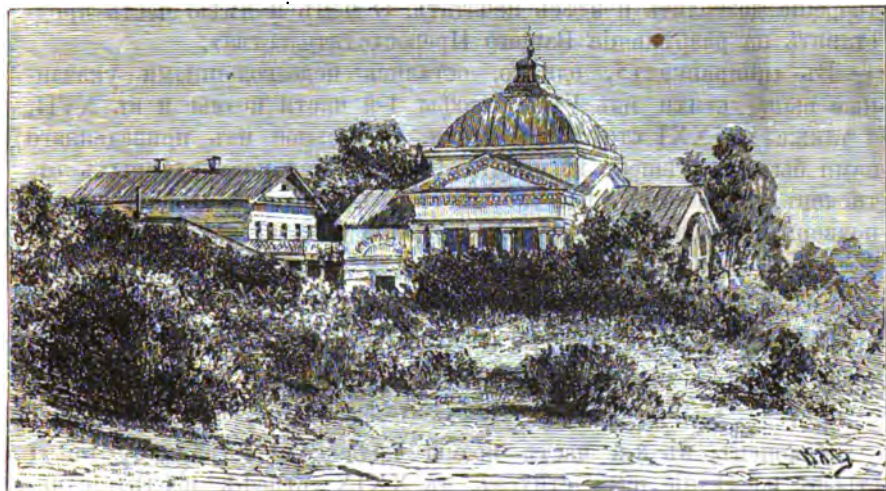
Впрочемъ, другiя произведенiя выдерживали и болѣе продолжительный цензурный карантинъ. Такъ было, напримѣръ, съ поэмой «Измаилъ Бей». О цензурованiи ея имѣются въ Лермонтовскомъ музеѣ корректура «Дополненiй къ сочиненiямъ Лермонтова изданiя 1863 года» съ помѣтками цензора В. Бекетова отъ 17 ноября 1861 года, «Поправки и дополненiя къ сочиненiямъ М. Лермонтова», съ помѣтками того же цензора 22-го января и 6-го апрѣля 1862 года, и корректурные оттиски безъ означенiя года съ исключенiями цензора, кажется, Новосильцева ¹⁾. Эта поэма, повидимому, особенно тревожила цензуру.

¹⁾ Подпись краснымъ карандашомъ цензора не разборчива.

Въ первомъ изъ названныхъ документовъ значатся запретными всѣ мѣста, гдѣ только идетъ рѣчь о «вольности», героизмѣ черкесовъ и о «цѣбныхъ вражескихъ силъ». Такъ, въ первой части поэмы въ строфѣ VIII не допущены 21 строка, начиная со стиховъ (т. II, стр. 248—249):

«Черкесь удалый въ битвѣ правой
Умѣть умереть со славой», и пр.

Въ IX строфѣ выпущены слова: «готовяють мщеніе народы» и ниже: «Лезгинецъ слыша голосъ брани, готовить стрѣлы и кинжалъ» — все до конца строфы. Далѣе, въ XVII—со словъ «ужели

Домъ гдѣ жилъ Лермонтовъ и церковь, въ которой онъ похороненъ, въ селѣ Тарханахъ, Чембарскаго уѣзда.

Съ рисунка приложеннаго къ каталогу Лермонтовскаго музея.

отдыхаетъ мщеніе» недозволены 15 стиховъ. Во второй части поэмы Бекетовъ зачеркнулъ слѣдующіе пять стиховъ въ XXI строфѣ:

За то, что бѣдны мы, и волю,
И степь свою не отдадимъ
За влато роскоши нарядной!
За то, что мы боготворимъ,
Что презираете вы хладно!

Въ «Поправкахъ къ сочиненіямъ Лермонтова» издателю П. А. Ефремову удалось отстоять нѣсколько стиховъ, но здѣсь помогло ему то обстоятельство, что въ № 16 «Библиографическихъ Записокъ», разрѣшенномъ къ печатанію въ Москвѣ 14-го декабря 1861 года

цензоромъ И. Безсомыкинымъ, появились вышеприведенныя мѣста поэмы, не пропущенныя петербургскою цензурою. Въ Лермонтовскомъ музеѣ находится, между прочимъ, и слѣдующее письмо В. Н. Бекетова по этому поводу къ барону Н. В. Медему, тогдашнему предсѣдателю цензурнаго комитета, отъ 25-го января 1862 года: «Имѣю честь представить съ самимъ г. издателемъ Петромъ Александровичемъ Ефремовымъ прилагаемую при семъ рукопись стихотвореній Лермонтова, гдѣ между прочимъ зачоркнуты отрывки изъ «Измаила Бей». Стихотвореніе это, какъ нынѣ оказалось, уже напечатано въ № 16 «Библиографическихъ Записокъ», которыя при семъ для видимости Вашей прилагаются и которыя въ свое время не навлекли никакого пререкательства со стороны правительства. А потому я полагаю бы возможнымъ сказанное стихотвореніе дозволить и здѣсь печатать. О чемъ и имѣю честь представить на разрѣшеніе Вашего Превосходительства».

Въ «поправкахъ», однако, остались недозволенными указанные выше стихи изъ VIII строфы 1-й части поэмы и въ XVII, а также въ XXI стофѣ 2-й части. Остальное изъ приведеннаго нами было разрѣшено къ печати. Что касается корректурныхъ оттисковъ, то, помимо тѣхъ же мѣстъ изъ первой и второй части, подверглись исключенію въ XII строфѣ (2-й ч.) два стиха:

Пора! вкнать они досадою,
Что русскихъ нѣтъ: имъ крови надо!

Затѣмъ въ XVIII строфѣ (ibid.) не дозволены два стиха:

Бываютъ люди: чувства—имъ страданья,
Причуда злой судьбы—ихъ бытіе...

Наконецъ, въ 3-й части поэмы подлежали остракизму въ II строфѣ послѣдніе пять стиховъ, въ XXIX строфѣ послѣдніе четыре стиха и въ концѣ поэмы послѣдніе девять стиховъ. Всѣ эти мѣста восстановлены въ изданіи 1873 года.

Кромѣ «Измаила Бей», въ «Дополненіяхъ къ сочиненіямъ Лермонтова изданія 1863 года» есть не мало характерныхъ помѣтъ цензора Бекетова къ другимъ произведеніямъ Лермонтова. Въ стихотвореніи, напримѣръ, «Любовь мертвеца» въ строкахъ: «что мнѣ сіянье божьей власти и рай святой!» цензоръ поставилъ вмѣсто «святой» слово «земной», но потомъ одумался или, поддавшись настойчивости издателя, приписалъ: «печатать слово «святой». Далѣе въ «Очеркахъ Демона» слѣдуютъ почти однородные помѣты красныхъ чернилъ. Такъ, въ 1-мъ очеркѣ зачеркнуты стихи: «стѣна обители святой» (т. II, стр. 31), а на поляхъ рукописи значится, что всѣ приводимые стихи и поправки изъ «Очерковъ Демона» напечатаны въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1859 годъ № 12 и 1861 годъ № 3. Во 2-мъ очеркѣ зачеркнуты стихи и слова: «глаза монахини сіяли» (II, стр. 36), «монастырское» (т. е. преданье id.

стр. 38), «стѣну обители святой» (40), слово «монахиня» (стр. 41, 42, 44 и 48), «куда зоветъ отшельницъ онъ?» (46). Тутъ же были запрещены цѣликомъ стихотвореніе «Уланша», изъ «петергофскаго праздника» три стиха со словъ: «нѣтъ! гонять, видишь, какъ скотину»... (II, 140). Но наибольшее вниманіе обратила на себя драма «Странный человѣкъ».

Любопытно, что цензурскія помѣты къ этой романтической драмѣ относятся къ концу 1861 года т. е. къ тому времени, когда уже крестьяне были освобождены официально. А между тѣмъ во всѣхъ зачеркнутыхъ Бекетовымъ выдержкахъ рѣчь идетъ о пыткахъ надъ крѣпостными, о злоупотребленіяхъ помѣщичьяго произвола и о взглядѣ на крѣпостныхъ, какъ на вещь. Вотъ три выдержки, вошедшія въ составъ «Дополненій» изъ «Библиографическихъ Записокъ» 1861 года № 31 и усердно выуженныя цензоромъ среди строкъ дозволенныхъ, по его мнѣнію:

«Вотъ она приказала руки ему вывертывать на станѣ... а управитель былъ на него сердить... Какъ повели его на барскій дворъ, дѣти кричали, жена плакала... вотъ стали руки вывертывать... Да вывертывали, да ломали... Оедька и сталъ безрукой; на печькѣ такъ и лежитъ, да клянеть свое рожденіе. (II, стр. 200).

«Рассказываютъ горничныя: разъ барыня разсердилась—такъ, вѣдь, ножицами стала имъ кожу рѣзать... Охъ! больно!.. А какъ бороду велить щипать, волосокъ по волоску... батюшка! Ну, такъ тутъ и святыхъ забудешь, батюшка! (Упадаетъ въ ноги Бѣлинскому). (Ibid).

«Все, куплено кровавыми слезами! Ломать руки, рѣзать кожу, сѣчь, щипать бороду волосокъ по волоску... О Воже! При одной мысли объ этомъ я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ! Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этой злодѣйской женщины! Это приводитъ меня въ бѣшенство.

«Бѣлинскій. Въ самомъ дѣлѣ ужасно! Морозъ по кожѣ подираетъ (Стр. 201).

«Несчастные мужики! Что за жизнь, когда я каждую минуту въ опасности, терять все, что имѣю, и попасть въ руки палачей! (Ibid).

«Пускай они будутъ при дворѣ, пускай шаркаютъ въ гостиныхъ съ камергерскими ключами... (Стр. 204).

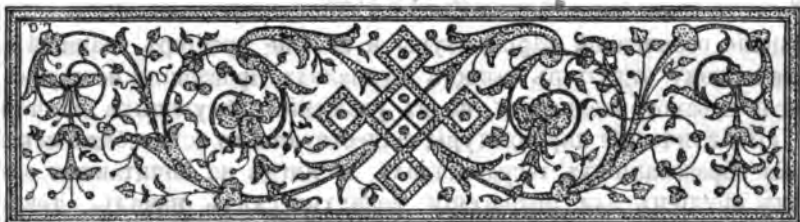
«Видѣть предъ собой бумажку, которая содержитъ въ себѣ цѣну многихъ людей и думать: своими трудами ты достигнулъ способа мѣнять людей на бумажки. Ха, ха, ха! Почему же нѣтъ? И человѣкъ тѣлеть, какъ бумажки, человѣкъ, какъ бумажка, носить на себѣ условные знаки, которые славятъ его выше другихъ и безъ которыхъ онъ»... (Ibid).

Нѣтъ надобности разяснять, насколько подобныя помарки характеризуютъ взгляды нашей администраціи того времени на печать и ея отношеніе къ крестьянскому вопросу. То, что писалъ Лермонтовъ ровно тридцать лѣтъ до освобожденія крестьянъ, когда лишь въ незначительномъ кругу образованныхъ русскихъ людей нарождалась только мысль объ этой реформѣ, оказывалось для общества запретнымъ плодомъ въ 1861 году, когда мысль не-

многихъ осуществилась, наконецъ, въ дѣйствительности и, казалось бы, должна была стать общимъ достояніемъ. Какъ это ни странно, но во всякомъ случаѣ здѣсь цензура могла оправдывать себя серьезными политическими соображеніями въ строгостяхъ относительно Лермонтова и особыми предписаніями высшей власти того времени вообще не допускать въ печати возбужденія одного словія противъ другаго. Само собою разумѣется, поэту было чуждо столь нелѣпое намѣреніе и для него можно было бы сдѣлать исключеніе. Но пронизательность цензуры не всегда знаетъ предѣлы и потому нерѣдко граничитъ съ близорукостью. Жертвою этой-то близорукости и были долгое время нѣкоторые произведенія Лермонтова, въ сущности, казалось бы уже въ силу своей глубины и художественной объективности, не долженствовавшія смущать самаго бдительнаго и самаго подозрительнаго изъ цензурныхъ аргусовъ.

О. Вулгаковъ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. ¹⁾

XLIX.

Защита политическихъ каррикатуръ цензурою.

ВЪ 1862 ГОДУ, въ № 44-мъ сатирическаго журнала «Гудокъ», появилась карриатура подь названіемъ «Изъ семейной хроники римскаго вопроса», сущность которой состояла въ настойчивомъ требованіи императрицею Евгеніею у своего супруга, Наполеона III, чтобы онъ не оставлялъ безъ защиты свѣтской власти римскаго папы. Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, князь А. М. Горчаковъ, сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что онъ, съ своей стороны, не можетъ вообще одобрить появленія въ сатирическихъ журналахъ политическихъ каррикатуръ, потому что «подобныя каррикатуры потрясаютъ уваженіе къ монархической власти». Въ доказательство своего мнѣнія, князь Горчаковъ сослался на означенную карриатуру въ № 44-мъ «Гудка», которую, по его мнѣнію, цензурѣ не слѣдовало бы пропускать. Министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ объясненія отъ петербургскаго цензурнаго комитета, почему подобная карриатура была пропущена въ печати. Въ этомъ объясненіи было изложено, что дозволеніе на по-

¹⁾ Первые главы изъ воспоминаній П. С. Усова были помѣщены въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1882 году въ январьской, февральской, мартовской и майской книжкахъ и въ 1883 году, въ февральской—майской книжкахъ.

мѣщеніе означенной каррикатуры и вообще просторъ, данный политическому отдѣлу въ нашихъ журналахъ, произошли не случайно и не по неосмотрительности, но въ уваженіе слѣдующихъ причинъ:

«Политическія каррикатуры существуютъ во всѣхъ безъ исключенія образованныхъ государствахъ и нигдѣ не почитаются опаснымъ орудіемъ для потрясенія монархическихъ началъ. Доказательствомъ служить то, что, изъ всѣхъ западныхъ государствъ, едва ли не въ Англіи верховная власть пользуется наибольшимъ уваженіемъ, а между тѣмъ нигдѣ болѣе, какъ въ Англіи, не является политическихъ каррикатуръ. У насъ, въ Россіи, вкусъ къ этимъ каррикатурамъ до сихъ поръ еще мало былъ развитъ, но, при существованіи трехъ сатирическихъ листовъ въ Петербургѣ и при непрерывныхъ сношеніяхъ съ западомъ, увеличившихся въ особенности въ послѣднее время съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ, каррикатуры во множествѣ привозятся изъ заграницы, причемъ онѣ тѣмъ еще безвредны, что вовсе не понятны для огромной массы публики и могутъ быть разгаданы только наиболѣе образованнымъ обществомъ. Наши же сатирическіе журналы помѣщаютъ ихъ болѣе для того, чтобы не отставать отъ заграничныхъ сатирическихъ листовъ, которымъ они стараются подражать. Запрещеніе же всѣхъ подобныхъ каррикатуръ «произвело бы безъ всякой надобности раздраженіе въ журналистикѣ» и придало бы этимъ шуткамъ слишкомъ большое значеніе. Поэтому не представляется возможности и не предвидится особенной надобности въ воспрещеніи перепечатки изъ заграничныхъ журналовъ политическихъ каррикатуръ, безвредность которыхъ признается цензурою. Каррикатура, о которой упоминаетъ князь Горчаковъ, взята цѣликомъ изъ берлинскаго сатирическаго журнала «Kladderadatch». Цензурный комитетъ, исключивъ изъ подлинника всѣ надписи и подписи, которые могли бы показаться оскорбительными, не затруднился дозволить эту каррикатуру, намекающую на обстоятельство, извѣстное всей читающей публикѣ, а именно что императрица французовъ настойчиво дѣйствуетъ на Наполеона III, убѣждая его не оставлять въ Римѣ безъ защиты свѣтской власти папы. Впрочемъ, всѣ каррикатуры въ иностранныхъ журналахъ, которыя, по содержанию своему, могли бы быть дѣйствительно оскорбительными для царствующихъ особъ, или касались бы тѣхъ изъ нихъ, которыя связаны родственными отношеніями съ нашею императорскою фамиліею, какъ, напримѣръ, каррикатуры, направленные противъ короля прусскаго и нашего правительства, въ настоящее время не одобряются цензурою.

«Что же касается до политическаго отдѣла въ журналахъ, то, при большемъ просторѣ, даваемомъ сему отдѣлу, казалось бы, министерство иностранныхъ дѣлъ можетъ только выигрывать, потому что, съ одной стороны, наше правительство, при настоящемъ его

либеральномъ направленіи, имѣть возможность, не безъ пользы для себя, прислушиваться къ говору общественнаго мнѣнія, съ другой же стороны, г. вице-канцлеръ, при личныхъ своихъ сношеніяхъ съ представителями чужеземныхъ державъ, можетъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 8-го марта 1862 года ¹⁾, отклонять отъ себя всякую солидарность со всѣми мнѣніями, по вопросамъ внѣшней политики, которыя высказываются въ нашихъ журналахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ можетъ иногда, не безъ пользы, въ случаѣ, когда того требуютъ виды нашего правительства и интересы нашей заграничной политики, ссылаться на общественное мнѣніе, выражающееся въ печати, которое нынѣ у насъ, какъ и вездѣ, день отъ дня, получаетъ большее и большее значеніе».

Л.

Къ дѣлу о сектѣ Татариновой.

О хлыстовской сектѣ Татариновой было неоднократно сообщено въ нашей печати, но въ моихъ бумагахъ оказались копии съ нѣкоторыхъ документовъ, которые относятся къ этому дѣлу и пополняютъ его. Къ числу ихъ принадлежитъ всеподданнѣйшая записка управлявшаго министерствомъ полиціи, Вязмитинова, императору Александру Павловичу слѣдующаго содержанія:

«Въ Михайловскомъ замкѣ живетъ подполковница Татаринова, которая содержитъ особую секту и приводитъ въ оную другихъ. Она писала письмо къ жившей въ Литейной части, въ домѣ Лебякина, женѣ польской службы майора Аннѣ Францъ, съ котораго случайно получена копія. Въ письмѣ, называя ее дражайшею во Христѣ сестрицею, проситъ не открывать никому ихъ тайны, ибо Господь запрещаетъ бросать перлы передъ нечистыми животными и тутъ же изъясняетъ, что вся тайна ихъ заключается въ 14-й главѣ посланія къ коринѣянамъ, ст. 1, 2, 3, 4, 5. Означенная госпожа Францъ имѣетъ жительство въ Михайловскомъ же замкѣ, вмѣстѣ съ Татариновою. Говорятъ, что находящаяся въ услуженіи у Татариновой и принятая въ секту ея солдатская жена Барвара Осипова рассказывала, что, при приѣмѣ ея, она положена была въ постель и, не зная отъ чего, пришла въ безпамятство. Когда же она очутилась, то явился пророкъ, предрежавшій, что придетъ къ ней корабль съ деньгами, а госпожѣ Францъ, которая также приведена была въ безчувствіе, явившійся пророкъ сказалъ, что вскорѣ явятся ангелы и возьмутъ ее отъ сей жизни, и

¹⁾ Объ отиѣннѣ специальныхъ предварительныхъ цензуръ въ Россіи, въ томъ числѣ и цензуры министерства иностранныхъ дѣлъ.

потому совѣтовалъ ей, для приобрѣтенія спасенія, быть благотворительною.

«Приверженные къ этой сектѣ собираются каждое воскресенье поутру въ шесть часовъ, въ Михайловскомъ замкѣ, въ квартирѣ Татариновой. Въ комнатѣ, гдѣ собираются, повѣшенъ на стѣнѣ большой образъ, Тайная Вечера. Когда соберутся всѣ, коихъ число до сорока человекъ, люди всякаго званія, большею же частью люди низкаго состоянія, то садятся вокругъ комнаты, встаютъ, читаютъ въ слухъ «Отче нашъ» и проч., потомъ изъ Евангелія св. Іоанна, а затѣмъ, ставъ на колѣни, поютъ всѣ нараспѣвъ слѣдующіе стихи:

Дай намъ Господа!
 Дай намъ Іисуса Христа,
 Дай намъ Сына Твоего.
 Господь, помилуй грѣшныхъ насъ,
 Изъ твоея полноты
 Дай, Создатель, теплоты;
 Народи изъ насъ пророка,
 Чтобы силы подкрѣпить;
 Засуди судомъ небеснымъ
 И не дай врагу мѣшкать.
 Ниспосли живое слово
 Здѣсь просящимъ всѣмъ сердцемъ;
 Ты Христосъ, ты нашъ Спаситель —
 Инаго Бога нѣтъ у насъ
 Твоей силой укрѣпимся,
 За Тобой въ слѣдъ идемъ
 Прими слезы Твоей твари
 И поставь всѣхъ на пути.

«Во время этой молитвы одинъ изъ присутствующихъ становится на средину и вертится кругомъ на востокъ; по окончаніи же молитвы, подходитъ къ каждому и пророчитъ, большею частью лестными предсказаніями, послѣ чего всѣ расходятся по домамъ. Пророчествуютъ болѣе женщины и сама Татаринова.

«Всѣ они заражены мыслию, что на сихъ пророковъ и пророчицъ бываетъ сошествіе св. Духа. Пророчать нараспѣвъ, скороговоромъ, безъ всякаго порядка въ рѣчахъ, и едва ли что можно разумѣть. Сии пророки и пророчицы увѣряютъ, что когда бываютъ въ такомъ положеніи, то не помнятъ себя и говорятъ не собою, но св. Духомъ, и потому сами не знаютъ, что кому предсказываютъ.

«Самые извѣстные изъ посѣтителей Татариновой слѣдующія лица: отставной придворный музыкантъ Никита Ивановъ Федоровъ; отставной маіоръ, бывшій секретарь челоѣколубиваго общества, Пилецкій; подпоручикъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, Алексѣй Григорьевичъ Милорадовичъ; капитанъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка Бригень; три брата Рачинскихъ, офицеры

лейбъ-гвардіи семеновскаго полка; поручикъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка Миклашевскій; капитанъ артиллеріи Буксгевденъ, братъ Татариновой; дѣвица Настасья Петровна Пиперъ, проживающая у госпожи Загряцкой.

«Пилецкій, Милорадовичъ и Ѳедоровъ болѣе прочихъ вѣрятъ, что служеніе ихъ, моленіе и пророчество дѣйствуется св. Духомъ. Пилецкій и Милорадовичъ ѣздили на три мѣсяца въ коневскій монастырь, что близъ Кексгольма (на Ладожскомъ озерѣ).

«Госпожа Татаринова, подъ предлогомъ, что комнаты, занимаемыя ею въ Михайловскомъ замкѣ, исправлялись, проживала на Петербургской сторонѣ близъ дома, гдѣ нанимала квартиру Милорадовичъ, а когда онъ въ августѣ съѣхалъ, то отправилась въ Дерптъ къ своей матери, Буксгевденъ. Пилецкій и Ѳедоровъ проживаютъ въ Литейной части, въ домѣ Храповицкаго, близъ церкви Симеона Богопріимца. Эти двое во время собраній, послѣ чтенія св. Евангелія, говорятъ проповѣди по смыслу чтенія».

Къ этой всеподаннѣйшей запискѣ управляющаго министерствомъ полиціи было приложено слѣдующее письмо госпожи Татариновой къ госпожѣ Францъ:

«Почтеннѣйшая и дражайшая во Христвѣ сестрица Анна Ивановна!

«Чувствую до глубины сердца моего вашу ко мнѣ довѣренность; я желаю въ глазахъ Господа оную заслужить; теперь живетъ у меня мать моя и занимаетъ ту комнату, которую я вамъ всѣмъ сердцемъ желаю уступить, и я надѣюсь, что до сентября мѣсяца она уже уѣдетъ, и тогда я буду свободнѣе вамъ пожелать приобрести покой въ моемъ домѣ. Да благословитъ Богъ сіе намѣреніе! Прошу васъ покорнѣйше не открывайте никому нашу тайну, ибо вы знаете, что Господь запрещаетъ перлы бросать передъ нечистыми, а мы не знаемъ, кому мы о Богѣ говоримъ, можемъ и ошибиться. Извольте прочесть первое посланіе къ коринѣянамъ, главу 14, стихъ 1, 2, 3, 4, 5 ¹⁾). Въ сей главѣ состоитъ тайна наша, которая, по высокому милосердію Божию, насъ утѣшаетъ: любить единаго Бога и для его единственно жить; молю Его, чтобы Онъ и

¹⁾ Въ этихъ стихахъ содержится:

1. Держитесь любви; ревнуйте духовнымъ, паче да пророчествуете.
2. Глаголай бо языки, не человѣкомъ глаголетъ, но Богу; никто бо слышитъ, духомъ же глаголетъ тайны.
3. Пророчествуяй же человѣкомъ глаголетъ созиданіе и утѣшеніе и утвержденіе.
4. Глаголай бо языки себѣ виждеть, а пророчествуяй церковь виждеть.
5. Хочу же всёхъ васъ глаголати языки, паче же да прорицайте. Божій бо пророчествуяй нежели глаголай языки, развѣ аще (кто) сказаетъ, да церковь созиданіе прииметь.

вась сподобилъ сего счастья, которое есть истинное предвѣщаніе царствія небеснаго. Я надѣюсь сама къ вамъ побывать, а до тѣхъ поръ честь имѣю пребыть, почтеннѣйшая сестрица, ваша искренняя слуга Катерина Татаринова».

Записка Вязмитинова имѣла послѣдствіемъ слѣдующія высочайшія распоряженія, сообщенныя въ двухъ письмахъ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князя Александра Николаевича Голицына. Въ одномъ письмѣ, отъ 8-го октября 1817 года, онъ писалъ къ С. К. Вязмитинову: «Его императорское величество, разсмотрѣвъ записку вашу о собраніяхъ въ Михайловскомъ замкѣ у подполковницы Татариновой, указать мнѣ соизволилъ, сообщить вашему высокопревосходительству, что можно оставить оныя безъ вниманія, какъ не заключающія въ себѣ важности. Находя же, что въ Михайловскомъ замкѣ отведены комнаты Буксгевденой, а не Татариновой, то и повелѣлъ мнѣ написать письмо, здѣсь въ копіи прилагаемое».

Это второе письмо, также изъ Москвы, отъ 7-го октября 1817 года, было адресовано барону Петру Романовичу Альдебиллю и содержало въ себѣ слѣдующее: «Дошло до свѣдѣнія государя императора, что у жительствующей въ Михайловскомъ замкѣ полковницы Буксгевденой живетъ дочь ея, вдова подполковница Татаринова и еще вдова маіора польской службы Францъ, безъ высочайшаго на то соизволенія. А какъ по существующему правилу для Зимняго дворца, особы, помѣщаемыя въ немъ жительствомъ, не имѣютъ права принимать къ себѣ, безъ высочайшей воли, отдѣльныхъ отъ нихъ совсѣмъ родственниковъ, долженствующихъ жить въ вольныхъ квартирахъ, кромѣ несовершеннолѣтнихъ и никуда еще не пристроенныхъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола дѣтей, зависящихъ совершенно отъ своихъ родителей, то его императорскому величеству благоугодно было повелѣть мнѣ сообщить вашему превосходительству, чтобы и жительствующія въ Михайловскомъ замкѣ особы не могли принимать къ себѣ подобныхъ родственниковъ безъ высочайшей воли и чтобы таковыя, помѣщенныя ими самими, выведены нынѣ были изъ онаго, и впредь бы никакому лицу сего дѣлать не позволено было. О таковой монаршей волѣ сообщаю вашему превосходительству къ надлежащему со стороны вашей исполненію».

II.

Посоль при его великобританскомъ величествѣ.

Газета «Одесскій Вѣстникъ» была основана въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, вскорѣ послѣ назначенія Новороссійскимъ генераль-губернаторомъ графа Михаила Семеновича Ворон-

цова. Первыми редакторами «Одесскаго Вѣстника» были баронъ Филиппъ Ивановичъ Брунновъ (въ послѣдствіи графъ) и Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, бывшій потомъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и членомъ государственнаго совѣта. Оба они состояли на службѣ при графѣ Воронцовѣ при его канцеляріи, гдѣ въ то время вмѣстѣ съ ними, въ числѣ другихъ молодыхъ чиновниковъ, занимался и Михаилъ Ивановичъ Лексъ, занимавшій въ послѣдствіи также мѣсто товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Лексъ или Левшинъ сообщили Н. И. Гречу слѣдующій эпизодъ изъ жизни Бруннова. Однажды, подойдя къ столу, за которымъ занимался въ канцеляріи Воронцова Брунновъ, рассказчикъ замѣтилъ, что Брунновъ, писавшій что-то передъ тѣмъ, поспѣшно спряталъ исписанный имъ листъ бумаги. На просьбу показать, что на немъ изложено, Брунновъ, послѣ долгихъ домогательствъ, исполнилъ желаніе. Оказалось, что молодой чиновникъ нѣсколько разъ написалъ на листѣ бумаги слѣдующую фразу: «посолъ его императорскаго величества императора всероссійскаго при его великобританскомъ королевскомъ величествѣ баронъ Брунновъ». Увидавъ эту подпись, товарищи Бруннова разсмѣялись, но онъ серьезно имъ сказалъ:

— Вы увидите, что не умру до тѣхъ поръ, пока не дослужусь до этого важнаго и почетнаго поста.

Брунновъ дѣйствительно много лѣтъ былъ сперва посланникомъ, а потомъ посломъ императора всероссійскаго, но только при ея, а не при его, великобританскомъ величествѣ.

ЛП.

Сюрпризъ къ Пасхѣ.

Первый выпускъ билетовъ государственнаго казначейства, или такъ называемыхъ серій, состоялся въ 1831 году, въ силу высочайшаго указа 14-го іюля, слѣдовательно слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ тогдашній министръ финансовъ, графъ Канкринъ, ввелъ въ обыкновеніе, къ празднику Пасхи, составлять для императора особый докладъ о какомъ либо благопріятномъ явленіи, обстоятельствѣ или событіи, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ финансамъ Россіи. Очень можетъ быть, что подобныя доклады дѣлались съ цѣлію увеличить монаршія награды чиновникамъ финансоваго вѣдомства къ Пасхальнымъ праздникамъ. Въ 1855 году, въ первый годъ царствованія императора Александра Николаевича, въ эпоху крымской войны, тогдашній министръ финансовъ Брокъ, въ виду огромныхъ затратъ на военные расходы, при неблагопріятномъ финан-

совомъ положеніи Россіи, крайне затруднился сдѣлать императору обычный пасхальный докладъ, который могъ бы произвести на государя радостное впечатлѣніе. По всѣмъ канцеляріямъ и департаментамъ министерства дѣлались розысканія и соображенія, которые могли бы послужить дѣльнымъ основаніемъ къ такому докладу. Наконецъ, въ государственномъ казначействѣ нашли матеріалъ для всеподданнѣйшаго доклада. Оказалось, что въ продолженіи 24 лѣтъ, со времени перваго выпуска серій, сумма непотребованныхъ по нимъ процентовъ составила 12.000,000 рублей. Поступивъ въ народное обращеніе, серіи стали подвергаться всѣмъ его случайностямъ и нерѣдко утрачивались и пропадали. Особенно много погибло серій во время бывшаго сильнаго пожара въ Твери, когда тамъ сгорѣлъ гостинный дворъ. Статсъ-секретарь Брокъ, въ докладѣ своемъ, указывая на сумму непотребованныхъ процентовъ по серіямъ, находилъ возможнымъ снять со счетовъ государственнаго казначейства 9 миллионъ рублей, оставивъ 3.000,000 рублей на тотъ случай, если владѣльцы серій заявятъ свои требованія на получение слѣдующихъ имъ интересовъ. Докладъ министра финансовъ былъ утвержденъ, и къ Пасхѣ 1855 года русская казна приобрѣла доходомъ 9.000,000 рублей на счетъ утраченныхъ серій.

LIII.

Указъ о расторженіи браковъ.

Въ нашей печати не замолкаетъ вопросъ о необходимости измѣненія законодательства по бракоразводнымъ дѣламъ. По этому вопросу я нашелъ въ своихъ бумагахъ замѣтку, что въ церковномъ архивѣ Воскресенской слободы (Челябинскаго уѣзда, Оренбургской губерніи) сохраняется любопытный указъ Тобольской дикастеріи, отъ 23-го іюня 1739 года. Въ то время нынѣшній Челябинскій уѣздъ входилъ въ составъ тобольской епархіи. Означеннымъ указомъ предписано, чтобы «священники отнюдь сами собою, по желанію супруговъ, не расторгли браковъ, выдавая имъ отъ себя за своимъ подписомъ разводные листы, подъ опасеніемъ за это лишенія сана и жестокаго тѣлеснаго наказанія».

LIV.

Неудачно окончившійся годичный актъ.

Несостоявшійся, 8-го февраля 1883 года, по случаю предшествовавшаго пожара, годичный актъ въ петербургскомъ университетѣ напомнилъ мнѣ несовсѣмъ пріятную развязку торжественнаго

акта 8-го февраля 1847 года. На этотъ актъ съѣхалось очень много посѣтителей. Былъ министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, тогдашній попечитель петербургскаго округа, тайный совѣтникъ Мусинъ-Пушкинъ, нѣсколько высшихъ духовныхъ особъ, генераловъ и проч. Профессоры сидѣли за столомъ, подковою расположеннымъ передъ портретомъ императора, а сзади стола стояла кафедра, съ которой прочелъ свой годовой отчетъ ректоръ университета, Петръ Александровичъ Плетневъ, и читали рѣчи профессоровъ, приготовленныя для торжественнаго акта. Студенты, по тогдашней своей привычкѣ, наполняли пространство между окнами и колоннами, поддерживающими хоры и преимущественно толпились въ означенномъ промежуткѣ близъ кафедры, чтобы лучше слышать читаемое. Я расположился около предпоследней колонны, съ правой стороны отъ входа въ залу, такъ что и хорошо слышалъ, что читалось съ кафедры, и могъ видѣть всѣхъ профессоровъ и посѣтителей. Такъ какъ въ междуколонномъ проходѣ стульевъ не полагалось, то мнѣ пришлось выстоять все время акта. Прямо напротивъ меня, съ лѣвой стороны, у колонны расположился также одинъ изъ студентовъ, но на стулѣ, который онъ умудрился достать, прислонивъ его къ колоннѣ. Послѣ продолжительнаго, довольно утомительнаго, годоваго отчета Плетнева, сталъ читать свою рѣчь кто-то изъ профессоровъ. Монотонное чтеніе, при мало интересномъ содержаніи, наводило невольно дремоту на слушателей. Нѣкоторые изъ нихъ заснули, въ томъ числѣ и студентъ, сидѣвшій напротивъ меня около колонны съ лѣвой стороны. Упало ли на него что либо сверху съ хоръ, или приснилось ему что либо во снѣ, только я увидалъ, что онъ вдругъ вскочилъ съ своего мѣста, взглянулъ на верхъ и стремглавъ бросился бѣжать. Сказалъ ли онъ что нибудь окружающимъ его, или нѣтъ, я не знаю, потому что не слышалъ ни одного слова. Но внезапно, въ одно мгновеніе, всѣхъ посѣтителей охватилъ необыкновенный паническій страхъ. Всѣ бросились въ какомъ то ужасѣ къ выходнымъ дверямъ изъ залы, на площадку парадной лѣстницы. Другаго выхода изъ залы не было. Большинство оборачивалось и со страхомъ смотрѣло на лѣвый уголъ хоръ и залы, который перепугалъ заснуваго студента. Криковъ отъ ужаса не было слышно; паника была безмолвная. Ректоръ Плетневъ, видя, что ничего не произошло, что могло бы побудить присутствовавшихъ къ поголовному бѣгству, взошелъ на кафедру и громко сталъ просить всѣхъ успокоиться, что никакого бѣдствія не случилось, просилъ возвратиться въ залу. Никто его не послушалъ.

Между тѣмъ, при первомъ паническомъ страхѣ, произошло нѣсколько куріозныхъ сценъ. Не слыша ни треска, ни шума отъ поломки хоръ или потолка залы, я совершенно спокойно пошелъ сзади всѣхъ, а потому и могъ видѣть обстоятельно что соверша-

лось въ залѣ. Профессоръ богословія, протоіерей Райковскій, сидѣвшій за профессорскимъ столомъ, перескочилъ черезъ него, подобно другимъ многимъ изъ своихъ сотоварищей и затѣмъ, подбравъ свою рясу, сталъ перескакивать съ одного ряда стульевъ на другой, чтобы поскорѣе добраться до выхода изъ залы, такъ какъ между стульями былъ только одинъ проходъ посрединѣ, гдѣ столпились всѣ посѣтители, между тѣмъ какъ въ крайнихъ колонныхъ промежуткахъ тѣснились студенты. Нѣкоторые изъ профессоровъ, не рассчитывая на возможность протискаться сквозь толпу посѣтителей къ выходу, поспѣшили встать въ амбразуры оконъ въ томъ предположеніи, что если хоры и потолокъ обрушатся, то они невредимо уцѣлѣютъ на широкихъ подоконникахъ.

Я очутился въ хвостѣ толпы, подлѣ графа Уварова, который не толкался и уходилъ вслѣдъ за другими. Оборачиваясь во всѣ стороны, поправляя очки, онъ спросилъ.

— Что же такое случилось? Все кажется цѣло?

— Ничто не обрушилось, отвѣчалъ я ему.

На полу валялись перчатки, обрывки пѣтушьихъ разноцвѣтныхъ султановъ, украшавшихъ въ то время генеральскія шляпы и проч. Всѣ поспѣшно надѣвали шубы и еще спѣшнѣе спускались по лѣстницѣ. Увѣщанія ректора не подѣйствовали. Актъ окончательно разстроился; золотыя и серебряныя медали за сочиненія, написанныя на заданныя тѣмы, розданы были студентамъ въ одной изъ другихъ университетскихъ залъ.

На другой день комиссія изъ архитекторовъ осмотрѣла въ подробности университетскую актовую залу. Она оказалась въ техническомъ отношеніи безупречною, слѣдовательно, ни трескъ отъ разрушенія хоровъ или потолка, ни обломки карниза, не могли быть указаны причинами страха, обуявшего посѣтителей на актѣ 8-го февраля. Безотчетная паника была единственною тому причиною.

Послѣ этого событія, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, болѣе не являлся на годовые акты Петербургскаго университета.

LV.

Литературный процессъ въ старыхъ судахъ.

Въ № 70 «Сѣверной Пчелы» 1863 года было напечатано письмо вышедшаго въ отставку офицера Волховскаго, жаловавшагося на то, что инспекторскій департаментъ военнаго министерства очень долгозамедлилъ высылку ему указа объ отставкѣ, вслѣдствіе чего онъ лишился возможности опредѣлиться на одну выгодную для него должность. Поэтому г. Волховской, безъ всякихъ оскорбительныхъ или неодобрительныхъ выраженій, задавалъ въ своемъ письмѣ

вопросъ: можетъ ли инспекторскій департаментъ вознаградить его за потери, понесенныя имъ отъ такого замедленія, и изложенныя имъ въ его статьѣ. Инспекторскій департаментъ прислалъ свое возраженіе на письмо г. Волховскаго, которое я не замедилъ напечатать въ № 84 «Сѣверной Пчелы». Въ своемъ возраженіи, департаментъ, не отвергая факта замедленія въ высылкѣ г. Волховскому указа объ отставкѣ, доказалъ свое непричастіе въ этомъ дѣлѣ, потому что, на основаніи закона, г. Волховской долженъ былъ получить указъ о своей отставкѣ не изъ инспекторскаго департамента военнаго министерства, но изъ канцеляріи петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, такъ какъ г. Волховской состоялъ по арміи безъ должности менѣе одного года.

Не удовольствовавшись напечатаніемъ своего возраженія, инспекторскій департаментъ обратился въ петербургскую палату уголовнаго суда съ просьбою о преданіи меня, какъ редактора «Сѣверной Пчелы», суду, обвиняя въ оскорбленіи департамента неточнымъ указаніемъ мѣста, къ которому долженъ былъ обратиться г. Волховской за полученіемъ указа объ своей отставкѣ. Черезъ мѣстную полицію получилъ я приглашеніе явиться въ уголовную палату. Это было въ сентябрѣ 1863 года. Въ назначенное время я былъ въ палатѣ, помѣщавшейся, на углу Гороховой улицы и Адмиралтейской площади, въ томъ домѣ, гдѣ теперь находится петербургское градоначальство. Молодой товарищъ предсѣдателя палаты, г. Турчаниновъ, объявилъ мнѣ, что поводомъ къ вызову меня въ судъ послужила вышеприведенная жалоба объ оскорбленіи инспекторскаго департамента, далъ мнѣ прочесть все дѣло, начатое по этому предмету, любезно дозволилъ мнѣ списать отношеніе департамента и затѣмъ сказалъ, что я долженъ представить письменное объясненіе въ свое оправданіе.

— Въ какой срокъ должно быть готово мое объясненіе? спросилъ я товарища предсѣдателя.

— Если успеете изготовить въ двѣ недѣли, былъ отвѣтъ, то принесите сами въ палату въ присутственное время.

Когда въ назначенный срокъ я принесъ свое письменное объясненіе, то г. Турчаниновъ принялъ его отъ меня и, прочитавъ, сказалъ, чтобы я его дополнилъ въ томъ и въ другомъ мѣстѣ, потому что я упустилъ изъ вниманія нѣкоторые пункты въ обвиненіи инспекторскаго департамента, которые будутъ на виду уголовной палаты, при рассмотрѣніи жалобы обидившагося присутственнаго мѣста и моего объясненія. Я искренно поблагодарилъ за полезные совѣты г. Турчанинова, тѣмъ болѣе, что, до моего прихода въ первый разъ въ палату, я не только не былъ знакомъ съ нимъ, но нигдѣ даже не встрѣчался. Воспользовавшись указаніями, я передѣлалъ свое объясненіе и вторично, 16-го октября, представилъ его въ палату. Засѣдателемъ въ палатѣ уголовнаго суда отъ дво-

рянства былъ въ то время Павелъ Никитичъ Меншиковъ (уже умершій), авторъ нѣсколькихъ литературныхъ произведеній, въ томъ числѣ одной комедіи, которая въ свое время была напечатана въ «Современникѣ», Некрасова. Съ П. Н. Меншиковымъ я былъ прежде хорошо знакомъ, но, въ палатѣ и внѣ ея, у меня съ нимъ не было никакихъ разговоровъ по моему дѣлу.

Прошло нѣсколько недѣль. Вновь получаю приглашеніе чрезъ полицію явиться въ уголовную палату, для выслушанія рѣшенія по моему дѣлу съ инспекторскимъ департаментомъ. Когда я пришелъ въ палату, то дежурный чиновникъ объявилъ мнѣ, чтобы я дожидался въ канцеляріи момента, когда меня позовутъ. Я присѣлъ. Передъ мною къ дверямъ присутственной залы подходили равныя лица, или подводились подъ конвоемъ арестанты, двери открывались настежь приставленнымъ къ нимъ унтеръ-офицеромъ, обвиняемый становился на порогъ дверей и выслушивалъ постановленіе палаты по его дѣлу, которое читалъ секретарь. Точно также я, въ свой чередъ, подошелъ къ дверямъ; онѣ растворились и я услышалъ, что уголовная палата, по обвиненію меня инспекторскимъ департаментомъ военнаго министерства въ оскорбленіи его путемъ печати, постановила: «такого-то къ суду не привлекать».

Затѣмъ двери снова затворились.

— Все? спросилъ я у дежурнаго чиновника.

— Можете идти домой, отвѣчалъ онъ мнѣ. Рѣшеніе палаты для васъ очень благопріятное.

Какъ видно, порядокъ процесса по оскорбленію путемъ печати былъ совершенно иной, чѣмъ нынѣ, при новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Несмотря на необходимость нынѣ являться первоначально къ мировому судѣ для примирительнаго разбирательства (при оскорбленіи частныхъ лицъ), затѣмъ къ судебному слѣдователю и потомъ въ публичное засѣданіе суда, настоящій порядокъ даетъ большую возможность подсудимому оправдываться, опровергать вводимыя на него обвиненія, или разъяснить поводы, повлекшіе къ проступку по дѣламъ печати.

LVI

Разрѣшеніе на изданіе новой газеты въ 1824 году.

У меня сохранилась копія съ цензурнаго разрѣшенія, даннаго въ 1824 году на изданіе газеты «Сѣверная Пчела», которая впервые появилась въ свѣтъ съ января 1825 года. Для исторіи нашей журналистики и права печатанія въ періодическихъ изданіяхъ театральныхъ пьесъ, — этотъ документъ не лишній. 9-го сентября 1824 года, исправлявшій должность попечителя петербургскаго учеб-

наго округа, Дмитрій Руничъ, прислалъ за № 1109 слѣдующее увѣдомленіе петербургскому цензурному комитету: «представленіе сего комитета, отъ 23-го прошлаго іюня, о просимомъ коллежскимъ совѣтникомъ Гречемъ и отставнымъ капитаномъ Булгариннымъ дозволеніи на изданіе журналовъ, съ будущаго 1825 года, подъ названіемъ «Сынъ Отечества», «Сѣверный Архивъ» и «Сѣверная Пчела», я доводилъ до свѣдѣнія господина министра народнаго просвѣщенія и его высокопревосходительство, въ предписаніи отъ 3-го сего сентября, изъяснилъ согласіе, чтобы дозволено было предполагаемое гг. Гречемъ и Булгариннымъ изданіе журналовъ подъ названіемъ: «Сынъ Отечества», «Сѣверный Архивъ» и «Сѣверная Пчела» на изъясненномъ основаніи, со включеніемъ и отрывковъ изъ комедій и трагедій, съ тѣмъ однако же: 1) Что какъ подобныя отрывки предназначено исключать изъ періодическихъ изданій въ томъ предположеніи, что могло бы случиться, что они взяты были бы изъ непропущенныхъ надлежащею цензурою театральныхъ пьесъ, то, въ предупрежденіе сего, постановить, чтобы издатели, представляя въ петербургскій цензурный комитетъ журналъ свой, въ составъ коего имѣютъ входить таковыя отрывки, представляли ему удостовѣреніе, что оныя уже пропущены цензурою министерства внутреннихъ дѣлъ. 2) Строго подтвердить цензорамъ, дабы они особенное имѣли вниманіе въ просмотрѣніи заграничныхъ извѣстій и, въ случаѣ сомнѣнія, испрашивали бы разрѣшенія начальства. Сообщая о семъ петербургскому цензурному комитету для надлежащаго исполненія, предлагаю оному въ точности руководствоваться предписанными его высокопревосходительствомъ правилами, касательно пропуска заграничныхъ извѣстій и отрывковъ изъ театральныхъ пьесъ».

LVII.

Случай изъ жизни адмирала Шанца.

Адмиралъ Иванъ Ивановичъ Шанцъ, скончавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, родомъ изъ Финляндіи, отличался прямою характера и рѣзкостью сужденій, особенно когда считалъ свое мнѣніе справедливымъ и находилъ необходимымъ его высказать. Со словъ очевидцевъ, я записалъ два подобные случая изъ его жизни.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, онъ привелъ въ Кронштадтъ изъ Соединенныхъ Сѣвероамериканскихъ Штатовъ военный пароходо-фрегатъ «Камчатку», построенный въ заатлантической республикѣ по заказу нашего правительства. Въ то время это было одно изъ лучшихъ, красивыхъ, ходкихъ судовъ нашего военнаго флота. Шанцъ былъ командиромъ «Камчатки». Прочно построенный, этотъ пароходо-фрегатъ выслужилъ долге обыкновеннаго срока. «Кам-

чатка» строилась въ Америкѣ подъ надзоромъ Шанца. Императоръ Николай Павловичъ прѣѣхалъ на «Камчатку».

— У тебя фрегатъ кривой, сказалъ императоръ Шанцу.

— Прямой, ваше императорское величество.

— Почему же онъ не стоитъ прямо?

— Вѣтеръ клонить его, ваше императорское величество.

Императоръ, посмотрѣвъ на Шанца, обратился къ сопровождавшему его адмиралу Меншикову, начальнику морского штаба (такъ тогда назывался морской министръ), съ другимъ вопросомъ.

Въ другой разъ, во время смотра императоромъ Николаемъ I балтійскаго флота, командиръ линейнаго корабля, капитанъ Опочининъ, за какую-то оплошность, подвергся гнѣву государя. Императоръ приказалъ ему отправиться на салингъ (верхнюю часть мачты), куда за провинности командиры судовъ сажали матросовъ и молодыхъ офицеровъ. Примѣненіе подобнаго же наказанія къ штабъ-офицеру, а главное къ командиру корабля, бывало въ нашемъ флотѣ крайне рѣдко; было, можно сказать, безпримѣрное. Опочининъ погнѣвъ на салингъ, но тотчасъ же подалъ прошеніе объ увольненіи въ отставку.

Въ свитѣ императора, находился, въ числѣ прочихъ, генералъ-адъютантъ Василій Алексѣевичъ Перовскій (бывшій оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ), управлявшій морскимъ министерствомъ за отъѣздомъ въ отпускъ князя Меншикова. В. А. Перовскій не зналъ ни морской службы, ни морского дѣла. Когда императоръ приказалъ Опочинину отправиться на салингъ, то В. А. Перовскій сказалъ громко:

— На гауптвахту ихъ (т. е. командировъ судовъ) надобно сажать.

— Извините, ваше превосходительство, отвѣчалъ ему также громко находившійся по близости на палубѣ И. И. Шанцъ, командировъ судовъ на гауптвахту не сажаютъ. Такъ вы можете поступать только съ командирами гнѣхотныхъ полковъ, но не съ корабельными капитанами.

Разговоръ этотъ происходилъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ императора, что онъ не могъ не слышать его.

LVIII.

Курьезный отзывъ о грамотности.

Профессоръ петербургскаго университета, Василій Васильевичъ Григорьевъ, бывшій нѣсколько лѣтъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, безспорно принадлежалъ къ числу ученыхъ, умныхъ и даровитыхъ людей своего времени. Сверхъ того,

по своему образу мыслей, онъ былъ безусловно русскимъ человекомъ. Но не рѣдко онъ любилъ щеголять оригинальными взглядами, крайними выводами, рѣзкими приговорами. Одно время онъ былъ предсѣдателемъ отдѣленія этнографіи русскаго географическаго общества. Въ засѣданіи этого отдѣленія, 23-го октября 1869 года, онъ дѣлалъ докладъ собранію по доставленному географическому обществу г. Радловымъ описанію Заравшанскаго округа, въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ. По поводу замѣчаній г. Радлова объ умственныхъ способностяхъ туземныхъ жителей, В. В. Григорьевъ обратилъ вниманіе отдѣленія на отзывъ г. Радлова, который нашелъ туземцевъ грамотныхъ и учившихся въ школахъ гораздо тупѣе и не развитѣе неучившихся въ школахъ и неграмотныхъ. Это замѣчаніе г. Радлова, присовокупилъ В. В. Григорьевъ, «имѣетъ приложеніе не къ однимъ обитателямъ Заравшанской долины и вообще фактъ, указанный г. Радловымъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія ревнителей грамотности, которые видятъ въ ней одной залогъ не только умственнаго, но даже нравственнаго и матеріальнаго, прогресса».

Подобный отзывъ профессора о грамотности—своего рода курьезъ.

Въ 1876 году, во время войны сербовъ противъ турокъ, В. В. Григорьевъ пригласилъ меня къ себѣ по одному дѣлу, въ главное управленіе по дѣламъ печати. Наше свиданіе было очень продолжительное и разговоръ коснулся разныхъ предметовъ. Между прочимъ, онъ доказывалъ пользу войны Сербіи для Россіи и пользу выгѣзда на поле брани нашихъ добровольцевъ тѣмъ, что этимъ путемъ наше отечество «освободится отъ безпокойныхъ революціонныхъ элементовъ, нигилистовъ, которые найдутъ занятіе своимъ страстямъ въ борьбѣ съ мусульманами». На этомъ основаніи, по мнѣнію В. В. Григорьева, «слѣдовало поощрять всѣми мѣрами высылку волонтеровъ изъ Россіи». Послѣдующія событія въ Россіи доказали всю нелѣпость подобныхъ соображеній, которыя въ то время, повидимому, находили себѣ сторонниковъ въ правительственныхъ сферахъ.

LIX.

Графъ Л. Н. Толстой и его «Ясная Поляна».

Въ № 2 «Историческаго Вѣстника» 1883 года я сообщилъ два любопытные документа, касающіеся знаменитаго профессора Шлейдена, по поводу обвиненія его въ 1862 году наблюдательною цензурою министерства внутреннихъ дѣлъ въ атеизмъ. Обвиненіе взведено было вслѣдствіе незнакомства его автора съ учеными трудами профессора. Но тогдашніе ревнивые, сверхъ мѣры, тѣщцы литературныхъ произведеній, докладывавшіе своему министру ре-

зультаты своих трудовъ, не ограничились безсмысленнымъ преслѣдованіемъ Шлейдена, но направили его и противъ графа Толстаго, обвиняя его въ ниспроверженіи основныхъ правилъ религіи и нравственности. Примѣры Шлейдена и Толстаго служатъ доказательствомъ, какъ въ то время легковѣрно утверждались и подписывались подобные неосновательные доклады и получали дальнѣйшій ходъ. До меня доходили слухи, что доклады о Шлейденѣ и Толстомъ, равно какъ и многіе другіе противъ тогдашнихъ органовъ печати, составлены были однимъ полякомъ-чиновникомъ, состоявшимъ въ генеральскомъ рангѣ и оставшимся недовольнымъ тѣмъ, что не онъ былъ избранъ министромъ народнаго просвѣщенія въ предсѣдателя петербургскаго цензурнаго комитета. Вотъ въ чемъ состояла переписка между двумя министерствами по поводу «Ясной Поляны».

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, 3-го октября 1862 года: «Наблюдательное чтеніе педагогическаго журнала «Ясная Поляна», издаваемого графомъ Толстымъ, приводитъ къ убѣжденію, что этотъ журналъ, проповѣдующій совершенно новые приемы преподаванія и основныя начала народныхъ школъ, нерѣдко распространяетъ такія идеи, которыя, независимо отъ ихъ неправильности, по самому направленію своему, оказываются вредными. Не входя въ подробный разборъ доктрины этого журнала и не указывая на отдѣльныя статьи и выраженія, что, впрочемъ, не представило бы затрудненій, я считаю нужнымъ обратить вниманіе вашего превосходительства на общее направленіе и духъ этого журнала, нерѣдко низвергающіе самыя основныя правила религіи и нравственности.

«Продолженіе этого журнала въ томъ же духѣ, по моему мнѣнію, должно быть признано тѣмъ болѣе вреднымъ, что издатель, обладая замѣчательнымъ, и, можно сказать, увлекательнымъ литературнымъ дарованіемъ, не можетъ быть заподозрѣнъ ни въ злоумышленности, ни въ недобросовѣстности своихъ убѣжденій. Зло заключается именно въ ложности и, такъ сказать, въ эксцентричности этихъ убѣжденій, которыя, будучи изложены съ особеннымъ краснорѣчіемъ, могутъ увлечь на этотъ путь неопытныхъ педагоговъ и сообщить неправильное направленіе дѣлу народнаго образованія. Имѣю честь сообщить о семъ вамъ, милостивый государь, въ томъ предположеніи, что не изволите ли вы признать полезнымъ обратить особое вниманіе цензора на это изданіе».

Получивъ это отношеніе, министръ народнаго просвѣщенія поручилъ разсмотрѣть всѣ вышедшія книги журнала «Ясная Поляна» и сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, 24-го октября того же года, что какъ по собственному наблюденію министерства, такъ и по содержанію представленнаго ему, министру, отчета о «Ясной Полянѣ», «въ направленіи помянутаго изданія нѣтъ ничего вред-

наго и противнаго религиі, но встрѣчаются крайности педагогическихъ возрѣній, которыя подлежатъ критикѣ въ ученыхъ педагогическихъ журналахъ, а никакъ не запрещенію со стороны цензуры». Вообще, писалъ далѣе министръ народнаго просвѣщенія, «я долженъ сказать, что дѣятельность графа Толстаго по педагогической части заслуживаетъ полнаго уваженія, и министерство народнаго просвѣщенія обязано помогать ему и оказывать сочувствіе, хотя и не можетъ раздѣлять всѣхъ его мыслей, отъ которыхъ, послѣ многосторонняго обсужденія, онъ и самъ, вѣроятно, откажется». При отвѣтѣ этому министра народнаго просвѣщенія, препровожденъ былъ и самый отчетъ, полученный имъ о содержаніи и направленіи журнала «Ясная Поляна», который, по своей обширности, я не считаю возможнымъ привести, тѣмъ болѣе, что общій выводъ, сдѣланный въ пользу «Ясной Поляны» и графа Толстаго, приведенъ въ отвѣтѣ министра народнаго просвѣщенія министру внутреннихъ дѣлъ.

LX.

Подозрѣніе въ разсылкѣ прокламацій.

Весною 1862 года, получилъ я приглашеніе въ такомъ-то часу прибыть къ петербургскому оберъ-полиціймейстеру, которымъ тогда былъ генераль-маіоръ Иванъ Васильевичъ Анненковъ. Въ кабинетѣ его (въ полицейскомъ домѣ на Большой Морской, между Гороховой и Невскимъ), куда меня ввели, я встрѣтилъ, кромѣ И. В. Анненкова, съ которымъ я ранѣе познакомился по одному дѣлу, всѣхъ тогдашнихъ полиціймейстеровъ, которые присутствовали при послѣдовавшемъ затѣмъ разговорѣ.

— Мнѣ необходимо знать, вслѣдствіе одного обстоятельства, началъ И. В. Анненковъ, какимъ образомъ происходитъ доставка «Сѣверной Пчелы» городскимъ подписчикамъ газеты.

Я объяснилъ, что газета сдается ея конторою на городскую почту, которая уже чрезъ своихъ почталіоновъ разноситъ экземпляры подписчикамъ. Сверхъ того, нѣкоторые лица получаютъ газету безъ доставки, для чего они сами являются въ контору за нею или присылаютъ свою прислугу. Наконецъ, что нѣкоторые книгопродавцы подписываются на нѣсколько экземпляровъ безъ доставки, присылаютъ за ними въ контору своихъ разсылныхъ и затѣмъ уже раздають газету изъ своихъ магазиновъ.

— Слѣдовательно «Сѣверная Пчела» не разносится по городу разсылными отъ редакціи?

— Какъ видите, нѣтъ.

— Съ «Сѣвальною Пчелою» разослана была по городу преступная прокламація, продолжалъ И. В. Анненковъ, и мнѣ поручено

министромъ внутреннихъ дѣлъ разслѣдовать путь, который прокламація была вложена въ газету.

— Прокламація была разослана со всѣми экземплярами? былъ мой вопросъ.

— Не при всѣхъ.

— Слѣдовательно, необходимо прежде всего разузнать, какимъ изъ трехъ объясненныхъ мною путей пересылается газета подписчику, получившему съ нею и прокламацію.

— На этотъ разъ мнѣ другихъ объясненій отъ васъ не нужно, сказалъ оберъ-полиціймейстеръ, но если по ходу дѣла потребуются новыя дополнительныя свѣдѣнія, то я вновь буду вынужденъ васъ беспокоить приглашеніемъ къ себѣ.

Мы распрощались. Прошло нѣсколько недѣль, но меня болѣе не приглашали къ оберъ-полиціймейстеру. Ёду я, однажды, по Невскому проспекту, въ исходѣ четвертаго часа пополудни, и между Малою и Большою Морскою, встрѣчаю шедшаго гвѣшкомъ полиціймейстера зарѣчныхъ частей, полковника лейбъ-гвардіи кирасирскаго его величества полка, Золотницкаго, съ которымъ я былъ знакомъ. Увидавъ меня, онъ пригласилъ подойти къ нему.

— Есть у васъ время, такъ пройдемтесь по Большой Морской; я могу сообщить вамъ интересную для васъ новость, сказалъ Золотницкій.

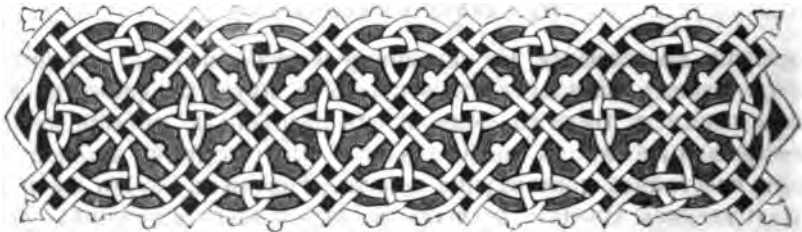
Я пошелъ съ нимъ.

Золотницкій сообщилъ мнѣ, что ему поручено было изслѣдовать дѣло о прокламаціи, попавшей въ «Сѣверную Пчелу». Въ 1862 году, въ Петербургѣ впервые появились въ большомъ числѣ противозаконныя политическія прокламаціи, которыя печатались въ тайныхъ типографіяхъ. Правительству, естественно, желательно было разузнать источникъ ихъ появленія и распространенія. Прокламація, вложенная въ «Сѣверную Пчелу», найдена была въ ресторанѣ Дюссо (на углу Большой Морской улицы и Кирпичнаго переулка) однимъ чиновникомъ особыхъ порученій министерства внутреннихъ дѣлъ. За завтракомъ, онъ потребовалъ себѣ газету, развернулъ ее и нашелъ тамъ прокламацію, которую и представилъ своему министру. Дюссо подписывался на «Сѣверную Пчелу» въ книжномъ магазинѣ Юнгмейстера, который и доставлялъ газету отъ себя въ ресторанъ. У другихъ подписчиковъ на газету прокламацій не оказалось, такъ что, повидимому, она была вложена только въ одинъ экземпляръ, попавшій къ Дюссо. По этой причинѣ полицейскія власти болѣе и не беспокоили меня разспросами. Стали подоврѣвать, что прокламація была вложена въ газету въ самомъ ресторанѣ, кѣмъ либо изъ его посѣтителей и, кажется, чиновнику особыхъ порученій сдѣлано было даже замѣчаніе, зачѣмъ онъ скрытно увезъ прокламацію, а не возбудилъ дѣла на мѣстѣ находженія прокламаціи, приглашеніемъ мѣстной полиціи къ немедленному разслѣдованію пути

появленія прокламаціи. Но чиновнику желательно было отличиться передъ своимъ начальствомъ открытіемъ пути, которымъ прокламаціи попадали тогда въ дома, и онъ поспѣшилъ указать на распространенную въ то время газету, въ серединѣ которой нашелъ преступное произведеніе печати. Говорили, будто бы и новая «Сѣверная Пчела» не была во вкусъ этого чиновника, предпочитавшаго газету болгаринскаго періода.

Пав. Усовъ.

УБИЙСТВО М. А. СТАХОВИЧА.

ВЪ ЧИСЛѢ литературныхъ новинокъ, въ началѣ текущаго года, появились «Сочиненія Павла Ивановича Якушкина», собранныя и изданныя В. О. Михневичемъ. Изданіе это, по отзыву нѣкоторыхъ журналовъ, оказалось далеко не лишнимъ въ русской литературѣ. Но оно представляется нелишнимъ интереса еще по тѣмъ воспоминаніямъ объ изслѣдователѣ русской народности, которымъ въ книгѣ отведено довольно видное мѣсто.

Въ ряду этихъ воспоминаній, на первомъ планѣ стоитъ біографическій очеркъ С. В. Максимова. Въ живомъ, полномъ интереса, разсказѣ о П. И. Якушкинѣ авторъ очерка коснулся судьбы его друга Михаила Александровича Стаховича, богатаго орловскаго помѣщика, русскаго народника и писателя, погибшаго преждевременною и мучительною смертію.

Разсказъ объ этой преждевременной смерти Стаховича, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, требуетъ поправки.

Живя нѣсколько лѣтъ въ Орлѣ, я неоднократно слышалъ всѣ подробности убійства Стаховича; кромѣ того, въ силу моихъ близкихъ—служебныхъ и частныхъ—отношеній къ слѣдователю, открывшему всѣ нити преступленія, я, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ получилъ достовѣрный разсказъ объ этомъ, да и теперь имѣю подъ рукой нѣкоторые письменные матеріалы, дающіе возможность провѣрить и дополнить разсказъ С. В. Максимова.

М. А. Стаховичъ въ разсказѣ автора очерка выставленъ талантливымъ писателемъ, горячо преданнымъ народнымъ интересамъ, отлично знавшимъ народную жизнь и непрестанно занимавшимся ею изученіемъ.

По отзыву людей, близко знавших покойнаго, В. А. Стаховичъ не былъ личностью особенно замѣчательною. Это былъ хороший, умный и добрый человекъ. Воспитанникъ московскаго университета, онъ былъ по убѣжденіямъ славянофилъ, а по образу жизни народникъ, но народникъ съ нѣскольکو утрированнымъ отѣнкомъ. Будучи человекомъ состоятельнымъ, онъ благодѣтельствовалъ крестьянамъ, но этимъ не снискалъ себѣ уваженія съ ихъ стороны и боготворимые имъ крестьяне не рѣдко эксплуатировали его, подобно бурмистру, виновнику его смерти. Дитя душою, человекъ идеи, онъ не былъ практикъ и администраторъ, какимъ долженъ былъ бы быть по положенію помѣщика и по занимаемому посту предводителя дворянства. Очевидно, что онъ не могъ поэтому, въ ту пору мертвеннаго формализма, нравиться властямъ. Самая женитьба его въ Пруссіи, на нѣмкѣ, женитьба эксцентричная, сдвинула его съ общей русско-дворянской стези и поставила въ необходимость создать для себя образъ жизни независимый и свободный, жизни такъ не похожей на общій строй окружавшаго его міра. Это конечно не помѣшало бы ему, въ наступавшую тогда пору крестьянской реформы, обратить свою энергію на это, столь сродное ему, дѣло и сдѣлаться полезнымъ дѣятелемъ.

Но злой рокъ судилъ иначе.

Основнымъ поводомъ убійства Стаховича С. В. Максимовъ выставляетъ крупную сумму денегъ, принадлежавшихъ покойному.

Слѣдствіе, произведенное самымъ тщательнымъ образомъ, не открыло причинъ убійства. Указаніе на деньги, привезенныя Михаиломъ Александровичемъ изъ банка, не подтвердилось. Мнѣніе, что главную роль въ дѣлѣ убійства играли векселя Стаховича, бывшіе въ рукахъ бурмистра Ивана Гаврилова Мокринскаго и писмоводителя Стаховича Дмитрія Алексѣева Киндякова, но непризнанные покойнымъ, имѣютъ нѣкоторую вѣроятность, потому что Киндяковъ купилъ имѣніе Боевку, давъ 3,000 руб. въ задатокъ, но не внесъ остальной суммы въ срокъ, опасаясь представить векселя послѣ возникновенія серьезнаго слѣдствія. Сказаніе объ адресѣ, будто бы несогласномъ съ желаніемъ большинства дворянъ, весьма не правдоподобно или, по крайней мѣрѣ, сбивчиво и туманно.

Все это, однимъ словомъ, идетъ не далѣе слуховъ и толковъ, прочныхъ же данныхъ, указывающихъ на дѣйствительную цѣль убійства, слѣдствіемъ не было обнаружено, не смотря на продолжительныя и энергическія изысканія, которыя привели лишь къ открытію виновниковъ преступленія: Мокринскаго и Киндякова.

Честь этого открытія авторъ очерка относитъ къ опытности жандармскихъ офицеровъ, которымъ было приказано произвести строжайшее слѣдствіе.

Слѣдствіе производилось неоднократно.

Первое—временнымъ отдѣленіемъ елецкой полиціи, на долю котораго выпадала возможность дѣйствовать—какъ говорили тогда—«по горячимъ слѣдамъ»; въ слѣдахъ этихъ недостатка конечно не было, въ особенности потому, что призванный къ трупу врачъ Голофѣевъ—честнѣйшая личность—указывалъ на дѣйствительную причину смерти: сдавленіе въ паху; но выставлать это на видъ было признано вѣроятно неудобнымъ и временное отдѣленіе отнесло смерть Стаховича къ самоубійству; составленный объ этомъ медицинскій протоколъ, съ которымъ врачъ Голофѣевъ не согласился, оказывался на столько туманнымъ, что орловская врачебная управа не могла вывести совершенно яснаго заключенія.

Не лучший результатъ доставило и второе слѣдствіе, произведенное старшимъ совѣникомъ орловскаго губернскаго правленія Зубовымъ.

Третье слѣдствіе было начато чиновникомъ особыхъ порученій при орловскомъ губернаторѣ М. совместно съ жандармскимъ полковникомъ Арцишевскимъ; но послѣдній отказался вести дальнѣйшія изысканія и, возвращаясь въ Орелъ, далъ къ дѣлу отзывъ, что онъ не видитъ возможности раскрыть истину и, призываемый своими обязанностями, находить бесполезнымъ пребываніе свое при слѣдствіи.

Наконецъ, четвертое и послѣднее слѣдствіе, открывшее все преступленіе, было произведено чиновникомъ особыхъ порученій г-мъ М. единолично.

Слѣдствіе открыло, что М. А. Стаховичъ, въ воскресенье, 26-го октября 1858 года, утромъ, возвратился изъ Ельца въ имѣніе свое, село Пальну; онъ былъ совершенно здоровый, веселый, трезвый, дорогой дѣлалъ разныя хозяйственныя распоряженія, пѣлъ пѣсни... но вскорѣ послѣ того былъ найденъ въ спальной комнатѣ повѣшеннымъ на ключѣ и ручкѣ двери. Неестественное и невозможное для удавленника положеніе съ лицомъ, обращеннымъ къ верху, сразу устраняло предположеніе о самоповѣшаніи, а къ тому же ключъ оказался отъ кабинетной двери.

Первый, кто увидѣлъ въ такомъ положеніи трупъ Стаховича, была солдатка Аксиныя Александрова Гревцова, родственница бурмистра Мокринскаго, фаворитка покойнаго; позванная бурмистромъ, часа въ три пополудни, къ барину, она вошла въ спальную и, пораженная тѣмъ, что тамъ ей представилось, выбѣжала изъ комнаты и съ ужасомъ объявила о томъ Мокринскому, который между тѣмъ дожидался ея возвращенія въ передней для того, чтобы услышать вѣсть какъ бы для него новую, въ дѣйствительности же ему отлично извѣстную.

Кому слѣдовало выказать необходимую въ такомъ чрезвычайномъ случаѣ распорядительность, принять всѣ мѣры къ поддержанію порядка, заявить полиціи, дать знать ближайшимъ сосѣ-

дямъ покойнаго, изъ которыхъ самымъ близкимъ былъ М. Я. Ростовцевъ,—кому, какъ не человѣку, близко стоявшему къ покойному, имъ облагодѣтельствованному и въ то время бывшему подъ одной съ нимъ крышей?

Ничего этого бурмистръ Мокринскій не сдѣлалъ; ему какъ будто только и нужно было теперь, чтобы кто нибудь, непричастный къ дѣлу, удостовѣрилъ фактъ мнимаго самоубійства; а затѣмъ его охватила жажда поживы. Выказывая по истинѣ циничное хладнокровіе къ совершившемуся, онъ началъ съ того, что бросился шаривать буфетные шкапы въ домѣ, невозмутимо пообѣдалъ въ дѣвичьей комнатѣ, согналъ съ господскаго двора лошадей своихъ, которыя откармливались господскимъ овсомъ, цѣлую ночь шатался по людямъ, подговаривая и подбучивая ихъ... Тщательные, умѣлые опросы выдѣлили однако истину отъ навѣянныхъ преступникомъ наущеній: бывшіе въ барскомъ домѣ, въ моментъ преступленія, дворовая дѣвушка Аксинья Іонова, племянница ея 10-ти лѣтняя дѣвочка Василиса Андреева и 9-ти лѣтній сынъ бурмистра Григорій, дали показанія, несомнѣнно доказывающія активное участіе бурмистра Мокринскаго въ убійствѣ его благодѣтеля.

Но быстрота, съ которою, судя по времени, было совершено преступленіе, отсутствіе слѣдовъ употребленія какого либо орудія для убійства, наконецъ крѣпкое, здоровое тѣлосложеніе покойнаго—указывали, что преступленіе не могло быть совершено однимъ лицомъ. Необходимо было по этому розыскать соучастника преступленія.

Это представлялось нелегкою задачей, такъ какъ второй преступникъ, какъ потомъ оказалось, дѣйствовалъ крайне осторожно и по заранѣе составленному и строго обдуманному плану.

Каждый шагъ письмоводителя Киндякова, направленный къ сокрытію слѣдовъ преступленія, показываетъ, къ какимъ хитроплетеніямъ онъ прибѣгалъ, чтобы выскользнуть чистымъ изъ воды. Въ день убійства, 26-го октября, Киндяковъ былъ въ Задонскѣ; тамъ его видѣли въ церкви, у ранней обѣдни, видѣли во время и послѣ обѣда на постояломъ дворѣ вмѣстѣ съ его женою, а разстояніе отъ Задонска до Пальны не малое—болѣе 60 верстъ! Какъ же могъ онъ совершить въ тотъ же день, въ 2 часа дня, преступленіе въ Пальнѣ?

Чѣмъ однако хитрѣе была загадка, тѣмъ болѣе явилось у слѣдователя настойчиваго желанія добиться истины. Разныя розысканія въ Задонскѣ и на пути къ нему изъ Пальны, осмотръ мѣстностей, собраніе и провѣрка многочисленныхъ слуховъ, иногда крайне сбивчивыхъ и разнорѣчивыхъ, опросъ свидѣтелей, собранныхъ въ числѣ болѣе 30-ти человѣкъ, сближеніе слѣдователя съ нѣкоторыми изъ нихъ,—все это выставило обслѣдуемый предметъ во всей рельефности и открыло полную и несомнѣнную виновность Киндякова.

Оказалось, что Киндяковъ пріѣхалъ въ Задонскъ утромъ въ субботу, 25-го октября, т. е. наканунѣ убійства Стаховича. Весь этотъ день и утромъ въ воскресенье онъ пробылъ въ Задонскѣ; въ воскресенье же, въ послѣполуденную пору, въ Пальнѣ нѣкоторые изъ дворовыхъ видѣли, какъ Киндяковъ вышелъ изъ аллеи господскаго сада, прокрался въ домъ и, поздоровавшись въ передней комнатѣ съ бурмистромъ Иваномъ, вошелъ въ барскій кабинетъ; когда же, вслѣдъ затѣмъ, пріѣхалъ домой Стаховичъ и послѣ обращеннаго къ бурмистру привѣтствія прошелъ въ дѣвичью комнату, то Киндяковъ, незамѣтно для Стаховича, прокрался изъ кабинета въ залъ...

Здѣсь занавѣсъ опускается. Подъ нею навѣки скрылось фактическое, активное участіе въ злодѣяніи того и другаго преступника, та роль, которая принадлежала каждому изъ нихъ, и только сами они могли бы рассказать все какъ было.

Поѣздку изъ Задонска въ Пальну и обратно Киндяковъ совершилъ на тройкѣ съ ямщикомъ, крестьяниномъ с. Понаринскаго, Никитой Семеновымъ Дурневымъ, который славился лихой ѣздой. Ямщикъ этотъ былъ нанятъ въ Задонскѣ и, по указанію нанимателя, подалъ лошадей къ заставѣ. Выѣхали они изъ Задонска до благовѣста къ поздней обѣднѣ. Дорогою сѣдокъ усердно поилъ ямщика водкой, имѣя для того при себѣ не только водку, но и стаканъ. Ѣхали очень быстро, такъ какъ сѣдокъ очень сгѣшилъ къ барину въ Пальну на обѣдъ. У самой Пальны, остановившись въ котловинѣ около лѣса, сѣдокъ отстегнулъ пристяжную и верхомъ скрылся въ лѣсу. Часа черезъ два, Никита Дурневъ переѣхалъ на другое, указанное ему сѣдокомъ мѣсто и здѣсь, постоявъ нѣкоторое время, увидѣлъ возвращающагося съ вершины оврага сѣдока своего, который велѣлъ ѣхать на большую Данковскую дорогу по направленію къ Ельцу. Затѣмъ, проѣхавъ нѣсколько по большаку, Киндяковъ свернулъ на Лебедянскую дорогу и возвратился въ Задонскъ уже ночью, оставивъ ямщика при вѣздѣ въ городъ, у заставы.

Свидѣтели, Задонскіе и Талецкіе, видѣвшіе Киндякова 26 октября, оказались крайне запуганными; пальновскіе крестьяне и дворовые люди находились подъ вліяніемъ паники, навѣянной ужасомъ событія; вся окружающая среда представляла собою рядъ неточностей, хитросплетеній, разнорѣчій... Самъ главный виновникъ преступленія, творецъ хитро задуманнаго и настойчиво приведеннаго въ дѣйствіе плана, продолжалъ и послѣ преступленія запугивать и безъ того очень сложное дѣло, съ цѣлью отвлеченія отъ себя подозрѣнія. Такъ, прибывъ въ Пальну уже явно, когда огласилась смерть Стаховича, Киндяковъ подсылалъ къ мѣстнымъ властямъ письма, клонящіяся къ закрытію истины, подбрасывалъ записки въ квартиру слѣдователя съ намеками, что если въ день

убііства видѣли нѣкоторые въ Пальнѣ посторонняго человѣка, то это былъ не Киндяковъ, а кто-то другой, и т. п.

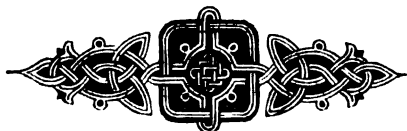
Преступники не сознались, не смотря на явныя и серьезныя улики и свидѣтельскія показанія, съ настойчивостію отрицая свое участіе въ преступленіи. Да и трудно было ожидать чистосердечнаго раскаянія отъ такихъ людей, какъ Мокринскій и Киндяковъ—людей жестокосердыхъ и безнравственныхъ. Будучи семейными людьми, ни тотъ, ни другой не дорожилъ святостію брака и за ними обоими, какъ показали знавшіе ихъ люди, были въ этомъ отношеніи такіе грѣшки, которые сами по себѣ влекли за собою строгую отвѣтственность предъ закономъ. Чтобы доказать свою бытность въ Задонскѣ въ теченіи цѣлаго дня 26 октября, Киндяковъ пригласилъ на постоялый дворъ, на которомъ онъ остановился, къ своей женѣ, подставное за себя лицо—писца предводительской канцеляріи, Глаголева, котораго и видѣли съ женою... Мокринскій къ тому же былъ гордецъ: пользуясь положеніемъ бурмистра въ большомъ имѣніи, онъ заносчиво держалъ себя предъ крестьянами, а бѣднымъ родственникамъ своимъ, простымъ мужичкамъ, платилъ деньги, чтобы только они при народѣ не называли его «сватомъ».

Послѣ окончанія допросовъ и очныхъ ставокъ, Киндяковъ началъ уклоняться отъ дачи отвѣтовъ и наконецъ объявилъ, что онъ обладаетъ тайной по дѣлу Стаховича и только лично можетъ ввѣрить ее высшему правительству и что послѣ его доклада уже не нужно будетъ никакихъ допросовъ.

Судъ—дореформенный—осудилъ Мокринскаго и Киндякова на основаніи уликъ, приговоривъ ихъ къ каторжнымъ работамъ,—случай весьма рѣдкій въ практикѣ старыхъ судовъ, обвинявшихъ преступниковъ только при ихъ сознаніи.

Долго спустя послѣ того, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, я слышалъ, что Киндяковъ бѣжалъ изъ Сибири.

М. Городецкій.

ИДЕИ О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНИИ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКОЕ ВРЕМЯ.

МЫ НЕ ЗНАЕМЪ на сколько справедливъ не такъ давно сообщавшійся газетами слухъ, что нынѣшній президентъ академіи наукъ, графъ Д. А. Толстой, занять будто бы составленіемъ обширной исторіи императрицы Екатерины II; можетъ быть, слѣдуетъ видѣть подтвержденіе сказаннаго слуха въ недавно вышедшемъ изслѣдованіи графа, подъ заглавіемъ «Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи, до 1782 года», — сочиненіи, которое, составляя приложеніе къ 47-му тому «Записокъ» академіи, выпущено также и отдѣльнымъ оттискомъ. Новый трудъ графа не обширенъ по своему объему — въ немъ всего сто страницъ, — тѣмъ не менѣе онъ представляетъ плодъ весьма тщательнаго изученія избраннаго предмета, въ чемъ убѣждаютъ насъ и разнообразіе пособій, которыми авторъ пользовался при составленіи своей книги, и чрезвычайная фактичность ея содержанія.

Сочиненіе начинается прямо съ сообщенія историческихъ данныхъ относительно разнаго рода свѣтскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи прошлаго вѣка, въ послѣдовательномъ порядкѣ по времени ихъ возникновенія. Не передавая здѣсь, вслѣдъ за авторомъ, во многихъ отношеніяхъ любопытныхъ свѣдѣній объ этихъ учрежденіяхъ, мы ограничимся простымъ перечнемъ ихъ наименованій, съ цѣлью дать читателю непосредственное представленіе о предметѣ занимающаго насъ изслѣдованія. Послѣ эфемернаго существованія самыхъ раннихъ у насъ свѣтскихъ школъ, устроенныхъ на манеръ тогдашнихъ западно-европейскихъ школъ, — школы пастора Глюка (1703—1706 г.) и четырехъ «разноязычныхъ нѣмец-

кихъ школъ» (1711 г.), были учреждены «цыфирныя школы» (1714—1744 г.); затѣмъ идутъ — академическая гимназія и академическій университетъ; гарнизонныя школы; медицинскія школы и «бабичьяго дѣла»; морской кадетскій корпусъ; артиллерійскій и инженерный кадетскій корпусъ; шляхетный кадетскій корпусъ; московскій университетъ и гимназія при немъ; гимназія въ Казани; пажескій корпусъ; Смольный; горное училище; греческая гимназія или греческій кадетскій корпусъ; медико-хирургическія училища и школы (1787 г.).

Кромѣ сятаго, но весьма цѣннаго по своей содержательности, разсказа о законодательныхъ мѣропріятіяхъ относительно перечисленныхъ нами учебныхъ заведеній и о ихъ судьбахъ въ теченіе прошлаго столѣтія, сочиненіе графа Толстаго заключаетъ въ себѣ также страницы, представляющія и гораздо болѣе общій интересъ для современнаго читателя,—это тѣ изъ нихъ, на которыхъ излагаются возникавшіе въ ту пору проекты относительно устройства вообще школьнаго дѣла въ Россіи. Таковы были — проектъ И. И. Шувалова; затѣмъ, проектъ созданной извѣстнымъ Екатерининскимъ наказомъ «Комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія» и, наконецъ, проектъ знаменитаго энциклопедиста Дидро. Съ ними именно мы и намѣрены познакомить читателя.

Состоя кураторомъ московскаго университета, И. И. Шуваловъ, первый въ Россіи понявъ необходимость озаботиться относительно общей распространенности образованія, безъ которой нельзя было рассчитывать на успѣхи и для единичныхъ, уже существовавшихъ тогда учебныхъ заведеній, въ чемъ онъ живо убѣждался на примѣрѣ ввѣреннаго его попеченію московскаго университета, какъ онъ прямо и указывалъ на то въ своемъ представленіи, или по тогдашнему «приступѣ», съ которымъ онъ обратился къ сенату..

Правда, предложенный Шуваловымъ проектъ отличался еще вполне сословнымъ характеромъ, такъ какъ въ немъ подъ общедоступностью образованія разумѣлась доступность его собственно для всѣхъ дворянскихъ дѣтей, неудовлетворительное положеніе которыхъ въ военной службѣ и послужило главнымъ поводомъ Шувалову для составленія его проекта. Въ то время дѣти дворянъ, въ большинствѣ, не получая никакого домашняго образованія, поступали простыми солдатами на службу, гдѣ они за всякія проступки и неисправности подвергались самымъ грубымъ мѣрамъ наказанія, несоотвѣтствовавшимъ характеру ихъ происхожденія. Чтобы дать имъ возможность служить, минуя унижительную для нихъ, при тогдашнихъ порядкахъ, солдатскую службу, надо было найти для нихъ средство поступать въ армію уже съ офицерскимъ чиномъ, что могло осуществиться, конечно, лишь подъ условіемъ обладанія ими извѣстнымъ уровнемъ образованія. Поэтому Шуваловъ и предлагалъ «учредить въ большихъ городахъ гимназіи, а

въ малыхъ городахъ—школы грамотности, въ которыхъ можно было бы готовить дѣтей къ гимназіямъ. По окончаніи гимназическаго курса, юноши должны были переходить въ кадетскій корпусъ или въ университетъ, и, по окончаніи тамъ образованія, поступать въ военную или гражданскую службу». Сенатъ, отнесшись сочувственно къ предложенію Шувалова, поручилъ ему подробнѣе развить свой планъ, при чемъ уполномочилъ его обратиться за надлежащими указаніями въ этомъ дѣлѣ къ разнымъ учрежденіямъ, которыя могли быть полезными ему въ данномъ случаѣ. Въ числѣ ихъ была академія наукъ. На обращенные Шуваловымъ къ академикамъ вопросы о томъ, въ какихъ городахъ слѣдуетъ учредить задуманныя учебныя заведенія и какія науки должны преподаваться въ послѣднихъ, послѣдовало нѣсколько отвѣтовъ. Относительно перваго пункта, впрочемъ, академики, ссылаясь на свое недостаточное знакомство съ страной, ограничивались общимъ указаніемъ на тѣ пункты, въ которыхъ, или по близости ихъ, живетъ дворянство; что же «касается до курса, который слѣдовало бы установить для гимназій и школъ и до связи обоого рода этихъ учебныхъ заведеній между собою, то, повидимому, сословное значеніе, которое давалъ имъ Шуваловъ, подало поводъ и академикамъ предложить для нихъ курсъ не общій для всѣхъ учениковъ, а видоизмѣняющійся, соотвѣтственно съ тѣмъ званіемъ, къ которому каждый себя готовилъ». Предполагались особые планы школьнаго преподаванія для учениковъ изъ дворянъ и желавшихъ сдѣлаться учеными, для купеческихъ дѣтей и для мальчиковъ простолюдиновъ. Для первыхъ признавалось необходимымъ изученіе латинскаго и даже греческаго языковъ, для вторыхъ англійскаго и голландскаго, для учениковъ предназначавшихъ себя для военной карьеры—нѣкоторыя военныя науки. При этомъ, по мысли нѣкоторыхъ академиковъ, имѣлась въ виду и извѣстная градуальность въ самомъ обученіи школьнымъ предметамъ, такъ что напримѣръ въ нижнемъ отдѣлѣ училища латинскій языкъ былъ обязательенъ одинаково для всѣхъ учениковъ, тогда какъ въ третьемъ занятія обоими классическими языками должны были усиливаться съ цѣлію приготовленія будущихъ ученыхъ, а въ четвертомъ болѣе обстоятельное преподаваніе извѣстныхъ наукъ служило для подготовки лицъ, предназначавшихъ себя для службы. Академикъ Фишеръ, исходя изъ той же идеи сословной разрозненности, предлагалъ болѣе практическій путь къ распространенію просвѣщенія въ разныхъ сословіяхъ, который заключался въ учрежденіи особыхъ школъ для разныхъ сословій съ отдѣльными для нихъ программами. Курсъ гимназій предлагался весьма разнообразный и многопредметный, въ него входили напримѣръ естественное и международное право и политика, а въ «академическихъ» гимназіяхъ—вообще всѣ юридическія науки и даже медицина. Всѣ академики признавали за непремѣнное основаніе

подготовки къ дальнѣйшему изученію высшихъ наукъ—*studia humanitatis*. Было обращено вниманіе и на вопросъ о выборѣ учителей: одни указывали, что ихъ слѣдуетъ испытывать въ академіи, чтобы дурнымъ преподаваніемъ несвѣдущихъ людей не вселить въ ученикахъ отвращенія къ наукамъ; тогда какъ другіе считали необходимымъ, чтобы они были природные русскіе.

Всѣ подобнаго рода разсужденія академикомъ были изложены лишь въ самомъ общемъ видѣ, такъ что даже не было сдѣлано ни распредѣленія уроковъ, ни установленія штатовъ. «Это, какъ замѣчаетъ авторъ, были мысли, не получившія положительной опредѣленности. Остались онѣ безъ результатовъ, вѣроятно, за послѣдовавшею вскорѣ кончиною императрицы Елизаветы, имѣвшею послѣдствіемъ удаленіе отъ государственныхъ дѣлъ Шувалова». Въ смыслѣ общей оцѣнки проекта И. И. Шувалова, графъ Толстой говоритъ, что онъ «въ наше время, конечно, представляется одностороннимъ, узкимъ, сословнымъ, исключительно-дворянскимъ, но въ эпоху его составленія, только одно дворянство, и то въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, было въ состояніи цѣнить образованіе. За Шуваловымъ же остается несомнѣнная заслуга предъявленія впервые мысли объ образованіи цѣлаго сословія, что въ то время было однозначительно съ всеобщимъ образованіемъ страны, гдѣ тогда стояли особнякомъ, единицами, и то только въ столицѣ, нѣкоторыя учебныя заведенія, со специальнымъ, по большей части, назначеніемъ».

Императрица Екатерина II, придававшая такое значеніе просвѣщенію, не могла не заботиться о дѣлѣ всеобщаго распространенія образованія въ Россіи. Созвавъ комиссію, которой, наказомъ 1767 года, поручалось составить проектъ новаго уложенія для имперіи, Екатерина предоставила ей также обсужденіе и вопроса объ устройствѣ общественнаго образованія, причемъ, въ видѣ предположенія, указывалось на учрежденіе трехъ родовъ учебныхъ заведеній въ Россіи—низшихъ, среднихъ и высшихъ (верховныхъ училищъ), т. е. начальныхъ школъ, гимназій и университетовъ. Въ числѣ 18 специальныхъ комиссій, образованныхъ при такъ называемомъ «Большомъ Собраніи», была также и «Комиссія о училищахъ и призрѣніи требующихъ». Въ первый разъ заговорили въ «Большомъ Собраніи» о школьномъ дѣлѣ въ маѣ 1768 года, причемъ депутатъ отъ пахатныхъ солдатъ Нижегородской провинці просилъ открыть для ихъ дѣтей школы. Пензенскій городской депутатъ отвергалъ необходимость подобныхъ школъ, ссылаясь на то, что научившіеся и безъ школъ грамотѣ нѣкоторые изъ пензенскихъ пахатныхъ солдатъ сдѣлались отъ этого только хуже, такъ какъ, выйдя въ приказные, стали брать взятки, а земли свои забросили, — названный депутатъ вообще полагалъ, что «земледѣльцу не слѣдуетъ учиться несходственнымъ съ его состояніемъ наукамъ,

кромѣ російской грамотѣ, но и то по собственному чьему желанію». На сторону нижегородскаго депутата сталъ, между прочимъ, депутатъ отъ серпейскаго дворянства, графъ Строгановъ, понимавшій, однако, весьма своеобразно пользу просвѣщенія низшаго сословія, а именно въ интересѣ самаго дворянства. Такъ онъ писалъ: «На что намъ далеко искать примѣровъ, до какихъ бѣдствъ доводить насъ невѣжество? Безъ ужаса представить себѣ не могу плачевное позорище умерщвленныхъ своими собственными крестьянами помѣщиковъ. Еще годъ не минулъ, какъ подобный злоумыселъ почти въ глазахъ нашихъ предприимлемъ и совершенъ былъ: сіи злодѣи, подобные дикимъ звѣрямъ, не токмо господина разлучивъ, умертвили, но жену его и нерожденного еще младенца изъ нѣдръ ея вырвали. Я увѣренъ, почтенное собраніе, что еслибы просвѣщеніе сей родъ людей былъ, то конечно бы подобныхъ свирѣпствъ мы свидѣтелями не были. И такъ вы сами видите, сколь училища для крестьянства полезны. И когда оныя изъ тьмы невѣжества выйдутъ, тогда и достойными себя сдѣлаютъ пользоваться собственностію и вольностію». Но вообще «Большое Собраніе» не вдавалось въ подробное обсужденіе вопроса о народномъ образованіи. Гораздо обстоятельнѣе отнеслась къ этому важному дѣлу учрежденная въ маѣ 1768 года учебная или училищная коммиссія.

Почти вслѣдъ за открытіемъ названной коммиссіи въ нее поступили изъ Дирекціонной коммиссіи два проекта объ учрежденіи въ Россіи училищъ и, затѣмъ, еще три записки: отъ депутата новокрещенной мордвы въ Пензенской провинціи, изъ наказа Калужскому и Медынскому депутату князю Борису Голицыну о заведеніи въ Россіи училищъ и проектъ отъ Ряжскаго городскаго депутата объ опредѣленіи, на счетъ дворянства, учителя для обученія дѣтей бѣдныхъ дворянъ грамотѣ, математикѣ, фортификаціи и артиллеріи. «Кромѣ того, въ коммиссіи читались уставы существовавшихъ тогда въ Россіи учебныхъ заведеній, и положенія о разныхъ иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ, о прусскихъ начальныхъ училищахъ и т. п.». Отъ трудовъ самой коммиссіи между прочимъ, сохранились въ черновомъ видѣ, четыре проекта уставовъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній,—это были: 1) нижнія деревенскія училища; 2) нижнія городскія училища; 3) среднія училища, и 4) училища для иновѣрцевъ. Мысль объ учрежденіи городскихъ училищъ принадлежала Клингшпигету, члену коммиссіи, который въ представленной ей своей запискѣ доказываетъ, «что однѣхъ гимназій и начальныхъ школъ недостаточно, что между ними должны быть поставлены срединныя учебныя заведенія, городскія училища (Trivial Schulen), которыя приготавливали бы своихъ учениковъ къ практической жизни, а также и облегчали бы ихъ поступленіе въ гимназіи приуготовительнымъ обученіемъ». Что касается устройства деревенскихъ школъ, то училищ-

ная комиссія предполагала ввести, по примѣру прусскихъ начальныхъ школъ, обязательное обученіе для всего мужскаго населенія, но только чтенію, а не письму. Съ этою цѣлью предполагалось открывать въ каждомъ селѣ школу, а въ большихъ деревняхъ, далеко отстоящихъ отъ села, по одной школѣ на каждыя 100—250 семей, на 30 человѣкъ учащихся. Если семействъ было болѣе 500, то должно было устроить двѣ школы, а если—менѣе 100, то все-таки и для нихъ одна школа была обязательна. Устройство и содержаніе школъ должны были производиться на счетъ прихожанъ. Мальчики должны были поступать въ возрастѣ отъ 8—12 лѣтъ срокомъ на четыре года, а дѣвочки могли посѣщать школу только по желанію ихъ родителей. Учебный курсъ предполагался восьмимѣсячный, отъ окончанія полевыхъ работъ въ сентябрѣ до начала ихъ въ маѣ; учебникъ для школы, составленный Синодомъ, долженъ былъ заключать въ себѣ церковную и гражданскую азбуку, нѣкоторыя молитвы, краткій катихизисъ и изложеніе обязанностей крестьянина. Священникамъ предоставлялся надзоръ надъ школами, но они освобождались отъ обязанности учить, которую должны были исполнять дьяконы, а за неимѣніемъ ихъ—дьячки. Въ случаѣ недостатка церковно-служителей допускались и свѣтскіе преподаватели. Главное завѣдываніе сельскими школами предоставлялось архіерею совмѣстно съ губернаторомъ, а ближайшее наблюденіе надъ ними—выборнымъ дворянамъ, обязаннымъ ревизовать школы, экзаменовывать учениковъ и наказывать и смѣнять учителей.

Проектъ относительно нижнихъ городскихъ училищъ также замѣчательнѣе тѣмъ, что въ немъ предлагалось сдѣлать ученіе общеобязательнымъ и въ городахъ, притомъ не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ: начиная отъ 7-ми лѣтняго возраста, первые должны были обучаться чтенію и письму, вторыя же—только одному чтенію. На каждыя 100 семействъ полагалась одна школа; строиться и содержаться она должна была на счетъ городскихъ жителей. Городскія училища, какъ и деревенскія школы, подчинены были власти архіерея и губернатора. Обязанность школьнаго обученія необходимо возбуждала вопросъ о денежныхъ высканіяхъ за несоблюденіе установленныхъ о немъ правилъ. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, не было опредѣлено какого рода наказаніямъ или штрафамъ должны были подвергаться родители за неприсылку въ школу дѣтей опредѣленнаго возраста, прихожане—за неуплату потребной для содержанія школъ суммы, и помѣщики—за помѣху крестьянамъ отдавать въ школы своихъ дѣтей и уплачивать школьный сборъ.

Двое изъ членовъ училищной комиссіи внесли въ нее весьма интересную по тому времени записку, въ которой доказывалась необходимость сближенія инородцевъ съ остальнымъ народонаселе-

ніемъ имперіи, и какъ лучшее средство къ достиженію этого рекомендовалось устроить для нихъ особыя училища, въ которыхъ преподаваніе должно было быть принаровлено къ ихъ образу жизни и ихъ религіознымъ вѣрованіямъ. Комиссія, отнесшись сочувственно къ этому предложенію, даже привлекла къ участию въ своихъ за-сѣданіяхъ инородческихъ депутатовъ, чтобы ближе ознакомиться съ ихъ вѣроисповѣданіемъ, обрядами и обычаями, и вообще старалась изучить этотъ важный вопросъ во всѣхъ его подробностяхъ. Вслѣдствіе такого изученія, положено было для осѣдлыхъ инородцевъ устроить отдѣльныя училища, безъ принудительнаго однакожъ посѣщенія ихъ, и ввести въ нихъ руководство, которое, будучи составлено въ духѣ полной терпимости по отношенію къ инородческимъ религіямъ и заключаая въ себѣ только общее понятіе о божествѣ и обязанности подданнаго, должно было печататься для инородческихъ племенъ, неимѣющихъ собственной азбуки, русскими буквами. Кромѣ того, предполагалось перевести этотъ учебникъ на русскій языкъ, а нѣсколькихъ инородческихъ мальчиковъ помѣстить въ русскія школы, гдѣ они, ознакомившись по сказанному руководству съ русскимъ языкомъ, должны были приготовиться въ учителя въ средѣ своихъ сородичей, такъ какъ вообще было признано, что учителями инородцевъ могутъ быть исключительно лишь ихъ единоплеменики.

Что касается до среднихъ училищъ въ городахъ, то единственнымъ типомъ для нихъ комиссія признавала гимназію и, считая излишними какія либо иныя средне-учебныя заведенія, она даже предлагала уничтожить духовныя семинаріи, такъ что въ гимназіи должны были учиться и лица, готовящіеся къ духовному званію. Подъ помѣщенія гимназій комиссія думала обратить большіе монастыри—мысль, бывшая въ то время довольно распространенной. Включивъ въ задачи гимназій и образованіе духовенства, комиссія конечно не могла устранить отъ завѣдыванія ими епархіальныхъ архіереевъ: такимъ образомъ и здѣсь явилось то же двоевластіе, что и въ отношеніи къ низшимъ школамъ, но съ той разницей, что оно въ этомъ случаѣ было еще менѣе примѣнимо на практикѣ. Именно, губернаторы и епархіальные архіереи предназначались совмѣстно быть «главными директорами»—или, вѣрнѣе, попечителями—надъ семинаріями, а между тѣмъ въ то время предѣлы епархій не совпадали съ границами губерній, такъ что бывали губерніи, въ которыя входили двѣ и болѣе епархій, при чемъ «главнымъ директоромъ» полагался тотъ архіерей, въ чьей епархій находилась гимназія, прочіе же архіереи получали отчеты объ ея дѣятельности и имѣли право посылать на экзамены своихъ представителей, — очевидно, что подобный порядокъ страдалъ крайней непрактичностью. Непосредственныхъ же начальниковъ надъ семинаріею, или «ректоровъ», полагалось также

двое: архимандритъ или игумень, назначаемый Синодомъ, и свѣтскій «ректоръ», назначаемый университетомъ; учителя также были духовные и свѣтскіе. Ближайшее завѣдываніе гимназіею принадлежало совѣту, состоявшему изъ обоихъ «ректоровъ» и четырехъ старшихъ учителей, назначаемыхъ попечителемъ. Преподаваніе должно было производиться по утвержденнымъ руководствамъ. Самый учебный курсъ отличался чрезвычайнымъ разнообразіемъ: кромѣ общепринятыхъ въ гимназіи наукъ, съ латинскимъ, греческимъ и двумя новѣйшими языками, въ него входили еще еврейскій и англійскій языки, теоретическая философія, метафизика, механика, геодезія, гражданская и военная архитектура, коммерція, политика, юриспруденція и медицина. Вѣроятно, въ виду такой многопредметности преподаванія проектъ допускалъ для учениковъ свободный выборъ между отдѣльными науками столь сложнаго гимназическаго курса, небывшаго обязательнымъ во всемъ его объемѣ ни для казенныхъ, ни для своекоштныхъ учениковъ гимназіи. Гимназіямъ былъ присвоенъ характеръ закрытыхъ учебныхъ заведеній съ 120 казенными учениками на каждую; въ нихъ могли поступать какъ дѣти дворянъ, такъ и разночинцевъ, причемъ первые, при совершенно одинаковомъ содержаніи, должны были оставаться въ отдѣльности отъ прочихъ своихъ товарищей какъ въ помѣщеніи, такъ и въ классахъ, и за столомъ. Хотя устройство университетовъ, равно какъ и проектъ университетскаго штата, также обсуждались въ училищной комиссіи; но за послѣдовавшимъ скорѣмъ закрытіемъ послѣдней, университетскій уставъ даже не былъ оконченъ въ проектѣ.

По поводу вышеизложенныхъ предположеній училищной комиссіи, авторъ дѣлаетъ слѣдующія весьма вѣрные замѣчанія: «Проектъ среднеучебнаго заведенія былъ самый слабый изъ всѣхъ проектовъ, составленныхъ училищною комиссіей,—онъ просто былъ невозможенъ и неисполнимъ; напротивъ того, мысли ея членовъ объ устройствѣ сельскихъ и городскихъ училищъ, также объ образованіи инородцевъ, были такъ здравы, что не только опередили свое время, но и наше. И доселѣ мы не дошли до убѣжденія, что единственное вѣрное средство для всеобщаго образованія народа есть обязательность начальнаго обученія для всѣхъ, что единичные случаи учрежденія начальныхъ школъ, столь же часто открывающихся, какъ и закрывающихся, мало вліяютъ на распространеніе образованія въ обширной имперіи, и что безъ правительственнаго принужденія въ ученію русскій народъ, видящій въ указаціяхъ правительства тотъ путь, которымъ онъ долженъ слѣдовать, на долгое время останется въ невѣжествѣ, самъ собою не сознавая пользы образованія; конечно есть и будутъ исключенія, но не болѣе. Легко себѣ представить какія благодѣтельные послѣдствія имѣло бы принятіе правительствомъ, болѣе вѣка тому на-

задъ, начала обязательности ученія: теперь почти весь русскій народъ былъ бы грамотенъ, какъ германскій, и общій уровень образованности страны, вліяющій на все ея положеніе, какъ духовное, такъ и экономическое, былъ бы гораздо выше. То же можно сказать и объ идеяхъ относительно образованія инородцевъ, имѣющихъ у насъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, какъ по ихъ многочисленности и племенной разнообразности, такъ и по тому, что они занимаютъ всѣ окраины государства, составляя политически-слабую его сторону. Только въ последнее время началось образованіе инородцевъ, положены главныя начала, такъ сказать, инородческой системы образованія, учреждено нѣсколько инородческихъ учительскихъ семинарій и т. п. Но все это не болѣе, какъ приступъ къ дѣлу, и очень многое остается недодѣланнымъ. Вѣрность взглядовъ членовъ училищной комиссіи въ этомъ вопросѣ поразительна: они предлагали именно такія мѣры, которыя въ наше время специалистами признаны единственно возможными для правильнаго образованія инородцевъ. Къ нимъ относятся и введеніе русскаго алфавита для книгъ тѣхъ инородцевъ, которые не имѣютъ собственной литературы, и совмѣстное съ ихъ нарѣчіемъ изученіе русскаго языка, и правила о томъ, чтобы учителя для нихъ назначались изъ ихъ соплеменниковъ. Многое изъ этой вѣрной системы и доселѣ не могло быть выполнено за разными мѣстными и другими затрудненіями.

Труды училищной комиссіи не получили однакожь осуществленія на практикѣ и ея проекты остались не только не примѣненными, но до настоящаго времени и никому неизвѣстными. Но во всякомъ случаѣ дѣятельность комиссіи заслуживаетъ историческаго воспоминанія за тѣ просвѣщенныя мысли, которыя она должна была провести въ русскую жизнь.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ дополненіе къ вышеизложеннымъ планамъ училищной комиссіи академіею наукъ было предложено учредить высшее учебное вѣдомство, состоящее изъ девяти лицъ, которымъ должно было принадлежать высшее завѣдываніе всѣми безъ исключенія учебными заведеніями въ имперіи и главный контроль надъ ними; сами же члены этого «правительства» должны были состоять въ непосредственномъ подчиненіи государю, которому исключительно и должны были отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Но училищная комиссія не сознавала важности сказаннаго центральнаго управленія, которое придало бы всему учебному дѣлу потребныя энергію и единство дѣйствія, и полагала подчинить училища правительствующему сенату.

Не менѣе, чѣмъ вышеприведенныя свѣдѣнія объ устройствѣ общаго образованія, интересенъ сообщаемый въ мемуарѣ графа Толстаго планъ устройства учебной части въ Россіи, составленный Дидро. Вотъ что говоритъ авторъ о происхожденіи этого проекта,

который, кстати сказать, почерпнуть имъ изъ полного собранія сочиненій знаменитаго энциклопедиста, въ новѣйшемъ изданіи Ассеза¹⁾, и, появляясь впервые въ русскомъ изложеніи, представляетъ собою интересную новинку:

«Въ бытность Дидро въ Петербургѣ, императрица, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ, не разъ касалась вопросовъ народнаго образованія и просила его изложить свои мысли о томъ, какъ бы можно было наилучше устроить въ Россіи училища разныхъ степеней. По возвращеніи въ Парижъ, Дидро исполнилъ порученіе императрицы и въ 1775 году прислалъ ей «Планъ университета русскаго правительства, или проектъ народнаго образованія во всѣхъ наукахъ». Университетъ принятъ здѣсь во французскомъ смыслѣ этого слова, т. е. какъ совокупность разныхъ учебныхъ заведеній, въ родѣ нашего учебнаго округа».

Такимъ образомъ, университетъ Дидро обнималъ собою начальную школу, среднее учебное заведеніе, дополнительный въ немъ или переходный къ университету курсъ и собственно университетъ, организація котораго почти ничѣмъ не разнилась отъ устройства вообще тогдашнихъ университетовъ въ Европѣ.

Наиболѣе оригиналенъ въ проектѣ Дидро учебный планъ средняго учебнаго заведенія, которымъ онъ думалъ замѣнить гимназію. По идеѣ Дидро, оно должно было состоять изъ восьми классовъ и въ первые пять лѣтъ въ немъ предполагалось проходить естественныя и математическія науки, причемъ словесныя науки вовсе не допускались въ этотъ пятилѣтній курсъ. Слѣдовательно, развитіе учениковъ поставлено было въ слишкомъ большую зависимость отъ такихъ одностороннихъ занятій преимущественно въ области математическаго знанія, причемъ остальные функціи ума остались бы слишкомъ незатронутыми, такъ что ни воображеніе, ни вкусъ и чувство изящнаго, ни воля не получали себѣ пищи и удовольвенія, или, другими словами, нравственная природа человѣка какъ бы вовсе не признавалась въ планѣ воспитанія, составленномъ Дидро.

«Но и въ этомъ узкомъ направленіи — замѣчаетъ авторъ — учащіеся не могли бы идти успѣшно по несоотвѣтственности учебныхъ требованій съ ихъ возрастомъ и силами. Для поступленія въ такое среднее учебное заведеніе дѣти должны были только умѣть читать, писать и знать цифры, а съ перваго же года имъ преподавали бы уже, кромѣ ариметики, алгебру съ теоріей вѣроятностей и геометрію. Во второмъ классѣ, девяти—десятилѣтніе мальчики должны были проходить физику, механику и гидравлику; въ третьемъ—систему мірозданія, астрономію; въ четвертомъ—естественную исторію и экспериментальную физику; въ пятомъ—хи-

¹⁾ Oeuvres complètes de Diderot, publ. par Assézat. Tome troisième. Paris. 1875.

мію и анатомію. Одолѣть всѣ эти науки, усвоить ихъ себѣ конечно не по силамъ 14—15-лѣтнему мальчику; не развитъ его могли бы онѣ, а забить въ немъ всякія умственные способности...» Только съ шестаго класса, допускаемыя Дидро, словесныя науки были—логика, критика и общая грамматика; изученіемъ же русскаго и славянскаго языковъ, дѣти должны были заняться не прежде, какъ съ переходомъ въ седьмой классъ. Иностранныя языки вовсе были исключены изъ программы, но за то оба древніе языка, латинскій и греческій, полагалось пройти въ одинъ послѣдній годъ, притомъ совмѣстно съ краснорѣчіемъ и поэзіей. Замѣчательно, что, не смотря на столь краткій срокъ для занятія классическими языками, Дидро предполагалъ возможнымъ для учениковъ достигнуть не только основательнаго знанія ихъ грамматики и литературы, но и способности сознательно оцѣнивать достоинства древнихъ писателей.

Въ первый годъ курса, долженствовавшаго служить связующимъ звѣномъ между гимназіей и университетомъ, слѣдовало, по проекту Дидро, преподавать главныя основанія метафизики и религію, съ объясненіемъ двухъ естествъ Спасителя и существованія Божія. Впрочемъ, религіозныя предметы были включены Дидро въ курсъ ученія только изъ снисходительности къ императрицѣ, въ видѣ уступки ея убѣжденіямъ. Вотъ что писалъ ей по этому поводу французскій философъ: «Ваше величество не раздѣляете взгляда Бейля, который полагаетъ, что гражданское общество атеистовъ можетъ быть устроено такъ же хорошо, какъ общество деистовъ, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ сборище изуверовъ. Вы не думаете, какъ Плутархъ, что религіозный фанатизмъ болѣе опасенъ по своимъ послѣдствіямъ и болѣе оскорбляетъ божество, чѣмъ безвѣріе. Вы не называете религію, вмѣстѣ съ Гоббесомъ, изуверствомъ, допущеннымъ законами, а изуверство — религіею, ими запрещаемою. Вы полагаете, что страхъ загробныхъ наказаній имѣетъ большое вліяніе на образъ дѣйствій людей и что злодѣянія, не останавливаемыя висѣлицею, могутъ быть остановлены боязнію отдаленнаго наказанія. Не смотря на неисчислимыя бѣдствія, которыя принесли религіозныя вѣрованія, несмотря на неудобство системы, подчиняющей народы духовнымъ лицамъ, всегда соперничающимъ съ государственною властью, системой, которая навязываетъ государямъ духовнаго главу и устанавливаетъ законы болѣе твердые, болѣе священныя, чѣмъ ихъ собственныя; не смотря на все это, вы убѣждены, что сумма ежедневныхъ благъ, доставляемыхъ религіей всѣмъ слоямъ общества, превышаетъ сумму зла, производимаго въ народѣ религіозными сектами, а въ сношеніяхъ народовъ между собою религіозною нетерпимостью, этимъ трудно излѣчаемымъ умоизступленіемъ. И такъ остается только сообразоваться съ вашимъ взглядомъ при обученіи вашихъ под-

данныхъ, и допустить, чтобы имъ объясняли два естества въ Иисусѣ Христѣ, существованіе Божіе, безсмертіе души и будущую жизнь, но только какъ введеніе въ науку нравственности»:

Также своеобразный взглядъ проводитъ Дидро на преподаваніе исторіи, полагавшейся во второмъ классѣ дополнительнаго курса, наравнѣ съ географіей, политической экономіей и домоводствомъ. «Думаю, говоритъ онъ, что изученіе исторіи нужно начать съ своего отечества и притомъ такъ, чтобы при изложеніи какъ отечественной исторіи, такъ и исторіи другихъ народовъ, начинать съ ближайшаго къ намъ времени, нисходя постепенно къ вѣкамъ побасенокъ и мифологіи... Вообще, не слѣдуетъ начинать съ событій, давно минувшихъ, для насъ не любопытныхъ, но съ болѣе вѣрныхъ, близкихъ фактовъ и идти отъ нихъ шагъ за шагомъ до начала временъ». Выходило, какъ будто, что исторія должна преподаваться на выворотъ.

Не менѣе поражаетъ противорѣчіе Дидро съ самимъ собою, когда онъ, отнеся изученіе классическихъ языковъ на послѣдній годъ школьнаго курса, какъ дѣло вполнѣ побочное и второстепенное въ развитіи юношескихъ умовъ, не безъ восторженности говорить о той великой благотворной роли, которую эти же языки играли въ его собственномъ образованіи. «Многіе годы, говоритъ онъ, передъ сномъ я также обязательно читалъ гѣснь Гомера, какъ священникъ свой молитвенникъ. Съ юности я сосалъ молоко Гомера, Горація, Теренція, Анакреона, Платона и Еврипида, перемѣшанное съ молокомъ Моисея и пророковъ... Языкъ Гомера — это языкъ поэзіи. Да извинится мнѣ тотъ слабый фіміамъ, который я сожигаю передъ статуей учителя, которому я обязанъ тѣмъ, что есть, если чего нибудь стою». Между тѣмъ на вопросъ: кому необходимо знаніе древнихъ языковъ? тотъ же Дидро говоритъ — «почитаю себя въ правѣ отвѣчать на этотъ вопросъ: никому, и развѣ только поэтамъ, ораторамъ, ученымъ и записнымъ литераторамъ, т. е. классу общества, наименѣе полезному». И, однакожъ, знакомство съ произведеніями древнихъ писателей въ переводѣ на современныя нарѣчія, Дидро считаетъ отнюдь недостаточнымъ, — «лучшіе переводы древнихъ авторовъ, справедливо замѣчаетъ онъ, бевѣвѣтныя и безжизненныя копіи; судить о древнихъ по такимъ образцамъ — это все равно, что судить о Рафаэлѣ и Тиціанѣ по описаніямъ».

Хотя, повидимому, при составленіи плана объ устройствѣ учебныхъ заведеній въ Россіи, Дидро главнымъ образомъ билъ на оригинальность, какъ это замѣтно и изъ слѣдующихъ его словъ: «я возстаю противъ системы воспитанія, освященной опытомъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ націй». Онъ посовѣтовалъ, однакожъ, Екатерину обратиться за указаніями по занимавшему ихъ предмету также и къ Лейпцигскому ученому филологу Эрнести, одному изъ глав-

ныхъ представителей классическаго знанія въ прошломъ столѣтїи, едва ли раздѣлявшему взгляды Дидро, изложенные имъ въ учебномъ его планѣ.

Какъ противникъ классическаго образованія, Дидро исключаетъ изъ собственно университетскаго образованія философскій факультетъ, главное основаніе котораго составляютъ оба классическіе языка съ ихъ литературами, такъ что въ организацію университетовъ у него входятъ только три факультета: медицинскій, юридическій и богословскій, послѣдній, разумѣется, съ извѣстными предосторожностями. Здѣсь любопытно замѣтить, что болѣе всего Дидро опасался вліянія римской церкви на греческую и старался оградить отъ ея покушеній православіе, почему и совѣтовалъ: «не допускать ничего, что способствовало бы къ сближенію греческой церкви съ римскою; наука, быть можетъ, отъ того и выиграла бы, но это было бы опасно для государственнаго спокойствія. Безразсудно было бы позволять, чтобы такое вліятельное въ государствѣ сословіе, какъ духовное, признавало, какимъ бы-то ни было образомъ, иноземное главенство; это было бы источникомъ постояннаго разъединенія церкви съ сенатомъ (!!). Окончательное рѣшеніе спорныхъ дѣлъ должно принадлежать государю; никакъ не допускать собора внѣ предѣловъ имперіи, никакъ не терпѣть, чтобы предсѣдатель собора былъ кто либо иной, кромѣ государя». И въ данномъ случаѣ онъ рекомендовалъ Екатеринѣ особенно руководиться совѣтами знаменитаго архіепископа Платона. О самомъ же духовенствѣ Дидро выражался слѣдующимъ образомъ: «Я оставилъ бы священниковъ, не какъ представителей истины, но только какъ помѣху возможнымъ, еще болѣе чудовищнымъ заблужденіямъ, не какъ наставниковъ для здравомыслящихъ людей, но какъ стражей сумасшедшихъ; ихъ же церкви сохранилъ бы я какъ пріюты, или сумасшедшіе дома для извѣстнаго рода полоумныхъ, которые стали бы неистовствовать, если не обратятъ на нихъ вниманіе».

Проектъ Дидро, впрочемъ, отличался не только оригинальными, порою даже странными и непримѣнимыми предложеніями, но онъ содержитъ также и нѣсколько вполне дѣльныхъ и справедливыхъ указаній. Такъ, относительно медицинскаго факультета Дидро указалъ на дѣйствительно слабую сторону преподаванія входящихъ въ составъ его наукъ почти во всѣхъ европейскихъ университетахъ въ XVIII столѣтїи, именно на недостатокъ учебныхъ пособій и медицинской практики. Клиническихъ кафедръ въ то время во французскихъ университетахъ не существовало, и Дидро въ своемъ проектѣ совѣтовалъ завести при медицинскихъ факультетахъ анатомическіе театры, гдѣ въ зимній семестръ профессора хирургіи должны были читать лекціи надъ трупами, а рядомъ съ университетами слѣдовало учредить госпитали на 50 кроватей, половина которыхъ предназначалась для больнымъ острыми, а другая—хро-

ническими болѣзнями, съ цѣлью практическихъ занятій студентовъ тѣми и другими въ продолженіе двухъ лѣтъ; продолжительность же общаго курса на медицинскомъ факультетѣ предполагалась семилѣтняя. Далѣе, для курса юридическаго факультета Дидро назначалъ четыре года и вводилъ въ него кафедру гражданского и уголовного судопроизводства, что было новостью для большинства тогдашнихъ университетовъ. Кромѣ того, онъ находилъ, на примѣръ, полезнымъ учреждать университеты въ небольшихъ городахъ, для которыхъ открывались выгоды отъ жительства въ нихъ молодежи, а послѣдняя обезпечивалась отъ излишнихъ соблазновъ и развлеченій, связанныхъ съ жизнью въ столицахъ и большихъ торговыхъ и портовыхъ городахъ. Онъ находилъ также полезнымъ ввести гонорарій, вносимый студентами профессорамъ за каждый семестръ; по этому поводу онъ дѣлаетъ слѣдующія, не лишеныя и современнаго значенія, замѣчанія: «даровое обученіе испортило нашихъ профессоровъ; въ самомъ дѣлѣ, какое имъ дѣло, много или мало у нихъ слушателей, хорошо или дурно исполняютъ они свою обязанность? Труда имъ меньше, а вознагражденіе то же. Другое удобство этого маленькаго взноса со стороны студентовъ заключалось бы въ томъ, что такую мѣрою уменьшилось бы ихъ число, а оно всегда будетъ слишкомъ велико, каковы бы ни были въ будущемъ обстоятельства и положеніе государства. Легкость поступленія въ учебныя заведенія, самолюбіе родителей, ихъ скупость, побуждающая ихъ избирать такую подготовку дѣтей, которая ничего не стоитъ, вытягиваютъ ихъ дѣтей изъ сословія ихъ родителей; большіе торговые дома угасаютъ, значительныя фабрики упадаютъ или ухудшаются, промышленность сокращается, и для чего? — для того, чтобы выдѣлать одного ученаго доктора».

Заслуживаетъ вниманія также и мнѣніе Дидро о необходимости правительственнаго контроля надъ учебными успѣхами студентовъ, съ каковою цѣлью онъ рекомендовалъ присутствіе на университетскихъ испытаніяхъ особыхъ депутатовъ или представителей отъ сената. Мало того, онъ считалъ необходимымъ ввести для поступающихъ на службу особый экзаменъ въ комисію, составленную изъ лицъ того вѣдомства, въ которомъ имъ предстояло служить. Дидро уже сто лѣтъ тому назадъ толковалъ о «государственномъ экзаменѣ», по поводу котораго такъ много разсуждали у насъ въ послѣднее время.

Въ дополненіе къ изложенному проекту, Дидро въ особомъ письмѣ къ императрицѣ предлагалъ слѣдующее, столь же простое, сколько и недѣйствительное средство для устраненія двухъ важныхъ затрудненій, неизбѣжно представлявшихся при введеніи общаго и высшаго образованія въ Россію, а именно — недостатка въ учебныхъ пособіяхъ и неимѣнія преподавателей: по мнѣнію Дидро, стоило заказать Петербургскимъ академикамъ и западнымъ уче-

нымъ составить потребные учебники и перевести ихъ на русскій языкъ, чтобы избѣжать необходимости вызывать въ Россію, для занятія профессорскихъ и учительскихъ должностей, ученыхъ иностранцевъ, такъ какъ всякій русскій, понимающій написанное въ учебникѣ, могъ бы преподавать данную науку!..

Проектъ Дидро не получилъ никакого практическаго примѣненія и былъ отложенъ Екатериною II въ сторону, какъ непригодный при данныхъ условіяхъ въ управляемой ею странѣ.

Заключеніемъ мемуара графа Толстаго служить его, также весьма интересный, разборъ «Инструкціа», данной, въ 1784 году, императрицею Екатериною II Н. И. Салтыкову, о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Особенно любопытно сравненіе сказанной «Инструкціи» съ служившею для нея главнымъ источникомъ книгой Локка о воспитаніи (уже съ 1760 года переведенной на русскій языкъ): изъ сопоставленія отдѣльныхъ положеній, взятыхъ изъ той и изъ другой и параллельно напечатанныхъ въ «Приложеніи», ярко выступаютъ на видъ своеобразные и нерѣдко свидѣтельствующіе о большомъ педагогическомъ тактѣ взгляды Екатерины на отдѣльные пункты въ дѣлѣ воспитанія.

Полагая, что вышеизложеннаго вполне достаточно для того, чтобы читатель убѣдился въ интересности и серьезности новаго труда графа Д. А. Толстаго, мы прибавимъ здѣсь только, что авторъ пользовался не однимъ лишь печатнымъ матеріаломъ, но также и архивными документами, какъ это видно, на примѣръ изъ ссылки на 73-й страницѣ его монографіи.

И. В.

РУССКІЯ ПОЧТЫ ВЪ XVII И НАЧАЛѢ XVIII СТОЛѢТІЙ.

КЪ ПОЯВЛЯЮЩИМСЯ время отъ времени въ нашей литературѣ историческимъ монографіямъ прибавилась еще одна, заслуживающая вниманіе монографія, подъ заглавіемъ «Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ давнихъ временъ до царствованія Екатерины II. И. П. Хрущова. Съ портретами, снимками и картами. С.-Петербургъ. 1884 г.». Составленіе ея началось еще въ 1880 году, по почину тогдашняго директора почтоваго департамента, барона Веліо. Въ этой монографіи предполагалось изобразить начало и развитіе почтоваго дѣла въ Россіи, отъ времени натуральной почтовой повинности, состоявшей въ дачѣ княжескому гонцу коня и корма, до 1878 года, т. е. до парижскаго почтоваго конгресса, или до примѣненія къ нашимъ почтамъ началъ, принятыхъ единогласно всѣми европейскими правительствами. Теперь вышла первая часть этого труда подъ самостоятельнымъ названіемъ «Очерка», который обнимаетъ древнее время и петербургскій періодъ русской исторіи до воцаренія Екатерины II, когда сдѣлано было коренное переустройство у насъ почтовой части. До временъ же Екатерины II, ямскія и почтовые учрежденія, по своей первобытности и простотѣ, были чрезвычайно своеобразны и представляли какъ бы отраженіе нашего несложнаго государственнаго и общественнаго быта, которому несвойственна была быстрота передвиженій и сношеній. Въ виду этой своеобразности нашего почтоваго дѣла и обособленности его прежняго устройства отъ послѣдующаго, г. Хрущовъ весьма основательно призналъ возможность издать исторію этого дѣла до вре-

мень Екатерины II, какъ самостоятельное сочиненіе, снабдивъ его всѣми тѣми приложеніями, которыя были предназначены для казеннаго изданія, т. е. двумя портретами: Ордына-Нащокина и Винюса, двумя снимками и четырьмя картами. Между разными печатными источниками, послужившими для составленія упомянутого «Очерка», авторъ пользовался дѣлами архива почтоваго департамента, дѣлами бывшаго посольскаго приказа и бывшими ямской канцеляріи и иностранной коллегіи, а также и нѣкоторыми рукописями императорской публичной бібліотеки.

Руководствуясь трудомъ г. Хрущова, мы укажемъ на факты наиболѣе выдающіеся въ исторіи нашего почтоваго дѣла.

Еще въ 1666 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, по почину извѣстнаго, въ то время, боярина Ордына-Нащокина была устроена въ государствѣ Московскомъ почта для пересылки государственныхъ бумагъ и частной переписки торговыхъ людей. Впрочемъ, попытки къ учрежденію правильной почты на Руси дѣлались еще и прежде, и онѣ были вызываемы безпрестанными дипломатическими сношеніями между Россією и Польшею передъ заключеніемъ Деулинскаго мира. При этомъ, безъ учрежденія какого либо особаго почтоваго управленія, правительство воспользовалось существовавшимъ уже на Руси «ямомъ» или ямщицкими стойками, чрезвычайно размножившимися еще въ XVI столѣтіи. Первоначально казенныя почтовые сообщенія производились черезъ посылаемыхъ каждый разъ нарочныхъ гонцовъ, которые имѣли право пользоваться, отъ имени правительства, всѣми представлявшимися, въ то время, общественными и частными способами для передвиженія съ одного мѣста на другое. Послѣ того правительство приступило къ устройству, на извѣстныхъ путяхъ, подставъ и домовъ для ночлега и корма, т. е. къ устройству станцій. Затѣмъ почтовое дѣло улучшилось тѣмъ, что для пересылки казенныхъ бумагъ, а также и частной переписки было установлено срочное движеніе, и дано было болѣе способовъ для передвиженія гонцовъ. Все это не было, однако, водвореніемъ почты на европейскихъ началахъ, но истекало только изъ существовавшей искони на Руси обязанности обывателей—давать князю и его людямъ «кормъ и повозъ». Но правительство стало за извѣстную плату передавать право пользованія такою повинностію и частнымъ людямъ, представлявшимъ данную отъ правительства на проѣздъ грамату. На развитіе почтовыхъ сношеній въ прежней Руси имѣло отчасти вліяніе и господство татаръ, которые, еще въ мѣстахъ прежняго ихъ пребыванія въ Азіи, устраивали на проѣздныхъ дорогахъ для своихъ чиновниковъ, пословъ и гонцовъ особые станы, и на эти станы окрестные жители, по повелѣнію хана, должны были доставлять лошадей и всякаго рода продовольствіе. Самыя слова, сдѣлавшіяся столь употребительными въ русскомъ языкѣ: «ямъ» и «ямщикъ»—

слова татарскія. Изъ нихъ первое происходитъ отъ «дзямь» — дорога, а второе отъ «ям-чи» — проводникъ. Устройство ямовъ такъ размножилось, что въ XVII вѣкѣ Архангельскъ, Смоленскъ, Нижній-Новгородъ и сѣверскіе города, а повдѣе и украинскіе, преимущественно Новгородъ и Псковъ, черезъ которые проѣзжали въ столицу иноземные послы, были соединены ямами съ Москвою.

Подорожныя грамоты стали появляться уже въ XV вѣкѣ. Древнѣйшая изъ нихъ относится къ 1493 году.

Изъ иностранцевъ впервые сообщилъ свѣдѣнія объ ямской ѣздѣ въ Россіи извѣстный баронъ Герберштейнъ, бывшій въ Московскомъ государствѣ въ началѣ XVI вѣка. Онъ пишетъ: «великій князь московскій имѣеть по разнымъ мѣстамъ своего княжества ямщиковъ съ достаточнымъ количествомъ лошадей, такъ что куда бы князь ни послалъ своего гонца, вездѣ для него найдутся лошади. Гонецъ имѣеть право выбирать коня, который покажется ему лучшимъ. На каждомъ яму лошадей намъ мѣняли. Въ свѣжихъ лошадяхъ недостатка не было. Кто требовалъ ихъ 10 или 12, тому приводили ихъ 40 и 50. Усталыхъ оставляли на дорогѣ и замѣняли другими, которыхъ брали въ первомъ селеніи или у проѣзжающихъ».

Ямская ѣзда была, по свидѣтельству Герберштейна, и дешева и быстра. За 10 и даже за 20 верстъ платили не болѣе 6 денегъ, а ѣздили такъ быстро, что одинъ изъ служителей барона пріѣхалъ изъ Новгорода въ Москву въ теченіи 52 часовъ. Въ ямщики поступали охочіе люди, селившіеся по большимъ дорогамъ особыми слободами, а для ямскихъ лошадей каждой слободы установилось тавро или «пятно» по особому рисунку. Ямщиковъ, какъ несшихъ тягло на службѣ правительству, стали зачислять въ разрядъ «людей служилыхъ», т. е. такихъ, которыхъ нельзя было закрѣпить за частнымъ лицомъ, помѣщикомъ; а ямщицкіи слободы быстро размножались и расширялись вслѣдствіе увеличенія ихъ населенія охочими людьми. Можно даже сказать, что вслѣдствіе этого, ямщики составили изъ себя особое сословіе въ государствѣ, несшее опредѣленныя обязанности и за то пользовавшееся нѣкоторыми правами.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ завелъ «Ямской приказъ», начальникомъ котораго былъ сдѣланъ знаменитый князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Ямскому приказу, кромѣ ямскихъ сборовъ, былъ также подвѣдомственъ сборъ и на выкупъ плѣнныхъ. Приказъ этотъ разбиралъ взаимныя тяжбы и иски ямщиковъ, провѣрялъ гонечныя книги и выдавалъ подорожныя, а также завѣдывалъ и почтовою частью, которая первоначально была въ неразрывной связи съ ямскою.

Въ 1650 году послѣдовалъ цѣлый рядъ распоряженій относительно ямщицко-почтоваго дѣла. Ямщикамъ, какъ нужнымъ для

государева дѣла • людямъ, даны были нѣкоторыя льготы относительно обязательной государственной службы и, сверхъ того, они были освобождены отъ податей, платимыхъ посадскими людьми. Въ добавокъ къ ямщикамъ, царь Алексѣй Михайловичъ завелъ такъ называемыхъ «трубниковъ», которые должны были «отъ Москвы до Путивля съ государевыми грамотами и изъ Путивля къ государю къ Москвѣ съ отписками ѣздить отъ стана до стана на-скоро».

Въ 1665 году, въ Москву явился частный предприниматель по устройству почты,—голландецъ Иванъ фанъ-Сведень, предложившій доставлять черезъ каждыя двѣ недѣли въ приказъ тайныхъ дѣлъ, на своихъ лошадахъ и своими людьми, вѣдомости изъ-за границы черезъ Ригу, а затѣмъ вообще устроить почту въ Вильно, черезъ Великій Новгородъ и Курляндію, и эта почта была передана въ вѣдѣніе фанъ-Сведена. Въ 1668 году, почта отъ фанъ-Сведена перешла въ вѣдѣніе иноземца Леонтія Марселіса, которому царь велѣлъ завѣдывать почтою въ Москвѣ и въ Курляндіи пока мѣсть тамъ посольство будетъ, а какъ оно совершится, тогда той почтѣ быть черезъ Смоленскъ на Вильно. Главный же надворъ надъ почтами государь поручилъ боярину Ордыну-Нащокину. Къ такому устройству почты побудилъ государя заключенный съ польскими послами договоръ, въ силу котораго, для облегченія сношеній между королемъ и царемъ, «наипаче для приумноженія обоимъ государствомъ торговыхъ прибытковъ» постановлено было: учредить вмѣсто гонцовъ, правильную почту съ одной стороны отъ мѣста пребыванія короля только до польскаго Кодина, лежавшаго на польской границѣ, а съ другой—отъ Москвы черезъ Смоленскъ до мѣстечка Мигновичи, лежавшаго близъ Кодина на новой русской границѣ. Въ упомянутомъ договорѣ, между прочимъ, было сказано, что какъ государскіе, такъ и торговые листы и отвѣты должны быть отправляемы какъ можно скорѣе по этой почтѣ и взаимно другъ другу передаваться русскими и польскими почтмейстерами, поставленными въ двухъ означенныхъ мѣстечкахъ; за возку же частной корреспонденціи предполагалось назначить соразмѣрную плату. Почтовые сумки Марселісъ долженъ былъ возить день и ночь съ поспѣшеніемъ и со всякимъ сбереженіемъ, не распечатывая и не смотря ничего, и передавать во дворы почтмейстерамъ. Сдѣлано было такое распоряженіе, чтобы ямщики были люди благонадежные изъ выборныхъ и цѣловавшихъ крестъ. Марселісъ желалъ, чтобы они всѣ носили однообразную одежду, а именно: зеленые суконные кафтаны, съ орломъ изъ краснаго сукна на правой сторонѣ кафтана, а на лѣвой—рожокъ для того, чтобы они въ дорогѣ были «знатны», т. е. замѣтны. Марселісу разрѣшено было возить по почтѣ: дорогіе каменья, жемчугъ и золото. Почта, учрежденная по договору съ Марселісомъ, имѣла собственно значеніе почты международной, но вслѣдъ за тѣмъ признано было нужнымъ учре-

дять на тѣхъ же основаніяхъ и внутреннюю почту. Устроены были четыре почтовые тракта со срочнымъ по нимъ движеніемъ въ указанные дни, даже и тогда, когда возить было нечего. Изъ четырехъ упомянутыхъ трактовъ особое значеніе имѣлъ рижскій, такъ какъ по немъ доставлялись въ Москву иностранныя газеты или «куранты». Изъ нихъ въ Москвѣ получались: четыре газеты на нѣмецкомъ языкѣ; двѣ на голландскомъ и, сверхъ того, письменныя извѣстія на нѣмецкомъ языкѣ. Ордынъ-Нащокинъ чрезвычайно сочувствовалъ дѣятельности Марселиса и предпріятіе его называлъ «великимъ государственнымъ соединительнымъ дѣломъ», которое «впередъ къ умноженію всякаго добра царству московскому будетъ».

Въ 1670 году, послѣ смерти Леонтія Марселиса, почта порешла въ завѣдываніе къ его сыну Петру, а въ 1675 году, вслѣдствіе нецсправности Петра Марселиса, почта была передана въ вѣдѣніе переводчика посольскаго приказа Андрея Виніуса.

При Виніусѣ было приказано возить почту не только не мѣшкотно, но и съ такою исправностію, чтобы ямщики въ положенный часъ ждали у назначеннаго для того стана и чтобы они вмѣсто себя ни кого другаго не посылали. За неисполненіе этихъ распоряженій приказано было: «бить батоги безъ пощады». Почтовые сношенія съ заграницей возбуждали подозрительность въ русскомъ правительствѣ и въ 1690 году былъ посланъ указъ въ Смоленскъ о вскрытіи всѣхъ писемъ, отправляемыхъ за границу.

Въ 1696 году, англійскіе и голландскіе купцы просили царей Ивана и Петра объ учрежденіи почты отъ Москвы до Архангельска, и просьба ихъ была удовлетворена, причемъ было обращено вниманіе на неизбѣжность улучшить почтовую дорогу и введены были точныя отмѣтки на станціяхъ о проходѣ почты по означенному тракту.

При Петрѣ I почтово-ямщицье дѣло, какъ и всѣ государственныя потребности, стали развиваться сильнѣе прежняго. Ямщики стали расходиться, жалуясь не только на претерпѣваемые ими обиды и притѣсненія, но и на неплатежъ имъ прогонныхъ денегъ служилыми людьми. Противъ этого Петръ принялъ разныя мѣры: онъ закрѣпилъ ямщиковъ въ ихъ званіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ удовлетворить ихъ на этотъ разъ деньгами изъ суммъ посольскаго приказа; въ то же время запретилъ давать лошадей по воеводскимъ и по какимъ другимъ грамотамъ, почему и донинѣ подорожная выдается только «по указу его императорскаго величества». Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ означать въ подорожныхъ кто отъ какого приказа былъ посланъ и сколько прибывающій долженъ платить на каждомъ яму прогоновъ, дабы ямщики могли основательно жаловаться въ случаѣ неплатежа слѣдующихъ имъ отъ служилыхъ людей казенныхъ прогоновъ. Исправность

всего пересылаемаго по почтѣ была доведена до того, что Виніусъ, завѣдывавшій почтою, за не прописку, въ данной ямщикамъ подорожной, наставленій относительно сбереженія почты, долженъ былъ быть потребованнымъ въ Ямской приказъ и тамъ, «по розыску быть пытаннымъ». Вообще, устройство архангелогородской почты отличается установленіемъ многихъ формальностей, но, не смотря на это, какъ замѣчаетъ г. Хрущовъ, она въ сущности сдѣлала шагъ назадъ, и вотъ почему именно: Марселись при передачѣ ему смоленской почты былъ обязанъ гонять ее въ урочные дни непрерывно, хотя бы и не было посольскихъ и другихъ грамотъ. Виніусъ же могъ распоряжаться почтою совершенно патриархальнымъ порядкомъ. Такъ, онъ, обязанный отправить почту одинъ разъ въ недѣлю, могъ однако и не отправить ее, если къ назначенному дню не было отъ великаго государя грамотъ, воеводскихъ отписокъ и никакихъ грамотъ въ Москвѣ или въ Архангельскѣ, такъ что на потребности частныхъ лицъ и городовъ, промежуточныхъ между Москвою и Архангельскомъ, не было обращено никакого вниманія.

Въ 1700 году, Петръ, начиная войну съ Швеціею, былъ озабоченъ благоустройствомъ заграничной почты и вслѣдствіе этого, по предложенію Андрея Виніуса, былъ учрежденъ новый почтовый трактъ отъ Смоленска къ Пскову, такъ какъ предстоявшая война препятствовала сообщеніямъ черезъ Ригу, и поэтому нужно было направить заграничную почту черезъ Литву. Въ 1701 году, заграничная почта изъ вѣдѣнія стольника Виніуса перешла въ вѣдѣніе переводчика посольскаго приказа Петра Шафирова, при чемъ, однако, почта осталась на прежнемъ коммерческомъ основаніи, и какъ Виніусу было предоставлено право «взимать со всѣхъ писемъ золотниками въ оба пути должный сборъ противъ прежняго», такъ точно долженъ былъ поступать и Шафировъ, уплачивая прогонныя деньги изъ взимаемаго имъ почтового сбора. При этомъ онъ обязанъ былъ вести счетъ и имѣть записныя книги. Кромѣ того, онъ долженъ былъ пересылать бесплатно государеныя приказы и «всякія государственныя дѣла».

Шведская война вызвала устройство еще и новоторжскаго тракта «для свейской службы». Война эта тяжело отозвалась на ямщикахъ въ сѣверной полосѣ Россіи, такъ какъ они должны были безостановочно возить полковую казну, пушечные припасы и ратныхъ людей. Они дошли до того, что имъ не стало чѣмъ кормить лошадей. Жалобы эти были уважены Петромъ, и онъ приказалъ увеличить число ямщиковъ и выдавать по 20 рублей жалованья на выть. Но ни помѣщики, ни монастыри, не хотѣли отдавать своихъ крестьянъ въ ямскія выти. Петръ однако не уважилъ домогательства монастырей.

Съ основаніемъ Петербурга былъ проложенъ еъ нему новый

трактъ отъ Новгорода, а вмѣстѣ съ тѣмъ была устроена почта изъ Москвы въ южномъ направленіи черезъ Сѣвскъ, Батуринъ и Нѣжинъ до Бѣлой Церкви. При устройствѣ этой почты, какъ и при устройствѣ другихъ почтъ, ямщикамъ былъ сказанъ государевъ указъ съ подкрѣпленіемъ, чтобы они исполняли его подъ опасеніемъ себѣ жестокаго наказанія и пытки, и почту возили бы бережно «подъ пазухою», чтобы отъ дождя нигдѣ не измочить и печатей и обертокъ не попортить и другъ другу отдавать по станамъ ее съ росписками. Почта эта была первою почтою, устроенною вѣдѣніи Ямскаго приказа и подчинена была приказу Малой Россіи. Почтари къ ней были опредѣлены какъ бы рекрутскимъ наборомъ, они ѣздили верхомъ и передвиженіе на подводахъ не входило въ обязанность этой почты.

Изъ книги г. Хрущова видно, что въ промежутокъ времени отъ 1704 по 1707 годъ было учреждено нѣсколько новыхъ трактовъ и состоялся указъ о водвореніи во всѣхъ ямахъ тѣхъ ямщиковъ, которые, уйдя отсюда, поселились въ посадахъ и стали заниматься промыслами и торговлею. Такихъ отлучившихся ямщиковъ велѣно было сыскать и затѣмъ, кромѣ ямской гоньбы, ни въ какія службы и въ тягло не писать.

Въ 1711 году, установлена была поверстная плата за «почтовыхъ» лошадей — по деньгѣ на версту. При этомъ указано было никому почтовыхъ лошадей не давать за исключеніемъ: князя Меншикова, фельдмаршала Шереметева, адмирала Апраксина и канцлера Головкина. Учрежденіе почтъ вызвало нѣкоторые особы санитарныя мѣры. Такъ, въ 1710 году, при появленіи заразы, сдѣлано было распоряженіе о приѣмѣ на заставахъ писемъ издали, о держаніи ихъ на вѣтру и объ окуриваніи можжевеловымъ. Ямской приказъ долженъ былъ рассылать въ Москвѣ письма провѣтренныя и окуреныя и не иначе какъ со своими посланными, а не съ прибывшими въ Москву почтарами.

Въ 1711 году, Ямской приказъ былъ упраздненъ, а вмѣсто него учреждено было Ямское повѣтье подъ вѣдѣніемъ «въ Московской губерніи управителя», но вскорѣ ходъ дѣлъ потребовалъ восстановленія прежняго приказа. При учрежденіи сената главное завѣдываніе ямскою гоньбою и почтами перешло къ нему, и только иностранная почта осталась въ вѣдѣніи Посольскаго приказа подъ главнымъ надзоромъ Шафирова, бывшаго уже въ то время государственнымъ подканцлеромъ.

Географическое положеніе Петербурга потребовало усиленнаго развитія почтовыхъ сношеній и тогда учреждена была изъ Петербурга до Москвы обыкновенная почта, ѣздившая въ недѣлю два раза, а также были устроены ямы, въ которые были выбраны лучшіе «семьянистые лошадные люди». Въ 1723 году, были уже въ Россіи 4 почтовые конторы, которыми исключительно завѣды-

вали нѣмцы, а также и центральное управленія всѣми почтами подъ названіемъ «General-Post-Amt». Въ 1716 году, была учреждена «полевая почта, при которой состояли и почтальоны». Въ 1717 году, подводы были раздѣлены на почтовые и ямскія, и тѣ и другія разрѣшено было брать «партикулярнымъ» лицамъ, но только съ двойною платою противъ той, какая взималась съ проѣзжихъ по казенной надобности. Въ 1719 году, состоялся указъ о проведеніи изъ Петербурга ординарной почты до всѣхъ «знатныхъ» городовъ, и мѣры эти значительно облегчили ямщиковъ, такъ какъ сократилась посылка курьеровъ и гонцовъ, бывшихъ главными притѣснителями ямщиковъ. Почта, смотря по важности городовъ, должна была ходить въ недѣлю одинъ или два раза, исключительно для посылки указовъ и казенныхъ бумагъ. Указъ объ этомъ велѣно читать въ городахъ и селахъ, на торжкахъ и ярмаркахъ, чтобы всѣ знали объ ограниченіи права брать для кого бы-то ни было ямскія и почтовые подводы.

Въ 1722 году, во время похода въ Персію, указомъ Петра была учреждена новая должность генераль-почтъ-директора. Въ инструкціи, данной государемъ этому новому сановнику, сведены были въ одно всѣ потребности почтоваго дѣла, все то, на чтѣ было обращено вниманіе въ указахъ послѣдняго десятилѣтія, какъ-то: о защитѣ ямщиковъ отъ испытываемыхъ ими притѣсненій со стороны проѣзжающихъ, о постановленіи относительно опредѣленнаго количества подводъ, подтвержденіе о платѣ, о взиманіи прогоновъ со всѣхъ лицъ, безъ всякаго исключенія, хотя бы и съ ѣдущихъ по казенной надобности, объ обязательной пересылкѣ казенныхъ бумагъ по почтѣ, о платѣ за это изъ присутственныхъ мѣстъ. Иностранная почта до времени осталась на прежнемъ положеніи и только было высказано предположеніе объ устройствѣ ея впослѣдствіи по иностраннымъ образцамъ. На должность генераль-почтъ-директора былъ назначенъ надворный совѣтникъ Алексѣй Дашковъ.

Въ послѣдній годъ царствованія Петра и въ Сибири была учреждена почта, которая должна была быть отправляема одинъ разъ въ мѣсяць.

Въ дальнѣйшемъ развитіи у насъ почтоваго дѣла замѣтны усилія правительства устранить тѣ злоупотребленія, которыя начали устанавливаться по почтовому вѣдомству. Такъ, въ 1725 году, приказано было наблюдать, чтобы никакихъ партикулярныхъ писемъ не было влагаемо въ казенные пакеты. Въ 1727 году, во главѣ почтоваго вѣдомства стала тогдашній вице-канцлеръ баронъ—впослѣдствіи графъ — Остерманъ. При немъ была уменьшена почти втрое такса за письма, отправляемыя отъ Петербурга до Мемеля; устроенъ былъ прямой почтовый трактъ отъ Петербурга до Архангельска, помимо Москвы, Ярославля и Вологды. Этимъ трак-

томъ былъ сокращенъ путь съ 2,000 верстъ до 1,178 и сдѣлано это было съ цѣлью «способствовать коммерціямъ и публичному интересу». Остерманъ обратилъ также вниманіе и на тѣ злоупотребленія, какія въ отношеніи ямщиковъ позволяли себѣ воеводы и вице-губернаторы, принуждавшіе ямщиковъ возить безденежно даже дрова, а когда ямщики отказывались исполнять это, то ихъ, какъ ослушниковъ, заковывали въ желѣза или били батожемъ. За такія притѣсненія сенатъ установилъ взыскивать съ виновныхъ значительные, по тому времени, денежные штрафы.

При Аннѣ Іоанновнѣ состоялись указы о неотягощеніи лошадей тяжестью свыше 10 пудовъ, объ учрежденіи «телѣжной почты», о прибавкѣ лошадей на станціяхъ. Запрещено было подъ страхомъ тѣлесной и даже «смертной казни» непристойно ругать почтовыхъ управителей или служителей, или «оказывать имъ невѣжество и нахальство». Все это, впрочемъ, относилось собственно къ Лифляндіи, но нѣкоторыя улучшенія по почтовой части были произведены и въ другихъ мѣстахъ имперіи. Такъ, въ 1731 году, запрещено было пересылать изъ Астрахани почту сухимъ путемъ, по опасности отъ тамошнихъ «вѣтранныхъ» народовъ. Въ Малороссіи еще учреждена «ординарная» почта. Обращено было вниманіе на Сибирь, дабы не обременять тамошнихъ жителей выставкою на станахъ одновременно значительнаго числа лошадей. Берингъ, отправленный въ Камчатку для научныхъ изслѣдованій, долженъ былъ самъ заботиться объ устройствѣ почтовыхъ сношеній съ Петербургомъ. Объ устройствѣ почтъ въ Сибири старался въ особенности извѣстный историкъ Татищевъ, желая примѣнить къ Сибири тѣ порядки по почтовой части, какіе были установлены для Лифляндіи. Онъ задумывалъ даже изданіе «Дорожника», которымъ могли бы руководствоваться проѣзжающіе при платежѣ прогоновъ. Вообще, Татищевъ имѣлъ такіе обширные взгляды на цѣль и способы устройства почтъ, что впоследствии даже Безбородко не могъ осуществить многихъ изъ высказанныхъ Татищевымъ предположеній.

Походы Миниха въ Крымъ вызвали, по его требованію, отчасти улучшенія почтовыхъ сообщений, а отчасти и учрежденіе новыхъ; то же самое вызвала и отправка русскихъ пословъ на съѣздъ съ турецкими уполномоченными. Смотрителей на почтовыхъ станахъ начали опредѣлять изъ офицеровъ, состоявшихъ при ямской канцеляріи. Въ 1739 году, повелѣно было учредить почтовые станы въ «донскихъ» казачьихъ городкахъ, и на этихъ станахъ давать подводы только тѣмъ лицамъ, которыя будутъ посланы для государевыхъ дѣлъ. Въ 1740 году, состоялся чрезвычайно важный указъ объ устройствѣ почтъ во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ, съ тѣмъ, чтобы «способы къ пересылкѣ писемъ всякому свободны были». Въ образецъ для устройства новыхъ почтъ были взяты почты отъ Петербурга до Москвы и отъ Москвы до Кіева.

Когда, по вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы, Остерманъ былъ отправленъ въ ссылку, то почты были отданы въ непосредственное вѣдѣніе великаго канцлера князя Черкаскаго, но съ назначеніемъ на мѣсто вице-канцлера Бестужева-Рюмина, онѣ были подчинены этому послѣднему. При немъ, какъ и въ прежнее время, продолжались жалобы ямщиковъ на испытываемыя ими притѣсненія, а правительство съ своей стороны старалось ограничить число бланковъ, выдаваемыхъ на проѣздъ безъ платежа прогоновъ. И въ это время открытіе новыхъ почтовыхъ трактовъ обусловивалось прежде всего военными потребностями. Кромѣ того, для привоза изъ Астрахани фруктовъ къ высочайшему столу была устроена сухопутная почта отъ Москвы до Царицына и отъ Царицына до Астрахани судоходная, которая, соотвѣтственно вызвавшей ее потребности, называлась «фруктовой» почтой.

Въ 1744 году, въ новозавоеванныхъ областяхъ Финляндіи было учреждено 7 почтовыхъ станцій. Была также учреждена почта для города Раненбурга, рязанской губерніи, для сношенія съ тѣми лицами, которыя были назначены для наблюденія за сосланною туда брауншвейгскою фамиліею. Учреждены были также почты и по тракту въ Оренбургъ, при чемъ «купецкія» письма должны были быть оплачиваемы по особой таксѣ. Вообще, въ половинѣ прошлаго столѣтія, протяженіе всѣхъ почтовыхъ путей въ Россіи доходило до 16.434 версты, считая при этомъ Москву исходною ихъ точкою, но не включая трактовъ изъ Петербурга до Москвы и до Смоленска. Для возки почты были заведены крѣпкіе чемоданы, которые обвертывались парусиною. Указы стали развозить въ кожаныхъ сумкахъ, запечатывать въ пакеты изъ толстой картонной бумаги, а большіе конверты—запирать въ холстъ. Въ царствованіе Елизаветы выходили иногда по почтовому вѣдомству странныя, по современнымъ намъ понятіямъ, распоряженія. Мы говорили уже о «фруктовой» почтѣ. Кромѣ того, былъ еще и такой случай. Однажды императрица приказала привезти въ Петербургъ изъ Москвы лучшихъ дьяконовъ на среду или, по крайней мѣрѣ, на четвергъ страстной недѣли и тогда вышелъ указъ—не выдавать никому подорожныхъ, пока дьяконы не будутъ привезены въ Петербургъ. Почтовые дороги при Елизаветѣ были такъ дурны, что почты изъ Москвы приходили въ Петербургъ на тринадцатый и даже на четырнадцатый день, и на этомъ трактѣ «ради многой гоньбы и изнеможенія ямщиковъ» былъ установленъ платежъ двойныхъ прогоновъ.

Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы и въ шестимѣсячное царствованіе Петра III почты отличались прежнимъ разстройствомъ: то пакеты не доходили по назначенію, то ямщики доведены были до раззоренія, то возникали взаимныя ссоры между проѣзжими и ямщиками. Въ это же время главноприсутствующій

въ ямской канцеляріи генераль-поручикъ Овцынъ озаботился устройствомъ на станціяхъ почтовыхъ дворовъ, какъ гостинницъ съ трактирами. Не лучше было состояніе почтъ и въ первыя семнадцать лѣтъ царствованія Екатерины II. Только со времени вступленія въ управленіе почтовымъ вѣдомствомъ графа А. А. Безбородки начались существенныя улучшенія и преобразованія по этой части, причемъ приняты были за образецъ французскія почты.

Мы заимствовали изъ книги г. Хрущева только самыя главныя указанія, но въ ней есть не мало любопытныхъ свѣдѣній, и вообще книга эта можетъ быть прочтена легко, не смотря на то, что предметъ ея самъ по себѣ представляетъ, повидимому, мало занимательнаго.

Е. Карновичъ.

ГЕРЦОГЪ РЕЙХШТАТСКІЙ.

(Статья Ф. Гогенгаузена.)

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ смерть и разбитая жизнь герцога Рейхштатскаго придаютъ его исторіи особенно грустный интересъ; его трагическая судьба служитъ достойнымъ эпилогомъ всемірной драмѣ, разыгранной Наполеономъ съ такимъ величественнымъ паеосомъ.

20-го марта 1811 года, громъ орудій возвѣстилъ рожденіе наследника престола. Вся Франція ликовала, — Наполеонъ былъ упоенъ счастіемъ. Ему, столь суевѣрному къ числамъ и днямъ, роковое число 20-го марта, казалось, должно было бы подсказывать недобрыя предзнаменованія. Въ этотъ день, семь лѣтъ тому назадъ, въ Венсенскомъ рву разстрѣлянъ былъ, по приказанію перваго консула, герцогъ Энгіенскій. Кровавый призракъ долженъ былъ бы заслонить образъ восходящаго свѣтила счастья.

Четыре года Наполеонъ безмятежно наслаждался отцовскими радостями; онъ страстно любилъ сына, любовался имъ, когда тотъ бывало игралъ на его колѣняхъ. Знаменитая картина Жерара увѣковѣчила эти краткія и счастливыя минуты изъ жизни Наполеона.

Господствующая страсть Наполеона, — ненасытное его властолюбіе, не вполне подавили въ немъ человѣческое чувство истинной любви; вѣдь чувствовалъ же онъ и прелесть поэзіи, читалъ же онъ Оссіана, даже во время своихъ походовъ.

Грустно вспомнить, что этому великому человѣку, нѣкогда властелну міра, не суждено было пользоваться ласками единственнаго сына, не суждено было то наслажденіе, которое неопѣненно

для каждаго простаго смертнаго. На смертномъ одрѣ онъ тщетно призывалъ сына, милый образъ котораго носился передъ его глазами.

Императорскій отрокъ, четырехъ лѣтъ, потерялъ корону, отечество, отца; у него было даже отнято имя,—его сдѣлали герцогомъ Рейхштатскимъ и назвали Францемъ: имя Наполеона было изгнано изъ всѣхъ календарей.

Маленькаго француза стерегли нѣмецкіе воспитатели въ Шенбрунскомъ замкѣ, какъ птичку въ клеткѣ, боясь, чтобъ орлиная кровь въ немъ не заговорила. Но герцогъ Рейхштатскій былъ тихій, грустный ребенокъ; онъ съ раннихъ лѣтъ привыкъ скрывать свои дѣтскія чувства. Разъ только онъ выказалъ силу своихъ ощущеній, когда ему, едва десяти-лѣтнему мальчику, сообщили о смерти отца; потрясеніе, произведенное на него этимъ извѣстіемъ, было такъ сильно, что опасались за его жизнь. Добродушный дѣдъ его, императоръ Францъ, осыпалъ его ласками, стараясь всячески утѣшить. Маленькій герцогъ не хотѣлъ покинуть комнаты, въ которой онъ получилъ роковую вѣсть; въ ней онъ велѣлъ повѣсить портретъ отца, и часто проводилъ часы въ созерцаніи его изображенія.

Въ этой же комнатѣ, десять лѣтъ спустя, суждено было умереть и ему.

Замокъ Шенбрунъ, въ которомъ Наполеонъ провелъ самыя славныя, самыя свѣтлыя дни своей жизни, когда онъ сваталъ дочь габсбургскаго дома, тотъ же замокъ видѣлъ смерть послѣдняго, единственнаго отростка этого гениальнаго человѣка.

Съ годами, въ молодомъ герцогѣ постоянно росло желаніе ознакомиться съ исторіею отца. Императоръ Францъ, который вообще очень любилъ внука, находилъ желаніе это вполне естественнымъ и готовъ былъ его исполнить; онъ говорилъ: «Внукъ мой добръ, уменъ и разсудителенъ; было бы несправедливо не показать ему отца тѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ — величайшимъ гениемъ; при этомъ необходимо только указать ему, что неограниченное честолюбіе, безпредѣльная гордость и самообольщеніе, привели Наполеона къ паденію.

Преподавателемъ исторіи Франціи герцогу Рейхштатскому былъ избранъ маршалъ Мармонъ. Отъ него ожидали, что онъ не станетъ выставлять своего бывшаго товарища и покровителя въ слишкомъ благопріятномъ свѣтѣ. Измѣнивъ Наполеону въ несчастіи, онъ преданъ Бурбонамъ и послѣ іюльской революціи явился въ Вѣну искателемъ мѣста. Даже самъ Меттернихъ надѣялся, что Мармонъ охладитъ юношескіе порывы герцога къ поклоненію памяти отца.

Мармонъ былъ представленъ герцогу на придворномъ балу; видъ сына его бывшаго царственнаго друга произвелъ на него сильное впечатлѣніе, и самъ герцогъ былъ потрясенъ этимъ свиданіемъ; едва удерживая слезы, онъ долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ, чтобъ не упасть. Во время уроковъ, Мармонъ скоро замѣтилъ вол-

неніе, которое вызывала въ ученикѣ его память отца. Видно было, что герцогъ только и мечталъ достигнуть такой-же славы. Глаза его блистали, когда онъ внималъ рассказамъ о славныхъ подвигахъ Наполеона, и самъ рассказчикъ такъ увлекался при воспоминаніяхъ о славныхъ дѣлахъ, въ которыхъ и онъ принималъ такое близкое участіе, что забывалъ наставленія Меттерниха быть холоднымъ въ изложеніи своего предмета.

Однажды герцогъ восторженно и съ горечью воскликнулъ: «Еслибъ отецъ и мать моя не покинули Парижа, судьба наша могла бы быть совсѣмъ иною».

Припоминая, что при отъѣздѣ императрицы Маріи Луизы сынкомъ ни за что не хотѣлъ дозволить увезти себя изъ Тюльери и съ громкимъ плачемъ хватался ручками за двери, Наполеонъ въ своемъ заточеніи на островѣ св. Елены часто съ удовольствіемъ говорилъ объ этомъ трогательномъ эпизодѣ.

По окончаніи преподаванія, герцогъ Рейхштатскій подарилъ Мармону свой портретъ съ слѣдующею надписью:

«Arrivé près de moi par un zèle sincère
Tu me contais alors l'histoire de mon père.
Tu sais combien mon âme attentive à ta voix
S'échauffait au récit de ses nobles exploits».

(Придя ко мнѣ, влекомый искренною ревностью, ты рассказалъ мнѣ исторію моего отца. Ты знаешь какъ горячо душа моя внимала твоему голосу, повѣствовавшему о его великихъ подвигахъ.)

Энтузіазмъ, который возбуждалъ Наполеонъ въ дни своего величія и славы, послѣ его смерти возродился и перешелъ въ нѣкоторый родъ религіознаго почитанія. Наполеоновскій культъ началъ даже распространяться за предѣлы Франціи, и въ самой Германіи имя великаго императора сдѣлалось предметомъ поэзіи. Два знаменитые поэта, Цейдлицъ и Гейне, прославляли его въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ. Изъ числа французскихъ поэтовъ, Мери и Бартэlemi, высказывали памяти усопшаго героя восторженное поклоненіе. Свое стихотвореніе, касавшееся герцога Рейхштатскаго, они оваглавляли: «Le fils de l'homme» (сынъ чловѣка). Бартэlemi поѣхалъ въ Вѣну, надѣясь лично передать свое произведеніе въ руки молодого принца, но, не смотря на рекомендательныя письма, ему не удалось добиться аудіенціи у герцога Рейхштатскаго. Меттернихъ съ боязливою осторожностью старался устранить все, что могло разгорячить и безъ того уже пылкое воображеніе герцога. Графъ Дитрихштейнъ, возвращая поэту стихотвореніе, сказалъ ему нѣсколько холодныхъ словъ похвалы и передалъ ему опасенія Меттерниха. Огорченный и опечаленный этимъ отказомъ Бартэlemi цѣлые дни бродилъ по улицамъ Вѣны, тщетно отыскивая встрѣчи съ герцогомъ Рейхштатскимъ. Ему посовѣтовали отправиться въ Burg-

theater, куда дворъ являлся каждый вечеръ. Желаніе его наконецъ исполнилось. Изъ небольшой, боковой ложи, скрываясь за бархатною занавѣсью, онъ увидѣлъ сына своего императора, и слѣдующимъ образомъ описываетъ его наружность: «Ему девятнадцать лѣтъ. Онъ похожъ и на отца и на мать. Отъ матери онъ унаслѣдовалъ ея высокій ростъ, роскошные, бѣлокурые волосы и орлиный носъ; но ротъ, античный лобъ и блестящіе глаза его чисто наполеоновскіе». И Бартелеми увѣренъ былъ, что отъ блеска этихъ глазъ загорится вновь свѣточъ славы Франціи подъ эгидой имперіи.

Король Римскій въ дѣтствѣ.

Даже самъ императоръ Францъ въ душѣ питалъ желаніе и надежду видѣть внука своего на французскомъ престолѣ. Онъ однажды сказалъ внуку: «Францель, тебѣ стоитъ только явиться на Страсбургскомъ мосту, чтобъ пробить послѣдній часъ Орлеановъ;— жаль только, что ты слишкомъ молодъ!»

Но не одна молодость, а также и слабое здоровье герцога мѣшали осуществленію этихъ политическихъ грезъ. Вопреки совѣтамъ врачей, герцогъ увлекался военными упражненіями; во что бы-то ни стало онъ хотѣлъ вести солдатскую жизнь и закалить свое слабое

тѣло. Сынъ Наполеона мечталъ развить въ себѣ желѣзную волю отца. Извѣстно, какое обаяніе имѣла личность императора на солдатъ. Герцогъ унаслѣдовалъ эту особенность отъ отца. Однажды, когда онъ проѣзжалъ передъ фронтомъ своего венгерскаго полка, серьезное выраженіе его молодаго лица и смѣлая осанка такъ поразили солдатъ, что, не смотря на строгую дисциплину, они съ энтузіазмомъ привѣтствовали его громкими возгласами.

Романическая личность молодаго герцога привлекала къ нему множество искателей и искательницъ приключеній. Между прочими, являлись въ Вѣну многія знатныя польки, интриговавшія въ пользу провозглашенія его королемъ польскимъ. Даже австрійская принцесса Эстергази, бывшая замужемъ за польскимъ княземъ, раздѣляла эту романическую идею и старалась привлечь князя Меттерниха къ этой комбинаціи. Но ей вскорѣ пришлось убѣдиться въ несбыточности своей фантазіи. Меттернихъ коротко объявилъ ей: «Рѣшено разъ навсегда не допускать герцога Рейхштатскаго до занятія какого бы-то ни было престола». Эти слова дошли до молодаго герцога; они его глубоко поразили, но не уничтожили честолюбія, разгоравшагося въ немъ все болѣе и болѣе.

Другая авантюристка, графиня Камерати, дочь Элизы Бачіокки, возбуждала въ Вѣнѣ много толковъ своею эксцентричностью. Она преслѣдовала герцога Рейхштатскаго во время его прогулокъ въ Пратеръ и, наконецъ, успѣла привлечь его вниманіе. Она посылала ему страстные письма, но она большею частью оставались въ рукахъ присмотрщиковъ герцога. Однажды, графиня подстерегла принца въ то время, когда онъ шелъ къ своему учителю барону Обенаусу. Она бросилась цѣловать его руки и обнимать его колѣни, умоляя его ѣхать во Францію, чтобъ принять тамъ императорскую корону, принадлежащую ему по праву. Какъ ни льстили эти слова тайнымъ желаніямъ герцога, но онъ не могъ не сознавать, что подобнымъ путемъ ничего нельзя будетъ достигнуть. Онъ устранился отъ экзальтированныхъ демонстрацій графини и велѣлъ просить ее выѣхать изъ Вѣны.

Къ этому же времени относится начало тѣсной дружбы между герцогомъ Рейхштатскимъ и графомъ Прокешъ-Остенемъ, авторомъ описанія сраженія при Ватерлоо. Въ этой книгѣ многое говорилось въ защиту Наполеона, что и возбудило въ герцогѣ чувство живой благодарности къ графу. Въ первый разъ они встрѣтились на придворномъ обѣдѣ, къ которому приглашенъ былъ графъ Прокешъ-Остенъ, недавно возвратившійся въ Грацъ послѣ продолжительнаго путешествія.

Вотъ какъ графъ передаетъ объ этой встрѣчѣ въ своихъ мемуарахъ: «22-го іюня 1830 года, я удостоился приглашенія къ императорскому столу; я сидѣлъ противъ императрицы, рядомъ со мною помѣстился герцогъ Рейхштатскій. Красивый юноша съ вырази-

тельными глазами, роскошными бѣлокурыми волосами, высокимъ лбомъ, сразу очаровалъ меня, и я невольно полюбилъ его. За столомъ мы обмѣнялись только немногими словами. Императрица и эрцгерцогъ Іоаннъ, мой давнишній покровитель, все время заставляли меня рассказывать о моихъ путешествіяхъ въ Константинополь, по Малой Азіи, Сиріи, Египту и Нубіи. По окончаніи обѣда, разговоръ этотъ еще продолжался; когда же я откланялся, герцогъ Рейхштатскій подошелъ ко мнѣ и проговорилъ: «Я давно васъ знаю», при этомъ онъ пожалъ мнѣ руку, какъ старому другу».

На слѣдующій день, къ графу Прокешу явился графъ Морицъ Дитрихштейнъ, воспитатель герцога, съ приглашеніемъ навѣстить послѣдняго. Князь Меттернихъ далъ необходимое для этого разрѣшеніе, зная, что графъ Прокешъ любимъ при дворѣ и никогда не воспользуется исключительнымъ положеніемъ молодаго наполеонида для политическихъ демонстрацій. При входѣ графа, герцогъ казался сильно взволнованнымъ. Онъ поспѣшилъ на встрѣчу своему гостю и съ живостью сказалъ ему:—«Да, я давно васъ знаю. Еще мальчикомъ я читалъ ваше описаніе сраженія при Ватерлоо; я даже нѣсколько разъ переводилъ его, для того, чтобы запечатлѣть въ своей памяти каждую строчку».

Вліяніе графа Прокеша на молодаго герцога было чрезвычайно благотворно. Принцъ горячо привязался къ новому другу. Стараясь развлечь скучавшаго въ одиночествѣ юношу, графъ много рассказывалъ о Греціи, намекая ему на возможность со временемъ занять престолъ этой страны. На сколько отношенія между герцогомъ и графомъ Прокешемъ были сердечны и близки видно уже изъ того, что они безпрестанно переписывались между собою, даже при частомъ личномъ свиданіи. Эта, въ сущности совершенно невинная переписка, послужила поводомъ къ распространенію недостойной клеветы, бросавшей тѣнь на образъ жизни герцога.

Графъ Прокешъ занимался въ канцеляріи извѣстнаго дипломатическаго агента Меттерниха, писателя Генца, возведеннаго въ дворянское достоинство. Къ Прокешу въ канцелярію приносили письма герцога ливрейный лакей. Въ верхнемъ этажѣ того же дома жила танцовщица Фанни Эльслеръ, извѣстная въ то время красавица, которую съ величайшею роскошью содержалъ выжившій изъ ума старикъ Генцъ. Трудно предположить, чтобы онъ допустилъ къ ней столь опаснаго соперника, какимъ былъ герцогъ Рейхштатскій. Тѣмъ не менѣе вся Вѣна объясняла появленіе въ этомъ домѣ лакея въ придворной ливреѣ любовною связью между герцогомъ и Фанни Эльслеръ. Одни увѣряли, что она обманываетъ своего стараго обожателя; по мнѣнію же другихъ, Генцъ продалъ свою любовницу Меттерниху, на пагубу герцога.

Графъ Прокешъ рѣшительно опровергаетъ всѣ эти слухи. По его словамъ, молодой принцъ не подвергался никакимъ страстямъ;

онъ увлекался лишь одними высокими идеалами. Герцогъ ни разу не встрѣчался съ Ф. Эльслеръ, видѣлъ ее только на сценѣ, и она ему даже не особенно нравилась. Все, что рассказывалось въ Вѣнѣ о страстной любви принца къ танцовщицѣ, всѣ анекдоты, ходившіе по этому поводу и которыхъ не будемъ повторять здѣсь, слѣдуетъ отнести къ области чистой фантазіи. Нельзя не довѣрять свидѣтельству графа Прокеша; оно вполнѣ искренно, и графъ нисколько не хотѣлъ возвеличить своего друга; онъ признается даже, что, не придерживаясь строгихъ правилъ въ сердечныхъ дѣлахъ, самъ желалъ счастливой любви для молодого герцога, видя въ этомъ хорошее средство, чтобы отвлечь его отъ честолюбивыхъ мечтаній. Съ этою цѣлью, онъ даже старался сблизить своего друга съ красивыми, умными женщинами. Одна молодая княгиня очень нравилась герцогу Рейхштатскому, но его слишкомъ робкое ухаживанье не имѣло успѣха. Знакомство принца съ актрисою Пехе, въ то время славившеюся своею красотою и недавно умершею въ Вѣнѣ въ преклонныхъ лѣтахъ, тоже не могло развлечь его. На этотъ разъ слишкомъ большая предупредительность красавицы оттолкнула молодого герцога. Съ годами принцъ все больше и больше погружался въ меланхолію; онъ даже совсѣмъ пересталъ находить удовольствіе въ придворныхъ кругахъ, не смотря на все вниманіе и ласки, которыми его окружали. Его своеобразная красота, просвѣтленная тихою грустью, рыцарскія манеры, романическое положеніе, все дѣлало его предметомъ общей симпатіи.

Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, маршалъ Мэзонъ, былъ глубоко пораженъ его личностью. Говорятъ, что маршалъ не разъ выпрашивалъ передъ нимъ въ такомъ духѣ, что съ новою силою воспламенялъ честолюбивыя мечты герцога. Да и у самого императора Франца на одной изъ аудіенцій французскому посланнику вырвались слова, обращенныя къ внуку и наполнившія душу его мучительнымъ волненіемъ: «Я бы радъ былъ видѣть тебя на французскомъ престолѣ, если только французскій народъ тебя призоветъ и союзныя державы изъявятъ свое согласіе».

Но преждевременная смерть иначе рѣшила его судьбу.

Онъ умеръ 22-го іюля 1832 года.

Всю зиму передъ тѣмъ онъ медленно угасалъ, хотя собственно и не былъ боленъ. Во время прогулки въ Пратерѣ въ открытой коляскѣ, при холодномъ весеннемъ вѣтрѣ, онъ подвергся простудѣ, которая разрушила его слабыя легкія.

Въ часъ смерти онъ со страхомъ, какъ ребенокъ, призывалъ свою мать. Она поспѣшила къ нему, и на ея рукахъ онъ умеръ.

Послѣднія его слова были: «Рожденіе и смерть—вотъ вся моя исторія».

Графъ Прокешъ былъ далеко, когда смерть похитила у него друга. Онъ находился въ Римѣ, и наканунѣ горестнаго событія ему

неожиданно пришлось провести нѣсколько трогательныхъ минутъ.

Мать Наполеона I, 84-хлѣтняя Летиція, пригласила его къ себѣ, желая получить извѣстія о герцогѣ Рейхштатскомъ. Графъ рассказываетъ объ этомъ посѣщеніи слѣдующее: «Графиня Шарлотта, дочь Люсьена Бонапарта, бывшая замужемъ за графомъ Помпеемъ Габріели, пріѣхала за мною 21-го іюля 1832 года и повезла меня въ своемъ экипажѣ во дворецъ на Венеціанской площади. Въ передней я встрѣтилъ двухъ молодыхъ женщинъ, одѣтыхъ въ черномъ, и секретаря Равалья. Принцесса повела меня въ

Герцогъ Рейхштатскій на смертномъ одрѣ.

большую, высокую комнату, окна которой были затянута тяжелыми занавѣсами. Слепая, слабая женщина сидѣла на диванѣ и попросила меня сѣсть возлѣ нея. Мягкимъ голосомъ обратилась она ко мнѣ съ нѣсколькими любезными словами на ломаномъ, но изысканномъ французскомъ языкѣ. Я сообщилъ ей все, что зналъ о герцогѣ Рейхштатскомъ. Она слушала меня съ возрастающимъ волненіемъ и часто прерывала своими вопросами. Все, что я рассказывалъ ей о жизни герцога, видимо радовало ее. Я старался успокоить ее относительно его болѣзни, которую, въ то время, самъ не считалъ опасною. Съ любовью и грустью вспомнила она о томъ, какъ послѣдній разъ, въ Блуа, видѣла и обнимала «короля рим-

скаго». Затѣмъ она разсказала мнѣ, безъ всякой горечи, что нѣсколько разъ писала императрицѣ Маріи-Луизѣ и своему внуку, но не получила отвѣта. Она велѣла подвести меня къ бюсту герцога Рейхштатскаго, стоявшему рядомъ съ бюстомъ великаго императора. Она обѣщала мнѣ прислать для возлюбленнаго внука свой миниатюрный портретъ, сказавъ при этомъ: «на обратной сторонѣ онъ найдетъ прядь волосъ отца своего». Я поцѣловалъ ея руку и хотѣлъ удалиться, но она удержала меня. Съ трудомъ поднялась она — я былъ пораженъ величественнымъ выраженіемъ ея лица. Она вся дрожала и положила руки свои на мою голову; я угадалъ ея намѣреніе и опустился на колѣни. «Его ужъ мнѣ не увидѣтъ; въ вашемъ лицѣ я благословляю своего внука. Вскорѣ мнѣ придется покинуть этотъ мѣръ; но молитвы мои, слезы и желанія будутъ сопровождать его до послѣдней минуты моей жизни. Передайте ему все это». Послѣ этихъ словъ она обняла меня, и я еще разъ поцѣловалъ ея руку».

На слѣдующій день, графъ Прокешъ получилъ обѣщанный портретъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими вещицами, оставшимися послѣ Наполеона. Эти подарки Летиціи ужъ не попали въ руки герцога Рейхштатскаго. Въ тотъ день, когда она посылала ему свое благословеніе, онъ уже лежалъ на смертномъ одрѣ.

Престарѣлая мать Наполеона четыре года еще прожила послѣ своего внука. Она умерла 2-го февраля 1836 года въ Римѣ, у своего брата, кардинала Феша.

Въ темной часовнѣ церкви св. Августина, въ Вѣнѣ, стоитъ урна, заключающая сердце герцога Рейхштатскаго. Тамъ недавно молилась эксъ-императрица Евгенія, оплакивавшая своего единственнаго сына. И его рожденіе привѣтствовалось въ Парижѣ пушечнымъ громомъ и восторгами народа. И онъ сгоралъ желаніемъ занять престолъ, для котораго былъ рожденъ. Его кончина едва ли не еще трагичнѣе кончины герцога Рейхштатскаго. Судьба обоихъ принцевъ представляетъ поразительный примѣръ превратности земнаго счастья.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ВТОРОЙ ИМПЕРІИ.

Луи-наполеонистъ въ роли Ювенала.—Главные событія предшествовавшія паде-
нію имперіи.—Убійство парижскаго архіепископа.—Процессъ Верже.—Герцогъ
Морни и графиня Легонъ.—Графиня Кастильоне и маркиза Пайва.—Спиритъ
Юмъ и патеръ Вентура.—Смерть Вьельера.—Участь чиновника, облачающаго
министра.—Министерскія квартиры.—Сердечное согласіе.—Возстаніе въ Индіи.—
Императорская шутка.—Покушеніе на жизнь Луи-Наполеона.—Орсини и императ-
рица Евгенія.—Милитаризмъ и обидчивые подпоручики.—Нравы военныхъ.—
Ненависть къ полиціи.—Парижскіе воры и убійцы.—Фальшивыя монетчики.—
Казнь Понсе.—Крупныя кражи.—Герцогъ Брауншвейгскій и его брилліанты.—
Заговоръ Греко.—Вліяніе Мадзини на судьбу имперіи.

В АПИСКИ Вьель-Кастеля, о которыхъ намъ неразъ при-
ходилось говорить въ «Историческомъ Вѣстникѣ», окан-
чиваются со смертію ихъ автора, не издавшаго послѣднихъ годовъ имперіи, которую онъ такъ безпощадно,
хотя и по заслугамъ, клеймилъ въ своихъ замѣткахъ.

Но послѣдніе томы этихъ записокъ своимъ однообразнымъ колори-
томъ и повтореніемъ однихъ и тѣхъ же грязныхъ рассказовъ о
грязныхъ людяхъ, наводятъ тяжелое чувство и дѣлаются моно-
тонными, хотя авторъ касается событій, имѣвшихъ несомнѣнное
вліяніе на судьбы имперіи. Это впечатлѣніе происходитъ отъ одно-
сторонняго взгляда автора и его пессимистскаго отношенія къ со-
бытіямъ и дѣятелямъ его времени. Поэтому излагать его мнѣніе объ
этихъ лицахъ и событіяхъ, приводить его сужденія было бы без-
полезно, и мы остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которыя
представляютъ особенно характеристическія черты той эпохи, или
бросають новый свѣтъ на какой нибудь историческій фактъ. Съ

этой же точки зрѣнія отнесемъ мы и къ событіямъ послѣднихъ годовъ имперіи, которыхъ уже онъ не былъ свидѣтелемъ. Этотъ легитимистъ обратился въ бонапартиста, или скорѣе въ луи-наполеониста, такъ какъ изъ всѣхъ бонапартовъ онъ отзывался восторженно только объ одномъ героѣ второго декабря. Главные факты 1865—1870 годовъ, не историческіе, всѣмъ извѣстные, а культурные, рисующіе положеніе общества, мы передадимъ согласно съ послѣдними изслѣдованіями объ этой эпохѣ.

Послѣдній, недавно вышедшій томъ записокъ Вьель-Кастеля начинается разсказомъ объ убійствѣ парижскаго архіепископа Сибура священникомъ Верже, которому было запрещено служить обѣдни и исполнять духовныя требы. Это странное злодѣйство такъ и осталось не вполнѣ разъясненнымъ. Во французскихъ газетахъ той эпохи объ немъ очень мало свѣдѣній, потому что правительство, испугавшись впечатлѣнія, произведеннаго на массу смертью перваго сановника церкви, и толками о причинахъ, вызвавшихъ убійство, вскорѣ же запретило газетамъ вовсе упоминать объ этомъ событіи. А между тѣмъ изслѣдованіе его психическихъ причинъ было важнѣе самаго факта. Газеты успѣли только расхвалить убитаго, не касаясь убійцы. Похвалы были справедливы, пока дѣло касалось доброты и щедрости архіепископа, но заодно превозносили его способности, весьма сомнительныя, и его ораторское искусство. А между тѣмъ Вьель-Кастель пишетъ «Сибуръ любилъ говорить и проповѣдничать (*prêchaillet*) безъ изящества; это даже не была струя теплой водицы, потому что его вульгарныя рѣчи текли съ большимъ затрудненіемъ. Честолюбивый, безъ политическихъ убѣжденій, онъ впрягался во всякую колесницу и однажды серьезно повѣрилъ, что его выберутъ въ президенты республики... Тогда онъ былъ республиканцемъ». Что касается до Верже, то онъ держалъ себя дерзко на судѣ, приговорившемъ его къ смертной казни, обвинялъ всѣхъ и когда началъ поносить Сибура, судьи приказали удалить его изъ залы судилища. Тогда онъ обратился къ публикѣ, протестуя противъ несправедливости, прося поддержать его. Но изъ публики, допущенной съ большимъ выборомъ въ судѣ, раздались голоса: «молчи, убійца!» Такъ разсказываетъ Вьель-Кастель, но судебный протоколъ говоритъ просто, что онъ вышелъ, не желая слушать рѣчи прокурора. Въ тюрьмѣ онъ видимо упалъ духомъ, поручилъ своему адвокату употребить въ дѣло все, что законъ предоставляетъ осужденному, написалъ императору просьбу о помилованіи, просилъ, чтобы за него ходатайствовала принцесса Матильда. Вьель-Кастель говоритъ, что все это онъ дѣлалъ не отъ раскаянія, а отъ страха смерти, и не упоминаетъ ни слова о томъ, что могло его побудить къ преступленію. А, между тѣмъ, эти мотивы очень важны для изслѣдованія психическаго состоянія убійцы и они объясняются отчасти его прежнею жизнью. Родившись въ

окрестностях Парижа, въ 1826 году, онъ 14-ти лѣтъ поступилъ въ семинарію, откуда былъ исключенъ черезъ четыре года. Поступивъ черезъ нѣсколько времени въ другую семинарію, въ городъ Мо, онъ 23-хъ лѣтъ былъ сдѣланъ священникомъ; въ 1852 году перешелъ въ Парижъ, въ церковь Сень-Жермена, но въ 1855 году ему было запрещено служить. Онъ вернулся въ Мо, гдѣ епископъ позволялъ ему совершать духовныя требы, но черезъ годъ снова подвергся запрещенію за проповѣди противъ догмата непорочнаго зачатія Богородицы и за найденную у него рукопись «завѣщаніе», въ которой церковь, ея іерархія и религія осыпались оскорбленіями. Тогда, приѣхавъ въ Парижъ, Верже убилъ ударомъ ножа, въ церкви св. Стефана, архіепископа Сибура. На судѣ онъ настаивалъ на томъ, что хотѣлъ убить не лицо, а догматъ, противный его убѣжденіямъ; Сибура онъ обвинялъ только въ томъ, что тотъ не хотѣлъ ни снять съ него интердикта, ни выслушать его, но требовалъ, чтобы выслушали 60 человекъ, приводимыхъ имъ въ свидѣтели и знавшихъ его жизнь. Судъ отказалъ въ этомъ требованіи на томъ основаніи, что лица эти, какъ говорилъ прокуроръ, «стали бы клеветать на высшихъ духовныхъ особъ». Самъ Верже сталъ обвинять священника Сень-Жерменской церкви въ постыдныхъ предложеніяхъ, но предсѣдатель не позволилъ ему продолжать. Вьель-Кастель рассказываетъ дальше, что когда осужденному объявили, что надо идти на гильотину, онъ началъ кататься по постели, бороться съ палачомъ и его помощниками, отказывался отъ утѣшеній религіи, но потомъ исполнилъ всѣ обряды, заявилъ раскаяніе въ своемъ преступленіи, отрекся отъ своихъ заблужденій и умеръ съ твердостью, вскричавъ «да здравствуетъ Іисусъ Христосъ! да здравствуемъ императоръ!» Все это странно, сомнительно и нисколько не разъясняетъ ни мотивовъ преступленія, ни личности преступника.

Верже былъ, впрочемъ, исключительнымъ явленіемъ въ эту эпоху, когда явныя убійства были рѣдки; въ имперіи было больше грязи, чѣмъ крови, и грязью этой были забрызганы болѣе всего лица, ближе другихъ стоявшія у трона. Побочный братъ Луи-Наполеона, герцогъ Морни, получившій огромныя суммы за приведеніе въ исполненіе заговора 2-го декабря, вздумалъ упрочить свое состояніе женитьбой на богатой иностранкѣ. Невѣста его получила, кромѣ миліоннаго приданаго, свадебный подарокъ въ полтораста тысячъ франковъ отъ своего государя, при которомъ Морни состоялъ одно время посланникомъ. Въ Парижѣ были недовольны тѣмъ, что французскій посланникъ принимаетъ подарки отъ монарха, передъ лицомъ котораго онъ долженъ поддерживать достоинство и интересы своего отечества. Но это недовольство, основательность котораго еще можно было оспаривать, увеличилось еще болѣе, когда женщина, съ которой Морни жилъ около двадцати лѣтъ,

на аудіенціи у императора, объявила ему, что Морни, управляя всѣми ея дѣлами и имѣніями, присвоилъ себѣ все ея состояніе, простирающееся до трехъ съ половиной милліоновъ франковъ. Женищина эта, жена бывшаго бельгійскаго посланника при Луи-Филиппѣ, угрожала процессомъ, если ей не будетъ возвращена эта сумма. Боясь скандала, Луи-Наполеонъ приказалъ выдать эту сумму изъ «капиталовъ» герцога, котораго еще въ концѣ ноября 1851 года кредиторы собрались посадить въ тюрьму, за долги въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Но всего любопытнѣе, что вернувшись въ Парижъ, Морни представилъ доказательство, что онъ ничего не долженъ графинѣ, а что она, напротивъ должна ему болѣе двухъ милліоновъ. Новыя разоблаченія грозили новымъ скандаломъ, въ которомъ врядъ ли бы правосудіе добилось до истины, но злословіе конечно нашло бы для себя неисчерпаемую пищу. Новое высочайшее повелѣніе окончательно прекратило эти препирательства, принимавшія уже слишкомъ странный видъ. Публика такъ и не узнала, въ чемъ же тутъ дѣло, но инстинктивно сознавала, что и молодой супругъ и старая его подруга оба должны быть не правы. Графиня, однако, продала свой отель въ Парижѣ и уѣхала изъ него. Вьель-Кастель рисуетъ характерные типы и другихъ дамъ высшаго круга. Одна изъ нихъ, графиня Кастильоне, фаворитка Луи-Наполеона, была не болѣе, какъ жорошенькая женищина, великосвѣтская камелия, взявшая съ лорда Гертфорда милліонъ франковъ за одно свиданіе и отличавшаяся только способностью не краснѣя слушать самыя циническія фразы. Другая, маркиза де Паива, умершая въ январѣ нынѣшняго года — авантюристка, завоевавшая умомъ и ловкостью положеніе въ большомъ свѣтѣ. Вьель-Кастель называлъ ее русскою, но она только родилась въ Россіи, а по происхожденію нѣмка. Дочь незначительнаго торговца, Паулина Терезія Лахманъ, вышла въ 1836 году за московскаго портного Франсуа Виллуэна. Тихая семейная жизнь вскорѣ же наскучила ей; она бросила мужа и ребенка и отправилась искать счастья въ Парижъ. Сначала ей сильно не повезло: извѣстный пианистъ Герцъ въ зимній вечеръ наткнулся въ Елисейскихъ поляхъ на женщину, умирающую отъ холода и голода. Онъ спасъ ее, приютить, и она долгое время раздѣляла его судьбу. Подъ покровительствомъ герцога Гиша, она даже попала ко двору Луи-Филиппа, но тамъ вскорѣ же узнали, что у нее въ Москвѣ мужъ, далеко не придворнаго званія, и однажды попросили ее удалиться изъ дворца. Въ досадѣ на несбывшіяся надежды, на почетъ и значеніе въ большомъ свѣтѣ, она оставила Парижъ, пренебрегая и богатствомъ и ухаживаніями своихъ поклонниковъ. Но въ Лондонѣ жизнь ея была до того полна лишеній и разочарованій, что она готова была избавиться отъ нее самоубійствомъ. Случайно, въ Ковентгардескомъ театрѣ, она познакомилась съ богатымъ джентльменомъ, потомъ съ

другимъ и, черезъ нѣсколько времени, убѣдившись, что карьеру можно составить только въ Парижѣ, вернулась туда съ прежними надеждами, но съ довольно значительными средствами. Вскорѣ салонъ ея на площади Сентъ-Жоржа, сдѣлался сборнымъ мѣстомъ парижскихъ знаменитостей, только не финансоваго міра, — къ деньгамъ она была всегда совершенно равнодушна. Но на ея обѣдахъ постоянными собесѣдниками были Теофиль Готье, Арсенъ Гуссе, Эмиль Жирарденъ, Понсаръ, Поль Лакруа, Эмиль Ожье. Въ 1849 году, умеръ ея мужъ портной и тогда она рѣшилась завоевать себѣ положеніе въ свѣтѣ съ помощью новаго брака. Въ свѣтѣ португальскаго посланника, маркиза Паива, былъ его кузенъ, носившій ту же фамилію и титулъ португальскаго гранда. Вдова португала женила его на себѣ, и, на другой же день послѣ свадьбы, откровенно объявила ему, что ей нужно было только его имя и званіе, а что жить съ нимъ она не будетъ. Вѣдмый маркизъ успѣшилъ скрыться отъ обидныхъ свѣтскихъ сплетенъ въ своемъ португальскомъ замкѣ, назначивъ однако супругѣ приличное содержаніе. Но ей всегда не доставало того, что было достаточно для другихъ. Маркиза повела жизньъ еще болѣе открытую и откровенную. Ей было въ то время за сорокъ лѣтъ, но она была до того привлекательна, что поклонники ждали какъ милости одного ея слова или взгляда. Одинъ изъ нихъ до того неоступно преслѣдовалъ ее, что она, зная его недостаточное состояніе, потребовала, чтобы онъ въ доказательство своей любви пожертвовалъ десять тысячъ франковъ не ей, конечно, — въ такой ничтожной суммѣ она не нуждалась и не продавала своихъ ласкъ за деньги, — но онъ долженъ былъ въ ея присутствіи сжечь эту сумму въ формѣ десяти банкнотныхъ билетовъ. Поклонникъ исполнилъ ея странный капризъ, обставленный въ «запискахъ» еще болѣе странными подробностями; но когда жертвоприношеніе было совершено, онъ очень хладнокровно объявилъ, что обманулъ ее, и что сожженные билеты были только фотографическими снимками съ настоящихъ. Можно себѣ представить, какою разъяренною львицею явилась въ эту минуту великосвѣтская куртизанка. Никогда ни Герміона, ни Камилла не осыпали такими упреками пахочиваго юношу, явлѣвшагося отъ своей страсти послѣ этой сцены. Маркиза, у которой скорѣ послѣ этого умеръ и второй мужъ, вышла за третьяго, кузена Бисмарка, графа Генкель-Донвермарка. Ей было уже за 50 лѣтъ. Умерла она въ своемъ сilesскомъ замкѣ въ уединеніи, всѣмъ разочарованная въ жизни, 72-хъ лѣтъ.

Львами этой эпохи были спиритъ Юмъ, тогда еще не посѣщавшій Петербурга и не женатый на сестрѣ русскаго поэта, и патеръ Вентура. Юмъ продѣлывалъ въ Тюльери тогда еще новые фокусы материализаціи рукъ и прыганья столовъ. Вентура, рѣчи котораго мы приводили въ статьѣ «Французское общество во время крым-

ской кампаніи», продолжалъ отличатся ораторскими выходками противъ общепринятыхъ порядковъ. Такъ, въ тюльерійской капеллѣ, въ присутствіи императора и всего двора, онъ вздумалъ читать проповѣдь противъ классическаго преподаванія, предупредивъ, что рѣчь его будетъ политическая. Онъ требовалъ, чтобы изъ университетскаго образованія было исключено изученіе греческихъ и римскихъ классиковъ и замѣнено католическимъ преподаваніемъ и чтеніемъ отцовъ церкви. Разгромивъ протестантское ученіе, онъ обратился къ императору съ слѣдующими словами: «знаете ли, государь, кто вооружаетъ руку всѣхъ политическихъ убійцъ: Фіески, Алибо, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, кто поднимаетъ святотатственную руку на монарховъ?.. Это греки и римляне! это пагубное классическое образованіе, это примѣры Брутовъ, которыми заставляютъ восхищаться юношество. Если бы ангелы сошли на землю, они вернулись бы къ предвѣчному отцу развращенные вашимъ классическимъ преподаваніемъ».

«И этотъ Вентура, прибавляетъ Вьель-Касталь, въ Римѣ былъ революціонеромъ и другомъ Мадзини, а когда папа бѣжалъ изъ вѣчнаго города, спрятавшись переодѣтымъ въ каретѣ французскаго посланника, Вентура служилъ благодарственный молебенъ за освобожденіе Рима. Императрица поощряетъ это направленіе духовенства и когда нибудь раскается въ этомъ. Императоръ слушаетъ невозможно эту болтовню и не мѣшаетъ ей». Вентура впрочемъ умеръ вскорѣ же въ 1861 году и тѣло его отвезено въ Римъ. Другой левъ сезона, Юмъ, еще въ 1857 году былъ посаженъ въ тюрьму и потомъ выгнанъ изъ Франціи за мошенничество и распутство. Луи-Наполеонъ возставалъ однако противъ неисполненія религиозныхъ обрядовъ и когда умеръ старый его учитель Вьельяръ, котораго онъ сдѣлалъ сенаторомъ, оставивъ завѣщаніе, чтобы тѣло его не вносили въ церковь и не отпѣвали, Луи-Наполеонъ послалъ телеграмму камергеру, назначенному слѣдовать за гробомъ: вернуться съ процессіи. Луи-Наполеонъ слѣдовалъ общепринятымъ правиламъ и въ администраціи, что, конечно, не могло принести ничего, кромѣ вреда. Такъ, подчиненный Фульдъ доказалъ неопровержимо, что министръ собирался обмануть императора и уничтожить документъ, компрометирующій министра. Императоръ поблагодарилъ чиновника за его честность, правдивость, самоотверженіе, но все-таки уволилъ его, такъ какъ подчиненный, обличившій начальника, не можетъ служить съ нимъ. Фульдъ остался на прежнемъ мѣстѣ, потому что услуги, оказываемыя имъ государю, важнѣе честности мелкаго чиновника. Луи-Наполеонъ очень хорошо зналъ что за люди окружаютъ его, но не мѣнялъ ихъ потому, что при существующихъ условіяхъ порядочные люди и не пошли бы служить ему, а другіе оказались бы, пожалуй, еще хуже. Да и дѣлали эти люди то, что обыкновенно практикуется и въ другихъ странахъ. Такъ

въ Луврскомъ музеѣ не было мѣста для помѣщенія рѣдкихъ предметовъ, а директоръ музея, человекъ одинокій, отдѣлывалъ себѣ въ бельэтажѣ квартиру въ 17 комнатъ со всѣми удобствами и затѣями. Въ этомъ не было ничего необыкновеннаго, и министръ, передѣлавшій подъ свою квартиру помѣщеніе нѣсколькихъ департаментовъ и устроившій въ ней 14 необходимыхъ кабинетовъ—не для занятій, являлся только подражателемъ Ньеверкерке. Министръ Варошъ требовалъ даже въ новоотстроенной церкви св. Клотильды отдѣльной капеллы для себя и своего семейства, такъ какъ ему было бы «тяжело подвергаться толчкамъ народа».

Сердечное согласіе Франціи съ Англіею, устройствомъ котораго такъ гордился Луи-Наполеонъ, было однако антипатично французамъ и не разъ подвергалось серьезной опасности превратиться въ явную непріязнь. Восстанію въ Индіи сочувствовала вся Франція, отзывавшаяся потомъ съ глубокимъ негодованіемъ о жестокостяхъ, какими сопровождались побѣды англичанъ надъ инсургентами, взятіе Дели, казни сипаевъ и индійскихъ раджей. Вель-Кастель приводитъ много примѣровъ возмутительныхъ поступковъ съ побѣжденными; онъ напечаталъ даже анонимную брошюру, въ которой доказывалъ безсердечіе англійской политики въ Индіи, и «Times», осыпавъ бранью брошюру, вывелъ заключеніе, что она написана русскимъ или социалистомъ. Но въ то время, когда въ Индіи разстрѣливали массами сипаевъ, привязывая ихъ къ жерламъ пушекъ, а сыновей дельйскаго короля собственноручно пристрѣливалъ взявшій ихъ въ плѣнъ англійскій офицеръ «потому что могли попытаться освободить ихъ», въ Парижѣ, правитель Франціи, для своего развлечения, придумалъ болѣе чѣмъ странную шутку со своею супругою, воспользовавшись ея сочувствіемъ къ индійцамъ. Въ это время умерла Удская королева, бѣжавшая изъ своей страны, захваченной англичанами и нашедшая убѣжище въ Парижѣ со своими родственниками и свитою. Они давно просили аудіенціи у императора, но тотъ постоянно отказывалъ въ ней изъ политическихъ соображеній, чтобы не возбудить подозрѣнія англичанъ. Евгенія выразила ему свое сожалѣніе по этому поводу, и онъ отвѣчалъ, что теперь можно дать аудіенцію и онъ сдѣлаетъ распоряженіе. Черезъ день оберъ-камергеръ Ваціоки извѣстилъ императрицу, что Удскіе принцы со свитою явятся въ Тюльери, въ 8 часовъ вечера. Въ назначенный часъ передъ императоромъ и императрицею явилась группа индійцевъ и индіанокъ, одѣтыхъ въ кашемиръ и муселинъ, увѣшанныхъ браслетами, брошками, серьгами; женщины были закутаны въ густыя вуали. При входѣ ихъ императоръ не могъ удержаться отъ улыбки и императрица замѣтила ему: «если вы не можете сохранить серьезность, приличную вашему званію, то лучше удалитесь». Обернувшись она увидѣла, что и Ваціоки смѣется, и такъ строго крикнула: *sortez!* что

тотъ успѣвши скрыться. Узнавъ, что одинъ изъ принцевъ говорить по-англійски, Евгенія обратилась къ нему со словами сожалѣнія о смерти Удской королевы, объ ихъ тяжеломъ положеніи. Принцъ только кланялся, но между женщинами, закутанными въ покрывала, началось сильное движеніе. Приписывая это ихъ волненію, Евгенія сказала, что они вѣроятно еще не утѣшились въ потерѣ ихъ королевы. При этихъ словахъ Луи-Наполеонъ разразился громкимъ смѣхомъ, на который отвѣчалъ смѣхъ вернушагося камергера. Въ то же время неутѣшныя принцессы подняли вуали—и императрица увидѣла своихъ придворныхъ дамъ переодѣтыхъ индіанками. Церемоніймейстеръ Лекокъ былъ наряженъ принцемъ, гофмаршалъ евнухомъ и т. д. Евгенія сначала ошолбѣла при видѣ этой неприличной комедіи, потомъ пришла въ бѣшенство, но видя, что императоръ покатывается со смѣху отъ этого грубаго фарса, разсмѣялась сама—и «вечеръ окончился очень весело, что рѣдко бываетъ въ Тюльери»—прибавляетъ Вьель-Кастель, хотя тутъ ничего не было особенно веселаго.

При началѣ имперіи, покушенія на жизнь Луи-Наполеона возобновлялись почти каждый годъ. Въ 1857 году, пытались захватить его у графини Кастильоне, къ которой онъ прѣзжалъ на свиданіе. Захвачено было человекъ двадцать, осудили на каторгу только пятерыхъ, такъ какъ не было явныхъ уликъ въ покушеніи на убійство. Въ слѣдующемъ году, произошло извѣстное покушеніе Орсини, бросившаго три бомбы въ карету императора, когда онъ подъѣзжалъ съ императрицей къ театру. Ранено было изъ свиты и публики до ста человекъ, но всѣ легко. Схватили и судили только четверыхъ итальянцевъ, да и то двое изъ нихъ были простыми орудіями преступленія; казнь была имъ замѣнена вѣчной каторгой. Орсини и Пъери были гильотинированы. Любопытно, что Евгенія употребляла всѣ усилія, чтобы выпросить помилованіе Орсини; она падала къ ногамъ Луи-Наполеона и съ рыданіями умоляла простить убійцу, повторяя, что «эта милость принесетъ счастье ея сыну». Напрасно посылали къ ней кардинала-архіепископа, который своимъ саномъ и своими сѣдыми волосами клялся ей, что казнь эта нужна въ интересъ человѣческаго общества. Напрасно новый министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ Леслинасъ, говорилъ ей съ грубостью солдата: «и о чемъ вы заботитесь? Оставьте насъ дѣлать наше ремесло и занимайтесь вашимъ. Хорошихъ дѣлъ настройте вы съ вашимъ милосердіемъ! Если вы къ несчастью выхлопочете помилованье Орсини—вамъ нельзя будетъ показаться на улицѣ, противъ васъ всѣ поднимутся». Но она стояла на своемъ и твердила, что Орсини превосходный патриотъ, что онъ хотѣлъ убить не императора французовъ, а друга австрійскаго императора, что къ убійству подвигнула Орсини экзальтація великодушнаго чувства: онъ страстно любилъ свободу и

энергически ненавидѣлъ притѣснителей своей страны. «Я очень хорошо помню, прибавляла она, ту ненависть, которую мы всѣ въ Испаніи чувствовали къ французамъ послѣ войны первой имперіи». Эта страстная защита убійцы ея мужа и государя не могла не показаться странною и не мало содѣйствовала охлажденію Луи-Наполеона къ своей эксцентричной супругѣ.

Впрочемъ, въ эту эпоху, понятія о нравственномъ чувствѣ, объ общественныхъ обязанностяхъ, о долгѣ совѣсти, о логическомъ критеріумѣ были до того извращены и спутаны, что самые чудовищные факты не казались аномаліею. Молодой журналистъ Ганри де-Пенъ, описывая въ «Фигаро» какой-то праздникъ сказалъ: «онъ былъ прекрасенъ, на немъ не было этихъ подпоручиковъ, которые стремятся къ буфетамъ и рвутъ своими шпорами дамскія платья». На другой же день автора завалили письмами, въ которыхъ эта фраза сочтена оскорбительною для военного званія и чести мундира. Можно осмѣивать сенаторовъ, министровъ, депутатовъ, даже священниковъ, но коснуться подпоручиковъ, этихъ опоръ современнаго общества — непростительное преступленіе. Между письмами были и такія, авторы которыхъ прямо вызывали на дуэль Пена. Онъ былъ молодъ, пылокъ, неробокъ—и принялъ всѣ вызовы. На другой день явилось слишкомъ много подпоручиковъ. Пенъ ранилъ своего противника, но его секундантъ Іеннъ потребовалъ, чтобы оскорбитель дрался съ нимъ. Секунданты Пена не соглашались на это, говоря, что онъ уже утомленъ, что ему предстоятъ еще дуэли завтра и послѣзавтра. Тогда Іеннъ нанесъ ударъ оскорбителю подпоручиковъ и тотъ принужденъ былъ скрестить свою шпагу съ новымъ противникомъ. На этотъ разъ судьба не благоприятствовала Пену и онъ упалъ раненый въ грудь. Недовольствуясь этимъ, Іеннъ прокололъ еще разъ шпагою упавшаго противника. Пенъ долго былъ между жизнью и смертью—его спасла только молодость и сильная натура. Но подпоручики долго еще не могли успокоиться, и вмѣстѣ съ ними даже такія лица, стоящія въ главѣ мирныхъ искусствъ, какъ директоръ луврскаго музея, тоже имѣвшій честь когда-то быть подпоручикомъ, говорили, что «Пенъ заслуживаетъ смерти, что всѣ офицеры должны драться съ нимъ, пока онъ останется на мѣстѣ и что въ столкновеніи между «канальями-журналистами и военными нечего и думать о томъ, чью сторону вьять». А каковы были военные того времени—свидѣтельствуется исторія. Не задолго до дуэли Пена, капитанъ Дуано былъ приговоренъ къ смерти за убійство арабскаго шейха, заманеннаго въ западню (императоръ помиловалъ убійцу); поручикъ Мерси также присужденъ къ смертной казни за то, что измѣннически убилъ офицера своего полка. Наконецъ Іеннъ, безчестнымъ образомъ поступившій съ Пеномъ, остался безнаказаннымъ. Даже такія звѣрскія преступленія, какъ убійство въ 1863 году въ Парижѣ подпо-

ручикою императорской гвардіи молодой прачки, наказывалось двадцатилѣтней каторгой, то-есть въ сорокъ лѣтъ съ небольшимъ убійца получалъ возможность продолжать рѣзать людей.

Таковы были нравы сословія, преобладаващаго во время имперіи. Выспіе представители его, пособники преступленія 2-го декабря, отличались распутною жизнью, не знали, какъ говорится, ни стыда, ни совѣсти, низшіе презрительно относились къ мирнымъ гражданамъ, къ буржуазіи, не хотѣли знать никакихъ законовъ, увѣренные въ своей безнаказанности и въ томъ, что во всякомъ столкновеніи со «статскими» мундиръ конечно, одержитъ верхъ. Страна, гдѣ правительство явно на сторонѣ милитаризма, никогда не достигнетъ полнаго гражданского и общественнаго развитія. Предпочтеніе одного сословія другому необходимо порождаетъ между ними антагонизмъ и нерасположеніе къ власти, допускающей неравенство правъ и обязанностей между двумя классами общества. Но еще болѣе, чѣмъ противъ военныхъ, вообще среднее сословіе въ Парижѣ было возбуждено противъ городскихъ сержантовъ, въ которыхъ простой народъ видѣлъ не только грубыхъ солдатъ, но и палачей. Ненависть къ нимъ объяснялась и тѣмъ, что почти всѣ они были корсиканцы и не имѣли никакихъ связей съ кореннымъ населеніемъ города. А между тѣмъ для нихъ содѣйствіе гражданъ было особенно необходимо, потому что число воровъ, мошенниковъ и разбойниковъ, никогда не было такъ велико въ Парижѣ, какъ въ эпоху второй имперіи. Но замѣчательно, что самые знаменитые воры того времени были англичане, убійцы — нѣмцы; настоящіе французы отличались больше на поприщѣ кражъ и всякаго рода обмановъ. Такъ, въ первое полугодіе 1862 года болѣе чѣмъ на 600,000 фальшивыхъ банковыхъ билетовъ было распространено во Франціи. Полиція была сильно озабочена такимъ изобиліемъ поддѣльныхъ ассигнацій, до того схожихъ съ настоящими, что въ нихъ ошибались даже банковскіе чиновники. Главнымъ сбытчикомъ такихъ билетовъ въ Парижѣ былъ землевладѣлецъ сенскаго департамента Жиро де-Гатебургъ. Онъ скрывался долгое время и попался только оттого, что имѣлъ неосторожность, пріѣзжая въ Парижъ для своихъ операцій, брать все одного и того же извозчика, стоявшаго со своимъ фіакромъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Онъ даже этому извозчику давалъ размѣнивать фальшивые билеты, и тотъ, хорошо помня своего сѣдока, привезъ его однажды прямо въ полицію. У этого помѣщика были два великолѣпные загородные дома и въ одномъ изъ нихъ, гдѣ онъ принималъ блестящій кругъ пріятелей, была устроена химическая лабораторія, гдѣ фабриковались поддѣльныя бумажки. Фальшиваго монетчика сослали въ Кайенну, вмѣстѣ съ его помощникомъ Понсе. Сообщники задумали бѣжать съ каторги, и Понсе въ оставленныхъ имъ «запискахъ» рассказываетъ довольно краснорѣчиво драматическія подробности

ихъ бѣгства. Чтобы выбраться изъ мѣста своего заключенія, они должны были убить надсмотрщика. Но и свобода въ лѣсахъ Гвіаны вела за собою всякаго рода страданія и опасности. Они должны были защищаться противъ дикихъ звѣрей, змѣй, насѣкомыхъ, крабовъ, даже противъ пауковъ съ куриное яйцо величиною, съ мохнатыми лапами въ шесть дюймовъ. Въ лѣсномъ пожарѣ они такъ сильно изранили себѣ ноги, что не могли идти дальше и упали въ изнеможеніи на горячую землю. Гатебурсъ, уже не первой молодости, не вынесъ этихъ страданій и умеръ отъ изнуренія силъ. Понсе нашли полумертвымъ у трупа его товарища и опять возвратили на каторгу, но онъ вторично бѣжалъ изъ Кайенны и на этотъ разъ ему удалось пробраться въ Парижъ черезъ Сѣверную Америку, Флориду и Лондонъ. Въ этомъ городѣ онъ свелъ знакомство съ 78-лѣтнимъ старикомъ Лаверномъ, нажившимъ порядочное состояніе въ Англии и возвращавшемся во Францію. Понсе втерся въ его довѣренность, поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и, въ октябрѣ 1865 года, по дорогѣ въ Парижъ убилъ Лаверна въ аржантейльскомъ лѣсу. На судѣ это было доказано неопровержимыми свидѣтельствами, но Понсе упорно отрицалъ свою виновность и взошелъ на эшафотъ 25-ти лѣтъ, твердя, что его напрасно обвиняютъ въ убійствѣ. Тоже самое онъ подтверждалъ въ своихъ «запискахъ», напечатанныхъ въ 1866 году. Понсе былъ настоящій типъ парижскаго гамена, наглаго, тщеславнаго, хвастливаго, испорченнаго до мозга костей, но все-таки, и въ этомъ классѣ закоренѣлые убійцы встрѣчались не часто. Злодѣй Тропшманъ, былъ альбасецъ; убійца своей тещи, казненный въ 1860 году, Альдеръ—нѣмецъ изъ Страсбурга. Въ то время какъ французскій убійца подъ топоромъ гильотины твердилъ о своей невинности, нѣмцы, послѣ самаго подлаго злодѣйства, выказывали самое приторное раскаяніе. Преступники англичане отличались циничностью своихъ признаній. Уличенный въ кражѣ на 250.000 фр. брилліантовъ у ювелира Фонтана Стюардъ, вмѣстѣ со своимъ сообщникомъ Джексономъ, отвѣтилъ: «мы были очень неловки; постараемся не попасться въ другой разъ». Виновникъ другой, еще болѣе замѣчательной кражи, о которой говорилъ весь Парижъ, англичанинъ Шау, держалъ себя еще наглѣе. Расскажемъ подробнѣе объ этомъ происшествіи, возбудившемъ всеобщіе толки.

Въ старинномъ, божонскомъ кварталѣ Парижа, вниманіе прохожихъ и сосѣдей привлекалъ домъ мрачной наружности, выкрашенный красною краскою; двери его съ трудомъ отворялись на массивныхъ ржавыхъ петляхъ; въ отдаленномъ уголку его обширнаго сада, въ навильонѣ итальянской архитектуры, также пестро и вычурно раскрашенномъ, жилъ владѣлецъ дома, такой же странный и крашенный, какъ и его зданіе. Это былъ когда-то владѣтельный государь небольшого нѣмецкаго герцогства, одинъ изъ послѣднихъ

жогикановъ, мелкихъ тирановъ, высасывавшихъ жизненные соки Германіи, уничтоженныхъ, хотя, къ сожалѣнію, и не вполне, ея объединеніемъ. Наполеонъ I, въ 1806 году, присоединилъ къ Вестфальскому королевству Брауншвейгское герцогство, послѣ того какъ герцогъ Карлъ-Вильгельмъ, служившій генераломъ въ прусской арміи, былъ убитъ въ сраженіи при Іенѣ. Сынъ его, Фридрихъ-Вильгельмъ, послѣ сраженія при Лейпцигѣ, овладѣлъ снова, въ декабрѣ 1813 года, своимъ наслѣдіемъ, но былъ также убитъ при Ватерлоо, оставивъ 11-ти-лѣтняго сына, Карла-Фридриха. Первые годы дѣтства, когда отецъ его былъ лишень своихъ владѣній послѣ Тильзитскаго мира, ребенокъ былъ увезенъ матерью въ Швецію, потомъ жилъ въ Карлсруэ и получилъ весьма ограниченное воспитаніе. Регентъ Англіи, Георгъ IV, ближайшій родственникъ и опекунъ молодого герцога, зная дурныя наклонности мальчика, не вручалъ ему правленія, пока онъ не достигъ 19-ти лѣтъ. Въ 1823 году, сдѣлавшись самодержавнымъ властелиномъ, молодой герцогъ поручилъ управленіе страной своему наставнику, а самъ отправился путешествовать по Италіи и Англіи, предаваясь самымъ грубымъ удовольствіямъ. Вернувшись, въ 1827 году, въ Брауншвейгъ, онъ началъ съ того, что ввелъ на своего наставника самыя тяжкія обвиненія по управленію, сначала въ безыменномъ пасквилѣ, потомъ въ официальномъ документѣ. Взявъ власть въ свои руки, онъ сталъ поступать какъ деспотъ, незнающій никакихъ границъ, нарушалъ основные законы, разогвалъ всѣ судебныя учрежденія, съ высшими сановниками обращался самымъ наглымъ и недостойнымъ образомъ, не позволяя государственнымъ чинамъ ни собираться, ни разсуждать, отвѣчалъ грубостью на всѣ представленія сосѣднихъ державъ. Потерявшіе терпѣніе, подданные подали на своего властителя жалобу германскому сейму, и даже этотъ строгій охранитель священныхъ правъ монарховъ нашелъ поступки герцога нарушающими всякія человѣческія права и потребовалъ его къ своему суду. Герцогъ и не подумалъ подчиниться сейму, но когда тотъ отправилъ въ Брауншвейгъ федеральныя войска, къ которымъ присоединилось населеніе страны, Карлъ-Фридрихъ бѣжалъ въ Бельгію, потомъ попробовалъ вернуться на престолъ и употребить насиліе, чтобы снова захватить власть. Но тогда и народъ отвѣчалъ насиліемъ. 7-го сентября 1830 года, въ Брауншвейгѣ вспыхнула революція. Народъ бросился на дворецъ и разгромилъ его. Герцогъ спасся только быстрымъ бѣгствомъ. Но, покидая неблагодарное отечество, онъ, не забывъ захватить съ собою, кромѣ значительныхъ суммъ, и всѣ бриліанты и драгоценности государства, оцененныя въ 15,300,000 франковъ. Напрасно семейный совѣтъ, провозгласившій низверженіе съ престола герцога и передавшій корону его брату, требовалъ неоднократно возвращенія коронныхъ бриліантовъ. Хорошо знавшій цѣну деньгамъ, бѣглець не склонялся ни на ка-

кля убѣжденія и, привезя свои драгоценности въ Парижъ, запряталъ ихъ въ домикѣ божонскаго квартала. Онъ не тратилъ ихъ на удовольствія, имѣя въ своемъ распоряженіи другіе капиталы, скопленные во время своего достославнаго царствованія, а наслаждался ими какъ Гарпагонъ, пересматривая и перебирая эти блестящія игрушки. Зная, однако, какъ на нихъ падео человѣчество, онъ хранилъ свое сокровище съ такими предосторожностями, что обратиться до него постороннему лицу было немислимо. Брилянты хранились въ спальнѣ герцога, за десятью замками и дверями, въ нишѣ, вдѣланной въ стѣну, отъ которой во всѣ стороны были проведены безчисленные колокольчики и электрическіе звонки. Особый механизмъ былъ соединенъ съ цѣлымъ рядомъ револьверовъ, которые пронизали бы пулями неосторожнаго, рѣшившагося дотронуться до шкатулки. Сдѣлавшись съ годами не только скупцомъ, но и грязнымъ скрягой, герцогъ не жалѣлъ денегъ только на изобрѣтенія механизмовъ по части охраненія своихъ сокровищъ, на взрывчатые мамины и хитрости слесарнаго искусства. Онъ тратилъ свои капиталы только на это, да на уплату полицейскимъ шпионамъ и сыщикамъ, которые должны были охранять его самого и его сокровища отъ злоумышленниковъ. И охрана этого сумрачнаго старика (во время имперіи ему было уже 60 лѣтъ) полиціи стоила большаго труда, чѣмъ охрана самого императора. Не желая имѣть никакихъ сношеній съ своими нѣмецкими соотчичами, которые всѣ, и не безъ причины, презирали и избѣгали его, онъ бралъ прислугу изъ французовъ и англичанъ, и за нею полиціи приходилось слѣдить неусыпно, такъ какъ сокровища герцога соблазняли всѣхъ знаменитыхъ воровъ и многіе изъ нихъ не разъ пробовали попользоваться хоть частичкою его богатствъ. Попытки эти, однако, не удавались, благодаря предосторожностямъ, принятымъ самимъ герцогомъ и полиціею. Не разъ, однако, его привлекали къ суду и интриганты и честные люди, съ которыми онъ дурно поступалъ. Такъ, какая-то авантюристка вытянула у него довольно крупную сумму, предъявивъ сомнительныя доказательства въ томъ, что она его побочная дочь. Герцогъ не захотѣлъ тянуть по судебнымъ инстанціямъ это дѣло и уплатилъ чтó съ него требовали. Въ другой разъ, одинъ бѣднякъ долженъ былъ прибѣгнуть къ суду, чтобы получить съ герцога плату за составленіе инвентаря его имущества и драгоценностей. Скряга оттягивалъ и обрѣзывалъ сколько могъ эту незначительную плату за долгій трудъ. Приходилось защищать герцога и отъ депомѣрныхъ претензій разныхъ бульварныхъ нимфъ, съ которыми онъ, не смотря на свои лѣта, входилъ въ интимныя сношенія. Часто видѣли его въ маленькихъ театрахъ, въ бенуарахъ съ рѣшетками, съ какоюнибудь дамою изъ четверти-свѣта (знакомство съ героинями полу-свѣта скупецъ находилъ слишкомъ дорогимъ). Скрытый въ глу-

бинѣ ложи, въ сосѣдствѣ съ своимъ мажордомомъ, герцогъ сидѣлъ неподвижно; ни одинъ мускулъ не шевелился на подкрапленномъ лицѣ этого старика, худого, какъ скелетъ, въ которомъ все было фальшиво: парикъ, бакенбарды, зубы, румянецъ на щекахъ. Всѣ движенія его были размѣрены, автоматичны; взглядъ безцвѣтныхъ глазъ холодный, подозрительный, отталкивающий; голосъ глухой, неприятный.

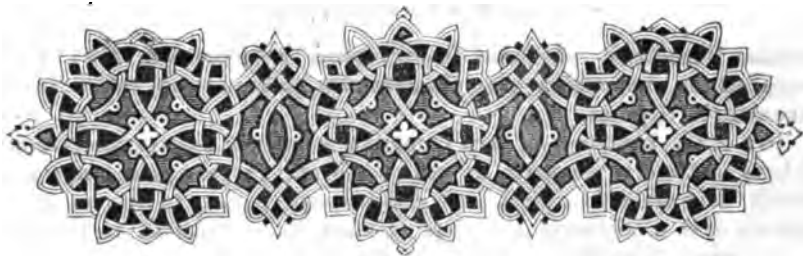
И этотъ презрѣнный человѣкъ, ограбившій свое государство и принимавшій такія предосторожности, чтобы сохранить коронныя драгоценности, былъ, въ свою очередь, ограбленъ ловкимъ мошенникомъ, нью-кастльскимъ уроженцемъ, Генрихомъ Шау. Этотъ англичанинъ, опредѣлившійся къ нему лакеемъ, въ нѣсколько лѣтъ приобрѣлъ полную довѣренность своего господина и сдѣлался необходимымъ для него лицомъ. Долго изучалъ онъ всѣ привычки, наклонности, странности герцога, вполнѣ свыкъся съ порядками его хозяйства, зналъ каждый уголокъ въ саду, каждую западную въ домѣ, каждую машину, каждое приспособленіе къ охранѣ сокровищъ—и убѣдился, что похищеніе можно совершить только, когда герцогъ, по забывчивости или разсѣянности, не запретъ своей шкатулки, секретъ которой зналъ только онъ самъ. Тогда, съ терпѣніемъ дикаря, слѣдящаго по годамъ за своей жертвой, англичанинъ сталъ выжидать счастливаго случая, всякій день готовясь къ кражѣ и побѣгу. 7-го декабря 1863 года, герцогъ ждалъ своего ювелира, которому хотѣлъ отдать сдѣлать новую оправу къ нѣкоторымъ драгоценнымъ камнямъ. Для этого онъ отстранилъ весь аппаратъ револьверовъ и звонковъ отъ шкатулки и перебиралъ свои сокровища, когда Шау доложилъ, что его приглашаетъ префектъ полиціи по одному спѣшному дѣлу. Герцогъ, не устанавливая на мѣсто аппарата, и рассчитывая тотчасъ же вернуться, заперъ только дверцы въ нишу, гдѣ стояла шкатулка, потомъ дверь въ спальню и, выйдя съ лакеемъ въ пріемную комнату, поручилъ сказать ювелиру, чтобы тотъ подождалъ его возвращенія изъ префектуры. Затѣмъ онъ уѣхалъ—и Шау, не теряя ни минуты, принялся приводить въ исполненіе давно подготовленный планъ. Валомъ въ дверь спальни, потомъ дверцы ниши, онъ быстро нагрузилъ брилліантами, кольцами, мѣшками съ золотомъ свои карманы, уложилъ все это у себя въ саквояжъ, и отправился на желѣзную дорогу, поручивъ другому лакею дожидаться возвращенія господина и сказать ему, что Шау внезапно захворалъ и лежитъ въ своей комнатѣ. Герцогъ дѣйствительно незамедлительно вернулся и, узнавъ о болѣзни Шау, самъ отправился къ вѣрному служителю. Комната его была, однако, заперта и на стукъ не было отвѣта. Опасаясь, что Шау въ обморокъ, герцогъ приказалъ валомъ замокъ, — комната оказалась пуста и царствовавшій въ ней беспорядокъ доказывалъ бѣгство жильца. Найдя затѣмъ валоманною дверь спальни и шкатулку,

герцогъ тотчасъ увидѣлъ, что у него похищено деньгами и бриллиантами на два милліона франковъ. Немедленно подалъ онъ жалобу въ полицію. Похититель, по всей вѣроятности, долженъ былъ бѣжать по дорогѣ въ Лондонъ. Въ приморскіе города были посланы фотографіи бѣжавшаго и надежные агенты во всѣ гостиницы. Вскорѣ же изъ Булони, откуда пароходъ отходитъ въ Фолькстонъ, привезли вора, захваченнаго съ его бриллиантами и деньгами, изъ которыхъ онъ успѣлъ истратить сто тысячъ. Герцогъ не явился на судъ какъ свидѣтель, опасаясь скандальныхъ обличеній лакея, а прислалъ своего адъютанта. Шау держалъ себя нагло, отвѣчалъ дерзко на вопросы. Когда президентъ спросилъ его, зачѣмъ онъ далъ полторы тысячи франковъ проституткѣ, у которой переночевалъ послѣ кражи, лакей отвѣчалъ: «вѣдь не всякій день получаешь два милліона». На вопросъ, куда онъ дѣвалъ недостающія сто тысячъ, былъ данъ отвѣтъ: «я, вѣрно, уронилъ ихъ въ комнату, гдѣ ночевалъ и полѣнился поднять». Потомъ, подумавъ, онъ сказалъ, что назоветъ того, кому передалъ эти деньги, если лицо это не позовутъ къ отвѣту. — Вы требуете невозможнаго! замѣтилъ президентъ. — Не могу судить объ этомъ! иронически отвѣтилъ Шау. Его проговорили къ двадцатилѣтней каторгѣ, но такъ и не нашли ста тысячъ, а герцогъ Брауншвейгскій не требовалъ возвращенія и разысканія этой суммы. Герцогъ умеръ въ Женевѣ, въ 1873 году, не переставая просить у своей родственницы, королевы Викторіи, чтобы она помогла ему снова занять потерянный имъ тронъ, и въ 1868 году, когда другой его родственникъ, король Ганноверскій, протестовалъ противъ лишенія его престола Пруссією, герцогъ Брауншвейгскій тоже обнародовалъ манифестъ о незаконномъ низверженіи его съ престола тридцать восемь лѣтъ тому назадъ. Видя, однако, что никто и не думаетъ о возвращеніи ему короны, герцогъ умирая завѣщалъ, въ пику Брауншвейгскому герцогству, всѣ свои сокровища—швейцарской республикѣ. Бриллианты его были проданы, въ пользу Женевы, съ публичнаго торга, за сумму, превысившую на двѣсти тысячъ франковъ ихъ первоначальную оцѣнку, но царствующему Брауншвейгскому герцогу удалось изъ завѣщанія покойнаго брата получить нѣкоторыя государственныя драгоценности.

А заговоры противъ Луи-Наполеона не прекращались, не смотря на неудачу покушеній. Черезъ пять лѣтъ послѣ казни Орсини, у театра Большой оперы были схвачены четыре итальянца съ усовершенствованными бомбами, которыя они приготовлялись бросить въ залу театра. Заговоръ составлялся, какъ всегда, въ Лондонѣ, подъ руководствомъ Мадзини; главою его былъ Паскуале Греко, студентъ медицины и учитель музыки. Онъ игралъ на гитарѣ у ногъ своей возлюбленной и въ то же время получалъ бомбы отъ Мадзини и крупныя суммы, на которыя жилъ роскошно, удѣляя

изъ нихъ крупницы своимъ сообщникамъ: Трабуко, тоже хорошо игравшему на охотничьемъ рожкѣ, литографу Императори и студенту Скальони—слѣднымъ орудіямъ главы заговора. Полиція давно слѣдила за заговорщиками и знала по перекрѣченнымъ, хотя и шифрованнымъ письмамъ, что они должны были взять въ четверомъ ряду ложу противъ императорской и оттуда бросить свои бомбы въ Луи-Наполеона, а потомъ, воспользовавшись возникшимъ смятеніемъ, спастись, защищаясь отравленными кинжалами. Бомбы и кинжалы найдены были при нихъ, въ ихъ квартирѣ. Не смотря на явные доказательства преступнаго намѣренія, но, основываясь на томъ, что заговорщики могли отказаться отъ него въ минуту его исполненія—ихъ присудили только къ отправленію на каторжную работу въ Кайенну. Греко продолжалъ играть на гитарѣ и въ Кайеннѣ, а Трабуко, на вопросъ президента, не желаетъ ли онъ заявить о какомъ нибудь требованіи, сказалъ: «пусть мнѣ возвратятъ мой охотничій рогъ!» Это покушеніе доказало Луи-Наполеону, что Италия не примирилась съ нимъ, хотя онъ и помогъ Виктору Эммануилу освободить часть ея отъ власти австрійцевъ и туземныхъ герцоговъ. Испугавшись возрастающей силы объединеннаго государства, императоръ французовъ остановился, какъ извѣстно, на подорогѣ, заключивъ миръ, по которому оставилъ Австріи Венецію, не выводя изъ Рима французскія войска. Все это еще болѣе раздражило итальянцевъ. На пути освобожденія, всякія попытки не только вернуться назадъ, но и остановить либеральное движеніе могутъ быть пагубны для освободителя. Поэтому, освободителю Италиі грозили новыя покушенія со стороны Мадзини, недовольствовавшагося неполною свободою своего отечества. Руководитель революціоннымъ движеніемъ Италиі имѣлъ еще и личныя причины не довѣрять Луи-Наполеону. Въ 1830 году они были вмѣстѣ членами общества карбонаріевъ и клялись уничтожить всѣ троны въ Европѣ; потомъ Мадзини присылалъ своему товарищу средства, помогшія ему бѣжать изъ крѣпости Гамъ. Но когда бывшіе карбонари, вмѣстѣ разрушенія троновъ, воздвигнуль новый тронъ, захватилъ верховную власть во Франціи и не заботился нисколько объ освобожденіи Италиі, старый заговорщикъ началъ подсылать убійцъ къ императору французовъ, который, для собственной безопасности, долженъ былъ сдѣлать что нибудь для Италиі. Но не довершивъ начатаго дѣла, онъ, естественно, долженъ былъ возбудить противъ себя еще больше вражды и неприязни.

В. Зотовъ.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. „Слово и Дѣло“ 1700—1725. М. И. Семеваго. Спб. 1884.

В ПРОДОЛЖЕНІЕ послѣднихъ тринадцати лѣтъ г. Семеваго успѣлъ составить себѣ извѣстность какъ опытный редакторъ историческаго журнала «Русская Старина», весьма распространеннаго среди читающей русской публики и давшаго на своихъ страницахъ не мало важныхъ и любопытныхъ историческихъ матеріаловъ. Г. Семеваго приступилъ къ такой трудной работѣ, какъ изданіе у насъ историческаго журнала, — и при томъ затрогивающаго иногда почти-что современные вопросы — не новичкомъ по части исторической литературы. Онъ, выражаясь образно — едва-ли не первый сталъ жать новую полосу на почвѣ нашей исторической науки. Историческіе труды его, которые теперь появились въ видѣ особаго сборника, имѣютъ за собою слишкомъ двадцати-лѣтнюю давность, такъ какъ они относятся къ 1860—1862 годамъ.

Мы сказали, что г. Семеваго началъ жать новую полосу на нивѣ нашей отечественной исторіи и замѣчаніе это будетъ вполне вѣрно, если мы добавимъ, что первые труды г. Семеваго представляли обнародованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обдѣлку, архивныхъ документовъ, и притомъ такихъ, которые относились къ вѣкогда столь грозному и таинственному учрежденію, какимъ представлялась, да и на самомъ дѣлѣ была, «Тайная ровыскихъ дѣлъ канцелярія» времени Петра I. Документы этого инквизиціоннаго судилища, или точнѣе сказать, собственно только расправы — въ которой законы къ дѣламъ почти не примѣнялись, а дѣйствовало только личное усмотрѣніе начальника канцеляріи—хранившіеся болѣе ста лѣтъ въ Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ, были переданы, по волѣ императора

Николая Павловича, въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ и такъ разобраны по карточкамъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ графа Дмитрія Николаевича Влудова.

Отъ этихъ матеріаловъ, отъ которыхъ несло уже залежалом старинномъ повѣяло свѣжестію новизны въ той обработкѣ, какую придаѣть имъ г. Семеновскій, постаравшійся обработать сокровенныя прежде бумаги въ литературномъ видѣ и обставить ихъ тѣми данными, какія нашлись тогда относительно эпохи Петра Великаго въ исторической литературѣ, какъ русской, такъ и иностранной. Безъ такой работы надъ этимъ матеріаломъ онъ былъ бы не только и скученъ и мало понятенъ, но просто-на-просто оказался бы неудобнымъ для чтенія.

— Тогдашняя наша печать встрѣтила радушно первыя пронаведенія г. Семеновскаго, и такъ какъ въ ту пору у насъ не существовало особыхъ историческихъ журналовъ, которые могли бы помѣщать у себя архивные документы въ такой обработкѣ, какую придавалъ имъ г. Семеновскій, то первыя труды его очень охотно помѣщались въ тогдашнихъ литературно-ученыхъ общихъ русскихъ журналахъ, какъ-то въ «Отечественныхъ Запискахъ» А. А. Краевского, «Времени» М. М. и Ф. М. Достоевскихъ, «Свѣточѣ» Д. И. Баллиновскаго и А. П. Милюкова, «Вѣкѣ», А. В. Дружинина, К. Д. Кавелина, и П. И. Вейнберга, «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. Ф. Корша, «Русской Рѣчи» г-жи Евгеніи Туръ; «Иллюстраціи» г. Ваумана и другихъ лучшихъ журналахъ.

Заговоривъ о литературно-журнальной дѣятельности г. Семеновскаго, нельзя обойти молчаніемъ и то, что онъ, какъ человекъ, понимающій значение литературно-историческихъ справокъ, которыя приходится у насъ собирать съ большими затрудненіями—счелъ нужнымъ, къ заданнымъ имъ нынѣ своимъ первоначальнымъ трудамъ, приложить роспись своихъ «историческихъ и историко-литературныхъ» статей и изданій вообще съ 1856 по 1884 годъ, такъ что онъ самъ отдалъ публикѣ отчетъ о своей литературной дѣятельности, уже три года какъ вступившей во вторую четверть столѣтія со времени ея возникновенія. Изъ упомянутой росписи видно, что дѣятельность г. Семеновскаго была чрезвычайно разнообразная, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и весьма плодотворная въ области отечественной нашей исторіи. Такъ, онъ занимался описаніемъ и изученіемъ юридическихъ актовъ XVII и XVIII столѣтій и равными сообщеніями въ учено-историческіе журналы; отерылъ и надаѣлъ подлинное современное описаніе «Кожуховскаго похода» 1694 года, надаѣлъ подъ своею редакціею «Дневникъ Корба» и «Описаніе состоянія Россіи при Петрѣ Великомъ», сочиненное капитаномъ Джономъ Перри. Написалъ статьи «Царица Авдотья Федоровна Лопухина», «Кормилица царевича Алексѣя Петровича», «Даревичъ Алексѣй Петровичъ», «Семеновство Московъ» и «Царица Прасковья».

Труды г. Семеновскаго коснулись и послѣдовавшихъ по смерти Петра Великаго царствованій. Они относятся къ царствованіямъ Анны Ивановны и Елизаветы Петровны; изъ этого послѣдняго подробно разработаны г. Семеновскимъ случаи, относящіяся къ печальной судьбѣ «Статсъ-дамы Наталіи Федоровны Лопухиной», и къ войнѣ Россіи съ Пруссіею. Далѣе г. Семеновскій написалъ монографію: «Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи» приходящіяся собственно на царствованіе императора Петра III. Царствованіемъ Екатерины II и Царя I г. Семеновскій посвятилъ не много изъ своей дѣятельности

но за то, въ противоположность этому, онъ усердно занялся обработкою нѣкоторыхъ явленій и эпизодовъ изъ временъ Александра I и Николая I.

Въ длинной росписи трудовъ г. Семевского встрѣчаются также статьи историческо-статистическія и этнографическія, очерки и матеріалы по исторіи русской литературы, а также статьи по педагогикѣ и исторіи общественнаго образованія и, наконецъ, замѣтки и критическіе очерки. Понятно, впрочемъ, что мы не можемъ здѣсь не только входить въ критическую оцѣнку всѣхъ этихъ сочиненій, но даже и исчислять ихъ въ простомъ только перечнѣ. Вообще же замѣтимъ, что г. Семевскій принадлежитъ къ числу тѣхъ заслуженныхъ дѣятелей, которые сдѣлали весьма замѣтный, а отчасти и весьма цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу какъ своими трудами, такъ и подготовкою нужныхъ для того источниковъ.

Издательская дѣятельность г. Семевского также весьма замѣтна. Не говоря уже о «Русской Старинѣ», имъ были предприняты нѣкоторые отдѣльные изданія, представляющія особый или историческій или бытовой интересъ какъ-то: «Записки Добрынина», «Записки Порошина», «Записки Волотова» и «Записки князя Якова Шаховскаго», а также «Русская родословная книга», 2 тома, въ редакціи которой принималъ равное съ нимъ участіе бывший товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, а нынѣ русскій посолъ въ Вѣнѣ, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, извѣстный любитель и знатокъ русской исторіи, особенно исторіи прошлаго столѣтія.

Желаніе наше представить научно-историческіе труды г. Семевского, вообще, отвлекло насъ на нѣкоторое время отъ того особаго изданія, которое вызвало настоящей общій очеркъ его двадцати-восьми-лѣтней литературной дѣятельности.

Книга, о которой теперь идетъ у насъ рѣчь, заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи г. Семевского: «Тайная канцелярія при Петрѣ Великомъ», «Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста», «Камеръ-фрейлина Гамильтонъ», «Петръ I какъ юмористъ» и «Покушеніе на жизнь Петра».

Въ названныхъ очеркахъ и разсказахъ г. Семевского, относящихся къ царствованію Петра I, внѣшнія событія этого царствованія вовсе не затрогиваются, но это-то самое и придаетъ своеобразность его сборнику, особенно если сообразить, что тѣ статьи, которыя входятъ въ его составъ, были написаны въ ту пору, когда собственно бытовой исторіи у насъ не было еще въ зачаткѣ, а выступали только въ болѣе или менѣе блестящей обстановкѣ строго-историческія личности. Тогда, какъ казалось, въ историческихъ нашихъ бытописаніяхъ совершенно былъ неумѣстенъ какой-то старецъ Антоній. Неумѣстнымъ казалась тогда и брань «вельми шумнаго подъячago», зазорные разсказы школяровъ, т. е. представителей тогдашней учащейся молодежи и т. д. Между тѣмъ г. Семевскій именно и нарисовалъ такія, чуждыя еще нашей исторіи бытовыя картинки, въ которыхъ проявились духъ и складъ народной жизни и самобытныя умосоверзанія русскихъ людей, а также и такія черты, которыя хотя и не составляютъ сами по себѣ историческіе факторы, но которыя въ общей своей совокупности даютъ о той или другой исторической эпохѣ гораздо болѣе наглядное понятіе, нежели отвлеченные о ней отзывы въ общихъ, хотя бы и самыхъ краснорѣчивыхъ разглагольствованіяхъ.

Читая статьи г. Семевского, приходится, вслѣдствіе самаго ихъ содержанія, всего чаще бывать въ тайной канцеляріи, о дѣятельности которой очень легко составить себѣ самыя отчетливыя понятія по книгѣ г. Семевского, и

изъ обстоятельствъ производившихся въ ней дѣлъ ознакомиться съ тогдашними взглядами какъ правившихъ, такъ и управляемыхъ лицъ. Здѣсь прежде всего поражаетъ та легкость, съ какою даже самыя сдержанные, но случайно только проболтавшіеся или очень часто неповинно-оговоренные люди попадали въ пытку и терпѣлія—такъ-себѣ, ни за что, ни про что—страшныя испытанія, оканчивавшіяся то мучительною смертію, то искалечиваніемъ на всю жизнь. Въ книгѣ г. Семевского можно встрѣтить самыя подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ въ ту пору мучили людей, стараясь добиться правдивыхъ отъ нихъ показаній, и съ какими недоувѣріемъ принимались даже такія показанія, въ чистосердечности которыхъ, казалось, не могло быть никакого сомнѣнія для тѣхъ, кто производилъ розыски и пытку.

Съ наибольшимъ интересомъ изъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ прочтется, какъ мы полагаемъ, статья о «Камеръ-фрейлинѣ Маріи Даниловнѣ Гамилтонъ». О казни этой несчастной полудѣвicy г. Семевскій собралъ такія данныя, которыя уничтожаютъ въ концѣ мнѣнія лѣстивыхъ историковъ Петра, желавшихъ представить казнь фрейлины, какъ примѣръ нелицепріятія великаго монарха въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о справедливомъ воздаяніи за злодѣяніе, нарушившее законы божескіе и человѣческіе. Если эта статья представляется занимательною и по ея изложенію, и по ея содержанію, то вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣетъ и научно-поучительное значеніе, показывая то, какъ мало слѣдуетъ вѣрить хвалебнымъ отзывамъ такихъ бытописателей, которые во что бы-то ни стало хотятъ настаивать на однажды высказанномъ ими мнѣніи о величій души какого либо избраннаго ими героя.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста», г. Семевскій взялъ, между прочимъ, на себя разрѣшеніе довольно важной задачи, а именно: прослѣдить «образованіе» безвѣстно проживавшаго въ городѣ Тамбовѣ дѣячка Степана Выморкова, какъ одного изъ враговъ преобразованій Петра Великаго или, говоря иначе, г. Семевскій пожелалъ прослѣдить вліяніе тѣхъ ученій, которыя заставили Выморкова призвать въ русскомъ государѣ ни кого иного, какъ самого антихриста. Г. Семевскій подробно указываетъ на то, какъ Выморковъ почерпалъ изъ книгъ свѣдѣнія, уподоблявшія Петра антихристу и затѣмъ по слѣдственному дѣлу, а не по догадкамъ г. Семевского, Выморковъ оказывается какъ бы основателемъ ученія о томъ, что императоръ Петръ долженъ считаться антихристомъ. Дѣло въ томъ, однако, что ученіе о господствѣ антихриста вызвано было собственно не преобразованіями Петра, а церковнымъ расколомъ. Еще до Петра о явленіи антихриста проповѣдывали расколо-учители. Такъ, протопопъ Аввакумъ и боярыня Морозова не хотѣли поддаться представителямъ антихриста, подразумѣвая подъ послѣднимъ царя Алексѣя. Еще старо-московскихъ ратныхъ людей, хотя и съ бородами, отправлявшихся въ дебри преслѣдовать раскольниковъ, эти послѣдніе называютъ слугами антихриста. Бритые борода при Петрѣ только добавило и утвердило вѣрованіе народа въ пришествіе антихриста, являясь видимою его печатью. Такое же значеніе имѣло въ послѣдствіи среди раскольниковъ и прививаніе оспы. Впрочемъ и самъ Выморковъ считалъ Петра сначала только предтечею антихриста, т. е. не шель далѣе того, что говорили раскольники еще до него, видя между прочимъ предтечу антихриста и въ патріархѣ Никовѣ.

Дальнѣйшія похожденія Выморкова, постигшагося сперва въ монахи, а

потомъ поступившаго въ Законодательную академію, очень любопытны тѣмъ болѣе, что г. Семеновскій обставилъ ихъ условіями тогдашняго монашескаго быта. Но мы не имѣемъ возможности вдаваться въ эти подробности. Скажемъ только, что при Екатеринѣ I разстриженный Степанъ Выморковъ попалъ въ тайную канцелярію за хулу на покойнаго императора, и дѣло окончилось тѣмъ, что 14-го ноября 1726 года ему, въ Петербургѣ, отсѣкли голову, положили ее въ спиртъ и гвардіи сержантъ отвезъ ее въ Тамбовъ «для публики», т. е. для выставки ея на каменномъ столбѣ на показъ народу съ прибитіемъ къ столбу объявленія, въ которомъ описывались вѣны Выморкова.

Не лишена своеобразнаго интереса и небольшая статья подъ заглавіемъ, по правдѣ сказать, очень не точнымъ, «Петръ Великій въ его снахъ», въ 1714—1719 годахъ. Въ этой статьѣ г. Семеновскій напечаталъ собственно рядъ замѣтокъ Петра о видѣнныхъ имъ снахъ. Оказывается, что Петру снились: корабль въ зеленыхъ флагахъ; левъ да бобръ, орелъ, крокодилы, драконы и невиданные звѣри; что онъ во снѣ ходилъ по берегу волновавшейся рѣки, въ которой убывала вода. Видѣлись ему и очень нелѣпные сны. Такъ, ему однажды снилось, что онъ взбирался на башню на сдѣланныхъ имъ лыжахъ, видѣлъ онъ во снѣ турокъ, у которыхъ на барабанахъ былъ жемчугъ. Не мало было у него сновъ и по морской части. Записано было также нѣсколько сновъ и Екатерины Алексѣевны. Ей, напримѣръ, снилось, что сильный вѣтеръ поднимаетъ у женщинъ юбки на головы, а также снилось нѣсколько разъ, что вокругъ ея кричали какое-то загадочное слово: «сальдорееъ». Снились ей и бѣлые медвѣди и какіе-то звѣри со свѣчами въ лапахъ.

Предпослѣдняя изъ статей сборника озаглавлена: «Петръ Великій какъ юмористъ». Въ статьѣ этой заключается нѣсколько небольшихъ отдѣльныхъ рассказовъ о насмѣшкахъ Петра надъ папствомъ, о «маншарадахъ», о толкованіи имъ заповѣдей, а также разсужденія о ханжествѣ и лицемеріи.

Рассказы г. Семеновскаго заключаются замѣшествованнымъ у извѣстнаго профессора Штелина рассказомъ о покушеніи въ 1720 году раскольника на жизнь Петра, но рассказъ этотъ не представляетъ надлежащей исторической достовѣрности.

Въ заключеніе скажемъ, что статьи г. Семеновскаго, не имѣя строго-научнаго значенія, тѣмъ не менѣе представляютъ для того времени, когда онѣ были написаны, почтенный историческо-бытовой трудъ, а теперь могутъ быть прочтены очень легко и охотно.

К. Н. В.

Н. Любвицъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антиринитаріи (по неизданнымъ источникамъ). Варшава, 1883 г.

Монографія эта, написанная доцентомъ по кафедрѣ исторіи въ Варшавскомъ университетѣ, составляетъ лишь первую половину обстоятельнаго труда, второй томъ котораго, по словамъ предисловія, долженъ появиться въ непродолжительномъ времени. Раздѣльнымъ пунктомъ между частями изслѣдованія служитъ Петровскій сеймъ 1562—63 годовъ, когда польская реформація достигла высшей степени развитія, а предметомъ перваго тома—причины появленія въ малой Польшѣ реформаціи, замѣчательно быстрое развитіе новаго и начало внутренняго его разложенія на польской почвѣ, которое со-

вершилось также до того быстро, что спустя два столѣтія, въ эпоху невѣрія, Польша считалась даже оплотомъ католицизма.

Наиболѣе интересную часть книги составляютъ тѣ ея страницы, гдѣ авторъ рисуетъ происхожденіе и первые шаги развитія въ Польшѣ кальвинистскихъ идей, находя объясненіе своеобразному развитію польской реформации въ состояніи тогдашняго польскаго общества. Впрочемъ, картинѣ общественнаго быта въ странѣ посвящено сравнительно очень мало мѣста. Авторъ видитъ причину реформации въ шляхтѣ, въ ея экономическомъ положеніи, въ отношеніяхъ къ духовенству, съ которымъ шляхта вела борьбу цѣлыя полтора столѣтія до реформации. Общій характеръ объясненій автора таковъ, что съ теченіемъ этой—чисто свѣтскаго характера—борьбы, борьбы за преобладаніе и богатство между шляхтой и духовенствомъ, вдругъ явилось для первой подходящее средство борьбы, которымъ она и воспользовалась. «Вдругъ въ западной Европѣ появляется движеніе, за которое стоитъ только ухватиться, и оно дастъ орудіе для побѣдоноснаго выхода изъ борьбы съ духовенствомъ. Дѣйствительно, польская шляхта и въ незначительной степени высшіе слои городского сословія, и притомъ, по большей части, иноземнаго происхожденія, примкнули къ этому движенію».

Конечно, могла быть и такая сторона въ числѣ причинъ быстрого появленія и усиленія польской реформации, но едва ли справедливо приписывать политическимъ причинамъ столь преобладающее значеніе, какъ это представлено въ изслѣдованіи г. Любовича. Самая быстрота развитія реформации въ Польшѣ показываетъ, что тамъ существовала уже подготовленная къ тому почва, что были причины внутреннія, къ которымъ лишь прибавкою послужили чисто политическія, партійныя соображенія, отыскивавшія всюду подходящее оружіе въ своихъ частныхъ счетахъ. Между тѣмъ, этимъ кореннымъ причинамъ столь своеобразнаго явленія, какъ польская реформация, въ изслѣдованіи г. Любовича отводится незначительное и подчиненное мѣсто. Такъ, очень мало выяснено въ книгѣ значеніе гуманистическаго движенія по отношенію къ умамъ поляковъ XV и XVI столѣтій, хотя мимоходомъ упомянуто, что «Польша не была чужда умственной жизни западной Европы того времени». Мало того, что шляхта отдавала своихъ дѣтей въ германскіе и итальянскіе университеты и даже, по словамъ книги, выбирала по преимуществу тѣ изъ нихъ, которые были очагами гуманизма, но и въ самомъ сердцѣ Польши, въ Краковѣ, университетъ въ то время занималъ выдающееся положеніе. Въ Краковѣ же образовался кружокъ нѣкоего Яна Тругесцаго, богатаго чловека, который самъ увлекся религіозною борьбою, происходившею на западѣ, и собиралъ около себя людей, сочувствовавшихъ религіозной реформѣ. Итальянскіе и германскіе гуманисты, при посѣщеніи Польши, встрѣчали живое сочувствіе своимъ идеямъ. Уже одни эти данныя показываютъ, что польская реформация не составляла только продолженія политической борьбы шляхты съ духовенствомъ. Правда, авторъ не находитъ нигдѣ подтвержденія тому, чтобъ «гуманистическія занятія въ Польшѣ были обращены на религіозныя цѣли»; тамъ больше интересовались классическими авторами, старались писать блестящимъ латинскимъ стилемъ. Но можно ли допустить, чтобъ образованные поляки, сочувственно встрѣчавшіе у себя итальянскихъ гуманистовъ, выбиравшіе для воспитанія своихъ дѣтей «очаги» гуманистическаго движенія, не шли дальше стили при изученіи писателей древности. Проявленіе духа эпохи возрожденія къ религіознымъ (или прежде всего къ церковнымъ)

цѣлямъ должно было явиться само собой, въ силу внутренней логичности того новаго міросозерцанія, какое велъ за собою гуманизмъ. Притомъ же поляки того времени, въ противоположность своимъ потомкамъ, не отличались большою религіозностью, хотя по свидѣтельству г. Любовича, и не дошли до индеферентизма въ религіи. Шляхта проявляла равнодушіе къ такому, наприимѣръ, немаловажному для своего времени духовному оружію, какъ отлученіе отъ церкви, не подчинялась духовному суду, не выполняла обязанностей по отношенію къ церкви. Короче, почва была готова именно для антицерковнаго движенія, при чемъ догматы оставались пока нетронутыми.

Была еще сторона, обыкновенно ведущая къ религіознымъ возмущеніямъ и расколамъ, но въ данномъ случаѣ будто бы игравшая, по мнѣнію автора, подчиненную роль. Это—испорченность польскаго духовенства, которое, къ тому же, поставлено было фактически довольно независимо отъ Рима. По разнымъ даннымъ, упоминаемымъ въ книгѣ г. Любовича, видно, однакожь, что это обстоятельство далеко не было второстепеннымъ. Само собою разумѣется, что духовенство хотѣло «оторвать польское общество отъ единенія съ умственной жизнью западной Европы». Но мы видимъ еще «безнравственность духовенства, корыстолюбіе, вымогательства и злоупотребленія церковными отлученіями». Духъ наживы, спекуляція церковными деньгами проявлялись даже среди сельскихъ пастырей. Люди, энергически стоявшие за неприкосновенность католицизма, какъ религіи, духовные капитулы порицали злоупотребленія духовенства и апатичное отношеніе къ этому и вообще къ интересамъ церкви со стороны епископовъ. Какъ сенатъ, такъ и самъ король Сигизмундъ-Августъ не были на сторонѣ католическаго духовенства; король открыто высказывался за реформы въ церкви. Обособившись до известной степени отъ Рима, тогдашнее польское духовенство не завязало прочныхъ узъ и съ совѣстью своей паствы, за исключеніемъ развѣ крестьянъ.

Обстоятельства выручили польскій католицизмъ. Отсутствие способныхъ вождей у польскихъ кальвинистовъ (кромя Ласкаго), продолжительныя неурядицы въ ихъ средѣ, неимѣніе прочной организаціи, неумѣнье сойтись съ демократическою сектою «братьевъ чешскихъ», а больше всего раздоры изъ-за догмата, появленіе антиринитаріевъ (аріанъ), которые отвергали божественность втораго и третьяго лицъ Св. Троицы, — все это подорвало не окрѣпшіи еще польскій кальвинизмъ и дало возможность католической церкви собраться съ силами, призвать новыхъ бойцовъ на свою защиту.

Упадокъ протестантства въ Польшѣ авторъ рисуетъ въ слѣдующемъ томѣ. Желательно, чтобъ онъ не ограничивался одною малою Польшею, а обрисовалъ движеніе, какое было во всѣхъ частяхъ тогдашняго польскаго королевства, и чтобы религіозныя дѣла поставлены были въ болѣе выпуклое отношеніе съ общей характеристикой эпохи, насколько она касается Польши. Ставя вопросъ шире, чрезвычайно любопытно видѣть, какими еще сторонами коснулось старой Польши вѣяніе эпохи возрожденія, и нѣтъ ли связи между реакціей собственно въ этомъ отношеніи и появляющимся вскорѣ постепеннымъ замраніемъ цѣлаго польскаго государства.

Трудъ г. Любовича, какъ безпристрастно-научный и основанный на неизданныхъ источникахъ, представляетъ несомнѣнно хорошій вкладъ въ исторію Польши. Мы бы указали только на хромающій мѣстами русскій языкъ этого изслѣдованія.

Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Н. И. Петрова. Кіевъ, 1884 г.

Читатели «Историческаго Вѣстника» знакомы съ этимъ трудомъ почтеннаго автора. Въ теченіи четырехъ лѣтъ сочиненіе это печаталось въ нашемъ журналѣ и является теперь отдѣльно, въ исправленномъ видѣ, съ добавленіями. Совершенно новымъ является только періодъ украинскаго славянофильства съ конца сороковыхъ годовъ и до начала шестидесятыхъ, имѣющій связь съ русскимъ славянофильствомъ и враждебный полоніануму. Главными его представителями были Костомаровъ, Кулишъ и Шевченко, къ нимъ присоединяетъ еще Навроцкій, и биографіи этихъ писателей, съ оцѣнкою ихъ произведеній, посвящена отдѣльная, обширная глава книги, предшествующая періоду новѣйшей украинской литературы. Со взглядами и манерою изложенія автора, читатели «Историческаго Вѣстника» уже знакомы, и намъ остается только сказать, что, несмотря на скромное названіе «Очерковъ», книга г. Петрова представляетъ самую полную исторію украинской литературы между всѣми сочиненіями, описывающими отдѣльные періоды этой литературы. Картины ея доводятъ прежде изданныя авторомъ «Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка». Отзывы г. Петрова объ украинскіихъ писателяхъ и произведеніяхъ вѣрны, хотя иногда выражены слишкомъ мягко. Такъ, послѣдній переходъ Кулиша на сторону польщизны онъ объясняетъ тѣмъ, что писатель принялъ социологическія идеи, на самомъ дѣлѣ оказавшіяся полонифильскими. Но неговоря уже о томъ, что социологическія и социалистическія идеи никогда не были достояніемъ польской интеллигенціи, она была всегда непримиримымъ врагомъ Украины, преслѣдовавшимъ не только ея національную независимость, но ея вѣру и языкъ. Можно найти историческія данныя для оправданія утвержденія Кулиша, что казачество было не болѣе, какъ отвратительное разбойничество, что воссоединеніе Украины съ Россіей несправедливость, но чѣмъ оправдать увѣреніе украинскаго писателя, что поляки были всегда друзьями его народа и поступали съ нимъ гуманно и справедливо? Мудрено ли, что при подобныхъ увѣреніяхъ, при требованіи, чтобы украинцы протянули руку полякамъ, забывъ прежнюю вражду, отъ Кулиша отвернулись и русскіе украинцы и австрійскіе русины. Иначе и быть не могло, и приглашеніе этихъ племенъ идти рука объ руку по общему пути, къ одной цѣли, не найдетъ отголоска. Когда, въ какую историческую эпоху Кулишъ видѣлъ осуществленіе идеала поэта, чтобы «полякъ въ союзѣ съ русскимъ былъ, какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ?» Поляки постоянно жалуются, что ихъ угнетаетъ и Россія, и Пруссія, и Австрія, но чуть гдѣ нибудь и когда нибудь они дѣлаются силою въ странѣ—тотчасъ же начинаютъ угнетать своихъ единоплеменниковъ. За примѣрами не далеко ходить, стоитъ взглянуть на современное положеніе Галиціи. Книга г. Петрова грѣшитъ мѣстами излишнимъ пристрастіемъ къ второстепеннымъ литературнымъ дѣятелямъ и несовсѣмъ правильно приурочиваетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ принятымъ у него отдѣльнымъ періодамъ литературы: псевдоклассическому, сентиментальному, романтико-художественному, національному. Подобныя перегородки излишни въ исторіи литературы и заставляютъ дѣлать одностороннюю оцѣнку ея дѣятелей. Напрасно также авторъ причисляетъ къ украинской литературѣ малороссійскія повѣсти Гоголя и даже «Тараса Вульбу». Если

авторъ беретъ свои разсказы изъ жизни другого племени, нельзя причислять эти разсказы, писанные не на языкѣ этого племени, къ его литературѣ. Но всё эти мелкіе недостатки не уменьшаютъ достоинства и значенія книги г. Петрова, весьма цѣнной и для русской литературы, такъ какъ авторъ говорить о многихъ украинскихъ дѣятеляхъ, писавшихъ въ то же время и по-русски, а біографіи и критическія оцѣнки г. Петрова составлены по самымъ лучшимъ источникамъ, указаннымъ для каждого писателя отдѣльно. Составитель исторіи украинской литературы несомнѣнно близко знакомъ со всѣмъ, что написано по предмету его изслѣдованій, и обработалъ его вполне добросовѣстно. Къ книгѣ въ 470 страницъ приложенъ алфавитный указатель личныя именъ.

З. Т. В.

Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ I-й. Изслѣдованіе И. И. Дубасова. Москва, 1883 г.

Г. Дубасовъ издалъ трудъ превосходный во всѣхъ отношеніяхъ, дающій близкое, какъ нельзя болѣе обстоятельное знакомство съ краемъ и заставляющій искренно желать, чтобы подобныя труды появлялись какъ можно чаще въ нашей исторической литературѣ. Авторъ начинаетъ исторію Тамбовскаго края съ основанія города Тамбова, что, по словамъ мѣстнаго лѣтописца, последовало такимъ образомъ: «Лѣта 7144 (1636 г.) по указу богоизбраннаго и святымъ елеемъ помазаннаго крѣпкаго хранителя и поборника святыхъ православныхъ вѣры, благовѣрнаго и Богомъ почтеннаго и превознесеннаго и благочестіемъ всея вселенныя въ концѣхъ воссіявшаго царя и великаго князя Михаила Федоровича, соудася градъ Тамбовъ на рѣкѣ Цнѣ. А строилъ тотъ городъ стольникъ Романъ Федоровичъ Бобарыкинъ и былъ воеводою три лѣта».

«Цѣль построенія нашего города, говоритъ г. Дубасовъ, заключалась въ оборонѣ отъ татаръ всей московской юго-восточной украины». Въ книгѣ почтеннаго автора указаны всѣ нападенія татаръ, какъ равнымъ образомъ указано и нападеніе воровскихъ казаковъ Стеньки Разина. «Божіимъ попущеніемъ, повѣствуетъ тамбовскій лѣтописецъ, воровскіе казаки измѣнника Стеньки Разина приходили къ намъ отъ града Шацкаго и обступили крѣпость мѣсяца ноябрія въ 9 день и стояли тутъ до мѣсяца февраля и въ то время пало служилыхъ людей и измѣнниковъ многое число».

Въ 1708 году заходили въ тамбовскіе предѣлы и шайки Кондратія Вулавина.

Такимъ образомъ, выходитъ, что тамбовскій край пережилъ на своемъ вѣку не мало невзгодъ. Въ концѣ XVII столѣтія вся сѣверная часть нынѣшней Тамбовской губерніи была сплошь покрыта дремучими лѣсами—хвоей и чернолѣсьемъ. Въ этихъ дѣвственныхъ лѣсахъ, на всей своей волѣ, проживали мордовскія и мещерскія племена, укрываясь отъ зоркихъ московскихъ бояръ и воеводъ, и въ нихъ же свободно рыскали хищные звѣри, всячески донимая лѣсныхъ обитателей. То было время, когда многіе Спасскіе, Темниковскіе, Елатомскіе и Шацкіе лѣса, по всей справедливости, именовались голевыми борами и бобровыми гонами.

Великій преобразователь Петръ не проглядѣлъ и Тамбовскаго края. Г. Дубасовъ приводитъ нѣсколько его указовъ, направленныхъ къ привлече-

нѣю нольны изъ природныхъ богатствъ этого края. Между прочимъ, въ 1714 году, усиленно собирали тамбовскихъ и шацкихъ недорослей для государева дѣла. Иныхъ отвозили въ школы, другихъ сдавали въ солдаты и матросы, «но оныя дворяне, говорятъ мѣстные документы, — къ государеву дѣлу были несклонны и въ томъ учинялись противны». Тогда ихъ начали забирать посредствомъ военныхъ командъ.

Царь Петръ, въ бытность въ Липецкѣ, гдѣ онъ построилъ себѣ дворецъ, состоявшій изъ трехъ покоевъ, основалъ въ этомъ городѣ чугунно-литейный заводъ, на которомъ иногда самъ работалъ, и открылъ извѣстныя липецкія минеральныя воды, для пользованія которыми имъ же составлены собственноручно гигиеническія и медицинскія правила.

Въ тамбовскомъ краѣ, какъ видно изъ книги г. Дубасова, съ перваго появленія московской администраціи, народились и всевозможныя безобразія, тѣсно соединенныя съ воеводскимъ управленіемъ. Мы не имѣемъ возможности приводить многіе интереснѣйшіе и характерные факты, которымъ въ книгѣ г. Дубасова непечатный край, скажемъ только, что положительно непонятно, какимъ образомъ русская земля могла существовать при такихъ страшныхъ, отчаянныхъ условіяхъ, предполагая, что болѣе или менѣе вездѣ повторялась одна и та же печальная исторія. Поневоли повѣришь, что непомѣрно велика духовная сила русскаго народа, способная переживать выходящія изъ ряда исчисленія.

Въ 1779 году, было открыто тамбовское намѣстничество. Это торжество совершилось очень просто. Торжественныхъ рѣчей не говорили, потому что всѣ тамбовскіе обыватели были люди не книжные. Въ это время въ Тамбовѣ не было еще ни одного училища, кромѣ гарнизонной школы, въ которой слабо обучали грамотѣ и болѣе энергично барабанной наукѣ.

Авторъ даетъ особенное значеніе общественной дѣятельности Державина, какъ тамбовскаго губернатора, по инициативѣ котораго открыты въ Тамбовѣ главное училище и типографія. Такъ какъ родители не отдавали дѣтей въ ученю, то, по распоряженію Державина, крестьянскихъ и мѣщанскихъ мальчиговъ забиралъ въ классы насильно, черезъ полицію. Вслѣдствіе этихъ чрезвычайныхъ мѣръ, произошло то, что въ 1787 году училищныхъ воспитанниковъ во всей тамбовской губерніи считалось около 400 человекъ. Не мало интересныхъ фактовъ сообщаетъ г. Дубасовъ о тогдашнихъ мѣстныхъ педагогахъ, похожихъ на описанныхъ въ запискахъ майора Данилова.

Многіе тамбовскіе порядки времени императрицы Екатерины II напоминаютъ современные порядки иныхъ нашихъ провинціальныхъ городовъ; все это такъ знакомо намъ по газетнымъ извѣстіямъ и рассказамъ. Первая попытка къ мощенію Тамбова сдѣлана была Державиннымъ. Съ тамбовскихъ обывателей собрали 140,000 рублей и заготовили уже бутовый камень, но вслѣдствіе отставки Державина дѣло стало и камень пролежалъ безъ употребленія около 40 лѣтъ. Къ довершенію городского безобразія, обыватели свободно вывозили со двора навозъ къ собору, и тутъ, въ центрѣ города, возвышались, на берегу Цны, дѣльныя смрадные горы. А иные жители бросали навозъ прямо въ рѣку, которая и безъ того никогда не отличалась доброкачествомъ воды. Такое описаніе можетъ быть, безъ малѣйшаго ущерба истинѣ, названо живымъ снимкомъ современнаго положенія многихъ нашихъ не только уѣздныхъ, но и губернскихъ городовъ.

Въ мрачныхъ чертахъ рисуетъ г. Дубасовъ многія явленія жизни Там-

бовскихъ дворянъ, духовенства и чиновничества. Чего только не творилось на св. Руси и чего только не переносилъ нашъ многострадальный народъ!

Напримѣръ, авторъ такъ рисуетъ извѣстнаго князя и пѣвца князя Ю. Н. Голицына. Онъ приказывалъ иногда давать провинившимся крестьянамъ по 1,000 ударовъ и потомъ къ избитымъ мѣстамъ прикладывать испанскія мушкетеры. А когда не хотѣлось ему развлекаться съченіемъ своихъ крестьянъ, онъ ставилъ ихъ въ маленькую башню на крышѣ барскаго дома и держалъ тамъ, не смотря ни на какую погоду, по нѣсколько сутокъ безъ пищи. Желая иной разъ поглумиться надъ своими дворовыми, онъ собственноручно мазалъ ихъ дегтемъ или смолою. Мазалъ онъ стариковъ, не щадилъ женщинъ и дѣтей. Нерѣдко приходила ему фантазія наказывать крестьянъ при болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ. Такъ, однажды, онъ совалъ къ себѣ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ и въ ихъ присутствіи приказалъ сѣчь одну изъ нихъ, а самъ въ это время игралъ на билліардѣ. Съченіе продолжалось дѣльный часъ и результатомъ его было то, что изувѣченную крестьянку, немедленно послѣ экзекуціи, приобщили. Однажды князь пріѣхалъ откуда-то въ свое имѣніе и прямо подѣхалъ къ церкви, гдѣ въ это время совершалось богослуженіе, вслѣдствіе чего священникъ не могъ встрѣтить князя. Тогда, рассерженный невниманіемъ къ своей особѣ, помѣщикъ живо вошелъ въ алтарь, схватилъ священнодѣйствующаго іерея за бороду и привелъ его на паперть. «Вотъ гдѣ, сказалъ онъ оторопѣвшему священнику, долженъ ты встрѣтить меня».

Но странное дѣло, замѣчаетъ г. Дубасовъ, князь щадилъ и уважалъ тѣхъ людей, которые давали ему отпоръ. Разъ, онъ встрѣтилъ въ полѣ священника Орлова и ударилъ его кнутомъ. Тогда удивленный и разобитый отецъ Орловъ нѣсколько разъ ударилъ своимъ пастырскимъ жезломъ князя и съ тѣхъ поръ вошелъ въ княжескую милость.

Встрѣчаются въ трудѣ г. Дубасова личности изъ высшаго духовенства, немного уступающія князю, о которомъ была рѣчь выше.

Въ іюнѣ 1758 года, въ Тамбовѣ прибывъ епископъ Пахомій, оставившій по себѣ самую тяжелую память. Это былъ человекъ слишкомъ замѣтный по жестокости даже и въ тѣ суровыя времена. Онъ былъ ласковъ только къ постороннимъ людямъ, въ особенности къ помѣщикамъ. А для духовенства епископъ Пахомій былъ тѣмъ же, чѣмъ были въ его времена помѣщики для крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ сѣкъ священниковъ плетями и заковывалъ ихъ въ ручныя кандалы, а сыновей и дочерей ихъ нерѣдко дарилъ или продавалъ своимъ пріятелямъ. Со всѣхъ ставленниковъ брали за посвященіе взятки, отъ 10—50 рублей съ человека и ихъ же епископъ Пахомій заставлялъ работать на архіерейскомъ дворѣ: рыть канавы, возить гѣсъ и кирпичи, бить свай и зимою возить снѣгъ. Нѣкоторые ставленники носили такую барщину лѣтъ по 5-ти.

Почтенный авторъ совершенно справедливо говоритъ, что всѣми упомянутыми безобразіями, жертвой которыхъ дѣлалось духовенство, можетъ быть и объясняются всѣ тѣ многочисленныя уклоненія отъ православія, которыми, съ половины прошлаго столѣтія, замѣтно отягчается Тамбовская губернія. Въ самомъ дѣлѣ, могли-ли Тамбовскіе прихожане уважать своихъ пастырей, когда они постоянно видѣли, что ихъ подвергаютъ самымъ позорнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Конечно, и въ нашей исторіи, какъ и во всякой, не безъ свѣтлыхъ обра-

вовъ. Говорить о нихъ и книга г. Дубасова. Такъ, въ ней мы находимъ свѣтлыя личности епископа Феодосія, епископа Теофила и Ионы. Мы не имѣемъ возможности хотя сколько нибудь коснуться ихъ дѣятельности; скажемъ только, что она принадлежитъ исторіи, ибо оставила благотворныя слѣды въ Тамбовскомъ краю. Въ 1779 году, въ жизни Тамбовскаго духовенства совершилось весьма скромное по видимому и весьма важное по существу дѣло. Это—открытие духовной семинаріи.

Чиновный людъ въ Тамбовскомъ край состоялъ въ старое время изъ лицъ, неизмѣннѣхъ никакого образованія и нерѣдко малограмотныхъ. Какъ образецъ степени образованія и грамотности старыхъ дѣльцовъ, г. Дубасовъ приводитъ многія доказательства, взятые изъ подлинныхъ дѣлъ. Вотъ одно изъ нихъ: «Протоколъ Тамбовской палаты уголовного суда, отъ 14-го іюля 1820 года. Палата, слушавъ дѣло, поступившее на ревизію изъ Липецкаго уѣзднаго суда, въ зарѣзаніи якобы губернской секретарши Зеленовой дворовыми людьми находящагося двороваго человека Чайковскаго на прокормленіи помѣщицы Вишневецкой быка рыжепестраго уѣзднаго казначея Свѣшника».

Смыслъ этихъ курьезныхъ словъ, объясняетъ авторъ, совершенно внезапно обнаруживается на 3-й страницѣ дѣла. Оказывается, что рыжепестрый быкъ принадлежалъ уѣздному казначею Свѣшникову.

Одно дѣло озаглавлено такъ: «Дѣло о крестьянинѣ Сидоровѣ, обвиняемомъ якобы въ покушеніи себя къ удушенію».

Говорить-ли о взяточничествѣ чиновниковъ того времени? Думаю, что бесполезно много распространяться объ этомъ предметѣ, ибо въ существованіи его, конечно, никто не сомнѣвается. Брали воеводы, губернаторы, средніе и маленькіе чиновники. Въ книгѣ г. Дубасова фигурируютъ многіе изъ нихъ, но всего болѣе выдается нѣкто Федюхинъ, кошмистъ, получавшій (въ началѣ текущаго столѣтія) по 50 копѣекъ жалованья въ мѣсяцъ. Онъ продѣлывалъ художнически различныя фокусы. Въ виду собранія статистическихъ цифръ приказывалъ пасѣчнику выпускать всѣхъ пчелъ изъ улья, но такъ, чтобы онѣ вылетали постепенно и непрерывно по одной, ибо только при этомъ условіи онъ можетъ ихъ считать. Разумѣется, пасѣчникъ отпачивается. Наживъ огромныя деньги, Федюхинъ вдался въ канжество. Въ высшей степени интересенъ рассказъ автора о чиновникѣ Потаповичѣ, личности высоко-свѣтлой, а, пожалуй и больной, если вспомнить слова писанія: не мечите бисера предъ свиньями, да не попрутъ его ногами. Губернскія власти, заподозривъ здравое состояніе ума Потаповича, спрашиваютъ его: «Что вы писали въ Шацкій уѣздный судъ?» Я представлялъ суду, отвѣчаетъ онъ, — чтобы онъ нашелъ средство сдѣлать людей добросовѣстными. «Не желаете ли вы служить?» Желаю, но въ такомъ мѣстѣ, гдѣ болѣе благородства, ибо служа въ статской службѣ, я самъ себѣ сдѣлалъ вопросъ: какая польза отъ этой службы, и не могъ рѣшить этого. Впрочемъ, я готовъ служить, но только съ благородными людьми, которые имѣютъ такія же правила, какъ и я (Архивъ Тамбовскаго губернскаго правленія, № 2409).

Понятно, что для общества, подобнаго описываемому г. Дубасовымъ, Федюхинъ—человѣкъ здраваго ума, а Потаповичъ и другой безукоризненно честный чиновникъ, Станицинскій, упоминаемый авторомъ, люди сумасшедшіе. Да и для той ли только эпохи? Нѣтъ-ли подобныхъ лишенныхъ ума и въ настоящее время?

Домострой по списку императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ. Москва. 1883 г.

Списокъ этотъ, пріобрѣтенный покойнымъ секретаремъ общества Бодянскимъ и напечатанный въ 1882 году въ «Чтеніяхъ» общества и появившійся теперь отдѣльною книжкою, былъ разсмотрѣнъ и описанъ членомъ упомянутаго общества И. С. Некрасовымъ. Списокъ этотъ долженъ, по своей древности и полнотѣ, считаться самымъ замѣчательнымъ памятникомъ для бытовой исторіи до-петровской Руси. Часть рукописи «Домостроя» написана мелкимъ полууставомъ XVI столѣтія, а часть—скорописью второй половинны XVI столѣтія. Дальнѣйшія страницы этого списка въ видѣ особой статьи «О чину свадебномъ» писаны уже полууставомъ XVII столѣтія, а за этой статьей помѣщены приписки скорописью конца XVII или даже начала XVIII столѣтія. Такимъ образомъ рукопись эта представляетъ какъ бы сборникъ различнаго письма, въ которомъ къ первоначальному древнѣйшему изъ всѣхъ доселѣ списку «Домостроя» присовокуплены его продолженія,—писанныя позднѣйшими полууставами и скорописью.

Первоначально списокъ этотъ былъ подготовляемъ къ печати подъ редакцію умершаго недавно секретаря общества А. Н. Попова, а потому трудъ этотъ перешелъ къ навѣстному знатоку русской старины И. Е. Забѣлину. Недостаткомъ этого изданія оказывается отсутствіе объяснительнаго словаря. Хотя нельзя не сказать, что «Домострой» по своему изложенію и по встрѣчающимся въ немъ названіямъ предметовъ изъ стариннаго нашего обихода и удобо-полезенъ для тѣхъ, кто болѣе или менѣе приоровился къ старинному нашему языку и достаточно знакомъ съ бытовой обстановкой прежняго времени, тѣмъ не менѣе даже и для такихъ читателей попадаются слова, на счетъ значенія которыхъ приходится впасть въ соображенія и догадки, особенно по съѣстной части. Такъ, напримѣръ, остаются не разъясненными слова: «зугъ», «кушачно», «вендепниное платье», «спрутовая рыба», «черная уха», «кобунцы», «мазуны» и т. д.; впрочемъ такой недостатокъ будетъ устраненъ «по времени» изданіемъ составляемаго г. Забѣлинымъ объяснительнаго указателя предметовъ, и можно надѣяться, что такая необходимая прибавка къ «Домострою» будетъ вполне удовлетворительна относительно той задачи, которая при этомъ должна имѣться въ виду.

«Домострой» и по цѣли, и по содержанію, соответствуетъ вполне издаваемымъ нынѣ въ Европѣ и у насъ руководствамъ относительно того, какъ держать себя въ обществѣ, какъ одѣваться, а также разнымъ повареннымъ и хозяйственнымъ книжкамъ. При этомъ, однако, въ немъ отразилась и новѣйшая, исходная точка возрѣній прежнихъ столѣтій, а именно религіозность и охраненіе разныхъ обрядностей. Поэтому «Домострой» главнымъ образомъ представляетъ собою поученіе въ благочестивомъ духѣ, хотя и изобилуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніями на чисто-житейскія потребности и на условія общественной и домашней жизни своего времени.

«Домострой» начинается наставленіемъ или «наказаніемъ» отца къ сыну о христіанскихъ вѣрованіяхъ, о покорности всякому властителю, о почитаніи отцовъ духовныхъ. За тѣмъ идутъ наставленія о томъ, какъ лечиться отъ болѣзней и скорбей христіанскихъ, царямъ, князьямъ, всѣмъ члѣвѣкамъ и святительскому, монашескому и священническому чину; какъ посѣщать церкви и монастыри и какъ дѣлать приношенія и въ тѣ и другіе.

Отъ религиозныхъ наставленій составитель «Домостроя» переходитъ къ наставленіямъ семейственнымъ, опредѣляя взаимныя отношенія между двумя главными основаніями каждой семьи: супружеской четы и ихъ чады. На первый разъ идетъ поученіе о томъ, какъ слѣдуетъ мужу совѣтоваться съ женою на счетъ приказанія ключнику, на счетъ столоваго обихода, поварни и хлѣбной. По «Домострою» всѣмъ этимъ повелѣваетъ «государь», т. е. хозяинъ, а «государыня» или хозяйка только распоряжается. Предусматривается дагѣ и такой случай, когда въ домѣ бываетъ пиръ и тогда ключнику дается болѣе сложный «указъ», причѣмъ на него возлагается давать отчетъ обо всемъ, что было съѣдено и выпито гостями и сколько чего осталось отъ пршественной трапезы.

Перехода къ воспитанію дѣтей «Домострой» не говоритъ ничего объ ихъ научномъ образованіи, но заботится, такъ сказать, о реальномъ ихъ обученіи, внушая, чтобы отецъ сыновей, а мать дочерей учили рукодѣлю. Внушаетъ онъ также не давать дѣтямъ повадки, такъ что «Домострой», поучая родителей любить и беречь своихъ дѣтей, добавляетъ, что ихъ надобно спасать страхомъ, наказуя и «возлагая раны», и бить жезломъ, такъ какъ отъ такого битія младенецъ не умретъ, но оно ему во здравіе будетъ. «Кавни своего сына вымлада—поучаетъ «Домострой»—и порадуешься о немъ въ мужествѣ. Не дай ему власти въ юности, но сокруши ему ребро». Совѣтуетъ онъ также приписать постепенно для дочерей въ приданое и платье, и посуду, и «животину съ приплодомъ».

Внушаетъ «Домострой» всѣмъ и каждому опрятность и бережливость въ одеждѣ, умѣренность въ питіи и въ пищѣ, вѣрность жены въ отношеніи къ мужу, котораго поучаетъ какъ беречь жену отъ соблазна и грѣха. Возстаетъ «Домострой» и противъ столь любимой въ старину русскими забавы—охоты съ собаками, птицами и медвѣдами, а также противъ плясанія, пѣнія и игры въ шахматы и тавли (шашки), противъ «рѣвоинства», т. е. отдачи денегъ въ ростъ, и живни выше своихъ средствъ.

Высшими добродѣтелями женщины «Домострой» признаетъ ея умѣніе вести разумно хозяйство и сберегать всякіе обрѣзки и остатки. Онъ поучаетъ, чтобы «въ каждомъ подворьѣ была снасть и плотничкая, и портного мастера, и желѣзная, и сапожнаго», а у хозяйки своя «нарядная». Не мало находится въ «Домостроѣ» статей, поучающихъ какъ держать слугъ, отъ которыхъ по «Домострою» требуется большая вѣжливость. Такъ, они, входя въ господамъ, должны сотворить молитву и если имъ послѣ третьей молитвы не отвѣтатъ «аминь», то они должны легонько постучать, а стоя передъ господиномъ, въ носу не копать пальцемъ, не сморкаться, не кашлять и не смотрѣть по сторонамъ.

Не мало статей «Домостроя» посвящено хозяйственному обиходу, какъ-то: приготовленію, покупкѣ и сбереженію разныхъ съѣстныхъ припасовъ и питій, устройству клѣтѣй, подклѣтѣй, ледниковъ, амбаровъ, конюшенъ, поварни, хлѣбной, лѣснаго, и дровянаго двора и т. д.

По находящемуся въ «Домостроѣ» росписанію яствъ, и въ скоромные и въ постные дни, легко ознакомиться, чѣмъ продовольствовались предки наши въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Изъ этого росписанія можно заключить, что, кромѣ разныхъ родовъ мяса домашнихъ животныхъ, за невѣднѣемъ телятины, довольно употребительною снѣдью были, нынѣ неупотребляемые уже въ пищу лоси губы, лебеди, журавли, цапли и жаворонки. Рыба была

въ большомъ употребленіи и, между прочимъ, щука съ шафраномъ, т. е. по жидовски, и «нѣмецкія сельди». Изъ иновѣрныхъ приправъ, сверхъ шафрана, были извѣстны еще сахаръ, перецъ, имбирь, кардамонъ, лимоны, мускатный орѣхъ и гвоздика.

Для питья употреблялись: разнаго рода пиво и медъ, квасъ, брага, ягодный морсъ, варъ въ хмѣлю, для сладкой приправы употребляли сотовую медъ и патоку. Самымъ лучшимъ напиткомъ считался «бойрскій медъ». Какъ одно изъ лучшихъ лакомствъ приготовлялась тертая рѣдька, поджаренная и приправленная патокой и перцемъ. Приготовлялись также арбузы, дыни, яблоки, груши, «леваши» изъ ягодъ и пастилы.

Свадебные обряды описаны въ «Домостроѣ» съ такими частностями, что по этому описанію можно было бы отпривать ихъ и теперь со всѣми подробностями, если бы только современныя намъ понятія о приличіи допускали все, что предписывается въ «Домостроѣ».

Е. К.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ третій. Тифлисъ. 1884.— Кубанская справочная книжка, составилъ Е. Д. Фелицынъ, Екатеринодаръ, 1884.— Кубанскій сборникъ подъ редакцію Фелицына. Томъ I. Екатеринодаръ. 1884.

Жалобы на недостатокъ въ нашей литературѣ сочиненій, по которымъ мы могли бы всесторонне изучить наше обширное отечество, сдѣлалось давно уже общимъ мѣстомъ. Нельзя сказать однакоже, чтобы эти жалобы были вполне основательны. Подробныхъ и удовлетворительныхъ описаній Россіи дѣйствительно нѣтъ, да такой трудъ, хотя бы только въ «живописномъ» отношеніи, не говоря уже о серьезномъ, научномъ, не подъ силу одному лицу, даже съ помощью специалистовъ. Но описаній отдѣльныхъ частей и мѣстностей нашего отечества у насъ не мало, и многія изъ нихъ вполне отвѣчаютъ самымъ строгимъ современнымъ требованіямъ. Къ такимъ трудамъ принадлежатъ книги, доставленныя намъ съ отдаленныхъ и своеобразныхъ окраинъ Россіи, еще недавно обособленныхъ, но теперь слившихся съ нею въ административномъ отношеніи. Какъ ни желательна у насъ въ этомъ отношеніи децентрализація подобныхъ окраинъ, но и превращеніе ихъ въ самобытныя соправлія, въ *status instatu*, нисколько не желательно, въ виду скрѣпленія общей связи государства съ его разнородными этнографическими и мѣстными элементами. Не смотря на всѣ свои особенности, которыя необходимо принимать во вниманіе, Кавказъ сдѣлался теперь такою же провинціею, частью Россіи, какъ и всѣ другія части ея; но для насъ знакомство съ этими особенностями, изученіе ихъ по достовѣрнымъ даннымъ полезно и необходимо. Такой дѣли вполне удовлетворяютъ названныя выше книги. Первая изъ нихъ, касающаяся всего Кавказа, издана управленіемъ кавказскаго учебнаго округа и составляетъ продолженіе удачно задуманнаго, начатаго въ 1881 году и хорошо выполняемаго труда. Каждый выпускъ «Сборника матеріаловъ» заключаетъ въ себѣ два отдѣла статей — историческихъ, статистическихъ, географическихъ и отдѣлъ этнографическій, бытовой, мѣстныхъ обычаевъ, преданій, пѣсень и т. п. Такъ, въ третьемъ выпускѣ

помѣщены: весьма обстоятельныя статьи «Замѣтка объ Осетин и осетинахъ», гдѣ кромѣ интересныхъ историческихъ свѣдѣній, изложена орографія и гидрографія страны, ея растительность, климатъ, фауна. Къ статьѣ, еще неоконченной, приложена подробная карта части Кавказа, населенной осетинами съ показаніемъ сопредѣльныхъ съ ними народностей. Менѣе обширна, но не менѣе любопытна статья «Краткія замѣтки о Карской области», гдѣ описаны занятія жителей, характеръ, землевладѣніе, промышленность, торговля, пути сообщенія, указано на различіе системы турецкаго и русскаго управленія, приведено много интересныхъ и новыхъ статистическихъ данныхъ и отдѣльная таблица о населеніи и экономическомъ состояніи края, гдѣ болѣе 151 тысячи жителей, а съ войсками 163 тысячи. Во второмъ отдѣлѣ, въ статьѣ «Станица Теможебская» говорится сначала о мѣстоположеніи и населеніи станицы, о характерѣ, занятіяхъ и воспитаніи жителей, о ихъ времяпровожденіи; но большая часть статьи занята сборникомъ пѣсенъ, поющихъ въ станицѣ. Приложено даже 23 страницы тѣхъ главныхъ 66 пѣсенъ, изъ 148 приведенныхъ авторомъ статьи, учителемъ Баталпашинскаго городского училища г. Передивскимъ (изъ шести статей составляющихъ выпускъ, пять принадлежатъ учителямъ разныхъ школъ и тифлисской гимназіи). Между пѣснями, впрочемъ, мало замѣчательныхъ, многія изъ нихъ представляютъ не болѣе какъ варианты изъ сборниковъ Корневскаго, Рыбникова и др. и приводятъ такія, общественнаго характера пѣсни, какъ «А мы просо сѣяли» или «Распашу я пашенку»—ядлишніе. Не для чего было также записывать солдатскія пѣсни, почти вездѣ отличающіяся пошлостью и натянутымъ патріотизмомъ. Сочиняемыя жалкими полковыми шитами онѣ поются въ небольшихъ кружкахъ и сохраняютъ для потомства такой вадоръ какъ напр. пѣсню «Нашъ полковой господинъ себѣ орденъ получилъ» нѣтъ никакой надобности. Болѣе строгій выборъ также необходимъ, чтобы въ сборникѣ не попадались поддѣлки подъ народную пѣсню: въ рождѣ «Гуляетъ по Дону казакъ молодой; льетъ слезы дѣвица надъ быстрой рѣкой». Въ статьѣ «Нѣсколько казачьихъ пѣсенъ, и повѣрій въ станицѣ Разшеватовской» семь солдатскихъ пѣсенъ замѣчательны только совершеннымъ отсутствіемъ поэзіи и какимъ-то дѣланымъ, неприятнымъ ухарствомъ; но нѣкоторыя изъ повѣрій и легендъ любопытны, также какъ «Татарскія сказки, записанныя въ селеніи Салах-лу» и «Карачаевскія сказанія». Учителя, собиравшіе эти преданія, отнеслись къ нимъ добросовѣстно и передали умѣло. «Сборникъ», занимающій болѣе 500 страницъ, вообще читается легко и составленъ съ знаніемъ дѣла.

Кубанская справочная книжка—издана областнымъ статистическимъ комитетомъ и заключаетъ въ себѣ всѣ необходимыя для ознакомленія съ этою мѣстностью справочно-статистическія свѣдѣнія: объ административномъ дѣленіи Кубанской области, ея населенности, распространеніи землевладѣнія, движеніи и распространеніи населенія, свѣдѣнія объ урожаѣ, числѣ учебныхъ заведеній, промышленныхъ заводовъ, составѣ казачьяго войска, судебныхъ установленій, почтовыхъ, телеграфныхъ, желѣзнодорожныхъ и другія свѣдѣнія. Третья книга занимаетъ адресъ-календарь гражданскаго, военнаго и духовнаго вѣдомствъ.

Тотъ же областной статистическій комитетъ издалъ огромный (въ 1120 страницъ) «Кубанскій сборникъ», составленный изъ трудовъ этого комитета. Томъ этотъ составленъ изъ 11 статей, относящихся преимущественно къ статистическимъ изслѣдованіямъ отдѣльныхъ населенныхъ мѣстностей. Таковы

статья о городѣ Ейскѣ и его уѣздѣ, о станицахъ Николаевской, Новомиинской, Воронежской и Троицкой, о движеніи населенія въ городѣ Темрюкѣ. Къ этимъ статьямъ редація сборника, по ея словамъ, «приложила много стараній и труда, чтобы привести ихъ въ удобочитаемый видъ», но сознается, что только одно описаніе станицы Новомиинской «въ извѣстной степени удовлетворяетъ требованіямъ программы и то лишь по отдѣлу хозяйственнаго быта населенія». Такая строгая оцѣнка собственныхъ трудовъ дѣлаетъ честь комитету, существующему только со второй половины 1879 года и поэтому неуспѣвшему сдѣлать многого. Да и вообще Кубанская область—край новый, только что устроивающійся, малозвѣстный и совершенно неизученный, позже другихъ административныхъ райновъ Кавказа вступившій на путь мирнаго гражданскаго развитія, хотя по размѣру территории и числу населенія занимаетъ первое мѣсто. Поэтому, кромѣ чисто статистическихъ изслѣдованій, не удовлетворяющихъ редакцію, но тѣмъ не менѣе любопытныхъ для большинства читателей, они съ немалымъ интересомъ прочтутъ другія статьи сборника, имѣющія не только мѣстное, но и общее значеніе. Таковы статья «Заселеніе западныхъ предгорій главнаго Кавказскаго хребта». І. В. Бентковскаго—лучшаго знатока сѣвернаго Кавказа (86 сочиненій его, относящихся къ этому предмету, перечислены редакціей). «Исторія земельной собственности у Кубанскихъ казаковъ» Ф. Щербина; «Начальное народное образованіе въ Кубанской области» Н. Блюдова и «Вредныя насѣкомыя Кубанской области», изслѣдованіе профессора Линдемана—самая обширная статья сборника. Всѣ статьи заслуживаютъ полнаго вниманія не только специалистовъ, но и вообще образованной публики. Редація отдаетъ полную справедливость основателю статистическаго комитета, бывшему начальнику области Н. Н. Кармалину, «принимавшему живѣйшее участіе во всѣхъ предпріятіяхъ, имѣвшихъ цѣлью изученіе вѣреннаго ему края». Къ сожалѣнію и г. Кармалинъ испыталъ участь многихъ нашихъ администраторовъ: не доведя далеко до конца дѣло устройство края—онъ долженъ былъ оставить его. Къ книгѣ приложена превосходная карта Кубанской области, составленная г. Фелицынымъ. Неприятно поражаетъ въ ней только множество опечатокъ (замѣченныхъ—болѣе шести страницъ). Происходить это отъ недостаточности средствъ мѣстныхъ типографій, такъ что для ускоренія выхода въ свѣтъ книги части ея надо было набирать и печатать въ другомъ городѣ за тысячу верстъ—въ Одессѣ.

В. З.

Географическій словарь западнославянскихъ и югославянскихъ земель и прилежащихъ странъ, составленный Яковомъ Головацкимъ, съ приложеніемъ географической карты. Вильна. 1884 г.

Съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе новаго только что изданнаго труда почтеннаго дѣятеля въ области славяновѣднія, Я. О. Головацкаго. Галичанинъ по происхожденію, Головацкій (род. 1814 г.) окончилъ курсъ богословскихъ наукъ въ Львовскомъ университетѣ. Еще будучи студентомъ, онъ примкнулъ къ возникшему въ тридцатыхъ годахъ кружку галичанъ-студентовъ Львовскаго университета, которые ставили себѣ цѣлью изученіе своей народности и стремились положить прочное на-

чало галицкой литературѣ. Въ 1834 году, этотъ кружокъ задумалъ издать небольшой сборникъ, состоявшій изъ народныхъ пѣсень и собственныхъ статей въ стихахъ и въ прозѣ. Но печатать книгу было воспрещено, а сами издатели и авторы отданы подъ надзоръ полиціи; послѣдѣ они всетаки напечатали свой сборникъ въ Пештѣ, подъ заглавіемъ «Русалка Днѣстровая», и книжку эту бесспорно можно считать исходнымъ фактомъ новѣйшей галицкой литературы.

Въ сороковыхъ годахъ, Головацкій сдѣлался униатскимъ священникомъ, а въ 1848 году былъ приглашенъ на кафедру русскаго языка и словесности въ Львовскомъ университетѣ. Онъ всегда ревностно защищалъ права русской народности и на этомъ полѣ велъ ожесточенную борьбу съ поляками. Въ 1867 году, послѣ Общеславянскаго съѣзда во время Московской выставки, Головацкій навсегда покинулъ Галицію и назначенъ былъ предсѣдателемъ Виленской Археографической Комисіи.

Головацкому принадлежить значительное число работъ въ области историко-литературныхъ исследованийъ, главнымъ образомъ на почвѣ галицко-русской словесности; но капитальный трудъ его составляютъ «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси», которыя впервые стали появляться въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей» (гдѣ этому богатѣйшему собранію памятниконъ непосредственнаго народнаго творчества предшествовало предисловіе Водянскаго), а въ настоящее время изданы отдѣльно тремя томами въ четырехъ частяхъ.

Только что вышедшій трудъ ревностнаго слависта свидѣтельствуетъ о томъ, что имъ по прежнему руководитъ живое увлеченіе идеями объединенія славянскихъ народовъ и развитія въ нихъ національнаго самосознанія и чувства племеннаго единства. Съ этой точки зрѣнія, книга его, дѣйствительно, должна сдѣлаться настольной для всякаго туриста или путешественника по славянскимъ землямъ, для всякаго журналиста, писателя, литератора. Съ помощью подобнаго справочнаго пособія, возможно хотя отчасти устраненіе того, что, по справедливому замѣчанію автора «Географическаго словаря», «въ русскихъ газетахъ встрѣчаются грубыя ошибки и недоумѣнія отъ ошибочнаго перевода географическихъ названій въ славянскихъ земляхъ». Между тѣмъ «Географическій словарь» даетъ возможность выкинуть въ смыслъ каждаго географическаго термина славянскаго происхожденія. Въ разбираемомъ словарѣ матеріалъ расположенъ такимъ образомъ, что подъ однимъ алфавитомъ идутъ какъ чисто славянскія названія, такъ и ихъ искаженія и замѣны нѣмцами, мадьярскія и турецкія, при чемъ русскія названія напечатаны жирнымъ шрифтомъ, воистинну имъ ставится терминъ, употребляемый мѣстнымъ или сосѣднимъ населеніемъ, а затѣмъ слѣдуетъ исковерканное иностранное названіе. Эти послѣднія, равно какъ и ошибочно выставленные на картахъ термины, стоятъ въ томъ-же алфавитномъ порядкѣ, со ссылками на славяно-русское названіе.

Приложенная къ книгѣ карта западно-славянскихъ и югославянскихъ земель и прилежащихъ странъ отличается большой подробностью и тщательностью, но конечно картой этой весьма затруднительно пользоваться, помимо «Географическаго словаря», безъ котораго на картѣ трудно ориентироваться, обладая только поверхностнымъ знаніемъ славянской топографіи.

Е. Г.

Хроника русскаго театра Носова, съ предисловіемъ и новыми розысканіями Е. В. Барсова. Москва, 1883 г.

Въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей» была напечатана любопытная лѣтопись русскаго театра, представляющая хронологическій списокъ пьесъ, игранныхъ со времени его основанія, сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ. Теперь лѣтопись издана отдѣльною книгою. Составленіе лѣтописи г. Барсовъ приписываетъ Носову до 1763 года и неизвѣстному лицу до 1784 года, которымъ оканчивается хронологическій перечень пьесъ. Трудъ составленія подобнаго перечня, конечно, требуетъ только акуратности, вниманія къ дѣлу; глубокихъ соображеній, обширныхъ знаній для него не нужно, но и при этихъ условіяхъ мы не можемъ признать Носова составителемъ «Хроники», хотя онъ самъ говорилъ, что ввѣлъ свои свѣдѣнія изъ «Исторіи о руссійскомъ театрѣ» Дмитревскаго. Носовъ былъ плохой актеръ на вторыя роли (лучшая роль его—Саміеля въ «Волшебномъ стрѣлкѣ») и человѣкъ очень малообразованный. Въ началѣ прошлаго царствованія онъ былъ уже пансіонеромъ, сильно нуждался и, въ 1857 году, въ журналѣ «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ» (№ 12) напечаталъ незначительныя воспоминанія о Дмитревскомъ, Троепольской и трагедіи Льва Неваховича «Сутьоты»— вотъ и всѣ его литературныя произведенія. Въ этихъ же воспоминаніяхъ, напечатанныхъ имъ отдѣльно, посвященныхъ директору театровъ Геденову и разсыпанныхъ по разнымъ милостивцамъ, Носовъ говоритъ, что исторія русскаго театра Дмитревскаго, представленная въ руссійскую академію, «затерялась, такъ что теперь невозможно и найти слѣда ея». Какимъ же образомъ могъ онъ заносить въ свою «Хронику» изъ этой безъ слѣда пропавшей исторіи факты, относящіяся къ 1678 году? Поэтому Алексѣй Николаевичъ Веселовскій, въ своемъ сочиненіи «Старинный русскій театръ въ Европѣ» (Москва, 1870 г.), имѣетъ основаніе не довѣрять извѣстіямъ, сообщаемымъ подъ фирмою Дмитревскаго, о существованіи у насъ народныхъ комедій и представленій до пріѣзда выписанныхъ изъ-за границы нѣмцевъ труппы Грегори, въ іюнѣ 1672 года. Г. Барсовъ отстаиваетъ возможность представленія приводимыхъ Дмитревскимъ комедій «Баба Яга», «Праздникъ Ляды и Коляды», «Туръ», но говоритъ, что это были «ни чтò иное какъ народныя игры». Въ такомъ случаѣ ихъ никакъ нельзя причислить къ пьесамъ, иначе всѣ хорошея, свадебныя и подблюдныя пѣсни, игры въ семикъ и т. п. слѣдуетъ считать сценическими представленіями. Вообще, о первой эпохѣ русской сцены, кромѣ названнаго капитальнаго труда Веселовскаго, много неопровержимыхъ фактовъ находится въ сочиненіи Тихонова «Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра» (1833 г.), у Пекарскаго, и, сопоставивъ съ ними свѣдѣнія «Хроники», найдемъ въ ней много несходнаго съ изслѣдованіями авторитетныхъ по этой части лицъ. Г. Барсовъ не сводилъ этихъ, часто противорѣчивыхъ извѣстій и вообще не дѣлалъ никакихъ примѣчаній къ «Хроникѣ», хотя и добавлялъ ее любопытными и новыми розысканіями о Чижинскомъ, стряпчемъ, вмѣстѣ съ Грегори, во главѣ московской труппы при Алексѣѣ Михайловичѣ, объ актерахъ петровской труппы Куншта, ея музыкантахъ и о духовной драмѣ въ Москвѣ при Петрѣ I. Не свѣрены также показанія «Хроники», относящіяся къ послѣдующимъ царствованіямъ, къ эпохѣ Елизаветы и Екатерины, тогда какъ объ этомъ есть обстоятельныя свѣдѣнія въ статьяхъ Лонгинова,

печатавшихся въ записках нашей академіи. Тамъ у него приведенъ хронологическій списокъ всѣхъ пьесъ, игранныхъ до царствованія Екатерины II. Вообще критическая часть въ «Хроникѣ» блистаетъ своимъ отсутствіемъ, что не мѣшаетъ книгѣ г. Барсова быть очень интересной, несмотря даже на наружную неуклюжесть и типографское неравенство изданія.

В. З.

Ежегодникъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета. Владиміръ. Томъ IV, 1880 г.

Всякаго несомнѣнно поразить, что мы въ 1884 году даемъ отчетъ о книгѣ, помѣченной 1880 годомъ. Но въ этомъ виноваты не мы, виновата «провинція», которая всегда живетъ заднимъ числомъ и очень любитъ во всемъ запаздывать. Владимірскій «Ежегодникъ» за 1880 годъ, дѣйствительно, вышелъ въ свѣтъ только на дняхъ, въ самомъ концѣ прошлаго декабря; даже чернила типографскія не успѣли еще хорошенько засохнуть на немъ. Такой анахронизмъ произошелъ отъ того, что съ 1879 года Владимірскій статистическій комитетъ не издалъ ни одного тома своихъ трудовъ, и хотя дѣлъ за нимъ никакихъ, повидимому, не числится, тѣмъ не менѣе въ теченіи трехъ лѣтъ онъ не нашелъ досужихъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, чтобы сообразиться съ матеріаломъ и приготовить что-нибудь къ печати. А теперь онъ вдругъ съ чего-то надумался—совѣсть что ли его заговорила или по другой какой причинѣ, хорошенько не знаемъ—и издаетъ, «ничтоже сумняшеся», въ концѣ 1883 года «Ежегодникъ» за 1880 годъ. А въ концѣ 1886 года, вѣроятно, издать «Ежегодникъ» за 1881 годъ, и т. д.

Въ «Ежегодникѣ» за 1880 годъ помѣщены, по обыкновенію, только одни «матеріалы», обработанные въ видѣ отдѣльныхъ, законченныхъ статей. Матеріалы эти раздѣляются на три категоріи: «матеріалы для статистики», «матеріалы для этнографіи» и «матеріалы для исторіи и археологій». Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены статьи: «Географическо-статистическое описаніе Муромскаго уѣзда», глава 2-я (сельское хозяйство въ Муромскомъ уѣздѣ), Н. Добрынкина; «О лѣсахъ, древесномъ топливѣ и добываніи торфа во Владимірской губ.», бывшаго редактора неофициальной части «Влад. губ. Вѣдомостей» К. Н. Тихонравова, нынѣ уже умершаго; «Кустарная промышленность въ Муромск. уѣздѣ», Н. Добрынкина. Во второмъ отдѣлѣ: «Семикъ и Троицкии День», Екатер. Добрынкиной; «Отправка офеней въ дорогу для торговой промышленности и нѣкоторые обычаи при этомъ случаѣ», И. Голышева; «Народные праздничные обычаи въ г. Гороховцѣ»; «Одинскій языкъ» (дополни. къ сообщенію г. Голышова въ трудахъ Владимірскаго статистическаго комитета, вып. X, 1874 года); «Сговоръ», этнографическій этюдъ, Е. Добрынкиной. Въ третьемъ отдѣлѣ: «Село Годуново, Александровскаго уѣзда» и въ приложеніи къ нему: «Грамота царей Ивана и Петра Алексѣевичей и царевны Софьи Ивану Михайл. Дурново, на пожалованіе ему с. Годунова» (1687 года); «Симеоновскій монастырь, бывший близъ Александровой слободы», Н. С. Стромиллова; «Древняя Козмодемьянская церковь въ г. Муромѣ», Н. Добрынкина; и затѣмъ «Памятники русской старины», И. Голышева. Эта послѣдняя статья вышла недавно отдѣльнымъ изданіемъ при альбомѣ русскихъ старинныхъ орнаментовъ, о которомъ мы дали уже отзывъ въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго 1883 года.

Въ историческомъ отдѣлѣ самая замѣчательная, выдающаяся статья есть несомнѣнно «Симеоновскій монастырь» Н. Стромиллова. Монастырь этотъ, основанный при Иванѣ Грозномъ, былъ упраздненъ въ 1724 году вслѣдствіе известнаго синодскаго указа отъ 15 апрѣля. Въ печатныхъ источникахъ о немъ почти нигдѣ не упоминается: ни въ «Истории русской іерархіи», ни въ «Описаніи Владимирской епархіи» іеромон. Іоасафа, ни въ «Полномъ спискѣ монастырей, упраздненныхъ во Влад. епархіи» (Влад. Епарх. Вѣд., неоф. часть, 1873 года, № 8), ни даже въ перечнѣ монастырей, приписанныхъ къ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, напечатанномъ въ «Историч. Опис. Свято-Троицкой Сергіевской Лавры», А. Горскаго (1879 года). Только одинъ Ратшинъ даетъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія, да и то слишкомъ отрывочныя и неполныя. При составленіи настоящей статьи, г. Стромилловъ руководствовался главнымъ образомъ «Сборникомъ актовъ Троицко-Сергіевой Лаврской библиотеки», № 627, и списками съ 10 грамотъ Симеоновскаго монастыря (рук. XVII стол.), находящимися въ той же Лаврской библиотекѣ. Подробное историческое описаніе упраздненнаго Симеоновскаго монастыря, по словамъ г. Стромиллова, составлено давно С. К. Смирновымъ (нынѣ о. Сергіемъ, ректоромъ Московской дух. академіи); онъ передалъ свою рукопись І. М. Бодянскому для напечатанія въ «Чтеніяхъ Имп. Моск. Общества истории и древн. російскихъ», но къ сожалѣнію трудъ этотъ еще и до сихъ поръ не напечатанъ.

«Ежегодникъ» изданъ in 4°; каждая страница раздѣлена на два столбца. Вумага хорошая, печать (корпусъ) раборчивая. Въ концѣ приложенъ Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части «Влад. Губ. Вѣдомостей» 1880 и 1881 годовъ.

Н. Д—скій.

Исторія XIX вѣка. Мишле. Томъ II. Переводъ подъ редакціей М. Цебриковой. Спб. 1884.

Въ прошломъ году мы отдали отчетъ о первомъ томѣ этого послѣдняго произведенія французскаго историка, явившемся на русскомъ языкѣ. Нынѣ вышедшій томъ заключаетъ въ себѣ событія конца XVIII вѣка въ Англіи, министерство Питта, войну въ Италіи 1796—97 годовъ, событія во Франціи въ эти же годы, египетскую экспедицію Бонапарту, перевороты фруктидора, преріалы и наконецъ 18-го брюмера. Все это рассказано цвѣтистымъ, блестящимъ языкомъ, составляющимъ особенность таланта Мишле, но едва ли отвѣчающимъ требованіямъ строгой, прагматической исторіи. Если лѣтописецъ долженъ, «не мудрствуя лукаво» описывать событія, «добру и злу внимая равнодушно», то отъ историка хотя и не требуется этого равнодушія, но, во всякомъ случаѣ излишняя страстность въ оцѣнѣ людей и событій мѣшаетъ безпристрастному приговору исторіи, а тѣмъ болѣе ея правосудію которому самъ Мишле, во введеніи къ своей книгѣ, придаетъ такое важное значеніе. Мнѣніе будущаго, которому столько лицъ приносятъ въ жертву самую жизнь—значитъ что нибудь, говоритъ Мишле, называя проклятіе исторіи съ ея адомъ страшнымъ и для тирановъ, потому что они не щадятъ ничего для охраненія своей памяти и для обмана потомства. Мишле могъ бы прибавить, что они также ревностно охраняютъ память и другихъ тирановъ, своихъ собратьевъ, запрещая рабоблачать въ печати поступки, истребляя до-

кументы, служащіе къ ихъ обвиненію. Это не мѣшаетъ однако исторіи знать и говорить правду. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ ей быть безпристрастной и справедливой. А Мишле видитъ одни черныя черты въ поступкахъ Бонапарте. Правда, исторія нашего времени рисуетъ эту личность весьма несимпатичными чертами; но развѣ болѣе симпатичны были личности, составлявшія управленіе директоріи, которую онъ уничтожилъ? Развѣ лучше были террористы, которыхъ въ свою очередь смѣнила директорія? Несправедливые поступки иногда оправдываются необходимостью уничтоженія другихъ поступковъ, еще болѣе приносящихъ вредъ и заслуживающихъ порицаніе. Абсолютная правда рѣдко руководитъ дѣйствіями какъ частныхъ, такъ и историческихъ лицъ, а послѣдніе бывають поставлены иногда въ такія обстоятельства, что не могутъ ей слѣдовать. Человѣкъ не создаетъ обстоятельствъ и самъ часто долженъ имъ подчиняться. А Мишле не хочетъ ничего извинить и все осуждаетъ, увлекаясь въ то же время нѣкоторыми облюбованными имъ личностями. Эта односторонность сужденій не отнимаетъ однако значенія отъ его изысканій, всегда добросовѣстныхъ и основанныхъ на стремленіи къ справедливости. Переводъ этого тома лучше перваго. Слогъ Мишле передается не легко, и редактировать его по чужому переводу еще труднѣе. Мѣстами попадаются неловкіе обороты и тяжелыя фразы. Явныхъ небрежностей не замѣтно.

В. З.

Общій обзоръ дѣятельности петербургскаго филармоническаго общества. Составилъ Евгеній Альбрехтъ. Спб. 1884.

Прекрасно отпечатанная книга заключаетъ въ себѣ довольно интересные матеріалы для исторіи общества, существующаго уже 82 года. По словамъ предсѣдателя общества, въ настоящее время оно переживаетъ, если не критическій, то по крайней мѣрѣ неопредѣленный періодъ своего существованія, и потому г. Альбрехтъ предлагаетъ измѣнить уставъ общества, утвержденный, впрочемъ, только въ 1865 году. Въ какой мѣрѣ перемѣна устава, недействующаго и двадцати лѣтъ, должна содѣйствовать возрожденію общества, существовавшаго болѣе 60-ти лѣтъ при прежнихъ три раза уже измѣнявшихся уставахъ, — конечно, теперь опредѣлить невозможно, также какъ и отвѣчать на вопросъ: одинъ ли уставъ виною «неопредѣленнаго» положенія дѣла? Мы не видимъ даже, чтобы дѣла эти были особенно «неопредѣленны». Къ маю 1883 года наличный капиталъ общества составлялъ болѣе 185,000 (надавая обзоръ въ январѣ 1884 года почему бы не показать состояніе капитала къ этому сроку?), ежегодно общество выдаетъ пенсій на сумму болѣе 10,000 рублей; членовъ въ немъ, правда, немного — 139 и число это не рекомендуетъ музыкальность Петербурга; странный законъ 7-го марта 1854 года, вошедшій въ уставъ «о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій» о томъ, что «благотворительныя общества могутъ назначать въ пользу своихъ заведеній не болѣе какъ по одному публичному концерту въ годъ, въ сроки указанные закономъ», уничтоженъ въ нынѣшнее царствованіе, вмѣстѣ съ монополіею императорскихъ театровъ, не считающихъ болѣе нужнымъ пресѣять и предупреждать такія преступленія, какъ концерты. Все это, казалось бы, не должно вести къ предложенію, по новому уставу, подчинить совѣтъ общества министерства

двора, подвергнуть всѣхъ членовъ петербургскихъ и московскихъ оркестровъ обязательному взносу не менѣе двухъ процентовъ съ казеннаго содержанія, наконецъ, прекратить приемъ въ общество новыхъ пенсіонерокъ, а наличный капиталъ общества положить въ основаніе эмеритуры. Впрочемъ, самимъ музыкантамъ, болѣе знакомымъ съ положеніемъ общества, это видѣе чѣмъ намъ, судящимъ на основаніи опубликованной книги, гдѣ приведены далеко не всѣ данныя, на основаніи которыхъ можно было бы дѣлать заключенія. Такъ, сборъ съ концертовъ показанъ только въ теченіи первыхъ 25-ти лѣтъ съ основанія общества, тогда какъ гораздо интереснѣе и важнѣе было бы знать цифру сборовъ послѣднихъ концертовъ, не колебавшихся, вѣроятно, такъ странно, какъ въ первые годы между 8,500 и 17-ью рублями. Любопытны помѣщенные въ приложеніи письма Гайдна, Бетховена, Мейербера, Вагнера, Листа и программы концертовъ. Жаль, что не приводятся критическіе отзывы хотя бы о главныхъ изъ нихъ и что въ числѣ почетныхъ членовъ общества гораздо меньше хорошихъ музыкантовъ, чѣмъ такихъ знатоковъ музыки какъ директоръ театровъ Сабуровъ, начальникъ репертуара П. С. Федоровъ и управляющій театральною конторою Юргенсъ.

Н. Н.

Чтенія по исторіи западной Россіи. М. Кояловича. Новое изданіе, переработанное и дополненное съ изданія 1864 года. Спб. 1884 года. Съ этнографическою картою.

Лекціи профессора Кояловича при первомъ своемъ появленіи имѣли заслуженный успѣхъ, благодаря не только эрудиціи автора, но также и политическимъ обстоятельствамъ того времени. Книга эта не потеряла значенія и до сихъ поръ, тѣмъ болѣе, что авторъ, постоянно работавшій надъ памятниками исторіи края, имѣлъ возможность обогатить свой трудъ многочисленными дополненіями и даже написалъ заново нѣкоторыя мѣста, какъ-то, касающіяся событія прошлаго столѣтія.

При переживаемыхъ теперь столѣтнихъ юбилеяхъ польскихъ раздѣловъ, желательно появленіе большаго количества основательныхъ и безпристрастныхъ изслѣдованій этихъ событій, особенно по отношенію къ тѣмъ частямъ бывшаго королевства, которые составляли исконное русское достояніе. Авторъ посвятилъ самыя краснорѣчивыя страницы своихъ лекцій этой эпохѣ, столь близко касающейся исторической судьбы его родины. Рѣзкую критику г. Кояловича вызываютъ и тѣ мѣры въ царствованіе императора Александра I, которыя какъ бы утверждали поляковъ въ мысли о нераздѣльности западнаго края съ царствомъ Польскимъ. Не будемъ обвинять автора за отсутствіе мѣстами спокойствія въ трактованіи своего предмета. Ученныя заслуги г. Кояловича ставятъ его выше нареканій въ тенденціозности. Но и простые люди были свидѣтелями, сколькихъ кровавыхъ разочарованій стоила упомянутая ложная политика по отношенію къ западной Россіи.

Н. С. Б.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Два сочиненія о Балтійскихъ провинціяхъ.—Англійскій генералъ, китайскій мандаринъ и египетскій паша въ одномъ лицѣ—Исторія римскихъ императоровъ.—Исторія древней и современной Германіи.—Дневникъ Карла VII.—Биографія Болингброка.—Аттическія надписи.—Очеркъ исторіи Италіи.—Французскій реформаторъ XVII вѣка.—Сочиненія о Фридрихѣ II.—Первый французскій журналъ.—Два историческіе романа.—Филиппъ II какъ нѣжный отецъ.—Мемуары Гейне.—Дневникъ королевы Викторіи.—Книга Буша о Бисмаркѣ.

КНИГИ О РОССИИ продолжаютъ постоянно появляться въ Германіи. Больше всего сосѣди наши обращаютъ вниманіе на балтійскія провинціи: въ нихъ видятъ частицу своего «общаго отечества» (Gesammt Vaterland), къ нимъ обращаются они съ нѣжнымъ чувствомъ матери, собогъзвующей о томъ, что не всѣ ея дѣти собраны подъ широкими крыльями германскаго орла. Что за дѣло этимъ «патріотамъ своего отечества», что они пришельцы въ Балтійскомъ краѣ, подпавшемъ ихъ власти только въ силу завоеванія, что коренное, туземное населеніе до сихъ поръ относится къ нимъ далеко недружелюбно, помня если не историческій погромъ ихъ края тевтонскими рыцарями, то новѣйшія угнетенія остзейскихъ бароновъ. И едва только нынѣшніе властители страны начинаютъ принимать мѣры для облегченія участи востонцевъ, латышей, куроновъ, обездоленныхъ нѣмецкими культуртрегерами, какъ со всѣхъ концовъ Германіи поднимаются крики о русскомъ варварствѣ, о нарушеніи священныхъ обяванностей—обращать туземцевъ въ батраковъ, о потрясеніи основъ кулачнаго права (Faust-Recht). Если даже въ краѣ и не принимается никакихъ мѣръ, могущихъ потревожить высокородженныхъ бароновъ, одноплеменники ихъ не упускаютъ случая инсинуировать, по мѣрѣ возможности, противъ русскаго управленія въ Балтійскомъ краѣ. Подобнаго рода инсинуациями полна книга неавѣстнаго автора «Пятьдесятъ лѣтъ русскаго управленія въ

Балтійскихъ провинціяхъ» (Fünfzig Jahre russischer Verwaltung in den Baltischen Provinzen). Нѣмецкіе органы періодической печати въ восторгѣ отъ этого произведенія. Журналъ историческаго общества въ Берлинѣ «Mitteilungen aus der historischen Litteratur» говоритъ прямо, что друзья остзейскихъ провинцій должны радоваться появленію этой книги именно въ настоящее время, когда «подъ покровомъ русскаго правительства летты и эсты снова направлены (gehetzt) на нѣмцевъ и предпринимаются эксперименты, уже испробованные въ послѣднія 50 лѣтъ». Исторію этихъ-те экспериментовъ и натравливанія расказываетъ книга, основанная будто бы на официальныхъ документахъ и запискахъ лицъ, принимавшихъ участіе въ правленіи. Можно представить себѣ, какую «длинную цѣпь страданій и прозявлода» развиваетъ авторъ, благородному скрывшій свое имя, и какія похвалы расточаетъ онъ «покинутымъ остзейскимъ братьямъ, съ мужественною твердостью и упорствомъ защищающимъ самостоятельность страны противъ правительственнаго обрусѣнія и неуклюжихъ (tölpelhaften) махинацій Каткова, Аксакова и пр.». Какіхъ только обвиненій не вводится тутъ на «фанатическихъ героевъ догмата національнаго и церковнаго объединенія, съ слѣпой яростью сражающихся противъ западноевропейской культуры!» Какъ искажаются и заподозриваются самыя благотворныя мѣры для улучшенія благосостоянія жителей! Что говорится о школахъ, церкви и пр. Несмотря на крайнюю тенденціозность сочиненія, съ нимъ все-таки необходимо познакомиться русскому человеку, хотя бы для того, чтобы узнать, напримѣръ, почему, отъываясь невыгодно обо всѣхъ правителяхъ края, авторъ расхваливаетъ правленіе князя Суворова. Въ концѣ книги помѣщена неопубликованная еще программа генерала Альбединскаго 1866—70 годовъ, который ввелъ въ управленіе край систему, дѣйствовавшую при Головинѣ. Авторъ увѣряетъ, что край управляется и теперь по этой программѣ.

— Другое сочиненіе вышло въ формѣ «Путешествія черезъ Литву въ Курляндію и Ригу» (Eine Reise durch Litauen nach Kurland und Riga). Первоначально оно появилось въ извѣстномъ періодическомъ изданіи «Unsere Zeit» и написано курляндцемъ Дорнетомъ, оставившемъ свою родину и выдѣлавшемъ снова побывать въ ней. Авторъ описываетъ свои путевыя впечатлѣнія, говорить о прошедшемъ страны, о крещеніи туземцевъ, дѣлаетъ выписки изъ лифляндскихъ хроникъ и «Acta bogussica», рисуетъ картины бѣдности литовцевъ, о которыхъ не заботились ихъ польскіе паны, — и зажиточности востовъ, которою они обязаны нѣмцамъ. Въ Курляндіи — всадъ порядокъ и благосостояніе, тогда какъ въ Литвѣ — произволъ и безправіе. Если же летты и эсты поджигаютъ иногда дома нѣмецкихъ бароновъ, то виною этому «возбуждаемая панславистами ненависть къ германской расѣ, превращающаяся въ ненависть немущихъ къ собственникамъ, угрожающая благословеннымъ балтійскимъ провинціямъ стыдомъ и опустошеніемъ». Главная мысль всей статьи сводится къ тому заключительному выводу, что въ этомъ краѣ «борьба за существованіе германства (Deutschthum) приняла въ послѣднее время явно угрожающій характеръ. Но отъ рѣшенія туземныхъ жителей будетъ зависѣть, останутся ли вѣрны германству балтійскія провинція, еще называющіяся нѣмецкими, или навсегда подпадутъ руссизму (dem Russenthum verfallen sollen). Не слышно, но знаменательно приводится здѣсь въ дѣйствіе преобразование, которое можетъ имѣть вліяніе на положеніе всей Европы». **Давно** мнѣніе автора, допускающаго еще альтернативу свободнаго присое-

земцевъ къ той или другой національности, тогда какъ авторъ предъидущей брошюры не можетъ даже подумать о преобладаніи русскаго элемента. По-этому брошюра Дорнета все-таки безпристрастнѣ относится къ балтійскому вопросу.

— Последнія событія въ Суданѣ до того встревожили англичанъ, что они забыли даже кричать о ненасытной завоевательной политикѣ Россіи, захватившей Мервъ, этотъ ключъ къ Герату, который, въ свою очередь, ключъ къ Афганистану, этому ключу къ Индію. Такія событія, какъ уничтоженіе цѣлой арміи Гикса-паши, до послѣдняго человѣка, разбитіе Векера-паши, взятіе крѣпости Сянката, причѣмъ истребленъ весь гарнизонъ съ Тевфикъ-пашею, всѣ женщины и дѣти, конечно, не могли не напугать англичанъ, прибѣгнувшихъ для спасенія Судана къ помощи его бывшаго правителя Гордона-паши. Почти въ одно время съ назначеніемъ его неограниченнымъ распорядителемъ въ этой странѣ, вышла его біографія, написанная его двоюроднымъ братомъ Эгмонтомъ Гакомъ, подъ названіемъ «Исторія Китайскаго Гордона» (The Story of Chinese Gordon). Извѣстно, что прозваніе «Китайскаго» онъ получилъ за свои подвиги въ Серединной имперіи. Біографія, конечно, не болѣе какъ панегирикъ Гордона, человѣка безусловно даровитаго, смѣлаго, предприимчиваго, но все-таки авантюриста, бросившагося во всевозможныя, сомнительныя предпріятія съ цѣлью прославленія себя и наживы. Кузенъ его представляетъ Гордона человѣкомъ скромнымъ, даже до того, что выписки изъ его писемъ приводятся въ книгѣ противъ его воли. Но именно этого-то качества, скромности, и недостаетъ Гордону, автору сочиненія «Всегда непобѣдимая армія, исторія китайской кампаніи», вышедшаго въ 1868 году. Службу свою нъ началъ подъ Севастополемъ, гдѣ пробылъ до конца 1854 года, до заключенія мира. Потомъ былъ комиссаромъ по проведенію русской-турецкой границы въ Азіи, участвовалъ въ войнѣ Англіи съ Китаемъ, а по окончаніи ея поступилъ на службу къ державѣ, съ которою только-что сражался. Его назначили предводителемъ арміи, дѣйствовавшей противъ тайпинговъ, возставшихъ противъ манджурскаго правительства и захватившихъ въ свои руки плодороднѣйшія провинціи Китая и богатые города. Съ помощью европейскихъ офицеровъ Гордону удалось, въ два года, потушить возстаніе въ крови инсургентовъ, хотя онъ писалъ къ своей матери, что «принялъ начальство съ гуманной цѣлью: открыть для цивилизаціи и уничтожить мятежъ, задерживающій въ странѣ развитіе прогресса». За свои подвиги и за взятіе послѣдняго оплота тайпинговъ—Нанкина, онъ сдѣланъ былъ мандариномъ. Ему было дѣйствительно трудно бороться, но не съ инсургентами, а съ китайскими начальниками, мѣшавшими ему на каждомъ шагу, и съ своими собственными солдатами, не получавшими все время жалованья и поминутно бунтовавшими. Побѣды арміи Гордона неизбѣжно соединились съ грабежами городовъ, отнятыхъ у инсургентовъ и жестокими казнями побѣжденныхъ, но въ этомъ виноватъ не начальникъ, а китайская система веденія войны. По возвращеніи въ Англію, онъ получилъ должность королевскаго инженера въ Гревендѣ, а въ 1871 году англійскаго комиссара въ дунайской комиссіи и вице-консула въ Галацѣ. Но мирныя занятія скоро наскучили ему и онъ поступилъ на службу къ хедиву, сдѣлавшему его губернаторомъ Судана. Пять лѣтъ боролся онъ тамъ съ полудикими, независимыми племенами, преслѣдовалъ торговлю невольниками, но опять еще больше приходилось ему, какъ въ Китай, бороться съ самимъ правительствомъ, грабившимъ Суданъ че-

ревъ своихъ пашей и чиновниковъ и уничтожавшимъ всё полезныя мѣры, принимаемыя губернаторомъ. Чтобы избавиться отъ Гордона, хедивъ отправилъ его съ дипломатическимъ порученіемъ къ абиссинскому императору—и тотъ, захвативъ посланника, не казнилъ его только потому, что побоялся мести Англіи, помня участь негуша Теодора. Но хедивъ все-таки отнялъ у Гордона управленіе Суданомъ и генералъ отправился въ Индію, гдѣ хотѣлъ поступить секретаремъ къ лорду Рипону, но недовольный управленіемъ англичанъ въ Индіи уѣхалъ и оттуда въ Пекинъ, гдѣ, какъ говорятъ, отсовѣтовалъ китайцамъ затѣвать войну съ Россією. Видя, что и въ Китаѣ ему нечего дѣлать, Гордонъ въ 1882 году отправился на мысъ Доброй Надежды воевать съ басутосами, но когда онъ пріѣхалъ, война была уже кончена, а его планы для устройства и администраціи страны—не приняло министерство. Тогда онъ направился въ Іерусалимъ, гдѣ занялся археологическими изысканіями. Но и тамъ ему не сидѣлось и, въ началѣ нынѣшняго года, онъ вернулся въ Европу, чтобы принять участіе въ экспедиціи во внутреннюю Африку на рѣку Конго. Вдругъ Англія предложила ему званіе ея представителя въ Суданѣ, и онъ взялся поправить положеніе дѣлъ въ этой странѣ, получивъ болѣе четырехъ милліоновъ рублей для этой цѣли, то есть для подкупа вліятельныхъ шейховъ и приверженцевъ пророка Махди, поднявшаго весь Суданъ. Книга Гака сообщает много фактовъ о великодушіи, безкорыстіи, мужествѣ, благотворительности Гордона, но эти черты характера не оправдываютъ его безпокойнаго нрава, и чтобы произнести о немъ окончательное сужденіе, надо подождать его дальнѣйшихъ дѣйствій и приговора исторіи.

— Вышелъ второй томъ замѣчательной «Исторіи временъ римскихъ императоровъ» (Geschichte der römischen Kaiserzeit) Германа Шиллера. Въ этомъ томѣ, обнимающемъ пространство времени отъ Веспасіана до восшествія на престолъ Діоклетіана, авторъ, основываясь на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, представляетъ характеристику многихъ императоровъ далеко не такою, какъ она является въ общепринятыхъ руководствахъ. Такъ, Веспасіанъ у него представитель милитаризма. Титъ не заслуживаетъ похвалъ, какими его обыкновенно осыпаютъ, а Домиціанъ—упрековъ ненавидѣвшихъ его сената и аристократіи; но они же восхваляли слабаго Нерву, за то что онъ возвратилъ имъ власть. Траянъ былъ прежде всего солдатъ, Адрианъ—государственный дѣятель; дѣятельность послѣдняго была изумительна: онъ первый уравнялъ права провинцій и Рима. Маркъ Аврелій былъ слишкомъ философъ и доктринеръ, чтобы понять стремленія своего времени. Сенатъ получилъ большое вліяніе при Александрѣ Северѣ, но потерялъ его при Аврелианѣ. Ходъ историческихъ событій въ книгѣ Шиллера прерывается главами, въ которыхъ налагается культура, общественная жизнь, искусство, литература и религиозное настроеніе различныхъ эпохъ.

— Изывѣстный историкъ и романистъ Феликсъ Данъ началъ писать «Исторію древнихъ временъ Германіи» (Geschichte der deutschen Urzeit). Вышелъ первый томъ, изображающій положеніе Европы во время перехода въ нее германцевъ отъ береговъ Каспійскаго моря; въ живой, вполне вѣрной картинѣ переданы обычаи и жизнь этого племени при постепенномъ переходѣ его изъ семейнаго быта въ общинный, потомъ въ союзъ отдѣльныхъ племенъ и, наконецъ, въ народный союзъ. Томъ оканчивается основаніемъ франкскаго королевства. Особенно любопытны историческія подробности страшныхъ битвъ съ Римомъ, до паденія западной имперіи при Одоакрѣ и возвышенія меровингской династіи.

— Покойный историкъ Нитцъ не успѣлъ составить полной исторіи германскаго народа и послѣ него остались только отрывочныя записки и лекціи, приведенныя теперь въ порядокъ Георгомъ Маттеи, подготовившимъ изданіе этой исторіи до Аугсбургскаго мира. Вышелъ первый томъ до конца царствованія Оттоновъ (Geschichte des deutschen Volkes bis zum Ausgang der Ottonen). Въ книгѣ нисколько не замѣтно, что она составлена изъ неполнѣ обработанныхъ записокъ, и дарованіе автора является въ обычномъ блескѣ.

— По исторіи отдѣльныхъ провинцій и эпохъ Германіи вышли «Исторія Силезіи» (Geschichte Schlesiens) Карла Грюнгагена, доведенная въ первомъ томѣ до владычества Габсбурговъ, и «Исторія областей, вошедшихъ въ составъ прусской Саксоніи» (Geschichte der in der preussischen Provinz Sachsen vereinigten Gebiete) Эдуарда Якобса. Книга Грюнгагена вполне замѣнила все, что до него было писано объ этомъ предметѣ, но трудъ Якобса заслуживаетъ еще болѣе вниманія. Не легко было собрать вполне достоверныя свѣдѣнія, начиная съ дохристіанской эпохи, обо всѣхъ мелкихъ владѣніяхъ, образовавшихся въ 1815 году въ провинцію Саксонію. Замѣчательно сочиненіе Альфреда Дове—Эпоха Фридриха Великаго и Иосифа II (Das Zeitalter Friedrich's des Grossen und Ioseph's II) доведенная до 1745 года. Трудъ этотъ задуманъ не съ прусской или австрійской точки зрѣнія, а съ національной. Особенно рельефно изобразилъ авторъ, какое вліяніе на событія произвелъ дуализмъ обонхъ монарховъ и почему не удалась попытка Карла VII измѣнить государственныя и правовыя отношенія имперіи. Этого императора историкъ представляетъ въ непривлекательномъ свѣтѣ и даже сравниваетъ его съ Карломъ-Толстымъ, расхваливая въ то же время Фридриха II, Карла VI, Марію Терезію, Франца I. Что Карлъ VII никогда не былъ рабомъ Франціи, авторъ могъ бы узнать изъ выпедшаго недавно «Дневника императора Карла VII изъ временъ войны за австрійское наслѣдство» (Das Tagebuch Kaiser Karl's VII aus der Zeit des oesterreichischen Erbfolgekrieges). Изданный по автографу императора Карломъ Гейгелемъ, дневникъ этотъ доказываетъ, что Карлъ VII если и не былъ великимъ государемъ, то любилъ правду и сознавалъ свои ошибки, хотя постоянно жаловался, что судьба была всегда противъ него во всѣхъ его предпріятіяхъ. Дове не имѣлъ въ виду этой книги, когда печаталъ свой трудъ.

— Морицъ Врангъ надалъ любопытный вступъ изъ исторіи Англіи: «Лордъ Болингброкъ и виги и торіе его времени» (Lord Bolingbroke und die Whigs und Tories seiner Zeit). Для своего сочиненія авторъ пользовался новыми источниками, помѣщенными въ венеціанскомъ архивѣ, въ донесеніяхъ посланниковъ и въ страсбургской бібліотекѣ. Оно снимаетъ съ лорда многія обвиненія и представляетъ его продуктомъ партійныхъ раздоровъ, настоящимъ сыномъ своего вѣка. Эти партіи и отдѣльныя личности Марльбороу, Честерфильда и Вальполя обрисованы мастерски; но нельзя сказать, чтобы авторъ вполне разъяснилъ двойственный, измѣнчивыя характеръ Болингброка, являвшагося то консервативнымъ монархистомъ, то якобитомъ, то приверженцемъ, то противникомъ церкви. Такія натуры могутъ занимать блестящее положеніе въ данную минуту, но не оставляютъ прочныхъ слѣдовъ въ исторіи страны, и народъ не даромъ не сочувствовалъ Болингброку, принужденному оставить свое отечество, которому оказалъ не мало услугъ, особенно при заключеніи Утрехтскаго мира.

— Берлинская академія давно уже выдаетъ необходимое для исторіи и археологіи древняго міра собраніе греческихъ и римскихъ надписей. Въ двухъ уже вышедшихъ въ свѣтъ томахъ заключаются греческія надписи до евклидовыхъ временъ и римской эпохи императоровъ. Теперь Ульрихъ Келеръ, по порученію академіи, составилъ третій томъ, въ который вошли надписи отъ Евклида до Августа (*Corpus inscriptionum Atticarum... inter Euclidis annum et Augusti tempora*). Въ сборникъ этотъ вошли надписи, во многомъ разъясняющія историческія событія и принадлежащія правительственнымъ лицамъ, какъ хранителямъ сокровищъ Аены и другихъ боговъ, исчисленіе приношеній, инвентарь имущества храмовъ, реестры серебряныхъ чашъ, списки земельныхъ участковъ, кораблей, постановленія амфиціоновъ и жрецовъ, вѣтъмъ списки архонтовъ, притановъ, судебного, духовнаго и военнаго сословія; наемные и арендные контракты и т. п. Недостаетъ только надгробныхъ надписей и посвященій богамъ. Они слишкомъ многочисленны и войдутъ вѣроятно въ особый томъ.

— Маститый авторъ «Исторіи германскаго владычества въ Италіи» (*Storia delle dominazioni germaniche in Italia*) и «Древней исторіи Италіи» (*Storia antica d'Italia*) неаполитанскій профессоръ Франческо Вертолини издалъ новое, замѣчательное сочиненіе «Критическіе опыты итальянской исторіи» (*Saggi critici di storia italiana*). Въ десяти очеркахъ, вошедшихъ въ это изданіе, видно близкое знакомство автора съ новѣйшими историческими изслѣдованіями и методами. Первые четыре очерка касаются древней исторіи Рима, въ которой Вертолини, по слѣдамъ Момзена, видитъ въ исторіи царей сказочный характеръ, а въ исторіи уничтоженія монархіи и учрежденіи республиканскаго правленія — явное противорѣчіе. Объяснить его авторъ предлагаетъ — восстаніемъ рода Валеріи противъ Тарквиніевъ, потомъ восстаніемъ противъ Публіи Валеріи и добровольною передачею имъ власти — консуламъ. Второй очеркъ изслѣдуетъ учрежденіе трибуната, третій опровергаетъ мнѣніе Момзена объ аграрномъ законѣ Кассія; въ четвертомъ излагаются причины уничтоженія децемвирата. Въ остальныхъ этюдахъ авторъ подвергаетъ серьезной критикѣ нѣкоторые факты средневѣковой и новѣйшей исторіи и между прочимъ доказываетъ, что средніе вѣка въ Италіи надо считать со вторженіи лонгобардовъ, а не съ уничтоженія Одоакромъ западной римской имперіи, — предводители варваровъ давно уже управляли ею, не нося званія императоровъ и Одоакръ былъ въ этомъ отношеніи только преемникомъ Рипимера. Въ послѣднемъ очеркѣ помѣщенъ подробный разборъ исторіи Рима въ средніе вѣка, Григоровіуса.

— Каллери, авторъ «Исторіи королевской подати въ XVII и XVIII вѣкѣ» (*Histoire de la taille royale au XVII et XVIII siecles*), издалъ новое изслѣдованіе о Буленвильерѣ, подъ названіемъ «Реформаторы старинной Франціи» (*Les réformateurs de l'ancienne France Boulainvilliers*). Этотъ страннѣйшій историкъ и политическій писатель, теперь забытый, въ свое время возбуждалъ такое впечатлѣніе своею «Исторіею стариннаго управленія во Франціи», «Мемуарами за французское дворянство противъ герцоговъ и перовъ», «Исторіею перства во Франціи и парижскаго парламента», что его опровергали Вольтеръ и Монтескье, а въ наше время Огюстенъ Тьері. Каллери также доказываетъ невозможность осуществленія реформаторскихъ прѣмовъ Буленвильера, между которыми первое мѣсто занимаетъ предложеніе о восстановленіи феодальной системы, которую онъ называлъ лучшимъ созданіемъ челоувѣческаго ума. Онъ требовалъ также сосредоточенія всемірной торговли въ

одну монополію вниманія, въ видѣ подати, одной пятой съ жалованья всѣхъ чиновниковъ и пр. Эти планы, блиско сходящіеся и съ прямымъ коммунизмомъ и съ государственнымъ социализмомъ, доказываютъ, что идеи современныхъ коммунистовъ и приверженцевъ системы имперскаго германскаго канцлера были въ ходу и предлагались еще въ XVII вѣкѣ.

— О Фридрихѣ II вышло два отдѣльныхъ сочиненія: одно въ известномъ изданіи всемірной исторіи Онкена «Эпоха Фридриха Великаго» (Das Zeitalter Friedrichs des Grossen), добросовѣстный трудъ, обработанный по послѣднимъ изысканіямъ; другое составляетъ сборникъ отдѣльныхъ статей, относящихся «Къ исторіи характеристикъ Фридриха» (Zur Geschichte und Charakteristik Friedrich des Grossen) и написанныхъ покойнымъ Эдуардомъ Кауеромъ. Авторъ говоритъ сначала объ отношеніяхъ Фридриха къ классической древности, которую онъ хорошо зналъ и любилъ и о его идеяхъ о воспитаніи и обученіи. Король не былъ вовсе поклонникомъ идей Руссо, хотѣлъ, чтобы моральное развитіе основывалось на любви къ отечеству и, не смотря на свой деспотизмъ, не запрещалъ разсуждать (raisonner) ни взрослымъ, ни даже ученикамъ. Онъ не былъ нисколько противникомъ самостоятельности. Въ книгѣ Кауера приведена правительственная программа Фридриха, разработаны написанныя противъ него полемическія сочиненія, особенно многочисленныя въ эпоху Семилѣтней войны. Въ послѣдней главѣ Фридрихъ разбирается какъ стихотворецъ.

— О первомъ французскомъ журналистѣ вышли два изслѣдованія—Эжена Гатена: «Théophraste Renaudot et ses innocentes inventions» и Жюльи де-ла-Турретт: «Théophraste Renaudot d'après les documents inédits». Последняя біографія, составленная землякомъ Ренодо, впадаетъ уже въ черезъ-чуръ панегиристическій тонъ. Ла-Турретт не только требуетъ, чтобы Ренодо воздвигли стацию, но и сравниваетъ его съ святымъ Винцентомъ де-Поль, не потому, что онъ издавалъ газету, конечно, но за то, что ввелъ во Франціи судныя кассы и даровныя консультаціи въ госпиталяхъ, то есть за его филантропическіе подвиги. Но филантропія у Ренодо была только средствомъ расширять его промышленныя обороты. Это былъ Эмиль Жираденъ своего времени, даровитый, предприимчивый, дѣятельный писатель и изобрѣтатель, но не задумывавшійся надъ средствами пустить въ ходъ свои «невинныя изобрѣтенія», какъ онъ называлъ ихъ. Докторъ медицины на 20-мъ году въ Луденѣ, онъ приобрѣлъ тамъ такую извѣстность, что былъ вызванъ въ Парижъ и сдѣланъ королевскимъ врачомъ; онъ получилъ также званіе совѣтника и историографа. Вернувшись въ свой родной городъ, онъ прожилъ тамъ 12 лѣтъ и написалъ «Жизнь принца Конде», «Жизнь маршала Госсіона» и др.; назначенный главнымъ комиссаромъ бѣдныхъ всего королевства, онъ поселился окончательно въ Парижѣ. Рипшель далъ ему привилегію на открытіе конторы адресовъ, объявленій и справокъ всякаго рода. При этомъ учрежденіи, 30-го мая 1631 года, началъ выходить еженедѣльно листокъ объявленій, подъ названіемъ «Газета». Это изданіе новаго рода имѣло большой успѣхъ и, пополняясь постепенно извѣстіями и свѣдѣніями всякаго рода, превратилось скоро въ политическій листокъ. Его составители и продавцы на улицѣ получили названіе газетчиковъ. Но въ то же время, газета Ренодо встрѣтила сильную оппозицію въ лицѣ ретроградовъ, восставшихъ противъ опаснаго нововведенія—дѣлать извѣстнымъ для всѣхъ то, что дѣлалось немногими лицами, стоящими въ главѣ правленія. Но у Ренодо былъ покровитель—всевластный кардиналъ, не разъ посылавшій полезныя для него извѣстія въ га-

зету, и Ренодо напечатали въ ней: «газета—такой товаръ, продажу котораго никогда нельзя запретить. Она похожа на потокъ, который тѣмъ стремительнѣе несется впередъ, чѣмъ больше ему ставятъ преграды». Книга Гатена, автора «Исторіи періодической печати во Франціи», относится чрезвычайно сочувственно къ первому французскому газетчику и сообщаетъ объ немъ много новыхъ подробностей.

— Къ исторической области относятся два нѣмецкихъ романа. Одинъ Эрнеста Экштейна «Прувій» (Pruvias) изображаетъ восстаніе рабовъ подъ предводительствомъ Спартака. Герой романа Прувій—братъ понтійскаго царя Митридата, душа восстанія; планы его идутъ далѣе плановъ Спартака: онъ хочетъ сломить тиранию Рима и освободить всѣ народы, поробощенные безпопашною политикою сената. Но Прувій попадаетъ въ сѣти молодой римлянки Невіи, которая дѣлается для него тѣмъ же, чѣмъ была Капуа для Аннибала. Его захватываютъ въ плѣнъ и присуждаютъ къ позорной казни, назначаемой для рабовъ,—къ распятію на крестѣ. Ему удается, однако, добыть ядъ и онъ отравляется. Другой романъ Феликса Дана—Виссула (Vissula) относится къ эпохѣ паденія имперіи и переселенію народовъ. Дѣйствие происходитъ въ 378 году въ Римѣ и между племенемъ аллемановъ, въ главѣ которыхъ стоитъ старый вождь, умный какъ Несторъ, и молодой гордый, кипучій германскій Ахиллесъ. Племенемъ правитъ также старая пророчица, въ родѣ Велледы. Со стороны римлянъ главные лица — хитрый, распутный патрицій и благородный трибунъ, влюбленный въ героиню романа Виссулу, аллеманскую рабыню, получившую свободу, странный типъ, представляющій смѣсь дочери природы съ образованною римлянкою. Интимная драма, происходящая между этими лицами, искусно перемеживается съ картинами и бытомъ древнихъ германцевъ и историческими событіями той эпохи. Оба романа читаются съ интересомъ, хотя Данъ пишетъ слишкомъ цвѣтистымъ языкомъ.

— Вельгійскій ученый Гашаръ, издавшій любопытную корреспонденцію Филиппа II о нидерландскихъ дѣлахъ Маргариты, герцогини Пармской, и Вильгельма Оранскаго, выпустилъ въ свѣтъ «Письма Филиппа II къ своимъ дочерямъ, инфантамъ Изабеллѣ и Екатериинѣ» (Lettres de Philippe II à ses filles les infantes Isabelle et Catherine). О Филиппѣ II, какъ о государѣ и какъ о человѣкѣ, исторія давно произнесла свой приговоръ. Его четыре жены вели невеселую жизнь. Не говоря о матери Донтъ-Карлоса, умершей 18-ти лѣтъ, ни о Маріи Тюдоръ, которая была уже стара и истощена, когда онъ на ней женился, двѣ послѣднія жены скончались загадочною смертію. Елизавета Валуа, по крайней мѣрѣ, цѣлый годъ находилась въ агоніи, что противорѣчитъ утвердившемуся мнѣнію о ея отравленіи; но нѣмка Анна умерла скоропостижно послѣ того, какъ мужъ за что-то приказалъ на нее въ сильный гнѣвъ. Сына своего, Донтъ-Карлоса, онъ если не приказалъ убить, то, во всякомъ случаѣ, оставилъ его умереть безъ помощи. Поэтому письма короля, обнаруженные Гашаромъ, въ оригиналѣ и въ переводѣ съ испанскаго на французскій языкъ, поражаютъ своимъ добродушнымъ тономъ и заботливостью о молодыхъ инфантахъ. Письма эти сохранены инфантою Екатериною, вышедшею потомъ за савойскаго герцога, Карла-Эмануила, и найдены въ туринскомъ архивѣ. Они обнимаютъ пространство времени отъ апрѣля 1581 года по мартъ 1583 года, когда Филиппъ былъ въ Португаліи, только что завоеванной герцогомъ Альбой, то есть въ эпоху, когда король вѣшалъ, сжигалъ, пыталъ и убивалъ болѣе, чѣмъ въ другое время. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ самыя нѣжныя письма къ пятнадцатилѣтней Изабеллѣ

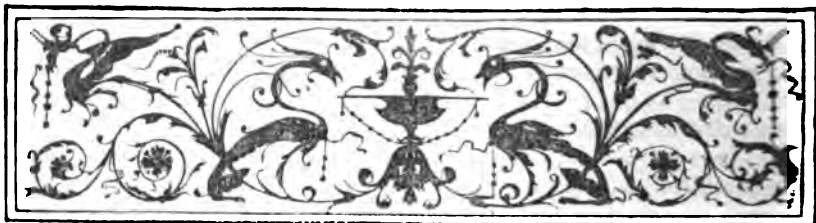
и тринадцатилѣтней Екатерины, посылая имъ ящики съ нитками, фарфора, четки, рѣдкіе фрукты, печати, картинки для раскрашивания, прописи. Онъ сожалѣть, что давно ихъ не видитъ, просить, чтобы онѣ прислали ему шелковые ленточки, какъ мѣрку, на сколько онѣ безъ него выросли, беззаботно, когда онѣ захвораютъ, приказываетъ одной принять бульонъ, другой супонъ, заботится о томъ, тепла ли имъ комната и, въ то же время, описываетъ имъ, какъ онъ присутствовалъ на аутодафе, посылаетъ имъ программу этого зрѣлища, списокъ сожженныхъ. Дѣти боятся: не утомилъ ли эта церемонія ихъ добраго батюшку—тотъ отвѣчаетъ, что не очень усталъ и что въ Португалии эти торжества продолжаются часа четыре, а не такъ длинны, какъ въ Кастиліи. И вслѣдъ затѣмъ онъ спрашиваетъ: все ли хорошо растетъ въ саду дворца, живы ли его кролики, вѣрно ли идутъ дворцовые часы, восхищается прекрасными пейзажами Португалии, пѣниемъ птицъ, жалѣть, что не слышитъ только соловьевъ. Какъ согласить все это добродушіе отца семейства съ жестокостью и безсердечіемъ короля, каившагося на смертномъ одрѣ въ томъ, что онъ былъ слишкомъ добръ и милосердъ? Чрезвычайно интересно изученіе этой до сихъ поръ невѣстной стороны характера мрачнаго, холоднаго деспота, безъ сожалѣнія губившаго тысячи людей, приказывавшаго, когда у него умирали дѣти, служить благодарственные молебны за принятіе въ рай души скончавшагося инфанта. Все это представляетъ такое странное психологическое явленіе, надъ которымъ нельзя не остановиться.

— Вниманіе всей образованной европейской публики привлекли почти одновременно появившіеся мемуары Генриха Гейне, королевы Викторіи и книга Морица Вуна—о Бисмаркѣ. Появленію мемуаровъ Гейне долгое время мѣшали его родственники, оспаривавшіе сначала подлинность самыхъ записокъ, а когда ихъ приобрѣлъ издатель журнала «Gartenlaube», Кренеръ (147 листовъ, писанныхъ карандашомъ, за 16,000 франковъ), то братъ Гейне уничтожилъ въ нихъ 26 страницъ (отъ 6-й до 31-й), въ которыхъ говорится о семействѣ покойнаго поэта. Еще при жизни его всѣмъ было извѣстно, что семья, проникнутая узкими еврейскими тенденціями, враждебно относилась къ великому писателю, но чтобы и по смерти его позволили разжирѣвшему жиду святотатственно уничтожать строки, оставленныя въ наслѣдіе всему образованному міру—этому нельзя не удивляться, также какъ и равнодушію интеллигентнаго класса, допустившаго такое вандализмъ. Достаточно было и того, что малообразованная жена Гейне при жизни своей не разрѣшала печатанія этихъ мемуаровъ; на это она имѣла, по крайней мѣрѣ, юридическое право, какъ наслѣдница произведеній своего покойнаго мужа, но чтобы по смерти ея какой-то братецъ позволилъ себѣ распоряжаться, какъ своимъ гешефтомъ, литературнымъ достояніемъ писателя, принадлежащимъ цѣлому свѣту—этому трудно повѣрить, и непонятно, какъ въ Германіи могли допустить это. Въ «запискахъ», или, по крайней мѣрѣ, въ той части ихъ, которая явилась въ печати, нѣтъ ровно ничего, что могло бы для кого нибудь быть оскорбительнымъ, или возбудить скандалъ. Это—воспоминанія о годахъ юности поэта, часто полныя грусти, потому что писаны на одрѣ мучительной болѣзни; они написаны, въ стилѣ Reisebilder, блестящимъ, остроумнымъ языкомъ, исключаяющимъ всякое сомнѣніе въ принадлежности ихъ поэту.

— Мемуары королевы Викторіи составляютъ какъ бы продолженіе ея «Листковъ изъ дневника», изданныхъ въ 1868 году и относяся къ ея жизни въ Вальморалѣ, гдѣ она постоянно проводитъ часть года. Они носятъ названіе «Еще листки изъ дневника о жизни въ горной странѣ, отъ 1862 до 1862 года»

(More Leaves from the Journal of a Life in the Highlands). Книга эта исключительно посвящена описанію домашней жизни королевы въ шотландскомъ замкѣ и природныхъ красотъ страны, которыми королева восхищается, какъ молоденькая дѣвушка. При изображеніи этихъ красотъ языкъ книги, чрезвычайно простой во всѣхъ другихъ частяхъ, дѣлается цвѣтистымъ, изысканнымъ, риторическимъ. Для Викторіи Шотландія гораздо живописнѣе Швейцаріи, гдѣ «мало уединенія, за то много гостиницъ и нищихъ». Къ шотландцамъ она особенно расположена за ихъ простоту и независимость. Любовь свою къ горной странѣ королева объясняетъ тѣмъ, что «въ ея жилахъ течетъ кровь Стюартовъ». Самая книга посвящена съ благодарностью «моимъ вѣрнымъ горцамъ и, въ особенности, моему преданному камердинеру и вѣрному другу Джону Брауну». Этому камердинеру, недавно умершему, отведено весьма значительное мѣсто въ мемуарахъ, оканчивающихся слѣдующими словами: «я слабо выражу истину, когда скажу, что каждый день и каждый часъ чувствую потерю того, кто заслужилъ мою признательность постоянною заботливостью и преданностью». Такое отношеніе къ своему лакею доказываетъ мягкое, благодарное сердце и замѣчательно еще болѣе потому, что Браунъ вовсе не былъ идеаломъ преданнаго служителя, въ родѣ вальтера-скоттовскаго Калеба. Никто изъ придворныхъ лакеевъ не любилъ его за грубое обращеніе, хитрость и стараніе отстранить всѣхъ отъ королевы, сдѣлаться только самому необходимымъ для нея. Кроме того, своими спиритическими фокусами и бесѣдами съ духомъ принца Альберта онъ вредно дѣйствовалъ на разстроенное воображеніе Викторіи. Въ мемуарахъ нѣтъ ничего политическаго, ни одного слова о событіяхъ послѣдняго двадцатилѣтія, да и странно было бы требовать, чтобы лицо, такъ высоко стоящее въ сферѣ европейской политики, выражало въ печати свои сужденія объ ней. Но книга, не смотря на отсутствіе въ ней всякой «злости дня», все-таки, очень любопытна, и изъ простодушныхъ разсказовъ королевы о вседневныхъ событіяхъ ея частной жизни можно легко вывести заключеніе о ея наклонностяхъ и симпатіяхъ. Такъ, изъ разсказа о смерти сына Наполеона III, убитаго гусами, ясно видно, что Викторія была очень расположена къ наполеонидамъ, а молодой принцъ любилъ втайнѣ младшую дочь королевы, Беатрису. Къ книгѣ приложено нѣсколько гравюръ и рисунковъ, сдѣланныхъ самой Викторіей и нѣсколько портретовъ, между которыми портреты Джона Брауна и двухъ собакъ.

— Книга Мориза Буша носитъ названіе «Нашъ имперскій канцлеръ» (Unser Reichskanzler) и заключаетъ въ себѣ продолженіе разсказовъ о желѣзномъ канцлерѣ, появившихся въ переводѣ и на русскомъ языкѣ (Графъ Бисмаркъ и его люди, 1879 г.). Это все то же повальное восхваленіе какъ самого Бисмарка, такъ и его системы и вообще преобладанія силы, удачи, рѣшимости надъ правомъ и законностью. Въ политическомъ отношеніи книга не представляетъ ничего новаго для тѣхъ, кто слѣдитъ за современной германской и вообще европейской политикой, а подробности о частной жизни канцлера, его взглядахъ, мнѣніяхъ, сужденіяхъ могутъ интересовать исключительно нѣмцевъ. Есть, впрочемъ, и ретроспективныя извѣстія, изъ которыхъ можно вывести заключеніе о будущности, какую готовить Бисмаркъ нѣкоторымъ странамъ. Такъ, Бушъ сообщаетъ, что при переговорахъ о мирѣ съ Австріею въ 1866 году, канцлеръ не прочь былъ попользоваться кусочкомъ Чехіи (Ein Stück von Böhmen). Это своего рода—avis au lecteur.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ эпохѣ графа Берга въ Варшавѣ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній.)

О, ЧТО МЫ намѣрены рассказать, произошло въ Варшавѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Н. А. Милютинъ почти сошелъ со сцены, ибо его постигъ ударъ, ставшій роковымъ предвѣстникомъ послѣдовавшей вскорѣ кончины. Тѣмъ не менѣе пущенная Милютинымъ въ ходъ машина дѣйствовала на всѣхъ парахъ. Работа шла оживленная и по введенію крестьянской реформы, и по водворенію русскаго учебнаго дѣла. Справедливость требуетъ признать, что эта работа была чужда всеподавляющаго канцеляризма. Отъ нея вѣяло живнію. Русскіе дѣятели, какъ бы ни была скромна роль, выпавшая на ихъ долю, въ большинствѣ случаевъ, не были простыми чиновниками, въ томъ смыслѣ, какъ у насъ принято понимать этотъ терминъ. Несомнѣнною заслугою Н. А. Милютина, какъ государственнаго человѣка, было умѣнье придавать службѣ въ царствѣ Польскомъ характеръ государственнаго и общественнаго служенія Россіи. Бывали прискорбные случаи своеобразнаго пониманія этого служенія и рассказъ объ одномъ такомъ случаѣ недавно появился въ печати¹⁾.

Но за то были и характерные образчики инаго отношенія къ дѣлу. Если мы оглашаемъ настоящій отрывокъ изъ нашихъ воспоминаній, то это единственно потому, чтобы указать на забавную, чтобы не сказать болѣе, оппозицію, на которую привелось натолкнуться русскому чиновнику при исполненіи своего долга, со стороны мѣстнаго начальника жандармскаго округа и главнаго начальника края. Казусъ почти невѣроятный, а между тѣмъ мы рассказываемъ былъ изъ недавняго прошлаго...

¹⁾ Эпизодъ съ Кудишемъ, въ бытность его на службѣ въ царствѣ Польскомъ.

На улицахъ Варшавы, въ окнахъ магазиновъ, лавченоекъ и на лоткахъ, у торговавшихъ въ разное книжнымъ матеріаломъ, въ изобиліи преподносились мѣстной публикѣ разнообразныя произведенія фотографіи и литографіи, по цѣнамъ баснословно дешевымъ. Особенно бойко шла торговля на предметы, содержаніе которыхъ было безусловно патріотическое. Такъ, между прочимъ, продавались совершенно открыто портреты обывателей, выступившихъ въ качествѣ адвокатовъ жертвъ, пострадавшихъ во время уличныхъ манифестацій, которыя предшествовали восстанію. Какъ извѣстно, въ 1862 году, въ разгарѣ уличныхъ манифестацій, на краковскомъ предмѣстьѣ, по приказанію русскаго генерала, послѣ троекратнаго предупрежденія, былъ произведенъ выстрѣлъ въ толпу, и пять лицъ, совершенно случайно очутившихся въ толпѣ, пали жертвою роковаго залпа. Понятно, что раздраженіе, и въ безъ того возбужденномъ населеніи, достигло крайнихъ предѣловъ. Выразителями этого настроенія передъ высшею русскою властью явились 12 делегатовъ.

Они, въ качествѣ якобы уполномоченныхъ отъ населенія не одной только Варшавы, а всего царства Польскаго, нахально и категорически заявили тогдашнему намѣстнику князю Горчакову, что не ручаются за спокойствіе въ край, если русская власть не заявитъ безотлагательно о своей рѣшимости успокоить взволнованные умы.

— Что же прикажете дѣлать, воскликнуть въ отчаяніи растерявшійся русскій намѣстникъ.

— Единственное средство, возразили делегаты, чтобы это успокоеніе не исходило отъ русской власти, а было предоставлено самимъ жителямъ, въ лицѣ ихъ избранниковъ.

Понятно, что эти 12 делегатовъ и провозгласили себя уполномоченными избранниками населенія. Въ случаѣ колебанія намѣстника, по ихъ мнѣнію, открытое восстаніе представлялось неизбежнымъ.

Князь Горчаковъ, очевидно, желая отклонить отъ себя отвѣтственность, въ случаѣ этой новой, роковой случайности, рѣшился на небывалый въ исторіи поступокъ.

Не испрося полномочій изъ Петербурга (которыя, конечно, никогда ему даны бы не были), онъ самовольно, поступился своею властію, въ пользу этихъ самозванныхъ 12-ти делегатовъ. Совершился фактъ оскорбительный, не только для правительства, но и для достоинства русскаго имени... Высшая власть въ царствѣ Польскомъ фактически перешла въ руки 12-ти лицъ, самовольно признавшихъ себя носителями высокой миссіи. И эта импровизированная власть дѣйствовала и хозяйничала въ крайъ едва ли не цѣлыхъ двѣ недѣли, при полномъ, фактическомъ устраненіи полиціи отъ всякаго вмѣшательства въ ея распоряженія... Значеніе этой власти, со всѣми атрибутами ея обширной, мгновенно сложившейся организаціи, сказалось особенно во время торжественныхъ похоронъ пяти убитыхъ жертвъ. Этими похоронамъ придали характеръ національнаго польскаго событія. Къ сохраненію порядка въ церемоніи, въ которой приняло поголовно участіе все населеніе Варшавы, были привлечены люди всѣхъ возрастовъ и состояній. Всѣ имѣли особые значки, установленные делегациею двѣнадцати. Здѣсь, на этой торжественной, печальной церемоніи, превращенной въ манифестацію колоссальныхъ размѣровъ противъ Россіи, совершилось пресловутое братство поляковъ-католиковъ съ поляками-лютеранами и поляками монсеева закона. За погребальною колесницею, въ назиданіе живущихъ и грядущихъ поколѣній, шли подъ руку—

есендъ, пасторъ и раввинъ. Мимоходомъ замѣтимъ, что въ наши дни, поляки открещиваются, но тщетно, отъ этого еврейскаго братства, которое имъ приходится весьма солоно.

Но возвратимся къ достопамятной делегаціи. Для нагляднаго изображенія мотивовъ своей власти, эти 12 делегатовъ сочинили особый трауръ по убитымъ пяти жертвамъ. На лѣвомъ рукавѣ ихъ платья красовались три бѣлые шеврона. Услужливые фотографы успѣли уловить этихъ импровизированныхъ властителей. Въ числѣ делегатовъ находились—банкиры Леопольдъ Кроненбергъ, баронъ Розенъ, сапожникъ Гишпанскій и другіе.

Продажа фотографій производилась безпрепятственно долгое время, когда, наконецъ, было обращено вниманіе на это обстоятельство. Смотрѣть своимъ пальцы на торговлю фотографіями и рисунками, очевидно, рассчитанными на поддержаніе недружелюбныхъ чувствъ къ Россіи, представлялось, по меньшей мѣрѣ, непоследовательнымъ, тѣмъ болѣе, что уже въ 1868 году въ варшавскомъ цензурномъ комитетѣ при просмотрѣ книгъ руководились инымъ взглядомъ. Но какимъ образомъ распространить цензурный контроль на произведенія свѣтописи? Цензурный уставъ былъ изданъ въ тридцатыхъ годахъ, когда о фотографіи не было ни слуху ни духу. Требовалось, слѣдовательно, особое распоряженіе. Предсѣдательствовавшій въ варшавскомъ цензурномъ комитетѣ тогда же вошелъ съ докладомъ къ попечителю варшавскаго учебнаго округа Витте (цензура не была еще изъята изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія) о необходимости подчинить произведенія свѣтописи, обращающіяся въ продажѣ, контролю наравнѣ съ книгами. Намѣстникъ графъ Бергъ, къ которому, въ свою очередь, поступилъ этотъ докладъ, далъ утвердительную резолюцію. Оставалось привести новую мѣру въ исполненіе. Всѣ книгопродавцы, фотографы и вообще лица, торгующія произведеніями свѣтописи, были приглашены доставить по одному экземпляру, находившихся у нихъ въ продажѣ фотографическихъ снимковъ. Всего было доставлено до 500 различныхъ предметовъ. Цензурный комитетъ, послѣ тщательнаго рассмотрѣнія всего этого художественнаго матеріала, призналъ подлежащими изъятію изъ продажи 47 предметовъ. Остракизму, между прочимъ, подверглись также фотографическіе портреты нѣкоторыхъ именитыхъ обывателей, изображенныхъ съ эмблемою ихъ временной диктатуры въ краѣ.

До сихъ поръ, повидимому, ничего сверхестественнаго не произошло. Но вотъ, когда дѣло дошло до приведенія въ исполненіе цензурныхъ резолюцій, наступаетъ рядъ, по истинѣ, комическихъ случайностей. Тогдашній начальникъ варшавскаго жандармскаго округа баронъ Фредериксъ (впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Сибири) находился въ заграничномъ отпуску. Мѣсто его вступалъ генералъ Моллеръ. И вотъ мѣсячная полиція, по совѣщаніи съ этимъ послѣднимъ, выказала усердіе, которое, во всякомъ случаѣ похвальныхъ названъ нельзя.

Вмѣсто того, чтобы обязать подпискою подлежащихъ лицъ прекратить продажу такихъ-то и такихъ-то предметовъ, бывали случаи появленія въ частныхъ квартирахъ полисменовъ, срывавшихъ, напримѣръ, со стѣнъ портреты Костюшки. Въ заграничныхъ польскихъ газетахъ не замедлили появиться корреспонденціи, въ которыхъ и распоряженіе цензурнаго комитета, и приведеніе его въ дѣйствіе, были изображены въ весьма искаженномъ и преувеличенномъ видѣ. Вся отвѣтственность обрушилась на личность предсѣдателя цензурнаго комитета. Его успѣли представить какимъ-то ванширомъ, алгій-

нимъ врагомъ всякаго порядка и добрыхъ отношеній, якобы установившихся, благодаря мудрой политикѣ графа, между туземнымъ населеніемъ и русскими. Интрига, свившая себѣ прочно гнѣздо, подъ бокомъ самаго намѣстника, быть можетъ, и незамѣтно для него самого, вслѣдствіе его полнѣйшаго индифферентизма къ тому, что творилось тогда въ царствѣ Польскомъ во имя водворенія русской національной политики, возмѣтила свое дѣйствіе. Въ одинъ прекрасный день, предсѣдатель цензурнаго комитета получилъ чрезъ барона Фредерикса, уже возвратившагося изъ-за границы, приглашеніе прибыть къ графу-намѣстнику для объясненія по дѣламъ службы. Въ назначенный часъ, въ кабинетъ-салонѣ графа Берга, въ бывшемъ королевскомъ замкѣ, произошла слѣдующая любопытная сцена. Когда предсѣдатель явился въ кабинетъ, въ немъ, кромѣ графа, находились уже начальникъ жандармскаго округа.

— Вы компрометируете русское правительство, обратился графъ къ вошедшему предсѣдателю. Когда послѣдній сдѣлалъ изъ своей фивіономіи вопросительный знакъ, недоумывая въ чемъ дѣло, графъ обратился къ барону Фредериксу со словами:

— Читайте генераль.

Началось чтеніе жандармскаго доклада, или, вѣрнѣе, критическій анализъ революцій цензурнаго комитета объ изъятыхъ изъ продажи фотографіяхъ, на основаніи «точныхъ, формальныхъ справокъ». По этому докладу оказалось, что цензурный комитетъ совершилъ непростительную погрѣшность, запретивъ продажу фотографическихъ карточекъ, такихъ благонадежныхъ личностей, каковы—г. Леопольдъ Кроненбергъ, баронъ Розенъ и другіе.

— Помилуйте, прерывалъ чтеніе намѣстникъ, какъ можно запретить портретъ Кроненберга, человѣка преданнаго правительству.

Незадолго передъ тѣмъ Леопольдъ Кроненбергъ, по ходатайству графа Берга, былъ пожалованъ орденомъ Владиміра 3-й степени и возведенъ въ потомственное дворянство. А по окончаніи чтенія, намѣстникъ обратившись уже прямо къ ошеломленному предсѣдателю, воскликнулъ, съ раздражительною ироническою улыбкою:

— Да что съ вами — какъ вы рѣшились запретить портретъ барона Розена—ну какой же вредъ можетъ проивойти отъ обращенія его фивіономіи въ публикѣ — вѣдь это пустѣйшій человѣкъ, самаго ограниченнаго ума не правда-ли баронъ?

— Совершенная правда, ваше сіятельство.

— Повольте заявить вамъ, ваше сіятельство, рѣшился выговорить предсѣдатель, молчавшій до сихъ поръ, что я не могъ предусмотрѣть зачѣмъ вамъ угодно было меня потребовать, а потому не имѣю съ собою фактическихъ данныхъ, для разъясненія ошибочныхъ заключеній только что прочтаннымъ генераломъ доклада. Увѣренный въ безпристрастія вашего сіятельства, я прошу разрѣшенія доставить, хотя сегодня вечеромъ факты, послужившіе мотивомъ для революцій, подвергшихся строгому осужденію, а пока дозволю себѣ утверждать, что цензурный комитетъ и не помышлялъ приговаривать себѣ не подлежащаго ему права — оцѣнки благонамѣренности того или другаго лица, и, что, наконецъ, никто не мѣшаетъ г.г. Кроненбергу и барону Розену сниматься въ какихъ угодно позахъ, но извѣтнѣю подверглись только портреты, распространеніе которыхъ, очевидно, обуславливается спеціальною, неблагопріятною для правительства цѣлью.

Графъ Бергъ согласился на передокладъ дѣла. Но не смотря на то, что

предсѣдатель выступилъ съ вѣскою аргументаціею, что каждая изъ 47 резолюцій была обстоятельно мотивирована, намѣстникъ настаивалъ на необходимости отміны нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— Если даже допустить, ваше сіятельство, рѣшился замѣтить предсѣдатель, что цензурный комитетъ нѣсколько поусердствовалъ, то отміна состоявшихся резолюцій произведетъ, несомнѣнно, большій вредъ, нежели оставленіе ихъ въ своей силѣ.

— Все таки Кроненберга и Розена нужно разрѣшить, твердилъ намѣстникъ.

— Вы, какъ главный начальникъ края, вольны приказать что вамъ угодно, но я, какъ чиновникъ, не считающій себя вправе отступать ни на іоту отъ закона, счелъ своимъ долгомъ заявить о руководившемъ мною въ данномъ случаѣ искреннемъ убѣжденіи.

Намѣстникъ и тутъ не поддался и сдѣлалъ только небольшую уступку. На замѣчаніе предсѣдателя, что попечитель учебнаго округа, находившійся въ то время за границею, былъ бы неприяно пораженъ, что въ его отсутствіе, резолюціи цензурнаго комитета, прошедшія чрезъ его санкцію, подверглись отмінѣ, графъ согласился воздержаться съ своимъ рѣшеніемъ, впредь до возвращенія изъ отпуска сенатора Витте. Последнему удалось добыть согласіе графа на злосчастныя резолюціи, бывшія предметомъ оживленнаго препирательства.

Сообщено Ю. Ө. III.

С М Ъ С Ъ.

ПОЛУВЪНОВОЙ юбилей архієпископа Антонія. 11-го февраля, на окраинѣ русскаго царства, въ далекой обители, праздновалась полувѣковая годовщина архієрейства челоуѣка, котораго почти не знаетъ наше забывчивое поколѣніе, но который въ 1832 году принесъ огромныя услуги русской церкви, содѣйствуя, вмѣстѣ съ архієпископомъ Сѣмашко, воссоединенію униатовъ съ ихъ братьями по крови и вѣрѣ. Принадлежа къ русскому роду, Антоній Зубко самъ былъ униатомъ, «отторгнутымъ лестью и насиліемъ отъ вѣковаго кровнаго союза съ православною церковью», какъ говоритъ рескриптъ на его имя; но понимая какъ опасно соединеніе съ католицизмомъ «не только для вѣры, но и для народности русской», онъ съ молодыхъ лѣтъ стремился къ ученію, за которое его «отцы и дѣды жертвовали своею жизнью и достоинствомъ». Родившись въ 1797 году, Зубко воспитывался въ полоцкой семинаріи, потомъ въ іезуитской полоцкой академіи, гдѣ получилъ сильнѣйшую антипатію къ іезуитамъ, къ ихъ полетикѣ, наконецъ, на богословскомъ факультетѣ виленскаго университета, не подчиненномъ католической ультрамонтанской власти, гдѣ только начальникъ да профессора духовныхъ наукъ были ксендзы, а вообще преподаваніе, не исключая и духовныхъ предметовъ, было либеральное; учебники тамъ были австрійскіе, время Іосифа II. «Я видѣлъ, говорилъ протоіерей Антоній, что римская церковь носить въ нѣдрахъ своихъ нужный ей обскурантизмъ, препятствующій всякому прогресу, я видѣлъ упорное стремленіе ко всемірному распространенію своей власти, охраняемой обскурантизмомъ, причѣмъ не пренебрегалось никакими средствами, видѣлъ, что вся ея христіанская миссія разноситъ фанатическую ненависть, видѣлъ, что она враждебно вторгается въ нѣдра христіанскаго славянства, вооружая въ немъ однихъ противъ другихъ»... По окончаніи курса, магистръ Зубко читалъ лекціи философіи, сдѣланъ былъ профессоромъ, получилъ санъ іерея и въ качествѣ униатскаго депутата стравился въ Петербургъ. Здѣсь стали принимать мѣры къ постепенному воссоединенію полутора-милліоннаго народа, отторгнутаго отъ вѣры предковъ происками поляковъ и іезуитовъ. Прежде всего необходимо было произвести умственный подъемъ униатскаго духовенства, доведен-

наго іезуитами и базилианами до бѣдности, грубости нравовъ, невѣжества, лишеннаго училищъ и ихъ богатыхъ капиталовъ. Рѣшено было открыть въ 1828 году для литовской епархіи семинарію въ Жаровицахъ—мѣстечкѣ уединенномъ, но дававшемъ много благопріятныхъ условий для перевоспитанія униатскаго, ополяченнаго по вѣншности и морально, духовенства на началахъ греко-восточной церкви. Жаровицы стали, такимъ образомъ, средоточіемъ новой жизни и живой дѣятельности для всего униатскаго духовенства. Во главѣ этой великой миссіи явился, какъ ректоръ семинаріи, протоіерей Зубко. Въ открытой униатской семинаріи приняли уставъ и все внутреннее устройство православныхъ семинарій; начальникъ ея и профессора, хотя также униаты, уже были предрасположены къ православію. Протоіерей Зубко прежде всѣхъ отростилъ бороду и надѣлъ великорусскую расу. Управление его семинаріей было истинно отеческое. Въ 1833 году состоялся указъ о назначеніи его униатскимъ епископомъ брестскимъ, викаріемъ литовской епархіи. Въ 1839 году Антоній съ Іосифомъ Сѣмашко и главными представителями униатскаго духовенства присоединились къ православію. Вся подготовительная работа по присоединенію лежала на Антоніи и онъ исполнилъ ее съ умомъ, любовью и энергіею. Митрополитъ Сѣмашко писалъ тогда: «Никто не помогаль мнѣ столь добросовѣстно по униатскому дѣлу, какъ преосвященный Антоній». Ему онъ обязанъ значительнымъ успѣхомъ въ проведеніи этого дѣла. Въ 1840 году Антоній переведенъ на минскую кафедру. Надорванныя уже силы не выдержали новыхъ многосложныхъ трудовъ и заботъ и препирательствъ съ поляковавшими гражданскими властями и въ 1841 году онъ уѣхалъ на излеченіе въ Друскеники. Сѣмашко писалъ тогда графу Протасову: «безъ преосвященнаго Антонія воссоединенное духовенство почти приходило въ отчаяніе». Но въ 1848 году Антоній отприсился на совершенный покой. Въ 1864 году онъ напечаталъ интересный по многимъ даннымъ этюдъ: «О греко-униатской церкви въ Россіи». Послѣ удаленія на покой Антоній жилъ въ 60-ти верстахъ отъ Минска, въ небольшомъ своемъ имѣніи. Тутъ архипастыръ былъ истиннымъ патріархомъ всего околота. Къ нему всѣ имѣли доступъ, обращаясь, какъ къ судѣ, въ своихъ спорахъ и крестьяне и шляхта, и какъ рѣшалъ владыка, такъ и было. Но передъ польскимъ возстаніемъ 1863 года поляки возмутили миръ архіепископа. Зная его готовность отъиваться на всякое доброе дѣло, они предложили ему сдѣлать пожертвованіе на какое-то благотворительное заведеніе. Владыка въ простотѣ сердечной сдѣлалъ послѣнее пожертвованіе, а потому оно оказалось въ числѣ пожертвованій на восстаніе. Владыка бросилъ свой мирный дотолѣ уголокъ и переѣхалъ на жительство въ Пожайскій монастырь. Преосвященный Антоній пережилъ свой юбилей только нѣсколькими днями. Давно удручаемый жестокою болѣзнію, онъ скончался 15-го февраля.

Юбилей **В. В. Веселаго**. Морское вѣдомство праздновало пятидесятилѣтній юбилей службы директора гидрографическаго департамента, известнаго своими учеными и литературными трудами Теодосія Федоровича Веселаго. Сынъ моряка, онъ воспитывался въ морскомъ корпусѣ и въ 1834 году произведенъ въ мичмана. Съ 1837 года онъ преподавалъ въ гардемаринскихъ классахъ корпуса астрономію и навигацію, потомъ аналитическую геометрію и былъ сдѣланъ завѣдующимъ этими классами. Онъ составилъ два учебника «Начальную геометрію», «Динамику и гидростатику» и, въ началѣ сороковыхъ годовъ, сталъ помѣщать статьи по морскимъ вопросамъ въ «Маякѣ» и другихъ по-временныхъ изданіяхъ. Онъ сдѣлалъ въ то же время пять морскихъ кампаній, но обстоятельства требовали его присутствія въ Москвѣ. Онъ былъ переименованъ въ майора въ 1853 году и назначенъ инспекторомъ студентовъ Московскаго университета. Должность эту онъ исполнялъ три года и при немъ не было ни одного случая исключенія студентовъ изъ университета за какіе бы-то ни было проступки. Назначенный помощникомъ попечителя казанскаго учебнаго округа, онъ управлялъ округомъ за болѣзнію попечителя до 1860

года, когда по болѣзни уѣхалъ за границу и вернувшись отсюда перешелъ на службу въ петербургскій цензурный комитетъ. Въ 1866 году онъ былъ назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, потомъ и членомъ комитета морскихъ учебныхъ заведеній, председателемъ его и ученаго отдѣленія морского технического комитета, наконецъ, въ 1881 году, директоромъ гидрографическаго департамента. Состоя преподавателемъ высшихъ морскихъ и математическихъ наукъ великому князю Алексѣю Александровичу и сопровождая его въ путешествіи, онъ напечаталъ рядъ статей объ этомъ путешествіи въ «Голосѣ» 1866—68 годовъ. Главная учено-литературная дѣятельность юбиляра посвящена исключительно исторіи русскаго флота, и труды его въ этомъ отношеніи представляютъ драгоценный матеріалъ. До г. Веселаго, по этой части издавались сочиненія только эпизодическаго содержанія. Онъ первый представлялъ цѣльное произведеніе. Въ 1852 году, ко дню столѣтняго юбилея морского корпуса, вышелъ въ свѣтъ капитальный трудъ «Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса». За него Э. Э. Веселаго получилъ демидовскую премію. Въ 1831 году вышли «Краткія свѣдѣнія о русскихъ морскихъ сраженіяхъ за два столѣтія съ 1656 по 1856 годы»; въ слѣдующемъ году «Списокъ русскыхъ военныхъ судовъ съ 1668 по 1860 годы», то есть съ постройки на Волгѣ перваго русскаго корабля «Орелъ» до начала постройки броненосцевъ, въ 1875 году. «Очеркъ русской морской исторіи» получилъ уваровскую премію. Четыре тома «Описанія дѣлъ морскаго архива» (1877—1883 г.) и «Матеріалы для исторіи русскаго флота»—завершаютъ полезнаю дѣятельность юбиляра. Этотъ громадный трудъ въ десяти томахъ доведенъ до царствованія Екатерины II; подъ редакціей г. Веселаго издано шесть томовъ (1875—1883 гг.). Кромѣ того онъ помѣщалъ много статей по гидрографіи и морскому дѣлу въ разныхъ журналахъ, біографіи Крашенинникова, Крузенштерна, адмираловъ А. И. и С. И. Зеленаго, Литке, свѣдѣнія о «дѣдушкѣ русскаго флота»; въ «Маякѣ» 1841—42 года, литературныя статьи очерки, рассказы, стихотворенія; по порученію академіи, избравшей его въ почетные члены, писалъ рецензіи ученыхъ сочиненій, рѣчи на разные случаи и пр. На юбилей почти всѣ наши ученые общества и учрежденія выразили полное сочувствіе глубокимъ знаніямъ и важнымъ заслугамъ Э. Э. Веселаго.

Юбилей А. И. Савельева. 7-го февраля, праздновался скромный юбилей наставника инженернаго училища А. И. Савельева, посвятившаго тридцать лѣтъ жизни дѣлу образованія и воспитанія офицеровъ инженерныхъ войскъ, службѣ въ офицерскихъ чинахъ котораго исполнилось 50 лѣтъ. Въ этотъ же день г. Савельевъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты. Въ теченіи 30-ти лѣтъ (1838—69 г.) когда онъ былъ учителемъ и наставникомъ, инженерное училище воспитало и литераторовъ, какъ Григоровича и Достоевскаго. А. И. Савельевъ часы досуга отъ многотрудныхъ обязанностей военнаго педагога посвящалъ литературнымъ и археологическимъ занятіямъ. Эти труды его начались, въ 1841 году, въ «Военно-энциклопедическомъ лексиконѣ», издававшемся барономъ Зедделеромъ, гдѣ А. И. печаталъ статьи по землянымъ работамъ и преимущественно по исторіи инженернаго дѣла въ Россіи. Участвуя въ «Сѣверной Пчелѣ», въ качествѣ рецензента военныхъ сочиненій, г. Савельевъ въ 1853 году, напечаталъ въ «Инженерныхъ Запискахъ» капитальный трудъ, «Матеріалы въ исторіи инженернаго дѣла въ Россіи». Избранный въ дѣйствительные члены Русскаго археологическаго общества, онъ напечаталъ въ «Запискахъ» общества статью объ остаткахъ древняго Виллярса, Казанскій губерніи. Въ то же время, какъ членъ Географическаго общества, составилъ карту древняго Кавказа и Каспійскаго моря для сочиненія академика Дорна, а въ 1870 году для М. П. Погодина— карту древней Россіи. Въ 1871 году редактировалъ «Записки Императорскаго Географическаго общества» и участвовалъ въ составленіи «Техническаго словаря». Въ послѣдніе годы писалъ по археологическимъ вопросамъ въ журналахъ «Древняя и Новая Россія»

«Русской Старинѣ» и «Историческомъ Вѣстникѣ», также въ «Русскомъ Инвалидѣ», и «Гражданинѣ» по вопросамъ промышленнымъ и военнымъ. Капитальный трудъ его, начатый въ 1874 году, «Историческій очеркъ инженернаго управленія въ Россіи», оконченъ въ 1880 году, но изъ него напечатана только 1-я часть, а 2-я до сихъ поръ въ рукописи. Наконецъ, послѣдней его литературной работой являются воспоминанія о **Ф. М. Достоевскомъ**, помѣщенные въ первомъ томѣ сочиненій Достоевскаго. Съ Достоевскимъ онъ до конца жизни былъ въ самыхъ близкихъ сердечныхъ отношеніяхъ, засвидѣтельствованныхъ покойнымъ его «незабвенному наставнику». Юбиларъ получилъ, какъ водится, много подарковъ, стиховъ, рѣчей, телеграммъ и поздравленій отъ бывшихъ своихъ учениковъ, старыхъ сослуживцевъ и отъ ученыхъ обществъ географическаго и археологическаго, членомъ которыхъ онъ состоятъ, и въ которыхъ помѣщаль свои добросовѣстные труды. Всѣ эти привѣтствія отличались необыкновенной теплотой и сердечностью, доказывающими въ какой мѣрѣ юбиларъ пользуется общимъ уваженіемъ.

Столетняя годовщина рожденія Гнѣдича. 2-го февраля исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Николая Ивановича Гнѣдича и этотъ день Академія наша почтила не юбилейнымъ торжествомъ, а изданіемъ въ свѣтъ нѣсколькихъ неизвѣстныхъ его сочиненій и новыми данными для его биографіи. Изъ этихъ матеріаловъ для оцѣнки Гнѣдича, какъ писателя и человѣка, замѣчательнѣе всего его «Записная книжка», гдѣ помѣщено нѣсколько интересныхъ мыслей и сужденій о разныхъ предметахъ. О Гнѣдичѣ у насъ написано не мало: всѣ историки русской словесности и критики высказали объ немъ почти одинаковыя сужденія, отдали справедливость его дарованію, его трудамъ и любви къ литературѣ. Онъ былъ вполне честный литераторъ и честный человѣкъ. Его переводъ Илліады былъ настоящимъ подвигомъ и не забудется въ исторіи литературы, хотя устарѣлъ для нашего времени. Гнѣдичъ былъ не поэтъ, и въ стихахъ его только мѣстами проглядываетъ истинное вдохновеніе, какъ въ идилліи «Рыбаки». Даже чужой талантъ не могъ вдохновить его и его переводы шекспировскаго «Лира» и вольтеровскаго «Танкредъ» очень слабы. Но ко дню его рожденія академія могла бы издать хоть собраніе сочиненій своего члена, которое замѣнило бы плохое смірдинское изданіе 1854 года.

Двадцатипятилѣтній юбилей картографическаго искусства. 23-го января, наше лучшее картографическое заведеніе праздновало двадцатипятилѣтіе своего существованія. Хозяину заведенія, генералу А. А. Ильину, поднесены были адреса отъ общества издателей книгопродавцевъ и отъ служащихъ въ заведеніи мужчинъ и женщинъ—жетонъ съ цѣпью изъ медалей (10 штукъ), полученныхъ заведеніемъ на разныхъ выставкахъ; на верхней доскѣ жетона изображенъ государственный гербъ, полученный на послѣдней выставкѣ. Заведеніе это возникло въ январѣ 1858 года. Штабъ военно-учебныхъ заведеній поручилъ полковнику Полторацкому издать военно-историческій атласъ войнъ 1812—15 годовъ. Для лучшаго и дешеваго исполненія Полторацкій вошелъ въ соглашеніе съ капитаномъ Ильинымъ и открылъ литографію подъ управленіемъ гравера Шинкевича. Кромѣ атласа, литографія исполнила нѣсколько частныхъ заказовъ и первый картографическій трудъ — карту театра войны въ Сѣверной Италіи, хромофотографированную въ четыре краски. Съ 1860 года дѣятельность мастерской начала увеличиваться. Техническою частью сталъ управлять г. Бергштрессеръ, управляющій и до сихъ поръ; стали готовиться атласы, рисунки, карты, особенно съ 1867 года. Полторацкій въ 1874 году передалъ все заведеніе г. Ильину. Въ 1868 году приобрѣтена первая скоропечатная машина. Оборотъ заказовъ достигъ до 32,000 руб., а количество оттисковъ до 1.566,000. Затѣмъ заведеніе приобрѣло такую извѣстность, что всѣ выдающіяся работы всѣми вѣдомствами поручались ему, имъ же предпринято изданіе альбомовъ покойной государыни импера-

трицы въ 1876 году, великой княгини Маріи Николаевны въ 1881 году, исполнялись меню и карты на коронацію и пр. На всѣхъ выставкахъ заведеніе получало почетныя награды. Въ день юбилея, написанъ въ бухгалтерскія книги заведенія основной, вспомогательный и пенсійный капиталъ въ процентныхъ бумагахъ, пожертвованный владѣльцемъ и составленный имъ изъ % съ чистой прибыли въ теченіи 12 лѣтъ. Сумма капитала къ 1-му января состояла въ 15,730 р. 39 к. Послѣ московской выставки въ главѣ заведенія сталъ сынъ генерала Ильина.

Историко-этнографическій музей въ Ростовѣ, Ярославской губерніи. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ бывшей Суздальской области—Ростовѣ, въ концѣ прошлаго года, въ возобновленномъ зданіи бывшаго митрополитскаго дома открытъ губернской историко-этнографическій музей. По поводу этого открытія, членъ московскаго археологическаго и другихъ ученыхъ обществъ, А. И. Кальсіевъ, братъ извѣстнаго писателя В. И. Кальсіева, напечаталъ теперь «Записку объ основаніяхъ дѣятельности» и проектъ устава этого музея, представленные имъ владимірскому губернатору. Въ запискѣ г. Кальсіевъ указываетъ на значеніе музея «давать средства къ изученію націи въ ея лучшихъ церковныхъ и свѣтскихъ представителяхъ и по лучшимъ художественнымъ произведеніямъ». Мѣсто для этого музея выбрано самое приличное въ городѣ, прославленномъ еще въ старину высокоразвитою жизнью, гдѣ уже въ XIII вѣкѣ существовала одна изъ первыхъ въ Россіи библиотекъ—великаго князя Константина Всеволодовича, въ самомъ ростовскомъ кремлѣ, богатомъ памятниками религіознаго искусства и историческими воспоминаніями. Зданіе, гдѣ помѣщается музей, само по себѣ рѣдкости, какъ неискаженный передѣлками образецъ гражданскаго зодчества XVI вѣка. Теперь въ немъ отдѣланы только такъ называемыя Вѣлая и Отдѣлочная палаты, но и для реставраціи остальныхъ частей дворца найдутся средства. Въ музей поступаютъ и хранятся въ оригиналахъ и копіяхъ слѣдующіе, преимущественно мѣстные предметы Ростовско-Суздальской области: по отдѣлу исторіи портреты, документы, автографы, вещи дорогия по достопамятнымъ событіямъ и проч.; по отдѣлу археологій: древности до-христіанской и позднѣйшихъ эпохъ, книги рукописныя и старопечатныя, монеты, утварь гражданская и церковная, иконы, одежды, архитектурные фрагменты и проч.; по отдѣлу этнографіи: манекены костюмовъ, модели крестьянскихъ построекъ, утвари, кустарныхъ производствъ; наконецъ, книги, относящіяся къ этимъ предметамъ. Для приобрѣтенія этихъ предметовъ учреждается комитетъ въ Ярославлѣ, приглашающій всѣхъ содѣйствовать благой дѣлѣ музея. Предполагается издавать ежегодникъ ростовскаго музея и въ первомъ томѣ помѣстить очеркъ исторіи ростовскаго митрополитскаго дворца, возобновленія его двухъ палатъ, торжество открытія музея, его каталогъ и проч. Входъ въ музей и пользованіе его библиотекой и коллекціями—сдѣлать доступными для всѣхъ; открыты въ немъ чтенія для народа; назначить преміи за сочиненіе о ростовской старинѣ; учредить при музеѣ классы прикладнаго рисованія, даже классы хороваго пѣнія. Все это, конечно, очень желательно, но на все это нужны средства, а пока они приобрѣтутся, музею можно пожелать только—обогаченія предметами, отвѣчающими его назначенію.

Рефератъ профессора Илюченскаго о хлѣбной мѣрѣ въ древней Россіи.—Въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, состоявшемся 1-го февраля сего года, между прочимъ, былъ сообщенъ рефератъ профессоромъ императорскаго Московскаго университета В. О. Ключевскимъ «О хлѣбной мѣрѣ въ древней Россіи». Рефератъ этотъ имѣетъ чисто историческій интересъ, облегчая нѣкоторыя частности «въ дѣлѣ техники историографіи». Референтъ задается цѣлью представить болѣе простой способъ перевода пѣнъ древне-русскаго рынка на пѣны современной размѣнной монеты. Показавъ неудовлетворительность способа Д. И. Прозоровскаго («Монеты и вѣсъ въ древней Россіи

Спб. 1866.)», который дѣлаетъ переводъ только на основаніи сравнительнаго вѣса соответствующихъ монетъ, В. О. Ключевскій отдаетъ предпочтеніе системѣ М. Заблоцкаго («О цѣнностяхъ въ древней Руси. Спб. 1864»), который принимаетъ въ расчетъ вѣсъ, пробу монеты, цѣнность серебра и золота въ данную эпоху и т. д., но при этомъ авторъ указывалъ на сложность и затруднительность способа Заблоцкаго. Затѣмъ референтъ налагаетъ свой способъ: взять стоимость соответственнаго количества хлѣба данной эпохи и на нее раздѣлить среднюю современную стоимость той же мѣры того же хлѣба, полученное отъ дѣленія и будетъ отношеніе цѣнностей. Умножая стоимость каждаго продукта или предмета на эту относительную величину, мы получимъ стоимость на современные деньги. Авторъ подтвердилъ свое изслѣдованіе вычислениями, напримѣръ цѣнности четверти ржи на наши деньги, основываясь на стоимости ея, показанной Кильбургеромъ въ концѣ XVII вѣка въ Москвѣ, сначала по способу Заблоцкаго, т. е. сравнивая стоимость монеты, а потомъ по своему, и относительная величина цѣнностей какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ вышла почти одинакова, около 12¹/₂ разъ. Такъ какъ въ древней Россіи хлѣбъ продавался на мѣру емкости, а не вѣса, то автору, чтобы сдѣлать свой способъ приложимымъ, пришлось подробно коснуться вопроса о хлѣбной мѣрѣ въ древней Руси. Это составило второе, почти совершенно самостоятельное изслѣдованіе.

Референтъ, указавъ на существовавшія мѣры хлѣба: бочки, бочки сѣлековки, оковы, качъ, рожи, мѣхъ, четверть, подробно остановился на послѣдней, какъ наиболее вошедшей въ употребленіе, и выяснилъ, что съ начала или половины XVII вѣка, вѣроятно, какъ предполагаетъ авторъ, съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Михаила Феодоровича, у насъ была установлена правительствомъ четверть, вѣсомъ ржи около 8 пуд., т. е. равная настоящей. До этого времени въ Россіи была четверть 4-хъ пудовая, она упоминается лѣтоисцемъ при описаніи голода бывшаго въ 1602 году, но онъ пишетъ о ней какъ уже о несвоевременной. На ряду съ московскою четвертью до установленія 8-ми пудовой, была своя въ Новгородѣ и Псковѣ, первая около 5-ти пудовъ, вторая немного болѣе.

Церковь въ селѣ Останкинѣ. Въ засѣданіи общества любителей древней письменности Н. В. Султановъ сдѣлалъ сообщеніе объ одномъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ древне-русскаго водчества — церкви въ подмосковномъ селѣ Останкинѣ, которое первоначально принадлежало роду князей Черкасскихъ, а въ XVIII вѣкѣ перешло въ родъ графовъ Шереметевыхъ. Эта церковь представляетъ самое полное выраженіе русскаго водчества XVII вѣка. Благодаря своему высокому художественному достоинству, она пользуется громкою извѣстностью между архитекторами и художниками, и въ настоящее время стала распространяться въ большомъ количествѣ фотографическихъ снимковъ не только у насъ, но даже и за-границею; за то этому памятнику древне-русскаго водчества очень не повезло въ нашей археологической литературѣ и она даже не попала въ «Русскую Старину» Снегирева и Мартынова, гдѣ помѣщено немало снимковъ съ церкви, которая несравненно ниже ея въ художественномъ отношеніи. Первое печатное ея изображеніе появилось въ 70-хъ годахъ въ одномъ изъ русскихъ иллюстрированныхъ изданій. Затѣмъ покойный В. А. Прохоровъ помѣстилъ рисунки этой церкви въ своемъ изданіи «Христіанскія Древности», но эти рисунки представляютъ только небольшія литографіи съ фотографическихъ снимковъ: ни планы, ни разрѣзовъ нѣтъ, а краткій текстъ сводится весь къ нѣсколькимъ печатнымъ строкамъ. Церковь села Останкина, какъ и многія другія, сильно пострадала отъ поодѣйшихъ передѣловъ и надстроекъ, но въ 1878 году она была восстановлена въ древнемъ видѣ Н. В. Султановымъ и архитекторомъ г. Серебряковымъ. Графъ С. Д. Шереметевъ рѣшился издать подробныя чертежи и рисунки этого чрезвычайно интереснаго памят-

ника, съ пояснительнымъ текстомъ, причемъ составленіе чертежей и пояснительнаго текста поручилъ докладчику. Въ настоящее время Н. В. Султановъ приготовилъ чертежи плановъ обоехъ этажей церкви. На одномъ изъ этихъ плановъ изображенъ нижній этажъ церкви, или, такъ называемый, подкѣлъ, въ которомъ ничего не помѣщается и который устроивается только для того, чтобы возвысить храмъ надъ землею; на 2-мъ — изображенъ 2-й этажъ, въ которомъ помѣщается главный храмъ во имя св. Троицы, южный придѣлъ во имя св. Александра Свирскаго и сѣверный придѣлъ Тихвинской Возсей Матери; кромѣ того, главный храмъ обнесенъ вокругъ ходовыми папертами, которыя упираются по бокамъ въ придѣлы и имѣютъ съ боковъ два крытыхъ крыльца (сѣверное и южное). Съ западной стороны, по средней оси зданія, расположена въ связи съ нимъ колокольня. На этихъ планахъ показаны какъ поддѣйшія части, которыя были сломаны при восстановленіи, такъ и древнія части, восстановленныя въ это же время.

† 31-го января скончался скоропостижно одинъ изъ самыхъ видныхъ государственныхъ дѣятелей, котораго ожидала блестящая будущность, на котораго возлагалось столько надеждъ, теперь утраченныхъ. Карьера Михаила Евграфовича Ковалевскаго была блестящая и завидная. Сынъ Евграфа Петровича Ковалевскаго, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, онъ воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія, и всю службу, которую началъ въ 1849 году, проходилъ въ судебномъ вѣдомствѣ. Со введеніемъ судебной реформы въ 1866 году, онъ былъ назначенъ изъ предсѣдателей петербургской уголовной палаты прокуроромъ уголовного кассационнаго департамента сената, а въ 1870 году возведенъ въ сенаторы кассационнаго уголовного же департамента. Въ 1880 году, онъ производилъ ревизію казанской, оренбургской и уфимской губерній, гдѣ обнаружилъ расхищеніе казенныхъ земель; затѣмъ въ 1881 году былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, въ которомъ считался однимъ изъ выдающихся дѣятелей. Сверхъ дѣятельности въ сенатѣ и въ государственномъ совѣтѣ, покойный, со времени открытія въ 1868 году въ Петербургѣ общества земледѣльческихъ колоній, былъ постоянно избираемъ въ товарищи предсѣдателя общества, а послѣ смерти предсѣдателя Н. В. Зиновьева, занимая его мѣсто, часто посылалъ колонію, содѣйствовалъ матеріальному ея обезпеченію, такъ что процвѣтаніе колоніи, главнымъ образомъ, обязано ему. Наконецъ, онъ въ послѣднее время состоялъ членомъ тюремнаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени энергичный, дѣятельный, обладалъ твердою волею и яснымъ взглядомъ. Онъ умеръ на 48 году жизни, а между тѣмъ, уже былъ въ числѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и имѣлъ много орденовъ.

† Въ Кіевѣ умеръ Павелъ Платоновичъ Чубинскій, одинъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей на поприщѣ русской этнографіи и въ дѣлѣ изученія экономическихъ богатствъ нашего Сѣвера и развитія техническаго желѣзногорознаго образованія въ Россіи. На всѣхъ этихъ поприщахъ онъ оставилъ яркіе слѣды своей неутомимой дѣятельности, прекратившейся вдругъ вслѣдствіе постигшей его немалочимой болѣзни, въ періодъ разцвѣта силъ, когда ему едва исполнилось сорокъ лѣтъ. Его капитальный, семитомный трудъ изданъ Русскимъ Географическимъ обществомъ въ 1872—1877 годахъ, подъ заглавіемъ: «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край». Богатѣйшіе, собранные имъ во время этой экспедиціи матеріалы, распадающіеся на семь главныхъ группъ: легенды, загадки, пословицы, колдовство; сказки мноюческія и бытовныя; народный календарь, пѣсни обрядовыя, пѣсни бытовныя; волостные суды; евреи, поляки, статистика малорусскаго населенія, обзоръ малорусскихъ говоровъ, жилище, пища и одежда малороссовъ, — всѣ эти матеріалы заняли до 5,000 страницъ большого формата. Едва ли были примѣры въ учено-экспедиціонной дѣятельности нашего отечества,

чтобы одно лицо успѣло въ такой короткій промежутокъ времени собрать и приготовить къ печати такую массу научнаго матеріала, какую доставилъ Географическому обществу Чубинскій: однихъ пѣсень имъ записано до 4,000 и изъ книгъ волостныхъ судовъ выбрано до 1,000 рѣшеній. Его трудами сохранены такія черты народности, такія бытовныя особенности, которыя съ каждымъ годомъ исчезаютъ бесслѣдно и которыя для науки составили бы незавѣдную потерю. Раньше этого, въ званіи секретаря архангельскаго статистическаго комитета, Чубинскій, лично инициативою, возбуждая въ русскомъ обществѣ и въ высшихъ сферахъ глубокой интересъ къ нашему Сѣверу, а затѣмъ блестящими публичными лекціями въ Географическомъ обществѣ далъ сильный толчокъ къ обстоятельному изслѣдованію экономическихъ условий и задачъ этого Сѣвера. Не менѣе цѣнною заслугою остается на память покойнаго непродолжительная, но плодотворная дѣятельность его по службѣ въ министерствѣ путей сообщенія. Ему была поручена разработка вопроса объ устройствѣ техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ, — и онъ блистательно исполнилъ возложенное на него порученіе.

† Въ Нальи, близъ Парижа, скончался Сергій Дмитріевичъ Полторацкій, на 81-мъ году. Это былъ извѣстный въ Россіи библіоманъ и библіографъ. Въ своемъ селѣ Авчурино, близъ Калуги, онъ собралъ рѣдкую коллекцію экземпляровъ первыхъ русскихъ газетъ и періодическихъ изданій. Онъ составилъ также замѣчательный «Словарь русскихъ писателей», который остался незаданнымъ и хранился въ его библіотекѣ, въ томъ же селѣ. Библіографическія его изслѣдованія о произведеніяхъ русскихъ литераторовъ, его статьи по исторіи русской литературы, помѣщались до шестидесятихъ годовъ нынѣшняго столѣтія преимущественно въ «Сѣверной Пчелѣ». Въ его библіотекѣ, еще при его жизни, были собраны богатые матеріалы для исторіи русской литературы. Въ 1855 году, во время пребыванія за-границею, Полторацкій издалъ «Опаснаго сѣмѣда», извѣстное стихотвореніе Василія Львовича Пушкина. Полторацкій замѣчательнѣе еще тѣмъ, что въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, въ своемъ рязанскомъ помѣстьѣ, основалъ первый игольный заводъ въ Россіи. До него къ намъ привозили иглы для шитья исключительно изъ Англіи. Онъ намѣревался освободить русскихъ отъ тяжелой зависимости отъ иностранцевъ, но потерпѣлъ неудачу въ своихъ фабричныхъ предпріятіяхъ. По природѣ своей онъ не былъ промышленникомъ. Для него самое пріятное препровожденіе времени было чтеніе книгъ, газетъ и журналовъ, дѣланіе изъ нихъ выписокъ, замѣтокъ, отыскиваніе рѣдкихъ экземпляровъ, сличеніе ихъ и проч. Поэтому неудивительно, что его большое состояніе разстроилось. Рязанскіе его заводы перешли въ другія руки и онъ самъ удалился за-границу, гдѣ и провелъ послѣдніе годы жизни.

† 23-го января, въ измайловской военной богадѣльнѣ, умеръ литераторъ Сергій Ивановичъ Турбинъ, извѣстный авторъ пьесъ, типично и рельефно рисующихъ армейскій военный бытъ: «Картинка съ натуры», «Бойкая барыня», «Свекровь и теща», «Хозяйка и постоялецъ» и другія его пьесы долго не сходили съ репертуара столичныхъ и провинціальныхъ сценъ. Кромѣ пьесъ онъ написалъ нѣсколько небольшихъ расказовъ, воспоминаній и мелкихъ журнальныхъ статей. Получивъ университетское образованіе, онъ поступилъ въ военную службу, прошелъ курсъ въ академіи генеральнаго штаба и выйдя въ отставку — посвятилъ себя литературѣ и журналистикѣ. Это была одна изъ прямыхъ, честныхъ и весьма любимыхъ личностей. Полнѣйшій безсребренникъ, не помышлявшій о завтрашнемъ днѣ, онъ перебивался кое-какъ, пока болѣзню не поддомлила эту крѣпкую, выносливую натуру. Работать болѣе онъ не могъ, средствъ къ жизни не было никакихъ — и пришлось доживать вѣкъ въ богадѣльнѣ. Покойный скоро свыкъся съ своею новою жизнью и покончилъ ее, какъ большинство журнальныхъ труженниковъ, почти въ ничетѣ: онъ получалъ небольшую, рублей сорокъ въ мѣсяцъ, пенсію. За его

статью «Вашпачникъ Янъ Калинскій и его мемуары», помѣщенную въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 1866 года, газета эта была приостановлена на три мѣсяца.

† Въ Парижѣ скончался Эмъль Руэръ, бывшій министръ Наполеона III. Онъ родился въ 1814 году и предназначенный родителями для морской службы, воспитывался сначала въ морскомъ училищѣ, потомъ поступилъ въ парижскій университетъ, прошелъ курсъ юридическихъ наукъ и послѣ смерти (рата, адвоката въ Рюмъ, поселился въ родномъ городѣ, приобрѣтя многочисленныхъ кліентовъ. Въ то время Руэра считали отъявленнымъ республиканцемъ и послѣ революціи 1848 года республиканцы департамента Пюи-де-Домъ избрали его своимъ представителемъ въ національное собраніе. Но Руэръ не долго засѣдалъ въ рядахъ республиканцевъ; онъ скоро примкнулъ къ правой и въ законодательномъ собраніи выступилъ уже въ качествѣ консерватора. Еще въ 1849 году Руэръ сдѣлался однимъ изъ приближенныхъ принца Луи-Наполеона и въ октябрѣ былъ уже президентомъ кабинета и министромъ юстиціи. Въ 1851 году, онъ вышелъ въ отставку, но послѣ государственнаго переворота вновь получилъ тотъ же портфель, отъ котораго, однако, вновь отказался, когда, вопреки его совѣтамъ, былъ изданъ императоромъ декретъ о конфискаціи имущества Орлеанскаго дома. Тогда Наполеонъ III назначилъ Руэра президентомъ государственнаго совѣта. Съ 1855 года по 1863 годъ Руэръ управлялъ министерствомъ торговли, общественныхъ работъ и земледѣлія. Онъ усердно проводилъ фритредерскія идеи Наполеона III и заключилъ извѣстный торговый договоръ съ Англійей. Послѣ смерти Вильо, Руэръ былъ назначенъ государственнымъ министромъ, главная обязанность котораго заключалась въ отстаиваніи передъ палатами правительственныхъ проектовъ и правительственной политики. Руэръ выказалъ себя искуснымъ ораторомъ. Онъ былъ человѣкъ съ несомнѣннымъ талантомъ, но безъ всякихъ убѣжденій; не разъ онъ отстаивалъ тѣ самыя идеи, которыя наканунѣ осуждалъ. То потворствуя чувству зависти, вызванному успѣхами прусскаго оружія въ Богеміи, выказалъ въ воинственному штылу французамъ, то со смиреніемъ агнца говорилъ о благахъ мира и о братствѣ народовъ. Нѣсколько разъ онъ высказывалъ мысль, что либеральныя учрежденія и конституціонный режимъ погубятъ Францію, но это не мѣшало ему чуть ли не на слѣдующій день провозглашать, что конституція — вѣнецъ аданія, воздвигаемаго императоромъ. Благодаря ловкости, съ которою онъ умѣлъ превозносить весьма неблагоприятные поступки второй имперіи, Руэръ постоянно пользовался милостями Наполеона III и сдѣлался въ Тюльерійскомъ дворцѣ такимъ необходимымъ человѣкомъ, что Эмиль Оливье назвалъ его «вице-императоромъ». Впрочемъ, Руэръ до такой степени утратилъ уваженіе общественнаго мнѣнія, что когда Наполеонъ III рѣшилъ начать либеральную эру, въ 1869 году, онъ, не смотря на все свое желаніе, не могъ уже оставить Руэра въ главѣ правленія. Въ началѣ 1870 года Руэръ подалъ въ отставку, но былъ назначенъ президентомъ сената и сохранилъ при дворѣ свое прежнее вліяніе. 4-го сентября 1870 года, онъ посѣпилъ удалиться изъ Парижа, и все время войны проживалъ за-границею. Возвратившись во Францію, онъ сталъ во главѣ небольшой бонапартистской партіи и имѣлъ мужество громко защищать вторую имперію противъ всѣхъ нападокъ. Трагическая кончина императорскаго принца разрушила всѣ надежды Руэра. Хотя онъ и призналъ принца Наполеона законнымъ претендентомъ, однако, пересталъ принимать всякое участіе въ бонапартистской агитаціи и удалился въ частную жизнь.

По поводу картины Рѣпина „Царевна Софья приводитъ къ присягѣ стрѣльцовъ“.

Къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы прилагаемъ географическій снимокъ (сдѣланный Э. Гальяромъ, въ Берлинѣ) съ картины нашего талантливаго художника Рѣпина: «Царевна Софья приводитъ къ присягѣ стрѣльцовъ». Сюжетъ картины взятъ изъ втораго стрѣлецкаго бунта 1689 года. Извѣстно, что когда, подъ вліяніемъ честолюбивыхъ замысловъ царевны Софіи, вспыхнулъ этотъ мятежь, юный царь Петръ скрылся въ Троицкую Сергіеву лавру, куда для защиты его стали стекаться съ разныхъ сторонъ бояре, думные люди, царедворцы и др. Изъ лавры Петръ разослалъ грозныя грамоты во всѣ стрѣлецкіе полки, сотни и дворцовыя слободы, требуя, чтобы полковники и урядники съ десятью рядовыми стрѣльцами отъ cadaго полка, а изъ сотенъ и слободъ всѣ старосты и выборные съ десятью тяглецами отъ каждой слободы и сотни «безъ мотанья и оклошки явились въ Троицкую лавру; если же кто не явится, тому быть въ смертной казни». Эти грамоты произвели желаемое дѣйствіе. Устрашенные стрѣльцы, начали толпами являться въ лавру и изъявлять покорность.

Царевна Софья, видя неудачу своихъ плановъ, рѣшилась искать примиренія съ братомъ и для этой дѣли сама отправилась въ лавру. Въ десяти верстахъ отъ монастыря, въ селѣ Воедвиженскомъ, она была встрѣчена комнатнымъ стольникомъ И. И. Бутурлинымъ, передавшимъ ей волю государя, чтобы она «въ монастырь не ходила». — «Конечно, пойду» — отвѣчала Софья и хотѣла продолжать путь; но вскорѣ прибылъ изъ лавры бояринъ князь И. Б. Троекуровъ съ рѣшительнымъ увязомъ не пускать царевну въ монастырь и объявленіемъ, что, въ случаѣ ея упорства, «съ ней поступлено будетъ нечестно».

Съ неукротимой злобой въ сердцѣ возвратилась, ночью, Софья въ Москву и тотчасъ велѣла привагать къ себѣ немногихъ, оставшихся къ ней приверженными, стрѣльцовъ. За два часа до разсвѣта, она вышла къ нимъ съ горькими жалобами.

— Чуть меня не застрѣлили, — говорила Софья, — въ Воедвиженскомъ прискакали на меня многіе люди съ самопалами и луками. Я наслу ушла. Затѣваютъ Нарышкины съ Лопухинными известіи царя Іоанна Алексѣевича; и до моей головы доходить. Соберу полки и буду имъ говорить сама. Вы послужите намъ и къ Троицѣ не уходите. Я вамъ вѣрю: кому и вѣрять, какъ не вамъ, старымъ? Пожалуй, и вы побѣжите. Цѣлуйте лучше крестъ!

Верховая дѣвица вынесла изъ комнаты крестъ. Софья взяла его и сама держала, приводя стрѣльцовъ къ присягѣ.

— А если побѣжите, заключила царевна, животворящій крестъ васъ не допустить.

Вотъ этотъ именно моментъ, предшествовавшій паденію Софіи, и изобразилъ художникъ на своей картинѣ, о достоинствахъ которой уже столько было писано, что мы считаемъ излишнимъ повторять ихъ здѣсь.

ЗАМЪТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи „Происхожденіе одного учебнаго заведенія“.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», 1864 года, въ отдѣлѣ «Изъ прошлаго» помѣщена замѣтка, подъ заглавіемъ «Происхожденіе одного казеннаго заведенія», за подписью «Н. Л. Родіоновъ». Какъ членъ рода (Казанскихъ) Родіоновыхъ, располагая притомъ семейнымъ архивомъ нашимъ, считаю долгомъ исправить нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ означенную замѣтку, вѣроятно, потому, что она писана на основаніи пзустныхъ, давно слышанныхъ преданій. Прежде всего замѣчу, что вдова полковника Родіонова, Анна Николаевна, была родная бабука Лукѣ Павловичу Родіонову, по Павлу Ивановичу, рожденному ею отъ Ивана Александровича Родіонова, которому она приходилась второю женой. Между тѣмъ, въ замѣткѣ она является «бездѣтною старушкой», а Лука Родіоновъ племянникомъ ея — сыномъ меньшаго ея брата, Павла. Равнымъ образомъ, и свѣдѣнія о причинѣ пожертвованія имѣнія основательницею института, и ходъ дѣла утверженія ея распоряженія—не точно переданы. Нижеслѣдующее основано на документахъ, современныхъ письмамъ, и Полномъ Собраніи Россійскихъ Законовъ:

Иванъ Александровичъ Родіоновъ, полковникъ и помѣщикъ имѣній въ Казанской, Нижегородской и другихъ губерніяхъ, былъ два раза женатъ. Отъ первой жены (Анны Александровны) имѣлъ онъ сына Александра (полковника артиллеріи), который, въ 1758 году, женился на Наталіи Ивановнѣ Осокиной; отъ нихъ ведутъ свой родъ Родіоновы, помѣщики Симбирской и Казанской губерній. Одна изъ ихъ дочерей: Анна была за княземъ Семен. Михайл. Варатаевымъ (ихъ дочь Елизавета за Борис. Павл. Мансуровымъ), Елизавета за Мергасовымъ и Марья за Порфиріемъ Молоствовымъ. Отъ второй жены Иванъ Александровичъ, женившись въ преклонныхъ лѣтахъ на Аннѣ Николаевнѣ (кажется, рожденной Крупениковой), имѣлъ сына Павла (лейбъ-гвардіи поручика), отъ котораго ведутъ свой родъ Родіоновы Нижегородской губерній. Иванъ Александровичъ Родіоновъ былъ замученъ, 12-го іюня 1774 года, на паперти Воскресенской церкви, въ день вятія Казани Пугачевымъ; въ этотъ же день былъ убитъ и сынъ его—Александръ, при защитѣ крѣпостной стѣны Казани, распоряжаясь артиллеріею. Анна Николаевна, оставшись вдовою, была недовольна поведеніемъ своего внука, Луки Павловича, и нелюба дѣтей покойнаго мужа своего, отъ первой его жены, не измѣнила поданнаго ею, 8-го февраля 1789 года, на высочайшее имя, прошенія, о предоставленіи ему имѣнія при с. Масловкѣ (Ланшевскаго уѣзда, на р. Камѣ, съ 700 душъ крестьянъ и до 10,000 десятинъ земли), перешедшаго къ ней отъ ея мужа, фондомъ для благотворительнаго учрежденія. Дѣло это продолжалось до 1826 года, такъ какъ нѣкоторые изъ наслѣдниковъ (Мергасовы) оспаривали законность распоряженія родовымъ имуществомъ. Въ означенномъ году послѣдовало высочайшее повелѣніе объ основаніи въ Казани Родіоновскаго института благородныхъ дѣвицъ. Анна Николаевна Родіонова была небольшого роста, дородна, съ большими, строгими, сѣрыми глазами; нрава непреклоннаго и сварливаго; жила въ гор. Казани, въ своемъ домѣ, на Воскресенской улицѣ (нынѣ, кажется, зданіе духовной семинаріи); сама занималась всѣми дѣлами по имѣніямъ и

по домохозяйству. Въ свой кабинетъ никого не впускала, кромѣ любимой своей старухи ключницы, и то одинъ только разъ въ день. Въ началѣ 1827 года Анна Николаевна еще была жива. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, въ одной изъ залъ Родіоновскаго института красовался женскій портретъ, слывшій за портретъ Анны Николаевны, тогда какъ правнуча ея по мужу, Варвара Ивановна Родіонова (сестра моего отца), узнала въ ней любимую ключницу основательницы института. Варвара Ивановна общалась, владѣя кистью, нарисовать портретъ прабабки по памяти. Портретъ, однакожь, не былъ доставленъ, и, можетъ быть, до сихъ поръ ключница занимаетъ почетное мѣсто своей госпожи.

Дмитрій Петр. Родіоновъ.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ Д. Д. Языкова «Учено-литературная дѣятельность Д. И. Иловайскаго» почтенный библиографъ пропустилъ одно сочиненіе г. Иловайскаго, именно «Поборники норманизма и туранизма», напечатанное въ «Русской Старинѣ» 1882 г. № 12, и имѣющее существенное значеніе по отношенію къ теоріи г. Иловайскаго о происхожденіи Руси и вопросу о гуннахъ.

Встрѣча Озаванаролы съ Ипполитомъ и Оролой.

Но вмѣсто этого оно только послужило средствомъ, чтобы закалить его характеръ и окончательно убѣдить въ суетности всѣхъ земныхъ благъ.

Орсола ловко начала игру и выдержала свою роль съ искусствомъ, которое трудно было ожидать отъ неопытной молодой дѣвушки. Еслибы у ней было сердце, то она могла бы навсегда привязать къ себѣ Саванаролу, между тѣмъ она сдѣлалась злымъ демономъ его жизни, потому что ея необыкновенная красота преждевременное развитіе и гибкость ума послужили только къ тому, чтобы обратить его въ жертву ея безопаднаго кокетства. Для молодой дѣвушки, обладающей такими преимуществами, не трудно одурaczyć самого умнаго человѣка, потому что онъ видитъ ее въ моменты, когда она слѣдитъ за собой и является передъ нимъ въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ.

Джироламо не отдавалъ себѣ отчета, какъ это случилось, что онъ почти ежедневно сталъ видѣться съ Орсолой, то на улицѣ, то въ церкви; вскорѣ послѣ того они встрѣтились въ домѣ однихъ общихъ знакомыхъ. Сначала сама молодая дѣвушка устраивала эти повидимому случайныя встрѣчи; но вслѣдъ затѣмъ очарованіе ея красоты начало такъ сильно дѣйствовать на Джироламо, что онъ бросалъ самыя серіозныя занятія, если надѣялся гдѣ либо встрѣтить прекрасную Орсолу. Но такъ какъ она всегда ласково отвѣчала на его поклоны и пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы вступить съ нимъ въ болѣе или менѣе продолжительный разговоръ, то между ними скоро установились дружескія непринужденныя отношенія, которыя все болѣе и болѣе опутывали довѣрчивую душу юноши. Достаточно было веселой улыбки Орсолы, мимолетнаго взгляда, чтобы лишить его всякой силы воли, пока въ одинъ прекрасный день для него самого стало ясно, что имъ овладѣла страсть, охватившая все его существо. Онъ ощутилъ такое невыразимое чувство блаженства, что ему не приходило въ голову, что онъ долженъ бороться съ этимъ чувствомъ. Вслѣдъ затѣмъ у него явилось непреодолимое желаніе сообщить Орсолѣ о сдѣланномъ открытіи, чтобы узнать: раздѣляетъ ли она его чувства и на что онъ можетъ рассчитывать въ будущемъ.

Хотя у него были всевозможныя доказательства, что красавица отвѣчаетъ на его любовь; но колебаніе между сомнѣніями и блаженной увѣренностью доставляло ему такое безконечное наслажденіе, что ему хотѣлось какъ можно долѣе продлить его. Онъ не замѣчалъ, что Орсола также охотно встрѣчается съ другими молодыми людьми и что ея отношенія къ Ипполиту Вентиволіо принимаютъ довольно сомнительный характеръ.

Согласно строгимъ нравамъ того времени Орсола могла только украдкой обмѣниваться взглядами съ Ипполитомъ въ церкви или на прогулкѣхъ.

Но такъ какъ влюбленный юноша давно уже не довольствовался этимъ и Орсола вполне сочувствовала его желанію поговорить съ нею наединѣ, то они условились между собой относительно правильныхъ свиданій въ опредѣленныхъ мѣстахъ.. Въ этихъ случаяхъ веселая и рѣзвая дѣвушка часто смѣялась надъ любовною Джироламо Саванарола; но такъ какъ его привязанность была вполне серьезная и искренняя, то молодая дѣвушка невольно чувствовала по временамъ нѣчто похожее на раскаяніе. Она хотѣла только довести его до признанія, а затѣмъ ласково и рѣшительно удалить его отъ себя въ убѣжденіи, что это не причинитъ ему особеннаго горя и что онъ скоро утѣшится среди своихъ ученыхъ занятій.

Въ это время неожиданно вернулся въ Болонью Онъибене Саванарола, потому что распря между Венеціей и Падуей кончилась благополучно и вспомогательное войско оказалось лишнимъ. Онъибене прожилъ нѣсколько дней въ Болоньи и ни разу не вспомнилъ о пари между Орсолой и Ипполитомъ Бентиволио, пока его не поразило странное настроеніе его брата. Никогда не видалъ онъ серьезнаго Джироламо такимъ веселымъ и счастливымъ, и поэтому тотчасъ же догадался о причинѣ такой переменъ. Онъ чувствовалъ глубокое сожалѣніе къ обманутому юношѣ, но не рѣшался сразу сказать ему правду. Когда Джироламо открылъ ему тайну своего сердца, то онъ ограничился тѣмъ, что выразилъ нѣкоторыя сомнѣнія и многозначительно покачалъ головой. Но тутъ онъ еще больше убѣдился, какъ сильна и непоколебима любовь Джироламо, который не только равнодушно отнесся къ его намекамъ, но послѣ ихъ разговора повидимому еще больше укрѣпился въ своемъ намѣреніи сдѣлать признаніе Орсолѣ.

— Мнѣ кажется, сказалъ Онъибене, что ты придаешь слишкомъ большое значеніе ея ласковому обращенію съ тобою. Насколько мнѣ извѣстно, она смѣется и шутить со всякимъ молодымъ человѣкомъ, который до извѣстной степени нравится ей, хотя ея сердце не принимаетъ въ этомъ ни малѣйшаго участія.

— Если бы ты не былъ моимъ братомъ, возразилъ Джироламо, то я принялъ бы за личное оскорбленіе твое легкомысленное сужденіе объ Орсолѣ; но теперь оно только огорчаетъ меня. Неужели ты думаешь, что я неспособенъ внушить привязанность молодой дѣвушкѣ и даже не могу отличить настоящаго чувства отъ пустаго кокетства.

Онъибене не зналъ что отвѣтить на это: — Быть можетъ я ошибаюсь, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, но, насколько я могъ замѣтить, между Орсолой и Ипполитомъ Бентиволио существуетъ какое-то соглашеніе... Очень жаль, что мнѣ приходится нарушить твое веселое настроеніе духа! Во всякомъ случаѣ поговори самъ съ Орсолой и постарайся выяснитъ свои отношенія

къ ней... Если мои опасенія окажутся напрасными, то повѣрь, что я буду искренно радоваться этому!

Джироламо, въ первый разъ въ жизни, разсердился на своего брата; но у него не было ни малѣйшаго опасенія относительно того, что быть можетъ въ его словахъ есть извѣстная доля правды.

Въ этотъ день онъ съ лихорадочнымъ нетерпѣнiемъ искалъ случая переговорить съ Орсолой, и поэтому выбралъ какъ разъ самую неудобную минуту для объясненія. Онъ зналъ, что молодая дѣвушка будетъ у обѣдни въ соборѣ; большей частью она приходила вмѣстѣ съ матерью, и тогда Джироламо могъ только издали любоваться ею. Но сегодня,—что было принято имъ за особенно счастливую случайность,—она пришла одна и заняла мѣсто на скамьѣ около колонны, къ которой онъ могъ прислониться. Въ соборѣ было мало публики, такъ что Джироламо осмѣлился при выходѣ изъ церкви шепнуть ей нѣсколько словъ, хотя при этомъ голосъ его сильно дрожалъ отъ волненія.

Подавая ей воду изъ кропильницы, онъ выразилъ сожалѣнiе что такъ долго не видѣлся съ нею и въ первый разъ заговорилъ о своей любви. Онъ сказалъ, что ея образъ преслѣдуетъ его днемъ и ночью, во снѣ и на яву, и что онъ не можетъ найти себѣ покоя до тѣхъ поръ, пока не услышитъ отъ нея самой, насколько она расположена къ нему.

Орсола торжествовала въ душѣ; ея тщеславiе было вполнѣ удовлетворено одержанной побѣдой. Она не чувствовала никакого сожалѣнiя къ несчастной жертвѣ и поспѣшила воспользоваться преимуществами своего положенiя:

— Вы неудачно выбрали мѣсто и время для такого объясненія, синьоръ Джироламо, сказала она; поэтому прошу васъ скорѣе кончить этотъ допросъ. Я пришла сюда для молитвы и считаю не приличнымъ продолжать начатый вами разговоръ.

Слова эти поразили Джироламо какъ ударъ грома.—Если бы вы имѣли хотя малѣйшее понятiе о томъ чувствѣ, которое я питаю къ вамъ, сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ, то не дали бы мнѣ подобнаго отвѣта. Врядъ ли когда нибудь болѣе чистая и теплая молитва возносилась къ Богу, нежели тѣ слова святой и непорочной любви, которыя я произнесъ у Божьяго алтаря. У меня нѣтъ ни единой нечестивой мысли и я не вижу грѣха въ томъ, что открылъ вамъ завѣтную тайну моего сердца...

— Никто не можетъ запретить вамъ имѣть свое мнѣнiе; но я не раздѣляю его! сухо замѣтила Орсола. Вы можете видѣть изъ различiя нашихъ взглядовъ, что наши сердца далеко не такъ симпатизируютъ другъ другу, какъ вы предполагали до сихъ поръ. Теперь прошу васъ не прерывать болѣе моей молитвы; я должна вернуться въ церковь, чтобы очистить мою душу отъ невольнаго грѣха, который я совершила, слушая васъ...

Она вернулась въ церковь и, преклонивъ колѣна передъ ближайшимъ алтаремъ, углубилась въ молитву. Ею не интересовали больше душевныя муки несчастнаго юноши, хотя за минуту передъ тѣмъ она разрушила своимъ рѣзкимъ отвѣтомъ всѣ надежды его молодой жизни.

Трудно передать словами то нравственное состояніе, въ какомъ находился Саванорола. Порывы отчаянія смѣнялись въ его сердцѣ полнымъ упадкомъ духа. Но вскорѣ любовь переселила это тяжелое настроеніе, и онъ почувствовалъ глубокое раскаяніе въ своемъ поступкѣ. Почему онъ не отложилъ это несчастное объясненіе до болѣе удобнаго времени. Ему не слѣдовало упускать изъ виду, что женщины строже относятся къ религіи, нежели мужчины! Но разумѣется ссора будетъ непродолжительна, и вмѣстѣ съ прощеніемъ онъ услышитъ отъ нея признаніе во взаимной любви...

Минуты казались ему вѣчностью. Онъ вернулся въ церковь и, вставъ у колонны на прежнемъ мѣстѣ терпѣливо ожидалъ, когда Орсола кончитъ молитву и выйдетъ на паперть. Онъ намѣревался идти за ней и вымолить у ней прощеніе.

Наконецъ молодая дѣвушка встала съ колѣнъ и медленно направилась къ выходу. Пальцы ея механически перебирали четки; но мысли были заняты признаніемъ Джироламо. Она не чувствовала никакого раскаянія, что такъ рѣзко поступила съ своимъ поклонникомъ. Но глаза ея сверкнули гнѣвомъ, когда она снова увидѣла его у колонны. Ей неприлично было идти по улицѣ съ Джироламо, поэтому она остановилась на паперти, чтобы объясниться съ нимъ. Сердце ея усиленно билось, тѣмъ болѣе, что она намѣревалась покончить дѣло однимъ ударомъ. Никто изъ знакомыхъ не сомнѣвался больше въ любви Саваноролы къ ней; Ипполитъ Бентиволіо уже давно сдѣлалъ заявленіе, что убѣдился во всемогуществѣ ея красоты и вполне признаетъ ея побѣду надъ молодымъ ученымъ.

Когда Саванорола подошелъ къ ней, она первая заговорила съ нимъ, чтобы предупредить новое объясненіе.—Вы дали мнѣ полезный урокъ сыноръ Джироламо, сказала она, теперь я вижу, что молодая дѣвушка должна быть осторожна въ своемъ обращеніи съ мужчинами и не выказывать имъ особенной благосклонности или участія. Мнѣ не хотѣлось бы огорчать васъ, потому что то чувство, о которомъ вы говорили, требуетъ пощады. Но одно несомнѣнно, что мужчины тщеславнѣ насъ, женщинъ; если бы было иначе, то вамъ никогда бы не пришлось въ голову придать такое значеніе невиннымъ проявленіямъ моего расположенія къ вамъ и приписать ихъ любви!

Мертвенная блѣдность покрыла лицо Джироламо; ему стоило большихъ усилій, чтобы не упасть.

— Значитъ все это былъ только обманъ?... проговорилъ онъ глухимъ прерывающимся голосомъ.

— Вы сами виноваты, если обманулись относительно моихъ чувствъ, возразила Орсола. Во всякомъ случаѣ, добавила она со смѣхомъ, я отъ души жалѣю васъ и надѣюсь, что вы не примете этого дѣла слишкомъ горячо къ сердцу.

Съ этими словами она сошла съ церковной паперти и, свернувъ въ сосѣдную улицу, занялась разглядываніемъ прохожихъ съ такимъ веселымъ и беззаботнымъ видомъ, какъ будто бы съ нею не случилось ничего особеннаго.

Саванарола съ трудомъ добрался домой, такъ какъ онъ едва различалъ дорогу подъ вліяніемъ одной давящей мысли, что онъ сдѣлается теперь посмѣшищемъ людей. Онъ чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, отверженнымъ и одинокимъ, что ему даже не приходило въ голову, что во всемъ виновата одна Орсола. Даже теперь онъ готовъ былъ оправдать ее и считать себя тщеславнымъ глушцомъ, такъ какъ его неалобливое сердце не могло допустить мысли объ обманѣ.

Онъибене засталъ его сидящимъ неподвижно, съ глазами устремленными въ одну точку, и тотчасъ же догадался, что у него было неприятное объясненіе съ Орсолой. Поэтому Онъибене былъ въ сильной нерѣшимости: сообщить ли брату свою неожиданную встрѣчу съ Ипполитомъ Бентиволио, который нѣсколько минутъ тому назадъ рассказалъ ему съ веселымъ смѣхомъ о неудачной любви Джироламо и добавилъ, что получилъ премилую записку отъ обворожительной Орсолы. Молодая дѣвушка извѣщала его, что сегодня она избавлена отъ строгаго надзора матери, и если онъ придетъ послѣ обѣдни въ общественный садъ, то ничто не помѣшаетъ ихъ свиданію.

Сначала Джироламо отвѣчалъ упорнымъ молчаніемъ на всѣ вопросы брата, и только послѣ его настойчивыхъ просьбъ настолько собрался съ силами, что могъ передать ему результатъ своего объясненія съ Орсолой. Онъ приписывалъ себѣ всю вину и старался представить въ возможно лучшемъ свѣтѣ личность молодой дѣвушки. Но это еще больше раздражило Онъибене, такъ что онъ сразу рѣшился разочаровать своего брата, чтобы у него не оставалось никакого сомнѣнія относительно коварства Орсолы.

Онъ пригласилъ его немедленно слѣдовать за собою, и при этомъ взялъ съ него честное слово, что онъ постарается сохранить хладнокровіе и ни въ какомъ случаѣ не прибѣгнетъ къ насилію относительно себя или кого либо другаго.

Затѣмъ Онъибене повелъ своего брата въ обширный садъ, нѣкогда принадлежавшій дому Бентиволио, но который уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣлался общественнымъ достояніемъ и служилъ мѣстомъ прогулки для публики. Оба брата осторожно прокрадыва-

лись вдоль аллей величественныхъ пиній и платановъ, красивыхъ акацій и высокихъ лавровъ; Онъибене постоянно оглядывался по сторонамъ въ надеждѣ увидѣть влюбленную пару, составлявшую цѣль его поисковъ.

Они дошли до отдаленной части сада, гдѣ былъ небольшой прудъ, окаймленный группами деревьевъ и цвѣточными клумбами. Здѣсь въ уединенномъ мѣстѣ за изгородью розъ и лавровъ Онъибене увидѣлъ на скамьѣ молодого Бентиволіо сидящаго рядомъ съ Орсолой Кантарелли.

Влюбленные вели оживленный разговоръ и были настолько поглощены имъ, что оба брата незамѣтно подошли на такое близкое разстояніе, что могли слышать каждое ихъ слово.

— Я все-таки чувствую къ нему нѣкоторое сожалѣніе, сказала Орсола. — Онъ никогда не разгорячился бы до такой степени, еслибы не былъ ослѣпленъ страстью. Но для меня это былъ вопросъ чести. Еслибы мнѣ не удалось довести его до прямого объясненія, то меня могли бы упрекнуть въ пустомъ хвастовствѣ, а это также невыгодно для насъ женщинъ, какъ для рыцаря, который хвалится зарагѣе, что выполнить геройскій подвигъ.

— Не безпокойся объ этомъ моя дорогая, возразилъ Ипполитъ, — не велика бѣда, если пострадаетъ его самолюбіе и немного поболитъ сердце. Вольно этому безумцу вообразить себѣ, что ты можешь полюбить его, когда у него нѣтъ ни одного качества, которое даетъ молодому человѣку право рассчитывать на любовь молодой дѣвушки. Развѣ у него нѣтъ глазъ и ушей, что онъ не замѣчаетъ, кто его соперникъ? Бентиволіо никому не уступитъ своего мѣста, а тѣмъ болѣе школьнику, который возится съ своими книгами и не умѣетъ владѣть оружіемъ.

При этихъ словахъ вблизи послышался дикій крикъ. Влюбленные вскочили въ испугъ; Орсола прижалась къ груди Бентиволіо; въ слѣдующую минуту Джироламо, раздвинувъ вѣтки кустовъ, однимъ прыжкомъ очутился передъ ними, съ блѣднымъ искаженнымъ лицомъ. Вмѣстѣ съ нимъ появился его братъ, который дѣлалъ напрасныя усилія, чтобы удержать его; Ипполитъ Бентиволіо обнажилъ шпагу и сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Вотъ поведеніе вполнѣ достойное мужчины! воскликнулъ онъ съ презрительной насмѣшкой. — Что можетъ быть лучше, какъ подкараулить соперника изъ засады и внезапно напасть на него! Такъ всегда поступаютъ рыцари! Не мѣшало бы хорошенько проучить васъ, какъ это дѣлаютъ съ трусами.

Джироламо не помнилъ себя отъ ярости и сжавъ кулаки бросился на своего противника, но Онъибене оттолкнулъ его и сказалъ Ипполиту:

— Остановитесь синьоръ и не забывайте, что если мой братъ безоруженъ, то моя шпага умѣетъ мстить за оскорбленія не хуже

вашей. И самъ привелъ сюда Джироламо, чтобы убѣдить его, что онъ жертва гнуснаго обмана. Но довольно объ этомъ, всѣмъ извѣстно, что Бентиволио можетъ многое позволить себѣ въ Болоньи, чего не простили бы ему въ другомъ мѣстѣ. Наслаждайтесь любовью прекрасной синьорины, и если возможно постарайтесь забыть въ ея объятіяхъ, что вы ради своей забавы разрушили счастье цѣлой жизни честнаго и порядочнаго человѣка. Пойдемъ Джироламо, добавилъ онъ, обращаясь къ своему брату, который стоялъ неподвижно на мѣстѣ и повидимому находился въ состояніи полного отупѣнія.

Бентиволио сдѣлалъ движеніе какъ будто хотѣлъ еще разъ броситься на своего противника, но Орсола, въ порывѣ раскаянія, встала передъ нимъ, умоляя оставить дѣло безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Оба брата вышли изъ сада и отправились на квартиру Джироламо, который былъ настолько убитъ нравственно, что лишился способности дѣйствовать самостоятельно. Онъ ибене не стоило большаго труда уговорить его немедленно уложить свои вещи и ѣхать съ нимъ въ ихъ родной городъ Феррару, куда онъ долженъ былъ отправиться по дѣламъ.

Это предложеніе до нѣкоторой степени вывело несчастнаго юношу изъ его мрачнаго настроенія. Ему казалось, что онъ не можетъ болѣе дышать воздухомъ Болоньи и оставаться въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ испыталъ столько горя и униженій.

Пріѣздъ обоихъ братьевъ въ Феррару искренно обрадовалъ ихъ родителей, которые были убѣждены, что Джироламо рѣшился исполнить ихъ давнишнее желаніе и намѣренъ приняться за какое нибудь опредѣленное занятіе. Тѣмъ не менѣе отъ ихъ вниманія не могло ускользнуть, что мечтательный и серіозный Джироламо сдѣлался еще болѣе сосредоточеннымъ и какъ будто умеръ для всего окружающаго. Всѣ попытки младшихъ сестеръ развлечь его оказались безуспѣшными: онъ не обращалъ никакого вниманія на ихъ шутки и поддразниванія. Между тѣмъ Онъ ибене не считалъ нужнымъ сообщить кому либо о причинѣ мрачнаго настроенія своего брата, въ надеждѣ, что время излечитъ раны его больнаго сердца. Но такъ какъ Джироламо часто проводилъ ночи безъ сна и не только прогуливался по своей комнатѣ, но даже совсѣмъ уходилъ изъ дому, то родные пришли къ убѣжденію, что онъ ясновидящій, и стали еще больше слѣдить за нимъ. Когда они замѣтили, что Джироламо нерѣдко вслухъ разговариваетъ самъ съ собою, и повидимому находится въ внутренней борьбѣ съ непріязненными силами, то у нихъ явилось подозрѣніе, что его мучаютъ по ночамъ таинственныя видѣнія и даже, быть можетъ, злые демоны, которые хотятъ совратить его съ истиннаго пути.

Такимъ образомъ даже ближайшіе родственники поняли превратно странное настроеніе юноши, а за ними и посторонніе люди

стали говорить, что онъ склоненъ къ сомнамбулизму и ему кажутся видѣнія. Вслѣдствіе этого окружающіе стали чувствовать къ Джироламо неопредѣленный страхъ и избѣгать его; это было тѣмъ пріятнѣе для него, что ему самому не приходилось бѣгать отъ ихъ общества.

Трудно передать на словахъ все то, что происходило въ душѣ несчастнаго юноши. Онъ вынесъ тяжелую борьбу и тѣмъ яснѣе становилось въ немъ сознаніе, что имъ руководило всегда одно желаніе добра и что ему нѣтъ никакого повода упрекать себя за свое увлеченіе, тѣмъ больше слабѣла его вѣра въ благость провидѣнія. Но вскорѣ лучшія чувства заговорили въ его душѣ и взяли верхъ надъ эгоистическими помыслами. Постигшее его горе наводило въ тѣсной зависимости отъ печальныхъ общественныхъ условій того времени. Ипполитъ Бендиволио былъ однимъ изъ первыхъ представителей тѣхъ могущественныхъ домовъ, которые добровольно присвоили себѣ господство надъ своими согражданами и ни въ чемъ не признавали для себя никакого стѣсненія. Точно также относилась къ людямъ и Орсола Кантарелли, эта бессердечная себялюбивая кокетка, которая не имѣла другой цѣли въ жизни, кромѣ удовлетворенія своего тщеславія. Изъ-за высокомерія и властолюбія знатныхъ родовъ постоянно приносились жертвы, составлялись заговоры, гибло семейное счастье и благосостояніе многихъ тысячъ людей; мнимыхъ преступниковъ подвергали пыткамъ и казнямъ.

Страданія, вынесенныя Джироламо, были только отраженіемъ зла и бѣдствій, господствовавшихъ въ цѣломъ мірѣ. Мало по малу въ душѣ юноши соврѣло убѣжденіе, что Господь избралъ его своимъ орудіемъ и послалъ ему испытаніе, чтобы указать ему путь, по которому онъ долженъ идти, чтобы принести пользу своимъ современникамъ и всему человѣчеству. Теперь онъ ясно понялъ, противъ чего онъ долженъ бороться и рѣшился всецѣло предаться своему призванію.

Но ему необходимо было сосредоточиться и приготовиться къ великой задачѣ, которой онъ хотѣлъ посвятить свои силы, поэтому съ энергіей фанатика онъ рѣшилъ немедленно поступить въ монастырь. Чтобы убѣдиться самому и убѣдить другихъ, что онъ совсѣмъ покончилъ съ прошлымъ, онъ хотѣлъ начать новую жизнь въ томъ самомъ городѣ, гдѣ случилось несчастное событіе, повліявшее на его дальнѣйшую судьбу.

Разъ ночью Джироламо тихо всталъ съ постели, чтобы не разбудить домашнихъ и вышелъ изъ дому, какъ дѣлалъ это часто въ послѣднее время; но теперь онъ навсегда простился съ родительскимъ домомъ. Зная заранее, что отецъ будетъ противъ его поступленія въ монастырь, онъ не считалъ нужнымъ спрашивать его согласія, тѣмъ болѣе, что отнынѣ намѣренъ былъ исполнять

только то, что ему приказывала принятая имъ на себя обязанность относительно Бога и человѣчества.

Джироламо отправился въ Болонью и шелъ безостановочно до тѣхъ поръ, пока не достигъ доминиканскаго монастыря. Онъ пожелалъ видѣть настоятеля, который съ удивленіемъ выслушалъ просьбу юноши принять его въ число послушниковъ. Но Джироламо такъ ясно сознавалъ свое призваніе и говорилъ такимъ рѣшительнымъ тономъ, что настоятель долженъ былъ уступить его желанію.

Во время своего послушничества Джироламо отличался такимъ точнымъ исполненіемъ обязанностей, самообладаніемъ и непрекословнымъ послушаніемъ, что по прошествіи положеннаго срока, его приняли въ орденъ и назначили на должность проповѣдника и народнаго учителя.

Обряды, связанные съ поступленіемъ въ орденъ, были настолько торжественны, что могли произвести глубокое впечатлѣніе на религіознаго человѣка. Послушникъ долженъ былъ лечь въ гробъ какъ покойникъ; затѣмъ слѣдовало отгвѣваніе, монахи ходили вокругъ него съ гвѣніемъ молитвъ, гдѣ его имя упоминалось какъ объ умершемъ; ему кропили лицо святой водой и накрыли саваномъ.

Джироламо Саванарола навсегда умеръ для свѣта. Нервы его, доведенные до болѣзненнаго напряженія долгимъ постомъ, были еще больше возбуждены мрачнымъ церемонаіомъ, который вызвалъ въ его воображеніи рядъ фантастическихъ образовъ и картинъ.

Впослѣдствіи, когда онъ занялся чтеніемъ драгоценныхъ рукописей монастырскаго библіотеки, его пытливому уму ясно представилась исторія развитія церкви.

Римская церковь, совмѣстившая въ себѣ христіанство съ остатками древней образованности, стремилась съ первыхъ временъ своего существованія соединить отдѣльныя секты и составить единый братскій союзъ всѣхъ націй. Эти стремленія должны были благотворно отразиться на развитіи человѣческаго общества и поколебать суровыя языческія воззрѣнія, съ ихъ основными принципами: наслажденіемъ и насиліемъ. Первое подавляло всѣ нравственные стимулы; второе, подрывая достоинство человѣческой личности, оправдывало рабство.

Молодой монахъ мысленно прослѣдилъ шагъ за шагомъ борьбу христіанства съ языческимъ міромъ, начиная съ того времени, когда неминуемая опасность побудила первыхъ адептовъ новаго ученія искать убѣжища среди могильнаго мрака катакомбъ до того дня, когда императоръ Константинъ, покровительствуя преслѣдуемой церкви, подарилъ папѣ Сильвестру Римъ и его окрестности. Съ этихъ поръ, христіанская церковь, не довольствуясь вліяніемъ, которое она оказывала на нравственность и развитіе человѣчества,

стала вмѣшиваться въ область политики и заявлять властолюбивыя стремленія.

Мечты о могуществѣ и славѣ начали все болѣе и болѣе смущать скромныхъ служителей церкви, которые стали съ презрѣніемъ относиться къ смиренной одеждѣ и суровой жизни кающихся грѣшниковъ. Рабъ рабовъ Божіихъ украсилъ свою главу короной и заставилъ людей преклонять передъ нимъ колѣна. Онъ мѣлъ лести настолько отуманилъ его, что вмѣсто кроткихъ словъ увѣщанія, онъ рѣшился, подобно земнымъ королямъ, бороться съ своими противниками силой меча. Его предшественники, были мученики, тогда какъ онъ добровольно принялъ на себя роль палача. Епископы, которые нѣкогда молились на колѣняхъ за свою паству, поверженные въ прахъ, превратились мало по малу въ гордыхъ и недоступныхъ магнатовъ. Римъ утратилъ свою святость и сдѣлался такимъ же языческимъ городомъ, какъ во времена Калигулы и Нерона.

Глубокая грусть охватила сердце Джироламо, когда онъ дошелъ до этого періода церковной исторіи. Не разъ у него являлось желаніе бросить старые пергаменты; но его останавливала мысль, что если онъ хочетъ вести борьбу противъ зла, то долженъ основательно познакомиться съ нимъ. Поэтому онъ съ двойнымъ рвеніемъ занялся изученіемъ исторіи свѣтскаго владычества папъ. Первые епископы были также независимы въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ апостолы; затѣмъ они стали называться митрополитами, патриархами и, наконецъ, папами. Сначала было нѣсколько первыхъ епископовъ, пока Григорій VII на одномъ соборѣ, бывшемъ въ Римѣ, въ 1075 году, не издалъ постановленія, что только онъ и его преемники могутъ именовать себя папами. Цѣлый рядъ событій способствовалъ возвышенію римскаго патриарха надъ всеми остальными. Такъ, напримѣръ: паденіе римской имперіи, возмущеніе геруловъ и ругивъ при Одоакрѣ, остготовъ при Теодорикѣ, грековъ при Нарсесѣ, лангобардовъ при Альбинѣ, а равно и опустошительныя войны, — которыя повергли Италію въ бѣдственное положеніе, — способствовали истребленію милліоновъ людей и опустошенію городовъ и земель. Въ то же время вопросъ о первенствѣ въ церкви рѣшился въ пользу римскаго духовнаго владыки, потому что константинопольскій патриархъ, благодаря присутствію императора въ столицѣ, игралъ жалкую роль; а патриархи въ Александріи, Антиохіи и Іерусалимѣ мало по малу окончательно подпали подъ власть персовъ и магометанъ.

Тѣмъ не менѣе глава римской церкви не былъ пока облеченъ свѣтской властью и только въ восьмомъ столѣтіи совершилось событіе, которое привело къ этому печальному объединенію. Папа Стефанъ II, уступая желанію Пипина, помазалъ его на царство, а равно и двухъ его сыновей: Карла (названнаго впоследствии Ве-

ликимъ) и Карломана, и за эту услугу получили отъ Пипина земли, отнятыя имъ у лангобардовъ. Послѣдующіе папы еще больше увеличили могущество св. престола и расширили папскія владѣнія; Григорій VII въ свою очередь оказалъ существенную услугу римской церкви, обогативъ ее наслѣдствомъ дочери тосканскаго герцога.

Джироламо, читая имя папы Григорія VII, невольно вспомнилъ многозначительный день 23-го января 1077 года. Воображеніе живо нарисовало ему на горѣ Реджіо скалу Каносса, съ мрачными стѣнами уединеннаго замка, окруженнаго глубокимъ снѣгомъ; онъ видѣлъ босаго юношу въ рубищѣ, который съ трудомъ поднимался на холмъ; голова его была открыта; длинные волосы падали на плечи; толстая веревка служила поясомъ. Этотъ юноша былъ германскій императоръ Генрихъ IV, помазанный въ римскіе короли папой Николаемъ II, зять маркграфини суэской Адельгейды и кузенъ графини Матильды, владѣтельницы замка Каносса, гдѣ въ то время находился папа. Генрихъ предпринялъ трудное путешествіе въ Италію черезъ Альпы, чтобы вымолить прощеніе у папы и теперь стоялъ какъ нищій, дрожа отъ холода среди глубокаго безмолвія, изрѣдка прерываемаго ревомъ бури. Хотя блѣдное лицо съ любопытствомъ выглядывало изъ-за гардины окна, но Генрихъ напрасно молилъ о прощеніи; дверь замка долго оставалась закрытой, пока наконецъ папа, уступая просьбамъ графини Матильды, сжался надъ кающимся грѣшникомъ.

Джироламо Саванарола, взглянувъ на распятіе висѣвшее на стѣнѣ, невольно сравнилъ Спасителя съ его представителями на землѣ. Затѣмъ, перебирая одинъ за другимъ листы рукописи, онъ остановился на исторіи Болоньи и Феррары. Папа Николай III предложилъ себя жителямъ Болоньи въ качествѣ миротворца во время кровавой борьбы между Джерамомъ и Ламбертацци; но едва открыты были ворота, какъ онъ успѣшилъ овладѣть городомъ. Только въ 1401 году Болонья освободилась отъ папскаго деспотизма: народъ поднялъ знамя возстанія и провозгласилъ своими предводителями Бентиволио. Что касается Феррары, то папа Павелъ II превратилъ въ герцогство эту часть земель, пожертвованныхъ Пипиномъ церкви и продалъ ихъ въ 1471 году Борзо д'Эсте, второму сыну Николая III д'Эсте. Причина подобныхъ событій коренилась въ невѣжествѣ народа, который былъ убѣжденъ, что не только науки, но и грамотность должна быть достояніемъ одного духовенства. Владѣтельные князья были слишкомъ слабы и суевѣрны, чтобы обезпечить себя отъ насилія; они уступали свои земли папѣ, чтобы снова получить ихъ на правахъ леннаго владѣнія, такъ что каноническое право, очутилось въ рукахъ людей, которые не должны были бы знать другихъ уставовъ, кромѣ тѣхъ, какіе заключались въ Библии.

Джироламо невольно задумался надъ прочитаннымъ. Несмотря на свой монашескій санъ онъ чувствовалъ глубокое отвращеніе къ тѣмъ представителямъ духовенства, которые старались поработить народъ бичемъ покаянія. Онъ мысленно поставилъ задачей своей жизни разсрвать сѣти, которыя опутывали націю и, путемъ мученій, пытокъ и жестокихъ приговоровъ, отвлекали вниманіе общества отъ безстыдной торговли церковными должностями и имуществами. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ освободить своихъ соотечественниковъ отъ интригъ духовенства и безграничной все болѣе и болѣе охватывавшей его страсти ко всякаго рода наслажденіямъ.

ГЛАВА V.

Вѣчный городъ въ средніе вѣка.

ЛЮБОВЬ ПРИНЦА Федерико къ прекрасной Катаринѣ Карнаро не была мимолетнымъ капризомъ, и поэтому онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія отказываться отъ своихъ надеждъ. По возвращеніи въ Неаполь, онъ взялъ клятвенное обѣщаніе съ своихъ спутниковъ хранить тайну относительно его поѣздки въ Кипръ. Хотя положеніе принца крови вообще представляетъ большія преимущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно связано съ препятствіями и трудностями, которыя не существуютъ для простыхъ смертныхъ. Объ открытомъ сватовствѣ со стороны Федерико не могло быть и рѣчи, потому что подобный союзъ явно противорѣчилъ планамъ Венеціанской республики. Такимъ образомъ не оставалось иного исхода, какъ идти по принятому пути, т. е. все дѣло должно было быть предоставлено самимъ влюбленнымъ. Если бракъ будетъ заключенъ, то Венеція должна примириться съ нимъ, какъ съ совершившимся фактомъ, а королю Фердинанду не трудно будетъ выказать мнимое удивленіе и объявить, что онъ ничего не зналъ о намѣреніяхъ сына. Съ другой стороны этотъ бракъ не долженъ былъ внушать особенно серьезныхъ опасеній Венеціи, потому что старшій сынъ неаполитанскаго короля, Альфонсъ, имѣлъ дѣтей; и можно было смѣло рассчитывать, что Федерико никогда не будетъ на престолѣ. Принцъ заслужилъ общую симпатію своей храбростью и благороднымъ характеромъ и искренно любилъ Катарину Карнаро, такъ что еслибы ея рука досталась ему съ согласія Венеціи, то онъ былъ бы самымъ надежнымъ союзникомъ рес-

публики. Но въ эти времена господства эгоизма и корыстолюбія никто не довѣрялъ благородству и искренней любви и не придавалъ имъ никакого значенія.

Принцъ Федерико намѣревался съѣздить на корабль въ сопровожденіи той же свиты, чтобы осторожно пробраться до острова Кипра. Онъ хотѣлъ также надѣть на себя прежнюю одежду греческаго матроса до прибытія на виллу принцессы Кандорастъ, гдѣ долженъ былъ явиться во всемъ великолѣпіи, сообразно своему высокому сану. Обрядъ вѣнчанія предположено было совершить въ капеллѣ королевскаго замка. Принцъ Федерико хотѣлъ только заручиться общаніемъ своего отца, короля Фердинанда, что онъ ни при какихъ условіяхъ не станетъ поддерживать притязаній Венеціи, которая вѣроятно потребуетъ, чтобы бракъ Катарины Карнаро былъ признанъ недѣйствительнымъ. Со стороны папы нечего было опасаться чего либо подобнаго, тѣмъ болѣе, что всѣ итальянскія государства были бы крайне довольны униженіемъ высокогѣрнаго города лагунъ.

Но всѣ эти соображенія оказались лишними, такъ какъ прежде нежели принцъ Федерико собрался въ путь, пришло неожиданное извѣстіе, что Джьоржіо Карнаро, по порученію Совѣта Десяти, принудилъ свою сестру покинуть Кипръ, и венеціанское правительство объявило прекрасный островъ своей собственностью.

Такимъ образомъ всѣ надежды принца Федерико были разрушены однимъ ударомъ; но онъ не жалѣлъ, ни объ уtratѣ острова Кипра, ни о перемѣнѣ положенія приѣмной дочери Венеціанской республики. Всѣ горячія стремленія его сердца относились къ прекрасной любимой женщинѣ, съ которой онъ былъ связанъ нравственно неразрывными узами. Несмотря на неудачу задуманнаго имъ предпріятія, онъ не оставилъ своего намѣренія соединиться съ Катариной Карнаро; днемъ и ночью его преслѣдовала одна мысль: увидѣть ее и уговориться съ нею относительно средствъ для достиженія завѣтной цѣли. Санъ кипрскаго королевы служилъ главнымъ препятствіемъ къ вторичному браку Катарины; поэтому принцъ Федерико рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы найти союзниковъ, которые были бы заинтересованы не менѣе его самого въ томъ, чтобы лишить ее всякихъ правъ на престолъ Кипра. Такой союзницей могла быть Шарлота де-Лузиньянъ, сводная сестра послѣдняго кипрскаго короля, которая также носила титулъ кипрскаго королевы.

Эта принцесса жила въ Римѣ по близости Ватикана, гдѣ она пріобрѣла великолѣпный палаццо и окружила себя дворомъ, который большею частью состоялъ изъ греческихъ изгнанниковъ или грековъ добровольно проживавшихъ въ Римѣ для своихъ научныхъ занятій. Въ это время въ Римѣ и во всей Италіи вошло въ моду изученіе классической Греціи; поэтому потомки древнихъ элли-

ноя пользовались большим почетомъ въ знатномъ итальянскомъ обществѣ. Остатки классическихъ произведеній искусства собирались съ усердіемъ, доходящимъ до маніи. Средневѣковый Римъ не уступалъ въ великолѣпіи древнему городу, хотя это была пышность другого рода. Въмѣсто языческихъ храмовъ возвышались величественныя базилики съ примыкавшими къ нимъ гrotтами и катакомбами, богато разукрашенныя патріаршескія церкви, въ которыхъ хранились памятники первыхъ временъ христіанства. Дворецъ прежнихъ римскихъ императоровъ, сдѣлавшійся достояніемъ нѣмецкихъ королей, все еще носилъ слѣды стараго великолѣпія; за нимъ видѣлся рядъ прочныхъ крѣпостей, которыя, наперекоръ высшимъ властямъ, были воздвигнуты независимыми знатными родами: Орсини, Колонна и пр.

Во время переселенія папъ въ Авиньонъ средневѣковой Римъ дошелъ почти до такого же упадка, какъ древній городъ лежавшій въ развалинахъ.

Когда папа Евгений IV вернулся въ Римъ въ 1443 году, то городъ представлялъ печальный видъ запустѣнія; жители почти не отличались отъ мѣстныхъ крестьянъ и пастуховъ. Они покинули холмы и жили на равнинѣ вдоль извилинъ Тибра; въ узкихъ немощеныхъ улицахъ, которыя еще больше прежняго были затемнены балконами и арками, бродилъ скотъ. На холмѣ, гдѣ воздвигнутъ древній Капитолій, паслись козы; Форумъ Романумъ былъ обращенъ въ поле для коровъ; съ немногими уцѣлѣвшими памятниками связывались самыя наивныя преданія; церкви св. Петра грозила опасность обрушиться. Когда папа Николай V снова принялъ господство надъ христіанскимъ міромъ и разбогатѣлъ отъ приношеній богомольцевъ, прибывшихъ въ Римъ, по случаю юбилея для полученія индульгенцій, то у него явилась мысль украсить свою столицу новыми зданіями и придать ей значеніе міроваго города.

Въ предъидущихъ столѣтіяхъ великолѣпныя произведенія древняго зодчества были отчасти намѣренно разрушены ордами варваровъ и частью обречены на гибель фанатизмомъ христіанъ. Старыя колонны были употреблены на сооруженіе христіанскихъ церквей; мраморъ обращенъ въ известь; языческіе храмы передѣланы въ базилики и капеллы. Образцовыя произведенія греческой скульптуры зарывались въ землю съ цѣлью уничтоженія волшебныхъ чаръ, такъ какъ при господствовавшемъ невѣжествѣ люди видѣли демоническую силу въ обаяніи художественной красоты. Все, чему приписывали языческое происхожденіе, должно было подвергнуться передѣлкѣ или полному забвенію. Такимъ образомъ нерадѣніе людей соединилось съ разрушительнымъ дѣйствіемъ времени, чтобы скрыть отъ удивленныхъ взоровъ потомства несмѣтныя сокровища древности, которыя мало по малу были забыты

и исчезали съ лица земли. Простой народъ относился равнодушно къ этому дѣлу разрушенія и даже способствовалъ ему по своему невѣдѣнію. Но въ описываемое время образованная часть культурной націи перемѣнила образъ мыслей; и какъ это часто случается перешла отъ одной крайности въ другую, такъ что въ обществѣ вошелъ въ моду настоящій культъ древняго міра, и именно греческихъ произведеній искусства.

Уже при папѣ Каликстѣ III, первомъ представителѣ фамиліи Борджіа, носившемъ тиару, высшій духовный санъ принялъ свѣтскій характеръ, который еще больше усилился при его преемникахъ. Стремленіе обогатить ближайшихъ родственниковъ и по возможности доставить имъ почетное положеніе въ свѣтѣ, достигло крайнихъ размѣровъ, благодаря полновластію папъ, и все болѣе и болѣе отвлекало ихъ отъ духовныхъ дѣлъ. Съ другой стороны свѣтскому характеру папской власти способствовало необычайное богатство римской церкви, такъ какъ сюда стекались сокровища дѣлаго міра.

Такимъ образомъ, благодаря избытку, совмѣстному съ любовью къ роскоши, развилось пониманіе художественныхъ произведеній. Папы окружили себя талантливыми людьми по различнымъ отраслямъ искусства, отчасти, чтобы способствовать ихъ творчеству, а частью съ тою цѣлью, чтобы съ ихъ помощью вызвать на свѣтъ божій безсмертныя произведенія великаго прошлаго. При Сикстѣ IV любовь къ роскоши и интересъ къ искусству достигли крайняго развитія; но онъ и его преемники были еще связаны церковными воззрѣніями, такъ что художники должны были избѣгать свѣтскаго направленія. Въ произведеніяхъ Луки Синьорелли, Мантенья, Гирландайо, Сандро Боттичелли, а равно Филиппо Липпи и Пьетро Перуджино во Флоренціи, Франческо Франчіа въ Болоньи, братьевъ Беллини, Джьоржіоне де Кастельфранка и Витторе Карпаччіо въ Венеціи, — видѣнъ тотъ же характеръ христіанской простоты и смиренія, который постепенно уступаетъ мѣсто болѣе смѣлому и свѣтскому міровоззрѣнію.

Естественно, что при вышеупомянутыхъ условіяхъ изученіе греческаго языка сдѣлалось моднымъ занятіемъ въ тогдашнемъ Римѣ, и домъ кипрской королевы Шарлоты тѣмъ охотнѣе посѣщался высшимъ обществомъ, что здѣсь можно было всегда встрѣтить греческихъ ученыхъ и вести разговоръ на ихъ языкѣ. Дворецъ королевы Шарлоты по своему устройству соответствовалъ нравамъ того времени. Массивныя мраморныя лѣстницы вели къ жилымъ покоемъ, довольно неуклюжимъ и мрачнымъ. Полъ въ главной залѣ и въ сосѣднихъ комнатахъ состоялъ изъ каменныхъ плитъ; деревянные потолки были украшены живописью и позолотой. Дорогіе тканые ковры покрывали бѣлыя штукатурныя стѣны, вдоль которыхъ стояли большіе рѣзные или расписанные лари изъ

дерева; вездѣ были высокіе деревянные стулья съ рѣзьбой и подушками для сидѣнія, массивные столы съ досками изъ мрамора или съ выложенными на нихъ пластинками въ подражаніе древней мозаикѣ. Королева Шарлота украсила главную залу портретами своихъ родственниковъ; всюду видѣлись собранныя ею античныя статуи, вазы и бюсты; въ столовой весь буфетъ былъ уставленъ дорогими блюдами, чашами, золотыми и серебряными кубками и красивой посудой, которую не только подавали на столъ, но выставляли на показъ.

Катарина Карнаро.

Принцъ Федерико пріѣхалъ въ Римъ подъ вымышленнымъ именемъ, такъ какъ это былъ самый удобный способъ вступить въ сношенія съ умной Шарлотой де-Лузиньянъ. Хотя при папскомъ дворѣ и въ высшемъ римскомъ обществѣ скоро узнали настоящее званіе мнимаго графа Сполето, но, тѣмъ не менѣе, согласно его желанію, съ нимъ обращались запросто, какъ съ частнымъ человѣкомъ и не стѣсняли его свободы. Онъ могъ безпрепятственно располагать своими дѣйствіями и бывать въ различныхъ слояхъ общества, подъ предлогомъ знакомства съ условіями римской жизни.

Молодой принцъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что королева Шарлота готовитъ цѣлую сѣть интригъ противъ Венеціи, и

что она все еще лелѣетъ несбыточную надежду добиться кипрскаго престола, который считался наслѣдственнымъ въ ея домѣ. Хотя, повидимому, она не чувствовала особенной симпатіи къ Катаринѣ Карнаро, но отдавала полную справедливость ея красотѣ. Принцъ Федерико замѣтилъ также, что королева будетъ очень довольна бракомъ своей соперницы, такъ какъ черезъ это ея собственныя притязанія на кипрскую корону опять получили бы законную силу. Онъ узналъ, что Катарина на правахъ царствующей особы живетъ въ замкѣ Аволо, въ Тревизо, и въ кругу ученыхъ друзей занимается литературой и искусствомъ; но по слухамъ постоянно находится въ грустномъ настроеніи духа. Королева Шарлота приписывала это утратѣ престола, между тѣмъ, какъ принцъ Федерико надѣялся въ глубинѣ души, что любимая женщина не забыла своего вѣрнаго друга и тоскуетъ въ разлукѣ съ нимъ.

Нѣкоторое время спустя, между неаполитанскимъ принцемъ и Шарлотой де-Лузиньянъ завязалась самая тѣсная дружба, такъ что онъ откровенно рассказалъ ей исторію своей любви и просилъ ея содѣйствія. Королева выслушала его съ большимъ участіемъ и изъявила полнѣйшую готовность помочь ему, хотя, въ данную минуту, не смотря на его нетерпѣніе, она не могла сказать ему ничего утѣшительнаго, потому что успѣхъ предпріятія зависѣлъ отъ хода событій. Съ давнихъ поръ, здоровье папы Иннокентія VIII находилось въ плохомъ состояніи; естественно, что не только въ Римѣ, но и въ цѣломъ свѣтѣ шли толки о томъ, кто будетъ его преемникомъ. Отъ личности папы зависѣло рѣшеніе не только церковныхъ, но и важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ. Можно было предвидѣть заранѣе, что многія дѣла примутъ совсѣмъ иное направленіе, если этого пожелаетъ новый папа.

Въ домѣ королевы Шарлоты часто бывалъ кардиналъ Родриго Борджіа, свѣтскій человекъ, обладавшій несмѣтными богатствами, который, по всѣмъ даннымъ, долженъ былъ сдѣлаться преемникомъ папы. Ловкій и хитрый кардиналъ въ своихъ сношеніяхъ съ вліятельными людьми старался убѣдить ихъ, что вполне сочувствуетъ ихъ желаніямъ и надеждамъ и готовъ осуществить ихъ при первой возможности.

Королева Шарлота также не разъ слышала эти увѣренія и была убѣждена, что будущій папа признаетъ ея наслѣдственныя права на Кипръ и согласно желанію жителей возвратитъ прекрасный островъ Лузиньянскому дому. Еслибы это случилось, то всѣ препятствія къ браку неаполитанскаго принца съ Катариной Карнаро рушились бы сами собой.

Хотя эта мысль улыбалась принцу Федерико, но ему трудно было сдерживать свое нетерпѣніе въ виду неопредѣленныхъ надеждъ. Королева Шарлота сообщила его тайну кардиналу Борджіа, который, съ своей стороны, употребилъ всѣ усилія, чтобы произвести

на него хорошее впечатлѣніе. Хотя въ разговорахъ съ принцемъ кардиналъ никогда не касался прямо его сердечныхъ дѣлъ, но при всякомъ удобномъ случаѣ настойчиво доказывалъ, что, по его мнѣнію, Шарлота де-Лузиньянъ должна неизбѣжно вступить на кипрскій престолъ. Такимъ образомъ, кардиналъ Борджіа пріобрѣлъ себѣ еще новаго горячаго сторонника и, вдобавокъ, королевской крови.

Но скоро судьба заставила принца на время забыть о своей любви, такъ какъ онъ долженъ былъ вернуться на родину, вслѣдствіе возмущенія неаполитанскихъ дворянъ противъ короля. Онъ надѣялся бетрепятственно доѣхать до столицы, но дорѣгой его остановили мятежники, которые надѣялись привлечь принца на свою сторону, тѣмъ болѣе, что хотѣли провозгласить его королемъ вмѣсто отца и старшаго брата Альфонса. Но Федерико объявилъ, что скорѣе готовъ умереть и остаться всю жизнь въ плѣну, нежели поднять оружіе противъ родного отца. Заговорщики, продержавъ его у себя нѣкоторое время, дозволили ему продолжать путь.

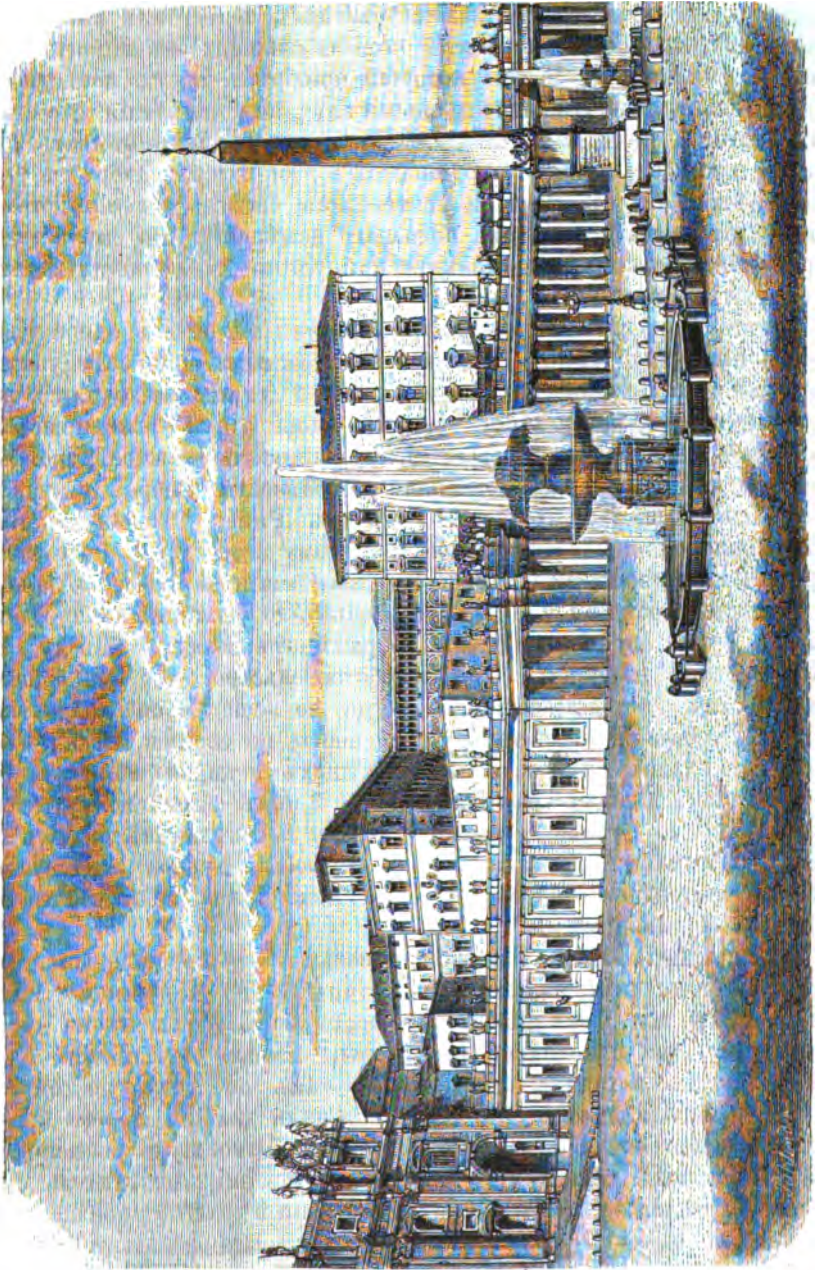
Постоянныя смуты, происходившія въ различныхъ пунктахъ Италіи, коснулись и знатнаго рода Бентиволіо, хотя на этотъ разъ онъ начался не въ самой Болоньи, а въ Фаэнцѣ, гдѣ жила сестра Ипполита, Франческа, которая вышла замужъ за повелителя этого города, Галеотто Манфреди. Хотя Галеотто, быть можетъ, не отличался особенной супружеской вѣрностью и Франческа имѣла поводъ къ неудовольствію, но она зашла слишкомъ далеко въ чувствѣ мести. Предполагая, что мужъ пренебрегаетъ ею изъ-за другой женщины, она еще больше удалила его отъ себя своимъ вспыльчивымъ характеромъ. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать попытку вновь заслужить его расположеніе кроткимъ обращеніемъ и уступками, она подкупила убійцъ и, спрятавъ троихъ подъ своею постелью, послала сказать мужу, что опасно больна и желаетъ его видѣть. Четвертый убійца, скрытый за занавѣсью, тотчасъ же бросился на Манфреди, когда тотъ вошелъ въ комнату и приблизился къ постели своей мнимо-больной жены. Манфреди, при своей необычайной ловкости и силѣ, поборолъ противника прежде, чѣмъ трое его товарищей успѣли выползти изъ засады. Но Франческа, не помня себя отъ ярости, вскочила съ постели и, схвативъ шпагу, пронзила грудь своего мужа; затѣмъ она вмѣстѣ съ дѣтьми скрылась въ крѣпости Фаэнца. Убійство не могло остаться безнаказаннымъ, тѣмъ болѣе, что жители города уважали Галеотто и всю фамилію Манфреди и съ ужасомъ узнали о насильственной смерти своего властелина. Джьованни Бентиволіо, услышавъ объ опасности, грозившей его дочери, поспѣшилъ къ ней на помощь съ вооруженной силой. Но жители Фаэнцы выступили противъ него вмѣстѣ съ массой народа, который цѣлыми толпами собрался изъ окрестностей. Они одержали полную побѣду надъ старымъ Бентиволіо и взяли его въ плѣнъ.

Въ то же время они обратились къ Лоренцо Медичи и просили его содѣйствія. Лоренцо съ радостью воспользовался этимъ случаемъ для достиженія своихъ цѣлей, тѣмъ болѣе, что венеціанцы выказывали стремленіе овладѣть Фазнпой; онъ устроилъ дѣло такимъ образомъ, что Джьованни Бентиволіо дозволено было вернуться въ Болонью съ своею дочерью, между тѣмъ, какъ флорентинская республика взяла на себя опеку надъ наслѣдниками Галіотто.

Вскорѣ послѣ того скончался Джьованни Бентиволіо, и господство надъ Болоньей перешло къ его сыну, Ипполиту. Онъ давно женился на Орсолѣ Кантарелли и, подобно другимъ мелкимъ правителямъ Италіи, стремился всѣми способами расширить свою власть, не разбирая средствъ для достиженія цѣли.

Франческетто Чибо, получившій отъ папы титулъ князя Массы и Каррары, послѣ брака съ Магдаленой Медичи, жилъ первое время во Флоренціи, гдѣ онъ построилъ себѣ дворецъ, и по своей щедрости относительно художниковъ не уступалъ своему тестю, Лоренцо Медичи. Хотя Магдалена согласилась исполнить волю родителей, но чувствовала прежнее нерасположеніе къ своему мужу, который несмотря на величайшую предупредительность не могъ подчасъ добиться отъ нея ни одного ласковаго слова. Мало-по-малу, имъ овладѣло нетерпѣніе, онъ предался прежнимъ развлеченіямъ, чтобы вознаградить себя за холодность жены, но тутъ извѣстіе о близкой кончинѣ папы принудило его неожиданно отправиться въ Римъ. Съ нѣкотораго времени, здоровье Иннокентія VIII настолько ухудшилось, что ежедневно ожидали его смерти. Франческетто спѣшилъ заблаговременно въ Римъ, чтобы завладѣть папскими сокровищами, и, услышавъ по пріѣздѣ о кончинѣ своего отца, тотчасъ же принялъ мѣры для исполненія этого намѣренія. Но кардиналы уже собрались въ Ватиканѣ съ цѣлью составить инвентарій папской казны. Они обвинили Франческетто, что онъ давно перевезъ часть церковнаго имущества во Флоренцію; вслѣдствіе этого возникъ горячій споръ о папскомъ наслѣдствѣ. Во время этого шума очнулся папа, который двадцать часовъ лежалъ въ летаргическомъ снѣ, и слышалъ все, что происходило вокругъ него. Едва почувствовалъ онъ возвращеніе силъ, какъ тотчасъ же прогналъ кардиналовъ съ замѣчаніемъ, что надѣется пережить всѣхъ ихъ.

Естественно, что это событіе имѣло большое вліяніе на душевное настроеніе папы. Его едва не погребли живымъ, вслѣдствіе чего онъ сталъ относиться съ недовѣріемъ и къ своимъ врачамъ. Медицина находилась тогда въ жалкомъ состояніи и болѣе чѣмъ на половину состояла изъ шарлатанства. Лекарства изготовлялись изъ самыхъ невѣроятныхъ цѣлительныхъ средствъ, извлекаемыхъ изъ органической и неорганической природы и, когда дѣло шло о здоровьи высокопоставленнаго лица, то врачи нерѣдко употребляли

ВАТИКАНЪ ВЪ РИМѢ.

для леченія наиболѣе дорогія и рѣдкія вещи. Такъ напримѣръ, чтобы придать цѣлительную силу лекарству они толкли жемчугъ, расплавляли драгоценныя камни, рѣзали и подвергали пытке живыхъ звѣрей. Папа Иннокентій не разъ слышалъ объ одномъ врачѣ еврей, жившемъ въ Гэтто, который пріобрѣлъ такую извѣстность удивительными почти баснословными случаями изцѣленія, что слава его достигла Ватикана. Папа изъявилъ желаніе посовѣтываться съ нимъ, хотя большинство кардиналовъ и весь папскій дворъ съ ужасомъ услышали объ этомъ и употреблены были всѣ усилія, чтобы отклонить святаго отца отъ подобнаго намѣренія. Но онъ остался при своемъ мнѣніи и настойчиво принудилъ къ молчанію всѣхъ, кто противорѣчилъ ему.

Гэтто или еврейскій кварталъ состоялъ тогда изъ одной главной, очень узкой улицы и множества смежныхъ еще болѣе узкихъ переулковъ. На обоихъ концахъ главной улицы находились желѣзныя ворота, которыя съ временъ папы Пія IV ежедневно запирались по вечерамъ и были снова отпираемы каждое утро. Еврейскій кварталъ, расположенный по близости Тибра, принадлежалъ къ самымъ нездоровымъ частямъ Рима. Тѣсныя жилища были переполнены обитателями, и поэтому естественно, что здѣсь время отъ времени появлялись эпидемическія болѣзни, которыми заражались сосѣднія улицы, что и наводило суевѣрный народъ на мысль, будто евреи умышленно отравляютъ воздухъ и воду. Къ этому нужно прибавить еще то обстоятельство, что при общемъ невѣжествѣ, господствовавшемъ тогда во всей Европѣ, еврейскіе врачи, изучавшіе мавританскую ученость, по своимъ взглядамъ и знаніямъ, далеко превосходили мѣстныхъ лекарей шарлатановъ, которые изъ зависти распространяли о нихъ самыя возмутительныя клеветы. Стоило еврейскому врачу посовѣтывать своимъ соотечественникамъ прибавлять для вкуса къ дурной водѣ какое-нибудь безвредное снадобье, чтобы это послужило поводомъ къ недѣльнымъ обвиненіямъ.

На главной улицѣ Гэтто были большіе прекрасные дома; нѣкоторыя изъ нихъ казались невзрачными по наружному виду, тогда какъ ихъ разукрашенный фасадъ былъ обращенъ на дворъ и внутри дома находились просторныя жилища помѣщенія. Христіане рѣдко заходили сюда иначе, какъ по дѣлу; поэтому во время своихъ визитовъ они не переступали дальше порога приемной, и евреи могли безопасно расточать возможную роскошь въ своихъ жилыхъ комнатахъ. Еслибы посторонній посѣтитель случайно очутился въ этихъ тайникахъ, то они вѣроятно произвели бы на него впечатлѣніе чего-то сказочнаго. Сначала онъ шелъ по узкой грязной улицѣ; затѣмъ онъ входилъ въ домъ, который по своему мрачному виду скорѣе походилъ на тюрьму, чѣмъ на человѣческое жильё. Но тутъ глазамъ его неожиданно представлялся рядъ ярко

освѣщенныхъ комнатъ, роскошно убранныхъ въ восточномъ вкусѣ. Дорогіе ковры покрывали полъ; вездѣ стояли мягкіе диваны; къ потолку были привѣшены великолѣпныя лампы. Многіе евреи сохранили въ изгнаніи восточную одежду своей родины, и поэтому впечатлѣніе сказочнаго міра еще болѣе усиливалось, когда передъ посѣтителемъ являлись жены и дочери хозяевъ съ ихъ чужеземной красотой и одеждой, нерѣдко ослѣпительной по своему богатству и великолѣпію.

Такая же обстановка была въ домѣ еврейскаго врача Исаака Іэма, тѣмъ болѣе, что онъ былъ женатъ на дочери одного изъ самыхъ богатыхъ купцовъ, который имѣлъ достаточно средствъ, чтобы дать за нею огромное приданое.

Высокая узкая дверь выходила въ темныя сѣни, гдѣ трудно было различить сразу лѣстницу, ведущую въ верхній этажъ. Внизу по обѣимъ сторонамъ сѣней были кладовыя для склада товаровъ, которыя отдавались въ наймы; свѣтъ проникалъ въ нихъ съ улицы черезъ наружную дверь. Посѣтитель поднимался по темной узкой лѣстницѣ; затѣмъ онъ долженъ былъ постучать въ дверь, которая вела въ переднюю, также слабо освѣщенную. За передней былъ кабинетъ хозяина дома. Большіе фоліанты еврейскихъ и греческихъ рукописей наполняли рѣзныя полки, занимавшія часть стѣны на другихъ полкахъ видѣлись банки и стеляночки съ разными жидкостями и предметами сохраняемыми въ спиртѣ. Не было также недостатка въ скелетахъ, черепахъ и чучелахъ звѣрей; на большомъ столѣ стоявшемъ среди комнаты лежало множество инструментовъ и другихъ хирургическихъ приспособленій. Налѣво отъ кабинета находилась большая комната, гдѣ обыкновенно собиралась вся семья въ часы отдыха, и гдѣ было соединено все, что мы встрѣчаемъ въ сказочныхъ описаніяхъ восточнаго великолѣпія, хотя тутъ не было ни одной картины, или статуи; но полъ, стѣны и двери были покрыты дорогими турецкими коврами. Вся мебель и украшенія были въ мавританскомъ вкусѣ, равно и убранство комнаты, которая освѣщалась дорогими висячими лампами, горѣвшими не только вечеромъ, но и большую часть дня; такъ какъ солнечный свѣтъ съ трудомъ проникалъ сюда черезъ узкую улицу и небольшой дворъ. Здѣсь можно было почти всегда встрѣтить хозяйку дома за какой нибудь работой.

Съ другой стороны кабинета была комната, назначенная для игръ и занятій двухъ сыновей Исаака, красивыхъ, здоровыхъ и способныхъ мальчиковъ, на которыхъ онъ возлагалъ большія надежды въ будущемъ. Этажемъ выше были расположены спальни; въ нихъ все-таки, было немного больше свѣта и воздуха, что и побудило свѣдущаго врача дать такое назначеніе верхнимъ комнатамъ.

Прибытіе палскихъ слугъ произвело не малую тревогу въ Гэтто;

особенно, когда разнеслась вѣсть, что имъ поручено привести знаменитаго врача Іама въ Ватиканъ. Но эта неожиданная честь не могла радовать Исаака, такъ какъ онъ и его единовѣрцы знали по горькому опыту, что къ нимъ обращаются только въ крайней бѣдѣ, когда нѣтъ иного исхода, и что въ большинствѣ случаевъ христіане съ величайшимъ отвращеніемъ пользуются ихъ услугами.

Евреи ничего не имѣли противъ того, чтобы христіане явились въ Гэтто для займа денегъ, потому что не иначе давали ихъ какъ за большіе проценты и съ вѣрнымъ обезпеченіемъ. Но они сами неохотно входили въ дома знатныхъ христіанъ, такъ какъ здѣсь не чувствовали себя въ безопасности. Еще большая бѣда грозила несчастному еврею, котораго призывали къ постели больного папы, и онъ могъ ожидать для себя самыхъ печальныхъ послѣдствій отъ такой чести.

Тѣмъ не менѣе Исаакъ встрѣтилъ посланныхъ съ сознаниемъ собственнаго достоинства и съ смѣлой надеждой на свои силы. Въ продолженіе многихъ недѣль и мѣсяцевъ шли толки о здоровьѣ папы, состояніе котораго разбиралось до малѣйшихъ подробностей. Между тѣмъ лейбъ-медики и ученые врачи, вызванные изъ другихъ странъ, находились въ недоумѣніи и не знали, что посоветывать святому отцу, потому что испытали всѣ средства, бывшія въ распоряженіи медицины при тогдашнемъ уровнѣ науки. Для всѣхъ было загадкой, почему силы больного нисколько не увеличиваются, и въ то же время не настолько упали, чтобы можно было ожидать смерти.

Папа игралъ самую видную роль въ Европѣ, дѣла которой находились въ непосредственной зависимости отъ его жизни и смерти, такъ что состояніе его здоровья представляло для всѣхъ величайшій интересъ. Естественно, что болѣзнь папы, хотя съ другой точки зрѣнія, но еще въ большей степени занимала врачей и служила для нихъ предметомъ постоянныхъ размышленій и оживленныхъ споровъ. Такимъ образомъ Исаакъ Іамъ узналъ въ точности весь ходъ заболѣванія и всѣ симптомы и давно составилъ свой взглядъ на недугъ, охватившій главу церкви. Онъ былъ убѣжденъ, что знаетъ средство, которое можетъ возвратить здоровье папѣ.

Поэтому приглашеніе къ больному не особенно опечалило его. Онъ спокойно простился съ семьей и друзьями; затѣмъ безъ всякихъ опасеній, съ радостной надеждой на торжество науки, послѣдовалъ за своими провожатыми, которые повели его черезъ мостъ на Тибрѣ, а оттуда въ Ватиканъ.

Інноцентій VIII съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія еврейскаго врача. Естественно, что въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился, мысль объ излѣченіи всего больше занимала его, и ему было безразлично кто будетъ его спасителемъ. Самыя драгоценныя мощи и чудотворныя средства церкви оказались безсильными;

теперь онъ возложилъ всѣ свои надежды на искусство знаменитаго еврейскаго врача и рѣшилъ заранѣе подчиниться его предписаніямъ. Кардиналы съ глубокимъ негодованіемъ смотрѣли на поведеніе святаго отца, которое противорѣчило всѣмъ преданіямъ христіанской церкви. Съ другой стороны врачи, собранные въ Ватиканѣ; руководимые завистью, встрѣтили крайне враждебно своего знаменитаго собрата, слава котораго должна была еще больше увеличиться, если бы ему удалось возвратить здоровье папѣ.

Гетто въ Римѣ.

Между тѣмъ Исаакъ осмотрѣвъ больнаго, окончательно убѣдился въ справедливости своихъ предположеній и смѣло заявилъ, что, по его мнѣнію, можно испробовать еще одно средство для спасенія драгоценной жизни. Оно состояло въ томъ, чтобы съ помощью искусной операціи влить здоровую и молодую человѣческую кровь въ жилы разслабленнаго старика.

Это заявленіе произвело сильнѣйшую сенсацію. Извѣстно было, что не разъ дѣлались попытки вливанія крови молодыхъ животныхъ въ жилы человѣка; но такъ какъ при подобныхъ операціяхъ никто не обращалъ вниманія на жизнь животнаго, то послѣднее обыкновенно обрекалось на смерть. Но теперь еврейскій врачъ

осмѣлился сдѣлать предложеніе пожертвовать человѣческой жизнью, чтобы доставить изцѣленіе папѣ. Самыя разнообразныя ощущенія отражались на лицахъ людей, окружавшихъ постель больного: испугъ, удивленіе и негодованіе смѣшанное съ отвращеніемъ.

Быть можетъ при другихъ условіяхъ никто не нашель бы ничего ужаснаго въ этомъ предложеніи; но теперь оно было принято съ особеннымъ недоувѣріемъ, такъ какъ возбудило подозрѣніе, что еврей имѣетъ при этомъ коварное намѣреніе нанести чувствительный ударъ церкви въ лицѣ ея главы. Что скажетъ Европа и весь христіанскій миръ, если жизнь папы будетъ спасена цѣной человѣческой жертвы? Развѣ это не будетъ прямымъ отрицаніемъ всѣхъ христіанскихъ воззрѣній! Если даже найдутся родители, которые за большое вознагражденіе согласятся рискнуть жизнью своихъ дѣтей, и операція для послѣднихъ обойдется благополучно, то это не измѣнитъ факта, что человѣческое существованіе подвергнуто было опасности для изцѣленія святаго отца.

Самъ Иннокентій вполне сознавалъ это; но желаніе выздоровѣть было такъ сильно, что онъ не рѣшился отвергнуть предложенія врача. Тѣмъ не менѣе, чтобы успокоить свою совѣсть и соблюсти хотя бы по внѣшности свою обязанность блюстителя христіанскихъ заповѣдей, онъ спросилъ еврея: не подвергнется ли опасности жизнь тѣхъ людей, кровь которыхъ будетъ употреблена для восстановленія его силъ? Исаакъ отвѣтилъ съ увѣренностью, что если будутъ приняты надлежащія мѣры предосторожности, то онъ надѣется возвратить здоровье его святѣйшеству безъ малѣйшаго вреда для того человѣка, кровь котораго послужитъ цѣлительнымъ средствомъ. Этотъ отвѣтъ разсѣялъ послѣднія сомнѣнія святаго отца; онъ отдалъ приказъ, чтобы немедленно были выполнены всѣ распоряженія еврейскаго врача и найдены были богобоязненные люди, которые согласились бы дать свою кровь для изцѣленія главы церкви.

Кардиналы удалились съ остальными врачами въ отдѣльную комнату, чтобы на свободѣ обсудить всѣ обстоятельства дѣла. Различныя страсти волновали ихъ и выражались въ злобныхъ взглядахъ и на словахъ. Хотя никто изъ нихъ не рѣшился протестовать противъ желанія папы, но всѣ были одинаково раздражены и находили необходимымъ придумать какое нибудь жестокое наказаніе ненавистному еврею. Одинъ изъ присутствовавшихъ врачей бывалъ въ домѣ Исаака и зналъ его семью; поэтому онъ первый напалъ на мысль нанести своему сопернику такой ударъ, который заставилъ бы его выстрадать сторицею за тѣ непріятныя минуты, какія онъ доставилъ другимъ. Кардиналы вполне одобрили предложенный планъ и общали свое содѣйствіе.

Когда кончилось совѣщаніе, всѣ вернулись въ комнату больного. Одинъ изъ кардиналовъ объявилъ, что во избѣжаніе неудобствъ со стороны народа, необходимо сохранить величайшую

тайну; поэтому, Исаакъ Іэмъ долженъ остаться въ Ватиканѣ и немедленно произвести операцію. Вслѣдъ затѣмъ, отданъ былъ приказъ принести нужные инструменты и послать въ городъ надежныхъ людей, которые прискакали бы для операціи двухъ здоровыхъ дѣтей или юношей.

Ученый еврей былъ крайне доволенъ такимъ исходомъ дѣла, и тотчасъ же занялся приготовленіями къ операціи. Остальные врачи, подъ видомъ мнимаго участія, предложили ему свои услуги, чистили и приводили въ порядокъ принесенные инструменты.

Наконецъ, вошелъ слуга и таинственно сообщилъ еврею, что приведены два мальчика, и если онъ желаетъ видѣть ихъ, то долженъ выйти въ сосѣднюю комнату.

Исаакъ, нетерпѣливо ожидавшій этого извѣстія, тотчасъ же послѣдовалъ за слугой. Но онъ едва не лишился чувствъ, когда, переступивъ порогъ, увидѣлъ своихъ двухъ сыновей, привезенныхъ изъ Гэтто. Ихъ окружали кардиналы съ торжествующими лицами и внимательно слѣдили за каждымъ его движеніемъ.

Что оставалось Исааку? Онъ съ отчаяніемъ взглянулъ на своихъ враговъ, но ихъ лица не выражали ни малѣйшаго сочувствія къ его положенію. Мучительный страхъ отца за жизнь дѣтей былъ также чуждъ римскимъ кардиналамъ, какъ и тихое семейное счастье; вдобавокъ, они смотрѣли на Исаака, какъ на представителя ненавистой націи, осудившей на смерть основателя ихъ религіи, который на вѣчныя времена заклеимтъ ее своимъ проклятіемъ.

Слабая тѣнь надежды на минуту промелькнула въ умѣ несчастнаго Іэма; ему казалось, что онъ нашелъ желаемый исходъ.

— Развѣ я могу подвергнуть опасности жизнь моихъ собственныхъ дѣтей! воскликнулъ онъ. Нѣтъ это свыше человѣческихъ силъ! вы не потребуете отъ меня подобной жертвы...

Одинъ изъ кардиналовъ, особенно ненавидѣвшій евреевъ, съ негодованіемъ замѣтилъ ему: — Не ты ли хотѣлъ подвергнуть такой же опасности христіанскимъ дѣтей! Ты самъ сдѣлалъ это предложеніе, которое глубоко возмутило всѣхъ насъ; теперь у тебя нѣтъ иного выбора, какъ вынести послѣдствія своей дерзости, чтобы спасти себя отъ неминуемой гибели. Разумѣется, ты употребишь всѣ средства, чтобы сохранить жизнь своихъ сыновей, и такимъ образомъ избавишь святаго отца и его окружающихъ отъ напраснаго нареканія. Оставь пустыя отговорки и приступай скорѣе къ дѣлу, если не желаешь, чтобы тебя и твоихъ сыновей постигла вся строгость законовъ. Тебѣ извѣстно, что такимъ, какъ ты, нечего ждать пощады!

Исаакъ Іэмъ еще разъ съ отчаяніемъ взглянулъ на своихъ враговъ. Онъ напрасно напрягалъ свой умъ, чтобы найти исходъ. Какая польза была въ томъ, что онъ всю жизнь посвятилъ наукѣ и заслужилъ уваженіе своихъ единовѣрцевъ? Сознаніе полной безо-

мощности подавляло его; теперь ничто не могло вывести его изъ этого ужаснаго положенія. Наконецъ, у него явилась внезапная рѣшимость мужественно-выдержать испытаніе, ниспосланное ему судьбой. Онъ подошелъ къ дѣтямъ и, прижавъ къ своему сердцу, покрылъ ихъ головы горячими поцѣлуями.

— Не бойтесь, шепнулъ онъ имъ, Іегова не оставитъ сыновъ Израиля! Они привели васъ сюда въ надеждѣ, что моя дрожащая рука не выполнитъ труднаго дѣла...

Затѣмъ, онъ обратился къ кардиналамъ и сказалъ рѣшительнымъ, почти торжественнымъ тономъ:

— Я къ вашимъ услугамъ, можно приступить къ операціи.

Слуга отворилъ дверь. Іамъ, взявъ за руки обоихъ мальчиковъ, спокойно вошелъ въ комнату больнаго папы, хотя мертвенная блѣдность покрывала его лицо. Здѣсь онъ засталъ другихъ врачей; кардиналы остались въ сосѣдней комнатѣ и съ нетерпѣніемъ ожидали результата операціи.

Іамъ приступилъ къ ней съ увѣренностью человѣка убѣжденнаго въ своемъ искусствѣ и благополучно довелъ ее до конца; христіанскіе врачи должны были невольно признать надъ собою превосходство ученаго еврея. Изъ боязни, что слишкомъ большая потеря крови можетъ вредно отразиться на здоровьѣ его сыновей онъ пустилъ кровь обоимъ, но въ небольшомъ количествѣ. Послѣ этого, необходимо было сдѣлать немедленно перевязки, потому что при малѣйшемъ доступѣ воздуха въ артеріи жизнь мальчиковъ подвергалась неминуемой опасности. Но въ тѣ времена никто и даже самъ Іамъ не зналъ этого, потому что операція была совершенно новая, и во всѣхъ отношеніяхъ не доставало опыта.

Пациентъ находился въ наилучшемъ состояніи. Сыновья Исаака въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ также казались совсѣмъ бодрыми, но вскорѣ появились дурные симптомы въ видѣ сильныхъ судорогъ. Обоихъ дѣтей унесли въ сосѣдную комнату, куда послѣдовалъ за ними Исаакъ, чтобы употребить всѣ извѣстныя ему средства для ихъ спасенія.

Такимъ образомъ, когда старый папа, подъ наблюденіемъ остальныхъ врачей, заснулъ благодетельнымъ сномъ, состояніе еврейскихъ мальчиковъ настолько ухудшилось, что не прошло и часу, какъ передъ несчастнымъ отцомъ лежали два трупа.

Ударъ былъ слишкомъ силенъ и неожиданный для Іама: онъ не въ состояніи былъ выдержать его. Вслѣдъ за первыми дикими порывами отчаянія, полное умопомѣшательство овладѣло его потрясеннымъ мозгомъ. Что случилось съ его единственными любимыми дѣтьми, которыхъ онъ за часъ передъ тѣмъ видѣлъ такими веселыми и прѣтущими! Какъ покажется онъ на глаза ихъ матери? Онъ былъ увѣренъ, что смерть дѣтей убьетъ ее и что передъ нимъ будетъ лежать и ея трупъ. Мысли путались въ его головѣ; ему казалось, что

онъ долженъ бѣжать куда-то, бѣжать безъ оглядки. Блуждающіе глаза его снова и снова останавливались на блѣдныхъ чертахъ убитыхъ имъ дѣтей. Смерть была бы для него величайшимъ благодѣяніемъ, но подѣ влияніемъ умственнаго расстройства онъ былъ убѣжденъ, что смерть бѣжить отъ него, что, мало-по-малу, всё умрутъ, а онъ одинъ долженъ вѣчно жить, чтобы странствовать до конца міра.

Въ этомъ состояніи духа Ізмъ вышелъ изъ Ватикана. Но когда онъ очутился на площади св. Петра, среди шумной толпы, взволнованной противорѣчивыми слухами, и многіе приступили къ нему съ вопросами о здоровьи папы, то ему показалось, что за нимъ гонятся злые демоны. Теперь ни что не принудило бы его вернуться въ свой домъ. Онъ спрятался за ближайшими воротами и стоялъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока темныя фигуры вынесли изъ папскаго дворца закрытыя носилки. Нѣкоторое время онъ слѣдовалъ за ними съ замираніемъ сердца, но когда увидѣлъ, что ихъ несутъ по мосту въ Гэтто, то имъ снова овладѣлъ припадокъ безумія. Онъ бросился вонъ изъ города, и бѣжалъ все дальше и дальше, увлекаемый какою-то невѣдомой силой.

ГЛАВА VI.

Итальянскіе Ланны.

АЛЕКО въ горахъ, на склонѣ Апенциновъ и на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ Флоренціи, находился замокъ, который имѣлъ видъ крѣпости и, подобно большинству жилищъ этого рода, былъ настолько обширенъ, что въ немъ могло помѣститься небольшое войско. Всѣ подобныя укрѣпленныя жилища принадлежали тогда высшему дворянству или знатнымъ фамиліямъ мѣстныхъ патриціевъ. Сюда нерѣдко являлись владѣльцы съ своими партизанами, чтобы избѣжать грозящей имъ опасности, такъ какъ среди постоянныхъ междоусобій никто не могъ тогда считать себя гарантированнымъ отъ всевозможныхъ случайностей. Противникъ зачастую ожидалъ только удобнаго момента, чтобы овладѣть женой и дѣтьми своего врага и принудить послѣдняго къ большому выкупу или выполненію тяжелыхъ условій, а иногда съ единственною цѣлью удовлетворить личную месть какой нибудь жестокостью.

Уже много лѣтъ никто не жилъ въ замкѣ Буэнфидардо, кромѣ кастеляна, который поддерживалъ въ немъ нѣкоторый порядокъ. Наконецъ, Гуильельмо Пацци, получивъ замокъ по наследству, рѣшился переѣхать сюда съ своей семьей и велѣлъ сдѣлать необходимыя поправки. Съ стѣсненнымъ сердцемъ и крайне неохотно оставилъ онъ свою прекрасную виллу близъ Флоренціи, тѣмъ болѣе, что разстался съ нею на неопредѣленное время. Восходящая звѣзда Лоренцо Медичи въ это время поднялась уже на такую высоту, что близкимъ людямъ не безопасно было оставаться около нея. Послѣ брака старшей дочери Лоренцо съ принцемъ Чибо, произошелъ окончательный разрывъ между домами: Медичи и

Пацци. Магдалена не только созналась матери въ своей любви къ Пьетро Пацци, но прямо объявила своему молодому супругу, что вышла за него по волѣ родителей, хотя ея сердце принадлежало другому. Эта неосторожность повела къ открытому разрыву между двумя родственными фамиліями, такъ что Біанка Пацци, ради безопасности своихъ дѣтей, рѣшилась на время покинуть Флоренцію, пока ихъ будущность не устроится такимъ образомъ, что присутствіе Пьетро въ родномъ городѣ не будетъ помѣхой для супружескаго счастья Магдалены.

Переѣздъ въ замокъ Буэнфидардо не внесъ никакихъ особенныхъ переменъ въ жизнь Гуэльельмо Пацци и его семьи; только уединеніе еще больше сблизило всѣхъ ихъ. Въ противоположность большинству сосѣднихъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ въ виду одну ближайшую выгоду, Гуэльельмо прежде всего задался цѣлью ввести различныя улучшенія въ своихъ владѣніяхъ и по возможности облегчить участь подвластныхъ ему вассаловъ. Эти стремленія не остались безплодными; его примѣръ благотворно подѣйствовалъ на мѣстныхъ крестьянъ, которые мало по малу убѣдились въ доброжелательствѣ и опытности своего господина. Онъ занимался осушкой болотъ, устраивалъ водопроводы, усовершенствовалъ скотоводство и земледѣліе, заботился о сохраненіи лѣсовъ и расадежѣ деревьевъ, такъ что тѣ же земли скоро стали приносить несравненно больше дохода, нежели въ прежнія времена. Но не только самъ владѣлецъ замка, но и жена его была добрымъ гениемъ для жителей сосѣднихъ деревень. Она устроила школу для дѣтей, ухаживала за больными, прискивала работу для пожилыхъ женщинъ, и, избѣгая всякой помощи, которая имѣла видъ милостыни, главнымъ образомъ старалась дать возможность людямъ существовать на свои собственные средства. Сначала это была нелегкая задача. Простой народъ, погруженный въ невѣжество и вѣковые предрассудки, относился къ ней съ тупымъ равнодушіемъ, а подчасъ и съ явнымъ недоброжелательствомъ. Но Біанка не смущалась этимъ и неуклонно шла къ цѣли; наконецъ мало по малу она достигла того, что мѣстное населеніе стало совершенно иначе относиться къ ней: прежняя подозрительность исчезла и уступила мѣсто полному довѣрію.

Замокъ Буэнфидардо находился въ сторонѣ отъ большой дороги, и поэтому сюда рѣдко заходилъ странникъ или проѣзжалъ кто-либо изъ путешественниковъ. Только художники время отъ времени посѣщали эту живописную мѣстность, чтобы почерпнуть новые сюжеты изъ природы и народной жизни. Такъ случилось и теперь. Одинъ молодой неизвѣстный художникъ, по примѣру своихъ товарищей, отправился бродить по горамъ съ небольшимъ количествомъ денегъ и необходимыми принадлежностями для эскизовъ. До сихъ поръ собранный имъ матеріалъ былъ довольно скуд-

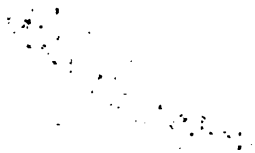
ный, потому что ландшафтная живопись не увлекала его; онъ занимался ею насколько это было необходимо для его главной задачи. Онъ искалъ сюжетовъ изъ народной жизни для изображенія типовъ и частью отдѣльныхъ сценъ. Хотя ему удалось набросить нѣсколько характерныхъ головъ и изящныхъ фигуръ, но онъ не встрѣтилъ ни одного сколько нибудь выдающагося явленія, которое бы подѣйствовало на его фантазію.

Однажды вечеромъ онъ очутился въ недалекомъ разстояніи отъ замка Буэнфидардо и подошелъ ближе, чтобы полюбоваться его красивымъ мѣстоположеніемъ. Но тутъ онъ неожиданно увидѣлъ группу, которая всецѣло поглотила его вниманіе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него у воротъ небольшой деревушки сидѣла молодая дѣвушка съ ребенкомъ на рукахъ; у колѣнъ ея стоялъ другой четырехлѣтній мальчикъ и пристально смотрѣлъ ей въ лицо. Хотя съ перваго взгляда трудно было опредѣлить общественное положеніе молодой дѣвушки, но по манерамъ и покрою платья можно было сразу догадаться, что это не крестьянка. На ней было простое голубое платье, изъ подъ котораго виднѣлась юбка изъ болѣе свѣтлой матеріи. Гладкій лифъ съ четырехъ-угольнымъ вырѣзомъ вокругъ шеи, обшитымъ кружевами, красиво обрисовывалъ высокую грудь и стройную талью дѣвушки; голова ея была защищена отъ солнца вышитымъ вуалемъ. Темнокаштановые волосы, съ прямымъ проборомъ, окаймляли хорошенькое свѣжее личико, съ кроткимъ очаровательнымъ выраженіемъ. Молодая дѣвушка наклонила голову къ ребенку, котораго держала на рукахъ; ея большіе каріе глаза глядѣли съ трогательнымъ участіемъ на маленькое полуобнаженное существо; она видимо старалась занять его и что-то говорила ему вполголоса. Мальчикъ стоявшій у ея колѣнъ былъ также въ одной рубашкѣ; онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на незнакомца, который остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ.

— Кто это? невольно промелькнуло въ головѣ художника, который не могъ оторвать глазъ отъ этой идиллической сцены. Она слишкомъ молода, чтобы быть матерью этихъ дѣтей... Но почему она такъ заботливо нянчится съ ними?..

Загадка эта должна была разрѣшиться, такъ какъ молодая дѣвушка, быть можетъ подъ вліяніемъ магнетической силы его пристальнаго взгляда, неожиданно подняла глаза. Увидя незнакомца, она слегка покраснѣла; но не перемѣнила позы; только лицо ея приняло серьезное сосредоточенное выраженіе. Она еще разъ вприсильно посмотрѣла на него.

Онъ почувствовалъ всю неловкость своего положенія и хотѣлъ извиниться передъ молодой дѣвушкой; но ему помѣшало появленіе дамы среднихъ лѣтъ. Она вышла изъ ближайшей хижины и прямо направилась къ дѣвушкѣ сидѣвшей съ дѣтьми. Опытный глазъ живописца тотчасъ же замѣтилъ, что это мать и дочь; у обѣихъ

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

3805089
L6E MAY 13 H
CANCELLED

L6E MAY 13 H

